

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки

в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

научно-правовой журнал

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

**Заместитель главного редактора
по научному развитию:**
Руслан Гандалоев

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Юлия Дребезгова

Дизайн:
Александр Черкасов

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»;

5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»;

5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Николаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Боков – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: М.С. Шайхуллин, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: Р.Б. Гандалоев, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: В.Б. Рыжов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования эконо-

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, про-

фессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
мической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.М. Дикажев – доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжельского государственного университета

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Тренина Е.Г.** * К вопросу о нормативно-правовом закреплении принципа единства народов России: региональный аспект. 15
- Самсонов И.А.** * Воздействие санкций на конституционно-правовое обеспечение единого экономического пространства Российской Федерации. 21
- Вашанова О.В., Трачук О.В.** * Деятельность социальных координаторов по оказанию помощи ветеранам Специальной Военной Операции: правовой и практический аспект. 25
- Ершов А.А.** * Стандарт добросовестного поведения предпринимателя и распределение санкционных рисков в договорных отношениях. 32
- Оздеаджиева Д.М.** * Эволюция форм согласования интересов государства и бизнеса: историко-правовой анализ. 36
- Опарин Д.Е.** * Актуальные вопросы защиты нефтяных резервуаров от угроз и применения беспилотных летательных аппаратов. 42

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Кириллова Т.К.** * Цифровая идентичность и правовой статус электронного профиля гражданина. 48
- Ткаченко А.В.** * Правовое государство и гражданское общество: вопросы соотношения и взаимодействия. 52
- Чирейкин Н.М.** * Трёхуровневая модель гарантий прав и свобод гражданина в Российской Федерации в аспекте защиты права на жилище. 57
- Соловьёв А.С.** * Конституционно-правовые проблемы реализации принципа свободы слова в условиях информатизации. 62
- Кириллова Т.К.** * Право на образование в условиях реформирования системы высшего образования. 70
- Ковалев О.Г.** * Право несовершеннолетних осужденных, отбывающих лишение свободы, на выход за пределы воспитательной колонии: организационно-правовой и психолого-педагогический анализ. 75

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

- Булаков О.Н.** * Историческое развитие российского конституционализма: от правовых истоков к современной конституционной модели. 81
- Грудцына Л.Ю.** * Ранние формы российского конституционализма: протоконституционные акты. Часть 3. Проекты конституционных актов декабристов. 89
- Грошков О.И.** * Перспективы развития российского конституционализма в условиях современных политико-правовых трансформаций. 98

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Афанасьева С.А.** * Вопросы правового регулирования внедрения цифрового рубля в Российской Федерации. 102
- Барикаева А.Ф.** * Правовые способы обеспечения эффективности системы местных налогов и сборов в Российской Федерации. 107
- Гуринович А.Г., Жарко В.Р.** * Двойственность правовой природы Банка России как системообразующий признак. 113

CONTENT:

POLICY AND LAW

- Tronina E.G.** * On the issue of the normative and legal consolidation of the principle of unity of the peoples of Russia: the regional aspect. 15
- Samsonov I.A.** * The impact of sanctions on the constitutional and legal framework for the single economic space of the Russian Federation. 21
- Vashanova O.V., Trachuk O.V.** * Activities of social coordinators in providing assistance to veterans of Special Military Operations: legal and practical aspect. 25
- Ershov A.A.** * The standard of good faith of the entrepreneur and the allocation of sanctions risks in contractual relations. 32
- Ozdeadzhieva D.M.** * Evolution of forms of coordination of interests of the state and business: historical and legal analysis. 36
- Oparin D.E.** * Current issues of protecting oil reservoirs from threats and using unmanned aerial vehicles. 42

HUMAN RIGHTS

- Kirillova T.K.** * Digital identity and the legal status of the citizen's electronic profile. 48
- Tkachenko A.V.** * The rule of law and civil society: issues of correlation and interaction. 52
- Chireikin N.M.** * Three-level model of guarantees of civil rights and freedoms in the Russian Federation in the aspect of protection of the right to housing. 57
- Solovyov A.S.** * Constitutional and legal problems of implementing the principle of freedom of speech in the context of informatization. 62
- Kirillova T.K.** * The right to education in the context of the reform of the higher education system. 70
- Kovalev O.G.** * The right of juvenile convicts serving imprisonment to leave the educational colony: organizational, legal, psychological and pedagogical analysis. 75

CONSTITUTION THEORY

- Bulakov O.N.** * The historical development of russian constitutionalism: from legal origins to a modern constitutional model. 81
- Grudtsyna L.Yu.** * Early forms of russian constitutionalism: proto-constitutional acts. Part 3. Draft constitutional acts of the decembrists. 89
- Groshkov O.I.** * Prospects for the development of russian constitutionalism in the context of modern political and legal transformations. 98

PUBLIC LAW

- Afanasyeva S.A.** * Legal regulation of the implementation of the digital ruble in the Russian Federation. 102
- Barikaeva A.F.** * Legal means of ensuring the effectiveness of the system of local taxes and fees in the Russian Federation. 107
- Gurinovich A.G., Zharko V.R.** * The duality of the legal nature of the Bank of Russia as a system-forming feature. 113

Дубовихин Д.Б. * Четырехкомпонентная модель организационного механизма взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка. 127

Чеботарева А.А., Никулина В.А. * Дистанционные методики контроля и цифровизация осуществления контрольно-надзорных мероприятий на железнодорожном транспорте. 131

Мусатов В.В. * Цифровые права как самостоятельный цифровой сегмент финансового рынка. 137

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Сангулия А.Д. * Теоретико-правовые концепции начала XX века и их влияние на методологию юридической науки и практику. 142

Костикова Е.Г., Шайхутдинова З.З. * Контрольно-надзорная деятельность в отношении органов местного самоуправления: новеллы правового регулирования. . 151

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Казберов П.Н. * Некоторые вопросы воспитательной и социальной работы в рамках института пробации зарубежных стран. 157

Лошкарёв И.О. * Конституционно-правовое содержание института неприкосновенности президента Объединенных Арабских Эмиратов. 162

Терентьев Р.В. * Формирование единых принципов регламентации ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела в государствах-членах ЕАЭС. 169

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Гусева Г.В. * Эволюция понятия «вина» от Артикула воинского 1715 года до Уложения о наказаниях 1845 года 175

Габдрахманов Р.А. * Псковская и Новгородская судные грамоты как первые письменные свидетельства о медиации. 180

Гусаим И.В., Эриашвили Н.Д. * Идея права и право в идеях. К вопросу о важности философско-правовых идей Владимира Ивановича Червонюка для современной теории конституционного права. 185

Казберов П.Н. * Аспекты психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах. 194

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Севостьянов А.Г. * Квалифицированная юридическая помощь. 198

Петров М.С. * Формирование концепции социального государства в историко-теоретической перспективе. . 202

Яковлев А.А. * Алгоритмическая медиация правоприменения как фактор трансформации профессионального правосознания. 208

Радаиде Д.С., Рышкова Е.В. * Правовая природа «донатов» и спонсорства на стриминговых платформах: договор дарения или возмездная услуга. 219

Шелкович М.Т. * Особенности процедуры доказывания по делам об обращении имущества в доход государства 224

Жамков М.В. * Правовой аспект предоставления возмещения за изымаемую в целях комплексного развития территорий недвижимость. 231

Dubovikhin D.B. * The four-component model of the organizational mechanism of interaction between the territorial bodies of the MIA of Russia at the district level and local self-government bodies on public order protection. 127

Chebotareva A., Nikulina V. * Remote control methods and digitalization of control and supervisory measures in railway transport. 131

Musatov V.V. * Digital rights as an independent digital segment of the financial market. 137

CONTROL THEORY

Sanguliya A.D. * Theoretical and legal concepts of the early 20th century and their impact on the methodology of legal science and practice. 142

Kostikova E.G., Shaikhutdinova Z.Z. * Control and supervisory activities in relation to local government bodies: innovations in legal regulation. 151

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES

Kazberov P.N. * Some issues of educational and social work within the framework of the probation institution in foreign countries. 157

Loshkarev I.O. * Constitutional and legal content of the institute of immunity of the president of The United Arab Emirates. 162

Terentev R.V. * Formation of uniform principles for regulating liability for administrative offenses in the field of customs in the EAEU member states. 169

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

Guseva G.V. * Evolution of the concept of "guilt" from the article of the military of 1715 to the code of punishments of 1845. 175

Gabdrakhmanov R.A. * The Pskov and Novgorod court gramos as the first written testimony of mediation. 180

Gusaim I.V., Eriashvili N.D. * The idea of law and law in ideas. On the importance of the philosophical and legal ideas of Vladimir Ivanovich Chervonyuk for the modern theory of constitutional law. 185

Kazberov P.N. * Aspects of psychological support for the functioning of the probation institution in post-soviet countries 194

INTERPRETATION OF LAW

Sevostyanov A.G. * Qualified legal assistance. 198

Petrov M.S. * Formation of the concept of the social state in a historical-theoretical perspective. 202

Yakovlev A.A. * Algorithmic mediation of legal decision-making as a factor in the transformation of professional legal consciousness. 208

Radaide D.S., Ryshkova E.V. * Legal nature of "donations" and sponsorship on streaming platforms: donation contract or paid service. 219

Shelkovich M.T. * Features of the procedure for proof in cases of conversion of property to the state revenue. . . 224

Zhamkov M.V. * The legal aspect of providing compensation for real estate seized for the purposes of integrated development of territories. 231

Казберов П.Н. * Пенсионеры силовых структур как особая социальная группа российского общества. 238

Сосновский Е.С. * Формы адвокатских образований: правовые особенности, преимущества и недостатки адвокатского кабинета, коллегии и бюро. 242

Прудникова А.Е. * Технически сложный товар как объект гражданско-правовой охраны прав потребителей. 250

ИННОВАЦИИ

Нурисламов А.С. * О взаимоотношениях религии, общества и его государственности. 257

Макаренко Е.Д., Узденова Р.Х., Денилханова Ж.В. * Эвфемизация и дисфемизация в акушерской терминологии 262

Тошматова А.Н. * Правовой режим использования смарт-контрактов в различных областях медицины. 265

Татаренко Л.А. * Регулирование нейротехнологий: баланс между инновациями и защитой гражданских прав 270

Макаренко Е.Д., Узденова Р.Х., Денилханова Ж.В. * Терминообразование в предметной области «акушерство и гинекология». 276

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Николаева Ю.В. * Налоговые преступления как угроза экономической безопасности РФ: уголовно-правовой аспект. 279

Орешникова К.С. * Самозанятые в России: промежуточные итоги налогового эксперимента и актуальные правовые вызовы. 285

Сергеев Н.М. * Публичные начала института банкротства через призму налогового законодательства. 290

Иванова Т.А. * Баланс фискальных интересов государства и прав налогоплательщика при применении искусственного интеллекта. 294

Горобец Е.А. * Исследование моделей взаимодействия государства, права и экономики. 301

Казаков Д.В. * Налоговый произвол или перерасчёт и взыскание пени за минувшие периоды. 306

Опарин Д.Е. * Вопросы оценки ущерба от пожаров в области экономической безопасности по основным агломерациям. 312

Вербицкий Б.А. * К вопросу об установлении дистинкции между основными теориями определения удостоверяемых товарораспорядительными ценными бумагами имущественных ценностей. 317

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Чешин А.В. * Исполнительский иммунитет: трансформация правового регулирования и правоприменения. 323

Хегай М.Э. * Принуждение и нравственность в механизме действия мягкого права. 329

Шундигов К.В. * Применение технологий искусственного интеллекта в механизмах российского правотворчества как фактор повышения их эффективности. 335

Оноприенко Н.Е. * Теоретико-методологические основы исследования правовой ментальности. 343

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Курдюкова Ю.С. * К вопросу о соотношении контроля и надзора в административном праве. 350

Фадеев А.Н. * Единая информационная система в сфере закупок как инструмент административно-правового регулирования. 356

Kazberov P.N. * Law enforcement retirees as a distinct social group in russian society. 238

Sosnovsky E.S. * Forms of attorney organizations: legal features, advantages and disadvantages of an attorney's office, bar collegium and law bureau. 242

Prudnikova A.E. * Technically complex product as an object of civil legal protection of consumer rights. 250

INNOVATION

Nurislamov A.S. * On the relationship between the religion, society and its statehood. 257

Makarenko E.D., Uzdenova R.H., Denilhanova J.V. * Euphemisis and diseuphemisis in obstetric terminology. 262

Toshmatova A.N. * The legal regime for the use of smart contracts in various fields of medicine. 265

Tatarenko L.A. * Regulation of neurotechnologies: the balance between innovation and civil rights protection. 270

Makarenko E.D., Uzdenova R.H., Denilhanova J.V. * Term formation in the subject area of "obstetrics and gynecology" 276

LAW AND ECONOMICS

Nikolaeva Yu.V. * Tax crimes as a threat to the economic security of the Russian Federation: a criminal law aspect 279

Oreshnikova K.S. * Self-employed in Russia: interim results of the tax experiment and current legal challenges. 285

Sergeev N.M. * Public principles of the institution of bankruptcy through the prism of tax legislation. 290

Ivanova T. * Balancing the state's fiscal interests and taxpayer rights when using artificial intelligence. 294

Gorobets E.A. * Studying models of interaction between state, law, and economy. 301

Kazakov D.V. * Tax abuse or recalculation and collection of penalties for past periods. 306

Oparin D.E. * Issues of assessing damage caused by fires in the field of economic security in main agglomerations. 312

Verbitskii B.A. * On the question of establishing a distinction between the main theories of determining property values certified by commodity securities of disposal. 317

LAW FORMATION AND LAW CREATION

Cheshin A.V. * Enforcement immunity: transformation of legal regulation and law enforcement practice. 323

Khegai M.E. * Coercion and morality in the mechanism of soft law. 329

Shundikov K.V. * The use of artificial intelligence technologies in the mechanisms of russian legislation as a factor in increasing their effectiveness. 335

Onoprienko N.E. * Theoretical and methodological foundations of legal mentality research. 343

ADMINISTRATIVE LAW

Kurdyukova Yu.S. * To the question of the correlation of control and supervision in administrative law. 350

Fadeev A.N. * A unified information system in the field of purchases as a tool for administrative and legal regulation 356

Гаврилов А.О. * Проблемы классификации форм и видов множественности административных правонарушений. 364

Орешникова К.С. * Проблемы эффективности административной ответственности за нарушения в области персональных данных и перспективы реформирования ст. 13.11 КоАП РФ. 370

Бровкин Д.В. * К вопросу об обеспечении мер личной и коллективной безопасности сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации при обращении с гражданами. 375

Кудрявцев В.А. * Критерии отграничения административно-правового статуса участников специальной военной операции от смежных специальных правовых статусов. 378

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Латтеган К.О. * Коммерциализация исключительных прав авторов произведений в эпоху технофеодализма. 384

Галушин Д.А. * Механизм использования сиротских произведений в российском праве: проблемы реализации статьи 1244.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации. 391

Барышев С.А. * Коммерческое обозначение в системе средств индивидуализации. 397

Роде М.В. * Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом. 401

Галушин Д.А. * Правовая неопределенность при установлении момента перехода произведения в общественное достояние. 408

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Башилов Б.И., Абросимов С.А. * Процессуальная асимметрия механизма отмены обеспечительных мер: структурные пробелы института и нарушение принципов судопроизводства. 415

Павлюк Ю.Б. * О вакансиях судей, кадровой политике и нагрузке в российской судебной системе. 420

Гончаров С.В. * Правовые риски и доктринальные вызовы применения генеративного искусственного интеллекта в судопроизводстве и юридической практике. 425

Горелов М.В., Герштейн Г.И. * Арбитр третейского суда ad hoc как юридическая профессия. 428

Самойлова А.А. * К вопросу о сущности и значении специальной компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел. 431

Филимонова М.В. * Герменевтические коллизии законодательных предписаний как нарушение принципа единообразия их применения (на примере разрешения споров о применении правовых норм при отказе в возбуждении исполнительного производства). 437

Полуян Д.А. * Компетенция судов и специализация правосудия: проблемы разграничения общей и арбитражной юрисдикции. 442

Павлюк Ю.Б. * О некоторых аспектах правового регулирования использования государственных языков Российской Федерации в официальном делопроизводстве и судопроизводстве. 449

Терехин И.С. * Практика применения обеспечительных мер в российском арбитражном процессе. 455

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аббасов Р.М. * Основания и условия возникновения преддоговорной ответственности в российском гражданском праве. 463

Gavrilov A.O. * Classification problems of forms and types of multiplicity of administrative offenses. 364

Oreshnikova K.S. * Problems of effectiveness of administrative liability for violations in the field of personal data and prospects for reforming article 13.11 of the code of administrative offenses of the Russian Federation. 370

Brovkin D.V. * On the question of ensuring personal and collective security measures by Russian Federation internal affairs officers when dealing with citizens. 375

Kudryavtsev V.A. * Criteria for distinguishing the administrative and legal status of special military operation participants from related special legal statuses. 378

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Latteghan K.O. * Commercialization of the exclusive rights of authors of works in the era of technofeudalism. 384

Galushin D.A. * The legal mechanism for the use of orphan works in russian law: issues in the implementation of article 1244.2 of the Civil Code of the Russian Federation. 391

Baryshev S.A. * Commercial designation within the system of means of individualization. 397

Rode M.V. * Civil law regime of results generated by artificial intelligence. 401

Galushin D.A. * Legal uncertainty in determining the moment when a work is transferred to the public domain. 408

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Bashilov B.I., Abrosimov S.A. * Procedural asymmetry in the cancellation of interim measures: structural gaps and the violation of fundamental principles of judicial proceedings. 415

Pavlyuk Yu.B. * On judge vacancies, human resources policy, and load in the russian judicial system. 420

Goncharov S.V. * Legal risks and doctrinal challenges of generative artificial intelligence in judicial proceedings and legal practice. 425

Gorelov M.V., Gerstein G.I. * Ad hoc arbitrator as a legal profession. 428

Samoilova A.A. * On the question of the nature and significance of special competence of commercial courts in certain categories of cases. 431

Filimonova M.V. * Hermeneutic conflicts of legislative prescriptions as a violation of the principle of uniformity of their application (on the example of dispute resolution on the application of legal norms in case of refusal to initiate enforcement proceedings). 437

Poluyan D.A. * Competence of courts and specialization of justice: problems of distinguishing general and arbitration jurisdiction. 442

Pavlyuk Yu.B. * On certain aspects of the legal regulation of the use of state languages of the Russian Federation in official records management and legal proceedings. 449

Terekhin I.S. * The practice of applying interim measures in the russian arbitrazh procedure. 455

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Abbasov R.M. * Grounds and conditions for pre-contractual liability in Russian civil law. 463

Севостьянов А.Г. * Формы адвокатских образований	467
Харченко О.В. * Противодействие криминальному банкротству: современное состояние	472
Шагиев Б.В., Савинят В.В. * Понятие и правовая природа дистрибьюторского договора	477
Мирошник С.В. * Правовое регулирование беспилотных транспортных средств: проблемы юридической ответственности	484
Царапкин Д.П. * Как банкротство бизнес-активов влияет на имущественные права супругов: противоречия между семейным и конкурсным правом	491
Добровинская А.В. * Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности в цифровую эпоху	495
Ковалев О.Г. * Правовые и психологические основы выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы	500
Рыбченко В.К. * Товарищество собственников недвижимости как правовая форма коллективного управления имуществом в садоводческих некоммерческих товариществах	506
Вербицкая Ю.В. * Особенности правовой охраны биотехнологии как объекта частно-правового регулирования	514
Степанов М.А. * Денежное восстановление конкурсной массы при неравноценном отчуждении вещи должником: условия сохранения сделки	520
Сафаралиев Ф.М. * Системные проблемы развития институтов досудебного и внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов в российском праве	527
Корчагин А.Г., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Смарт-контракты: правовое регулирование, риски для бизнеса и защита прав предпринимателей	535
Бровкин Д.В. * Специфика правового и государственно-го механизма регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	543
Милованова Л.В. * Правовой анализ регулирования апартментов как особой разновидности жилых помещений	549
Казберов П.Н. * Анализ практики реализации андрагогического характера в воспитательной работе с пенитенциарными работниками	554
Сотников А.Е. * Критерии добросовестности контрагента при оспаривании сделок с предпочтением: объективный и субъективный подходы	558
Альбеева А.М. * Анализ нормативно-правовых актов регулирования трудоустройства ветеранов (участников) специальной военной операции: проблемы и их разрешение	565
Масляев А.В., Кондрашов В.В., Кондрашова И.В. * Федеральный строительный закон № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» не защищает населенные пункты России при землетрясениях	573
Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Овербукинг в сфере воздушных перевозок: проблематика законодательного регулирования	583
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
Коляда Д.М. * Принципы профессиональной подготовки будущих юристов с позиции формирования их информационно-правовой компетентности	588
Беззатеева В.С. * Доказательственная сила цифрового следа обучающегося в образовательном споре	594
Sevostyanov A.G. * Forms of lawyer entities	467
Kharchenko O.V. * Countering criminal bankruptcy: current state	472
Shagiev B.V., Savinyat V.V. * The concept and legal nature of a distribution agreement	477
Miroshnik S.V. * Legal regulation of unmanned vehicles: legal liability issues	484
Tsarapkin D.P. * Property rights of spouses in bankruptcy of business assets: collision of family and insolvency legislation	491
Dobrovinskaya A.V. * The concept and elements of civil liability in the digital age	495
Kovalev O.G. * Legal and psychological bases of visits of persons sentenced to imprisonment outside correctional institutions of the penal system	500
Rybchenko V.K. * Real estate owners association as a legal form of collective property management in gardening non-profit associations	506
Verbitskaya Yu.V. * Features of legal protection of biotechnology as an object of private law regulation	514
Stepanov M.A. * Monetary restoration of the insolvency estate after a debtor's transfer of a tangible asset at an undervalue: conditions for preserving the transaction	520
Safaraliev F.M. * Systemic problems of development of institutions of pre-trial and out-of-court settlement of corporate conflicts in russian law	527
Korchagin A.G., Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Smart contracts: legal regulation, business risks and protection of entrepreneurs' rights	535
Brovkin D.V. * The specifics of the legal and state mechanism regulating the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation	543
Milovanova L.V. * Legal analysis of apartment regulation as a special type of living space	549
Kazberov P.N. * Analysis of the practical implementation of andragogical principles in educational work with penitentiary workers	554
Sotnikov A.E. * Criteria for the counterparty's good faith in disputing preference transactions: objective and subjective approaches	558
Albeeva A.M. * Analysis of regulatory legal acts regulating the employment of veterans (participants) of a special military operation: problems and their solution	565
Maslyayev A.V., Kondrashov V.V., Kondrashova I.V. * Federal construction law no. 384-FZ «Technical regulations on the safety of buildings and structures» is not intended for the construction of settlements in Russia's seismically active areas	573
Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Overbooking in air transportation: problems of legislative regulation	583
MODERNIZATION OF EDUCATION	
Koliada D.M. * Principles of professional training of future lawyers from the perspective of formation of their information and legal competence	588
Bezzateeva V.S. * The evidential power of a student's digital footprint in an educational dispute	594

Зуева А.С. * ИИ-агенты в юридическом образовании: новые инструменты формирования профессиональных компетенций юристов. 597

Босык О.И. * Роль юридической клиники в формировании мировоззрения студентов юридических направлений. 603

Зорина Н.С. * Проблемы цифровой грамотности среди несовершеннолетних осужденных. 608

Пименова О.П., Лагода Н.В., Сайнакова А.В., Ермилова А.С., Коровина Л.В. * Преимущества и недостатки интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам. 611

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цымбалова Д.Ю. * К вопросу о педагогических формах и способах обучения молодых сотрудников полиции в процессе повышения квалификации. 616

Казберов П.Н. * Педагогические основы ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях. 620

Лукашенко Д.В. * План внеурочной деятельности в пенитенциарном учреждении. 624

Дмитриев Г.Г. * Личность юриста и формирование его профессионального мастерства. 629

Зорина Н.С. * Саморазвитие несовершеннолетних осужденных как детерминанта успешной ресоциализации. 633

Канунников Р.И. * Социокультурная адаптация иностранных обучающихся в вузах МВД России на современном этапе. 637

Казберов П.Н. * Содержательные аспекты педагогических исследований проблематики моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления. 641

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Зорина Н.С. * Трудовое воспитание несовершеннолетних осужденных как фактор их успешной ресоциализации. 645

Волкова Е.А. * Независимая оценка квалификации наставников: проблемы правового регулирования в трудовом праве Российской Федерации. 649

Викторов А.О. * Правовая культура сотрудников УИС при организации труда осужденных. 654

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Полякова Я.Н. * Агрессивная среда осужденных. 660

Соболев Н.Г. * Детерминанты рецидивной преступности у осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима: комплексный анализ проблемы. 665

Сосновский Е.С. * Уголовная ответственность за экономические преступления: тенденции смягчения и ужесточения наказаний. 668

Казберов П.Н. * Анализ содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной пробаации. 677

Ковалев О.Г. * Эволюция института наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. 682

Царькова Е.Г. * Правовые стандарты верификации ответов интеллектуальных диалоговых систем при использовании в деятельности юридических клиник образовательных организаций ФСИН России. 687

Zueva A.S. * AI agents in legal education: new tools for building professional competencies for lawyers. 597

Bosyk O.I. * The role of the law clinic in shaping the worldview of law students. 603

Zorina N.S. * Problems of digital literacy among juvenile convicts. 608

Pimenova O.P., Lagoda N.V., Saynakova A.V., Ermilova A.S., Korovina L.V. * Advantages and disadvantages of integrating artificial intelligence into foreign language teaching. 611

PEDAGOGICAL SCIENCES

Tsybalova D.Yu. * On the issue of pedagogical forms and methods of training young police officers in the process of professional development. 616

Kazberov P.N. * Pedagogical foundations for the resocialization of convicts serving sentences in penitentiary institutions. 620

Lukashenko D.V. * Plan of extracurricular activities in the penitentiary institution. 624

Dmitriev G.G. * The identity of a lawyer and the formation of his professional skills. 629

Zorina N.S. * Self-development of juvenile convicts as a determinant of successful re-socialization. 633

Kanunnikov R.I. * Socio-cultural adaptation of foreign students at Russian ministry of internal affairs universities at the present stage. 637

Kazberov P.N. * Substantive aspects of pedagogical research on the issue of moral readiness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes. 641

EMPLOYMENT LAW

Zorina N.S. * Labor education of juvenile convicts as a factor in their successful resocialization. 645

Volkova E.A. * Independent assessment of mentors' qualifications: problems of legal regulation in the labor law of the Russian Federation. 649

Viktorov A.O. * Professional legal culture of penal system employees in the context of digitalization of penal enforcement. 654

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Polyakova Ya.N. * Aggressive environment of convicts. 660

Sobolev N.G. * Determinants of recidivism among convicts serving sentences in penal institutions of strict regime: a comprehensive analysis of the problem. 665

Sosnovsky E.S. * Criminal liability for economic crimes: trends in mitigation and tightening of punishment. 668

Kazberov P.N. * Analysis of the federal legal source regulating educational and social work in the field of executive and penitentiary probation. 677

Kovalev O.G. * Evolution of the institution of punishments not related to the isolation of the convict from society. 682

Tsarkova E.G. * Legal standards for response verification of intelligent dialogue systems when used in the activities of legal clinics of educational institutions of the federal penitentiary service of Russia. 687

Кочкина О.В., Тябина Ю.А. * К вопросу становления и развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.	694
Кузнецова Н.И., Громова А.В. * К вопросу о современных способах профилактики подростковой преступности.	698
Соболев Н.Г. * Формирование криминальной идентичности у несовершеннолетних под влиянием первого пенитенциарного опыта: социально-психологический анализ.	704
Бажанов С.А. * Группа особо квалифицирующих признаков получения взятки.	707
Шикула И.Р., Назаров Д.С. * Общая характеристика и динамика женской преступности.	712
Вилкова А.В., Полякова Я.Н. * Совокупность элементов образовательной деятельности.	719
Беззатеева В.С. * Правовая профилактика цифровой виктимизации несовершеннолетних при использовании игровых модификаций.	723
Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Мошеннические преступления в отношении людей старшего поколения: проблемные аспекты расследования.	728
Викторов А.О. * Профессиональная правовая культура сотрудников УИС при применении физической силы и специальных средств.	733
Чигринцев В.С. * Разграничение реабилитации нацизма (статья 354.1 УК РФ) и смежных составов преступлений: конкуренция норм и квалификация по совокупности.	740
Губко А.А. * Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта.	745
Ковалев О.Г. * Особенности применения права осужденных к лишению свободы на передвижение в пределах исправительного учреждения.	751
Казберов П.Н. * Значимость практической воспитательной работы с пенитенциарными работниками в направлении их моральной подготовленности.	757
Шикула И.Р., Кузьмин К.Е. * Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием технологий блокчейн.	762
Ковалев О.Г. * Обеспечение прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.	766
Зорина Н.С. * Проблемы антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных.	772
Тищенко Ю.Ю. * Основные направления шефской работы в исправительных учреждениях.	776
Бажанов С.А. * К вопросу предоставления услуг переводчика для лиц, находящихся в местах принудительного содержания.	781
Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Одорологические исследования: проблематика использования в рамках уголовного процесса.	790
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Кириллова Т.К. * Нейросети и право на неприкосновенность частной жизни.	795
Вильданова М.М. * Биржевые торги и искусственный интеллект.	800

Kochkina O.V., Tyabina Yu.A. * On the issue of the formation and development of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation.	694
Kuznetsova N.I., Gromova A.V. * On the issue of modern methods of preventing juvenile crime.	698
Sobolev N.G. * Formation of criminal identity in juvenile offenders under the influence of first penitentiary experience: a socio-psychological analysis.	704
Bazhanov S.A. * Group of especially qualifying signs of receiving a bribe.	707
Shikula I.R., Nazarov D.S. * General characteristics and dynamics of female criminality.	712
Vilkova A.V., Polyakova Ya.N. * The educational system as a set of elements of educational activity in the penal system.	719
Bezzateeva V.S. * Processual validity of digital evidence in a risk-oriented model of consolidation and evaluation.	723
Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Fraud crimes against older people: problematic aspects of investigation.	728
Viktorov A.O. * Professional legal culture of the UIS employees when using physical force and special means.	733
Chigrinets V.S. * Distinction between the rehabilitation of nazism (article 354.1 of the criminal code of the Russian Federation) and related corpus delicti: competition of norms and qualifications in aggregate.	740
Gubko A.A. * Forensic support for the investigation of crimes committed using artificial intelligence technologies.	745
Kovalev O.G. * Peculiarities of the application of the right of persons sentenced to deprivation of liberty to move within the correctional institution.	751
Kazberov P.N. * The importance of practical educational work with penitentiary workers in developing their moral preparedness.	757
Shikula I.R., Kuzmin K.E. * Problems with the classification of crimes committed using blockchain technology.	762
Kovalev O.G. * Ensuring the rights of convicted pregnant women and women with children in correctional institutions of the penal system.	766
Zorina N.S. * Problems of the anti-social position of the personality of minority condemneds.	772
Tishchenko Yu.Yu. * Main directions of patronage work in correctional institutions.	776
Bazhanov S.A. * On the provision of interpreting and translation services to persons held in compulsory detention facilities.	781
Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Odorological research: problems of use within the framework of criminal proceedings.	790
DIGITAL LAW	
Kirillova T.K. * Neural networks and the right to privacy.	795
Vildanova M.M. * Stock exchange trading and artificial intelligence.	800

Штайнванд Г.В. * Признание сделок по выводу средств должника через криптовалюту недействительными: отечественный и зарубежный опыт.	806
Бровкин Д.В. * Современные вызовы и стратегии противодействия финансированию терроризма в сети Интернет в Российской Федерации.	816
Царькова Е.Г. * Этические и дисциплинарные границы применения искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.	820
Сосновский Е.С., Кириллова Т.К. * Конфиденциальность сбора данных и их использование виртуальными помощниками на примере Алисы и Салюта: юридические аспекты.	827
Фомичев Д.С. * К вопросу о противодействии распространению экстремисткой идеологии в сети интернет: методы и технологии в профилактике противодействия	834
Семцова С.И. * Модели взаимодействия пользователей и цифровых платформ: к вопросу об обеспечении непрерывности бизнес-процессов.	837
Карпов А.Н. * Деформация воли в цифровой среде: алгоритмическое манипулирование как порок воли.	843
Орешникова К.С. * Кибербуллинг как проблема современного общества: правовые и социальные аспекты противодействия.	849
Бровкин Д.В. * К вопросу об информационном обеспечении органов внутренних дел Российской Федерации: современные информационные ресурсы.	854
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА	
Кашкина Е.В. * Научные направления феномена духовности.	859
Фиалковская Е.В. * Социально-психологический подход как теоретическая основа изучения толерантности. .	863
Бай Ч. * Вероятностная картина мира в китайских паремиях на основе образа рыбы.	868
ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ	
Макуров М.П. * Исторический обзор развития правового режима земель промышленности в российском праве	874

Schteinwand G. * Contesting transactions involving the withdrawal of a debtor's assets through cryptocurrency: domestic and foreign experience.	806
Brovkin D.V. * Modern challenges and strategies for countering the financing of terrorism on the Internet in the Russian Federation.	816
Tsarkova E.G. * Ethical and disciplinary boundaries of the application of artificial intelligence in the activities of the penal system of the Russian Federation.	820
Sosnovsky E.S., Kirillova T.K. * Data collection privacy and its use by virtual assistants on the example of Alice and Salut: legal aspects.	827
Fomichev D.S. * On the issue of countering the spread of extremist ideology on the internet: methods and technologies in the prevention of counteraction.	834
Semtsiva S.I. * User and digital platform interaction models: ensuring business continuity.	837
Karpov A.N. * Deformation of will in the digital environment: algorithmic manipulation as a defect of will.	843
Oreshnikova K.S. * Cyberbullying as a problem of modern society: legal and social aspects of counteraction.	849
Brovkin D.V. * On the issue of information support for the internal affairs bodies of the Russian Federation: modern information resources.	854
HISTORY AND CULTURE	
Kashkina E.V. * Scientific directions of the phenomenon of spirituality.	859
Fialkovskaya E.V. * Socio-psychological approach as a theoretical basis for studying tolerance.	863
Bai Zh. * A probabilistic picture of the world in chinese paroemias based on the image of fish.	868
LEGAL ARCHIVE	
Makurov M.P. * Historical overview of the development of the legal regime of industrial lands in russian law.	874

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-15-20

Дата принятия рукописи в печать: 08.08.2026 г.

ТРОНИНА Елизавета Геннадьевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры
правовых и общественно-политических дисциплин,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
e-mail: elisaveta.t.2007@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье обосновывается мысль о том, что эффективная реализация принципа единства народов России требует совместных усилий федеральных и региональных органов государственной власти, в том числе в сфере нормативно-правового обеспечения национальной политики. Подчеркивается значение юридических актов субъектов Российской Федерации, настроенных на максимальный учет их уникальных характеристик, детализацию требований федеральных нормативно-правовых актов сквозь призму проблем, потребностей и возможностей каждого региона. Уделяется внимание примерам нормативно-правовых актов субъектов РФ, направленных на обеспечение, защиту и поддержку единства народов России в соответствии с приоритетными направлениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Делается вывод о том, что качественная практическая реализация принципа единства народов России, являющегося неотъемлемым элементом исторически сложившейся системы традиционных ценностей и важнейшим фактором национальной безопасности, требует конструктивных совместных усилий всех институтов публичной власти и гражданского общества.

Ключевые слова: единство народов России, национальная политика, Конституция РФ, этнокультурное и языковое многообразие, нормативно-правовое регулирование, традиционные ценности, субъекты РФ.

TRONINA Elizaveta Gennadievna,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the
Department of Legal and Socio-Political Disciplines, Tula State
Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

ON THE ISSUE OF THE NORMATIVE AND LEGAL CONSOLIDATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA: THE REGIONAL ASPECT

Annotation. *This article substantiates the idea that the effective implementation of the principle of unity of the peoples of Russia requires joint efforts of federal and regional government authorities, including in the field of regulatory support for national policy. The importance of the legal acts of the subjects of the Russian Federation is emphasized, which are configured to take into account their unique characteristics as much as possible, and to detail the requirements of federal regulatory legal acts through the prism of the problems, needs and opportunities of each region. Attention is paid to examples of regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation aimed at ensuring, protecting and supporting the unity of the peoples of Russia in accordance with the priorities of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036. It is concluded that the qualitative practical implementation of the principle of unity of the peoples of Russia, which is an integral element of the historically established system of traditional values and an essential factor of national security, requires constructive joint efforts of all institutions of public authority and civil society.*

Key words: *unity of the peoples of Russia, national policy, Constitution of the Russian Federation, ethnocultural and linguistic diversity, legal regulation, traditional values, subjects of the Russian Federation.*

Введение

Общность исторической судьбы многочисленных народов России, складывавшейся на длительном совместном жизненном пути в политико-правовом и социокультурном пространстве огромного государства, ставшего Родиной для миллионов людей разных национальностей и конфессий, выступила важнейшим фактором формирования и укрепления единства народов нашей страны как одной из фундаментальных основ отечественной государственности. Трудно переоценить актуальное значение эффективного нормативно-правового закрепления, а также практической реализации данного принципа в государственно-общественной деятельности, поскольку речь идет не только о базовой духовно - ценностной основе общества, определившей яркую самобытность и безмерное богатство российской культуры, но и о ключевом векторе современной государственной национальной политики, направленной на сохранение и поддержку этнокультурного многообразия, единства народов нашей страны как основы национальной безопасности и развития России в условиях геополитических трансформаций. Проведение в 2026 г. Года единства народов России является одним из действенных подтверждений необходимости «укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации» [1].

Материалы и методы

Методологической основой работы стал комплексный подход, способствующий формированию оптимальной стратегии исследования путем синтеза различных методик и результатов, полученных в ходе их применения. В ходе обращения к нормативно-правовым актам различной юридической силы, а также к материалам правоприменительной практики и научным источникам применялись как общенаучные, так и специальные методы

познания. В том числе речь идет об историко-правовом методе, открывающем возможности изучения различных аспектов единства народов России в контексте эволюции содержания, способов выражения и защиты данной государственно-правовой идеи. Следует подчеркнуть целесообразность формально-юридического и сравнительно-правового анализа в процессе исследования нормативно-правовой базы, направленной на укрепление федеративных отношений через реализацию конкретных направлений политики единства народов с учетом специфики субъектов Российской Федерации.

Универсальный характер имеют общеполитические методы исследования, в том числе аксиологический анализ содержания концепции единства народов как одного из ключевых звеньев ценностного каркаса российского общества и государства.

Результаты и обсуждения

Формированию уникального этнокультурного богатства и многообразия России, на территории которой сегодня проживает около двухсот народов, в значительной мере способствует политика государства, направленная в различные исторические периоды на национальную интеграцию и формирование общероссийской гражданской идентичности. Сегодня этот ключевой вектор четко обозначен в документах стратегического значения, подчеркивающих глубинный смысл задачи «укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)» как цели государственной национальной политики в неразрывной связи с воспитанием и поддержкой гражданского самосознания, традиций солидарности, взаимопомощи, межнационального мира и созидательного взаимодействия [2].

В основу гражданского единства и, соответственно, единства народов России как его опоры,

заложена идея баланса общегосударственных задач и потребностей личности, солидаризации всей нации при решении насущных проблем и достижении совместных целей развития в сложных условиях внутренних и внешних вызовов. Также речь идет о сохранении и поддержке единого культурного пространства, суверенной российской государственности, обеспечении основополагающего и универсального характера и действия конституционных основ правового статуса личности и, одновременно, признании и защите этнокультурного своеобразия всех народов и этнических общностей России.

Такой подход носит созидательный характер и способствует оптимизации интеграционных процессов в обществе и государстве, национальной консолидации, укреплению ее духовно-нравственных и идейно-политических оснований, в том числе единства народов России как традиционной ценности [3]. Восприятие и защита этого данного принципа осуществляются именно в контексте мирного, дружного взаимодействия и глубокой исторической связи народов, самобытной культуры, впитавшей лучшие достижения народных культур, «гармонию, симфонию, единство многого и различного» [4]. По мнению авторов, исторический характер и большой созидательный потенциал принадлежит идее и политической практике евразийства, единства и многообразия культур, способной стать прочной мировоззренческой основой развития не только в России, но многих других странах [5].

Массив норм Конституции РФ закладывает фундаментальные юридические и организационные параметры реализации политики единства народа России. В преамбуле Основного закона РФ подчеркивается его многонациональный характер, а также общность и историческая обусловленность ценностно-мировоззренческих ориентиров национального развития, одним из которых признается принцип равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации (ст.5), относящийся к основам конституционного строя России. Данные положения конкретизированы в нормах, внесенных в содержание Основного Закона РФ в ходе конституционной реформы 2020 г. (ст.ст. 67.1, 68, 69, 71, 72 и др.).

Регламентируя федеративные отношения как стержневой элемент современной российской государственности, положения Конституции РФ относят вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека, а также прав национальных меньшинств к ведению Российской Федерации. В то же время к совместному ведению федеральных органов государственной власти и субъектов РФ относится непосредственно защита прав и свобод

человека и гражданина, прав национальных меньшинств, охрана памятников истории и культуры, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей [6].

Безусловно, качественное региональное нормотворчество и организационно-управленческая практика выступают важнейшим условием полноценного претворения в жизнь конституционных норм, успешной адаптации требований федеральных нормативно-правовых актов к социально-экономическим, национально-культурным и другим особенностям конкретных субъектов РФ. С учетом данных факторов современное российское законодательство конкретизирует полномочия региональных органов государственной власти в вопросах совместного ведения с Российской Федерацией и относит к ним, в частности, систему мер, направленных на реализацию гарантий недопущения какой-либо дискриминации личности, осуществление ключевых направлений языковой политики государства, а также деятельность, способствующую «укреплению гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранению этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации» [7].

Региональное нормотворчество выступает в качестве одного из первоочередных шагов на пути решения данных задач и закрепляет, в частности, принцип единства народов России как один из приоритетов национальной политики в субъектах РФ через систему норм, направленных на обеспечение гражданского мира, согласия, взаимного доверия и уважения между народами, формирование культуры межнациональных отношений с учетом многовекового опыта и традиций российской государственности. В научном дискурсе отмечается разнообразие региональных подходов к «правовой формализации понятия» «единство народов России», представленных в нормативных правовых актах субъектов РФ, часть из которых связывает действие данного принципа с территорией конкретного субъекта РФ, а другая группа - закрепляет необходимость его осуществления через совместные усилия всех регионов, подчеркивает всеобщий и комплексный характер данной цели в масштабах всего государства [8].

Следует отметить, что в региональных стратегических документах, регулирующих вопросы национальной политики, проявляется стремление к обеспечению приоритетного действия федеральных, прежде всего, конституционно-правовых, норм при одновременном учете особенностей и потребностей субъектов РФ в процес-

се национально-государственного строительства. Такой сбалансированный подход призван обеспечить своевременное и эффективное решение задач в рассматриваемой сфере, что, несомненно, способствует более качественной реализации требований федерального законодательства.

Данный вектор обозначен в нормативно-правовых актах субъектов РФ, детализирующих и уточняющих содержание имеющих более высокую юридическую силу федеральных актов. В региональных документах стратегического планирования в сфере национальной безопасности ярко представлена идея единства многонационального народа России. Так, целью государственной национальной политики в Республике Татарстан выступает «сохранение единства ее многонационального населения, укрепление общероссийской гражданской идентичности, ... при сохранении этнокультурного и языкового многообразия...» [9].

Схожий смысл отражает одна из главных задач национальной политики в Республике Саха (Якутия), заключающаяся в «сохранении традиционных ценностей всех проживающих на территории республики народов, укреплении межнациональной стабильности, толерантности, гражданского мира и согласия». При этом характеризуется механизм, с помощью которого должны поддерживаться сложившиеся в республике давние традиции гармоничного и конструктивного взаимодействия множества народов, мира и стабильности, в том числе «пропаганда единства российской нации, сохранения самобытности народов России, гармонизации межэтнических, межконфессиональных отношений» [10].

В большинстве региональных нормативно-правовых актов подчеркивается универсальный характер и высокая значимость действия на всей территории России принципа единства ее многонационального народа с целью, как указано в стратегическом документе Тюменской области, «обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности» [11]. Нормативно-правовое закрепление рассматриваемого принципа осуществляется посредством системного действия юридических актов различной юридической силы, в том числе указов глав субъектов РФ, постановлений и распоряжений региональных правительств, а также актов органов местного самоуправления.

В соответствии с федеральными нормами разработаны и внедряются региональные и муниципальные планы мероприятий по реализации государственной стратегии в сфере национальной политики. Так, в частности, работа над всеми пунктами соответствующего Плана мероприятий

в Ростовской области должна содействовать практическому обеспечению идеи единства народов нашей страны. В том числе речь идет о таких ключевых направлениях, как «укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, обеспечение межнационального и межрелигиозного согласия» и др. [12]. Особое место принадлежит культурно-образовательным и научным творческим проектам, фестивалям национальных культур и спорта, праздничным и торжественным мероприятиям, поддержке студенческого, в том числе волонтерского, движения. Так, проведение «районных фестивалей, направленных на возрождение, сохранение и развитие традиционной казачьей культуры» относится к одному из целого ряда планируемых мероприятий на территории муниципального образования Тимашевский муниципальный район Краснодарского края. В аналогичных актах других субъектов Российской Федерации отражено стремление к включению всех имеющихся на их территории возможностей для наиболее полной реализации идеи единства народов России.

Заключение

Итак, принцип единства народов России, являющийся неотъемлемым элементом исторически сложившейся системы традиционных ценностей, требует совместных усилий всех институтов публичной власти и гражданского общества с целью его эффективной реализации. Ключевым фактором здесь выступает нормотворческая деятельность, в которой неотъемлемая важная роль принадлежит соответствующим органам государственной власти субъектов РФ. Нормативно-правовое обеспечение посредством принимаемых ими юридических актов принципа единства народов Российской Федерации направлено на детализацию и максимальный учет специфики каждого из ее регионов в соответствии с требованиями федерального законодательства. Безусловно, это должно способствовать наиболее успешному претворению в жизнь тех идей и принципов, которые в течение длительного исторического пути составляли фундамент совместной жизни и деятельности многочисленных народов России.

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 25 декабря 2025 г. N 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // СПС «Консультант плюс».
- [2] Указ Президента Российской Федерации

от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный сайт Президента России.

[3] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России.

[4] Саратовцева, Н. В. Единство народов России как традиционная ценность / Н. В. Саратовцева, Я. Д. Абрамова, П. О. Платонова // Социосфера. – 2026. – № 1-2. – С. 173-175.

[5] Нуртазенов, Т. К. Евразийство как идейная основа единства культур народов России / Т. К. Нуртазенов, А. В. Видершпан // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 8(466). – С. 69-74.

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Консультант плюс».

[7] Федеральный закон от 21 декабря 2021 N 414-ФЗ (ред. от 25 мая 2026 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05 июня 2026 г.) // СПС «Консультант плюс».

[8] Заметина, Т. В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения равноправия и единства народов России / Т. В. Заметина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 271-280.

[9] Указ Раиса Республики Татарстан от 16 мая 2026 № 393 «О внесении изменения в Концепцию государственной национальной политики в Республике Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации.

[10] Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 29 мая 2013 года N 2084 «О Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия)» (в редакции Указа Главы Республики Саха (Якутия) от 26 июля 2017г. N 2043) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации.

[11] Постановление Правительства Тюменской области от 16 февраля 2026 г. № 47-п «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года в Тюменской области» // Официальный интернет-портал правовой информации.

[12] Распоряжение Правительства Ростовской области от 18 мая 2026 г. № 261 «О Плане мероприятий на 2026 – 2028 годы по реализации в Ростовской области Стратегии государственной

национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации.

[13] Постановление Администрации муниципального образования Тимашевский муниципальный район Краснодарского края от 11 декабря 2025 г. № 1857 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2026-2030 годах на территории муниципального образования Тимашевский муниципальный район Краснодарского края Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт муниципального образования Тимашевский муниципальный район Краснодарского края.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation No. 962 dated December 25, 2025 «On holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.

[2] Decree of the President of the Russian Federation No. 858 dated November 25, 2025 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036» // Official website of the President of Russia.

[3] Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral values» // Official website of the President of Russia.

[4] Saratovtseva, N. V. The unity of the peoples of Russia as a traditional value / N. V. Saratovtseva, Ya. D. Abramova, P. O. Platonova // Sociosphere. - 2026. – No. 1-2. – pp. 173-175.

[5] Nurtazhenov, T. K. Eurasianism as the ideological basis of the unity of cultures of the peoples of Russia / T. K. Nurtazhenov, A.V. Vidershpan // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2022. – № 8(466). – Pp. 69-74.

[6] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS Consultant Plus.

[7] Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 (as amended on May 25, 2026) «On the General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from June 05, 2026) // SPS Consultant Plus.

[8] Zametina, T. V. Constitutional and legal aspects of ensuring equality and unity of the peoples of Russia / T. V. Zametina // Legal policy and legal life. - 2024. – No. 3. – pp. 271-280.

[9] Decree of the Raisa of the Republic

of Tatarstan dated May 16, 2026 No. 393 «On Amendments to the Concept of State National Policy in the Republic of Tatarstan» // Official Internet Portal of Legal Information.

[10] Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) dated May 29, 2013 N 2084 «On the Concept of the State National Policy of the Republic of Sakha (Yakutia)» (as amended by Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) dated July 26, 2017 N 2043) // Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Information.

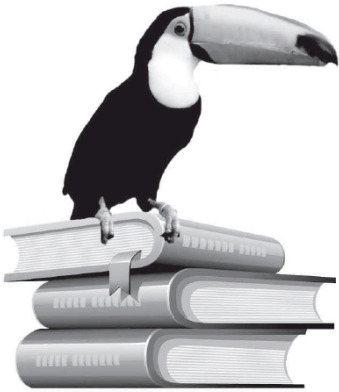
[11] Resolution of the Government of the Tyumen Region dated February 16, 2026 No. 47-p «On approval of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036 in the Tyumen Region» // Official Internet portal

of Legal Information.

[12] Decree of the Government of the Rostov region dated May 18, 2026 No. 261 «On the Action Plan for 2026-2028 for the implementation in the Rostov region of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036» // Official Internet portal of Legal Information.

[13] Resolution of the Administration of the Timashevsky Municipal District of the Krasnodar Territory dated December 11, 2025 No. 1857 «On approval of the Action Plan for the implementation in 2026-2030 in the territory of the Timashevsky Municipal District of the Krasnodar Territory of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2030» // Official website of the Timashevsky Municipal District of the Krasnodar Territory edges.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-21-24

САМСОНОВ Илья Александрович,
Аспирант 1 курса Университет «Синергия» Москва, Россия,
e-mail: ilyaalabai13@mail.ru

Научный руководитель:
ИШЕКОВ Константин Анатольевич,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ САНКЦИЙ НА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена влиянию санкционных мер на основные положения конституционного принципа единства экономического пространства РФ. Особый акцент уделяется роли действующего законодательства и механизмов, которые используются государством для управления в условиях кризиса. Автор считает, что прежняя модель правового обеспечения, основанная на последующем контроле, в новых условиях не является эффективной, так как региональные барьеры возникают быстрее, чем их успевают блокировать. Решение данной проблемы видится в переходе к превентивной модели с использованием технологий искусственного интеллекта через внедрение непрерывного цифрового мониторинга нормативных актов субъектов РФ. В работе также сформулирована позиция, что цифровой суверенитет становится необходимым условием поддержки государственного суверенитета в экономической сфере, поскольку контроль над критической инфраструктурой напрямую определяет устойчивость единого экономического пространства. Ключевое значение в данных условиях имеет развитие национального цифрового суверенитета, так как он выступает неотъемлемой частью государственного суверенитета, а также обеспечивает контроль над критической информационной инфраструктурой, данными и технологиями, что напрямую влияет на устойчивость конституционно-правового обеспечения принципа единого экономического пространства. Актуальность исследования определяется беспрецедентным внешним санкционным давлением, которое создает угрозу экономической безопасности РФ и требует адаптации к правовым механизмам поддержания целостности национальной экономики страны. В рамках работы применяются научные методы, такие как: диалектический, формально-юридический и метод системного анализа. На основе проделанного исследования раскрыто содержание принципа единого экономического пространства. Результаты данного исследования позволяют сделать вывод, что обеспечение цифрового суверенитета в современных условиях выступает необходимым условием реализации государственного суверенитета в экономической сфере, а их комплексная интеграция, в свою очередь, создает прочную правовую основу для сохранения целостности экономического пространства РФ в условиях санкционного давления.

Ключевые слова: санкционные меры, единство экономического пространства, кризисные условия, конституционно-правовое обеспечение, конституционная система, цифровой суверенитет, экономическая сфера, санкционное давление.

SAMSONOV Ilya Aleksandrovich,
1st year postgraduate student Synergy University Moscow, Russia

Scientific supervisor:
ISHEKOV Konstantin Anatolyevich,
Doctor of Law, Professor

THE IMPACT OF SANCTIONS ON THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE SINGLE ECONOMIC SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the impact of sanctions on the legal basis for the unity of the economic space of the Russian Federation. The article focuses on assessing the significance of current legislation and the mechanisms used by the state to manage the current crisis conditions. The author of this article holds the position that sanctions accelerate reforms in the constitutional system that guarantees the unity of the economic space. The article also analyzes the impact of digital technologies on the constitutional and legal framework for the principle of a single economic space. In the current circumstances, guaranteeing digital sovereignty is of particular importance, as it not only serves as an integral part of state sovereignty, but also ensures control over critical information infrastructure, data, and technologies, which directly affects the stability of the unified economic space. The relevance of this study is determined by the unprecedented external sanctions pressure, which poses a threat to the economic security of the Russian Federation and requires adaptation to legal mechanisms for maintaining the integrity of the national economy. This work utilizes scientific methods, including dialectical, formal-legal, and systems analysis. Based on this research, the essence of the principle of a single economic space is revealed. The results of this study allow us to conclude that ensuring digital sovereignty in modern conditions is a necessary condition for the realization of state sovereignty in the economic sphere, and their comprehensive integration, in turn, creates a solid legal foundation for preserving the integrity of the Russian Federation's economic space in the face of sanctions pressure.*

Key words: *sanctions measures, unity of economic space, crisis conditions, constitutional and legal support, the constitutional system, digital sovereignty, economic sphere and sanctions pressure.*

Введение санкционных ограничений западными странами против Российской Федерации ставят под удар положения статьи 8 Конституции РФ, закрепляющих единство экономического пространства. Стоит отметить, что санкционные ограничения финансовых, торговых и цифровых связей, создают прямой риск для целостности национальной экономики и требуют адаптации конституционно-правовых механизмов для её защиты.

В статье исследуются и формулируются юридические нормы, обеспечивающие суверенитет России и устойчивость конституционно-правовой структуры экономических отношений в условиях воздействия внешних факторов. Цель работы: выявить содержание конституционного принципа единого экономического пространства. Основная задача работы: проанализировать влияние санкций на конституционные положения экономических правоотношений Российской Федерации; оценить место цифровых технологий в обеспечении конституционными нормами принципа единой экономической зоны в условиях внешнего давления; вывести рекомендации по применению принципа непрерывного цифрового мониторинга за соблюдением субъектами Российской Федерации норм Конституции, запрещающих устанавливать экономические препятствия.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросам защиты единства экономиче-

ского пространства страны. Как отмечено Конституционным Судом в Постановлении от 21.04.2003 № 6-П, для конституционного принципа свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств необходимо наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, которые не противоречили бы индивидуальным, коллективным и публичным правам и законным интересам его участников. Однако начиная с 2022 года западные санкции и ответные меры России нарушили сложившиеся логистические и финансовые цепочки, создав при этом преграды для свободного обмена товарами и услугами. Это ставит под угрозу стабильность и гарантии гражданского оборота, на которую ранее обращал внимание Конституционный Суд РФ, что требует адаптации конституционно-правовых инструментов для защиты данного принципа.

Не менее важным в контексте единства экономического пространства является положение части 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 23.12.2022 № 57-П, в котором отмечено, что в России должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономики, её устойчивого роста и повышения благосостояния граждан с учетом конституционного принципа (ст. 8, ч. 1 Конституции РФ). В условиях санкционного давления ключевую роль в обеспечении данных условий могла бы сыграть система непре-

рывного цифрового мониторинга единого экономического пространства. Этот инструмент помог бы как в обеспечении оперативного контроля за соблюдением конституционных норм субъектами РФ, так и за своевременным выявлением и устранением региональных барьеров, гарантируя тем самым стабильность и предсказуемость экономической системы страны.

В научной литературе также затрагиваются вопросы влияния санкционных мер на конституционно-правовое единство экономического пространства РФ. Так в научной работе Г. В. Петрова и В. И. Ступакова обращается внимание на то, что правовое регулирование суверенных прав граждан и государства охватывает социальное финансирование, налоги, валюту, кредиты и расчеты. По мнению научных деятелей, данные отношения развиваются на двух уровнях — внутри страны и на международной арене — через нормативные акты, принимаемые на основе Конституции РФ. Такой подход, как подчеркивают авторы, укрепляет политический, экономический и финансовый суверенитет России. [1, с. 75]. С данным тезисом нельзя не согласиться, поскольку обеспечение экономического суверенитета напрямую связано с реализацией конституционного принципа единства экономического пространства, так как нарушение целостности единого рынка региональными барьерами подрывает способность государства проводить самостоятельную экономическую политику. Однако в условиях цифровой трансформации экономики цифровой суверенитет выступает необходимым условием реализации государственного суверенитета, поскольку без возможности контролировать цифровую инфраструктуру, защищать данные и технологии от внешнего вмешательства невозможно обеспечить ни экономическую безопасность, ни единство экономического пространства.

В своей научной работе «Натиск санкций на экономику России и её регионов. Взгляд из 2026 года» Песоцкий А. А. справедливо обращает внимание на то, что санкции по-разному ударили по регионам России. Он называет их поворотным событием, которое изменило вектор развития — с Запада на Восток — и заставило ускорить импортозамещение. Кроме того, автор подчеркивает, что санкции актуализировали задачу новой индустриализации [2, с.279]. С его выводом о том, что будущее развитие государства в условиях санкционного давления невозможно без научно-технологического развития, трудно не согласиться. Однако, как представляется, для решения этой задачи необходим не только технологический рывок, но и правовой инструмент — цифровой мониторинг региональных барьеров, так как прежняя модель

экономического роста, основанная на экспорте сырья и направленная на тесную интеграцию с западными странами, в условиях санкционного давления оказалась неоправданной. Это создает и прямую угрозу конституционному принципу единства экономического пространства, поскольку регионы, оказавшиеся в неравном положении (а именно: сырьевые — в упадке, оборонные — на подъеме), начали действовать разрозненно, а отсутствие превентивного контроля создало риск проявления региональных экономических барьеров. Кроме того, новую индустриализацию в современных условиях невозможно было бы представить без научно-технологического развития. Поэтому толчком для такого развития могло бы стать внедрение непрерывного цифрового мониторинга региональных нормативных актов с использованием технологий искусственного интеллекта, позволяющего превентивно выявлять и блокировать экономические барьеры, создаваемые субъектами РФ.

С. В. Розенко справедливо акцентирует внимание на унификации правового регулирования и разграничении полномочий как базовых условиях единства экономического пространства [3, с. 82]. Однако предложенные автором меры ориентированы на стабильные условия и не учитывают фактор внешнего давления. В условиях санкций, когда региональная дифференциация усиливается, унификации и разграничения полномочий становится недостаточно — необходим превентивный контроль за возникающими барьерами.

А. В. Митрофанов справедливо указывает на связь между концентрацией экономики и состоянием её институтов. По мнению научного деятеля, чем лучше работают правовые и экономические механизмы, тем выше концентрация, и наоборот [4, с. 51]. Однако, в условиях санкций одного лишь развития институтов недостаточно — нужен еще и превентивный контроль за тем, чтобы регионы не создавали барьеры. В современных условиях, развитие данной среды снижает концентрацию и подрывает конкурентоспособность, что приводит к может привести к ослаблению реализации принципа единства экономического пространства РФ. Таким образом, укрепление единства экономического пространства в условиях санкций требует не только мониторинга, но и активного правового регулирования институциональной среды, включая превентивный контроль за региональными барьерами.

В условиях санкционного давления на традиционную модель защиты конституционными и правовыми средствами последующего контроля судами и антимонопольными органами стала очевидной необходимость перехода к системе предупредительного контроля. Если в период до 2022

года система реагирования на барьеры субъектов РФ позволяла своевременно устранять все возникающие барьеры, то в период санкционных ограничений, которые могут быть замещены внутренними барьерами в условиях санкционной блокады, появилась необходимость системы предупредительных мер. Переход к превентивной модели является новой ступенью развития системы конституционно-правовой защиты единого экономического пространства РФ.

Таким образом, в условиях, когда внешние запреты оперативно замещаются региональными барьерами, реактивный подход перестал быть эффективным. Возникает необходимость в механизмах упреждающего действия. Ключевым инструментом противодействия санкционным мерам и обеспечения конституционного принципа единства экономического пространства могло бы стать внедрение непрерывного цифрового мониторинга региональных нормативных актов. В отличие от существующего контроля (по факту жалоб или проверок), данный механизм позволил бы своевременно выявлять экономические барьеры на ранних стадиях. Это помогло бы перейти от реактивной модели защиты единства экономического пространства к превентивной. Особую значимость в данных условиях также приобретает непрерывный цифровой мониторинг региональных актов. Данный инструмент позволил бы своевременно выявлять и блокировать экономические барьеры на ранних стадиях, а также гарантировать стабильность единого экономического пространства в РФ. При этом цифровой суверенитет выступает не просто дополнением, а основой для данной трансформации, так как без контроля над инфраструктурой невозможно гарантировать экономическое единство.

Список литературы:

- [1] Петрова Г.В., Ступаков В.И. Финансово-правовые аспекты обеспечения защиты политического, экономического, финансового суверенитета государства в поправках к Конституции Российской Федерации, вступивших в силу с 4 июля 2020 года // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 74-81.
- [2] Песоцкий А.А. Натиск санкций на экономику России и ее регионов. Взгляд из 2026 года // КАНТ. 2026. № 1 (58). С. 277-282.
- [3] Розенко С.В. Правовые инструменты обеспечения конституционного принципа единства экономического пространства Российской Федерации // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 80-85.
- [4] Митрофанов А.В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 46-52.

References:

- [1] Petrova G.V., Stupakov V.I. Financial and Legal Aspects of Ensuring the Protection of the State's Political, Economic, and Financial Sovereignty in the Amendments to the Constitution of the Russian Federation that Came into Force on July 4, 2020 // Gaps in Russian Legislation. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 74-81.
- [2] Pesotsky A.A. The Impact of Sanctions on the Economy of Russia and Its Regions. A Look from 2026 // KANT. 2026. No. 1 (58). Pp. 277-282.
- [3] Rozenko S.V. Legal Instruments for Ensuring the Constitutional Principle of the Unity of the Economic Space of the Russian Federation // Legal Science. 2025. No. 4. Pp. 80-85.
- [4] Mitrofanov A.V. The Unity of the Economic Space: Approaches to Interpretation and the Content of the Concept // Bulletin of Penza State University. 2013. No. 2. Pp. 46-52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-25-31

ВАШАНОВА Оксана Вячеславовна,
кандидат юридических наук, адвокат, доцент
юридического факультета, Московский областной филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Красногорск, Россия,
e-mail: vashanova-ov@ranepa.ru

ТРАЧУК Оксана Витальевна,
доцент юридического факультета, Московский областной
филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации», Красногорск, Россия,
e-mail: trachuk-ov@ranepa.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТОРОВ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ВЕТЕРАНАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Авторами статьи, осуществляющими обучение социальных координаторов по программе повышения квалификации «Социальный координатор» в Московском областном филиале РАНХиГС, анализируется практическая деятельность социальных координаторов в правовом аспекте по оказанию помощи ветеранам специальной военной операции и членам их семей. Сделан общий вывод о том, что профессия социального координатора является не просто востребованной, но и перспективной, поскольку приобретенный на федеральном уровне опыт работы социальных координаторов позволит сформировать профессию, направленную не только на сопровождение ветеранов СВО и их близких в ходе проведения и после окончания специальной военной операции, но и на решение любых экстренных задач, стоящих перед государством по оказанию адресной помощи группам населения, нуждающихся в ней.

Исследование выполнено в рамках реализации программы повышения квалификации «Социальный координатор» в Московском областном филиале РАНХиГС

Ключевые слова: государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», социальные координаторы, принцип инициативности, комплексное персональное сопровождение, принцип «одного окна», ветераны специальной военной операции, члены семей ветеранов специальной военной операции.

VASHANOVA Oksana Vyacheslavovna,
Lawyer, candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Faculty
of Law, Moscow Regional Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Krasnogorsk, Russia

TRACHUK Oksana Vitalievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Faculty of Law,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, Krasnogorsk, Russia

ACTIVITIES OF SOCIAL COORDINATORS IN PROVIDING ASSISTANCE TO VETERANS OF SPECIAL MILITARY OPERATIONS: LEGAL AND PRACTICAL ASPECT

Annotation. *The authors of the article, who are training social coordinators in the Social Coordinator advanced training program at the Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, analyze the practical activities of social coordinators in the legal aspect of providing assistance to veterans of the special military operation and their family members. The general conclusion is that the profession of a social coordinator is not only in demand, but also promising, as the experience gained by social coordinators at the federal level will allow for the development of a profession aimed not only at supporting veterans of the special military operation and their families during and after the special military operation, but also at solving any urgent tasks facing the state in providing targeted assistance to groups of people in need.*

Key words: *State Fund for Supporting Participants of the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland", social coordinators, the principle of initiative, comprehensive personal support, the one-stop principle, veterans of the special military operation, and family members of veterans of the special military operation.*

The study was conducted as part of the Social Coordinator advanced training program at the Moscow Regional Branch of RANEP.

Введение

Успех преодоления сложных исторических периодов всегда связан с консолидацией общества и государства. Сегодня в условиях проведения специальной военной операции примером взаимодействия общества и государства в решении социальных вопросов, с которыми сталкиваются ветераны боевых действий и их родные, является институт социальных координаторов, являющихся сотрудниками Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (далее по тексту – Фонд).

Прототипом Фонда можно назвать Общероссийский общественный фонд «Национальный благотворительный фонд», созданный по инициативе В.В. Путина в 1999 году, который за счет добровольных пожертвований юридических лиц и граждан осуществлял поддержку военнослужащих и их родных, лиц, пострадавших в «горячих точках», детей-сирот. Выявление нуждающихся и их адресная поддержка требовали привлечения к работе сотрудников, способных стать связующим звеном между нуждающимся человеком и структурами, оказывающими меры социальной поддержки.

Сама идея привлечения к работе координаторов, замыкающих на себе взаимодействие с различными ведомствами вместо человека, нуждающегося в поддержке, не нова. Так, в 1970-х годах за рубежом появились кейс-менеджеры, оказывающие внебольничные услуги инвалидам и психически больным [10]. В 2011 году в Москве появилась служба социальных координаторов, как звено социальной помощи в психиатрических больницах, направленная на взаимодействие пациентов, их родственников, органов опеки и попечительства [3].

Опыт работы социальных координаторов

г. Москвы стал востребованным в России в период пандемии 2019-2022 гг. когда возникла острая необходимость в освобождении врачей от решения немедицинских вопросов пациентов и членов их семей. Задачей социальных координаторов стал возврат пациентов к полноценной жизни, путем консультирования, установления связи с родственниками, организации выписки из стационара [11]. Особое внимание уделялось выявлению социально уязвимых категорий пациентов больницы: пожилых, одиноких, бездомных, инвалидов, многодетных [9]. В этот период были заложены принципы работы социальных координаторов: индивидуальность, конфиденциальность, инициативность, комплексность, непрерывность, результативность, эмпатия. Определены профессиональные качества социального координатора: умение общаться с людьми, организованность, ответственность, толерантность и проактивность [8]. В докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2023 год региональным властям было предложено изучить опыт города Москвы по созданию при больницах служб социальных координаторов для помощи одиноким гражданам, инвалидам, многодетным [7].

Результаты исследования

На федеральном уровне востребованность в социальных координаторах появилась в связи с необходимостью оказания социальной поддержки ветеранам боевых действий, участвовавших в СВО и их родным. Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 года № 232 был создан Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (далее – Фонд) [1]. Основная цель Фонда – оказание поддержки уволенным с военной службы ветеранам СВО; ополченцам ДНР и ЛНР с 2014 года; членам семей погибших участников СВО. В марте 2025 года адресатами помощи Фонда, стали также родные пропавших без вести [2]. Персональное сопровождение указанных лиц, осуществляют сотрудники Фонда – социальные

координаторы.

Приказом Минтруда России от 28 апреля 2023 г. № 429н были утверждены требования к социальным координаторам, включая требования к их подготовке и правила их деятельности (далее – Требования) [4]. Кандидаты в социальные координаторы должны иметь профессиональное образование, опыт работы с людьми в трудной жизненной ситуации. Социальные координаторы проходят личностную диагностику на предмет коммуникативных способностей, стрессоустойчивости. А также обучаются по двум направлениям подготовки: юридическому, посвященному государственным мерам поддержки, и психологическому, посвященному особенностям построения коммуникации с человеком, страдающим психическим расстройством в результате военных действий. Программа повышения квалификации «Социальный координатор» реализуется Высшей школой государственного управления (ВШГУ) Президентской академии (РАНХиГС) одновременно на шести площадках: в Хабаровске, Саратове, Новосибирске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Красногорске. С 2023 года по 2026 год подготовлено около 5 тыс. человек.

Требования определили принципы деятельности социальных координаторов. Во-первых, принцип инициативности, предполагающий выявление сотрудником Фонда лиц, нуждающихся в помощи на основании сведений о демобилизации, из СМИ, социальных сетей и иных источников, выезд к ветеранам и их родным для выяснения имеющихся проблем и консультирования о существующих мерах поддержки. Во-вторых, это комплексное персональное сопровождение, то есть предоставление адресату любой предусмотренной законодательством помощи. Это может быть психологическая, юридическая, социальная, медицинская помощь. В-третьих, принцип «одного окна», согласно которому социальный координатор выступает связующим звеном во взаимодействии лица, которому оказывается помощь, с любыми органами исполнительной власти или организациями, освобождая ветерана и его родных от необходимости ходить по кабинетам. В-четвертых, принцип мониторинга, в соответствии с которым социальный координатор отслеживает ход рассмотрения обращения ветерана или члена его семьи и фактическое предоставление мер поддержки. В-пятых, принцип возвращения к мирной жизни, согласно которому социальный координатор помогает ветеранам с трудоустройством, получением образования, вовлекает их в культурно-досуговую деятельность, паралимпийское движение, просветительскую деятельность в сфере патриотического воспитания, волонтерские проекты.

Следует отметить, что в начале пути формирования профессии социального координатора не было четкого понимания о должностных обязанностях, базовых знаниях в различных социальных сферах, а лишь предполагалось, что социальные координаторы должны обладать некоторыми психологическими и юридическими навыками. Это объясняется тем, что до 3 апреля 2023 г. в России не существовало подобного специализированного института, ни по масштабам, ни по уровню внимания со стороны государства, что определяло новизну образовательной и методической концепции программы подготовки социальных координаторов.

Законодательство, касающееся социальных координаторов, получило дальнейшее развитие. С 1 января 2026 года должность служащего «социальный координатор» включена в Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов и отнесена к специалистам в области организации и ведения социальной работы [6]. Необходимость сопровождения ветеранов боевых действий социальным координатором предусмотрена подзаконными нормативными актами, касающимся получения ветеранами-инвалидами медицинском помощи, их трудоустройства [5].

По итогам 2025 года число социальных координаторов превысило 4,4 тыс. человек, из которых более 1 тыс. человек – ветераны специальной военной операции и члены их семей. Социальные координаторы получили более 2,3 млн запросов на оказание помощи, 96% из них решены положительно.

Авторы статьи являются преподавателями юридического блока программы подготовки социальных координаторов в Московском областном филиале РАНХиГС. В ходе обучения вместе с социальными координаторами отрабатывается схема взаимодействия ветеранов боевых действий и членов их семей с госорганами; разбираются нормативно-правовые акты, предусматривающие меры поддержки; решаются практические задачи по определению мер поддержки в конкретной жизненной ситуации; анализируется судебная практика; происходит обмен опытом по решению проблем, с которыми сталкиваются социальные координаторы на местах.

За время работы Фонда социальные координаторы отмечают следующие положительные тенденции: налажена коммуникация социальных координаторов с ветеранами боевых действий и их родственниками; организовано межведомственное взаимодействие социальных координаторов с органами власти; работает принцип «одного окна»; создана государственная информацион-

ная система; ветераны боевых действий активно вовлекаются в культурно-досуговые и спортивные мероприятия. Между тем, отмечаются проблемы, которые требуют дальнейшего решения. Среди трудностей социальные координаторы выделяют их загруженность отчетностью; отсутствие разработанных единых алгоритмов по предоставлению конкретных видов помощи; сложности во взаимодействии с военкоматами; недостаточность материальной базы (помещений, оргтехники); нехватка врачей узкой специализации, специалистов по военному праву. В ходе обмена опытом социальные координаторы рассказывают, как та или иная проблема решается в их регионе. Например, в Нижегородской области созданы комиссии из представителей различных ведомств по решению проблем ветеранов боевых действий, что значительно упрощает решение комплексных проблем; в Калининграде социальные координаторы работают в сотрудничестве с ветеранами Афганистана, помогающими выстроить взаимоотношения с ветеранами СВО; в Московской области организовано сопровождение социальными координаторами ветеранов боевых действий из госпиталей к месту жительства.

Нередко, социальные координаторы сталкиваются с вопросами, которые могут быть решены только в судебном порядке, например, в случае отказа военкомата в признании гражданина членом семьи ветерана боевых действий; отказа в предоставлении мер поддержки участникам добровольческих формирований, принимавших участие в СВО; отказа в предоставлении мер поддержки из-за отсутствия длительной регистрации по месту жительства в регионе. В таких ситуациях социальные координаторы рекомендуют обращаться за защитой в суд.

Участие Фонда «Защитники Отечества» в судебных процессах может проявляться в следующих формах: представление суду доказательств, необходимых для получения удостоверения ветерана боевых действий; помощь в сборе доказательств об участии участника добровольческих формирований в СВО; участие в деле в качестве третьего лица. В целом можно прийти к выводу, что участие Фонда в судебных процессах не очень активное. На наш взгляд, было бы целесообразно использовать опыт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции (г. Челябинск), активно привлекающего Фонд «Защитники Отечества» к участию в деле в качестве третьего лица (Определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2026 № 88-34/2026; от 23.12.2025 № 88-17407/2025; от 23.12.2025 № 88-17285/2025; от 05.02.2026 № 88-31/2026; от 05.02.2026 № 88-134/2026). Такая форма участия

могла бы усилить позицию ветерана в спорах с государственными органами.

Ориентиром для социальных координаторов в разъяснении мер государственной поддержки, является практика Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Необходимо отметить, что высшая судебная инстанция уделяет большое внимание спорам, касающимся мер поддержки ветеранов СВО и членов их семей. За годы ведения специальной военной операции ВС РФ принял более 15 судебных актов по данной категории дел. Условно все дела, рассмотренные Верховным Судом РФ можно разделить на несколько блоков.

Первый блок касается участников частных военных компаний. ВС РФ рассмотрел дело по иску Военкомата Республики Калмыкия к родителям погибшего бойца ЧВК «Вагнер» об изъятии удостоверений члена семьи погибшего ветерана боевых действий. Боец погиб в г. Артемовске ДНР, был награжден Указом Президента РФ медалью «За отвагу» (посмертно). Родителям погибшего было выдано удостоверение члена семьи погибшего ветерана боевых действий, но в последующем принято решение изъять его в связи с тем, что ЧВК «Вагнер» не является официальной структурой Вооруженных Сил РФ, а ее бойцы не являются военнослужащими или добровольцами. Верховный Суд РФ указал, что ЧВК «Вагнер», содействовала Вооруженным Силам РФ, соответственно погибший Безрук М.А. относится к ветеранам боевых действий (Определение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2025 г. № 42-КГПР24-3-К4). В Определении от 24 ноября 2025 № 67-КГПР25-9-К8 Верховный Суд РФ развил эту мысль, дополнив ее правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации о запрете разного подхода к лицам, находящимся в схожих обстоятельствах: боец ЧВК «Вагнер» находился в тех же боевых условиях, что и военнослужащие РФ.

Второй блок вопросов, рассмотренных Верховным Судом РФ касался зависимости предоставления мер поддержки от места жительства. Предметом рассмотрения стали нормы законодательства Ставропольского края и Республики Крым, ставящие в зависимость предоставление мер поддержки от постоянного проживания на территории региона по состоянию на 24 февраля 2022 года. Суд разъяснил, что федеральный законодатель, не обуславливает получение мер поддержки датой начала проживания на территории субъекта РФ, равно как не закрепляет за субъектами РФ право на выделение особых категорий военнослужащих для дополнительной поддержки. Применяя принцип равенства и недискриминации, Верховный Суд указал, что военнослужащие, ставшие

жителями субъекта РФ после начала СВО, как и военнослужащие, проживавшие в регионе до начала СВО, одинаково рисковали своими жизнями и имеют право на меры поддержки (Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 1/2026 «Обзор практики рассмотрения судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей», утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2026 г. № 2А/2026; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2026 г. № 127-КАД26-1-К4).

В своем Определении от 30 сентября 2024 г. № 45-КГ24-16-К7 Верховный Суд РФ рассмотрел вопрос права несовершеннолетнего ребенка, не зарегистрированного по месту жительства погибшего отца участника СВО, на получение жилищной субсидии во внеочередном порядке (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2024 г. № 45-КГ24-16-К7). Судами нижестоящих инстанций было отказано в предоставлении несовершеннолетней меры поддержки, поскольку право на нее имеют только те члены семьи военнослужащего, которые проживали совместно с ним. Отменяя судебные акты, ВС РФ подчеркнул, что принцип справедливости не допускает формальный подход и требует учитывать конкретные обстоятельства жизненной ситуации; местом жительства несовершеннолетних, является место жительства родителей, с которыми ребенок имеет право на общение в равной мере; расторжение брака не влияет на права ребенка.

Предметом анализа Верховного Суда РФ стало также постановление Правительства Мурманской области, предусматривающее единовременную материальную помощь в размере 300 тыс. рублей только военнослужащим, зачисленным в подразделения, специально созданные для целей СВО. В Тематическом обзоре № 1/2026 Верховный Суд РФ согласился с позицией Мурманского областного суда о том, что федеральное законодательство не делит военнослужащих в зависимости от того, формировалась ли воинская часть специально для выполнения задач в зоне СВО или нет.

Наиболее обширным, является третий блок вопросов, касающихся прав членов семьи погибшего военнослужащего на меры государственной поддержки.

Указанные меры направлены на возмещение родственникам эмоциональных и материальных потерь, связанных с гибелью военнослужащего. Лишение права на их получение возможно

при фактическом распаде семьи, то есть при отсутствии тесной эмоциональной связи, взаимной поддержки, заботы и ответственности друг перед другом. Проживание супруги на территории ФРГ отдельно от военнослужащего более 20 лет, отсутствие совместно нажитого имущества и обязательств, материальной поддержки друг друга, не присутствие на похоронах мужа, свидетельствуют о фактическом прекращении семейных отношений (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2026 г. № 16-КГ25-37-К4). Доказательствами прекращения семейных отношений являются также неоднократные обращения военнослужащего при жизни в органы ЗАГС и мировой суд о расторжении брака с супругой (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2025 г. № 93-КГ25-2-К9).

Верховный Суд РФ указал, что право родителя на получение государственных пособий и выплат за ребенка, не является безусловным правом гражданина, поскольку в случае уклонения от выполнения родительских обязанностей, он может быть лишен такого права (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2025 г. № 2-КГ24-7-К3). Так, основанием для лишения отца погибшего военнослужащего мер поддержки, является отсутствие фактических семейных отношений; уклонение от воспитания ребенка; отсутствие заботы о его физическом, психическом, духовном, нравственном развитии.

Согласно определению ВС РФ от 25 мая 2025 г. № 47-КГ25-1-К6 суд должен выяснить, осуществлял ли отец фактическое участие в воспитании сына до достижения им совершеннолетия, включая проявление заботы о его здоровье, оказание моральной и физической поддержки, а также принятие мер по созданию условий, необходимых для всестороннего развития ребенка. Следует выяснить, обеспечивал ли отец получение сыном общего образования и его материальное содержание, а также оценить достаточность выплачиваемых алиментов для покрытия базовых потребностей (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2025 г. № 47-КГ25-1-К6). Эти же обстоятельства подлежат установлению и в случае, если мама будущего военнослужащего не взыскивала алименты с отца ребенка в принудительном порядке (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 80-КГ25-3-К6).

Рассматривая дело о возможности признания фактическим воспитателем опекуна погибшего военнослужащего, заключившего до его совершеннолетия договор о приемной семье, Верховный Суд РФ указал, что приемные родители, получающие от государства средства на содержание

ребенка, не могут относиться к фактическим воспитателям в силу норм Семейного кодекса РФ. Юридически значимым обстоятельством является установление факта воспитания и содержание ребенка за счет собственных средств воспитателя (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. № 80-КГ25-5-К6). Данная позиция вызывает вопросы, поскольку получение опекуном вознаграждения по договору о приемной семье в размере 3771 руб. в месяц, вряд ли можно считать полным государственным обеспечением ребенка. Полагаем, что в каждом конкретном случае суд должен учитывать размер получаемых средств и их достаточность для удовлетворения потребностей ребенка.

Четвертый блок дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, касался медицинских вопросов. Рассматривая спор об отказе в выплате членам семьи мобилизованного, умершего от пневмонии при следовании состава войсковой части (воинском эшелоне) для участия в СВО в медицинском пункте на железнодорожной станции в Челябинской области, Верховный Суд РФ указал, что умерший гражданин, пребывающий в запасе, исполнил свою конституционную обязанность гражданина Российской Федерации по защите Отечества, обусловленную необходимостью выполнения задач, поставленных перед военнослужащими, принимающими участие в СВО, поэтому является участником СВО (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2025 г. № 81-КГ25-10-К8).

Вопросы, схожие с теми, что рассматривал ВС РФ, возникают и в практической деятельности социальных координаторов, поэтому разъяснения высшей судебной инстанции помогают принять правильное решение, сориентировать ветеранов СВО и их родных, обосновать позицию перед государственными органами.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что сегодня профессия социального координатора является не просто востребованной, но и перспективной. Приобретенный на федеральном уровне опыт работы социальных координаторов позволит сформировать профессию, направленную не только на сопровождение ветеранов СВО и их близких в ходе проведения и после окончания специальной военной операции, но и на решение любых экстренных задач, стоящих перед государством по оказанию адресной помощи группам населения, нуждающихся в ней.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки

участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Собрание законодательства РФ, 10.04.2023, № 15, ст. 2660.

[2] Указ Президента РФ от 20.03.2025 № 157 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1286.

[3] Постановление Правительства Москвы от 6 сентября 2011 г. № 420-ПП «О государственной программе города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 53, том 2, 20.09.2011.

[4] Приказ Минтруда России от 28.04.2023 № 429н «Об утверждении требований к социальным координаторам, включая требования к их подготовке, и правила их деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2026).

[5] Приказ Минтруда России от 06.06.2025 № 366н «Об утверждении Стандарта оказания услуги по протезированию инвалидов, получивших травму, ранение, контузию, увечье в связи с боевыми действиями» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2026).

[6] ОК 016-2025. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 16.05.2025 № 423-ст) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508413/ (дата обращения: 05.06.2026).

[7] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.06.2024 № 6227-8 ГД «О докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год» // Собрание законодательства РФ, 17.06.2024, № 25, ст. 3407.

[8] Бестававши И. Социальные координаторы в больницах // Московская медицина, август 2023, С. 89.

[9] Кравчук А. А. Пациентоориентированная среда: социальные координаторы, администраторы и психологи // Московская медицина, июнь 2023, С. 75.

[10] Полевая Н.М., Ситникова В.В. Служба социальных координаторов: проблемы и перспективы внедрения в систему социальной защиты населения // Вестник АмГУ Выпуск 112, 2026, С. 31.

[11] Фирсов М.В., Птицына Н.А., Бестававши И.Р. Социальная координация – новый вектор развития отечественной социальной работы // Современные наукоёмкие технологии. Региональное

приложение. № 1(77) 2024, С. 37-38.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 03.04.2023 No. 232 "On the Establishment of the State Fund for the Support of Participants in the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland" // Collected Legislation of the Russian Federation, 10.04.2023, No. 15, Art. 2660.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 20.03.2025 No. 157 "On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 232 "On the Establishment of the State Fund for the Support of Participants in the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland" // Collected Legislation of the Russian Federation, 24.03.2025, No. 12, Art. 1286.

[3] Resolution of the Moscow Government of September 6, 2011 No. 420-PP "On the state program of the city of Moscow "Social support for residents of the city of Moscow" // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow, No. 53, Volume 2, September 20, 2011.

[4] Order of the Ministry of Labor of Russia dated April 28, 2023 No. 429n "On approval of requirements for social coordinators, including requirements for their training, and rules for their activities" // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: June 5, 2026).

[5] Order of the Ministry of Labor of Russia dated 06.06.2025 No. 366n "On approval of the Standard for the provision of prosthetic services

to disabled persons who have sustained an injury, wound, concussion, or mutilation in connection with military operations" // Official Internet portal of legal information URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 05.06.2026).

[6] OK 016-2025. All-Russian classifier of blue-collar workers' professions, employee positions, and wage grades (adopted and put into effect by Order of Rosstandart dated 16.05.2025 No. 423-st) // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508413/ (date of access: 05.06.2026).

[7] Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of June 11, 2024, No. 6227-8 GD "On the report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2023" // Collected Legislation of the Russian Federation, June 17, 2024, No. 25, Article 3407.

[8] Bestavashvili, I. Social coordinators in hospitals // Moscow Medicine, August 2023, p. 89.

[9] Kravchuk, A. A. Patient-oriented environment: social coordinators, administrators, and psychologists // Moscow Medicine, June 2023, p. 75.

[10] Polevaya, N.M., Sitnikova, V.V. Social Coordinator Service: Problems and Prospects of Implementation in the Social Protection System // Amur State University Bulletin, Issue 112, 2026, p. 31.

[11] Firsov M.V., Ptitsyna N.A., Bestavashvili I.R. Social Coordination – a New Vector of Development of Domestic Social Work // Modern Science-Intensive Technologies. Regional Supplement. No. 1 (77) 2024, pp. 37-38.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-32-35

ЕРШОВ Андрей Александрович,
аспирант кафедры гражданского права, Челябинский
государственный университет,
e-mail: brodrus@yandex.ru

СТАНДАРТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Предмет исследования — роль принципа добросовестности (статья 1, статья 10 ГК РФ) в распределении санкционных рисков между сторонами предпринимательского договора. Цель работы — определить содержание стандарта добросовестного поведения предпринимателя в условиях трансграничных санкций. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. В результате обосновано, что в условиях санкций стандарт добросовестности повышается: от должника ожидается активный поиск правомерных способов исполнения; раскрыты функции санкционной оговорки и правила эстоппеля; предложены критерии распределения санкционных рисков. Область применения результатов — договорная и судебная практика. Новизна состоит в обосновании принципа добросовестности как инструмента справедливого распределения санкционных рисков. Сделан вывод о целесообразности рекомендации типовых санкционных оговорок и разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ критериев добросовестного поведения сторон.

Ключевые слова: свобода договора, добросовестность, санкционные риски, санкционная оговорка, эстоппель, предпринимательская деятельность.

ERSHOV Andrey Aleksandrovich,
postgraduate student, Department of Civil Law, Chelyabinsk
State University

THE STANDARD OF GOOD FAITH OF THE ENTREPRENEUR AND THE ALLOCATION OF SANCTIONS RISKS IN CONTRACTUAL RELATIONS

Annotation. The subject of the research is the role of the principle of good faith (Article 1, Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) in the allocation of sanctions risks between the parties to a commercial contract. The purpose is to determine the content of the standard of good faith of the entrepreneur under cross-border sanctions. The methodology comprises the formal-legal, comparative-legal and systemic methods. As a result, it is substantiated that under sanctions the standard of good faith rises: the debtor is expected to actively seek lawful means of performance; the functions of a sanctions clause and the estoppel rule are revealed; criteria for the allocation of sanctions risks are proposed. The scope of application covers contractual and judicial practice. The novelty lies in substantiating the principle of good faith as an instrument for the fair allocation of sanctions risks. It is concluded that model sanctions clauses should be recommended and that the Plenum of the Supreme Court should clarify the criteria of good-faith conduct of the parties.

Key words: freedom of contract, good faith, sanctions risks, sanctions clause, estoppel, entrepreneurial activity.

Введение в проблему

Принцип добросовестности и автономия воли сторон в условиях трансграничных санкций вступают в сложное взаимодействие. С одной стороны, свобода договора предполагает право сто-

рон самостоятельно распределять риски; с другой — санкционное воздействие порождает риски, которые стороны при заключении договора нередко не учитывали и которые не охватываются их первоначальной волей. В этих условиях принцип

добросовестности (пункт 3 статьи 1, статья 10 ГК РФ) приобретает значение ключевого инструмента, позволяющего суду оценивать поведение сторон и справедливо распределять неблагоприятные последствия санкций [3; 6].

Центральная практическая проблема состоит в определении того, кто из участников договора несёт санкционный риск и какого поведения право ожидает от добросовестного предпринимателя, столкнувшегося с санкционными ограничениями [5]. Решение этой проблемы имеет прямое значение как для разрешения конкретных споров, так и для договорной практики, формирующей механизмы превентивного распределения рисков.

Актуальность темы усиливается тем, что санкционные ограничения, в отличие от обычных коммерческих рисков, имеют публично-правовое и внешнее происхождение и не поддаются полному контролю ни одной из сторон [7]. Это смещает акцент с вопроса о вине должника на вопрос о добросовестном и разумном распределении бремени неблагоприятных последствий, что традиционно относится к сфере действия принципа добросовестности.

Повышенный стандарт добросовестного поведения в условиях санкций

В условиях санкционного воздействия от участника предпринимательской деятельности ожидается не пассивная ссылка на санкции, а активное добросовестное поведение, направленное на сохранение договорной связи и минимизацию потерь контрагента. Согласно пунктам 1 и 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 добросовестным признаётся поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны; при установлении недобросовестности суд вправе отказать в защите права полностью или частично [4].

Такой повышенный стандарт тесно связан с критериями освобождения от ответственности: должник, не доказавший принятия разумных мер для преодоления препятствий, не может рассчитывать на освобождение со ссылкой на непреодолимую силу (пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7). Тем самым добросовестность выступает связующим звеном между свободой договора, институтом непреодолимой силы и распределением санкционных рисков [11].

Содержание повышенного стандарта раскрывается через несколько взаимосвязанных требований: разумную осмотрительность при заключении договора, активное содействие исполнению (своевременное уведомление контрагента и по-

иск правомерных альтернатив) и лояльность, запрещающую использовать санкционную ситуацию для извлечения необоснованных преимуществ или одностороннего пересмотра условий в свою пользу.

Тем самым принцип добросовестности выполняет двойную функцию: он одновременно повышает требования к должнику, ссылающемуся на санкции, и ограничивает кредитора, злоупотребляющего своим положением вопреки объективно изменившимся обстоятельствам [8]. Эта двусторонняя направленность отличает добросовестность от формальных институтов освобождения от ответственности.

Преддоговорная добросовестность и санкционные оговорки

Эффективным частноправовым средством превентивного распределения санкционных рисков выступает специальное договорное условие — санкционная оговорка. Её включение в договор является проявлением свободы договора и одновременно реализацией требования добросовестности на стадии переговоров (статья 434.1 ГК РФ), обязывающего стороны раскрывать существенную информацию и учитывать интересы контрагента [2].

Типовая санкционная оговорка должна определять перечень релевантных санкционных режимов, правовые последствия их введения (приостановление исполнения, изменение порядка расчётов, право на отказ от договора или его изменение), порядок взаимного уведомления и сотрудничества сторон, а также распределение дополнительных издержек. Наличие такой оговорки существенно снижает правовую неопределённость и переводит распределение рисков из сферы судебного усмотрения в плоскость согласованной воли сторон [9].

Вместе с тем сама санкционная оговорка подлежит оценке с позиций добросовестности. Включение в стандартную проформу односторонней оговорки, полностью перекладающей санкционные риски на более слабого контрагента, может быть квалифицировано как несправедливое договорное условие, не подлежащее судебной защите; в этом проявляется ограничивающая функция добросовестности применительно к содержанию договора [6].

Распределение санкционных рисков и правило эстоппеля

При отсутствии договорного регулирования распределение санкционного риска осуществляется судом исходя из общих начал гражданского права. По общему правилу риск возлагается на ту сторону, в чьей хозяйственной сфере он реализовался, с учётом критерия предвидимости санкций

на момент заключения договора: предприниматель, принявший обязательство в условиях очевидных санкционных рисков, по существу принял на себя и связанные с ними последствия [1].

Принцип добросовестности проявляется также через правило эстоппеля, не допускающее противоречивого поведения участника оборота в ущерб разумным ожиданиям контрагента (*venire contra factum proprium*). Российское законодательство закрепило ряд специальных эстоппелей — запрет ссылаться на недействительность сделки для стороны, из поведения которой явствовало воля сохранить её силу (пункт 5 статьи 166 ГК РФ), и запрет требовать признания договора незаключённым для стороны, принявшей исполнение (пункт 3 статьи 432 ГК РФ) [4].

При распределении санкционных рисков существенное значение имеет разграничение сфер контроля сторон: индивидуальный риск, связанный с положением конкретной стороны, и системный риск, в равной мере затрагивающий обоих контрагентов и подлежащий более справедливому, как правило долевого, распределению. Такой подход согласуется с идеей добросовестного сотрудничества и предотвращает переложение всего бремени санкций на экономически более слабого участника.

Сравнительно-правовой аспект

Сопоставление с зарубежными правовыми порядками подтверждает универсальность стандарта добросовестности как инструмента распределения рисков. Германское право закрепляет основополагающий принцип *Treu und Glauben* (§ 242 BGB), а также институт нарушения основания сделки (§ 313 BGB), позволяющий адаптировать договор при существенном изменении обстоятельств, из которых исходили стороны [8].

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА возлагают на стороны общую обязанность действовать добросовестно и сотрудничать, а также предусматривают механизм пересмотра договора при существенном затруднении исполнения. Идея добросовестности как основы договорных отношений имеет глубокие корни и в отечественной доктрине, последовательно развивавшей учение о доброй совести [10].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что повышение требований к поведению сторон в кризисных условиях является общей тенденцией: и континентальные правовые порядки, и право международной торговли исходят из того, что добросовестная сторона обязана предпринять разумные усилия для адаптации обязательства, прежде чем ссылаться на освобождение от ответственности. Восприятие этого подхода отвечает потребностям российского оборота в условиях санкционного

давления [11].

Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет заключить, что в условиях санкционного воздействия стандарт добросовестного поведения предпринимателя объективно повышается: от него ожидается активный поиск правомерных способов исполнения и сотрудничество с контрагентом, а не пассивная ссылка на санкции. Принцип добросовестности выполняет функцию универсального инструмента справедливого распределения санкционных рисков, дополняющего и корректирующего как договорное регулирование, так и применение институтов непреодолимой силы и изменения обстоятельств [9].

На основании изложенного предлагается рекомендовать участникам предпринимательского оборота включение в договоры типовых санкционных оговорок, а Пленуму Верховного Суда Российской Федерации — обобщить практику и разъяснить критерии добросовестного поведения сторон и распределения санкционных рисков в договорных отношениях. Это способствовало бы повышению предсказуемости правоприменения и укреплению устойчивости гражданского оборота [7].

Список литературы:

- [1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
- [2] Васильева А.А. Контрактные основания прекращения договора поставки. Санкции как форс-мажор // Образование и право. 2022. № 11. С. 197–202.
- [3] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
- [4] Добровинская А.В. Договорная ответственность в современном гражданском обороте // Образование и право. 2021. № 5. С. 99–104.
- [5] Зараев П.А. Контрсанкционные ограничения свободы договора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 4. С. 642–649.
- [6] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора. М.: Статут, 2012. 452 с.
- [7] Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 184 с.
- [8] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. 192 с.
- [9] Мансуров Г.З. Предпринимательские риски: обзор эволюции доктрины, законодательства и судебной практики // Бизнес, менеджмент и право.

2022. № 2. С. 44–50.

[10] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 1. С. 124–181.

[11] Петрова Д.С. Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовом аспекте // Образование и право. 2022. № 9. С. 162–168.

References:

[1] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. 3rd ed., revised M.: Statute, 2011. 847 pp.

[2] A.A. Vasilyeva. Contractual Grounds for Termination of Supply Contract. Sanctions as force majeure // Education and law. 2022. № 11. S. 197-202.

[3] Griбанov V.P. Exercise and protection of civil rights. M.: Statute, 2001. 411 p.

[4] Dobrovinskaya A.V. Contractual liability in modern civil circulation // Education and law. 2021. № 5. S. 99-104.

[5] Zaraev P.A. Counter-sanction restrictions on

freedom of contract // Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. 2023. Т. 33, NO. 4. S. 642-649.

[6] Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits: in 2 vols. Т. 1: Theoretical, historical and political-legal grounds of the principle of freedom of contract. M.: Statute, 2012. 452 p.

[7] Keshner M.V. Economic sanctions in modern international law: monograph. M.: Prospect, 2015. 184 pp.

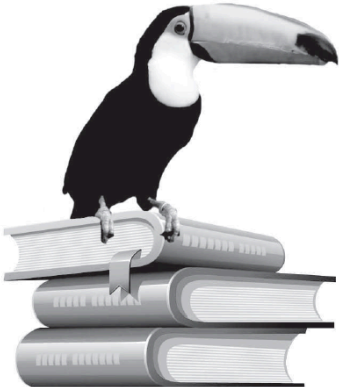
[8] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. M.: Statute, 2017. 192 p.

[9] Mansurov G.Z. Entrepreneurial risks: an overview of the evolution of doctrine, legislation and judicial practice // Business, management and law. 2022. № 2. S. 44-50.

[10] Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft of compulsory law // Bulletin of civil law. 2006. Т. 6, NO. 1. S. 124-181.

[11] Petrova D.S. Sanctions and their impact on contractual obligations in a comparative legal aspect // Education and law. 2022. № 9. S. 162-168.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-36-41

ОЗДЕАДЖИЕВА Диана Мухтаровна,
Аспирант, Соискатель ученой степени кандидата
юридических наук 5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки Высшая школа государственного аудита МГУ
им. М. В. Ломоносова,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Теоретико-правовая проблема поиска баланса между публичным и частным интересом является ключевой в контексте развития правовой системы любого государства и обсуждается в теории права многие десятилетия. Данная статья посвящена исторической ретроспективе формирования правовых инструментов, призванных исследовать формы согласования интересов между государством и частными субъектами предпринимательства. В статье представлена эволюция правовых форм взаимодействия между государством и бизнесом на различных исторических этапах начиная от первичной «императивной модели» регламентации к постепенному формированию модели согласования интересов, основанной на договорных принципах и началах саморегулирования. На основе проведенного анализа в статье формулируется вывод о том, что современное законодательство движется в пользу закрепления диспозитивной модели согласования публично-частных интересов, предполагающей активное вовлечение субъектов предпринимательства в процесс взаимодействия с государством при принятии значимых решений.

Ключевые слова: историко-правовой анализ, эволюция правовых институтов, государственное управление, предпринимательство, согласование интересов, правовое регулирование, государственно-частное партнерство.

OZDEADZHIEVA Diana Mukhtarovna,
Postgraduate student, Candidate of Law degree 5.1.1. Theoretical
and historical legal sciences Higher School of Public Audit
Lomonosov Moscow State University

EVOLUTION OF FORMS OF COORDINATION OF INTERESTS OF THE STATE AND BUSINESS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The theoretical and legal problem of finding a balance between public and private interests is a key one in the context of the development of the legal system of any state and has been discussed in legal theory for many decades. This article is devoted to a historical retrospective of the formation of legal instruments designed to explore forms of reconciliation of interests between the state and private business entities. The article presents the evolution of legal forms of interaction between the state and business at various historical stages, starting from the primary «imperative model» of regulation to the gradual formation of a model of reconciliation of interests based on contractual principles and principles of self-regulation. Based on the analysis, the article concludes that modern legislation is moving in favor of consolidating a dispositive model for coordinating public-private interests, which involves the active involvement of business entities in the process of interacting with the state when making significant decisions.

Key words: historical and legal analysis, evolution of legal institutions, public administration, entrepreneurship, coordination of interests, legal regulation, public-private partnership.

Взаимодействие государственного и частного секторов наблюдалось на различных исторических этапах, однако правовое регулирование существенно различалось. Также изменялась и иерархия в данном контексте: от власти и подчинения к новой модели, основанной на равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве между бизнесом и государством.

Исследование закономерностей эволюции отношений, связанных с взаимодействием бизнеса и государства, обусловлено реальными условиями внешней среды как для предпринимателей, так и для государственно-властных субъектов, интересы которых на протяжении всей истории России находятся в постоянной взаимосвязи и не могут существовать изолированно друг от друга. Стоит отметить, что вопрос о поиске оптимальных форм взаимодействия между бизнесом и государством был впервые затронут в мировой практике около двухсот лет назад, но лишь на теоретическом уровне. Приведенная тематика также рассматривалась ранее в работах зарубежных авторов. Перечисленные факторы образуют актуальность данной научной статьи.

Так, в конце XIX столетия основатель Кембриджской школы Альфред Маршалл в своей работе «Принципы политической экономии» подчеркивал, что «многие коммерческие предприятия чахнут и гибнут, хотя в конечном итоге они могли бы сослужить хорошую службу обществу при более справедливых исходных условиях» [4].

Однако используемое определение «более справедливые исходные условия» как раз и предполагает наличие некоего государственного механизма, обеспечивающего реализацию общественно значимых целей и ориентиров в процессе взаимодействия государства и общества в целом с частным бизнесом. Хотя, в XIX веке о наличии и действии подобного слаженного механизма между государством и бизнесом можно было говорить лишь сугубо теоретически.

В последующем столетии вопросы согласования форм интересов между государством и бизнесом нашли отражение и в отечественных политико-правовых учениях. Возвращаясь к анализу российского опыта целесообразно рассмотреть основные этапы развития экономической системы Российской Федерации вплоть до современной формы.

С момента распада Советского государства и учреждения современной Российской Федерации формы взаимодействия между коммерцией и государством претерпели значительные изменения и преобразования. Изменения которые будут подлежать рассмотрению касаются как особенностей преобразования экономики России и ее мед-

ленной трансформации из плановой в рыночную, так и специфики развития научной мысли в данной связи, посвященной вопросам согласования форм интересов государства и бизнеса.

Необходимо начать с того, что в 1990-е годы, а именно в эпоху перестройки, произошел заметный экономико-политический переход, в ходе которого многие руководители крупных приватизированных компаний стали частью политической элиты вновь образовавшегося государства [3]. В отдельные периоды кризиса государственной власти можно было наблюдать обратный отток кадров из системы государственной службы в пользу субъектов предпринимательской деятельности.

Несмотря на существующие ограничения в рамках осуществления государственной (гражданской) службы, предполагающие установление запрета на совмещение государственной деятельности и предпринимательской на данном историческом этапе наблюдался значительный переход субъектов из предпринимательской практики в систему государственного управления и наоборот. В силу распространения высокого уровня преступности в 90-ые годы, ряд должностных лиц находились в тесном взаимодействии с представителями бизнеса оказывая им покровительство, что означало негативную модель взаимодействия государства и бизнеса, основанную на «преступных началах» и сопровождаемая проявлением различных коррупционных действий (связей).

Ситуация, обусловленная преобладанием олигархических структур в качестве ключевых субъектов принятия политических решений в 1990-е г., начала меняться только в начале 2000-х гг., что обусловлено приходом к власти В.В. Путина и развитием новой вехи института президентства [10] и распространением принципа законности во всех сферах общественных отношений. Ранее существующая, в течении десятилетия, форма «лоббистского», «коррупционного» и «покровительственного» отношения между бизнесом и властью претерпела значительный упадок.

Однако, 2020-2022 годы привели куда к более кардинальной трансформации в отношениях бизнеса и государства. Данный период ознаменовался началом этапа взаимовыгодного сотрудничества между рассматриваемыми субъектами в процессе преодоления глобальных вызовов и угроз. Отправной точкой послужила сначала пандемия COVID-19 в 2020 году, а в последующем – начало специальной военной операции, уже в 2022 году.

В приведенные годы наладилась прямая связь между государственными органами и представителями бизнеса, обусловленная разработкой эффективных мер поддержки предпринима-

тельства, направленных на стабилизацию экономической ситуации, а также на стимулирование развития промышленного и наукоемкого производства внутри страны, в рамках осуществления политики импортозамещения.

Приведенный беспрецедентный период, который продолжается и сегодня, сформулировал новый этап в развитии и согласовании интересов бизнеса и государства, что позволило оперативно реагировать на возникающие вызовы и адаптировать экономическую политику к изменчивым условиям.

Если говорить про современное состояние и развитие рассматриваемых видов частно-публичных отношений можно отметить, что в период с 2023 по 2026 (текущий период времени) отношения между бизнесом и властью могут определяться наибольшей степенью сплоченности и скоординированности по сравнению с более ранними этапами, что выражается в преодолении проблемы санкционного давления со стороны Западных стран, обусловленных ответной реакцией на осуществляемую Российской Федерацией внешней политики.

Так, по данным аналитиков количество санкций, которые были введены против России начиная с 2014 года, превысило 30 тысяч, а больше всего ограничений исходят от таких государств как: США, Канада и Швейцария [9].

В общем объеме, экономические санкции направлены против субъектов среднего и крупного предпринимательства, а также высших должностных лиц государства. В целях преодоления данных санкций различные органы государственной власти Российской Федерации осуществляют выработку «контрмер», направленных на стабилизацию экономической ситуации в России, включая разработку целевых мер, направленных на поддержку субъектов среднего и крупного предпринимательства. Данные меры позволяют российскому бизнесу почувствовать в экономические отношения, распространять отечественную продукцию, замещая ушедшие иностранные бренды (процесс импортозамещения), поддерживать внутреннюю конкуренцию, что в совокупности образует новый этап эволюции рыночной экономики Российской Федерации как суверенной.

К интересному выводу, который описывает специфику современной формы взаимодействия государства и бизнеса в условиях рыночной экономики приходят Манахова И.В., Пороховский А.А., отмечая, что в России необходимость смешанного характера рыночной экономики обуславливается также громадной территорией, освоение которой напрямую требует единства национального экономического пространства. Данная задача с помо-

щью государства постепенно решается, но еще далека от завершения. В этом процессе со всей очевидностью обнаружилось противоречия между частными и национальными интересами.

Таким образом, бизнес сам по себе не склонен осваивать новые территории без активной поддержки государства разнообразными инфраструктурными проектами. При этом на сегодняшний день, по-прежнему, не найдено оптимальное отношение между частными и общественными интересами.

Для реализации национальных интересов государству приходится прибегать к политическим мерам, расширяя сферу действия и содержание национальной экономической модели. Однако объективно суть рыночных принципов и частных интересов постоянно напоминают о себе различным образом [8].

Целесообразно выделить основные направления и меры поддержки, которые внедряют российские органы государственной власти в целях преодоления экономических санкций при формировании суверенной рыночной экономики:

- реализации политики импортозамещения;
- поддержка субъектов российского предпринимательства путем предоставления налоговых льгот и преференций;
- создание невыгодных и экономически нецелесообразных условий для субъектов хозяйственной деятельности с иностранным участием;
- и др.

Таким образом, можно отметить, что комплекс данных мер позволяет выделить абсолютно новую и беспрецедентную форму взаимодействия государства и бизнеса, выраженную в осуществлении органами государственной власти России политики протекционизма в отношении отечественных хозяйствующих субъектов. Видится, что реализация данной политики приводит к формированию новой формации в рамках процесса эволюции российской экономики, которую в контексте данного исследования предлагается назвать как «суверенная рыночная экономика».

Из этого следует необходимость сформулировать авторский подход к определению понятия «суверенная рыночная экономика» России. Так, в целях расширения юридической доктрины под «суверенной рыночной экономикой» предлагается понимать совокупность общественных отношений, которые складываются между органами государственной власти и российскими хозяйствующими субъектами (бизнесом) по поводу процессов производства, распределения, перераспределения, обмена и потребления различных товаров, работ или услуг (экономических благ), осуществляемые независимо от иностранных хозяйствую-

щих субъектов или экономических систем, а также иных участников экономических отношений, в целях удовлетворения потребностей личности, общества или российского государства.

Видится, что формирование суверенной рыночной экономики и есть цель развития механизмов согласования интересов государства и бизнеса, где данные механизмы представляются в форме методов, которые направлены на создание автономной, эффективной и независимой экономики Российской Федерации (то есть суверенной рыночной системы страны).

В основу развития концепции суверенной рыночной экономики Российской Федерации целесообразно заложить комплекс принципов, то есть основополагающих начал обеспечивающих экономическую безопасность, эффективность распределения финансовых потоков, стабильность в функционировании данной системы с перспективой устойчивого роста.

Целесообразно выделить следующие принципы:

Приоритет национальных интересов над иностранными и международными экономическими притязаниями. Сущность данного принципа должен предполагать такое состояние рыночной экономики России при котором государственная экономическая политика должна быть, в первую очередь, направлена на обеспечение суверенитета, территориальной целостности и экономической безопасности страны, а также на повышение благосостояния граждан. При этом приоритет интересов должен доминировать на внутреннем рынке от любых притязаний со стороны иностранных субъектов хозяйственной деятельности.

Равенство и партнерство между частными хозяйствующими субъектами и органами публичной власти при взаимодействии на рынке. По общему правилу государство играет ключевую роль в регулировании рыночных отношений, обеспечивая конкуренцию, защиту прав потребителей и инвесторов, а также предотвращая монополизацию экономических отношений, охраняя добросовестных хозяйствующих субъектов от различных злоупотреблений правом и правонарушений со стороны недобросовестных субъектов. Правовое регулирование экономических отношений исходящее от органов публичной власти должно базироваться на принцип равенства при взаимодействии с экономическими субъектами, учитывая частный интерес таких субъектов, путем поиска оптимального баланса.

Принцип диверсификация экономики и поддержки российских инноваций. Видится целесообразным посредством экономико-правового регулирования снижать зависимость России от экс-

порта сырьевых ресурсов и развивать высокотехнологичные отрасли, обрабатывающую промышленность и сферу информационных услуг, что предполагает поддержку инноваций, инвестиции в образование и науку, а также поддержку малого и среднего бизнеса, которые специализируются на ИТ сфере.

Принцип социальной ответственности бизнеса перед отдельно взятой личностью, обществом и органами публичной власти. Несмотря на формирование всех условий для развития субъектов предпринимательства и в рамках осуществления контрольной деятельности со стороны органов публичной власти необходимо развивать и социальную ответственность субъектов предпринимательства перед обществом и государством за свою деятельность, включая соблюдение экологических и иных стандартов, обеспечение достойных социальных условий в ответ на государственные меры поддержки социально ориентированных предприятий и благотворительных инициатив.

Данные принципы необходимо развивать в дополнение к общим принципам, которые необходимы для функционирования рыночной экономики в целом.

Можно также выделить основные принципы, определяющие характер экономической деятельности как рыночной.

Фролов А.В. и Сафонова О.Н. отмечают, что общество, опираясь на определённые нравственные основы, либо формирует, либо принимает какую-либо идеологию. Данная идеология становится основой не только для соответствующей ей экономической системы, но и для других видов деятельности. За идеологическим осмыслением своей деятельности следует определение масштабных надэкономических целей. На данном фундаменте формулируются конкретные задачи, выполнение которых должно приблизить общество к намеченным целям. Принципы современной рыночной экономики задают совершенно новое направление развития. В условиях преобладания рыночных законов экономическая теория акцентирует внимание на поведении потребителей, от активности которых зависит прибыльность производственных предприятий. В этом контексте принцип максимизации прибыли становится центральным и служит показателем эффективности как торговой, так и производственной деятельности [7].

Однако существуют и другие подходы. Например, более консервативно к анализу принципов подходят Алиева А.С., Гранатова А.А., которые определяют что рыночная экономика характеризуется следующими началами: самофинансирование, свободное ценообразование, самостоя-

тельный выбор форм деятельности, конкуренция, экономическая ответственность [2].

С другой стороны Соловьев О.Б. справедливо отмечает, что в рамках рыночной экономики действуют принципы хозяйственной инициативы, основанные на свободе выбора и предпринимательстве, где частный экономический интерес служит основным стимулом. Приведенные принципы, в свою очередь, создают конкуренцию среди участников рынка, проявляющуюся через установление рыночных цен, которые отражают предпочтения конечных потребителей. Поскольку все участники рынка должны адаптироваться к установленным ценам, именно рыночный механизм — эффективность которого зависит от числа участников и уровня их свободы — координирует развитие экономики. Рыночные цены выступают в роли индикаторов, выполняя свою функцию эффективно только в условиях свободной конкуренции [6].

Ряд базовых принципов были сформулированы и ранее в рамках Распоряжения Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» [1].

Таким образом, новая стадия формирования суверенной рыночной экономики тесным образом связана с развитием механизма согласования интересов между государством и бизнесом, а выше предложенные авторские принципы: Приоритет национальных интересов над иностранными и международными экономическими притязаниями; Равенство и партнерство между частными хозяйствующими субъектами и органами публичной власти при взаимодействии на рынке; Принцип диверсификация экономики и поддержки российских инноваций; Принцип социальной ответственности бизнеса перед отдельно взятой личностью, обществом и органами публичной власти; - позволяют расширить научный подход к пониманию общих принципов на которых основывается классическая модель рыночной экономики.

В завершение к данной научной статье целесообразно сформулировать следующий вывод: обеспечение взаимодействия между бизнесом и властью необходимо выстраивать в текущий реалиях Российской Федерации на основании координации, партнерства и взаимодействия между бизнесом и властью с целью формирования «суверенной рыночной экономики (системы)» в Российской Федерации. В этой связи была сформулирована дефиниция данному понятию. Эффективное взаимодействие между бизнесом и властью возможно только в случае соблюдения ряда принципов, то есть основополагающих начал, на которых должно зиждиться рассматриваемое взаимодействие в условиях отстранения иностранных

субъектов и поддержки российских компаний, которые участвуют в процессах импортозамещения и осуществлении инновационной деятельности.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/.

[2] Алиева, А. С. сущность и принципы рыночной экономики / А. С. Алиева, А. А. Гранатова // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Симферополь, 24 марта 2017 года / Крымский инженерно-педагогический университет. – Симферополь: ИП Хотеева Л.В., 2017. – С. 79-81. – EDN WCOTKY.

[3] Воронов А.С., Годилов Т.С. совершенствование форм взаимодействия бизнеса и государства в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-form-vzaimodeystviya-biznesa-i-gosudarstva-v-upravlenii-sotsialno-ekonomicheskimi-razvitiem>.

[4] Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. III. Пер. с англ. – М.: Прогресс. – 1984.

[5] Мурсалимов К. Р., Хабибуллин А. Г., Мицкая Е. В. Некоторые проблемы формирования и реализации правовой политики в России // Теория государства и права. — 2024. — № 2. — С. 152–161.

[6] Соловьев О.Б. Аватары экономического управления: эффективность, ответственность, справедливость // Идеи и идеалы. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avatory-ekonomicheskogo-upravleniya-effektivnost-otvetstvennost-spravedlivost>.

[7] Фролов А.В., Сафонова О.Н. Принципы рыночной экономики и последствия их реализации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-rynochnoy-ekonomiki-i-posledstviya-ih-realizatsii>.

[8] Экономическая безопасность государства и бизнеса в условиях глобальной трансформации: монография / Под ред. И.В. Манаховой, А.А. Пороховского. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023.

[9] Количество санкций против России превысило 30 тысяч // URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html>.

[10] Путин В.В. Вступительное слово на встрече с руководителями крупнейших российских компаний и банков // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21506>.

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 No. 1662-r (as amended by 28.09.2018) "On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020" (together with the "Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020") // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/.

[2] Aliyev, A. S. essence and principles of a market economy/A. S. Aliyev, A. A. Granatov // National economic systems in the context of the formation of a global economic space: collection of scientific works of the III International Scientific and Practical Conference, Simferopol, March 24, 2017/ Crimean Engineering and Pedagogical University. - Simferopol: IP Khoteeva L.V., 2017. - S. 79-81. – EDN WCOTKY.

[3] Voronov A.S., Godilo T.S. improvement of forms of interaction between business and the state in the management of socio-economic development // Bulletin of Moscow University. Series 21. Governance (state and society). 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-form-vzaimodeystviya-biznesa-i-gosudarstva-v-upravlenii-sotsialno-ekonomicheskim-razvitiem>.

[4] Marshall A. Principles of Political Economy. T.III. Per. from English - M.: Progress. – 1984.

[5] Mursalimov K.R., Khabibulin A.G., Mitskaya E.V. Some problems of the formation and implementation of legal policy in Russia // Theory of state and law. — 2024. — № 2. - S. 152-161.

[6] Soloviev O.B. Avatars of economic management: efficiency, responsibility, justice // Ideas and ideals. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avatory-ekonomicheskogo-upravleniya-effektivnost-otvetstvennost-spravedlivost>.

[7] Frolov A.V., Safonova O.N. Principles of market economy and consequences of their implementation // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2014. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-rynochnoy-ekonomiki-i-posledstviya-ih-realizatsii>.

[8] Economic security of the state and business in the context of global transformation: monograph/ Ed. I.V. Manakhova, A.A. Porokhovskiy. - M.: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2023.

[9] The number of sanctions against Russia has exceeded 30 thousand // URL: <https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html>.

[10] Putin V.V. Opening remarks at a meeting with the heads of the largest Russian companies and banks // Official website of the President of Russia URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21506>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-42-47

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ НЕФТЯНЫХ РЕЗЕРВУАРОВ ОТ УГРОЗ И ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Аннотация. В статье рассмотрены типы угроз от беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), основные современные методы и технологии, применяемые для обеспечения безопасности объектов нефтехимической промышленности, а также правовая база для ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС) на объектах нефтехимической промышленности в условиях угрозы и их применения.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, типы угроз, объекты нефтехимии, защита, ликвидация чрезвычайных ситуаций.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer of the Department of Emergency Safety, Ural
Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia, Yekaterinburg

CURRENT ISSUES OF PROTECTING OIL RESERVOIRS FROM THREATS AND USING UNMANNED AERIAL VEHICLES

Annotation. The article discusses the types of threats from unmanned aerial vehicles (UAVs), the main modern methods and technologies used to ensure the safety of petrochemical facilities, as well as the legal framework for eliminating emergencies (EMs) at petrochemical facilities in the context of threats and their implementation.

Key words: unmanned aerial vehicles, types of threats, petrochemical facilities, protection, and emergency response.

Цель работы — изучить современные технологии защиты нефтегазового комплекса и обобщить особенности и комплексные меры защиты объектов нефтехимии при атаках беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в условиях угрозы и их применения.

Метод исследования: теоретический анализ и обобщение научной литературы по вопросам безопасности объектов хранения и переработки нефтепродуктов в условиях чрезвычайных ситуаций; правовой анализ нормативных актов в сфере пожарной безопасности, системный анализ для изучения взаимосвязи между технологическими возможностями и правовыми ограничениями.

Введение.

В условиях растущих угроз со стороны беспилотных летательных аппаратов защита нефтяных резервуаров становится критически важной задачей. Атаки БПЛА остаются причиной простоев НПЗ - около 70% всех случаев остановок произ-

водства связано именно с ними. Мотивацией к использованию БПЛА является экономическая эффективность асимметричных ударов: стоимость дрона 50–100 тысяч против потенциальных убытков в миллиарды долларов при поражении объекта нефтехимического производства.

Основная часть

Одним из ключевых условий успешной защиты является оценка типов угроз от беспилотных летательных аппаратов. Типы угроз от БПЛА включают:

террористические атаки: использование дронов для доставки взрывчатых веществ или вредных химикатов на территорию нефтяных объектов.

сбор разведывательной информации: дроны могут фиксировать расположение уязвимых мест в системе охраны.

вмешательство в управление: попытки нарушить работу систем контроля за резервуарами.

Ключевыми задачами по защите нефте-газовых объектов остаются:

создание единой архитектуры эшелонированной защиты;

обеспечение непрерывного контроля воздушной обстановки вокруг охраняемых зон;

минимизация ложных срабатываний за счёт интеллектуальных алгоритмов распознавания целей;

оперативное реагирование на инциденты без нарушения технологических процессов самих предприятий.

Особое значение приобретает координация между службами физической охраны, техническими подразделениями и государственными структурами, ответственными за безопасность критической инфраструктуры.

В своих исследованиях авторы Карапузиков А.А., Мураев Н.П. считают, что особую сложность представляют боевые действия, связанные с тушением пожаров и проведением АСР в городских условиях, которые согласовываются с разрушением зданий и сооружений, гибелью людей и возникновением значительного материального ущерба [1].

В последние годы наблюдается рост числа атак БПЛА на объекты нефтяной и нефтехимической инфраструктуры по всему миру. Вот наиболее значимые примеры в России.

В своей работе Дерябкин Д. В. и Прохоров В. В. Выявляют перспективные направления развития системы безопасности БПЛА включают создание единой системы контроля воздушного пространства, развитие технологий автоматического распознавания, совершенствование систем защиты от кибератак, внедрение искусственного интеллекта для предотвращения угроз и развитие

международных стандартов безопасности [2].

Атака на Омский нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) в июле 2026 года. Дальность полета составила более 2500 км — рекорд для ударных БПЛА. Целью являлся один из крупнейших НПЗ России, обеспечивающий топливом Сибирь, Урал и Дальний Восток. В результате атака была отражена средствами ПВО или РЭБ, производственные мощности не пострадали. Особенностью данной атаки явилось то, что дрон преодолел несколько эшелонов обороны, та как использовались новые модификации БПЛА с увеличенной дальностью полета;

Петербургский нефтяной терминал испытывает регулярные атаки дронов на портовую инфраструктуру Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В июле 2026 года был атакован нефтяной терминал в Кировском районе города. За одну ночь силами ПВО было уничтожено до 72 беспилотников, направлявшихся к Северной столице.

В Краснодарском крае падение обломков БПЛА вызвало пожар на нефтебазе. Подобные инциденты фиксируются регулярно в различных регионах России.

Технические аспекты современных угроз БПЛА представлены:

увеличенной дальностью полета за счет оптимизации конструкции;

возможностью полетов на малых высотах с использованием рельефа местности;

способностью обходить зоны ПВО благодаря ложным целям и средствам РЭБ;

высокой точностью поражения критически важных узлов инфраструктуры.

Атаки БПЛА на объекты нефтехимии стали системными и характеризуются следующими особенностями, как видно из таблицы 1.

Таблица 1. Характеристика атак БПЛА на объекты нефтехимии

Характеристика	Описание
Асимметричность	Низкая стоимость БПЛА (USD) против высоких потерь от простоя объектов (USD)
Дальность действия	Современные аппараты преодолевают 2000 км
Скрытность	Использование коммерческих компонентов затрудняет обнаружение
Комплексность	Сочетание разведки и ударных возможностей

Эти инциденты демонстрируют необходимость пересмотра концепций защиты критической инфраструктуры и создания многоуровневых систем безопасности, включающих как технические средства обнаружения и противодействия, так и организационные меры реагирования.

Правовая база для ликвидации чрезвычайных ситуаций на объектах нефтехимической промышленности в условиях угрозы и применения

беспилотных летательных аппаратов включает несколько уровней нормативных актов.

Федеральный закон № 398-ФЗ от 31.07.2023 г. вступил в силу с 1 июля 2024 года. Устанавливает уголовную ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов. Предусматривает штрафы и лишение свободы до 7 лет за несоблюдение мер защиты от БПЛА.

Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» - базовый документ, определяющий принципы организации и ведения работ по ликвидации ЧС. Регламентирует полномочия органов власти и обязанности организаций.

Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет правовые основы борьбы с террористическими актами. Включает положения о применении Вооруженных Сил РФ против террористов.

Постановление Правительства РФ № 1007 (редакция 2024–2025 гг.) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса» обязывает предприятия ТЭК разрабатывать паспорта безопасности с учетом угроз БПЛА. Требуется создание систем мониторинга воздушной обстановки.

Постановление Правительства РФ № 458 (актуальная редакция) регулирует вопросы физической защиты объектов ТЭК, включая защиту от воздушного нападения.

Отраслевые нормативные документы так же отображают требования к мерам защиты объектов нефтехимии от атак БПЛА. Так, СП 542.1325800.2024 (Минстрой России) «Защитные ограждающие конструкции от беспилотных летательных аппаратов. Правила проектирования» введен в действие в 2024 году. Устанавливает требования к проектированию защитных конструкций на стадии строительства или реконструкции. Регламентирует применение РЛС, систем подавления и постановки помех.

Газпром разработал стандарт организации «Обеспечение готовности к аварийным ситуациям на опасных производственных объектах». Содержит раздел об атаках БПЛА как факторе риска. Классифицирует последствия: повреждение оборудования, выбросы, пожары, взрывы. Требуется включения сценариев атаки дронов в планы мероприятий по локализации и ликвидации аварий (ПМЛА).

Локальные нормативные акты предприятий содержат планы мероприятий по локализации и ликвидации последствий аварий (ПМЛА) и являются обязательным документом для всех ОПО согласно ФЗ № 116 «О промышленной безопасности...». Должны содержать сценарии реагирования на атаку БПЛА. Утверждаются руководителем предприятия и согласовываются с МЧС.

В инструкции по действиям персонала включаются:

алгоритмы действий при объявлении воздушной тревоги;

порядок эвакуации и укрытия персонала; процедуры остановки технологических процессов.

Статья 401 Гражданского кодекса РФ определяет условия признания обстоятельств непреодолимой силой. Атаки БПЛА могут быть признаны форс-мажором только при одновременном наличии признаков чрезвычайности и непредотвратимости. Судебная практика показывает неоднозначность подхода, каждый случай рассматривается индивидуально.

Комплексные меры защиты объектов нефтехимии при атаках БПЛА представлены основными системными подходами.

Технологии радиоэлектронной борьбы (РЭБ) блокируют каналы управления и навигации БПЛА, делая их неуправляемыми еще до подлета к объекту. В своей работе по исследованию методов обеспечения информационной безопасности беспилотных летательных аппаратов авторы отмечают, что возможно подменить сигнал GPS передаваемый на приемно-передающий модуль (ППМ) беспилотника. Получив ложные координаты, БПЛА начнет перестраивать первоначальный маршрут или наведение на частотный канал передачи данных активных шумовых помех, тем самым «ослепляя» БПЛА, что приводит к потере контроля оператора над БПЛА или же полному выведению его из строя [3].

Это наиболее эффективный способ предотвращения атак без физического контакта с дроном. Системы безопасности включают комплексные решения, которые представлены на схеме 1.

Рис. 1 – Антидроновые системы

Физические защитные сооружения на основе российской разработки 2025 года. Универсальная конструкции "КОЗ-У-Ш"-купольная опорная защищающая третьей модификации- имеет в своем арсенале тросовые сетки по периметру, габионную сетку сверху. КОЗ-У-Ш выдерживает удары БПЛА массой до 200 кг при скорости до 200 км/ч, предотвращает разрушение резервуара даже при прямом попадании.

Такие сетчатые купольные конструкции принимают на себя кинетическую энергию летящего дрона до того, как он достигнет резервуаров с топливом. Конструкции могут оснащаться сетками из полиамида, высокопрочных стальных тросов или габионной сеткой, образуя натянутый батут, снижающий риск детонации и разрушения объекта. Устройства не требуют сложных строительных согласований и монтируются на безопасном расстоянии от защищаемого оборудования, выполняя также функцию громоотвода и заземления. Эффективность внедренных мер по данным на конец 2025 года, можно оценить по тому, как установки

защитных конструкций позволили предотвратить серьезные повреждения резервуаров при прямых попаданиях дронов.

Искусственный интеллект широко внедряется для осуществления многих практических задач по защите объектов нефтехимии от угроз БПЛА.

ИИ-системы обеспечивают:

- автоматическое распознавание моделей беспилотников;
- фильтрацию ложных срабатываний (птицы, погодные явления);
- прогнозирование траекторий полета;
- быстрое принятие решений о перехвате.

Использование специализированных РЛС (например, 9С36) с телескопическими мачтами увеличивает дальность обнаружения малоразмерных целей и включают организационные меры:

- разработку внутренних инструкций по противодействию БПЛА;
- регулярные учения персонала;
- создание планов быстрого реагирования;
- введение строгого пропускного режима.

Современные подходы требуют интеграции различных технологий: от ИИ-аналитики до физических барьеров. Ключевым фактором успеха является комплексность защиты и постоянное обновление систем в ответ на эволюцию беспилотных угроз.

Ликвидация чрезвычайных ситуаций на объектах нефтехимической промышленности после атаки беспилотных летательных аппаратов требует четкой координации действий различных служб и соблюдения строгих протоколов безопасности. Первоочередные действия (первые минуты - часы) оповещение и мобилизация сил: немедленное оповещение руководства объекта, МЧС России, оперативных служб региона, введение в действие плана ликвидации аварий и привлечение нештатных формирований предприятия.

Обеспечение безопасности персонала связано со следующими мероприятиями: эвакуация людей из опасных зон согласно схемам эвакуации; проверка наличия всех сотрудников по спискам;

оказание первой помощи пострадавшим силами медпунктов объекта

Таким образом, следуя этому перечню мероприятий, можно отреагировать намного быстрее, оказывая помощь пострадавшим и осуществляя транспортировку оборудования и своевременное информирование населения [4].

В рамках оценки обстановки проводят:

- определение масштаба повреждений визуально и с помощью технических средств;
- выявление очагов возгорания, утечек нефти/

нефтепродуктов, повреждения коммуникаций;

контроль метеоусловий для прогнозирования распространения поражающих факторов.

Локализация и ликвидация последствий (часы - сутки) предполагает

Проведение комплекса противопожарных мероприятий.

Развертываются силы и средства пожаротушения:

- пожарные подразделения МЧС;
- стационарные системы пенного и водяного тушения объекта;
- пожарные поезда (при железнодорожных эстакадах).

Проводится тушение пожаров с учетом специфики нефтепродуктов: применяются пенообразователи соответствующего типа, охлаждаются соседние резервуары и конструкции, предотвращаются вскипание и выброс нефтепродукта.

Параллельно осуществляется локализация разливов:

- перекрытие задвижек на поврежденных участках трубопроводов;
- строительство обвалований для предотвращения растекания;
- использование сорбентов и боновых заграждений.

Проводится необходимый перечень инженерно-технических работ с укреплением поврежденных конструкций во избежание обрушения, отключением поврежденных участков электросетей, обеспечивается временное энергоснабжение критически важных систем.

Специальные меры безопасности включают работу с обломками БПЛА оцепление зоны падения фрагментов дрона (радиус не менее 100 метров) и запрет приближения к обломкам гражданскому персоналу.

Экологический мониторинг координируется силами МЧС России совместно с профильными ведомствами. Проводится постоянный контроль качества воздуха автоматическими станциями, ведутся замеры уровня загрязнения почвы и водных объектов. При превышении ПДК вредных веществ принимаются меры по защите населения. Координация и управление с организацией штаба ликвидации ЧС предписывает создание оперативного штаба под руководством представителя МЧС или руководителя объекта.

Проводится распределение задач между задействованными службами, осуществляются регулярные доклады о ходе работ комиссии по чрезвычайным ситуациям (КЧС).

Информационное обеспечение также играет большую роль в комплексе мер по защите населения и создании оптимально возможной обстановки

для ликвидации подобных ЧС. Доведение информации до населения ведется через официальные каналы с исключением распространения недостоверной информации и координацией работы со СМИ для предотвращения паники.

Практическим примером эффективной реализации ликвидации ЧС на объектах нефтехимии при атаке БПЛА является работа службы МЧС в Краснодарском крае, когда после атаки БПЛА на нефтебазу задействовано 63 человека и 21 единица техники, включая силы МЧС. Произведена временная блокировка участка дороги для обеспечения безопасности. Пожар ликвидирован без пострадавших среди персонала и населения.

Ключевые принципы успешного реагирования: скорость, комплексность, координация и безопасность. Автоматическое срабатывание систем оповещения и защиты и одновременное решение задач пожаротушения, локализация разливов, экологической безопасности и четкое взаимодействие объектов и государственных служб. Эффективность ликвидации ЧС напрямую зависит от регулярности проведения учений, актуальности планов действий и готовности персонала к работе в экстремальных условиях.

Анализ угроз, связанных с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в отношении объектов нефтегазового комплекса, показывает необходимость формирования комплексной и многоуровневой системы защиты. Специфика отрасли — высокая концентрация критически важной инфраструктуры, потенциальная экологическая опасность и экономическая значимость предприятий — требует особого внимания к вопросам противодействия воздушным угрозам нового типа. Задачи обеспечения безопасности охватывают широкий спектр направлений: от нормативно-правового регулирования применения систем обнаружения и подавления до разработки технических средств радиоэлектронной борьбы, кинетического перехвата и интеграции решений искусственного интеллекта для анализа данных мониторинга воздушного пространства.

Перспективы развития связаны с внедрением автоматизированных комплексов с элементами машинного обучения, способных не только обнаруживать и классифицировать угрозы в режиме реального времени, но и прогнозировать возможные сценарии атак на основе поведенческого анализа воздушных целей.

Таким образом, эффективное решение задач защиты объектов нефтегазового комплекса от угроз БПЛА возможно лишь при условии комплексного подхода, объединяющего технические инновации, организационные меры и постоянное совершенствование нормативной базы. Только так

можно обеспечить устойчивую и безопасную работу стратегически важных предприятий в условиях динамично меняющейся технологической среды. Можно констатировать, что задачи по обеспечению безопасности от БПЛА на объектах нефтегазового комплекса являются актуальными и критически важными. На сегодняшний день необходимо использовать все методы и технологии, для обеспечения энергетической безопасности страны.

Список литературы:

[1] Целесообразность применения беспилотных авиационных систем при тушении пожаров и ликвидации аварий на объектах защиты / А. А. Карапузиков, М. В. Дьяков, А. С. Горелик [и др.] // Техносферная безопасность. — 2021. — № 2(31). — С. 61-67. — EDN MFTDQH.

[2] Дерябкина, Д. В. Безопасность и правовое регулирование использования беспилотных авиационных систем / Д. В. Дерябкина, В. В. Прохоров // Решетневские чтения : Материалы XXIX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика Михаила Федоровича Решетнева. В 2-х частях, Красноярск, 10–14 ноября 2025 года. Часть 2. — Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. — С. 1027-1029. — EDN SWGELM.

[3] Исследование методов обеспечения информационной безопасности беспилотных летательных аппаратов / В. О. Захарова, Е. А. Салуев, Т. Н. Махмудов, А. А. Федотов // Труды международного симпозиума "Надежность и качество". — 2023. — Т. 1. — С. 126-130. — EDN CYQRPR.

[4] Опарин, Д. Е. Актуальные вопросы применения беспилотных летательных аппаратов при тушении ландшафтных пожаров / Д. Е. Опарин, Д. И. Сидоренко, А. Р. Шакиров // Экология и безопасность жизнедеятельности : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 11–12 декабря 2023 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 320-323. — EDN QHFYTB.

References:

[1] Feasibility of using unmanned aerial systems in extinguishing fires and eliminating accidents at protection facilities/A. A. Karapuzikov, M. V. Dyakov, A. S. Gorelik [et al.] // Technosphere safety. — 2021. — № 2(31). — S. 61-67. — EDN MFTDQH.

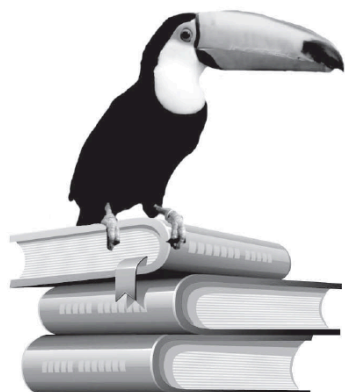
[2] Deryabkina, D.V. Safety and legal regulation of the use of unmanned aerial systems/ D.V. Deryabkina, V.V. Prokhorov // Reshetnevsky readings: Materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference dedicated to

the memory of the general designer of rocket and space systems Academician Mikhail Fedorovich Reshetnev. In 2 parts, Krasnoyarsk, November 10-14, 2025. Part 2. - Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetneva, 2025. - S. 1027-1029. – EDN SWGELM.

[3] Study of methods for ensuring information security of unmanned aerial vehicles/V. O. Zakharova, E. A. Saluev, T. N. Makhmudov, A. A. Fedotov //

Proceedings of the international symposium "Reliability and Quality." – 2023. - VOL. 1. - S. 126-130. – EDN CYQRPR.

[4] Oparin, D. E. Topical issues of the use of unmanned aerial vehicles in extinguishing landscape fires/D. E. Oparin, D. I. Sidorenko, A. R. Shakirov // Ecology and life safety: Collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, December 11-12, 2023. - Penza: Penza State Agrarian University, 2023. - S. 320-323. – EDN QHFYTB.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-48-51

Дата принятия рукописи в печать: 04.07.2026 г.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

Профессор кафедры гражданского права, д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova@gmail.com@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭЛЕКТРОННОГО ПРОФИЛЯ ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В статье исследуются теоретические и правовые аспекты цифровой идентичности гражданина и правового статуса электронного профиля как нового элемента информационно-правовой среды. Показано, что цифровая идентичность складывается из совокупности идентификационных, аутентификационных и поведенческих данных, которые формируют устойчивую цифровую проекцию личности и используются государством и частными операторами при предоставлении услуг, принятии решений и организации обмена сведениями.

Особое внимание уделяется соотношению электронного профиля с персональными данными, биометрической информацией, единым федеральным информационным регистром и механизмами межведомственного взаимодействия. Анализируются нормативные основы цифрового профилирования, закреплённые в Конституции Российской Федерации, федеральных законах об информации, персональных данных и государственных услугах, а также в подзаконных актах, связанных с экспериментом по повышению качества и связанности данных.

На основе анализа действующего законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики выявляются ключевые правовые риски: расширение целей обработки данных, вторичное использование сведений, автоматизированная дискриминация, ошибки в реестрах и ослабление контроля гражданина над собственным цифровым образом. Делается вывод о том, что электронный профиль не может рассматриваться как самостоятельный субъект права, он выступает юридически значимым информационным комплексом, требующим специального режима защиты, прозрачности и ограниченного использования.

Ключевые слова: цифровая идентичность, электронный профиль, персональные данные, правовой статус, цифровизация, государственные информационные системы, права человека.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,

Professor of the Department of Civil Law, Doctor of Law, Professor
at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

DIGITAL IDENTITY AND THE LEGAL STATUS OF THE CITIZEN'S ELECTRONIC PROFILE

Annotation. This article examines the theoretical and legal aspects of a citizen's digital identity and the legal status of an electronic profile as a new element of the information and legal environment. It demonstrates that digital identity consists of a set of identification, authentication, and behavioral data that form a stable digital projection of an individual and are used by the state and private operators to provide services, make decisions, and organize information exchange.

Particular attention is paid to the relationship between the electronic profile and personal data, biometric information, the unified federal information register, and mechanisms for interdepartmental interaction. The article analyzes the regulatory framework for digital profiling enshrined in the

Constitution of the Russian Federation, federal laws on information, personal data, and government services, as well as bylaws related to the experiment to improve data quality and connectivity.

Based on an analysis of current legislation, doctrinal sources, and law enforcement practice, key legal risks are identified: the expansion of data processing purposes, secondary use of information, automated discrimination, registry errors, and the weakening of citizen control over their digital identity. It is concluded that an electronic profile cannot be considered an independent legal entity, it is a legally significant information complex requiring a special protection regime, transparency, and limited use.

Key words: digital identity, electronic profile, personal data, legal status, digitalization, state information systems, human rights.

Цифровизация публичного управления и повседневных коммуникаций изменила способы взаимодействия гражданина с государством и перевела часть правовой связи личности в электронную форму, где человек воспринимается не только как носитель прав и обязанностей, но и как совокупность проверяемых цифровых сведений.

В этой связи цифровая идентичность приобретает значение самостоятельного научного и практического феномена, поскольку она объединяет вопросы аутентификации, доступа к услугам, защиты частной жизни и недопустимости чрезмерного наблюдения, а электронный профиль гражданина становится точкой соприкосновения конституционных прав с инфраструктурой данных [1].

Расширение цифровых реестров и сервисов повышает удобство административных процедур, но одновременно создаёт риск утраты гражданином реального контроля над сведениями о себе, а также риск подмены живой правовой связи между лицом и государством алгоритмически сформированным профилем.

Современная юридическая наука рассматривает подобные процессы как часть перехода к цифровому государству, в котором электронный профиль выполняет функцию посредника между личностью и публичной властью и потому требует ясного правового режима, обеспечивающего соразмерность вмешательства, информационную безопасность и возможность оспаривания данных [5].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аналитический методы, позволившие рассмотреть цифровую идентичность как правовой феномен на пересечении конституционного, информационного и административного регулирования.

Исходная гипотеза состоит в том, что электронный профиль гражданина представляет собой юридически значимый массив сведений, используемый для подтверждения идентичности лица, автоматизации услуг и межведомственного обмена, но не способный подменить собой субъекта права и его волю.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 149-ФЗ, Федеральный закон № 152-ФЗ, Федеральный закон № 210-ФЗ и Федеральный закон № 168-ФЗ [1-5].

Отдельное значение имеет постановление Правительства Российской Федерации № 710, которым был запущен эксперимент по повышению качества и связанности данных в государственных информационных ресурсах, показавший, что профиль гражданина формируется как интеграционный механизм, объединяющий сведения из различных реестров [6].

Доктринальная база включает публикации о цифровой идентичности, цифровом профиле и цифровой личности, где по-разному описывается соотношение между цифровой проекцией человека и его правовым положением [7-11].

Междисциплинарный подход позволил сопоставить правовые нормы с архитектурой цифровых сервисов, где одна и та же информация используется для идентификации, подтверждения статуса, автоматического заполнения документов и выстраивания пользовательского профиля.

Рассмотрение указанных категорий осуществлялось с учетом принципов уважения человеческого достоинства, свободы частной жизни, законности обработки персональных данных и минимизации собираемых сведений.

Цифровая идентичность в правовом смысле представляет собой не просто учетную запись, а совокупность сведений о лице, которая позволяет распознавать его в цифровой среде и связывать действия с юридически значимыми последствиями.

Электронный профиль гражданина можно определить как структурированный массив юридически значимой информации о лице, аккумулированный в информационных системах и пригодный для автоматизированного обмена и обновления.

На практике электронный профиль формируется на стыке режимов персональных данных, государственных информационных систем, государственных услуг и единого информационного регистра о населении [6].

Существенным признаком профиля является его производность от личности: профиль не существует вне человека, но именно через него часто осуществляется вход в сервис, проверка данных и определение допустимости взаимодействия.

Это делает профиль не только удобным административным инструментом, но и объектом повышенного правового внимания, поскольку ошибки или неправомерный сбор сведений способны повлиять на получение услуг, выплат и иных благ.

В работах о цифровой идентичности справедливо отмечается, что цифровой след человека формируется задолго до его осознанного участия в цифровой среде [7].

Отсюда вытекает правовой вывод о необходимости контролируемости профиля: субъект права должен знать, какие сведения включены в профиль, кто имеет к ним доступ и для каких целей они используются.

Если цифровую идентичность трактовать только как обязанность быть «прозрачным идентифицированным», то утрачивается баланс между интересами государства и автономией личности. Поэтому электронный профиль должен оцениваться через принципы целевого ограничения, законности и минимизации [6].

Положительный аспект цифрового профиля состоит в упрощении взаимодействия гражданина с государством: сведения можно предоставлять один раз и использовать многократно, снижая административную нагрузку.

Одновременно электронный профиль не должен превращаться в средство тотального наблюдения, поскольку чрезмерное расширение целей обработки ослабляет правовые гарантии личности.

Отдельного внимания требует вопрос об ошибках в профиле, поскольку даже незначительная неточность может повлечь отказ в услуге, задержку выплат или неверную правовую квалификацию статуса лица.

Не менее значим вопрос о биометрических и иных чувствительных данных, которые усиливают риски необратимого раскрытия личности и требуют строгих условий доступа и хранения [7].

Цифровая идентичность тесно связана и с проблемой автоматизированных решений: чем больше сведений сосредоточено в профиле, тем выше вероятность алгоритмической оценки права на услугу, кредитоспособности или добросовестности.

С точки зрения правового статуса электронный профиль не является ни субъектом права, ни объектом собственности в классическом смысле, его следует рассматривать как особый информа-

ционно-правовой комплекс с режимом охраняемого доступа.

В этой связи заслуживает внимания идея цифрового профиля как метапрофиля, отражающего ссылки на юридически значимые записи в различных реестрах и системах [10].

Такое понимание делает профиль связующим звеном между гражданином и распределенной цифровой инфраструктурой, но одновременно повышает требования к прозрачности и возможности контроля.

Итог обсуждения состоит в том, что электронный профиль должен восприниматься как юридически значимый инструмент цифрового государства, а не как нейтральная техническая база без правовых последствий.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая идентичность гражданина является самостоятельным правовым феноменом, связанным с реализацией конституционных прав и свобод в цифровой среде.

Электронный профиль гражданина следует рассматривать как юридически значимый массив данных, используемый для идентификации, аутентификации, предоставления услуг и обмена сведениями, но не обладающий самостоятельной правосубъектностью.

Главным условием допустимости функционирования электронного профиля выступает наличие чёткой правовой регламентации его состава, целей, источников формирования, порядка доступа и механизмов корректировки.

В целях дальнейшего развития законодательства представляется необходимым точнее закрепить понятие электронного профиля, определить пределы его использования и установить гарантии против автоматизированной дискриминации, ошибок реестров и несанкционированного обмена данными.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237, Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

[4] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[5] Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3742.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 23. Ст. 2963.

[7] Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207-218.

[8] Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правовое применение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5-19.

[9] Долганова О.И., Васильева Е.В., Рябов Д.А. Цифровой профиль гражданина: необходимый и достаточный набор персональных данных // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1523-1540.

[10] Кахохо Т.Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11. № 3. С. 80-90.

[11] Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 512-527.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December

25. No. 237, Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4th. № 144.

[2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3451.

[4] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4179.

[5] Federal Law of 08.06.2020 No. 168-FZ "On the Unified Federal Information Register Containing Information on the Population of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 24. Art. 3742.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.06.2019 No. 710 "On conducting an experiment to improve the quality and coherence of data contained in state information resources" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 23. Art. 2963.

[7] Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital identity, digital self-identification, digital profile: posing a problem // Bulletin of RUDN University. Series: Informatization of education. 2019. T. 16. № 3. S. 207-218.

[8] Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulatory mechanisms and implementation problems // Law enforcement. 2021. VOL. 5. № 4. S. 5-19.

[9] Dolganova O.I., Vasilyeva E.V., Ryabov D.A. Digital profile of a citizen: a necessary and sufficient set of personal data // Issues of an innovative economy. 2022. VOL. 12. № 3. S. 1523-1540.

[10] Kakoho T.G. Legal foundations of a single digital profile of a citizen // Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2023. T. 11. № 3. S. 80-90.

[11] Demkin V.O. Digital personality and digital image of a person: characteristics and place of concepts in the system of related categories // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. T. 28. № 3. S. 512-527.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-52-56

Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

ТКАЧЕНКО Анна Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
Красноярский государственный аграрный университет,
Россия, Красноярск,
e-mail: annavl.tkachenko@gmail.com

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуального состояния вопроса о соотношения правового государства и гражданского общества в Российской Федерации в современной теоретической юриспруденции. Цель исследования заключается в выявлении изменений правовых механизмов их взаимодействия и разработке авторской интерпретации вопроса с учетом тенденции развития публично-правовой системы. На основе анализа научных подходов показано, что традиционная концепция гражданского общества как внешнего ограничителя государственной власти уже не в полной мере отражает содержание актуальных публично-правовых отношений. Обосновывается вывод о том, что развитие российского законодательства сопровождается расширением форм участия институтов гражданского общества в подготовке и реализации властных решений. Предлагается рассматривать современную модель взаимоотношений правового государства и гражданского общества через призму юridизации их институционального взаимодействия. Сделан вывод, что ведущим направлением эволюции российской политико-правовой системы выступает совершенствование правовых механизмов совместного участия государства и гражданского общества в осуществлении полномочий публичной власти.

Ключевые слова: правовое государство; гражданское общество; публичная власть; институты; общественный контроль.

TKACHENKO Anna Valerievna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian
University, Russia, Krasnoyarsk

THE RULE OF LAW AND CIVIL SOCIETY: ISSUES OF CORRELATION AND INTERACTION

Annotation. The article is devoted to the study of the current state of the question of the relationship between the rule of law and civil society in the Russian Federation in modern theoretical jurisprudence. The purpose of the study is to identify changes in the legal mechanisms of their interaction and to develop an author's interpretation of the issue, taking into account the trend in the development of the public legal system. Based on the analysis of scientific approaches, it is shown that the traditional concept of civil society as an external limiter of state power no longer fully reflects the content of current public law relations. The author substantiates the conclusion that the development of Russian legislation is accompanied by an expansion of the forms of participation of civil society institutions in the preparation and implementation of government decisions. It is proposed to consider the modern model of the relationship between the rule of law and civil society through the prism of the legitimization of their institutional interaction. It is concluded that the leading direction of the evolution of the Russian political and legal system is the improvement of legal mechanisms for the joint participation of the state and civil society in the exercise of public authority.

Key words: rule of law; civil society; public authority; institutions; public control.

Вопрос о соотношении правового государства и гражданского общества относится к числу классических проблем теории государства и права. Несмотря на значительное количество исследований данной проблематики, большинство из них по-прежнему исходит из представлений, сформировавшихся в отечественной юриспруденции в конце XX – начале XXI века.

В результате основное внимание обычно уделяется определению места гражданского общества в системе признаков правового государства и обоснованию их взаимной обусловленности. Между тем современные политико-правовые процессы свидетельствуют о постепенном изменении характера взаимодействия государства и общественных институтов и необходимости переосмысления сложившихся подходов.

Первоначально идея гражданского общества развивалась как концепция автономной области общественной жизни, существующей независимо от государства и ограничивающей возможность произвольного осуществления публичной власти [6]. В различных вариантах модель гражданского общества получила развитие в трудах мыслителей Нового времени. Впоследствии она была воспринята и отечественной юридической наукой.

Правовое государство рассматривалось прежде всего как форма организации публичной власти, деятельность которой ограничена правом, тогда как гражданское общество выступало самостоятельной системой социальных связей по защите частных интересов и независимость личности. Рассматриваемая трактовка длительное время задавала рамки научной дискуссии, в которой государство и гражданское общество анализировались преимущественно как относительно самостоятельные элементы политико-правовой системы.

По мере развития юриспруденции получила распространение иная трактовка рассматриваемой проблемы. Исследователи стали исходить из невозможности существования правового государства вне развитого гражданского общества, а само гражданское общество рассматривать как необходимую социальную основу реализации принципов верховенства права, прав и свобод человека, политического плюрализма и общественного контроля [1; 5]. В этом случае правовое государство и гражданское общество характеризуются уже не как антагонизирующие явления, а как взаимосвязанные элементы единой политико-правовой организации общества; их развитие носит взаимообусловленный характер. Государство – это организация политической власти, которая необходима для выполнения поставленных государственных задач и целей, решения общенацио-

нальных дел [2, с. 149].

Сегодня практически все современные исследования ограничиваются констатацией взаимосвязи правового государства и гражданского общества, однако значительно реже анализируют изменение механизмов такого взаимодействия. Между тем именно они претерпевают наиболее заметную трансформацию. Развитие законодательства последних лет свидетельствует о расширении практики институционализации форм участия общественных объединений, профессиональных сообществ, экспертных структур, иных институтов гражданского общества в подготовке, обсуждении и реализации публичных решений. Получают распространение цифровые механизмы коммуникации граждан с органами государственной власти, а также новые формы общественного контроля и консультативного участия в разработке отдельных направлений государственно-правовой политики.

В научной литературе эти процессы получают отражение через категории сотрудничества публичной власти и гражданского общества, в том числе правового сотворчества, цифровой трансформации общественных институтов.

В современных условиях меняется сам предмет исследования – акцент смещается с выяснения вопроса о том, возможно ли существование правового государства без гражданского общества, к анализу того, каким образом изменяются формы их взаимодействия. Конституционализация Российской Федерации в качестве правового государства (статья 1 Конституции Российской Федерации), развитие институтов общественного участия, а также совершенствование механизмов взаимодействия публичной власти с гражданским обществом свидетельствуют о постепенном переходе от дуалистической модели взаимного ограничения государства и общества к модели институционального взаимодействия. Ее отличительной особенностью становится закрепление юридических механизмов совместного участия государственных и общественных институтов в решении публично значимых задач при сохранении автономии каждой стороны взаимодействия [4, с. 19].

Представление о гражданском обществе как о чем-то внешнем по отношению к государству уже не позволяет объяснить многие процессы в российской политико-правовой системе. Классическая трактовка была построена на дифференциации сфер публичной власти и самоорганизации общества: государство осуществляет управление, общество контролирует его деятельность и защищает автономию личности.

Между тем современное политико-правовое развитие демонстрирует иную логику. Государство

не ограничивается признанием автономии институтов гражданского общества, а последовательно создает механизмы их вовлечения в процессы принятия и реализации публичных решений.

Конституционные поправки 2020 г. не изменили характеристику Российской Федерации как правового государства, однако существенно скорректировали содержание модели взаимодействия государства и общества. Категории социального партнерства и солидарности, закрепленные в статье 75¹ Конституции Российской Федерации [10], трудно рассматривать исключительно как декларации. В сочетании с положением статьи 114 Конституции Российской Федерации, возлагающим на Правительство Российской Федерации обязанность обеспечивать меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, их участия в выработке и проведении государственной политики, они задают иной вектор развития публичной власти. Законодатель исходит уже не из идеи дистанцирования государства от общества, а из необходимости формирования процедур их совместной деятельности.

Если рассматривать общественный контроль в виде деятельности общественных палат, общественных советов, экспертных и консультативных органов изолированно, они воспринимаются как самостоятельные институты с собственными функциями. Однако при их сопоставлении обнаруживается общая закономерность.

Все механизмы обеспечивают участие представителей гражданского общества в тех процедурах, которые ранее относились к исключительной компетенции органов публичной власти. Речь идет не о передаче государственных полномочий общественным объединениям и не о размывании границ публичной власти. Изменяется способ ее осуществления. Законодатель последовательно закрепляет процедуры, предполагающие участие общественных институтов в обсуждении, экспертной оценке, подготовке либо сопровождении принимаемых государством решений. В современных правовых государствах на законодательном уровне закреплен целый ряд юридических процедур, представляющих собой дискурсивные формы взаимодействия органов государственной власти и общественности, в рамках которых становится возможным осуществление более качественной проработки содержательной части законопроектов [7, с. 109].

Поэтому вызывает сомнение традиционная характеристика гражданского общества исключительно как системы общественного контроля. Контроль остается одной из его функций, однако уже не определяет содержание отношений с государ-

ством. Во многих случаях общественные структуры выступают непосредственными участниками публично-правового управления. Это меняет и содержание самой категории взаимодействия. Она перестает обозначать исключительно отношения двух самостоятельных субъектов и все чаще характеризует совместное осуществление отдельных публичных функций.

Появление в научной литературе категории правового сотворчества представляется закономерным результатом этих процессов. А.В. Малько рассматривает его как высшую форму «сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаясь затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума» [3, с. 112].

Однако не вполне очевидно, что речь идет о новом самостоятельном правовом явлении. Скорее, правовое сотворчество отражает одну из форм более широкого процесса – институционального вовлечения гражданского общества в механизм осуществления публичной власти. В этом случае изменяется сама модель взаимоотношений правового государства и институтов гражданского общества.

Цифровизация как фактор совершенствования государственного управления либо повышения доступности государственных услуг лишь подчеркивает значение цифровых технологий, которое заключается прежде всего в том, что они обуславливают новые формы участия граждан и общественных объединений в публичной деятельности. Электронные общественные обсуждения, цифровые платформы обратной связи, дистанционные процедуры взаимодействия с органами власти изменяют содержание публично-правовых отношений.

Одновременно цифровая среда предоставляет государству значительно больший объем информации о институтах состоянии гражданского общества. Перечисленные изменения сложно объяснить через классическую интерпретацию взаимного ограничения государства и гражданского общества. Ее эвристические возможности постепенно исчерпываются, поскольку значительная часть современных институтов уже не укладывается в рамки этой схемы [8, с. 18].

Более адекватным представляется иной подход. В современной России формируется модель, при которой автономия гражданского общества сохраняется параллельно с ростом числа институ-

ционально оформленных процедур его участия в осуществлении публичных функций. Именно преобразование этих процедур составляет основное содержание современного этапа их развития.

Проведенный анализ показывает, что используемые в отечественной юриспруденции модели взаимодействия правового государства и гражданского общества уже не в полной мере отражают современное состояние публично-правовых отношений. Традиционное противопоставление государства как носителя публичной власти и гражданского общества как автономной сферы самоорганизации общества сохраняет теоретическую значимость, однако объяснительные возможности классической интерпретации постепенно сокращаются. Существенная часть институтов, сформировавшихся в последние годы, уже не укладывается в такую модель.

Прежде всего вызывает сомнение представление о гражданском обществе исключительно как о внешнем ограничителе государственной власти. Такая интерпретация соответствует классической либеральной модели правового государства, в которой общественные структуры призваны противостоять концентрации публичной власти и обеспечивать реализацию конституционных прав личности. Подобная функция сохраняет свое значение и в настоящее время, однако она уже не исчерпывает содержание взаимоотношений государства и гражданского общества.

Не менее ограниченной представляется и концепция сотрудничества государства и общества, получившая широкое распространение в современной юридической литературе. Категория сотрудничества признавала описывать сам факт совместной деятельности, однако практически ничего не говорит о ее организации. За пределами исследования остается вопрос, посредством каких механизмов осуществляется участие институтов гражданского общества в реализации публичных функций и каким образом подобное участие влияет на содержание правомочий самой публичной власти.

Представляется, что происходящие изменения целесообразно рассматривать через категорию институционального взаимодействия. Ее использование позволяет сместить исследовательский акцент с характеристики субъектов на анализ тех процедур, которые и обеспечивают их совместную деятельность.

В таком случае предметом исследования становятся уже не государство и гражданское общество как самостоятельные элементы политико-правовой системы, а юридические формы их взаимодействия в процессе осуществления публичного управления.

Предлагаемая автором модель исходит из того, что правовое государство не ограничивается созданием условий для развития гражданского общества. Его деятельность шире – она включает формирование процедур, обеспечивающих участие общественных институтов в подготовке, обсуждении, реализации и оценке публичных решений. В свою очередь, гражданское общество осуществляет функции общественного контроля в том числе и через непосредственное участие в осуществлении отдельных публично-властных функций. Российское государство «является и правовым и социальным государством, так граждане нашего государства находятся под охраной и защитой государства» [9, с. 397].

Общественные палаты, общественные советы, общественный контроль, экспертные учреждения, цифровые платформы общественного участия не являются разрозненными институтами. Их объединяет общая функция – институционализация участия гражданского общества в механизме публичного управления. Каждый из них представляет собой собственную форму взаимодействия государства и общества.

Совместное участие государства и общественных институтов в подготовке правовых решений действительно отражает одно из наиболее заметных направлений развития публичной власти. Вместе с тем правотворческая деятельность составляет лишь часть более широкого процесса институционального взаимодействия. Аналогичные механизмы формируются и в правоприменительной, контрольной, экспертной, консультативной и иных сферах публичной деятельности. Следовательно, правовое сотворчество следует рассматривать как одно из проявлений институционального вовлечения институтов гражданского общества в систему публичного управления.

Предлагаемый подход не стирает границы между правовым государством и гражданским обществом. Автономия общественных институтов продолжает выступать условием существования правового государства. Изменяется иной элемент рассматриваемой конструкции – юридическая организация их взаимодействия. Если ранее основное внимание уделялось дифференциации компетенции государства и общества, то теперь все чаще задействованы формы их совместного участия в решении публично значимых вопросов.

В результате формируется новая модель взаимодействия правового государства и гражданского общества, основанной на институциональном закреплении различных форм общественного участия в осуществлении публичной власти. Ее отличительной особенностью выступает усложнение юридических механизмов, посредством кото-

рых обеспечивается согласование публичных и частных интересов, что не меняет сущности правового государства или гражданского общества, но определяет современное направление развития российской политико-правовой системы.

Список литературы:

- [1] Багаев С.А. К вопросу о построении гражданского общества государством: теоретико-правовой аспект // Вопросы права. 2023. № 2. С. 1–18.
- [2] Зуев А.В. Правовое государство и гражданское общество в России: проблемы становления // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 10-1. С. 147–152.
- [3] Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3 (58). С. 110–113.
- [4] Никитина Е.Е. Правовые формы взаимодействия гражданского общества и государства: модели и система // Гражданское общество в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 17–23.
- [5] Опалева А.А., Опалев А.В., Яковлев К.Л. Правовая гармонизация интересов личности, общества и государства как условие поддержания гражданского мира и согласия // Современное право. 2024. № 4. С. 25–30.
- [6] Полищук Н.И. Аксиологическая сущность единства правового государства и гражданского общества // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2022. № 28. С. 11–22.
- [7] Попов В.И. Правовая коммуникация государства и гражданского общества как способ преодоления социальных противоречий и модернизации действительного права // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 107–111.
- [8] Працко Г.С. Особенности правового порядка как ценностного состояния общественных отношений (в условиях гражданского общества и правового государства) // Современное право. 2022. № 11. С. 16–20.
- [9] Ткаченко А.В. Россия: правовое или социальное государство: вопросы соотношения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 396–398.

[10] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

References:

- [1] Bagaev S.A. On the issue of building civil society by the state: theoretical and legal aspect // Legal issues. 2023. № 2. S. 1-18.
- [2] A.V. Zuev. The Rule of Law and Civil Society in Russia: Problems of Formation // Issues of Russian and International Law. 2022. VOL. 12. № 10-1. S. 147-152.
- [3] Malko A.V. Legal co-creation as the highest form of cooperation between state bodies and civil society institutions // Legal culture. 2024. № 3 (58). S. 110-113.
- [4] E.E. Nikitina. Legal forms of interaction between civil society and the state: models and system // Civil society in Russia and abroad. 2022. № 3. S. 17-23.
- [5] Opaleva A.A., Opalev A.V., Yakovlev K.L. Legal harmonization of the interests of the individual, society and the state as a condition for maintaining civil peace and harmony // Modern law. 2024. № 4. S. 25-30.
- [6] Polishchuk N.I. Axiological essence of the unity of the rule of law and civil society // Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical-methodological aspects." 2022. № 28. S. 11-22.
- [7] Popov V.I. Legal communication of the state and civil society as a way to overcome social contradictions and modernize real law // State legal research. 2022. № 5. S. 107-111.
- [8] G.S. Pratsko. Peculiarities of the legal order as a value state of social relations (in conditions of civil society and the rule of law) // Modern law. 2022. № 11. S. 16-20.
- [9] Tkachenko A.V. Russia: legal or social state: issues of correlation // Law and state: theory and practice. 2024. № 8 (236). S. 396-398.
- [10] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec 25 No. 237.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-57-61

ЧИРЕЙКИН Никита Михайлович,
адвокат, Адвокатская палата Новосибирской области
аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
университет экономики и управления»,
e-mail: 9437375@mail.ru

ТРЕХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правовой политики Российской Федерации по вопросу обеспечения права граждан на жилище. Предпринимается попытка выделить и научно обосновать трехуровневую систему гарантий (ценностный, институциональный и процедурно-обеспечительный уровни), которая может служить универсальной теоретической матрицей для анализа эффективности механизмов защиты не только права собственности, но и иных конституционных прав граждан. Отмечается роль правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который скрепляет все три уровня и обеспечивает верховенство конституционных гарантий над отраслевым законодательством и правоприменительной практикой.

Ключевые слова: гарантия прав и свобод, проблемы в законодательстве, защита прав, Конституция РФ, способы защиты жилищных прав, система гарантий.

CHIREIKIN Nikita Mikhailovich,
Lawyer, Novosibirsk Region Bar Association Graduate Student,
Novosibirsk State University of Economics and Management

THREE-LEVEL MODEL OF GUARANTEES OF CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ASPECT OF PROTECTION OF THE RIGHT TO HOUSING

Annotation. The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal policy of the Russian Federation on the issue of ensuring the right of citizens to housing. An attempt is made to identify and scientifically substantiate a three-level system of guarantees (value, institutional, and procedural-enforcement levels), which can serve as a universal theoretical matrix for analyzing the effectiveness of mechanisms for protecting not only property rights, but also other constitutional rights of citizens. The role of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation is noted, which binds all three levels together and ensures the supremacy of constitutional guarantees over sectoral legislation and law enforcement practice.

Key words: guarantee of rights and freedoms, problems in legislation, protection of rights, The Constitution of the Russian Federation, ways to protect housing rights, the guarantee system.

Конституция Российской Федерации (далее: Конституция РФ) 1993 года закрепила принципиально новую концепцию прав и свобод человека и гражданина, провозгласив их высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту — обязанностью государства. Однако само по себе конституционное признание прав и свобод не гарантирует их фактической реализации. Между формально-юридическим закреплением прав и их реальным осуществлением существует сложный, многоуров-

невый механизм, требующий системного научного осмысления. Однако, как отмечает Н.В. Витрук, возможность человека прибегнуть к государственной защите нарушенных прав — это базис конституционного права России [1; 276 — 277].

Предметом нашего исследования является анализ конституционных гарантий прав граждан на жилище в Российской Федерации, конституционный принцип неприкосновенности собственности, носящий характер фундаментального право-

вого принципа.

Цель исследования, проведенного в данной статье, – выявление и описание иерархической системы гарантий прав и свобод граждан Российской Федерации в аспекте защиты их конституционного права на жилище.

В современной юридической науке категория «гарантии прав и свобод» традиционно рассматривается через призму общесоциальных (экономических, политических, духовных) и юридических условий и средств, обеспечивающих реализацию, охрану и защиту прав личности. Значительный вклад в разработку данной проблемы был внесен работами известных отечественных ученых-правоведов: С.С. Алексеева, М.В. Баглая, Н.В. Витрука, О.Е. Кутафина, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, И.Л. Петрухина, Б.С. Эбзеева и других. Значительное место в литературе уделено классификации гарантий, соотношению понятий охраны и защиты прав, а также роли отдельных институтов – Президента, судебной системы, прокуратуры, Уполномоченного по правам человека – в механизме их обеспечения.

При этом большинство исследований либо ограничиваются анализом отдельных видов гарантий, либо сосредотачиваются на институциональном или нормативном аспектах проблемы в отрыве друг от друга. Между тем, практика реализации и защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации свидетельствует о том, что эффективность гарантийного механизма зависит не только от качества законодательства или деятельности отдельных органов, но и от системного взаимодействия всех его элементов. Это актуализирует необходимость разработки теоретической модели, которая позволила бы представить систему гарантий прав и свобод как целостное, многоуровневое образование, отражающее как структурное строение, так и функциональную динамику гарантийного механизма.

Можно утверждать, что конституционные гарантии прав и свобод образуют иерархическую структуру, в которой фундаментальный (конституционный) уровень обладает высшей юридической силой и не может быть поколеблен отраслевым законодательством или правоприменительной практикой. Этот фундамент обеспечивается правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее: Конституционный Суд РФ). Мы считаем, что правомерно говорить о существовании трёхуровневой модели гарантий (Конституция → Закон → Правоприменение). Рассмотрим эту модель.

Фундаментальный уровень: Конституция как акт прямого действия и высшая ценность.

Конституция РФ формирует незыблемый

фундамент всей системы гарантий. Этот уровень характеризуется двумя ключевыми свойствами:

Во-первых, прямым действием. Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Это означает, что права и свободы, закреплённые в ней, не являются лишь декларацией. Как неоднократно разъяснял Пленум Верховного Суда Российской Федерации, суды при рассмотрении дел обязаны оценивать содержание закона и во всех необходимых случаях применять Конституцию непосредственно, в частности, когда закреплённые ею нормы не требуют дополнительной регламентации.

Во-вторых, приоритетом прав человека. Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства. Это задаёт вектор для всего правового регулирования: именно конституционные права определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех ветвей власти (ст. 18 Конституции РФ).

Таким образом, никакой отраслевой закон не может сузить или исказить суть конституционной гарантии – это недопустимо в силу ч. 1 ст. 15 Конституции РФ.

Наиболее показательным примером, подтверждающим невозможность сужения конституционной гарантии отраслевым законом, является правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П [2]. Рассматривая вопрос о соотношении процессуальных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предписывающих пересмотр дел ввиду постановлений Европейского Суда по правам человека, с требованиями Основного Закона, Конституционный Суд РФ однозначно указал, что даже международный договор и основанные на нем решения межгосударственного органа не могут отменить приоритет Конституции РФ. Тем самым Конституционный Суд РФ подтвердил: отраслевое процессуальное законодательство, как и любые иные нормы, должно применяться только в конституционном «коридоре», а их буквальное толкование, ведущее к искажению сути конституционных прав, является недопустимым. Более того, Конституционный Суд РФ создал специальный процессуальный фильтр, позволяющий в каждом конкретном случае приостановить применение отраслевой нормы, если это угрожает искажением конституционного смыс-

ла.

В отношении темы нашего исследования можно утверждать, что признание права частной собственности на жилище является не просто субъективным правом, а основой конституционного правопорядка (ст. 1, ст. 2, ст. 35, ст. 40 Конституции РФ). Это ценностная доминанта.

Уровень законодательного регулирования: Конституционный Суд РФ как «страж» Конституции.

Второй уровень – это отраслевое законодательство, которое призвано конкретизировать конституционные нормы, но не может им противоречить. Именно здесь ключевую роль играет Конституционный Суд РФ, который является гарантом того, что законодатель не выходит за рамки, очерченные Конституцией. Это проявляется в двух аспектах:

Оценка конституционности закона. По запросам судов (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ) или жалобам граждан Конституционный Суд РФ проверяет, соответствует ли Конституции закон, применённый или подлежащий применению в конкретном деле. Если суд при рассмотрении дела приходит к выводу о неопределённости в вопросе конституционности закона, он обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом. Это – важнейший механизм, не позволяющий «поколебать фундамент» отраслевым актом.

Выявление конституционно-правового смысла. Конституционный Суд РФ не просто признаёт норму конституционной или нет. Он может выявить её конституционно-правовой смысл, устраняя недостатки законодательства и наполняя его истинным содержанием. Как отмечается в научной литературе, своими постановлениями Суд восполняет пробелы в законодательстве и «устанавливает правовые пределы» в деятельности органов власти, отстаивая основополагающие принципы. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых уясняется содержание прав и свобод, становятся обязательными ориентирами для законодателя и правоприменителя.

Приведем конкретный пример из практики Конституционного Суда РФ с кратким анализом для иллюстрации: Защита добросовестного приобретателя жилья, закрепленная Постановлением Конституционного Суда РФ № 22-П от 26 мая 2025 года «По делу о проверке конституционности пп. 1 и 2 ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Панкратовой» [3].

Суть дела состоит в следующем: администрация г. Судака Республики Крым незаконно передала жилье из публичной собственности граж-

данам, те его продали. Позже власти оспорили сделку, пытаясь истребовать квартиру у добросовестного покупателя (который не знал о нарушениях). Верховный Суд Республики Крым и Верховный Суд Российской Федерации решение суда первой инстанции оставили без изменения.

Конституционный Суд РФ своим Постановлением разъяснил, что если действия органов власти были оформлены актами о передаче жилья, то жилье не считается выбывшим помимо воли публичного образования. Это значит, что у добросовестного приобретателя квартиру истребовать нельзя (запрет виндикации), а государство должно требовать компенсацию с виновных чиновников. Таким образом Конституционный Суд РФ ставит стабильность гражданского оборота и права добросовестного покупателя выше имущественных интересов государства, если государство само создало проблему своей ошибкой.

А значит, отраслевые нормы (Гражданский Кодекс, Жилищный Кодекс, Градостроительный Кодекс) не могут устанавливать правила, которые девальвируют этот принцип главенства Конституции РФ.

Уровень правоприменения: непосредственная защита и судебный контроль.

Третий уровень – это действия судов и иных органов при применении закона к конкретным жизненным ситуациям. Именно здесь наиболее очевидна неизбежность конституционного фундамента.

А) Прямое применение Конституции судами. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды обязаны применять Конституцию напрямую в двух ключевых случаях:

Когда норма Конституции не требует дополнительной регламентации и является самодостаточной.

Когда Конституционным Судом РФ выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием неконституционным нормативного акта.

В этой ситуации, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суд непосредственно применяет Конституцию РФ. Это иллюстрирует тезис о том, что даже если отраслевой закон отсутствует или признан недействующим, конституционная гарантия сохраняет силу и подлежит защите.

Б) Невозможность преодоления конституционной нормы. Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. Акты, признанные неконституционными, утрачивают силу, а основанные на них решения судов не подлежат

исполнению и должны быть пересмотрены.

В) Конституционные гарантии правосудия. Само правосудие строится на конституционных гарантиях, которые суды обязаны соблюдать неукоснительно. Это, например, право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом (ст. 46, ст. 47, ст. 123 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчёркивал, что реализация права на судебную защиту невозможна, если суд не обеспечил сторонам равные процессуальные права и не оценил все их доводы. Если суд нарушает эти конституционные гарантии, его решение не может считаться законным, несмотря на формальное соответствие процессуальному закону.

Приведем примеры судебной практики, касающиеся реализации правовой позиции Конституционного Суда РФ через законодательные изменения – Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2023 года № 20-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 8 и 10 ст. 32 и п. 1 ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, п. 3 ст. 2 и ч. 3 ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» в связи с жалобами граждан С.Н. Бирюковой, А.Л. Лебедева и Т.С. Лебедевой, С.З. Раджабова [4]. Поскольку жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд РФ соединил дела по этим обращениям в одном производстве. Все дела касаются защиты прав на жилище малоимущих граждан, а также семей с детьми-инвалидами, а именно предоставление вне очереди жилых помещений по договорам социального найма гражданам, чье жилье признано в установленном порядке непригодным для проживания и не подлежит ремонту или реконструкции.

Данный пример наиболее ярко демонстрирует механизм «преодоления» конституционной нормы через законодательную реакцию на акт Конституционного Суда РФ. Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2023 г. № 20-П отдельные положения Жилищного кодекса Российской Федерации были признаны неконституционными в той мере, в какой они не обеспечивали системного решения жилищного вопроса для граждан, признанных малоимущими и проживающих в непригодных для проживания помещениях.

В ответ на данное постановление, которое обязывало законодателя устранить пробел, был принят Федеральный закон от 14 февраля 2024 года № 14-ФЗ. Закон внёс изменения в ст. 57 и 95 Жилищного кодекса Российской Федерации, установив внеочередной порядок предоставления жилья по договорам социального найма для

собственников единственного жилья, признанного непригодным для проживания. Этот случай важен тем, что демонстрирует недопустимость сохранения в правовом порядке норм, признанных неконституционными, и их обязательную замену новым регулированием, что является формой преодоления «конституционного дефекта».

Таким образом, третий уровень гарантий в применении к объекту нашего исследования состоит в том, что суды обязаны толковать неясности в пользу сохранения жилища гражданами, а не его утраты.

Трёхуровневая модель гарантий работает как единый механизм. Конституция является незыблемым фундаментом, определяющим ценностные ориентиры. Законодатель действует в рамках, очерченных Конституцией, а Конституционный Суд РФ своим толкованием и проверкой не позволяет отраслевым законам «поколебать» этот фундамент. Наконец, правоприменитель (суды) обязан защищать конституционные права напрямую, даже в отсутствие отраслевой нормы, и не может применять закон, противоречащий Конституции РФ. Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда РФ выступают тем цементирующим раствором, который скрепляет все три уровня и обеспечивает верховенство конституционных гарантий над отраслевым законодательством и правоприменительной практикой.

Таким образом, нами предлагается научно обоснованная трехуровневая система гарантий (ценностный, институциональный и процедурно-обеспечительный уровни), которая может служить универсальной теоретической матрицей для анализа эффективности механизмов защиты не только права собственности, но и иных конституционных прав граждан. Кроме того отмечается, что конституционный принцип неприкосновенности собственности носит характер фундаментального правового принципа, ограничение которого допустимо лишь в исключительных случаях и только на основании федерального закона, причем такое ограничение не должно посягать на само существо права. Пересмотр этого принципа в сторону его сужения через подзаконные акты или правоприменительную практику без внесения поправок в Конституцию является недопустимым и свидетельствует о конституционном нигилизме.

Список литературы:

- [1] Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности.— Москва: Норма, 2008. — 447 с.
- [2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите

прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 11.07.2026).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2025 N 22-П «По делу о проверке конституционности пп. 1 и 2 ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Панкратовой» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505985/ (дата обращения: 11.07.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 N 20-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 8 и 10 ст. 32 и п. 1 ч. 2 ст. 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, п. 3 ст. 2 и ч. 3 ст. 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» в связи с жалобами граждан С.Н. Бирюковой, А.Л. Лебедева и Т.С. Лебедевой, С.З. Раджабова // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/ (дата обращения: 11.07.2026).

References:

[1] Vitruk N.V. General theory of the legal status of personality. - Moscow: Norma, 2008. - 447 s.

[2] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 N 21-P "In the case

of checking the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law "On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols," Clauses 1 and 2 of Art. 32 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation," Part 1 and 4 of Art. 11, clause 4 part 4 of Art. 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Part 1 and 4 of Art. 13, Clause 4, Part 3 of Art. 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Part 1 and 4 of Art. 15, clause 4 of part 1 of Art. 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and clause 2 of part 4 of Art. 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (date of appeal: 11.07.2026).

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.05.2025 N 22-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 2 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T.V. Pankratova" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505985/ (date of appeal: 11.07.2026).

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.04.2023 N 20-P "In the case of checking the constitutionality of parts 1, 8 and 10 of article 32 and paragraph 1 of part 2 of article 57 of the Housing Code of the Russian Federation, Clause 3 of Art. 2 and Part 3 of Art. 16 of the Federal Law "On the Fund for Assistance to the Reform of Housing and Communal Services" in connection with the complaints of citizens S.N. Biryukova, A.L. Lebedeva and T.S. Lebedeva, S.Z. Radjabova // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/ (accessed on: 11.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-62-69

СОЛОВЬЁВ Александр Сергеевич,
Государственное казенное учреждение «Московский центр
недвижимости», главный юрисконсульт, аспирант кафедры
конституционного права Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: alexsolovv26@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СЛОВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Аннотация. Предметом исследования является принцип свободы слова и убеждений в условиях современных информационных вызовов. В данной статье рассматривается проблема поиска баланса между защитой этого конституционного принципа и необходимостью противодействия распространению противоправного контента. Цель работы — проанализировать актуальные законодательные подходы и правоприменительную практику, а также выработать предложения по их совершенствованию.

В исследовании применялась методология, основанная на сравнительно-правовом, формально-юридическом и системном анализе. Были изучены концепции российского и зарубежного законодательства, а также практика Европейского суда по правам человека. В результате выявлена тенденция к ужесточению государственного контроля в информационной сфере и проблема «инфляции» законодательных запретов. Раскрываются проблемы, связанные с применением норм об ответственности за распространение недостоверной информации и проявлением неуважения к власти.

Научная новизна заключается в комплексном анализе трансформации принципа свободы слова в цифровую эпоху. Вкладом автора в исследование является обобщение опыта правового регулирования и выявление рисков для фундаментальных прав. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства путем уточнения правовых дефиниций и установления соразмерных критериев для ограничения свободы слова. Область применения результатов — нормотворческая деятельность и правоприменительная практика.

Ключевые слова: свобода слова, свобода убеждений, информационные вызовы, правовое регулирование, ограничение прав, недостоверная информация, государственный контроль, конституционные права, цифровизация.

SOLOVYOV Alexander Sergeevich,
State Public Institution Moscow Real Estate Center. Chief Legal
Counsel. Postgraduate student of the Department of Constitutional
Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF SPEECH IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION

Annotation. The subject of the research is the principle of freedom of speech and belief in the context of modern information challenges. This article addresses the problem of finding a balance between protecting this constitutional principle and the need to counter the dissemination of illegal content. The objective of the work is to analyze current legislative approaches and law enforcement practices, as well as to develop proposals for their improvement.

The research methodology was based on comparative-legal, formal-legal, and systemic analysis. The concepts of Russian and foreign legislation, as well as the practice of the European Court of Human Rights, were studied. As a result, a trend towards tightening state control in the

information sphere and the problem of "inflation" of legislative prohibitions were identified. The paper reveals problems related to the application of norms on liability for disseminating false information and showing disrespect for authority.

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the transformation of the principle of freedom of speech in the digital era. The author's contribution to the research is the generalization of legal regulation experience and the identification of risks to fundamental rights. The author concludes that it is necessary to improve legislation by clarifying legal definitions and establishing proportional criteria for restricting freedom of speech. The field of application for the results is rulemaking and law enforcement practice.

Key words: *freedom of speech, freedom of belief, information challenges, legal regulation, restriction of rights, false information, state control, constitutional rights, digitalization.*

Свобода слова, закрепленная в статье 29 Конституции Российской Федерации [16], представляет собой основополагающее право человека, гарантированное государством, которое обеспечивает возможность свободно выражать свои мысли, мнения и убеждения по любым вопросам общественной, государственной и иной значимости, используя для этого устную или письменную речь, выступления на собраниях и митингах, а также иные законные средства коммуникации.

Нормативное закрепление принципа свободы слова обладает объективной правовой природой и существенным значением для правовой системы. Прежде всего, данное положение является реализацией конституционной функции государства, состоящей в признании, соблюдении и защите указанного права в качестве одной из основополагающих ценностей [6, с. 244]. Кроме того, указанный принцип выступает обязательным условием для функционирования гражданского общества и демократического режима, при котором многонациональный народ, являясь единственным источником власти, осуществляет свои полномочия, в частности, посредством свободного выражения собственных взглядов и позиций [12, с. 93]. Фиксация публичной оценки проводимой государственной политики создает предпосылки для объективного обоснования значительных общественных и политических преобразований. Наконец, реализация свободы слова неизбежно сопряжена с законодательно установленными изъятиями, которые формируют правовые пределы ее использования в интересах обеспечения основ конституционного строя, охраны здоровья, нравственности, прав и законных интересов иных лиц [8, с. 146].

Однако в современных условиях, характеризующихся стремительной цифровизацией, геополитической турбулентностью и ростом экстремистских угроз, реализация свободы слова сталкивается с новыми вызовами, особенно обостренными в контексте специальной военной операции (СВО). Ответом на них стали законодательные новации, направленные на противодействие мани-

пуляции общественным сознанием и распространению деструктивного контента. Это порождает необходимость поиска баланса между незыблемостью конституционного права и интересами национальной безопасности.

Итак, поскольку современное общество представляет собой сложноорганизованную систему, свобода слова не может носить абсолютный характер. В этой связи правовая доктрина и законодательство обоснованно устанавливают её пределы, позволяющие достичь баланса между интересами личности, общества и государства.

В рамках данного подхода следует проводить разграничение между правомерным ограничением конституционного права на свободное распространение информации и механизмом правовой охраны общества от деструктивных проявлений. К последним относятся действия, направленные на подрыв общественной безопасности, разжигание социальной розни, распространение заведомо ложной информации, а также иные формы неуважения к правам и законным интересам других лиц [4, с. 198].

Установление таких правовых рамок не противоречит природе свободы слова, а, напротив, обеспечивает её устойчивое существование в правовом поле.

Л.М. Большаков подчёркивает, что определение границ свободы слова должно осуществляться в контексте принципа недопустимости злоупотребления субъективными правами. Сущность ограничений свободы личности заключается в установлении разграничительной линии между конкурирующими субъективными правами, что обусловлено системной взаимосвязью всех прав и свобод человека. Особое значение имеют внутренние, имманентные границы свободы, проистекающие из её природы. В сфере свободы слова таким естественным рубежом выступает момент перехода от внутренней свободы мысли к внешней форме её выражения, что требует учёта установленных законом рамок [1, с. 69].

Интересной позиции придерживается и В.А. Лебедев. По его мнению, пределы реали-

зации свободы личности и степень её автономии формируются под воздействием объективных законов общественного прогресса. Государство вправе устанавливать ограничения, направленные на обеспечение свободы каждого индивида в социуме, причём такие ограничения носят не произвольный, а объективно необходимый характер, обусловленный балансом частных и публичных интересов [10, с. 133].

Необходимо констатировать, что при отсутствии конкретных ограничений пределы права остаются умозрительной конструкцией, тогда как законодательно установленные изъятия, по сути, отражают меру допустимого вмешательства публичной власти и позволяют выявить соотношение между естественными пределами и нормативно закреплёнными предписаниями.

Современный цифровой поле характеризуется доминированием сети Интернет в качестве ключевого инструмента получения информации, что обусловлено её общедоступностью, высокой скоростью обновления информации, а также мультимедийностью, позволяющей воспринимать данные через текстовые, аудиовизуальные и графические материалы. Вместе с тем, как обоснованно указывает О.С. Жукова, глобальная сеть одновременно представляет собой наиболее удобную и слабо регулируемую площадку для распространения идеологии экстремизма. Эта парадоксальная особенность обусловлена минимальными операционными издержками на трансляцию деструктивного контента, высокой скоростью его распространения, а также отсутствием унифицированной международно-правовой базы, способной осуществлять эффективное регулирование в данной сфере [5, с. 6].

Актуальность и масштабность данной угрозы находят своё объективное подтверждение в документах стратегического планирования и данных официальной статистики.

Так, в Указе Президента РФ от 28 декабря 2024 г. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [17] констатируется, что на современном этапе отмечается эскалация радикальных настроений в отдельных социальных группах и интенсификация как внешних, так и внутренних экстремистских угроз. Мониторинг ведомственной статистики МВД России фиксирует устойчивую динамику роста регистрируемых преступлений экстремистской направленности: 52 случая в январе 2022 года (прирост 15,6% в годовом исчислении) и 134 случая в январе 2023 года (увеличение на 157,7% относительно января 2022 года). Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин сообщил о значительном увеличении количества

уголовных дел об экстремизме, переданных в судебные инстанции в 2024 г.: рост составил 43% по сравнению с 2023 годом, а число лиц, привлечённых в качестве обвиняемых, возросло более чем на 50% [18]. В 2025 г., по данным ГИАЦ МВД России, зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (+59,4%) и 2241 преступление экстремистской направленности (+30,4%) [19].

В ответ на существенный рост распространения недостоверной информации Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций обратилась к СМИ с требованием использовать в своих публикациях исключительно официальные российские источники [20]. Наряду с этим отмечается, что Роскомнадзор в рамках полномочий, предоставленных статьёй 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ [21], осуществляет оперативное блокирование информационных материалов, содержащих заведомо ложные сведения.

Особый правовой режим регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объективно обусловлен её специфическими свойствами, прежде всего способностью к мгновенному распространению информации в глобальном масштабе. Данная технологическая особенность детерминирует прямую угрозу оказания масштабного воздействия на общественное сознание, что создаёт необходимость установления специальных правовых механизмов контроля [9, с. 65]. В условиях стремительной циркуляции информации даже единичная публикация способна инициировать лавинообразную реакцию и привести к дестабилизации общественного порядка.

Правомерность требования использовать официальные источники в периоды кризиса обусловлена не столько соображениями ограничительного характера, сколько логикой защиты публичного интереса. В условиях, когда дезинформация становится фактором, дестабилизирующим общественный порядок и порождающим коллективную панику, данная мера выступает в роли превентивного барьера [13, с. 94]. С практической точки зрения, она вызвана к жизни ограниченными ресурсами государства, не позволяющими осуществлять перманентный мониторинг и верификацию контента в каждом канале коммуникации.

В то же время, стоит отметить, что в современной России существует ряд проблем в реализации права на свободу слова и мысли, требующих разработки решений.

На практике наблюдается существенное расхождение между дозволенным национальным законодательством и внутренней политикой интернет-платформ. В то время как федеральное регу-

лирование, как правило, запрещает не сам факт распространения определённых категорий информации (таких как материалы, содержащие дискриминационные высказывания, сцены насилия или откровенного характера), а лишь пропаганду или оправдание деструктивных явлений, а также вводит возрастные цензы, администраторы онлайн-сервисов нередко устанавливают более строгие, превентивные запреты, полностью блокируя доступ к подобному контенту, что можно наблюдать в регламентах таких платформ, как Twitch или Pinterest.

Суть проблемы заключается в асимметрии правовых требований, предъявляемых к государству и частным корпорациям. К законодателю правомерно требование соблюдения принципов правовой определённости, нормативной ясности и предсказуемости правоприменения, что обеспечивает равенство всех перед законом и судом [7, с. 231]. В отличие от этого, владельцы цифровых платформ, будучи субъектами частного права, формально не связаны данными конституционными стандартами при разработке и изменении своих пользовательских соглашений и правил сообщества. Это создаёт правовой вакуум, в котором возможны злоупотребления, связанные с неясностью, изменчивостью и односторонним толкованием внутренних регламентов.

Выход из сложившейся ситуации видится в поиске адекватного правового механизма, который обеспечил бы защиту прав пользователей без радикального пересмотра правовой природы интернет-компаний. Один из предлагаемых путей – признание за крупнейшими информационными посредниками публично-правового статуса с распространением на них соответствующих конституционных требований [2, с. 647].

Само по себе выполнение платформой социально значимой функции по фильтрации деструктивного контента не является достаточным основанием для её квалификации в качестве публичного субъекта, поскольку аналогичные общественно полезные функции выполняют и иные частные организации (например, в сфере здравоохранения или образования), не приобретая при этом статус *state actor*. Как показывает сравнительно-правовой анализ, в частности, американской правовой доктрины, ключевым критерием для такого «опубликования» является выполнение функции, которая исторически и в исключительном порядке относится к прерогативе государства [15, с. 45].

Следует учитывать, что практика модерации публикуемых материалов, будучи неотъемлемым элементом редакционной политики, широко распространена среди субъектов медиасферы, функционирующих в публичном информационном

пространстве. Поскольку деятельность таких лиц осуществляется вне рамок публично-властного регулирования и не наделена государственными прерогативами, правовая оценка их деятельности через призму обязанности соблюдения конституционных прав и свобод представляется дискуссионной с точки зрения прямого действия норм конституционного права.

Более того, абсолютный запрет на установление не предусмотренных законом ограничений существенно сужает возможности владельцев сайтов осуществлять предпринимательскую, информационную и творческую деятельность.

Следует констатировать, что прямое законодательное ограничение усмотрения владельцев онлайн-платформ исключительно рамками, прямо предписанными законом, объективно сужает сферу их автономии. Хотя в современной правовой практике различных государств прослеживается тенденция к приведению корпоративных стандартов цифровых платформ в соответствие с национальным законодательством, оправданным является тезис о недопустимости полного лишения администрации социальной сети прерогативы самостоятельного определения критериев допустимого контента. В данном контексте праву на свободное распространение информации корреспондирует конституционно гарантированная свобода экономической деятельности, охватывающая и автономию воли при установлении правил пользования цифровым сервисом, что в своей совокупности создаёт сложный механизм взаимодействия и балансирования частных и публичных интересов в информационном пространстве.

Безусловно, возложенная на государство обязанность по поддержанию справедливого баланса в информационной сфере включает обеспечение реального доступа к эффективному судебному контролю за соблюдением фундаментальных прав граждан [11, с. 111]. При этом признание за администрацией интернет-ресурса права на формирование собственных правил модерации не снимает с публичной власти ответственности за создание юридических процедур, позволяющих пользователю обжаловать в судебном порядке решения владельца платформы, нарушившие его права. Данный механизм правовой защиты должен распространяться и на ограничения, наложенные на основании предписаний национального законодательства.

В условиях, когда значительная часть общественной коммуникации переместилась в цифровую среду, государство обязано обеспечивать защиту традиционных прав и свобод, приобретающих новое звучание. Наделение интернет-компаний квазирегуляторными полномочиями создаёт

серьезные риски для свободы выражения мнений, поскольку на эти субъекты не распространяется в полной мере обязанность соблюдать конституционные гарантии прав человека, принципы правового равенства и соразмерности.

В то же время, риски непрозрачной модерации в социальных сетях не могут быть устранены за счет умаления прав самих владельцев платформ. Придание фундаментальным правам «горизонтального эффекта» способно возложить на частные организации непомерное бремя. В этой связи легитимация права социальных сетей устанавливать собственные правила должна сопровождаться законодательным закреплением императивных требований к содержанию, форме и процедуре введения таких ограничений.

Далее, необходимо подчеркнуть важность вопроса открытости правительственной информации для граждан. Средств массовой информации, в их традиционном понимании (теле- и радиовещание), зачастую оказывается недостаточно для формирования у населения, в особенности у молодежной аудитории в возрасте 18-35 лет, целостного представления о механизмах государственного управления, ходе нормотворческого процесса и содержании вступивших в юридическую силу нормативных правовых актов. Следствием данной тенденции является недостаточный уровень информированности молодых граждан о структуре и функциях государственного аппарата, что создает объективные препятствия для их полноценного участия в публично-правовой жизни страны. При этом право на информацию, будучи одним из фундаментальных прав человека, выступает предметом глубокого научного анализа в трудах таких авторов, как З.Р. Гаджиева и В.С. Хижняк [3, с. 36; 14, с. 134].

Итак, право на свободу мысли и слова, предполагающее плюрализм мнений, является необходимым условием функционирования гражданского общества и государства. Без его полноценной реализации невозможно эффективное функционирование публичных институтов и развитие демократических основ.

В свою очередь, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современный этап реализации конституционного права на свободу слова в Российской Федерации характеризуется его принципиально новой дилеммой, порожденной цифровой средой, что ставит под угрозу реальное осуществление ключевого конституционного права в основной сфере публичной коммуникации.

Таким образом, основными направлениями действий по решению обозначенных в работе проблем являются:

Стимулирование плюрализма в информационном пространстве, включая телерадиовещание, печатные и цифровые средства массовой информации. Ключевой задачей в условиях цифровой трансформации является противодействие ограничениям доступа к информации из источников, альтернативных государственному. В рамках данной задачи целесообразно предусмотреть оптимизацию процедуры государственной регистрации СМИ, обеспечив при этом максимальную прозрачность и объективность последующего контроля за соблюдением законодательства о распространении информации. Эффективной мерой стимулирования может также выступать ревизия размера государственной пошлины за регистрацию СМИ в сторону ее уменьшения.

С другой стороны, требуется обеспечить эффективное противодействие распространению противоправного контента путем разработки и законодательного закрепления четких, юридически выверенных критериев, позволяющих дифференцировать добросовестную деятельность интернет-СМИ от целенаправленного распространения запрещенной информации.

Так, представляется необходимым введение в Федеральный закон № 149-ФЗ новой статьи 10.8. «Требования к правилам модерации информации владельцами социальных сетей и иными информационными посредниками». В рамках которой необходимо:

а) Закрепить императивное требование о том, что правила модерации контента должны быть сформулированы ясно, конкретно и быть легкодоступными для пользователя.

б) Обязать владельца платформы уведомлять пользователя о каждом факте применения мер ограничения (блокировка, удаление контента) с обязательным указанием конкретного основания со ссылкой на нарушенный пункт правил и представлением фрагмента нарушающего контента.

в) Установить обязанность владельца платформы создать и поддерживать в рабочем состоянии эффективный внутренний механизм обжалования действий модераторов, предусматривающий рассмотрение жалобы уполномоченным лицом в разумный срок (например, не более 72 часов).

Для разрешения конфликтов между пользователями и администрациями платформ целесообразно закрепить в процессуальном законодательстве упрощенный порядок обжалования решений владельцев платформ, аналогично спорам о защите прав потребителей, с возложением на платформу бремя доказывания правомерности и добросовестности своих действий.

Для решения проблемы недостаточной ин-

формированности граждан, особенно молодого поколения, о деятельности публичной власти, недостаточно просто публиковать нормативные акты на официальных порталах. Целесообразно инвестировать в создание и продвижение интерактивных государственных информационных сервисов, использующих современные форматы (краткие видеообзоры законопроектов, интерактивные схемы с ходом их реализации, онлайн-трансляции с пояснениями экспертов). Партнерство с негосударственными, но лояльными у целевой аудитории блогерами и медиа для распространения официально верифицированного контента также может быть эффективной «конвертной» мерой, позволяющей донести информацию в привычной для пользователей форме.

Реализация указанных мер создаст правовые и институциональные предпосылки для формирования сбалансированной информационной среды, а также будет способствовать выработке новых концептуальных подходов к развитию законодательства в данной области, как со стороны государства, так и со стороны институтов гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Большаков Л.М. Понятие и содержание пределов свободы слова в рамках интегративного подхода // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 67–73.
- [2] Вавилина О.Е. Воплощение конституционного права на свободу слова и информации в Интернет-пространстве: специфика и существующие проблемы // Экономика и социум. – 2023. – № 11-2(114). – С. 641–649.
- [3] Гаджиева З.Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 170 с.
- [4] Грунтовая А.С., Ермолова Е.В. Свобода слова в цифровом пространстве: как Интернет влияет на выражение мысли // Права человека: история, теория, практика: Сб. науч. ст. XII Всерос. науч.-практ. конф. – Курск: Университетская книга, 2024. – С. 196–199.
- [5] Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006. – 24 с.
- [6] Каллагов Т.Э. Реализация и обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». – Владикавказ, 2023. – С. 243–246.
- [7] Кириленко В.П., Шамахов В.А., Алексеев Г.В. Свобода слова и медиабезопасность: монография. – СПб.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. – 440 с.
- [8] Комарова В.В. Актуальные проблемы конституционного права: к 100-летию Е. И. Козловой: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 328 с.
- [9] Кочукова В.Н. Конституционно-правовые ограничения права на свободу слова // Конституционализм и государствоведение. – 2025. – № 1(37). – С. 64–70.
- [10] Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. – 2017. – № 1(122). – С. 130–140.
- [11] Маллалиева Г.Г. Проблемы реализации конституционного права на свободу слова в деятельности СМИ на территории Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5(168). – С. 111–112.
- [12] Никитин Е.В. Злоупотребление правом на свободу слова и на распространение информации // Университетские правовые диалоги: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2024. – С. 91–95.
- [13] Тушко О.Ю. О влиянии свободы слова и права на объединение на стабильность государственной власти // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6(193). – С. 93–95.
- [14] Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 222 с.
- [15] Hooker M.P. Censorship, Free Speech & Facebook: Applying the First Amendment to Social Media Platforms via the Public Function Exception // Washington Journal of Law, Technology & Arts. – 2019. – Vol. 15, № 1. – P. 36–73.
- [16] Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в редакции Закона Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
- [17] Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru – С. 5 (дата обращения: 21.09.2025).
- [18] Данные Следственного Комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1900281> (дата обращения: 21.09.2025).

[19] Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 17.02.2026).

[20] Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникации [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74084.htm> (дата обращения: 19.01.2025).

[21] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2025).

References:

[1] Bolshakov L.M. The concept and content of the limits of freedom of speech in the framework of an integrative approach // Bulletin of SUSU. Series: Right. – 2022. – № 2. - S. 67-73.

[2] Vavilina O.E. Embodiment of the constitutional right to freedom of speech and information in the Internet space: specifics and existing problems // Economy and society. – 2023. – № 11-2(114). - S. 641-649.

[3] Z.R. Hajiyeva. Constitutional right of man and citizen to information on the activities of state authorities and local self-government bodies in the constituent entities of the Russian Federation: dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2013. - 170 s.

[4] Soil A.S., Ermolova E.V. Freedom of speech in the digital space: how the Internet affects the expression of thoughts // Human rights: history, theory, practice: Sat. scientific. Art. XII All-Russia. scientific-practical. conf. - Kursk: University Book, 2024. - S. 196-199.

[5] O.S. Zhukova. Legal measures to counter information extremism: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. - Voronezh, 2006. - 24 s.

[6] Kallagov T.E. Realization and enforcement of the right to freedom of speech and information in the Russian Federation // Bulletin of scientific works of young scientists, graduate students and undergraduates of the Gorsky State Agrarian University. - Vladikavkaz, 2023. - S. 243-246.

[7] Kirilenko V.P., Shamakhov V.A., Alekseev G.V. Freedom of speech and media security: monograph. - St. Petersburg: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2019. - 440 s.

[8] Komarova V.V. Actual problems of constitutional law: to the 100th anniversary of E.I. Kozlova: monograph. - M.: Norm: INFRA-M, 2025. - 328 s.

[9] Kochukova V.N. Constitutional and legal restrictions on the right to freedom of speech // Constitutionalism and state science. – 2025. – № 1(37). - S. 64-70.

[10] Lebedev V.A. Constitutional foundations of restrictions on human and civil rights and freedoms // Lex Russica. – 2017. – № 1(122). - S. 130-140.

[11] Mallalieva G.G. Problems of the implementation of the constitutional right to freedom of speech in the activities of the media in the Russian Federation // Eurasian Legal Journal. – 2022. – № 5(168). - S. 111-112.

[12] E.V. Nikitin. Abuse of the right to freedom of speech and the dissemination of information // University legal dialogues: Materials International. scientific-practical. conf. - Chelyabinsk, 2024. - S. 91-95.

[13] Tushko O.Yu. On the impact of freedom of speech and the right to unite on the stability of state power // Eurasian Law Journal. – 2024. – № 6(193). - S. 93-95.

[14] Khizhnyak V.S. The constitutional right of man and citizen to information in the Russian Federation: dis.... cand. jurid. sciences. - Saratov, 1998. - 222 s.

[15] Hooker M.P. Censorship, Free Speech & Facebook: Applying the First Amendment to Social Media Platforms via the Public Function Exception // Washington Journal of Law, Technology & Arts. – 2019. – Vol. 15, № 1. – P. 36–73.

[16] Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta of July 4, 2020 No. 144; The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

[17] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" [Electronic Resource] // Official InterFnet Portal of Legal Information URL: www.pravo.gov.ru – C. 5 (date of reference: 21.09.2025).

[18] Data of the Investigative Committee of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1900281> (date of reference: 21.09.2025).

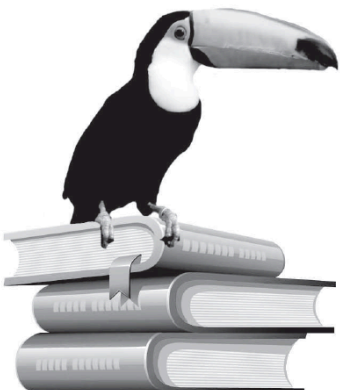
[19] The state of crime in the Russian Federation for January-December [Electronic resource] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (accessed: 17.02.2026).

[20] Information from the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communication [Electronic Resource] // site. - URL: <https://rkn.gov.ru/press/>

news/news74084. htm (accessed on: 19.01.2025).

[21] Federal Law "On Information, Information Technology and Information Protection" of 27.07.2006

N 149-FZ [Electronic Resource] // Official Internet portal of legal information URL: www.pravo.gov.ru (date of reference: 19.09.2025).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-70-74

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
профессор, доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского права Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического
приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические аспекты реализации права на образование в условиях реформирования отечественной системы высшего образования. Проводится разграничение понятий «право на образование» как субъективного права личности и «образовательное право» как самостоятельной отрасли законодательства. Анализируются положения Всеобщей декларации прав человека, Конституции Российской Федерации и Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части гарантий доступности и качества высшего образования. Особое внимание уделяется процессу выхода России из Болонской системы и формированию суверенной национальной модели высшего образования: рассматриваются нормативные правовые акты, определяющие архитектуру новой образовательной системы и её ценностные основания. В статье выявляются ключевые проблемы современной высшей школы: разрыв между академической подготовкой и требованиями профессиональной среды, институциональная разобщённость образовательных организаций и работодателей, а также кризис профессиональной идентичности студенческой молодёжи. На основе проведённого анализа предлагаются меры правового и организационного характера, направленные на преодоление указанных проблем, в том числе закрепление практико-ориентированных форм обучения, нормативное регулирование партнёрства вузов с профессиональным сообществом и развитие института наставничества как инструмента профессионального самоопределения обучающихся.

Ключевые слова: право на образование, реформа образования, высшее образование, преподавание, Болонская система, Конституция Российской Федерации.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,
professor, doctor of Law, professor at the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE REFORM OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Annotation. The article examines the theoretical and practical aspects of the realization of the right to education in the context of the reform of the domestic higher education system. A distinction is made between the concepts of «the right to education» as a subjective right of an individual and «educational law» as an independent branch of legislation. The article analyzes the provisions of the Universal Declaration of Human Rights, the Constitution of the Russian Federation and Federal Law № 273-FZ dated 29.12.2012 «On Education in the Russian Federation» in terms of guarantees of accessibility and quality of higher education. Special attention is paid to the process of Russia's withdrawal from the Bologna system and the formation of a sovereign national model of higher education: regulatory legal acts defining the architecture of the new educational system and its value bases are considered. The article identifies the key problems of modern higher education: the gap between academic training and the requirements of the professional environment, the institutional separation of educational organizations and employers, as well as the crisis of professional identity of students. Based on the analysis, legal and organizational measures are proposed aimed at overcoming these problems, including the consolidation of practice-oriented forms of education,

the regulatory regulation of universities' partnership with the professional community and the development of the institute of mentoring as a tool for professional self-determination of students.

Key words: *the right to education, education reform, higher education, teaching, the Bologna system, the Constitution of the Russian Federation.*

В повседневной практике понятия «право на образование» и «образовательное право» нередко смешиваются или употребляются как синонимы. В то же время это принципиально разные категории, каждая из которых занимает своё место в системе юридического знания. Разграничение между ними необходимо для грамотного понимания всей правовой логики образовательной сферы. Право на образование представляет собой субъективное право личности, то есть гарантированную государством и международным сообществом возможность каждого человека получать знания, развивать свои способности и участвовать в образовательном процессе. Оно относится к категории фундаментальных прав второго поколения – социально-экономических прав – и закреплено в важнейших международных документах: Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (статья 26), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (статья 13), Конвенции о правах ребёнка 1989 г. (статья 28), а также в национальных конституциях большинства государств мира. В России это право гарантировано статьёй 43 Конституции Российской Федерации.

Анализируя ст. 26 Всеобщей декларации прав человека, можно прийти к выводу о том, что право на образование – одно из фундаментальных прав человека, носящее универсальный и неотчуждаемый характер. Принципиально важно, что данная правовая норма устанавливает систему гарантий доступности образования в зависимости от его уровня. Начальное образование должно быть не только бесплатным, но и обязательным – государство тем самым принимает на себя активную обязанность обеспечить его реализацию, а не просто декларирует возможность. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, тогда как высшее – доступным исключительно на основе способностей каждого.

Образование рассматривается как инструмент всестороннего развития личности, формирования культуры уважения к правам человека и основным свободам. Особого внимания заслуживает тезис о том, что образование должно активно содействовать взаимопониманию и терпимости между народами и религиозными группами, выступая тем самым одним из ключевых механизмов поддержания международного мира. Это положение свидетельствует о том, что образование воспринимается не как частное благо, а как обще-

ственная функция государства и цивилизации в целом.

Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право на образование как фундаментальное социальное право, носящее всеобщий и безусловный характер: каждый человек вправе получить образование вне зависимости от его гражданства, происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств. При этом законодатель чётко разграничивает объём государственных гарантий в зависимости от уровня образования: дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование государство обязано обеспечить каждому желающему абсолютно бесплатно и без каких-либо условий отбора через государственные и муниципальные учреждения, тогда как высшее образование, хотя и может быть получено бесплатно, но уже в условиях конкурса, то есть государство гарантирует не само его получение, а лишь равные и справедливые условия доступа к ограниченному числу бюджетных мест. Такая конструкция нормы отражает продуманную правовую логику: чем выше ступень образовательной системы, тем более дифференцированным становится механизм публичной гарантии, однако само право на образование во всех его формах остаётся неотъемлемым и не может быть произвольно ограничено.

Содержание данного права многомерно. Оно включает в себя доступность образования (устранение финансовых, географических и иных барьеров), его обязательность на базовом уровне, приемлемость (соответствие стандартам качества), адаптируемость к потребностям обучающегося, а также свободу выбора образовательного учреждения. Право на образование – это прежде всего правопритязание индивида к государству: человек вправе требовать создания условий, при которых реализация этого права становится реальной, а не декларативной.

Образовательное право – понятие совершенно иного порядка. Это отрасль законодательства, представляющая собой систему юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере образования. Оно охватывает широкий круг вопросов: организацию системы образования, статус учреждений и участников образовательного процесса, стандарты и программы, финансирование, управление, ответственность сторон и многое другое. Иными словами, если право на образование отвечает на вопрос «Что человек

вправе получить?», то образовательное право отвечает на вопрос «Как устроен правовой механизм, обеспечивающий функционирование всей системы образования?».

В России ключевыми источниками образовательного права служат Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который систематизировал обширный массив норм, прежде рассредоточенных по множеству нормативных актов. Наряду с ними действуют подзаконные и ведомственные нормативные правовые акты, региональное законодательство, локальные акты образовательных организаций – всё это образует многоуровневую нормативную правовую систему.

Исходя из этого, соотношение анализируемых понятий можно описать следующим образом: право на образование – это ядро, ценностный фундамент, индивидуальное правомочие; образовательное право – это инструментальный, правовая архитектура, призванная это ядро защитить и воплотить в жизнь. Одно без другого лишается смысла: субъективное право без правовой системы остаётся пустой декларацией, а законодательство в сфере образования без ориентации на права человека превращается в бездушный административный механизм. Именно в их единстве и взаимообусловленности формируется то, что можно назвать подлинной правовой культурой образования.

Согласно статистическим данным, представленным в Докладе о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2025 год, российская система высшего образования функционирует на основе многоуровневой структуры, включающей 751 образовательную организацию. Федеральные вузы составляют 60% всех организаций (456 учреждений), тогда как субъектные и муниципальные представлены незначительно – лишь 39 учреждениями (5,19%), обеспечивающими привязку образования к локальным потребностям. Частный сегмент, включающий 256 образовательных организаций, составляет 34,09% от общего числа организаций высшего образования, что свидетельствует о значимой роли частных образовательных организаций в обеспечении образовательных потребностей населения страны. Из этого следует, что в системе современного высшего образования государство сохраняет стратегический контроль через федеральные учреждения, допуская при этом функционирование частных организаций в сфере высшего образования (рис. 1).

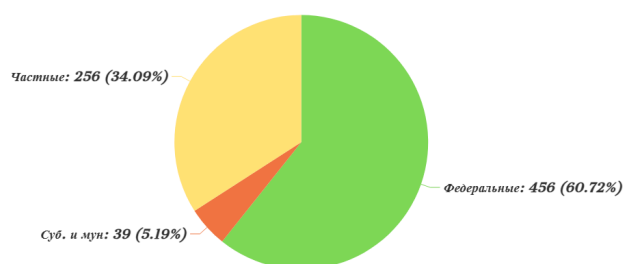

Рис. 1. Количество организаций в системе высшего образования на начало 2025/2026 учебного года

Образовательный процесс постоянно развивается и подвергается комплексным реформам. Н.В. Харина выделяет несколько стратегических направлений, определяющих развитие высшей школы. Прежде всего, необходимо обеспечить высокий уровень подготовки специалистов и эффективное институциональное управление. Помимо этого, гарантировать равные образовательные возможности для всех граждан вне зависимости от их материального положения и места жительства. Параллельно ставится задача структурной модернизации образования в соответствии с запросами инновационной экономики, а также формирования полноценной системы непрерывного профессионального развития. Совокупность этих приоритетов отражает стремление выстроить социально ориентированную и конкурентоспособную образовательную среду, способную отвечать на вызовы современности [4, с. 9].

Реформирование российской системы высшего образования обусловлено комплексом факторов, среди которых особое место занимают как внешние вызовы, так и внутренние потребности самой образовательной среды. Так, например, Т.К. Кириллова и О.С. Великая отмечают, что пандемия COVID-19 стала одним из наиболее действенных факторов структурных изменений: вынужденный переход к дистанционным форматам обучения в кратчайшие сроки позволил внедрить современные цифровые технологии в образовательный процесс. Применение инструментов дистанционного обучения позволило сохранить непрерывность образовательного процесса и расширить академическую мобильность студентов, открыв доступ к образовательным ресурсам вне зависимости от местоположения участников образовательного процесса [1, с. 61].

Вместе с тем авторы отмечают, что опыт массового применения дистанционных технологий выявил ряд системных противоречий, требующих системного регулирования. Снижение мотивации обучающихся, ослабление живого взаимодействия внутри студенческой среды и сокраще-

ние качественной обратной связи между преподавателем и студентом свидетельствуют о том, что цифровизация сама по себе не является универсальным решением. Реформирование отечественной системы образования приобретает сбалансированный характер, направленный на сочетание преимуществ цифровых инструментов с сохранением ключевых функций живого педагогического взаимодействия [2, с. 340-341].

Интеграция российской высшей школы в Болонскую систему в 2003 году с первых же шагов столкнулась с критикой как со стороны академического сообщества, так и со стороны профильных чиновников, воспринимавших это не как органичное развитие, а как навязанную извне реформу системы образования, противоречащую сложившимся традициям подготовки специалистов. Д.В. Кротов, П.С. Самыгин и С.И. Самыгин справедливо отмечают, что адаптация к европейским образовательным стандартам в России осуществлялась принципиально иначе, чем в западноевропейских странах. Российская высшая школа несла в себе глубокий отпечаток советской образовательной модели с её уникальной логикой организации учебного процесса, дисциплиной и профессиональными установками преподавательского состава [3, с. 159-160]. Именно это отличие сделало российский переход более болезненным, чем переход в западноевропейских странах. Одной из основных целей реформы было формирование специалистов, открытых к глобальному рынку труда, и интеграция в общеевропейскую культурно-образовательную среду.

Возрастающее обострение отношений России с западным миром свело к минимуму значительную часть декларируемых преимуществ интеграции в европейскую образовательную систему. Сегодня рассматриваемые геополитические преобразования служат весомым аргументом в пользу переориентации отечественной высшей школы в пользу её самодостаточности. В 2022 году Россия приостановила участие в Болонском процессе, и перед государством встала задача принципиально иного масштаба – выстроить суверенную модель высшего образования, способную самостоятельно обеспечивать потребности экономики в квалифицированных специалистах и служить опорой национальной безопасности.

В мае 2023 года российская система высшего образования получила новый импульс законодательного развития. Президент Российской Федерации подписал Указ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 22.01.2026) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (далее – Указ), устанавливающий порядок и сроки реструктуризации системы высшего образования.

Согласно положениям Указа, высшее образование будет подразделяться на два уровня – базовый и специализированный. Первый рассчитан на срок от четырёх до шести лет и призван обеспечить фундаментальную профессиональную подготовку. Второй уровень предполагает обучение от одного до трёх лет в зависимости от конкретной специальности, отрасли или требуемой квалификации. Аспирантура при этом выделена отдельно и определена как отдельный уровень профессионального образования, что подчёркивает её особый исследовательский статус.

Помимо этого, распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р была утверждена «Стратегия реализации молодёжной политики на период до 2030 года» (далее – Стратегия), направленная на формирование у студенческой молодёжи устойчивых гражданских и патриотических установок, опирающихся на достоверное историческое знание. Стоит отметить, что Стратегия также устанавливает необходимость создания реально действующих механизмов участия молодых граждан в правотворческой и правоохранительной деятельности, встроив их в образовательный процесс. Данный подход свидетельствует о последовательном реформировании системы высшего образования с учетом государственной молодёжной политики, реализуемой на системной правовой основе.

Однако, несмотря на происходящие изменения в системе высшего образования, необходимо отметить ряд проблем, с которыми сталкиваются обучающиеся. Во-первых, разрыв между академической подготовкой и реальной профессиональной средой. Студенты получают преимущественно теоретические знания, тогда как практическое погружение в профессию остается фрагментарным, что создает определенные сложности для студентов при первом столкновении с рабочими задачами и коллективом. Во-вторых, институциональная разобщённость между образовательными организациями и работодателями. Несмотря на декларируемый курс партнерства образовательных организаций и работодателей, реальные механизмы взаимодействия вузов с профессиональным сообществом в ряде случаев носят эпизодический характер и лишены устойчивой правовой и организационной основы. В-третьих, кризис профессиональной идентичности, характерный для значительной части студенческой молодёжи. Данное явление выражается в размытости ценностных ориентиров, неопределенности карьерных траекторий и низкой мотивации к освоению профессиональных компетенций.

Решение обозначенных проблем требует принятия комплексных правовых и организацион-

ных мер со стороны государства, образовательных организаций и профессионального сообщества. Разрыв между теоретической подготовкой и практической профессиональной деятельностью может быть сокращён путём законодательной регламентации обязательной доли практико-ориентированных форм обучения в федеральных государственных образовательных стандартах, а также увеличения доли целевого обучения с гарантированным трудоустройством, что создаст для студентов реальную точку соприкосновения с будущей профессией ещё в период обучения. Устранение институциональной разобщённости между вузами и работодателями предполагает закрепление на уровне федерального законодательства устойчивых форм социального партнёрства, таких как увеличение доли заключаемых долгосрочных договоров о сотрудничестве, участие представителей профессиональных сообществ в разработке и актуализации образовательных программ, а также совместное формирование оценочных материалов и государственных экзаменационных комиссий. Также для преодоления кризиса профессиональной идентичности студенческой молодёжи необходимо включить в образовательные программы дисциплины, направленные на формирование карьерных ориентиров и профессиональной этики, а также наставнические программы, способствующие осознанному выстраиванию профессионального пути. Реализация предложенных мер будет способствовать устранению существующих проблем, а также переходу к суверенной модели высшего образования, отвечающей потребностям современного рынка труда.

Список литературы:

[1] Кириллова Т.К., Великая О.С. Правовое регулирование дистанционного формата обучения в системе высшего образования Российской Федерации // Закон. Право. Государство. – 2023. –

№ 1 (37). – С. 61-64.

[2] Кириллова Т.К., Великая О.С. Опыт массового использования дистанционного образования в Российской Федерации на начальном этапе пандемии COVID-19 // Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 340-344.

[3] Кротов Д.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Реформа отечественной системы высшего образования в контексте стратегии укрепления национальной безопасности Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – С. 152-165.

[4] Харина Н.В. Профессиональное образование в России: проблемы, пути решения // Научно-педагогическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 8-15.

References:

[1] Kirillova T.K., Velikaya O.S. Legal regulation of the distance learning format in the higher education system of the Russian Federation // The law. Right. The State. – 2023. – № 1 (37). – P. 61-64.

[2] Kirillova T.K., Velikaya O.S. The experience of mass use of distance education in the Russian Federation at the initial stage of the COVID-19 pandemic // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – P. 340-344.

[3] Krotov D.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Reform of the national system of higher education in the context of the strategy for strengthening national security of the Russian Federation // Humanities of the South of Russia. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – P. 152-165.

[4] Kharina N.V. Vocational education in Russia: problems, solutions // Scientific and pedagogical review. – 2013. – № 1. – P. 8-15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-75-80

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, НА ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Целью исследования стали организационно-правовые и психолого-педагогические аспекты реализации права несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы на выход за пределы воспитательной колонии. Ее достижение обеспечивалось применением диалектического метода познания и других общеизвестных методов логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение, с их помощью анализировались положения национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы по теме. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы отражены в национальном уголовно-исполнительном законе, других законодательных и ведомственных правовых актах, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Одной из таких поощрительных мер, и одновременно правом несовершеннолетнего осужденного, отбывающего наказание в ВК является выход за пределы учреждения. Он регламентирован статьями 132 УИК РФ, разделом 18 (пунктами 294-297) ПВР ИУ УИС 2022 г. Законодательством определены специальные критерии, которым должен соответствовать несовершеннолетний осужденный, претендующий на выход за пределы ВК для посещения культурно-зрелищного и спортивного мероприятия. Применение анализируемой поощрительной нормы-права несовершеннолетнего осужденного предполагает обязательное наличие сопровождающих его за пределами ВК сотрудников учреждения и других лиц (родителей, лиц их заменяющих, или других близких родственников). Организационно-правовые аспекты выхода несовершеннолетних осужденных за пределы ВК проявляются также в порядке его осуществления, проведении инструктажа, объявлении под расписку осужденным требований, которые необходимо соблюдать, выдачи соответствующей справки, Гражданской одежды осужденного на время выхода, разрешения снятия денег с личного лицевого счета для покупки продуктов питания и билетов на культурно-зрелищные и спортивные мероприятия. Запрета на выход за пределы ВК в ночное время суток. Сотрудники ВК и лица, сопровождающие несовершеннолетних осужденных за пределами ВК активно используют не только субъективные, но и объективные, социальные факторы, детерминирующие их поведение и оказывающие положительное влияние на формирование личности, что составляет психолого-педагогические аспекты выхода несовершеннолетних за пределы ВК.

Ключевые слова: лишение свободы, несовершеннолетние осужденные, выход из воспитательной колонии, администрация ВК, уголовно-исполнительный закон, правила внутреннего распорядка ИУ УИС.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE RIGHT OF JUVENILE CONVICTS SERVING IMPRISONMENT TO LEAVE THE EDUCATIONAL COLONY: ORGANIZATIONAL, LEGAL, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS

Annotation. The purpose of the study was the organizational, legal, psychological and pedagogical aspects of the realization of the right of juvenile convicts serving a criminal sentence in the form of imprisonment to leave the educational colony. Its achievement was ensured by the use of the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific): Synthesis, comparison, analogy, generalization, and included observation were used to analyze the provisions of national penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational literature on the topic. The issues of ensuring the rights of juvenile convicts serving criminal sentences in the form of imprisonment are reflected in the national Penal Enforcement law, other legislative and departmental legal acts, and the Concept for the Development of the Penal Enforcement System of the Russian Federation for the period up to 2030. One of these incentive measures, and at the same time the right of a minor convicted person serving a sentence in a penal colony, is to leave the institution. It is regulated by Articles 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, Section 18 (paragraphs 294-297) of the Law Code of the Criminal Code of the Russian Federation 2022. The legislation defines special criteria that must be met by a minor convicted person who claims to leave the VK to attend a cultural, entertainment and sports event. The application of the analyzed incentive norm-the rights of a minor convicted person presupposes the mandatory presence of employees of the institution and other persons (parents, persons replacing them, or other close relatives) accompanying him outside the VC. The organizational and legal aspects of the release of juvenile convicts outside the VK are also manifested in the order of its implementation, conducting briefings, declaring against receipt to the convicts the requirements that must be observed, issuing appropriate certificates, Civilian clothes of the convict at the time of release, allowing withdrawal of money from a personal personal account for the purchase of food and tickets to cultural, entertainment and sports events. events. A ban on leaving the VK at night. VK employees and persons accompanying juvenile convicts outside the VK actively use not only subjective, but also objective, social factors that determine their behavior and have a positive impact on personality formation, which constitutes the psychological and pedagogical aspects of minors leaving the VK.

Key words: deprivation of liberty, juvenile convicts, release from an educational colony, VK administration, penal enforcement law, internal regulations of the Penitentiary Institution.

Введение. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы отражены в национальном уголовно-исполнительном законе, других законодательных и ведомственных правовых актах, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р. [1]. Им посвящены многочисленные научные и учебно-методические работы в сфере развития института уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в России [2, с. 322-327]. Правовым, организационным, психологическим, педагогическим, аспектам реализации прав осужденных [3, с. 493-498]. Методическому сопровождению отбывания лишения свободы осужденными в условиях воспитательных колоний (далее ВК) [4, с. 100-103].

Указанная законодательная и научно-исследовательская активность, направленная на со-

блюдение прав осужденных несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы в ВК свидетельствует о заботе современного российского государства, его органов власти и управления, общественных объединений, институтов гражданского общества к осужденным – несовершеннолетним. Такой подход в контексте современной уголовной и уголовно-исполнительной политики позволил развиваться таким позитивным тенденциям как:

существенному снижению количества осужденных, отбывающих наказание в ВК при активизации судами применения в отношении несовершеннолетних преступников наказаний, не связанных с их изоляцией от общества, регламентированных вторым разделом (главами 4-9) Уголовного кодекса Российской Федерации [5];

организации отбывания лишения свободы несовершеннолетними осужденными в соответствии ратифицированными Россией международными договорами и пенитенциарными стандартами [6, с. 126-133];

создании гуманных условий отбывания наказания в ВК, позволяющих максимально эффективно исправлять несовершеннолетних осужденных, способствующих их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения из ВК [7, с. 34-39];

применении к осужденным мер поощрения и взыскания, оказывающих позитивное состояние на их психические процессы, свойства и состояния, профилирующие возможные нарушения порядка отбывания наказания в ВК [8, с. 314-318].

Одной из таких поощрительных мер, и одновременно правом несовершеннолетнего осужденного, отбывающего наказание в ВК является выход за пределы учреждения. Учитывая важность и актуальность данного правового института для отечественной теории уголовно-исполнительного права, правоохранительной и правозащитной деятельности, прокурорского надзора и пенитенциарной практики было проведено теоретико-эмпирическое исследование темы.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психолого-педагогических аспектов реализации права несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы на выход за пределы воспитательной колонии. Ее достижение обеспечивалось применением диалектического метода познания и других общеизвестных методов логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение, с их помощью анализировались положения национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы по теме.

Основные результаты. Научный анализ организационно-правовых и психолого-педагогических аспектов выхода несовершеннолетних осужденных за пределы ВК показал, что регулируются 132 УИК РФ, разделом 18 (пунктами 294-297) Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИУ УИС), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [9].

В указанных законодательном и ведомственном правовом акте законодатель выделил специальные критерии личности несовершеннолетних осужденных, в соответствии с которыми к ним при-

меняется рассматриваемая поощрительная норма-право на выход за пределы ВК. К ним относятся:

хорошее поведение;
добросовестное отношение к труду и учебе;
активное участие в воспитательных мероприятиях, проводимых воспитателями и сотрудниками других служб и подразделений ВК на плановой основе [10, с. 665-670].

Организационно-правовые аспекты рассматриваемой поощрительной меры также состоят в предоставлении право несовершеннолетнему осужденному на выход за пределы ВК с целью посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий. При этом такое право может быть реализовано, в соответствии с уголовно-исполнительным законом исключительно при наличии сопровождающих осужденного лиц. К ним законодатель отнес следующие категории граждан: сотрудников ВК и родителей, лиц их заменяющих, или других близких родственников [11].

Другие организационно-правовые аспекты выхода несовершеннолетних осужденных за пределы ВК касаются:

подготовки администрацией учреждения и подписание начальником ВК или лицом его замещающим специального приказа (постановления), разрешающего несовершеннолетнему осужденному выход за пределы ВК;

проведение инструктажа с осужденным и объявление ему под роспись требований поведения во время посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий [12];

выдача несовершеннолетнему осужденному специального документа (справки), позволяющей ему выйти за пределы ВК, которая по возвращению в ВК передается администрации учреждения и приобщается ею к личному делу осужденного [13];

запрет на выход за пределы ВК в ночное время. Данная норма, безусловно принята с целью обеспечения безопасности, предупреждения возможных негативных эксцессов противоправного поведения осужденных и нарушения ими порядка выхода из учреждения;

разрешение несовершеннолетнему осужденному на получение для выхода за пределы ВК его гражданской одежды, а также снятия денег с лицевого счета для приобретения продуктов питания и билетов на культурно-зрелищные и спортивные мероприятия. Такой подход законодателя можно рассматривать в контексте реализации и совершенствования национальной уголовно-исполнительной политики, направленной на дальнейшую гуманизацию отбывания несовершеннолетними осужденными наказания в виде лишения

свободы;

по возвращении несовершеннолетнего осужденного в ВК, он подвергается обыску в соответствии с уголовно-исполнительным законом [14, с. 345-352].

Важно отметить, что сопровождение несовершеннолетних осужденных при их выходе за пределы ВК сопровождается активным общением с указанными лицами, оказывающими на них различное по своей интенсивности психолого-педагогическое воздействие, составляющее основу психологических и педагогических аспектов анализируемого правового института. Сотрудники ВК и лица, сопровождающие несовершеннолетних осужденных за пределами ВК активно используют не только субъективные, но и объективные, социальные факторы, детерминирующие их поведение и оказывающие положительное влияние на формирование личности [15, с. 39-44]. При этом, при изменении социального окружения и обстановки, в которой находится осужденный, смене социальных декораций, активно используется не только индивидуальная форма воспитания несовершеннолетних осужденных, но групповая и массовая, оказывающие значительное позитивное влияние на сознание осужденных. Развивающие положительные психические процессы, свойства и качества личности (память, внимание, мышление и воображение, эмоциональную устойчивость, целеполагание, мотивацию и направленность, жизненные планы). Особенно активно в данном контексте развивается правовое сознание и правовая культура осужденных, посещающих культурно-зрелищные мероприятия патриотической и правовой направленности [16, с. 290-295].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система

сегодня: взаимодействие науки и практики», 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк), с докладом на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;

Закключение. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы отражены в национальном уголовно-исполнительном законе, других законодательных и ведомственных правовых актах, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Одной из таких поощрительных мер, и одновременно правом несовершеннолетнего осужденного, отбывающего наказание в ВК является выход за пределы учреждения. Он регламентирован статьями 132 УИК РФ, разделом 18 (пунктами 294-297) ПВР ИУ УИС 2022 г. Законодательство определены специальные критерии, которым должен соответствовать несовершеннолетний осужденный, претендующий на выход за пределы ВК для посещения культурно-зрелищного и спортивного мероприятия.

Применение анализируемой поощрительной нормы-права несовершеннолетнего осужденного предполагает обязательное наличие сопровождающих его за пределами ВК сотрудников учреждения и других лиц (родителей, лиц их заменяющих, или других близких родственников). Организационно-правовые аспекты выхода несовершеннолетних осужденных за пределы ВК проявляются также в порядке его осуществления, проведении

инструктажа, объявлении под расписку осужденным требований, которые необходимо соблюдать, выдачи соответствующей справки, Гражданской одежды осужденного на время выхода, разрешения снятия денег с личного лицевого счета для покупки продуктов питания и билетов на культурно-зрелищные и спортивные мероприятия. Запрета на выход за пределы ВК в ночное время суток.

Сотрудники ВК и лица, сопровождающие несовершеннолетних осужденных за пределами ВК активно используют не только субъективные, но и объективные, социальные факторы, детерминирующие их поведение и оказывающие положительное влияние на формирование личности, что составляет психолого-педагогические аспекты выхода несовершеннолетних за пределы ВК.

При изменении социального окружения и обстановки, в которой находится осужденный, смене социальных декораций, активно используется не только индивидуальная форма воспитания несовершеннолетних осужденных, но групповая и массовая, оказывающие значительное позитивное влияние на сознание осужденных. Развивающие положительные психические процессы, свойства и качества личности (память, внимание, мышление и воображение, эмоциональную устойчивость, целеполагание, мотивацию и направленность, жизненные планы). Особенно активно в данном контексте развивается правовое сознание и правовая культура осужденных, посещающих культурно-зрелищные мероприятия патриотической и правовой направленности.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 21.06.2026).

[2] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. История развития института уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в России // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 322-327.

[3] Ковалев О.Г. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия // Образование и право. № 3. С. 493-498.

[4] Ковалев О.Г. Методическая работа в воспитательной колонии // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 100-103.

[5] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва,

2007.

[6] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Исполнение наказаний на мировом уровне: перспективы развития // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. ФКУ НИИ ФСИН России. Москва. 2022. С. 126-133.

[7] Ковалев О.Г. Правовое и психологическое содержание условий отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях // Право и управление. 2025. № 8. С. 34-39.

[8] Ковалев О.Г. Особенности применения мер поощрения в воспитательных колониях как элемент воспитательно-профилактического воздействия на несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 314-318.

[9] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 21.06.2026).

[10] Ковалев О.Г. К вопросу организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2026. № 3. С. 665-670.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[13] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[14] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обыскосодосмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.

[15] Ковалев О.Г. Объективные и субъективные факторы формирования личности несовершеннолетних осужденных // Антропология. 2025. № 3 (19). С. 39-44.

[16] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 06/21/2026).

[2] Kovalev O.G., Melnikova O.V. History of the development of the Institute of criminal penalties against minors in Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 3. pp. 322-327.

[3] Kovalev O.G. Organizational, legal, psychological and pedagogical issues of abandonment in educational colonies of the penal system of persons sentenced to imprisonment who have reached the age of majority // Education and Law. No. 3. pp. 493-498.

[4] Kovalev O.G. Methodical work in an educational colony // In the collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. pp. 100-103.

[5] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[6] Vilkova A.V., Kovalev O.G. The execution of punishments at the global level: development prospects // In the collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow. 2022. pp. 126-133.

[7] Kovalev O.G. The legal and psychological content of the conditions of serving sentences by minors convicted in educational colonies // Law and management. 2025. No. 8. pp. 34-39.

[8] Kovalev O.G. Features of the application of incentive measures in educational colonies as

an element of educational and preventive impact on minors sentenced to imprisonment // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2, pp. 314-318.

[9] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 06/21/2026).

[10] Kovalev O.G. To the question organization of the educational process in educational colonies of the penal system // Education and law. 2026. No. 3. pp. 665-670.

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[13] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[14] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the safety of penitentiary institutions // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. pp. 345-352.

[15] Kovalev O.G. Objective and subjective factors of personality formation of juvenile convicts // Anthropogica. 2025. No. 3 (19). pp. 39-44.

[16] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of repeated crimes of juvenile convicts: issues of theory and penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290-295.

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-81-88

Дата принятия рукописи в печать: 01.07.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
 публичной власти и правового положения личности,
 Институт Правоведения Российского государственного
 гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,
 e-mail: bulakov62@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ ПРАВОВЫХ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье исследуется историческая эволюция российского конституционализма как сложного правового и политико-институционального явления, не сводимого к факту принятия писаной конституции. Обосновывается, что российский конституционализм формировался в несколько этапов: от ранних правовых ограничителей публичной власти и сословно-представительных практик до проектов государственных преобразований XIX века, конституционной монархии начала XX века, советской модели конституционности и современной Конституции Российской Федерации. Особое внимание уделено внутренней противоречивости российского конституционного развития: сочетанию модернизационного импульса с сильной традицией государственного централизма, декларативности правовых форм с недостаточностью механизмов их реализации, а также периодическому разрыву между юридической конституцией и фактической организацией публичной власти. Сделан вывод о том, что современный российский конституционализм должен оцениваться не только через текст Конституции, но и через качество конституционной практики, устойчивость гарантий прав и свобод, реальную действенность разделения властей, федерализма и судебной защиты.

Ключевые слова: конституционализм; Конституция Российской Федерации; история российского права; советские конституции; права человека; разделение властей; народное представительство; верховенство Конституции.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public
 Authority and Legal Status of the Individual, Institute of
 Jurisprudence Russian State University for the Humanities (RSUH),
 Moscow, Russia

THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: FROM LEGAL ORIGINS TO A MODERN CONSTITUTIONAL MODEL

Annotation. This article examines the historical evolution of Russian constitutionalism as a complex legal and political-institutional phenomenon, not reducible to the adoption of a written constitution. It argues that Russian constitutionalism developed in several stages: from early legal restrictions on public authority and estate-representative practices to state reform projects of the 19th century, the constitutional monarchy of the early 20th century, the Soviet model of constitutionality, and the modern Constitution of the Russian Federation. Particular attention is paid to the internal contradictions of Russian constitutional development: the combination of a modernizing impulse with a strong tradition of state centralism, the declarative nature of legal forms with insufficient mechanisms for their implementation, as well as the periodic gap between the legal constitution

and the actual organization of public authority. The conclusion is that contemporary Russian constitutionalism should be assessed not only through the text of the Constitution, but also through the quality of constitutional practice, the sustainability of guarantees of rights and freedoms, and the actual effectiveness of the separation of powers, federalism, and judicial protection.

Key words: *constitutionalism; Constitution of the Russian Federation; history of Russian law; Soviet constitutions; human rights; separation of powers; popular representation; supremacy of the Constitution.*

Историческое развитие российского конституционализма представляет собой не линейное движение от самодержавия к современному правовому государству, а противоречивый процесс накопления, прерывания и последующего восстановления конституционных смыслов. Конституционализм в строгом юридико-теоретическом значении означает не только наличие основного закона, но и систему принципов, институтов и процедур, обеспечивающих ограничение публичной власти правом, признание прав и свобод человека, разделение властей, политическое представительство, судебную защиту и юридическое верховенство конституции [11; 12]. Именно поэтому исторический анализ российского конституционализма требует выхода за рамки формального вопроса о том, когда в России появилась первая конституция.

В отечественной традиции конституционная идея развивалась в особых условиях: при сильной роли государства, длительном преобладании монархического принципа, слабости автономных институтов гражданского общества, неоднократной смене политико-правовых моделей. Однако это не означает отсутствия собственных истоков конституционализма. Напротив, российская правовая история содержит целый ряд предпосылок: договорные и вечевые элементы древнерусской государственности, земско-соборные практики, проекты ограничения верховной власти XVIII века, реформаторскую программу М.М. Сперанского, земскую и судебную реформы Александра II, Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 1906 г. [2; 3; 16].

Актуальность темы определяется тем, что современная российская конституционная модель не может быть понята вне исторического контекста. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила демократическое федеративное правовое государство, приоритет прав и свобод человека, разделение властей, местное самоуправление и прямое действие конституционных норм [1, ст. 1, 2, 10, 12, 15, 18]. Однако эти положения существуют не в абстрактном пространстве, а в конкретной правовой культуре, на которую воздействуют как дореволюционные, так и советские институциональные наследия. Поэтому задача научного исследования состоит не только в описании этапов конституционного развития, но и в выявлении

устойчивых закономерностей, объясняющих специфику российского конституционализма.

Конституционализм следует отличать от конституции как юридического документа. Конституция может существовать как текст, но не обеспечивать реального ограничения власти; напротив, отдельные элементы конституционализма могут возникать до появления формального основного закона. В этом смысле конституционализм является не только нормативным, но и институциональным, ценностным и процедурным феноменом. Его ядро образуют идея связанности государства правом, признание личности субъектом публично-правовых отношений, организация власти через компетенцию и ответственность, а также наличие правовых процедур, позволяющих обществу воздействовать на власть [13; 14].

Для России такое разграничение имеет принципиальное значение. Если отсчитывать историю конституционализма только от 1906 г. или 1918 г., то неизбежно теряется длительный период формирования предпосылок: от идеи правды и законности в древнерусской политико-правовой культуре до реформаторских проектов XVIII-XIX вв. Если же, напротив, чрезмерно расширять понятие конституционализма и включать в него любые формы публичного порядка, возникает риск подмены конституционного анализа общей историей государства. Оптимальным является функциональный подход: конституционное значение имеют те явления, которые ограничивали произвол власти, вводили элементы представительства, закрепляли правовой статус подданных или граждан, создавали предпосылки судебной и административной ответственности государства.

Российский конституционализм складывался не столько как результат единовременного учредительного акта, сколько как спор между двумя логиками: государственно-охранительной и правогарантийной. Первая исходила из приоритета целостности, управляемости и вертикали власти; вторая — из необходимости юридических пределов власти, институционального участия общества и гарантий прав личности. Эта двойственность обнаруживается на всех этапах: в реформаторских проектах самодержавной эпохи, в ограниченной конституционной монархии 1906-1917 гг., в советских конституциях с их высокой декларатив-

ностью, а также в постсоветской модели, где конституционный текст закрепляет развитую систему прав и институтов, но вопрос о полноте их практической реализации остается предметом научной дискуссии [15].

Методологически важным является также различие юридической и фактической конституции. Юридическая конституция выражена в тексте основного закона, тогда как фактическая конституция проявляется в реальном распределении власти, устойчивости политических институтов, судебной практике и правоприменительных стандартах. История российского конституционализма показывает, что ключевой проблемой часто становилось не отсутствие конституционных форм как таковых, а расхождение между закрепленными правовыми принципами и фактическим механизмом государственного управления.

Истоки российского конституционализма не следует отождествлять с современными либерально-демократическими институтами. В древнерусский и средневековый периоды отсутствовали конституция, разделение властей и права человека в современном смысле. Однако уже тогда существовали правовые и социальные формы, которые ограничивали властное усмотрение. К их числу относятся договорные отношения князя с городскими общинами, вечевые традиции, княжеские уставы, судебные обычаи, а позднее — земско-соборные практики. Эти формы не создавали конституционного государства, но формировали представление о власти как о власти, действующей не произвольно, а в определенных правовых и традиционных рамках.

Особое значение имела идея «правды» как меры справедливого правления. В ранней русской правовой культуре законность еще не отделялась от нравственно-религиозного представления о справедливости, но уже предполагала, что власть не является чистым насилием и нуждается в признании. В дальнейшем, по мере укрепления Московского государства, эта линия была существенно ослаблена централизаторской логикой. Государственная власть постепенно концентрировалась в руках монарха, а сословно-представительные формы не получили устойчивого развития, сопоставимого с парламентскими институтами западноевропейского типа.

Земские соборы XVI-XVII вв. занимают особое место в предыстории российского конституционализма. Они не были парламентом в строгом смысле, не обладали самостоятельной законодательной властью и зависели от воли верховной власти. Тем не менее они выражали важный принцип: при решении наиболее значимых государственных вопросов власть обращалась к пред-

ставителям различных социальных групп. Сам факт такой практики показывал, что публичное решение может нуждаться в общественном согласовании. В дальнейшем эта линия не была институционально закреплена, но она стала одним из исторических аргументов в пользу возможности отечественной традиции представительства.

XVIII век усилил противоречие между модернизацией государства и отсутствием устойчивых конституционных гарантий. Петровские реформы создали рационализированную административную систему, коллегиальные органы, служебную иерархию и новую модель бюрократического управления. Однако это была модернизация без конституционного ограничения верховной власти. Государство стало более организованным, но не более связанным правами общества. В этом смысле петровская эпоха подготовила административную основу будущей государственности, но не решила главного конституционного вопроса — вопроса о правовых пределах власти.

XIX век стал периодом интенсивного формирования российской конституционной мысли. Ее особенность заключалась в том, что многие проекты исходили не из революционного отрицания государства, а из необходимости правовой рационализации монархии. В этом отношении программа М.М. Сперанского имела фундаментальное значение. Во «Введении к уложению государственных законов» он стремился соединить монархический принцип с системой законности, представительных учреждений и разделения управленческих функций [16]. Проект Сперанского не был реализован в полном объеме, однако он впервые придал российской конституционной идее системный юридический язык.

Значение Сперанского состоит не только в предложении Государственной думы как представительного учреждения, но и в постановке вопроса о законе как форме ограничения управления. В его концепции власть должна была действовать через правовые правила, а не через произвольные распоряжения. Для российского конституционализма это означало переход от моральной критики самодержавия к юридической программе институционального преобразования государства.

Декабристские проекты развили эту линию более радикально. «Русская Правда» П.И. Пестеля и Конституция Н.М. Муравьева предлагали различные модели государственного устройства, соотношения центра и территорий, правового статуса личности и представительной власти. При всех различиях эти документы имели общее значение: они ставили вопрос о замене неограниченной верховной власти конституционным порядком. Декабристы проиграли поли-

тически, но их проекты закрепили в российской интеллектуальной традиции представление о конституции как об акте переустройства публичной власти.

Вторая половина XIX века подготовила более практический тип конституционализма. Великие реформы Александра II не ввели конституцию, но создали институциональные предпосылки для нее. Судебная реформа 1864 г. с ее принципами гласности, состязательности, независимости суда и участием присяжных стала одним из наиболее значимых шагов к правовому государству. Земская и городская реформы расширили пространство публичного самоуправления. Реформы в сфере печати, образования и местного управления содействовали формированию общественной среды, способной воспринимать право не только как приказ государства, но и как гарантию свободы.

Русская правовая мысль конца XIX — начала XX вв. выработала теоретический язык конституционализма. Б.Н. Чичерин связывал народное представительство с правовым порядком и исторической зрелостью государства [17]. Н.М. Коркунов развивал юридико-позитивистское понимание государственной власти и права [19]. Б.А. Кистяковский подчеркивал значение правового государства и субъективных публичных прав [18]. Эти идеи не были абстрактным заимствованием западных моделей; они формировали отечественную доктрину, в которой конституционализм рассматривался как способ правового упорядочения власти и защиты личности.

Революция 1905 г. стала моментом, когда конституционная идея из сферы проектов и доктрины перешла в систему действующих государственных институтов. Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил основы гражданской свободы, расширение участия населения в выборах и принцип, согласно которому никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы [2]. Этот акт не был конституцией в полном смысле, но он обозначил принципиальный отказ от прежней модели неограниченной законодательной власти монарха.

Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. оформили новую правовую конструкцию Российской империи [3]. В научной литературе их часто характеризуют как первую российскую конституцию, хотя такая оценка требует оговорок. С одной стороны, Основные законы закрепляли Государственную думу и Государственный совет как элементы законодательного процесса, устанавливали некоторые права подданных, вводили юридическую форму ограничения законодательства. С другой стороны, монарх сохранял чрезвычайно широкие полномочия: верховную самодержав-

ную власть, право роспуска Думы, значительное влияние на правительство, возможность издания чрезвычайных актов. Поэтому речь шла не о полноценном парламентаризме, а об ограниченной дуалистической модели.

Тем не менее недооценивать 1906 г. было бы методологической ошибкой. Российское государство впервые получило устойчивую общеимперскую конструкцию, в которой закон перестал быть исключительно выражением единоличной воли монарха. Появилась легальная парламентская политика, фракционная организация, публичные законодательные дебаты, запросы к правительству, практика бюджетного обсуждения. Даже при ограниченности избирательного права и зависимости правительства от монарха эти институты изменили сам язык публичной власти.

Главное противоречие периода 1906-1917 гг. состояло в несовпадении конституционной формы и самодержавного остатка. Государственная дума претендовала на развитие представительного начала, тогда как верховная власть стремилась сохранить управленческую монополию. Конституционализм оказался не итогом общенационального согласия, а компромиссом, навязанным революционным кризисом. Поэтому его устойчивость была ограниченной. Однако именно этот период дал России опыт парламентской дискуссии, легальной партийной политики и публичной законодательной процедуры. В дальнейшем этот опыт был прерван, но не исчез из исторической памяти отечественного права.

После 1917 г. российская конституционная история вошла в принципиально новую фазу. Конституция РСФСР 1918 г. оформила советскую модель власти, основанную на идее диктатуры пролетариата, классовом подходе к правам и отрицании классического разделения властей [4]. В отличие от дореволюционного конституционализма, где ключевым вопросом было ограничение монархической власти, советская модель исходила из единства власти Советов и подчинения права политическим целям революционного государства.

Конституция СССР 1924 г. закрепила федеративную конструкцию Союза ССР и распределение компетенции между союзным центром и республиками [5]. Формально федерализм стал важнейшим элементом советской конституционности, однако фактически он развивался в условиях высокой централизации и руководящей роли партии. Это породило характерную черту советского конституционализма: наличие развитых юридических форм при ограниченной самостоятельности институтов, которые эти формы должны были обеспечивать.

Конституция СССР 1936 г. провозгласила

широкий каталог социально-экономических и политических прав [6]. В сравнении с раннесоветским периодом ее текст выглядел более универсалистским и менее классовым. Однако именно этот пример особенно ярко демонстрирует расхождение между конституционной декларацией и фактической политико-правовой реальностью. Формальное закрепление прав не сопровождалось независимым судом, политическим плюрализмом и эффективными гарантиями защиты личности от государства.

Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г. развивали модель «общенародного государства», закрепляли социальные права, обязанности граждан, структуру Советов и принципы социалистической законности [7; 8]. Для советского периода в целом характерно особое понимание конституции: она выступала не столько юридическим актом ограничения власти, сколько политико-программным документом, фиксирующим достигнутый этап развития социалистического общества. Это не означает, что советские конституции не имели правового значения. Они влияли на структуру органов власти, систему федеративных отношений, правовой статус граждан, развитие отраслевого законодательства. Однако их конституционализм был преимущественно номинальным в той части, где речь шла о политических правах, разделении властей и реальном контроле над публичной властью.

Рубеж 1980-1990-х гг. стал периодом демонстрации советской фактической конституции. Изменения начались не с принятия нового основного закона, а с трансформации политического режима: отмены монополии одной партии, появления конкурентных выборов, усиления парламентаризма, признания политического и идеологического многообразия, реформирования федеративных отношений. Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. и последующие конституционные изменения создали переходную ситуацию, в которой старый текст Основного закона уже не соответствовал новой политико-правовой реальности.

Федеративный договор 1992 г. имел значение компромиссного механизма сохранения территориальной целостности и перераспределения полномочий между центром и субъектами [10]. Однако договорная федерализация не могла заменить полноценную конституционную модель. На этом этапе проявилось одно из главных противоречий постсоветского перехода: стремление к демократизации сочеталось с институциональной неопределенностью, конфликтом между президентской и парламентской ветвями власти, экономическим кризисом и слабостью правовых проце-

дур разрешения политических споров.

Конституция Российской Федерации 1993 г. стала ответом на этот кризис. Она закрепила принцип народовластия, федеративное устройство, республиканскую форму правления, разделение властей, идеологическое и политическое многообразие, местное самоуправление, верховенство Конституции и международно-правовую открытость российской правовой системы [1, ст. 3, 5, 10, 13, 15]. Особое значение имело признание человека, его прав и свобод высшей ценностью [1, ст. 2]. В этом положении выражен принципиальный поворот от государствоцентричной к правогарантийной конституционной модели.

Важнейшей новацией стало прямое действие прав и свобод, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемых правосудием [1, ст. 18]. Эта норма является одним из наиболее сильных выражений современного конституционализма, поскольку она связывает все публичные институты правами личности. Не менее значимыми стали положения о судебной защите, Конституционном Суде Российской Федерации, самостоятельности местного самоуправления и гарантированности федеративной структуры.

Однако Конституция 1993 г. изначально содержала сильную президентскую модель. В условиях посткризисного перехода это рассматривалось как средство стабилизации государства. В то же время такая конструкция создала долгосрочную проблему баланса властей. Российский конституционализм 1990-х гг. оказался ориентирован одновременно на либерально-правовые ценности и на сильную исполнительную вертикаль. Именно это сочетание определило дальнейшую динамику развития конституционного строя.

Современный российский конституционализм развивается в условиях усложнения публичной власти, цифровизации, изменения международной среды, усиления значения суверенитета и необходимости обновления социальных гарантий. Конституционная реформа 2020 г. изменила ряд положений Основного закона, затронув организацию публичной власти, статус социальных обязательств, соотношение национального и международного правопорядков, требования к должностным лицам, полномочия отдельных органов и ценностные ориентиры государства [9]. Эти изменения подтвердили, что Конституция остается не только юридической основой, но и инструментом политико-правовой адаптации государства.

Вместе с тем главный вопрос современного этапа состоит не в объеме конституционного текста, а в качестве конституционной практики.

Для развитого конституционализма недостаточно закрепить права и институты; необходимо обеспечить их реальную действенность. Верховенство Конституции предполагает, что законодатель, исполнительная власть, суды, органы субъектов Федерации и муниципальные образования действуют в рамках конституционных пределов. Разделение властей предполагает не только формальное наличие разных органов, но и систему сдержек и противовесов. Федерализм требует не только территориального деления, но и реальной компетенционной самостоятельности субъектов. Местное самоуправление имеет конституционный смысл лишь тогда, когда население располагает реальными возможностями решать вопросы местного значения.

Особое значение приобретает судебный конституционализм. Конституционный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции и арбитражные суды участвуют в превращении конституционных норм из деклараций в действующие регуляторы. Прямое действие Конституции не может оставаться только доктринальной формулой; оно должно проявляться в мотивировке судебных актов, в проверке законов на соответствие конституционным принципам, в защите достоинства личности, собственности, свободы труда, свободы выражения мнения, права на судебную защиту и иных прав. Именно судебная практика является тем пространством, где юридическая конституция встречается с фактической.

Следовательно, современный российский конституционализм нельзя оценивать исключительно по критерию стабильности текста Конституции. Его зрелость определяется тем, насколько конституционные принципы становятся повседневными правилами публичной власти. Исторический опыт России показывает: формальное наличие конституционных институтов само по себе не гарантирует конституционного государства. Решающее значение имеет механизм реализации: независимый суд, юридическая ответственность власти, качество законодательства, политико-правовая культура, реальная защищенность личности.

Историческое развитие российского конституционализма имеет сложную, прерывистую и неоднозначную траекторию. Его истоки обнаруживаются задолго до появления писаной конституции: в правовых представлениях о справедливом правлении, в договорных и представительных элементах древнерусской и сословной государственности, в проектах ограничения верховной власти, в реформаторских программах XIX века. Эти предпосылки не образовывали конституционного государства, но создавали интеллектуальные и

институциональные основания для последующего конституционного поворота.

Первый общеимперский конституционный опыт 1905-1906 гг. показал возможность юридического ограничения монархической власти, развития парламентской процедуры и публичной политики. Его слабость заключалась в неполноте разрыва с самодержавной логикой. Советский период, напротив, создал развитые конституционные тексты, но преимущественно в рамках политико-программной и декларативной модели, где права и институты зависели от партийно-государственной фактичности. Постсоветская Конституция 1993 г. закрепила современную правовую модель, основанную на правах человека, народовласти, разделении властей, федерализме, местном самоуправлении и верховенстве Конституции.

Главный научный вывод состоит в том, что российский конституционализм следует понимать как исторически изменяющийся механизм согласования сильной государственности и правового ограничения власти. Его развитие не завершено принятием Конституции; оно продолжается в правоприменении, судебной практике, законодательной политике, цифровой трансформации и взаимодействии общества с государством. Для будущего российского конституционализма принципиально важно, чтобы конституционные нормы сохраняли не только символическое и учредительное, но и непосредственно регулирующее значение. Только в этом случае Конституция выступает не декларацией о должном, а действующим правовым пределом публичной власти и гарантией свободы личности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.06.2026).

[2] Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994.

[3] Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. СПб., 1909.

[4] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[5] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 1. Ст. 1.

[6] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

[7] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[8] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[9] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[10] Федеративный договор от 31 марта 1992 г. // Российская газета. 1992. 4 апр.

[11] Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

[12] Авакян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2022.

[13] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2021. 768 с.

[14] Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 2020. 608 с.

[15] Медушевский А.Н. Российский конституционализм: историческое развитие и современность. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.

[16] Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. М.: Статут, 2010. 224 с.

[17] Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Грачева и К°, 1866. 552 с.

[18] Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

[19] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 623 с.

[20] Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Статут, 2023. 624 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed:

June 6, 2026).

[2] Imperial Manifesto "On the Improvement of State Order" of October 17, 1905 // Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: in 9 volumes. Vol. 9. Legislation of the Era of Bourgeois-Democratic Revolutions. Moscow: Legal Literature, 1994.

[3] Fundamental State Laws of the Russian Empire of April 23, 1906 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XXVI. St. Petersburg, 1909.

[4] Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of July 10, 1918 // SU RSFSR. 1918. No. 51. Art. 582.

[5] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of January 31, 1924 // SZ USSR. 1924. No. 1. Art. 1.

[6] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936 // Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1936. December 6.

[7] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of October 7, 1977 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617.

[8] Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1978. No. 15. Art. 407.

[9] Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.

[10] Federal Treaty of March 31, 1992 // Rossiyskaya Gazeta. 1992. April 4.

[11] Alekseev S.S. Law: ABC - Theory - Philosophy: Experience of a Comprehensive Study. Moscow: Statut, 1999. 712 p.

[12] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes. Moscow: Norma, 2022.

[13] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook. Moscow: Norma, 2021. 768 p.

[14] Chirkin V.E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. Moscow: Zertsalo, 2020. 608 p.

[15] Medushevsky A.N. Russian Constitutionalism: Historical Development and Modernity. Moscow: ROSSPEN, 2010. 544 p.

[16] Speransky M.M. Introduction to the Code of State Laws. Moscow: Statut, 2010. 224 p.

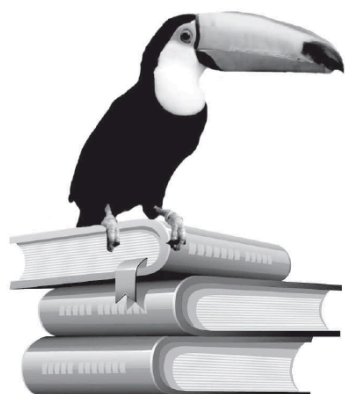
[17] Chicherin B.N. On People's Representation. Moscow: Tip. Gracheva and Co., 1866. 552 p.

[18] Kistyakovsky, B.A. Social Sciences and Law. Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law. Moscow: M. and S. Sabashnikov Publishing House, 1916. 704 p.

[19] Korkunov, N.M. Russian State Law. Vol.

1: Introduction and General Part. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publishing House, 1909. 623 p.

[20] Shakhrai, S.M. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Statut, 2023. 624 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-89-97

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, декан факультета
профессиональной переподготовки Московского института
профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ORCID 0000-0001-7731-724X, <https://ludmilagru.academia.edu/research>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАННИЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ. ЧАСТЬ 3. ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТОВ ДЕКАБРИСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается «Русская правда» П.И. Пестеля как один из проектов конституционного переустройства России первой четверти XIX в. Обосновывается, что данный документ не являлся конституцией в формально-юридическом смысле, поскольку не был принят, не вступил в силу, не был завершен в полном объеме и одновременно мыслился как наказ Временному верховному правлению переходного периода. Вместе с тем, по предмету регулирования, системности, целям и юридической функции «Русская правда» фактически представляла собой проект основного закона будущего российского государства. Особое внимание уделяется научным подходам к оценке «Русской правды»: советской историко-революционной школе, либерально-критической традиции, юрико-конституционному подходу, текстологической школе, сравнительно-правовой интерпретации и современной критике авторитарно-унификационных элементов проекта. Делается вывод, что «Русская правда» является не просто программным документом декабризма, а протоконституционным актом радикального типа, предвосхитившим последующие дискуссии о форме правления, народном суверенитете, правах граждан, единстве государства и пределах революционной власти.

Ключевые слова: П. И. Пестель, «Русская правда», декабристы, Южное общество, конституционализм, протоконституционный акт, народный суверенитет, права граждан.

Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru/>.

GRUDTSYNA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional
Retraining of the Moscow Institute of Vocational Education named
after K.D. Ushinsky

EARLY FORMS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROTO-CONSTITUTIONAL ACTS. PART 3. DRAFT CONSTITUTIONAL ACTS OF THE DECEMBRISTS

Annotation. The article examines P. I. Pestel's "Russkaya Pravda" as one of the most radical and conceptually developed projects of constitutional transformation in Russia in the first quarter of the nineteenth century. It is argued that this document was not a constitution in the formal legal sense, since it was not adopted, did not enter into force, was not fully completed, and was also conceived as an instruction to the Provisional Supreme Government for a transitional period. At the same time, in terms of its subject matter, systematic nature, purposes and legal function, "Russkaya Pravda" was in fact a draft fundamental law of the future Russian state. Particular attention is paid to scholarly approaches to the assessment of "Russkaya Pravda": the Soviet historical-revolutionary school, the liberal-critical tradition, the legal-constitutional approach, the textual school, the comparative legal interpretation and contemporary criticism of the authoritarian and unifying elements of the project. The article concludes that "Russkaya Pravda" is not merely a programmatic document of Decembrism,

but a proto-constitutional act of a radical type, anticipating subsequent debates on the form of government, popular sovereignty, citizens' rights, state unity and the limits of revolutionary power.

Key words: *P. I. Pestel, Russkaya Pravda, Decembrists, Southern Society, constitutionalism, proto-constitutional act, popular sovereignty, civil rights.*

«Русская правда» П.И. Пестеля занимает важное место в истории российского дореволюционного конституционализма. В отличие от правительственных проектов начала XIX в., прежде всего, «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского 1809 г., она не стремилась рационализировать самодержавие, а исходила из необходимости его радикальной ликвидации. В отличие от «Конституции» Н.М. Муравьева, допускавшей конституционно-монархическую модель, проект Пестеля был последовательно республиканским, унитарным и революционно-преобразовательным.

Полное название документа раскрывает его юридическую амбицию: «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления» [1]. Уже эта формула показывает двойственную природу текста: он одновременно мыслится как «государственная грамота» будущего строя и как «наказ» переходной власти.

В научной литературе «Русская правда» оценивается неодинаково. Одни авторы видят в ней прежде всего революционную программу Южного общества декабристов [4, с. 103–127], другие - наиболее радикальный конституционный проект декабризма [7, с. 41–86], третьи - опасную модель революционного централизма, соединяющую освобождение с диктаторским переходным механизмом [5, с. 55–79]. Современные юридические исследования, в частности работа Н.Д. Денисовой, прямо квалифицируют «Русскую правду» как конституционный проект П.И. Пестеля [11, с. 3–8].

Квалификация «Русской правды» требует отказа от упрощённой альтернативы: либо конституция, либо политическая декларация. Документ Пестеля был сложнее. Он не был принят государством, не был опубликован как обязательный основной закон, не вступил в силу и не был завершён в полном объёме. Вместе с тем он не сводился к лозунгам или общим политическим пожеланиям. Согласно исследовательской традиции, П.И. Пестель предполагал разработать десять глав «Русской правды», однако полностью или относительно полно были подготовлены первые пять: о земельном пространстве, о племенах, населяющих Россию, о сословиях, о народе в по-

литическом отношении и о народе в гражданском отношении [2, с. 221–224]. Неполнота текста является существенной, но она не отменяет конституционной направленности проекта.

Конституционный характер документа определяется прежде всего его предметом. Пестель рассматривал форму правления, территориальное устройство, ликвидацию сословий, отмену крепостного права, права граждан, систему верховных органов, механизм переходного правления и земельные основания будущего государства. Такой круг вопросов типичен не для обычной программы партии или тайного общества, а для проекта основного закона. Особенность «Русской правды» состоит в соединении двух функций. Первая - учредительная: документ задавал основы будущего государственного строя. Вторая — переходная: он должен был служить наказом Временному верховному правлению, которому Пестель отводил роль чрезвычайной власти после революционного переворота [1; 3]. Именно поэтому «Русскую правду» корректно определять как конституционный проект с переходно-революционной функцией.

Для признания «Русской правды» проектом конституции необходимо выделить юридические критерии, а не ограничиваться политической оценкой декабризма.

Первый критерий - предмет регулирования. «Русская правда» охватывает основы государственного и общественного строя: форму правления, систему органов власти, территорию, гражданское состояние, сословия, землю, права граждан и национальный вопрос. Это именно конституционный предмет.

Второй критерий - учредительный характер. Проект не предлагал частичную модернизацию самодержавия, а предполагал создание нового государства после ликвидации монархии. В этом смысле документ выполнял функцию учредительного акта.

Третий критерий - определение источника и организации власти. В проекте формулировалась республиканская модель, предполагавшая Народное вече, Державную думу и Верховный собор [3]. Эти институты образовывали систему высших органов будущей республики.

Четвертый критерий - закрепление правового статуса граждан. Уничтожение сословий и крепостного права, введение единого гражданского состояния и равенства перед законом выводили

проект за пределы административной реформы и приближали его к модели гражданской конституции.

Пятый критерий - наличие идеи охраны основного порядка. Верховный собор, по замыслу Пестеля, должен был выполнять блюстительную функцию. В современной терминологии это можно рассматривать как раннюю форму идеи конституционного надзора или охраны основного закона, хотя, конечно, без институциональной зрелости позднейшего конституционного контроля.

Итак, «Русская правда» является проектом конституции не потому, что она была принята и действовала, а потому, что она проектировала фундаментальные юридические основания будущего государства.

Республиканизм П.И. Пестеля был наиболее радикальным элементом его программы. В отличие от Н.М. Муравьева, который допускал конституционную монархию, Пестель считал монархический принцип несовместимым с будущим правовым и гражданским строем России [7, с. 69–84]. Для П.И. Пестеля самодержавие было не просто неудачной формой правления, а системной причиной политического бесправия, сословного неравенства и крепостной зависимости. Поэтому он не предлагал ограничить монарха Государственной думой или иным представительным учреждением. Его проект предполагал полное устранение монархии и переход к республике. В этом проявляется конституционный разрыв. Проект П.И. Пестеля не продолжал старую государственность в реформированной форме, а учреждал новую. Именно поэтому «Русская правда» ближе не к правительственным планам осторожной модернизации, а к революционным конституциям Нового времени, где основной закон выступает актом переучреждения политической общности. Однако республика по П.И. Пестелю не была либерально-парламентской в современном смысле. Она соединяла народное представительство, сильный государственный центр и временную революционную диктатуру. Поэтому ее следует определять как радикально-республиканскую, унитарную и государственническую модель раннего конституционализма. Одним из наиболее убедительных доказательств конституционной природы «Русской правды» является разработка системы высших органов власти. Пестель предлагал не абстрактную республику, а институционально оформленную конструкцию. Высшая законодательная власть должна была принадлежать Народному вечу. Оно мыслилось как представительный орган, выражающий политическую волю народа и принимающий законы [3]. По своей юридической функции Народное вече являлось парламентом республикан-

ского типа. Исполнительная власть передавалась Государственной думе. Она должна была состоять из пяти лиц, избираемых Народным вечем. Такая модель предполагала зависимость исполнительной власти от представительного органа, хотя вопрос о механизмах ответственности исполнительной власти был разработан недостаточно.

Особое место занимал Верховный собор - орган блюстительной власти. Его функция состояла в наблюдении за сохранением основ государственного порядка и законности деятельности высших органов [3]. В юридико-конституционном плане это крайне важно: Пестель фактически вводил орган охраны основного закона, отличающийся от законодательной и исполнительной власти. Эта схема не совпадает полностью с классическим разделением властей. В ней отсутствует самостоятельное теоретически завершённое описание судебной власти как равной ветви, зато появляется особая блюстительная власть. Такая конструкция отражает влияние революционного конституционализма и одновременно стремление Пестеля предотвратить узурпацию власти внутри будущей республики.

Самым дискуссионным элементом «Русской правды» является идея Временного верховного правления. Пестель полагал, что после свержения самодержавия необходимо создать переходный орган, наделенный чрезвычайными полномочиями для проведения преобразований [1; 3]. С юридической точки зрения это порождает фундаментальное противоречие. Конституция предполагает ограничение власти, а Временное верховное правление концентрирует власть. Конституционный порядок должен быть правовым и процедурным, а переходный механизм Пестеля допускает диктаторские методы ради будущего устройства. Именно поэтому либерально-критическая традиция оценивала проект Пестеля настороженно. В ней подчёркивалось, что путь к свободе через временную диктатуру может породить не правовое государство, а новый централизованный авторитарный режим [5, с. 55–79]. П.И. Пестель видел связь политической конституции с социальной структурой. В отличие от тех реформаторов, которые стремились ограничить верховную власть, не разрушая сословного порядка, Пестель понимал: гражданская конституция невозможна при сохранении крепостного права. Проект предусматривал уничтожение сословий и переход к единому гражданскому состоянию. Это означало юридический разрыв с имперским сословным правом. Подданные, различавшиеся по сословиям, должны были стать гражданами единого государства [3].

В советской историографии этот аспект оценивался как одно из наиболее прогрессивных

положений пестелевского проекта. М.В. Нечкина подчёркивала, что декабристы впервые поставили задачу политического освобождения России в связи с отменой крепостной зависимости [4, с. 217–245]. Н.М. Дружинин также рассматривал социальную программу декабристов в контексте борьбы против феодально-крепостного строя [6, с. 140–173]. С точки зрения современной конституционно-правовой теории данный элемент имеет особую значимость. Конституция не может быть только схемой высших органов власти. Она должна определять статус человека в государстве. У Пестеля именно уничтожение сословий и крепостничества создавало предпосылку для гражданского равенства. В этом смысле «Русская правда», на наш взгляд, является не только политической, но и социальной конституцией будущего государства.

Аграрный вопрос занимал в проекте П.И. Пестеля центральное место. Он предлагал разделить землю на две части: общественную и частную. Общественная земля должна была обеспечивать каждому гражданину минимальные средства существования, а частная земля сохранялась как объект собственности и хозяйственного оборота [3]. Этот проект имел не только экономическое, но и конституционное значение. Пестель понимал, что политическая свобода не может быть устойчивой без материальной независимости граждан. Если гражданин лишен средств к существованию, его свобода превращается в фикцию. Поэтому земельная реформа должна была стать социальной гарантией будущего гражданского строя.

С.М. Файерштейн специально исследовал аграрные положения «Русской правды», связывая их с европейскими социальными идеями и с поиском компромисса между общественным обеспечением и частной собственностью [12, с. 32–70]. В этом подходе подчёркивается, что Пестель стремился одновременно уничтожить крепостную зависимость и предотвратить массовое обезземливание крестьян. Земельная программа демонстрирует, что П.И. Пестель не мыслил конституцию только как политическую форму. Для него новый основной закон должен был опираться на социально-экономическую перестройку общества. Это делает «Русскую правду» особенно масштабным проектом по сравнению с более умеренными конституционными программами начала XIX в.

В «Русской правде» содержались положения, которые по своей природе относятся к сфере основных прав и свобод: равенство перед законом, свобода слова и печати, свобода вероисповедания, свобода занятий, свобода передвижения, неприкосновенность личности и жилища, равный

суд [3]. Эти положения позволяют рассматривать проект как один из первых российских опытов конституционного закрепления гражданского статуса. Если «Кондиции» 1730 г. ограничивали власть монарха преимущественно в интересах аристократии, а «Наказ» Екатерины II формулировал просветительскую законность без политической конституции, то Пестель предлагал создать именно гражданскую общность. Однако каталог прав в «Русской правде» не следует идеализировать. Пестель не был либералом в современном смысле. Его права граждан встроены в сильную государственную конструкцию, где государственное единство и революционная целесообразность могли ограничивать индивидуальную свободу. Особенно это заметно в национальном вопросе и в концепции временной диктатуры. Тем не менее, отметим, что по меркам первой четверти XIX в. положения о гражданском равенстве, уничтожении сословий и свободах имели значительный конституционный потенциал. Они переводили вопрос о правах из сферы сословных привилегий в сферу общего гражданского статуса.

П.И. Пестель отвергал федерализм, поскольку видел в нем угрозу распаду России. В этом отношении его проект принципиально отличался от модели Н.М. Муравьева, допускавшей федеративные элементы [7, с. 93–111]. С одной стороны, унитаризм П.И. Пестеля имел рациональное конституционное основание. Он стремился создать единое правовое пространство, единое гражданство, равные законы и политическую целостность государства. Для страны, только переходящей от сословного и имперского строя к гражданскому, такая унификация могла казаться необходимой. С другой стороны, именно национальная политика является одним из самых проблемных элементов «Русской правды». Пестель фактически подчинял национальное многообразие задаче политической и культурной унификации. В современной научной литературе подчёркивается, что его концепция гражданства и национального устройства сочетала принцип равенства с ассимиляционными и принудительно-интеграционными установками [11, с. 14–19]. Таким образом, «Русская правда» обнаруживает внутреннее противоречие: она провозглашает гражданское равенство, но слабо признаёт ценность культурной и национальной множественности. Это не снимает её конституционного значения, но требует критической оценки как проекта централизованной и унифицирующей республики.

Одно из наиболее значимых положений проекта Н.М. Муравьева – формула о народе как источнике верховной власти. Она имела революционное значение для российского правосознания

начала XIX в. В традиционной самодержавной модели верховная власть мыслилась как принадлежащая монарху по праву престолонаследия, исторической традиции, божественного установления и государственной необходимости. Муравьев разрушал эту конструкцию. Он утверждал, что народ не может быть принадлежностью никакого лица или семейства. Следовательно, монархическая власть не является правом собственности династии на государство. Эта идея сближает проект Н.М. Муравьева с европейским конституционализмом Нового времени. Народный суверенитет здесь не означает республиканизм в пестелевском смысле, но означает, что монархическая власть производна и ограничена.

Н.М. Муравьев предлагал не уничтожение монархии, а ее конституционную переинтерпретацию. Монарх из самодержца превращался в орган государства, связанный основным законом, народным представительством и установленной компетенцией. Именно этот момент позволяет говорить о глубокой протоконституционной природе проекта. Конституционализм начинается там, где власть перестаёт быть личным правом правителя и становится юридически оформленной публичной функцией.

Термин «протоконституционный акт» применим к документам, которые не стали действующими конституциями, но содержат ключевые элементы конституционного регулирования. «Конституция» Н.М. Муравьева в полной мере соответствует этому понятию.

Во-первых, она формулировала принцип народного суверенитета. Во-вторых, она ограничивала монархическую власть. В-третьих, она учреждала представительный законодательный орган. В-четвертых, она проектировала территориальную организацию государства. В-пятых, она закрепляла статус граждан и гражданские права. В-шестых, она предусматривала независимую судебную власть. В-седьмых, она содержала специальную процедуру изменения основного закона. Именно совокупность этих признаков позволяет говорить не просто о политическом проекте Северного общества, а о протоконституционном акте. Более того, по юридической форме проект Н.М. Муравьева ближе к классической конституции, чем «Русская правда» Пестеля, поскольку он меньше связан с идеей временной революционной диктатуры и более последовательно строит систему ограниченной власти.

Оптимальная правовая квалификация может быть сформулирована следующим образом: «Конституция» Н.М. Муравьева - нереализованный проект основного закона конституционно-монархического типа, являющийся одним из наиболее развитых протоконституционных актов дореволюционной России. «Конституция» Н.М. Муравьева является одним из ключевых документов раннего российского конституционализма. Она не была действующей конституцией и не получила юридической силы. Однако по своему предмету, структуре и цели она представляла собой проект основного закона будущего российского государства. Ее значение состоит в том, что в ней была предложена относительно целостная модель перехода от самодержавия к конституционной монархии. Муравьев провозглашал народ источником верховной власти, ограничивал монарха конституцией, создавал двухпалатное Народное вече, вводил гражданство как право участия в управлении, предусматривал отмену крепостного права, проектировал федеративное или областное устройство, отделял судебную власть от администрации и устанавливал специальную процедуру изменения основного закона.

В отличие от П.И. Пестеля, Н.М. Муравьев не стремился к республиканской диктатуре переходного периода. Его проект был умереннее и ближе к европейской модели либерального конституционализма. Но одновременно он был ограничен имущественными цензами, неполной демократизацией политического участия и осторожным решением крестьянского вопроса. Классификация научных подходов показывает, что проект Н.М. Муравьева оценивается неоднозначно: как умеренная дворянская программа, как правовой проект конституционной монархии, как наиболее реалистичная программа декабристов, как текстологически сложный источник и как часть общеевропейской конституционной традиции. Наиболее убедительной представляется позиция, согласно которой «Конституция» Н.М. Муравьева является именно конституционным проектом и протоконституционным актом, предвосхитившим последующие споры о народном представительстве, правах граждан, федерализме, судебной независимости и пределах верховной власти. Она доказывает, что российский конституционализм возник задолго до XX в. и имел не только радикально-республиканскую, но и умеренную либерально-монархическую линию развития.

Таблица 1. Классификация научных подходов к проекту Н.М. Муравьева

Научный подход	Ключевой акцент	Оценка проекта

Советская социально-историческая школа	Сословная природа и умеренность проекта	Прогрессивный, но ограниченный дворянско-либеральный проект
Либерально-правовая традиция	Ограничение монархии и правовая форма власти	Ближайший к европейскому либеральному конституционализму проект декабристов
Юридикско-конституционный подход	Предмет регулирования основного закона	Полноценный нереализованный конституционный проект
Источниковедческо-текстологическая школа	Редакции, рукописи, эволюция текста	Сложный, незавершенный, но системный источник
Сравнительно-правовая интерпретация	Связь с США, Францией, Испанией и европейскими хартиями	Российская адаптация западного конституционализма
Современная критико-правовая позиция	Цензовость, ограниченность демократии, крестьянский вопрос	Протоконституционный акт с существенными историческими ограничениями

Сопоставление «Русской правды» П.И. Пестеля с «Конституцией» Н.М. Муравьева позволяет точнее понять место пестелевского проекта в истории российского конституционализма. Модель Н.М. Муравьева была умереннее. Она предполагала ограниченную монархию, федеративные начала, разделение властей и постепенный переход к правовому порядку. П.И. Пестель, напротив, отвергал монархию, настаивал на унитарной республике и допускал временную революционную диктатуру [7, с. 112–148]. В результате в декабристской мысли первой четверти XIX в. сложились две линии: либерально-монархическая и радикально-республиканская. Первая была связана с Н.М. Муравьевым, вторая - с П.И. Пестелем. Обе линии являются конституционными, но их политико-правовая философия различна.

Научная литература о «Русской правде» неоднородна. Для целей юридико-исторического анализа можно выделить несколько основных школ и исследовательских позиций.

Первая - советская историко-революционная школа. Ее представители рассматривали «Русскую правду» прежде всего как революционный проект буржуазно-демократического преобразования крепостнической России. М.В. Нечкина видела в П.И. Пестеле одного из наиболее последовательных идеологов декабристского движения и подчеркивала социальную радикальность его программы [4, с. 217–245]. Н.М. Дружинин также оценивал декабристские проекты в связи с антифеодальной направленностью общественного движения [6, с. 140–173]. Сильной стороной этой школы было внимание к отмене крепостного права и сословий; слабой — склонность смягчать авторитарные элементы проекта.

Вторая - либерально-критическая традиция. В ней акцент делается на опасности пестелевского революционного централизма и времен-

ного верховного правления. П.Б. Струве противопоставлял более умеренного Муравьева радикальному Пестелю и усматривал в последнем черты политической диктатуры [5, с. 55–79]. Сильная сторона этой позиции - критика авторитарного потенциала проекта; слабая - возможная недооценка его социально-освободительного содержания.

Третья - юридикско-конституционная традиция. В его рамках «Русская правда» рассматривается прежде всего как конституционный проект. А.А. Покровский анализировал конституционные проекты декабристов как формы раннего русского конституционного мышления [7, с. 41–148]. Н.Д. Денисова специально исследовала «Русскую правду» именно как конституционный проект, уделяя внимание гражданству, форме государственного устройства и национальному вопросу [11]. Эта позиция наиболее близка к предмету настоящей статьи.

Четвертая - текстологическая и источниковедческая школа. О.И. Киянская подчеркивала сложность реконструкции политических взглядов Пестеля и необходимость осторожной работы с редакциями текста, следственными материалами и позднейшими публикациями [2, с. 221–256]. Данный подход важен потому, что «Русская правда» не была завершенным и официально утвержденным текстом.

Пятая - сравнительно-правовая школа. Она рассматривает проект Пестеля в контексте европейского конституционализма, идей Просвещения, революционного республиканизма и кризиса абсолютизма. В. Ю. Захаров анализирует российский конституционализм конца XVIII - первой четверти XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе, что позволяет увидеть «Русскую правду» как часть более широкого европейского процесса [10, с. 301–342].

Шестая - современная критико-правовая

традиция, которая признает конституционный характер проекта, но подчёркивает его несоответствие ряду принципов современного конституционализма: политическому плюрализму, правам меньшинств, федерализму, ограничению чрезвычайной власти, культурной автономии. Такой подход позволяет избежать как идеализации П.И. Пестеля, так и его одностороннего отрицания.

Терминология исследователей различается. Советские историки чаще говорили о «конституционном проекте» или «программе» декабристов, не всегда используя термин «протоконституционный акт» [4; 6; 7]. Современные юридические авторы чаще прибегают к категории протоконституционности, поскольку она позволяет обозначить документы, которые не были действующими конституциями, но содержали элементы конституционного регулирования [10; 11; 15].

В отношении «Русской правды» понятие «протоконституционный акт» применимо с оговоркой. С одной стороны, это не акт государства и не вступивший в силу основной закон. С другой — это документ, содержащий модель будущей конституции. Поэтому его протоконституционность заключается не в слабости конституционного содержания, а в отсутствии юридической реализации. По степени разработанности «Русская правда» превосходит многие ранние документы российского конституционализма. «Кондиции» 1730 г. ограничивали монарха, но не создавали целостной модели государства. «Наказ» Екатерины II формулировал просветительскую законность, но не ограничивал самодержавие политически. Проект Сперанского рационализировал монархию, но не разрушал ее. П.И. Пестель же предложил полное учредительное переустройство государства.

Поэтому наиболее корректная квалификация такова: «Русская правда» П.И. Пестеля — незавершенный конституционный проект и одновременно протоконституционный акт революционно-республиканского типа, ориентированный на преобразование Российской империи в унитарную гражданскую республику. «Русская правда» поставила ряд вопросов, которые стали центральными для российского конституционного развития в последующие исторические эпохи. Во-первых, это вопрос о форме правления: ограниченная монархия или республика. Во-вторых, вопрос о народном представительстве и системе высших органов власти. В-третьих, вопрос о гражданском равенстве и преодолении сословного строя. В-четвертых, вопрос об отмене крепостной зависимости как условия политической свободы. В-пятых, вопрос о единстве государства и допустимости федерализма. В-шестых, вопрос о пределах чрезвычайной власти в период перехода к

новому строю. Многие из этих вопросов сохраняли актуальность и в эпоху Великих реформ, и в период 1905–1906 гг., и в революционном процессе 1917 г. Разумеется, прямой юридической преемственности между «Русской правдой» и последующими российскими конституциями не было.

Наиболее убедительной автору настоящей статьи представляется позиция, согласно которой «Русская правда» является именно конституционным проектом, но не завершённой и не действующей конституцией. Она предвосхитила многие вопросы, которые российское право будет решать значительно позднее: форму правления, народное представительство, пределы исполнительной власти, гражданское равенство, отмену сословности, права личности, единство правового пространства и допустимость революционного перехода к новому строю. В этом смысле «Русская правда» П.И. Пестеля — один из главных документов, доказывающих, что российский конституционализм исторически возник задолго до советских конституций и имел не только правительственно-реформаторскую, но и радикально-республиканскую линию развития.

Список литературы:

- [1] Пестель П. И. Русская правда: наказ временному Верховному правлению / предисл. П. Е. Щеголева. СПб.: Культура, 1906. XIV, 245 с.
- [2] Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- [3] Русская правда П. И. Пестеля // Восстание декабристов: документы. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.
- [4] Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 448 с.
- [5] Струве П. Б. Никита Муравьев и Павел Пестель. Париж: YMCA-Press, 1981. 356 с.
- [6] Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. 398 с.
- [7] Покровский А. А. Конституционные проекты декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 284 с.
- [8] Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. 624 с.
- [9] Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности декабристов. М.: Госполитиздат, 1954. 328 с.
- [10] Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII — первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: монография. М.: Прометей, 2017. 394 с.
- [11] Денисова Н. Д. Конституционный проект П. И. Пестеля «Русская правда»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

[12] Файерштейн С. М. Решение аграрного вопроса в «Русской правде» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов / под ред. Н. М. Дружинина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 32–70.

[13] Сони́на Л. В. Обзор основных положений конституционных проектов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева // Вестник Томского государственного университета. 2002. № 275. С. 84–91.

[14] Вольф С. П. Проекты государственного устройства П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева: опыт прошлого и настоящего в перспективе будущего // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. С. 34–41.

[15] Корецкая Т. П. Становление российского конституционализма // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 31–39.

[16] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

[17] Томсинов В. А. История русской юриспруденции XVIII–XIX веков. М.: Зерцало-М, 2012. 456 с.

[18] Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев: Университетская типография, 1886. 496 с.

[19] Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Право, 1911. 529 с.

[20] Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1875–1883. 384 с.

[21] Сперанский М. М. План государственного преобразования: Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

[22] Муравьев Н. М. Конституция // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 313–348.

[23] Декабристы: избранные сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1987.

[24] Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: Изд-во МГУ, 1992. 272 с.

References:

[1] Pestel P. I. Russian Truth: Instructions to the Provisional Supreme Government / Preface by P. E. Shchegolev. St. Petersburg: Kultura, 1906. XIV, 245 p.

[2] Kiyanskaya O. I. Pavel Pestel: Officer, Intelligence Officer, Conspirator. Moscow: Paraleli, 2002. 512 p.

[3] Pestel's Russian Truth // The Decembrist Uprising: Documents. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat,

1958. 692 p.

[4] Nechkina M. V. The Decembrists. Moscow: Nauka, 1982. 448 p.

[5] Struve P. B. Nikita Muravyov and Pavel Pestel. Paris: YMCA-Press, 1981. 356 p.

[6] Druzhinin N. M. The Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century. Moscow: Nauka, 1985. 398 p.

[7] Pokrovsky A. A. Constitutional Projects of the Decembrists. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 284 p.

[8] Semevsky V. I. Political and Social Ideas of the Decembrists. St. Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich, 1909. 624 p.

[9] Trubetskoy S. P. Materials on the Life and Revolutionary Activities of the Decembrists. Moscow: Gospolitizdat, 1954. 328 p.

[10] Zakharov V. Yu. Russian and Foreign Constitutionalism of the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries: An Essay on Comparative Historical Analysis: Monograph. Moscow: Prometheus, 2017. 394 p.

[11] Denisova N. D. Constitutional project of P. I. Pestel "Russian Truth": author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2005. 25 p.

[12] Fayershtein S. M. Resolution of the agrarian question in Pestel's "Russian Truth" // Essays on the history of the Decembrist movement / edited by N. M. Druzhinin. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954. pp. 32–70.

[13] Sonina L. V. Review of the main provisions of the constitutional projects of P. I. Pestel and N. M. Muravyov // Bulletin of Tomsk State University. 2002. No. 275. pp. 84–91.

[14] Wolf S. P. Projects of State Structure by P. I. Pestel and N. M. Muravyov: Experience of the Past and Present in the Prospects of the Future // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 12. pp. 34–41.

[15] Koretskaya T. P. Formation of Russian Constitutionalism // Bulletin of Public and Municipal Administration. 2013. No. 2. pp. 31–39.

[16] Mironenko S. V. Autocracy and Reforms: Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1989. 240 p.

[17] Tomsinov V. A. History of Russian Jurisprudence of the 18th–19th Centuries. Moscow: Zertsalo-M, 2012. 456 p.

[18] Romanovich-Slavatinsky A. V. The System of Russian State Law in Its Historical and Dogmatic Development. Kyiv: University Printing House, 1886. 496 p.

[19] Nolde B. E. Essays on Russian State Law. St. Petersburg: Pravo, 1911. 529 p.

[20] Gradovsky A. D. Principles of Russian State Law: in 3 volumes. St. Petersburg: Printing House of

M. M. Stasyulevich, 1875–1883. 384 p.

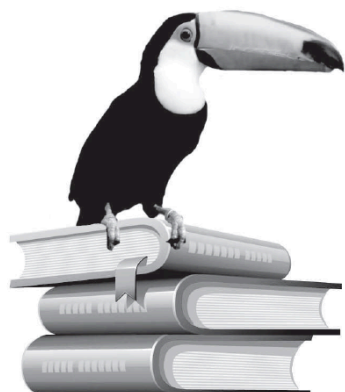
[21] Speransky M. M. Plan for State Transformation: Introduction to the Code of State Laws of 1809. Moscow: Russkaya Mysl, 1905. 359 p.

[22] Muravyov N. M. Constitution // Constitutional Projects in Russia in the 18th – Early 20th Centuries. Moscow: Institute of Russian

History, Russian Academy of Sciences, 2000. pp. 313–348.

[23] The Decembrists: Selected Works: in 2 volumes. Moscow: Pravda, 1987.

[24] Fedorov, V. A. The Decembrists and Their Time. Moscow: Moscow State University Press, 1992. 272 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-98-101

ГРОШКОВ Олег Игорьевич,
e-mail: groshkov99@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье, автором, рассматривается многогранная роль конституционализма в современной России и перспективы его развития в условиях актуальных глобальных угроз и вызовов, с учетом политико-правовых трансформаций. Особо акцентируется внимание на динамичном характере конституционализма, в связи с чем требуется его постоянная адаптация. Автором подчеркивается роль Конституции РФ 1993 года в качестве основы новой модели ограничения власти правом. Проведен анализ влияния поправок Конституции РФ 2020 года на модель конституционализма, а также представлены аргументы за и против необходимости проведения референдума по внесению очередных изменений в Основной закон Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, конституционализм, глобальный конституционализм, конституционная реформа 2020 года, суверенитет, государственная идентичность, традиционные ценности, правовое государство, гражданское общество.

GROSHKOV Oleg Igorevich

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF MODERN POLITICAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS

Annotation. The author examines the multifaceted role of constitutionalism in modern Russia and the prospects for its development in the context of current global threats and challenges, taking into account political and legal transformations. Special attention is paid to the dynamic nature of constitutionalism, which requires its constant adaptation. The author emphasizes the role of the 1993 Constitution of the Russian Federation as the basis for a new model of limiting power by law. The article analyzes the impact of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 on the model of constitutionalism, and also presents arguments for and against the need for a referendum on making further changes to the Basic Law of the Russian Federation.

Key words: constitution, constitutionalism, global constitutionalism, constitutional reform 2020, sovereignty, state identity, traditional values, rule of law, civil society.

Конституционализм, являясь сложной политико-правовой категорией, выступает фактически фундаментом современного российского государства, его правовой системы и общества. Для Российской Федерации это не просто набор писанных правил, его роль многогранна. Во-первых, конституционализм обеспечивает легитимизацию и ограничение власти (в первую очередь от злоупотреблений), посредством установления правовых рамок. Во-вторых, он закрепляет баланс во взаимоотношениях между государством и гражданами, в части соблюдения и защиты прав и свобод последних. В-третьих, способствует формированию правового государства и гражданского общества.

Данный аргумент все же является дискуссионным на наш взгляд, так как фактически, в Конституции РФ закреплены принципы и правового государства и гражданского общества, однако в практической плоскости их реализация сталкивается со значительными трудностями. Учитывая тему исследования, необходимо указать и на четвертую роль конституционализма, а именно на то, что он выступает правовой основой обеспечения национальной безопасности, что в условиях существующей геополитической обстановки особенно актуально.

Российский конституционализм прошел сложный исторический путь, в котором основы современной его модели были заложены при при-

нятии Конституции РФ. 1993 год принято считать точкой отсчета нового этапа ограничения власти правом, однако сегодня, новые вызовы и угрозы, такие как глобализация, геополитические кризисы и цифровая революция диктуют необходимость дальнейшей эволюции российского конституционализма.

Таким образом, конституционализм представляет собой динамичный процесс, на который безусловно оказывают влияние современные политико-правовые трансформации, степень воздействия которых на данную политико-правовую категорию относительно Российской Федерации представляется возможным оценить через призму ряда ключевых факторов.

Следующим значимым для российского конституционализма этапом после непосредственно принятия Конституции РФ, можно считать ее изменения 2020 года, так как ими были затронуты вопросы, связанные с ценностными ориентирами государства, а внесенные правки коснулись, в том числе, сферы государственного управления.

Акцентируя внимание на защите традиционных ценностей, культурного и национального самосознания, внесенные изменения уже шесть лет назад задали новый вектор развития правовой системы Российской Федерации, усилив связь конституционных норм с социокультурным контекстом общества, актуальность которой еще более увеличилась со временем.

Изучая данный вопрос, Н. М. Добрынин подчеркивает необходимость для России активизировать правовую мобилизацию, стремясь к созданию общества, где царит гармония между людьми и неукоснительное соблюдение вечных человеческих ценностей, зафиксированных в Конституции РФ как основополагающих принципах конституционного строя [1, с. 30].

Таким образом, следует считать, что реалии современного развития государственности требуют укрепления конституционной идентичности, постулаты которой были дополнены конституционными изменениями 2020 года, утвердившими ряд важных демократических ценностей, которые, что не маловажно, имеют практическое воплощение в жизни российского общества.

Еще одной значимой для конституционализма поправкой 2020 года стало выделение самостоятельности российского законодательства, посредством признания приоритета Конституции РФ перед международным правом. В этом опять же прослеживается конституционная идентичность российского государства [2, с. 359].

Редакция ст. 79 Конституции РФ от 2020 года является своеобразным препятствием на пути к глобальному конституционализму. Но так ли он

нужен в условиях текущей геополитической ситуации, особенно для России? Не углубляясь в рамках данного исследования во все плюсы и минусы указанного явления, считаем важным отметить лишь тот факт, что на наш взгляд, глобальный конституционализм представляет прямую угрозу для государственного суверенитета, который и без того находится «под ударом» со стороны недружественных стран.

Таким образом, изложенное позволяет говорить о том, что поправки Конституции РФ 2020 года отразили осознанный вектор развития российского конституционализма, который продолжает свое направление в сторону укрепления суверенных начал и защиты национальной идентичности и безопасности.

При этом, нельзя не отметить тот факт, что проведенная реформа носила лишь адаптивный характер, а не фундаментальный. Законодателем осознано не поддались трансформации такие главы Конституции РФ как 1, 2 и 9, которые, по сути, в совокупности можно представить как «конституционное ядро» [3, с. 56]. Поправки 2020 года можно условно назвать лишь «ретушью» конституционализма, однако в то же время, они усилили роль Государственного Совета и скорректировали полномочия органов власти, не перестраивая фундамента политической системы Российской Федерации.

Безусловно, политико-правовые трансформации требуют соответствующей адаптации российского конституционализма к современным реалиям. Однако в какой мере допустима трансформация непосредственно самой Конституции РФ? Есть ли необходимость в ее изменении либо принятии нового Основного закона государства? Данные вопросы не беспочвенны, так как в доктрине и не только периодически возникают подобные предложения. В частности, в качестве одного из последних, и наиболее дискуссионных, представляется возможным выделить заявление председателя СК России Александра Бастрыкина прописать в Конституции идеологию государства. Однако для этого необходимо пересмотреть содержание текста самой Конституции РФ посредством проведения референдума, так как на данный момент, согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, идеология не может устанавливаться как государственная или обязательная. Стоит ли это делать и соразмерными ли будут последствия? Вопрос пока остается открытым.

В свою очередь, председатель Конституционного Суда РФ, В. Д. Зорькин придерживается иной точки зрения, считая, что Конституция РФ не нуждается в изменениях, она же (Конституция) – и есть идеология и никакой другой не надо.

В сложившейся ситуации в первую очередь необходимо определить способен ли актуальный текст Конституции РФ, принятый в 1993 году в эпоху поиска новой идентичности после распада Союза Советских Социалистических Республик, служить адекватной нормативной матрицей для суверенного государства сегодня, в условиях гибридной войны и предпринимаемыми попытками цивилизационного слома.

С одной стороны, отсутствие конституционно закреплённой идеологии создает определенный «юридический вакуум», который ослабляет долгосрочное планирование, так как в кризисные моменты заполняется не правовыми элементами, а ситуативными политическими решениями. С другой стороны, принятие Конституции в 1993 году само по себе изначально стало компромиссом между либеральными элитами того периода и консервативным электоратом, что в свою очередь породило внутренние противоречия.

На наш взгляд, проведение референдума в Российской Федерации в части принятия и конституционного «фиксирования» государственной идеологии – на данный момент не требуется.

Аргументируя свой выбор представляется необходимым привести мнение С. В. Калашникова, который считает, что в демократически ориентированном государстве и обществе не может быть государственной идеологии, навязанной государством свыше. Это может привести не к объединению всего общества, а наоборот, к его разобщению в социальной, экономической и духовной сферах жизни, а также вторжению государства в сферу частных интересов личности. Более того, ее не нужно придумывать. Она уже давно сформулирована и лежит на поверхности, точнее не государственная идеология, а национальная идея России. Именно основы конституционного строя Российской Федерации воплощают в себе национальную идею и должны стать ориентиром дальнейшего конституционного развития России в будущем [4, с. 60].

Формирование правового государства и гражданского общества, как одних из основных элементов российского конституционализма возможно и без кардинальных трансформаций текста Конституции РФ, основные постулаты и так уже в ней заложены, проблемы – в их практической реализации.

По мнению И. А. Иванникова развитие конституционализма должно строиться на архаичности [3, с. 57]. В своем изыскании он фактически предлагает вернуться к советскому опыту классового представительства, с разделением общества на сословия и применением мажоритарной избирательной системы. Однако такие элементы

совершенно не свойственны современному российскому конституционализму, его актуальной и будущей модели.

И. А. Иванников вдохновился конституционализмом «советского государства», однако мы склонны считать, что опыт СССР может быть полезен лишь в качестве «антипримера», так как он продемонстрировал, к чему может привести подмена верховенства права партийной целесообразностью и «имитация» конституционализма в целом.

Перспективы развития российского конституционализма нам видятся в первую очередь, в углублении правового государства, в основе которого должны быть полноценно сформированы следующие институты:

- независимая судебная система;
- реальная многопартийность;
- децентрализация власти;
- активное гражданское общество.

Конституционно-правовое закрепление перечисленных институтов в совокупности с их реальной практической реализацией способны сформировать будущую модель российского конституционализма, но никак не обращение к правовым постулатам советского государства или кардинальный передел Основного закона Российской Федерации. Основным же вектором развития конституционализма должен стать многонациональный народ России, его культура, традиции и ценности.

Список литературы:

- [1] Добрынин Н.М. Конституционализм, Конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик // Государство и право. 2020. № 4. С. 25-37.
- [2] Сбитнева Е. А. Перспективы развития российского конституционализма в условиях глобализации и международных стандартов // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития : материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2025. С. 357-362.
- [3] Иванников И. А. Советский и российский конституционализм: ретроспективно-перспективный анализ // Спутник высшей школы. 2025. № 3 (22). С. 54-58.
- [4] Калашников С. В. Российский конституционализм: особенности, проблемы и перспективы дальнейшего развития // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации) : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024.

C. 56-60.

References:

[1] Dobrynin N.M. Constitutionalism, the Constitution of Russia and the constitutionalization of Russian law: several theses on the conjunction of meanings and legal practices // State and law. 2020. № 4. S. 25-37.

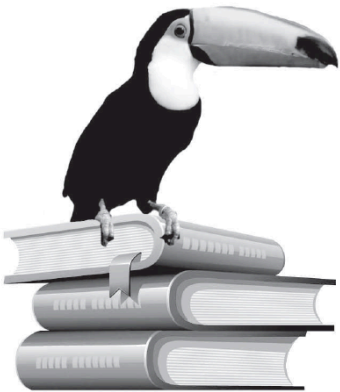
[2] Sbitneva E. A. Prospects for the development of Russian constitutionalism in the context of globalization and international standards // Economics, politics, law: current issues, trends and development prospects: materials of the XXIII

International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2025. S. 357-362.

[3] Ivannikov I.A. Soviet and Russian constitutionalism: retrospective perspective analysis // Sputnik Higher School. 2025. № 3 (22). S. 54-58.

[4] Kalashnikov S.V. Russian constitutionalism: features, problems and prospects for further development // Legal vector of the constitutional development of Russia (on the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation): a collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2024. S. 56-60.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-102-106

Дата принятия рукописи в печать: 26.07.2026 г.

АФАНАСЬЕВА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
культуры мира и демократии (кафедра ЮНЕСКО)
факультета туризма и гостеприимства Института
евразийских и восточных исследований Российского
государственного гуманитарного университета,
e-mail: rivz20071@rambler.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной статье рассматриваются правовые аспекты внедрения цифрового рубля в Российской Федерации. С 2023 года в стране вступили в силу федеральные законы, закрепившие правовой статус цифрового рубля, включая изменения в Гражданском кодексе РФ, законах о Центральном банке, национальной платёжной системе, банках и банковской деятельности, валютном регулировании и других, вместе с тем, по мере масштабирования проекта цифрового рубля возникают новые правовые вопросы, требующие решения и уточнения. Автор обращается к широкому комплексу проблем, таких как понятие и сущность цифрового рубля, договорные отношения, возникающие при внедрении цифрового рубля, вопросы правового регулирования исследуемого института и проблемы совершенствования законодательства в указанной сфере; посредством аналитической работы выявляет некоторые проблемы в правовом регулировании внедрения цифрового рубля в Российской Федерации и вносит предложения по их решению.

Ключевые слова: цифровой рубль, валюта, цифровые технологии, Банк России, финансовый институт, правовой режим, платформа цифрового рубля.

AFANASYEVA Svetlana Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Culture of Peace and Democracy (UNESCO Chair),
Faculty of Tourism and Hospitality Institute of Eurasian and Oriental
Studies Russian State Humanitarian University

LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL RUBLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article examines the legal aspects of the implementation of the digital ruble in the Russian Federation. Since 2023, federal laws have been enshrining the legal status of the digital ruble, including amendments to the Civil Code of the Russian Federation, laws on the Central Bank, the national payment system, banks and banking activities, currency regulation, and others. However, as the digital ruble project scales, new legal issues arise that require resolution and clarification. The author addresses a broad range of issues, including the concept and essence of the digital ruble, contractual relationships arising during the implementation of the digital ruble, legal regulation of the institution under study, and challenges in improving legislation in this area. Through analytical work, he identifies certain issues in the legal regulation of the digital ruble's implementation in the Russian Federation and makes proposals for their resolution.

Key words: digital ruble, currency, digital technologies, Bank of Russia, financial institution, legal regime, digital ruble platform.

Интерес к цифровым валютам в последние годы существенно возрос как в Российской Федерации, так и за рубежом, что связано не только с развитием цифровых технологий, но и с изменением характера финансовых отношений, ростом доли безналичных расчетов, а также необходимостью обеспечения финансового суверенитета государства в условиях глобальной цифровизации. В этой связи проект цифрового рубля можно рассматривать как этап развития современной денежной системы. В настоящее время Россия наряду со странами-лидерами рынка мировой цифровой трансформации активно конструирует и развивает собственную цифровую экономику и национальные платежные инструменты. Инициативы финансовых институтов страны не обошли вниманием цифровую валюту Центрального Банка России. Проект внедрения новой формы валюты, стартовавший в 2021 году, находясь на стадии пилотного проекта, активно исследуется сегодня участниками цифровой и финансовой инфраструктуры. Одними из целей развития национальной экономики и платежной системы Российской Федерации является совершенствование инфраструктуры системы совершения операций и платежей в валюте Российской Федерации, разработка и внедрение цифровых платежей, безопасность расчетов (обеспечение защиты информации), цифровых технологий, возможности осуществления трансграничных платежей, формирование правовой базы регулирования сферы цифровизации. Некоторые из указанных целей запланированы Банком России в рамках развития платёжной системы на период 2025–2027 года [3].

Участники финансового рынка, компании в области высоких технологий видят в цифровизации экономических процессов стимул для бизнеса, конкурентоспособности, повышения эффективности бизнес-процессов и улучшения клиентского пути при предоставлении широкому кругу организаций и лиц продуктов и услуг.

Подразумевается, что инициативы цифровизации платежных средств и инструментов затрагивают не только их доступность, но и оказывают влияние на технологии совершения платежей, оборудование для совершения операций, а также пласт наук, выражающих свое применение в нормотворческом процессе страны и определении правового режима рассматриваемого процесса.

Под правовым режимом цифрового рубля понимается совокупность нормативного регулирования, определение порядка пользования, распоряжения и владения цифровым рублем, а также совокупность прав и обязанностей участников и пользователей платежной системы и финансового рынка с учетом обязательства Банка России

по цифровой форме валюты. Понимая сложный характер текущих внешних воздействий и внутреннего переустройства страны, Банк России уже несколько лет трансформирует культуру финансов и платежей. Впервые попытка осознать роль новой формы валюты в денежном обращении Российской Федерации была предпринята Центробанком в докладе для общественных консультаций в 2020 году, основными аспектами которого стали статус и характеристика цифрового рубля как третьей новой формой национальной валюты Российской Федерации [2]. В дополнение к наличной и безналичной форме рубля Банк России планирует выпускать новую форму цифровой валюты – цифровой рубль на платформе цифрового рубля.

Учитывая то, что валюта Российской Федерации – рубль является обязательством Центробанка в силу его преимущественного права на эмиссию рублей, цифровой рубль также является обязательством Банка России, из чего вытекает право требования пользователя платформы к оператору платформы цифрового рубля. В целом же цифровой рубль можно охарактеризовать как денежную единицу, которая находится на счете, открытом регулятором на платформе, и названном счете цифрового рубля. Договор счета цифрового рубля заключается между Банком России (Оператором платформы цифрового рубля) и физическим или юридическим лицом.

Доступ к платформе, как и предполагалось, стал осуществляться через финансовых посредников – кредитные организации, обладающие развитой инфраструктурой, встроенной в национальную платежную систему. Этот аспект также являлся причиной выбора модели применения цифрового рубля, поскольку Банк России, даже будучи эмитентом денег, при внедрении новой формы валюты должен был опереться на уже созданную платежную инфраструктуру и механизмы оплаты.

Формируя основы организации и системы функционирования новой формы национальной валюты Российской Федерации, Банк России, как регулятор банковской системы и финансового рынка:

а) определил основные понятия для нормативного регулирования (понятийный аппарат), в оборот вошли термины и их определения – счет цифрового рубля, договор счета цифрового рубля, пользователь платформы, участник платформы, оператор платформы, операции по счету цифрового рубля и другие понятия;

б) выполняет функции оператора платформы цифрового рубля, а именно создаёт и сопровождает платформу цифрового рубля;

в) определил правила осуществления опера-

ций на платформе, стандарты, политику информационной безопасности, выполняет функции эмитента (проводит эмиссию цифровых рублей);

г) осуществляет операции по счетам цифровых рублей на платформе цифрового рубля;

д) определяет функции и обязанности пользователя платформы и участника платформы.

Выпуск новой формы валюты в условиях регулирования национальной экономики Банком России определил регулятора эмитентом цифрового рубля и владельцем технологической среды, на которой выпускается, учитывается цифровой рубль, совершаются операции с цифровым рублём. С учетом видения регулятора о том, что цифровой рубль ничем не отличается от стандартной денежной единицы, установлено, что один цифровой рубль равен одному наличному или одному безналичному рублю.

После публикации доклада для общественных обсуждений и концепции цифрового рубля законодатель не заставил себя долго ждать – Банком России были определены нормативные акты, которые будут устанавливать порядок и характеристики процесса внедрения цифрового рубля, сущность платформы цифрового рубля, функции оператора платформы цифрового рубля, требования к участникам платформы, виды счетов цифрового рубля, процедуры предоставления доступа к платформе, виды операций с цифровыми рублями и иные существенные аспекты. Были приняты и внесены изменения в ряд законов – федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 № 340-ФЗ, федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ, федеральные законы, регулирующие деятельность кредитных организаций, валютный контроль, трансграничные переводы и другие; принято Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля».

С учетом аскетичного отношения участников финансового рынка, выразивших сомнения в целесообразности ускоренного внедрения цифрового рубля, стоит также обратить внимание на неоднозначное толкование вопросов его внедрения. Законодательно не рассмотрен вопрос добровольного характера заключения пользователями и участниками платежной инфраструктуры договора счета цифрового рубля. При этом оператор платформы цифрового рубля не вправе вносить изменения, ухудшающие условия договора для физического лица, в договор счета цифрового рубля с пользователем платформы. В случае осуществления обязательных выплат и получения заработной платы государственными и бюджетными учреждениями в цифровых

рублях однозначно просматривается чрезмерное наделение Банк России как оператора платформы цифровых рублей полномочиями по хранению денежных средств указанных субъектов экономических отношений. Также вопросы тарификации при осуществлении операций с цифровыми рублями, базово зафиксированными в договоре счета цифрового рубля между оператором платформы и пользователем платформы цифрового рубля, не имеют четкого повествования и нормативного закрепления, т.е. регулирование тарифов на услуги платформы оператор платформы осуществляет в одностороннем порядке. Возможно, при изменении тарифов по операциям с цифровыми рублями размер указанных тарифов не будет превышать размера тарифов в системе быстрых платежей [4]. В настоящее время, согласно данным регулятора (сайт cbr.ru), платежи и переводы цифровых рублей для граждан будут бесплатными, вместе с тем уже вводятся тариф для юридических лиц за прием оплаты товаров и услуг цифровыми рублями. По нашему мнению, обсуждение вопросов тарификации должно осуществляться широким кругом заинтересованных лиц.

Формулируя правила платформы цифрового рубля, регулятор обозначил цифровой рубль как третью форму валюты, при этом в Гражданский кодекс Российской Федерации внесены изменения, обозначающие его как безналичные денежные средства. В этой связи требуется четкая законодательная формулировка, что представляет собой цифровой рубль.

Кроме того, согласно федеральному закону «О национальной платежной системе», кредитные организации-участники платформы заключают с оператором договор счета цифрового рубля. Необходимо уточнить обязательность заключения такого договора и связь со статусом участника платформы в случае, если участник платформы в целом не планирует открывать такой счет, при этом понимает, что обслуживание счетов цифрового рубля пользователей платформы для кредитной организации интересно и перспективно.

Следует также отметить, что в основополагающих документах проекта – Федеральном закон «О национальной платёжной системе» и Положении Банка России «О платформе цифрового рубля» отсутствует детальная процедура заключения договора счета цифрового рубля будущими пользователями платформы. Также требует детализации, на наш взгляд, ситуация с доступом к платформе пользователя, который обслуживается в нескольких кредитных организациях. Нормативному закреплению также должно подлежать разъяснение в части определения полномочий лиц, которым пользователи платформы делегиру-

ют право доступа к платформе и осуществление действий на платформе от имени клиента, что не должно противоречить положениям договора счета цифрового рубля с пользователем. Данный правовой аспект следует закрепить и в самом договоре. Представляется также, что необходимо дать четкое толкование природы цифрового рубля, действенно отличая форму валюты от вида денежных средств.

Требуется дополнительной регламентации вопрос распределения ответственности между участниками платформы, особенно в случаях сбоев, несанкционированного доступа к цифровым счетам и нарушения требований информационной безопасности, а также вопрос договорной конструкции в рамках взаимоотношений пользователя и участника платформы цифрового рубля.

Таким образом, на сегодняшний день цифровой рубль становится одним из ключевых элементов цифровой трансформации денежного обращения и национальной платежной инфраструктуры. Исследование гражданского, банковского и финансового законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения, возникающие в связи с функционированием платформы цифрового рубля, свидетельствует о наличии в России лишь базовой правовой основы для внедрения новой формы цифровой валюты, система законодательства в указанной сфере лишь формируется. Значительная часть практических вопросов регулируется актами Банка России, что позволяет достаточно оперативно адаптировать регулирование к изменяющимся условиям. Вместе с тем, внедрение цифрового рубля сопровождается рядом правовых и организационных проблем, требующих разрешения.

Так, успешное внедрение цифрового рубля требует соблюдения ряда обязательных условий. В первую очередь необходимо дальнейшее развитие нормативной правовой базы. Представляется важным обеспечить более четкое закрепление правового статуса цифрового рубля, порядка осуществления операций с ним, а также прав и обязанностей участников платформы. Кроме того, требуется более детальная регламентация механизмов защиты прав пользователей и порядка разрешения возникающих споров в исследуемой сфере. Важным условием успешного внедрения цифрового рубля является также обеспечение устойчивости и безопасности платформы цифрового рубля. В современных условиях вопросы информационной безопасности приобретают принципиальное значение, поскольку любые технические сбои либо утечки данных способны негативно повлиять на доверие к новой форме денег. В этой связи необходимы постоянное совершен-

ствование механизмов криптографической защиты информации, проведение регулярного аудита безопасности и развитие систем противодействия мошенничеству. Также следует учитывать необходимость технологической готовности участников финансового рынка к внедрению цифрового рубля. Кредитным организациям потребуются адаптация внутренних информационных систем, изменение отдельных бизнес-процессов и обеспечение совместимости используемых технологий с платформой Банка России. Отдельное значение имеет формирование доверия со стороны населения и бизнеса, без достаточного уровня информированности пользователей и понимания особенностей функционирования цифрового рубля его полноценное внедрение может быть затруднено. В связи с этим важную роль должны играть информационно-разъяснительная работа и обеспечение прозрачности функционирования платформы цифрового рубля.

Представляется целесообразным поэтапное внедрение цифрового рубля с постепенным расширением числа участников платформы и перечня доступных операций. Такой подход позволит снизить риски технологических сбоев и обеспечит возможность своевременного устранения возникающих проблем. Кроме того, необходимо дальнейшее развитие единых стандартов взаимодействия участников платформы цифрового рубля, включая требования к информационной безопасности, процедурам идентификации пользователей и порядку обмена данными между участниками системы. В целях повышения уровня защиты прав пользователей представляется обоснованным совершенствование механизмов рассмотрения споров, связанных с операциями на платформе цифрового рубля. В частности, возможно создание специальных процедур досудебного урегулирования конфликтов и упрощенного порядка возврата ошибочно перечисленных средств.

Эффективность внедрения цифрового рубля во многом будет зависеть от качества правового регулирования данного процесса, устойчивости технологической инфраструктуры, уровня информационной безопасности и способности государства обеспечить баланс между развитием цифровых финансовых технологий и защитой прав участников финансовых отношений.

Список литературы:

- [1] Белова О.А., Осадченко Э.О. Правовая природа цифрового рубля // Legal Concept. 2023. № 4. С. 236-252.
- [2] Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России). // Центральный Банк России. URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/>

120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 16.05.2026).

[3] Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025 - 2027 годов (одобрены Советом директоров Банка России). // Центральный Банк России. URL: https://cbr.ru/PSystem/b_doc/onrnps/ (дата обращения: 16.05.2026).

[4] Письмо Банка России от 11 сентября 2023 г. № 04-45/8582 «О вопросах, связанных с цифровым рублем». // Контур Норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=456265> (дата обращения: 16.05.2026).

[5] Родик П.А., Стафеева Т.А. Цифровой рубль в правовом поле России: анализ нормативного регулирования и механизмов обращения // Вестник молодежной науки. 2025. № 4 (51). 10 с.

[6] Толстопятенко Г.П. Модели правового регулирования оборота цифровых валют центральных банков / Г. П. Толстопятенко, Е. А. Хозова // Финансовое право. Москва, 2026. № 4. С.12-15.

[7] Хромченко М.Д. Платформа цифрового рубля как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8 (165). С. 57 - 65.

References:

[1] Belova O.A., Osadchenko E.O. Legal nature

of the digital ruble // Legal Concept. 2023. No. 4. pp. 236-252.

[2] Concept of the digital ruble (prepared by the Bank of Russia). // Central Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (accessed: 16.05.2026).

[3] Main directions of development of the national payment system for the period 2025-2027 (approved by the Board of Directors of the Bank of Russia). // Central Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/PSystem/b_doc/onrnps/ (accessed: 16.05.2026).

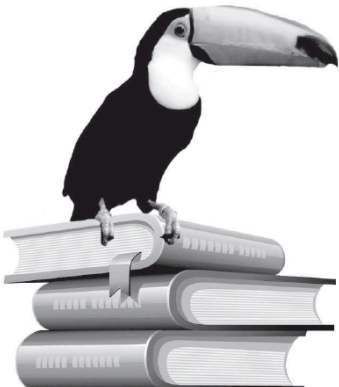
[4] Letter of the Bank of Russia dated September 11, 2023, No. 04-45/8582 "On issues related to the digital ruble." // Kontur Normativ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=456265> (date of access: May 16, 2026).

[5] Rodik P.A., Stafeeva T.A. Digital ruble in the legal field of Russia: analysis of regulatory framework and circulation mechanisms // Bulletin of youth science. 2025. No. 4 (51). 10 p.

[6] Tolstopiatenko G.P. Models of legal regulation of the circulation of digital currencies of central banks / G.P. Tolstopiatenko, E.A. Khozova // Financial law. Moscow, 2026. No. 4. pp. 12-15.

[7] Khromchenko M.D. Digital ruble platform as an object of financial and legal regulation // Actual problems of Russian law. 2024. No. 8 (165). P. 57-65.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-107-112

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ НАЛОГОВ И СБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются правовые способы повышения эффективности системы местных налогов и сборов в Российской Федерации. Автор исходит из того, что эффективность местного налогообложения не может быть сведена к росту фискальных поступлений: она предполагает устойчивость доходной базы муниципальных образований, законность муниципального нормотворчества, предсказуемость налоговой нагрузки, связь налоговых платежей с качеством местной инфраструктуры и сохранение баланса между единством налоговой системы и финансовой самостоятельностью местного самоуправления. Особое внимание уделено современному составу местных налогов и сборов, включающему земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор и туристический налог.

Ключевые слова: местные налоги, местные сборы, муниципальные финансы, налоговое право, земельный налог, торговый сбор, туристический налог, налоговые льготы.

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher at the International
Research Center for Forensic Science and Research

LEGAL MEANS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE SYSTEM OF LOCAL TAXES AND FEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines legal mechanisms for improving the effectiveness of local taxes and fees in the Russian Federation. The author argues that the effectiveness of local taxation should be assessed not only through fiscal growth, but also through the stability of municipal revenues, legality of local tax rule-making, predictability of tax burden, connection between tax payments and local public services, and the balance between the unity of the tax system and municipal financial autonomy.

Key words: local taxes, local fees, municipal finance, tax law, land tax, trade levy, tourist tax, tax benefits.

Местные налоги и сборы занимают особое место в российской налоговой системе, поскольку через них проявляется реальная, а не декларативная связь между финансовой самостоятельностью местного самоуправления и повседневными потребностями населения. Конституционная модель исходит из того, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, а также устанавливают местные налоги и сборы в пределах федерального закона. Следовательно, вопрос об эффективности местных налогов является одновре-

менно налогово-правовым, бюджетно-правовым и муниципально-правовым. [1]

Федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления раскрывает экономическую основу муниципальной власти через местный бюджет, муниципальное имущество и имущественные права муниципальных образований. Однако данная основа остается уязвимой, если собственные налоговые доходы не обеспечивают хотя бы минимального пространства для самостоятельного решения вопросов местного значения. Именно поэтому эффективность системы местных налогов и сборов следует понимать

не только как увеличение собираемости, но и как способность правового механизма формировать устойчивую, прозрачную и социально приемлемую доходную базу муниципального уровня. [2]

Российская модель местного налогообложения построена на принципе ограниченной налоговой автономии. Налоги и сборы устанавливаются Налоговым кодексом Российской Федерации, а представительные органы муниципальных образований вправе вводить их на соответствующей территории, определяя отдельные элементы налогообложения в пределах, прямо предусмотренных федеральным законом. Такая конструкция защищает единство налогового пространства, но одновременно сужает регулятивный потенциал муниципального нормотворчества. Поэтому центральная научная проблема заключается в поиске правовых способов повышения эффективности без разрушения общих начал налогового федерализма. [3, ст. 12]

На дату подготовки настоящей статьи к местным налогам и сборам Налоговый кодекс Российской Федерации относит земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор и туристический налог. Это обстоятельство принципиально важно, поскольку с 2025 года система местных платежей перестала быть фактически сведенной к двум имущественным налогам и одному специальному сбору, применяемому ограниченно. Включение туристического налога означает попытку придать муниципальным финансам новый источник, связанный с территориальной привлекательностью и использованием местной инфраструктуры. [3, ст. 15]

Земельный налог имеет классическую имущественно-территориальную природу: он устанавливается Налоговым кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, вводится в действие и прекращает действовать по правилам главы 31 НК РФ. Его фискальная устойчивость обусловлена относительной стабильностью налоговой базы, однако эффективность зависит от полноты кадастрового учета, качества сведений Единого государственного реестра недвижимости, корректности кадастровой оценки и способности муниципалитета выявлять неоформленное или фактически используемое имущество. [4, гл. 31]

Налог на имущество физических лиц выполняет сходную функцию, но отличается более выраженной социальной чувствительностью. Он связан с жилыми домами, квартирами, комнатами, гаражами, машино-местами, объектами незавершенного строительства и иными объектами недвижимости граждан. Здесь правовая эффективность требует особой осторожности: рост налоговой ба-

зы за счет кадастровой стоимости должен сопровождаться понятными вычетами, льготами, процедурными гарантиями и доступным порядком оспаривания результатов оценки. [4, гл. 32]

Торговый сбор, хотя и отнесен к местным сборам, фактически имеет специальную территориальную конфигурацию и применяется преимущественно в условиях городов федерального значения. Для обычных муниципальных образований он не стал универсальным источником доходов. Его значение для теории местного налогообложения состоит прежде всего в том, что он показывает возможность платежа, ориентированного не на владение имуществом, а на осуществление экономической деятельности в локальном публичном пространстве. [4, гл. 33]

Туристический налог введен Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ, которым статья 15 НК РФ дополнена новым пунктом о туристическом налоге. Глава 33.1 НК РФ закрепляет элементы этого налога, включая налогоплательщиков, объект, налоговую базу, ставки, льготы, период, порядок исчисления и уплаты. Новизна данного налога состоит в том, что его экономическая логика ближе к компенсации нагрузки на местную инфраструктуру, чем к традиционному имущественному налогообложению. Однако отсутствие строгой целевой привязки поступлений к туристической инфраструктуре способно снизить доверительный эффект платежа. [4, гл. 33.1; 5]

Бюджетное законодательство, закрепляя нормативы зачисления доходов от местных налогов в местные бюджеты, формирует юридическую основу фискальной заинтересованности муниципалитетов. Но само по себе зачисление дохода по нормативу 100 процентов не решает проблему эффективности, если налоговая база мала, неполно учтена, чрезмерно льготирована или не соотносена с расходными полномочиями муниципального образования. [6]

Эффективность системы местных налогов и сборов целесообразно оценивать по совокупности критериев.

Первый критерий - фискальная достаточность, то есть способность платежей формировать предсказуемую часть доходов местного бюджета. В научной литературе справедливо отмечается, что слабость собственной налоговой базы усиливает зависимость муниципальных образований от межбюджетных трансфертов и тем самым снижает реальное содержание финансовой самостоятельности. [7]

Второй критерий - правовая определенность. Местный налоговый акт должен регулировать только те элементы и вопросы, которые переданы муниципальному уровню Налоговым

кодексом. Попытки муниципальных правотворческих органов расширить предмет регулирования, изменить порядок исчисления налога либо ввести обязанности, не предусмотренные федеральным законом, создают риск признания акта незаконным, увеличивают административные издержки и подрывают доверие налогоплательщиков.

Третий критерий - экономическая нейтральность и справедливость. Местное налогообложение не должно блокировать развитие малого бизнеса, ухудшать положение социально уязвимых групп и создавать необоснованные различия между сопоставимыми налогоплательщиками. Вместе с тем оно вправе учитывать местные особенности: вид разрешенного использования земельного участка, зону градостроительного развития, сезонность туристического потока, инфраструктурную нагрузку и цели территориального планирования.

Четвертый критерий - управляемость налоговых расходов. Льготы по местным налогам традиционно рассматриваются как социальный или стимулирующий инструмент, но в бюджетно-правовом смысле они являются выпадающими доходами. Если льгота вводится без срока действия, без оценки адресности и без публичного расчета бюджетного эффекта, она превращается в постоянное уменьшение налоговой базы. Поэтому правовая конструкция льгот должна включать цель, круг получателей, срок действия, критерии результативности и порядок последующей оценки.

Пятый критерий - административная реализуемость. Даже юридически безупречный налог неэффективен, если объекты налогообложения не выявлены, сведения в реестрах не синхронизированы, кадастровая стоимость вызывает массовые споры, а налогоплательщики не понимают связи между платежом и местными благами. В налоговом праве это означает необходимость перехода от формального установления платежей к комплексному сопровождению налоговой базы. [8]

Первая проблема состоит в ограниченности состава местных налогов. До введения туристического налога муниципальный уровень фактически опирался на имущественные платежи, чувствительные к качеству учета недвижимости. Даже после появления нового налога его эффект будет дифференцированным: для туристически привлекательных территорий он может стать значимым источником, для иных муниципалитетов - почти нейтральным элементом налоговой системы.

Вторая проблема связана с неполнотой налоговой базы. Земельные участки и объекты недвижимости могут использоваться без надлежащего оформления прав, иметь устаревшие характеристики, неверный вид разрешенного использо-

вания или неактуальные сведения о собственнике. Закон о государственной регистрации недвижимости создал единую регистрационную основу, однако правовая эффективность местных налогов требует постоянного межведомственного обмена между Росреестром, ФНС России, муниципалитетами и органами, осуществляющими градостроительное регулирование. [9]

Третья проблема - качество муниципального налогового нормотворчества. На практике встречаются акты, которые перегружаются повторением федеральных норм, вводят процедурные положения за пределами компетенции муниципального образования либо не содержат экономического обоснования ставок и льгот. Исследователи справедливо указывают на актуальность новых правовых и организационных моделей принятия муниципальных актов о налогах, поскольку превышение налоговых полномочий ведет к нарушениям принципа законности. [10]

Четвертая проблема - слабая связь налогов с муниципальной ответственностью за качество среды. Налогоплательщик воспринимает местный налог как справедливый тогда, когда видит, что платеж связан с дорогами, благоустройством, освещением, общественными пространствами, транспортной доступностью и безопасностью. Если такой связи нет, местный налог превращается в абстрактное фискальное изъятие, а уровень добровольного исполнения снижается.

Пятая проблема - асимметрия между налоговыми полномочиями и расходными обязательствами. Муниципалитет отвечает за значимый круг вопросов местного значения, но не обладает достаточной свободой в формировании доходной базы. В результате эффективность местных налогов должна обеспечиваться не только расширением ставок, но и более точным распределением налоговых доходов, повышением качества кадастровой информации и сокращением необоснованных льгот. [11]

Первым способом является введение муниципального налогового паспорта. Такой паспорт может утверждаться одновременно с проектом местного бюджета и содержать сведения о действующих местных налогах и сборах, ставках, льготах, налоговой базе, поступлениях за три предшествующих года, прогнозе на очередной финансовый год, сумме налоговых расходов и перечне правовых рисков. Его назначение - превратить налоговую политику муниципалитета из набора разрозненных решений в публичный управленческий документ.

Второй способ - обязательная экспертиза муниципальных налоговых актов до их принятия. Речь идет не о передаче полномочий на регио-

нальный уровень, а о правовом фильтре, который проверяет соответствие проекта Налоговому кодексу, Бюджетному кодексу, антикоррупционным требованиям и правилам юридической техники. Наиболее рациональна модель типовых решений: субъект Российской Федерации или ассоциация муниципальных образований разрабатывает модельный акт, а муниципалитет адаптирует его к местным ставкам, льготам и срокам.

Третий способ - правовая институционализация оценки налоговых льгот. Каждая новая льгота должна иметь паспорт льготы: цель, адресата, срок действия, финансовую оценку, показатель достижения цели и условие прекращения. Для действующих льгот необходима периодическая ревизия по принципу "льгота сохраняется только при доказанной общественной полезности". Это позволит разграничить социально необходимые льготы и льготы, которые фактически являются скрытым преференциальным режимом без измеримого результата.

Четвертый способ - цифровая инвентаризация объектов земельного и имущественного налогообложения. Муниципалитет не администрирует налог в полном смысле этого слова, но он располагает информацией о фактическом землепользовании, самовольных постройках, изменении разрешенного использования, подключении объектов к коммунальной инфраструктуре и результатах муниципального земельного контроля. Закрепление обязанности регулярного информационного обмена с налоговыми органами и Росреестром способно увеличить налоговую базу без повышения ставок.

Пятый способ - дифференциация ставок в пределах федеральных ограничений на основе публичных критериев. Дифференциация допустима только тогда, когда она не произвольна, не дискриминационна и прямо связана с характеристиками объекта либо территории. Например, земельный налог может учитывать функциональное назначение территории, а туристический налог - сезонность и категорию средства размещения. Однако каждый критерий должен быть заранее опубликован и экономически объяснен.

Шестой способ - развитие правовой модели туристического налога как инструмента территориального развития. Исследователи, анализируя переход от курортного сбора к туристическому налогу, указывают на риски прогнозирования поступлений, налогового контроля и возможного ухода части рынка в частный сектор размещения. Поэтому муниципальные решения о туристическом налоге должны сопровождаться реестром средств размещения, информационной кампанией, прогнозом поступлений и публичным отчетом

о расходовании средств на инфраструктуру, даже если формально налог не имеет целевого характера. [12]

Седьмой способ - усиление налоговой коммуникации. Информационные сервисы ФНС России уже раскрывают базовые сведения о туристическом налоге, его местной природе и порядке установления. На муниципальном уровне это должно быть дополнено понятными интерактивными страницами: какие ставки действуют, кто имеет льготы, как налог влияет на бюджет, какие объекты благоустройства профинансированы за счет роста собственных доходов. Такая коммуникация является не рекламной, а правовой мерой повышения добровольного исполнения. [13]

Восьмой способ - включение местной налоговой политики в систему стратегического планирования. Федеральный закон о стратегическом планировании ориентирует публичную власть на согласование целей, ресурсов и результатов. Муниципальная налоговая политика должна быть связана со стратегией социально-экономического развития, программами благоустройства, градостроительными документами и прогнозом бюджетной обеспеченности. Иначе налоговые решения принимаются ситуативно и не образуют устойчивой правовой системы. [14]

Системное решение видится в закреплении многоуровневой модели эффективности местных налогов и сборов. На федеральном уровне необходимо сохранять исчерпывающий перечень местных налогов и сборов, основные элементы налогообложения и гарантии налогоплательщиков. Одновременно следует расширять пространство муниципального выбора там, где это не создает угрозы единству налоговой системы: в пределах дифференциации ставок, дополнительных льгот, сроков их действия, отчетности о налоговых расходах и информационного сопровождения налоговой базы. На региональном уровне целесообразно развивать методическое сопровождение муниципалитетов: модельные акты, рекомендации по оценке льгот, единые форматы налоговых паспортов, обмен лучшими практиками и обучение муниципальных служащих. Регион не должен подменять муниципальное решение, но обязан снижать юридические риски и издержки право творчества, особенно для малых поселений, не располагающих достаточным кадровым ресурсом.

На муниципальном уровне эффективность должна обеспечиваться ежегодным циклом: инвентаризация налоговой базы; анализ поступлений; оценка льгот; подготовка проекта налогового акта; публичное обсуждение; принятие решения; мониторинг исполнения; отчет о результатах. Такой цикл позволяет юридически связать налоговое

нормотворчество, бюджетный процесс и муниципальный контроль. В финансово-правовой доктрине именно согласование бюджетных и налоговых инструментов рассматривается как условие устойчивости публичных финансов. [15]

Отдельного внимания заслуживает принцип недопустимости подмены эффективности простым повышением налоговой нагрузки. Повышение ставок может дать краткосрочный доход, но при отсутствии доверия и понятных правил оно ухудшает налоговую дисциплину и стимулирует споры. Более перспективны меры, направленные на легализацию объектов, точность реестров, сокращение необоснованных льгот, цифровую прозрачность и привязку налоговой политики к качеству муниципальной среды.

Для туристического налога оптимальной является модель «мягкой целевой публичности»: формально доход поступает в бюджет как налоговый доход, но муниципалитет публично показывает, какие мероприятия в сфере благоустройства, туристической навигации, санитарной инфраструктуры, безопасности и общественных пространств профинансированы за счет роста собственных доходов. Такой подход учитывает научные сомнения относительно прогнозируемости и инфраструктурного эффекта туристического налога, но не требует превращения налога в целевой сбор. [16]

Правовые способы обеспечения эффективности системы местных налогов и сборов в Российской Федерации должны быть ориентированы на три взаимосвязанные цели: укрепление доходной базы муниципальных образований, соблюдение законности налогового нормотворчества и повышение доверия налогоплательщиков к местной публичной власти. Нельзя признать эффективной систему, которая формально обеспечивает поступления, но создает правовую неопределенность, спорные льготы, слабую связь платежей с публичными благами и зависимость от случайного состояния реестров. Наиболее перспективными являются не радикальные изменения перечня налогов, а юридически точная настройка действующего в России правового механизма: муниципальные налоговые паспорта, предварительная экспертиза актов, оценка налоговых льгот, цифровая инвентаризация объектов, публичная дифференциация ставок, отчетность о результатах туристического налога и включение налоговой политики в стратегическое планирование. Эти меры позволяют повысить эффективность без нарушения конституционного принципа единства налоговой системы.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Ст. 12, 132.
- [2] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
- [3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824. Ст. 12.
- [4] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340. Гл. 31.
- [5] Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 29. Ст. 4083.
- [6] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823. Ст. 61-61.2.
- [7] Аюшиева Т. Ф. Местные налоги в системе собственных доходов муниципального образования: состояние и пути совершенствования // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 3. С. 61-68.
- [8] Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. С. 87-91.
- [9] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29, ч. I. Ст. 4344.
- [10] Алхастова М. В., Караев Р. Ш. Актуальные проблемы публично-правового регулирования местных налогов на уровне муниципальных образований // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1 (29). С. 40-46.
- [11] Тория Р. А. Проблемы правового регулирования местных налогов и сборов // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. № 2. С. 55-59.
- [12] Гулькова Е. Л., Карп М. В., Типалина М. В. Туристический налог - новый налог в российской налоговой системе с 2025 г.: итоги эксперимента и перспективы взимания // Вестник универ-

ситета. 2025. № 1. С. 192-200.

[13] Туристический налог: информационный раздел официального сайта ФНС России. // URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 04.06.2026).

[14] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. I. Ст. 3378.

[15] Финансовое право: учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 312-319.

[16] Пансков В. Г. Туристический налог: проблемы и перспективы развития // Финансы. 2024. № 8. С. 32-39.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. Art. 12, 132.

[2] Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

[3] Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3824. Art. 12.

[4] The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. Art. 3340. Chapter 31.

[5] Federal Law of July 12, 2024 No. 176-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 29. Art. 4083.

[6] Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823. Art. 61-61.2.

[7] Ayushieva T. F. Local taxes in the system of own revenues of a municipality: status and ways of improvement // Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. 2018. No. 3. pp. 61-68.

[8] Krokhtina Yu. A. Tax law: textbook. 12th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. pp. 87-91.

[9] Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On state registration of real estate" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29, Part I. Art. 4344.

[10] Alkhastova M. V., Karaev R. Sh. Actual problems of public-legal regulation of local taxes at the level of municipalities // Forum of young scientists. 2019. No. 1-1 (29). Pp. 40-46.

[11] Toria R. A. Problems of legal regulation of local taxes and fees // Problems of Economics and Legal Practice. 2022. No. 2. Pp. 55-59.

[12] Gulkova E. L., Karp M. V., Tupalina M. V. Tourist tax - a new tax in the Russian tax system from 2025: results of the experiment and collection prospects // Bulletin of the University. 2025. No. 1. Pp. 192-200.

[13] Tourist tax: information section of the official website of the Federal Tax Service of Russia. // URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (date accessed: 04.06.2026).

[14] Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26, Part I. Article 3378.

[15] Financial Law: Textbook / ed. E. Yu. Gracheva. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2024. pp. 312-319.

[16] Panskov V. G. Tourist Tax: Problems and Development Prospects // Finance. 2024. No. 8. pp. 32-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 22.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-113-126

ГУРИНОВИЧ Александр Георгиевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры
административного и финансового права
МГИМО МИД России,
e-mail: gurinovich.ag@yandex.ru

ЖАРКО Василий Романович,
студент 2 курса Международно-правового факультета
МГИМО МИД России,
e-mail: vasilijzarko@gmail.com

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ БАНКА РОССИИ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК

Аннотация. Правовая природа Центрального банка Российской Федерации и вытекающий из неё статус его служащих остаются дискуссионными в отечественной юриспруденции. Конституционно-правовой статус Банка России характеризуется функциональной независимостью и исключительным правом денежной эмиссии, что не позволяет однозначно отнести его ни к одной из ветвей государственной власти. Целью исследования является комплексный анализ правовой природы Банка России, определение его места в системе разделения властей и в механизме государства, а также систематизация доктринальных подходов к его статусу с учётом последних изменений законодательства. Методологическая основа исследования включает диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Используются приёмы анализа и синтеза доктринальных источников, нормативных правовых актов и правовых позиций Конституционного Суда РФ. В работе обосновано, что правовая природа Банка России носит фундаментально двойственный характер, сочетая публично-властные полномочия и частноправовую правосубъектность. Выявлено, что в доктрине сложились три основных подхода: теория «денежной власти» как четвёртой ветви власти, концепция особого государственного органа и концепция «юридического лица публичного права». Установлено, что преобладающей является компромиссная позиция, квалифицирующая Банк России как особый публично-правовой институт, не входящий в классическую триаду ветвей власти. Проведённое исследование позволяет заключить, что проблема определения места Банка России в системе разделения властей не имеет однозначного решения. Взаимодействие регулятора с Федеральным Собранием и Правительством РФ строится на принципах координации, а не подчинения, что подтверждает его обособлённое положение. Введение категории «единой системы публичной власти» не устранило неопределённости статуса Банка России, что требует дальнейшего законодательного осмысления и доктринальной разработки, в том числе в контексте введения института юридических лиц публичного права.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, правовой статус, денежно-кредитная политика, публичная власть, разделение властей.

GURINOVICH Alexander Georgievich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative
and Financial Law,

MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ZHARKO Vasily Romanovich,
2nd-year student of the International Law Faculty, MGIMO
University of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation

THE DUALITY OF THE LEGAL NATURE OF THE BANK OF RUSSIA AS A SYSTEM-FORMING FEATURE

Annotation. *The legal nature of the Central Bank of the Russian Federation and the resulting status of its employees remain debatable in domestic jurisprudence. The constitutional and legal status of the Bank of Russia is characterized by functional independence and the exclusive right to issue currency, which does not allow it to be unambiguously assigned to any of the branches of state power. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal nature of the Bank of Russia, determining its place in the system of separation of powers and in the mechanism of the state, as well as systematization of doctrinal approaches to its status taking into account the latest changes in legislation. The methodological basis of the study includes the dialectical method of cognition, the formal-legal, comparative-legal, and systemic-structural methods. Techniques of analysis and synthesis of doctrinal sources, regulatory legal acts, and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation were used. The paper substantiates that the legal nature of the Bank of Russia is fundamentally dual, combining public-authoritative powers and private-law legal personality. It is revealed that three main approaches have developed in the doctrine: the theory of "monetary power" as a fourth branch of power, the concept of a special state body, and the concept of a "legal entity of public law." It has been established that the prevailing position is a compromise one, qualifying the Bank of Russia as a special public-law institution that does not fit into the classical triad of branches of power. The conducted research allows us to conclude that the problem of determining the place of the Bank of Russia in the system of separation of powers has no unambiguous solution. The interaction of the regulator with the Federal Assembly and the Government of the Russian Federation is built on the principles of coordination, not subordination, which confirms its separate position. The introduction of the category of the "unified system of public authority" has not eliminated the uncertainty of the status of the Bank of Russia, which requires further legislative reflection and doctrinal elaboration, including in the context of introducing the institution of legal entities of public law.*

Key words: *Central Bank of the Russian Federation, legal status, monetary policy, public authority, separation of power.*

Введение

Центральный банк Российской Федерации продолжает оставаться, пожалуй, единственным субъектом публичной власти, чью конституционно-правовую природу допустимо с равной степенью убедительности описывать через понятия, которые в классической юриспруденции мыслятся как трудносовместимые: орган государственной власти, юридическое лицо, публично-правовой институт, элемент «четвёртой ветви» власти [4; 6; 14]. Конституция России [1], фиксируя исключительное право денежной эмиссии и независимость от иных властных структур, намеренно воздерживается от категоричного ответа на вопрос о действительном месте мегарегулятора в архитектуре разделения властей. Эта конституционная «недосказанность» выполняет роль правового механизма, позволяющего Банку России органично совмещать административно-властные prerogatives с хозяйственно-операционной автономией. Однако именно она же порождает устойчивые теоретические споры и практические коллизии: от определения подсудности споров с участием регулятора до допустимых границ общественного контроля за его деятельностью [4; 6; 9; 10; 16]. Особую остроту дискуссии придавала конституционная реформа 2020 года, которая ввела в нормативный лексикон

категорию «единой системы публичной власти». Включение в эту систему наравне с федеральными, региональными и муниципальными органами иных субъектов, формально не поименованных в конституционном тексте, актуализировало перед наукой и правоприменением принципиальный вопрос: интегрирован ли Банк России в данную систему, и если да, то в каком качестве – равноправного участника, подконтрольного элемента или структуры *sui generis*?

Весьма показательно, что периодически возникающие законодательные инициативы, направленные на прямое провозглашение ЦБ федеральным органом государственной власти, сталкиваются с устойчивым сопротивлением как самого регулятора, так и Правительства РФ. Это свидетельствует о том, что сохраняющаяся правовая неопределённость имеет фундаментальное значение для действующей модели денежно-кредитной политики и сознательно оберегается ключевыми акторами.

В юридической науке сложились три основных подхода к пониманию статуса Банка России. Первый – теория «денежной власти» как самостоятельной, четвертой ветви власти, представленная в работах Н.А. Тиханова, А.В. Навоя и обобщенная Е.О. Адарченко. Второй подход рас-

смачивает ЦБ как особый орган государственной власти, не вписывающийся в классическую триаду, но включенный в систему публичной власти (И.В. Козлов, Н.Н. Бочарова, Т.С. Лангнер [15]). Третий, наиболее активно разрабатываемый в последние годы, – концепция «юридического лица публичного права» (Е.О. Адарченко, А.В. Турбанов, П.Е. Королев), позволяющая непротиворечиво соединить властные полномочия и частноправовую правосубъектность. Официальная же позиция, отраженная в правовых позициях Конституционного Суда РФ (Постановление от 12.04.2001 № 7-П) и документах самого регулятора, определяет Банк России как «особый публично-правовой институт» [3]. Отдельные аспекты статуса – двойственность природы (А.О. Клопова [11], Е.Ю. Ковалькова [13]), мегарегуляторная функция (Д.А. Вавулин, С.В. Симонов), вопросы общественного контроля (В.В. Гончаров), а также правовое положение служащих [8; 25] – также получили освещение в литературе [5; 7; 12; 18; 19; 23; 27; 29], однако целостная концепция, синтезирующая накопленные взгляды с учетом новейшего законодательства, до настоящего времени отсутствовала.

Научная новизна работы заключается в формулировании и обосновании концепции конституционно-легитимированного институционального дуализма Банка России. В отличие от существующих подходов, акцентирующих какую-либо одну сторону его правовой природы, предложенная концепция рассматривает двойственность не как дефект регулирования, а как системообразующий признак, сознательно заложенный законодателем. Показано, что во взаимодействии с другими субъектами права Банк России выступает то в качестве носителя государственно-властных полномочий, то как равноправный участник хозяйственного оборота, а существующая «недосказанность» его конституционного статуса является правовым механизмом, обеспечивающим гибкость денежно-кредитной политики. Уникальность правовой природы Банка России заключается в его фундаментальной двойственности (бинарной правосубъектности), которая легитимирована конституционными нормами и выступает имманентной характеристикой, позволяющей совмещать публично-властные функции с частноправовой имущественной и операционной автономией.

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы Банка России, определение его места в системе разделения властей и в механизме государства, а также систематизация доктринальных подходов к его статусу с обоснованием синтезирующей концепции институционального дуализма.

Задачи:

Раскрыть конституционные основы и законодательное регулирование статуса Банка России в контексте принципа независимости.

Проанализировать проявления двойственной (публично-правовой и частноправовой) природы Банка России.

Систематизировать сложившиеся в доктрине подходы к правовой природе Центрального банка.

Выявить особенности взаимодействия Банка России с иными институтами публичной власти и обосновать его особое место в системе разделения властей.

Продemonстрировать практические проявления институционального дуализма в судебной практике, имущественной ответственности и механизмах контроля.

Определить перспективы законодательного оформления бинарной природы ЦБ, включая введение категории «юридическое лицо публичного права».

Исследование носит обзорно-аналитический характер с элементами доктринального синтеза. Для выполнения поставленных задач использовались диалектический метод познания, позволивший рассмотреть статус Банка России в развитии и внутренней противоречивости, а также специальные юридические методы: формально-юридический – для толкования норм Конституции РФ [1] и Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации» [2]; сравнительно-правовой – при обращении к зарубежному опыту (ЕЦБ, ФРС США, Бундесбанк); системно-структурный – для определения места ЦБ в механизме государства.

В результате проведенного исследования и доктринального синтеза обосновано, что правовая природа Банка России носит фундаментально двойственный характер; выявлены и систематизированы три ключевых доктринальных подхода, ни один из которых, взятый изолированно, не дает исчерпывающего объяснения статуса ЦБ; предложена авторская концепция конституционно-легитимированного институционального дуализма, в рамках которой Банк России интерпретируется как бинарный субъект права, реализующий в разных правоотношениях либо публично-властную, либо частноправовую ипостась; определено, что в условиях действующего правового регулирования введение категории «юридическое лицо публичного права» является наиболее перспективным направлением формализации двойственной природы ЦБ.

Центральный банк в системе публичной власти

Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации отмечен глубокой спецификой, что закономерно поддерживает интенсивную научную полемику о его положении в государственном механизме и подлинной юридической природе [4; 6; 14]. Базовые нормы, очерчивающие его статус, сосредоточены в статье 75 Конституции РФ [1]. Данная статья избегает прямых дефиниций, однако закрепляет исключительные prerogatives Банка и его функциональную обособленность: монополию на денежную эмиссию (ч. 1) и главную функцию – защиту и обеспечение устойчивости рубля, которая реализуется «независимо от других органов государственной власти» (ч. 2). Таким образом, уже на высшем конституционном уровне регулятор выводится из иерархического подчинения иным властным институтам, что создаёт нормативные предпосылки для его восприятия как института *sui generis*. Дальнейшая детализация правового положения осуществляется Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2]. Статья 1 этого закона характеризует Банк России как юридическое лицо, реализующее функции и полномочия независимо от других федеральных, региональных и муниципальных органов. Здесь же закреплены важнейшие элементы статуса, подчёркивающие его уникальность: уставный капитал и всё имущество Банка являются федеральной собственностью (ст. 2), однако правомочия по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом, включая золотовалютные резервы, осуществляются Банком России самостоятельно. Государство не отвечает по его обязательствам, равно как и Банк не несёт ответственности по обязательствам государства (ст. 2). Подобные положения делают невозможным автоматическое включение Центрального банка в категориальный ряд традиционных федеральных органов власти.

Ключевым элементом, обеспечивающим особый статус Банка России, выступает принцип независимости. В официальной доктрине самого регулятора и судебной практике он позиционируется как «особый публично-правовой институт» [3], который «не является органом государственной власти», однако его властные полномочия по своей правовой природе неотделимы от функций государственной власти и предполагают использование мер государственного принуждения. Данный принцип целенаправленно отстаивается самим Банком: в отзыве на один из законопроектов, предлагавших прямо признать его федеральным органом государственной власти, ЦБ указал, что такое решение разрушит фундамент независимости, поскольку неминуемо повлечёт его финанси-

рование через федеральный бюджет и, как следствие, фактическую подконтрольность Министерству финансов. Для адекватного понимания места Банка России в механизме государства принципиальное значение имеет категория «публичная власть». В науке конституционного права это понятие эволюционировало [14; 19]: если на раннем этапе оно отождествлялось исключительно с государственной властью, то позднее приобрело интегративное значение, охватывающее государственную власть (федеральную и региональную), муниципальную власть, а также институты непосредственной демократии. Конституционная реформа 2020 года, легитимировав термин «единая система публичной власти», перевела доктринальное понимание на уровень позитивного права. Именно в этом широком контексте возможна адекватная оценка правовой природы Банка России.

Представляется, что наиболее продуктивным для разрешения многолетних споров является подход, который может быть обозначен как концепция конституционно-легитимированного институционального дуализма. Суть её в том, что уникальность Банка России проистекает не из механического совмещения несовместимых свойств, а из сознательного наделения его бинарной правосубъектностью, позволяющей в разных правоотношениях выступать то в качестве носителя государственно-властной компетенции, то в роли самостоятельного участника хозяйственного оборота. Данная концепция органично объединяет сильные стороны существующих доктринальных позиций. От теории «денежной власти» заимствуется идея о функциональной автономии и невключённости в классическую триаду ветвей; от подхода «юридическое лицо публичного права» – объяснение организационно-правовой формы, адекватной публичным функциям; от официальной доктрины «особого публично-правового института» – акцент на *sui generis* характере. При этом бинарная модель снимает мнимое противоречие: Банк России и не должен полностью вписываться лишь в одну категорию, его правовая природа раскрывается именно через дуализм, легитимированный конституционной «недосказанностью».

Такая постановка вопроса объясняет и множественность научных позиций. Ряд исследователей, акцентируя публично-властный характер деятельности (эмиссия, банковский надзор, нормотворчество), настаивают, что Банк России де-факто является особым органом государственной власти, хотя законодатель и не помещает его ни в одну из ветвей [20; 23; 30]. Их оппоненты, чью аргументацию активно поддерживает сам ЦБ, делают упор на независимость и организационную обособленность, что роднит его с такими органами

с особым статусом, как прокуратура или Счётная палата РФ [26; 27; 28]. Третья группа учёных квалифицирует Банк России как мегарегулятор, обладающий собственной финансовой, управленческой и кадровой автономией, что находит подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 12.04.2001 № 7-П КС РФ прямо охарактеризовал полномочия Банка России как публично-властные по природе, но констатировал, что в систему органов исполнительной власти он не входит [21; 22]. Предлагаемый институциональный дуализм не противоречит ни одной из этих позиций, а даёт им общую концептуальную рамку.

С 1 сентября 2013 года Банк России приобрёл статус мегарегулятора финансового рынка, восприняв полномочия упразднённой Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР России). Это кардинально расширило его властную юрисдикцию: под надзор ЦБ перешли не только кредитные организации, но и некредитные финансовые структуры (профессиональные участники рынка ценных бумаг, управляющие компании, негосударственные пенсионные фонды, страховщики, микрофинансовые организации и др.). Как отмечают Д.А. Вавулин и С.В. Симонов, передача полномочий ФСФР Банку России стала итогом многолетней аппаратной борьбы и вызвала серьёзные дискуссии о разумности концентрации столь обширных полномочий в структуре с размытым правовым статусом. Критики указывали на риск конфликта интересов, поскольку сам ЦБ является участником финансового рынка (владеет акциями крупнейшего банка, имеет брокерскую и управляющую компании). В.В. Гончаров, в свою очередь, обосновывает необходимость распространения общественного контроля на Банк России как на субъекта, осуществляющего публичные функции со специальными полномочиями. Отмечается, что отсутствие чёткого правового статуса ЦБ затрудняет применение механизмов контроля, предусмотренных Федеральным законом № 212-ФЗ, а институт банковской тайны создаёт дополнительные барьеры [6; 18; 26].

Одним из наиболее перспективных доктринальных решений проблемы двойственной природы остаётся введение в российское законодательство категории «юридическое лицо публичного права» [5; 12; 29]. Как обосновывают Е.О. Адарченко и А.В. Турбанов, такая конструкция позволила бы адекватно отразить уникальную природу ЦБ как публично-правового субъекта, не являющегося органом государственной власти, но наделённого государственно-властными полномочиями. Аналогичная модель применяется в законодательстве многих зарубежных стран и успешно адаптирована к центральным банкам. Введение

данной категории в Гражданский кодекс РФ и специальные законы способствовало бы снятию правовой неопределённости и могло бы быть распространено на иные организации, выполняющие публичные функции (Социальный фонд РФ, Агентство по страхованию вкладов и др.). Важно подчеркнуть, что концепция институционального дуализма не отрицает перспективность такого шага, а, напротив, видит в нём формально-юридическое закрепление того бинарного статуса, который уже фактически существует. Таким образом, конституционные основы и законодательное регулирование создают значительную степень неопределённости в вопросе формального отнесения Банка России к государственным органам. Политическая актуальность этой дискуссии периодически подтверждается законодательными инициативами (например, проектами депутатов «Справедливой России»), направленными на прямое закрепление за ним статуса федерального органа государственной власти и добавление ответственности за социально-экономическое развитие. Подобные инициативы неизменно встречают сопротивление как самого регулятора, так и Правительства РФ, что говорит о принципиальной важности «недосказанности» в его конституционно-правовом статусе для сохранения действующей модели денежно-кредитной политики. В настоящее время преобладает концепция, рассматривающая Банк России в качестве особого публично-правового института, который не входит в традиционную триаду ветвей власти, но при этом, несомненно, встроен в единую систему публичной власти, выполняя делегированные государством функции, исключительно важные для его существования.

Двойственная правовая природа как проявление институционального дуализма

Юридическая природа Центрального банка Российской Федерации характеризуется фундаментальной двойственностью, проистекающей из необходимости одновременного выполнения функций публичного регулятора и хозяйствующего субъекта [11; 13; 5; 7]. В научной литературе неизменно подчёркивается, что Банк России представляет собой уникальное явление в правовой системе, в котором органично сочетаются публично-правовые и частноправовые начала [4; 28]. Как отмечает П.Е. Королев, необходимость сочетать прямое администрирование, экономические инструменты денежно-кредитной политики и элементы частного права прослеживается без всяких сомнений. Именно эта нераздельность служит лучшей иллюстрацией предложенной концепции бинарной правосубъектности: специфика Банка исторически обусловлена – выделившись монополией на денежную эмиссию, он выполняет

функцию защиты и обеспечения устойчивости национальной валюты, объективно тяготеющую к государственно-властной, но при этом сохраняет право от своего имени совершать банковские операции и сделки, реализуя частноправовой потенциал.

Публично-правовая составляющая статуса Банка России проявляется в его властных полномочиях, которые по своей природе относятся к функциям государственной власти и предполагают применение мер государственного принуждения [21; 22]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 12.04.2001 № 7-П указал, что Банк России обладает публично-властными полномочиями, но не входит в систему органов исполнительной власти, что подчёркивает его уникальную правовую природу. К числу публично-правовых функций относятся: исключительное право денежной эмиссии (ч. 1 ст. 75 Конституции РФ [1]); нормотворческие полномочия по изданию актов, обязательных для федеральных, региональных и муниципальных органов, а также для всех юридических и физических лиц; банковское регулирование и надзор, включая отзыв лицензий у кредитных организаций; реализация денежно-кредитной политики с использованием административных инструментов. Публично-правовая ипостась Банка России выражается, таким образом, прежде всего в его качестве мегарегулятора финансового рынка, наделённого государственно-властными полномочиями.

Частноправовая составляющая неразрывно связана с признанием Банка России юридическим лицом (ст. 1 Федерального закона № 86-ФЗ [2]). Он является субъектом гражданского оборота, наделённым гражданской правосубъектностью. Выступая в этой роли, Банк представляет собой уникальное юридическое лицо, производящее расходы за счёт собственных доходов и не преследующее цели извлечения прибыли как основной [19; 26]. В соответствии со статьёй 2 упомянутого закона [2], уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью, однако он наделён имущественной и финансовой самостоятельностью, осуществляя полномочия по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, включая золотовалютные резервы. Банк вправе от своего имени совершать банковские операции и сделки с российскими и иностранными кредитными организациями, а также с государством. Кроме того, как справедливо подмечается в литературе, Банк России получает прибыль, ведёт хозяйственную и финансовую деятельность, действуя при этом в системе норм международного финансового права. Российское законодательство, определяя правовое положение Банка Рос-

сии, осознанно исходит из его дуалистичности – сочетания в одном лице публичного регулятора и собственно банка. Указанная двойственность, которая в свете концепции предстаёт не дефектом, а системообразующим свойством, порождает как теоретические, так и практические проблемы. В теории права последовательно отстаивается необходимость введения в отечественное законодательство категории «юридическое лицо публичного права» применительно к Банку России, что позволило бы юридически корректно отразить его уникальную природу как особого публично-правового института, не вписывающегося в классические таксономии [6; 29]. Д.Г. Нарышкин указывает, что Центральный банк имеет сложную природу, одновременно являясь субъектом гражданского оборота, наделённым властными полномочиями для реализации государственного влияния на сектор коммерческих банков, и осуществляя денежно-кредитную политику путём сочетания административных и диспозитивных инструментов. По мнению Н.А. Морозовой, статус Банка России остаётся вне чёткой классификации в системе органов государственной власти. Именно эта двойственность и определённая неопределённость правового статуса, как подчёркивается в выводах ряда экспертов, создают предпосылки для дальнейших научных и законодательных поисков оптимальной модели регулирования деятельности главного банка страны.

Доктринальные подходы сквозь призму синтезирующей концепции

Вопрос о правовой природе Центрального банка России остаётся одним из самых дискуссионных в отечественной юридической науке [4; 6; 10; 16; 17]. Как отмечает Е.О. Адарченко, практически все доктринальные мнения характеризуют центральный банк либо как орган государственной власти (хотя его отнесение к конкретной ветви власти остаётся неясным), либо как некоммерческую организацию. Т.С. Лангнер, систематизировавшая различные позиции, подчёркивает, что правовая природа Банка России уникальна для российской правовой системы: формально не будучи органом государственной власти, он, по существу, осуществляет важнейшие государственно-властные функции [15]. Многообразие подходов обусловлено объективной сложностью статуса этого института, сочетающего публично-властные полномочия с гражданско-правовой правосубъектностью. Именно это многообразие и призвана примирить концепция конституционно-легитимированного институционального дуализма, в рамках которой каждая из конкурирующих теорий объясняет одну из граней единой бинарной природы.

Одним из наиболее разработанных доктри-

нальных направлений является теория «денежной власти», рассматривающая центральный банк в качестве самостоятельной ветви государственной власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной. В рамках данной концепции денежная (или финансовая, банковская) власть выступает как четвёртая ветвь, обеспечивающая стабильность денежного обращения и реализацию денежно-кредитной политики. А.В. Навой в исследовании, посвящённом роли центрального банка в системе государственной власти, специально оценивает применимость теории четвёртой ветви, отмечая, однако, что центральный банк всегда и везде выполняет волю государства, наделивше-го его монопольным правом эмиссии платёжных средств. Н.А. Тиханов, анализируя сложившиеся в российской правовой науке подходы, формулирует концепцию финансовой власти как системы органов, включающей национальные центральные банки или иные органы в качестве функциональных элементов указанной ветви. Ключевым условием успешного взаимодействия данных органов, по мнению автора, является определение системы их взаимоотношений, предполагающей усиление роли национального центрального банка. Е.О. Адарченко, обобщая взгляды сторонников данной теории, констатирует, что неопределённость отнесения центрального банка к конкретной ветви власти остаётся одной из центральных проблем. С позиций бинарного подхода, идея «денежной власти» верно схватывает масштаб и автономию публично-правовой ипостаси Банка, но не объясняет его одновременное функционирование как хозяйствующего субъекта.

Значительная часть доктринальных позиций посвящена отнесению Банка России к органам государственной власти [20; 23; 30]. И.В. Козлов аргументирует позицию об отнесении ЦБ к государственным органам, учитывая его включённость в систему публичной власти в Российской Федерации, и характеризует его как орган специальной компетенции в финансово-кредитной сфере, занимающий особое место в государственном аппарате. Н.Н. Бочарова, анализируя вопрос о месте центральных банков в системе государственных органов, обладающих публично-властными полномочиями, подчёркивает, что в каждой стране он решается по-разному, хотя любой центральный банк в той или иной степени сочетает черты банка и государственного органа. С передачей функций упразднённой ФСФР, как отмечает исследователь, усиливается позиция Центрального банка России именно как государственного органа. Т.С. Лангнер со своей стороны систематизирует позиции, согласно которым Банк России рассматривается как особый орган государственной власти, не вписы-

вающийся в традиционную триаду ветвей власти, что подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда РФ [15]. Институциональный дуализм не отвергает эти построения, а уточняет: Банк является органом государства в его публично-властной ипостаси, однако одновременно сохраняет частноправовую «оболочку» юридического лица.

Особое место в доктринальной классификации занимает концепция Банка России как «юридического лица публичного права» [12; 29]. Данный подход, активно разрабатываемый Е.О. Адарченко, предлагает рассматривать статус Банка России на основе принципов юридического лица публичного права, поскольку эта конструкция позволяет соединять в себе и властные полномочия, свойственные государственным органам, и полномочия некоммерческих организаций, не противореча сущности каждой из них в отдельности. Создание специального закона о юридических лицах публичного права, по мнению автора, решило бы проблемы сложности и неопределённости статуса не только Центрального банка РФ, но и иных организаций, законодательно признанных юридическими лицами частного права, а формально занимающихся управленческой деятельностью в масштабе всей страны. П.Е. Королев также относит Банк России к юридическим лицам публичного права, отмечая, что с точки зрения юридической доктрины он может рассматриваться и как особенный публично-правовой институт, и как инструмент единой денежно-кредитной политики государства. Данная концепция, по сути, является наиболее близкой к предлагаемой бинарной модели, так как прямо признаёт двойственность правовой формы и необходимость её специального регулирования.

Ряд исследователей акцентируют внимание на уникальности правовой природы Банка России, воздерживаясь от его однозначного отнесения к какой-либо категории [4; 9; 27]. А.В. Белякова определяет Банк России как особый публично-правовой институт, не являющийся органом государственной власти, но наделённый государственно-властными полномочиями для осуществления возложенных на него функций. Данная позиция коррелирует с официальной доктриной самого ЦБ, последовательно отстаивающего концепцию «особого публично-правового института». Н.А. Морозова подчёркивает, что Конституция не относит Банк России ни к одной из ветвей власти, что обусловило формирование в правоприменительной практике указанной концепции; при этом статус Банка России остаётся вне чёткой классификации в системе органов государственной власти. Д.Г. Нарышкин акцентирует внимание на том,

что у научного сообщества отсутствует приверженность к единственной позиции, и однозначно можно утверждать лишь двойственную правовую природу Центрального банка РФ. А.С. Новиков, применяя методологию экономического анализа права, обосновывает двойственную экономико-правовую компетентностную модель Банка России, являясь сторонником концепции об ординарной роли Центрального банка в системе конституционно-правовых институтов [24]. Ю.А. Кропин исследует диалектику центрального банка и национальной банковской системы, обосновывая необходимость приведения статуса Центрального банка РФ в соответствие с сутью современной денежной системы, имеющей национальный характер. Междисциплинарный подход, разрабатываемый в рамках конституционной экономики, представлен в работах В.А. Загрина, который подчёркивает необходимость объединения юриспруденции и экономики для определения конституционного статуса Центрального банка РФ, поскольку использование лишь одного подхода не позволяет разрешить поставленные задачи в полном объёме. Таким образом, обзор доктрины подтверждает, что именно синтезирующая концепция институционального дуализма, вбирающая рациональные зерна каждой из теорий, способна дать непротиворечивое объяснение правовой реальности [5; 7; 10; 16; 17]: Банк России есть бинарный субъект права, действующий то как квазигосударственный орган, то как автономный хозяйствующий институт в зависимости от характера правоотношений.

Проблема места в системе разделения властей в свете бинарной модели

Проблема определения места Центрального банка Российской Федерации в классической системе разделения властей является прямым следствием особенностей его конституционно-правового статуса и, одновременно, ярким подтверждением его дуалистической природы [20; 30]. Закреплённый в статье 10 Конституции РФ [1] принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную внешне не предполагает существования институтов, обладающих властными полномочиями, но не относящихся ни к одной из ветвей. Однако Банк России, как неоднократно подчёркивалось Конституционным Судом РФ, наделён публично-властными полномочиями, но при этом не входит в систему органов исполнительной власти. Это создаёт объективное напряжение между формальной конструкцией разделения властей и реальным положением регулятора, что и порождает острые доктринальные споры. В рамках предложенной бинарной концепции данное напряжение снимается: встроенность в систему публичной власти не требует обяза-

тельного отнесения к одной из ветвей, поскольку Банк России обладает собственной, дуалистической моделью взаимодействия с ними.

Проблема соотношения Банка России с системой органов государственной власти и иными государственными органами раскрывается через анализ его взаимодействия с конкретными властными институтами. Взаимоотношения с Федеральным Собранием Российской Федерации проявляются прежде всего в кадровых и контрольных процедурах: Государственная Дума назначает и освобождает от должности Председателя Банка России, заслушивает его ежегодные отчёты, рассматривает основные направления единой государственной денежно-кредитной политики. Однако Банк России не подотчётен парламенту в смысле текущего административного руководства: его независимость ограничивает парламентский контроль вопросами общей оценки деятельности. С Правительством Российской Федерации Центральный банк взаимодействует на началах координации, а не иерархического подчинения. Статья 114 Конституции РФ [1] возлагает на Правительство РФ обеспечение проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики, но во взаимодействии с Банком России. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации» [2] предусматривает участие Председателя ЦБ в заседаниях Правительства РФ и возможность согласительных процедур. Вместе с тем Банк России самостоятельно определяет параметры денежно-кредитной политики, устанавливает ключевую ставку и осуществляет иные полномочия без санкции Правительства РФ. Тем самым регулятор занимает обособленное положение, сопоставимое с положением таких органов с особым статусом, как Счётная палата РФ или Прокуратура РФ, которые также не входят в систему исполнительной власти и обладают высокой степенью автономии.

Соотношение Банка России с иными государственными органами, прежде всего с правоохранительными и контрольными, также несёт на себе отпечаток его двойственной природы. Как орган банковского надзора и мегарегулятор финансового рынка, Банк России осуществляет административно-юрисдикционные функции, сближающие его с федеральными органами исполнительной власти [21; 22]. Однако в гражданском обороте он выступает как самостоятельное юридическое лицо, не являющееся государственным органом, что подчёркивает его имущественную и финансовую обособленность [28; 30]. Это приводит к тому, что в различных правоотношениях Центральный банк Российской Федерации закономерно проявляет разные стороны своего бинарного статуса, что требует не столько принудительного выбора

одной ипостаси, сколько более чёткого законодательного разграничения сфер, где действует его публично-правовая, а где – частноправовая природа. Таким образом, проблема определения места Банка России в системе разделения властей не имеет однозначного решения в действующем правовом регулировании, но именно дуалистическая модель позволяет теоретически непротиворечиво объяснить сложившееся положение. Формальная независимость и функциональная обособленность не позволяют безоговорочно отнести его к какой-либо ветви власти, а объём и характер реализуемых полномочий не оставляют сомнений в том, что Банк выступает носителем государственно-властных функций. Наиболее адекватной представляется квалификация Центрального банка как особого бинарного публично-правового института, занимающего индивидуальное место в механизме государства и взаимодействующего с органами законодательной, исполнительной и судебной власти на основе конституционно установленного принципа независимости.

Практические проявления институционального дуализма

Наиболее рельефно двойственная природа Банка России выступает в судебной практике, где перед правоприменителем встаёт вопрос: в каком качестве предстаёт Центральный банк в конкретном споре – как орган публичной власти, чьи акты могут быть оспорены по правилам административного судопроизводства, или как самостоятельный хозяйствующий субъект, действующий в гражданском обороте [21; 22]? Именно это разграничение ипостасей имеет определяющее значение для определения подсудности и подведомственности дел. Когда Банк России издаёт нормативные акты, предписания или отзывает лицензии у кредитных организаций, он безусловно реализует публично-властные функции, и споры об оспаривании таких решений рассматриваются по правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В то же время, заключая сделки с ценными бумагами, осуществляя операции на открытом рынке или управляя золотовалютными резервами, Центральный банк действует как равноправный участник гражданского оборота, и споры из таких отношений подлежат рассмотрению в исковом порядке. Таким образом, в рамках бинарной модели один и тот же субъект в зависимости от характера реализуемых полномочий «переключается» между двумя правовыми режимами, и такая дифференциация, как показывает судебная практика, не только возможна, но и необходима для адекватной судебной защиты прав контрагентов.

Не менее ярко дуализм проявляется в механизмах имущественной ответственности. Зако-

нодатель сознательно разделит имущественную сферу государства и Банка России: Российская Федерация не отвечает по обязательствам Центрального банка, а Банк – по обязательствам государства, кроме случаев, когда они приняли на себя такие обязательства [28; 30]. Эта конструкция, немыслимая для классического органа государственной власти, финансируемого по смете из бюджета, абсолютно органична для юридического лица публичного права, обладающего собственными доходами и несущего самостоятельную имущественную ответственность. Именно частноправовая ипостась Банка делает возможным его участие в межбанковских расчётах, заключение соглашений с иностранными центральными банками, эмиссию собственных облигаций и другие действия, где требуется равный статус с коммерческими контрагентами. Публично-правовая же ипостась гарантирует, что даже в этих отношениях Банк России остаётся проводником единой государственной денежно-кредитной политики и не связан исключительно коммерческой логикой получения прибыли.

Вопросы общественного контроля и аудита также преломляются сквозь призму дуализма [6; 18; 26]. С одной стороны, как субъект, реализующий делегированные государством публичные функции, Банк России должен быть подотчётен обществу. Однако, с другой стороны, его хозяйственная самостоятельность и независимость денежно-кредитной политики требуют ограждения от конъюнктурного политического вмешательства. Действующее законодательство находит баланс: Национальный финансовый совет рассматривает вопросы административно-хозяйственной деятельности и годовой отчётности, Государственная Дума заслушивает доклады о денежно-кредитной политике, но текущее управление инструментами денежно-кредитного регулирования остаётся в сфере исключительной компетенции Совета директоров. Счётная палата РФ, как орган внешнего государственного аудита, не вправе проверять финансово-хозяйственную деятельность Банка России в том объёме, в каком она проверяет федеральные органы исполнительной власти, что в очередной раз подтверждает обособленность регулятора. Институциональный дуализм объясняет эту ситуацию не как пробел или привилегию, а как закономерное следствие бинарной природы: там, где Банк действует как орган публичной власти, он подконтролен в публично-правовых формах; там, где он выступает как хозяйствующий субъект, контроль ограничен рамками корпоративного аудита и надзора со стороны Национального финансового совета.

Дуализм центральных банков в зарубеж-

ных странах

Предложенная концепция не является исключительно российским феноменом. Обращение к зарубежному опыту показывает, что институциональный дуализм центральных банков представляет собой устойчивую мировую тенденцию, хотя и получает различное юридическое оформление в разных правовых порядках. Так, Европейский центральный банк (ЕЦБ) в соответствии со статьёй 282 Договора о функционировании Европейского Союза обладает правосубъектностью, однако его независимость и властные полномочия в сфере денежной политики еврозоны делают его классическим примером наднационального публично-правового института с ярко выраженной двойственной природой. ЕЦБ наделён не только правом принимать обязательные для государств-членов решения, но и выступает полноценным участником финансовых рынков. При этом он не вписывается ни в одну из традиционных ветвей власти Евросоюза, что не препятствует его эффективному функционированию.

Федеральная резервная система США демонстрирует ещё более сложную модель, в которой публичные и частные начала переплетены на уровне организационной структуры: Совет управляющих ФРС является федеральным правительственным агентством, тогда как региональные федеральные резервные банки формально организованы как частные корпорации, акционерами которых выступают банки-члены. Такая гибридность на протяжении десятилетий служила предметом дискуссий, но при этом доказала свою функциональную состоятельность. Германский Бундесбанк до передачи денежной политики ЕЦБ законодательно определялся как юридическое лицо публичного права, обладающее независимостью от федерального правительства, что прямо фиксировалось в Законе о Немецком федеральном банке. Эти примеры подтверждают, что двойственная, бинарная природа центрального банка – не аномалия, а закономерная черта института, призванного совмещать государственно-властную миссию с рыночными методами её реализации.

Старейший центральный банк мира, Банк Англии, на протяжении своей истории пережил несколько принципиальных трансформаций статуса. После национализации в 1946 году он стал публичной корпорацией, капитал которой принадлежит Казначейству Её Величества, однако Закон о Банке Англии 1998 года наделил его операционной независимостью в проведении денежно-кредитной политики. Банк Англии обладает властными полномочиями по надзору за платёжными системами и, с 2013 года, по пруденциальному регулированию (через специально созданный до-

черний орган Prudential Regulation Authority), но одновременно остаётся самостоятельным участником рынка государственных и корпоративных ценных бумаг, держателем золотовалютных резервов и расчётным агентом правительства. Такая двойственность – властный регулятор, принимающий обязательные для всех участников рынка решения, и одновременно субъект, совершающий рыночные сделки от своего имени, – закреплена в правовой системе Соединённого Королевства без формального термина «юридическое лицо публичного права», что делает британский пример особенно близким к российскому контексту.

Японский центральный банк по Закону о Банке Японии 1997 года является особым акционерным обществом, часть акций которого торгуется на бирже, но контрольный пакет остаётся у государства. При всей внешней «корпоративности» его высший орган – Политический совет – реализует исключительно публичные функции: определяет ключевую ставку, руководит денежной эмиссией и банковским надзором, а его решения имеют прямое административно-правовое значение. Одновременно Банк Японии проводит операции с государственными облигациями, валютные интервенции и управляет золотовалютными резервами как рыночный игрок. Японский случай интересен тем, что здесь дуализм выражен не столько через противопоставление государственного и частного, сколько через наложение публично-властных функций на компанию корпоративного типа, действующую в гражданском обороте, – конструкция, напоминающая российскую «юридическое лицо с публичными полномочиями», хотя и формально не обозначенная как таковая.

Швейцарский национальный банк имеет аналогичный статус: акционерное общество с конституционным статусом [31]. Швейцарский национальный банк (ШНБ) представляет собой уникальный пример центрального банка, созданного в организационно-правовой форме акционерного общества, чьи акции котируются на бирже и принадлежат преимущественно кантонам, кантональным банкам и частным лицам (государство – Швейцарская Конфедерация – акций не имеет). Однако эта корпоративная форма не препятствует осуществлению сугубо публичных функций: Конституция Швейцарии и Федеральный закон о Швейцарском национальном банке прямо возлагают на ШНБ проведение денежно-кредитной политики, обеспечение стабильности цен и поддержку общей экономической политики, но подчёркнуто независимо от Федерального совета. ШНБ обладает исключительным правом банкнотной эмиссии и полномочиями по валютному регулированию, а его решения, например, о минимальном курсе франка, яв-

ляются актами государственно-властного характера. При этом банк совершает сделки на открытом рынке, управляет золотовалютными резервами и даже выплачивает дивиденды акционерам в размере 6%. Таким образом, швейцарская модель доводит дуализм до его логического предела, помещая публично-правового регулятора в оболочку классической коммерческой организации.

В контексте данных примеров российская конструкция, при всей её внешней неопределённости, выглядит скорее типичной, чем уникальной [14; 27]. Разница заключается в том, что в российском законодательстве отсутствует формализованная категория, которая бы адекватно описывала данное положение, – и именно это отсутствие восполняется предлагаемой концепцией институционального дуализма и практическими шагами по введению категории «юридическое лицо публичного права». Мировой опыт свидетельствует, что легализация такой категории не подрывает независимость центрального банка, а, напротив, укрепляет её, создавая чёткие правовые рамки для разграничения двух ипостасей и предотвращая попытки как необоснованного вмешательства в оперативную деятельность, так и уклонения от публичного контроля.

Перспективы законодательного оформления бинарной природы

Осознание институционального дуализма как сущностной, а не случайной черты Банка России ставит на повестку дня вопрос о юридико-технических способах его закрепления [5; 12; 29]. Наиболее очевидным и давно обсуждаемым шагом является введение в российское законодательство конструкции «юридическое лицо публичного права». Такая новация позволила бы прямо указать, что Банк России, как и некоторые другие субъекты (Социальный фонд РФ, Агентство по страхованию вкладов, государственные корпорации), создаётся на основании публичного акта, наделяется государственно-властными полномочиями, но при этом обладает имущественной обособленностью и самостоятельной ответственностью, действуя в гражданском обороте от своего имени. Применительно к Центральному банку это означало бы легализацию того самого бинарного статуса, который сейчас вынужденно описывается через отрицательные определения («не является органом государственной власти», «не входит в систему исполнительной власти») и иносказательные конструкции.

Однако простое введение нового термина не исчерпывает задачу. Необходима и более тонкая настройка отраслевого законодательства, которая бы чётко разграничивала, в каких правоотношениях Банк России выступает как носитель власт-

ных полномочий, а в каких – как равноправный субъект частного права. Например, можно было бы на уровне Федерального закона № 86-ФЗ [2] закрепить перечень функций, реализуемых в режиме публичной власти (эмиссия, банковский надзор, валютное регулирование и контроль, нормотворчество), и функций, осуществляемых в гражданско-правовом режиме (банковские операции, сделки с золотовалютными резервами, участие в капиталах организаций). Такая дифференциация не только устранила бы значительную часть споров о характере тех или иных действий ЦБ, но и способствовала бы более предсказуемому применению института подсудности и механизмов ответственности. Критики идеи формализации дуализма могут указать на риск того, что слишком жёсткое разделение ипостасей ограничит необходимую гибкость. Однако следует понимать, что концепция дуализма не предполагает создания двух разных субъектов – напротив, она исходит из единства Банка России при множественности правовых режимов его деятельности. Законодательное признание этой множественности не бюрократизирует работу мегарегулятора, а, наоборот, снимет существующую неопределённость. Кроме того, оно позволит более последовательно применять к Банку России механизмы общественного контроля и принципы транспарентности именно в той части его деятельности, которая носит публично-властный характер, не вторгаясь при этом в сферу хозяйственной автономии, необходимой для эффективного управления резервами и проведения операций на финансовых рынках. Таким образом, разработка и законодательное внедрение модели институционального дуализма может рассматриваться как логичное продолжение конституционной реформы 2020 года, которая ввела категорию «единой системы публичной власти», но оставила открытым вопрос о статусе входящих в неё институтов с особой правовой природой. Признание того, что Банк России является бинарным публично-правовым институтом, реализующим свои функции попеременно в двух правовых режимах, не только снимет многолетние доктринальные противоречия, но и укрепит легитимность самого мегарегулятора, чётко определив его место в государственном механизме и границы его ответственности перед обществом. В конечном счёте, конституционная «недосказанность», долгое время служившая источником споров, при должном доктринальном осмыслении может превратиться из проблемы в осознанный приём правового регулирования, обеспечивающий оптимальное сочетание независимости и подконтрольности, публичной миссии и хозяйственной эффективности

Заключение

Проведённое исследование правовой природы Банка России и предложенная концепция конституционно-легитимированного институционального дуализма позволяют сформулировать следующие основные выводы. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации, закреплённый в статье 75 Конституции РФ [1], характеризуется уникальной спецификой, не позволяющей однозначно отнести его ни к одной из традиционных ветвей государственной власти [4; 14]. Обладая исключительным правом денежной эмиссии и функциональной независимостью от иных органов государственной власти, Банк России выступает как институт *sui generis*, что неоднократно подтверждалось правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Фундаментальной чертой правовой природы Банка России является её двойственность, выражающаяся в органичном сочетании публично-правовых и частноправовых начал [11; 13; 28]. Публично-правовая составляющая проявляется в наделении регулятора государственно-властными полномочиями (эмиссия, банковский надзор, нормотворчество, применение мер принуждения), которые по своей природе относятся к функциям государственной власти. Частноправовая составляющая неразрывно связана с признанием Банка России юридическим лицом, самостоятельным субъектом гражданского оборота, владеющим, пользующимся и распоряжающимся своим имуществом, включая золотовалютные резервы [19; 26]. Эта двойственность должна рассматриваться не как дефект правового регулирования, а как осознанный приём, легитимированный конституционной «недосказанностью» и обеспечивающий гибкость в реализации денежно-кредитной политики.

В российской правовой доктрине сформировался широкий спектр подходов к определению природы Банка России. Сторонники теории «денежной власти» рассматривают центральный банк в качестве самостоятельной (четвёртой) ветви государственной власти. Значительная часть исследователей относит Банк России к органам государственной власти, подчёркивая его включённость в систему публичной власти [20; 23; 30]. Особое место занимает концепция Банка России как «юридического лица публичного права», позволяющая соединить властные полномочия и статус некоммерческой организации [12; 29]. Преобладающей в настоящее время является компромиссная концепция, квалифицирующая Банк России как особый публично-правовой институт. Предложенная концепция институционального дуализма объединяет сильные стороны перечисленных подходов, рассматривая Банк России как бинарного субъек-

та права, реализующего в разных правоотношениях либо публично-властную, либо частноправовую ипостась.

Проблема определения места Банка России в системе разделения властей не имеет однозначного решения в действующем правовом регулировании и доктрине, однако дуалистическая модель позволяет интерпретировать отсутствие формальной «прописки» в одной из ветвей власти не как недостаток, а как закономерное следствие его уникальной природы [6; 23]. С одной стороны, формальная независимость и функциональная обособленность не позволяют безоговорочно отнести его к какой-либо ветви власти. С другой – объём и характер реализуемых полномочий не оставляют сомнений в том, что Банк России выступает носителем государственно-властных функций. Взаимодействие с Федеральным Собранием и Правительством РФ осуществляется на началах партнёрства и координации, а не административного подчинения. Конституционная реформа 2020 года, легализовав понятие «единой системы публичной власти», обострила вопрос о месте Банка России в этой системе, однако до настоящего времени он остаётся открытым, а сама дискуссия – плодотворной основой для дальнейшего научного поиска [4; 9; 16; 27; 29].

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
- [2] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 28. — Ст. 2790.
- [3] Банк России. Правовой статус и функции // Официальный сайт Банка России. — URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/ (дата обращения: 06.05.2026).
- [4] Алексеева В.В. Правовое положение Центрального банка Российской Федерации // Экономика и социум. — 2020. С. 72-77.
- [5] Блинов А.Е. Детерминация правового статуса Банка России // Правовое регулирование экономической деятельности. — 2022. С. 21-27.
- [6] Булаков О.Н. Проблемы права: статус Центрального банка РФ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2014. С. 12-16.
- [7] Волгин А.Р. К вопросу о правовой природе Центрального банка Российской Федерации //

Правовой альманах. – 2022. С. 8-14.

[8] Гришковец А.А. Правовое положение служащих Банка России // Журнал российского права. – 2000. – № 12 (49). – С. 52–64.

[9] Ивашкина С.А. Правовой статус Банка России // Экономика и социум. – 2014.

[10] Керамова С.Н., Магомедова М.Х. Особенности правового статуса Центрального банка России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. С. 89-94.

[11] Клопова А.О. Двойственная природа правового статуса Центрального банка Российской Федерации // Символ науки. – 2016. С. 123-125.

[12] Клочков Д.А. Правовая природа Центрального банка России // Инновационная наука. – 2017. С. 113-118.

[13] Ковалькова Е.Ю., Шумилов Н.В. Особенности правового статуса Центрального банка России (публичное и частное) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 27–33.

[14] Кунев С.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе Центрального банка Российской Федерации // Огарёв-Online. – 2016. 2 с.

[15] Лангнер Т.С. Правовая природа и положение Центрального банка Российской Федерации в системе государственных институтов // Государственная служба и кадры. – 2025.

[16] Лангнер Т.С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. С. 84-88.

[17] Лангнер Т.С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий // Криминологический журнал. – 2026. С. 115-120.

[18] Лунева У.С. Особенности правового статуса Центрального банка РФ // Известия Института систем управления СГЭУ. – 2021. – № 2 (24). – С. 113–115.

[19] Лысова Ю.В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. С. 108-118.

[20] Миронов А.Л. Место и роль Центрального банка РФ в системе органов государственной власти России // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. С. 88-95.

[21] Неверова Н.В. Особенности правосубъектности Банка России как органа административной юрисдикции (часть I) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4. – С. 264–271.

[22] Неверова Н.В. Особенности правосубъектности Банка России как органа административной юрисдикции (часть II) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 6. – С. 214–219.

[23] Неженец О.В. К вопросу о статусе Центрального банка Российской Федерации и его полномочиях // Вестник экономики и права. – 2020. С. 236-242.

[24] Новиков А.С. Экономико-правовой анализ природы Центрального банка РФ // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. С. 115-118.

[25] Очаковский В.А., Клепикова А.Ю. К вопросу о правовом статусе служащих Центрального банка Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. 13 с.

[26] Пастушенко Е.Н. К вопросу о публично-правовом статусе ЦБ РФ // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2005. С. 120-123.

[27] Соколова А.Д., Попова А.В. Особенности правового статуса Центрального банка Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. С. 124-127.

[28] Третьякова Л.А., Третьякова М.С. Основные аспекты правового статуса Центрального банка // Территория науки. – 2019. С. 89-92.

[29] Тятюшева А.О. Актуальные вопросы правового статуса Банка России // Символ науки. – 2016.

[30] Чеботарев В.С., Тимченко А.В. Правовое положение Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в финансовой системе государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. С. 180-183.

[31] Чепрасов М.Г., Лёвина Л.К. К вопросу об определении правового статуса Банка России: сравнительный анализ банковских систем России и Швейцарии // Вестник науки и образования. – 2016.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 11. — Article 1416.

[2] On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 28. — Article 2790.

- [3] Bank of Russia. Legal Status and Functions // Official Website of the Bank of Russia. — URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/ (date of access: 06.05.2026).
- [4] Alekseeva V.V. Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Economy and Society*. – 2020. Pp. 72-77.
- [5] Blinov A.E. Determining the Legal Status of the Bank of Russia // *Legal Regulation of Economic Activity*. – 2022. Pp. 21-27.
- [6] Bulakov O.N. Legal Issues: Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Gaps in Russian Legislation. Law Journal*. – 2014. Pp. 12-16.
- [7] Volgin A.R. On the Legal Nature of the Central Bank of the Russian Federation // *Legal Almanac*. – 2022. Pp. 8-14.
- [8] Grishkovets A.A. Legal Status of Employees of the Bank of Russia // *Journal of Russian Law*. – 2000. – No. 12 (49). – Pp. 52-64.
- [9] Ivashkina S.A. Legal Status of the Bank of Russia // *Economy and Society*. – 2014.
- [10] Keramova S.N., Magomedova M.Kh. Features of the Legal Status of the Central Bank of Russia // *Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. – 2018. Pp. 89-94.
- [11] Klopova A.O. Dual Nature of the Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Symbol of Science*. – 2016. Pp. 123-125.
- [12] Klochkov D.A. Legal Nature of the Central Bank of Russia // *Innovative Science*. – 2017. Pp. 113-118.
- [13] Kovalkova E.Yu., Shumilov N.V. Features of the Legal Status of the Central Bank of Russia (public and private) // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. – 2025. – Vol. 53. – No. 1. – Pp. 27–33.
- [14] Kunev S.V. On the Issue of the Constitutional and Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Ogarev-Online*. – 2016. 2 p.
- [15] Langner T.S. Legal Nature and Position of the Central Bank of the Russian Federation in the System of State Institutions // *Civil Service and Personnel*. – 2025.
- [16] Langner T.S. Legal Analysis of the Status of the Central Bank of the Russian Federation: A Study of the Legal Nature and Powers // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2025. Pp. 84–88.
- [17] Langner T.S. Legal Analysis of the Status of the Central Bank of the Russian Federation: A Study of the Legal Nature and Powers // *Criminological Journal*. – 2026. Pp. 115–120.
- [18] Luneva U.S. Features of the legal status of the Central Bank of the Russian Federation // *Bulletin of the Institute of Control Systems of SSEU*. – 2021. – No. 2 (24). – P. 113-115.
- [19] Lysova Yu.V. On the legal statuses of the Bank of Russia and their practical significance // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. – 2016. P. 108-118.
- [20] Mironov A.L. Place and role of the Central Bank of the Russian Federation in the system of government bodies of Russia // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2025. P. 88-95.
- [21] Neverova N.V. Features of the legal capacity of the Bank of Russia as a body of administrative jurisdiction (Part I) // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2023. – No. 4. – P. 264-271.
- [22] Neverova N.V. Features of the legal capacity of the Bank of Russia as a body of administrative jurisdiction (Part II) // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2023. – No. 6. – Pp. 214-219.
- [23] Nezhenets O.V. On the status of the Central Bank of the Russian Federation and its powers // *Bulletin of Economics and Law*. – 2020. Pp. 236-242.
- [24] Novikov A.S. Economic and legal analysis of the nature of the Central Bank of the Russian Federation // *Baltic Humanitarian Journal*. – 2017. Pp. 115-118.
- [25] Ochakovsky V.A., Klepikova A.Yu. On the legal status of employees of the Central Bank of the Russian Federation // *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. – 2013. 13 p.
- [26] Pastushenko E.N. On the Public-Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Industry: Economics, Management, Technology*. – 2005. pp. 120-123.
- [27] Sokolova A.D., Popova A.V. Features of the Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. – 2017. pp. 124-127.
- [28] Tretyakova L.A., Tretyakova M.S. Main Aspects of the Legal Status of the Central Bank // *Territory of Science*. – 2019. pp. 89-92.
- [29] Tyatyusheva A.O. Current Issues of the Legal Status of the Bank of Russia // *Symbol of Science*. – 2016.
- [30] Chebotarev V.S., Timchenko A.V. Legal status of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) in the financial system of the state // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. Pp. 180-183.
- [31] Cheprasov M.G., Levina L.K. On the issue of determining the legal status of the Bank of Russia: a comparative analysis of the banking systems of Russia and Switzerland // *Bulletin of science and education*. – 2016.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-127-130

Дата принятия рукописи в печать: 16.07.2026 г.

ДУБОВИХИН Денис Борисович,
адъюнкт, Академия управления МВД России, г. Москва,
Российская Федерация,
e-mail: bobi3177@mail.ru

Научный руководитель:
ЗАХВАТОВ Игорь Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
управления органами внутренних дел. Академия управления
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕТЫРЕХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ НА РАЙОННОМ УРОВНЕ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье на основе анализа доктринальных источников, действующего законодательства и материалов правоприменительной практики предлагается авторская модель организационного механизма взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка, образуемая четырьмя взаимосвязанными компонентами - институциональным, функциональным, информационным и оценочным. Обосновывается тезис об асимметричности их развития в действующей практике: институциональный и функциональный компоненты получили преимущественное развитие, тогда как информационный и оценочный остаются недостаточно сформированными. Делается вывод о том, что выявленная асимметрия определяет приоритеты совершенствования всей системы взаимодействия и образует методологическую основу для разработки направлений ее развития.

Ключевые слова: организационный механизм, взаимодействие, территориальные органы МВД России, органы местного самоуправления, охрана общественного порядка, единая система публичной власти, координационное совещание, эффективность взаимодействия.

DUBOVIKHIN Denis Borisovich,
adjunct, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Moscow, Russian Federation

Supervisor:
ZAKHATOV Igor Yuryevich,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the
Department of Internal Affairs. Academy of Management of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

THE FOUR-COMPONENT MODEL OF THE ORGANIZATIONAL MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN THE TERRITORIAL BODIES OF THE MIA OF RUSSIA AT THE DISTRICT LEVEL AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES ON PUBLIC ORDER PROTECTION

Annotation. Based on the analysis of doctrinal sources, current legislation and law-enforcement practice, the article proposes an author's model of the organizational mechanism of interaction between the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level and local self-government bodies on issues of public order protection, formed by four interrelated components — institutional, functional, informational and evaluative. The thesis on the asymmetry of their development in current practice is substantiated: the institutional and functional components have received predominant development, while the informational and evaluative ones remain insufficiently formed. It is concluded that the identified asymmetry determines the priorities for improving the entire system of interaction.

Key words: organizational mechanism, interaction, territorial bodies of the MIA of Russia, local self-government bodies, public order protection, unified system of public power, coordination meeting, interaction efficiency.

Введение

Правовое регулирование взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления образует лишь нормативную основу их совместной деятельности. Само же взаимодействие реализуется не на уровне норм права, а на уровне их практического осуществления — через систему конкретных организационных форм, процедур, институтов и информационных потоков, в совокупности образующих организационный механизм такого взаимодействия. Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и закрепление конституционной концепции единой системы публичной власти актуализировали потребность в системном осмыслении организационной составляющей данного взаимодействия.

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием работ, посвященных отдельным аспектам взаимодействия органов внутренних дел с органами публичной власти. Значимый вклад в разработку категории организационного механизма внес И.Ю. Захватов, рассматривающий ее в тесной связи с понятием организационно-правового механизма [2, с. 168]. Элементы такого механизма раскрыты в работах О.В. Петровой [5], формы и принципы взаимодействия — в трудах В.Н. Амельчаковой и Г.Н. Кирилловой [1], а необходимость развития оценочной составляющей обоснована Н.Е. Ильиной [3]. Принципиальное значение для понимания терминологии имеет работа А.М. Кононова и О.В. Петровой о соотношении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» [4]. Вместе с тем комплексному структурированию организационного механизма взаимодействия именно с органами местного самоуправления уделено недостаточно внимания.

Целью статьи является построение целостной модели организационного механизма взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного само-

управления. Для ее достижения решаются задачи выделения компонентов механизма, раскрытия их содержания и оценки уровня их развития в действующей практике. Методологическую основу составили системный подход, формально-юридический и структурно-функциональный методы, а также анализ материалов правоприменительной практики.

Основные компоненты организационного механизма

Обобщение доктринальных подходов с учетом современного состояния правового регулирования и практики позволяет предложить авторскую модель, согласно которой организационный механизм взаимодействия образуют четыре взаимосвязанных компонента — институциональный, функциональный, информационный и оценочный. Методологическое значение модели состоит в том, что она охватывает все основные аспекты практической реализации взаимодействия, позволяет дифференцированно оценить состояние каждого компонента и создает логическую основу для структурирования направлений совершенствования механизма.

Институциональный компонент образуют постоянно и временно действующие коллегиальные и совещательные органы. На региональном уровне это координационные совещания по обеспечению правопорядка, образованные во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 1535; существенно, что организация взаимодействия органов местного самоуправления с территориальными органами МВД России прямо отнесена данным Указом к самостоятельной задаче таких совещаний. На муниципальном уровне компонент представлен межведомственными комиссиями по профилактике правонарушений, антитеррористическими и антинаркотическими комиссиями, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также временно создаваемыми штабами по обеспечению порядка при проведении массовых мероприятий. Сложившаяся система носит многоуровневый

и многоканальный характер, что создает как преимущества, так и риск дублирования функций.

Функциональный компонент образуют конкретные формы совместной деятельности: совместное планирование, совместное проведение мероприятий по охране порядка, информационный обмен, совместная профилактика в рамках муниципальных программ, поддержка народных дружин, согласование позиций по нормотворчеству, согласованное реагирование на чрезвычайные обстоятельства. Если в доктрине традиционно выделяются организационно-управленческая и организационно-тактическая формы взаимодействия [1], то предлагаемая модель развивает эту классификацию, дополняя ее информационным и оценочным компонентами, ранее не получавшими самостоятельного выделения.

Информационный компонент приобретает значение, выходящее за рамки технической составляющей. Его содержание образуют обмен аналитической и статистической информацией, внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», взаимодействие в системах профилактического учета. Особенностью данного компонента является то, что комплекс «Безопасный город» в значительной части финансируется и эксплуатируется органами местного самоуправления, тогда как поступающая информация используется главным образом органами внутренних дел. Вместе с тем компонент характеризуется существенными дефектами: отсутствуют единые требования к содержанию, периодичности и формам обмена; сохраняется технологическая неоднородность систем; имеют место коллизии законодательства о персональных данных и о служебной тайне.

Оценочный компонент, призванный обеспечивать измерение результативности взаимодействия, развит слабее остальных. В настоящее время отсутствует единая нормативно установленная система критериев и показателей оценки именно взаимодействия как совместной деятельности двух субъектов. Существующие механизмы носят отраслевой характер – ведомственная оценка деятельности органов внутренних дел, с одной стороны, и оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления с другой, однако показатели, специально характеризующие их взаимодействие, в самостоятельный блок не выделены.

Асимметрия развития компонентов

Сопоставление состояния четырех компонентов позволяет сформулировать центральный тезис исследования: в действующей практике компоненты развиты неравномерно. Институциональный и функциональный компоненты сформиро-

вались относительно полно, тогда как информационный и оценочный остаются недостаточно развитыми. Эта асимметрия создает структурный дисбаланс всей системы и снижает ее управляемость.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что организационный механизм взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с органами местного самоуправления целесообразно структурировать в виде четырех взаимосвязанных компонентов – институционального, функционального, информационного и оценочного. В действующей практике эти компоненты развиты асимметрично: при достаточной зрелости институционального и функционального компонентов информационный и оценочный остаются недостаточно сформированными. Выявленная асимметрия определяет приоритеты совершенствования: первоочередного внимания требуют именно информационный и оценочный компоненты, разработка которых должна стать одним из ключевых направлений развития всей системы взаимодействия в условиях перехода к единой системе публичной власти.

Список литературы:

- [1] Амельчакова, В.Н. Формы и принципы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с органами государственной власти / В.Н. Амельчакова, Г.Н. Кириллова // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 45–48.
- [2] Захватов, И.Ю. К вопросу о механизме взаимодействия органов внутренних дел с региональными органами государственной власти / И.Ю. Захватов, С.А. Потапова, Л.А. Судолова // Закон и право. 2022. № 10. С. 167–171.
- [3] Ильина, Н.Е. Принципы взаимодействия территориальных подразделений полиции с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления / Н.Е. Ильина. Москва, 2021. 184 с.
- [4] Кононов, А.М. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне / А.М. Кононов, О.В. Петрова // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 12–18.
- [5] Петрова, О.В. О некоторых элементах организационного механизма взаимодействия территориальных органов МВД России с региональными органами государственной власти в сфере правоохраны / О. В. Петрова // Systems and Management. 2019. Vol. 1, № 2. С. 48–55.

References:

[1] Amelchakova, V.N. Forms and principles of interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation with state authorities/V.N. Amelchakova, G.N. Kirillova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 6. S. 45-48.

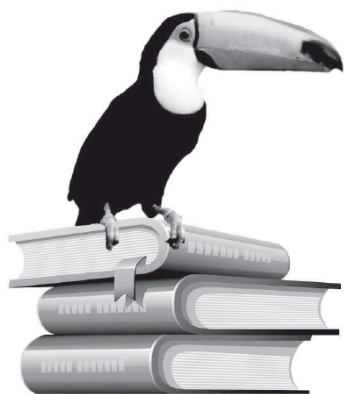
[2] Zakhvatov, I.Yu. On the issue of the mechanism of interaction of internal affairs bodies with regional government bodies/I.Yu. Zakhvatov, S.A. Potapova, L.A. Sudolova // Law and Law. 2022. № 10. S. 167-171.

[3] Ilyina, N.E. The principles of interaction of territorial police units with state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and

local authorities/N.E. Ilyina. Moscow, 2021. 184 pp.

[4] Kononov, A.M. On the application of the concepts of "interaction" and "cooperation" in the agreements of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its territorial bodies at the regional level/ A.M. Kononov, O.V. Petrova // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1. S. 12-18.

[5] Petrova, O.V. On some elements of the organizational mechanism of interaction between the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and regional state authorities in the field of law enforcement/O. V. Petrova // Systems and Management. 2019. Vol. 1, № 2. S. 48-55.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-131-136

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

ЧЕБОТАРЕВА Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Правовое обеспечение государственного управления и
экономики» Российский университет транспорта (МИИТ),
г. Москва, Россия,
e-mail: a.a.tchebotareva@gmail.com

НИКУЛИНА Виктория Андреевна,
аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного
управления и экономики» Российский университет
транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия,
e-mail: vicka99.99@mail.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ КОНТРОЛЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. В статье исследуются дистанционные методики контроля и процессы цифровизации контрольно-надзорной деятельности на железнодорожном транспорте. Рассматриваются правовые основы внедрения дистанционных форм контроля, анализируются ключевые информационные системы (ГИС ТОР КНД, ЕГИС ОТБ, КИАСК-ТС-РВ), применяемые в надзорной практике. Особое внимание уделено постоянному рейду как специальному режиму дистанционного контроля, а также использованию технологий искусственного интеллекта и автоматизированного мониторинга. Выявлены актуальные проблемы внедрения цифровых инструментов и предложены направления дальнейшего совершенствования дистанционного контроля.

Ключевые слова: дистанционный контроль, цифровизация, контрольно-надзорная деятельность, железнодорожный транспорт, информационные системы, постоянный рейд, ГЛОНАСС, транспортная безопасность.

CHEBOTAREVA Anna,
Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department "Legal
Support for Public Administration and Economics" of the Russian
University of Transport, Moscow, Russian Federation.

NIKULINA Victoria,
postgraduate student of the Department "Legal Support for Public
Administration and Economics" of the Russian University of
Transport, Moscow, Russian Federation

REMOTE CONTROL METHODS AND DIGITALIZATION OF CONTROL AND SUPERVISORY MEASURES IN RAILWAY TRANSPORT

Annotation. The article explores remote control methods and processes of digitalization of control and supervisory activities in railway transport. The legal basis for the introduction of remote forms of control is considered, key information systems (GIS TOR KND, EGIS OTB, KIASK-TS-RV) used in supervisory practice are analyzed. Particular attention is paid to the constant raid as a special remote control mode, as well as the use of artificial intelligence technologies and automated monitoring. Actual problems of introducing digital tools have been identified and directions for further improving remote control have been proposed.

Key words: remote control, digitalization, control and supervisory activities, railway transport, information systems, constant raid, GLONASS, transport safety.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления является одним из приоритетных направлений развития Российской Федерации [1]. Внедрение цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность на железнодорожном транспорте представляет собой закономерный этап реформирования системы государственного контроля (надзора), начатый с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2]. Дистанционные методики контроля приобретают особое значение в условиях масштабной цифровизации транспортного комплекса, предусмотренной Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [3].

Правовые основы внедрения дистанционных методик контроля

Правовой фундамент цифровизации контрольно-надзорной деятельности на железнодорожном транспорте составляют несколько уровней нормативного регулирования. Федеральный закон № 248-ФЗ закрепил возможность использования дистанционных форматов взаимодействия с контролируемыми лицами, включая применение средств аудио- и видеосвязи, что создало предпосылки для развития дистанционного контроля.

Ведомственная целевая программа «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации», утвержденная Минтранс России в 2019 году, определила стратегические ориентиры цифровой трансформации отрасли [4]. Паспорт «Стратегии цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации» конкретизировал направления внедрения цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность [5].

Как отмечает О.И. Мамина, цифровизация государственного контроля (надзора) в сфере транспорта является одним из важнейших направлений современной реформы контрольно-надзорной деятельности, обеспечивающим переход к риск-ориентированному подходу и снижению административной нагрузки на бизнес [6, с. 39]. Данный тезис поддерживается и другими исследователями, указывающими на потенциал цифровых технологий в профилактике нарушений обязательных требований [7, с. 44].

Ключевым институциональным звеном внедрения дистанционных методик выступает Управление развития дистанционного автоматизированного контроля (надзора) Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, созданное в соответствии с приказом Ространснадзора от

27.02.2024 № ВБ-64фс [8]. Данное подразделение аккумулирует функции по развитию и внедрению автоматизированных систем дистанционного контроля.

Дистанционный мониторинг и автоматизированные системы контроля

Дистанционный мониторинг как форма контроля предполагает использование технических средств, позволяющих осуществлять наблюдение за соблюдением обязательных требований без непосредственного взаимодействия с контролируемым лицом. Как подчеркивают С.М. Зубарев и А.В. Сладкова, цифровые технологии контроля в сфере государственного управления обладают значительным потенциалом, позволяя обеспечить непрерывность и объективность контрольных мероприятий [9, с. 53].

На железнодорожном транспорте дистанционный мониторинг реализуется посредством нескольких ключевых систем. Комплексная информационно-аналитическая система контроля транспортных средств с использованием навигационных технологий ГЛОНАСС (КИАСК-ТС-РВ) обеспечивает контроль за безопасностью перевозок пассажиров в режиме реального времени [10]. Система позволяет отслеживать местоположение, скорость движения, соблюдение режима труда и отдыха локомотивных бригад.

А.В. Мартынов справедливо отмечает, что использование современных цифровых технологий при осуществлении профилактической деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти позволяет существенно повысить эффективность предупредительных мероприятий, минимизировав непосредственное вмешательство в деятельность хозяйствующих субъектов [11, с. 48].

Единая государственная информатическая система обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ), введенная Постановлением Правительства РФ от 01.08.2023 № 1251, обеспечивает централизованный сбор, обработку и анализ данных о состоянии транспортной безопасности на объектах железнодорожного транспорта [12]. Система интегрирует информацию от технических средств обеспечения транспортной безопасности, установленных на объектах транспортной инфраструктуры.

По мнению С.Н. Зайковой, дистанционные формы контроля особенно эффективны при обеспечении транспортной безопасности, поскольку позволяют осуществлять непрерывный мониторинг состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства [13, с. 79].

Значимым инструментом цифровизации вы-

ступает государственная информатическая система «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» (ГИС ТОР КНД), обеспечивающая автоматизацию процессов планирования, проведения и учета результатов контрольно-надзорных мероприятий [14]. Система позволяет формировать планы проверок в электронном виде, вести учет результатов контрольных мероприятий и формировать аналитическую отчетность.

Информационные системы в механизме дистанционного контроля

Эффективность дистанционных методик контроля напрямую зависит от уровня развития обеспечивающих информационных систем. Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ закрепил принцип цифровизации контрольно-надзорной деятельности, создав правовую основу для внедрения реестровых моделей учета обязательных требований [15].

Как указывает М.А. Бажина, основные тенденции развития правового регулирования осуществления перевозок грузов в условиях цифровизации связаны с переходом к электронному документообороту и автоматизации контрольных процедур [16]. Электронный документооборот позволяет существенно сократить временные и административные издержки при проведении контрольных мероприятий.

Приказом Ространснадзора от 23.12.2022 № ВБ-591фс утверждены формы проверочных листов, применяемых при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта [17]. Цифровой формат проверочных листов позволяет автоматизировать процесс оценки соблюдения обязательных требований и минимизировать влияние человеческого фактора.

В.А. Вайпан обоснованно отмечает, что правовое обеспечение цифровой трансформации транспортного комплекса России требует комплексного подхода, учитывающего как технические аспекты внедрения цифровых технологий, так и необходимость защиты прав участников правоотношений [18].

Федеральная государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» обеспечивает публичный доступ к сведениям о проводимых проверках, их результатах и принятых мерах [19]. Система, оператором которой выступает Генеральная прокуратура Российской Федерации, реализует принцип открытости контрольно-надзорной деятельности, способствуя повышению уровня доверия между контролирующими органами и подконтрольными

субъектами.

Проблемы и перспективы развития дистанционных методик

Несмотря на значительные достижения в сфере цифровизации контрольно-надзорной деятельности, сохраняется ряд проблем, требующих разрешения. Как указывают Е.А. Артеменко и А.М. Цирин, цифровые технологии и искусственный интеллект открывают широкие возможности для профилактики коррупционных проявлений в контрольной (надзорной) деятельности, однако их внедрение сопряжено с необходимостью решения комплекса правовых и организационных вопросов [20, с. 126].

Среди основных проблем следует выделить фрагментарность информационных систем, отсутствие унифицированных протоколов обмена данными между различными платформами, а также недостаточный уровень автоматизации аналитической обработки данных. Кроме того, сохраняется необходимость совершенствования правового регулирования процедур дистанционного контроля, особенно в части обеспечения достоверности и юридической значимости данных, получаемых с использованием автоматизированных систем.

Как обоснованно утверждают А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов и А.В. Калмыкова, реформа государственного контроля (надзора) должна носить комплексный характер, охватывая не только процедурные аспекты, но и вопросы цифровизации, кадрового обеспечения и эффективности контрольно-надзорных мероприятий [21, с. 34].

Ведомственный проект «Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере транспорта Российской Федерации» предусматривает внедрение индикативных показателей, позволяющих оценивать эффективность дистанционных форм контроля [22]. Приказом Минтранса России от 09.11.2021 № 383 утверждены индикативные показатели федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта [23].

Перспективным направлением развития дистанционных методик является внедрение технологий искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных, автоматического выявления признаков нарушений обязательных требований и прогнозирования рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям. Однако правовое регулирование применения искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности требует дальнейшего совершенствования.

Заключение

Дистанционные методики контроля цифро-

визации осуществления контрольно-надзорных мероприятий на железнодорожном транспорте проходят этап активного становления и развития. Внедрение ГИС ТОР КНД, ЕГИС ОТБ, КИАСК-ТС-РВ и иных информационных систем создает технологическую основу для перехода к качественно новому уровню государственного контроля (надзора), основанному на принципах риск-ориентированного подхода, непрерывного мониторинга и профилактики нарушений.

Дальнейшее развитие дистанционных методов контроля должно осуществляться на основе комплексного подхода, обеспечивающего согласованное развитие правовых, организационных и технологических составляющих цифровизации контрольно-надзорной деятельности. Ключевыми задачами являются унификация информационных систем, обеспечение интероперабельности платформ, развитие нормативной базы применения искусственного интеллекта и автоматизированных алгоритмов обработки данных.

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30 (часть II). Ст. 4885.
- [2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.
- [3] Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 49 (часть II). Ст. 7647.
- [4] Ведомственная целевая программа «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации»: утверждена Минтрансом России 05.09.2019 // Официальный сайт Минтранса России (mintrans.gov.ru).
- [5] Паспорт «Стратегии цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации» (утв. Минтрансом России) // Официальный сайт Минтранса России (mintrans.gov.ru).
- [6] Мамина О.И. Цифровизация государственного контроля (надзора) в сфере транспорта как направление современной реформы контрольно-надзорной деятельности // Транспортное право и безопасность. 2020. № 1 (33). С. 39-47.
- [7] Смирнова Е.Н. Профилактика нарушений обязательных требований как важнейшее направление деятельности органов исполнительной власти, осуществляющих функции контроля и надзора // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 44-47.
- [8] Приказ Ространснадзора от 27.02.2024 № ВБ-64фс «Об утверждении Положения об Управлении развития дистанционного автоматизированного контроля (надзора) Федеральной службы по надзору в сфере транспорта» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2024. 01 марта.
- [9] Зубарев С.М., Сладкова А.В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 53-59.
- [10] Ведомственные программы цифровой трансформации Федеральной службы по надзору в сфере транспорта / Комплексная информационно-аналитическая система контроля транспортных средств с использованием навигационных технологий ГЛОНАСС при осуществлении контроля за безопасностью перевозок пассажиров в режиме реального времени (КИАСК-ТС-РВ) // URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatelnost/32..>
- [11] Мартынов А.В. Использование современных цифровых технологий при осуществлении профилактической деятельности контрольно-надзорных органов исполнительной власти // Юрист. 2020. № 10. С. 48-56.
- [12] Постановление Правительства РФ от 01.08.2023 № 1251 «Об утверждении Положения о единой государственной информационной системе обеспечения транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (часть I). Ст. 5233.
- [13] Зайкова С.Н. Об отдельных направлениях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения транспортной безопасности на железнодорожном транспорте // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 6 (199). С. 79-89.
- [14] ГИС ТОР КНД // URL: <https://tor.knd.gov.ru/login..>
- [15] Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5005.
- [16] Бажина М.А. Основные тенденции развития правового регулирования осуществления перевозок грузов в условиях цифровизации // Юрист. 2021. № 11.
- [17] Приказ Ространснадзора от 23.12.2022 № ВБ-591фс «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении контролируемым лицом обязательных требований), применяемых Федеральной службой по надзору в сфере транспорта и ее территориаль-

ными органами при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2022. 29 дек.

[18] Вайпан В.А. Правовое обеспечение цифровой трансформации транспортного комплекса России // Транспортное право. 2022. № 3.

[19] Генеральная прокуратура Российской Федерации. ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий. ФГИС «Единый реестр проверок» // URL: <https://proverki.gov.ru/portal..>

[20] Артеменко Е.А., Цирин А.М. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126-142.

[21] Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 34-46.

[22] Ведомственный проект «Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере транспорта Российской Федерации» // Официальный сайт Ространснадзора (rostransnadzor.gov.ru).

[23] Приказ Минтранса России от 09.11.2021 № 383 «Об утверждении индикативных показателей федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2021. 12 нояб.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 30 (part II). Art. 4885.

[2] Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5006.

[3] Order of the Government of the Russian Federation of 27.11.2021 No. 3363-r "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 49 (part II). Art. 7647.

[4] Departmental target program "Digital platform of the transport complex of the Russian Federation": approved by the Ministry of Transport of Russia 05.09.2019 // Official website of the Ministry

of Transport of Russia (mintrans.gov.ru).

[5] Passport of the Strategy for Digital Transformation of the Transport Industry of the Russian Federation (approved by Ministry of Transport of Russia) // Official website of the Ministry of Transport of Russia (mintrans.gov.ru).

[6] Mamina O.I. Digitalization of state control (supervision) in the field of transport as a direction of modern reform of control and supervisory activities // Transport law and safety. 2020. № 1 (33). S. 39-47.

[7] Smirnova E.N. Prevention of violations of mandatory requirements as the most important area of activity of executive authorities exercising control and supervision functions // Administrative law and process. 2018. № 4. S. 44-47.

[8] Order of Rostransnadzor No. VB-64fs dated 27.02.2024 "On Approval of the Regulation on the Department for the Development of Remote Automated Control (Supervision) of the Federal Service for Supervision in the Field of Transport" // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). 2024. March 01.

[9] Zubarev S.M., Sladkova A.V. On the concept and essence of digital control technologies in the field of public administration // Administrative law and process. 2019. № 9. S. 53-59.

[10] Departmental programs for digital transformation of the Federal Service for Supervision of Transport/Integrated information and analytical system for vehicle control using GLONASS navigation technologies when monitoring the safety of passenger transportation in real time (KIASK-TS-RV) // URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatelnost/32..>

[11] Martynov A.V. Use of modern digital technologies in the implementation of preventive activities of control and supervisory bodies of executive power // Lawyer. 2020. № 10. S. 48-56.

[12] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.08.2023 No. 1251 "On Approval of the Regulation on the Unified State Information System for Ensuring Transport Security" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32 (Part I). Art. 5233.

[13] S.N. Zaykova. On certain areas of improvement of control and supervisory activities in the field of ensuring transport safety in railway transport // Lex Russica (Russian law). 2023. Т. 76. № 6 (199). S. 79-89.

[14] GIS TOR LPC // URL: <https://tor.knd.gov.ru/login..>

[15] Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" dated 31.07.2020 No. 247-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5005.

[16] Bazhina M.A. Main trends in the development of legal regulation of cargo transportation in the context of digitalization // Lawyer. 2021. № 11.

[17] Order of Rostransnadzor of 23.12.2022 No. VB-591fs "On approval of forms of checklists (checklists, answers to which indicate compliance or non-compliance by a controlled person with mandatory requirements) used by the Federal Service for Supervision of Transport and its territorial bodies in the implementation of federal state control (supervision) in the field of railway transport" // Official Internet portal of legal information ([pravo.gov.ru] (<http://pravo.gov.ru>)). 2022. Dec. 29.

[18] Vaipan V.A. Legal support of the digital transformation of the transport complex of Russia // Transport law. 2022. № 3.

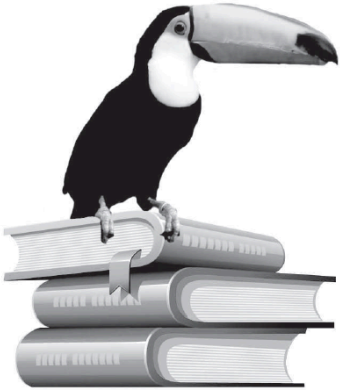
[19] Prosecutor General's Office of the Russian Federation. FSIS "Unified Register of Control (Supervisory) Measures. FSIS "Unified Register of Inspections" // URL: <https://proverka.gov.ru/portal..>

[20] Artemenko E.A., Tsirin A.M. Digital technologies and artificial intelligence as a means of preventing manifestations of corruption in control (supervisory) activities: domestic and foreign experience // Journal of Russian Law. 2023. VOL. 27. № 3. С. 126-142.

[21] Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. Reform of state control (supervision) and municipal control // Journal of Russian Law. 2017. № 9. С. 34-46.

[22] Departmental project "Improvement of control and supervisory activities in the field of transport of the Russian Federation" // Official website of Rostransnadzor ([rostransnadzor.gov.ru] (<http://rostransnadzor.gov.ru>)).

[23] Order of the Ministry of Transport of Russia of 09.11.2021 No. 383 "On approval of indicative indicators of federal state control (supervision) in the field of railway transport" // Official Internet portal of legal information ([pravo.gov.ru] (<http://pravo.gov.ru>)). 2021. Nov. 12.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-137-141

Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

МУСАТОВ Владимир Викторович,

Аспирант юридического факультета Финансового
университета при правительстве Российской Федерации,
e-mail: musatov.vladimir2001@gmail.com

Научный руководитель

ПОПОВА Наталия Федоровна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
международного и публичного права юридического
факультета Финансового университета при правительстве
Российской Федерации,
e-mail: popova@fa.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ СЕГМЕНТ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что цифровые права в российском праве эволюционировали из частноправовой конструкции, предназначенной для фиксации отдельных имущественных прав в информационной системе, в особую форму финансовых инструментов, формирующую самостоятельный цифровой сегмент финансового рынка. Доказывается, что их современная правовая природа раскрывается через совокупность трех признаков: функциональную близость к классическим финансовым инструментам, наличие собственных видов цифровых активов и существование самостоятельной инфраструктуры выпуска, учета и обращения под надзором Банка России. Показано, что цифровые права занимают промежуточное положение между объектом гражданских прав и инструментом организованного финансового рынка: они во многом развиваются по логике рынка ценных бумаг, однако не растворяются в нем и не утрачивают собственной регуляторной идентичности. Особое внимание уделяется долговым цифровым финансовым активам как функциональному аналогу облигаций, институту иностранных цифровых прав и законопроекту № 1194918-8, который усиливает тенденцию к институциональному оформлению цифрового сегмента финансового рынка через введение новых категорий цифровых инструментов и элементов специальной инфраструктуры.

Ключевые слова: Цифровые права; цифровые финансовые активы; долговые цифровые финансовые активы; иностранные цифровые права; финансовый рынок; рынок ценных бумаг; информационная система; оператор информационной системы; оператор обмена; цифровой депозитарий; Банк России; финансово-правовое регулирование.

MUSATOV Vladimir V.,

Postgraduate Student, Faculty of Law, Financial University under
the Government of the Russian Federation

Research supervisor

POPOVA Natalia F.,

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of
International and Public Law, Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

DIGITAL RIGHTS AS AN INDEPENDENT DIGITAL SEGMENT OF THE FINANCIAL MARKET

Annotation. The article substantiates the proposition that digital rights in Russian law have evolved from a private-law construct intended to record certain proprietary rights within an information system into a distinct form of financial instruments constituting an independent digital segment of the

financial market. It is argued that their contemporary legal nature is revealed through a combination of three features: their functional proximity to traditional financial instruments, the existence of their own categories of digital assets, and the presence of an independent infrastructure for issuance, accounting, and circulation operating under the supervision of the Bank of Russia.

The study demonstrates that digital rights occupy an intermediate position between an object of civil rights and an instrument of the organized financial market: although they largely develop according to the logic of the securities market, they neither dissolve into it nor lose their own regulatory identity. Particular attention is devoted to debt-based digital financial assets as a functional analogue of bonds, the institution of foreign digital rights, and Draft Law No. 1194918-8, which reinforces the trend toward the institutionalization of the digital segment of the financial market through the introduction of new categories of digital instruments and elements of specialized infrastructure.

Key words: *Digital rights; digital financial assets; debt-based digital financial assets; foreign digital rights; financial market; securities market; information system; information system operator; exchange operator; digital depository; Bank of Russia; financial law regulation.*

Исходная нормативная точка исследования закреплена в ст. 128 и 141.1 ГК РФ [10]. Российский законодатель отнес цифровые права к объектам гражданских прав и определил их как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются по правилам информационной системы. С одной стороны, она демонстрирует частноправовую исходную природу цифровых прав. С другой стороны, она сразу выводит их за пределы классического гражданско-правового инструментария, поскольку существование и оборот права связываются не только с волей сторон, но и с технологически и нормативно организованной средой обращения.

Именно поэтому в доктрине первоначально преобладал осторожный подход, согласно которому цифровые права не образуют нового самостоятельного имущественного права, а представляют собой новую форму юридической фиксации уже известных правомочий. Такой взгляд отражен в работах Л.Ю. Василевской и Е.А. Суханова, которые фактически связывали цифровое право не с возникновением нового объекта имущественной природы, а с особым способом существования обязательственных и иных прав в цифровой среде. Аналогично А.А. Волос указывал на ограничительный характер законодательной конструкции ст. 141.1 ГК РФ и на невозможность ее произвольного распространения на любые цифровые активы [2; 3; 5]. Данная линия рассуждений сохраняет методологическую ценность, однако в ее чистом виде уже недостаточна для объяснения современной практики обращения цифровых прав.

Недостаточность чисто цивилистического объяснения обусловлена тем, что в реальном обороте цифровые права начали выполнять не только удостоверительную, но и рыночную функцию. Их выпуск, учет, передача, обременение и допуск к обращению осуществляются через специальные информационные системы; круг участ-

ников ограничивается субъектами, включенными в специальные реестры; надзорные полномочия сосредоточены у Банка России; а отдельные цифровые инструменты по своим экономическим свойствам воспроизводят конструкцию долгового, инвестиционного либо квазиценно-бумажного инструмента. Следовательно, если на уровне общей теории гражданского права цифровые права могут рассматриваться как форма фиксации имущественных прав [11], то на уровне функционирования финансового рынка они уже выступают как новая форма финансовых инструментов. Именно в этом состоит ключевое изменение: цифровые права — это не просто «оцифрованные права», а права, получившие самостоятельную рыночную функцию [4].

Место цифровых прав в системе финансового оборота следует определять как смежное по отношению к рынку ценных бумаг. Федеральный закон № 259-ФЗ [12] закрепляет, что его требования не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств и выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг. Одновременно тот же закон предусматривает, что выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами, регулируются Законом о рынке ценных бумаг [13] с учетом специальных особенностей. Следовательно, законодатель сознательно развел три близких, но не совпадающих режима: классические ценные бумаги, платежные инструменты и цифровые права. Это означает, что цифровые права развиваются рядом с рынком ценных бумаг, заимствуя его логику учета, обращения и допуска, но не утрачивая собственной нормативной автономии.

Наиболее наглядно финансово-инструментальная природа цифровых прав проявляется во внутренней типологии этой категории. Федеральный закон № 259-ФЗ [14] определяет цифровые

финансовые активы как цифровые права, которые могут включать денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Более того, с конца 2025 г. законодатель специально выделил долговые цифровые финансовые активы, включающие исключительно денежные требования, исполняемые только денежными средствами. По сути законодатель формирует внутри цифровых прав отдельные подвиды финансовых инструментов с собственной экономико-правовой функцией. Именно поэтому долговые ЦФА допустимо рассматривать как функциональный аналог облигаций, хотя и не как их юридический тождественный эквивалент. Такое сопоставление не стирает различий между классическим долговым рынком и цифровым сегментом, но демонстрирует, что цифровые права воспроизводят базовую архитектуру финансового рынка в новом технологическом формате [1].

Важным подтверждением самостоятельности цифрового сегмента финансового рынка является и появление института иностранных цифровых прав. Банк России в мае 2025 г. специально разъяснил, что такие инструменты могут обращаться в России, если по своему содержанию они аналогичны российским цифровым финансовым активам и соответствуют дополнительным критериям регулятора. Эти критерии направлены не на техническое признание актива, а на селективный допуск трансграничного цифрового инструмента в российский регулируемый оборот: иностранные цифровые права не должны быть связаны с ценными бумагами недружественных эмитентов, не должны удостоверять права на получение недопущенных инструментов или криптовалюты, а условия их выпуска не должны предполагать блокировку со стороны эмитента либо рассмотрение споров исключительно в недружественных юрисдикциях [15]. Следовательно, иностранные цифровые права занимают промежуточное положение между внутренними цифровыми правами и трансграничными финансовыми инструментами. Уже одно это обстоятельство показывает, что исследуемая конструкция развивается по правилам финансового рынка, где вопрос допуска актива к обращению имеет не меньшее значение, чем вопрос его частноправовой квалификации. [2]

Рыночная статистика также подтверждает, что цифровые права перестали быть единичным экспериментом. Согласно обзору Банка России за 2025 год, в реестр операторов информационных систем были включены новые участники, общее число операторов выросло до 19, а совокупный

объем размещенных ЦФА достиг 1,65 трлн руб. При этом около 98% всего размещенного объема ЦФА в 2023–2025 гг. составили долговые выпуски, сопоставимые с облигациями по природе денежного требования [1]. Эти данные демонстрируют несколько интересных моментов. Во-первых, они подтверждают, что внутри цифровых прав уже доминируют не случайные конструкции, а устойчивый класс долговых инструментов. Во-вторых, они свидетельствуют о формировании полноценного сегмента рынка с массовым выпуском и повторяющимися моделями заимствования. В-третьих, сам Банк России описывает рынок ЦФА через понятия инфраструктуры, эмиссии, концентрации, дефолтов и посредников, то есть через категории, характерные именно для финансового рынка, а не для нейтрального гражданского оборота.

Сказанное позволяет точнее определить соотношение цифровых прав и ценных бумаг. Представляется некорректным утверждать, что цифровые права уже стали новой разновидностью ценных бумаг в формально-юридическом смысле. Однако не менее некорректно отрицать, что они являются новой итерацией финансовых инструментов, исторически и функционально продолжающей логику развития рынка ценных бумаг. Подобно тому как бездокументарная ценная бумага в свое время изменила форму существования классической бумаги, цифровое право меняет форму возникновения, обращения и учета имущественного притязания, связывая его не с документом и не только с реестровой записью, а с правилами информационной системы и цифровой инфраструктурой исполнения. В этом смысле цифровые права наследуют рынку ценных бумаг его инвестиционную и оборотную функцию, но переводят ее в иной технологический и нормативный контур [5].

Специальный режим регулирования цифровых прав проявляется и в том, что их оборот не исчерпывается гражданским правом. Закон № 259-ФЗ [16] встроен в систему публичного финансового регулирования: он предполагает надзор Банка России, специальные требования к инфраструктурным субъектам, ограничения по допуску отдельных инструментов, защиту квалифицированных и неквалифицированных инвесторов, а в смежных вопросах — связь с законодательством о противодействии легализации преступных доходов, о рынке ценных бумаг и о национальной платежной системе. На этом фоне доктринально верным представляется вывод М.А. Лапиной и П.А. Патрикеева о необходимости финансово-правового осмысления цифровых активов, а также позиция А.И. Химченко, согласно которой ЦФА трансформируют инвестиционную инфраструктуру и актуализируют вопросы доверия и защиты

инвестора [4; 7]. Следовательно, специальный режим регулирования цифровых прав не является факультативным приложением к гражданскому обороту; напротив, именно он превращает цифровые права в элемент организованного финансового рынка.

Дополнительным доказательством данной тенденции выступает новый законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах», принятый Государственной Думой в первом чтении 8 мая 2026 г. По его конструкции цифровые права перестают восприниматься как фрагментарно урегулированное приложение к закону о ЦФА и получают признаки развернутого институционального рынка. По тексту законопроекта [17] и его описанию предполагается введение понятий обращения цифровых прав, организации их обращения, расширение круга профессиональных участников, а также дальнейшее развитие инфраструктурных элементов, включая цифровой депозитарий и цифровой счет. Нормативный смысл этого проекта состоит не просто в расширении терминологии, а в закреплении модели, при которой цифровые права получают собственную институциональную архитектуру, сопоставимую по сложности с классическим рынком финансовых инструментов. Следовательно, законопроект служит прямым доказательством того, что государство рассматривает цифровые права уже не как частный казус цифровизации имущественного права, а как самостоятельный сектор финансового регулирования [9].

Особое значение законопроект имеет для подтверждения авторской мысли о внутренней дифференциации цифровых прав. Если действующий закон уже знает ЦФА, долговые ЦФА и иностранные цифровые права, то проектное регулирование направлено на дальнейшее таксономическое развертывание цифровых инструментов, объединяя в единое регулирование унитарные цифровые права, вводя понятие гибридных цифровых прав и иные формы. Из этого, как представляется, можно сделать осторожный, но важный вывод: цифровые права развиваются не как единственный объект, а как «семейство» инструментов, внутри которого возможно дальнейшее появление новых подвидов, подобно тому как в традиционном финансовом праве исторически формировались самостоятельные группы долговых, долевого и производных инструментов. В этом состоит принципиальная разница между статичной гражданско-правовой квалификацией и динамикой финансового рынка: на первом уровне мы видим закреплённый объект, на втором — развивающийся класс инструментов с собственной внутренней специализацией [1; 2].

Не менее важно и разграничение цифровых прав со смежными категориями. Закон № 259-ФЗ прямо противопоставляет цифровые финансовые активы и цифровую валюту: если цифровая валюта определяется через отсутствие обязанного лица перед каждым обладателем, то цифровые финансовые активы и иные цифровые права предполагают наличие такого обязанного субъекта либо юридически определенного имущественного требования. Данное различие имеет не только теоретическое, но и системообразующее значение. Оно показывает, что цифровые права не равны криптоактивам в широком смысле и не совпадают с цифровой валютой как инвестиционно-платежным феноменом. Напротив, они занимают более определенное место в правовой системе: это цифровые инструменты, права по которым структурированы, юридически закреплёны и включены в режим регулируемого обращения. Благодаря этому цифровые права оказываются ближе к традиционной конструкции финансового инструмента, чем к нерегулируемому обороту криптоактивов [8].

Таким образом, цифровые права в современном российском праве обоснованно следует квалифицировать как новую форму финансовых инструментов, формирующую самостоятельный цифровой сегмент финансового рынка. Их новизна состоит не в полном разрыве с классическим правом финансового рынка, а в особом способе соединения частноправового содержания и публично-правовой инфраструктуры обращения. Они являются частью эволюции финансовых инструментов и в этом смысле продолжают логику рынка ценных бумаг; однако они не совпадают ни с бездокументарными ценными бумагами, ни с электронными денежными средствами, ни с цифровой валютой. Их самостоятельность подтверждается наличием собственных видов цифровых активов, специальных субъектов инфраструктуры, особого режима допуска к обращению и надзора со стороны Банка России, а также направлением дальнейшего законодательного развития, воплощенным в законопроекте № 1194918-8. Следовательно, цифровые права — это уже не периферийный объект цифровой экономики, а нормативно и институционально оформляющийся сегмент финансового рынка, стоящий рядом с традиционным рынком ценных бумаг и способный в перспективе развиваться как самостоятельная подсистема финансово-правового регулирования [1].

Список литературы:

- [1] Банк России. Обзор финансовых инструментов за 2025 год: аналитический материал. М., 2026.
- [2] Василевская Л.Ю. Токен как новый объект

гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5.

[3] Волос А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Банковское право. 2024. № 3.

[4] Лапина М.А., Патрикеев П.А. Цифровые активы как объект финансовых правоотношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 5.

[5] Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6.

[6] Баракина Е.Ю. Правовой статус оператора цифровой платформы: теория и практика // Финансовое право. 2023. № 2.

[7] Химченко А.И. Цифровые финансовые активы: вопросы защиты прав и доверия инвесторов // Юрист. 2024. № 7.

[8] Грошев С.А. Цифровая валюта и стейблкоин: соотношение понятий для целей налогового регулирования // Налоги и налогообложение. 2024. № 6.

[9] Госдума приняла в первом чтении законопроект о цифровой валюте и цифровых правах // Адвокатская газета. 2026. 8 мая.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

[12] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[13] О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ.

[14] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[15] О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав: Указание Банка России от 01.04.2025 № 7036-У.

[16] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[17] Законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации.

References:

[1] Bank of Russia. Overview of financial instruments for 2025: analytical material. M., 2026.

[2] Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. № 5.

[3] Volos A.A. Digital rights: some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Banking law. 2024. № 3.

[4] Lapina M.A., Patrikeev P.A. Digital assets as an object of financial legal relations // Problems of economics and legal practice. 2019. № 5.

[5] Sukhanov E.A. On the civil law nature of "digital property" // Bulletin of civil law. 2021. № 6.

[6] Barakina E.Yu. Legal status of a digital platform operator: theory and practice // Financial law. 2023. № 2.

[7] Khimchenko A.I. Digital financial assets: issues of investor protection and trust // Lawyer. 2024. № 7.

[8] Groshev S.A. Digital currency and stablecoin: correlation of concepts for tax regulation purposes // Taxes and taxation. 2024. № 6.

[9] The State Duma adopted in the first reading a bill on digital currency and digital rights // Lawyer newspaper. 2026. May 8.

[10] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ.

[11] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ.

[12] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[13] Securities Market: Federal Law No. 22.04.1996 of 39-FZ.

[14] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[15] On additional requirements for foreign digital rights that can be qualified as digital rights: Bank of Russia Ordinance No. 01.04.2025, dated 7036-U.

[16] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[17] Bill No. 1194918-8 "On Digital Currency and Digital Rights" // System for ensuring the legislative activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-142-150

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государства и права юридического факультета
Абхазского государственного университета (г. Сухум,
Республика Абхазия),
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕТОДОЛОГИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКУ

Аннотация. Цель статьи – выявить специфику доктрин общей теории права, сложившихся в первые десятилетия XX века. Показано, что первоначально общую теорию права не рассматривали в качестве отдельной дисциплины: её отождествляли с энциклопедией права, а по своему содержанию она выступала как обобщающий срез юридического знания и практики, концептуализированный в рамках юридической догматики. Однако для превращения данного теоретического обобщения в самостоятельную юридическую науку, способную задать новое направление эволюции правоведения, требовалась такая модель правопонимания, которая, оставаясь в русле позитивизма, расширяла бы его трактовку и выводила источник права за пределы сугубо нормативной формы. Эту функцию во многом взял на себя социологизм, осмысливавший право как особую форму социальности, воплощающую объективные общественные отношения. Автор приходит к выводу, что в контексте бурно развивавшегося социально-гуманитарного знания начала XX столетия общая теория права представляла собой систему теоретического знания о праве, включающего всю совокупность способов его изучения. Ее задача состояла в обосновании правильной интерпретации права и способов его познания. Эта концепция общей теории права нашла свое место в российском правоведении начала XX века и оформилась как альтернативный вариант классических концепций, оставаясь при этом приверженной методологическому ядру юридического позитивизма.

Ключевые слова: философия права, правоведение и его теория, правовая методология, политика и идеология права, правосознание, эволюция российской юридической мысли.

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State
and Law, Faculty of Law Abkhazian State University (Sukhum,
Republic of Abkhazia)

THEORETICAL AND LEGAL CONCEPTS OF THE EARLY 20TH CENTURY AND THEIR IMPACT ON THE METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Annotation. The purpose of the article is to identify the specifics of the doctrines of the general theory of law that developed in the first decades of the twentieth century. It is shown that initially the general theory of law was not considered as a separate discipline: it was identified with the encyclopedia of law, and in its content it acted as a generalizing section of legal knowledge and practice, conceptualized within the framework of legal dogma. However, in order to transform this theoretical generalization into an independent legal science capable of setting a new direction for the evolution of jurisprudence, a model of legal understanding was required that, while remaining in line with positivism, would expand its interpretation and take the source of law beyond a purely normative

form. This function was largely assumed by sociology, which interpreted law as a special form of sociality embodying objective social relations. The author comes to the conclusion that in the context of the rapidly developing socio-humanitarian knowledge of the early twentieth century, the general theory of law was a system of theoretical knowledge about law, including the totality of ways to study it. Her task was to substantiate the correct interpretation of law and the ways of its cognition. This concept of the general theory of law found its place in Russian jurisprudence of the early twentieth century and took shape as an alternative version of classical concepts, while remaining committed to the methodological core of legal positivism.

Key words: *philosophy of law, jurisprudence and its theory, legal methodology, politics and ideology of law, legal awareness, evolution of Russian legal thought.*

Современная общая теория права представляет собой результат многовековой эволюции концептуальных воззрений на право и государственность, истоки которой восходят к философским системам XVII столетия. Именно эпоха Нового времени дала импульс формированию первых доктрин, ставивших своей целью рационально обосновать сущность права на основе чётких критериев объективности. Наиболее влиятельной методологической платформой здесь выступил рационализм: опираясь на господствующие мировоззренческие установки, он обеспечивал научность юридического знания, придавая ему универсальный и необходимый характер. В этих условиях складывается школа естественного права, для которой рационалистическая установка означала признание нормативного приоритета предписаний разума. Данное признание вытекало из убеждения в разумном устройстве универсума, где право осмыслялось как специфическое проявление его фундаментальной сущности.

Концепции естественного права строились на допущении существования вечного, неизменного и универсального закона, укоренённого в разумной природе человека, а потому подлежащего постижению человеческим разумом. Фактически речь шла о своеобразном методе познания права, и этим методом выступал рационализм, который, зародившись в эпоху Нового времени, оставался востребованным и в последующие исторические эпохи, формируя интеллектуальный каркас школы естественного права. Именно Гуго Гроций (1583–1645) первым предложил классическую модель такой доктрины, тем самым положив начало новой исследовательской традиции в юриспруденции. Особое внимание к методологической стороне гроцианского учения проявил выдающийся русский философ права П. И. Новгородцев (1866–1924), видевший в нём своего рода возрождение естественно-правовой идеи. Анализируя творчество голландского мыслителя, он подчёркивал, что главная оригинальность Гроция заключается не столько во вводимых им принципах, сколько в совершенно новом способе рассуждения о праве. По замечанию Новгородцева, автор «О праве

войны и мира» открыл рационалистическое направление в философии права, сделав акцент на методе – строгом логическом анализе, систематизации и обращении к универсальным основаниям человеческого разума. Новгородцев откровенно признавал, что современному читателю трактат Гроция может показаться сухим, тяжеловесным и не столь увлекательным, как иные классические произведения. Чтобы оценить труд, требуются особый интерес и немалое терпение. Однако именно рационалистическая методология обусловила стремительное распространение книги: точность аргументации, системность изложения и требование объективности исследования сделали её авторитетным ориентиром для последующих поколений юристов и философов. Таким образом, тайна успеха Гроция кроется, прежде всего, в его научном инструменте, позволившем придать естественно-правовой мысли непреходящую значимость и интеллектуальную убедительность.

Примечательно, что доктрина естественного права берёт начало в глубокой древности: она формировалась в рамках римской юриспруденции, неизменно сопровождала средневековые схоластические системы и прочно закрепилась в мировоззрении классических английских мыслителей. Однако только у Гуго Гроция «право природы» обрело строгий, рационализированный методологический каркас, ставший образцом научного анализа права той эпохи. На это указывал и П. И. Новгородцев, который, хотя и оценивал вклад голландского мыслителя более сдержанно, чем многие современники, всё же признавал открытое им новое направление философии права. По сути, речь шла о зарождении всеобъемлющей теории права, чья цель — выработать стройную систему универсальных принципов и категорий, раскрыть сущностную природу государственно-правовых феноменов и выявить закономерности их возникновения, трансформации и функционирования.

Философия права этого времени, тождественная естественно-правовой школе, стала первым систематическим опытом раскрыть универсальное содержание и субстанцию права, одно-

временно ориентируясь на решение конкретных, практико-правовых задач управления обществом. Основная цель заключалась в рациональном обосновании «идеи права» – своеобразного зародыша, из которого впоследствии должна была развиваться вся сложная структура позитивного права. Смысл этой идеи сводился к принципу справедливости, понимаемой как требование разума и выражающее внутреннюю логику самой природы человека. Гуго Гроций подчёркивал, что справедливость составляет естественное требование существа, наделённого рассудком: «право есть лишь то, что не противоречит справедливости; несправедливо то, что враждебно природе мыслящих существ» [3, с. 68]. Таким образом, естественное право мыслилось не как набор положительных норм, а как рациональный критерий их легитимности, обеспечивающий согласие между субъективной волей законодателя и объективным порядком, коренящимся в человеческой разумной природе.

Поддерживая суждение П. И. Новгородцева, необходимо признать, что Гуго Гроций почти не расширил содержательную сторону учения о естественном праве. Но именно в этом и проступает специфика его вклада: ценность голландского классика не в новых догматах, а в формулировании эпистемологической процедуры, позволяющей трактовать право как науку. Для интеллектуального климата Нового времени характерна настойчивая ориентация на поиск универсального познавательного инструмента, гарантирующего объективность, всеобщность и проверяемость выводов о любом феномене. Результатом этих поисков стали два магистральных подхода — рационализм и эмпиризм, каждый из которых отвечал озвученным требованиям. Так, рационализм Р. Декарта и эмпиризм Ф. Бэкона заложили фундамент дальнейшего роста научного знания, распределившись по соответствующим дисциплинарным полям. Если «Новый органон» Бэкона стал идейным источником современного экспериментального естествознания, то «Рассуждение о методе» Декарта открывает линию методологии гуманитарных наук; на протяжении долгого времени рационалистическая стратегия оставалась безальтернативной в философском исследовании.

Философская мысль эпохи Просвещения обеспечивала целостное теоретическое знание о праве, служившее методологическим фундаментом для решения конкретных задач модернизации законодательства. Ее главная функция заключалась в аргументации понятия справедливости, неразрывно связанной с категориями личной свободы и юридического равенства, что было критически важно в процессе освобождения общества

от феодальных пережитков. Рационалистическая теория естественного права формировала универсальные аксиологические принципы зарождающегося буржуазного права, определяя идеальный образ новых социально-экономических отношений. Эти ценностные ориентиры были успешно институционализированы и легли в основу конституционных актов молодых государств, наиболее ярко проявившись в Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции в 1789 году.

В то же время зарождение универсального знания о праве в недрах спекулятивно-дедуктивной философии, нацеленной на выявление идеальных первооснов правопорядка грядущей эпохи, изначально не могло обеспечить полноценное синтетическое осмысление позитивного юридического материала и прямо ориентироваться на практику правоприменения. Данная доктрина ограничивалась тем, что предписывала практике собственные абстрактные максима, аргументируя их положением о том, что закон по своей сути должен быть столь же разумным, как и сама теория. Именно эта отчуждённость философии права и школы естественного права от реальной юридической жизни стала их историко-методологическим пределом. Тем не менее философия права оказалась первой попыткой системной интеграции юридического знания, создав прецедент научного подхода к праву.

Ускоренное развитие правоприменительной практики выдвинуло требование пересмотреть традиционные способы систематизации юридических знаний. Новый метод должен опираться на синтез сведений о реально функционирующем позитивном праве, воплощённых в форме общих доктринальных положений и стройной терминологической системы, корни которой ищутся не столько в правовой философии, сколько в отдельных отраслях отраслевого правоведения. Подобный универсальный понятийный каркас необходим и начинающему студенту-юристу, и практикующему адвокату или судье: он позволяет сохранять целостное восприятие права и улавливать его внутреннюю логику. Изначально указанная задача реализовывалась внутри учебной дисциплины «энциклопедия права», предлагавшей панорамный обзор всех юридических наук вместе с историей философии права. Хотя комплекс проблем не был устранён в первые годы существования курса, одну цель всё же удалось достичь — сформировать корпус обобщённых юридических знаний, закреплённый в систематизированном понятийном аппарате.

Следовало бы ожидать, что энциклопедия права взяла на себя миссию становления правовой догматики, однако на деле этого не случи-

лось. Подобные обзорные курсы изначально не стремились к высокой степени методологической выстроенности и к строгому научному обоснованию подаваемого материала. Их назначение было куда более скромным: очертить целостный, пусть и крайне разнородный, панорамный образ юриспруденции как совокупности сведений о праве и государстве, правоприменительной практике, публичном и частном праве, гражданском и уголовном законодательстве, истории и философии права и т. д. При этом отсутствовал общепринятый канон того, как именно необходимо конструировать подобную энциклопедию. Обычно преподаватель ограничивался перечислением отраслей правового знания, а сопровождающий понятийный аппарат оставался без глубокой систематизации: термины получали дефиниции в буквальном, законническом значении. Фактически энциклопедия выступала лишь введением в юриспруденцию и едва ли дотягивала даже до уровня правовой пропедевтики, ибо последняя предполагает изложение основ дисциплины, чего здесь, по сути, не наблюдалось.

Термин «энциклопедия права» был впервые употреблён Иоганном Гунниусом, опубликовавшим труд «Универсальная энциклопедия права» (1638). При этом автор ограничился, по существу, систематическим изложением норм римского и частного гражданского права, а также соответствующего процессуального строя. Несмотря на это, соответствующий курс в течение нескольких столетий читался в университетах Англии, Франции, Германии и России. Хронологически дисциплина зарождается ещё до рационалистической юриспруденции Нового времени и, по-видимому, утрачивает актуальность к началу XX столетия.

Протяжённая эволюция энциклопедии права во многом обусловлена настоящим запросом на систематизированное позитивное юридическое знание, которое не могла полностью удовлетворить даже развитая философия права в университетском куррикулуме. Её устойчивость объясняется также способностью своевременно откликаться на ключевые векторы развития юриспруденции, регулярно предоставляя механизм для теоретической интерпретации и обобщения правоприменительной практики. Уже к началу XIX века энциклопедия права всё настойчивее обращается к доктрине, стремясь утвердиться как полноценная и автономная юридическая наука. Переломный момент произошёл именно в России, где сформировались выдающиеся теоретико-правовые школы, фактически открывшие новое направление правовой науки.

Прежде всего следует подчеркнуть, что «энциклопедия законоведения» изначально концен-

трировала внимание исследователя на позитивном праве, то есть на совокупности действующих нормативных актов, делая их главным предметом анализа и тем самым осознанно противопоставляя себя философии права, сосредоточенной на абстрактной идее справедливости и правового бытия. Такой сугубо нормативистский ракурс идеально соответствовал охранительной стратегии Николая I, сменившей реформаторскую линию Александра I: государству требовалась не спекулятивная, а прикладная юридическая наука, способная легитимировать существующий правовой порядок. В то же время заимствованное из западноевропейской традиции понятие «энциклопедия права» правительственные круги устраивало мало, поскольку оно предполагало существование некоего «права» вне формально установленных законов и, следовательно, оставляло пространство для критики позитивного законодательства. По этой причине Университетский устав 1835 года официально утвердил в учебной программе именно «энциклопедию законоведения». Новая дисциплина базировалась на принципе полного отождествления права и закона и в качестве первоначальной задачи ставила систематический обзор всех отраслей законоведческих знаний — догматики, истории законодательства, сравнительного правоведения и других наук, изучающих закон как таковой.

После либеральных реформ и введения нового университетского устава прежняя «энциклопедия законоведения» окончательно уступила место «энциклопедии права». Уже само изменение названия свидетельствовало о принципиально важном сдвиге: помимо положений закона признавалось существование самостоятельной феноменологии права, т.е. совокупности правовых норм и идей, порождающих и направляющих законодательную деятельность государства. Так в академическое пространство вернулась либеральная проблематика, а философия права — с её вниманием к естественному праву, правосознанию и ценностным основаниям законодательства — заняла полноправное место и в учебных курсах, и в научной полемике. Один из видных русских теоретиков той эпохи, которому до реформ довелось читать «энциклопедию законоведения», в ретроспективной лекции вспоминал, что дисциплина долгое время трактовалась сугубо позитивистски: «Наука именовалась не энциклопедией права или правоведения, а именно энциклопедией законоведения». В старом уставе, продолжал он, учебный план формально делил предмет на государственные, гражданские, уголовные законы и церковное законоведение. Однако за этими «науками» скрывалось по существу простое система-

тическое изложение российских правовых норм в редакции Свода законов. Лишь изредка оно приправлялось историческими ремарками, почерпнутыми преимущественно из подготовленного тогда, но не опубликованного «Исторического Свода законов», который был специально открыт для будущих преподавателей. Таким образом, реформа университетского преподавания не просто обновила терминологию, а фактически вернула в учебный процесс методологический плюрализм: от узко догматического описания законодательства перешли к более сложному, ценностно-ориентированному анализу самого права как социального института и философской категории.

Следует подчеркнуть, что П. Г. Редкин, стремясь продемонстрировать, как в российском правоведении середины XIX в. укреплялись, по его мнению, консервативные и губительные устремления, указывает, прежде всего, на фигуру К. А. Неволлина. Именно Неволлин разработал концепцию «энциклопедии законоведения»; после выхода его учебника в 1839 г. эта концепция практически сделалась канонической в университетском юридическом курсе. В результате все критические стрелы, пущенные в адрес энциклопедии законоведения как дисциплинарной формы, незамедлительно попадали и в самого Неволлина, и в построенную им теоретическую конструкцию. Сформировавшаяся на этой почве негативная трактовка легла в основу устойчивого – и, по нашему убеждению, ошибочного – представления о сущности данной науки. Мы берём на себя ответственность опровергнуть подобный взгляд, искажающий как замысел Неволлина, так и подлинную природу энциклопедии законоведения: её предметную область, исследовательские задачи и методологические ориентиры. Более того, полагаем, что труд К. А. Неволлина «Энциклопедия законоведения» фактически открыл новую страницу в генезисе общей теории права, стимулировав переход от казуистической догматики к системному правоведению.

Характеризуя собственный труд, К. А. Неволлин подчёркивал, что до него ни отечественная, ни зарубежная юриспруденция не предлагали столь целостного и принципиально нового метода изложения энциклопедии права. Фундаментом проекта он считал разработку «общей теории закона», фактически отождествляемого с самим правом. В предисловии к первому изданию учёный отмечал, что решил издать книгу на русском языке, «какой, во всём её объёме, наша литература, да, смею думать, и иностранная пока не знали», рассчитывая на внимательное отношение соотечественников к затронутой проблематике. По его словам, академический статус давал

ему не только право, но и обязанность взяться за столь масштабную задачу; оценку же достигнутого он оставлял «учёным, сведущим в современном состоянии науки, ради которой труд и задуман». Утверждение об отсутствии аналогов действительно оказалось обоснованным: впоследствии сам зарубежный правовед Г. Ф. Пухта и ряд других иностранных исследователей проявили к работе Неволлина значительный интерес, признавая её оригинальность и методологическую свежесть.

Ключевая идея состояла в создании энциклопедии юриспруденции как самостоятельной научной дисциплины, предметом которой служат законы и формирование максимально обобщённого знания о них. По К. А. Неволлину, «энциклопедия законоведения» представляет собой идеальную модель науки о праве в её всеобъемлющей взаимосвязи как с системой человеческого знания, так и с собственными внутренними элементами. Это не просто свод сведений, а доктринальная теория правоведения как части общей науки, учение о её структуре, методе, методологическом инструменте и логике построения; она описывает композицию, систему и органическое целое юриспруденции, показывая, каким образом из первоначального единства рождаются многочисленные частные юридические дисциплины и как они вновь синтезируются в неделимое единство [9, с. 1].

Определяя предметом законоведения именно закон, исследователь тем самым вовсе не отвергает естественное право; напротив, он исходит из того, что природные правовые начала воплощаются и конкретизируются в положительном праве. Опираясь множеством концепций правопонимания – от исторической школы и натуралистического подхода до религиозно-правовой доктрины – и вместе с тем утверждая позитивистскую идею отождествления права с законом, мыслитель формулирует задачу выявления «общего содержания» законодательных актов. Он опирается как на эмпирическое, позитивное знание о нормативном тексте, так и на идею правды, органично присущей закону и поступательно раскрывающейся в правовой истории. Ключевой постулат состоит в том, что разработка общей теории закона должна предшествовать анализу частных институтов и завершать его, обеспечивая юристу адекватное понимание смысла законодательства, необходимое прежде всего для судебной практики. Следовательно, энциклопедия законоведения — это не просто учебный курс, а самостоятельная научная дисциплина, исследующая универсальное содержание закона.

Необходимо подчеркнуть, что научный вклад К. А. Неволлина в динамику отечественного правоведения был по-настоящему масштабным, однако

современники не оценили его должным образом, отождествив личность учёного с действовавшим тогда консервативным политико-правовым режимом. Вследствие этого, после promulgatio нового университетского устава имя Неволлина почти исчезло из академического дискурса. Между тем современный историк права ясно видит, что разработанная им «Энциклопедия законоведения» является критически важным звеном эволюции русского правоведения XIX века: без её анализа невозможно полноценно реконструировать последующие этапы становления общей теории права, сыгравшей ключевую роль в формировании фундаментальной юридической науки.

Интенсивное становление энциклопедии права как компонента общей теории приходится на вторую половину XIX века и обусловлено появлением принципиально новых вызовов, которые встали перед отечественным правоведением в эпоху реформ и ускоренного социального развития. Когда К. А. Неволлин разрабатывал свою концептуальную схему, его, с одной стороны, побуждала необходимость сконструировать теоретическую матрицу юридического образования – фундаментальную дисциплину, способную синтезировать исходные начала всего правоведения и логически завершить тогдашнюю систематику отраслевых знаний. С другой стороны, учёный стремился восполнить лауну в общей правовой эрудиции, возникшую после фактической отмены философии права с её теорией естественного права, что резко сузило мировоззренческую базу юриспруденции. Следующее поколение исследователей, сохраняя приоритет задачи формирования общетеоретического корпуса знаний в новых политико-правовых координатах, к указанным мотивациям добавило и ещё одну: необходимость концептуального осмысления и абстрагирования активно развивающейся юридической практики. По существу речь шла о всеобъемлющей систематизации правового материала через стройную систему научных категорий, непосредственным эмпирическим источником которых выступали судебные и административные прецеденты, а равно – правоприменительная деятельность органов власти. Кульминацией этого процесса стало формирование научно обоснованной юридической догматики, объективно востребованной как в университетском преподавании, так и в каждодневной судебной и следственной практике. Создатель общей теории права Н. М. Коркунов подчёркивал, что русские курсы энциклопедии права уделяют всё больше внимания именно общетеоретическим аспектам. По его наблюдениям, такая «смещённая фокусировка» не была случайной: она отражала поступательное стремление к синтетическому

обобщению разрозненных юридических сведений – задаче, с которой традиционная философия права уже не справлялась так же, как и классическая энциклопедия. В этом методологическом повороте Коркунов усматривал зарождающуюся новую юридическую науку, чьим предметом становится выявление универсального содержания права, вычленяемого через аналитическую экстракцию из частных отраслевых наук.

Уже в 1860-е годы в русской юриспруденции осознавались и теоретическая значимость, и практическая насущность выработки всеобъемлющей общей теории права. Однако ученые расходились во мнении, насколько своевременно начинать столь масштабный синтез. Так, Н. К. Ранненкампф полагал, что уровень развития правовой практики еще не позволяет совместить назревшую потребность в подобной теории с реально доступными методологическими средствами ее построения [12]. Эту позицию он сформулировал в пространной рецензии на проект общей теории права, представленный М. Н. Капустиным [6]. Примечательно, что сам Ранненкампф впоследствии издал «Юридическую энциклопедию», фактически предложив в ней собственный вариант концепции общей теории права [13]. Схожие поиски предпринимал и другой российский теоретик — Н. Ф. Рождественский, чья работа, к сожалению, осталась незавершённой [15]. Позднее Н. М. Коркунов рассматривал труды Капустина и Ранненкампфа как показательные для правоведения второй половины XIX века примеры, свидетельствующие о становлении общей теории права как самостоятельной юридической дисциплины [8].

Как отмечал Н.М. Коркунов, рассматриваемый исторический момент прежде всего знаменовался попытками привести разрозненные представления о праве к внутренне стройной системе. Под термином «систематизация» различными авторами понимались самые разные методологические операции, однако центральной задачей оставалось формирование стройной догматики права. В атмосфере укрепившегося в России юридического позитивизма научность правовой теории соотносилась прежде всего с опорой на юридические факты, выраженные в нормах и институтах, то есть в объективированном правовом материале. М.Н. Капустин развивает эту линию, полагая, что универсальное знание о праве питается, с одной стороны, философским источником – идеей права как принципом справедливости, а с другой – позитивным источником, воплощённым в законодательстве и практике правоприменения. Соединение формально-догматической позиции, где право отождествляется с нормой, с обраще-

нием к метаюридической «идее права» выглядит парадоксально: естественное право не может рассматриваться как собственно юридическое явление. Тем не менее указанное противоречие нивелируется в ракурсе историко-культурного подхода, характерного для самого Капустина: идея справедливости обретает конкретность лишь через позитивизацию в определённом социально-историческом контексте, материализуясь в институтах и нормах каждой конкретной цивилизации.

Ключевая, по мнению М.Н. Капустина, миссия состоит в создании и научной верификации юридической догматики – стройной системы категорий, отражающих обобщённый опыт правоприменения и законотворчества. Подобный понятийный аппарат востребован как у будущего юриста, овладевающего дисциплиной, так и у практикующего специалиста для корректного толкования, конструирования и реализации правовых норм в разнообразных сферах регулирования.

В рассматриваемый исторический отрезок исследователи проявляли заметную сдержанность в применении термина «общая теория права». Чаще употреблялись выражения «энциклопедия права» или «юридическая энциклопедия», отражавшие стремление обойтись без прямого указания на теоретико-правовой универсализм. Даже М. Н. Капустин, заглавивший свою раннюю работу «Юридическая энциклопедия (догматика)» (1893), впоследствии сознательно дистанцировался от понятия общей теории, хотя и подчеркивал, что написанный им курс фактически представляет «общую догматику», а значит, выполняет функции именно общей теории права. С уверенностью можно утверждать, что во второй половине XIX в. сложились объективные предпосылки для институционализации общей теории права как самостоятельного сегмента юриспруденции. Она уже существовала имплицитно: в форме теоретического синтеза отраслевых юридических знаний и судебно-административной практики, концептуализированного в виде юридической догматики. Последняя формировала систему воспроизводимых категорий, отражающих не частноправовые, а универсальные правовые характеристики и тем самым служивших методологическим основанием для отдельных отраслей. Логическая упорядоченность этих понятий покоилась на обобщающей теории, выводившейся из предметно-отраслевого материала, но при этом поднимавшейся до уровня межотраслевого обобщения. Возрастающая сложность юридической практики, вызванная индустриализацией и социальными трансформациями, делала потребность в такой всеобщей теоретической рамке очевидной не только для научного сообщества, но и для правоприменителя. Одна-

ко окончательное институциональное признание дисциплины требовало опоры на иные методологические источники. Таковым мог стать инновационный, ещё не получивший широкого распространения подход к интерпретации сущности и природы права — новый эвристический метод, который в ряде философско-правовых доктрин уже был заявлен, но пока не приобрёл достаточной поддержки и не оформился в общепризнанную исследовательскую парадигму.

Новое направление, получившее название социологического правопонимания, внесло качественно иной акцент в теорию права. Хотя и прежде никто не отрицал социальной обусловленности права — ведь именно общественные отношения являются его предметом регулирования, — до появления данного подхода позитивистская доктрина не осмеливалась утверждать, что само общество способно выступать самостоятельным (пусть и неюридическим) источником правовых норм. Признание социума в таком качестве открыло возможности для решения целого ряда методологических затруднений. Прежде всего, была поставлена под сомнение дуалистическая схема правопонимания, типичная для универсальных теорий права, когда наряду с нормами, закреплёнными государством, в качестве основы признавалась идея естественного права. Подобное двойное основание противоречило ортодоксальному юридическому позитивизму. На этой платформе М.Н. Капустин строит собственную концепцию, подчёркивая, что «правоведение содержит в себе двоякий элемент: положительный и философский, — право, как оно существует в действительности, и как оно должно быть» [7, с. 6]. Попытка примирить правовой позитивизм с естественно-правовой школой через тезис о «реализованности идеала» в действующем законодательстве временно сглаживала противоречие, но полностью его не устраняла. Лишь вывод о приоритетной роли общества как живого источника нормативности позволил пересмотреть сами основания дуализма и предложил более целостную, эмпирически обоснованную картину генезиса права.

Однако без интегральной концепции права формирование общей теории права было невысказано: универсальный смысл правовой материи, который стремится уловить теория, обязан происходить не из произвольного абстрагирования, а из самой сущности права. Следовательно, чтобы общая теория утвердилась как самостоятельная юридическая дисциплина, открывающая новый вектор в истории юриспруденции, требовалось такое правопонимание, которое, оставаясь в русле юридического позитивизма, одновременно расширяло бы его горизонты, выводя истоки права

за рамки одной лишь нормативной оболочки и раскрывая его социокультурную, ценностно-мировоззренческую и институциональную природу. Ни представители исторической школы, ни тем более апологеты естественного права оказались не в состоянии выполнить указанную миссию: первые — из-за их оторванности от живой правореальности и судебной практики, вторые — из-за абсолютизации относительного, национально окрашенного характера правового феномена.

Как уже отмечалось, на данную концептуальную нишу претендовал социологический подход, рассматривавший право как особую форму социальности, то есть устойчивых общественных взаимосвязей. Первооткрывателем идеи создания подобной доктрины стал Н. М. Коркунов. Он видел в ней новый исторический этап юридической науки, выражавшийся, по его словам, в ином способе систематизации правовых знаний, пришедшем на смену философии и энциклопедии права. Ключевым элементом его концепции было определение права как механизма разграничения и балансировки интересов, что явно соотносится с теорией Рудольфа Иеринга. Тем самым предложенное толкование превратилось в методологический принцип, очертивший предмет всеобщей теории права и выявивший универсальное начало, присутствующее в любом правовом феномене.

Следует подчеркнуть, что концепция Н.М. Коркунова подняла идею общей теории права на качественно более высокий уровень доказательности, обозначив новые векторы эволюции юриспруденции. Ключевым новшеством стало акцентирование внимания на личности и её интересах, что заметно расширило поле научного поиска, выявив дополнительные детерминанты правового поведения, прежде всего психические. В этом контексте психологическая теория права Л.И. Петражицкого логично вырастает из коркуновской социологической модели правопонимания, нашедшей широкую поддержку в научном сообществе.

Университетское преподавание общей теории права в подобной редакции постепенно оформилось как общепризнанный стандарт. При этом социологическое направление в праве нередко рассматривалось как тождественное общей теории права. Наиболее ярко такой синтез отражён в доктринах П. Г. Виноградова [2, с. 153], П. А. Сорокина [16], А. С. Яценко [17], Г. Д. Гурвича [4] и ряда других мыслителей. До конца 1930-х гг. общая теория права удерживала статус одной из базовых юридических дисциплин советской высшей школы, а позднее трансформировалась в теорию государства и права. Одновременно часть исследователей предпринимала попытки адапти-

ровать её положения к идеологическим запросам советской власти [11].

К концу XIX столетия общая теория права окончательно утвердилась как неоспоримый факт академической действительности, с которым вынуждена была соотноситься любая профессиональная юриспруденция. Дисциплина быстро заняла место в ядре учебных планов юридических факультетов, превратившись в обязательное методологическое основание их куррикулума. При этом она обладала и собственным исследовательским назначением, и специфической научной программой, очерченной в русле подхода, сформулированного Н. М. Коркуновым, что и объясняет формы ее существования в научном юридическом дискурсе. Тем не менее, это не значит, что точка зрения Н.М. Коркунова не имела альтернатив. Альтернатив не было самой идее общей теории права, которая могла трактоваться по-разному. Под «общим» понимался тот массив знаний о праве, который не сводился к отдельным отраслям. Более того, сюда включались и исследовательские практики, возникавшие за пределами строгой юриспруденции: социология, философия права, политическая философия, антропология, история, а также иные направления социально-гуманитарного знания, тогда стремительно институционализировавшиеся. В подобном междисциплинарном контексте общая теория рассматривалась как комплексная система доктринальных концептов, охватывающая весь набор методов постижения правовой материи; её ключевой задачей становилось нормативное обоснование корректной интерпретации права и легитимных способов его познания. Именно в таком расширенном виде концепция закрепились в российском правоведении начала XX века. Одним из наиболее выразительных её представителей выступил Г. Ф. Шершеневич, последовательно развивавший формально-догматический метод при реконструкции общей теории. Во многом эта концепция была альтернативой концепции Н.М. Коркунова, она утверждалась на основе традиционного для юридического позитивизма формально-догматического метода. Так произошло своеобразное возвращение к позитивистским истокам общей теории права в России, имевшей начало в учениях К.А. Неволина и М.Н. Коркунова.

Список литературы:

- [1] Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1977/1978. Т. 2.
- [2] Виноградов П.Г. Очерки общей теории права. М.: Тип. А.А. Левенсона, 1915. С. 153.
- [3] Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право

и право народов, а также принципы публичного права. М.: Юрид. лит., 1956. С. 68.

[4] Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2004.

[5] Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

[6] Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М.: Катков и Ко, 1868.

[7] Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Тип. СПб. Одиночной тюрьмы, 1893.

[8] Коркунов Н.М. О научном изучении права. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882.

[9] Неволин К.А. Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 1. С. XXI.

[10] Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 116.

[11] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927; Стучка П.И. Учение о советском государстве и праве. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.

[12] Ранненкампф Н.К. Замечания об обработке у нас общего учения о праве: по поводу «Юридической догматики проф. Капустина и критич. статей проф. Незабитовского»: Статья 1. Киев: Университетская типография, 1869.

[13] Ранненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев: Университетские известия, 1868.

[14] Редкин П.Г. Первая лекция 1863/1864 академического года // Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 5.

[15] Рождественский Н.Ф. Энциклопедия законоведения. СПб.: Тип. Э. Праца, 1863.

[16] Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.

[17] Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912.

[18] Hunnius H.U. Encyklopaedia juris universi. Koln: Herman Demen, 1675.

References:

[1] Bacon F. New Organon // Bacon F. Works: in 2 vols. M.: Thought, 1977/1978. VOL. 2.

[2] Vinogradov P.G. Essays on the general

theory of law. M.: Type. A.A. Levenson, 1915. S. 153.

[3] Grotius G. On the law of war and peace. Three books that explain natural law and the law of peoples, as well as the principles of public law. M.: Jurid. lit., 1956. S. 68.

[4] Gurvich G.D. Sociology of Law // Philosophy and Sociology of Law: Selected Writings. St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg. state university, 2004.

[5] Descartes R. Reasoning about the method to correctly direct your mind and search for the truth in the sciences // Works: in 2 vols. M.: Thought, 1989. VOL. 1.

[6] Kapustin M.N. Theory of law (legal dogma). VOL. 1. General dogma. M.: Katkov and Co., 1868.

[7] Kapustin M.N. Legal Encyclopedia (dogma). St. Petersburg: Type. St. Petersburg. Single prison, 1893.

[8] Korkunov N.M. On the scientific study of law. St. Petersburg: Type. Governing Senate, 1882.

[9] Nevolin K.A. Encyclopedia of Law // Nevolin K.A. Complete Works. St. Petersburg: Type. Eduard Prats, 1857. VOL. 1. S. XXI.

[10] Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of the philosophy of law // Novgorodtsev P.I. Works. M.: Rarity, 1995. S. 116.

[11] Pashukanis E.B. General legal theory and Marxism. M.: Publishing House of the Communist Academy, 1927; P.I. The doctrine of the Soviet state and law. M.-L.: State Socio-Economic Publishing House, 1931.

[12] Rannenkampf N.K. Comments on the processing of our general doctrine of law: regarding "Legal dogma prof. Kapustina and Kritich. articles prof. Nezabitsky": Article 1. Kyiv: University Printing House, 1869.

[13] Rannenkampf N.K. Essays on the legal encyclopedia. Kyiv: University News, 1868.

[14] Redkin P.G. The first lecture of 1863/1864 academic year // From lectures on the history of philosophy of law in connection with the history of philosophy in general. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1889. S. 5.

[15] Christmas N.F. Encyclopedia of Law. St. Petersburg: Type. E. Pratsa, 1863.

[16] Sorokin P.A. Elementary textbook of the general theory of law in connection with the doctrine of the state. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2009.

[17] Yashchenko A. Theory of federalism. Experience in synthetic theory of law and state. Yuriev: Type. K. Mattisena, 1912.

[18] Hunnius H.U. Encyklopaedia juris universi. Koln: Herman Demen, 1675.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-151-156

Дата принятия рукописи в печать: 19.08.2026 г.

КОСТИКОВА Екатерина Геннадиевна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры финансового права Российского государственного
университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: keg2003@bk.ru

ШАЙХУТДИНОВА Зухра Захрутдиновна,
студентка специалитета по специальности 40.05.04
Судебная и прокурорская деятельность факультета
подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет) Казанского филиала Российского
государственного университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: flyura.shaykhutdinova@mail.ru

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты Федерального закона от 09 апреля 2026 г. № 85-ФЗ «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти“», с целью выявления особенностей правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и их должностных лиц. Авторы отмечают на специфику риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности в отношении муниципальных образований. Особое внимание уделено институту соглашения о надлежащем устранении нарушений — как гибкому способу минимизации административного давления с учетом финансовых возможностей муниципалитетов. Указаны причины исключения некоторых профилактических мер (стимулирование добросовестности, самообследование). Сделан вывод о переходе от карательной модели контроля к партнерской, ориентированной на учет реального финансово-экономического положения муниципальных образований.

Ключевые слова: бюджетная обеспеченность, контрольно-надзорная деятельность, меры стимулирования добросовестности, ОМСУ, органы местного самоуправления, риск-ориентированный подход, самообследование, соглашение о надлежащем устранении выявленных нарушений требований.

KOSTIKOVA Ekaterina Gennadiyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor, Department of
Financial Law, V. M. Lebedev State University of Russia

SHAYKHUTDINOVA Zukhra Zakhnutdinovna,
Specialist student in 40.05.04 Judicial and Prosecutor's Activities at
the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty
of Law), Kazan Branch of V. M. Lebedev State University of Russia

CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN RELATION TO LOCAL GOVERNMENT BODIES: INNOVATIONS IN LEGAL REGULATION

Annotation. This article analyzes certain aspects of Federal Law No. 85-FZ of April 9, 2026, "On the Organization of Control and Supervisory Activities in Relation to Local Government Bodies

and Local Government Officials and on Amendments to the Federal Law "On General Principles of Local Self-Government Organization in a Unified System of Public Authority" to identify the specifics of legal regulation of control and supervisory activities in relation to local government bodies and their officials. The authors note the specifics of a risk-based approach to control and supervisory activities in relation to municipalities. Particular attention is paid to the institution of an agreement on the proper elimination of violations—a flexible way to minimize administrative pressure, taking into account the financial capabilities of municipalities. The reasons for the exclusion of certain preventive measures (incentives for good faith, self-examination) are indicated. A conclusion is made regarding the transition from a punitive control model to a partnership model focused on taking into account the actual financial and economic situation of municipalities.

Key words: *budgetary security, control and supervisory activities, measures to stimulate integrity, local government bodies, risk-based approach, self-assessment, agreement on the proper elimination of identified violations of requirements.*

В рамках проходящей в России реформы контрольно-ревизионной деятельности 9 апреля 2026 г. был принят Федеральный закон № 85-ФЗ «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»» [6] (далее – Закон № 85-ФЗ, Закон). Документ вступит в силу с 1 января 2028 года в связи с необходимостью подготовки к его реализации.

Закон № 85-ФЗ дополнил правовые основы осуществления контроля (надзора) за органами местного самоуправления (далее – ОМСУ) и их должностными лицами, образованные Федеральными законами от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [7] (ст. 41) и от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [8] (п. 2 ст. 2) (далее – Закон № 248-ФЗ), закрепив особенности контрольно-надзорной деятельности, обусловленные спецификой контролируемых субъектов. Остановимся на рассмотрении отдельных особенностей.

Прежде всего особенности заложены в описании системы контроля: предмета и объекта контроля, состава контролеров и контролируемых лиц. Так, под контроль (надзор) подпадает функционал ОМСУ и их должностных лиц, законодательно за ними закрепленный, связанный с непосредственным обеспечением жизнедеятельности населения, а также делегированный в установленном порядке другими публично-правовыми образованиями. Контролируется исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных и региональных законов, подзаконных правовых актов, в том числе, при осуществлении муниципального нормотворчества, а также исполнение решений, принятых по результатам контрольных мероприя-

тий. Это предмет контроля (надзора) (п. 1 ст. 2). Соответственно, объект контроля (надзора) – деятельность (действия, бездействие) ОМСУ и должностных лиц (контролируемых лиц) и ее результаты (п. 2 ст. 2). Кстати, статус контролируемых лиц могут получить и органы государственной власти субъектов Российской Федерации – если им будут перераспределены «подконтрольные» полномочия муниципалитетов (п. 2 ст. 1 Закона № 85-ФЗ). Контрольные (надзорные) органы определяются положениями о виде контроля (надзора), которые утверждаются Правительством Российской Федерации и высшими исполнительными органами субъектов Российской Федерации (п. 3, подп. 1 п. 4 ст. 4).

Следует сказать, что элементы системы контроля (надзора) в Законе № 85-ФЗ выстроены последовательно и логично. В отличие, например, от системы государственного (муниципального) финансового контроля, закрепленной в Бюджетном кодексе Российской Федерации [9], в рамках которой как объекты контроля поименованы лица, в отношении которых осуществляются контрольные мероприятия (ст. 266.1). Такой подход неоднократно критиковался учеными [1; 2]. Представляется, что в перспективе необходимо унифицировать подходы к регулированию всех аспектов контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, в том числе, в бюджетной сфере.

Отличается и перечень принципов организации и осуществления контроля (надзора) за деятельностью ОМСУ и их должностных лиц, закрепленный в Законе № 85-ФЗ (глава 2). В этот перечень логично вошел принцип самостоятельности осуществления ОМСУ полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, который исключает вмешательство в эту деятельность контрольных (надзорных) органов (п. 1 ст. 11). Такой принцип Закон № 248-ФЗ не предусматривает.

Закон № 85-ФЗ продолжает новаторскую практику организации государственного контроля.

В частности, им предусмотрен риск-ориентированный подход, который предусматривает проведение в отношении контролируемых лиц профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий исходя из результатов оценки рисков причинения ими вреда (ущерба). Такой подход позволяет оптимизировать контрольно-надзорную работу, сократив количество нерезультативных проверок и других мероприятий. Он безусловно необходим с учетом количества муниципалитетов, функционирующих на территории Российской Федерации. При этом для муниципалитетов предусмотрены критерии риска, обусловленные базовыми характеристиками публично-правовых образований: географическое положение (приграничность, выход к морю, островное расположение); площадь территории; численность населения; уровень бюджетной обеспеченности; особенности правового режима закрытого административно-территориального образования (ЗАТО); др. (п. 3 ст. 16). Безусловно, уровень бюджетной обеспеченности, который по сути характеризует финансовую состоятельность муниципального образования, сказывается на возможностях ОМСУ исполнять обязанности. Также было бы правильно включить в перечень такой критерий как вид муниципального образования – с учетом имеющихся различий в объеме полномочий, перечне закрепленных доходов местных бюджетов. В целом предлагаемый законодателем подход может обеспечить ранжирование муниципалитетов с учетом реально имеющихся у них рисков нарушения (неисполнения) нормативных правовых актов федерального и субфедерального уровней. Для применения таких критериев должна быть составлена соответствующая методика.

Еще одно новшество контрольно-надзорной деятельности, воспроизведенное Законом № 85-ФЗ – профилактические мероприятия, к которым относятся: информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование, профилактический визит (глава 7).

Однако – если сравнивать с Законом № 248-ФЗ – в этот перечень не вошли такие мероприятия как меры стимулирования добросовестности и самообследование.

Меры стимулирования добросовестности, как следует из ст. 48 Закона № 248-ФЗ – это меры нематериального поощрения, которые применяются к контролируемым лицам, соблюдающим обязательные требования. Такие меры, порядок и условия их применения, а также критерии добросовестности, порядок и методика оценки добросовестности могут предусматриваться в положении о виде контроля, то есть определяют-

ся на усмотрение отдельно взятых контрольных (надзорных) органов. Исследователи указывают, что эти профилактические мероприятия широкого распространения не получили, поскольку не обязательны, слабо урегулированы, не унифицированы [3].

Самообследование в контексте ст. 51 Закона № 248-ФЗ – это самостоятельная оценка уровня соблюдения обязательных требований, которая осуществляется в автоматизированном режиме в соответствии с определенным положением о виде контроля, результаты которой могут представляться публично. Это профилактическое мероприятие также подвергается критике ввиду неурегулированности его отдельных аспектов (неясность правовых последствий результатов, отсутствие полноценного методического обеспечения) [4].

Представляется, что указанные профилактические мероприятия не вошли в Закон № 85-ФЗ, поскольку по своей сути нацелены на то, чтобы «уменьшить» взаимодействие с контрольными (надзорными) органами: демонстрируя через эти мероприятия свою добросовестность, законопослушность, контролируемые лица в конечном счете рассчитывают на то, что проверяющие субъекты изменят формы, объем, частоту контрольных мероприятий (например, заменят выездные мероприятия на дистанционные или увеличат межпроверочный интервал). Однако такой подход не применим к ОМСУ (должностным лицам ОМСУ) ввиду принципиально иных рисков, связанных с их деятельностью. Кроме того, возможна еще одна причина, по которой законодатель исключил эти мероприятия из Закона № 85-ФЗ: эти мероприятия не «обкатаны» на практике, не имеют достаточного методического и правового регулирования, не доказали свою эффективность, при этом их реализации сопряжена с определенной административной и материальной нагрузкой. С учетом изложенного, отсутствует целесообразность обременения контрольных (надзорных) органов, контролируемых лиц дополнительными обязанностями, связанными с реализацией таких мероприятий.

Также Законом № 85-ФЗ предусмотрена возможность заключения соглашений о надлежащем устранении выявленных нарушений требований, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (ст. 59) (далее – соглашение). Законом № 248-ФЗ тоже предусмотрено заключение схожих договоров – соглашений о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований (ст. 90.2). Кстати, заметим, что эта форма взаимодействия между контрольным (надзорным)

органом и контролируемым лицом получила положительную оценку [5, с. 70]. Но при схожести указанные соглашения имеют и отличия.

Соглашения могут заключаться между контрольным (надзорным) органом и подконтрольным лицом в ситуациях, когда устранение нарушений требует много времени и финансовых ресурсов, в том числе в связи с необходимостью проведения масштабных строительных работ, дорогостоящих закупок за счет бюджетных средств. Еще одно основание для заключения соглашений – предотвращение социальных или экономических потрясений (массовых увольнений, сокращения или прекращения выпуска социально значимой продукции и др.). В таких сложных случаях соглашение позволяет оптимизировать процесс устранения нарушений, расписав его по срокам (этапам), конкретным мерам (мероприятиям), условиям финансирования. Тем самым смягчается административная и финансовая нагрузка на муниципалитет и его бюджет.

С инициативой заключения соглашения может выступить только контролируемое лицо, действуя в целях защиты своих прав и законных интересов. При этом круг субъектов, уполномоченных на такую инициативу, будет установлен Правительством Российской Федерации – так же как и другие детали заключения, изменения, исполнения, прекращения соглашения (п. 2 ст. 59). При этом подход может быть избирательным, о чем свидетельствует Постановление Правительства РФ от 31 мая 2025 г. № 829 «Об утверждении Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований» [10], принятое в соответствии со ст. 90.2 Закона № 248-ФЗ.

Важно отметить, что муниципальным образованиям не стоит игнорировать этот механизм организации устранения допущенных нарушений, поскольку он позволяет совместными усилиями выработать программу устранения нарушений, определив для этого конкретные способы. В отсутствие соглашения способ устранения нарушений будет определяться муниципалитетом самостоятельно, при этом риск неисполнения (ненадлежащего исполнения) предписания контролера полностью ляжет на муниципалитет. Такой вывод можно сделать исходя из судебной практики по ст. 90.2 Закона № 248-ФЗ, на которую можно ориентироваться по аналогии [11].

Заключение соглашения в обязательном порядке согласуется с органами прокуратуры.

Контрольный (надзорный) орган, заключив соглашение, приостанавливает действие предписания об устранении нарушений, «охваченных»

соглашением, но может его возобновить, если соглашение не исполняется. Предписание отменяется по факту исполнения соглашения, что констатируется специальным решением контролера. Если же по истечении срока действия соглашения контролер установит, что его условия не выполнены, он выносит решение о признании соглашения неисполненным. Досрочное вынесение такого решения также возможно: в случаях, предусмотренных Правительством Российской Федерации, и если контролируемое лицо не предпринимает предусмотренных в нем действий.

Контролируемое лицо права на отказ от исполнения соглашения не имеет.

Отметим, что государство нацелено на «продвижение» нового инструмента устранения нарушений: в июле 2026 года принят федеральный закон, которым предусмотрено освобождение от административной ответственности в случае исполнения соглашений, заключенных как по ст. 90.2 Закона № 248-ФЗ, так и по ст. 56 Законом № 85-ФЗ (ст. 2.91) [12]. Такая мера призвана стимулировать заинтересованность контролируемых лиц в устранении допущенных нарушений в рамках заключенных соглашений.

Следует сказать, что соглашения – это формат сотрудничества, который нацелен на решение реальных проблем муниципальных образований. Нарушения, которые допускают муниципалитеты, зачастую обусловлены нехваткой финансовых средств в местных бюджетах. По этой же причине ОМСУ не в состоянии оперативно их устранить. Этот вывод прослеживается, например, при рассмотрении практики применения ст. 17.15 «Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [13]. В соглашении обязательным является условие об источниках финансирования мероприятий по устранению нарушений (в этом, кстати, важное отличие от соглашений, предусмотренных Законом № 248-ФЗ). Таким образом, подписывая соглашение, его стороны совместно определяют источники, суммы и сроки получения финансирования. Исходя из этого согласовываются конкретные меры, направленные на устранение нарушений (перечень и объем мероприятий, сроки реализации, др.). Тем самым создаются реальные условия для устранения нарушений.

Надо отметить, что Закон № 85-ФЗ в целом также обязывает контрольные (надзорные) органы учитывать финансовое положение муниципалитетов. Например, если исполнение решения контролера влечет расходование денежных средств, то при определении срока исполнения надлежит учи-

тивать состав муниципального имущества, а также бюджетную обеспеченность муниципалитета (п. 5 ст. 10). А при установлении сроков исполнения предписаний об устранении выявленных нарушений следует учитывать порядок формирования местных бюджетов и осуществления закупок для муниципальных нужд (п. 3 ст. 58). Именно на такой подход ориентируется судебная практика [14]. Этот подход соответствует принципу оперативности при осуществлении контроля (п. 4 ст. 14 Закона № 248-ФЗ).

Подводя итог, следует констатировать, что Закон № 85-ФЗ представляет собой комплексный и системный акт, направленный на создание эффективной, соразмерной и прозрачной системы контроля (надзора) за деятельностью ОМСУ, ориентированной на выстраивание партнерских взаимоотношений между контрольными (надзорными) органами и контролируемыми лицами, когда в приоритете эффективное предотвращение и устранение нарушений, а не наказание за них. Риск-ориентированный подход позволит оптимально распределять ресурсы контролеров, концентрируя их усилия на субъектах с наиболее высокими рисками причинения вреда и минимизируя административную нагрузку на добросовестные муниципальные образования. Институт соглашений о надлежном устранении выявленных нарушений требований обеспечит баланс интересов государства и муниципальных образований, создавая стимулы для добровольного и поэтапного устранения нарушений.

Список литературы:

- [1] Андреева Е.М. Недостатки правового регулирования финансового контроля (на примере межбюджетных трансфертов) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 40-48.
- [2] Ялбулганов А.А. Новый категориальный аппарат государственного финансового контроля // Финансовое право. 2014. № 8. С. 10-16.
- [3] Евдокимов А.С., Сергун П.П. Меры стимулирования добросовестности - профилактическое мероприятие, используемое при осуществлении контроля, надзора: нормативно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 29-32.
- [4] Евдокимов А.С., Сергун П.П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53-59.
- [5] Бут Н.Д., Егупов Д.А. Сохранение и развитие прокуратурой достигнутого уровня правовых гарантий предпринимателей в сфере государ-

ственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2. С. 63-71.

[6] Федеральный закон от 09.04.2026 № 85-ФЗ «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти"» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 15. – Ст. 1852.

[7] Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.

[8] Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

[9] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

[10] Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 23. – Ст. 3064.

[11] Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 08.04.2026 № 33а-3415/2026 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=265898> (дата обращения: 22.07.2026).

[12] Федеральный закон от 26.07.2026 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202607260011> (дата обращения: 22.07.2026).

[13] Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[14] Постановление Верховного Суда РФ от 08.07.2026 N 47-АД26-5-К6 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=893734> (дата обращения: 22.07.2026).

References:

- [1] Andreeva E.M. Shortcomings of the legal regulation of financial control (on the example of interbudget transfers) // Current problems of Russian law. 2018. No. 3. pp. 40-48.
- [2] Yalbulganov A.A. New categorical apparatus of state financial control // Financial law. 2014. No. 8. pp. 10-16.
- [3] Evdokimov A.S., Sergun P.P. Measures to stimulate good faith - a preventive measure used in the implementation of control and supervision: a regulatory analysis // Administrative law and process. 2024. No. 3. pp. 29-32.

[4] Evdokimov A.S., Sergun P.P. The system of preventive measures applied in the implementation of state control (supervision): assessment of the regulatory impact // Administrative law and process. 2023. No. 7. Pp. 53-59.

[5] But N.D., Egupov D.A. Maintenance and Development of the Achieved Level of Legal Guarantees for Entrepreneurs in the Sphere of State Control (Supervision) and Municipal Control by the Prosecutor's Office // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. No. 2. Pp. 63-71.

[6] Federal Law of 09.04.2026 No. 85-FZ "On the Organization of Control and Supervisory Activities in Relation to Local Government Bodies and Local Government Officials and on Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2026. - No. 15. - Art. 1852.

[7] Collected Legislation of the Russian Federation. - 2025. - No. 12. - Art. 1200.

[8] Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5007.

[9] Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3823.

[10] Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 23. – Art. 3064.

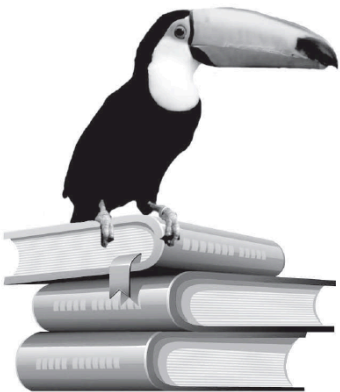
[11] Appellate Ruling of the Altai Krai Court of April 8, 2026 No. 33a-3415/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=265898> (date of access: 22.07.2026).

[12] Federal Law of 26.07.2026 No. 250-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202607260011> (date of access: 22.07.2026).

[13] Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

[14] Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of July 8, 2026, No. 47-AD26-5-K6 // ConsultantPlus Legal Reference System. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=893734> (accessed on July 22, 2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-157-161

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928,
ORCID: 0000-0003-2233-0230,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАМКАХ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. Как и в случае таких направлений probation как психологическая помощь, юридическая поддержка и консультирование пробантов, реализуемая воспитательная и социальная работа отечественной службы probation в рамках института probation испытывает потребность в изучении существующего передового опыта зарубежных стран в рассматриваемых направлениях. Соответственно, более востребованным выступает опыт зарубежных стран, в которых существует значительный опыт использования воспитательных и социальных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию воспитательной и социальной помощи пробантам в рамках института probation.

Отметим, что существует и актуальный для отечественной probation, интересный опыт некоторых постсоветских стран, рассматриваемый в данной публикации. Так, в Республике Молдова воспитательную и социальную работу в рамках института probation реализуют специалисты, определяемые как советники по probation, которые работают в составах комиссий исправительных учреждений, которые рассматривают вопросы об условно-досрочном освобождении осужденных. Probation, при этом, является комплексным механизмом, раскрывающим социально-психологическое состояние осужденных. Этот комплексный механизм интегрирует в себе содержательные элементы, регламентирующие: состояние мониторинга реализации наложенных судом обязательств и состояние процессов исправления, ресоциализации пробантов, то есть лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

В Кыргызской Республике акцент в работе с пробантами делается на оптимизацию психолого-педагогического воздействия на личность правонарушителя с целью его успешной реинтеграции и ресоциализации в социум.

Гипотезой статьи выступает предположение о том, что изучение и использование передового зарубежного опыта по реализации воспитательной и социальной работы с пробантами в зарубежных странах, окажет конструктивное воздействие на функционирование отечественной службы probation.

Цель статьи обозначена как необходимость изучения передового зарубежного опыта в сфере воспитательной и социальной работы с пробантами.

Задачи статьи – это анализ имеющейся теоретико-методической литературы, посвященной вопросам воспитательной и социальной работы с пробантами в зарубежных странах, а также организационных и нормативных правовых источников, раскрывающих рассматриваемые вопросы.

Методами и методиками статьи определяются: анализ практики реализации и функционирования воспитательной и социальной работы в рамках института probation зарубежных стран; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации воспитательной и социальной работы; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового зарубежного опыта в области воспитательной и социальной работы.

Результатами исследования стали: выявление основных аспектов практики реализации воспитательной и социальной работы в рамках функционирования института пробации в зарубежных странах; установление перспективных направлений воспитательной и социальной работы с пробантами в отечественном институте пробации.

Ключевые слова: воспитательная работа; социальная работа; институт пробации; зарубежные страны; пробанты; ресоциализация; сотрудники; пенитенциарное учреждение.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOME ISSUES OF EDUCATIONAL AND SOCIAL WORK WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROBATION INSTITUTION IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. As with probation services such as psychological assistance, legal support, and counseling for probationers, the educational and social work carried out by the national probation service within the probation institution requires studying existing best practices of foreign countries in these areas. Accordingly, the experience of foreign countries with significant experience in using educational and social measures to neutralize recidivism, particularly experience in using educational and social assistance for probationers within the probation institution, is more relevant.

It should be noted that there is also interesting experience from some post-Soviet countries, relevant to national probation, discussed in this publication. For example, in the Republic of Moldova, educational and social work within the probation institution is carried out by specialists known as probation advisers, who serve on commissions at correctional institutions that consider issues of parole for convicted persons. Probation, therefore, is a comprehensive mechanism for understanding the socio-psychological state of convicted persons. This comprehensive mechanism integrates substantive elements regulating the monitoring of court-imposed obligations and the rehabilitation and resocialization processes of probationers, i.e., individuals released from correctional facilities.

In the Kyrgyz Republic, the emphasis in working with probationers is on optimizing psychological and pedagogical influence on the personality of the offender with the goal of their successful reintegration and resocialization into society.

The hypothesis of this article is that the study and implementation of advanced international practices in the implementation of educational and social work with probationers in foreign countries will have a constructive impact on the functioning of the domestic probation service. The purpose of this article is the need to study advanced international practices in the field of educational and social work with probationers.

The objectives of this article are to analyze existing theoretical and methodological literature devoted to educational and social work with probationers in foreign countries, as well as organizational and regulatory legal sources that address the issues under consideration. The article's methods and techniques are defined by: an analysis of the implementation and functioning of educational and social work within the framework of probation institutions in foreign countries; the definition of the basic principles, methods, and techniques used in the implementation of educational and social work; an analysis and synthesis of new developments and innovative approaches, as well as advanced international experience in the field of educational and social work. The results of the study: identifying key aspects of the implementation of educational and social work within the framework of probation institutions in foreign countries; identifying promising areas for educational and social work with probationers in the domestic probation institution.

Key words: educational work; social work; probation institution; foreign countries; probationers; resocialization; employees; penitentiary institution.

Введение.

Как и в остальных направлениях реализации института пробации (юридическая поддержка, психологическая помощь и т.д.), проводимая воспитательная и социальная работа отечествен-

ной службы пробации в рамках института пробации испытывает потребность в изучении существующего передового опыта зарубежных стран в рассматриваемых направлениях. Закономерно, что наиболее востребованным выступает опыт

зарубежных стран, в которых существует значительный опыт использования воспитательных и социальных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию воспитательной и социальной помощи пробантам в рамках института пробации [1, с. 373; 3, с. 161; 7, с. 240].

Важно учитывать то обстоятельство, что опыт функционирования пробационных служб как постсоветских стран, так и аналогичный опыт пробационных служб стран Европы, насчитывающий наиболее давнюю историю, позволяет определить, что невзирая на выраженные отличия в законодательном закреплении пробации присутствует также значимая общность в философском, правовом, воспитательном и социальном осмыслении института пробации. Следовательно, в рассматриваемом опыте зарубежных стран в направлении воспитательной и социальной работ возможно обнаружить как яркие отличия (национальные, государственные), так и значительные тождества [2, с. 75; 4, с. 61; 8, с. 7].

Целью статьи обусловлена необходимостью изучения передового зарубежного опыта в сфере воспитательной и социальной работы с пробантами.

Задачи статьи – это анализ имеющейся теоретико-методической литературы, посвященной вопросам воспитательной и социальной работы с пробантами в зарубежных странах;

реализация компаративного анализа существующих организационных и нормативных правовых источников, раскрывающих рассматриваемый вопрос;

интерпретация исследованного передового зарубежного опыта в направлении воспитательной и социальной работы с пробантами в зарубежных странах в рамках функционирования института пробации.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования воспитательной и социальной работы в рамках института пробации зарубежных стран; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации воспитательной и социальной работы; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового зарубежного опыта в области воспитательной и социальной работы.

Результаты исследования.

Нормативные правовые аспекты реализации воспитательной и социальной работы в рамках института пробации Российской Федерации регламентированы приказом Минюста Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабили-

литации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в РФ». Тем не менее, рядом исследователей вопроса определяется проблематика, прежде всего, «регламентация воспитательной и социальной работы» [6, с. 39]. В связи с этим необходимо детальное изучение передового зарубежного опыта по нормативной правовой регламентации функционирования института пробации в направлении воспитательной и социальной работы с пробантами.

С 2008 года, согласно Закона «О пробации» № 8-XVI, функционирует институт пробации, хотя соответствующая концепция данного института на уровне пилотного проекта разрабатывалась еще с 2003 года, где смысл пенитенциарной пробации определяется в виде подготовки осужденных к освобождению посредством, прежде всего, воспитательных и социальных мер. Целью же всей пробации, как таковой, установлена – профилактика рецидивной преступности. Пробация, при этом, является комплексным механизмом, раскрывающим социально-психологическое состояние осужденных. Этот комплексный механизм интегрирует в себе содержательные элементы, регламентирующие: состояние мониторинга реализации наложенных судом обязательств и состояние процессов исправления, ресоциализации пробантов, то есть лиц, освобожденных из исправительных учреждений.

Воспитательную и социальную работу в рамках института пробации Молдовы реализуют специалисты, определяемые как советники по пробации, которые работают в составах комиссий исправительных учреждений, которые рассматривают вопросы об условно-досрочном освобождении осужденных.

Необходимо обратить внимание и на опыт функционирования воспитательной и социальной работы в рамках института пробации Кыргызской Республики. Здесь акцент в работе с пробантами делается на оптимизацию психолого-педагогического воздействия на личность правонарушителя с целью его успешной реинтеграции и ресоциализации в социум. Соответственно, одним из главных принципов, в частности, реализации ювенальной пробации, является обязательный психолого-педагогический подход к реализации мер пробации. К таким мерам относятся:

участие в работе с пробантами специалистов в воспитательной и социальной работе;

профессиональная подготовка специалистов в воспитательной и социальной работе к работе с пробантами;

обязательное участие в работе с пробантами их родителей, либо опекунов;

обеспечение реализации социальной и социально-правовой помощи пробантам.

Тем не менее, изучение вопросов воспитательной и социальной работы в рамках института пробации зарубежных стран приводит и к некоторым неожиданным выводам. Например, отечественными и зарубежными исследователями отмечается, что «методы социальной работы в европейских странах используются в меньшей степени, чем в странах Восточной Азии» [5, с. 18; 9, с. 182; 11, с. 297]. Установлено, что в европейских странах «крайне мало оказывается социальная помощь лицам, освобожденным из мест лишения свободы, попавшим под амнистию, помилованным, осужденным, испытывающим проблемы со здоровьем (умственно отсталым, больным психически)» [9, с. 182; 10, с. 69; 11, с. 297].

Заключение.

Рассмотрев некоторые вопросы воспитательной и социальной работы в рамках института пробации зарубежных стран, мы приходим к выводу о широчайшем спектре таких вопросов, а также к еще некоторым выводам.

Установлено, что реализуемая воспитательная и социальная работа отечественной службы пробации в рамках института пробации испытывает потребность в изучении существующего передового опыта зарубежных стран в рассматриваемых направлениях. Наиболее востребованным выступает опыт зарубежных стран, в которых существует значительный опыт использования воспитательных и социальных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию воспитательной и социальной помощи пробантам в рамках института пробации европейских стран. Тем не менее, интересен и некоторый опыт постсоветских стран, рассмотренный в данной публикации.

Список литературы:

[1] Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3). 371-378..

[2] Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 74-79.

[3] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[4] Крайнова Н.А. Исправление осужденного:

цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60-64.

[5] Крымов А.А. Уголовно-процессуальные и иные полномочия администрации исправительного учреждения в контексте пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации осужденных: вопросы регулирования и реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 2(67). С. 17-20.

[6] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 38-41.

[7] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

[8] Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

[9] Филоненко Т.В. Пробация в Европе: история развития и правовое регулирование // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 181-191.

[10] Фролов М.Г. Концепция пробации в уголовных законодательствах стран СНГ // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных статей. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2024. С. 68-75.

[11] Raynor P. Consent to Probation in England and Wales: How It Was Abolished, and Why It Matters. European Journal of Probation. 2014. 6 (3), pp. 296-307.

References:

[1] Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I. Anticriminogenic resocialization: foreign experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. № 3. PP. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378..

[2] Borsuchenko S.A. Re-socialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation // Legal Bulletin of Samara University. 2018. VOL. 4, NO. 2. S. 74-79.

[3] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for Modern Educational Technologies, 2011. 234 pp.

[4] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.

[5] Krymov A.A. Criminal procedural and other powers of the administration of a correctional institution in the context of penitentiary and post-

penitentiary re-socialization of convicts: issues of regulation and implementation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023. № 2(67). S. 17-20.

[6] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and educational environment as a means of preventing criminal subculture in places of deprivation of liberty // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. № 4(36). S. 38-41.

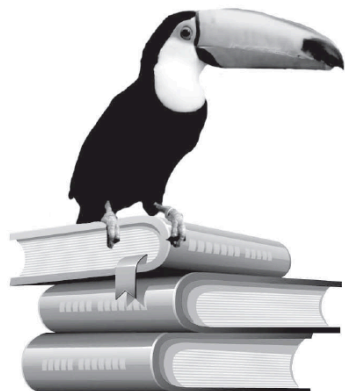
[7] Tikhomirov Yu.A. Course of Comparative Law. M.: NORMA, 1996. 432 p.

[8] Utkin V.A. On the prospects of probation in Russia // Penal system: law, economics, management. 2016. № 4. S. 5-8.

[9] Filonenko T.V. Probation in Europe: History of Development and Legal Regulation // Issues of Russian and International Law. 2024. Volume 14. No. 1A. S. 181-191.

[10] M.G. Frolov. The concept of probation in the criminal legislation of the CIS countries // Actual problems of jurisprudence: a collection of scientific articles. Smolensk: Smolensk State University, 2024. S. 68-75.

[11] Raynor P. Consent to Probation in England and Wales: How It Was Abolished, and Why It Matters. European Journal of Probation. 2014. 6 (3), pp. 296-307.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛОШКАРЕВ Игорь Олегович,
аспирант кафедры конституционного права и
конституционного судопроизводства Юридического
института Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
e-mail: loshkarev.1994@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ

Аннотация. В представленном научном труде исследуется конституционно-правовое содержание института неприкосновенности Президента Объединенных Арабских Эмиратов. В ходе работы были определены пределы, правовая природа и содержание неприкосновенности главы государства. При этом использовались общеправовые, общенаучные и частнонаучные методы познания, а именно, всеобщий диалектический, дедукция, системный анализ, индукция, системно-структурный, аналитический и формально-юридический методы.

В результате был установлен перечень внутригосударственных и внешнеполитических полномочий Президента ОАЭ, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности, выявлены гарантии обеспечения физической неприкосновенности личности главы государства. Наряду с этим были определены модели нормативного закрепления неприкосновенности Президента ОАЭ, установлен субъектный состав неприкосновенности главы государства. Кроме того, был выявлен правовой пробел, связанный с конституционно-правовым регулированием института неприкосновенности Президента ОАЭ, а также предложены возможные пути решения указанной проблематики.

В целом, научную новизну работы обобщает определение того, что в Объединенных Арабских Эмиратах главе государства присуща модель абсолютной неприкосновенности так как указанное лицо не может привлекаться к юридической ответственности (вместе с тем Конституцией ОАЭ не предусмотрено лишение неприкосновенности Президента ОАЭ посредством соответствующей процедуры), а также модель нормативного закрепления неприкосновенности главы государства характерная для федеративной абсолютной монархии.

В то же время полученные результаты исследования в Российской Федерации могут применяться различными федеральными органами и службами при взаимодействии с Президентом РФ с целью обеспечения его неприкосновенности, а также использоваться российскими образовательными организациями высшего образования при организации и проведении лекционных и семинарских занятий в рамках учебной дисциплины «Конституционное право зарубежных государств».

Ключевые слова: Объединенные Арабские Эмираты, зарубежные страны, Конституция, Президент ОАЭ, институт неприкосновенности.

LOSHKAREV Igor Olegovich,
Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law and
Constitutional Legal Procedure of the Law Institute of the Peoples'
Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT OF THE INSTITUTE OF IMMUNITY OF THE PRESIDENT OF THE UNITED ARAB EMIRATES

Annotation. This research paper examines the constitutional and legal content of the institute of immunity of the President of the United Arab Emirates. In the course of the work, the limits, legal nature, and content of the head of state's immunity were determined. General philosophical,

general scientific, and private scientific methods of cognition were used, including general dialectical, deductive, systemic analysis, inductive, systemic-structural, analytical, and formal-legal methods.

As a result, a list of the UAE President's domestic and foreign policy powers, the exercise of which is ensured by his immunity, was established, along with guarantees for ensuring the physical immunity of the head of state's person. Along with this, the models for normative consolidation of the UAE President's immunity were identified, and the subject composition of the head of state's immunity was established. Furthermore, a legal gap related to the constitutional and legal regulation of the UAE President's immunity was revealed, and possible solutions to this problem were proposed.

In general, the scientific novelty of this work is summarized by the determination that in the United Arab Emirates, the head of state enjoys a model of absolute immunity, as the specified person cannot be held legally liable (at the same time, the UAE Constitution does not provide for the deprivation of the UAE President's immunity through an appropriate procedure), as well as the model of normative consolidation of head of state's immunity characteristic of a federal absolute monarchy.

At the same time, the obtained research results can be applied in the Russian Federation by various federal bodies and services when interacting with the President of the Russian Federation in order to ensure his immunity, as well as by Russian higher education institutions when organizing and conducting lectures and seminars within the framework of the academic discipline "Constitutional Law of Foreign States".

Key words: *United Arab Emirates, foreign countries, Constitution, President of the UAE, institute of immunity.*

Введение

Актуальность темы исследования. Институт неприкосновенности главы государства прошел длительный путь становления и развития. Так, первоначальное юридическое оформление указанный институт получил в эпоху Средних веков. В частности, монарх обладал абсолютной неприкосновенностью, основывающейся на божественности происхождения его власти. При этом последующее совершенствование нормативного регулирования института неприкосновенности главы государства способствовало определению ее правовой природы и содержания, а также установлению пределов неприкосновенности главы государства.

В настоящее время фактически и юридически сформировавшийся институт неприкосновенности главы государства осуществляет ряд значимых функций, а именно, обеспечивает своевременное и оптимальное исполнение им собственных полномочий, а также невмешательство со стороны каких-либо государственных органов, международных организаций, физических или юридических лиц в порядок реализации главой государства обозначенных полномочий.

Учитывая вышеуказанное, в рамках данного исследования особый интерес представляют государства Юго-Западной Азии, а именно, Объединенные Арабские Эмираты (далее также – ОАЭ). Так, указанное государство возникло 2 декабря 1971 года вследствие окончания британского протектората и создания федерации посредством объединения эмиратов [9, с. 17-18].

В целом, Объединенные Арабские Эмираты представляют собой федеративную монархию

[10, с. 151]. В частности, данное государство состоит из семи эмиратов, представляющих собой самостоятельные государственные образования в составе федерации. При этом по форме государственного правления каждый эмират является абсолютной монархией и находится под управлением эмира (правителя). Вместе с тем в состав федерального государственного аппарата входят: Высший совет ОАЭ, Президент ОАЭ, Заместитель Президента ОАЭ, Совет министров ОАЭ, Федеральный национальный совет ОАЭ, Федеральный Верховный суд ОАЭ, а также иные органы публичной власти [3, с. 83].

Степень изученности темы исследования. В настоящий период времени определенный академический интерес у отечественных и зарубежных исследователей вызывают вопросы, связанные с институтом неприкосновенности Президента ОАЭ. В целом, возникновение указанного положения дел было предопределено наличием сформировавшейся практики на основе действующих конституционных норм и обычаев Объединенных Арабских Эмиратов.

Так, отдельные вопросы в сфере конституционно-правового содержания института неприкосновенности главы государства ранее анализировались рядом российских и иностранных ученых: Г. Д. Гаджиевым, А. М. Зариповой, Ю. А. Ивановой, М. О. Долгим, Н. А. Кудратовым, А. Г. Кибальником, А. С. Лагари, Е. С. Мелкумяном, Е. А. Мирошниковой, Р. А. Снахо, В. А. Никоновым, Л. Р. Романовской, А. Е. Куликовой, К. А. Старковым, В. П. Фитиным, Г. И. Сосновым, Р. А. Р. А. Альхмуди, М. Д. К. Шарифуддиным, Дж.-Л. Самааном и др.

Тем не менее в данных научных трудах основное внимание было уделено полномочиям Президента ОАЭ, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности, а также гарантиям его физической неприкосновенности, что свидетельствует об отсутствии исследования, включающего установление субъектного состава, содержания, пределов, моделей нормативного закрепления и правовой природы неприкосновенности главы государства.

Целью исследования является определение конституционно-правового содержания института неприкосновенности Президента ОАЭ, а также формулирование на основе полученных результатов исследовательски обоснованных выводов для дальнейшего совершенствования положений, содержащихся в Конституции ОАЭ, регулирующих вышеобозначенные вопросы.

Задачи исследования:

1. Определить пределы, содержание и правовую природу неприкосновенности главы государства.
2. Установить гарантии обеспечения физической неприкосновенности личности Президента ОАЭ.
3. Выявить перечень полномочий главы государства, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности.
4. Определить субъектный состав неприкосновенности Президента ОАЭ.
5. Установить модели нормативного закрепления неприкосновенности главы государства.

Научная новизна исследования выражается в определении содержания, правовой природы и пределов неприкосновенности Президента ОАЭ, установлении перечня полномочий главы государства, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности, выявлении гарантий физической неприкосновенности Президента ОАЭ, определении субъектного состава неприкосновенности главы государства, а также установлении моделей нормативного закрепления его неприкосновенности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в работе научно обоснованные выводы в части установления моделей нормативного закрепления неприкосновенности Президента ОАЭ, выявления гарантий обеспечения физической неприкосновенности личности главы государства, а также определения перечня его полномочий, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности позволяют обобщить и дополнить существующие теоретические разработки, связанные с конституционно-правовым содержанием института неприкосновенности Президен-

та ОАЭ и являются основанием для проведения последующих научных изысканий в области института неприкосновенности глав зарубежных государств.

Так, в ходе исследования было установлено, что Президенту ОАЭ присуща модель абсолютной неприкосновенности так как глава государства не может привлекаться к юридической ответственности (вместе с тем Конституцией ОАЭ не предусмотрено лишение неприкосновенности Президента ОАЭ посредством соответствующей процедуры), а также модель нормативного закрепления неприкосновенности главы государства характерная для федеративной абсолютной монархии.

Кроме того, было выявлено, что обеспечение физической безопасности личности Президента ОАЭ возложено на Президентскую гвардию ОАЭ. При этом государственная охрана осуществляется с момента рождения указанного лица либо принятия соответствующего решения членами правящей династии и проводится как в местах постоянного, так и временного пребывания главы государства.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что в Российской Федерации обозначенные результаты могут применяться различными федеральными органами и службами при взаимодействии с Президентом РФ с целью обеспечения его неприкосновенности, а именно: реализации мероприятий направленных на создание условий, осложняющих возможность привлечения главы государства к юридической ответственности; обеспечения физической безопасности личности Президента РФ и членов его семьи, а также беспрепятственного осуществления им собственных должностных обязательств. Кроме этого, указанные результаты могут быть использованы в рамках преподавания учебной дисциплины «Конституционное право зарубежных государств».

Основная часть

Методология исследования. В ходе исследования были применены общеполитологический, общенаучные и частнонаучные методы познания. В качестве общеполитологического метода использовался всеобщий диалектический метод познания (формулирование и анализ научно обоснованных выводов в сфере конституционно-правового содержания института неприкосновенности Президента ОАЭ). Из числа общенаучных методов познания были применены дедукция, системный анализ, индукция (определение перечня полномочий главы государства, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности). В качестве частнонаучных методов познания были использованы системно-структурный, аналитиче-

ский и формально-юридический методы (установление гарантий обеспечения физической неприкосновенности личности главы государства, субъектного состава его неприкосновенности, моделей нормативного закрепления неприкосновенности Президента ОАЭ).

Результаты и обсуждение исследования.

В Объединенных Арабских Эмиратах правовое положение главы государства регулируется частью четвертой главой второй Конституции ОАЭ, а также рядом иных конституционных положений. Так, статьей 45 Основного закона определен перечень государственных органов, составляющих законодательную, исполнительную и судебную ветвь власти. При этом согласно сформировавшейся конституционной практики Президент ОАЭ не входит ни в одну из вышеперечисленных ветвей власти, занимает отдельную позицию в государственном механизме и обеспечивает оптимальное функционирование органов публичной власти.

В то же время глава государства обладает собственным конституционно-правовым статусом, содержание которого составляют: требования, предъявляемые к кандидатурам на указанную должность; полномочия; права, обязанности; перечень государственных гарантий; неприкосновенность. При этом неприкосновенность Президента ОАЭ является правовой прерогативой, сформировавшейся в рамках конституционной практики страны и позволяющей главе государства своевременно и эффективно осуществлять собственные полномочия.

Вместе с тем с целью взаимодействия Президента ОАЭ с иностранными органами публичной власти или официальными представителями зарубежных стран либо международными организациями неприкосновенность главы государства дополняется международно-правовым иммунитетом. В целом, неприкосновенность Президента ОАЭ выражается в пожизненном обеспечении невозможности его привлечения к юридической ответственности.

Тем не менее в настоящий период времени в положениях Конституции ОАЭ термин «неприкосновенность» в отношении главы государства не применяется. При этом вследствие имеющего место положения дел в Основном законе отсутствует прямое указание на наличие неприкосновенности у Президента ОАЭ, которая может только подразумеваться исходя из общего содержания конституционных положений, а также отсутствия прецедентов выдвижения обвинений либо подачи гражданских исков в отношении главы государства за период с 1971 года.

Таким образом, исходя из вышеперечисленного, необходимо указать на наличие правового

пробела в рамках законодательства Объединенных Арабских Эмиратов, который может негативно сказаться как на конституционно-правовом регулировании института неприкосновенности Президента ОАЭ, так и на функционировании государственных органов в случае нарушения главой государства положений различных нормативных правовых актов. В частности, представляется целесообразным внести соответствующие изменения в текст статьи 52 Конституции ОАЭ и тем самым нормативно обозначить наличие неприкосновенности у Президента ОАЭ.

В то же время, принимая во внимание сформировавшуюся конституционную практику, регулируемую институт неприкосновенности главы государства, а также положения Основного закона, закрепляющие его конституционно-правовой статус, представляется возможным установить субъектный состав, содержание, правовую природу, модели нормативного закрепления и пределы неприкосновенности Президента ОАЭ. Так, статьей 51 Конституции ОАЭ установлено, что глава государства избирается Высшим советом ОАЭ из собственного состава. То есть при избрании претендента на пост главы государства указанное лицо уже обладает неприкосновенностью, так как является эмиром (правителем) одного из семи эмиратов.

В дальнейшем неприкосновенность Президента ОАЭ действует до момента его ухода из жизни либо насильственного свержения в рамках эмирата, в котором данное лицо является абсолютным монархом [5, с. 164]. Кроме того, целесообразно отметить, что конституционными положениями не предусмотрено лишение неприкосновенности главы государства посредством соответствующей процедуры. В целом, в период исполнения Президентом ОАЭ собственных полномочий в отношении главы государства не могут применяться какие-либо меры юридической ответственности.

Вместе с тем на нормативном и организационном уровне обеспечиваются гарантии физической неприкосновенности личности Президента ОАЭ. Так, согласно статье 120 Основного закона в федеральном ведении находятся вопросы, связанные с защитой Объединенных Арабских Эмиратов от внешних и внутренних угроз [4, с. 448]. В частности, указанное положение означает, что вопросы обеспечения безопасности главы государства, иных членов правящей династии, различных должностных лиц находятся исключительно в компетенции федеральных государственных органов и служб [12, с. 102-103].

Таким образом, физическая неприкосновенность личности Президента ОАЭ обеспечивается

Президентской гвардией ОАЭ, являющейся элитным подразделением специального назначения Вооруженных сил ОАЭ. При этом вышеобозначенное подразделение было сформировано в 2011 году посредством объединения трех военных структур, а именно, Командования специальных операций, Батальона морской пехоты и Гвардии эмира.

В то же время на сегодняшний день в состав Президентской гвардии ОАЭ входит Командование специальных операций, батальоны морской пехоты и разведки, мотопехотная бригада и авиационное подразделение, что формирует у данного элитного подразделения штат численностью около двенадцати тысяч человек [6, с. 113].

Кроме этого, Президентская гвардия ОАЭ перенимает опыт у аналогичных зарубежных служб посредством привлечения иностранных специалистов в рамках различных программ обучения [8, с. 38], направления кадровых военнослужащих в высшие военные учебные заведения, находящиеся на территории союзнических стран, а также открытия собственных специализированных институтов [13, с. 780].

Однако вследствие того, что Президент ОАЭ одновременно является эмиром (правителем) одного из эмиратов государственная охрана его личности осуществляется с момента рождения указанного лица либо принятия соответствующего решения членами правящей династии и проводится как в местах постоянного, так и временного пребывания главы государства. Кроме того, реализуемые меры безопасности распространяются и на иных членов семьи Президента ОАЭ [14, с. 67-68].

В целом, обеспечение безопасности главы государства осуществляется до момента его ухода из жизни либо насильственного свержения в рамках эмирата, в котором данное лицо является абсолютным монархом. При этом в случае добровольного ухода Президента ОАЭ с должности государственная охрана его личности продолжит осуществляться.

В то же время содержание, пределы и правовая природа неприкосновенности главы государства проявляются в формировании и обеспечении условий для своевременного и оптимального исполнения им собственных полномочий. Так, согласно статье 54 Конституции ОАЭ к перечню полномочий Президента ОАЭ, реализация которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности относится:

- подписание и обнародование законопроектов [11, с. 309];
- назначение дипломатических представителей Объединенных Арабских Эмиратов в зарубежных странах и иных высших военных или

гражданских должностных лиц, а также принятие их отставки либо смещение с занимаемых должностей [1, с. 123];

- принятие решения о присвоении орденов, знаков отличия или наград;
- представление официальной позиции Объединенных Арабских Эмиратов как на внутригосударственном, так и на международном уровне;
- осуществление контроля за исполнением федерального законодательства;
- подписание и прием верительных грамот консульских и дипломатических представителей;
- созыв Совета министров ОАЭ и Высшего совета ОАЭ;
- решение вопросов, связанных со смягчением наказания, помилованием либо одобрением вынесенных смертных приговоров;
- председательствование в Высшем совете ОАЭ, осуществление общего процессуального контроля [2, с. 511];
- исполнение иных полномочий, предусмотренных федеральным законодательством либо делегированных Верховным советом ОАЭ.

Вместе с тем целесообразно указать на то, что неприкосновенность главы государства распространяется на: личность Президента ОАЭ, а также иных членов правящей династии; транспортные средства главы государства; деятельность, осуществляемую Президентом ОАЭ при исполнении собственных полномочий; объекты недвижимого имущества, в том числе резиденцию главы государства; средства специальной связи; его переписку, документацию, финансовые активы и багаж.

Таким образом, учитывая вышеперечисленное представляется возможным отметить, что Президенту ОАЭ присуща модель абсолютной неприкосновенности так как глава государства не может привлекаться к юридической ответственности (кроме того, Конституцией ОАЭ не предусмотрено лишение неприкосновенности Президента ОАЭ посредством соответствующей процедуры), а также модель нормативного закрепления неприкосновенности главы государства характерная для федеративной абсолютной монархии.

Выводы. В результате проведения исследования был сформулирован ряд научно обоснованных выводов. В частности, определено, что пределы, правовая природа и содержание неприкосновенности Президента ОАЭ проявляются в создании условий, обеспечивающих невозможность привлечения главы государства к юридической ответственности; обеспечении физической неприкосновенности личности Президента ОАЭ; формировании и обеспечении условий для своевременного и оптимального исполнения им собственных

полномочий.

Вместе с тем был выявлен правовой пробел, связанный с конституционно-правовым регулированием института неприкосновенности Президента ОАЭ, а также предложены возможные пути решения указанной проблематики. Так, представляется целесообразным внести необходимые изменения в текст статьи 52 Конституции ОАЭ и тем самым обозначить наличие неприкосновенности у главы государства на уровне конституционных положений.

Также в ходе исследования были установлены гарантии обеспечения физической неприкосновенности личности Президента ОАЭ, выражающиеся в осуществлении государственной охраны Президентской гвардией ОАЭ как в местах постоянного, так и временного пребывания главы государства, а также иных членов правящей династии.

Наряду с этим был определен перечень полномочий Президента ОАЭ, исполнение которых обеспечивается наличием у него неприкосновенности. При этом было отмечено, что в данный перечень входят как внутригосударственные, так и внешнеполитические полномочия главы государства. В частности, в качестве иллюстрации вышеизложенного могут выступать: подписание и обнародование законопроектов; созыв Высшего совета ОАЭ и Совета министров ОАЭ; представление интересов и официальной позиции Объединенных Арабских Эмиратов как на внутригосударственном, так и на международном уровне; подписание и прием верительных грамот консульских и дипломатических представителей.

В то же время был выявлен субъектный состав неприкосновенности Президента ОАЭ. Так, неприкосновенность главы государства распространяется на: личность Президента ОАЭ, а также иных членов правящей династии; транспортные средства главы государства; деятельность, осуществляемую Президентом ОАЭ при исполнении собственных полномочий; объекты недвижимого имущества, в том числе резиденцию главы государства; средства специальной связи; переписку, документацию, финансовые активы и багаж Президента ОАЭ.

Кроме этого, в ходе исследования были установлены модели нормативного закрепления неприкосновенности главы государства. В частности, Президенту ОАЭ присуща модель абсолютной неприкосновенности так как глава государства не может привлекаться к юридической ответственности (вместе с тем Конституцией ОАЭ не предусмотрено лишение неприкосновенности Президента ОАЭ посредством соответствующей процедуры), а также модель нормативного закрепления неприкосновенности главы государства характер-

ная для федеративной абсолютной монархии.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что институт неприкосновенности Президента ОАЭ осуществляет ряд значимых функций как на внутригосударственном, так и на международном уровне. В частности, неприкосновенность главы государства обеспечивает своевременное и оптимальное исполнение им собственных полномочий, а также не допускает какого-либо вмешательства в порядок осуществления его деятельности со стороны иных субъектов публичных правоотношений.

В то же время с 14 мая 2022 года пост Президента ОАЭ занимает Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян [7, с. 82]. При этом ввиду сложившейся на сегодняшний день политико-экономической обстановки на территории стран Юго-Западной Азии институт неприкосновенности главы государства стал наиболее актуальным и значимым для реализации им различных направлений внутренней и внешней политики страны. Так, в качестве иллюстрации вышеизложенного может выступать имеющий место военный конфликт между Исламской Республикой Иран и Соединенными Штатами Америки, оказывающий негативное влияние на страны данного региона, в том числе и на Объединенные Арабские Эмираты.

Список литературы:

- [1] Гаджиев Г.Д. Правовой статус Президента ОАЭ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2021. – № 2. – С. 122-132.
- [2] Зарипова А.М. Нетипичные разновидности форм монархии в современном мире // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 510-515.
- [3] Иванова Ю.А., Долгий М.О. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 83-89.
- [4] Конституция Объединенных Арабских Эмиратов // Конституции государств Азии / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М. : Норма, 2010. – С. 413-456.
- [5] Кудратов Н.А., Кибальник А.Г. Бунт (мятеж) как преступление против государства в исламском уголовном праве: история и современность // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 158-167.
- [6] Логарев А.С. Объединенные Арабские Эмираты – дорога в будущее // Вестник ученых-международников. – 2020. – № 4 (14). – С. 108-119.
- [7] Мелкумян Е.С. ОАЭ и Республика Корея: нетрадиционные партнеры // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – № 5. – С. 80-89.

[8] Мирошникова Е.А., Снахо Р.А. Особенности иноязычной подготовки военнослужащих в Вооруженных силах Объединенных Арабских Эмиратов // Творческий опыт и перспективы работы преподавателей кафедры иностранных языков военного института физической культуры. Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Изд-во «Военный институт физической культуры Министерства обороны РФ», 2026. – 95 с.

[9] Никонов В.А. Новый участник БРИКС – Объединенные Арабские Эмираты // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 108. – С. 7-26.

[10] Романовская Л.Р., Куликова А.Е. Правовой статус монархов Саудовской Аравии и ОАЭ: сравнительный анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2026. – № 1. – С. 149-153.

[11] Старков К.А. Государственное устройство Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) // Eurasiascience. Сборник статей LIX международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во «ООО «АКТУАЛЬНОСТЬ.РФ», 2024. – 316 с.

[12] Фитин В.П., Соснов Г.И. Развитие военно-технического сотрудничества Объединенных Арабских Эмиратов в свете региональных амбиций Абу-Даби // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 5 (74). – С. 100-119.

[13] Alhmoudi R.A.R.A., Shariffuddin M.D.K. The Military Alliance of The United Arab Emirates: Threats and Opportunities // International Journal of Accounting and Economics Studies. – 2025. – Vol. 12. – № 8. – P. 780-788.

[14] Samaan J.-L. Indigenous Military Reforms from the Outside: The Paradox of the UAE Armed Forces Modernisation // Defence Studies. – 2024. – Vol. 24. – № 1. – P. 65-83.

References:

[1] Gadzhiev G.D. Legal status of the President of the UAE // Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law. – 2021. – No. 2. – P. 122-132.

[2] Zaripova A.M. Atypical types of forms of monarchy in the modern world // Bulletin of Science. – 2024. – No. 6 (75). – pp. 510-515.

[3] Ivanova Yu.A., Dolgiy M.O. United Arab Emirates (UAE): constitutional legislation // Bulletin of Economic Security. – 2023. – No. 1. – P. 83-89.

[4] Constitution of the United Arab Emirates // Constitutions of Asian States / ed. T.Ya. Khabrieva. – M.: Norma, 2010. – P. 413-456.

[5] Kudratov N.A., Kibalnik A.G. Riot (rebellion) as a crime against the state in Islamic criminal law: history and modernity // State and Law. – 2023. – No. 5. – P. 158-167.

[6] Lagari A.S. United Arab Emirates - the road to the future // Bulletin of international scientists. – 2020. – No. 4 (14). – pp. 108-119.

[7] Melkumyan E.S. UAE and the Republic of Korea: non-traditional partners // World Economy and International Relations. – 2023. – No. 5. – P. 80-89.

[8] Miroshnikova E.A., Snakho R.A. Features of foreign language training of military personnel in the Armed Forces of the United Arab Emirates // Creative experience and work prospects for teachers of the Department of Foreign Languages of the Military Institute of Physical Culture. Collection of scientific works. – St. Petersburg: Publishing house "Military Institute of Physical Culture of the Ministry of Defense of the Russian Federation", 2026. – 95 p.

[9] Nikonov V.A. The new BRICS member is the United Arab Emirates // Public Administration. Electronic newsletter. – 2025. – No. 108. – P. 7-26.

[10] Romanovskaya L.R., Kulikova A.E. Legal status of the monarchs of Saudi Arabia and the UAE: comparative analysis // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – 2026. – No. 1. – P. 149-153.

[11] Starkov K.A. State structure of the United Arab Emirates (UAE) // Eurasiascience. Collection of articles of the LIX international scientific and practical conference. – M.: Publishing house "LLC "AKTUALNOST.RF", 2024. – 316 p.

[12] Fitin V.P., Sosnov G.I. Development of military-technical cooperation of the United Arab Emirates in the light of Abu Dhabi's regional ambitions // Problems of national strategy. – 2022. – No. 5 (74). – pp. 100-119.

[13] Alhmoudi R.A.R.A., Shariffuddin M.D.K. The Military Alliance of The United Arab Emirates: Threats and Opportunities // International Journal of Accounting and Economics Studies. – 2025. – Vol. 12. – No. 8. – P. 780-788.

[14] Samaan J.-L. Indigenous Military Reforms from the Outside: The Paradox of the UAE Armed Forces Modernization // Defense Studies. – 2024. – Vol. 24. – No. 1. – P. 65-83.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-169-174

Дата принятия рукописи в печать: 08.08.2026 г.

ТЕРЕНТЬЕВ Роман Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Северо-Западного
филиала Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: trv-2008@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНЫХ ПРИНЦИПОВ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Аннотация. Статья посвящена анализу возможности закрепления единых принципов применения мер административной ответственности за таможенные правонарушения в государствах-членах ЕАЭС. Автор проводит сравнительно-правовой анализ положений российского и белорусского КоАП, делает вывод о возможности использования правовых конструкций, использованных в КоАП РБ, при формировании норм, направленных на гармонизацию законодательства, регламентирующего административную ответственность за таможенные правонарушения в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, таможенные правонарушения, административная ответственность, принципы правового регулирования, Кодекс об административных правонарушениях.

TERENTEV Roman Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor of Department of State Law
Disciplines, North-West branch of the Federal State Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education «The Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev»

FORMATION OF UNIFORM PRINCIPLES FOR REGULATING LIABILITY FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF CUSTOMS IN THE EAEU MEMBER STATES

Annotation. The article is devoted to the analysis of the possibility of consolidating common principles for the application of administrative liability measures for customs offenses in the EAEU member states. The author conducts a comparative legal analysis of the provisions of the Russian and Belorussian Administrative Offenses, concludes that it is possible to use the legal structures used in the Administrative Code of the Republic of Belarus in the formation of norms aimed at harmonizing legislation regulating administrative liability for customs offenses within the EAEU.

Key words: EAEU, customs offenses, administrative responsibility, principles of legal regulation, Code of Administrative Offenses.

Введение

Современное таможенное законодательство уже больше 15 лет развивается в условиях создания единой таможенной территории, первоначально в условиях функционирования Таможенного Союза, в настоящий момент в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Формирование таможенного союза подразумевает не только общность таможенной территории и таможенного тарифа, но и наличие единой системы норм, регламентирующей перемещение товаров через таможенную границу. Несмотря на значительно количество проблем, связанных с функционированием ЕАЭС, можно говорить о том, что

в настоящий момент сложилась единая система наднационального таможенного регулирования, основанная на нормах Договора о ЕАЭС, нормах Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС) и иных актах международного права. Вместе с тем, нормы, регламентирующие применение мер ответственности за нарушение таможенного законодательства на территориях государств-членов ЕАЭС, не унифицированы и устанавливаются национальным законодательством. С одной стороны, такое положение не является уникальным или серьезно отличающимся от практики иных таможенных союзов. Безусловно, законодательство, устанавливающие меры ответственности, сложно поддается унификации в связи с особой ролью в обеспечении национального суверенитета государства. С другой стороны, наличие общей таможенной территории и общей системы таможенного регулирования предусматривает наличие общих принципиальных подходов к вопросам установления мер ответственности, так как наличие существенных противоречий в данной сфере будет являться дестабилизирующим фактором для Союза. Ряд авторов приходит к выводу о том, что «Осуществление производства по делам об административных правонарушениях в соответствии с действующими национальными законодательствами государств-членов ЕАЭС явно противоречит целям создания ЕАЭС». [1; 2, с.185] Актуальность данного вопроса подтверждается Консультативным заключением Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2026 г. № Р-4/25 [3] которое, с одной стороны подтвердило полную автономию государств-членов в отношении определения мер ответственности за таможенные правонарушения, с другой стороны напомнило о необходимости соблюдения базовых принципов правового регулирования при применении таких мер. Сам текст запроса, результатом которого стало заключение Суда Евразийского экономического союза свидетельствует о попытках оспорить применение национальных норм о конфискации предмета и орудия административного правонарушения по причинам их несоответствия праву ЕАЭС.

Результаты исследования

Существует несколько способов, способствующих унификации и гармонизации законодательства, устанавливающего меры ответственности за таможенные правонарушения. К таким способам можно отнести создание модельных законодательных актов, закрепление общих норм в отдельных международных договорах, формирование рекомендаций на уровне органов наднационального регулирования. Ряд авторов говорят о возможности создания единых кодексов [4, с.183], что, нашему мнению, затруднительно на совре-

менном этапе интеграции. Можно говорить о том, что наиболее доступной мерой будет являться установление общих принципов ответственности, которые могли бы быть ориентирами для законотворчества.

Есть возможность прийти к выводу о том, что нормы ЕАЭС в настоящий момент регламентируют вопросы административной ответственности исключительно фрагментарно, в том числе и на уровне формулировок принципов такой ответственности.

В соответствии с п.4. ст.354 Таможенного кодекса ЕАЭС принципы привлечения правонарушителей к уголовной и административной ответственности устанавливаются национальным законодательством. Аналогичные нормы содержатся в ст. 3 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза (далее – Договор об особенностях ответственности). Анализ показывает, что нормы указанного выше договора направлены исключительно на недопущение правовых коллизий, связанных с разграничением подведомственности дел о нарушениях таможенных правил, на недопущение повторного наказания за одно и тоже деяние и на использование результатов таможенного контроля (обязательных для всех государств) в правоохранительной деятельности. Данные нормы никак не затрагивают материальную и процессуальную составляющие национального законодательства за исключением тех положений, которые необходимы для реализации договора. Стоит отметить, что попытки внести изменения в действующий Договор об особенностях ответственности предпринимаются. По сообщениям средств массовой информации в рамках деятельности рабочей группы под председательством министра по таможенному сотрудничеству Евразийской экономической комиссии Эльдара Алишера велось активное обсуждение возможности закрепления в законодательстве принципов привлечения правонарушителей к ответственности, в частности, таких принципов, как законность, справедливость, гуманизм, равенство перед законом и судом, презумпция невиновности, неотвратимость наказания и его соразмерность с общественной опасностью совершенного правонарушения [5]. Пробным шагом в этом направлении следует признать Решение Высшего Евразийского экономического совета от 21 декабря 2025 г. № 20 «Об определении общих принципов и подходов в отношении установления в законодательстве государств – членов Евразийского экономического союза ответственности за нарушение обязательных требований к продукции, правил и процедур

проведения обязательной оценки соответствия в целях установления сходного (сопоставимого) регулирования в указанной сфере», которое направлено, прежде всего, на фиксацию принципов законности, справедливости, равенства перед законом, презумпции невиновности, правовой определенности, неотвратимости и соразмерности ответственности, соблюдения прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности. При этом принятый акт прямо указывает на то, что «государства-члены стремятся к установлению в своем законодательстве сходных (сопоставимых) мер ответственности на основе принципа необходимой достаточности с учетом особенностей национальной правовой системы». Вместе с тем, перечисление таких принципов без их конкретизации не может считаться достаточно эффективной мерой совершенствования системы правового регулирования. Сказанное имеет особое значение в связи с установлением принципов ответственности в рамках ЕЭАС, так как неизбежно станет вопрос о трактовке, например, принципа справедливости, который может пониматься как принцип равной ответственности за одинаковые правонарушения и принцип основной на учет индивидуальных особенностей правонарушителя и обстоятельств совершения противоправного деяния [6]. Вопрос о формировании принципов привлечения к ответственности за таможенные правонарушения не может исследоваться без анализа российских норм, регламентирующих применение мер административной ответственности, ввиду особой роли, которую играет Российская Федерация в отношениях, связанных с функционированием ЕАЭС.

Определение принципов правового регулирования в сфере установления мер административной ответственности и производства по делам об административных правонарушениях является актуальным для Российской Федерации. Можно говорить о значительном количестве мнений по поводу перечня и содержания таких принципов [7]. Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не содержит норм, подробно раскрывающих как принципы административной ответственности, так и принципы производства по делам об административных правонарушениях. Законодатель упоминает принцип равенства всех лиц перед законом при применении мер административной ответственности (ст. 1.4. КоАП РФ), принцип презумпции невиновности (ст.1.5. КоАП РФ). Остальные традиционные принципы, связанные с применением мер ответственности, подлежат выделению из текста закона путем формального и системного толкования [8, с.690]. Нормы

КоАП РФ, регламентирующие производство по делам об административных правонарушениях, закрепляют задачи производства, выделение из которых принципов правового регулирования осуществляется так же толкованием с использованием иных норм КоАП РФ. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 2018 года не содержит норм, устанавливающих принципы ответственности за таможенные правонарушения, ввиду иной направленности указанного акта.

По нашему мнению опыт Республики Беларусь может быть использован как при формировании системы принципов ответственности за таможенные правонарушения, так и при закреплении единых стандартов применения мер такой ответственности.

Результаты третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях, закрепленные в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ) и Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, демонстрируют возможность системного подхода к изложению принципов административной ответственности, в том числе ответственности за таможенные правонарушения.

Во-первых, следует отметить, что принципы административной ответственности изложены в КоАП РБ достаточно подробно. Белорусский законодатель относит к ним принципы законности, справедливости, гуманизма, равенства перед законом, а также виновной ответственности физических лиц (ч.3.ст.1.2 КоАП РБ). Необходимо отметить, что для системы правового регулирования важное значение будет иметь не только фиксация того или иного принципа, но и наличие норм, направленных на его раскрытие и реализацию. Принципы законности, справедливости, гуманизма являются общеправовыми принципами и их значение для правового регулирования применения мер ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела должно раскрываться через соотношение с иными нормами, устанавливающими административную ответственность. Указанный тезис может быть проиллюстрирован через анализ норм, способствующих реализации принципа справедливости при применении мер административной ответственности в Республике Беларусь.

Ст. 1.4 КоАП РБ конкретизирует принцип справедливости через норму о соразмерности применения мер ответственности общественной опасности совершенного деяния, наступившим последствиям и обстоятельствам совершенного

деяния, целям назначения наказания. Такая конструкция характерна для уголовного-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, раскрывающего принцип справедливости через справедливость наказания и справедливость приговора (ч.2. ст. 6, ст.297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ч.4 ст.350 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь).

Перечислим правовой инструментарий белорусского законодательства, который, на наш взгляд, способствует реализации принципа справедливости, понимаемого, через соразмерность наказания наступившим неблагоприятным последствиям и характеристике правонарушителя.

Примечание к главе 15 КоАП РБ указывает на то, что под стоимостью предмета таможенного правонарушения необходимо понимать так называемую «таможенную» стоимость, то есть ту, которая вытекает из содержания документов, необходимых для таможенного оформления, а не рыночную стоимость, определяемую экспертным путем. Таможенная стоимость - это стоимость, непосредственно уплаченная импортером за товар в рамках которой он может нести ответственность. Указанные правила, на наш взгляд, выгодно отличаются от аналогичных норм КоАП РФ, которые предусматривают для участников внешнеэкономической деятельности исключительно рыночную оценку предмета таможенного правонарушения по ценам внутреннего рынка, которые могут значительно отличаться от таможенной стоимости. Несмотря на то, что данная норма устояла в Конституционном Суде Российской Федерации, установление единых принципов административной ответственности за таможенные правонарушения в рамках ЕАЭС может способствовать трансформации существующего в настоящий момент права.

Важной особенностью КоАП РБ является правило, в соответствии с которым принцип двухсубъектной ответственности не применяется при совершении таможенного правонарушения. Пункт 2 примечания к 15 главе КоАП РБ исключает производство в отношении должностного лица при начале производства в отношении юридического лица.

Необходимо отметить, что значительная часть проблем, связанных с применением принципа справедливости при назначении наказания, в Российской Федерации вызвана особенностями конструкции норм ч.1 ст. 16.2. КоАП РФ (недекларирование). Данная статья указывает на правонарушение с формальным составом (т.е. не предусматривает обязательного наличия неуплаты таможенных платежей или покушения на та-

кую неуплату) одновременно с наличием суровых санкций – от 50 процентов до 200 процентов от стоимости перемещаемого товара. При этом недекларирование товара может пониматься достаточно широко, в том числе и как неверное описание товара, вне зависимости от умышленного или неосторожного характера деяния. Установление санкций в размере, кратном стоимости товара препятствует установлению соразмерного наказания, а при наличии конфискации, как дополнительного наказания может привести к фактическому удвоению мер ответственности, которые могут применяться и за неумышленные правонарушения, так как форма вины при применении мер ответственности по ст. 16.2. законодателем не устанавливается (а для юридических лиц и не может устанавливаться).

В соответствии с ч. 1 ст.15.5 КоАП РБ противоправным деянием признается только такое недекларирование товара, которое повлекло или могло повлечь неуплату таможенных платежей или несоблюдение запретов и ограничений. Указанные нормы превращают данное правонарушение в правонарушение с материальным составом, что позволяет исключить ответственность за правонарушения, сопряженные с ошибками, не влекущим серьезных последствий. Отдельно можно упомянуть верхний предел штрафных санкций в соответствии со ст.15.5 КоАП РБ – не более 30 процентов от стоимости предмета административного правонарушения и исключения конфискации из перечня наказаний за недекларирование и недостоверное декларирование.

Один из проблемных вопросов правоприменения в Российской Федерации – определение малозначительности деяния. Ярким примером такой проблемы является дело, рассмотренное Конституционным Судом Российской Федерации в 2024 году (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П), в рамках которого обсуждалась правомерность наложения административных штрафов на крупных участников ВЭД за таможенные правоотношения в несколько сотен рублей. Таможенные правонарушения – это та сфера, где могут использоваться количественные показатели при определении того, что считать малозначительным деянием. В соответствии со ст. 3.5. КоАП РБ неуплата таможенных платежей на сумму менее одного процента размера уплаченных за календарный год не образует состава административного правонарушения при условии оперативного (в течении 10 дней после завершения мероприятий таможенного контроля) погашения задолженности. Кроме того, для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей установлены пороговые значения – до 40 базовых

величин, как специальное условие привлечение к ответственности за таможенные правонарушения. Данные нормы могут указывать на установление каких-либо конкретных ограничений, отделяющих малозначительные деяния от общественно-опасных, что может быть реализовано в рамках единых стандартов ЕАЭС.

Выводы

Проект акта ЕАЭС, устанавливающего принципы административной ответственности за таможенные правонарушения, по нашему мнению, должен не только содержать нормы, закрепляющие принципы правового регулирования, но и раскрывать эти принципы, в том числе через нормы о соразмерности наказания общественной опасности деяния и наступившим неблагоприятным последствиям. Для того, чтобы акт ЕАЭС не ограничился наличием декларативных норм, его содержание, на наш взгляд, должно предусматривать некоторые конкретные ориентиры для национального законодателя. Такими ориентирами могут быть:

указание на необходимость установления мер ответственности за недекларирование и недостоверное декларирование товаров только за те правонарушения, которые повлекли или могли повлечь неуплату таможенных платежей или применение запретов и ограничений, установленных действующим законодательством;

указание на необходимость установления в национальном законодательстве критериев, которые будут определять незначительность таможенного правонарушения, влекущего освобождение от административной ответственности;

указание на использование рыночной оценки стоимости предмета или орудия административного правонарушения только при невозможности использования в этих целях таможенной стоимости товара;

указание на наличие критериев, которые могут повлечь такую санкцию, как конфискация орудия или предмета административного правонарушения.

Дополнительным критерием может стать установление общего максимального порога штрафных санкций, определяемого в процентном отношении от стоимости предмета или орудия административного правонарушения.

Список литературы:

[1] Клейменова А.Н. Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в области таможенного дела в Евразийском экономическом союзе // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 80-88.

[2] Рыльская М.А., Гуменюк

В.П. Административная ответственность за нарушение таможенных правил: проблемы применения в условиях Евразийского экономического союза // Таможенные чтения - 2020. Стратегия развития 2030. Вызовы времени. Наука и инновации : Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 3-х тт., Санкт-Петербург, 23--27 ноября 2020 года. Том III, часть 1. — Санкт-Петербург: РИО Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии, 2020. — С. 184-190.

[3] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2026 г. № P-4/25.

[4] Зайцева В. Д., Тарарышкина Л.И. Направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах-членах ЕАЭС // Международные отношения: история, теория, практика : Материалы IX научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений БГУ, Минск, 01 февраля 2019 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2019. — С. 180-185.

[5] ЕЭК разрабатывает общие принципы и подходы к установлению ответственности за нарушения таможенных правил // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/EEK-razrabatyvaet-obshchieprintsipy-i-podkhody-k-ustanovleniyu-otvetstvennosti-za-narusheniya-tamozh/?ysclid=mratkqqukk193405950> (дата обращения: 05.06.2026).

[6] Григорьев В. В. Проблема гармонизации законодательства государств-участников Евразийского экономического союза за правонарушения в сфере таможенных платежей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С.35-39.

[7] Евсикова Е. В., Пономарев А. В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 2. С.240-249.

[8] Терентьев. Р. В. К вопросу о нормативном закреплении принципов административной ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 марта 2026 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2026. — С. 689-693.

References:

[1] Kleymenova A.N. Comparative legal analysis of administrative liability in the field of

customs affairs in the Eurasian Economic Union // Administrative and municipal law. 2023. No. 4. pp. 80-88.

[2] Rylskaya M.A., Gumenyuk V.P. Administrative liability for violation of customs rules: problems of application in the context of the Eurasian Economic Union // Customs Readings - 2020. Development Strategy 2030. Challenges of the Time. Science and Innovation: Collection of materials from the International scientific and practical conference. In 3 vols., St. Petersburg, November 23-27, 2020. Volume III, part 1. - St. Petersburg: RIO St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, 2020. - pp. 184-190.

[3] Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated January 13, 2026, No. R-4/25.

[4] Zaitseva V. D., Tararyshkina L. I. Directions for the Unification of Legislation on Customs Offenses in the EAEU Member States // International Relations: History, Theory, Practice: Proceedings of the IX Scientific and Practical Conference of Young Scientists of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, February 1, 2019. - Minsk: Belarusian State University, 2019. - P. 180-185.

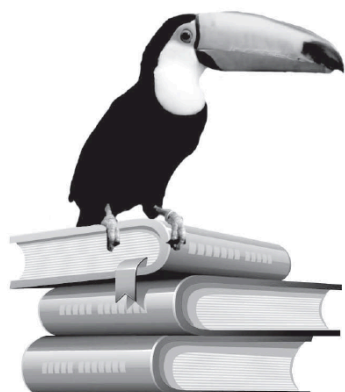
[5] The EEC is developing general principles and approaches to establishing

liability for violations of customs regulations // Eurasian Economic Commission. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-razrabatyvaet-obshchie-printipy-i-podkhody-k-ustanovleniyu-otvetstvennosti-za-narusheniya-tamozh/?ysclid=mratkqqukk193405950> (accessed: 05.06.2026).

[6] Grigoriev V. V. The problem of harmonization of the legislation of the member states of the Eurasian Economic Union for offenses in the field of customs payments // Bulletin of Economic Security. 2015. No. 5. pp. 35-39.

[7] Evsikova E. V., Ponomarev A. V. On the issue of interpretation of the concept and principles of administrative liability in the context of reforming the administrative-tort legislation // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. 2021. No. 2. P.240-249.

[8] Terentyev. R. V. On the issue of normative consolidation of the principles of administrative responsibility // Current issues of administrative and administrative-procedural law (Sorokin Readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 20, 2026. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2026. - P. 689-693.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-175-179

Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

ГУСЕВА Галина Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и
истории государства и права, Байкальский государственный
университет Россия, Иркутск,
e-mail: galiguseva@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВИНА» ОТ АРТИКУЛА ВОИНСКОГО 1715
ГОДА ДО УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ 1845 ГОДА**

Аннотация. Настоящее исследование посвящено историко-правовому анализу эволюции понятия «вина» в российском уголовном законодательстве в период его систематизации и окончательного доктринального оформления – от Артикула воинского 1715 г. до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. включительно. В статье обосновывается тезис о том, что именно в этот период российское право прошло путь от первой классификации преступлений на умышленные, неосторожные и случайные до развернутой системы форм вины с трехзвенной градацией умысла. Особое внимание уделяется ключевым памятникам права: Артикулу воинскому 1715 г., Уставу благочиния 1782 г., проекту Уголовного уложения 1813 г., Уложению о наказаниях 1845 г. и др. В работе выявляются основные этапы становления категории «вина» в завершающий период, раскрываются особенности правового регулирования умышленных и неосторожных деяний, анализируется эволюция феномена «голого умысла» от безусловной наказуемости до ограниченных законом случаев. Делается вывод о том, что к середине XIX в. в российском праве сформировалась завершённая система форм вины, заложившая основы современного понимания данной правовой категории.

Ключевые слова: вина, субъективная сторона преступления, Артикул воинский, Устав благочиния, проект Уголовного уложения 1813 г., Уложение о наказаниях уголовный и исправительных, умысел, формы вины, неосторожность, случай, голый умысел.

GUSEVA Galina Viktorovna,
Ph.D. in economical sciences, associate professor of the
department of theory and history of state and law, Baikal State
University, Russia, Irkutsk

**EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "GUILT" FROM THE ARTICLE
OF THE MILITARY OF 1715 TO THE CODE OF PUNISHMENTS OF 1845**

Annotation. This study provides a historical and legal analysis of the evolution of the concept of "guilt" in Russian criminal law during the period of its systematization and final doctrinal formulation – from the Military Articles of 1715 to the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 inclusive. The article substantiates the thesis that it was during this period that Russian law evolved from the first classification of crimes as intentional, negligent, and accidental to a comprehensive system of forms of guilt with a three-tiered gradation of intent. Particular attention is given to key legal documents: the Military Articles of 1715, the Charter of Decency of 1782, the draft Criminal Code of 1813, the Penal Code of 1845, and others. The paper identifies the key stages in the development of the category of "guilt" in the final period, reveals the specifics of the legal regulation of intentional and negligent acts, and analyzes the evolution of the phenomenon of "naked intent" from absolute punishability to cases limited by law. It is concluded that by the mid-19th century, a complete system of forms of guilt had emerged in Russian law, laying the foundations for the modern understanding of this legal category.

Key words: *guilt, subjective aspect of crime, Military Articles of Decency, Charter of Decency, draft Criminal Code of 1813, Penal Code of Criminal and Correctional Punishments, intent, forms of guilt, negligence, chance, naked intent.*

Проблема вины как психического отношения лица к совершаемому им преступному деянию и его последствиям – один из центральных и дискуссионных вопросов уголовно-правовой науки. В предыдущий исторический период (от Русской Правды до Соборного Уложения 1649 г.) были заложены основы критериев умысла, неосторожности и случая, однако детальной систематизации еще не произошло. Настоящая статья посвящена завершающему этапу эволюции понятия «вина» – от петровских реформ, закрепивших четкую классификацию преступлений по субъективному признаку, до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое стало квинтэссенцией многовекового развития российского уголовного права в данной сфере.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового регулирования в связи с определением субъективной стороны преступления и форм вины в период с XVIII в. до середины XIX в. Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства, действовавшие от Артикула воинского 1715 г. до Уложения о наказаниях 1845 г., закреплявшие понятие вины и ее разновидностей, а также доктринальные источники, отражающие эволюцию правопонимания в данной сфере на завершающем этапе.

Для достижения цели исследования автором применялись следующие методы: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также методы анализа, синтеза и систематизации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления завершающего этапа формирования института вины, результаты которого непосредственно повлияли на последующие кодификации вплоть до современного Уголовного кодекса РФ. Понимание того, как российское законодательство от первой систематизации при Петре I пришло к детально разработанной доктрине форм вины, позволяет оценить логику развития уголовного права. Актуальность исследования подтверждают многочисленные работы исследователей, посвященных данной тематике [1-2, 4-6].

Эволюцию исследуемой правовой категории в период от Артикула воинского 1715 г. до Уложения о наказаниях 1845 г. предлагается разделить на три этапа (см.рис.1).

Рис.1. Этапы развития категории «вина» в правовых актах в отечественной истории в период

с XVIII в. до сер. XIX в.

Этап I. Петровская эпоха: детализация и систематизация в Артикуле воинском 1715 г.

Начало рассматриваемого периода связано с эпохой Петра I. Именно в петровский период институт вины получил наиболее значительное развитие. Артикул воинский 1715 г. представлял собой первый военно-уголовный кодекс России и содержал наиболее детальную на тот момент систематизацию уголовно-правовых норм.

Артикул воинский установил четкую классификацию: преступления разделялись на умышленные, неосторожные и случайные. М. Г. Князькова и Н. Г. Макаренко отмечают, что по Артикулу воинскому «понятия неосторожного и умышленного деяния смешивались» [3, с. 233]. Так, уголовная ответственность наступала только при совершении умышленных или неосторожных преступлений. Однако, если умышленное деяние влекло строгое наказание, то неосторожное наказывалось мягче. Это отвечало общей тенденции петровских преобразований, направленных на упорядочение правовой системы и повышение эффективности государственного управления. Случайные же деяния наказанию не подлежали, что свидетельствовало о прочном утверждении принципа субъективного вменения.

Артикулы предусматривали деление преступной деятельности на уже ранее определенные стадии: умысел, покушение и законченное преступление. В ряде случаев наказание устанавливалось уже за один умысел – прежде всего в делах о государственных преступлениях. В иных случаях наказуемость умысла определялась моментом его обнаружения.

Важно отметить, что Артикул воинский сохранил перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, что также требовало учета субъективной стороны преступления. Тем самым законодатель не только дифференцировал формы вины, но и предписывал судам принимать во внимание конкретные обстоятельства – например, состояние аффекта, состояние опьянения и иные факторы, влияющие на степень виновности.

Этап II. Эпоха Просвещения: развитие субъективного вменения во второй половине XVIII в. - начале XIX в. (Устав благочиния 1782 г., проект Уголовного уложения 1813 г.).

После петровских реформ российское уголовное право продолжало развиваться под влиянием идей европейского Просвещения. Важным этапом на пути к субъективному вменению стала

вторая половина XVIII – начало XIX вв., когда были приняты законодательные акты, углубившие дифференциацию форм вины. В 1767 г. в своем «Наказе» Екатерина II провозгласила принцип, согласно которому цель законов заключается в предупреждении преступлений, и указала на необходимость различать умысел, неосторожность и случай при назначении наказания. Несмотря на то, что «Наказ» не имел силы закона, его идеи оказали значительное влияние на последующее законодательство.

Устав благочиния или полицейский устав 1782 г. впервые в российском праве закрепил понятие «умысел» в контексте предупреждения преступлений. Например, ст. 198 Устава предписывала полиции не допускать никакого умысла, клонящегося к нарушению общего покоя. В Уставе также различались умышленные и неумышленные нарушения правил благочиния, что свидетельствовало о дальнейшем развитии субъективного подхода.

Особое значение имел проект Уголовного уложения 1813 г., разработанный при Александре I, который впервые в российской практике дал легальное определение умысла и неосторожности. В нем различались: умысел с предумышлением, умысел без предумышления (внезапный) и неосторожность (легкомыслие и небрежение). Проект предусматривал, что случай не влечет ответственности, и вводил понятие «преступное намерение» как стадию, предшествующую покушению. Хотя проект 1813 г. не был принят, его положения легли в основу последующих кодификаций, включая Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Таким образом, данный этап стал переходным и связующим звеном между систематизацией вины в Артикуле воинском и окончательным доктринальным завершением в Уложении 1845 г.

Этап III. Завершение формирования системы: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало квинтэссенцией многовекового развития российского уголовного права. В нем не только была окончательно закреплена система форм вины, но и проведена тщательная детализация видов умысла и неосторожности.

Уложение 1845 г. различало умысел трех видов: с заранее обдуманном намерением – наиболее опасная форма умысла, предполагающая предварительное планирование преступления; по внезапному побуждению – умысел, возникший под влиянием эмоций или иных обстоятельств, исключающих предварительную подготовку к преступлению; непредумышленный – находящийся на грани между умыслом и неосторожностью.

Уложение делило преступления и проступки на умышленные и неумышленные, причем последние подразделялись на случайные и неосторожные. Ст. 7 Уложения предусматривает: «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною». Так, случайные преступления и проступки наказанию не подлежали. Неосторожные преступления наказывались мягче и лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

Примечательно, что Уложение 1845 г. по-разному решало вопрос о наказуемости «голового умысла» и предусматривало наказание «только в случаях, прямо указанных в законе (тяжкие преступления против государства)» [7, с. 6]. Так, в ст. 9 Уложения признаки умысла рассматривались как «изъявление на словах, или письменно, или же иным каким-либо действием намерения учинить преступление»; в ст. 97 говорилось об умысле на преступление и его наказуемости (в случае прямого указания на это в законе).

Важным шагом в развитии субъективного подхода стало то, что Уложение 1845 г. закрепило основания, устраняющие вменение. К таким основаниям относились: случайность, малолетство (до 10 лет вменение исключалось, с 10 до 14 было условным), безумие, сумасшествие, беспамятство, ошибка, принуждение, непреодолимая сила, необходимая оборона. Возраст уголовной ответственности был установлен с семи лет.

В целях систематизации полученных результатов и наглядной демонстрации динамики развития понятия вины в российском праве на завершающем этапе представляется целесообразным включить в статью следующую таблицу, построенную по хронологическому принципу.

Таблица 1. Эволюция понятия вины в российском уголовном праве (XVIII в. – сер. XIX в.)

Памятник права	Хронология	Характеристика	Особенности правового регулирования
Артикул воинский 1715 г.	XVIII в.	Шаг к систематизации	Классификация: умышленные, неосторожные, случайные деяния; стадии

			развития умысла – от возникновения намерения до совершения деяния.
«Наказ» Екатерины II 1767 г., Устав благочиния 1782 г., проект Уголовного уложения 1813 г.	Вторая половина XVIII – начало XIX вв.	Развитие понятий: умысел (предумышленный и внезапный), неосторожность, случай	Влияние идей Просвещения; легальные определения в проекте Уголовного уложения 1813 г.; различие умысла с предумышлением и без предумышления; наказуемость только за умысел и неосторожность; исключение случая; «голый умысел» наказуем только за государственные преступления.
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.	XIX в.	Завершение доктрины	Трехзвенная система умысла (с заранее обдуманым намерением / по внезапному побуждению / непредумышленный); преступления и проступки делились на умышленные и неумышленные (случайные и неосторожные).

Проведенный историко-правовой анализ эволюции понятия «вина» от Артикула воинского 1715 г. до Уложения о наказаниях 1845 г. позволяет сформулировать ряд обобщений:

Систематизация при Петре I. Артикул воинский 1715 г. впервые установил четкую классификацию преступлений на умышленные, неосторожные и случайные, закрепил стадии развития умысла и утвердил принцип субъективного вменения, при котором случай исключал ответственность.

Влияние идей Просвещения и проектные разработки. Во второй половине XVIII – начале XIX в. (Устав благочиния 1782 г., проект Уголовного уложения 1813 г.) были разработаны легальные определения умысла и неосторожности, введено различие между предумышленным и внезапным умыслом. Хотя проект 1813 г. не вступил в силу, он заложил концептуальную основу для последующей кодификации.

Завершающая кодификация – Уложение о наказаниях 1845 г. Этот законодательный акт стал квинтэссенцией развития института вины. Он установил трехзвенную систему умысла (с заранее обдуманым намерением, по внезапному побуждению, непредумышленный), детально регламентировал неосторожность и случай, ограничил наказуемость «голого умысла» только государственными преступлениями и закрепил основания, устранившие вменение.

Таким образом, к середине XIX в. в россий-

ском праве сформировалась развернутая система форм вины, заложившая основы современного понимания данной правовой категории. Последующие кодификации (Уголовное уложение 1903 г., УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г. и УК РФ 1996 г.) развивали и детализировали эти положения, но фундаментальные принципы классификации умысла, неосторожности и случая остались неизменными.

Список литературы:

[1] Белясов С. Н. История развития форм вины в уголовном праве / С. Н. Белясов, А. Л. Вострокнутов, В. В. Зыков // Закон и право. – 2022. – № 10. – С. 18-23. – DOI 10.24412/20733313_2022_10_18. – EDN KWKBJK.

[2] Иванова Л. М. Криминалистическая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека / Л. М. Иванова, Б. А. Турутов. – DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).19 // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11, № 1.

[3] Князькова М. Г. Эволюция признаков внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв. / М. Г. Князькова, Н. Г. Макаренко // Известия Сочинского государственного университета. – 2012. – № 3(21). – С. 231-235. – EDN PVEYMN.

[4] Минникес И.В. Виды юридической ответственности в российском праве XVI–XVIII века / И.В. Минникес // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 5–13. – DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(1).5-13..

[5] Новокрещенов Д. Н. К вопросу о понятии вины юридического лица в российском гражданском праве / Д. Н. Новокрещенов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 3. – С. 30. – EDN NTYRID.

[6] Рыбак А. З. Принцип вины (субъективного вменения) в российском уголовном праве: историческая эволюция и современные вызовы / А. З. Рыбак // Гуманитарный научный вестник. – 2026. – № 2. – С. 119-126. – DOI 10.5281/zenodo.18466358. – EDN CPDYXE.

[7] Скреля К. Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года / К. Ю. Скреля // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 4(22). – С. 1-16. – EDN AXMKHU.

References:

[1] Belyasov S. N. History of the development of forms of guilt in criminal law/S. N. Belyasov, A. L. Vostroknutov, V. V. Zykov // Law and Law. – 2022. – № 10. - S. 18-23. – DOI 10.24412/20733313_2022_10_18. – EDN KWKBKJ.

[2] Ivanova L. M. Forensic characterization

of intentional infliction of grievous bodily harm/ L. M. Ivanov, B. A. Tugutov. – DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).19 // Baikal Research Journal. – 2020. - T. 11, NO. 1.

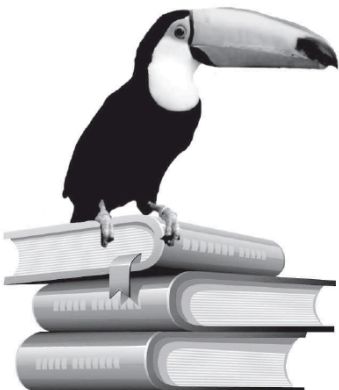
[3] Knyazkova M.G. Evolution of signs of the internal (subjective) side of the composition of property crimes in the criminal law doctrine and legislation of the Russian state of the 18th - early 20th centuries/M.G. Knyazkova, N.G. Makarenko // Izvestia of Sochi State University. – 2012. – № 3(21). - S. 231-235. – EDN PVEYMN.

[4] Minnikes I.V. Types of legal liability in Russian law of the XVI-XVIII centuries/I.V. Minnikes // Academic Law Journal. – 2021. - T. 22, NO. 1. - S. 5-13. – DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(1).5-13..

[5] Novokreschenov D.N. To the question of the concept of guilt of a legal entity in Russian civil law/D.N. Novokreschenov // Izvestia of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). – 2011. – № 3. - S. 30. – EDN NTYRID.

[6] Rybak A.Z. The principle of guilt (subjective imputation) in Russian criminal law: historical evolution and modern challenges/A.Z. Rybak // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2026. – № 2. - S. 119-126. – DOI 10.5281/zenodo.18466358. – EDN CPDYXE.

[7] Skrel K. Yu. From the history of legislative thought - an analysis of the "Code on Criminal and Correctional Penalties" from 1845/K. Yu. Skrel // Scientific Bulletin of Crimea. – 2019. – № 4(22). - S. 1-16. – EDN AXMKHU.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-180-184

ГАБДРАХМАНОВ Ренат Альбертович,
ассистент кафедры гражданского права, ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: gabdraxmanov.01@bk.ru

ПСКОВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ СУДНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МЕДИАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются Псковская и Новгородская судные грамоты как ранние письменные источники, отражающие предпосылки становления медиации в отечественном праве. Обосновывается, что содержащиеся в них положения о соглашении сторон, поручительстве, участии третьих лиц и восстановлении нарушенного права свидетельствуют о зарождении примирительных способов разрешения споров.

Ключевые слова: медиация, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, примирительное урегулирование, поручительство, древнерусское право.

GABDRAKHMANOV Renat Albertovich,
Assistant at the Department of Civil Law, Saint-Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation.

THE PSKOV AND NOVGOROD COURT GRAMOS AS THE FIRST WRITTEN TESTIMONY OF MEDIATION

Annotation. The article examines the Pskov and Novgorod Judicial Charters as early written sources reflecting the prerequisites for the development of mediation in Russian law. It argues that their provisions on agreement between parties, suretyship, third-party participation, and restoration of violated rights indicate the emergence of conciliatory methods of dispute resolution.

Key words: mediation, Pskov Judicial Charter, Novgorod Judicial Charter, conciliatory dispute resolution, suretyship, Old Russian law.

Введение

Вопрос о ранних формах примирения сторон в отечественном праве имеет важное значение для понимания исторического развития медиации. В современном праве медиация связывается с участием независимого посредника, добровольностью сторон, поиском взаимоприемлемого решения и оформлением достигнутой договоренности. Данные признаки закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника, процедуре медиации». В древнерусском праве такой процедуры в современном виде не существовало, но отдельные правовые конструкции уже указывали на стремление урегулировать спор через согласование интересов сторон.

Особое значение в данном вопросе имеют Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота. Данные правовые памятники отражают развитие судопроизводства в городских землях

Северо-Западной Руси и показывают, что спор рассматривался не только как предмет властного решения, но и как ситуация, допускающая примирение, поручительство, соглашение и участие третьих лиц. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, судные грамоты Пскова и Новгорода выразили более развитый порядок защиты частных прав по сравнению с ранними правовыми источниками [1, с. 104-106]. Данная позиция важна, поскольку именно защита частного интереса создавала условия для появления примирительных способов разрешения споров.

Степень научной разработанности темы нельзя признать полной. Псковская и Новгородская судные грамоты подробно изучались в историко-правовой науке как источники процессуального, гражданского и уголовного права. Их анализ содержится в трудах М.Ф. Владимирского-Буданова, И.Д. Беляева, С.В. Юшкова, Л.В. Черепнина, И.Я. Фроянова, А.А. Зимина, В.Л. Янина, Б.Н. Миронова. В то

же время вопрос о данных грамотах как ранних письменных свидетельствах о медиации раскрыт недостаточно. Обычно исследователи говорят о суде, доказательствах, договоре, поручительстве и примирении, но редко связывают данные явления с происхождением медиативных начал.

Цель настоящей статьи состоит в установлении того, могут ли Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота рассматриваться как первые письменные свидетельства зарождения медиации в отечественном праве.

Для достижения цели поставлены задачи:

Рассмотреть медиативные начала в Псковской судной грамоте.

Определить значение Новгородской судной грамоты для выявления ранних форм примирительного урегулирования споров.

Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Историко-правовой метод позволил рассмотреть грамоты в условиях их времени. Формально-юридический метод использован при анализе правовых предписаний. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления ранних примирительных форм с современной процедурой медиации.

Псковская судная грамота и медиативные начала в разрешении споров

Псковская судная грамота является одним из наиболее развитых правовых памятников средневековой Руси. Ее нормы закрепляли порядок суда, правила доказывания, имущественные отношения, обязательства, наследование и ответственность за отдельные правонарушения. Для целей настоящей статьи важно то, что грамота показывает не только властную сторону суда, но и возможность урегулирования конфликта через волю сторон и участие иных лиц.

Псковское право формировалось в условиях активной городской жизни, развитого оборота имущества и договорных отношений. С.В. Юшков отмечал, что Псковская судная грамота содержит «развернутую систему норм, связанных с гражданским оборотом и процессом» [3, с. 98]. Такой характер источника позволял спорящим сторонам использовать правовые формы согласования интересов. Для медиации данное обстоятельство имеет значение, поскольку примирение возможно там, где признается значение частной воли и договоренности.

В современной процедуре медиации важную роль играет посредник, который не выносит обязательного решения, а помогает сторонам прийти к соглашению. В Псковской судной грамоте нет понятия «медиация» и нет фигуры медиатора в современном смысле. Тем не менее отдельные по-

ложения грамоты демонстрируют участие третьих лиц в движении спора. К таким лицам относились послухи, поручители, представители сторон. Их участие не совпадало с функцией современного медиатора, но создавало правовую среду, в которой спор не замыкался только на истце, ответчике и судье.

И.Д. Беляев писал, что в древнерусском суде большое значение имели лица – «судные мужи», подтверждавшие добросовестность стороны и помогавшие суду установить правду [2, с. 480]. С указанным мнением можно согласиться частично. Послухи и свидетели прежде всего выполняли доказательственную функцию. Но в условиях древнерусского процесса участие авторитетных лиц могло иметь и примирительное значение, так как их слово влияло на поведение сторон, побуждало к признанию долга, возмещению ущерба или отказу от дальнейшего спора.

Особое внимание следует уделить институту поручительства. В Псковской судной грамоте поручительство было связано с обеспечением явки, исполнения обязательства и ответственности. Поручитель не был посредником в строгом смысле, но его участие позволяло снизить конфликтность спора. Поручитель соединял личное доверие, имущественную ответственность и общественный контроль. Через такую конструкцию спор выходил за пределы личного противостояния двух лиц и передавался в более широкий круг правовой ответственности.

И.О. Колосова, ссылаясь на работы Л.В. Черепнина подчеркивает, что в Пскове правовые отношения во многом строились на сочетании судебной власти, общинного контроля и частной инициативы [4]. Данное наблюдение помогает понять ранние медиативные начала. Примирение в такой системе не было отдельной процедурой, но оно могло возникать как результат давления обычая, участия поручителей и стремления сторон избежать дальнейшего судебного спора.

Псковская судная грамота также важна тем, что она знала соглашения сторон. В спорах о долге, купле, найме, хранении и наследовании правовое значение имели договор, запись, свидетельство, признание и исполнение. Если спор мог завершиться уплатой долга, возвратом вещи или возмещением вреда, то правовая логика была направлена не только на наказание нарушителя, но и на восстановление нарушенного положения. Восстановительный характер таких норм сближает их с медиативной идеей, поскольку медиация также ориентирована на результат, приемлемый для участников спора.

А.И. Дьячкова отмечает, что Псковская судная грамота отражает зрелый уровень развития

частноправовых отношений и судебной техники [6, с. 185-186]. Данная оценка показывает, что в Пскове конфликт воспринимался как правовая ситуация, допускающая различные способы разрешения. Суд оставался главным способом защиты права, но рядом с ним существовали договорные и согласительные элементы.

Следует учитывать, что древнерусское примирение нельзя отождествлять с современной медиацией. В Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ медиация определяется как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. В Псковской судной грамоте отсутствовали нормативно закрепленные требования к независимости посредника, конфиденциальности, порядку проведения процедуры и медиативному соглашению. Поэтому речь должна идти не о медиации как оформленном институте, а о ее ранних признаках.

Таким образом, Псковская судная грамота свидетельствует о наличии ранних медиативных начал через признание соглашения сторон, поручительства, участия третьих лиц и ориентации на восстановление нарушенного права.

Новгородская судная грамота как источник ранних форм примирительного урегулирования

Новгородская судная грамота дошла до нас не полностью, что затрудняет ее анализ. Тем не менее сохранившиеся положения позволяют увидеть особенности новгородского судопроизводства и правовой культуры. Новгородская правовая система развивалась в условиях сильных городских институтов, торгового оборота и высокой роли договора. Поэтому спор в Новгороде также мог разрешаться через согласование позиций участников.

В.Л. Янин указывал, что новгородская правовая жизнь была тесно связана с практикой городского самоуправления и делового оборота [7, с. 111]. Данная характеристика важна для понимания примирительных механизмов. В обществе, где торговля, заем, хранение, найм и представительство имели повседневное значение, сохранение связей между участниками оборота было не менее важным, чем формальное разрешение спора.

Новгородская судная грамота регулировала деятельность суда, порядок обращения за защитой, участие представителей и отдельные процессуальные действия. Как и в Пскове, здесь отсутствовала медиация в современном правовом значении. Но сама организация процесса допускала участие лиц, которые помогали сторонам действовать в суде, подтверждали обстоятельства дела и обеспечивали исполнение правовых обязанностей. В древнерусской практике такие лица могли

играть и согласительную роль.

И.Я. Фроянов писал, что новгородское общество отличалось развитой системой горизонтальных связей, основанных на общинных, имущественных и договорных отношениях [5, с. 157]. Если перенести данную мысль на область судебного спора, то можно сделать вывод, что конфликт редко оставался делом только двух лиц. На него влияли родственники, соседи, торговые партнеры, поручители и иные участники городской среды. В такой ситуации примирение могло быть выгодным способом сохранить доверие и продолжить хозяйственные отношения.

Для выявления медиативных начал в Новгородской судной грамоте важно учитывать роль соглашения. В торговом городе правовая ценность договоренности была высокой. Спор о долге, вещи или обязательстве мог завершаться как судебным взысканием, так и признанием обязанности, добровольным исполнением, поручительством, отказом от притязания либо иным согласованным поведением. В этом проявлялась близость к медиативной логике, поскольку результат возникал не всегда как одностороннее решение власти, а как последствие урегулирования между участниками спора.

Т.В. Шатковская отмечает, что в традиционном обществе право часто действовало через соединение государственного принуждения, обычая и общественного согласия, а основным источником традиционного права является правовой обычай, действие которого опирается на устойчивую систему социокультурных ценностей [8, с. 1823-1824]. Такая оценка подходит к Новгородской судной грамоте. Суд не был полностью отделен от социальной среды. Он функционировал в окружении обычая, репутации, поручительства и публичного контроля. По этой причине примирительное разрешение спора могло восприниматься как естественный способ восстановления порядка.

Нельзя утверждать, что Новгородская судная грамота закрепляла посредничество как самостоятельный правовой институт. В ней нет описания специальной процедуры переговоров с участием нейтрального лица. Нет и указания на профессионального посредника. Но для историко-правового анализа важно не искать в средневековом источнике современные термины, а выявлять ранние правовые формы, которые позднее могли развиваться в отдельные институты. К таким формам относятся участие третьих лиц, признание договоренности, обеспечение исполнения через поручительство и стремление к сохранению правового мира.

Сравнение с современным законодательством подтверждает данную мысль. Федеральный

закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ связывает медиацию с добровольностью, самостоятельностью сторон и содействием посредника. Новгородская судная грамота не закрепляла такие признаки в полном объеме. Тем не менее в ней видны предпосылки добровольного урегулирования, поскольку участники спора могли действовать через соглашение, представителей и лиц, пользующихся доверием.

М.Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание, что новгородско-псковское право отличалось практической направленностью и стремлением обеспечить устойчивость гражданского оборота [1, с. 119]. С данным выводом следует согласиться. Для Новгорода правовая устойчивость была связана с сохранением возможности дальнейшего общения между участниками правовых отношений. Такая цель близка современной медиации, хотя историческая форма была иной.

Новгородская судная грамота имеет меньше сохранившихся данных, чем Псковская, поэтому выводы о медиативных началах в ней должны быть осторожными. Нельзя расширительно толковать каждое участие третьего лица как посредничество. Но нельзя и отрицать, что правовая культура Новгорода создавала условия для примирения. Городская среда, договорные отношения, поручительство и авторитет общины формировали способы разрешения споров, в которых важную роль играло как решение суда, так и согласие сторон.

Таким образом, Новгородская судная грамота подтверждает наличие ранних форм примирительного урегулирования через договорный характер городской правовой жизни, участие доверенных лиц и стремление к сохранению устойчивых связей между сторонами спора.

Заключение

Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота не закрепляли медиацию в современном понимании. В них отсутствовали понятие медиатора, самостоятельная процедура переговоров, требования к нейтральности посредника и правила оформления медиативного соглашения. Поэтому данные источники нельзя рассматривать как прямое нормативное закрепление медиации в том виде, в каком она предусмотрена Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ.

В то же время анализ данных грамот показывает наличие ранних признаков медиативного подхода. К ним относятся признание значения соглашения сторон, участие третьих лиц, поручительство, общественный контроль, возможность восстановления нарушенного права и ориентация на прекращение спора приемлемым для сторон способом. Такие признаки не образовывали самостоятельного института, но показывали зарож-

дение примирительных начал в отечественном праве.

Следовательно, Псковская и Новгородская судные грамоты могут рассматриваться как первые письменные свидетельства о предпосылках медиации. Их значение состоит не в том, что они создали готовую процедуру медиации, а в том, что они зафиксировали правовые формы, близкие к современному пониманию мирного урегулирования споров с участием третьих лиц и на основе согласования интересов.

Список литературы:

- [1] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Юрайт, 2025. 653 с.
- [2] Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев; предисл.: С. Петровский. – М.: Типолитограф. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. 728 с.
- [3] Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / С.В. Юшков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госизд-во юрид. лит., 1950. 428 с.
- [4] Колосова И.О. О Псковском «Торговом уставе» XIV в. // *Метаморфозы истории*. 2020. № 15. С. 101-119.
- [5] Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории / И.Я. Фроянов. – М.: Академический проект, 2023. 270 с.
- [6] Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 1. С. 185-190.
- [7] Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII-XV веков: монография / В.Л. Янин. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2011. 215 с.
- [8] Шатковская Т.В. Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 9. С. 1823-1827.

References:

- [1] Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the History of Russian Law / M.F. Vladimirsky-Budanov. Moscow: Yurait, 2025. 653 p.
- [2] Belyaev I.D. Lectures on the History of Russian Legislation / I.D. Belyaev; foreword by S. Petrovsky. Moscow: Typolithography of S.A. Petrovsky and N.P. Panin, 1879. 728 p.
- [3] Yushkov S.V. History of the State and Law of the USSR. Part 1. From Ancient Times to the Great October Socialist Revolution / S.V. Yushkov. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1950. 428 p.

[4] Kolosova I.O. On the Pskov «Trade Statute» of the 14th Century // *Metamorphoses of History*. 2020. No. 15. Pp. 101-119.

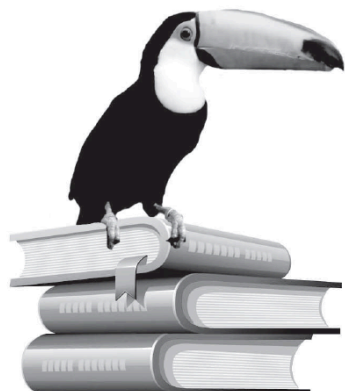
[5] Froyanov I.Ya. *Kievan Rus: Essays on Socio-Political History* / I.Ya. Froyanov. Moscow: Academic Project, 2023. 270 p.

[6] Dyachkova A.I. Court and Judicial Procedure under the Pskov Judicial Charter // *Current Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 2011. No. 1.

Pp. 185-190.

[7] Yanin V.L. *Novgorod and Lithuania: Border Situations of the 13th–15th Centuries: Monograph* / V.L. Yanin. Moscow: Research Center INFRA-M, 2011. 215 p.

[8] Shatkovskaya T.V. Traditional Law in the Context of the Civilizational Approach // *Current Problems of Russian Law*. 2014. No. 9. Pp. 1823-1827.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-185-193

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2026 г.

ГУСАИМ Иван Вячеславович,
научный сотрудник Центра исследования проблем
безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН),
e-mail: mail@law-books.ru

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
сферы образования РФ, лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники, лауреат премии
Правительства РФ в области образования, профессор
кафедры гражданского и трудового права, гражданского
процесса Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Центрального
экономико-математического института РАН,
e-mail: mail@law-books.ru

ИДЕЯ ПРАВА И ПРАВО В ИДЕЯХ. К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ЧЕРВОНЮКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. Современный этап развития российской юридической науки отмечен незавершённостью дискуссии о правопонимании: полемика вокруг интегративного подхода не привела к выработке категории, связывающей идеальное, нормативное и фактическое измерения права. В науке конституционного права остаётся открытым вопрос о предмете отрасли и основаниях согласования конституционных и отраслевых интересов. Этот методологический дефицит воспроизводится практикой: интенсивность законодательных изменений опережает их концептуальную обоснованность, цифровая трансформация порождает конкурирующие с правом технологические регуляторы, обновлённая модель публичной власти сопровождается доктринальной неопределённостью.

Цель и задачи исследования:

Научное исследование направлено на обоснование теоретической и практической значимости философско-правовых идей В. И. Червонюка для современной теории конституционного права.

Основные направления исследовательской работы включают:

Раскрытие методологического содержания формулы «идея права и право в идеях»;

Фиксацию пределов традиционного правопонимания и состояния дискуссии о предмете конституционного права;

Реконструкцию концептуального ядра учения – категорий согласованного интереса, баланса интересов и целостности права;

Характеристику конституционно-правовой проекции концепции;

Демонстрацию аналитического потенциала концепции применительно к актуальным вызовам правовой реальности.

Актуальность исследования обусловлена потребностью теории конституционного права в методологическом основании, соединяющем конституционные идеи с институциональной практикой на основе проверяемых критериев оценки законодательной деятельности.

Методы исследования: историко-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, системный подход, методы философско-правовой рефлексии, статистический анализ данных законодательной деятельности.

Результаты. Установлено, что научное наследие В. И. Червонюка образует целостную исследовательскую программу, соединяющую общую теорию права и теорию консти-

туционного права: категория действия права, разработанная в ранний период творчества, получила завершение в монографической серии «Идея права и право в идеях» (2021–2023). Реконструирована концептуальная вертикаль учения: идея права – согласованный интерес – баланс интересов – качество закона – конституционная проекция. Показано, что двухуровневая структура конституционного права придаёт правовым идеям статус регуляторов конституционного ранга. На материале статистики законодательной деятельности 2020–2025 гг. продемонстрирована диагностическая ценность критерия правомерности законодательных изменений; раскрыт потенциал правотворческого эксперимента в цифровой среде.

Практическая значимость определяется возможностью применения концепции как основания философско-правовой экспертизы законопроектов, доказательной опоры конституционного контроля и теоретической базы операционализации права на юридическую безопасность.

Ключевые слова: идея права, правопонимание, согласованный интерес, баланс интересов, целостность права, качество закона, конституционное право, публичная власть, цифровая трансформация права, правовой нигилизм, В. И. Червонюк.

GUSAIM Ivan Vyacheslavovich,

Research Fellow at the Center for Security Studies Russian Academy of Sciences (CIPB RAS)

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation, Winner of the Russian Government Prize in Science and Technology, Winner of the Russian Government Prize in Education, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow Order of Honor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Chief Research Fellow at the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

THE IDEA OF LAW AND LAW IN IDEAS. ON THE IMPORTANCE OF THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL IDEAS OF VLADIMIR IVANOVICH CHERVONYUK FOR THE MODERN THEORY OF CONSTITUTIONAL LAW

Annotation. The current stage of development in Russian legal scholarship is marked by an incomplete debate about legal understanding: the debate over an integrative approach has not led to the development of a category linking the ideal, normative, and factual dimensions of law. In constitutional law scholarship, the question of the subject matter of the field and the basis for harmonizing constitutional and sectoral interests remains open. This methodological deficiency is reproduced in practice: the intensity of legislative changes outpaces their conceptual validity, digital transformation generates technological regulators that compete with law, and the updated model of public authority is accompanied by doctrinal uncertainty.

Purpose and objectives of the study:

This research aims to substantiate the theoretical and practical significance of V. I. Chervonyuk's philosophical and legal ideas for modern constitutional law theory.

The main areas of research include:

1. Disclosing the methodological content of the formula "the idea of law and law in ideas";
2. Determining the limits of traditional legal understanding and the state of debate about the subject matter of constitutional law;
3. Reconstruction of the conceptual core of the doctrine – the categories of coordinated interest, balance of interests, and the integrity of law;
4. Characterization of the constitutional and legal projection of the concept;

5. *Demonstration of the analytical potential of the concept as applied to current challenges of the legal reality.*

The relevance of the study is determined by the need for constitutional law theory to provide a methodological foundation that connects constitutional ideas with institutional practice based on verifiable criteria for assessing legislative activity.

Research methods: historical and legal analysis, comparative legal method, systems approach, methods of philosophical and legal reflection, and statistical analysis of legislative activity data.

Results. It has been established that V. I. Chervonyuk's scholarly legacy forms a coherent research program that connects general legal theory and constitutional law theory: the category of the operation of law, developed in the early period of his work, was completed in the monographic series "The Idea of Law and Law in Ideas" (2021–2023). The conceptual vertical of the doctrine is reconstructed: the idea of law – coordinated interest – balance of interests – quality of law – constitutional projection. It is shown that the two-tier structure of constitutional law grants legal ideas the status of constitutional regulators. Using statistics on legislative activity from 2020–2025, the diagnostic value of the criterion for the legality of legislative amendments is demonstrated; the potential for lawmaking experimentation in the digital environment is revealed.

The practical significance is determined by the possibility of applying the concept as a basis for the philosophical and legal examination of draft laws, an evidentiary support for constitutional review, and a theoretical basis for operationalizing the right to legal security.

Key words: *idea of law, legal understanding, reconciled interest, balance of interests, integrity of law, quality of law, constitutional law, public power, digital transformation of law, legal nihilism, V. I. Chervonyuk.*

Введение

Вопрос о природе права остаётся центральной проблемой юридической науки, однако сегодня он всё чаще ставится в тревожной тональности. Н. А. Кравцов характеризует состояние отечественного правопонимания как глубокий кризис, проявляющийся в нарушении связей между философией права, его теорией и юридической практикой [14, с. 33]. Симптомы этого кризиса выходят за пределы общей теории: без надёжной методологической опоры оказывается и конституционное право, призванное переводить фундаментальные представления о праве на язык действующих институтов. Разрыв общетеоретического и отраслевого уровней юридического знания воспроизводится законодательной практикой, качество которой стало предметом постоянной критики.

В этом контексте особый интерес представляет научное наследие Владимира Ивановича Червонюка – доктора юридических наук, профессора кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (ранние работы учёного (1985–2002) публиковались под фамилией Гойман, отдельные издания середины 1990-х годов выходили под двойной фамилией Гойман-Червонюк; единство научной биографии подтверждается объединённым авторским профилем РИНЦ и самоотсылками автора к работам раннего периода). Творческий путь учёного, открывшийся докторской диссертацией о действии права (1992), охватывает более трёх десятилетий и увенчан фундаментальной серией «Идея права и право

в идеях» (2021–2023) (eLIBRARY.RU: профиль автора (id=298953). Дата обращения: 28.07.2026). Авторский профиль в РИНЦ насчитывает 327 публикаций, общее число цитирований превышает 5,9 тысячи. Однако значимость этого наследия определяется не количественными показателями: В. И. Червонюком создана целостная концепция, в которой общая теория права и теория конституционного права образуют единую исследовательскую программу – случай для отечественной юриспруденции редкий.

Задача настоящей статьи – раскрыть существо этой концепции и показать, почему именно сегодня, в условиях законодательной нестабильности, цифровой трансформации правовой сферы и обновления конституционной модели публичной власти, философско-правовые идеи учёного приобретают особую практическую значимость для теории конституционного права.

«Идея права и право в идеях» как методологическая формула

Заголовок настоящей статьи воспроизводит название главного труда В. И. Червонюка – издания «Идея права и право в идеях», вышедшего в трёх книгах: том I посвящён теории, философии и методологии права [1], первая книга тома II – теории конституционного права в сравнительно-правовом измерении [2], вторая, превысившая тысячу страниц, – организации публичной власти [3]. Сама архитектура серии выражает исследовательскую программу автора: движение от философских оснований права через отраслевую теорию к устройству публичной власти – от идеи к

институту.

Формула заглавия несёт двойную нагрузку. Первая её часть указывает на существование обобщённого нормативного образа права – идеи, задающей критерий правового характера закона: не всякий законодательный акт есть право, но лишь соответствующий своей идее. Вторая фиксирует, что право реально существует в идеях – принципах, ценностях, юридических конструкциях, презумпциях, традициях, которые не сводятся к текстам актов, однако выполняют регулятивную работу наравне с ними.

Истоки такого видения заложены ещё в монографии «Действие права (методологический анализ)», где была осуществлена смена исследовательской оптики: в центре внимания оказался не вопрос о том, что есть право как статичная сущность, а вопрос о том, как право живёт – переходит из должного в сущее, из текста в поведение [12]. Категория действия права стала мостом в конституционно-правовую плоскость: высшей формой действия права выступает действие конституции. Серия 2021–2023 годов, таким образом, не открывает, а завершает многолетнее движение мысли. Чтобы оценить масштаб результата, зафиксируем состояние правопонимания и отраслевой теории, на фоне которого концепция формировалась.

Пределы традиционного правопонимания и открытый вопрос о предмете конституционного права

Интеллектуальное пространство, в котором формировалась концепция В. И. Червонюка, определяется двумя незавершёнными дискуссиями – общетеоретической и отраслевой.

Первая касается самой возможности целост-

ного понимания права. Показателен обмен аргументами на страницах «Журнала российского права». А. Ф. Черданцев, оценивая интегративные построения как «интегративное недопонимание» права, настаивает: многогранность правовой действительности требует множественности исследовательских методов, но не даёт оснований соединять разнородные явления в едином понятии [15, с. 14]. В. М. Шафиров возражает: интегративная, естественно-позитивная модель правопонимания не изобретена доктриной, а закреплена самой Конституцией России, и потому жёсткий позитивизм, формирующий образ права как исключительно принудительного порядка, расходится с конституционными основаниями отечественной правовой системы [16, с. 25]. Существо спора, как представляется, не в выборе между «чистотой» и «синтезом», а в отсутствии категории, способной связать уровни правовой реальности – идеальный, нормативный и фактический – без их механического суммирования. Пока такая категория не предъявлена, интегративизм действительно уязвим для упрека в эклектике, а позитивизм – для упрека в редукции.

Вторая дискуссия развёртывается внутри науки конституционного права и касается предмета отрасли. Её интенсивность показала полемика 2018 года на страницах журнала «Актуальные проблемы российского права», участники которой предложили принципиально различные модели отраслевой идентичности; к этой полемике примыкает и позиция В. И. Червонюка, сформулированная в фундаментальной статье о предметных областях конституционного права. Сопоставление трёх подходов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Подходы к предмету конституционного права в современной научной дискуссии [4; 17; 18]

Автор, работа	Ключевая идея	Что остаётся открытым
Н. С. Бондарь (2018)	Предмет отрасли динамичен: он расширяется под воздействием практики конституционного правосудия и глобальных вызовов при сохранении стабильного конституционного ядра	Критерий, отделяющий развитие предмета от его размывания
И. А. Кравец (2018)	Конституционное право – метаотрасль с собственной телеологией; сферы конституционализации требуют межотраслевой гармонизации	Научные основания согласования конституционных и отраслевых интересов
В. И. Червонюк (2020)	Предмет гетерогенен: собственные властеотношения плюс «доля» конституционного регулирования в предметах всех отраслей; нормативная структура отрасли двухуровневая	Механизм, обеспечивающий единство двухуровневой структуры

Из сопоставления видно: несмотря на различие моделей, все участники дискуссии сталкиваются с одной и той же трудностью – теория отрасли нуждается в основании, лежащем глубже нормативного текста, но прочнее декларируемых ценностей. Показательно, что И. А. Кравец прямо связывает нерешённость этой задачи с практическим следствием: согласование конституционных и отраслевых интересов, не получив научной опоры, фактически передаётся политическим институтам [18, с. 133].

Таким образом, обе дискуссии – о правопонимании и о предмете отрасли – упираются в общий дефицит: отсутствие категории, которая объясняла бы, из чего образуется право до его позитивации и что именно должно согласовываться в законодательной и конституционно-судебной практике. Ответ В. И. Червонюка состоит в смене самой субстанции анализа: таким первичным материалом права объявляется не норма и не ценность, а интерес.

Ядро концепции: право как нормативно признанный согласованный интерес

Центральная формула учения В. И. Червонюка выражена лаконично: право есть «нормативно признанный согласованный интерес» [5, с. 70]. За внешней простотой определения стоит пересмотр всей архитектуры правообразования: государство в такой логике не творит право из собственной воли – оно юридически оформляет согласие, достигнутое носителями разнонаправленных социальных интересов; закон, выражающий интерес лишь одной группы, остаётся законом по форме, но перестаёт быть правом по существу.

Радикальность этого хода становится видна на фоне сложившейся дискуссии о категории интереса. Отечественная теория традиционно спорит о его природе – объективной, субъективной либо смешанной; репрезентативна в этом отношении позиция С. А. Бурмистровой, обосновывающей объективно-субъективное понимание [19, с. 55]. В. И. Червонюк переводит вопрос на иной уровень: интерес для него – не объект правовой охраны и не элемент отдельной юридической конструкции, а субстанция самого права и подлинный предмет правового регулирования, тогда как привычные «общественные отношения» – лишь внешняя форма движения интересов. Отсюда принципиальный тезис: «право всегда и во всем следует за интересом» [6, с. 201]. Из генетической связи права и интереса выводится и практический критерий: содержательное изменение закона правомерно лишь тогда, когда изменился породивший его правообразующий интерес; поправка при неизменном интересе либо неправомерна, либо свидетель-

ствует об изначальном дефекте акта.

Если интерес – субстанция права, то ключевой юридической проблемой становится соединение конкурирующих интересов. Эту работу выполняет категория баланса: в совместной работе И. В. Калининского и В. И. Червонюка баланс интересов раскрыт в четырёх измерениях сразу – как идея позитивного права, как правовая ценность, как юридическая конструкция и как технология законодательной деятельности [7, с. 39]. Именно здесь абстрактная идея права обретает операциональную форму: баланс поддаётся проверке, а его достижение или нарушение – доказыванию.

Завершает ядро концепции категория целостности. Право, по В. И. Червонюку, сохраняет качество целого лишь при внутренне закономерной связанности всех своих регуляторов – позитивированных и неопозитивированных; утрата такой связанности превращает законодательный массив в механическую сумму актов [8, с. 40]. Показательно, что этот вывод сближается с известной концепцией «law as integrity» Р. Дворкина, однако получен он на ином материале – через анализ структуры права, а не судебного толкования.

Взаимная связь рассмотренных категорий, образующих единую концептуальную вертикаль – от идеи права до её конституционной проекции, – отображена на рисунке 1.

Рисунок 1. Концептуальная вертикаль учения В. И. Червонюка о праве [5; 7; 8]

Представленная вертикаль демонстрирует главное свойство концепции – сквозную проходимость: каждая последующая категория операционализует предыдущую, и путь от философского основания до отраслевого института не прерывается ни на одном звене. Верхние ярусы этой конструкции принадлежат общей теории права; нижний выводит непосредственно в теорию конституционного права, к рассмотрению которой мы переходим.

Конституционно-правовая проекция

Выход концептуальной вертикали в отраслевую теорию раскрыт В. И. Червонюком в учении о двухуровневой нормативной структуре конституционного права: первый уровень образуют принципы, ценности, презумпции, юридические конструкции и традиции, второй – конкретные нормы; исходные установления адресованы публичной власти и создают общий режим конституционности. По существу, это и есть «право в идеях», получившее отраслевую прописку и статус регуляторов конституционного ранга, закреплённый Конституцией [23]. Нарушение меры между уровнями оборачивается, по выражению учёного, «безудержным законодательствованием», при котором нормативный массив утрачивает обозримость даже для профессионального правосознания [4, с. 64–65].

Симметричное следствие концепция формулирует на стороне личности: гражданин вправе быть защищён не только от неправомерных действий, но и от неэффективных и нестабильных законодательных решений. Эта идея развёрнута в серии как конструкция права на юридическую

безопасность [2, с. 518–527] – конституционного притязания, замыкающего вертикаль концепции на правовом статусе человека.

Проверкой всей конструкции служит организация публичной власти, которой посвящена завершающая книга серии: сравнительно-правовой материал показывает, как идеи единства, разделения и ответственности властей воплощаются в институциональных решениях различных государств [3]. Так концепция замыкает круг – от философского основания через отраслевую структуру к работающим институтам. Насколько этот аппарат состоятелен, показывает его приложение к трём вызовам современной правовой реальности.

Концепция перед вызовами современной правовой реальности

Аналитическую силу теоретической конструкции проверяют три вызова, каждый из которых обозначился в текущем десятилетии с особой остротой.

Первый вызов – законодательная нестабильность. Официальные данные о динамике федерального законодательного процесса за последние шесть лет приведены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2020–2025 гг., шт.

Год	Внесено законопроектов	Принято федеральных законов
2020	1 106	553
2021	968	505
2022	1 214	653
2023	1 146	694
2024	1 207	564
2025	1 303	588

Составлено по: ежегодные статистические справочники Государственной Думы Федерального Собрания РФ и официальные итоговые сообщения Государственной Думы (duma.gov.ru). Дата обращения: 28.07.2026. Показатель «внесено» отражает законопроекты, зарегистрированные в соответствующем календарном году; показатель «принято» — федеральные законы, принятые Государственной Думой. Показатели не образуют единой когорты законопроектов.

Приведённый ряд свидетельствует об устойчиво высокой интенсивности законодательствования: ежегодно принимается свыше полутысячи федеральных законов, а объём вносимых инициатив демонстрирует тенденцию к росту. Концепция В. И. Червонюка позволяет квалифицировать это состояние строже, чем допускает привычная формула «законодательной инфляции»: в упомя-

нутом исследовании динамики законодательства установлено, что вновь принимаемые законы составляют менее четырёх процентов относительно массива актов о внесении изменений, причём около четверти изменяемых актов приходится на кодексы. С позиций критерия правомерности законодательных изменений это означает, что значительная часть поправочной активности не отражает движения правообразующих интересов, а компенсирует дефекты ранее принятых решений. Корень проблемы концепция локализует в качестве закона – не техническом совершенстве текста, а интегративной совокупности социальных и юридических свойств, исходный пункт которой – соответствие закона согласованному интересу [9, с. 490].

Второй вызов – цифровая трансформация правовой сферы. Доктрина активно

осваивает категорию машиночитаемого права: А. А. Перевозкин фиксирует постепенный переход от правовой нормативности к технологической [20, с. 23], а программные основы этого движения закреплены на правительственном уровне [24]. Концепция В. И. Червонюка вносит в процесс недостающее звено – вопрос о мере: правотворческий эксперимент как эмпирический способ соединения науки и практики позволяет установить «меру присутствия права» в цифровой среде и условия признания конкурирующих с ним технологических регуляторов [10, с. 53]. Цифровизация тем самым превращается из угрозы праву в предмет его освоения – при сохранении за правами человека значения непереходимого предела.

Третий вызов – обновление конституционной модели публичной власти. Закрепление принципа единства системы публичной власти [25] породило доктринальную неопределённость: как показывает П. П. Баранов, законодательство не даёт однозначного ответа даже на исходные вопросы о соотношении базовых категорий в этой сфере [21, с. 82]. Позиция В. И. Червонюка вносит в дискуссию методологическую дисциплину: форма организации власти должна оцениваться не по конституционным наименованиям, а по действительным компетенционным взаимосвязям, и с этих позиций учёный осторожно квалифицирует итог реформы как дискуссионный, оговаривая проверку последующей практикой [11, с. 171].

Сквозным мотивом трёх вызовов остаётся правовой нигилизм. Проблема была поставлена учёным ещё на рубеже 1990-х годов, задолго до того, как вошла в исследовательский мейнстрим [13]; сегодня она возвращается в новой фазе – Т. В. Рехачева обосновывает самостоятельность категории конституционного нигилизма, ранее специально не исследованной [22, с. 36]. Связь очевидна: нигилизм есть закономерный ответ правосознания на закон, не прошедший согласования интересов, – и потому преодолевается он не просвещением, а восстановлением правового характера самого законодательства.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать два итоговых положения.

Во-первых, наследие В. И. Червонюка – целостная исследовательская программа, методологический смысл которой состоит в переносе основного вопроса юриспруденции из плоскости определения права в плоскость работы правовых идей: идеальное измерение права получает статус действующего регулятора, а позитивное – критерий собственной правомерности. Построенная на этом основании концептуальная вертикаль – от согласованного интереса через баланс и целост-

ность к двухуровневой структуре конституционного права – обеспечивает сквозную проходимость от философского основания до отраслевого института, чего не достигает ни жёсткий позитивизм, ни декларативный интегративизм.

Во-вторых, концепция переводит оценку законодательной деятельности на язык проверяемых критериев: согласованный интерес дисциплинирует изменение закона, баланс интересов сообщает конституционному контролю доказательную опору, качество закона связывает технику с состоятельностью регулирования, а право на юридическую безопасность замыкает конструкцию на статусе личности. Такой инструментарий позволяет отрасли отвечать на вызовы нестабильности, цифровизации и обновления модели публичной власти, не утрачивая собственных оснований.

Заключение

Значение рассмотренной концепции выходит за рамки персонального вклада в науку. Для теории конституционного права она предлагает то, в чём отрасль испытывает наиболее острую потребность, – методологическое основание, соединяющее конституционные идеи с институциональной практикой без посредничества политической целесообразности. Перспективы дальнейшей разработки этого направления связаны с операционализацией права на юридическую безопасность в законодательной и конституционно-судебной практике, а также с формированием на базе концепции согласованного интереса инструментария философско-правовой экспертизы законопроектов – включая проекты, опосредующие цифровую трансформацию правовой сферы. Право, понятое как согласованный интерес, перестаёт быть только предметом теоретических споров: оно становится измеримым требованием к каждому акту публичной власти.

Список литературы:

- [1] Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2 т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография. – М. : Юстицинформ, 2021. – 863 с.
- [2] Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2 т. Т. II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ : в 2 кн. Кн. 1. – М. : Юстицинформ, 2022. – 587 с.
- [3] Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2 т. Т. II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ : в 2 кн. Кн. 2. Организация публичной власти : монография. – М. : Юстицинформ, 2023. – 1048 с.
- [4] Червонюк В. И. Предмет (предметные об-

ласти) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–68.

[5] Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность (в шести выпусках). Выпуск 3. Социогуманитарная концепция права как методологическое основание формирования законодательной воли // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 67–74.

[6] Червонюк В. И. Интерес как первопричина правообразования и доминанта изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 196–208.

[7] Калинин И. В., Червонюк В. И. Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 37–43.

[8] Червонюк В. И. Идея целостности права и её концептуализация современной теорией и философией права // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 37–42.

[9] Червонюк В. И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 488–503.

[10] Червонюк В. И. Правотворческий эксперимент в структуре прикладной юриспруденции и в инструментарии законодательных стратегий в условиях цифровизации // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 45–60.

[11] Червонюк В. И. Модель организации публичной власти в контексте поправок – 2020 // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 167–173.

[12] Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). – М., 1992. 42 с.

[13] Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 3–4.

[14] Кравцов Н. А. Некоторые черты кризиса современного правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 33–36.

[15] Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15.

[16] Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жёсткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 24–33.

[17] Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 24–35.

[18] Кравец И. А. Конституционное право и

телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 131–147.

[19] Бурмистрова С. А. Об объективном и субъективном в правовой природе интереса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 1. С. 54–59.

[20] Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 22–37.

[21] Баранов П. П. Новеллы законодательно-го закрепления принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 81–87.

[22] Рехачева Т. В. Конституционный нигилизм: понятие и юридическая природа // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21. № 4. С. 35–40.

[23] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года), ст. 15 // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. № опубликования 0001202210060013.

[24] Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 05.06.2026).

[25] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.03.2020. № опубликования 0001202003140001.

References:

[1] Chervonyuk V. I. The Idea of Law and Law in Ideas: in 2 volumes. Vol. I. Theory, Philosophy and Methodology of Law: monograph. – Moscow: Yustitsinform, 2021. – 863 p.

[2] Chervonyuk V. I. The Idea of Law and Law in Ideas: in 2 volumes. Vol. II. Theory of Constitutional Law: comparative legal and regional analysis: in 2 books. Book 1. – Moscow: Yustitsinform, 2022. – 587 p.

[3] Chervonyuk V. I. The Idea of Law and Law in Ideas: in 2 volumes. Vol. II. Theory of Constitutional

Law: comparative legal and regional analysis: in 2 books. Book 2. Organization of Public Authority: monograph. – M.: Yustitsinform, 2023. – 1048 p.

[4] Chervonyuk V. I. Subject (Subject Areas) and Normative Structure of Constitutional Law in Modern Legal Discourse // *State and Law*. 2020. No. 2. pp. 50–68.

[5] Chervonyuk V. I. Mechanism and Patterns of Law Formation (Action of Positive Law) in Modern Russia: Legal Construction and Legal Reality (in six issues). Issue 3. Socio-Humanitarian Concept of Law as a Methodological Basis for the Formation of Legislative Will // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 2. pp. 67–74.

[6] Chervonyuk V. I. Interest as the Root Cause of Law Formation and the Dominant Factor of Legislative Changes // *Legal Technique*. 2023. No. 17. Pp. 196–208.

[7] Kalinsky I. V., Chervonyuk V. I. Balance of Interests as an Idea of Law, a General Legal Concept (Legal Value), a Legal Structure, and Enforcement Technologies // *Criminological Journal*. 2021. No. 3. Pp. 37–43.

[8] Chervonyuk V. I. The Idea of the Integrity of Law and Its Conceptualization by Modern Theory and Philosophy of Law // *Altai Legal Bulletin*. 2023. No. 4 (44). Pp. 37–42.

[9] Chervonyuk V. I. Quality of Law: a Modern Concept and Problems of Democratization // *Legal Technology*. 2014. No. 8. Pp. 488–503.

[10] Chervonyuk V. I. Law-making Experiment in the Structure of Applied Jurisprudence and in the Instrumentality of Legislative Strategies in the Context of Digitalization // *Legal Technology*. 2025. No. 19. pp. 45–60.

[11] Chervonyuk V. I. Model of Public Authority Organization in the Context of the 2020 Amendments // *International Journal of Constitutional and Public Law*. 2021. No. 2. pp. 167–173.

[12] Goyman V. I. The Action of Law (Methodological Analysis). – Moscow, 1992. 42 pp.

[13] Goyman V. Legal Nihilism: Ways to Overcome It // *Soviet Justice*. 1990. No. 9. pp. 3–4.

[14] Kravtsov N. A. Some Features of the Crisis of Modern Legal Understanding // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2019. No. 4. pp. 33–36.

[15] Cherdantsev A. F. Integrative Misunderstanding of Law // *Journal of Russian Law*. 2016. No. 10 (238). pp. 5–15.

[16] Shafirov V. M. Integrative Understanding of Law and Rigid Positivism // *Journal of Russian Law*. 2017. No. 7 (247). pp. 24–33.

[17] Bondar N. S. The Subject of Constitutional Law in the Context of Constitutional Justice Practice: Stability and Dynamism // *Actual Problems of Russian Law*. 2018. No. 10 (95). pp. 24–35.

[18] Kravets I. A. Constitutional Law and Teleology: The Subject and Method of a Meta-Branch, Spheres of Constitutionalization and Inter-Branch Harmonization // *Actual Problems of Russian Law*. 2018. No. 11 (96). Pp. 131–147.

[19] Burmistrova S. A. On the Objective and Subjective in the Legal Nature of Interest // *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2018. Vol. 18. No. 1. Pp. 54–59.

[20] Perevozkin A. A. Theoretical and Legal Characteristics of Machine-Readable Law // *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19. No. 8. Pp. 22–37.

[21] Baranov P. P. Novels in the Legislative Enshrinement of the Principle of the Unity of Public Authority in the Russian Federation // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2022. No. 1. pp. 81–87.

[22] Rekhacheva T. V. Constitutional Nihilism: Concept and Legal Nature // *Bulletin of Omsk University. Law Series*. 2024. Vol. 21. No. 4. pp. 35–40.

[23] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020), Art. 15 // Official Internet Portal of Legal Information. 10/06/2022. Publication number 0001202210060013.

[24] Concept for the development of machine-readable law technologies: approved. by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions of Doing Business, minutes of September 15, 2021, No. 31. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (accessed: June 5, 2026).

[25] Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority" // Official Internet Portal of Legal Information. March 14, 2020. Publication number 0001202003140001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-194-197

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928,
ORCID: 0000-0003-2233-0230,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. Декриминализация лиц, уже совершивших правонарушения, препятствующая совершению ими рецидивных преступлений, всегда являлась важным явлением со стороны изучения не только криминологии и уголовно-исполнительного права, но и со стороны пенитенциарной психологии. Важно организовать работу по оказанию психологической помощи пробантам на всех пробационных этапах так, чтобы повторных преступлений совершалось как можно меньше. Именно психологическая служба может сказать здесь свое, далеко не последнее слово. В обозначенных условиях именно передовой зарубежный опыт психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах способен оказать значительную помощь отечественным психологам пробации, так как большинство проблем, которые им еще предстоит решать, уже решены их зарубежными коллегами.

Отметим, что, не взирая на ряд различий в подходах к реализации психологической работы с пробантами в постсоветских странах, в частности в содержании механизмов и форм реализации психологического обеспечения, существует ряд тождеств принципиальных основ организации психологической работы, согласно моделей реализации психологической работы, обеспечивающих высокий уровень эффективности ресоциализации бывших осужденных на посткриминальном этапе.

Гипотезой статьи является предположение о том, что изучение и использование передового зарубежного опыта по реализации психологической работы с пробантами в постсоветских странах, окажет позитивное воздействие на функционирование психологической отечественной работы в рамках пробации.

Цель статьи обусловлена необходимостью изучения аспектов психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах.

Задачи статьи – это анализ имеющейся теоретико-методической литературы, посвященной аспектам психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах, а также организационных и нормативных правовых источников, раскрывающих рассматриваемый вопрос.

Методами и методиками статьи определяются: анализ практики реализации и функционирования психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации исправительного и психологического воздействия на личность в рамках пробации; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового постсоветского, зарубежного опыта в области ресоциализации и психологической помощи пробантам.

Результатами исследования стали: определение основных аспектов практики реализации и функционирования психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах; определение перспективных направлений психологического воздействия на личность пробанта в отечественном институте пробации.

Ключевые слова: психологическое обеспечение; институт пробации; постсоветские страны; ресоциализация; осужденные; сотрудники; пенитенциарное учреждение.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE FUNCTIONING OF THE PROBATION INSTITUTION IN POST-SOVIET COUNTRIES

Annotation. Decriminalization of individuals who have already committed offenses, preventing them from reoffending, has always been an important concept not only in criminology and penal law, but also in penitentiary psychology. It is important to organize psychological support for probationers at all stages of their probationary process so as to minimize the likelihood of repeat offenses. Psychological services have a significant, and far from final, say in this regard. In these circumstances, advanced international experience in providing psychological support for the functioning of probation institutions in post-Soviet countries can provide significant assistance to domestic probation psychologists, as most of the problems they still face have already been addressed by their foreign colleagues.

It should be noted that, despite a number of differences in approaches to implementing psychological work with probationers in post-Soviet countries, particularly in the content of the mechanisms and forms of psychological support, there are a number of similarities in the fundamental principles of organizing psychological work, according to models of psychological work implementation that ensure a high level of effectiveness in the resocialization of former convicts in the post-criminal stage.

The hypothesis of this article is that the study and use of advanced international experience in implementing psychological work with probationers in post-Soviet countries will have a positive impact on the functioning of domestic psychological work within the framework of probation.

The purpose of this article is to study aspects of the psychological support of the probation institution in post-Soviet countries.

The objectives of this article are to analyze existing theoretical and methodological literature devoted to aspects of the psychological support of the probation institution in post-Soviet countries, as well as organizational and regulatory legal sources that address this issue. The article's methods and techniques are defined by: an analysis of the implementation and functioning of psychological support for probation institutions in post-Soviet countries; identification of the basic principles, methods, and techniques used in the implementation of corrective and psychological interventions within probation; analysis and synthesis of innovations and innovative approaches, as well as advanced post-Soviet and international experience in the field of resocialization and psychological assistance to probationers.

The results of the study include: identification of key aspects of the implementation and functioning of psychological support for probation institutions in post-Soviet countries; and identification of promising areas of psychological interventions on probationers within the domestic probation system.

Key words: psychological support; probation institution; post-Soviet countries; resocialization; convicts; employees; penitentiary institution.

Введение.

Опыт реализации института probation крайне актуален для тех стран, которые делают только первые шаги в его освоении. Особо интересны результаты реализации отдельных аспектов этого института в отдельно взятых странах, в частности важно осмысление опыта работы психологов в процессе probation. Учитывая указанное, для нас крайне интересен опыт тех стран, где имеется значительный опыт использования психологических мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию психологической помощи пробантам в рамках института probation [3, с. 75; 5, с. 61; 7, с. 40].

Отметим, что, учитывая относительно общее понимание явления probation и использование

работы психологов в постсоветских странах нормативные правовые основы института probation в этих странах не исключают различия в подходах к содержанию механизмов и форм реализации психологической работы в рамках probation. Тем не менее, не взирая на указанные различия в подходах к реализации психологической работы с пробантами в постсоветских странах, в частности в содержании механизмов и форм реализации психологического обеспечения, существует ряд тождеств принципиальных основ организации психологической работы, согласно моделей реализации психологической работы, обеспечивающих высокий уровень эффективности ресоциализации бывших осужденных на посткриминальном этапе [1, с. 97; 4, с. 69; 6, с. 18].

Целью статьи обусловлена необходимостью

изучения аспектов психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах.

Задачи статьи – это осуществление анализа имеющейся теоретико-методической литературы, посвященной аспектам психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах;

реализация компаративного анализа существующих организационных и нормативных правовых источников, раскрывающих рассматриваемый вопрос;

интерпретация исследованного передового зарубежного опыта постсоветских стран в направлении психологического обеспечения функционирования института пробации.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации исправительного и психологического воздействия на личность в рамках пробации; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового постсоветского, зарубежного опыта в области ресоциализации и психологической помощи пробантам.

Результаты исследования.

Необходимо сразу отметить, что, в сравнении с постсоветскими странами, функционирование института пробации, а соответственно и психологического направления служб пробации европейских стран, насчитывающих наиболее давнюю историю такого опыта, позволяет определить, что невзирая на выраженные отличия в законодательном закреплении пробации присутствует также значимая общность в философском, правовом, воспитательном и психологическом осмыслении института пробации. К числу этой общности можно отнести следующие ее элементы.

В свою очередь, ряд проведенных исследований в сфере реализации психологической работы в сфере реализации института пробации в постсоветских странах определяет, что существует необходимость учета ярких ментальных, национальных характеристик лиц, реализующих психологическую работу в рамках института пробации, а также лиц, участвующих в ней в качестве клиентов (субъект-субъектные отношения). В исследованиях также определяется необходимость учета кросскультурных взаимоотношений в процессе реализации психологического процесса рассматриваемого процесса [2, с 373].

Отметим, что нашими отечественными экспертами в области психологического обеспечения функционирования института пробации признает-

ся, что характерной чертой функционирования пробации в европейской части бывших постсоветских является то, что она является «гуманистическим институтом социальной помощи осужденным, а также социально-правового контроля над ними» [10, с. 70]. В этих странах психологическая работа в рамках пробации понимается как «многоаспектное уголовно-правовое попечение, помощь, регламентированная ответственностью за нарушителя права, который под угрозой применения более строгих принудительных мер пытается справиться с экстремальной жизненной ситуацией» [8, с.432].

Актуальный интерес представляет опыт работы службы пробации в отношении несовершеннолетних лиц в Республике Армения. Одной из основных задач службы пробации является обеспечение надлежащего психического и физического развития пробантов, а также реализация воспитательной работы, направленной на профилактику криминального заражения подростков. Для реализации обозначенной задачи соответствующие специалисты посредством диагностики личностных характеристик несовершеннолетних лиц разрабатывают персональную программу по ресоциализации каждого из несовершеннолетних лиц, включающую коррекцию ценностно-смысловой и поведенческих сфер личности [9, с. 7].

Содержательная структура опыта пробационной психологической работы с несовершеннолетними пробантами в Кыргызской Республике акцентирована на строгом психолого-педагогическом подходе ко всем проводимым мероприятиям к числу которых относятся: оказание социально-правовым услуг, воспитательные и психологические мероприятия, проводимые отдельно от других категорий осужденных, мероприятия с участием родителей, либо опекунов.

Важен соответствующий опыт Республики Молдова, где так называемые советники по пробации (официально введенные должности), являющиеся специалистами как в психологической, так и в воспитательной работе, не только определяют характеристики психологического состояния несовершеннолетнего правонарушителя, но и посредством воспитательной и психологической работы подготавливают несовершеннолетних осужденных к освобождению на пенитенциарном этапе пробации. Также, в рамках сотрудничества с администрацией исправительных учреждений, советники по пробации работают в составе комиссий исправительных учреждений, где рассматриваются вопросы, в том числе, и об условно-досрочном освобождении осужденных.

Заключение.

В качестве заключения отметим, что в пси-

хологическом обеспечении функционирования института пробации в постсоветских странах существуют общие характеристики. Так, во всех рассмотренных нами странах несовершеннолетние правонарушители имеют право на: реализацию психолого-педагогического подхода со стороны всех специалистов в области пробации, работающих с ними; участие родителей либо опекунов в мероприятиях пробации; возможность помощи по формированию и развитию жизненно-важных навыков; помощь в личностном становлении и ресоциализации. Указанные общие характеристики этих стран, таким образом, определяют перспективность дальнейшего психологического обеспечения функционирования института пробации в постсоветских странах.

Список литературы:

- [1] Бабаян С.Л., Айрапетян А.С., Гарибян К.К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 87-102.
- [2] Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3). 371-378..
- [3] Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 74-79.
- [4] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.
- [5] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60-64.
- [6] Крымов А.А. Уголовно-процессуальные и иные полномочия администрации исправительного учреждения в контексте пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации осужденных: вопросы регулирования и реализации // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – № 2(67). – С. 17-20.
- [7] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 4(36). – С. 38-41.

[8] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

[9] Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

[10] Фролов М.Г. Концепция пробации в уголовных законодательствах стран СНГ // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных статей. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2024. С. 68-75.

References:

- [1] Babayan S.L., Hayrapetyan A.S., Garibyan K.K. Institute for Parole from Serving a Sentence in the Criminal Legislation of Russia and Foreign Countries // Justice. 2022. VOL. 4, NO. 1. S. 87-102.
- [2] Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I. Anticriminogenic resocialization: foreign experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. № 3. PP. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378..
- [3] Borsuchenko S.A. Re-socialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – T. 4, NO. 2. – S. 74-79.
- [4] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for Modern Educational Technologies, 2011. 234 pp.
- [5] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.
- [6] Krymov A.A. Criminal procedural and other powers of the administration of a correctional institution in the context of penitentiary and post-penitentiary re-socialization of convicts: issues of regulation and implementation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2023. – № 2(67). - S. 17-20.
- [7] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and educational environment as a means of preventing criminal subculture in places of deprivation of liberty // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. – 2016. – № 4(36). - S. 38-41.
- [8] Tikhomirov Yu.A. Course of Comparative Law. M.: NORMA, 1996. 432 p.
- [9] Utkin V.A. On the prospects of probation in Russia // Penal system: law, economics, management. 2016. № 4. S. 5-8.
- [10] M.G. Frolov. The concept of probation in the criminal legislation of the CIS countries // Actual problems of jurisprudence: a collection of scientific articles. Smolensk: Smolensk State University, 2024. S. 68-75.

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-198-201

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Геннадьевич,
адвокат АПМО, аспирант МФЮА,
e-mail: mail@law-books.ru

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Аннотация. Вопрос определения конкретных субъектов, оказывающих именно квалифицированную юридическую помощь, а не юридические либо околоюридические услуги, окончательно не решен ни в научной литературе, ни законодательно. Вместе с тем, определение конкретных лиц, наделенных правом оказания квалифицированной юридической помощи, видится крайне важным ввиду большой значимости для общества. В рамках данной статьи постараюсь осветить данный вопрос.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокат, конституционные права.

SEVOSTYANOV Alexey Gennadievich,
lawyer at the Academy of Lawyers' Association, postgraduate
student at the Moscow University of Finance and Law

QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Annotation. The issue of defining specific entities that provide qualified legal assistance, as opposed to legal or paralegal services, has not been definitively resolved either in the academic literature or by law. However, identifying specific individuals authorized to provide qualified legal assistance is deemed extremely important due to its significant societal significance. In this article, I will attempt to address this issue.

Key words: qualified legal assistance, attorney, constitutional rights.

В первую очередь обратимся к конституционной теории.

Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации:

Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Таким образом, согласно основному закону — Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на получение именно квалифицированной юридической помощи, а не каких-либо услуг.

Более того, для наиболее чувствительной сферы уголовно-правовых отношений, связанной с ограничением конституционных прав, импера-

тивно предусмотрено право гражданина пользоваться юридической помощью конкретного субъекта — адвоката. Данное право действует с момента ограничения прав, а именно с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Т.е. ни о каких юридических услугах в основном законе речи нет, предусмотрено лишь право получения квалифицированной юридической помощи.

А для сферы уголовно-правовых отношений прямо предусмотрен конкретный субъект оказания квалифицированной юридической помощи — адвокат.

Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации:

Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Следовательно, приведенные выше положения статьи 48 Конституции Российской Федерации носят не декларативный характер, а имеют прямое действие.

К сожалению, законодательство Российской Федерации до сих пор не содержит определения «Квалифицированной юридической помощи».

Вместе с тем Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дает определение «Адвокатской деятельности», из которого можно вывести и определение «Квалифицированной юридической помощи».

Так, согласно части 1 статьи 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее - доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Отсюда можно вывести следующие безусловные признаки квалифицированной юридической помощи — это квалифицированная помощь, оказываемая физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Более того, в части 2 статьи 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определено, что оказывая юридическую помощь, адвокат:

дает консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме;

составляет заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера;

представляет интересы доверителя в конституционном судопроизводстве;

участвует в качестве представителя доверителя в гражданском и административном судопроизводстве;

участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях;

участвует в качестве представителя доверителя в разбирательстве дел в третейском суде, международном коммерческом арбитраже (суде) и иных органах разрешения конфликтов;

представляет интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях;

представляет интересы доверителя в орга-

нах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами международных судебных органов и иных международных организаций или международными договорами Российской Федерации;

участвует в качестве представителя доверителя в исполнительном производстве, а также при исполнении уголовного наказания;

выступает в качестве представителя доверителя в налоговых правоотношениях.

Стоит отметить, что для лиц, получающих юридическую помощь со стороны адвокатов, существуют конкретные гарантии:

Адвокатская деятельность является некоммерческой;

За адвокатами ведется контроль со стороны органов адвокатского самоуправления;

Адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в случае нарушения законодательства об адвокатской деятельности либо профессиональной этики;

Адвокат ежегодно повышает свою квалификацию;

Сведения, сообщенные адвокату в рамках оказания юридической помощи охраняются адвокатской тайной.

Последняя гарантия имеет чрезвычайно важное значение и требует более широкого рассмотрения.

Согласно статьи 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они

не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, обращаясь к адвокату, лицо может быть уверено, что сведения, сообщенные адвокату либо полученные адвокатом в ходе оказания юридической помощи, не могут быть потом использованы против данного лица, а адвокат не может быть допрошен по вопросам оказания юридической помощи в качестве свидетеля.

Как правило, отнесение к субъектам, имеющим право оказывать квалифицированную юридическую помощь, адвокатов не вызывает никаких сомнений.

Тем более, в сфере уголовно-правовых отношений в настоящее время существует почти 100 % монополия адвокатов на защиту граждан.

Так, согласно статье 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

Защитник - лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

В качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Таким образом, по общему правилу в качестве защитника в уголовном процессе выступает адвокат, а в виде исключения по определению либо постановлению суда наряду с адвокатом может быть допущен также один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Дискуссионным является вопрос отнесения к субъектам, оказывающим квалифицированную юридическую помощь иных лиц.

Для того, чтобы помощь стала квалифицированной, ее субъект должен обладать специальными познаниями.

Очевидно, что данные познания должны быть подтверждены прохождением соответствующего обучения, сдачей экзаменов и выдачей подтверждающего документа.

По адвокатам вопросов, связанных с наличием специальных познаний не возникает ввиду

необходимости сдачи сложного квалификационного экзамена для присвоения статуса, а также последующего контроля их деятельности со стороны квалификационной комиссии адвокатской палаты.

Возникают вопросы квалификации специалистов, осуществляющих деятельность как самозанятые, индивидуальные предприниматели и представители различных юридических фирм.

Во-первых, данные субъекты оказывают не помощь, а именно услуги, т. к. они являются в отличие от адвокатов субъектами предпринимательской деятельности.

Во-вторых, наличие диплома о высшем юридическом образовании у лица, оказывающего юридические услуги, в данном случае не дает никаких гарантий. Ведь образование могло быть получено много лет назад, повышение квалификации не производилось, а какой-либо контроль за их деятельностью полностью отсутствует.

В-третьих, самое главное — лицо, являющееся субъектом предпринимательской деятельности и не имеющее статуса адвоката, лишено соответствующих гарантий (адвокатская тайна на него не распространяется) и может быть допрошено по вопросам оказания юридических услуг своему клиенту. Таким образом, из лица, помогающего клиенту, очень просто может превратиться в свидетеля обвинения.

Таким образом, представляется, что квалифицированная юридическая помощь может оказываться исключительно специальными субъектами — адвокатами. В данном случае лицо, получающее квалифицированную юридическую помощь, защищено и в аспекте наличия специальных познаний, и в аспекте добросовестного поведения, и в аспекте сохранения конфиденциальности.

Касательно субъектов, оказывающих юридические услуги в рамках коммерческой деятельности, то представляется ввиду отсутствия вышеперечисленных гарантий (квалификация, добросовестность, конфиденциальность) их деятельность никак нельзя отнести к квалифицированной юридической помощи.

Необходима законодательная регламентация как самого понятия квалифицированной юридической помощи, так и определение исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право на ее оказание.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения

ния: 19.05.2026).

[2] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174 ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.05.2026).

References:

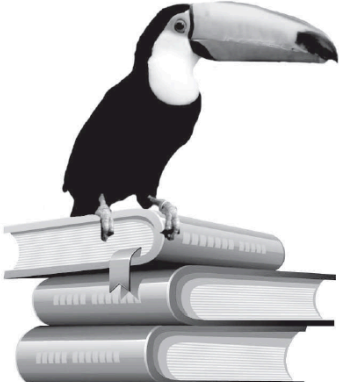
[1] The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993,

with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: May 19, 2026).

[2] Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" (as amended on April 22, 2024) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (date of access: May 19, 2026).

[3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on June 10, 2026) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date accessed: 05/19/2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПЕТРОВ Максим Сергеевич,
аспирант кафедры теории права и правоохранительной
деятельности Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов,
e-mail: hozurolagechin@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья посвящена историко-теоретическому анализу эволюции концепции социального государства. Автор прослеживает зарождение философских основ социального государства, уделяя особое внимание трудам античных философов, рассуждавших об общем благе, справедливости и необходимости ограничения имущественного неравенства, а также трудам философов эпохи Просвещения, в которых были обоснованы идеи естественных прав человека и развито представление об обязанности государства действовать в интересах общества, защищая основные свободы личности, впоследствии ставшие основой для практической реализации исследуемой концепции. В исследовании обосновывается вывод о том, что концепция социального государства не является исключительно продуктом индустриальной эпохи, а представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой философские представления о социальной справедливости трансформировались в идею о необходимости реализации государством комплекса социальных функций.

Ключевые слова: античная политическая мысль, историко-правовой анализ, модели социального государства, социальная политика, социальная справедливость, социальная функция государства, социальное государство.

PETROV Maksim Sergeevich,
Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and Law
Enforcement Activities Saint-Petersburg University of Humanities
and Social Sciences

FORMATION OF THE CONCEPT OF THE SOCIAL STATE IN A HISTORICAL-THEORETICAL PERSPECTIVE

Annotation. This article is devoted to the historical and theoretical analysis of the evolution of the concept of the social state. The author traces the genesis of the philosophical foundations of the social state, paying particular attention to the works of ancient philosophers who reflected on the common good, justice, and the need to curb economic inequality, as well as to the writings of Enlightenment thinkers. The latter substantiated the ideas of natural human rights and developed the concept of the state's duty to act in the interests of society by safeguarding fundamental individual freedoms, which subsequently laid the groundwork for the practical implementation of the concept under study. The study substantiates the conclusion that the concept of the social state is not exclusively a product of the industrial era, but rather the result of a prolonged evolution, during which philosophical notions of social justice were transformed into the idea of the state's imperative to implement a comprehensive set of social functions.

Key words: ancient political thought, historical-legal analysis, models of the social state, social policy, social justice, social function of the state, social state.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в условиях глобальной нестабильности, экономических потрясений, эпидемиологических угроз и геополитических вызовов вопросы реализации социальных функций государства приобретают особую значимость.

В наиболее общем смысле под социальным понимается государство, политика которого направлена на обеспечение достойного уровня жизни и свободного развития граждан, достижение социального равенства и справедливости. В современных правовых исследованиях широко признается, что социальное государство является неотъемлемым условием существования правового государства и его логическим продолжением.

Важность реализации государством социальных функций подчеркивается закреплением в ст. 7 Конституции РФ положений, провозглашающих Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Несмотря на то, что все современные правовые государства в той или иной форме реализуют социальные функции, в доктрине развивается активная научная дискуссия относительно ряда теоретико-правовых аспектов данной концепции. В частности, учеными активно обсуждается вопрос о моменте зарождения исследуемой концепции, о том, с какого именно исторического момента начала свое развитие идея об ответственности государства за реализацию социальных функций. Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку от него зависит понимание самой природы социального государства. Формирование четкого представления о моменте зарождения данной идеи позволит дать ответ на вопрос о том, является ли концепция социального государства продуктом конкретной исторической эпохи, в частности, ответом на вызовы индустриального общества, или же представляет собой результат длительной эволюции правовой мысли, уходящей корнями в античность.

Переходя к непосредственному исследованию поставленного вопроса, необходимо отметить, что в научной доктрине сформировалось несколько существенно различающихся подходов к определению хронологических рамок зарождения рассматриваемой концепции.

Первый из существующих подходов связывает зарождение идеи социального государства с появлением в научном обороте соответствующего термина во второй половине XIX века. Особое внимание сторонники данного подхода уделяют трудам немецкого экономиста Л. фон Штейна. Данные исследователи выводят понятие «социальное

государство» из общего определения государства, предложенного этим ученым, который полагал, что «государство есть возвысившаяся к личному единству совокупность волей и действий всех отдельных личностей» [5, с. 28]. А. Ф. Мещерякова, например, начинает анализ процесса становления концепции социального государства именно с трудов Л. фон Штейна, отмечая, однако, что на работы данного автора оказали значительное влияние взгляды Г. В. Ф. Гегеля [6, с. 28].

Второй подход, получивший распространение в научных исследованиях, фокусируется на формировании философских предпосылок зарождения исследуемой концепции. С. Ю. Белоконев, А. А. Хоконов и М. А. Филоненко, например, утверждают, что концепция социального государства получила оформление только в XIX веке, однако уже в работах мыслителей эпохи Просвещения, в частности Т. Гоббса и Дж. Локка, были заложены идеи, которые легли в основу формирования данной концепции [2, с. 55].

М. С. Хотеева и М. Ю. Мокшин идут дальше и выявляют предпосылки для формирования исследуемой концепции в трудах древнегреческих философов, в первую очередь Платона, который в диалоге «Государство» изложил рассуждения о том, что создание идеального государства требует приведения в соответствие интересов полиса в целом и интересов конкретного человека [11, с. 13].

Представляется, что подход, предполагающий исследование концепции социального государства исключительно с момента появления в данного термина, является методологически ограниченным. Его главный недостаток заключается не в преувеличении роли, которую сыграли труды Л. фон Штейна, а в игнорировании сформированных философами различных исторических периодов представлений о социальной справедливости, необходимости защиты прав граждан в различных областях. Формирование исследуемой концепции происходило не как реакция на социальные вызовы индустриального общества XIX века, а стало закономерным результатом обобщения и систематизации уже существовавших теоретических представлений об особенностях взаимодействия государства и общества.

Значительный интерес в данном контексте представляют рассуждения С. Уайта о том, что именно философам отводится важная роль в формировании исследуемой концепции, поскольку социальное государство по своей сути является выражением определенных этических идеалов и стремлений к социальной справедливости. По мнению ученого, философ не может детально описать механизмы формирования и функционирования социального государства, однако спосо-

бен обозначить рамки дискуссии о его устройстве, тем самым предоставляя гражданам возможность выбора между различными моделями будущего социального государства [13, с. 22].

Обращаясь к философским трудам, оказавшим наибольшее влияние на формирование концепции социального государства, следует в первую очередь обратить внимание на рассуждения Платона, изложенные в диалоге «Государство». В данной работе мыслитель сформулировал важнейшую идею, которая в настоящее время является основой для формирования и функционирования социального государства, указав, что создание идеального государства требует приведения в соответствие интересов общества в целом и интересов конкретного человека. Руководствуясь данной идеей, Платон выделил ряд признаков, которые, в его представлении, характеризуют идеальное государство, в частности, деление общества на сословия, отмену частной собственности, стирание границы между богатством и бедностью, а также установление государственного контроля за воспитанием детей [10, с. 238].

Впоследствии в диалоге «Законы» философ изложил иную модель идеального государства. Сохранив идеи о делении общества на классы и установлении государственного контроля за образованием, мыслитель отказался от полной ликвидации частной собственности, установив для нее, однако, определенные пределы. Платон прямо указывал, что человек не принадлежит сам себе, как не принадлежит ему и имущество, являющееся собственностью рода, а в конечном счете – всего государства. При этом в контексте рассуждений о собственности мыслитель подчеркивал, что в здоровом государстве не должно быть ни чудовищной бедности, ни чрезмерного богатства, поскольку они взаимно порождают друг друга [7, с. 95].

Помимо работ Платона, предпосылки для формирования представлений о социальном государстве прослеживаются также в трудах Аристотеля. Данный мыслитель в своем труде «Политика» уделил особое внимание рассуждениям о том, что наилучший государственный строй будет иметь государство, состоящее из средних людей. Усредненность в контексте размышлений философа подразумевала определенный уровень имущественного благосостояния. Как полагал Аристотель, значительное социальное расслоение ведет к тому, что отношения между различными группами населения могут строиться исключительно как отношения между господами и рабами. Так, люди, обладающие избытком богатства, не умеют и не желают подчиняться, а люди крайне бедные могут находиться в подчинении только в качестве рабов

либо не способны подчиняться никакой власти в принципе [1, с. 128].

Таким образом, в трудах древнегреческих философов еще не была сформирована концепция социального государства в ее современном понимании, однако именно в их работах получила активное развитие идея о том, что государство обязано выполнять ряд социальных функций, обеспечивая согласование интересов личности и общества. Отдельные рассуждения Платона и Аристотеля о социальной справедливости, умеренности имущественного расслоения и роли государства как гаранта общего блага впоследствии были восприняты мыслителями последующих эпох, составив фундамент, на котором в дальнейшем выстроилась доктрина социального государства.

Возникновение идей социального государства, близких по своему содержанию к современным, относится к эпохе Просвещения. Широко распространена точка зрения, согласно которой основные идеи социального государства нашли свое отражение в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж. Ж. Руссо.

Размышления Т. Гоббса, затрагивающие вопрос о социальной роли государства, получили отражение в труде «Левиафан», где в качестве основной цели и одновременно причины формирования людьми государства автор называется стремление к самосохранению и обеспечению более благоприятной жизни [3, с. 116]. В развитие данных идей автор также отмечал, что основные обязанности правящего органа государства – монарха или собрания, определяются той целью, ради которой он был наделен верховной властью, а именно целью обеспечения безопасности народа [3, с. 229].

Рассуждения Дж. Локка, затрагивающие исследуемый вопрос, получили отражение в работе «Два трактата о правлении». В контексте развития теории общественного договора автор одновременно сделал ряд важных умозаключений о социальной роли государства, указав, в частности, что главной целью и одновременно причиной возникновения государства является сохранение естественных прав человека [4, с. 372].

Представления Ж. Ж. Руссо, связанные с развитием социального государства, нашли отражение в трактате «Об общественном договоре». В данной работе развиваются идеи, свойственные современному пониманию социального государства. Мыслитель отмечал, что главной целью общественного договора является сохранение жизни и обеспечение благополучия договаривающихся лиц. Наивысшими благами, к которым должно стремиться каждое государство, в представлении

Ж. Ж. Руссо, являлись свобода и равенство [9, с. 224].

Таким образом, предпосылки для формирования концепции социального государства зародились уже в глубокой древности и впоследствии получили развитие в трудах мыслителей эпохи Просвещения. Однако наиболее важные события, оказавшие влияние на становление концепции социального государства, произошли в конце XIX века. В первую очередь следует уделить внимание трудам уже упоминавшегося немецкого ученого Л. фон Штейна, который, помимо создания самого понятия «социальное государство», изложил в своих исследованиях рассуждения о том, что государственное управление может достичь своей идеальной формы только в том случае, когда оно делает единственной задачей своей деятельности обеспечение благосостояния своих граждан [5, с. 30].

Исследователь Н. В. Путило, анализируя труды Л. фон Штейна, называет одним из важных достижений данного автора то, что он существенно расширил понимание социального вопроса, полагая, что он не ограничивается защитой прав наиболее бедных граждан, а охватывает все виды деятельности государства, в том числе создание системы правового регулирования вопросов здравоохранения, образования и любых других, затрагивающих развитие личности [8, с. 54].

Изложенное демонстрирует, что работы Л. фон Штейна оказали огромное влияние на развитие концепции социального государства. В отличие от мыслителей предыдущих эпох, которые излагали лишь общие рассуждения о социальной справедливости и необходимости борьбы с имущественным неравенством, данный автор предложил целостное теоретическое обоснование идеи о необходимости реализации государством комплекса социальных функций.

Помимо формирования теоретической концепции социального государства, конец XIX века ознаменовался также первой попыткой практического воплощения данной концепции в реальность. Одни из первых в мировой истории норм, регулирующих вопросы осуществления государством социальной политики, были приняты в ходе реформ канцлера Германской империи О. фон Бисмарка, в результате которых были заложены основы для создания системы медицинского страхования, страхования по инвалидности и пенсионного страхования. Проведенные в Германской империи реформы оказали непосредственное влияние не только на развитие системы социального обеспечения в данном государстве и иных странах, адаптировавших немецкий опыт, но и на дальнейшее развитие теоретических представлений о

социальном государстве.

Если ранее посвященные данному вопросу исследования преимущественно уделяли внимание теоретическим аспектам социальной роли государства, то в конце XIX - начале XX века внимание исследователей стало смещаться в сторону прикладных вопросов, в частности, определения конкретного содержания социальных обязательств государства.

Особого внимания в контексте исследования данного вопроса заслуживают работы английского ученого и политического деятеля У. Бевериджа, в частности, представленный Парламенту Великобритании в 1942 году доклад «Полная занятость в свободном обществе», в котором автор обосновывал необходимость создания государством полноценной системы социальной защиты населения. В докладе впервые были выдвинуты такие основополагающие для современного социального государства идеи, как гарантированный минимальный размер оплаты труда и обеспечение полной занятости населения через развитие взаимосвязи между экономической и социальной политикой государства. В тексте доклада У. Беверидж прямо заявлял, что эффективная социальная защита может обеспечиваться только государством, что требует значительного увеличения объема его ответственности и предоставляемых ему полномочий в социальной сфере [12, с. 36].

Особая значимость приведенного документа для развития концепции социального государства определяется тем, что он не ограничивался теоретическими рассуждениями, а содержал в себе конкретные предложения по реформированию государственной политики в социальной сфере и предлагал создание полноценной системы социальных гарантий.

Фактически именно в середине XX века были сформированы основные направления как практической реализации социальной функции государства, так и теоретических исследований, посвященных данной теме. Помимо общих рассуждений о социальной роли и социальных обязательствах государства, существенное внимание в научных исследованиях стало уделяться вопросу о перспективах развития законодательства, регулирующего данную сферу, а также о механизмах реализации социальных гарантий.

Важно отметить, что анализ эволюции концепции социального государства был бы неполным без анализа отечественного опыта. В первую очередь важно отметить, что в Российской империи данная концепция не получила какого-либо активного развития, а деятельность государства ограничилась принятием отдельных законов, направленных на предоставление подданным от-

дельных социальных гарантий. Концепция социального государства также не получила какого-либо развития в советский период отечественной истории, поскольку воспринималась как буржуазная и, соответственно, противоречащая государственной идеологии марксизма-ленинизма. Важно отметить, что речь идет именно о теоретической концепции, поскольку на практике советское государство реализовывало широкий перечень социальных функций, а в законодательстве получили закрепление положения о гарантиях социальных прав граждан.

Начало развития в отечественной юридической науке концепции социального государства связывается учеными с принятием Конституции РФ, провозгласившей Российскую Федерацию социальным государством.

Таким образом, изложенный в настоящем исследовании материал позволяет сделать вывод о том, что дискуссия о моменте зарождения концепции социального государства имеет огромное значение для развития современных научно-теоретических представлений о данной концепции. От ответа на вопрос о том, в какой момент возникли наиболее ранние идеи о необходимости реализации государством социальных функций, напрямую зависит понимание сущности социального государства и того, является ли возникновение и практическое воплощение исследуемой концепции ответом на вызовы конкретной исторической эпохи, либо же любое государство уже в силу самого факта своего существования принимает на себя определенный перечень социальных обязательств.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что исследование вопроса о зарождении концепции социального государства не должно ограничиваться периодом второй половины XIX века, когда термин «социальное государство» был введен в научный оборот и предприняты первые попытки воплощения данной концепции в жизнь. Формирование концепции социального государства является результатом длительной эволюции государственно-правовой мысли, в ходе которой философские представления о социальной справедливости трансформировались в идею о необходимости реализации государством комплекса социальных функций.

Список литературы:

[1] Аристотель. Политика / пер. с греч., предисл. и послесл. С. А. Жебелева; примеч. и коммент. А. И. Доватура. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2020. — 318 с.

[2] Белоконев С. Ю., Хоконов А. А., Филоненко М. А. Социальное государство: генезис,

эволюция содержания, индикаторы // Социально-политические науки. — 2023. — Т. 13, № 6. — С. 53–60.

[3] Гоббс, Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.

[4] Локк, Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. — 4-е изд., эл. — М.: Социум, 2020. — 496 с.

[5] Л. фон Штейн История социального движения Франции с 1789 года. — Санкт-Петербург : тип. А. М. Котомица, 1872. — 305 с.

[6] Мещерякова А. Ф. Социальное государство: теоретико-правовые аспекты формирования и развития // Наука. Общество. Государство. — 2021. — Т. 9, № 3. — С. 26–36.

[7] Платон. Законы / предисл. Е. И. Темнова. — Серия «Классическое наследие». — М.: Рух, 2015. — 324 с.

[8] Путило Н. В. Лоренц фон Штейн о системе и структуре социального законодательства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2024. — № 1. — С. 52–58.

[9] Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. — М.: КАНОН-пресс, 1998. — 413 с.

[10] Собрание сочинений в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев ; примеч. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — 654 с.

[11] Хотеева М. С., Мокшин М. Ю. Анализ концепции социального государства: ключевые показатели и аспекты // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». — 2025. — Т. 7, № 1. — С. 11–22.

[12] Beveridge W. H. Full Employment in a Free Society. — 1st American ed. — New York : W. W. Norton, 1945. — 438 p.

[13] The Oxford Handbook of the Welfare State / ed. by D. Béland et al. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 1025 p.

References:

[1] Aristotle. Politics/trans. With Greek, predicted. and after. S. A. Zhebeleva; note. and comment. A.I. Dovatura. - 2nd ed. - M.: Academic project, 2020. - 318 s.

[2] Belokonev S. Yu., Khokonov A. A., Filonenko M. A. Social state: genesis, evolution of content, indicators // Socio-political sciences. — 2023. - T. 13, NO. 6. - S. 53-60.

[3] Hobbes, T. Leviathan. - M.: Thought, 2001. - 478 s.

[4] Locke, J. Two treatises on rule/per. From English E. S. Lagutin, Yu. V. Semenova. - 4th ed., El. - M.: Society, 2020. - 496 p.

[5] L. von Stein History of the social movement

of France since 1789. - St. Petersburg: type. A.M. Kotomitsa, 1872. — 305 c.

[6] Meshcheryakova A.F. Social state: theoretical and legal aspects of formation and development // Science. Society. State. — 2021. - T. 9, NO. 3. - S. 26-36.

[7] Plato. Laws/foreword. E.I. Temnova. - "Classic Heritage" series. - M.: Rusnes, 2015. - 324 s.

[8] Putilo N.V. Lorenz von Stein on the system and structure of social legislation // Journal of the Belarusian State University. Right. — 2024. — № 1. - S. 52-58.

[9] Rousseau, J. J. On social contract. Treatises. - M.: CANON press, 1998. - 413 s.

[10] Collected works in 4 tons/per. From ancient

times; total ed. A.F. Loseva, V.F. Asmus, A.A. Tahoe-Godi; aut. entry. Art. and Art. in note. A.F. Losev; note. A. A. Tahoe-Godi. - M.: Thought, 1994. - VOL. 3. - 654 p.

[11] Khoteeva M. S., Mokshin M. Yu. Analysis of the concept of a social state: key indicators and aspects // Bulletin of Samara State Technical University. "Philosophy" series. — 2025. - T. 7, NO. 1. - S. 11-22.

[12] Beveridge W. H. Full Employment in a Free Society. — 1st American ed. — New York : W. W. Norton, 1945. — 438 p.

[13] The Oxford Handbook of the Welfare State / ed. by D. Béland et al. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 1025 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-208-218

ЯКОВЛЕВ Александр Андреевич,
аспирант Института социально-гуманитарного образования
по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические
правовые науки, ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»,
e-mail: gratciel@mail.ru

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется алгоритмическая медиация правоприменения как самостоятельный фактор трансформации профессионального правосознания в цифровом обществе. Обосновывается, что применение систем искусственного интеллекта и иных алгоритмических средств изменяет не только техническую организацию юридического труда, но и способы отбора фактов, толкования норм, оценки доказательств, формирования внутреннего убеждения и принятия ответственности за юридически значимое решение. Цель исследования состоит в выявлении направлений такой трансформации и разработке теоретико-правовых гарантий, обеспечивающих сохранение субъектности правоприменителя. Используются формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также метод правового моделирования. Научная новизна выражается во введении понятия алгоритмической медиации правоприменения и разработке авторской трёхуровневой модели: инструментального содействия, когнитивного соопределения и заместительного делегирования. Доказывается, что допустимый уровень алгоритмизации должен определяться не формальным наличием человека в контуре принятия решения, а реальностью его понимания, критической проверки, возможности отклонить машинную рекомендацию и персонально мотивировать итоговый акт. Предлагается система принципов: сохранение человеческой субъектности, юридическая объяснимость, содержательный человеческий контроль, оспоримость, прослеживаемость данных и недопустимость диффузии ответственности.

Ключевые слова: правосознание, профессиональное правосознание, цифровое общество, искусственный интеллект, алгоритмическая медиация, правоприменение, юридическое мышление, автоматизационное искажение, человеческий контроль, юридическая ответственность.

YAKOVLEV Alexander Andreevich,
Postgraduate Student, Institute of Social and Humanitarian
Education, Specialization: 5.1.1. Theoretical and Historical Legal
Sciences, Moscow Pedagogical State University

ALGORITHMIC MEDIATION OF LEGAL DECISION-MAKING AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS

Annotation. The article examines algorithmic mediation of legal decision-making as an independent factor in the transformation of professional legal consciousness in the digital society. It is argued that artificial intelligence systems and other algorithmic tools change not only the technical organization of legal work, but also the selection of facts, interpretation of legal rules, assessment of evidence, formation of professional judgment and attribution of responsibility for legally significant decisions. The purpose of the study is to identify the main directions of this transformation and to develop theoretical and legal safeguards preserving the agency of the human decision-maker. The research uses formal legal, systemic, structural, comparative and legal modelling methods. The

scientific novelty lies in introducing the concept of algorithmic mediation of legal decision-making and proposing a three-level model: instrumental assistance, cognitive co-determination and substitutive delegation. The article demonstrates that the acceptable degree of algorithmization should be assessed not by the formal presence of a human in the decision-making loop, but by the person's actual ability to understand, critically verify and reject an algorithmic recommendation and to provide an individual legal justification for the final act. The author proposes the principles of human agency, legal explainability, meaningful human control, contestability, data traceability and non-diffusion of responsibility.

Key words: *legal consciousness, professional legal consciousness, digital society, artificial intelligence, algorithmic mediation, legal decision-making, legal reasoning, automation bias, human oversight, legal responsibility.*

Введение

Цифровая трансформация права первоначально воспринималась преимущественно как изменение формы хранения и передачи юридической информации. Электронные базы законодательства, системы судебного делопроизводства, автоматизированное распределение дел, цифровые реестры и дистанционное взаимодействие участников правоотношений рассматривались как инфраструктурные средства, не затрагивающие сущность юридического решения. Распространение систем искусственного интеллекта, машинного обучения и генеративных моделей изменило данную постановку вопроса. Алгоритм всё чаще не просто доставляет правоприменителю документ, а ранжирует материалы, выделяет юридически значимые обстоятельства, прогнозирует результат, предлагает квалификацию, формирует проект правового акта и тем самым участвует в построении смысловой модели дела.

Право в цифровой реальности одновременно выступает средством организации технологического развития и объектом его преобразующего воздействия. Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор обоснованно указывают, что цифровизация затрагивает форму, содержание, систему и механизм действия права [8]. Э.В. Талапина, анализируя новые вызовы цифровой среды, подчёркивает необходимость оценки не только преимуществ автоматизации, но и рисков для прав человека, правовой определённости и традиционных юридических конструкций [9]. Применительно к правосознанию это означает, что цифровая среда воздействует не только на объём доступных юристу знаний, но и на внутренний механизм восприятия права, аргументации и выбора правомерного решения.

Актуальность исследования усиливается тем, что государственная политика Российской Федерации последовательно ориентирована на внедрение технологий искусственного интеллекта. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в редакции 2024 года закрепляет принципы безопасности, уважения автономии и свободы воли человека,

недискриминации, ответственности определённого физического или юридического лица за последствия применения систем искусственного интеллекта и риск-ориентированного регулирования [2]. В 2025 году создан Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, обеспечивающий координацию приоритетных задач в данной сфере [6]. В июне 2026 года был дополнительно скорректирован механизм экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций [5]. Следовательно, вопрос о пределах алгоритмизации юридически значимых решений уже не является отвлечённым прогнозом: он относится к текущему этапу развития правовой системы.

Вместе с тем нормативное регулирование преимущественно сосредоточено на характеристиках технологии, обработке данных, безопасности и распределении внешней ответственности. Недостаточно разработанным остаётся внутренний, антропологический аспект: каким образом постоянное взаимодействие с алгоритмическими рекомендациями перестраивает профессиональное правосознание судьи, государственного служащего, следователя, прокурора, адвоката, нотариуса, корпоративного юриста и иных субъектов юридической деятельности. Этот вопрос имеет теоретико-правовое значение, поскольку правоприменение не сводится к логической подстановке фактов под норму. Оно включает понимание социального контекста, разрешение коллизий ценностей, оценку добросовестности, соразмерности и справедливости, а также личное принятие ответственности за властное или профессиональное решение.

Цель настоящей статьи состоит в формировании теоретико-правовой модели алгоритмической медиации правоприменения и выявлении её воздействия на структуру профессионального правосознания. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрывается содержание профессионального правосознания в цифровой среде; предлагается авторское определение алгоритмической медиации; выявляются позитивные

и деформационные механизмы её воздействия; разграничиваются уровни допустимого и критического делегирования; формулируются принципы сохранения человеческой субъектности и ответственности. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, анализ действующего регулирования и научной литературы, а также метод правового моделирования.

Гипотеза исследования заключается в том, что ключевой риск создаёт не сама автоматизация и не техническая автономность системы как таковая, а незаметное перемещение центра юридического суждения от человека к алгоритмически сформированной рамке. При таком перемещении правоприменитель формально остаётся автором решения, однако фактически может утратить самостоятельность в выборе фактов, интерпретации нормы и оценке последствий. Поэтому наличие подписи должностного лица или возможности нажать кнопку «отклонить» ещё не свидетельствует о сохранении содержательного человеческого контроля.

Профессиональное правосознание в цифровой правовой реальности

Профессиональное правосознание традиционно рассматривается как особая форма группового и индивидуального правосознания лиц, осуществляющих юридическую деятельность на основе специальной подготовки. Н.Я. Соколов связывал его с системой правовых знаний, оценок, чувств, установок и профессиональных навыков, непосредственно включённых в повседневную юридическую практику [7]. Данная категория отражает не только то, что юрист знает о праве, но и то, каким образом он распознаёт юридически значимые обстоятельства, оценивает допустимое и должное, воспринимает пределы власти, соотносит формальную законность со справедливостью и принимает решение.

Структура профессионального правосознания не исчерпывается правовой идеологией и правовой психологией. Для анализа цифровой трансформации целесообразно выделить взаимосвязанные когнитивный, интерпретационный, аксиологический, эмоционально-психологический, волевой, рефлексивный и ответственный компоненты. Когнитивный компонент охватывает знания о праве и фактах; интерпретационный - способность придавать им юридический смысл; аксиологический - ориентацию на достоинство личности, свободу, равенство, справедливость и законность; эмоционально-психологический - профессиональные чувства, доверие, осторожность и восприятие риска; волевой - готовность принять решение и противостоять внешнему давлению; рефлексив-

ный - способность обнаруживать собственные ошибки и когнитивные искажения; компонент ответственности - внутреннее признание авторства юридически значимого выбора.

В доцифровой модели профессиональное правосознание также зависело от внешних посредников: текста закона, доктрины, судебной практики, заключений экспертов, организационных инструкций. Однако алгоритмический посредник отличается сочетанием масштаба, скорости, персонализации и скрытой селективности. Он способен обработать массив информации, недоступный отдельному человеку, но одновременно предвзвешенно определить, какие сведения будут показаны, в какой последовательности и с какой вероятностной оценкой. Следовательно, алгоритм влияет на правосознание ещё до момента осознанного толкования нормы - на стадии конструирования информационной картины дела.

Цифровая среда порождает парадокс профессиональной компетентности. С одной стороны, юрист получает более широкий доступ к нормативным материалам, судебной практике и аналитике, сокращает технические ошибки и освобождает время для сложной аргументации. С другой стороны, постоянная готовность системы предоставить итоговый ответ может ослаблять навык самостоятельной постановки вопроса. Профессионал начинает оценивать не первичные материалы, а уже сформированное машиной резюме; не выстраивать несколько конкурирующих квалификаций, а проверять одну предложенную; не искать контраргументы, а редактировать сгенерированный текст. В результате объём доступной информации возрастает, но глубина её юридического освоения может снижаться. Изменение содержания юридического труда и профессиональных ролей под воздействием искусственного интеллекта отмечается и в современной отечественной доктрине: исследователи связывают алгоритмизацию с перераспределением аналитических функций, усложнением требований к квалификации юриста и риском утраты самостоятельности профессионального суждения [13; 14].

А.А. Бессонов отмечает, что специфика искусственного интеллекта требует существенных ограничений при его использовании в правоприменении, затрагивающем права и свободы человека [10]. Е.С. Селиванова и А.С. Конопий обращают внимание на автономность, самообучение, сложную архитектуру и непрозрачность интеллектуальных систем, а также на необходимость объяснимости, логирования и возможности пересмотра их решений [11]. Эти свойства важны не только для определения внешнего правового режима технологии. Они непосредственно воздействуют

на психологию правоприменителя: чем сложнее проверить вывод системы, тем сильнее соблазн заменить содержательное понимание ссылкой на её предполагаемую точность.

Таким образом, профессиональное правосознание в цифровом обществе следует рассматривать как динамическую систему, формирующуюся в человеко-машинном контуре. При этом цифровая компетентность является необходимым, но недостаточным условием право-

мерного поведения. Умение пользоваться системой не тождественно способности критически оценить её ограничения. Подлинная цифровая зрелость юриста предполагает понимание происхождения данных, вероятностной природы результата, границ применимости модели, риска скрытой дискриминации, возможности технической ошибки и недопустимости подмены юридической аргументации ссылкой на авторитет технологии.

Таблица 1. Трансформация компонентов профессионального правосознания при алгоритмической медиации

Компонент	Позитивный потенциал	Основной риск
Когнитивный	Быстрый поиск, систематизация больших массивов, выявление связей и противоречий	Зависимость от машинной выборки; утрата навыка работы с первичными источниками
Интерпретационный	Сопоставление различных вариантов квалификации и аргументации	Сведение толкования к наиболее вероятному шаблону; игнорирование уникального контекста
Аксиологический	Проверка решений на формальные критерии равенства и непротиворечивости	Замещение ценностной оценки оптимизационной метрикой
Психологический	Снижение перегрузки и числа рутинных ошибок	Автоматизационное доверие либо некритическое отвержение технологии
Волевой	Поддержка в сложных и объёмных делах	Ослабление готовности принять самостоятельное решение вопреки рекомендации
Рефлексивный	Обнаружение отклонений, непоследовательности, пропущенных факторов	Иллюзия объективности и снижение самокритики
Ответственность	Прослеживаемость действий и фиксация этапов подготовки решения	Диффузия ответственности между пользователем, разработчиком, оператором и системой

Понятие алгоритмической медиации правоприменения

Для описания рассматриваемого явления недостаточно категорий «автоматизация», «цифровизация» или «использование искусственного интеллекта». Автоматизация акцентирует выполнение операции без непосредственного участия человека; цифровизация - общий переход к цифровой форме процессов; искусственный интеллект - характеристики технологического решения. Между тем предмет настоящего исследования составляет особая связь между технологией и юридическим сознанием, когда алгоритм опосредует восприятие правовой действительности и влияет на содержание решения независимо от того, является ли итог полностью автоматическим.

Под алгоритмической медиацией правоприменения предлагается понимать опосредование познавательной, интерпретационной, оценочной и волевой деятельности правоприменителя цифровой системой, которая посредством отбора,

ранжирования, прогнозирования, классификации или генерации информации формирует рамку юридически значимого решения. Существенными признаками такой медиации являются: участие алгоритма в определении релевантной информации; преобразование первичных данных в рекомендацию либо проект решения; влияние результата системы на ход профессионального рассуждения; сохранение или имитация человеческого авторства; возможность возникновения правовых последствий для конкретных лиц.

Предложенное понятие шире автоматизированного решения. Например, если программа сама начисляет обязательный платёж по жёстко заданной формуле, имеет место автоматизация формализованной операции. Если же система определяет вероятность недобросовестности, ранжирует доказательства, предлагает квалификацию поведения или генерирует мотивировку, она становится медиатором юридического суждения. Даже когда итоговый акт подписывает чело-

век, машинный вывод способен задать исходную точку, структуру аргументации и психологический «якорь», от которого дальнейшее рассуждение уже не является независимым.

К. Йеунг рассматривает алгоритмическое регулирование как систему, в которой сбор данных, установление стандартов и воздействие на поведение образуют единый вычислительный контур [18]. В сфере публичного управления К. Коглианезе и Д. Лер показывают, что машинное обучение может повысить эффективность административных решений, но требует специальных гарантий законности, прозрачности и надлежащего управления [17]. Для теории правосознания важно дополнить данный анализ: алгоритм регулирует не только внешнее поведение адресата, но и внутреннее познавательное поведение самого правоприменителя, определяя доступные ему варианты видения юридической ситуации.

Механизмы воздействия алгоритмов на юридическое мышление

Первым механизмом является алгоритмическая селекция фактов. Любое дело содержит больше информации, чем может быть одновременно учтено человеком. Традиционно релевантность определяется профессиональной подготовкой, процессуальными правилами и целями конкретного производства. Алгоритмическая система добавляет ещё один фильтр: она решает, какие документы считать близкими по смыслу, какие фрагменты выделить, какие обстоятельства обозначить как аномальные. Ошибка на этой стадии может остаться незаметной, поскольку правоприменитель нередко не видит исключённые данные и воспринимает машинную выборку как нейтральное отражение массива.

Вторым механизмом выступает эффект якоря. Числовая вероятность, рейтинг риска, прогноз исхода или готовый проект решения создают начальную координату рассуждения. Даже при возможности отклонения рекомендации последующий анализ часто строится вокруг неё. Правоприменитель ищет основания подтвердить или скорректировать уже предъявленный результат, а не формирует решение с нуля. Особенно выражен данный эффект при высокой рабочей нагрузке, дефиците времени и институциональном ожидании эффективности.

Третьим механизмом является стандартизация интерпретации. Алгоритм обучается на уже существующих текстах и решениях, вследствие чего преимущественно воспроизводит устойчивые паттерны. Это может способствовать единообразию, но одновременно консервирует прежние подходы и затрудняет правовое развитие. Новая правовая позиция по определению статистически

редка; именно поэтому система, ориентированная на наиболее вероятный ответ, способна воспринимать обоснованную инновацию как отклонение или ошибку. Профессиональное правосознание в таком контуре рискует утратить творческую и критическую функцию.

Четвёртым механизмом является подмена правовой аргументации корреляционной. Юридическое решение требует указания на норму, установленные обстоятельства и логическую связь между ними. Машинная модель может выдавать точный прогноз, не раскрывая юридически приемлемого основания. Вероятность того, что аналогичные дела завершались определённым образом, не тождественна нормативному доводу о том, почему именно такое решение законно и справедливо в конкретном случае. Если правоприменитель переносит прогностическую уверенность в мотивировочную часть, происходит смешение фактической предсказуемости и правовой обоснованности.

Пятым механизмом является автоматизационное искажение - склонность придавать автоматизированному выводу повышенный авторитет и игнорировать противоречащие сигналы. Исследования взаимодействия человека и алгоритма показывают, что проблема не сводится к безусловному доверию: возможна также избирательная приверженность машинному совету, когда он совпадает с предварительными установками субъекта [19]. С.С. Гулямов применительно к судебной деятельности подчёркивает необходимость специальной психологической подготовки судей для профилактики *automation bias* [15]. Следовательно, юридическая компетентность должна включать не только знание технологии, но и распознавание собственных реакций на её рекомендации.

Шестым механизмом становится диффузия ответственности. При неблагоприятном результате пользователь может ссылаться на систему, оператор - на настройки, разработчик - на данные, заказчик - на формально сохранённый человеческий контроль. Внутренне это проявляется как ослабление чувства личного авторства: решение воспринимается не как собственный юридический выбор, а как подтверждение объективного расчёта. Между тем Национальная стратегия развития искусственного интеллекта исходит из необходимости закрепления ответственности за последствия работы системы за конкретным физическим или юридическим лицом [2]. Для правосознания данный принцип означает запрет психологического самоосвобождения правоприменителя от обязанности понимать и мотивировать принятое решение.

Трёхуровневая модель алгоритмической

медиации

Для определения допустимых пределов алгоритмизации предлагается трёхуровневая модель, основанная не на техническом названии системы, а на фактической глубине её влияния на юридически значимое решение. Один и тот же программный продукт может использоваться на разных уровнях в зависимости от конкретной функции, характера дела, интерфейса и поведения пользователя.

Первый уровень - инструментальное содействие. Система выполняет поиск, сортировку, проверку реквизитов, арифметические расчёты, обезличивание, выявление дубликатов и иные операции, не предопределяющие правовую квалификацию. Правоприменитель самостоятельно формирует фактическую и нормативную модель дела. Основные гарантии на этом уровне связаны с качеством данных, информационной безопасностью и возможностью проверить результат операции.

Второй уровень - когнитивное соопределение. Алгоритм предлагает юридически значимые гипотезы: классифицирует ситуацию, оценивает риск, прогнозирует исход, ранжирует доказательства, формирует варианты квалификации или проект мотивировки. Решение формально принимает человек, но содержание его рассуждения существенно зависит от машинного вывода. Здесь необходимы юридическая объяснимость, представление альтернатив, указание уровня уверенности, обязательная проверка первичных источников и фиксация собственной мотивировки правоприменителя.

Третий уровень - заместительное делеги-

рование. Система фактически формирует единственный итог, а участие человека сводится к формальному утверждению, редким исключениям либо постфактум-контролю. При этом юридические последствия могут наступать автоматически. Такой уровень допустим лишь для строго формализованных, обратимых и малорисковых операций, где отсутствует оценка личности, добросовестности, справедливости, соразмерности или достоверности спорных доказательств. В иных случаях возникает угроза утраты субъектности правоприменителя и нарушения права на мотивированное решение.

Критерием перехода между уровнями служит не процент автоматизации, а степень нормативной открытости задачи. Чем больше решение зависит от оценочных понятий, конкурирующих принципов, индивидуального контекста и тяжести последствий, тем меньше допустимый объём делегирования. Напротив, операция, основанная на однозначной норме, проверяемых данных и обратимом результате, может быть автоматизирована глубже.

Особое значение имеет реальность человеческого контроля. Содержательный контроль существует, если лицо понимает назначение системы и происхождение её вывода; имеет доступ к первичным данным; располагает временем и компетенцией для проверки; вправе отклонить рекомендацию без неформальных санкций; способно сформулировать самостоятельные юридические основания; несёт персональную ответственность за итог. Отсутствие хотя бы нескольких элементов превращает модель human-in-the-loop в процедурную фикцию.

Таблица 2. Уровни алгоритмической медиации правоприменения

Уровень	Роль системы	Роль человека	Допустимая сфера и гарантии
I. Инструментальное содействие	Поиск, сортировка, расчёт, техническая проверка	Самостоятельно определяет факты, норму и вывод	Широкая применимость; проверяемость операции, качество и безопасность данных
II. Когнитивное соопределение	Предлагает прогноз, квалификацию, оценку риска, проект аргументации	Критически сопоставляет альтернативы и формирует собственную мотивировку	Допустимо при объяснимости, доступе к источникам, фиксации отклонений и обязательной перепроверке
III. Заместительное делегирование	Формирует или исполняет итоговое решение	Формально утверждает либо контролирует исключения	Только формализованные, обратимые и малорисковые операции; запрет для решений, требующих ценностной и индивидуальной оценки

Нормативные ориентиры и пределы автоматизированного решения

Конституционные основы использования алгоритмов в правоприменении вытекают из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, непосредственного действия прав и свобод, гарантий государственной и судебной защиты, равенства перед законом и судом, а также самостоятельности судебной власти [1]. Эти положения требуют, чтобы цифровая эффективность не становилась самостоятельным основанием ограничения прав. Технологическая система должна быть встроена в правовой порядок, а не образовывать параллельный порядок, в котором критерии решения определяются закрытой моделью.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет общие требования к информационным системам и защите информации [3]. Однако применительно к алгоритмическому правоприменению важна не только техническая сохранность данных, но и их смысловая пригодность. Законный источник может быть нерепрезентативным для конкретной задачи; формально корректные данные могут отражать историческую дискриминацию; актуальная база может содержать ошибочную разметку. Поэтому юридическая оценка качества должна включать происхождение, полноту, временную релевантность и допустимость использования данных.

Особый ориентир содержит статья 16 Федерального закона «О персональных данных». Она ограничивает принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия или иным образом затрагивающих права и законные интересы субъекта, допуская это в предусмотренных законом случаях либо при письменном согласии и закрепляя обязанность разъяснить порядок принятия решения и возможные последствия [4]. Хотя указанная норма имеет специальный предмет, заложенная в ней идея обладает более общим теоретическим значением: лицо не должно становиться объектом непонятного автоматизированного властного воздействия без возможности получить объяснение и выразить возражение.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта задаёт человекоориентированные и риск-ориентированные принципы [2]. Их развитие применительно к профессиональному правосознанию предполагает, что «человек в центре» - это не визуальное присутствие пользователя в интерфейсе, а сохранение его способности к пониманию и ответственному действию. Если система настолько сложна, что пользователь не

может объяснить её роль, или организационная практика фактически запрещает отклонение рекомендации, человек перестаёт быть субъектом контроля независимо от формальной процедуры.

В зарубежной доктрине идея технологически обусловленного надлежащего процесса получила развитие в работе Д.К. Ситрон, которая связывает автоматизированные административные решения с необходимостью процедурных гарантий, прозрачности, проверки и исправления ошибок [16]. Данный подход применим и к российской теории права: процессуальная форма должна охватывать не только действия должностного лица, но и значимые этапы алгоритмического формирования решения. В противном случае существенная часть властного усмотрения оказывается скрытой внутри технической системы и выпадает из сферы юридического контроля.

Принципы сохранения профессионального правосознания

Первым является принцип сохранения человеческой субъектности. Алгоритм может поддерживать познание, но не должен устранять личное юридическое суждение там, где решение требует оценки прав и свобод, добросовестности, виновности, справедливости, соразмерности либо достоверности спорных обстоятельств. П.Н. Маковская формулирует применительно к юридическому искусственному интеллекту принцип *impossibilitas substitutionis* - недопустимость замещения человека в определённых правовых процедурах [12]. В рамках настоящего исследования данный принцип следует связать именно с невозможностью передачи машине ценностного ядра правоприменения.

Второй принцип - юридическая объяснимость. Правоприменитель должен понимать не только то, что рекомендует система, но и почему её вывод может иметь значение для конкретной нормы и фактов. Ссылка на коммерческую тайну, сложность модели или высокий средний процент точности не заменяет объяснения в индивидуальном деле. Если машинный результат не может быть преобразован в проверяемую юридическую аргументацию, он не должен определять неблагоприятное решение.

Третий принцип - содержательный человеческий контроль. Он предполагает институциональные условия для реального несогласия: достаточное время, обучение, доступ к данным, отсутствие показателей эффективности, поощряющих механическое подтверждение, и обязательную выборочную проверку. Контроль должен оцениваться эмпирически - по частоте и обоснованности отклонений, качеству мотивировки, выявленным ошибкам, а не только по наличию должностного лица в

схеме процесса.

Четвёртый принцип - оспоримость. Лицо, затронутое решением, должно иметь возможность узнать о существенном использовании алгоритма, получить понятное объяснение, представить дополнительные сведения, потребовать рассмотрения человеком и добиться исправления данных. Оспоримость одновременно защищает адресата и поддерживает профессиональное правосознание правоприменителя, поскольку сохраняет диалогический характер права и препятствует превращению машинного вывода в необсуждаемую данность.

Пятый принцип - прослеживаемость и воспроизводимость. Необходимо фиксировать версию модели, источники данных, значимые параметры, выданную рекомендацию, действия пользователя и окончательную мотивировку. При этом воспроизводимость не означает неизменность результата самообучающейся системы; она требует возможности реконструировать условия, при которых конкретный вывод был получен. Без такой фиксации судебный, ведомственный и общественный контроль становятся формальными.

Шестой принцип - недопустимость диффузии ответственности. Для каждого этапа должны быть определены ответственные субъекты: за правомерность цели, качество данных, разработку и тестирование, внедрение, конкретное применение, контроль и рассмотрение жалоб. Финальный пра-

воприменитель не освобождается от обязанности критической проверки, но и не должен нести ответственность за скрытый дефект, который объективно не мог обнаружить. Распределение ответственности должно соответствовать реальной способности контролировать риск.

Седьмой принцип - профессиональная цифровая компетентность. Она должна включать основы работы алгоритмов, вероятностный характер выводов, типичные ошибки генеративных моделей, риск автоматизационного искажения, правила конфиденциальности и защиты данных, навыки верификации источников и этику использования. Обучение не должно ограничиваться техникой составления запросов. Центральным результатом является способность сохранять юридическую автономию при взаимодействии с убедительным машинным ответом.

Восьмой принцип - соразмерность алгоритмического вмешательства. Чем существеннее возможные последствия для правового статуса лица, тем строже требования к качеству данных, объяснимости, независимому аудиту, человеческому контролю и возможности обжалования. Для решений о привлечении к ответственности, ограничении свободы, доступе к социальным благам, профессиональном статусе или иных существенных правах презумпция должна действовать в пользу более низкого уровня автоматизации.

Таблица 3. Гарантии ответственного использования алгоритмов в правоприменении

Принцип	Организационно-правовое выражение	Критерий проверки
Человеческая субъектность	Запрет замещения ценностной и индивидуальной оценки; определение задач, не подлежащих делегированию	Правоприменитель способен самостоятельно изложить основания решения
Юридическая объяснимость	Раскрытие данных, факторов, ограничений, неопределённости и роли алгоритма	Объяснение позволяет адресату понять и оспорить решение
Содержательный контроль	Время, компетенции, доступ к первичным материалам, право отклонения без санкций	Имеются реальные и мотивированные случаи несогласия с системой
Оспоримость	Уведомление об использовании алгоритма, человеческий пересмотр, исправление данных	Жалоба способна привести к содержательной проверке и изменению результата
Прослеживаемость	Логирование версии модели, данных, рекомендации и действий пользователя	Процесс получения конкретного вывода может быть реконструирован
Неделимость ответственности	Закрепление ответственных за каждый контролируемый риск	Нет этапа, за который фактически не отвечает ни один субъект
Соразмерность	Усиление требований по мере роста риска для прав и свобод	Высокорисковые решения не принимаются в режиме формального подтверждения

Заключение

Цифровая трансформация правоприменения затрагивает не только внешнюю организацию юридической деятельности, но и внутреннюю структуру профессионального правосознания. Алгоритм становится посредником между правоприменителем и правовой действительностью: отбирает факты, задаёт вероятностные оценки, предлагает интерпретации и формирует проекты решений. Поэтому оценка технологии должна учитывать её воздействие на юридическое мышление, волю, ценности, рефлексию и чувство ответственности.

Алгоритмическая медиация определена в статье как опосредование познавательной, интерпретационной, оценочной и волевой деятельности правоприменителя цифровой системой, формирующей рамку юридически значимого решения посредством отбора, ранжирования, прогнозирования, классификации или генерации информации. Научная значимость данной категории состоит в возможности анализировать промежуточную область между техническим инструментом и полностью автоматическим решением.

Выделены три уровня медиации: инструментальное содействие, когнитивное соопределение и заместительное делегирование. Переход между ними определяется глубиной влияния системы на нормативно открытое юридическое суждение. Чем сильнее решение зависит от оценки личности, достоверности, справедливости, соразмерности и конкурирующих принципов, тем менее допустимо делегирование и тем более строгими должны быть гарантии человеческого контроля.

Основные риски выражаются в алгоритмической селекции фактов, эффекте якоря, стандартизации интерпретации, подмене нормативной аргументации корреляционной, автоматизационном искажении, языковой убедительности без содержательной достоверности и диффузии ответственности. Одновременно алгоритмические средства способны повышать полноту анализа, единообразие, доступность права, обнаружение ошибок и прослеживаемость процесса. Направление трансформации зависит от того, усиливает ли система профессиональное суждение или незаметно заменяет его.

Сохранение зрелого профессионального правосознания требует реализации принципов человеческой субъектности, юридической объяснимости, содержательного контроля, оспоримости, прослеживаемости, недопустимости диффузии ответственности, профессиональной цифровой компетентности, соразмерности и сохранения пространства юридического исключения. Формальное присутствие человека в контуре недоста-

точно: он должен реально понимать основания рекомендации, иметь возможность её критически проверить и отклонить, самостоятельно мотивировать решение и осознавать личную ответственность.

Таким образом, главная задача права в условиях алгоритмизации заключается не в механическом противопоставлении человека и технологии. Необходимо сформировать такую человеко-машинную модель правоприменения, в которой вычислительные возможности расширяют профессиональное познание, но не присваивают себе нормативный авторитет; повышают предсказуемость, но не устраняют индивидуальную справедливость; уменьшают рутинную нагрузку, но не освобождают правоприменителя от обязанности думать, объяснять и отвечать за принятое решение.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 28.07.2026).
- [2] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 28.07.2026).
- [3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2026).
- [4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2026).
- [5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (с изм., внесёнными Федеральным законом от 26.06.2026 № 211-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260071> (дата обращения: 28.07.2026).
- [6] Постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2025 № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Прави-

тельстве Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://government.ru/docs/all/159416/> (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Наука, 1988. 224 с.

[8] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

[9] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

[10] Бессонов А.А. Искусственный интеллект в праве и правоприменении // Вестник Российской академии наук. 2026. Т. 96. № 1. С. 69–77.

[11] Селиванова Е.С., Кононий А.С. Юридически значимые признаки искусственного интеллекта и их влияние на правовой статус решений, принимаемых интеллектуальными системами // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 3. С. 49–61.

[12] Маковская П.Н. Юридический искусственный интеллект. Философские аспекты и специальные принципы использования // Legal Bulletin. 2026. Т. 11. № 1. С. 31–44.

[13] Архипьев Н.В. Влияние искусственного интеллекта на профессию юриста // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 4. С. 134–143.

[14] Сайдумов Д.Х., Джашеев Р.А. Цифровая инверсия профессиональных юристов: функции солиситоров и барристеров в условиях алгоритмизации права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 31–41.

[15] Гулямов С.С. Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан // Психология и право. 2026. Т. 16. № 2. С. 177–197.

[16] Citron D.K. Technological Due Process // Washington University Law Review. 2008. Vol. 85. No. 6. P. 1249–1313.

[17] Coglianese C., Lehr D. Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-Learning Era // Georgetown Law Journal. 2017. Vol. 105. P. 1147–1223.

[18] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505–523.

[19] Alon-Barkat S., Busuioc M. Human-AI Interactions in Public Sector Decision Making: “Automation Bias” and “Selective Adherence” to Algorithmic Advice // Journal of Public Administration

Research and Theory. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 153–169.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (accessed: 28.07.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 No. 124) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (accessed: July 28, 2026).

[3] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru> (accessed: July 28, 2026).

[4] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru> (accessed: July 28, 2026).

[5] Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" (as amended by Federal Law of June 26, 2026 No. 211-FZ) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260071> (accessed: July 28, 2026).

[6] Resolution of the Government of the Russian Federation of June 9, 2025 No. 861 "On the Center for the Development of Artificial Intelligence under the Government of the Russian Federation" // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <https://government.ru/docs/all/159416/> (accessed: July 28, 2026).

[7] Sokolov N. Ya. Professional Consciousness of Lawyers / ed. E. A. Lukasheva. Moscow: Nauka, 1988. 224 p.

[8] Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the Context of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 85–102.

[9] Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects // Journal of Russian Law. 2018. No. 2. pp. 5–17.

[10] Bessonov A. A. Artificial Intelligence in Law and Law Enforcement // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2026. Vol. 96. No. 1. pp.

69–77.

[11] Selivanova E. S., Konopiy A. S. Legally significant features of artificial intelligence and their impact on the legal status of decisions made by intelligent systems // Law and Management. XXI century. 2025. Vol. 21. No. 3. pp. 49–61.

[12] Makovskaya P.N. Legal artificial intelligence. Philosophical aspects and special principles of use // Legal Bulletin. 2026. Vol. 11. No. 1. pp. 31–44.

[13] Arkhiereev N.V. The impact of artificial intelligence on the legal profession // Rule of Law: Theory and Practice. 2024. No. 4. pp. 134–143.

[14] Saidumov D.Kh., Dzhasheev R.A. Digital inversion of professional lawyers: functions of solicitors and barristers in the context of algorithmization of law // North Caucasian Legal Bulletin. 2026. No. 2. Pp. 31–41.

[15] Gulyamov S.S. Preventive Psychological Preparation of Judges for the Implementation

of Artificial Intelligence Systems: Prevention of Automation Bias in the Context of the “Digital Court” Concept in the Republic of Uzbekistan // Psychology and Law. 2026. Vol. 16. No. 2. Pp. 177–197.

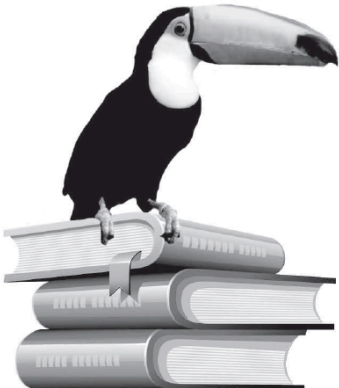
[16] Citron D.K. Technological Due Process // Washington University Law Review. 2008. Vol. 85. No. 6. Pp. 1249–1313.

[17] Coglianese C., Lehr D. Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-Learning Era // Georgetown Law Journal. 2017. Vol. 105. Pp. 1147–1223.

[18] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505–523.

[19] Alon-Barkat S., Busuioc M. Human–AI Interactions in Public Sector Decision Making: “Automation Bias” and “Selective Adherence” to Algorithmic Advice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 153–169.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-219-223

РАДАЙДЕ Диана Сатан,
Доцент кафедры гражданского права Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева», кандидат
юридических наук, г. Симферополь, Россия,
diana.radaide@gmail.com

РЫШКОВА Елена Валериевна,
Доцент кафедры гражданского права Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева», кандидат
юридических наук, г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА «ДОНАТОВ» И СПОНСОРСТВА НА СТРИМИНГОВЫХ ПЛАТФОРМАХ: ДОГОВОР ДАРЕНИЯ ИЛИ ВОЗМЕЗДНАЯ УСЛУГА

Аннотация. В настоящей статье исследуется правовая природа денежных переводов, совершаемых пользователями в пользу стримеров и блогеров на стриминговых платформах (так называемых «донатов»). В условиях стремительного развития цифровой экономики и монетизации пользовательского контента обозначилась серьёзная правовая неопределённость: квалифицируются ли такие поступления как безвозмездное дарение (пожертвование) либо как плата за возмездное оказание услуг. Автором анализируются нормы гражданского и налогового законодательства Российской Федерации, а также правовые позиции, сформированные в доктрине и правоприменительной практике. На основе проведённого анализа формулируются критерии разграничения дарения и возмездной услуги применительно к отношениям в сфере стриминга и предлагаются пути совершенствования правового регулирования в данной области. Отдельное внимание уделяется проблемам налогообложения донатов, а также вопросам противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в контексте функционирования стриминговых платформ.

Ключевые слова: донат, стриминг, договор дарения, возмездное оказание услуг, пожертвование, налогообложение, экономическая безопасность, правовая природа, встречное предоставление, цифровая экономика.

RADAIDE Diana Satan,
Associate Professor of the Department of Civil Law Crimean branch
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Candidate of Legal Sciences Simferopol, Russia

RYSHKOVA Elena Valerievna,
Associate Professor of the Department of Civil Law Crimean branch
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Candidate of Legal Sciences Simferopol, Russia

LEGAL NATURE OF "DONATIONS" AND SPONSORSHIP ON STREAMING PLATFORMS: DONATION CONTRACT OR PAID SERVICE

Annotation. This article examines the legal nature of monetary transfers made by users in favor of streamers and bloggers on streaming platforms (so-called "donations"). In the context of the rapid

development of the digital economy and monetization of user content, a serious legal uncertainty has emerged: whether such receipts are qualified as gratuitous donation (charitable contribution) or as payment for paid services. The author analyzes the norms of civil and tax legislation of the Russian Federation, as well as legal positions formed in doctrine and law enforcement practice. Based on the analysis, criteria for distinguishing between donation and paid service in relation to relations in the field of streaming are formulated and ways to improve legal regulation in this area are proposed. Special attention is paid to the problems of taxation of donations, as well as issues of counteracting the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism in the context of the functioning of streaming platforms.

Key words: *donation, streaming, donation contract, paid services, charitable contribution, taxation, economic security, legal nature, consideration, digital economy.*

В современной экономической реальности, характеризующейся активной цифровизацией, стремительное развитие получают различные формы монетизации деятельности в сети «Интернет». Одним из наиболее заметных и массовых явлений стали так называемые «донаты» - денежные переводы от зрителей в адрес стримеров и блогеров, осуществляемые в ходе прямых трансляций. Отсутствие чётких законодательных ориентиров для участников данных правоотношений порождает правовую неопределённость как для самих стримеров, так и для контролирующих органов. Мы полагаем, что ключевая проблема, требующая разрешения, заключается в следующем: является ли такой платёж безвозмездным дарением (пожертвованием) или же представляет собой встречное предоставление по договору возмездного оказания услуг? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, должен определяться не тем, как стороны поименовали платёж, а его экономической сущностью и фактическими обстоятельствами перевода.

Обращаясь к научной литературе, следует отметить, что «в отличие от традиционных моделей финансирования, донаты, осуществляемые через цифровые платформы, отличаются высокой степенью анонимности и децентрализации, что затрудняет отслеживание потоков капитала и борьбу с их нелегальным использованием». Понятия «стрим» и «донат» прочно вошли в лексикон современного интернет-пространства. Как отмечается в исследовании, «стрим (с англ. Stream - поток) - прямая трансляция действий человека, проходившая на определенной информационной платформе, которая позволяет получать доход с помощью «донатов». Соответственно, «стример» - человек, проводивший прямую трансляцию. Донат (с англ. donat - пожертвование) - денежное дарение или пожертвование на определенные цели лицу ведущему «стрим», производимые на определенной информационной платформе» [5]. В связи с этим возникает необходимость детального анализа правовой природы донатов.

Между тем, как верно замечает А. Монахов,

«слово "донат" описывает чувство зрителя, а не правовую природу платежа. И российское право 2025-2026 годов, и зарубежная доктрина решают вопрос через один и тот же критерий - получил ли даритель что-то взамен. Если да, это не дар, а вознаграждение» [6]. Данный подход представляется нам обоснованным, поскольку в основе разграничения дарения и возмездной услуги лежит принцип безвозмездности, закреплённый в гражданском законодательстве.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляют базовые принципы дарения. Согласно статье 572 ГК РФ, «по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом. При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением. К такому договору применяются правила, предусмотренные пунктом 2 статьи 170 настоящего Кодекса». Следовательно, безвозмездность является ключевым признаком дарения. Аналогичный принцип заложен в определении пожертвования, которое в соответствии с пунктом 1 статьи 582 ГК РФ «признается дарение вещи или права в общеполезных целях» [1].

Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, в игровой индустрии всё неоднозначно. Н.Ю. Андреев, В.В. Архипов, А.А. Васильев и Ю.В. Печатнова пишут: «Многие стримеры говорят на своих каналах: "Ребята, я буду очень рад донатам, ведь благодаря им выйдет мое очередное видео..." Получается, в обмен на донаты люди что-то получают? Значит, донат не пожертвование?» [3]. В своей работе авторы приходят к выводу, что «когда идет трансляция игры, матча и пр., и стример получает деньги, их следует расценивать скорее как подарок. Игрок ничего не дает взамен: он и так уже играет, новой игры он не начал и в ближайшие минуты не нач-

нет, т.е. предоставить что-либо взамен именно на конкретный платеж стример вряд ли может. Обязательным требованием для просмотра игры он донат не ставил (многие зрители по итогам стрима ничего не заплатят). Тут мы явно имеем дело с пожертвованием (в пользу физического лица либо некоммерческой организации), с подарком, а значит, в соответствии со ст. 217 Налогового кодекса РФ такой донат налогообложению не подлежит. Однако стримерам, которые имеют статус индивидуального предпринимателя либо самозанятого и размещают данные своего расчетного счета для получения донатов, не следует так делать. Донаты, выступающие по внешним признакам подарками, в таком случае будут считаться налогооблагаемым доходом» [3].

Существует и иная разновидность «донатов». Как отмечают те же авторы, «их редко отличают от тех донатов, которые упоминались ранее. Чаще всего они появляются в форме постоянной подписки, например, посредством patreon, платформы для подписки и периодического перечисления денежных средств стримеру, ютуберу. Таким подписчикам обещают разнообразные преимущества, например, предоставить доступ к записи игры раньше, чем другим, какие-либо иные бонусы и пр. На наш взгляд, здесь явно имеется встречное предоставление, только предоставляется не сама запись, а дополнительные материалы к ней. Следовательно, это не пожертвование, а плата за те самые дополнительные материалы, поэтому такие донаты необходимо декларировать. Если же донаты оформляются как подписка без дополнительных материалов, т.е. скорее как форма систематической помощи, то, на наш взгляд, их следует квалифицировать в качестве систематического пожертвования» [3].

В контексте налогового регулирования необходимо обратиться к официальной позиции Министерства финансов Российской Федерации. В письме Минфина России от 24 ноября 2016 г. № 03-11-11/69455 разъясняется, что «если пожертвование получено физическим лицом, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, но не в рамках ведения им предпринимательской деятельности, то полученные донаты не относятся к доходам, учитываемым ИП при определении налоговой базы, например, по ПСН (письмо Минфина России от 03.04.2024 N 03-11-11/30601) или УСН (письмо Минфина России от 24.11.2016 N 03-11-11/69455), а подлежат обложению НДФЛ» [2]. Данное разъяснение подтверждает, что ключевое значение для квалификации доната имеет не статус получателя как таковой, а характер деятельности, в рамках которой получены денежные средства.

Анализируя судебную практику, нельзя обойти вниманием решение китайского суда провинции Шаньдун. Как сообщается, «суд обязал ответчицу вернуть более 800 тыс. юаней (около 9,16 млн руб.)» [8]. «Согласно материалам дела, истец познакомился со стримершей во время онлайн-трансляций и вступил с ней в романтические отношения. В период общения он отправил ей более 2 млн юаней в виде донатов, а также перевел более 700 тыс. юаней через банковские и платежные сервисы. Для этого ему пришлось продать жилье. После разрыва отношений истец обратился в суд, указав, что переданные средства носили характер "условного дарения с целью последующего заключения брака". В связи с тем, что данная цель не была достигнута, он потребовал возврата всей суммы. Ответчица настаивала, что подарки были добровольными и не подлежат возврату. Суд первой инстанции при квалификации операций учел характер отношений сторон, объем переданных средств и их соразмерность финансовым возможностям истца. В решении отмечается, что крупные переводы, сопровождающие фактическое совместное проживание и обсуждение брака, могут рассматриваться как условные подарки. Если условие в виде заключения брака не выполнено, даритель вправе требовать их возврата. При расчете суммы возврата суд учел ряд факторов. Так, часть переводов с символическим значением была исключена. В отношении донатов на стриминговых платформах суд принял во внимание комиссию платформ и тот факт, что истец получал нематериальные услуги в виде контента, а также признал наличие доли ответственности истца за понесенные расходы. В результате к возврату была определена сумма чуть больше 800 тыс. юаней. Апелляционная инстанция подтвердила законность решения, указав, что суд первой инстанции обоснованно учел обстоятельства дела, включая степень вины сторон, продолжительность совместного проживания и особенности распределения средств между платформой и автором контента» [8]. Данное решение демонстрирует, что при определении правовой природы платежей суды учитывают не только формальные признаки, но и контекст отношений сторон.

В сфере правового регулирования стриминговых платформ заслуживает внимания позиция Главного радиочастотного центра Роскомнадзора. Как сообщается, «ГРЧЦ предлагает признать игровые платформы и стриминговые сервисы для геймеров организаторами распространения информации (ОРИ). Согласно ФЗ «Об информации» ОРИ обязаны хранить в России такие данные, как факт приема, передачи, доставки и обработки голосовой информации, текстов, изображений и

иных электронных сообщений пользователей, а также предоставлять эти данные следственным органам по их запросу» [4]. По сути, речь идёт о расширении на игровые и стриминговые сервисы требований «закона Яровой». В ГРЧЦ считают, что комплекс мер позволит «обеспечить надлежащий контроль в отношении правонарушителей, распространяющих противоправную информацию при помощи игровых и стриминговых платформ», а также ограничить «несовершеннолетних от вредоносного контента и повысить эффективность защиты граждан при обороте внутриигрового имущества и валюты». Источник на рынке подтверждает, что ведомства волнует «в первую очередь вопрос контроля за финансовыми потоками игровой индустрии». Основные риски, которых могут опасаться игровые платформы, связаны с дополнительными обязательствами по отчётности в том числе перед налоговиками. Как отмечается, «валюты в играх могут быть неконвертируемые, которые всегда остаются внутри, но есть и случаи, когда их можно поменять на реальные деньги за пределами площадки. Желание государства отслеживать эти потоки обусловлено рядом факторов. С одной стороны, есть необходимость удерживать налоги с деятельности, с другой - задача противодействия отмыванию нелегальных средств и финансированию терроризма» [4].

Таким образом, проведённый анализ позволяет нам сформулировать следующие выводы.

Во-первых, правовая природа «донатов» на стриминговых платформах не является однозначной и зависит от конкретных обстоятельств. Решающим критерием, по нашему мнению, является наличие или отсутствие встречного предоставления. Если зритель переводит деньги без расчёта на получение какой-либо выгоды, такой платёж следует квалифицировать как дарение (пожертвование). Если же перевод осуществляется в обмен на действия стримера (озвучивание имени, выполнение задания, предоставление доступа к закрытому контенту), то это свидетельствует о наличии возмездной услуги.

Во-вторых, для систематически действующих стримеров, осуществляющих предпринимательскую деятельность, презумпция «дара» не работает. Все поступления от зрителей, включая донаты, должны рассматриваться как доход от оказания услуг и подлежать налогообложению в установленном порядке.

В-третьих, с учётом высокой степени анонимности и децентрализации донатов, а также рисков, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма, мы полагаем необходимым совершенствование механизмов контроля за финансовыми потоками в сфере

стриминга и внесение соответствующих изменений в гражданское и налоговое законодательство с целью устранения правовой неопределённости в данной области.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Письмо Минфина России от 24.11.2016 № 03-11-11/69455 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Андреев Н.Ю., Архипов В.В., Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Правовые аспекты способов монетизации прав в индустрии компьютерных игр // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 1. С. 83-92.

[4] Игры для протокола. Государство будет жестче регулировать рынок // Коммерсантъ. 23.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5680920> (дата обращения: 12.07.2026).

[5] Макурина А.А., Кабанова Н.А. Донат как проявление угрозы в условиях экономической безопасности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s1. URL: <https://esj.today/PDF/33FAVN125.pdf> (дата обращения: 12.07.2026).

[6] Монахов А. Донаты на стриме: дар или вознаграждение? Российская практика и международный контекст. 06.06.2026. URL: https://zakon.ru/blog/2026/06/06/donaty_na_strime_dar_ili_voznagrazhdenie_rossijskaya_praktika_i_mezhdunarodnyj_kontekst (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Энциклопедия решений. Налогообложение донатов (добровольных пожертвований), полученных физическими лицами от других физических лиц (октябрь 2025) // <https://base.garant.ru/481010836/>.

[8] Sohu: суд обязал стримершу вернуть более 9 млн рублей донатов бывшему парню // Газета.ру. 09.04.2026. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2026/04/09/28233985.shtml> (дата обращения: 12.07.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025, as amended on 09.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[2] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 24.11.2016 No. 03-11-11/69455 // SPS "ConsultantPlus".

[3] Andreev N.Yu., Arkhipov V.V., Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. Legal aspects of the methods of monetization of rights in the computer games

industry // Law enforcement. 2023. VOL. 7. № 1. S. 83-92.

[4] Games for the record. The state will be tougher to regulate the market // Kommersant. 23.11.2022 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5680920> (accessed on: 12.07.2026).

[5] Makurina A.A., Kabanova N.A. Donat as a manifestation of a threat in conditions of economic security // Bulletin of Eurasian Science. 2025. VOL. 17. № s1. URL: <https://esj.today/PDF/33FAVN125.pdf> (Accessed: 12.07.2026).

[6] Monakhov A. Donata on stream: gift or reward? Russian practice and international context.

06.06.2026. URL: https://zakon.ru/blog/2026/06/06/donaty_na_strime_dar_ili_voznagrazhdenie_rossijskaya_praktika_i_mezhdunarodnyj_kontekst (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Solution Encyclopedia. Taxation of donations received by individuals from other individuals (October 2025) // <https://base.garant.ru/481010836/>.

[8] Sohu: the court ordered the streamer to return more than 9 million rubles of donations to the ex-boyfriend // Газета.ру. 09.04.2026 URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2026/04/09/28233985.shtml> (accessed on: 12.07.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-224-230

ШЕЛКОВИЧ Максим Тимофеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового
права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В. М. Лебедева»,
e-mail: shelkovich_mt@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ОБРАЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В ДОХОД ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье исследуются особенности процедуры доказывания и специфика формирования доказательственной базы в гражданском и арбитражном судопроизводстве по экстраординарным искам органов прокуратуры и иных государственных ведомств об обращении имущества частных лиц в доход Российской Федерации. В центре внимания автора находятся материально-правовые основания, предусмотренные Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ, Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ, Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ, а также статьей 169 Гражданского кодекса РФ. Работа носит выраженный практико-ориентированный характер: в ней подробно анализируются актуальные правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, включая практику квалификации картельных соглашений как антисоциальных сделок и новеллы законодательства 2026 года о применении предельных объективных сроков исковой давности.

Ключевые слова: обращение имущества в доход государства, бремя доказывания, деприватизация, антикоррупционное законодательство, стратегические предприятия, антисоциальная сделка, срок исковой давности.

SHELKOVICH Maksim Timofeevich,
Associate Professor of the Department of Financial Law in the
Russian State University of Justice after V. M. Lebedev

FEATURES OF THE PROCEDURE FOR PROOF IN CASES OF CONVERSION OF PROPERTY TO THE STATE REVENUE

Annotation. This article examines the specifics of the evidentiary procedure and the development of evidence base in civil and commercial (arbitrage) proceedings regarding extraordinary lawsuits filed by the Prosecutor's Office and other state authorities to forfeit private property to the Russian Federation. The author focuses on the substantive legal grounds provided for by Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ, Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ, Federal Law of 29.04.2008 No. 57-FZ, and Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper is highly practice-oriented: it thoroughly analyzes the current legal positions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, including the practice of classifying cartel agreements as anti-social transactions and the 2026 legislative novelties on the application of the ultimate objective statute of limitations.

Key words: forfeiture of property to the state, burden of proof, deprivatization of assets, anti-corruption legislation, strategic enterprises, anti-social transaction, statute of limitations.

Введение

Развитие судебной практики по спорам, связанным с защитой публичных интересов, деприватизацией активов и противодействием коррупции, сформировало устойчивый вектор на расширение применения гражданско-правовых инструментов в

целях принудительного изъятия имущества частных субъектов. Особое место в данной системе занимают иски сотрудников прокуратуры и иных уполномоченных органов, направленные на обращение имущества физических и юридических лиц в доход Российской Федерации. Такие споры, ини-

цируемые как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, носят особый характер. Они напрямую затрагивают сферу действия конституционных гарантий стабильности гражданского оборота и неприкосновенности частной собственности, однако следуют сложившейся во многих европейских странах практике.

В арбитражные суды, как правило, передается наиболее сложная, экономически значимая часть указанных требований. Иски прокуроров в арбитражном процессе связаны с оспариванием итогов приватизации крупных промышленных объектов, например, в связи с решением, принятым не на федеральном уровне, а на уровне субъекта Российской Федерации, признанием недействительными договоров природопользования, например добычи водных ресурсов, а также с принудительным изъятием акций и долей в уставных капиталах юридических лиц из-за нарушения их собственниками требований законодательства о порядке осуществления инвестиций в компании, имеющие стратегическое значение для обороны и безопасности государства, например, в случае продажи контрольного пакета акций резиденту недружественного государства. Изучение специфики доказывания по таким делам требует сугубо гражданско-правового и арбитражно-процессуального подхода. Конфискация имущества в уголовно-правовом порядке полностью исключена из предмета данного исследования.

Главной практической задачей выступает детальный правовой анализ, классификация и верификация доказательств, представляемых истцами в обоснование своих притязаний. Каждое материально-правовое основание — будь то Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [2], Федеральный закон от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [3] или статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] — обладает уникальным предметом доказывания. Неверное распределение бремени доказывания, игнорирование преюдициальных фактов или ошибки при квалификации умысла сторон создают для практикующих юристов вероятность нежелательных решений, а для судей риски последующего пересмотра или отмены судебных актов вышестоящими инстанциями.

Основная часть

Материально-правовые основания для об-

ращения имущества в доход государства характеризуются специфическим субъектным составом, дифференцированными объектами изъятия и особыми квалифицирующими признаками правонарушений. В рамках Федерального закона № 273-ФЗ к ответственности привлекаются публичные должностные лица и связанные с ними субъекты. Предметом изъятия выступает любое имущество, в отношении которого не представлены доказательства приобретения на законные доходы. Федеральный закон № 230-ФЗ сужает субъектный состав до лиц, замещающих государственные или муниципальные должности, их супругов и несовершеннолетних детей, прямо ограничивая перечень изымаемых объектов земельными участками, объектами недвижимости, транспортными средствами, ценными бумагами, долями в капиталах и цифровыми финансовыми активами. Квалифицирующим признаком здесь является превышение стоимости приобретенных активов над совокупным легальным доходом указанных лиц за три года, предшествующих сделке.

Федеральный закон № 57-ФЗ регулирует отношения с участием иностранных инвесторов или групп лиц, устанавливающих контроль над российскими стратегическими предприятиями без предварительного согласия уполномоченного правительственного органа. Предметом изъятия в этом случае становятся акции, доли или основные производственные средства стратегических обществ. Наконец, статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации носит универсальный характер. Она применяется к любым участникам гражданского оборота, совершившим сделку с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, где ключевым элементом выступает наличие прямого или косвенного умысла на посягательство на фундаментальные ценности государства.

При доказывании нарушений антикоррупционного законодательства в рамках Федеральных законов № 273-ФЗ и № 230-ФЗ действует особый процессуальный режим. Происходит перераспределение бремени доказывания, которое в доктрине нередко характеризуется как применение элементов презумпции виновности в публично-правовом деликте [10]. Истец, в роли которого выступает прокурор, обязан доказать лишь строго ограниченный круг обстоятельств: факт нахождения ответчика на публичной службе в проверяемый период, факт совершения сделки по приобретению конкретного объекта собственности и факт математического превышения стоимости этого объекта над официальными доходами должностного лица и членов его семьи за три предшествующих года. Как только прокурор подтверждает

эти три элемента, бремя доказывания полностью переходит на ответчика. Именно частное лицо обязано опровергнуть презумпцию незаконности происхождения средств, представив суду относимые и достоверные доказательства легальности источников финансирования сделки, такие как получение наследства, договоры дарения от состоятельных родственников или коммерческие займы.

Доказательственная база, формируемая прокурором по антикоррупционным делам, как правило, основывается на материалах досудебных проверок и официальных сведениях контролирующих органов. В первую группу доказательств входят справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Они выступают отправной точкой для фиксации расхождений. Вторую группу составляют правоустанавливающие и регистрационные документы, к которым относятся выписки из Единого государственного реестра недвижимости, данные органов ГИБДД, выписки из реестров акционеров и депозитариев, подтверждающие точную дату перехода права собственности и номинальные параметры сделок. Третью группу образуют фискальные документы — в основном, справки по формам 2-НДФЛ и 3-НДФЛ, полученные от налоговых органов, которые жестко очерчивают границы легального заработка субъекта. Четвертая группа включает в себя банковские документы, содержащие сведения об оборотах по счетам, движении денежных средств и трансграничных переводах, что позволяет выявлять скрытые финансовые потоки.

Судебная оценка данных доказательств сопряжена с необходимостью глубокого материально-правового анализа. Судья не должен подменять квалификацию коррупционного правонарушения формальным установлением ошибок в декларировании. Президиум Верховного Суда Российской Федерации в Обзоре судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о противодействии коррупции [6], прямо ориентирует суды на проверку реальной рыночной стоимости активов. Если в договоре купли-продажи указана явно заниженная, нерыночная цена, суд обязан по собственной инициативе или по ходатайству сторон назначить судебную оценочную экспертизу. Игнорирование этого требования и вынесение решения исключительно на основе номинальных цифр из договора признается существенным процессуальным нарушением, влекущим отмену судебного акта в апелляционном или кассационном порядке.

Процедура доказывания по спорам, связанным с нарушением законодательства о стратегических предприятиях на основании Федерального

закона № 57-ФЗ, имеет иную специфику. Иски здесь могут заявляться не только Генеральной прокуратурой, но и Федеральной антимонопольной службой. В предмет доказывания входят три обязательных компонента. Во-первых, суду необходимо установить наличие у хозяйственного общества статуса стратегического предприятия. Это подтверждается документами, фиксирующими осуществление обществом хотя бы одного из видов деятельности, закрепленных в статье 6 Федерального закона № 57-ФЗ, например, выполнение работ по геологическому изучению или разведке недр на участках федерального значения, осуществление деятельности естественных монополий или производство вооружения. Во-вторых, доказывается наличие признаков иностранного инвестора или подконтрольной ему группы лиц у покупателя акций. Особое значение здесь имеют доказательства бенефициарного, скрытого контроля через цепочки офшорных компаний или номинальных директоров. В-третьих, прокурор обязан доказать факт перехода контроля над стратегическим обществом к иностранному субъекту без получения обязательного согласия Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций.

Документальное обоснование со стороны государственных органов по делам о нарушении Федерального закона № 57-ФЗ включает в себя акты проверок Федеральной антимонопольной службы, официальные заключения отраслевых министерств (Минпромторга, Минприроды России), подтверждающие фактическое ведение предприятием стратегической деятельности. Также представляются аналитические материалы Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы о трансграничном движении капитала и структуре конечных бенефициаров участников сделки. В состав доказательств обязательно включается внутренняя корпоративная документация: списки аффилированных лиц, уставы, акционерные соглашения, протоколы заседаний советов директоров и общих собраний акционеров. На основе этих документов суд устанавливает возможность иностранного инвестора прямо или косвенно определять решения, принимаемые российским юридическим лицом, имеющим стратегическое значение.

При рассмотрении данной категории дел судам крайне важно учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно видов имущества, на которые возможно обращение взыскания в доход государства. Примером служат правовые позиции, выработанные высшей судебной инстанцией в 2024–2026 годах при рассмотрении дел об изъятии имущества [8]. Верховный

Суд Российской Федерации указал, что последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе приумножение такого имущества - будь то права участия в хозяйственных обществах, имущественные объекты, денежные средства и другие блага, - не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства. Нарушение судами первой и апелляционной инстанций данного принципа влечет за собой отмену актов в кассации. Кроме того, квалификация одних и тех же действий как сделки по нормам Гражданского кодекса Российской Федерации и как преступления по нормам Уголовного кодекса Российской Федерации влечет разные правовые последствия: в первом случае - признание сделки недействительной (ничтожной) и применение последствий недействительности сделки судом в порядке гражданского судопроизводства либо посредством рассмотрения гражданского иска в уголовном деле; во втором случае - осуждение виновного и назначение ему судом наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Наиболее динамично развивающимся и сложным элементом правоприменительной практики является особый порядок обращения имущества и доходов в бюджет государства на основании статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации. Долгое время данная норма расценивалась как не имеющая широкого практического применения в хозяйственных спорах. Однако в современной практике органы прокуратуры стали использовать её в качестве универсального материально-правового основания для истребования доходов, полученных коммерческими организациями в результате совершения сделок, признанных антиконкурентными. В предмет доказывания по статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации входит установление антисоциального характера цели сделки, ее заведомая противоположность основам правопорядка или нравственности, а также обязательное наличие умысла как минимум у одной из сторон.

Особое значение имеет правильное понимание и применение выводов, сформированных Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 22 мая 2026 года № 309-ЭС25-15678 по делу № А47-10662/2024. Суды трех нижестоящих инстанций отказали прокуратуре в удовлетворении иска о взыскании в бюджет сотен миллионов рублей с участников картельного сговора на торгах. Нижестоящие суды исходили из ошибочного

вывода о том, что картель представляет собой не сделку, а лишь неправомерное действие (административное правонарушение), в связи с чем нормы статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации к нему неприменимы в принципе. Верховный Суд Российской Федерации полностью отменил судебные акты нижестоящих инстанций, признав их выводы незаконными, и вынес новый судебный акт об удовлетворении требований прокурора и солидарном взыскании дохода с участников сговора в бюджет.

Высшая судебная инстанция разъяснила, что картельное соглашение, даже при отсутствии единого письменного документа и заключении его в устной форме путем совершения конклюдентных действий на электронной торговой площадке, в полной мере является сделкой для целей гражданского права. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что антиконкурентный сговор на торгах представляет собой одну из наиболее опасных и деструктивных форм противоправного поведения, направленную на ограничение конкуренции и искусственное поддержание цен. Цель такой сделки заведомо противна основам правопорядка, поскольку она направлена на извлечение неправомерного обогащения за счет средств публично-правового образования и бюджетов различных уровней. Соответственно, доход, полученный участниками картеля в результате исполнения заключенных государственных и муниципальных контрактов, имеет противоправную природу. Прокурор на основании статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обладает безусловным правом на предъявление иска о признании таких сделок недействительными и о применении последствий, предусмотренных статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, в виде изъятия всей выручки в доход государства.

При вынесении данного акта Верховный Суд Российской Федерации сослался на системную взаимосвязь целого комплекса материальных и процессуальных норм, которые суды обязаны оценивать в совокупности. Во-первых, это положения статьи 11 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», закрепляющие запрет на антиконкурентные соглашения. Во-вторых, нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Верховный Суд Российской Федерации указал, что выводы антимонопольного органа о наличии картельного сговора, подтвержденные вступившим в законную силу решением арбитражного суда по другому делу, обладают свойством прею-

дициальности или выступают в качестве неопровержимого письменного доказательства в рамках статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Если факт картеля подтвержден, суду в рамках спора по статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации не требуется заново устанавливать обстоятельства сговора. Достаточно проверить расчет полученного ответчиками дохода и применить конфискационную санкцию, предусмотренную гражданским законодательством. Игнорирование судами нижестоящих инстанций квалификации картеля как антисоциальной сделки влечет за собой безусловную отмену их решений.

Заключение

Проведенный научно-правовой анализ особенностей процедуры доказывания по делам об обращении имущества частных лиц в доход государства позволяет сформулировать ключевые методологические выводы, направленные на повышение качества отправления правосудия и исключение рисков пересмотра судебных актов. Судьям арбитражных судов и судов общей юрисдикции необходимо осознавать, что рассмотрение данной категории споров требует не формального, механического применения норм, а глубокого системного анализа баланса публичных и частных интересов. Особый характер исков органов прокуратуры, заявляемых на основании Федеральных законов № 273-ФЗ, № 230-ФЗ, № 57-ФЗ и статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязывает суд к неукоснительному соблюдению стандартов доказывания, правильному распределению бремени доказывания сторон и точной юридической квалификации представленных материалов.

В сфере антикоррупционного законодательства ключевым залогом стабильности судебного акта выступает тщательная проверка фактических обстоятельств приобретения имущества и реальной структуры доходов должностного лица. При рассмотрении дела в суде следует избегать упрощенного подхода, при котором любое несоответствие цифр в декларации автоматически трактуется как основание для изъятия актива. Необходимо разграничивать технические ошибки, допущенные при заполнении справок о доходах, и умышленное сокрытие нелегальных источников обогащения. В случае возникновения любых сомнений относительно действительной стоимости спорных объектов недвижимости, транспортных средств или ценных бумаг на момент совершения сделки, суд обязан ставить на обсуждение сторон вопрос о назначении независимой рыночной экспертизы. Проверка законности источников средств членов семьи чиновника должна осуществляться индиви-

дуально, с исследованием их самостоятельной коммерческой или трудовой деятельности, чтобы исключить неправомерное изъятие имущества, приобретенного за счет легального бизнеса родственников.

При рассмотрении споров, регулируемых Федеральным законом № 57-ФЗ, на судей возлагается важнейшая функция по защите добросовестных участников гражданского оборота и сохранению инвестиционной привлекательности российской экономики.

Революционные изменения в практике применения статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, ознаменованные вынесением Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации Определения по делу № А47-10662/2024 [7], требуют от юристов полного пересмотра подходов к антимонопольным спорам. Прежняя позиция, согласно которой картельные соглашения рассматривались исключительно в плоскости административного и публичного права с наложением штрафов Федеральной антимонопольной службы, полностью утратила актуальность. Следует принимать во внимание, что устный сговор на торгах, направленный на ограничение конкуренции и извлечение сверхприбыли за счет бюджетных средств, признается ничтожной антисоциальной сделкой, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка. При рассмотрении таких исков прокуратуры суды исходят из принципа преюдициальности решений антимонопольных органов, если они уже прошли стадию судебного контроля. Главное внимание суда, как правило, сосредоточено на проверке правильности математического расчета изымаемого дохода, определении круга лиц, участвовавших в сговоре, и применении к ним мер солидарной ответственности.

Важнейшим аспектом является строгое соблюдение институтов исковой давности с учетом последних законодательных новелл. Долгое время в практике доминировал подход о нераспространении сроков давности на требования о защите публичных интересов и изъятии имущества, полученного в результате коррупционных или противоправных приватизационных сделок. Однако после вынесения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 49-П [5] и последующего внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в июне 2026 года [9], законодатель установил жесткие временные рамки для государственного вмешательства, за исключением антикоррупционных исков. Введение предельного объективного десятилетнего срока исковой давности, исчисляемого с момента выбытия имущества из публичной собственности

или совершения антисоциальной сделки, является императивным правилом. Суд обязан детально проверять заявления ответчиков о пропуске данного срока. Пропуск объективного срока давности выступает самостоятельным и достаточным основанием для вынесения решения об отказе в удовлетворении исковых требований прокурора.

Список литературы:

[1] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

[2] О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 50 (ч. 4). — Ст. 6953.

[3] О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 18. — Ст. 1940.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации 31 октября 2024 года № 49-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (дата обращения: 19.05.2026).

[6] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации N 14/2026. О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретенного в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2026 N 17A/2026 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554/ (дата обращения: 19.05.2026).

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.05.2026 № 306-ЭС26-10662 по делу № А47-10662/2024. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=887520> (дата обращения: 19.05.2026).

[8] Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.02.2024 № 5-КГ23-164-K2 и от 25.11.2025

N 19-КГП25-17-K5. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=803093> (дата обращения: 19.05.2026).

[9] Федеральный закон от 10.06.2026 N 167-ФЗ "О внесении изменений в статьи 196 и 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации". // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_536485/ (дата обращения: 19.05.2026).

[10] Можно ли спастись от деприватизации и как защититься через Конституционный Суд РФ: итоги зимней конференции Центра конституционного правосудия // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/17/mozhno_li_spastis_ot_deprivatizacii_i_kak_zaschititsya_cherez_konstitucionnyj_sud_rf_itogi_zimnej_ko (дата обращения 19.05.2026).

References:

[1] On Combating Corruption: Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ // Coll. Legislation of the Russian Federation. — 2008. — No. 52 (Part 1). — Art. 6228.

[2] On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Government Positions and Other Persons with Their Income: Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ // Coll. Legislation of the Russian Federation. — 2012. — No. 50 (Part 4). — Art. 6953.

[3] On the Procedure for Implementing Foreign Investments in Business Entities of Strategic Importance for Ensuring National Defense and State Security: Federal Law of 29.04.2008 No. 57-FZ // Coll. Legislation of the Russian Federation. — 2008. — No. 18. — Art. 1940.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Coll. legislation of the Rus. Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (date of access: May 19, 2026).

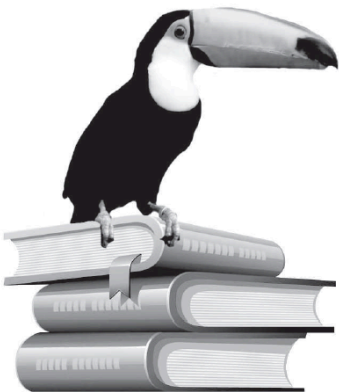
[6] Thematic review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14/2026. On the consideration by the courts of cases related to the application of legislation on combating corruption and the transfer to the income of the Russian Federation of property acquired as a result of violating requirements and prohibitions aimed at preventing corruption, approved. by Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.07.2026 N 17A/2026 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554/ (date of access: 19.05.2026).

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.05.2026 No. 306-ES26-10662 in case No. A47-10662/2024. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=887520> (accessed: 19.05.2026).

[8] Rulings of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.02.2024 No. 5-KG23-164-K2 and dated 25.11.2025 No. 19-KGPR25-17-K5. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=803093> (accessed: 19.05.2026).

[9] Federal Law of 10.06.2026 N 167-FZ "On Amendments to Articles 196 and 217 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_536485/ (date of access: 19.05.2026).

[10] Is it possible to escape deprivatization and how to protect yourself through the Constitutional Court of the Russian Federation: results of the winter conference of the Center for Constitutional Justice // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/17/mozhno_li_spastis_ot_deprivatizacii_i_kak_zaschititsya_cherez_konstitucionnyj_sud_rf_itogi_zimnej_ko (date of access 19.05.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-231-237

ЖАМКОВ Михаил Вячеславович,
аспирант Федерального государственного
научно-исследовательского учреждения «Институт
законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП) (г. Москва),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ИЗЫМАЕМУЮ В ЦЕЛЯХ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ НЕДВИЖИМОСТЬ

Аннотация. В статье анализируется правовой механизм изъятия недвижимого имущества в целях комплексного развития территории. Комплексное развитие территории является эффективным инструментом градостроительной политики, однако сопряжен с принудительным отчуждением имущества у правообладателей, в связи с чем встает вопрос соблюдения конституционных гарантий предварительности и равноценности возмещения за изымаемое имущество.

Действующим законодательством предусмотрена выплата рыночной стоимости изымаемых объектов недвижимости и убытков, однако не охватывает нематериальные потери правообладателей (психологический дискомфорт, утрата сложившихся социальных связей, разрушение привычного уклада жизни). Дополнительной проблемой выступает ограничение судебной защиты – решение об изъятии для целей КРТ может быть оспорено исключительно в части размера компенсации, что ставит правообладателей в слабую позицию. В качестве решения данных проблем предлагается дополнить состав возмещения третьим элементом, который по своей сущности близок к компенсации морального вреда – компенсацией за изъятие имущества.

Ключевые слова: комплексное развитие территории; изъятие недвижимости; рыночная стоимость; земельный участок; объекты недвижимого имущества; баланс интересов; защита прав; правовые гарантии; справедливое возмещение; компенсация.

ZHAMKOV Mikhail Vyacheslavovich,
Postgraduate Student, Federal State Research Institution "Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government of the
Russian Federation" (IZiSP) (Moscow)

THE LEGAL ASPECT OF PROVIDING COMPENSATION FOR REAL ESTATE SEIZED FOR THE PURPOSES OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Annotation. This article analyzes the legal mechanism for the seizure of real estate for the purposes of integrated territorial development. Integrated territorial development is an effective tool of urban development policy; however, it involves the forced expropriation of property from rights holders, raising the issue of compliance with constitutional guarantees of preemption and equitable compensation for expropriated property.

Current legislation provides for payment of the market value of expropriated real estate and damages, but does not cover the intangible losses of rights holders (psychological discomfort, loss of established social ties, and disruption of their usual way of life). An additional problem is the limited judicial protection: a decision to expropriate for the purposes of the Comprehensive Development of Territories can only be challenged in terms of the amount of compensation, which puts rights holders in a weak position. As a solution to these problems, it is proposed to supplement the compensation with a third element, which is essentially similar to compensation for moral damages – compensation for the expropriation of property.

Key words: *integrated development of the territory; seizure of real estate; market value; land plot; real estate objects; balance of interests; protection of rights; legal guarantees; fair compensation; compensation.*

Механизм комплексного развития территорий (далее – КРТ) является одним из главных инструментов градостроительной политики, применяемым с целью модернизации городской среды, ликвидации ветхого и аварийного жилищного фонда, а также вовлечения в оборот неэффективно используемых земель.

КРТ представляет собой совокупность мероприятий, направленных на организованную застройку крупных территорий с обеспечением их необходимой инфраструктурой для устойчивого развития. Основным законодательным актом, который регулирует процедуру реализации комплексного развития территории, является Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [9], в частности глава 10. Согласно ст. 1 ГрК РФ под КРТ понимается совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, муниципальных округов, городских округов.

Предоставление справедливого возмещения за изымаемую недвижимость имеет важное значение для нормального функционирования гражданского оборота и экономики в целом, поскольку именно такое возмещение позволяет обеспечить защиту интересов правообладателей в ходе болезненной процедуры изъятия имущества (по сути – внешнего вмешательства в господство лица над вещью).

В научной литературе не выявлены работы, затрагивающие проблематику настоящей статьи, что, вероятно, связано с относительной новизной законодательства о КРТ, в связи с чем отдельные специфические вопросы (подобные теме статьи) еще не нашли свое отражение в литературе.

Тем не менее для настоящего исследования представляются важными работы выдающихся теоретиков, посвященные проблематике: формирования комфортной городской среды (Е.А. Галиновская [4; 5]); поиска баланса интересов при КРТ (А.А. Друева [6, с. 122]); правовой стороны механизма изъятия объектов недвижимости (Е.С. Болтанова [1]) и другие.

В КРТ требуется соблюдение баланса публичных и частных интересов. Так, с одной стороны, государство выступает гарантом устойчивого градостроительного развития, привлекающим через процедуры торгов инвесторов для выполнения

градостроительных работ, а с другой стороны, инвестор вкладывает значительные средства в целях получения прибыли от реализации построенных объектов. При этом в анализируемые правоотношения вовлекаются и третьи лица (причем не всегда по своей воле) – граждане и юридические лица, являющиеся правообладателями изымаемого недвижимого имущества. Роль таких лиц по сути сводится к участию в процессе отчуждения принадлежащего им имущества в пользу лица, реализующего проект КРТ.

Конституционная основа процедуры изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд содержится в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, согласно которой принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Из данной нормы видно, что отцы конституционного строя видели защиту прав правообладателей именно в этих двух условиях: предварительность и равноценность.

В соответствии с п. 3 ст. 49 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) [10] изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд допускается по «иным основаниям, предусмотренным федеральными законами».

На данное обстоятельство обращала внимание А.А. Воронцова, указывая, что перечень оснований изъятия, содержащийся в статье 49 ЗК РФ, является открытым, что создает предпосылки для расширительного толкования и возможных злоупотреблений со стороны органов власти [3, с. 21].

Тем не менее, согласно рассматриваемой норме, основание для изъятия может устанавливаться только федеральным законом, роль которого в случае с КРТ выполняет ГрК РФ. В соответствии с ч. 7 ст. 65 ГрК РФ основанием для изъятия недвижимости может быть решение о КРТ (жилой или нежилой застройки).

С правовой точки зрения, изъятие для нужд КРТ является разновидностью принудительного отчуждения имущества для государственных или муниципальных нужд. Изъятие осуществляется согласно ст. 56.12 ЗК РФ, в которой установлен специальный порядок прекращения прав на земельные участки и объекты недвижимости в целях КРТ.

Поскольку КРТ, как правило, затрагивает значительные площади, касается интересов множества правообладателей и вовлекает значительные

экономические, финансовые ресурсы девелоперов (инвесторов / застройщиков), проблематика изъятия имущества в рамках КРТ становится особенно острой и актуальной.

В этой связи важное значение имеет позиция Верховного Суда РФ [11], сформированная им с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ [12].

Так, Верховный Суд справедливо отмечает, что:

Принудительное изъятие земельных участков у собственников и иных законных владельцев допустимо лишь в случае имеющихся объективных публичных интересов, оправдывающих необходимость такого изъятия. Соблюдение данного требования приобретает особую значимость при принудительном изъятии земельного участка у одного хозяйствующего субъекта в целях предоставления его другому хозяйствующему субъекту (например, девелоперу, недропользователю).

Конфликт частных интересов, связанный в том числе с осуществлением предпринимательской деятельности и получением прибыли, обусловливает обязанность уполномоченных органов действовать при его разрешении с необходимой степенью осмотрительности, с тем, чтобы принудительное перераспределение земельных участков между хозяйствующими субъектами было действительно нужно для решения имеющих приоритетное значение общественных задач, а не сводилось к предоставлению преимуществ одному хозяйствующему субъекту за счет другого.

При этом возложение обязанности доказывания существования публичных интересов в случае спора об изъятии участка на организации, которые непосредственно заинтересованы в таком изъятии, соответствует характеру спорного правоотношения, общеправовому принципу справедливости, а также процессуальному законодательству.

То есть, само по себе наличие некоего дозволительного / разрешительного акта, изданного публичной стороной (в указанном выше деле таким актом была лицензия на изучение, разведку и добычу полезных ископаемых, а в случае с механизмом КРТ роль такого акта может выполнять решение о КРТ), факт планируемого использования земельного участка в определенных целях не может являться единственным и безусловным основанием для изъятия земли у собственников и землепользователей.

Суд подчеркивает необходимость соблюдения баланса интересов (как публичного и частного, так и различных частных между собой) и недопустимость произвольного ущемления прав лиц, прикрывающегося абстрактным / неконкретным /

отсутствующим в действительности публичным интересом.

Представляется, что обозначенная позиция Верховного Суда РФ более чем гармонично вписывается в ткань правового регулирования механизма КРТ, и ее должны учитывать государственные и муниципальные органы и хозяйствующие субъекты (девелоперы / инвесторы / застройщики) при реализации проектов КРТ.

Таким образом, несмотря на преимущества КРТ, связанные с привлечением инвестиций, развитием инфраструктуры и улучшением городской среды, правовой механизм изъятия недвижимого имущества для этих целей сопряжен с рядом проблем, одной из которых является риск предоставления несправедливого, несвоевременного и неэквивалентного возмещения правообладателям, чье имущество принудительно изымается. Реализация этого риска влечет нарушение баланса интересов, прав лица, у которого изымается имущество, а также причинение экономического ущерба указанному лицу.

Важность данной проблемы затрагивалась многими исследователями. Так, по мнению А.А. Воронцовой, интерес правообладателя должен быть максимально защищен от произвольных посягательств [3, с. 22]. А.А. Воронцова подчеркивала, что условия предварительности и равноценности являются основными конституционными гарантиями прав правообладателей, нарушение которых либо неэффективная их реализация порождают нарушение прав и законных интересов участников гражданского оборота и, как следствие, возникновение соответствующего конфликта, перетекающего в формат судебного спора.

Также можно согласиться с ее позицией о том, что процедура изъятия должна учитывать прежде всего права и интересы правообладателей земельных участков и быть направлена на максимально возможную минимизацию негативных последствий для них. Кроме того, Воронцова отмечает, что при изъятии имущества необходимо исходить из принципов исключительности и безальтернативности, которые она раскрывает как обязанность уполномоченного органа убедиться в том, что для принудительного прекращения прав не только имеются достаточные основания, но и действительно нет иной возможности удовлетворения этих нужд без изъятия участков [3, с. 23].

Как обоснованно отмечает Э.Ф. Нигматуллина, инструмент КРТ имеет сложную структуру взаимосвязи субъективных прав, которая обусловлена особыми юридическими фактами (государственный контроль, право государства на свою территорию, право государственных органов на повиновение граждан) и дополни-

тельными гарантиями, среди которых центральное место занимает защита права собственности от вмешательства государства и право на предварительное и равноценное возмещение при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд [7, с. 27].

Порядок определения возмещения, подлежащего выплате правообладателю изымаемого имущества при изъятии недвижимого имущества, регламентирован ст. 56.8 ЗК РФ. В размер возмещения включаются:

рыночная стоимость изымаемых земельных участков и расположенных на них иных объектов недвижимости (зданий, сооружений и так далее);

убытки (Убытки - расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 15 ГК РФ)), причиненные их изъятием, включая упущенную выгоду.

Как обоснованно отмечает А.Э. Савкунова, на практике оценка, проводимая публичным органом, зачастую осуществляется без учета всех особенностей изымаемых объектов, например неотделимых улучшений, а также без учета каких-либо убытков и упущенной выгоды правообладателя [8, с. 55].

Таким образом, оценка имущества, в отношении которого принимается решение об изъятии, становится ключевым вопросом, при этом в интересах правообладателя обоснование и отстаивание максимально возможной величины размера возмещения. При этом анализ дел по изъятию имущества, проведенный Д.В. Вечкановым, свидетельствует, что суды в среднем определяют компенсацию на 30-40% выше первоначальной суммы, предлагаемой публичным органом, однако среднее значение не гарантирует такого же результата в каждом конкретном деле, поскольку суд основывается исключительно на обоснованных доводах и состязательности сторон [2, с. 32].

Одной из гарантий защиты прав правообладателей, помимо выплаты возмещения за изымаемое имущество, является закрепление на законодательном уровне (ст. 56.11 ЗК РФ) порядка наступления последствий от исполнения заключенного соглашения об изъятии либо решения суда о принудительном изъятии. Так, при наличии обязанности полностью или частично возместить стоимость изымаемого имущества, последствия, предусмотренные п. 1 ст. 56.11 ЗК РФ (переход права собственности на земельный участок, снос

объектов недвижимого имущества и другие), наступают только после предоставления указанного возмещения.

Данная гарантия особенно важна в контексте того, что правообладатели изымаемого имущества, по сути, поражены в праве на судебную защиту, т.к. решение суда об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества в целях КРТ может быть оспорено только в части размера компенсации за изымаемое имущество (ч. 13 ст. 56.12 ЗК РФ). Причем данное ограничение характерно именно для изъятия в целях КРТ (подобной нормы в отношении «обычного» изъятия для публичных нужд в ЗК РФ не содержится). Полагаю, что законодатель решил на такой шаг в целях ускорения реализации проектов КРТ, опасаясь судебной волокиты и затягивания судебных процессов недобросовестными лицами.

Вопрос о том, насколько данный подход соответствует балансу сторон, является открытым. С одной стороны, действительно, в условиях непростой экономической обстановки важно иметь четкое представление о сроках реализации КРТ и уверенности в защите от сутяжничества. С другой стороны – правообладатели изымаемого имущества ставятся в откровенно слабую позицию, усматривается определенное ущемление их прав на судебную защиту.

Вместе с тем, представляется, что пока еще рано делать однозначные выводы, и на данный момент необходимо внимательно наблюдать за судебной практикой в этой сфере.

Упомянутая норма активно применяется на практике, так в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.06.2024 по делу № 88-11585/2024 суд отклонил доводы о нарушении процедуры изъятия, указав, что основным предметом спора является размер выкупной цены [13].

Исходя из вышеизложенного, возмещение компенсации является важной гарантией защиты прав правообладателей. Однако предусмотренный размер возмещения за изымаемые объекты недвижимости не охватывает весь спектр негативных последствий изъятия, наступающих для правообладателя, а именно – не уделяется должное внимание защите нематериальных благ правообладателей.

Так, согласно п. 2 ст. 281 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [14] и п. 4 ст. 56.8 ЗК РФ возмещение включает рыночную стоимость имущества и все убытки, включая упущенную выгоду. Анализ судебной практики показывает, что в состав убытков могут быть включены расходы на переезд, поиск нового помещения,

аренду жилья на переходный период, оплату услуг риелторов и даже оформление права собственности на новое жилье. Однако, как обоснованно отмечает А.Э. Савкунова, все эти убытки носят имущественный характер [8, с. 51].

При этом действующее законодательство не предусматривает компенсации за те потери, которые не относятся к имущественной оценке, но которые тем не менее являются реальными для правообладателя. Прежде всего, к ним относятся психологический дискомфорт от вынужденного переезда, утрата сложившихся социальных связей, смена привычного образа жизни, потеря «родового гнезда» или бизнеса, который был построен годами. Таким образом, возникает вопрос, связанный с полнотой компенсации убытков правообладателю.

В силу ст. 151 и 1099 ГК РФ моральный вред, причиненный имущественным правонарушением, компенсации не подлежит, а изъятие имущества для государственных нужд по своей природе не является деликтом, что исключает возможность применения данных норм.

Следовательно, законный интерес правообладателя в сохранении своего привычного уклада жизни и уважении к его личной автономии на текущий момент оказывается за пределами правовой защиты. Правообладатели изымаемого имущества получают компенсацию, рассчитанную без учета личной связи с местом проживания, которая сложилась у них.

В связи с этим, на наш взгляд, для обеспечения баланса интересов всех сторон процесса изъятия недвижимости в целях КРТ (правообладателей, девелоперов и публичной стороны) путем обеспечения надлежащей защиты прав и интересов правообладателей наблюдается необходимость дополнения состава возмещения еще одним элементом – аналогом компенсации морального вреда, т.е. компенсации, выплачиваемой за сам факт изъятия имущества. Таким образом, выплачиваемое правообладателю изымаемого имущества возмещение будет иметь 3 компонента:

рыночная стоимость изымаемых земельных участков и расположенных на них иных объектов недвижимости (зданий, сооружений и т.п.);

убытки, причиненные их изъятием, включая упущенную выгоду;

компенсация за изъятие имущества.

Предлагаемая компенсация видится близкой по своей сущности компенсации морального вреда в силу характера защищаемого блага (нематериального, связанного с личностью), о чем говорилось выше.

Эта компенсация является особой мерой восстановительного характера, направленной на

возмещение вреда, который объективно причиняется правообладателю самим фактом внешнего вмешательства в его имущественную сферу. Компенсация за изъятие имущества выполняет несколько основных функций:

Компенсация является инструментом сглаживания негативных последствий от внешнего посяательства в отношении «вещь – собственник». Введение дополнительной компенсации стало бы признанием государством того факта, что даже правомерное изъятие имущества для общественных нужд неизбежно влечет за собой несение правообладателем потерь, которые не покрываются обычным возмещением рыночной стоимости и убытков.

Компенсация позволяет возместить вред, выраженный в неденежном эквиваленте. В данном случае речь идет о моральных страданиях (дискомфорте), связанных с выселением из дома, в котором прошло детство, потерей любимого вида из окна, разрушением привычного локального сообщества, т.е. причинением эмоционального дискомфорта. Возмещение подобного вреда, на наш взгляд, необходимо для того, чтобы можно было говорить о действительно полном и справедливом возмещении за изымаемую недвижимость.

Дополнительная компенсация может способствовать уменьшению количества судебных споров, снижению нагрузки судов типовыми спорами. Т.е. введение данной компенсации может иметь и экономическую выгоду и для государства, в части оптимизации работы судебной системы. Это особенно важно в контексте того, что, по данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2024 году только по первой инстанции [15]:

арбитражными судами было окончено производств по 118 делам об оспаривании ненормативных правовых актов об изъятии, прекращении или ограничении права на земельный участок;

судами общей юрисдикции было окончено 2 626 дел о признании недействительным ненормативного акта, об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд и определении их выкупной цены;

судами общей юрисдикции было окончено 1 135 дел о возмещении убытков, причиненных нарушением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, связанных с изъятием земельных участков либо ограничением права владения, пользования и распоряжения им.

Из приведенной статистики видно, что споры данной категории довольно распространены. Даже несмотря на то, что изъятие земельных участков для публичных нужд является экстраординарным и достаточно редким феноменом в практике

гражданского оборота.

Что касается количественных показателей, в которых должна измеряться описываемая компенсация, то в целях недопущения избыточного усложнения процедуры изъятия предлагается исчислять ее в определенном проценте от рыночной стоимости изымаемой недвижимости. Также возможно предусмотреть предельный размер такой компенсации, чтобы нивелировать риски злоупотребления таким механизмом.

Таким образом, действующее правовое регулирование возмещения за изымаемую недвижимость в целях КРТ не обеспечивает в полной мере конституционные гарантии его равноценности и своевременности. Инструмент КРТ, являясь эффективным механизмом градостроительного развития, одновременно создает повышенные риски для правообладателей, чье имущество подлежит изъятию. Существующий механизм возмещения направлен на компенсацию рыночной стоимости и убытков, но не охватывает нематериальные потери правообладателей.

Разрешение существующей проблемы может быть осуществлено посредством совершенствования правового механизма изъятия путем добавления в состав возмещения нового элемента – «компенсация за изъятие имущества», которая бы: (1) определялась в процентном отношении от рыночной стоимости изымаемого имущества; (2) носила восстановительный характер, выполняя важную социальную функцию – сглаживание негативных последствий публичного вмешательства во владение правообладателя над своим имуществом, гарантированное Конституцией РФ.

Список литературы:

- [1] Болтанова Е.С. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд. РИОР, Инфра-М 2025 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Некоммерческая интернет-версия (дата обращения: 10.04.2026).
- [2] Вечканов Д. В. Механизм реализации комплексного развития территории на примере города Москвы / Д.В. Вечканов // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2025. С. 29-35.
- [3] Воронцова А. А. Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд в системе оснований прекращения прав на землю / А.А. Воронцова // Экологическое право. 2022. № 4. С. 19-24.
- [4] Галиновская Е. А. Правовые аспекты формирования комфортной городской среды // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 12 (291). С. 75-81.
- [5] Галиновская, Е. А. Правовые аспекты формирования комфортной городской среды. Окончание // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2026. № 1 (292). С. 28-39.
- [6] Друева А.А. К вопросу о поиске баланса частных и публичных интересов при установлении зоны комплексного развития территории // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 8 (120). С. 116-123.
- [7] Нигматуллина Э. Ф. Компенсационные обязательства публично-правовых образований: состояние правового регулирования и перспективы развития / Э.Ф. Нигматуллина // Правовые вопросы недвижимости. 2025. № 1. С. 27-29.
- [8] Савкунова А. Э. Изъятие объектов недвижимости для публичных нужд: тактика защиты интересов собственника / А.Э. Савкунова // Арбитражные споры. 2026. № 1. С. 44-62.
- [9] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). ст. 16.
- [10] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. ст. 4147.
- [11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2025 № 310-ЭС24-22890 по делу № А54-1090/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Некоммерческая интернет-версия (дата обращения: 31.05.2026).
- [12] Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2019 № 2438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Каменный карьер «Марушкины ворота» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 56.3, 56.4 и пунктом 7 статьи 56.6 Земельного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Некоммерческая интернет-версия (дата обращения: 31.05.2026).
- [13] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.06.2024 по делу № 88-11585/2024 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Некоммерческая интернет-версия (дата обращения: 05.06.2026).
- [14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
- [15] Статистика приведена с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ (<https://cdep.ru/?id=79>) по состоянию на май 2025 года, т.к. по состоянию на 08.06.2026 с сайта была удалена вся судебная статистика и не

публиковалась новая за 2025.

References:

[1] E.S. Boltanova. Commentary on the Land Code of the Russian Federation (itemized). 6th ed. RIOR, Infra-M 2025 // Access from the ConsultantPlus reference and legal system. Access mode: Non-commercial Internet version (accessed on: 10.04.2026).

[2] Vechkanov D.V. Mechanism for the implementation of the integrated development of the territory on the example of the city of Moscow/ D.V. Vechkanov // Jurisprudence and the modern legal system: topical issues, achievements and innovations. Penza, 2025. S. 29-35.

[3] Vorontsova A.A. Seizure of land plots for state or municipal needs in the system of grounds for termination of land rights/A.A. Vorontsova // Environmental law. 2022. № 4. S. 19-24.

[4] Galinovskaya E. A. Legal aspects of the formation of a comfortable urban environment // Property relations in the Russian Federation. 2025. № 12 (291). S. 75-81.

[5] Galinovskaya, E. A. Legal aspects of the formation of a comfortable urban environment. Completion // Property relations in the Russian Federation. 2026. № 1 (292). S. 28-39.

[6] Drueva A.A. On the question of finding a balance of private and public interests in establishing a zone of integrated development of the territory // Bulletin of the Kutafin University. 2024. № 8 (120). S. 116-123.

[7] Nigmatullina E.F. Compensatory obligations of public legal entities: the state of legal regulation and development prospects/E.F. Nigmatullina // Legal issues of real estate. 2025. № 1. S. 27-29.

[8] Savkunova A.E. Seizure of real estate for public needs: tactics of protecting the interests of the owner/A.E. Savkunova // Arbitration disputes. 2026. № 1. S. 44-62.

[9] Town Planning Code of the Russian

Federation No. 29.12.2004 dated 190-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part I). Art. 16.

[10] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.04.2025 No. 310-ES24-22890 in case No. A54-1090/2023 // Access from the ConsultantPlus reference legal system. Access mode: Non-commercial Internet version (accessed on: 31.05.2026).

[12] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.09.2019 No. 2438-O "On refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company Kamenny Quarry Marushkina Vorota about violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of Articles 56.3, 56.4 and paragraph 7 of Article 56.6 of the Land Code of the Russian Federation" // Access from the ConsultantPlus legal reference system. Access mode: Non-commercial Internet version (accessed on: 31.05.2026).

[13] Determination of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 11.06.2024 in Case No. 88-11585/2024 // Access from the ConsultantPlus Reference System. Access mode: Non-commercial Internet version (accessed on: 05.06.2026).

[14] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[15] Statistics are given from the official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation (<https://cdep.ru/?id=79>) as of May 2025, because as of 08.06.2026, all judicial statistics were removed from the site and no new ones were published for 2025.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ПЕНСИОНЕРЫ СИЛОВЫХ СТРУКТУР КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к социальной поддержке пенсионеров уголовно-исполнительной системы (УИС) как особой социально-профессиональной группы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения активного долголетия лиц пожилого возраста и их интеграции в общественную жизнь, а также спецификой постслужебного периода сотрудников силовых ведомств, сопряжённого с рисками дезадаптации, утраты профессиональной идентичности и разрыва социальных связей.

Цель работы – анализ современных научных концепций, определяющих направления социальной поддержки пенсионеров УИС, и выявление на этой основе ключевых факторов, влияющих на успешность их ресоциализации.

Методологическую основу составил теоретический анализ классических и современных теорий старения (теории освобождения, активности, модернизации, возрастной стратификации, концепции «третьего возраста», социального конструктивизма и зависимости), а также изучение нормативно-правовой базы и практики социально-психологической работы с данной категорией. Результатом исследования стал ряд выводов, указывающих на недостаточность исследований что определяет необходимость изучения данной социальной группы как уникальной социально-профессиональной общности, находящейся в ситуации особого жизненного перехода, осложняемого риском развития дезадаптации, кризисом профессиональной идентичности, разрывом социальных связей и необходимостью ресоциализации в гражданской среде, что требует разработки специализированных программ социального сопровождения.

Результаты исследования позволили определить три группы рисков дезадаптации пенсионеров УИС:

отчуждение и утрата привычной социальной среды;
резкое снижение социального статуса и полномочий;
дефицит структурированности жизни после ухода со службы.

В качестве ресурсных механизмов преодоления этих рисков выделены адаптационные стратегии, сформированные в процессе профессиональной деятельности (антикризисное мышление, саморегуляция), а также потенциал вовлечения пенсионеров в ветеранское движение, наставничество, волонтерство и иную общественно значимую деятельность.

Выводы обосновывают необходимость разработки специализированных социальных технологий, направленных не на «лечение старости», а на управление процессом старения через сохранение активности, социального взаимодействия и преемственности ведомственных традиций.

Ключевые слова: пенсионеры уголовно-исполнительной системы, социальная поддержка, теории старения, дезадаптация, ресоциализация, ветеранское движение, социальные технологии.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, candidate of psychological sciences

LAW ENFORCEMENT RETIREES AS A DISTINCT SOCIAL GROUP IN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. *This article examines contemporary approaches to social support for retirees from the penal system as a distinct socio-professional group. The relevance of this study stems from the need to maintain active longevity among the elderly and their integration into public life, as well as the specific nature of the post-service period for law enforcement officers, which is associated with the risks of maladjustment, loss of professional identity, and disruption of social ties. The aim of this study is to analyze contemporary scientific concepts that define the areas of social support for PS retirees and, based on these concepts, identify key factors influencing the success of their resocialization. The methodological basis is a theoretical analysis of classical and contemporary theories of aging (theories of liberation, activity, modernization, age stratification, the concept of the "third age," social constructivism, and dependence), as well as a study of the legal framework and practices of social and psychological work with this category. The study yielded a number of findings indicating a lack of research, necessitating further study of this social group as a unique socio-professional community experiencing a unique life transition, complicated by the risk of maladjustment, a professional identity crisis, a breakdown in social ties, and the need for resocialization in the civilian environment. This requires the development of specialized social support programs. The study's results identified three risk groups for maladjustment among UIS retirees:*

*alienation and loss of familiar social environment;
a sharp decline in social status and authority;
a lack of structure in life after leaving the service.*

Adaptation strategies developed during professional activity (anti-crisis thinking, self-regulation), as well as the potential for retirees to engage in veterans' movements, mentoring, volunteering, and other socially significant activities, were identified as resource mechanisms for overcoming these risks. The findings substantiate the need to develop specialized social technologies aimed not at "curing old age," but at managing the aging process through maintaining activity, social interaction, and the continuity of institutional traditions.

Key words: *penal system pensioners, social support, theories of aging, maladjustment, resocialization, veterans' movement, social technologies.*

Введение. Современные вызовы, стоящие перед обществом и государством, ставят новые задачи в области сохранения активного долголетия лиц пожилого возраста, определяя и уточняя основные направления их социальной поддержки, как носителей социальной целостности общества. Особой категорией в данной социальной группе остаются пенсионеры силовых структур (органов правопорядка, пенитенциарной системы, военно-служащие и т.д.). Подтверждение этому можно найти в значительном числе научных исследований, теорий и концепций.

Профессиональное сопровождение персонала силовых ведомств осуществляется не только в период служебной деятельности, но и после выхода в отставку, сохраняется не только особый статус и возможности, но и остается потенциал поддержания тесной взаимосвязи с ведомствами, где пенсионеры проходили службу. Многими ведомствами ведется значительная работа по социальному сопровождению бывших сотрудников как членов ветеранских организаций, так и в рамках иных общественных формирований. Например, в уголовно-исполнительной системе пенсионеры участвуют в воспитательной, наставнической, патриотической деятельности, активно взаимодействуют при организации профессионального, историко-культурного воспитания как сотрудников,

так и молодежи, привлекаются к пропагандистской и просветительской работе, сопровождают сохранение истории ведомства, передаче традиций, участвуют в работе общественных организаций и добровольческих, волонтерских акциях.

Цель статьи – анализ современных научных концепций, определяющих направления социальной поддержки пенсионеров уголовно-исполнительной системы.

Использованные методы: анализ научных материалов в области работы лицами пожилого возраста в аспекте особенностей пенсионеров силовых структур, нормативной правовой базы и научной литературы по сопровождению данной категории лиц; определение новаций в области методов социального воздействия, направленных на адаптацию к изменившимся условиям, поддержание активности и долголетия, социального благополучия, а также связи с ведомством. [1].

Результаты исследования. Основным критерием, определяющим реализацию целей нашего исследования стало определение специфики социальной группы пенсионеры уголовно-исполнительной системы и выделение важных социальных функций, которые пенсионеры могут выполнять в российском обществе. Проведенное нами исследование основных концептуальных основ и теорий множества научных направлений,

изучающих феномены старения и социальные аспекты функционирования человека в различные возрастные периоды показали, что попытки показать социальную роль пенсионеров можно найти во многих научно-исследовательских работах. Вопросы изучения общих социальных характеристик пенсионера в научной литературе и в практике социальной и психологической работы не теряет своей актуальности.

Проведя анализ концепций и теорий о старении, изучив основные положения в аспекте специфики пенсионеров силовых структур, нами определялись особенности пенсионеров УИС и направление реализации социального обеспечения данной социальной группы.

Первые классические парадигмы теории старения появились в 1950-1960 гг., когда старость начала осознаваться как самостоятельный жизненный этап. Здесь теории разделились на два направления, одно из которых – теория освождения Э. Камминга и У. Генри рассматривала старение как процесс взаимного отчуждения пожилого человека и общества, а также предполагающую противоположное мнение теорию активности. Р. Хевигхерста, который утверждал, что успешное старение возможно при сохранении активности и замене утраченного социального положения новым [10].

Эти классические теории стали полезны для понимания проблематики реализации сопровождения пенсионеров УИС тем, что позволяют, во-первых, понимать социальные риски реадaptации в обществе и отчуждения пенсионера, а во-вторых, указали на необходимость создания программ изменяющих социальную роль путем вовлечения пенсионеров УИС в ветеранское движение, наставническую, волонтерскую работу и иную общественную деятельность.

– Исследуя макросоциальные теории старения, такие как теория модернизации Д. Коуллэ, теория возрастной стратификации М. Райли нами была установлена причинно-следственная связь между изменением статуса пенсионера силовых структур в связи с утратой полномочий, социальной роли государственного служащего, «востребованного и занятого специалиста», чья жизнь подчинена уставу и одновременным с исчезновением жестких рамок социального поведения при окончании службы, что может приводить к риску возникновения дезадаптации [9, 12].

В современных концепциях – «Третьего возраста» П. Ласлетта, «Перспективы жизненного пути» Д. Бронфенбреннера с соавторами и концепций успешного старения [8, 11] исследуются ресурсы пенсионеров, позволяющие создать социальные программы не «лечения старости», а

«управления старением», что важно для пенсионеров правоохранительных органов, так как годы службы позволяют бывшим сотрудникам сформировать специфические адаптационные стратегии управления в сложных жизненных ситуациях, алгоритмы антикризисного и стратегического разрешения возникающих проблем, ориентируемые на саморегулирующее поведение, сохранение здоровья, вовлеченность в социальное взаимодействие и активность.

Рассмотрение постмодернистских теории старения, таких как теория социального конструктивизма П. Бергера, теория зависимости А. Уокера [3, 13] позволило прояснить причины снижения статуса пенсионеров в системе распределения ресурсов, что дало понимание причин уязвимости их положения в социальной структуре и определить пути социальной помощи и поддержки.

Таким образом, проведенное исследование концептуальных основ и практики осуществления сопровождения пенсионеров уголовно-исполнительной системы позволили определить следующие проблемные аспекты и факторы риска дезадаптационных проявлений. Это:

риск развития отчуждения при адаптации в обществе после выхода на пенсию, который детерминируют необходимость поиска новой идентичности, в том числе профессиональной, а также исчезновение границ и сдерживающих механизмов и структурированности жизни и деятельности;

риск развития дезадаптации при резком изменении социальной роли, изменение с понижением социального статуса в связи с утратой полномочий, социальной роли государственного служащего, «востребованного и занятого специалиста»;

необходимость создания социальных технологий, учитывающих развитие вышеуказанных рисков и формирующий реадaptационный механизмы путем поиска ресурсов, специфических адаптационных стратегий управления в сложных жизненных ситуациях, выработанных в процессе службы, создание алгоритмов антикризисного и стратегического разрешения возникающих проблем, ориентируемые на саморегулирующее поведение, сохранение здоровья, вовлеченность в социальное взаимодействие и активность;

вовлечение пенсионеров в ветеранское движение, наставническую, волонтерскую работу наставническую, волонтерскую работу и иную общественную деятельность для изменения социальной роли и управления старением.

Список литературы:

[1] Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского

университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 643–657.

[2] Кулакова С.В., Трифонов С.С. Повышение эффективности функционирования института наставничества как одного из ключевых звеньев индивидуальной воспитательной работы, проводимой с молодыми сотрудниками // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 1. С. 29–33. DOI 10.18572/2072-4438-2021-1-29-33..

[3] Мусеве О.Х. Теоретико-методологические ориентиры в изучении социальной защиты пожилого населения // Социологические науки. 2023.

[4] Осеев А.А. Социальные функции и социальный портрет пенсионеров в российском обществе // Социология. 2022. № 1. С. 123–143.

[5] Петрова Т.И. Социальное сопровождение пожилых людей 75+: Учебно-методическое пособие. 2020. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.

[6] Романова Е.С., Сомова Н.Г. Системное исследование качества жизни в пожилом и преклонном возрасте // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 22–33.

[7] Савченко П.А. Понятие социального капитала у П. Бурье: трудности и интерпретации // Социология и право 2020. № 2. (48). С. 62–68.

[8] Титаев К., Ходжаева Е. Как пенсионная реформа разделила россиян на людей с погонями и без // Ведомости. 06.09.2018.

[9] Berger P L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Doubleday. 1966.

[10] Cowgill D.O., Holmes L D. (Eds.). Aging and Modernization. New York: Appleton-Century-Crofts. 1972.

[11] Cummin E., Henry W.E. Growing Old: The Process of Disengagement. New York: Basic Books. 1961.

[12] Laslett, P. A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age. London: Weidenfeld and Nicolson. 1989.

[13] Rile M.W., Riley J.W. Structural lag: Past and future. In M. W. Riley R.L. Kahn & A. Foner (Eds.), Age and Structural Lag. New York: John Wiley. 1994.

[14] Walker A. . Towards a political economy of old age. Ageing and Society, 1981. № 1(1), 73–94.

References:

[1] Korolenko A.V., Barsukov V.N. State of

health as a factor in the labor activity of the population of retirement age // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. № 4. S. 643–657.

[2] Kulakova S.V., Trifonov S.S. Improving the efficiency of the functioning of the institution of mentoring as one of the key links in individual educational work carried out with young employees // Penal system: law, economics, management. 2021. № 1. S. 29–33. DOI 10.18572/2072-4438-2021-1-29-33..

[3] Musev O.Kh. Theoretical and methodological guidelines in the study of social protection of the elderly population // Sociological sciences. 2023.

[4] Oseev A.A. Social functions and social portrait of pensioners in Russian society // Sociology. 2022. № 1. S. 123–143.

[5] T.I. Petrova. Social support of the elderly 75+: Educational and methodological manual. 2020. St. Petersburg: Publishing House Polytechnic. University.

[6] Romanova E.S., Somova N.G. Systemic study of quality of life in old and old age // Systemic psychology and sociology. 2020. № 4 (36). S. 22–33.

[7] Savchenko P.A. The concept of social capital in P. Bourrier: difficulties and interpretations // Sociology and Law 2020. № 2. (48). S. 62–68.

[8] Titaev K., Khojaeva E. How the pension reform divided Russians into people with shoulder straps and without // Vedomosti. 06.09.2018.

[9] Berger P L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Doubleday. 1966.

[10] Cowgill D.O. , Holmes L D. (Eds.). Aging and Modernization. New York: Appleton-Century-Crofts. 1972.

[11] Cummin E., Henry W.E. Growing Old: The Process of Disengagement. New York: Basic Books. 1961.

[12] Laslett, P. A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age. London: Weidenfeld and Nicolson. 1989.

[13] Rile M.W., Riley J.W. Structural lag: Past and future. In M. W. Riley R.L. Kahn & A. Foner (Eds.), Age and Structural Lag. New York: John Wiley. 1994.

[14] Walker A. . Towards a political economy of old age. Ageing and Society, 1981. № 1(1), 73–94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-242-249

Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

ФОРМЫ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ АДВОКАТСКОГО КАБИНЕТА, КОЛЛЕГИИ И БЮРО

Аннотация. В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ предусмотренных действующим законодательством об адвокатуре форм адвокатских образований – адвокатского кабинета, коллегии адвокатов и адвокатского бюро. Автор последовательно исследует правовую природу, порядок учреждения, функционирования и прекращения деятельности каждой из указанных форм, выявляет особенности их налогообложения, режима имущественной ответственности и управления. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, связанным с реализацией конституционного принципа независимости адвоката, специфике партнерского договора в адвокатском бюро, а также влиянию цифровизации на организацию адвокатской деятельности. На основе проведенного исследования формулируются научно обоснованные критерии выбора оптимальной организационной формы и предложения по совершенствованию законодательного регулирования.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатское образование, адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро, партнерский договор, независимость адвоката, имущественная ответственность, налогообложение адвокатов, организация адвокатской деятельности.

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

FORMS OF ATTORNEY ORGANIZATIONS: LEGAL FEATURES, ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF AN ATTORNEY'S OFFICE, BAR COLLEGIUM AND LAW BUREAU

Annotation. The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the forms of attorney organizations provided for by the current legislation on advocacy – an attorney's office, a bar collegium, and a law bureau. The author consistently examines the legal nature, the procedure for establishing, functioning, and terminating the activities of each of these forms, and identifies the features of their taxation, property liability regime, and management. Particular attention is paid to law enforcement problems associated with the implementation of the constitutional principle of the attorney's independence, the specifics of a partnership agreement in a law bureau, as well as the impact of digitalization on the organization of advocacy. Based on the conducted research, scientifically substantiated criteria for choosing the optimal organizational form and proposals for improving legislative regulation are formulated.

Key words: advocacy, attorney organization, attorney's office, bar collegium, law bureau, partnership agreement, attorney's independence, property liability, taxation of attorneys, organization of advocacy.

Введение

Институт адвокатуры занимает особое место в системе правозащитных механизмов современного российского государства, выступая важнейшим элементом гражданского общества и одновременно гарантией реализации конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленного в статье 48 Конституции Российской Федерации. Адвокатура, не являясь частью государственного аппарата, выполняет публично значимую функцию, обеспечивая баланс между интересами личности, общества и государства в сфере правосудия. Организационно-правовое оформление адвокатской деятельности осуществляется посредством института адвокатских образований, исчерпывающий перечень форм которых закреплен в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Согласно статье 20 указанного закона, формами адвокатских образований являются адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация. При этом адвокат вправе самостоятельно избирать форму адвокатского образования и место осуществления адвокатской деятельности, о чем он обязан уведомить совет адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации. Данное положение является важной гарантией профессиональной автономии адвоката и отражает диспозитивный характер регулирования организационных основ адвокатуры [1, с. 38].

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, выбор адвокатом формы адвокатского образования имеет принципиальное значение, поскольку напрямую влияет на организацию его профессиональной деятельности, применяемый режим налогообложения, характер и объем имущественной ответственности, возможности взаимодействия с коллегами и доверителями. Во-вторых, продолжающееся реформирование института адвокатуры, активная научная и профессиональная дискуссия о допустимости использования адвокатскими образованиями элементов предпринимательской деятельности, о возможности создания межрегиональных образований, а также стремительная цифровизация юридической профессии придают рассматриваемой проблематике особую остроту [1; 2]. В-третьих, практика правоприменения выявляет ряд нерешенных вопросов, связанных, в частности, с режимом солидарной ответственности партнеров адвокатского бюро, налоговым статусом адвокатских образований и пределами реализации принципа независимости

адвоката в коллективных формах деятельности [3].

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием значительного числа фундаментальных и прикладных работ, посвященных как общим вопросам организации адвокатуры, так и отдельным аспектам функционирования конкретных форм адвокатских образований. Существенный вклад в исследование данной проблематики внесли труды С. И. Володиной, Л. Ю. Грудцыной, А. Г. Кучерены, Р. Г. Мельниченко, О. В. Поспелова, Ю. С. Пилипенко, И. Л. Трунова и других ученых. Вместе с тем комплексный сравнительно-правовой анализ всех форм адвокатских образований, учитывающий новейшие изменения законодательства, актуальную правоприменительную практику и тенденции развития профессии, требует дополнительного научного осмысления [3; 6].

Цель настоящей статьи состоит в проведении комплексного сравнительно-правового анализа форм адвокатских образований, выявлении их преимуществ и недостатков, а также в формулировании научно обоснованных критериев выбора оптимальной организационной формы для осуществления адвокатской деятельности.

Для достижения указанной цели в работе поставлены и последовательно решаются следующие задачи: раскрыть правовую природу каждой формы адвокатского образования; проанализировать порядок их учреждения, функционирования и прекращения; исследовать особенности правового положения адвоката в рамках различных форм; выявить специфику имущественной ответственности и налогообложения; определить достоинства и недостатки каждой формы с учетом организационных, финансовых и репутационных факторов; сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Среди общенаучных методов использованы анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный и функциональный подходы, позволившие рассмотреть формы адвокатских образований как элементы единой системы организации адвокатской деятельности. Среди частнонаучных методов ведущая роль принадлежит формально-юридическому методу, примененному при толковании норм законодательства об адвокатуре, и сравнительно-правовому методу, позволившему сопоставить нормативное содержание различных форм адвокатских образований и выявить их существенные различия [4, с. 21].

Прежде чем перейти к анализу отдельных форм, представляется необходимым определить

само понятие адвокатского образования и его место в системе организации адвокатской деятельности. Под адвокатским образованием в доктрине принято понимать организационно-правовую форму осуществления адвокатами своей профессиональной деятельности, создаваемую в целях обеспечения условий для оказания квалифицированной юридической помощи [5, с. 41]. Важно подчеркнуть, что адвокатское образование не следует отождествлять с адвокатской палатой: палата является органом профессионального самоуправления, объединяющим всех адвокатов соответствующего субъекта на основе обязательного членства, тогда как адвокатское образование представляет собой форму непосредственной организации трудовой и хозяйственной деятельности адвоката.

Система форм адвокатских образований характеризуется рядом принципиальных особенностей. Во-первых, перечень форм является исчерпывающим – адвокат не вправе осуществлять профессиональную деятельность в иных организационно-правовых формах, в частности в форме коммерческих организаций. Во-вторых, для адвокатских образований установлен запрет на занятие предпринимательской деятельностью, что обусловлено публично-правовой природой адвокатуры и принципом несовместимости адвокатской деятельности с извлечением прибыли в качестве основной цели [2, с. 65]. В-третьих, законодатель предоставляет адвокату право свободного выбора и изменения формы адвокатского образования, что отражает принцип независимости и самоуправления адвокатуры.

Адвокатский кабинет представляет собой форму индивидуального осуществления адвокатской деятельности. В соответствии со статьей 21 Федерального закона № 63-ФЗ, адвокат, принявший решение осуществлять адвокатскую деятельность индивидуально, учреждает адвокатский кабинет. Об учреждении адвокатского кабинета адвокат направляет в совет адвокатской палаты заказным письмом уведомление, в котором указываются сведения об адвокате, место нахождения кабинета и порядок осуществления телефонной, телеграфной, почтовой и иной связи между советом палаты и адвокатом.

Принципиальной особенностью адвокатского кабинета является то, что он не является юридическим лицом. Это означает, что кабинет не обладает обособленным имуществом, не выступает самостоятельным субъектом гражданского оборота и не может иметь прав и обязанностей, отдельных от прав и обязанностей учредившего его адвоката [5, с. 52]. Адвокат, учредивший кабинет, действует в правоотношениях от собственного имени. Закон допускает использование для разме-

щения адвокатского кабинета жилых помещений, принадлежащих адвокату либо членам его семьи на праве собственности (с согласия последних), а также жилых помещений, занимаемых адвокатом и членами его семьи по договору найма, с согласия наймодателя и всех совершеннолетних лиц, проживающих в помещении.

Среди преимуществ данной формы исследователи традиционно выделяют полную самостоятельность адвоката в принятии профессиональных и организационных решений, отсутствие необходимости согласования действий с коллегами и подчинения коллегиальным органам управления, упрощенный порядок учреждения, а также возможность непосредственного распоряжения полученным вознаграждением [1, с. 45]. Именно адвокат, учредивший кабинет, наиболее полно реализует конституционный принцип независимости адвокатуры, поскольку не связан организационными решениями каких-либо органов управления адвокатского образования. Кроме того, отсутствие необходимости уплаты взносов на содержание коллегии или бюро позволяет снизить регулярные издержки.

Вместе с тем форма адвокатского кабинета имеет существенные недостатки. К ним относятся: высокая степень индивидуальной имущественной и профессиональной ответственности при отсутствии возможности перераспределения нагрузки между коллегами; необходимость самостоятельного ведения бухгалтерского и налогового учета либо несения расходов на привлечение специалистов; отсутствие коллективной поддержки при ведении сложных, многоэпизодных или требующих узкой специализации дел [6, с. 88]. Адвокат, учредивший кабинет, единолично несет все организационные и материальные расходы, включая аренду помещения, приобретение оргтехники, оплату связи и иных текущих затрат, что может создавать значительные финансовые сложности, особенно на начальном этапе профессиональной деятельности. Дополнительной проблемой является ограниченность репутационных возможностей: молოდому адвокату без устойчивой деловой репутации значительно сложнее привлечь доверителей, действуя индивидуально, нежели в составе известного образования [2, с. 71].

С точки зрения налогообложения адвокат, учредивший кабинет, самостоятельно исчисляет и уплачивает налог на доходы физических лиц, а также страховые взносы, выступая в качестве самозанятого профессионального участника. Это требует от адвоката определенной компетентности в вопросах финансового учета либо привлечения профессионального бухгалтера, что увеличивает издержки [7, с. 48].

Коллегия адвокатов является некоммерческой организацией, основанной на членстве и действующей на основании устава, утверждаемого ее учредителями, и заключаемого ими учредительного договора (статья 22 Федерального закона № 63-ФЗ). В отличие от адвокатского кабинета, коллегия адвокатов является юридическим лицом, что определяет принципиальные различия в их правовом положении [3, с. 112].

Учредителями коллегии адвокатов могут быть адвокаты, сведения о которых внесены только в один региональный реестр. Их число не может быть менее двух. Учредительный договор определяет условия передачи коллегии своего имущества, порядок участия в ее деятельности, порядок и условия приема в коллегию новых членов, права и обязанности учредителей, порядок и условия выхода из ее состава. Устав коллегии должен содержать сведения о ее наименовании, месте нахождения, предмете и целях деятельности, источниках образования имущества и направлениях его использования, порядке управления коллегией и иные предусмотренные законом сведения.

Особенностью правового положения коллегии адвокатов является то, что она выступает налоговым агентом адвокатов – своих членов по доходам, полученным ими в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителями и третьими лицами и по другим вопросам, предусмотренным учредительными документами [7, с. 51]. Это существенно упрощает финансовую сторону деятельности адвоката, освобождая его от необходимости самостоятельного взаимодействия с налоговыми органами по поводу профессиональных доходов.

К преимуществам коллегии адвокатов следует отнести: распределение организационных и хозяйственных функций между членами коллегии и ее аппаратом; возможность профессионального взаимодействия, обмена опытом и коллективного обсуждения сложных правовых вопросов; наличие репутационного капитала, связанного с принадлежностью к известной коллегии, что облегчает привлечение доверителей; коллективное решение материально-технических вопросов, связанных с арендой помещений, приобретением оборудования и информационно-правовых систем [2, с. 78]. Существенным достоинством является централизованное ведение бухгалтерского учета и взаимодействие с налоговыми органами, осуществляемое самим адвокатским образованием. Коллегия также способна обеспечить преемственность ведения дел в случае временной нетрудоспособности или отсутствия адвоката.

Среди недостатков коллегии адвокатов отмечают необходимость подчинения решениям

коллегиальных органов управления, что в определенной степени ограничивает организационную автономию отдельного адвоката; обязанность уплаты регулярных взносов на содержание коллегии и обеспечение ее деятельности; потенциальную возможность возникновения корпоративных конфликтов между членами по вопросам управления, распределения общих ресурсов и приема новых членов [6, с. 134]. При этом важно особо подчеркнуть принцип имущественной обособленности: члены коллегии не отвечают по ее обязательствам, а коллегия не отвечает по обязательствам своих членов. Данное правило обеспечивает защиту имущественных интересов адвокатов и является одним из ключевых преимуществ коллективной формы по сравнению с адвокатским бюро [3, с. 116].

Следует отметить, что коллегия адвокатов вправе создавать филиалы на всей территории Российской Федерации, а также на территории иностранного государства, если это предусмотрено законодательством соответствующего государства. Данное полномочие расширяет возможности коллегии по охвату различных регионов и обеспечивает гибкость ее организационной структуры, что особенно важно для крупных адвокатских образований [1, с. 87].

Адвокатское бюро как форма адвокатского образования имеет наиболее сложную правовую конструкцию, основанную на началах партнерства. В соответствии со статьей 23 Федерального закона № 63-ФЗ, два и более адвоката вправе учредить адвокатское бюро. К отношениям, возникающим в связи с учреждением и деятельностью адвокатского бюро, применяются правила, установленные для коллегии адвокатов, если иное не предусмотрено законом. При этом определяющей особенностью данной формы является заключение партнерского договора, по которому адвокаты-партнеры обязуются соединить свои усилия для оказания юридической помощи от имени всех партнеров [8, с. 59].

Партнерский договор является документом, содержащим конфиденциальную информацию, и не предоставляется для государственной регистрации адвокатского бюро. В нем указываются срок действия партнерского договора, порядок принятия партнерами решений, порядок избрания управляющего партнера и его компетенция, а также иные существенные условия. Ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнером, если иное не установлено партнерским договором. Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных

ими доверенностей [5, с. 56].

Ключевым преимуществом адвокатского бюро является возможность ведения подлинно совместной деятельности по принципу партнерства, что особенно эффективно при оказании комплексной юридической помощи крупным корпоративным клиентам, при сопровождении масштабных проектов и при ведении дел, требующих участия специалистов в различных отраслях права [1, с. 91]. Адвокатское бюро позволяет объединить специалистов разного профиля, обеспечивая доверителю полный спектр услуг от единого образования, что соответствует современным потребностям рынка юридических услуг. Партнерская модель способствует формированию устойчивой деловой репутации и узнаваемого бренда, что является значимым конкурентным преимуществом.

Однако существенным недостатком данной формы выступает солидарная ответственность партнеров. Поскольку соглашение об оказании юридической помощи заключается от имени всех партнеров, при возникновении ответственности она может распространяться на всех участников бюро [4, с. 67]. Это создает повышенные имущественные риски и предъявляет особые требования к взаимному доверию между партнерами и тщательности при выборе участников бюро. Кроме того, прекращение партнерского договора влечет ряд правовых последствий: с момента его прекращения участники несут солидарную ответственность по неисполненным общим обязательствам в отношении доверителей и третьих лиц. После прекращения партнерского договора адвокаты вправе заключить новый партнерский договор; если же он не заключен в течение установленного законом срока, адвокатское бюро подлежит преобразованию в коллегия адвокатов либо ликвидации [3, с. 120]. Адвокатскому бюро также прямо запрещено заключать партнерский договор, содержащий условия, ограничивающие или ущемляющие профессиональную независимость адвоката.

Сравнивая адвокатское бюро с коллегией адвокатов, можно отметить, что обе формы являются юридическими лицами и обладают схожей организационной основой, однако принципиально различаются по характеру взаимодействия адвокатов и режиму ответственности. В коллегии каждый адвокат заключает соглашения с доверителями от собственного имени и несет индивидуальную ответственность, тогда как в бюро деятельность ведется от имени всех партнеров, что обуславливает солидарный характер ответственности [6, с. 138].

Проведенный анализ позволяет осуществить системное сопоставление форм адвокатских образований по ряду ключевых критериев. По

критерию правосубъектности адвокатский кабинет не является юридическим лицом, в то время как коллегия адвокатов и адвокатское бюро обладают статусом юридического лица. По критерию минимального числа учредителей кабинет учреждается одним адвокатом, а коллегия и бюро требуют участия не менее двух адвокатов. По критерию характера ответственности в кабинете и коллегии адвокат несет индивидуальную ответственность, тогда как в бюро устанавливается солидарная ответственность партнеров.

По критерию налогового статуса в адвокатском кабинете адвокат самостоятельно исчисляет и уплачивает налоги и взносы, тогда как в коллегии и бюро функцию налогового агента выполняет само адвокатское образование. По критерию степени реализации принципа независимости наибольшую автономию обеспечивает адвокатский кабинет, тогда как в коллективных формах профессиональная независимость адвоката в принятии решений по конкретному делу должна сочетаться с подчинением общим организационным решениям [7, с. 52].

Вдобавок, сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что каждая из форм ориентирована на определенную модель осуществления профессиональной деятельности. Адвокатский кабинет оптимален для опытных адвокатов, ценящих максимальную самостоятельность и обладающих устойчивой деловой репутацией и клиентской базой, готовых самостоятельно нести организационные и финансовые функции. Коллегия адвокатов представляет собой компромиссный, наиболее распространенный на практике вариант, сочетающий коллективную инфраструктуру и поддержку с относительной автономией каждого адвоката и принципом имущественной обособленности. Адвокатское бюро в наибольшей степени подходит для команд профессионалов, ориентированных на совместное оказание сложной, комплексной юридической помощи крупным доверителям, готовых принять на себя риски солидарной ответственности ради достижения синергетического эффекта совместной деятельности [2, с. 84].

При выборе формы адвокатского образования адвокату следует учитывать совокупность взаимосвязанных факторов. Во-первых, масштаб и характер планируемой профессиональной деятельности: индивидуальная практика тяготеет к форме кабинета, тогда как работа с крупными корпоративными клиентами – к форме бюро. Во-вторых, готовность нести единоличную или коллективную (солидарную) ответственность, что напрямую связано с приемлемым для адвоката уровнем имущественных рисков. В-третьих, финансовые возможности адвоката, поскольку учре-

ждение и содержание коллективных образований сопряжено с уплатой взносов, тогда как кабинет требует единоличного несения всех расходов. В-четвертых, потребность в репутационном капитале: для начинающих адвокатов принадлежность к известному образованию способна существенно облегчить привлечение доверителей. В-пятых, специфика взаимоотношений с потенциальными доверителями и характер планируемых дел [6, с. 140].

Отдельного внимания заслуживает вопрос реализации конституционного принципа независимости адвоката в различных формах адвокатских образований. Наиболее полно данный принцип реализуется в адвокатском кабинете, где адвокат полностью самостоятелен в принятии решений. В коллективных формах независимость профессиональной позиции конкретного адвоката при ведении дела должна органично сочетаться с подчинением общим организационным решениям коллегиальных органов управления. При этом законодатель устанавливает важную гарантию: партнерский договор адвокатского бюро не может содержать условий, ограничивающих профессиональную независимость адвоката, что обеспечивает приоритет публично-правовых начал адвокатуры над организационными интересами образования [7, с. 54].

Современный этап развития адвокатуры характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что оказывает существенное влияние на организацию деятельности адвокатских образований во всех их формах. Развитие систем электронного документооборота, использование информационно-правовых баз данных, дистанционное взаимодействие с доверителями и участие в судебных заседаниях посредством видеоконференц-связи трансформируют традиционные представления о месте и способах осуществления адвокатской деятельности [2, с. 92].

Цифровизация по-разному отражается на различных формах адвокатских образований. Для адвокатского кабинета внедрение цифровых инструментов отчасти компенсирует отсутствие коллективной инфраструктуры, позволяя адвокату эффективно организовать индивидуальную практику при минимальных издержках, в том числе работая дистанционно. Для коллегий адвокатов и адвокатских бюро цифровые технологии открывают возможности оптимизации внутренних управленческих процессов, централизованного ведения учета, эффективного распределения нагрузки между членами и партнерами, а также расширения географии оказания юридической помощи без необходимости создания дополнительных филиалов [1, с. 95].

Вместе с тем цифровизация порождает новые правовые вызовы, связанные прежде всего с обеспечением адвокатской тайны в условиях использования электронных средств коммуникации и облачных технологий хранения данных. Адвокатское образование вне зависимости от его формы обязано принимать организационные и технические меры по защите конфиденциальной информации доверителей, что требует дополнительных финансовых и организационных ресурсов и предъявляет повышенные требования к информационной безопасности [3, с. 125]. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости дальнейшего развития законодательного регулирования вопросов применения цифровых технологий в адвокатской деятельности.

Анализ практики функционирования различных форм адвокатских образований позволяет выявить ряд проблемных аспектов, требующих законодательного разрешения. Прежде всего обращает на себя внимание недостаточная определенность режима солидарной ответственности партнеров адвокатского бюро. Действующее регулирование не в полной мере раскрывает пределы и порядок реализации такой ответственности, что создает правовую неопределенность и сдерживает развитие данной формы. Представляется целесообразным более детальное законодательное регламентирование вопросов распределения ответственности между партнерами, в том числе возможности договорного ограничения солидарной ответственности во внутренних отношениях между партнерами при сохранении гарантий для доверителей [4, с. 71].

Второй проблемой выступает вопрос налогообложения адвокатских образований в условиях изменяющегося налогового законодательства и цифровизации финансовых отношений. Необходимо гармонизация норм законодательства об адвокатуре и налогового законодательства, в частности уточнение порядка применения профессиональных налоговых вычетов и режима страховых взносов для адвокатов, осуществляющих деятельность в различных формах [7, с. 56].

Третьим направлением совершенствования является развитие института межрегиональных адвокатских образований и расширение возможностей создания филиалов, что отвечает потребностям современного рынка юридических услуг и обеспечивает доступность квалифицированной юридической помощи на всей территории страны. Кроме того, заслуживает внимания дискуссионный вопрос о возможном расширении организационных форм адвокатской деятельности с учетом зарубежного опыта функционирования юридических партнерств, однако любые реформы в данной

сфере должны осуществляться при безусловном сохранении публично-правовой природы адвокатуры и принципа независимости адвоката [2, с. 98].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд научно обоснованных выводов. Действующее законодательство Российской Федерации предоставляет адвокату широкий выбор организационно-правовых форм осуществления профессиональной деятельности, каждая из которых обладает собственным набором преимуществ и недостатков, обусловленных особенностями их правовой природы, режима ответственности, налогообложения и управления. Выбор конкретной формы должен осуществляться с учетом индивидуальных профессиональных целей адвоката, масштаба и характера планируемой деятельности, финансовых возможностей и приемлемого уровня имущественных рисков.

Адвокатский кабинет обеспечивает максимальную степень независимости и самостоятельности адвоката, но возлагает на него всю полноту организационных, финансовых и материальных обязанностей, а также индивидуальную ответственность. Данная форма наиболее подходит для опытных адвокатов с устойчивой репутацией и сформированной клиентской базой. Коллегия адвокатов как наиболее распространенная на практике форма предлагает оптимальный баланс между коллективной поддержкой и инфраструктурой, с одной стороны, и индивидуальной автономией и имущественной обособленностью каждого адвоката – с другой. Адвокатское бюро создает условия для эффективной совместной работы и оказания комплексной юридической помощи, однако сопряжено с повышенными рисками, обусловленными солидарной ответственностью партнеров, и предъявляет особые требования к взаимному доверию участников.

Сравнительно-правовой анализ показал, что не существует универсально оптимальной формы адвокатского образования – каждая из них ориентирована на определенную модель профессиональной деятельности и обладает собственной сферой эффективного применения. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее совершенствование законодательного регулирования форм адвокатских образований, в частности уточнение режима имущественной ответственности партнеров адвокатского бюро, гармонизация норм законодательства об адвокатуре и налогового законодательства, развитие института межрегиональных образований, а также формирование правовых основ применения цифровых технологий в адвокатской деятельности при безусловном обеспечении адвокатской тайны и сохранении

публично-правовой природы института адвокатуры. Реализация указанных предложений будет способствовать повышению эффективности организации адвокатской деятельности и, как следствие, более полному обеспечению конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Список литературы:

- [1] Адвокатура в России : учебник для вузов / под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2021. — 624 с.
- [2] Грудцына Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Л. Ю. Грудцына. — Москва : Юркомпани, 2021. — 352 с.
- [3] Адвокатура и адвокатская деятельность : учебник / отв. ред. И. Л. Трунов. — Москва : Проспект, 2022. — 480 с.
- [4] Володина С. И. Адвокатура : учебник / С. И. Володина, А. Г. Кучерена, Ю. С. Пилипенко. — Москва : Проспект, 2020. — 368 с.
- [5] Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России : монография / А. Г. Кучерена. — Москва : Юркомпани, 2021. — 432 с.
- [6] Поспелов О. В. Формы адвокатских образований в России : монография / О. В. Поспелов. — Москва : Норма, 2020. — 208 с.
- [7] Мельниченко Р. Г. Адвокатская деятельность. Универсальные правила успеха / Р. Г. Мельниченко. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с.
- [8] Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации : учебник / М. Б. Смоленский. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2022. — 314 с.

References:

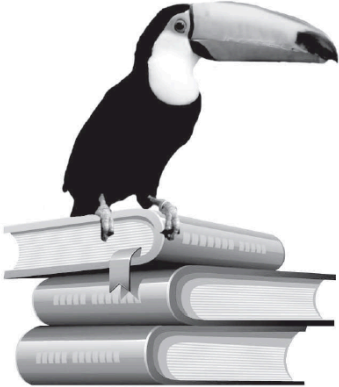
- [1] Advocacy in Russia: textbook for universities/ed. A. A. Klishin, A. A. Shugaeva. - 4th ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2021. - 624 s.
- [2] Grudtsyna L. Yu. Advocacy, notary and other civil society institutions in Russia/L. Yu. Grudtsyna. - Moscow: Yurkompani, 2021. - 352 s.
- [3] Advocacy and advocacy: textbook/rev. ed. I. L. Trunov. - Moscow: Prospect, 2022. - 480 s.
- [4] Volodina S. I. Advocacy: textbook/ S. I. Volodina, A. G. Kucherena, Yu. S. Pilipenko. - Moscow: Prospect, 2020. - 368 p.
- [5] Kucherena A. G. Advocacy in the context of judicial and legal reform in Russia: monograph/ A. G. Kucherena. - Moscow: Yurkompani, 2021. - 432 s.
- [6] Pospelov O. V. Forms of bar formations

in Russia: monograph/O. V. Pospelov. - Moscow: Norma, 2020. - 208 s.

[7] Melnichenko R. G. Advocacy. Universal rules of success/R. G. Melnichenko. - Moscow: Eksmo,

2021. - 256 s.

[8] Smolensky M. B. Advocacy and advocacy of the Russian Federation: textbook/M. B. Smolensky. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2022. - 314 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-250-256

ПРУДНИКОВА Альбина Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского
права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», г. Краснодар,
e-mail: solntsie67@mail.ru

ТЕХНИЧЕСКИ СЛОЖНЫЙ ТОВАР КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. Целью статьи выступает анализ теоретических и практических вопросов, возникающих при реализации прав потребителей технически сложных товаров. Установлено, что введение и законодательное закрепление понятия «технически сложный товар», а также утверждение соответствующих перечней технически сложных товаров, позволяет ясно определить объем прав и обязанностей всех сторон, участвующих в потребительских отношениях. Это способствует предоставлению потребителям дополнительных гарантий, связанных с возможностью возврата, обмена или ремонта таких товаров. Одновременно на производителей и продавцов возлагаются специальные обязанности, связанные с обеспечением качества, безопасности и надлежащей эксплуатации технически сложных изделий.

Ключевые слова: технически сложные товары, объекты гражданских прав, защита интересов потребителей, эксплуатационный дефект, существенный недостаток, производственный дефект, гарантийные обязательства.

PRUDNIKOVA Albina Evgenievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the Department of Civil Law Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Kuban State
University», Krasnodar

TECHNICALLY COMPLEX PRODUCT AS AN OBJECT OF CIVIL LEGAL PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS

Annotation. The purpose of the article is to analyze theoretical and practical issues arising in the implementation of consumer rights for technically complex goods. It has been established that the introduction and legislative consolidation of the concept of «technically complex goods», as well as the approval of the corresponding lists of technically complex goods, makes it possible to clearly define the scope of rights and obligations of all parties involved in consumer relations. This helps provide consumers with additional guarantees related to the possibility of returning, exchanging, or repairing such goods. At the same time, manufacturers and sellers are assigned special responsibilities related to ensuring the quality, safety, and proper operation of technically complex products.

Key words: technically complex goods, objects of civil rights, protection of consumer interests, significant defect, manufacturing defect, operational defect, warranty obligations.

Защита прав потребителей является одной из приоритетных задач современного общества и обусловлена особенностями функционирования рыночной экономики, а также актуальными тенденциями её развития. В широком смысле защита прав потребителей представляет собой комплекс разнообразных правовых механизмов, направленных на обеспечение справедливого баланса инте-

ресов между потребителем и профессиональным участником рынка, а также на предоставление эффективных гарантий и инструментов для защиты потребителей в ситуациях, когда взаимодействие с предпринимателями или продавцами сопряжено с определёнными рисками и возможными нарушениями их прав.

По мнению В.В. Данилова, защита прав по-

ребителя в Российской Федерации выступает неотъемлемым элементом системы конституционных прав человека, обеспечивая гарантии реализации таких основополагающих прав, как право на информацию, безопасность, качество товаров, а также право на возмещение вреда. [1, с. 28]

В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное определение категории «технически сложные товары». Законодатель ограничивается лишь установлением их официального перечня, утверждённого постановлением Правительства РФ № 924 «Об утверждении перечня технически сложных товаров» [2] (далее – постановление Правительства РФ № 924). В данный перечень включены, в частности, легковые автомобили, мотоциклы, мотороллеры и иные транспортные средства, оснащённые двигателем внутреннего сгорания, а также легкие самолёты, вертолёты и другая техника, работающая на электродвигателях. Кроме того, в него входят современные электронные и цифровые устройства, эксплуатация которых требует специальных знаний и сервисного обслуживания. Таким образом, принадлежность конкретного изделия к категории технически сложных определяется исключительно положениями указанного правительственного перечня.

Технически сложные товары относятся к категории «вещей» как объекты гражданских прав. В юридической науке и правоприменительной практике вещь – материальный объект, способный удовлетворять потребности человека и обладающий признаком обособленности. Такие товары могут быть как природными, так и результатом человеческой деятельности, сочетая материальную и технологическую составляющие.

Вещи в гражданском праве имеют материальную природу и определенные родовые или индивидуальные признаки, что делает их объектами правоотношений. Они могут быть предметом различных сделок и регулирования оборота технически сложных товаров. [3, с. 77]

Технически сложные товары – это продукты труда, предназначенные для обмена или продажи на рынке, которые имеют определенную стоимость и способны удовлетворять потребности людей. Они участвуют в товарообороте, являясь объектами сделок между продавцами и покупателями. Гражданское право устанавливает особенности правового регулирования таких товаров, включая условия их покупки, возврата, обмена и защиту прав потребителей в случае споров.

Гражданский кодекс Законодательство РФ не определяет понятие «товар», хотя оно часто упоминается в его нормах. В соответствии со ст. 455 ГК РФ [4], товаром по договору купли-продажи

может быть признана любая вещь, соответствующая требованиям статьи 129 ГК РФ. [5] Объекты гражданских прав могут свободно передаваться от одного лица другому, включая наследование, реорганизацию юридических лиц или другие законные способы, если они не ограничены законом.

По системному толкованию норм, понятие «товар» уже, чем понятие «вещь». Товар – это вещь предназначенная для оборота и обмена, для заключения различных видов гражданско-правовых сделок, в основном договоров купли-продажи.

В доктрине существуют разные точки зрения на то, что такое «товар» с учетом его экономической и юридической сущности. Так, Л.А. Данченко определяет товар как продукт труда, предназначенный для продажи, имеющий потребительскую и стоимостную ценность. Товар является элементом экономических отношений, который получает юридическое значение при участии в обороте. Товар характеризуется потребительской ценностью, обменной эквивалентностью и правовой допустимостью отчуждения. [6, с. 87]

И.В. Мартемьянов считает, что товар – это продукт или другой объект с определенными потребительскими свойствами, предназначенный для обмена и распределения экономических благ. Он подчеркивает, что товар не только материальный объект, но и элемент имущественных отношений. Такое понимание позволяет рассматривать категорию «товар» в единстве её экономического содержания и гражданско-правовой формы, что придаёт ей как системный, так и межотраслевой характер. [7, с. 124]

По мнению Л.М. Стародубовой товар – это имущество с определенной стоимостью, способное удовлетворять потребности человека и выступающее объектом гражданско-правовых договоров. По мнению автора, товар может быть предметом обмена и участвовать в гражданском обороте на возмездной основе, что подчеркивает его двойственную – экономико-правовую – природу. [8, с. 25] Д.Ф. Черных уточняет, что товар – это материальный объект гражданских прав, предназначенный для реализации и потребления, он связан с экономическим оборотом и имеет имущественную ценность. Товар способен удовлетворять потребности как отдельных лиц, так и общества в целом [9, с. 45]

Федеральный закон «О защите конкуренции» [10] определяет товар как объект гражданских прав, предназначенный для оборота: продажи, обмена или иного вовлечения в гражданский оборот. Дополняя это определение Пленум Верховного Суда России в своем постановлении № 17 от 28.06.2012 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»

[11] разъясняет, что товар – это вещь или группа вещей, определённых как по родовым признакам (например, количеству, весу, размеру), так и по индивидуальным характеристикам, и предназначенные для реализации или иного участия в гражданском обороте.

Отсутствие в законодательстве четкого определения понятию «товар» позволяет нам сформулировать свое определение, основанное на анализе судебной практики и различных точках зрения авторов. Так, под товаром следует понимать материальный объект, обладающий потребительской стоимостью и предназначенный для возмездного участия в гражданском обороте, способный удовлетворять личные, семейные или иные потребности человека. Он представляет собой имущественную ценность, созданную для обмена или реализации и выступающую объектом гражданско-правовых сделок.

В законодательстве России выделяют две основные группы сложных товаров:

товары, включенные в список технически сложных товаров по постановлению Правительства РФ № 924, в первую очередь;

технически сложные товары бытового назначения, определяемые Правилами продажи отдельных видов товаров, утвержденные постановлением правительства Российской Федерации № 2463 от 31 декабря 2020 года. [12]

Эти перечни товаров различаются, так как некоторые изделия могут быть отнесены только к одной категории. Перечень технически сложных товаров бытового назначения утверждается на основании отдельных нормативных актов, отличающихся от общего Перечня, утвержденного Правительством РФ № 924. Также законодатель предусматривает специальные правила реализации и особые права и гарантии для покупателей мототехники, автомобилей и различных видов транспортных средств из-за особенностей эксплуатации, обслуживания и технологической сложности.

Для сложных бытовых товаров установлены обязательные гарантийные сроки, чтобы защитить интересы потребителей. Эти товары входят в перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену из-за несоответствия размеров, фасона, цвета, комплектации и т.п. Перечень сложных бытовых товаров постоянно обновляется, чтобы соответствовать технологическому прогрессу и удовлетворить потребности рынка. Это необходимо для эффективной продажи, использования и обслуживания современных товаров.

Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, которые нельзя вернуть или обменять из-за их размера, формы, цвета и

т. д., является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Он создан для обеспечения стабильности рынка и единообразия в разрешении споров между продавцами и покупателями.

Перечни технически сложных товаров бытового назначения не совпадают полностью (отдельные виды технически сложных товаров бытового назначения могут отсутствовать в общем Перечне технически сложных товаров, утвержденных постановлением Правительства РФ № 924), что вызывает неопределенность при определении прав потребителя. Представляется, что необходимо унифицировать терминологию и систематизировать перечни на законодательном уровне.

Таким образом, законодательство о защите прав потребителей предусматривает перечни, охватывающих различные категории технически сложных товаров и выполняющих самостоятельные правовые задачи. Центральное место среди них занимает Перечень технически сложных товаров, утверждённый постановлением Правительства РФ № 924. Этот документ определяет права потребителя при обнаружении недостатков товара и является основным ориентиром для правоприменительной практики. Также Перечень технически сложных товаров определяет товары, в отношении которых потребитель имеет право отказаться исполнения договора купли-продажи, потребовать возврата уплаченной суммы или заменить товар на аналогичный той же либо иной марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчётом стоимости в течение 15 дней после покупки. При этом закон, как отмечает Р.С. Зардов, позволяет вернуть товар или обменять его после истечения этого срока в случае выявления серьезных проблем, таких как повторные дефекты или длительное время в ремонте. [13, с. 63]

Кроме того, Правила продажи отдельных видов товаров содержат специальные положения, регулирующие порядок возврата и обмена товаров, условия гарантийного обслуживания, доставки и оплаты сложной бытовой техники, устранения дефектов и возврат товара при обнаружении недостатков.

Отдельные разделы Правил посвящены особенностям продажи автомобилей, мототехники, транспортных средств и номерных агрегатов, устанавливаются дополнительные условия регистрации и подтверждения технического состояния. Закреплено, что покупатели имеют право на проверку товара, техническую экспертизу и получение полной информации о продукции.

Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, которые не подлежат возврату или обмену на аналогичный товар другого размера, формы, фасона, расцветки, габарита или

комплектации, включает особую категорию – технически сложные товары. На такие товары не распространяется общее правило, предоставляющее возможность вернуть или обменять товар в течение четырнадцати дней с момента покупки, что закреплено в Законе РФ «О защите прав потребителей». Таким образом, если технически сложный товар полностью соответствует требованиям качества, заявленным характеристикам и не имеет производственных либо эксплуатационных дефектов, потребитель не вправе требовать его обмена или возврата по субъективным причинам, таким как несоответствие модели, цвета, параметров или личных предпочтений.

Некоторые товары длительного пользования, из списка технически сложных товаров, не подлежат предоставлению потребителю в безвозмездное пользование на время ремонта аналогичного изделия. Это касается автомобилей, мотоциклов, мототехники, прицепов и номерных агрегатов (за исключением продукции, предназначенной для использования инвалидами) а также прогулочные суда и иные плавательные средства. В списке также перечислены различные электроприборы для личной гигиены, такие как электробритвы и фены, электрические зубные щетки и медицинские приборы для домашнего использования, например, тонометры и ингаляторы, глюкометры. Также это приборы для контроля состояния здоровья и техника для приготовления пищи (духовые шкафы, мультитварки, электрические плиты, микроволновые печи, кофемашины и другое кухонное оборудование).

Включение указанных изделий в Перечень технически сложных товаров и Перечень товаров длительного пользования обусловлено их высокой технологичностью, сложностью ремонта и влиянием эксплуатационных условий на их исправность. Это позволяет учитывать особенности использования таких товаров, требующих особых гарантий от продавца и производителя, но ограничивающих права потребителя на возврат или обмен без дефектов.

Как верно отмечено М.О. Дьяконовой, при продаже и эксплуатации рассматриваемой категории товаров важно правильно оформлять документы, указывать гарантийные сроки и информировать покупателя о правилах использования товара. Продавцам следует соблюдать нормы действующего законодательства, а потребителям внимательно изучать условия договора, гарантии и порядок обращения к продавцу в случае обнаружения неисправностей в товаре, который является технически сложным. [14, с. 42]

Законодатель также предусматривает Перечень товаров длительного пользования, использо-

вание которых после истечения срока может быть опасным для людей и окружающей среды. Производитель должен указывать срок службы и годности для обеспечения безопасной эксплуатации таких товаров, поскольку по истечении определенного срока некоторые вещи могут становиться опасными. Продавцы и производители должны также маркировать товары, предоставлять потребителю по его запросу всю необходимую документацию о товаре и не допускать реализации товаров с истекшим сроком годности или эксплуатации.

В Перечень законодатель также включил товары, при нарушении правил эксплуатации которых могут быть опасны (электробытовая техника, электроинструменты, плавательные средства, кухонные приборы и другие товары). При использовании таких товаров используются высокие температуры, электроток, механические нагрузки и т.п.

Как отмечает А.И. Маслюк, при покупке технически сложных товаров потребители имеют определенные ограничения по возврату и обмену таких товаров, а производителям и продавцам приходится выполнять дополнительные обязанности. Это связано с особыми требованиями относительно безопасности, качества и надежности эксплуатации таких товаров, а также с соблюдением требований законодательства по продаже и обслуживанию. [15, с. 45]

По информации Роспотребнадзора от 17.02.2021 «О правилах возврата и обмена технически сложных товаров» [16] технически сложные товары – это товары, которые имеют сложное внутреннее устройство, высокий технологический уровень и используют различные энергоресурсы для выполнения своих функций.

В этой связи Д.М. Гильфанова считает, что технически сложный товар – это материальный объект, созданный для удовлетворения различных потребностей потребителя, который не расходуется полностью в процессе использования и относится к промышленной продукции с сложной конструкцией и техническими характеристиками. Такие товары обладают сложными механизмами, электронными или программными компонентами и предназначены для длительного использования. [17, с. 153]

С.А. Воробьев в свою очередь отмечает, что сложные товары требуют специализированного подхода как на стадии производства и реализации, так и при эксплуатации и обслуживании. Наличие сложных конструктивных элементов и встроенного программного обеспечения повышает требования к качеству, надежности, безопасности и требует участия квалифицированных специалистов при их диагностике и обслуживании. [18, с. 28]

По мнению Т.М. Ивановой технически сложный товар – это объект с множеством компонентов и функций, требующий специальных знаний для эксплуатации и регулярного сервисного обслуживания. Она указывает на интеграцию аппаратной и программной частей товара. По ее мнению, сочетание технологической сложности и специализированного обслуживания делает эти изделия особенными, требующими особого правового режима при продаже, использовании и защите прав потребителей. [19, с. 51]

Таким образом представляется, что под технически сложным товаром можно понимать потребительский товар длительного пользования, имеющий сложное внутреннее устройство, включающее взаимосвязанные конструктивные, электронные и программные элементы, функционирование которых требует соблюдения специальных условий эксплуатации и обслуживания. Такие товары отличаются высоким уровнем технологичности и предназначены для длительного и безопасного использования потребителем.

По справедливому замечанию Д.В. Мельникова, товары, содержащие цифровые технологии и автоматизированные системы управления, требуют от потребителя внимательного и неукоснительного соблюдения установленных инструкций в процессе использования, так как невыполнение правил эксплуатации может привести к негативным последствиям. По мнению автора, сложные товары требуют от потребителя технической компетентности для надлежащего использования. [20, с. 66]

И.Н. Петрова обращает внимание, что технически сложные товары отличаются функциональной многокомпонентностью и требуют специальных условий эксплуатации, обслуживания и ремонта. Их использование требует внимательного следования инструкциям и участия специалистов при диагностике и устранении неисправностей. [21, с. 48]

В этой связи представляется, что технически сложные товары характеризуются технологической сложностью, высокой стоимостью и их перечень должен быть закреплён на законодательном уровне, что определит особенности регулирования их оборота.

И как справедливо заметил Г.Т. Овезов, понятие «технически сложный товар» как научная категория шире и не всегда совпадает с его нормативным определением. На практике это выражается в том, что некоторые товары, которые по своим характеристикам и уровню технологической сложности могли бы быть отнесены к технически сложным, но не включены в Перечень, утверждённый действующим законодательством. Соот-

ветственно, не все изделия, обладающие сложной конструкцией и высокотехнологичными элементами, признаются технически сложными товарами с точки зрения права, что может приводить к определённым противоречиям между теорией и правоприменительной практикой [22, с. 74]

Перечень технически сложных товаров представляет собой источник права и является специальным нормативным правовым актом, который определяет и конкретизирует понятие технически сложных товаров как самостоятельной правовой категории, устанавливая их исчерпывающий перечень. Закрепление в законодательстве категории «технически сложный товар», а также нормативное утверждение соответствующего Перечня имеют важное значение для регулирования потребительских правоотношений. Это не только обеспечивает единообразное понимание данной категории на практике, но и является ключевыми элементами механизма гражданско-правовой защиты прав потребителей при покупке, использовании, возврате и обмене технически сложных товаров.

Таким образом, в системе защиты прав потребителей правовое регулирование отношений, объектом которых выступают технически сложные товары, занимает важное место. Законодательное закрепление не только понятия «технически сложный товар», но и утверждение соответствующего перечня, позволит четко определить объем прав и обязанностей всех сторон, участвующих в потребительских отношениях. Во-первых, это будет способствовать предоставлению потребителям дополнительных гарантий, в случае обмена, возврата или ремонта таких товаров. Во-вторых, как на производителей, так и на продавцов будут возлагаться специальные обязанности, связанные не только с обеспечением качества таких изделий, но и их безопасностью при надлежащей эксплуатации технически сложных товаров.

Список литературы:

[1] Данилов В.В. Защита прав потребителя в системе конституционных прав человека в России: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2024. С. 28.

[2] Об утверждении перечня технически сложных товаров: постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 (ред. от 27.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597/..

[3] Григорьева Т.В. Гражданско-правовой договор как гарант качества технически сложных товаров // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2025. Т. 15. № 1. С. 77.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): ФЗ от 26 января 1996

года № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/~document/cons_doc_LAW_5142/.

[6] Данченко Л.А. Понятие и отличительные черты потребительского договора // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 87.

[7] Мартемьянов И.В. Современное российское частное право: учебник. М., 2022. С. 124.

[8] Стародубова Л.М. Актуальные проблемы защиты прав потребителя при продаже товара ненадлежащего качества. Псков, 2024. С. 25.

[9] Черных Д.Ф. Особенности договора розничной купли-продажи // Современное право. 2022. № 4. С. 45.

[10] О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_61763/.

[11] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/.

[12] Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/.

[13] Зардов Р.С. Общая характеристика гарантий качества товара // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 3. С. 63.

[14] Дьяконова М.О. Альтернативные способы разрешения споров с участием потребителей // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 42.

[15] Маслюк А.И. Особенности гражданско-правовой защиты прав потребителей в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики. 2021. № 2. С. 45.

[16] О правилах возврата и обмена технически сложного товара: информация Роспотребнад-

зора от 17.02.2021 // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377270/.

[17] Гильфанова Д.М. Технически сложные товары как объекты гражданских прав // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КФУ. 2020. № 13. С. 153.

[18] Воробьев С.А. Технически сложные товары и их особенности в гражданском обороте. М., 2023. С. 28.

[19] Иванова Т.М. Потребительское право: охрана прав при продаже технически сложных товаров. СПб., 2022. С. 51.

[20] Мельников Д.В. Цифровые технологии и правовое регулирование технически сложных товаров. Екатеринбург, 2023. С. 66.

[21] Петрова И.Н. Правовые аспекты продажи технически сложных товаров. Учебное пособие. М., 2024. С. 48.

[22] Овезов Г.Т. Общая характеристика форм и способов защиты прав потребителей // Вопросы науки и образования. 2020. № 7 (8). С. 74.

References:

[1] Danilov V.V. Protection of consumer rights in the system of constitutional human rights in Russia: dis.... cand. jurid. sciences. M. 2024. S. 28.

[2] On approval of the list of technically complex goods: Decree of the Government of the Russian Federation of 10.11.2011 No. 924 (as amended by 27.03.2019) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121597/.

[3] T.V. Grigorieva. Civil law contract as a guarantor of the quality of technically complex goods // Bulletin of the Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 4. Jurisprudence. 2025. VOL. 15. № 1. S. 77.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended by 24.06.2025) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended by 31.07.2025) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/~document/cons_doc_LAW_5142/.

[6] Danchenko L.A. Concept and distinguishing features of a consumer contract // Journal of Russian Law. 2021. № 7. S. 87.

[7] Martemyanov I.V. Contemporary Russian private law: textbook. M., 2022. S. 124.

[8] Starodubova L.M. Actual problems of consumer rights protection when selling goods of inadequate quality. Pskov, 2024. S. 25.

[9] Chernykh D.F. Features of a retail purchase and sale agreement // Modern law. 2022. № 4. S. 45.

[10] On Protection of Competition: Federal Law No. 26.07.2006 dated 135-FZ (as amended by 24.06.2025) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_61763/..

[11] On the consideration by the courts of civil cases on consumer protection disputes: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 No. 17 // SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/..

[12] On approval of the Rules for the sale of goods under a retail purchase and sale agreement, a list of durable goods that are not subject to the consumer's requirement to provide him with goods with the same basic consumer properties free of charge for the period of repair or replacement of such goods, and a list of non-food goods of proper quality not subject to exchange, as well as on amending certain acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 No. 2463 (as amended by 17.05.2024) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/..

[13] Zardov R.S. General characteristics of product quality guarantees // Journal of Russian Law.

2021. VOL. 25. № 3. S. 63.

[14] Dyakonova M.O. Alternative ways to resolve disputes involving consumers // Bulletin of the civil process. 2020. № 6. S. 42.

[15] Maslyuk A.I. Features of civil protection of consumer rights in the Russian Federation // Actual problems of science and practice. 2021. № 2. S. 45.

[16] On the rules for the return and exchange of technically complex goods: information from Rospotrebnadzor from 17.02.2021 // SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377270/..

[17] Gilfanova D.M. Technically complex goods as objects of civil rights // Collection of postgraduate scientific works of the Faculty of Law of KFU. 2020. № 13. S. 153.

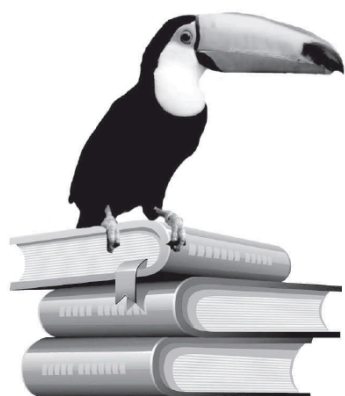
[18] Vorobyov S.A. Technically complex goods and their features in civil circulation. M., 2023. S. 28.

[19] Ivanova T.M. Consumer law: protection of rights when selling technically complex goods. St. Petersburg, 2022. S. 51.

[20] D.V. Melnikov. Digital technologies and legal regulation of technically complex goods. Yekaterinburg, 2023. S. 66.

[21] I.N. Petrova. Legal aspects of the sale of technically complex goods. Tutorial. M., 2024. S. 48.

[22] Ovezov G.T. General characteristics of forms and methods of consumer protection // Issues of science and education. 2020. № 7 (8). S. 74.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-257-261

Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2025 г.

НУРИСЛАМОВ Алексей Салихзянович,

старший преподаватель

кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского

юридического института МВД России,

e-mail: nurislamov78@internet.ru

**О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РЕЛИГИИ, ОБЩЕСТВА И
ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Аннотация. В статье обосновываются, что в России сформировались четыре модели взаимоотношений и религиозными организациями. Рассматривается проблемный вопрос отношения высшего руководства советского государства к религии в разные исторические периоды.

Ключевые слова: законодательство, общество, государство, религия, противоречия, Башкирский край, реабилитация.

NURISLAMOV Alexey Salikhzyanovich,Senior Lecturer of the Department administrative and legal
disciplines of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RELIGION, SOCIETY
AND ITS STATEHOOD**

Annotation. The article substantiates that four models of relationships and religious organizations have formed in Russia. The problematic issue of the attitude of the top leadership of the Soviet state to religion in different historical periods is considered.

Key words: legislation, society, state, religion, contradictions, Bashkir Territory, rehabilitation.

Слово «ислам» происходит из арабского языка и означает покорность, повиновение воле Всевышнего. Последователи ислама называются мусульманами – людьми, стремящимися жить в согласии с волей Аллаха, проявляя искреннюю приверженность и справедливость. Одной из основ ислама является твёрдая вера (иман): без истинной веры невозможно считаться настоящим мусульманином. Отсутствие веры означает неверие (куфр), которое проявляется в различных формах.

Возникновение ислама датируется VII веком нашей эры, и он признан третьей крупной мировой религией наряду с буддизмом и христианством. Согласно учению ислама, Аллах – единственный Бог, не имеющий ничего общего с божественными фигурами других религий, такими как еврейский Яхве или христианский Бог-отец. Пророком ислама является Мухаммед, которому Аллах открыл священную книгу Коран, ставшую основой веро-

учения.

Основными предписаниями ислама являются: – Вера в единого Бога Аллаха и признание Мухаммеда Его пророком. – Совершение обязательной молитвы (намаза) пять раз в день. – Пост (ураза) в течение месяца Рамадан. – Выплата закята – добровольного налога в пользу нуждающихся (обычно около 2,5% от доходов). – Совершение хаджа – паломничества в священный город Мекку. – Участие в джихаде, понимаемом как внутренняя борьба за укрепление собственной веры и защиту ислама. Мусульмане почитают **Коран** (аль-Куран) – чтение. Коран представляет собой солидную книгу на арабском языке объемом более 500 страниц (существуют тексты Корана и на других языках: французском, немецком, английском, татарском, башкирском. Переведен он и на русский язык. Первым переводчиком Корана непосредственно с арабского языка на русский язык является Гордий Семенович Саблуков (1804 –

1880) [1]). Он разбит на написанные рифмованной прозой суры (главы), состоящие из аятов. Всего в Коране 114 сур и большое число аятов. Мусульманская традиция подразделяет все суры Корана на мекканские и мединские.

Священные персонажи в Коране те же, что и в Библии, но их имена арабизированы. Например: Соломон – Сулейман, Моисей – Муса, Иисус – Иса. Также в Коране арабизации подверглись и библейские истории. Однако здесь они отрывочны, не систематизированы.

Коран – первоисточник мусульманского права в том смысле, что из его сур выводятся многие правовые нормы, в особенности шариата; на нем присягают и дают клятву, нарушений которых тягчайшие грех и преступление. Кроме того, Коран и шариат служат «вдохновением» для развития законодательства (позитивного права) тех государств, где Ислам является государственной религией и играет значительную роль в жизни человека и общества.

Вместе с тем с определенными оговорками Ислам в качестве источников права рассматривает также сунну, мнение сахабов, кияс, урфу.

В Исламе существуют несколько течений, но главных два: суннизм и шиизм.

Также в Исламе сформировались несколько школ, именуемые мазхабами:

- ханифитский (основатель Абу Ханифа ибн Сабит [699 – 767];
- маликитский (основатель Малик ибн Анас [713 – 795];
- шафиитский (основатель Абу Абдуллах Мухаммад ибн Идрис аш-Шафин [767 – 819];
- ханбалитский (основатель Ахмад ибн Ханбал [780 – 855];
- джифаритский (основатель Джафар ас - Садик [702 – 765].

Сунниты и шииты, мазхабы, расходясь по отдельным вопросам, в целом стоят на одних и тех же принципиальных позициях. На их развитии время сказывается таким образом, что различия между ними все более отодвигаются на задний план. Ведущей тенденцией становится усиление интегративных начал. В основных принципах и нормах сунниты и шииты, мазхабы сходятся. Так, каждый мусульманин в выборе поступков связан следующими типами вариантов поведения: фарз (ваджиб), халяль – харам, мандуб (мустахабб), макрух, мубах.

В основе мусульманской общины умма. Образование уммы, а в дальнейшем – халифатов и имаматов, мусульманского права, в основе которого шариат, мусульманами рассматривается как производные от воли Аллаха. Мусульмане убеждены в том, что Аллах велик, и без Его участия в

мире ничто не совершается [2-9].

Ислам, возникший в далекой Аравии, в Башкирский край проник, как свидетельствуют истории, через Среднюю Азию и древний Булгар, благодаря миссионерской деятельности мусульманского духовенства и общению местного населения с предприимчивыми мусульманскими купцами и другими деятельными мусульманами в процессе повседневной жизни. Со временем Ислам достаточно прочно утвердился среди башкир, татар и части других этносов, населявших издавна Башкирский край, а также среди представителей жителей западной и центральной России [18], переселившихся в этот край по разным причинам. Кто, стремясь заполучить земли в собственность, кто, сбегаая от непосильного налогового бремени [19], кто, просто в поисках счастья на вольных хлебах.

В Уфе последователей Ислама было немного, но в целом в Башкирском крае число их было значительным. В этой связи мусульманская умма в Башкирском крае стала развиваться как относительно самостоятельное социальное образование параллельно развитию христианской общины Уфимской епархии, в определенной степени конкурируя с ней. В цивилизационном отношении в Башкирском крае в целом Ислам играл положительную роль. Несколько иными способами, чем христианство, он приобщал татар, башкир и представителей ряда других этносов, не состоявших в христианской общине или в иной какой-то религиозной структуре [20], к тем же общечеловеческим ценностям, что проповедуют все мировые религии. Ислам приобщал людей к культуре, грамоте (чтению, письму, счету), личной гигиене, учил выстраивать уважительные отношения между людьми [21], достойно преодолевать жизненные трудности и т.д.

Несмотря на то, что Башкирский край уже с середины XVI века состоял в составе Российской империи, население, однако, не отличалось спокойствием и благонаравием. В крае в XVII – XVIII веках местное население часто восставало. Причем, выступления протестного характера облекались зачастую в религиозную оболочку.

Показательно имевшее место в Башкирском крае восстание 1755 года. Оно возникло стихийно: на юге в Бурзянской волости Ногайской даруги 15 мая, а на севере в Гайнинской волости Осинской даруги 27–28 августа. Организатором и идейным вождем этого восстания принято считать Батыршу.

Батыршой прозвали Абдулла Алиева, духовное имя которого Губайдулла Мигзялитдин/Мугиззеддин. Считается, что он родился в 1710 или в 1715 году. Считается, что он родился в селе Верхнее Карышево. Но точно место его рож-

дения не установлено. Известно, что в 1734 и 1744 годы Батырша обучался в Казанской губернии в разных медресе. После окончания обучения переехал в Оренбургскую губернию, которая состояла тогда из Уфимской и Исетской провинций. Работал учителем в аулах Осинской и Сибирской даруг. В 1749 году занял должность муллы в ауле мишарского старшины Яныша Абдуллина Карышбаш, что на Сибирской даруге. Здесь Батырша содержал свое медресе, в котором обучались дети татар, башкир, мишарей.

В источниках отмечается, что Батырша хорошо освоил основы шариата, знал обширную мусульманскую литературу. Уфимская провинциальная канцелярия часто привлекала его для решения разных наследственных дел в пределах Осинской даруги. В 1754 году ахуны Казанской, Ногайской, Осинской даруг выдвигали его на должность ахуна Сибирской даруги, но местные в отношении его не доброжелательные старшины воспрепятствовали этому. Так, сам Батырша указывает на мишарского старшину Яныша Абдуллина [10, с. 27].

Батырша, причисленный властями к числу организаторов восстания, был арестован, осужден, лишен свободы. Отбывая наказание в Шлиссельбургской крепости, 24 июня 1762 года ввязался в драку с надзирателями, в которой погиб. По Михаилу Николаевичу Гернету (1874 – 1953), Батырша умер от разрыва сердца [11].

Судя по воззваниям Батырши, в особенности по тексту «Записок», составленных им собственноручно и адресованных лично императрице Елизавете Петровне (1709 – 1761), можно заключить, что идейное влияние его на сознание восставших [22], ориентировавшихся на ценности ислама, все же нельзя исключать. Батырша, исходя из сложной ситуации в Башкирии своего времени и считая ее неблагоприятной для нормальной жизни, разоблачает неоправданно жестокую в отношении мусульман (башкир, татар, мишарей) колониальную политику имперской России, что во многом справедливо и что находило живой отклик в простых людях. Однако его призыв освободить Башкирию от всех русских безотносительно от их социальной принадлежности и общественного положения нельзя признать справедливым. Батырша, глубоко погруженный в Ислам, как и другие многие его соплеменники – мусульмане, справедливо выступает против принудительного крещения кого бы то ни было, ибо в Исламе нет принуждения, поэтому он и против принуждения в отношении его приверженцев – мусульман со стороны других. И именно по этой причине его призыв к священной войне мусульман против христиан, считая одну веру истинной, а другую ложной, вызывает

настороженность. Любое учение, не допускающее сомнения и требующее безусловной веры в его догмы, ведет к радикализму [23], а от него – шаг к политизации его, а от него – к экстремизму и терроризму, социальным конфликтам, даже к войнам, преследующим в религиозной окраске вполне определенные цели и задачи [2].

Взгляды Батырши не свободны от противоречий. В них переплетены религиозные идеи и вполне светские положения, направленные на установление справедливых отношений между имперским чиновниками и местным населением [24]. В них любовь к своему народу сочетается с неприязнью к русскому населению. В основе чего причины социального плана. А также его приверженность к Исламу и отторжение православия из-за мер приобщения к нему путем насильственного крещения. Масштаб личности Батырши в организации восстания 1755 года необоснованно преувеличивается, поскольку, это восстание возникло стихийно, без ведома его, носило очаговый характер, а планируемое организованное общее выступление на 1 сентября так и не состоялось.

Таким образом, в Башкирском крае имперской России и христианство, в основном в его православной версии, и Ислам в лице его приверженцев играли важную роль, но противоречивую. В одном как созидательная сила в одном, в другом – как разрушительная.

Однако, если взять православие, то в утверждении российской государственности в Башкирском крае оно играло в целом в большей степени положительную роль [13, с. 6]. Вместе с тем властным структурам приходилось считаться и с влиянием на общественное сознание [17] и практическую деятельность части населения исламского фактора. Указом от 22 сентября 1788 года учреждается Духовное магометанское собрание во главе с муфтием и трех его помощников из казанских татар, в верности и добропорядочном поведении испытанных. Духовному собранию объявлялись подчиняться все мусульманские чины империи за исключением Таврической области, где было открыто особое Духовное управление. Духовное собрание было полномочно разбирать и решать все дела, касающиеся семейных и религиозных вопросов: брака и развода, соблюдения религиозных обрядов, строительства мечетей и др. Так, полагалось на 100 дворов строить не более одной мечети, обеспечив ее служителями культа, не допуская появления мулл-самозванцев. В результате к 1780 году в ведении Духовного собрания по Оренбургской губернии было 1141 мечеть, 28 ахунов, 4 ахунских помощника, 969 мулл, 696 азанчеев, всего, включая учителей медресе, 1141 духовное лицо. Легализация Ислама в

России, включая Башкирский край, сыграло положительную роль в упрочении государственности в крае.

Первый муфтий Мухаммеджан Хусаинов (Гусейнов) (1756 – 1824), вступив в должность, призвал не слушаться мятежных мулл, не понимающих истинного смысла Божьих слов, сохранять верность царю, так как нет для мусульманина ничего противного «быть подданным Российской империи» и от этого мусульманин не теряет своего имени мусульманина. Последующие муфтии, а в имперской России ими служили: Абдессалам Абдрахманов (1765 – 1840, муфтий с 1825 г.), Абдулвахид Сулейманов (1786 – 1862, муфтий с 1840 г.), Салим-Гирей Тевкелев (1805 – 1885, муфтий с 1865 г.), (Мухаммедьян Султанов), (1837 – 1915, муфтий с 1866 г.), Мухаммед-Сафа Баязитов (1877 – 1937, муфтий с 1915 г. по 1917 г.), в целом придерживались такого же взгляда.

Таким образом, в Башкирском крае российская государственность утверждалась, опираясь не только на православие, а и на Ислам, хотя в определенные периоды, особенно в советское время, отношения между властью и верующими, как православными, так и мусульманами были отнюдь не безоблачными [14-16].

Список литературы:

- [1] Самигуллин В.К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 8 – 20.
- [2] Абдул А. Л. Основы Ислама / пер. Шейх И. Мухаммада, 2001, 127 с.
- [3] Дух мусульманского права [перевод с английского] / Бернард Дж. Вайсс. — Москва, Санкт-Петербург : ДИЛЯ, 2008. — 310 с.
- [4] Галяутдин И. Ислам против терроризма // Россия и мусульманский мир. Казань, 2005 N 12 (162): С. 27-43.
- [5] Кучер О.Н. Семотюк О.П. Ислам – Ростов н/Д, Харьков : Феникс, Торсинг, 2004. — 284 с.
- [6] Самигуллин В. К. Ислам и право: опыт постижения. Акад. наук Республики Башкортостан, Отд-ние социальных и гуманитарных наук. — Уфа : Гилем, 2006. — 238 с.
- [7] Самигуллин В.К. Восток: мозаика правовых традиций. — Москва: Юрлитинформ, 2021. — 203 с.
- [8] Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. АН СССР, Ин-т государства и права. — Москва: Наука, 1986. — 254 с.
- [9] Языджи Сайфутдин. Основы исламских знаний (вероучение, поклонение, нравственность). [перевод с турецкого: Касумов А.], Совет муфтиев России, Духовное управление мусульман Российской Федерации. — Москва : Исламская книга, 2018. — 365 с.
- [10] Васильев С. М. Роль Батырши в восстании 1755 г. в Башкирии // Страницы истории Башкирии. Уфа, БФАН СССР. 1974. С. 25-32.
- [11] Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Москва : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1956 — 5 т. 339 с.
- [12] Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии : Акад. наук СССР. Инст. истории. — Москва, Ленинград, 1940. — 108 с.
- [13] Сергеев Ю.Н. Религия и межнациональные отношения на Южном Урале // Социально-политические и этнопроцессы на Южном Урале в XVII – XXI вв. Уфа. 1992. С. 63-70.
- [14] Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений 1917 – 1991 гг // Автореферат дис...канд. ист. наук. Уфа. Башкир. Гос. ун – т. 2006. 24 с.
- [15] Киреева Н.А. Русская Православная Церковь и советское государство с октября 1917 по 1928 год: на материалах Уфимской губернии – Башкирской АССР // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург. Оренбургский го. Пед. ун-т. 2009. 30 с.
- [16] Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане: история, состояние и перспективы развития: дис. докт. ист. наук. М., 1997. 342 с.
- [17] Осипян Б. А. История, правовая сущность, элементы, формы разделения и функционального распределения единой государственной власти / Б. А. Осипян // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 17-27.
- [18] Самигуллин В. К. Патриархальная теория происхождения государства и права / В. К. Самигуллин // Право и государственность. — 2023. — № 1(1). — С. 6-12.
- [19] Самигуллин В. К. Гражданство как правовое состояние / В. К. Самигуллин // Право и государственность. — 2024. — № 1(2). — С. 8-12.
- [20] Маликов Б. З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений / Б. З. Маликов // Право и государственность. — 2024. — № 3(4). — С. 21-34.
- [21] Самигуллин В. К. О теориях происхождения государства / В. К. Самигуллин // Право и государственность. — 2025. — № 1(6). — С. 8-16.
- [22] Самигуллин В. К. Испытание российской государственности на прочность (к событиям 1773-1775 гг.) / В. К. Самигуллин // Право и государственность. — 2025. — № 2(7). — С. 11-21.
- [23] Самигуллин В. К. Государственность иное, чем государство / В. К. Самигуллин // Право и государственность. — 2025. — № 3(8). — С. 10-21.
- [24] Самигуллин В. К. Теория правового государства или правовая теория государства? / В. К. Самигуллин // Право и государственность. —

2026. – № 1(10). – С. 8-16.

References:

- [1] Samigullin V.K. Theological Theory of the Origin of the State and Law // Law and Statehood. 2024. No. 3 (4). Pp. 8 – 20.
- [2] Abdul A.L. Fundamentals of Islam / translated by Sheikh I. Muhammad, 2001, 127 p.
- [3] The Spirit of Muslim Law [translated from English] / Bernard J. Weiss. - Moscow, St. Petersburg: DILYA, 2008. – 310 p.
- [4] Galyautdin I. Islam against Terrorism // Russia and the Muslim World. Kazan, 2005 N 12 (162): Pp. 27-43.
- [5] Kucher O.N. Semotyuk O.P. Islam – Rostov n / D, Kharkov: Phoenix, Torsing, 2004. – 284 p.
- [6] Samigullin V.K. Islam and Law: An Experience of Comprehension. Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Department of Social and Humanitarian Sciences. – Ufa: Gilem, 2006. – 238 p.
- [7] Samigullin V.K. The East: A Mosaic of Legal Traditions. – Moscow: Yurлитinform, 2021. – 203 p.
- [8] Syukiyaynen L.R. Muslim Law. USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. – Moscow: Nauka, 1986. – 254 p.
- [9] Yazici Saifutdin. Fundamentals of Islamic Knowledge (Doctrine, Worship, Morality). [translated from Turkish by Kasumov A.], Council of Muftis of Russia, Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. – Moscow: Islamic Book, 2018. – 365 p.
- [10] Vasiliev S. M. The Role of Batyrshi in the 1755 Uprising in Bashkiria // Pages of the History of Bashkiria. Ufa, BFAN USSR. 1974. pp. 25-32.
- [11] Gernet M. N. History of the Tsarist Prison. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1956 – 5 v. 339 p.
- [12] Chuloshnikov A. P. The Uprising of 1755 in Bashkiria: Academy of Sciences of the USSR. Institute of History. – Moscow, Leningrad, 1940. – 108 p.
- [13] Sergeev Yu. N. Religion and Interethnic Relations in the Southern Urals // Socio-political and Ethnic Processes in the Southern Urals in the 17th – 21st Centuries. Ufa. 1992. pp. 63-70.
- [14] Abdulov N.T. Ufa Diocese in the System of Church-State Relations 1917–1991 // Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Ufa. Bashkir. State University, 2006, 24 p.
- [15] Kireeva N.A. Russian Orthodox Church and the Soviet State from October 1917 to 1928: Based on Materials from the Ufa Province – Bashkir ASSR // Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Orenburg. Orenburg State Pedagogical University, 2009, 30 p.
- [16] Yunusova A.B. Islam in Bashkortostan: History, Status, and Development Prospects: Dis. D. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1997, 342 p.
- [17] Osipyan B. A. History, legal essence, elements, forms of division and functional distribution of a single state authority / B. A. Osipyan // Law and statehood. 2026. No. 1 (10). Pp. 17-27.
- [18] Samigullin V. K. Patriarchal theory of the origin of the state and law / V. K. Samigullin // Law and statehood. - 2023. - No. 1 (1). - Pp. 6-12.
- [19] Samigullin V. K. Citizenship as a legal status / V. K. Samigullin // Law and statehood. - 2024. - No. 1 (2). - Pp. 8-12.
- [20] Malikov B. Z. Religious norms: their essence, character and significance in the system of social relations / B. Z. Malikov // Law and statehood. – 2024. – No. 3(4). – P. 21-34.
- [21] Samigullin V.K. On the Theories of the Origin of the State / V.K. Samigullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 1(6). – P. 8-16.
- [22] Samigullin V.K. Testing the Strength of Russian Statehood (on the Events of 1773-1775) / V.K. Samigullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 2(7). – P. 11-21.
- [23] Samigullin V.K. Statehood Other than the State / V.K. Samigullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 3(8). – P. 10-21.
- [24] Samigullin V.K. Theory of the rule of law or legal theory of the state? / V.K. Samigullin // Law and statehood. - 2026. - No. 1 (10). - P. 8-16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-262-264

МАКАРЕНКО Елена Дмитриевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
лингвистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: makarenkoed@inbox.ru

УЗДЕНОВА Радмила Хасановна,
студентка 3 курса лечебного факультета, ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный медицинский университет»,
e-mail: radmila.uzdenova.06@bk.ru

ДЕНИЛХАНОВА Жувайрият Виситаевна,
студентка 3 курса лечебного факультета, ФГБОУ
«Кубанский государственный медицинский университет»,
e-mail: dianadinelhanova07@gmail.com

ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ДИСФЕМИЗАЦИЯ В АКУШЕРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов эвфемизации и дисфемизации в современной акушерской терминологии. Анализируются особенности функционирования языковых средств, используемых медицинскими работниками для замены медицинских заключений более нейтральными обозначениями. Рассматриваются основные механизмы образования профессиональных эвфемизмов. Исследование показывает, что эвфемизмы в медицинском дискурсе выполняют не только коммуникативную, но и этическую, когнитивную и регулятивные функции.

Ключевые слова: эвфемизация, дисфемизация, медицинский дискурс, акушерская терминология, профессиональная коммуникация, терминообразование.

MAKARENKO Elena Dmitrievna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Linguistics, Kuban State Medical University

UZDENOVA Radmila Hasanovna,
third-year student of the Faculty of General Medicine, Kuban
State Medical University

DENILHANOVA Juvairiya Visitaevna,
third-year student of the Faculty of General Medicine, Kuban
State Medical University

EUPHEMESIS AND DISEUPHEMESIS IN OBSTETRIC TERMINOLOGY

Annotation. The article is devoted to the study of the processes of euphemization and dysphemization in modern obstetric terminology. The article analyzes the features of the functioning of linguistic means used by medical professionals to replace medical conclusions with more neutral designations. The main mechanisms of the formation of professional euphemisms are considered. The study shows that euphemisms in medical discourse perform not only communicative, but also ethical, cognitive, and regulatory functions.

Key words: euphemization, dysphemization, medical discourse, obstetric terminology, professional communication, term formation.

Медицинская коммуникация представляет собой особую сферу профессионального общения, в которой точность терминологии сочетается с необходимостью соблюдения этических норм. [4]. Это особенно актуально в акушерской практике, поскольку значительная часть общения связана с ситуациями сильного эмоционального стресса. [5]. Также существует противоположный процесс - дисфемизация, предполагающий использование более грубых выражений.

Таким образом, изучение эвфемизмов и дисфемизмов в акушерской терминологии позволяет выявить закономерности взаимодействия языка, профессиональной культуры и коммуникативной практики [2].

Материалом исследования послужили: фрагменты устной речи врачей акушеров-гинекологов (наблюдения в клинической среде), профессиональные медицинские рекомендации и интервью с медицинским персоналом.

Анализ медицинской речи позволяет выделить несколько основных механизмов образования эвфемистических терминов.

Наиболее эффективным способом является использование подробной описательной структу-

ры [6]. Например, использование словосочетания «опухольевый процесс» вместо слова «рак». Такой термин переключает внимание реципиента с результата на динамику патологического состояния [5]. Другим механизмом выступает повышение уровня абстракции. Так, вместо слова «аборт» нередко используется термин «прерывание беременности». С лингвистической точки зрения наблюдается переход от краткого номинативного обозначения к развернутой перифразе [1]. В некоторых случаях это слово заменяется нейтральной единицей. Например, «замершая беременность» - «неразвивающаяся беременность». Такая замена отражает стремление медицинского языка к максимальной объективизации клинических описаний [3]. Слово «замереть» содержит метафорический компонент, который на самом деле является метафорическим названием остановки важного процесса. Напротив, определение «неразвитый» полностью фиксирует медицинский факт, что эмбрион или плод не развився дальше [6].

Наиболее распространенные случаи эвфемизации представлены в таблице.

Таблица 1. Механизмы образования эвфемизмов

Table 1. Mechanisms of euphemism formation

Исходный термин	Эвфемизм	Механизм образования
Рак	Онкологический процесс	Описательный оборот
Замерзшая беременность	Неразвивающаяся беременность	Семантическая нейтрализация
Аборт	Прерывание беременности	Описательный оборот
Гибель плода	Аntenатальная потеря	Семантическая абстракция
Выкидыш	Репродуктивная потеря	Терминологическая стандартизация

Причины использования эвфемизмов в медицинской речи:

Психологическая функция. Эвфемистический термин устанавливает определенную психологическую дистанцию между экспертом и травмирующей ситуацией [7]

Этические и нравственные функции. В центре внимания современной медицины находятся принципы биоэтики и гуманизации общения [5]

Коммуникативная функция. Смягчение языковой формы позволяет снизить реакцию на стресс без искажения медицинских данных [2].

Не менее важна функция профессионального надзора. Использование стандартизированной терминологии снижает вероятность ошибок при передаче данных.

Кроме того, эвфемизмы выполняют функцию профессиональной саморегуляции. Постоянное использование нейтрального языка позволяет медицинским работникам дистанцироваться от эмо-

ционально сложных аспектов клинической практики.

Хотя стратегии эвфемизации доминируют в медицинском дискурсе, элементы дисфемизации могут быть закреплены в профессиональной речи и понимаются как замена нейтральных или нормативных обозначений более экспрессивными, редуцированными или эмоционально негативными единицами [3]. Их использование ограничено внутригрупповым общением и не разрешено нормативными клиническими документами [4]. Лингвистические исследования указывают на то, что нарушения произношения в институциональных типах дискурса, включая медицинский дискурс, носят периферийный характер и не выполняют регулятивных функций, присущих стратегиям эвфемизма [3].

Для уточнения роли эвфемизмов в профессиональной медицинской коммуникации, были опрошены 32 акушера-гинеколога. Результаты

опроса показали, что 84% респондентов использовали эвфемистические термины, сообщая пациентам о неблагоприятных диагнозах и прогнозах. Кроме того, 72% врачей отметили, что эвфемистические названия положительно влияют на качество профессионального общения и позволяют избежать излишнего эмоционального напряжения при обсуждении сложных клинических случаев. Полученные данные подтверждают, что эвфемизмы играют не только лингвистическую роль в акушерстве, но и выполняют важные коммуникативные и прагматические функции.

Рис. 1. Доля респондентов
Fig. 1. Share of respondents

Также было проведено исследование касательно соотношения частоты. Анализ данных, приведенных на рисунке 2, показывает, что наиболее распространенным механизмом эвфемистического выражения в акушерской терминологии являются описательные фразы. Значительная часть случаев также связана с заменой терминов, что позволяет использовать более нейтральные профессиональные названия вместо эмоционально окрашенных.

Рис. 2. Частота использования эвфемизмов
Fig. 2. Frequency of use of euphemisms

Результаты исследования показали, что эвфемизмы являются важными языковыми средствами. Используются для смягчения дискурса, соблюдения норм речевого этикета и предотвращения коммуникативных конфликтов, в то время как дисфемизмы используются как средство усиления вербальной экспрессии и выражения негативных оценок [3]. Анализ показывает, что выбор эвфемизма или единицы выражения расстройства зависит от цели коммуникации, социальной ситуации и характеристик дискурса [2]. Эвфемизмы особенно важны в медицинском дискурсе, и они помогают донести более корректную и этичную информацию до пациентов [5]. Таким образом, эвфемизмы и трудности с произношением – это взаимосвязанные процессы, которые не только отражают особенности функционирования языка, но и отражают особенности функциониро-

вания языка в целом.

Список литературы:

- [1] Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2016. – С. 112–128.
- [2] Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 215–238.
- [3] Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия, 2000. – С. 384–408.
- [4] Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: ЛКИ, 2009. – С. 74–95.
- [5] Маджаева С.И. Медицинский дискурс: коммуникативные особенности. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – С. 51–79.
- [6] Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 93–117.
- [7] Стернин И. А. Коммуникативное поведение и речевое воздействие. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 168–184.

References:

- [1] Arnold I. V. Stylistics of the Modern English Language. Moscow: Flinta, 2016, pp. 112–128.
- [2] Karasik V. I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002, pp. 215–238.
- [3] Krysin L. P. Euphemisms in Modern Russian Speech // Russian Language at the End of the 20th Century, 2000, pp. 384–408.
- [4] Leychik V. M. Terminology: Subject, Methods, Structure. Moscow: LKI, 2009, pp. 74–95.
- [5] Madzhaeva S. I. Medical Discourse: Communicative Features. Volgograd: VolSU Publishing House, 2017, pp. 51–79.
- [6] Moskvina V.P. Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. – Moscow: LENAND, 2018. – Pp. 93–117.
- [7] Sternin I.A. Communicative behavior and speech influence. – Voronezh: Istoki, 2015. – Pp. 168–184.

ТОШМАТОВА Адолат Нейматжоновна,
Студент 1 курса магистерской программы «Цифровой юрист», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: tadolat@bk.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ МЕДИЦИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается смарт-контракт как инструмент для упрощения общественных отношений в сфере медицины. Смарт-контракт, базируясь на технологии распределенного реестра (блокчейн), представляет собой возможность реализации обязательств (или односторонних сделок) посредством внесения и исполнения данных через программный код.

Рассматриваемая относительно новая цифровая технология набирает обороты в различных сферах, включая медицину. В текущей ситуации есть ряд проблем, связанных как с сохранением бумажного документооборота, так и порядком взаимодействия между субъектами со стороны здравоохранения. С точки зрения бумажного документооборота в большинстве случаев врачи обязаны вести бумажную отчетность, и это может занимать до половины времени от приема пациента. Если же говорить про субъектный состав, то трудности связаны с интеграцией организацией и органов власти сразу на трех уровнях: федеральный, региональный и местный, и не во всех уголках страны все они технически оснащены. Более того, в качестве субъектов могут выступать коммерческие структуры: юридические лица и индивидуальные предприниматели, оказывающие медицинские услуги в частном порядке. И именно благодаря смарт-контрактам и блокчейну возможна систематизация данных.

Кроме того, в российской медицине активно развивается такое явление, как телемедицина. Благодаря данному феномену часть помощи может оказываться дистанционно, и смарт-контракты могут стать инструментом, способным упростить хранение и передачу такой информации.

Тем не менее, нельзя не упомянуть недостатки применения смарт-контрактов, связанных с врачебной тайной и персональными данными. Если в смарт-контракт будут вноситься неверные данные о пациенте, то их уже не исключить – только если заключать новый контракт с верными сведениями.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, распределенный реестр, медицина, телемедицина, персональные данные, здравоохранение, цифровые технологии.

TOSHMATOVA Adolat Nematzhonovna,
1st year student of the Digital Law Master's Program, Financial
University under the Government of Russian Federation

THE LEGAL REGIME FOR THE USE OF SMART CONTRACTS IN VARIOUS FIELDS OF MEDICINE

Annotation. The article considers a smart contract as a tool to simplify public relations in the field of medicine. A smart contract based on distributed ledger technology (blockchain) is the ability to implement obligations (or unilateral transactions) by entering and executing data through program code.

The relatively new digital technology under consideration is gaining momentum in various fields, including medicine. In the current situation, there are a number of problems related both to the preservation of paper document management and to the order of interaction of subjects on the part of healthcare. In terms of paperwork, in most cases doctors are required to keep paper records, and this can take up to half of the time a patient spends on an appointment. If we talk about the subject

matter, the difficulties are related to the integration of organizations and authorities at three levels at once: federal, regional and local, and not all of them are technically equipped in all corners of the country. Moreover, commercial entities can act as subjects: legal entities and individual entrepreneurs who provide medical services privately. And it is thanks to smart contracts and blockchain that data systematization is possible.

In addition, telemedicine is actively developing in Russian medicine. Due to this phenomenon, some of the assistance can be provided remotely, and smart contracts can become a tool that can simplify the storage and transmission of such information.

Nevertheless, it is impossible not to mention the disadvantages of using smart contracts related to medical confidentiality and personal data. If incorrect patient data is entered into the smart contract, then they can no longer be excluded - only if a new contract with correct information is concluded.

Key words: *smart contract, blockchain, distributed ledger technology, medicine, telemedicine, data privacy, healthcare, digital technologies.*

Современный мир не стоит на месте, и сейчас можно наблюдать тенденции в разных направлениях. Одним из таких является цифровизация, проявляющаяся в том числе в переводе общественных отношений в виртуальное пространство. В качестве примера такого проявления можно обозначить относительно новый феномен – смарт-контракты. Смарт-контракты представляют из себя достаточно инновационный и удобный инструмент, удобный для применения в разных сферах, включая медицину, о чем далее и пойдет речь.

Перед тем, как рассматривать применение смарт-контрактов в конкретной отрасли, необходимо разобраться в правовой и технической природе. С точки зрения права определение на законодательном уровне отсутствует. Вернее, оно есть в подзаконных нормативных актах (например, распоряжения Правительства РФ) или документах Банка России по формированию направлений развития различных сфер, однако в каком-либо федеральном законе термин не фигурирует. Примечательно, что была попытка сформулировать понятие в рамках проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах», однако в ходе рассмотрения законопроекта палатами Федерального Собрания его исключили из документа [6].

Если обращаться к сложившейся практике и толкованию в научно-исследовательской литературе, то под смарт-контрактами понимают программный код, который автоматически при наступлении заложенных в программу обстоятельств исполняет заданные обязательства [2]. Иными словами, речь идет про технический инструмент, позволяющий реализовать сделки в случае, когда установлены условия ее выполнения и они автоматически выполняются при соблюдении всех правил.

В качестве признаков (и, соответственно, ключевых преимуществ) смарт-контрактов можно обозначить следующее [3]:

тесная связь с информационной системой – блокчейн;

необратимость транзакций. Данные, внесенные в рамках смарт-контракта, нельзя удалить или изменить;

публичность кода, заложенного в смарт-контракте. Зачастую доступ к коду на этапе его создания открыт, следовательно, можно отследить потенциальные ошибки еще до запуска смарт-контракта.

В качестве первого признака была названа работа на блокчейне. Под блокчейном (или же технологией распределенного реестра) в соответствии с Федеральным законом «О цифровых финансовых активах» подразумевают совокупность баз данных, в рамках которых содержится тождественная информация благодаря обеспечению через установленные алгоритмы одобрения (консенсуса) [7].

Таким образом, под блокчейном понимают цепочку блоков, которая может храниться сразу в нескольких местах без привязки к назначенному центру. И особенность заключается в том, что блоки не могут быть изменены или удалены, поэтому при необходимости скорректировать данные создается новый блок с информацией. Это, в свою очередь, и является причиной для необратимости транзакций в смарт-контрактах.

Блокчейн входит в разновидность цифровых технологий. Под цифровыми технологиями понимают подвид информационных технологий, где информация преобразуется в прерывистый набор данных, состоящий из импульсов [8]. Наравне с технологией распределенного реестра в раздел цифровых технологий входят искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности, большие данные (Big data) и другие [4].

Если переходить к особенностям и сферам применения смарт-контрактов в медицине, то важно упомянуть преимущества их использования. Ключевым плюсом является упрощение документооборота. Ни для кого не секрет, что, как минимум в российской медицине, врач тратит около

половины времени от приема пациента на заполнение документации, и использование технологии блокчейн позволит сократить временные расходы. Более того, минимизируется риск утраты информации о пациенте, его диагнозе и лечении, как это могло произойти с бумажными документами.

И первым примером, как следует из актуальности, является применение блокчейна и смарт-контрактов для хранения данных. Данные, в свою очередь, можно разделить на уровни [1]:

первичные. Персональные данные пациента: результаты лабораторных исследований, история болезни, принимаемые препараты и т.д.

синтетические. Структурированные данные, например, на основании электронной медицинской карты, используемые медицинскими учреждениями и органами государственной и муниципальной власти в сфере здравоохранения.

интегральные. Сведения федерального и регионального уровня, которые могут использоваться для проведения исследовательской деятельности, формирования отчетности и принятия дальнейших решений.

Ключевая сложность на текущем этапе выражается в том, что уровни между собой далеко не всегда связаны из-за разрозненности. То есть часть сведений передается централизованно (например, интегральные), а часть – хаотично, и вообще может поступить в неполном или некорректном виде. Кроме того, все ступени затрагивают разных субъектов, и если между, например, бюджетными медицинскими учреждениями коммуникация более-менее налажена, то с частными медицинскими организациями далеко не всегда. Следовательно, если все данные будут храниться в рамках технологии блокчейн, а данные – передаваться через смарт-контракты, то это значительно упростит документооборот между организациями, связанными со здравоохранением, и пациентами.

В некоторых зарубежных странах (например, США, Великобритания, Австралия, ОАЭ) уже применяется Медицинская информационная система (Hospital Information Systems – HIS). Её основная цель заключается не только в хранении записей о лечении пациентов и научных исследованиях, но даже и хранении и распространении административных исков [5].

Другим возможным направлением использования смарт-контрактов является телемедицина, то есть применение телемедицинских технологий. Здесь подразумевается обращение к информационным технологиям при оказании медицинской помощи посредством дистанционного взаимодействия врача и пациента [9].

Телемедицина упрощает процедуру оказания медицинской помощи, когда гражданину нуж-

на лишь консультация или необходимо принять решение о важности проведения очного приема [10]. Данная технология активно реализуется в российской практике, особенно когда речь идет об обязательных предрейсовых осмотрах сотрудников нефтегазовой и не только промышленности, где на объектах могут отсутствовать медицинские учреждения ввиду отдаленности населенного пункта и/или малочисленности населения.

Смарт-контракты могут активно применяться именно в телемедицине, так как рассматриваемое направление невозможно реализовать без использования информационных технологий. Это позволит дополнительно упростить процесс проведения консультации и передачи необходимых данных для дополнительного обследования или получения разрешения на осуществление деятельности.

Несмотря на существующие положительные стороны, в применении смарт-контрактов имеют место быть и недостатки. В первую очередь, речь идет об охране интересов граждан. Сфера здоровья – очень уязвимая в силу как физических, так и психологических факторов. Согласно статье 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» сведения о пациенте и его диагнозе составляют врачебную тайну, и разглашение таких данных запрещено под угрозой наступления уголовной ответственности.

При этом федеральным законом «О персональных данных» предусмотрено, что обработка таких данных возможна, если она необходима в целях защиты жизни и здоровья гражданина и получение согласия на такую обработку не представляется возможным [11]. Более того, в рамках одного из постановлений Конституционного Суда РФ было признано, что части 2 и 3 рассматриваемой ранее статьи 13 о врачебной тайне в части передачи информации о состоянии здоровья пациента родственникам были признаны не соответствующими Конституции РФ [12].

Вопрос о согласии на обработку персональных данных в сфере медицины критичен, так как, к сожалению, случаются ситуации, когда данные о пациенте, его диагнозе и лечении вносятся некорректно. Такое происходит по разным причинам: как в силу случайного человеческого фактора, так и в силу намеренного искажения информации (например, ставят более тяжелый диагноз, чтобы можно было быстрее получить квоту на осуществление хирургического вмешательства). Далеко не всегда такое искажение идет на пользу пациенту, особенно когда речь идет о психиатрических заболеваниях и потенциальном трудоустройстве на государственную службу, в образовательное или медицинское учреждение и т.д.

И здесь проблема смарт-контрактов в том, что вносимая информация не подлежит изменению и удалению. Следовательно, если данные о диагнозе будут неверные, то пациенту и/или врачу нужно будет доказывать некорректность и добавлять новый блок с уже верными данными. Таким образом, необходимы дополнительные меры, направленные на минимизацию рисков возникновения таких ситуаций.

На основании всего вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Смарт-контракт – относительно новое и перспективное явление, основанное на технологии распределенного реестра (блокчейн). С точки зрения сферы медицины смарт-контракты позволят облегчить работу с данными и документами, а также интегрировать сведения из организаций с разных точек страны. Однако нельзя забывать о потенциальных рисках, связанных в основном с персональными данными пациентов. В связи с этим в случае полного внедрения смарт-контрактов и блокчейна в документооборот важно разработать меры по минимизации нарушения прав граждан в части информации о них, их заболеваниях и лечениях.

Список литературы:

[1] Акулин И. М., Чеснокова Е. А., Сvirкин М. В., Балькина Ю. Ф., Пресняков Р. А., Васин А. Г., Гурьянова Н. Е. Применение технологии распределенного реестра и смарт-контрактов в медицине // Информационный менеджмент. – 2020. – № 1. – С. 47-55.

[2] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 51–62.

[3] Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. Москва: Статут, 2024. 620 с.

[4] Цифровое право.: Учебник / под. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егорова 2-е изд. — Москва : Проспект, 2025. — 848 с.

[5] Pu X, Jiang R, Song Z, Liang Z and Yang L (2024) A medical big data access control model based on smart contracts and risk in the blockchain environment. // Front. Public Health 12:1358184. doi: 10.3389/fpubh.2024.1358184.

[6] Проект Федерального закона № 419059-7 "О цифровых финансовых активах" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // Электронный ресурс, URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 04.07.2026).

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – ст. 5018.

[8] Зуйкова А. Почему цифровые технологии вытесняют аналоговые // Электронный ресурс, URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d> (дата обращения: 04.07.2026).

[9] Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.05.2025 № 82181) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.07.2026).

[10] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // «Собрание законодательства РФ». – 28.11.2011. – № 48. – ст. 6724.

[11] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ». – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – ст. 345.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // «Собрание законодательства РФ». – 20.01.2020. – № 3. – ст. 275.

References:

[1] Akulin I. M., Chesnokova E. A., Svirkin M. V., Balykina Yu. F., Presnyakov R. A., Vasin A. G., Guryanova N. E. Application of distributed registry technology and smart contracts in medicine // Information management. – 2020. – № 1. - S. 47-55.

[2] Grin OS, Grin ES, Soloviev A.V. Legal construction of a smart contract: legal nature and scope // Lex russica. – 2019. – № 8. - S. 51-62.

[3] A.I. Savelyev. Legal aspects of software development and commercialization. Moscow: Statute, 2024. 620 s.

[4] Digital law.: Textbook/sub. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova 2nd ed. - Moscow: Prospekt, 2025. - 848 s.

[5] Pu X, Jiang R, Song Z, Liang Z and Yang L (2024) A medical big data access control model based on smart contracts and risk in the blockchain environment. // Front. Public Health 12:1358184. doi: 10.3389/fpubh.2024.1358184.

[6] Draft Federal Law No. 419059-7 "On Digital Financial Assets" (as amended by the State

Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 20.03.2018) // Electronic resource, URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (accessed: 04.07.2026).

[7] Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 (as amended on 15.12.2025, as amended on 20.01.2026) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation." - 03.08.2020. - No. 31 (part I). - Art. 5018.

[8] Zuikova A. Why digital technologies are replacing analog // Electronic resource, URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d> (access date: 04.07.2026).

[9] Order of the Ministry of Health of Russia dated 11.04.2025 No. 193n "On approval of the Procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 15.05.2025 No. 82181) //

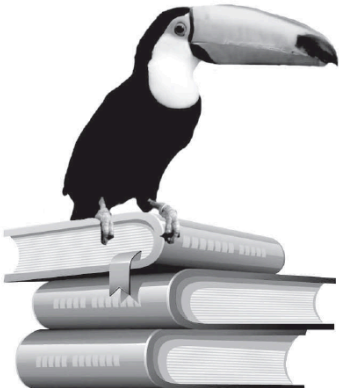
SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 04.07.2026).

[10] Federal Law No. 21.11.2011 of 323-FZ (as amended 29.12.2025) "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (amended and supplemented, entry as of 01.04.2026) // "Collection of Legislation of the Russian Federation." - 28.11.2011. - № 48. - Art. 6724.

[11] Federal Law No. 27.07.2006 dated 152-FZ (as amended on 24.06.2025) "On Personal Data" // "Collection of Legislation of the Russian Federation." - 31.07.2006. - No. 31 (1 hour). - Art. 345.

[12] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.01.2020 No. 1-P "In the case of checking the constitutionality of parts 2 and 3 of Article 13, paragraph 5 of part 5 of Article 19 and part 1 of Article 20 of the Federal Law "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen RD Svechnikova" // "Collection of legislation of the Russian Federation." - 20.01.2020. - № 3. - Art. 275.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-270-275

ТАТАРЕНКО Лариса Александровна,
Старший преподаватель кафедры общественного здоровья
и здравоохранения, ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России,
e-mail: tatarenko.l@list.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ: БАЛАНС МЕЖДУ ИННОВАЦИЯМИ И ЗАЩИТОЙ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье проводится анализ рисков нарушения прав граждан, возникающих в процессе применения нейроустройств как в медицинских, так и в немедицинских целях. В частности исследуются риски нарушения права на психическую неприкосновенность личности, влияющие на психическое здоровье и автономию воли. Проводится оценка действующего регулирования нейротехнологий на международном и национальном уровнях, в процессе которой выявляется потребность в специальном правовом и техническом регулировании нейротехнологий как объекта инновационной деятельности, которое должно учитывать обеспечение охраны достоинства и психической неприкосновенности личности и нуждается в установлении критериев биобезопасности и кибербезопасности в процессе их применения на человеке. Предлагается также установить государственный контроль над созданием и применением нейротехнологий немедицинского назначения, которые сегодня не подлежат специальному правовому регулированию, но нуждаются в нем ввиду возможности влияния таких технологий на формирование потребительской активности и контроля над состоянием пользователя.

Ключевые слова: нейротехнологии, медицинские изделия, нейроправа, нейроданные, нейромаркетинг, биобезопасность, кибербезопасность, нейроэтика, автономия воли.

TATARENKO Larisa Aleksandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Public Health and Healthcare
FSBEI HE PRMU MOH Russia

REGULATION OF NEUROTECHNOLOGIES: THE BALANCE BETWEEN INNOVATION AND CIVIL RIGHTS PROTECTION

Annotation. The article analyzes the risks of violation of citizens' rights that arise in the process of using neural devices for both medical and non-medical purposes. The risks of violating the right to mental integrity of the individual, affecting mental health and the autonomy of the will, are often investigated. An assessment of the current regulation of neurotechnologies at the international and national levels is being conducted, which identifies the need for special legal and technical regulation of neurotechnologies as an object of innovation, which should take into account the protection of dignity and mental integrity of the individual and needs to establish criteria for biosafety and cybersecurity in the process of their application to humans. It is also proposed to establish state control over the creation and use of neurotechnologies for non-medical purposes, which doesn't have special legal regulation but they need it because such technologies can influence consumer activity and control the user's state.

Key words: neurotechnology, medical devices, neurorights, neurodata, neuromarketing, biosecurity, cybersecurity, neuroethics, will autonomy.

Нейротехнологии несут в себе огромный научно-технический потенциал как в области медицинского применения, так и в области промышленного применения немедицинского назначения.

Оценивая возможности нейротехнологий нельзя не учитывать риски их применения, т.к.

нейротехнология позволяет получить доступ к нервным процессам и психическим состояниям человека и способна также модифицировать их. Благодаря технологическому развитию нейротехнологий сегодня можно рассматривать их как биосенсорные технологии, способные считывать

физиологическую и поведенческую активность человека, а также определять двигательные, сенсорные и психические состояния человека. К таким технологиям можно отнести отслеживание движения глаз, исследования динамики текста, распознавание речи, эмоций, мониторинг движений во сне и пр.

Основной целью развития нейротехнологий сегодня является работа с данными человека, в частности эта работа направлена на обработку, хранение, анализ и использование (в том числе повторное) информации о здоровье, а здоровье согласно закону № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» определяется не только как состояние физического благополучия человека, но и психического и социального.

В 2024 году было обновлено стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения, в ходе реализации которого планируется внедрить в систему здравоохранения нейротехнологии и технологии ИИ. В указанной программе (а также в других документах стратегического планирования) теме нейротехнологий уделено мало внимания, в основном ее рассматривают в паре с искусственным интеллектом.

Ранее в Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» (до 2024 года) было дано понятие нейротехнологии, как технологии, использующей или помогающей понимать работу мозга, а также его мыслительные процессы во взаимосвязи с высшей нервной деятельностью, к которой также могут быть отнесены технологии по усилению/улучшению работы мозга и психической деятельности. При этом в документе выделено несколько субтехнологий, являющихся частью сквозной цифровой технологии, в частности в рамках исследуемого вопроса нас будут интересовать такие технологии как распознавание и синтез речи, нейроинтерфейсы, нейростимуляции и нейросенсинг, а также нейропротезирование.

Следует обратить внимание, что интерес в области нейротехнологий не ограничивается устройствами, а также технологиями (способами) исключительно медицинского назначения. Нейротехнологии, в целом, могут быть использованы для доступа, мониторинга, понимания и влияния на нервную систему человека также в целях развития систем нейромаркетинга и контроля состояния пользователя. В планах развития, обозначенных в Дорожной карте, включены решения, способные отслеживать и влиять на нервную систему человека как инвазивными, так и неинвазивными способами, осуществляющие обработку и интерпретацию данных потребителя с помощью нейрофизиологии, очевидно преследующие получение

прибыли.

В связи с такими техническими возможностями поднимаются этические, социальные, и, конечно, в итоге правовые вопросы, затрагивающие, в первую очередь, тему конфиденциальности мыслей, когнитивной свободы и свободы действий, влияющих на автономию воли.

Как правило, в актах стратегического планирования помимо планов развития отрасли содержатся также планы по развитию ее нормативно-правового регулирования, что является необходимым элементом развития любых отраслей экономики, особенно тесно затрагивающих уязвимые социальные сферы (здравоохранение, биобезопасность, технологическая безопасность и др.) [1].

Но пока в вопросе регуляторики прослеживаются исключительно планы по развитию критических и сквозных технологий, в частности указом Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 утверждены приоритетные направления научно-технологического развития, к которым отнесены биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия и технологии разработки медицинских изделий нового поколения, включая биогибридные, бионические технологии и нейротехнологии. Также к сквозным технологиям указом отнесены природоподобные технологии, пока вызывающие множество вопросов как в понятийном аппарате, так и в необходимом правовом режиме.

Попытки сформировать «каркас» для дальнейшего регулирования природоподобных технологий были сформулированы в распоряжении Правительства РФ от 21.02.2026 г. № 337-р, где в тематику научных исследований в сфере природоподобных технологий были также отнесены нейроинтерфейсы. Проводя анализ актов стратегического планирования, ввиду отсутствия правового регулирования как рассматриваемых объектов, так и в целом научно-технологических правоотношений в нейроотрасли, наблюдается очевидная неопределенность в первую очередь в понятийном аппарате критических, сквозных и природоподобных технологий (включая нейротехнологии).

Тем временем, авторы уже давно отмечают, что происходят попытки натурализации права, заключающейся в построении модели права, основанной на достижениях эмпирических наук, где наиболее уязвимыми, в частности, являются нейронауки, затрагивающие важнейшие для права вопросы свободы воли и ментального состояния [2].

Правое регулирование научно-технологической сферы сегодня носит фрагментарный характер и нацелено в большей степени на создание благоприятных условий для развития технологий, что в целом положительно влияет на технологиче-

скую и экономическую составляющую вопроса [8]. Но стоит отметить, что, устанавливая перед собой исключительно экономические цели в вопросе, где права субъектов предпринимательской деятельности тесно переплетаются с личными неимущественными правами граждан, мы создаем почву для развития социальных рисков.

Ввиду отсутствия правовых ориентиров, определяющих баланс защиты имущественных и неимущественных прав участников технологического развития на национальном уровне, стоит обратиться к международно-правовому (как правило «мягкому») регулированию, которое чаще всего принимается во внимание разработчиками инновационных продуктов.

Первым документом, определяющим основы биомедицинской деятельности применительно к человеку, является Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (далее - Декларация). Она уделяет особое внимание этическим вопросам медицинских и иных наук, способствующих развитию технологий, не оставляя без внимания влияние на развитие технологий социальных и правовых факторов. В документе поставлен акцент на необходимости установления мировым сообществом руководящих принципов, которые могут преодолеть возникающие проблемы и противоречия в процессе научно-технологического развития.

К таким принципам Декларация относит:

Принцип главенства человеческого достоинства и интересов личности над интересами науки и общества;

Принцип признания уязвимости человека и уважения (а значит и защиты) неприкосновенности его личности;

Принцип равенства, справедливости и равноправия;

Запрет дискриминации и стигматизации и др.

Следующим важным этапом развития регулирования применения нейротехнологий на международном уровне можно назвать принятие в 2025 году ЮНЕСКО «Рекомендации об этических аспектах нейротехнологий» (далее – «Рекомендации по нейроэтике»).

Понимая возможность влияния нейротехнологий на волю человека Рекомендации по нейроэтике подчеркивает важность установления этических ограничений и контроля биобезопасности развивающихся нейротехнологий. Устанавливается, что вмешательства, затрагивающие нервную систему, являются травматичными, т.к. нервная система человека координирует его поведение и психические процессы, позволяя человеку осуществлять свое волеизъявление и отвечать за свои поступки.

В то же время Рекомендации по нейроэти-

ке, учитывая возможности комбинирования нейротехнологий с искусственным интеллектом, обращают внимание на потенциальные риски, такие как: проблемы кибербезопасности, прозрачности, алгоритмической предвзятости и ложных результатов, потенциальные угрозы личной неприкосновенности, и дееспособности в целом.

Также документ дает правовую квалификацию нейронных данных, определяя их как информацию о структуре деятельности и функции нервной системы организма, и относит эти данные к биометрическим. Рекомендации по нейроэтике устанавливают, что, декодируя и модифицируя нейронные связи изменяются и когнитивные (психические) состояния, и процессы в организме человека.

Международные акты довольно остро поднимают тему защиты прав личности от стороннего вмешательства, но стоит сказать, что формирование международных норм происходит на основании на естественно-научных исследований в области нейротехнологий. Так, исследование лечения нейродегенеративных заболеваний методами глубокой стимуляции мозга (DBS и ADBS) показало, что инвазивные методы предполагают управляемое электрическими импульсами воздействие на определённые участки головного мозга для коррекции его работы. При этом авторы отмечают, что процесс разработки и использования систем DBS не может происходить без учета социально-политических взглядов и вопросов этики. В частности, стоит исследовать возможность систем вызывать изменения личности, влиять на поведение и настроение пациента [3].

Ряд исследователей делают акцент именно на изменении личности в процессе использования стимуляции. Также, использование метода глубокой стимуляции мозга породило споры на тему научного определения термина «личность» и возможности объективной оценки взаимодействия технологии с человеком [3].

Помимо этого, ученые высказывают опасения на тему равенства и справедливости распределения технологий улучшений человека. Отмечается, что локализация и функционирование участков мозга при работе системы DBS не до конца изучено, а заявляемая цель использования технологии сегодня – исключительно медицинская (восстановительная), не рассматривающая технологию с точки зрения улучшений человека.

Но следует отметить существующую способность устройств нового поколения с замкнутым контуром (адаптивных устройств глубокой стимуляции мозга - ADBS), не только считывать, измеряя нейронную активность, но и стимулировать области мозга, что показывает большой потенци-

ал управления двигательными функциями и психическими расстройствами. Особенно вызывает интерес способность данного устройства конструировать настроение и влиять на когнитивные способности человека [4].

Еще одной прорывной нейротехнологией сегодня является интерфейс мозг-компьютер (BCI), которая формирует прямую связь мозга с внешним техническим устройством. В исследованиях применения этой технологии была обнаружена возможность формирования сигналов мозга и их дальнейшее преобразование в данные, отражающие предполагаемые действия человека [5]. Также отмечаются преимущества применения BCI в коммерческой, социальной и политической рекламе, с помощью BCI удалось обнаружить влияние рекламы на процесс запоминания, и, следовательно, эта технология может выступать инструментом для анализа интереса потребителя и способом влияния на него.

Рассматривая опыт развития правового регулирования применения нейротехнологий зарубежных стран, хочется обратить внимание в первую очередь на опыт Франции. Особенно хочется подчеркнуть, что законодательные изменения затронули именно Гражданский кодекс, где с 2011 года внесены изменения, касающиеся возможности использования способов визуализации головного мозга, где такая возможность может быть доступна только в медицинских, научных или процессуальных целях. Для подобного исследования у физического лица должно быть получено информированное добровольное согласие, при этом лицо должно быть предварительно уведомлено о целях исследования. Данное согласие может быть отозвано гражданином в любое время.

В Чили в 2021 году все нейроустройства были приравнены к медицинским изделиям, что подразумевает переход на специальный правовой режим как введения изделий в гражданский оборот, так и установления особого контроля за применением их на человеке.

В США, помимо активной поддержки технологических разработок в области нейротехнологий, уделяется особое внимание и разработке нормативной базы, регулирующей нейроинтерфейсы. В Центре устройств и радиологического здоровья FDA (CDRH) действует программа по неврологии (далее – Программа), которая проводит научные исследования в области права в целях обеспечения доступа пациентов к безопасным и эффективным инновационным нейроустройствам.

Программа акцентирует внимание на проблемах правового регулирования в области неврологии и, в первую очередь, на сложности создания единых механизмов прогнозирования рисков при-

менения нейротехнологий. В частности, рассматривается проблема поиска физиологических методов тестирования *in vitro* (вне организма), которые необходимы для анализа эффективности и безопасности использования новых технологий на человеке.

Особо остро в Программе поднимается вопрос правовой неопределенности оценки работы нейроинтерфейсов (безопасности, биосовместимости и стабильности), которая усложняет процесс внедрения новых технологий в медицинскую практику, а значит и вывод технологий на рынок [6].

В России нейроинтерфейсы медицинского назначения (неврологические медицинские изделия), подпадают под специальное регулирование и прежде, чем стать объектом гражданского оборота, согласно ст. 38 закона «Об основах охраны здоровья граждан» подлежат обязательной регистрации в Росздравнадзоре. Но стоит отметить, что правовое регулирование оборота медицинских изделий не содержит критерии оценки степени риска воздействия на психоэмоциональное состояние пациента, оценке подлежит степень риска причинения физического вреда здоровью исходя из инвазивности устройства, области применения и пр.

Тем временем, напрашивается вывод, что вышеназванные проблемы, имея в основе этический компонент, уже не ограничиваются рамками только этики. Затрагивая такие личные права как свобода воли, свобода действий и самоидентификация, а также конфиденциальность и безопасность данных, мы формируем круг правовых вопросов, решение которых необходимо для защиты гражданских прав личности в вопросе определения его свободы воли. При этом, современные реалии требуют поиска баланса интересов между личными правами и имущественными интересами производителей (экономической целесообразностью), ввиду необходимости поддержания инновационной деятельности, которая, в свою очередь, также затрагивает как неимущественный, так и имущественный интерес личности в вопросе сохранения и/или улучшения здоровья, в том числе в вопросе доступности подобных технологий.

Стоит отметить, что любое воздействие на психоэмоциональное состояние лица, а значит и на его волю, без согласия на вмешательство может рассматриваться как нарушение права личности на психическую неприкосновенность [7, с 55], что является прямым нарушением его нематериальных благ.

Развитие нейротехнологий должно сопровождаться развитием правового регулирования всех этапов жизненного цикла устройств, начиная с разработки и патентования новых технологий,

заканчивая их практическим применением. В основе разработки нейротехнологий представляется целесообразным применять человекоцентричный подход, устанавливающий этические ограничения (принципы), способствующие сохранению прав человека на самоопределение и свободу мысли, личную тайну и неприкосновенность частной жизни. Аналогичный подход уже установлен в ст. 1349 ГК РФ на примере запрета патентования эмбрионов и генетической модификации человека, а также ограничений патентования изобретений, если они противоречат принципам гуманности и морали и интересам общества. Стоит сказать, что принципы гуманности и морали также рискуют вступать в конфликт с интересами общества, поэтому сохраняется потребность в установлении специального правового режима, конкретизирующего требования к созданию и обороту нейротехнологий.

В процессе развития новых технологий считаем важным сформировать в первую очередь определенность границ и целей применения подобных технологий, что будет способствовать формированию прозрачности инновационных разработок и соответственно социальному одобрению их развития. Для этого необходимо установить правовой режим нейротехнологий как медицинского, так и немедицинского назначения, в основе которого будут лежать этические нормы-ограничители. Этому может способствовать имплементация международных норм по нейроэтике, раскрывая и конкретизируя в национальном законодательстве риски нарушения достоинства личности и личной неприкосновенности при использовании нейротехнологий, формируя необходимые способы защиты. Также следует рассмотреть возможность законодательного закрепления понятия нейроданных как биометрических персональных данных, создавая тем самым необходимый механизм защиты нематериальных благ.

Видится целесообразным и создание технического регулирования нейроустройств, формирующего обязательные (а не рекомендательные) стандарты и критерии безопасности технологий. Также стоит рассмотреть возможность установления регистрационного режима в отношении не только медицинских, но и немедицинских нейротехнологий, что поможет обеспечить контроль безопасности (биобезопасности и кибербезопасности) по аналогии с системой контроля медицинских изделий. Возможным решением проблемы безопасности подобных устройств может стать приравнивание немедицинских нейротехнологий к медицинским изделиям с установлением соответствующего класса риска.

Список литературы:

[1] Мохов А. А. Влияние ускоренного развития биоэкономики на укрепление национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 92–105.

[2] Станек Ю. Право и нейронаука - точки пересечения // Правоведение. 2017. № 4 (333). // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-neyronauka-tochki-peresecheniya>.

[3] Peter ZukClarissa E SanchezK. Kostick-QuenetKatrina A. MuñozLavina KalwaniR. LavingiaL. TorgersonDemetrio Sierra-MercadoJ. RobinsonStacey PereiraS. OutramB. KoenigA. McGuireG. Lázaro-Muñoz. Researcher Views on Changes in Personality, Mood, and Behavior in Next-Generation Deep Brain Stimulation Medicine // Psychology AJOB Neuroscience, 2022. DOI:10.1080/21507740.2022.2048724.

[4] Kostick-Quenet K, Kalwani L, Koenig B, Torgerson L, Sanchez C, Munoz K, Hsu RL, Sierra-Mercado D, Robinson JO, Outram S, Pereira S, McGuire A, Zuk P and Lazaro-Munoz G (2022) Researchers' Ethical Concerns About Using Adaptive Deep Brain Stimulation for Enhancement // Front. Hum. Neurosci. 16:813922. DOI: 10.3389/fnhum.2022.813922..

[5] Shiv Kumar Mudgal, Suresh K Sharma, Jitender Chaturvedi, Anil Sharma, Brain computer interface advancement in neurosciences: Applications and issues // Interdisciplinary Neurosurgery, Volume 20, 2020 // https://www.researchgate.net/publication/339423702_Brain_Computer_Interface_advancement_in_Neurosciences_Applications_and_Issues.

[6] Neurology Program: Research on Neurology Medical Devices | FDA // <https://www.fda.gov/medical-devices/medical-device-regulatory-science-research-programs-conducted-osel/neurology-program-research-neurology-medical-devices>.

[7] Белова Д.А. Нейроправо. Правовой аспект исследования применения нейротехнологий. — Москва : Проспект, 2025. - 117 с.

[8] ФЗ № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», ФЗ № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», ФЗ № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации», ФЗ № 523-ФЗ «О технологической политике в РФ».

References:

[1] Mokhov A. A. Impact of the accelerated development of bioeconomy on strengthening national security // Bulletin of the Russian Law Academy. 2026. № 1. S. 92-105.

[2] Stanek Yu. Law and neuroscience - points

of intersection // Jurisprudence. 2017. № 4 (333). // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-neyronauka-tochki-peresecheniya>.

[3] Peter Zuk, Clarissa E. Sanchez, Katrina A. Muñoz, Lavina Kalwani, R. Lavingia, L. Torgerson, Demetrio Sierra-Mercado, J. Robinson, Stacey Pereira, S. Outram, B. Koenig, A. McGuire, G. Lázaro-Muñoz. Researcher Views on Changes in Personality, Mood, and Behavior in Next-Generation Deep Brain Stimulation Medicine // Psychology AJOB Neuroscience, 2022. DOI: 10.1080/21507740.2022.2048724.

[4] Kostick-Quenet K, Kalwani L, Koenig B, Torgerson L, Sanchez C, Munoz K, Hsu RL, Sierra-Mercado D, Robinson JO, Outram S, Pereira S, McGuire A, Zuk P and Lazaro-Munoz G (2022) Researchers' Ethical Concerns About Using Adaptive Deep Brain Stimulation for Enhancement // Front. Hum. Neurosci. 16:813922. DOI: 10.3389/fnhum.2022.813922..

[5] Shiv Kumar Mudgal, Suresh K Sharma, Jitender Chaturvedi, Anil

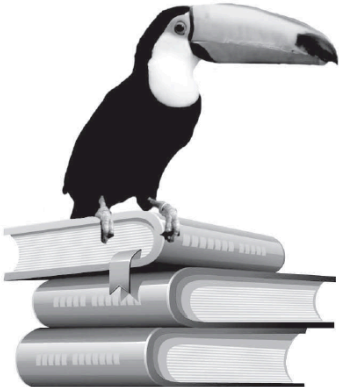
Sharma, Brain computer interface advancement in neurosciences: Applications and issues // Interdisciplinary Neurosurgery, Volume 20, 2020 // https://www.researchgate.net/publication/339423702_Brain_Computer_Interface_advancement_in_Neurosciences_Applications_and_Issues.

[6] Neurology Program: Research on Neurology Medical Devices | FDA // <https://www.fda.gov/medical-devices/medical-device-regulatory-science-research-programs-conducted-osel/neurology-program-research-neurology-medical-devices>.

[7] Belova D.A. Neuropravo. Legal aspect of neurotechnology application research. - Moscow: Prospekt, 2025. - 117 s.

[8] Federal Law No. 127-FZ "On Science and State Scientific and Technical Policy," Federal Law No. 488-FZ "On Industrial Policy in the Russian Federation," Federal Law No. 478-FZ "On the Development of Technology Companies in the Russian Federation," Federal Law No. 523-FZ "On Technological Policy in the Russian Federation".

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-276-278

МАКАРЕНКО Елена Дмитриевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
лингвистики, ФГБОУ «Кубанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: makarenkoed@inbox.ru

УЗДЕНОВА Радмила Хасановна,
студентка 3 курса лечебного факультета, ФГБОУ
«Кубанский государственный медицинский университет»,
e-mail: radmila.uzdenova.06@bk.ru

ДЕНИЛХАНОВА Жувайрият Виситаевна,
студентка 3 курса лечебного факультета, ФГБОУ
«Кубанский государственный медицинский университет»,
e-mail: dianadinelhanova07@gmail.com

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «АКУШЕРСТВО И ГИНЕКОЛОГИЯ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются модели словообразования 40 гинекологических клинических терминов. Анализируются общие модели словообразования на основе греческих корней (metr-, colp-, ofofo-, salping-) и суффиксов (-it, -oz, -oma). Исследование показывает, что сочетание корней и суффиксов образует строго предсказуемую семантику, которая позволяет идентифицировать патологические процессы без обращения к словарю. Результаты этого исследования могут быть использованы для преподавания медицинской латыни и клинической терминологии.

Ключевые слова: терминология, гинекология, греческие корни, словообразовательные модели, медицинская терминология.

MAKARENKO Elena Dmitrievna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Linguistics, Kuban State Medical University

UZDENOVA Radmila Hasanovna,
third-year student of the Faculty of General Medicine, Kuban
State Medical University

DENILHANOVA Juvairiya Visitaevna,
third-year student of the Faculty of General Medicine, Kuban
State Medical University

TERM FORMATION IN THE SUBJECT AREA OF "OBSTETRICS AND GYNECOLOGY"

Annotation. This paper examines the word formation patterns of 40 gynecological clinical terms. The paper analyzes common word formation patterns based on Greek roots (metr-, colp-, ofofo-, salping-) and suffixes (-it, -oz, -oma). The study shows that the combination of roots and suffixes forms a strictly predictable semantics that allows for the identification of pathological processes without consulting a dictionary. The results of this study can be used for teaching medical Latin and clinical terminology.

Key words: term formation, nosology, gynecology, Greek roots, word-formation models, medical terminology.

Современная медицинская терминология представляет собой сложную систему, в первую очередь, основанную на греко-латинском языке. В клинической практике названия болезней следуют строгим лингвистическим правилам, позволяющим врачам любой специальности понимать сущность патологии на уровне морфемной структуры.

Цель данного исследования — выявить и систематизировать закономерности словообразования в области гинекологии, демонстрируя, что даже в рамках одной специальности семантика терминов предопределена их структурой.

Данные для этого исследования были получены из 40 классификационных единиц заболеваний Международной классификации болезней (МКБ-10) и клинических рекомендаций по гинекологии. Использовались методы компонентного анализа, словообразовательное моделирование и семантическая интерпретация.

Терминологическая система предметной области «Акушерство и гинекология» построена на основе двух основных параметров:

тип греческого корня (обозначающего органы);

тип суффикса, обозначающего природу.

В области гинекологии наиболее распространены следующие корни.

Метр- (греч. *metra* — матка): эндометрит, миометрит, параметрит, маточное кровотечение, эндометриоз.

Кольп- (греч. *kolpos* — влагалище): вагинит, кольпоскопия, вагинопластика.

Офор- (греч. *oophoron* — яичник): оофорит, оофорэктомия.

Сальпинг- (греч. *salpinx* — трубка): сальпин-

гит, сальпингоофорит.

Вульв- (лат. *vulva*): вульвит, вульвовагинит.

Cerv- (лат. *cervix* — шея, шейка матки): цервицит, заболевание шейки матки.

Три суффикса являются доминирующими и имеют семантические маркеры:

Суффикс -ит (воспалительный) — терминологический элемент, обозначающий острые и хронические воспалительные процессы. Анализ показывает 100% соответствие: вагинит, вульвит, цервицит, эндометрит, сальпингит, оофорит. Этот суффикс четко указывает на инфекционную, иммунную или токсическую этиологию процесса [2].

Суффикс -оз (невоспалительный процесс) указывает на дегенеративные изменения, гиперплазию или кистозную трансформацию [3, с. 89]. Примерами являются эндометриоз (внематочный рост эндометрия), синдром поликистозных яичников (множественные кистозные дегенерации).

Суффикс -ома (опухоль, гиперплазия) указывает на опухолевую гиперплазию, обычно доброкачественную (в гинекологической области) или с неопределенным злокачественным потенциалом [2]. Типичными примерами являются миомы матки (доброкачественные опухоли мышечной ткани матки), фибромы, липомы и цистаденомы [4].

На основании вышеизложенного можно сказать, что в медицинской терминологии тип патологического процесса или заболевания напрямую отражается с помощью специальных суффиксов. Наиболее наглядно распределение суффиксов в зависимости от типа патологического процесса представлено в таблице.

Таблица 1. Распределение суффиксов в зависимости от типа патологического процесса

Table 1. Distribution of suffixes depending on the type of pathological process

Суффикс	Семантическое значение	Примеры терминов (выборка)	Количество в выборке
-ит	Острое/хроническое воспаление	Вульвит, копит, эндометрит, сальпингит, оофорит, цервицит	12
-оз	Невоспалительный процесс	Эндометриоз, поликистоз, вульвовагинальный кандидоз (микоз)	8
-ома	Опухоль, новообразование	Миома, фиброма, липома, аденома	6

Рис. 1. Соотношение правильного распознавания семантики по типам суффиксов

Fig. 1. The ratio of correct recognition of semantics by types of suffixes

Для проверки гипотезы был проведен анонимный опрос 30 респондентов, разделенных на три группы: (1) студенты первого и второго курсов медицинского факультета, не изучавшие клиническую терминологию; (2) студенты четвертого и пятого курсов медицинского факультета, имеющие

базовые знания смежных дисциплин; (3) практикующие гинекологи. Респондентам были предоставлены 15 гинекологических терминов, с просьбой определить характер патологического процесса [5].

Рис. 2. Соотношение правильного распознавания семантики терминов в зависимости от типа суффикса

Fig. 2. The ratio of correct recognition of the semantics of terms depending on the type of suffix

Проведенное тестирование подтверждает гипотезу о существовании строгих моделей словообразования, которые постепенно развиваются с накоплением профессионального опыта. Как показано на рисунке средний процент правильных ответов увеличился с 42% у начинающих студентов до 94% у дипломированных врачей. Кроме того, показатели распознавания суффиксов -it и -ота (93,3% и 86,7% соответственно) были значительно выше, чем суффикса -оз (70,0%) или других суффиксов (45,3%) (рисунок 3-4). Это говорит о том, что носители медицинского языка бессознательно используют модели словообразования как диагностический инструмент, но эффективность этого инструмента напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки [3,].

Таким образом, классификация гинекологических заболеваний следует строгой словообразовательной модели, отражающей существенные характеристики патологического процесса [4].

Список литературы:

[1] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.

[2] Зайцев А. Б., Смирнов В. П. Основы клинической терминологии. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. — 304 с.

[3] Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.

[4] Петров В. И., Мирошниченко А. Г. Латинский язык и основы медицинской терминологии. — М.: Медицина, 2019. — 432 с.

[5] Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 536 с.

References:

[1] Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 608 p.

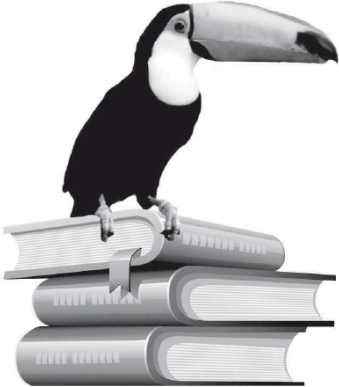
[2] Zaitsev A. B., Smirnov V. P. Fundamentals of Clinical Terminology. Moscow: GEOTAR-Media, 2020. 304 p.

[3] Kubryakova E. S. Types of Linguistic Meanings. Semantics of a Derived Word. Moscow: Nauka, 1981. 200 p.

[4] Petrov V. I., Miroshnichenko A. G. Latin Language and Fundamentals of Medical Terminology. Moscow: Meditsina, 2019. 432 p.

[5] Reformatsky A. A. Introduction to Linguistics. Moscow: Aspect Press, 2006. 536 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-279-284

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна,
 доктор юридических наук, профессор, заведующая
 кафедрой международного и публичного права
 Юридического факультета
 Финансового университета при Правительстве РФ,
 e-mail: mail@law-books.ru

НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исследуются налоговые преступления как один из наиболее чувствительных видов экономической преступности, непосредственно затрагивающий доходную базу публичной власти, устойчивость бюджетной системы, финансирование социальных обязательств и доверие к налогово-правовому порядку. Обосновывается, что уголовно-правовой аспект противодействия налоговым преступлениям не может быть сведен к репрессивному взысканию недоимки: он включает охрану конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы, предупреждение криминального перераспределения налоговой нагрузки, защиту конкуренции и поддержание фискального суверенитета государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, налоговые преступления, уголовная ответственность, налоговый агент, сокрытие имущества, страховые взносы, уголовная политика, фискальный суверенитет.

NIKOLAEVA Yulia Valentinovna,
 Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International
 and Public Law Faculty of Law Financial University under the
 Government of the Russian Federation

TAX CRIMES AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: A CRIMINAL LAW ASPECT

Annotation. This article examines tax crimes as one of the most sensitive types of economic crime, directly affecting the revenue base of public authorities, the sustainability of the budget system, the financing of social obligations, and trust in the tax and legal system. It is argued that the criminal law aspect of combating tax crimes cannot be reduced to the repressive collection of arrears: it includes protecting the constitutional obligation to pay legally established taxes and fees, preventing criminal redistribution of the tax burden, protecting competition, and maintaining the state's fiscal sovereignty.

Key words: economic security, tax crimes, criminal liability, tax agent, asset concealment, insurance premiums, criminal policy, fiscal sovereignty.

Экономическая безопасность современного государства в значительной мере определяется устойчивостью публичных финансов. В российской правовой системе эта устойчивость опирается не только на налоговое администрирование и бюджетное планирование, но и на уголовно-правовой запрет наиболее опасных форм уклонения от исполнения фискальных обязанностей. Конститу-

ционная обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы выступает не техническим элементом финансового права, а одной из юридических предпосылок существования публичной власти, поскольку именно через налоговые поступления обеспечивается реализация социальных, оборонных, инфраструктурных и иных публичных функций государства. [1]

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года угрозы экономической безопасности связываются, в частности, с криминализацией экономических отношений, теневым оборотом, недостаточной защищенностью финансовой системы и рисками снижения доходной базы бюджета. [2] В этом контексте налоговые преступления приобретают значение не только как индивидуальные посяательства на налоговые доходы, но и как институциональная форма подрыва финансовой дисциплины, равенства налогоплательщиков и добросовестной конкуренции. Уклонение от уплаты налогов не является «частным конфликтом» между налогоплательщиком и фиском; оно перераспределяет бремя публичных расходов на добросовестных участников оборота и тем самым деформирует саму идею правового государства.

Актуальность заявленной темы усиливается тем, что российская уголовная политика последних лет развивается в двойственной логике. С одной стороны, законодатель сохраняет уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, неисполнение обязанностей налогового агента и сокрытие имущества, за счет которого должно производиться взыскание недоимки. С другой стороны, усиливается компенсационно-восстановительный подход: лицо, впервые совершившее налоговое преступление, при выполнении предусмотренных законом условий может быть освобождено от уголовной ответственности после полного возмещения недоимки, пеней и штрафа. [3] Такая конструкция отражает стремление законодателя сочетать охрану экономической безопасности с недопущением избыточной криминализации предпринимательской деятельности.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении уголовно-правовой природы налоговых преступлений как угрозы экономической безопасности РФ, определении их системного места в главе 22 УК РФ и формулировании предложений по совершенствованию правоприменительной модели противодействия данным деяниям. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, историко-догматический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебных разъяснений и доктринальных подходов к экономическим преступлениям.

Экономическая безопасность в уголовно-правовом измерении не исчерпывается защитой собственности или пресечением незаконного предпринимательства. Она охватывает весь комплекс общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование экономики, включая бюджетную устойчивость, платежную

дисциплину, финансовую прозрачность и доверие к публичным институтам. Именно поэтому налоговые преступления традиционно занимают особое место среди преступлений в сфере экономической деятельности: их непосредственный вред выражается в непоступлении средств в бюджетную систему, а системный вред - в разрушении публично-правового механизма солидарного финансирования государства.

Н.А. Лопашенко справедливо указывает, что преступления в сфере экономической деятельности следует рассматривать через призму нормального порядка осуществления экономических отношений, поскольку их общественная опасность заключается не только в имущественном ущербе, но и в деформации правил хозяйственного оборота. [4] Применительно к налоговым преступлениям данный тезис имеет особое значение: уклонение от уплаты налогов создает незаконное конкурентное преимущество для недобросовестного участника рынка, позволяя ему снижать издержки за счет неисполнения публичной обязанности. Следовательно, налоговое преступление посягает одновременно на бюджетные интересы государства и на равенство субъектов экономической деятельности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит повышение устойчивости экономики, финансовую стабильность, развитие технологической и инфраструктурной базы к числу ключевых условий национальной безопасности. [5] Налоговые преступления прямо затрагивают эти условия, поскольку уменьшают ресурсную базу публичных расходов. При этом уголовное право не должно подменять налоговое администрирование: его назначение состоит в реагировании на умышленные, общественно опасные формы нарушения налоговой обязанности, которые выходят за пределы обычного налогового спора или ошибки в правоприменении.

Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет несколько специальных составов, непосредственно направленных на охрану налоговых интересов государства. К ним относятся уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и страховых взносов (ст. 198 УК РФ), уклонение организации от уплаты налогов, сборов и страховых взносов (ст. 199 УК РФ), неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ), сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ), а также специальные составы, связанные с уклонением от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование

от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ст. 199.3 и 199.4 УК РФ). [3, ст. 198-199.4]

Общим для этих составов является публично-финансовая направленность охраны. Однако их юридическая природа неодинакова. Статьи 198 и 199 УК РФ охватывают собственно уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов путем непредставления обязательных документов либо включения в них заведомо ложных сведений. Статья 199.1 УК РФ направлена на пресечение злоупотребления статусом налогового агента, который обязан исчислить, удержать и перечислить соответствующие платежи. Статья 199.2 УК РФ защищает уже не стадию возникновения налоговой обязанности, а стадию принудительного взыскания недоимки. Статьи 199.3 и 199.4 УК РФ имеют более специальный предмет - страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Ключевым законодательным изменением последних лет стало повышение пороговых значений крупного и особо крупного размера по ряду налоговых составов Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. N 79-ФЗ. [6] Так, по статье 199 УК РФ крупным размером признается сумма налогов, сборов и страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 18 млн 750 тыс. руб., особо крупным - 56 млн 250 тыс. руб. [3, ст. 199, примеч. 1] Аналогичные пороговые значения установлены для статьи 199.1 УК РФ в отношении сумм налогов и (или) сборов, не исполненных налоговым агентом. [3, ст. 199.1, примеч. 1] По статьям 199.3 и 199.4 УК РФ также были скорректированы размеры применительно к страховым взносам. [3, ст. 199.3, примеч. 1; ст. 199.4, примеч. 1]

П.С. Яни обращает внимание на то, что при квалификации экономических преступлений особенно опасно механическое отождествление нарушения отраслевого законодательства с уголовно наказуемым деянием. [7] Для налоговых преступлений этот тезис является центральным. Наличие недоимки само по себе не образует состава преступления: необходимо установить способ уклонения, умышленный характер поведения, крупный или особо крупный размер, а также причинно-следственную связь между действиями лица и непоступлением платежей в бюджетную систему.

Основным объектом налоговых преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок формирования доходов бюджетной системы и государственных внебюджетных фондов. Непосредственным объ-

ектом выступает публичный финансовый интерес, связанный с исполнением налоговой обязанности. Вместе с тем объект этих преступлений имеет комплексный характер: они затрагивают не только фискальные, но и экономико-конкурентные, социальные и управленческие отношения.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 26 ноября 2019 г. N 48 указал, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. [8, п. 1] Эта формула имеет важное значение, поскольку позволяет отличать налоговое преступление от формального нарушения порядка декларирования. Для уголовно-правовой оценки существенен реальный фискальный результат - непоступление платежей, которое подрывает доходную базу публичной власти.

Предметом налоговых преступлений являются суммы налогов, сборов и страховых взносов, подлежащих уплате в соответствии с законодательством. При этом предмет не должен пониматься как вещь в гражданско-правовом смысле. Речь идет о денежном выражении публично-правовой обязанности. И.И. Кучеров, рассматривая налоговую обязанность, указывает на ее публично-властную природу: налоговый платеж является не эквивалентом индивидуальной услуги государства, а обязательным вкладом в финансирование публичных потребностей. [9]

Объективная сторона статей 198 и 199 УК РФ выражается в уклонении от уплаты налогов, сборов или страховых взносов путем непредставления налоговой декларации, расчета или иных обязательных документов либо путем включения в такие документы заведомо ложных сведений. Эти способы имеют различное практическое содержание. Непредставление декларации означает полное игнорирование установленной формы налогового контроля, тогда как включение ложных сведений предполагает имитацию исполнения обязанности при фактическом искажении налоговой базы, объекта налогообложения, расходов, вычетов или иных юридически значимых показателей.

Пленум Верховного Суда РФ специально разъяснил, что для определения размера ущерба бюджетной системе необходимо устанавливать действительный размер обязательств по уплате налогов, сборов и страховых взносов и учитывать в совокупности факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных платежей. [8, п. 16] Это разъяснение препятствует обвинительной практике, основанной на формальном суммировании претензий налогового органа без проверки реального налогового обязательства.

Оно также соответствует принципу справедливости: уголовная ответственность не может строиться на гипотетическом или завышенном расчете недоимки.

Специфика статьи 199.1 УК РФ состоит в том, что субъект преступления не уклоняется от уплаты собственного налога, а нарушает обязанность налогового агента. Его функция заключается в исчислении, удержании и перечислении платежей, принадлежащих публичной системе. Обязательным признаком состава является совершение деяния в личных интересах. Этот признак ограничивает уголовную ответственность случаями, когда неп перечисление платежей выражает не простую хозяйственную неплатежеспособность, а сознательное использование удержанных или подлежащих удержанию сумм в интересах виновного либо связанных с ним лиц.

Статья 199.2 УК РФ имеет иную конструкцию. Она предусматривает ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание недоимки. Здесь общественная опасность состоит не в первоначальном неисполнении налоговой обязанности, а в противодействии механизму принудительного взыскания. Пленум Верховного Суда РФ исходит из того, что крупный и особо крупный размеры сокрытых денежных средств или имущества для целей статьи 199.2 УК РФ определяются по примечанию к статье 170.2 УК РФ, а состав наличествует, когда размер недоимки равен стоимости сокрытого имущества в крупном размере или превышает ее.

Одним из наиболее значимых признаков налоговых преступлений является умышленная форма вины. Уголовная ответственность за налоговое преступление невозможна при отсутствии доказанного умысла на уклонение от уплаты обязательных платежей. Это принципиально отличает преступление от налоговой ошибки, неправильного толкования законодательства, небрежности в учете или спорной позиции налогоплательщика по вопросу квалификации операции.

Верховный Суд РФ исходит из необходимости установления обстоятельств, свидетельствующих о направленности умысла лица на уклонение от уплаты налогов. К таким обстоятельствам могут относиться создание фиктивного документооборота, использование подконтрольных организаций без реальной хозяйственной функции, сокрытие выручки, ведение двойного учета, распоряжение денежными средствами через номинальных лиц, уничтожение либо искажение документов. Однако сами по себе налоговые доначисления, акты проверок и выводы налогового органа не заменя-

ют доказывания субъективной стороны преступления.

А.И. Парог подчеркивает, что вина в уголовном праве не может презюмироваться из факта наступления вредного результата; она требует установления психического отношения лица к деянию и его последствиям. [10] Применительно к налоговым преступлениям это означает, что даже значительная недоимка не может автоматически трансформироваться в уголовную ответственность. Необходима доказанность того, что лицо осознавало противоправный характер своих действий, предвидело непоступление платежей в бюджет и желало либо сознательно допускало такой результат.

Субъект налоговых преступлений различается в зависимости от состава. По статье 198 УК РФ субъектом является физическое лицо, включая индивидуального предпринимателя и иных физических лиц, обязанных уплачивать соответствующие платежи. По статье 199 УК РФ ответственность несут не организации как юридические лица, а физические лица, фактически обеспечивающие исполнение налоговой обязанности организации: руководитель, главный бухгалтер, иное лицо, уполномоченное подписывать документы налоговой отчетности или фактически выполняющее управленческие функции.

Пленум Верховного Суда РФ указывает, что субъектами преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, могут быть руководитель организации, главный бухгалтер, лицо, фактически выполнявшее обязанности руководителя или главного бухгалтера, а также иные лица, если они специально уполномочены на совершение соответствующих действий либо фактически организовали преступление. [8, п. 7-8] Это разъяснение важно для противодействия использованию номинальных директоров и формальному распределению ответственности на лиц, не контролировавших реальную экономическую деятельность.

Особенность современных налоговых преступлений состоит в ярко выраженной компенсационной направленности уголовной политики. Примечания к статьям 198, 199, 199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ предусматривают возможность освобождения лица, впервые совершившего соответствующее преступление, при условии полного исполнения фискальной обязанности, включая недоимку, пени и штраф. Эта модель демонстрирует приоритет восстановления публичного финансового интереса над изоляцией лица от общества.

С точки зрения экономической безопасности такая конструкция имеет прагматическое значение. Цель государства состоит не только в

наказании виновного, но и в возврате денежных средств в бюджетную систему. Если ущерб возмещен полностью, а лицо ранее не совершало налоговых преступлений, уголовно-правовой конфликт может быть завершен без дальнейшей репрессии. Это снижает нагрузку на правоохранительную систему и стимулирует добровольное погашение задолженности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. N 48 является ключевым актом судебного толкования в сфере налоговых преступлений. Оно заменило прежние разъяснения 2006 г. и закрепило ряд принципиальных положений: общественная опасность налоговых преступлений состоит в непоступлении средств в бюджетную систему; размер ущерба определяется исходя из действительной налоговой обязанности; при оценке сокрытия имущества по статье 199.2 УК РФ учитывается соотношение недоимки и стоимости сокрытых активов; освобождение от ответственности возможно при полном возмещении платежей. [8, п. 1, 16, 21-22, 26-27]

Конституционный Суд РФ в постановлении от 9 июля 2019 г. N 27-П рассматривал вопрос о конституционно-правовом смысле статьи 199 УК РФ в связи с включением страховых взносов в состав платежей, учитываемых при квалификации, и указал на необходимость учитывать правила обратной силы закона, улучшающего положение лица. [11] Это решение подтверждает, что уголовно-правовая охрана налоговой сферы должна осуществляться с соблюдением принципов законности, определенности и справедливости.

Налоговые преступления представляют собой одну из значимых угроз экономической безопасности Российской Федерации, поскольку они затрагивают доходную базу бюджетной системы, подрывают принцип равного участия в публичных расходах, деформируют конкуренцию и способствуют развитию теневой экономики. Их уголовно-правовая природа заключается не только в причинении имущественного ущерба государству, но и в посягательстве на публичный финансовый порядок, обеспечивающий функционирование государства и выполнение им социальных обязательств.

Действующая система уголовно-правовой охраны налоговой сферы включает статьи 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3 и 199.4 УК РФ. Эти нормы образуют комплексный механизм защиты фискальных интересов: от пресечения уклонения налогоплательщика и налогового агента до противодействия сокрытию активов и защите обязательного социального страхования. Законодательные изменения 2023-2024 гг. показывают стремление к более дифференцированной модели, при которой уголовная ответственность сохраняется для

значительных и умышленных форм уклонения, а восстановление бюджетных потерь получает приоритетное значение.

Оптимальная уголовно-правовая политика в данной сфере должна строиться на трех принципах: неизбежности ответственности за организованное и крупное налоговое уклонение; недопустимости криминализации добросовестного налогового спора; приоритете восстановления ущерба бюджетной системе при соблюдении гарантий прав личности и предпринимательской свободы. Только при таком балансе уголовное право способно выполнять свою подлинную функцию - охранять экономическую безопасность, не разрушая при этом легальную экономическую активность.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации. Ст. 57 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 09.04.2026).
- [2] Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. N 20. Ст. 2902.
- [3] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
- [4] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 37-45.
- [5] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. N 27, ч. II. Ст. 5351.
- [6] Федеральный закон от 06.04.2024 N 79-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404060014>. (дата обращения: 09.04.2026).
- [7] Яни П.С. Экономические и должностные преступления. М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. С. 54-58.
- [8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48. П. 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. N 1.
- [9] Кучеров И.И. Налоговое право России: курс лекций. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 45-52.
- [10] Рапог А.И. Субъективная сторона преступления. М.: Профобразование, 2001. С. 17-25.
- [11] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 N 27-П // Собрание законода-

тельства Российской Федерации. 2019. N 29, ч. II. Ст. 4145.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation. Art. 57 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/>. (Accessed: 09.04.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 N 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. N 20. Art. 2902.

[3] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13 June 1996 N 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.

[4] Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Theoretical and Applied Analysis. Moscow: Yurlitinform, 2015. Pp. 37-45.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400, "On the National Security Strategy of the Russian Federation" //

Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27, Part II. Article 5351.

[6] Federal Law of April 6, 2024, No. 79-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404060014>. (Accessed: April 9, 2026).

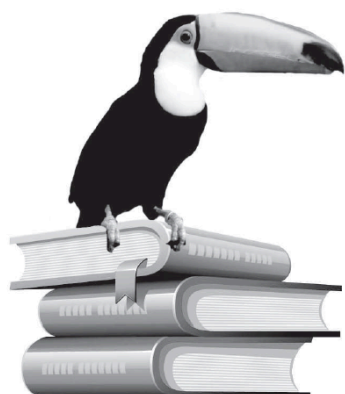
[7] Yani, P.S. Economic and Official Crimes. Moscow: Intel-Sintez Business School, 1997. Pp. 54-58.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, No. 48. P. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 1.

[9] Kuchеров, I.I. Tax Law of Russia: Lecture Course. Moscow: YurInfoR, 2001. Pp. 45-52.

[10] Rarog, A.I. Subjective Side of the Crime. Moscow: Profobrazovanie, 2001. Pp. 17-25.

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 9, 2019, No. 27-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 29, Part II. Art. 4145.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-285-289

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права, ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: oreshnikova.ksenia@guap.ru

САМОЗАНЯТЫЕ В РОССИИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ НАЛОГОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье исследуются промежуточные итоги налогового эксперимента по введению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) для самозанятых граждан в Российской Федерации. Цель исследования — дать правовую и статистическую оценку развитию института самозанятости на пороге завершения эксперимента (2028 г.), а также выявить ключевые правовые риски, связанные с подменой трудовых отношений и отсутствием социальных гарантий. Для достижения цели в работе проанализированы положения Федерального закона № 422-ФЗ и статистические данные Федеральной налоговой службы за 2019–2025 годы. Особое внимание уделено проблеме дифференциации налоговой нагрузки, региональной диспропорции в численности самозанятых и рискам для работников, переведенных на данный статус недобросовестными работодателями. В статье обосновывается необходимость совершенствования контрольно-надзорных механизмов и развития добровольного социального страхования. Практическая значимость работы заключается в возможности применения выводов для корректировки законодательства о налогообложении и социальной защите самозанятых. Автором предлагается закрепить в Налоговом кодексе РФ четкие критерии переквалификации гражданско-правовых договоров в трудовые, а также внедрить налоговые вычеты на взносы в систему обязательного пенсионного страхования.

Ключевые слова: самозанятые, налог на профессиональный доход, налоговый эксперимент, подмена трудовых отношений, социальное страхование, налоговая нагрузка, правовой статус, ФНС России.

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeevna,
Lecturer at the Department of Public Law, Saint-Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

SELF-EMPLOYED IN RUSSIA: INTERIM RESULTS OF THE TAX EXPERIMENT AND CURRENT LEGAL CHALLENGES

Annotation. The article examines the interim results of the tax experiment introducing the special tax regime "Professional Income Tax" (PIT) for self-employed citizens in the Russian Federation. The purpose of the study is to provide a legal and statistical assessment of the development of the self-employment institution on the threshold of the experiment's completion (2028), as well as to identify key legal risks associated with the substitution of labor relations and the lack of social guarantees. To achieve this goal, the provisions of Federal Law No. 422-FZ and statistical data from the Federal Tax Service for 2019–2025 are analyzed. Special attention is paid to the problem of differentiation of the tax burden, regional disparities in the number of self-employed individuals, and risks for workers transferred to this status by unscrupulous employers. The article substantiates the need to improve control and supervisory mechanisms and to develop voluntary social insurance. The practical significance of the work lies in the possibility of applying its conclusions to adjust legislation on taxation and social protection of the self-employed. The author proposes to enshrine in the Tax Code of the Russian Federation clear criteria for reclassifying civil law contracts into labor contracts, as well as to introduce tax deductions for contributions to the compulsory pension insurance system.

||| **Key words:** *self-employed, professional income tax, tax experiment, substitution of labor relations, social insurance, tax burden, legal status, Federal Tax Service of Russia.*

Введение

С момента запуска в 2019 году эксперимента по введению специального налогового режима для самозанятых (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ) прошло уже более семи лет. В 2028 году институт самозанятости должен получить окончательную оценку с точки зрения его эффективности и целесообразности превращения в постоянную часть налоговой системы Российской Федерации. Основная цель реформаторов заключалась в легализации доходов граждан, которые ранее либо оставались вне налогового учета, либо выводились из-под налогообложения через иные, зачастую нелегальные механизмы.

Доступность режима налога на профессиональный доход обеспечивается совокупностью факторов, сложившихся на уровне нормативно-регулирующего и технической инфраструктуры. Минимальные требования к регистрации, осуществляемой через мобильное приложение «Мой налог», в сочетании с дифференцированными ставками налогообложения, составляющими 4 % при расчетах с физическими лицами и 6 % при расчетах с юридическими, сформировали среду, в которой добровольная легализация деятельности стала экономически целесообразной без какого-либо давления. Именно это обстоятельство во многом объясняет беспрецедентный масштаб распространения режима. Вместе с тем широкое вовлечение граждан в самозанятость выявило ряд системных противоречий, не разрешенных на уровне действующего правового регулирования.

По мнению Д.А. Полуяна, правовой статус самозанятых отличается существенной неопределенностью в части коммерческого содержания их деятельности, несмотря на законодательное указание на ее предпринимательский характер [6]. Как подчеркивает Д.В. Некипелова, самозанятость в России остается формой занятости с выраженной недостаточностью социального и правового обеспечения. В отличие от лиц, работающих по трудовому договору, самозанятые исключены из системы оплачиваемых листов нетрудоспособности, страхования по безработице т.д. [4]. Настоящее исследование направлено на выявление актуальных проблем, прежде всего связанных с подменой трудовых отношений гражданско-правовыми конструкциями и недостаточной социальной защищенностью самозанятых, а также на обоснование возможных подходов к их правовому регулированию.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования в каче-

стве основного материала использованы нормативно-правовые акты, регулирующие налогообложение самозанятых, в частности Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 № 422-ФЗ, а также положения Налогового кодекса Российской Федерации. В дополнение к ним изучены статистические данные Федеральной налоговой службы (ФНС России) о количестве зарегистрированных плательщиков НПД, динамике прироста и объемах налоговых поступлений за период с 2019 по 2025 год.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ норм налогового и трудового права; системное толкование положений, регулирующих правовой статус самозанятых, а также статистический анализ данных о региональной и отраслевой структуре самозанятости. Дополнительно использовался проблемно-ориентированный подход, позволивший сопоставить декларируемые цели налогового эксперимента с фактическими последствиями для работников, переведенных на режим НПД. Такое сочетание методов позволило выявить не только положительный фискальный эффект, но и правовые пробелы, связанные с социальными гарантиями и защитой прав граждан.

Результаты и обсуждения

Практическая значимость проблемы подтверждается внушительной статистикой. Согласно данным Федеральной налоговой службы, на начало 2025 года в статусе самозанятых числилось около 12,25 млн человек. К ноябрю 2025 года показатель вырос до 15,168 млн, а к концу года приблизился к 15,27 млн. Динамика регистрации говорит об устойчивом и интенсивном росте. Только за 2025 год численность участников режима увеличилась приблизительно на 3 млн человек. Соотнесение этих данных с общей численностью населения страны, составлявшей на начало 2025 года около 146 млн человек, позволяет сказать, что режимом охвачен практически каждый десятый житель России. Анализируя данную тенденцию, М.О. Головня приходит к выводу об устойчивом потенциале института самозанятости к дальнейшему развитию [2]. С.А. Рябов связывает этот потенциал с комплексом нормативных стимулов: введением специального налогового режима, освобождением от уплаты налога на доходы физических лиц в рамках НПД и упрощенными процедурами постановки на учет, которые в совокупности создали благоприятную среду для легализации доходов граждан

и активизации их предпринимательской инициативы [1].

Экономический эффект и региональная специфика. Налоговая нагрузка в режиме НПД выстроена мягко: 4 % при работе с физическими лицами и 6 % — с юридическими. Такая градация учитывает реальную структуру клиентов и оставляет самозанятым больше средств, чем при применении общих режимов налогообложения. Совокупные ежемесячные поступления от НПД в 2025 году колебались в районе 11 млрд рублей, а сумма уплаченных налогов за весь год приблизилась к 136 млрд рублей, что свидетельствует о реальном фискальном вкладе в бюджет.

Однако режим распределен по стране крайне неравномерно. На первом месте по числу самозанятых с большим отрывом находится Москва (около 2,25 млн человек, или каждый шестой-седьмой житель столицы). Следом идут Московская область (более 1 млн) и Санкт-Петербург (почти 1 млн, при населении 5,6 млн, что делает долю самозанятых в северной столице одной из самых высоких — практически каждый пятый). В структуре видов деятельности лидируют бытовой ремонт, автосервис, IT-услуги (программирование, дизайн, техподдержка), индустрия красоты, а также маркетинговое сопровождение и репетиторство.

Актуальные правовые вызовы. Масштабное распространение самозанятости высветило системные риски, требующие вмешательства законодателя. Как справедливо отмечает исследователь М.О. Головня, недобросовестные работодатели все чаще предпочитают вместо трудового договора оформлять фактические трудовые отношения через статус самозанятого. Для работодателя это резко сокращает отчисления в социальные фонды и снимает обязательства по оплате отпусков, больничных и иных гарантий. Для работника такая схема означает потерю важнейших социальных прав: отсутствие оплачиваемого отпуска, увольнение без оснований, а также отсутствие пенсионных накоплений за счет работодателя [2].

В исследовании М.А. Череменской и соавторов на основе эмпирического анализа была разработана классификация самозанятых, предполагающая выделение трех типов в зависимости от характера профессиональной деятельности и субъективного восприятия собственного труда. К первому типу отнесены создатели проектов, то есть лица, разрабатывающие собственный продукт или услугу, ближе всех к понятию предприниматель. Второй тип составляют фрилансеры, оказывающие конкретные услуги в таких областях, как юриспруденция, психология, репетиторство, дизайн или ремонт, и привлекающие за-

казчиков через специализированные платформы либо посредством рекомендаций. Третий тип, контрактные самозанятые, формально обладает соответствующим статусом, однако фактически осуществляет деятельность в интересах одного или нескольких постоянных «заказчиков», выполняя функции, по сути идентичные функциям наемного работника. Именно последняя категория наглядно показывает проблему подмены трудовых отношений гражданско-правовыми [8].

Несмотря на то, что понятие и классификация самозанятых не раз становилось предметом научной дискуссии, нормативное регулирование попрежнему не содержит легального определения самого понятия «самозанятый». Как отмечает М.Н. Кобзарь-Фролова, законодатель оперирует формулировкой «физические лица, применяющие специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход"», которая представляет собой сугубо фискальную характеристику и не раскрывает правовой сущности субъекта [3].

В исследовании К.С. Синявского указывается, что самозанятые лишены социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством для работников, и в первую очередь это касается страхования жизни и здоровья. Данное обстоятельство формирует значительный пробел в правовой защите лиц, занятых в рамках режима НПД [7].

В то же время защитники режима подчеркивают его сильные стороны для работников, имеющих основное место работы по трудовому договору (ограниченному 40 часами в неделю в соответствии со ст. 91 ТК РФ). В условиях, когда зарплаты отстают от инфляции, а работодатели не всегда своевременно повышают оклады, легальная подработка через самозанятость становится вынужденной мерой для обеспечения достойного уровня жизни. Данный налоговый режим дает возможность зарабатывать дополнительно без риска конфликта с основным работодателем [5].

Отдельно стоит упомянуть удобство для бизнеса, особенно в сферах с ярко выраженной сезонностью (кейтеринг, организация мероприятий, туризм, сельскохозяйственные работы). Постоянный штат здесь часто оказывается экономически невыгодным, тогда как самозанятые позволяют быстро наращивать команду под пик сезонных нагрузок. Тем не менее, как справедливо указывает Д.Л. Банникова, подобная практика требует жесткого контроля, чтобы не допускать системной подмены долгосрочных трудовых обязательств краткосрочными договорами гражданско-правового характера [9].

В итоге самозанятость предстает перед нами явлением двойственной природы. С одной сторо-

ны, это гибкий инструмент легализации доходов и налоговая альтернатива для малого бизнеса. С другой — механизм, который в руках недобросовестных участников рынка может нивелировать трудовые гарантии граждан. Низкий порог входа и отсутствие взносов на обязательное пенсионное страхование делают этот статус привлекательным для краткосрочного заработка, но формируют риски для будущего пенсионного обеспечения плательщиков.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что главная задача эксперимента — вывод из тени доходов — в значительной степени решена. Миллионы граждан самостоятельно регистрируются, показывают заработки и платят налоги, что обеспечивает стабильный фискальный поток в бюджеты субъектов РФ. Однако за очевидным успехом следуют новые вызовы, требующие оперативной правовой корректировки.

Для решения проблемы подмены трудовых отношений необходимо усилить контроль через внедрение четких экономических и правовых индикаторов переквалификации, а также создать механизм автоматической передачи данных в Роструд для доначисления страховых взносов при выявлении признаков трудовой зависимости.

В сфере социального страхования видится целесообразным активно развивать систему добровольного соцстрахования на случай временной нетрудоспособности с низкими тарифами взносов. Также необходимо упростить процедуру вступления в систему обязательного пенсионного страхования (ОПС), ввести налоговые вычеты на уплаченные пенсионные взносы и настроить автоматические напоминания в приложении «Мой налог». В долгосрочной перспективе следует рассмотреть возможность введения частично обязательных минимальных пенсионных отчислений с пониженной ставкой, что позволит гарантировать самозанятым право на страховую пенсию без угрозы резкого роста налогового бремени.

Список литературы:

[1] Рябов С.А. Правовой статус самозанятых: современные тенденции // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 6. — С. 221–224.

[2] Головня М.О. Развитие деятельности самозанятых граждан в России // Закон и право. — 2025. — № 5. — С. 157–161.

[3] Кобзарь-Фролова М.Н. К вопросу о налоговой правосубъектности самозанятых граждан // Мониторинг правоприменения. — 2025. — № 4 (57). — С. 2–8.

[4] Некипелова Д.В. Социально-экономические и правовые риски самозанятых //

Векторы благополучия: экономика и социум. — 2026. — № 1 (57). — С. 248–262.

[5] Полуян Д.А. Определение понятия «самозанятый» и его историческое развитие // Юридические исследования. — 2024. — № 9. — С. 124–141.

[6] Полуян Д.А. Особенности правового регулирования деятельности самозанятых // Право и политика. — 2025. — № 4. — С. 42–56.

[7] Синявский К.С. Цифровые платформы занятости: социальная защита самозанятых // Образование и право. — 2024. — № 1. — С. 466–474.

[8] Череменская М.А., Алексеевская Е.А., Новикова С.Н., Богачева О.В. Различия в представлениях о профессиональной деятельности у самозанятых и предпринимателей // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2025. — Т. 18. — № 2. — С. 159–175.

[9] Банникова Д.Л. Исследование самозанятости населения в России: современное состояние и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 4. — С. 21–25.

[10] Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. Статистика по налогу на профессиональный доход за 2025 год. — URL: <https://www.nalog.ru>.

References:

[1] Ryabov S.A. Legal status of self-employed: current trends // Agrarian and land law. — 2025. — № 6. - S. 221-224.

[2] Golovnya M.O. Development of the activities of self-employed citizens in Russia // Law and Law. — 2025. — № 5. - S. 157-161.

[3] Kobzar-Frolova M.N. On the issue of tax legal personality of self-employed citizens // Monitoring law enforcement. — 2025. — № 4 (57). - S. 2-8.

[4] Nekipelova D.V. Socio-economic and legal risks of the self-employed // Vectors of well-being: economy and society. — 2026. — № 1 (57). - S. 248-262.

[5] Poluyan D.A. Definition of the concept of "self-employed" and its historical development // Legal research. — 2024. — № 9. - S. 124-141.

[6] Poluyan D.A. Features of the legal regulation of the activities of the self-employed // Law and politics. — 2025. — № 4. - S. 42-56.

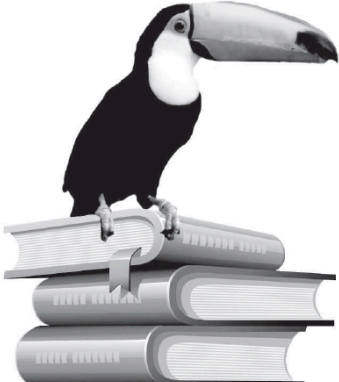
[7] Sinyavsky K.S. Digital employment platforms: social protection of the self-employed // Education and law. — 2024. — № 1. - S. 466-474.

[8] Cheremenskaya M.A., Alekseevskaya E.A., Novikova S.N., Bogacheva O.V. Differences in ideas about professional activities among self-employed and entrepreneurs // Theoretical and experimental psychology. — 2025. - VOL. 18. — № 2. - S. 159-175.

[9] Bannikova D.L. Study of self-employment of the population in Russia: current state and development prospects // Humanities, socio-economic and social sciences. — 2024. — № 4. -

S. 21-25.

[10] Official website of the Federal Tax Service of Russia. 2025 Professional Income Tax Statistics. — URL: <https://www.nalog.ru>.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-290-293

Дата принятия рукописи в печать: 09.08.2026 г.

СЕРГЕЕВ Никита Михайлович,
аспирант 3 года обучения, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: sergeevtc@gmail.com

Научный руководитель:
САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой конституционного и международного права
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ПУБЛИЧНЫЕ НАЧАЛА ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность анализа проблемы правового обеспечения публичного интереса в делах о банкротстве. Объектом настоящего исследования явились вопросы проявления публичных начал института банкротства в связи с участием в правоотношениях банкротства налоговых органов. На основе анализа соотношения частного и публичного начал в институте банкротства, автор аргументирует тезис о комплексном характере данного института. Также сделан вывод о взаимодействии указанных начал на фоне отрицания целесообразности их противопоставления. Проявлением публичного начала в отношении банкротства является возможность участия в них налоговых органов, которое обусловлено необходимостью реализации публичного интереса в сфере формирования бюджета за счет налоговых платежей. Однако указанный публичный интерес не оказывает принципиального влияния на правовое регулирование отношений банкротства, в рамках которых у налоговых органов отсутствуют преференции перед другими кредиторами.

Ключевые слова: банкротство, налоговое право, налоговая задолженность, налоговый орган, частное право, публичное право.

SERGEEV Nikita Mikhailovich,
3rd year postgraduate student, All-Russian State University of
Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of
the Russian Federation)

Academic Supervisor:
SANGADZHIEV Badma Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional
and International Law at the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

PUBLIC PRINCIPLES OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY THROUGH THE PRISM OF TAX LEGISLATION

Annotation. This article emphasizes the relevance of analyzing the legal framework for public interest in bankruptcy cases. The object of this study is the manifestation of the public principle of bankruptcy in connection with the involvement of tax authorities in bankruptcy legal relations. Based on an analysis of the relationship between private and public principles in bankruptcy, the author argues for the complex nature of this institution. A conclusion is also drawn about the interaction of these principles, while the advisability of their opposition is denied. A manifestation of the public principle in bankruptcy relations is the possible involvement of tax authorities, which is driven by the

need to realize the public interest in budget formation through tax payments. However, this public interest does not fundamentally influence the legal regulation of bankruptcy relations, in which tax authorities have no preferential treatment over other creditors.

Key words: *bankruptcy, tax law, tax debt, tax authority, private law, public law.*

Вопросы несостоятельности (банкротства) субъектов предпринимательской деятельности уже долгое время не теряют своей актуальности и находятся под пристальным вниманием представителей правовой доктрины. Проблемы банкротства затрагивают интересы широкого круга субъектов, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть правовой механизм обеспечения публичного интереса в рамках процедуры банкротства хозяйствующего субъекта.

Банкротство как правовой институт обычно ассоциируется с частно-правовой сферой, прежде всего, с гражданским правом, в том числе и с корпоративным. Это вполне объяснимо и закономерно, так как именно Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) содержит норму, предусматривающую общие положения о банкротстве (ст. 65), которая предполагает наличие особого нормативно-правового регулирования банкротных отношений посредством специального законодательного акта. На сегодняшний день отношения в сфере банкротства регулируются специальным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Однако, в действительности банкротное право представляет собой комплексное правовое образование, сочетающее частно-правовые и публично-правовые элементы. О комплексном характере правового института банкротства неоднократно шла речь на страницах юридической литературы. [1] В подтверждение тезиса о комплексности правового института банкротства отметим, что он складывается из норм различной отраслевой принадлежности – это не только нормы гражданского права, это также предписания административного, уголовного, налогового и других публичных отраслей. По мнению некоторых авторов комплексный характер института банкротства проявляется также в сочетании частно-правовых и публично-правовых методов правового регулирования соответствующих общественных отношений. [2]

Вопрос о том, какому именно началу (частному или публичному) принадлежит «пальма первенства» в контексте регулирования отношений банкротства не получил однозначного решения в доктрине. Так, например, Д.А. Козырский утверждает, что на сегодняшний день в правовом регулировании отношений банкротства преобладают частно-правовые начала, благодаря которым происходит защита частных интересов кредиторов

и должников. Автор не отрицает присутствие в институте банкротства публично-правовых начал, но подчеркивает их минимальное проявление. [3] А.С. Романова, напротив, уверена, что российскому институту банкротства свойственно преобладание публичных начал в их взаимодействии с частно-правовыми элементами. [4] Подобные рассуждения чреваты противопоставлением частных и публичных начал в институте банкротства, что может привести к абсолютизации одного из них и нарушению баланса в их соотношении. С учетом сказанного считаем возможным согласиться с мнением И.М. Суходольского, который, основываясь на критерии интереса, подчеркивает, что публичные и частные интересы не стоит рассматривать как полярные категории, более того, эти понятия тесно связаны, так как публичный интерес можно представить как совокупность частного интереса неопределенного круга лиц. [5]

Таким образом, необходимо отметить, что в решении вопроса о соотношении частных и публичных начал в институте банкротства следует исходить, прежде всего, из тезиса о недопустимости их противопоставления. При этом оптимальной представляется характеристика отношений в сфере банкротства как частно-публичных.

Одним из проявлений публичного элемента в институте банкротства выступает налоговый аспект соответствующих отношений.

Обязанность платить законно установленные налоги предусмотрена Конституцией РФ. Государство заинтересовано в надлежащем исполнении налогоплательщиками указанной обязанности, так как именно налоговые поступления формируют значительную часть казны публично-правового образования, средства которой остро необходимы для развития социальной сферы. Контроль за надлежащим исполнением обязанности по уплате налогов возложен государством на уполномоченные органы – Федеральную налоговую службу.

Также налоговые органы действуют от лица публично-правового образования, являющегося кредитором должника-банкрота в рамках обязательственных отношений, содержащих непогашенные денежно-финансовые требования публичного характера (налогов и пр.). При этом взыскание налоговых недоимок в рамках процедуры банкротства, рассматривается в доктрине как реализация публичного интереса. [6] Однако это не является основанием для предоставления налого-

вым органам каких-либо преференций, повышающих вероятность удовлетворения их требований к должнику-банкроту. В соответствии с нормами российского законодательства о несостоятельности (банкротстве), требования налоговых органов удовлетворяются в общем порядке, наравне с требованиями других кредиторов (ст. 142 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Подобное законодательное решение представляется уместным, если учесть, что целью законодательства о банкротстве не является пополнение бюджета публично-правового образования.

Роль ФНС России в банкротных отношениях также обусловлена наличием возможности у налогового органа инициировать дело о банкротстве хозяйствующего субъекта. Приводимые исследователями на различных информационных ресурсах статистические данные свидетельствуют о наметившейся с 2023 года тенденции усиления налогового контроля и повышения на этом фоне количества случаев проявления налоговыми органами инициативы по возбуждению процедуры банкротства в отношении налогоплательщика-нарушителя.

Практикующими юристами отмечается, что не стоит преувеличивать драматизм ситуации банкротства по инициативе налоговых органов, так как в данных обстоятельствах у налогоплательщика-должника появляется реальный шанс по списанию налоговой задолженности. Вместе с тем данное высказывание не учитывает предусмотренную законом возможность «поворота» приказа налогового органа о списании безнадежной доверенности. Так, ст. 59 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) содержит понятие безнадежной к взысканию задолженности. В соответствии с п. 4.3 указанной статьи безнадежность к взысканию задолженности может возникнуть в случае принятия судом акта о возвращении заявления о признании должника банкротом или прекращении производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве. Однако, наличие положительного сальдо на счете налогоплательщика является основанием для восстановления ранее списанной задолженности.

Подводя итог анализу механизма реализации нормы ст. 59 НК РФ о списании безнадежной к взысканию задолженности, и учитывая её особенности, необходимо отметить следующее: в рамках дела о банкротстве арбитражный суд выносит определение о прекращении производства. Как только это определение вступает в законную силу, территориальный налоговый орган, получив электронный доступ к документу, должен по собствен-

ному приказу осуществить списание задолженности юридического лица. Однако следует учесть, что такое списание не является окончательным и может носить временный характер. Если после списания долга у юридического лица будет обнаружено имущество, налоговая инспекция вправе восстановить эту задолженность, обратившись в арбитражный суд с ходатайством о пересмотре определения о прекращении производства по делу.

Рассмотренные особенности правового режима безнадежной к взысканию задолженности должника-банкрота в полной мере коррелируют с наметившейся в банкротном законодательстве тенденцией постепенного усиления защиты фискальных интересов государства по сравнению с интересами частных лиц, о чем активно говорится на страницах юридической литературы. [7]

В итоге считаем возможным отметить, что ФНС России выступает «системным» [8] участником правоотношений несостоятельности (банкротства). Ее роль в данной сфере обусловлена, прежде всего, установленной законом возможностью налогового органа выступить инициатором возбуждения процедуры банкротства налогоплательщика. При этом необходимо подчеркнуть, что налоговый орган, действуя в рамках указанного полномочия, преследует, главным образом, цель защиты публичного интереса, выраженного в контроле за уплатой налогов и в обеспечении эффективности данного способа пополнения казны.

Список литературы:

- [1] Багдасарян А.Ф. Понятие и содержание контроля в отношениях несостоятельности (банкротства). Часть 2 // Юрист. – 2026. – N 3. – С. 21 - 27.
- [2] Сергеева С.Л. О соотношении частного и публичного в регулировании института банкротства // Цивилист. – 2026. – N 1. – С. 24 - 31.
- [3] Козырский Д.А. Дела о несостоятельности (банкротстве) и вопросы обеспечения национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – N 4. – С. 81 - 92.
- [4] Романова А.С. Анализ практики применения принципа «что не запрещено – дозволено» в сфере несостоятельности (банкротства) // Вестник исполнительного производства. – 2020. – N 4. – С. 30 - 34.
- [5] Суходольский И.М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2024.
- [6] Ласкина С.О. Обеспечение соблюдения публичного интереса при несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2008. – N 2. – С. 21 - 28.

[7] Правовые итоги - 2019 / П. Крашенинников, Л. Головки, Р. Бевзенко и др. // Закон. – 2020. – N 1. – С. 22 - 51.

[8] Некрасов А.Ю. Субсидиарная ответственность - размер имеет значение // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – N 6. – С. 86 - 95.

References:

[1] Baghdasaryan A.F. Concept and Content of Control in Insolvency (Bankruptcy) Relations. Part 2 // Jurist. - 2026. - N 3. - pp. 21 - 27.

[2] Sergeeva S.L. On the Relationship between Private and Public in Regulating the Institution of Bankruptcy // Civilist. - 2026. - N 1. - pp. 24 - 31.

[3] Kozyrsky D.A. Insolvency (Bankruptcy) Cases and National Security Issues // Bulletin of the Russian Law Academy. - 2025. - N 4. - pp. 81 - 92.

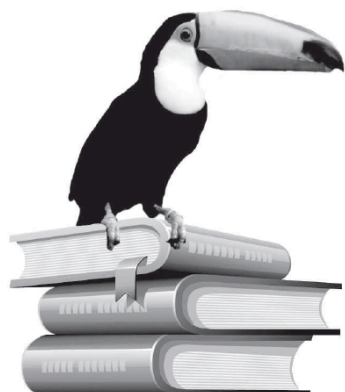
[4] Romanova A.S. Analysis of the Practice of Applying the Principle "What is Not Prohibited is Permitted" in the Sphere of Insolvency (Bankruptcy) // Bulletin of Enforcement Proceedings. – 2020. – N 4. – P. 30-34.

[5] Sukhodolsky I.M. State Participation in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings: Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2024.

[6] Laskina S.O. Ensuring Compliance with the Public Interest in Insolvency (Bankruptcy) // Bulletin of the Arbitration Court of Moscow. – 2008. – N 2. – P. 21-28.

[7] Legal Results - 2019 / P. Krasheninnikov, L. Golovko, R. Bevzenko et al. // Law. – 2020. – N 1. – P. 22-51.

[8] Nekrasov A.Yu. Subsidiary Liability: Size Matters // Property Relations in the Russian Federation. – 2025. – N 6. – P. 86-95.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-294-300

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет, Казанский
(Приволжский) федеральный университет,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

БАЛАНС ФИСКАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Исследование посвящено согласованию публичного интереса в правильном исчислении налогов с правами лица, в отношении которого искусственный интеллект формирует оценку налогового риска, направление проверки или фактическую основу требования, а целью работы является создание процессуальной модели использования таких результатов. Применены формально-юридический, системный, функциональный методы и правовое моделирование, а законодательные положения сопоставлены с судебной практикой определения доказательственного значения результатов автоматизированного анализа посредством АСК НДС-2. Разграничены фискальный и ведомственный интересы, введена категория алгоритмически обусловленного налогово-контрольного решения и сформулировано алгоритмическое бремя доказывания. Сформулированы четыре критерия алгоритмической соразмерности, а риски разделены на информационные, модельные и процедурные. Обосновано, что невозпроизводимый результат закрытой государственной системы не должен ухудшать положение налогоплательщика. Предложены дополнения к статьям 82 и 101 НК РФ, закрепляющие объяснение результата, журналирование, содержательный пересмотр и последствия нарушения этих обязанностей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, налоговый контроль, фискальный интерес, права налогоплательщика, налоговый риск, объяснимость.

IVANOVA Tatiana,
Degree Applicant, Faculty of Law, Kazan Federal University

BALANCING THE STATE'S FISCAL INTERESTS AND TAXPAYER RIGHTS WHEN USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. The study examines the balance between the public interest in accurate taxation and the rights of a person whose risk assessment, audit direction or factual basis of a tax claim is generated by artificial intelligence, and it constructs a procedural model for using such outputs. Formal legal, systemic, functional and modelling methods are applied, while statutory provisions are compared with case law concerning the evidentiary significance of automated outputs generated by ASK NDS-2, the Russian automated VAT control system. The article distinguishes fiscal from institutional interests, introduces the AI-influenced tax control decision and formulates an algorithmic burden of proof. It formulates four criteria of algorithmic proportionality and distinguishes information, model and procedural risks. A non-reproducible output of a closed public system should not prejudice the taxpayer. Amendments to Articles 82 and 101 of the Tax Code are proposed.

Key words: artificial intelligence, tax control, fiscal interest, taxpayer's rights, tax risk, explainability.

Введение. В условиях алгоритмизации налогового администрирования проблема согласования фискальных интересов государства и прав налогоплательщика приобретает новое содержание, поскольку информационная система влияет не только на скорость обработки сведений, но и на

выбор объекта контроля, направление проверки и формирование фактической основы налоговой претензии, а при традиционном контроле существенные обстоятельства устанавливаются и оцениваются должностным лицом, тогда как применение ИИ позволяет предварительно ранжировать

налогоплательщиков и выявлять предполагаемые нарушения посредством моделей, логика которых может оставаться недоступной проверяемому лицу. Такое изменение контрольной процедуры создаёт асимметрию познавательных возможностей сторон, и налоговый орган получает технологическое преимущество, тогда как налогоплательщик может не располагать сведениями о данных и критериях, обусловивших возникновение претензии, а конституционная обязанность уплачивать законно установленные налоги, закреплённая статьёй 57 Конституции Российской Федерации, действует во взаимосвязи с гарантиями собственности и судебной защиты, поэтому повышение результативности контроля не освобождает государство от соблюдения требований законности, обоснованности и соразмерности вмешательства. На необходимость согласования указанных начал обращает внимание и в налогово-правовой доктрине, поскольку «Нахождение баланса публичных и частных интересов выгодно как налогоплательщикам, так и публичному субъекту» [20, с. 8], а применение цифровых технологий не должно рассматриваться исключительно как источник угроз, поскольку «Применение ИИ позволяет как провести оптимизацию административных процедур, так и повысить уровень прозрачности принятия управленческих решений» [18, с. 2]. Следовательно, актуальность исследования определяется необходимостью установить правовые условия, при которых возможности ИИ используются для правильного исполнения налоговой обязанности, а технологическая непрозрачность не ограничивает способность налогоплательщика понять и оспорить предъявленную ему претензию.

На этом фоне центральная научная проблема заключается не в допустимости ИИ как такового, а в определении статуса сформированного им результата, при этом простая автоматизация исполняет установленное правило, тогда как обучаемая модель формирует вероятностный прогноз, поэтому арифметическая сверка декларации и определение предполагаемого выгодоприобретателя требуют разных правовых режимов. Проведение такого разграничения осложняется терминологической неопределённостью, поскольку «Устоявшегося общепризнанного определения понятия “искусственный интеллект” сегодня не существует» [15, с. 95], а в настоящей статье применение ИИ понимается в функциональном значении, и к нему относится использование способной к выявлению закономерностей модели, результаты которой влияют на ранжирование налогоплательщиков, оценку риска, выбор контрольных мероприятий либо содержание подготавливаемого решения.

Цель статьи состоит в обосновании правовой модели применения ИИ, которая обеспечивает достижение законного фискального интереса и одновременно препятствует перенесению информационного, модельного и процедурного рисков государственной системы на налогоплательщика.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, статьи 3, 54.1, 82 и 101 НК РФ, Федеральный закон № 152-ФЗ и Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, а правоприменительная основа охватила судебные акты, в которых оценивалось доказательственное значение сведений АСК НДС-2. Формально-юридический метод использован для определения статуса алгоритмического результата, системный и функциональный методы позволили разграничить функции ИИ и связанные с ними риски, а правовое моделирование применено при подготовке дополнений к НК РФ.

Результаты. Прежде всего фискальный интерес следует отличать от ведомственного: первый направлен на правильное исполнение налоговой обязанности, второй – на достижение внутренних показателей налогового органа, включая рост начислений и доли результативных проверок. Статья 3 НК РФ закрепляет всеобщность и равенство налогообложения и предписывает учитывать фактическую способность к уплате налога, поэтому публично значим юридически обоснованный, а не максимально возможный размер изъятия [2]. Алгоритм ускоряет сопоставление деклараций, счетов-фактур, банковских операций и сведений ККТ, но не изменяет предмет доказывания и не позволяет толковать неустранимые сомнения против налогоплательщика, что подтверждает положение: «При этом административное усмотрение налоговых органов должно быть максимально ограничено и допускаться только в пределах закона» [14, с. 154]. Порог риска, вес признака и аналитическая выборка определяют круг проверяемых лиц и интенсивность контроля, поэтому закон может сохранять закрытыми способы выявления нарушений, но должен закреплять цели обработки, последствия алгоритмического сигнала и гарантии его проверки, поскольку баланс интересов нарушается при подмене фискального интереса ведомственным.

Далее отсутствие правосубъектности у ИИ исключает возложение ответственности на систему, но не определяет статуса её результата, поэтому положение «В настоящее время ИИ-системы не обладают правосубъектностью и признаются объектами гражданских прав» [17, с. 180] характеризует технологию, а прогноз, оценка риска или проект требования относятся к деятельности

налогового органа. Сходную границу отражает утверждение: «Соответственно, ИИ не имеет правосубъектности, а значит, юридически значимые решения невозможны без участия человека» [8, с. 890], но подпись сотрудника не подтверждает реальность контроля, если он не имеет доступа к исходным данным, не понимает существенных факторов результата и не может отступить от рекомендации системы. Поэтому решение является алгоритмически обусловленным и при наличии подписи, если система определила объект контроля, проверяемые операции, предполагаемую квалификацию или содержание претензии, а содержательный пересмотр должен включать проверку данных, оценку выявленного признака, рассмотрение альтернативного объяснения и фиксацию мотивов.

Наряду с этим ИИ необходимо разграничивать с простой автоматизацией, поскольку арифметическая сверка исполняет заранее установленное правило, а обучаемая модель выявляет закономерности и формирует вероятностный прогноз на основании ранее накопленных данных, при этом юридическое значение имеют возможность изменения модели, состав использованной выборки и степень влияния результата на контрольное действие, а техническое название информационной системы не должно позволять обходить предусмотренные законом гарантии. Прогностическую природу ИИ раскрывает положение: «Алгоритмы принятия решений в ИИ используют исторические данные для построения прогностических моделей» [9, с. 293], но исторический массив может включать ошибочные сведения, отменённые решения и прежние предположения налогового органа, поэтому алгоритмический риск не приобретает значения юридического факта, и справедливо отмечается: «Само по себе выявление системой “разрывов” по НДС не является признаком налогового правонарушения, пока это не доказано иными фактическими обстоятельствами» [7, с. 27]. АСК НДС-2 не квалифицируется в настоящей статье как система ИИ, однако практика её использования позволяет определить доказательственное значение машинного сигнала, поскольку Арбитражный суд Московского округа признал сведения системы недостаточными без сбора и совокупной оценки доказательств [5], а Арбитражный суд Поволжского округа не признал налоговый разрыв самостоятельным основанием для отказа в вычете [6], следовательно, машинный сигнал может определять направление проверки, но он должен преобразовываться в совокупность самостоятельно полученных доказательств, а возложение на налогоплательщика обязанности опровергать сформированный системой рейтинг риска проти-

воречит пункту 5 статьи 82 НК РФ в тех случаях, когда такой рейтинг используется для установления обстоятельств, предусмотренных статьёй 54.1 НК РФ [2].

В свою очередь применение ИИ создаёт риск неравного обращения, поскольку формально нейтральные признаки масштаба бизнеса, территории, отрасли или способа расчётов способны косвенно воспроизводить различия между группами налогоплательщиков. Этический ориентир выражен в позиции: «ИИ должен не только относиться ко всем одинаково с точки зрения прав, выгоды и обязанностей, но и поощрять такое отношение» [11, с. 135], а в налоговом контроле это предполагает проверку правовой относимости каждого различия. Равенство не требует одинаковой частоты проверок, однако дифференциация должна быть связана с вероятностью конкретного нарушения, а не с удобством обработки отдельных категорий. Если модель чаще маркирует ранее проверявшуюся группу, усиленный контроль формирует массив сведений, подтверждающий первоначально заданный риск. Такое самовоспроизводящееся смещение может сохраняться даже при формально высокой точности системы, поэтому налоговый орган должен сопоставлять по группам долю сигналов, подтверждённых нарушений, отменённых претензий и исправленных данных, а необъяснимое отклонение должно влечь проверку модели и временное ограничение спорного параметра.

Особое место занимает прозрачность алгоритмического результата, но её нельзя отождествлять с полным раскрытием исходного кода, поскольку налогоплательщику необходимо понять фактическое основание претензии, а не воспроизвести внутреннюю программную архитектуру информационной системы, при этом межотраслевой анализ подтверждает существование нормативного пробела, и в литературе отмечается: «Однако стандарт такой прозрачности законом не установлен» [10, с. 87]. Минимальное объяснение должно содержать сведения об использованных категориях данных, проверяемом периоде и операции, выявленном несоответствии, существенных факторах оценки и роли автоматизированной обработки, а также информацию о должностном лице, проверившем сформированный результат, но человеческий контроль не может быть формальным, поскольку «ИИ должен усиливать, а не заменять человеческое суждение» [16, с. 15], и реальность такого суждения подтверждается возможностью сотрудника выявить ошибку, рассмотреть альтернативное объяснение и изменить предложенный системой вывод. Техническому аудитору необходимы сведения о версии модели, параметрах и показателях её качества, сотруднику необходим

доступ к первичным данным и факторам индивидуального результата, а налогоплательщику должны сообщаться фактическое основание претензии и порядок её оспаривания, при этом объяснение должно предоставляться до принятия окончательного решения, когда налогоплательщик ещё может исправить сведения и представить подтверждающие документы, а ссылка на коммерческую тайну или безопасность контроля может ограничивать раскрытие отдельных технических деталей, но не обстоятельств, против которых лицо должно защищаться.

Продолжая анализ человеческого контроля, следует признать, что автоматические вычисления и предварительное ранжирование допустимы, но переход от вероятностной оценки к юридическому факту требует индивидуального исследования обстоятельств конкретной деятельности, при этом в литературе сформулирован вывод: «В результате исследования получены выводы о недопустимости передачи части функций должностных лиц налогового органа искусственному интеллекту без всестороннего определения его правового статуса на законодательном уровне» [19, с. 261], а развитие этой позиции требует регулирования не только статуса технологии, но и процессуального режима её результата. Алгоритмическое бремя доказывания должно возлагаться на налоговый орган, и поэтому именно орган обязан подтвердить происхождение использованных данных, применённую версию системы, воспроизводимость результата и его содержательную проверку сотрудником, а налогоплательщик вправе оспаривать сообщённые ему обстоятельства и представлять альтернативное объяснение, но он не должен доказывать скрытый дефект модели, к параметрам и журналам которой у него отсутствует доступ. Если должностное лицо располагает только итоговым баллом риска, то его подпись не подтверждает самостоятельного пересмотра, а материалы контроля должны отражать первичные сведения, существенные факторы, рассмотренные альтернативы и мотивы принятия либо отклонения алгоритмической рекомендации, следовательно, технологический риск должен нести субъект, который выбрал, настроил и использовал информационную систему, а невозпроизводимость существенного результата должна оцениваться против налогового органа и препятствовать ухудшению положения налогоплательщика.

Одновременно регулирование ИИ нельзя ограничивать внутренними регламентами ФНС России, поскольку изменение параметров модели способно повлиять на положение налогоплательщика, а содержание таких параметров не должно фактически заменять установленное законом

основание вмешательства, и А. Н. Мещеряков подчёркивает: «Данный документ весьма подробно раскрывает основные этические принципы использования ИИ, однако эти вопросы не могут оставаться исключительно предметом саморегулирования» [12, с. 40]. Федеральный закон должен определять цели использования системы, допустимые уровни её воздействия, права налогоплательщика и последствия нарушения установленных обязанностей, а ФНС России может конкретизировать технические форматы журналирования, проверки качества и хранения информации, при этом такая модель регулирования необходима, поскольку «Разнотечность и отсутствие четкости в трактовке ИИ – основная и крайне трудноразрешимая задача современной юриспруденции» [13, с. 474], а привязка гарантий только к термину «искусственный интеллект» позволит исключать отдельные системы из правового режима посредством изменения их наименования. Поэтому интенсивность гарантий следует связывать с функцией и последствиями системы, а низкий уровень должен охватывать техническую обработку документов, средний – ранжирование налогового риска, высокий – подготовку вывода, влияющего на возникновение обязанности или применение ответственности, и такое разграничение не создаёт избыточных требований для безопасных операций, но устанавливает усиленный режим для решений, способных повлечь проверку, отказ в вычете, доначисление налога, начисление пеней или привлечение к налоговой ответственности.

На основе полученных результатов предлагается система четырёх взаимосвязанных критериев алгоритмической соразмерности, а несоблюдение каждого из них должно влечь самостоятельное правовое последствие: первый критерий охватывает компетенцию налогового органа и законную цель использования системы, а отсутствие связи между функцией алгоритма и установленной формой контроля должно препятствовать применению результата, тогда как второй критерий предполагает проверку необходимости обработки и налогово-правовой относимости сведений, и избыточные, недостоверные либо полученные с нарушением закона данные должны исключаться из анализа. Третий критерий относится к доказательственному преобразованию сигнала, и оценка риска может направлять сбор материалов, но не заменяет подтверждения операции, размера недоимки, вины или необоснованной налоговой выгоды, а четвёртый критерий включает объяснение результата, исправление данных, пересмотр должностным лицом и возможность обжалования, и отсутствие необходимой гарантии должно препятствовать ухудшению положения налогопла-

тельщика. Интенсивность защиты определяется автономностью и непрозрачностью системы, а объём предоставляемых гарантий зависит от степени влияния её результата на положение налогоплательщика, при этом предлагаемая система придаёт принципу соразмерности проверяемое содержание, а суд может установить этап, на котором применение ИИ вышло за пределы компетенции, допустимой обработки или доказательственного использования.

Реализация указанных критериев требует разграничения информационного, модельного и процедурного рисков, поскольку каждому из них соответствует отдельный способ контроля, при этом информационный риск возникает из-за неполноты, устаревания, дублирования или ошибочной идентификации сведений, а его снижение обеспечивается проверкой источников, правом на корректировку и запретом повторного использования исправленного признака. Модельный риск связан с выборкой, распределением весов, смещением и изменением качества после обновления, поэтому налоговый орган должен фиксировать версию модели, проводить её техническое тестирование и сопоставлять доли ложных сигналов, тогда как процедурный риск выражается в автоматическом доверии сотрудника к результату, и его ограничение требует доступа к первичным данным, рассмотрения альтернативного объяснения и фиксации мотивов решения. При системной ошибке орган должен определить все производства, в которых применялась дефектная версия модели, а отмена одного решения не устраняет нарушения прав других налогоплательщиков, при этом расходы на аудит не могут переноситься на лицо, не имеющее доступа к закрытой системе. Следовательно, качество ИИ должно рассматриваться как условие использования его результата, а не только как внутренний показатель работы налогового органа.

Нормативное закрепление предлагаемой модели возможно посредством дополнения статьи 82 НК РФ пунктами 7-10, а статья 101 НК РФ должна предусматривать обязательную проверку алгоритмически обусловленного результата при рассмотрении материалов налогового контроля, при этом автоматизированным аналитическим результатом следует признавать сформированные системой прогноз, оценку риска, предполагаемую связь либо рекомендацию, а алгоритмически обусловленным должно считаться действие или решение, содержание которого существенно предопределено таким результатом. Налоговый орган вправе использовать алгоритмический результат для планирования контрольных мероприятий и определения направления сбора доказательств,

но он не может рассматривать его как единственное достаточное подтверждение недоимки, неправомерной налоговой выгоды, вины или основания ответственности, а до принятия неблагоприятного решения налогоплательщику должны сообщаться категории и период использованных данных, выявленное несоответствие, существенные факторы результата, роль автоматизированной обработки и порядок пересмотра, однако исходный код и сведения, раскрывающие способы обхода контроля, могут сохраняться в закрытом режиме. Налоговый орган должен фиксировать источник и время получения данных, версию системы, существенные факторы оценки и действия должностного лица в течение сроков контроля и обжалования, а невозпроизводимый результат не должен использоваться против налогоплательщика, при этом статью 101 НК РФ следует дополнить обязанностью проверить достоверность данных, наличие независимого подтверждения, содержание возражений и реальность человеческого пересмотра, а отсутствие такой проверки должно признаваться существенным нарушением процедуры, если алгоритмический результат мог повлиять на итоговое решение. Технические показатели, форматы журналов и сроки внутреннего аудита может устанавливать ФНС России, но основания вмешательства, права налогоплательщика и последствия нарушения должны закрепляться федеральным законом.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что баланс фискальных интересов и прав налогоплательщика определяется разграничением аналитической и доказательственной функций ИИ: алгоритм может выявлять связи, оценивать риски и направлять контроль, но установление недоимки, вины и ответственности остаётся обязанностью налогового органа. Поэтому регулирование должно закреплять режим алгоритмически обусловленного решения и алгоритмическое бремя доказывания, при котором орган подтверждает достоверность данных и обоснованность вывода, а неопределённость закрытой системы не ухудшает положение налогоплательщика. Предлагаемые дополнения статей 82 и 101 НК РФ позволяют реализовать фискальный интерес посредством более точного отбора рисков, сохраняя гарантии налогоплательщика при установлении налоговой обязанности и ответственности.

Список литературы:

- [1] Андрианова Н. Г. Искусственный интеллект в налоговом контроле: проблемы и перспективы правового регулирования // *Налоги и налогообложение*. 2025. № 3. С. 22–32.
- [2] Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых

решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 882–906.

[3] Головин К. С. Необходимость правового регулирования «чёрного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 290–297.

[4] Крылов И. В. Искусственный интеллект и проблема прозрачности автоматизированного принятия решений в сфере труда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 87–95.

[5] Леушина В. В., Карпов В. Э. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях // Философия и общество. 2022. № 3 (104). С. 124–140.

[6] Мещеряков А. Н. Искусственный интеллект в предмете конституционного права // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи. 2024. С. 36–40.

[7] Нуриев Б. Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть II // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 4. С. 465–476.

[8] Овcharова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.

[9] Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

[10] Талапина Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

[11] Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., обновл. и доп. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. 321 с.

[12] Фоменко Н. М., Кузьмина Д. А., Миргород Е. П. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17. № 4. URL: <https://esj.today/73FAVN425.html> (дата обращения: 17.07.2026).

[13] Челноков Д. М. Правовые последствия цифровизации налогового контроля // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи. 2024. С. 261–264.

[14] Щекин Д. М. Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве: монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. Москва: Статут, 2023.

484 с.

References:

[1] Andrianova N. G. Artificial intelligence in tax control: problems and prospects of legal regulation // Taxes and taxation. 2025. № 3. S. 22-32.

[2] Arkhipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M. Limits of making legally significant decisions using artificial intelligence // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. VOL. 12. No. 4. S. 882-906.

[3] Golovin K. S. The need for legal regulation of the "black box" of artificial intelligence // Bulletin of Kostroma State University. 2024. T. 30. № 3. S. 290-297.

[4] Krylov I.V. Artificial intelligence and the problem of transparency of automatic decision-making in the field of labor // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2023. № 3 (54). S. 87-95.

[5] Leushina V.V., Karpov V.E. Ethics of artificial intelligence in standards and recommendations // Philosophy and society. 2022. № 3 (104). S. 124-140.

[6] Meshcheryakov A. N. Artificial intelligence in the subject of constitutional law // Law in the era of artificial intelligence: promising challenges and modern tasks. 2024. S. 36-40.

[7] Nuriev B. D. Artificial intelligence in the public administration system of Russia and the countries of the European Union: comparative legal analysis. Part II // West-nick RUDN. Series: State and Municipal Administration. 2025. VOL. 12. № 4. S. 465-476.

[8] Ovcharova E.V. Administrative procedure for tax control in the mechanism of legal regulation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. T. 14. № 2. S. 137-158.

[9] Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2018. VOL. 22. № 1. S. 91-109.

[10] Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. T. 18. № 3. S. 4-27.

[11] Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence: a study guide. 3rd ed., Updated and add. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2025. 321 pp.

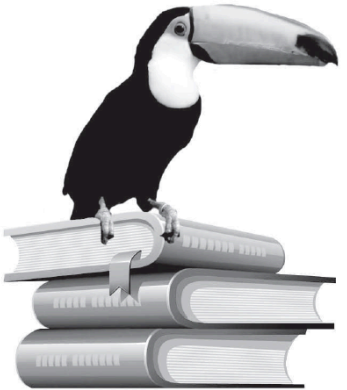
[12] Fomenko N. M., Kuzmina D. A., Mirgorod E. P. The use of artificial intelligence in the field of public administration: risks, opportunities, prospects // Bulletin of Eurasian Science. 2025. VOL. 17. № 4. URL: <https://esj.today/73FAVN425.html> (Accessed: 17.07.2026).

[13] D. M. Chelnokov. Legal Consequences of Digitalization of Tax Control // Law in the Era of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern Tasks. 2024. S. 261-264.

[14] Shchekin D.M. Balance of public and

private interests in tax law: monography/resp. ed.

E. Yu. Grachev. Moscow: Statute, 2023. 484 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-301-305

Дата принятия рукописи в печать: 19.07.2026 г.

ГОРОБЕЦ Екатерина Андреевна,
магистрантка кафедры экономических и финансовых
расследований Высшей школы государственного аудита
(факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: ekaterinagor2003@mail.ru

Научный руководитель:
МУРСАЛИМОВ Камилль Рамилевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
экономических и финансовых расследований Высшей
школы государственного аудита (факультета) МГУ
им. М.В. Ломоносова,
e-mail: mkr1976@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье представлен комплексный обзор теоретических и практических аспектов взаимодействия государственного управления, правовой системы и экономических процессов. Изучены различные модели взаимоотношений государства, права и экономики. В работе осуществлен сравнительный анализ таких моделей, как командно-административная, смешанная и рыночная. Исследованы закономерности функционирования советской командной экономики. В процессе анализа определены внутренние противоречия этой системы, включая дефицит товаров и роль теневого рынка. Особое внимание в статье уделено исследованию различных вариантов смешанной модели на примере Российской Федерации и таких зарубежных стран, как Китайская Народная Республика, Королевство Швеция, Федеративная Республика Германия. На основе сопоставления международной практики определены сильные и слабые стороны государственно-правового регулирования экономики. Обоснована необходимость гибкого сочетания государственного контроля и рыночных свобод для обеспечения экономической безопасности. Отмечено, что в защите участников экономических отношений немаловажную роль должно играть право. В процессе анализа сущности либеральной модели был сделан акцент на неолиберальном течении. Работа позволяет глубже понять механизмы правового и государственного регулирования экономических систем в условиях современного мира.

Ключевые слова: государство, право, экономика, командно-административная модель, рыночные отношения, регулирование, социально-экономическая система.

GOROBETS Ekaterina Andreevna,
Masters student of the Department of Economic and Financial
Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty)
Lomonosov Moscow State University

Scientific supervisor:
MURSALIMOV Kamil Ramilevich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of
the Department of Economic and Financial Investigations of
the Higher School of State Audit (Faculty) Lomonosov Moscow
State University

STUDYING MODELS OF INTERACTION BETWEEN STATE, LAW, AND ECONOMY

Annotation. *This article presents a comprehensive review of the theoretical and practical aspects of the interaction between public administration, the legal system, and economic processes. Various models of the relationship between the state, law, and the economy are examined. The work provides a comparative analysis of such models as the command-administrative, mixed, and market economies. The functioning of the Soviet command economy is examined. The analysis identifies the system's internal contradictions, including shortages of goods and the role of the shadow market. The article focuses on examining various variants of the mixed model, using the Russian Federation and countries such as the People's Republic of China, the Kingdom of Sweden, and the Federal Republic of Germany as examples. Based on a comparison of international practices, the strengths and weaknesses of state and legal regulation of the economy are identified. The need for a flexible combination of state control and market freedoms to ensure economic security is substantiated. It is noted that law must play a significant role in protecting participants in economic relations. During the analysis of the essence of the liberal model, emphasis was placed on the neoliberal current. This work provides a deeper understanding of the mechanisms of legal and state regulation of economic systems in the modern world.*

Key words: *state, law, economics, command-administrative model, market relations, regulation, socio-economic system.*

По мере усложнения экономики возникла необходимость в ее государственном и правовом регулировании. Государство и право создают законодательную базу, на которой основывается финансовая система, и поэтому во многом определяют развитие экономики. Так как экономические отношения могут нормально функционировать только в правовом поле, то государство регулирует их с помощью законов. Вопрос о мере правового воздействия государства на финансовую сферу имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение, поскольку затрагивает интересы всех членов общества. Исследование моделей взаимодействия государства, права и экономики является актуальной темой, хотя дискуссия о допустимых формах и оптимальных пределах государственно-правового вмешательства в экономику ведется уже давно.

Степень вмешательства государства в экономическую сферу зависит от многочисленных факторов: развития науки и техники, международной обстановки, а также социальной, экономической и политической ситуации в стране. Поэтому, определяя роль государства в экономике, необходимо учитывать вид социально-экономической системы. Если смотреть через призму типов экономических систем, то картина взаимодействия государства, права и экономики выглядит следующим образом: командно-административная (плановая) система, рыночная система (классическая) и смешанная система (современная модель).

В командно-административной модели государство полностью контролирует экономику, устанавливая ее цели, регулируя распределение ресурсов и планируя производство товаров. Таким образом, в данной системе границы государственного вмешательства в экономическую жизнь теоретически неограниченны. Право здесь вторично,

оно не ограничивает власть, а лишь оформляет ее волю.

В Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) действовала командно-административная модель экономики, а также Конституцией СССР 1936 г. был закреплён ее плановый характер. Советское руководство не стремилось к организации рыночных отношений, тем самым способствуя развитию теневой экономики, которая восполняла дефицит товаров и услуг. Теневая экономика делилась на три части: «легкую», «среднюю» и «тяжелую». «Легкая» представляла собой неофициальную деятельность, но без нарушения законов. «Средняя» – это несоблюдение только советских законов. «Тяжелая» заключалась в нарушении всех законов как советских, так и принятых в других странах. Но теневая экономика – это не единственное последствие излишнего вмешательства государства в экономику. По мнению Р.М. Нуреева и А.И. Гретченко, «при чрезмерном огосударствлении экономики в СССР отсутствовал реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве» [1, с. 151]. С распадом Советского Союза произошел переход к рыночным отношениям, но некоторые элементы прежней системы еще присутствовали в этот период, в частности государственная собственность на ключевые предприятия и природные ресурсы.

В рыночной системе действуют свободная конкуренция и рыночные механизмы. Поэтому регулирующая функция государства снижена, она сводится к созданию правовой основы, поддержке конкуренции, обеспечению общественного блага, стабилизации экономики.

На сегодняшний день самой распространенной является смешанная система, в которой

частный сектор сочетается с государственным. Существует антимонопольное законодательство, защита прав потребителей, социальные гарантии и экологические нормы. Государство в большей степени становится регулятором, который через налоги, льготы и законы корректирует инфляцию и безработицу.

Социально-экономическая система Российской Федерации представляет собой смешанную модель. Она сочетает формы предпринимательской деятельности и возможность государственного регулирования, то есть экономика нашей страны характеризуется совмещением частной инициативы с активным государственным влиянием на экономические процессы. Примерами вмешательства государства в экономику являются установление налогов и субсидий, антимонопольное законодательство, контроль над ценами. Государственное регулирование экономики может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на жизнь общества. В некоторых случаях оно может привести к негативным последствиям: уклонению от уплаты налогов, развитию теневой экономики и ослаблению государственных функций по защите финансовых свобод. Это происходит из-за того, что граждане и бизнес ищут способы обойти жесткие правила для получения экономической выгоды. Например, с 1 января 2025 года основная ставка налога на прибыль организаций увеличилась с 20 % до 25 % (соответствующие изменения внесены в Налоговый кодекс РФ Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ). Компании не успевают окрепнуть, как уже терпят убытки из-за высоких процентов налоговых сборов. Поэтому одни владельцы организаций начинают сокращать штат персонала, уменьшают расходы на новые проекты. Другие, чтобы сохранить организацию, занимаются обналичиванием денег через специальные организации, то есть уходят в теневой сектор. Стабилизировать налоговую нагрузку на граждан и бизнес могут законодательно закрепленные фискальные ограничения [2, с. 50-51].

Государственное антимонопольное регулирование имеет положительные стороны: содействует развитию конкуренции, стабилизирует рынок, укрепляет экономику в целом. При общей позитивной оценке антимонопольного регулирования наблюдается и группа проблем в этой области: большие полномочия антимонопольного органа, отсутствие разработанных стандартов доказывания, нет единой процедуры рассмотрения антимонопольных дел. Недостатки антимонопольного регулирования проявляются и в сфере ценообразования: нет эффективных способов пресечения картельных сговоров, требует совершенствования

регулирование цен на продукцию естественных монополий [3, с. 90].

В защите участников экономических отношений немаловажную роль должно играть право. С точки зрения права Конституция может сдерживать государство, ограничивая его вмешательство в экономику путем установления обязанностей граждан и государства, гарантий свобод, определения форм собственности. Г.А. Гаджиев в своей статье «Конституция как правовая основа современной экономики» пишет, что «вместе с тем чрезмерная этатизация экономики, чрезмерное воздействие государства на экономические отношения представляет, на мой взгляд, недопустимую, с точки зрения духа Конституции РФ, крайность. Потому что основа нашей российской экономики, как она предусмотрена нашей Конституцией, - это, конечно, свобода, прежде всего, частного, а не государственного сектора предпринимательства» [4, с. 27]. В его высказывании усиление роли государства рассматривается как нарушение конституционных принципов. Это намек на то, что огосударствление экономики и чрезмерное администрирование ограничивают конкуренцию и свободу предпринимательства. Вместе с тем Гаджиев не отрицает значимость государства, но считает опасным переход черты, когда происходит подавление частной инициативы и рыночная экономика начинает превращаться в командно-административную.

В то же время экономика нуждается в поддержке государства. Остается только вопрос, в каком качестве и в какой мере государство может вмешиваться в экономическую сферу? Если оно начнет меньше регулировать экономику, то это может привести к превалированию рыночных сил, к снижению роли государства в обеспечении экономического роста, стабильности и распределения доходов. Если же государство начнет делать больше, чем это необходимо, то велика вероятность, что произойдет деформация рыночных процессов, снизится уровень производства и, как правило, за этим последует ухудшение качества жизни населения. Активное вмешательство государства в экономику необходимо в чрезвычайных условиях, во время экономических кризисов, когда нужно задействовать все ресурсы и возможности для урегулирования экономической обстановки.

Государство всегда играло большую роль в развитии экономики и в странах Восточной Азии. Примером служит Китайская Народная Республика (КНР). Экономика этой страны характеризуется государственным регулированием, сильным экспортом и активным развитием технологий. Хотя в КНР и существует государственное планирование, но оно сильно отличается от советской пла-

новой экономики. Кроме того, страна перешла к рыночным реформам в 1979 году и сейчас сочетает элементы плановой и рыночной экономики. В данный момент экономика КНР включает два сектора. Первый сектор – это крупные предприятия, как правило, государственные. Второй сектор представлен средними и мелкими предприятиями, которые обычно являются частными. Государство целенаправленно регулирует цены, контролирует передвижение работников на государственных предприятиях, что приводит к росту производства. КНР занимает лидирующие позиции в сфере разработки и применения искусственного интеллекта (ИИ). Для ИИ-стартапов выделяются средства на субсидии и государственные заказы. На призывы правительства откликаются китайские венчурные инвесторы. Множатся аналоги китайской Кремниевой долины, в которой создано комфортное пространство для венчурных компаний, стартапов и инкубаторов малых предприятий [5, с. 21].

В добавление к вышесказанному, российская модель управления экономикой в последние годы все больше опирается на китайскую практику. Внедряются элементы долгосрочного планирования. Теперь планы по решению стратегических вопросов составляются до 2040–2045 годов. Китайская специфика государственного регулирования и участия в инновационной деятельности, которая проявляется в четком разделении рыночного и нерыночного спроса на инновации, может при грамотном использовании положительно сказаться на российской экономике [6, с. 45].

Модели экономики в Королевстве Швеции и Федеративной Республике Германии представляют собой варианты смешанной экономической системы, где рыночные механизмы сочетаются с сильной государственной социальной политикой. Хотя эти страны объединяет стремление к высокому уровню жизни, они используют разные подходы.

Шведская (социально-ориентированная) модель основывается на поддержке тех, кто испытывает трудности в нерегулируемом капитализме, отличается высоким уровнем социальных гарантий. Государство забирает значительную часть доходов, но возвращает их в виде качественной бесплатной медицины, образования и пособий. Количество нуждающихся людей регулируется обеспечением работой трудоспособного населения. Профсоюзы и работодатели договариваются о равной оплате за одинаковый труд по всей стране, чтобы сократить разрыв между богатыми и бедными.

Германская модель (социальное рыночное хозяйство) – это экономическая система, в которой свободный рынок сочетается с сильной соци-

альной защитой и поддержкой конкуренции. Государство не вмешивается в дела бизнеса, а создает для его развития правовую и социальную рамки. Независимые предприниматели и компании определяют экономические стратегии. Государство активно борется с монополиями, поэтому существует система мер по поддержанию конкурентной среды. Одной из задач государства является сохранение баланса между рыночной эффективностью и социальной справедливостью [7, с. 6]. Оно старается сберечь рыночные отношения и одновременно скорректировать «провалы рынка», например, финансирует образование, медицину и инфраструктуру, которые рынку развивать невыгодно.

Невмешательство государства и права в экономику представляет собой либеральную модель. А. Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» сформулировал одну из важнейших идей либерализма: общее благо достигается свободной активностью индивидов без вмешательства государства [8, с. 492-516]. Сторонники либеральной модели считали, что право может определять и направлять развитие экономических отношений, но не должно ими управлять. Ю.А. Кудрявцев в своем труде «Модели соотношения государства, права и экономики как теоретические конструкции и реальные управленческие механизмы» выделил основные положения либеральной модели: необходимо опираться на естественные общественные процессы, сводя к минимуму прямое принуждение; управление сверху разрушает конкуренцию и лишает человека права выбора; системе, основанной на конкуренции, нужен обоснованный правовой механизм [9, с. 103].

В рамках либеральной модели взаимодействия государства, права и экономики сложилось неолиберальное течение. В отличие от классического либерализма, неолиберализм признает необходимость государственного вмешательства в экономику. Основные позиции такого подхода заключаются в следующем: государство не должно контролировать цены и владеть предприятиями; власть только создает правовые рамки для свободного рынка. Таким образом, неолиберализм требует от государства лишь защиты конкуренции и создания законодательной базы.

Другим течением, в котором признается необходимость участия государства в экономических процессах, является кейнсианство. Отказ от принципа невмешательства и переход к активному государственному управлению поддерживаются в теории регулируемого капитализма, основоположником которой был Джон Кейнс. В частности, он писал: «Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потребле-

нию частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами» [10, с. 533].

Модели взаимодействия государства, права и экономики определяют направление и степень государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Они простираются от тотального контроля государства (командно-административная модель) до минимального (либеральная модель). Выбор конкретной модели обусловлен необходимостью обеспечения национальной экономической безопасности, поддержания устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения. Каждое государство выбирает именно ту модель, которая во взаимодействии с его реалиями принесет наибольшую пользу народу и экономике.

Список литературы:

- [1] Нуреев Р.М., Гретченко А.И. Реформы и застой в советской экономике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9, № 3. С. 134-165.
- [2] Милушев Д.Ф. Пределы вмешательства государства в экономику: теоретико-правовой аспект // Вестник ПАГС. 2011. № 2 (27). С. 48-52.
- [3] Игнатова С.М. Государственное антимонопольное регулирование в России: состояние и проблемы // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2003. № 2. С. 88-92.
- [4] Гаджиев Г.А. Конституция как правовая основа современной экономики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 1(38). С. 26-27.
- [5] Волконский В.А. Особенности экономического развития и роль государства в современной России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2(179). С. 13-24.
- [6] Вольчик В.В., Кот В.В. Опыт китайских реформ для развития российской инновационной системы // Российский экономический журнал. 2023. № 4. С. 38-58.
- [7] Поплавский С.П. Социально-экономическая модель развития Республики Беларусь // Инновационная экономика. 2024. № 2(39). С. 4-22.
- [8] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2025. 1072 с.
- [9] Кудрявцев Ю.А. Модели соотношения государства, права и экономики как теоретические конструкции и реальные управленческие механизмы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57). С. 99-106.
- [10] Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Н. Любимова. М.: Изд-во АСТ, 2023. 544 с.

References:

- [1] Nureyev R.M., Gretchenko A.I. Reforms and stagnation in the Soviet economy // Historical and economic research. 2008. T. 9, NO. 3. S. 134-165.
- [2] Milushev D.F. The limits of state intervention in the economy: the theoretical and legal aspect // Vestnik PAGS. 2011. № 2 (27). S. 48-52.
- [3] Ignatova S.M. State antimonopoly regulation in Russia: state and problems // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2003. № 2. S. 88-92.
- [4] Hajiyevev G.A. Constitution as the legal basis of the modern economy // Real estate and investments. Legal regulation. 2009. № 1(38). S. 26-27.
- [5] Volkonsky V.A. Features of economic development and the role of the state in modern Russia // Forecasting problems. 2020. № 2(179). S. 13-24.
- [6] Volchik V.V., Kot V.V. Experience of Chinese reforms for the development of the Russian innovation system // Russian Economic Journal. 2023. № 4. S. 38-58.
- [7] Poplavsky S.P. Socio-economic model of development of the Republic of Belarus // Innovative economy. 2024. № 2(39). S. 4-22.
- [8] Smith A. Study on the Nature and Causes of the Wealth of Peoples/trans. From English. M.: AST Publishing House, 2025. 1072 s.
- [9] Kudryavtsev Yu.A. Models of the ratio of state, law and economics as theoretical structures and real management mechanisms // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1(57). S. 99-106.
- [10] Keynes J. General theory of employment, interest and money/per. From English N. Lyubimova. M.: Publishing House AST, 2023. 544 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-306-311

КАЗАКОВ Денис Владимирович,
Частнопрактикующий юрист в г. Москва,
e-mail: advokatkazakovdv@yandex.ru

НАЛОГОВЫЙ ПРОИЗВОЛ ИЛИ ПЕРЕРАСЧЁТ И ВЗЫСКАНИЕ ПЕНИ ЗА МИНУВШИЕ ПЕРИОДЫ

Аннотация. В статье приводится судебная практика арбитражных судов города Москвы по делам об оспаривании перерасчета и взыскания пени в начале 2025 г. по налоговой задолженности за период до 08.03.2022 г. Автор анализирует проведенные налоговыми органами мероприятия на предмет соответствия законодательству, судебной практике и правовой доктрине. Делается вывод о необходимости формирования правовой позиции Высших судов РФ по данному вопросу, поскольку усматривается превышение полномочий со стороны налоговых органов.

Ключевые слова: пеня, налоговая пеня, налоговое администрирование, принудительное взыскание, акцессорность.

KAZAKOV Denis Vladimirovich,
Private Lawyer in Moscow

TAX ABUSE OR RECALCULATION AND COLLECTION OF PENALTIES FOR PAST PERIODS

Annotation. This article presents the case law of Moscow arbitration courts in cases challenging the recalculation and collection of penalties in early 2025 on tax arrears for the period up to March 8, 2022. The author analyzes the actions taken by tax authorities for compliance with legislation, judicial practice, and legal doctrine. The author concludes that it is necessary to formulate a legal position for the Supreme Courts of the Russian Federation on this issue, as this suggests abuse of authority by tax authorities.

Key words: penalty, tax penalty, tax administration, forced collection, accessory nature.

В 2025-2026 г. в арбитражных судах Москвы сложилась практика по отдельной категории налоговых споров, связанных с оспариванием доначисления и взыскания пени по налоговой задолженности. Рассматриваемая судебная практика является устойчивой в пользу налоговых органов и однородной по своему содержанию. Например, требования только по одному заявлению налогоплательщика было удовлетворено в суде первой инстанции, но отменено в высшей инстанции. Анализируя рассмотренные судебные дела, можно иначе взглянуть как на правовой институт налоговой пени, так и на институт налогового администрирования.

В рамках настоящего исследования были рассмотрены следующие судебные акты по номерам дел:

Арбитражный суд города Москвы (первая инстанция): № А40-45874/25-116-330, № А40-284998/25-75-2292, № А40-46171/25-99-377, №

А40-55083/25-75-459, №А40-299131/25-108-2341, №А40-254467/25-108-1758, № А40-48194/25-140-317, № А40-157749/25-108-1214, № А40-173143/25-140-1216, № А40-139207/25-99-848, А40-150040/25-99-991, № А40-166171/25-140-1130, А40-180324/25-140-1287.

9 Арбитражный апелляционный суд (Апелляционная инстанция): № А40-128734/2025, № А40-167155/25 / № 09АП-58596/2025, № А40-115002/25 / № 09АП-11334/2026, А40-203778/25 / № 09АП-11407/2026, №А40-174833/25 / № 09АП-13540/2026, № А40-183847/25 / № 09АП-2711/2026, № А40-93984/25 / № 09АП-59919/2025.

Арбитражный суд Московского округа (Кассационная инстанция): № А40-72941/2025, № А40-106360/2025, № А40-103950/2025, № А40-67214/2025.

Рассматриваемая судебная практика одно-

родна по своему содержанию и в большинстве случаев различаются только суммы доначислений, период недоимки, сальдо ЕНС и исполнение основного обязательства, но есть и особенные случаи. Обобщая, фабулу дел можно выразить в следующем виде.

09.01.2025 г. налоговые органы проводят меры по актуализации сальдо единого налогового счета налогоплательщиков-организаций. В ходе данных мероприятий в автоматическом режиме проводится перерасчет пени по ставке 1/150 ЦБ. Пеня рассчитывается в отношении недоимки, начисленной преимущественно в 2023 г. и возникшей в период до 08.03.2022 г., на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения в результате проведения ВМП. В тот же день указанная недоимка по пени отображается в виде отрицательного сальдо на ЕНС налогоплательщика. Далее начинается процесс взыскания доначисленной недоимки по пени, который осуществляется либо налоговым органом в порядке ст. 46, 69 НК РФ, либо уплачивается добровольно налогоплательщиком. У некоторых налогоплательщиков был положительный и достаточный ЕНП, чтобы погасить задолженность в порядке п.8 ст. 45 НК РФ. У других было отрицательное сальдо ЕНС с уже сформированными мерами взыскания, в таком случае налоговые органы не обязаны никак сообщать о проведенных мероприятиях, поэтому указанные доначисления оказались неожиданностью для налогоплательщиков. Налогоплательщики, обнаружив доначисления, обращаются в Арбитражный суд г. Москвы с требованием к налоговому органу о признании действий в перерасчете, доначислении и взыскании пени незаконными. Во многих случаях, недоимка на сумму которой перерассчитана пеня и задолженность по пени уже давно погашена налогоплательщикам и у них отсутствовали неисполненные налоговые обязательства. Тем не менее, суды трех инстанций упорно отказывают налогоплательщикам по заявленным требованиям. Важно отметить, что на дату настоящего исследования обращений в Верховный суд РФ и Конституционный суд РФ по рассматриваемому вопросу не поступало.

Нормативной базой в рассматриваемых отношениях является Налоговый кодекс РФ и ряд Федеральных законов, которыми внесены изменения в Налоговый кодекс РФ:

Во-первых, 01.10.2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ, согласно пп. «б» п. 13 ст. 1, п.п. 7, 9 ст. 13, были внесены изменения в п.5 ст. 75 НК РФ, которые добавили дифференцированные ставки по пени для организаций в зависимости от сроков просрочки обяза-

тельства по уплате задолженности.

Во-вторых, Федеральным законом от 26.03.2022 № 67-ФЗ в п. п. «б» п. 2 ст. 1 введено положение, согласно которому ставка по пене с 09.03.2022 г. рассчитывается согласно 1/300 ставки ЦБ РФ. Указанным ФЗ также в п. 3 ст. 5 устанавливается, что ставка пени для организаций считается по ставке 1/300 ЦБ РФ и применяется к недоимке, возникшей в том числе до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, то есть до 08.03.2022 г. Таким образом, законодатель установил обратную силу действия закона во времени, улучшающую положение налогоплательщика. Фактически, данное положение является специальной нормой по отношению к ст. 75 НК РФ, поскольку устанавливает запрет на перерасчет пени по иной ставке за период до 08.03.2022 г. Поэтому п. 3 ст. 5 ФЗ от 26.03.2022 № 67 можно считать главенствующей нормой в рассматриваемых отношениях.

На 09.01.2025 г., то есть на дату перерасчета пени п. 3 ст. 5 ФЗ от 26.03.2022 № 67, а также на дату рассмотрения судами заявлений указанное положение остается в силе. Тем не менее, ни налоговыми органами, ни судами данному пункту не уделено должного внимания. Так, во многих решениях арбитражных судов отсутствует ссылка на данный Федеральный закон. Суды, вынося решение по интуиции, ограничиваются общими нормами НК РФ о том, что предельный срок перерасчета и начисления пени не установлен, а данная недоимка не является безнадежной ко взысканию.

В-третьих, Постановлением Правительства РФ от 29.03.2023 N 500 введен мораторий на начисление пени, который действовал с 08.03.2022 по 01.01.2025 г. В данный период пени исчислялась по ставке 1/300 ставки ЦБ, согласно п.4, п.5 ст. 75 НК РФ.

В-четвертых, согласно п.п. 13 ст.19 Федерального закон от 08.08.2024 N 259-ФЗ (ред. от 28.11.2025) действие положений пункта 5 статьи 75 НК РФ распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2024 года. То-есть начисление пени по ставке 1/300 продолжается с 2024 г. и далее.

В-пятых, Федеральным законом от 28.11.2025 N 425-ФЗ в п.п. «а» п. 31 ст. 1 введено положение, согласно которому срок действия особого порядка расчета пени для организаций продлевается до конца 2026 года (28.11.2025).

Действующая в 2025 г. редакция Налогового кодекса РФ, действующие Федеральные законы о внесении изменений в Налоговый кодекс РФ не предусматривали обязанности для налоговых органов провести перерасчет пени, возникшей до 03.08.2022 г. и рассчитанной по ставке 1/300

по ставке 1/150, в том числе и после прекращения действия моратория. Поэтому вопрос о том, насколько данные мероприятия являются законными и правомерными до сих пор остается открытым.

Представленная судебная практика позволяет иначе взглянуть на правовую природу налоговой пени.

Пеня в налоговых правоотношениях имеет двойственную правовую природу и обладает как признаками средства обеспечения обязательства, так и признаками финансовой ответственности. Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики N 1 (2021) от 07.04.2021 указывает, что пеня в налоговых обязательствах является одновременно обеспечительной мерой и мерой имущественной ответственности.

Налоговая пеня является в большей степени именно обеспечительной мерой. Этот вывод следует прежде всего из законодательного закрепления ст. 75 НК РФ, посвященной пени, в Главе 11 НК РФ, которая называется «способы обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов, сборов, страховых взносов».

Конституционный суд РФ неоднократно указывал в постановлении от 17.12.1996 N 20-П, от 13.05.2025 N 20-П определениях от 8 февраля 2007 г. N 381-О-П, от 17.02.2015 № 422-О на то, что пеня носит производный (акцессорный) характер и является способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налога.

ВАС РФ в Постановлении от 16 апреля 2013 г. N 15638/12 отмечает, что пени являются правостановительной мерой государственного принуждения, носящей компенсационный характер, за несвоевременную уплату налога в бюджет и взыскиваются с лица, на которое возложена такая обязанность.

ВС РФ, например, в Определении от 27.04.2017 N 304-КГ17-3988 по делу N А27-26167/2015 также поддерживает позицию о том, что пени носят производный характер, поскольку начисление пеней непосредственно связано с несвоевременной уплатой налогов в бюджет. До фактической уплаты налога в бюджет налогоплательщик неправомерно пользуется денежными средствами.

Таким образом, одним из определяющих признаков пени является ее акцессорность, то есть производность от основного обязательства. Иные признаки пени, например, императивность, автоматизация, непрерывность начисления, длящийся характер не носят существенного значения в рамках настоящего исследования.

Акцессорность является сугубо доктринальной категорией и не имеет легального опреде-

ления в налоговом законодательстве. В общем виде под акцессорностью понимается правовая связь между обеспечительным правом и обеспечиваемым требованием [1]. В научной литературе предлагаются различные подходы к определению акцессорности. Согласно ограничительному подходу, акцессорное обязательство строго зависит от основного обязательства [2]. Строгая зависимость выражается в том, что основное обязательство определяет юридическую судьбу зависимого обязательства, а также имеется признак следования зависимого за основным.

Согласно расширительному подходу, акцессорность может несколько форм выражения. Например, выделяют акцессорность возникновения, акцессорность объема требования, акцессорность следования за главным требованием, акцессорность прекращения, акцессорность возможности принудительного осуществления и т.д. Расширительный подход также предполагает, что у конкретного вида обязательства, либо правоотношения, может быть, своя «особенная» акцессорность с определёнными признаками [3].

Акцессорность налоговой пени можно понимать в достаточно широком смысле, поскольку этому способствуют как положения Налогового кодекса, так и сложившаяся судебная практика.

Признак акцессорности налоговой пени характеризуется в следующем:

Из содержания п.2 ст. 75 НК РФ, следует, что пеня уплачивается дополнительно к основной недоимке по налогам, согласно редакции НК РФ от 17.04.2026. В предыдущих редакциях, например до введения ЕНС в 2023 г., существовала формулировка «уплачивается помимо причитающихся». После введения ЕНС и единого налогового платежа, пеня согласно п.п. 5 п.8 ст. 45 НК РФ уплачивается после погашения совокупной недоимки по налогам, а начисление пеней осуществляется по день фактического погашения недоимки.

Согласно п. 6 ст. 11.3 НК РФ сумма пеней, рассчитанная в отношении конкретной налоговой задолженности, учитывается в сальдо ЕНС налогоплательщика не ранее момента учета основной задолженности в ЕНС. В данном случае речь идет о техническом учете пени в административном ресурсе налоговых органов.

Верховный суд РФ указывает, что если основная задолженность по налогам признана безнадёжной ко взысканию, то пеня, начисленная на сумму этой задолженности, также признается безнадёжной ко взысканию ввиду ее производного характера.

Согласно п. 51 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57, пеня имеет отдельные сроки принудительного взыскания задолженности

в порядке ст.46,47,69,70 НК РФ. Данные сроки начинаются исчисляться только после погашения основной недоимки по налогам. Указанное положение вероятно утратило свою актуальность поскольку оно не согласуется с акцессорным характером налоговой пени, разъяснениями ВС РФ. Более того, новым законодательным регламентированием введен институт ЕНС в 2023 г., согласно которому требование по ст. 69, 70 НК РФ выставляется однократно после возникновения отрицательного сальдо ЕНС и действует до тех пор, пока сальдо ЕНС не станет положительным, вне зависимости от уплаты задолженности отдельно по налогам или пени. Однако на дату возникновения рассматриваемой практики п. 51 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57 остаётся в силе и на него ссылаются в том числе суды.

Таким образом, пеня однозначно имеет производный характер, что подтверждается нормами НК РФ, разъяснениями ВС РФ и судебной практикой. Перерасчет пени, произведенный налоговым органом 09.01.2025 г., начисление задолженности по пени в ЕНС налогоплательщиков и последующее их взыскание явно противоречит доктринальным представлениям о правовой природе налоговой пени. Особое недоумение вызывает проведение подобных мероприятий в отношении налогоплательщиков, которые полностью исполнили налоговые обязательства по уплате налогов и пени. Названные действия налоговых органов не применимы для акцессорного по своей природе обязательства, наоборот, их применение возможно только для абсолютного, абстрактного обязательства, которое может существовать само по себе и которым не является налоговая пеня.

Наконец, в результате исследования представленной судебной практики ставится вопрос о добросовестном налоговом администрировании, который предусмотрен п.2 ст. 22 НК РФ и его соотношении с законными и правомерными ожиданиями налогоплательщиков.

Высшие суды РФ приводят следующие принципы добросовестного налогового администрирования – полнота, своевременность и последовательность действий налогового органа. В рассматриваемой ситуации есть основания полагать, что налоговые органы при перерасчете пени пренебрегли указанными принципами, что создает некий репутационный ущерб налоговой службе, а также подрывает доверие со стороны добросовестных налогоплательщиков.

Согласно принципу полноты налогового администрирования, не допускается излишние взыскание налогов в размерах, превышающих законные требования, а также запрещается недобор по обязательным платежам [4]. В рассматриваемой

ситуации законного основания для перерасчета и доначисления пени по ставке 1/150 ЦБ РФ у налоговых органов не имелось. Более того, из п. 3 ст. 5 Федерального закона от 26.03.2022 № 67-ФЗ следует, что пени по недоимке, возникшей до 08.03.2022 г. считается по ставке 1/300 ЦБ РФ. Вопрос о том, каким именно образом вдруг возникшая недоимка причиняет ущерб бюджетной системе не рассматривался судами, при вынесении решения. В случаях, когда налогоплательщик исполнил свою обязанность и погасил основную задолженность по налогам и начисленную пени по ставке 1/300, согласно действующему на тот момент законодательству. Как неоднократно указывал ВС РФ обоснованием ущерба бюджету и соответственно начислением пени является недополучение налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Таким образом, ущерб бюджету не причинялся, а обратное налоговыми органами не доказано.

Принцип своевременности в налоговом администрировании означает принятие налоговым органом мер в разумные сроки. Суды в своих решениях указывают на то, что НК РФ не предусматривает предельный срок начисления пени, а также предельные сроки по перерасчёту пени.

Верховный суд РФ в определении от 16.03.2018 по делу № А40-230080/2016 сформировал позицию, согласно которой недопустимы избыточные или неограниченные по времени мероприятия налогового контроля, влекущие за собой негативные экономические последствия для налогоплательщика. В ином случае создается неопределённость относительно налоговых прав и обязательств, при которой налогоплательщик лишается возможности добросовестно предвидеть налоговые последствия своих действий. При этом, бремя доказывания обстоятельств, позволяющих сделать вывод о разумности соблюдения срока перерасчета пени, лежит на налоговом органе. В рассматриваемой практике налоговые органы не обосновывали разумность сроков, а суды не исследовали данный вопрос.

Перерасчет пени за периоды до 08.03.2022 г. и отраженный на ЕНС в 2023 г. нельзя считать своевременным, поскольку некоторые налогоплательщики исполнили свою обязанность в полном объеме в 2023-2024 г. То есть в некоторых случаях прошло более полутора лет, что признается ВС РФ значительным сроком.

Принцип последовательности в налоговом администрировании означает соблюдение налоговым органом процедур и административных мер в том порядке, который устанавливается налоговым законодательством. В рассматриваемом случае данный принцип налоговыми органами также на-

рушится, поскольку присутствует ничем не мотивированный временной разрыв между мерами принудительного взыскания задолженности.

Кроме того, есть основания полагать, что налоговыми органами были пропущены сроки принудительного взыскания задолженности по ст. 46, 69, 70 НК РФ.

Из положений п. 51 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57 следует, что пеня имеет обособленный срок принудительного взыскания, который начинается исчисляться с момента уплаты основной суммы задолженности по налогам в полном объеме.

Согласно п.1 ст. 70 НК РФ основанием для выставления требования об уплате задолженности служит именно техническое отражение недоимки на сальдо ЕНС налогоплательщика, а не ее абстрактное юридическое существование. Однако в рассматриваемой практике недоимка и рассчитанная по ней пеня уже были начислены на ЕНС налогоплательщика в 2023 г. по решению по ВМП и тогда же принимались меры принудительного взыскания задолженности. Тот факт, что недоимка по пени была перерассчитана в дальнейшем налоговыми органами не свидетельствует о том, что у налогоплательщика возникла новая задолженность. Потому что это будет перерасчет уже существующей ранее задолженности, по которой уже были приняты меры взыскания. Кроме того, технический учет задолженности по пени в сальдо ЕНС, согласно, п. 6 ст. 11.3 НК РФ, возможен только после учета основной суммы задолженности, что опять свидетельствует в пользу того, что недоимка по пени не является новой задолженностью.

Таким образом, принятие налоговым органом мер принудительного взыскания задолженности в отношении перерассчитанной суммы недоимки является незаконными, потому что пропущены сроки принудительного взыскания. На это обстоятельство также обращают внимания суды, когда налоговый орган взыскивал задолженность по перерассчитанной пени в исковом порядке в рамках административного производства, например, в делах №А40-299131/25-108-2341, №А40-254467/25-108-1758.

Перерасчет и последующие взыскание пени по задолженности до 08.03.2022 г. явно противоречит принципам добросовестного налогового администрирования и является само по себе неправомерным [5].

Как неоднократно указывал Верховный суд РФ законодательство о налогах и сборах должно быть сформулировано максимально четким образом, чтобы исключить возможные интерпретации и разночтения.

Из пояснительной записки к проекту феде-

рального закона "О внесении изменений в пункт 4 статьи 75 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" следует, что планируемые изменения, в частности, в п.4 ст. 75 НК РФ направлены в первую очередь на поддержку бизнеса в условиях нестабильной экономической ситуации.

Для достижения указанных целей предполагается временное приостановление начисления пени по ставке 1/150 ЦБ РФ. Законодатель, вводя указанные поправки, преследовал цель защиты бизнеса от негативных последствий экономического кризиса, в том числе путем установления обратной силы действия закона во времени, улучшающего положение налогоплательщика. Дальнейшее законодательное регламентирование не отменяет данные меры, а продляет их действие до конца 2026 г. Поэтому, перерасчет и доначисление пеней противоречит как логике законодателя, так и смыслу вводимых им антикризисных мер.

Данные действия однозначно нарушают законные и правомерные ожидания налогоплательщиков, также подрывают доверие к налоговым органам. Суды в рассматриваемой практике указывают на то, что налогоплательщики предвидели или могли предвидеть факт наличия у них недоимки, в том числе рассчитанной по неправильной ставке в 1/300. Однако на практике это превращается в абсурдную ситуацию: налогоплательщик еще в момент начисления основной задолженности и пени в 2023 г. самостоятельно проводит свой перерасчет пени по ставке 1/150 и предоставляет его в налоговый орган. Налоговая, естественно, отказывает налогоплательщику в перерасчете пени в сторону увеличения на основании действующего на тот момент моратория, а также того, что пеня рассчитывается автоматически и налоговые органы обязаны полагаться именно на автоматический расчет пени.

Таким образом, доначисление пени налоговыми органами в рассматриваемых делах явно противоречит ст. 11.3, 46, 69, 70 НК РФ, п. 3 ст. 5 ФЗ от 26.03.2022 № 67, правовым позициям, сформированным Высшими судами РФ и доктринальным представлениям о правовой природе пени. Поскольку арбитражные суды упорно окатывают организациям в защите своих прав, то в данной ситуации необходимы разъяснения ВС РФ и КС РФ.

Список литературы:

- [1] Яшина И.Ю. Ослабление принципа акцессорности залоговых прав в зарубежных правовых системах // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С. 25-27.
- [2] Трухан Р.П. Общетеоретические аспекты

признаков акцессорности в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 47-49.

[3] Фролов Алексей Иннокентьевич Акцессорность как эффект функциональной производности гражданского правоотношения // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 29. С. 193-204.

[4] Кузнецов Л.Д. Основы современного налогового администрирования // Финансовые рынки и банки. 2023. № 10. С. 65-69.

[5] М. В. Карасева (Сенцова) Доверие и недоверие как парные категории в теории налогового права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 319-324.

References:

[1] Yashina I.Yu. Weakening of the principle of

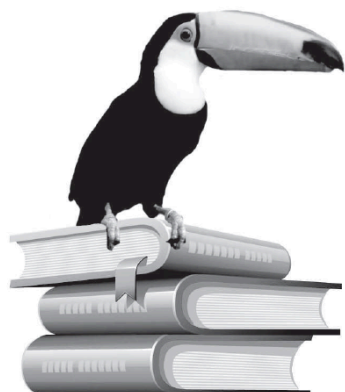
accessory collateral rights in foreign law and order // Law and state: theory and practice. 2021. № 6 (198). S. 25-27.

[2] Trukhan R.P. General theoretical aspects of signs of accessory in Russian law // Law and state: theory and practice. 2023. № 4 (220). S. 47-49.

[3] Frolov Alexey Innokentievich Accessory as an effect of the functional productivity of civil legal relations // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 29. S. 193-204.

[4] Kuznetsov L.D. Fundamentals of modern tax administration // Financial markets and banks. 2023. № 10. С. 65-69.

[5] M.V. Karaseva (Sentsova) Trust and distrust as paired categories in the theory of tax law // Vestnik VSU. Series: Right. 2024. № 2 (57). S. 319-324.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-312-316

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ УЩЕРБА ОТ ПОЖАРОВ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ОСНОВНЫМ АГЛОМЕРАЦИЯМ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки пожарных рисков, являющиеся важным кейсом в обеспечении экономической безопасности региона. Определены зоны риска: городская агломерация с промышленной территорией и жилым сектором, сельская местность и лесные массивы. Автор исследует структуру прямого и косвенного экономического ущерба в зависимости от пожарной нагрузки. Обоснована необходимость системного мониторинга для минимизации потерь.

Ключевые слова: экономический ущерб, пожарные риски, лесные пожары, техногенные пожары, региональная безопасность.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer of the Department of Emergency Safety, Ural
Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia, Yekaterinburg

ISSUES OF ASSESSING DAMAGE CAUSED BY FIRES IN THE FIELD OF ECONOMIC SECURITY IN MAIN AGGLOMERATIONS

Annotation. The article discusses the assessment of fire risks, which is an important case in ensuring the economic security of the region. The risk zones are identified: urban agglomerations with industrial areas and residential sectors, and forests. The author examines the structure of direct and indirect economic damage depending on the fire load. The need for systematic monitoring to minimize losses is substantiated.

Key words: economic damage, fire risks, forest fires, industrial fires, regional security.

Цель работы - изучить современные методы комплексной оценки ущерба от пожаров и обобщить особенности теоретического обоснования социально-экономического районирования при разработке территориальной системы ликвидации пожаров.

Метод исследования: теоретические обоснования и обобщение научной литературы по применению социально-экономического районирования при использовании территориальной системы предотвращения пожаров с учетом комплексной оценки ущерба от них.

Введение.

В современных условиях оценка ущерба от пожаров становится одной из ключевых задач в области экономической безопасности. Территориальная неоднородность последствий от пожаров

влияет на экономические оценки пожарных рисков по регионам. В промышленно-городской агломерации высоки прямые потери имуществу, оборудованию и инфраструктуре. Пожары на ландшафтных территориях и в сельско-пригородных зонах создают долгосрочные природно-экологические последствия, социально-бытовые риски и бюджетные издержки. Это требует дифференцированного подхода к управлению рисками с учетом специфики каждого региона.

Основная часть.

Пожары выступают источником прямого материального ущерба, косвенных потерь, социальных потерь и экологического ущерба. Следовательно, мониторинг пожарной опасности должен быть встроен в контур управления экономической безопасностью территории и ориентирован на

снижение ожидаемого ущерба.

По мнению Баранова П. В. и Григорьян А. Н. пожарная опасность города, региона, страны - это серьезная угроза их экономической безопасности. Последствия от пожаров в макроэкономике измеряются через общепринятые общеэкономические показатели. Оценить ущерб от пожара – это значит определить денежное выражение тех убытков, которые понесены собственником недвижимого имущества [1].

По статистическим данным, без которых невозможно провести сравнительный анализ, за прошедший 2025 год в России было зарегистрировано 317 311 пожаров, что на 8,7% меньше по сравнению с предыдущим годом. Из них: погибло: 6 521 человек (включая 295 детей) получили травмы: 7 966 человек, спасено 22 691 человек, эвакуировано 183 088 человек. Материальный ущерб превысил 22,8 млрд рублей, увеличившись на 15,2%. В жилом секторе уничтожено пожарами 7 611 ед. (-15,8%), сгорело 1 977 ед. (-8,8%) объектов торговли, пострадало 1 784 ед. (-14,4%) производственных объектов. Средний ущерб от одного пожара – 71,72 тыс. р. (56,85). По социальному статусу среди погибших на пожарах за 20215 год наибольшее количество погибших составили пенсионеры – 2 318 человек, (35,5% от общего количества погибших), далее идут лица без определенного рода занятий: 20,3% (1 326 человек) и рабочие: составляют 432 человека в структуре погибших. Больше количество несовершеннолетних погибло в возрасте 1 года (35 детей), в возрасте 3-х лет погибло 33 ребёнка, в возрасте 2-х лет -28 детей.

По приросту количества пожаров лидируют следующие субъекты Российской Федерации: республиках: Дагестан (15,7 %), Ингушетии (16,4 %), Кабардино-Балкарской (11,2 %), Крым (0,2 %), Северной Осетии – Алании (10,1 %),

Лидерами по абсолютному приросту числа возгораний стали Московская область (рост с 13 361 до 14 200), Приморский край (рост с 10 851 до 11 836) и Ставропольский край (рост с 5 475 до 8 112). Рост гибели людей отмечен в 16 субъектах РФ. Эти данные показывают ситуацию по пожарам за прошедший 2025 год по всей стране, однако статистика конкретно для промышленно-городских агломераций выделена отдельно. Свыше 90% всех смертей на пожарах приходится на жилой сектор. Около половины трагедий происходит в вечернее время и ночью, особенно в выходные дни. В сельской местности велика доля гибели детей из-за печного отопления, длительного сезона холодов и отсроченного прибытия пожарных по неудовлетворительным подъездным путям.

Картина основных причин пожаров остается

стабильной: неосторожное обращение с огнем, нарушения правил эксплуатации электрооборудования, проблемы с печным отоплением, огневые работы и детская шалость. Рост ущерба связан с удорожанием строительных материалов, увеличением стоимости имущества и пожарами на промышленных и коммерческих объектах.

Блохина А. А. считает, что для лесного комплекса одним из путей повышения экономической безопасности является необходимость рационального, не истощительного использования лесных ресурсов, а серьезную угрозу экономической безопасности в лесной сфере представляют лесные пожары. Пожары наносят существенный ущерб не только экономике страны, но и ее экологии, уничтожая большую площадь земель, занятых лесными насаждениями, заготовленную древесину, задымляя и загрязняя окружающую среду, что в свою очередь представляет опасность для людей и животных [2].

Весной на землях лесного фонда возникло 2,8 тыс. пожаров, охвативших 3,8 млн га. 95% всей площади пришлось на пять регионов Дальнего Востока. По сравнению с 2024 годом масштабы лесных пожаров удалось сократить вдвое.

Оценка ущерба должна включать как прямые, так и косвенные экономические потери. Прямые убытки связаны с уничтожением имущества, инфраструктуры, оборудования. Косвенные убытки от пожаров влияют на снижение производительности, рост затрат на восстановление, ухудшение инвестиционного климата.

Эффективная экономическая политика требует координации между различными ведомствами для создания единой цифровой базы данных и платформы мониторинга пожарной обстановки. Это позволит улучшить прогнозирование и управление рисками. По информации на 17 июня 2026 года Правительство России выделило рекордное финансирование на борьбу с лесными пожарами, почти 27 миллиардов рублей в 2026 году. Средства предназначены для создания и усиления авиаотделений, укрепления их материально-технической базы, формирования противопожарных полос, а также для авиапатрулирования. Кроме того, 19 субъектов РФ получили дополнительные средства на мероприятия, связанные с предотвращением и ликвидацией пожаров. В связи с чем, в 2026 году площадь, пройденная огнём, сократилась в три раза по сравнению с 2025 годом, и удалось избежать человеческих жертв и повреждения инфраструктуры. Важно также учитывать необходимость инвестиций в технологии раннего обнаружения и мониторинга.

Внедрение беспилотных авиационных систем и дистанционного зондирования Земли поз-

воляет оперативно обнаруживать очаги возгорания и минимизировать ущерб. В 2026 году девять из десяти пожаров удавалось потушить в первые сутки благодаря этим технологиям. Важным аспектом является профилактика нарушений правил пожарной безопасности, штрафы за нарушения могут варьироваться от 5 до 30 тысяч рублей, что подчеркивает важность соблюдения норм.

Таким образом, актуальная экономическая политика в сфере оценки ущербов от пожаров должна быть комплексной, учитывающей территориальные особенности, современные технологии и необходимость межведомственного взаимодействия.

В промышленно-городских агломерациях (ПГА) оценка пожарных рисков позволяет учитывать характеристики различных сложных объектов и территорий. Пожарная опасность и разнообразность застройки динамично развивающихся городов и городских агломераций существенно осложняет тушение пожаров, а также оценку комплексного ущерба от них. Важными проблемами являются: увеличение высотности и плотности жилой застройки, строительство крупных спортивных сооружений и торгово-развлекательных центров сложной архитектуры [3].

Прямой ущерб от пожаров - это разрушение или повреждение зданий, складов, инфраструктуры энергосети, транспорта, связь, оборудования, товарно-материальных запасов. Косвенный ущерб часто доминирует и связан с остановкой производства, простоем логистики, срывом цепочек поставок, недопоставка продукции, штрафы по контрактам, рост страховых премий.

При определении экономического ущерба от пожаров на различных территориях необходимо провести ранжирование различных территориальных зон городских агломераций и выявить зоны с наибольшим экономическим ущербом. При этом важно определить не суммарный ущерб от всех пожаров на определённой территории, а средний материальный ущерб от одного пожара на той или иной городской территории [4].

В состав социально-экономических потерь включены временное расселение граждан, снижение деловой активности в зоне ЧС, нагрузка на службы жизнеобеспечения. Экологический ущерб обычно локальный, но пожары на предприятиях химической и нефтехимической промышленности могут быть продолжительными и стать крупными в связи с загрязнением окружающей среды и рекультивацией территорий городских агломераций.

Высокая стоимость активов на единицу площади, концентрация критической инфраструктуры и большие косвенные потери от остановки бизнеса в ПГА являются основными критериями увели-

чения материальных потерь от пожаров и, как следствие, ведут к дорогим восстановительным работам.

Для природных пожаров на лесных территориях типичным профилем потерь является совокупный ущерб на уровне региона из-за площади и длительности, но стоимость уничтоженных «построенных активов» часто ниже, чем в городах. Прямой ущерб сводится к утрате древесных ресурсов, страдает товарная древесина, лесохозяйственная инфраструктура, техника, объекты в лесном фонде. Затраты на тушение включают использование авиации, наземных сил, создание минерализованных полос, логистику с огромной статьей расходов на пожарную безопасность региона. Падение доходов лесного хозяйства и смежных отраслей, включающее лесозаготовку, перерабатывающие древесину предприятия. В результате влияния косвенного экономического ущерба происходит сокращение туризма и простой предприятий из-за дыма и ограничений доступа в лесопарковые зоны. Необходимо помнить об экологическом и климатическом ущербе при выбросе CO₂, деградации почв, потери биоразнообразия, ухудшение водного режима, роста риска паводков и оползней после пожара. Оценка лесных потерь сильно зависит от методики, которая может учитывать только рыночную стоимость древесины, затраты на тушение или также эко системные услуги и здоровье.

Градостроительное зонирование зачастую не прогнозирует комплексный ущерб от пожаров, в связи с чем зонирование городских территорий необходимо осуществлять с точки зрения последствий возможного пожара в данном городском районе с выделением наиболее важных территориальных зон. Городское пространство разделено на зоны различного функционального назначения (жилые кварталы, промышленные районы, административные центры), каждая из которых обладает специфическими характеристиками, определяющими потенциальный ущерб при пожаре [5].

Основные компоненты ущерба от пожаров в сельской местности и на территориях агропромышленных угодий, как и во все времена считается выгорание посевов, пастбищ, гибель скота. Абсолютная стоимость активов для домохозяйств и местной экономики, ниже, чем в агломерациях, но тем не менее важны потери сельхозпроизводства.

Фактор удалённости от пожарных частей связан с вероятностью полного выгорания сельскохозяйственных объектов и «тотальных» потерь от пожаров в жилых домах, хозяйственных постройках. Важным компонентом в оценке комплексной оценки ущерба от пожаров являются аграрные потери, это - сельскохозяйственная техника, запасы кор-

мов и урожая, потеря урожая будущих периодов.

С начала 2026 года в России зафиксировано 3 тыс. лесных пожаров на площади 1,2 млн га. За аналогичный период 2025 года было зарегистрировано 3,3 тыс. возгораний на 3,8 млн га,

а пятилетнее среднее значение составляет около 4,8 тыс. пожаров на 1,6 млн га.

Сравнительный расчет удельных потерь по прямому ущербу в РФ за 2025 год представлен в таблице.

Таблица Удельные потери по прямому ущербу от пожаров по основным видам территорий

Виды	Количество пожаров	Прямой материальный ущерб, млн. рублей	Удельный ущерб, рублей на пожар
Городская агломерация	165 459	13029,4	78747
Сельская местность	151852	9728,7	64067
Лесной массив	2253	1000	445000

Удельный прямой ущерб от одного пожара выше в городах - почти на 14,5% больше, чем в сельской местности. Максимальные потери «на один пожар» в 2025 году, как ожидается, отмечаются в промышленно-городских агломерациях, как отражено в диаграмме.

Рис 1- Процентная доля удельных потерь по прямому ущербу от пожаров

Причина обусловлена высокой стоимостью основных фондов и запасов, а также большими косвенными потерями (простой, логистика). Так как даже единичный крупный пожар на производстве и на складе даёт огромный ущерб. Максимальные суммарные потери по площади и затратам на тушение часто приходятся на лесные территории в годы с тяжёлым пожароопасным сезоном. Причина связано с большими площадями горения, использованием дорогостоящей авиации и длительных кампаний по тушению.

В своей работе авторы Ивачев М. А., Бареева Р. З., Картавов В. О. полагают, что к расходам, образовавшимся за время остановки производства, можно отнести и текущие затраты предприятия, которые оно вынуждено осуществлять независимо от того, осуществляется производственный процесс или он остановлен. Значит, в случае приостановки выпуска продукции по причине пожара предприятие лишается прибыли за время остановки производства и несёт убытки в качестве условно-постоянных затрат [6].

В сельской местности суммарные потери в рублях часто ниже, чем в ПГА из-за меньшие стоимости активов, но социальная тяжесть выше по причине большой доли не застрахованного имущества, риска выгорания домов из-за удалённости пожарных подразделений и ущерба сельхозпроизводству.

По показателю потери на 100 тысяч жителей лидировать могут либо ПГАЭ, если был хотя бы один крупный техногенный пожар, либо отдельные малонаселённые регионы, затронутые

природными пожарами. Итоговые данные за 2025 год демонстрируют устойчивое уменьшение числа техногенных пожаров и их последствий, что подтверждает общую тенденцию стабилизации оперативной ситуации в стране.

Главным успехом отчетного периода стало заметное сокращение детской смертности. Вместе с тем, наблюдаемый рост прямого материального урона на фоне снижения количества инцидентов указывает на изменение качественных параметров пожаров: увеличивается «стоимость» каждого отдельного возгорания, что обязывает пересмотреть подходы к охране материальных ресурсов.

Список литературы:

[1] Баранова, П. В. Потери от пожаров и их влияние на экономику региона / П. В. Баранова, А. Н. Григорьян // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, 2022. – С. 94-97. – EDN NJWPCS.

[2] Блохина, А. А. Лесные пожары как угроза экономической безопасности в лесном комплексе / А. А. Блохина // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления : материалы XIV международной научно-практической конференции, Курск, 01–02 июня 2019 года. Том Выпуск 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 64-68. – EDN ZVLKTZ.

[3] Опарин, Д. Е. Оценка комплексного

ущерб от пожаров в городских агломерациях с учётом социально-экономического районирования / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 26 мая 2023 года. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2023. – С. 300-303. – EDN IQRZIX.

[4] Опарин, Д. Е. Ранжирование городских территорий в аспекте оценки комплексного ущерба от пожаров / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Научные исследования 2023: актуальные теории и концепции : сборник материалов XXIX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2023 года. Том 1. – Москва: Научно-издательский центр "Империя", 2023. – С. 33-37. – EDN MAHNJM..

[5] Опарин, Д. Е. Вопросы комплексной оценки ущерба от пожаров в условиях районирования городской застройки / Д. Е. Опарин // Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности и защиты от чрезвычайных ситуаций : Материалы VII всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2025 года. – Железногорск: Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2025. – С. 434-436. – EDN URENML.

[6] Ивачев, М. А. Экономический ущерб от пожаров и методы его определения / М. А. Ивачев, Р. З. Бареева, В. О. Картавов // Проблемы энергосбережения и экологии в промышленном и жилищно-коммунальном комплексах : сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 октября 2023 года. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2023. – С. 48-51. – DOI 10.58841/9785835618163_48. – EDN JCHGJK..

References:

[1] Baranova, P.V. Losses from fires and their impact on the region's economy/P.V. Baranova, A.N. Grigoryan // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 26, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,

Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinicheva, 2022. - S. 94-97. – EDN NJWPCS.

[2] Blokhin, A. A. Forest fires as a threat to economic security in the forest complex/ A. A. Blokhin // Actual problems of the development of economic entities, territories and systems of regional and municipal management: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Kursk, June 01-02, 2019. Volume Issue 3. - Kursk: Southwestern State University, 2019. - S. 64-68. – EDN ZVLKTZ.

[3] Oparin, D. E. Assessment of complex damage from fires in urban agglomerations taking into account socio-economic zoning/D. E. Oparin, I. D. Oparin // Actual fire extinguishing issues: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Ivanovo, May 26, 2023. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2023. - S. 300-303. – EDN IQRZIX.

[4] Oparin, D. E. Ranking of urban areas in terms of assessing complex damage from fires/ D. E. Oparin, I. D. Oparin // Scientific research 2023: current theories and concepts: collection of materials from the XXIX International part-time scientific and practical conference, Moscow, May 24, 2023. Volume 1. - Moscow: Scientific and Publishing Center "Empire," 2023. - S. 33-37. – EDN MAHNJM..

[5] Oparin, D. E. Issues of a comprehensive assessment of damage from fires in the conditions of zoning of urban development/D. E. Oparin // Actual problems of ensuring fire safety and protection against emergencies: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 24, 2025. - Zheleznogorsk: Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia, 2025. - S. 434-436. – EDN URENML.

[6] Ivachev, M. A. Economic damage from fires and methods for determining it/M. A. Ivachev, R. Z. Bareeva, V. O. Kartavov // Problems of energy saving and ecology in industrial and housing and communal complexes: collection of articles of the XXIV International Scientific and Practical Conference, Penza, October 25-26, 2023. - Penza: Volga House of Knowledge, 2023. - S. 48-51. – DOI 10.58841/9785835618163_48. – EDN JCHGJK..

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-317-322

ВЕРБИЦКИЙ Богдан Александрович,
Аспирант (ИЗуСП), магистр частного права (РШЧП),
e-mail: Bogdanverbitskoy@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИСТИНКЦИИ МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ ТЕОРИЯМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УДОСТОВЕРЯЕМЫХ ТОВАРОРАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа отечественной и зарубежной доктрины и позитивного права устанавливается корректная дистинкция между основными теориями определения удостоверяемых товарораспорядительными ценными бумагами имущественных ценностей и делается вывод о степени противопоставимости удостоверяемого данными бумагами притязания в зависимости от избранной тем или иным правопорядком теории товарораспорядительных ценных бумаг в контексте соответствующих современных зарубежных континентальных правопорядков.

Ключевые слова: товарораспорядительные ценные бумаги, относительные теории, абсолютная теория, непосредственное владение, опосредованное владение, право собственности, видимость права.

VERBITSKII Bogdan Aleksandrovich,
PhD student (The Institute of Legislation and Comparative Law),
MA (Russian School of Private Law)

ON THE QUESTION OF ESTABLISHING A DISTINCTION BETWEEN THE MAIN THEORIES OF DETERMINING PROPERTY VALUES CERTIFIED BY COMMODITY SECURITIES OF DISPOSAL

Annotation. In this article, based on the analysis of domestic and foreign doctrine and positive law, a correct distinction is established between the main theories of determining property values certified by securities of title and a conclusion is made on the degree of opposition of the claim certified by these securities depending on the theory of securities of title chosen by a particular legal order in the context of the corresponding modern foreign continental legal orders.

Key words: Securities of title, relative theories, absolute theory, direct possession, indirect possession, ownership, appearance of right.

Основная часть исследования.

Следуя той или иной теории товарораспорядительных ценных бумаг (далее – ТРЦБ), правопорядок наделяет последние теми имущественными ценностями, которые позволяют реализовать распорядительную функцию таких документов и, как следствие, осуществить распорядительную власть на вещь как представляемый ими в обороте объект прав. В свою очередь, состав имущественных ценностей обусловлен воспринятой правопорядком моделью передачи права собственности на движимую вещь (в частности – моделью купли-продажи), коль скоро призван нивелировать связанную с отсутствием вещи в фактическом господстве одной из сторон невозможность вы-

полнения требуемого позитивным правом фактического состава для такого транслятивного правопреемства. И если правопорядки, придерживающиеся принципа соглашения, исчерпывают состав удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей опосредованным владением, что соответствует строго относительной теории, то почти все (за редким исключением (Исключение составляет, например, швейцарский правопорядок, наделяющий товарораспорядительную ценную бумагу способностью удостоверять, помимо опосредованного и непосредственного владения, право собственности формально легитимированного владельца данного документа на вещь, на которую он был выдан)) правопорядки, реализовавшие принцип

разъединения, избирают умеренно относительную, наделяя данные документы способностью удостоверить также (помимо опосредованного владения) непосредственное владение вещью. Рассмотрим более предметно обозначенные теории.

В соответствии со строго относительной теорией ТРЦБ удостоверяет опосредованное владение вещью как объектом индивидуально-определенного обязательства, являющегося каузой выдачи такого документа, в связи с чем для распоряжения (применительно к возмездному отчуждению) данной вещью формально легитимированному последним лицу надлежит соблюсти следующий фактический состав: 1) заключить с приобретателем ДКП вещи как основание для передачи права собственности на нее и 2) передать права на ТРЦБ как документ, обеспечивающий, в первую очередь, видимость вещи и, в частности, индивидуализирующий ее, и, во вторую очередь, позволяющий в результате получения исполнения по нему обрести фактическое господство над представляемой им вещью [8].

И коль скоро сделки, направленные на передачу права собственности, знаменуют собой индивидуально-определенные обязательства, то даже в рамках системы соглашения надлежащее выполнение программы обязательства его сторонами, в частности достижение перехода права собственности от продавца к покупателю, невозможно без индивидуализации вещи, производимой в случае непосредственного владения ею продавцом, например, путем ее вручения либо демонстрации покупателю (применительно к так наз. «незаменимым вещам»), ее выборки (в зависимости от условий либо существа обязательства) продавцом либо покупателем (применительно к так наз. «заменимым вещам»), и при отсутствии в фактическом господстве продавца вещи посредством распорядительного документа на нее.

Аналогичные строго относительной теории требования к фактическому составу предъявляются и в рамках умеренно относительной теории (применительно к возмездному отчуждению движимой вещи): 1) договор купли-продажи вещи (далее – ДКП) и 2) передача прав на представляющий данную вещь документ [9]. ТРЦБ (в соответствии с умеренно относительной теорией) удостоверяет не только опосредованное, но и непосредственное владение вещью. Между тем надлежит отметить, что семантическое проявление именуемой в качестве «непосредственного владения» имущественной ценности в составе иных удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей не соответствует ее истинной правовой природе в связи со следующим.

ТРЦБ удостоверяет индивидуально-определенное обязательство, являющееся основанием для установления в отношении его объекта в пользу одного (формально-легитимированного ТРЦБ) лица опосредованного владения, производного от непосредственного владения, осуществляемого в соответствии с программой такого правоотношения другим (должником по ТРЦБ) лицом. Так, фактическое господство над объектом удостоверяемых ТРЦБ имущественных отношений принадлежит должнику по такому документу, а формально легитимированное бумагой лицо обладает исключительно опосредованным владением. Следовательно, непосредственное и опосредованное владение вещью принадлежат разным лицам, а передача прав на ТРЦБ способна повлечь за собой лишь перемену субъекта опосредованного владения (представляемой таким документом) вещью, исходя из принципа *nemo plus juris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*. И коль скоро вне зависимости от избранной правопорядком модели купли-продажи европейская континентальная правовая традиция указывает на необходимость фактической передачи (непосредственного владения) вещи для возникновения абсолютного эффекта перехода права собственности, то, как следствие, передача ТРЦБ не может иметь отличный от относительного эффект передачи прав на вещь, представляемую данным документом.

В связи с этим любая удостоверяемая ТРЦБ имущественная ценность будет иметь лишь относительный эффект. А поскольку правопорядки, придерживающиеся принципа разъединения, для перехода права собственности, хотя и имеющего относительный эффект, требуют выполнения следующего фактического состава: 1) достижения консенсуса сторон в форме ДКП, знаменующего собой обязывающую сделку, 2) совершение сделки – суррогата передачи непосредственного владения, в частности посредством достижения консенсуса в форме такого вещного договора как *constitutum possessorium*, сочетающего в себе черты как обязывающей, так и распорядительной сделки, в момент совершения которой требуется фактическое господство над ее объектом одной из сторон (Например, Германия), постольку ТРЦБ в целях выполнения документом распорядительной функции путем восполнения недостающего фактического состава создается следующая фикция: формально легитимированное и осуществляющее фактическое господство над ТРЦБ лицо осуществляет фактическое господство и над представляемой документом вещью. Следовательно, «непосредственное владение» как имущественная ценность в составе ТРЦБ есть лишь фикция, позволяющая компенсировать отсутствие у фор-

мально легитимированного отчуждателя представляемой документом вещи в фактическом господстве (истинном непосредственном владении) и служащая функциональным эквивалентом последней исключительно в одном отношении – установлении опосредованного владения в пользу покупателя вещи.

Таким образом, наделение ТРЦБ способностью удостоверяять непосредственное владение вещью в рамках умеренно относительной теории не позволяет говорить об отличном (в сравнении со строго относительной теорией) положении ставшего формально легитимированным владельцем такого документа покупателя. Последний получает опосредованное владение и право собственности на представляемую ТРЦБ вещь, однако имеющее юридическую силу для сторон ДКП и должника по документу, а равно лишь относительный эффект. В свою очередь, абсолютный эффект будет достигнут исключительно в момент получения покупателем вещи в фактическое господство посредством исполнения должником по ТРЦБ удостоверяемого таким документом обязательства. Так, до обозначенного исполнения притязание формально легитимированного ТРЦБ лица на представляемую ею вещь имеет лишь относительный эффект (вне зависимости от состава удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей), в связи с чем может быть противопоставлено лишь ограниченному (знакомому с содержанием документа) кругу лиц, и, как следствие, не может быть противопоставлено следующим посягающим на нее третьим лицам: 1) заявившему виндикационное требование собственнику вещи (вне зависимости от основания утраты владения) – в случае отчуждения вещи не обладающим распорядительной властью лицом; 2) другому покупателю, а) достигшему направленного на создание обязанности на стороне продавца по передаче вещи в собственность соглашения прежде совершения такового продавцом с формально легитимированным ТРЦБ лицом либо б) обретшему фактическое господство над вещью (вне зависимости от момента достижения указанного соглашения) – в случае многократной продажи вещи имеющим распорядительную власть лицом. В связи с обозначенным строго относительная и умеренно относительная теории функционально целесообразны исключительно в придерживающихся системы соглашения и системы разъединения правопорядках соответственно.

Единственным примером придерживающегося абсолютной теории ТРЦБ является избравший систему разъединения в качестве модели купли-продажи швейцарский правопорядок.

По мнению Е. Неуманн, ТРЦБ удостоверяет

право собственности на вещь, а также опосредованное и непосредственное владение ею, в связи с чем передачи прав на ТРЦБ достаточно для передачи права собственности на представляемую ею вещь [10]. Следовательно, фактический состав распорядительной сделки в отношении представляемой ТРЦБ вещи озаглавлен исключительно передачей прав на такую ценную бумагу. Данное понимание состава имущественных ценностей, удостоверяемых ТРЦБ, является господствующим в швейцарской доктрине [11].

Между тем приведенный подход к квалификации состава удостоверяемых ТРЦБ имущественных ценностей знаменует собой правило, выведенное из швейцарской практики совершения распорядительных сделок в отношении представляемых документом вещей, а не полученное в результате буквального толкования положений швейцарского гражданского законодательства. Так, в соответствии с § 925 ШГУ «Если ценные бумаги, представляющие товар, выданы на товар, переданный перевозчику либо складу, передача такого документа считается передачей самого товара». Из указанной нормы не явствует следование юридической судьбе ТРЦБ имущественных прав на представляемую им вещь. Данные положения артикулируют исключительно приравнивание к передаче вещи передачи ТРЦБ на нее. Между тем швейцарское гражданское право придерживается принципа разъединения. Передача вещи направлена на исполнение ДКП, без которого она не является действительной. Однако (в отличие от Германии) не признается самостоятельной сделкой (вещным договором), а является лишь, как отмечает Р. Сакко, «материальным актом» [12]. Таким образом, основываясь исключительно на системном толковании норм швейцарского позитивного права, 1) закрепляющих правила (объем фактического состава) совершения распорядительных сделок в отношении движимых вещей и 2) приравнивающих передачу ТРЦБ к передаче представляемой ею вещи, надлежит заключить недостаточность одной лишь передачи прав на ТРЦБ для передачи прав на представляемую ею в обороте вещь за невыполнением фактического состава.

Однако швейцарские правоприменительная практика и следующая за ней доктрина (базирующаяся преимущественно на сформулированной Е. Неуманн теории), как отмечается в последней, усматривают допустимость расширительного толкования положений о влиянии передачи прав на распорядительный документ на юридическую судьбу представляемой им вещи в целях упрощения совершения сделок с товарами, находящимися либо в пути (в связи с их морской или железно-

дорожной перевозкой), либо на товарном складе посредством сокращения требуемого *de lege lata* фактического состава, подлежащего выполнению для достижения преследуемой сторонами известной распорядительной сделки правовой цели [13].

Данное сокращение фактического состава проявляется в приведенной нами выше его редукции к совершаемому с целью передачи прав на распорядительный документ (применительно к возмездному отчуждению) ДКП ТРЦБ и его исполнению посредством передачи ТРЦБ в соответствии с установленными позитивным правом правилами формальной легитимации ее владельца (например, для ордерной ТРЦБ – посредством учинения индоссамента и вручения документа).

Вместе с тем говорить об отличном положении покупателя, в качестве исполнения по ДКП получившего вместо самой вещи распорядительный документ на нее, в Швейцарии относительно аналогичных покупателей в рамках правопорядков, придерживающихся умеренно относительной и строго относительной теорий, не представляется корректным в связи со следующим.

Подобно другим континентальным правопорядкам (вне зависимости от избранной ими модели купли-продажи), швейцарское позитивное право связывает наступление абсолютного эффекта перехода права собственности на вещь с моментом обретения покупателем фактического господства над последней (Данное правило отражено, в частности, в положениях § 924 ШГУ, в соответствии с которыми владение вещью может быть приобретено без передачи, если третье лицо или сам продавец остаются во владении вещью на основании специальных договорных отношений (им. в виду – соглашение об установлении владения (*constitutum possessorium*) (по смыслу абз. 1), однако последние будут иметь юридическое значение лишь для уведомленных об их наличии третьих лиц (по смыслу абз. 2). Следовательно, владение движимой вещью может быть передано и отличными от вручения (передачи непосредственного владения) способами, а равно суррогатами передачи владения, однако способными повлечь за собой исключительно относительный эффект передачи и, как следствие, перехода права собственности. И коль скоро ТРЦБ удостоверяет индивидуально-определенное обязательство, программе которого имманентно присуще лишь производное владение вещью формально легитимированным лицом, в связи с чем при определении юридической судьбы представляемой документом вещи последний не может передать более, чем *constitutum possessorium*, то передача прав на бумагу и в швейцарском правопорядке знаменует собой частный случай установления договорного

владения, юридический эффект которого исключительно относительный. Данный вывод находит подтверждение и в указывающих на непротивопоставимость удостоверяемых распорядительным документом притязаний ее формально легитимированного владельца притязаниям третьих лиц, посягающих на тот же объект гражданских прав, положениях абз. 2 § 925 ШГУ, в соответствии с которыми если добросовестному получателю оборотного документа (им. в виду – распорядительный документ) противостоит добросовестный получатель товара (им. в виду получившее фактическое господство над представляемой ТРЦБ вещью, не осведомленное о наличии притязаний третьих лиц, в частности владельца документа, на последнюю вещь), то последний имеет приоритет перед первым. Так, положения § 925 ШГУ, определяющие юридический эффект от передачи прав на ТРЦБ, являются специальными по отношению к § 924 ШГУ, а удостоверяемое ТРЦБ производное владение вещью не является более сильным (по степени противопоставимости), чем иные суррогаты непосредственного владения. Следовательно, вместе с самим распорядительным документом удостоверяемые им имущественные ценности, включая «непосредственное владение» и «право собственности», имеют лишь относительный эффект). Вместе с тем представляется возможным полагать, что абсолютная теория для швейцарского права является избыточной (Так, право собственности с относительным эффектом достигается в соответствии с каждой из обозначенных теорий, а «непосредственное владение» как заключенная в распорядительный документ ценность, являющаяся относительным инструментальным эквивалентом истинного непосредственного владения (фактического господства над вещью), необходима лишь в тех правопорядках, которые для заключения *constitutum possessorium* требуют непосредственного владения вещью одной из сторон такого вещного договора, коль скоро позволяет передающему ТРЦБ продавцу представляемой документом вещи признаваться ее фактическим владельцем в момент совершения известной распорядительной сделки, нивелируя с помощью данной фикции неполноту фактического состава. Следовательно, «непосредственное владение» как имущественная ценность есть предпосылка возможности передачи ключевой из удостоверяемых распорядительным документом имущественной ценности – «опосредованного владения», на достижение которой направлено и заключение «права собственности» (применительно к абсолютной теории) в распорядительный документ, позволяющее в упрощенном (относительно присущего строго относительной

и умеренно относительной теориям фактических составов) порядке достигнуть распорядительной телеологии ТРЦБ как института. И если германское позитивное право не допускает *constitutum possessorium* без фактического господства над вещью одной из сторон такого обязательства, чем и обусловлено наделение ТРЦБ способностью создавать фикцию непосредственного владения, то швейцарское гражданское законодательство допускает возможность достижения *constitutum possessorium* при отсутствии в непосредственном владении вещи у одной из сторон такого соглашения, закрепляя в положениях § 924 ШГУ достаточность обладания продавцом вещью посредством держания такой вещи другим лицом в пользу первого на основании договора. Следовательно, строго относительная теория способна в полной мере реализовать распорядительный функционал товарораспорядительной ценной бумаги как удостоверяющего *constitutum possessorium* документа, а равно наделить ее формально легитимированного обладателя опосредованным владением и правом собственности на вещь с относительным эффектом, а также, как следствие, вытекающие из последнего последствия для его обладателя (хотя и в рамках удостоверяемого ТРЦБ обязательства), в частности, переход риска случайной гибели вещи). Кроме того, признание швейцарским позитивным правом возможности установления производного владения при отсутствии у сторон такой сделки вещи в фактическом господстве практически нивелирует основания для проведения дистинкции между системой соглашения и реализованной в Швейцарии моделью купли-продажи. На это указывает и Р. Сакко [14]. Однако отметим, что правовед в приведенном тезисе под «переходом собственности» понимает исключительно имеющее абсолютный эффект транслятивное правопреемство, определяя в связи с этим швейцарскую систему как промежуточную между классическими системами соглашения (франко-итальянское решение) и системой разъединения (австро-германское решение), а равно разделяющую куплю-продажу на обязывающую и распорядительную сделки (признак системы разъединения), однако допускающую переход риска к покупателю в аналогичный для системы соглашения момент, применяя в качестве критерия для проведения дистинкции достаточность консенсуса как исчерпывающего фактический состав распорядительной сделки юридического факта для перехода права собственности, что, однако, является ошибочным, коль скоро единственно корректным критерием для сравнения является достаточность консенсуса сторон договора купли-продажи для 1) установления опосредованного владения покупа-

теля при отсутствии объекта такого обязательства в момент его совершения в фактическом господстве одной из сторон и, как следствие, 2) перехода права собственности к покупателю, хотя и имеющего лишь относительный эффект до момента обретения последним фактического господства над вещью (вне зависимости от избранной правопорядком модели купли-продажи), влекущего за собой переход риска случайного повреждения либо гибели вещи. Следовательно, обладающее признаками системы соглашений швейцарское позитивное право, позволяющее переносить риск случайных гибели либо повреждения вещи на покупателя в момент достижения соглашения (ДКП), указывает на достаточность наделения распорядительного документа в рамках швейцарского правопорядка способностью удостоверить опосредованное владение представляемой данной ценной бумагой вещи и избыточность отдельной артикуляции в положениях § 925 ШГУ приравнивания передачи документа к передаче вещи.

Однако стоит отметить, что удостоверяемое посредством распорядительного документа *constitutum possessorium* создает преференциальный режим для опосредованного владельца в сравнении с не получившим закрепления в данного вида ценной бумаге опосредованным владением в следующем отношении. Так, в соответствии с положениями абз. 3 § 924 третье лицо может отказать передать имущество приобретателю по тем же причинам, по которым оно могло отказать продавцу. Под «третьим лицом» надлежит понимать лицо, осуществляющее непосредственное владение вещью в соответствии с программой договорного правоотношения для другого лица – опосредованного держателя. В случае совершения распорядительной сделки в отношении вещи, представляемой распорядительным документом, таким третьим лицом является хранитель (договор хранения на товарном складе) либо перевозчик (по договору морской перевозки по коносаменту), а его возражения к формально легитимированному документом покупателю будут ограничены лишь теми, что следуют из содержания такой ценной бумаги либо иных документов, ссылку на которые она содержит. Данные ограничения возражений не применяются в том случае, если формально легитимированным ТРЦБ лицом является сторона договорных правоотношений, явившихся основанием для выдачи документа, что знаменует собой следствие принадлежности последнего к ценной бумаге как институту, создающему видимость права и защищающего разумные ожидания добросовестно полагающихся на нее участников оборота.

Заключение

В рамках швейцарского правопорядка лицо, заключая ДКП и получая в качестве его исполнения ТРЦБ, до получения исполнения является обладателем опосредованного владения представляемой таким документом вещью и обладателем права собственности на нее, однако имеющего лишь относительный эффект, что не отличает его правовое положение от положения таких же покупателей в рамках правопорядков, придерживающихся строго относительной и умеренно относительной теориями. Единственным отличием абсолютной теории от двух проявлений относительной теории является сокращенный в сравнении с последними фактический состав, достижение которого необходимо для выполнения ТРЦБ распорядительной функции.

Список литературы:

- [1] C. Vivante. *Trattato di diritto commerciale* // v.iii, 1924.
- [2] E. Jacobi E. Jacobi: *Die Wertpapiere im Bürgerlichen Recht des Deutschen Reiches*, Jena 1901.
- [3] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.
- [4] Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925);.
- [5] Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001;.
- [6] Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.
- [7] Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 177 (Библиотека «Цивилистические исследования»).
- [8] Более подробно см.: C. Vivante. Указ. соч. – С. 80-111.
- [9] Более подробно о фактическом составе в соответствии с умеренно относительной теорией ТРЦБ См: E. Jacobi, Указ. соч. С. 243-251.
- [10] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.
- [11] См., например, Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925) Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001; Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.
- [12] Вещные права: система, содержание,

приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 177 (Библиотека «Цивилистические исследования»).

[13] Wieland C. Указ. соч. С 459-461.

[14] (Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. В40 в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / Под ред. Д. О. Тузова. – М.: Статут, 2008. – С. 183.

References:

[1] C. Vivante. *Trattato di diritto commerciale* // v.iii, 1924.

[2] E. Jacobi E. Jacobi: *Die Wertpapiere im Bürgerlichen Recht des Deutschen Reiches*, Jena 1901.

[3] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.

[4] Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925);.

[5] Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001;.

[6] Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.

[7] Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. - C. 177 (Civilistic Research Library).

[8] For more details see: C. Vivante. Decree. Op.- P. 80-111.

[9] For more details on the actual composition according to the moderately relative theory of SEC See: E. Jacobi, Decree. Op. S. 243-251.

[10] Heymann E. *Die dingliche Wirkung der Traditionspapiere*, 1905.

[11] См., например, Wieland C., *Das Sachenrecht des schweizerischen Zivilgesetzbuches* (комментарий к § 925) Stark Emil W., *Berner Kommentar zum schweizerischen Privatrecht*, Band IV, Besitz und Grundbuch, 3. Abteilung, 1. Teilband, Der Besitz, Art. 919-941 ZGB, 3. A., Bern 2001; Peter Apathy: *Österreichisches Bankvertragsrecht*. Band IX, 2012, S. 280.

[12] Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. - C. 177 (Civilistic Research Library).

[13] Wieland C. Decree. Op. FROM 459-461.

[14] (Property rights: system, content, acquisition: Sat. scientific. tr. V40 in honor of prof. B. L. Haskelberg/Ed. D. O. Tuzova. - M.: Statute, 2008. – С. 183.

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-323-328

Дата принятия рукописи в печать: 27.07.2026 г.

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
и управления, Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Оренбургский государственный университет»,
г. Орск, Россия,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется эволюция института имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения должника-гражданина. Автор показывает, что за последнее десятилетие этот институт прошёл путь от абсолютного запрета обращения взыскания, закреплённого абзацем второй части первой статьи 446 ГПК РФ, к гибкой, выработанной судами модели, допускающей реализацию «роскошного» жилья при условии предоставления должнику замещающего помещения. Ключевую роль в трансформации сыграли постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 26 апреля 2021 г. № 15-П, а также последующая практика Верховного Суда РФ, обобщённая в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан. Обосновывается, что в условиях длительного законодательного бездействия фактическое нормотворчество перешло к высшим судебным инстанциям, что порождает проблему правовой определённости. Формулируются предложения по законодательному закреплению критериев «роскошности» жилья и механизма предоставления замещающего помещения.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, единственное жильё, обращение взыскания, банкротство гражданина, замещающее жильё, роскошное жильё, конкурсная масса, статья 446 ГПК РФ, баланс интересов.

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department
of Economics and Management, Orsk Humanitarian and
Technological Institute (Branch) of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Orenburg State
University", Orsk, Russia

ENFORCEMENT IMMUNITY: TRANSFORMATION OF LEGAL
REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. The article analyses the evolution of the property (enforcement) immunity concerning the sole dwelling suitable for permanent residence of an individual debtor. The author demonstrates that over the past decade this institution has progressed from the absolute prohibition of enforcement established by paragraph two of part one of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation towards a flexible, judicially developed model that permits the realisation of "luxury" housing provided that the debtor is given replacement accommodation. The key role in this transformation was played by the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 May 2012 No. 11-P and of 26 April 2021 No. 15-P, as well as the subsequent practice of the Supreme Court of the Russian Federation summarised in the Review of Judicial Practice in Cases of Bankruptcy of Citizens. It is argued that, amid prolonged legislative inaction, de facto rule-making has

shifted to the highest judicial instances, which gives rise to a problem of legal certainty. The author formulates proposals for legislatively fixing the criteria of "luxury" housing and the mechanism for providing replacement accommodation.

Key words: *enforcement immunity, sole dwelling, enforcement, bankruptcy of an individual, replacement housing, luxury housing, bankruptcy estate, Article 446 of the Civil Procedure Code, balance of interests.*

Введение

Среди институтов исполнительного производства и потребительского банкротства немного найдётся таких, чья судьба за последние полтора десятилетия изменилась бы столь радикально, как судьба имущественного иммунитета единственного жилья. Норма, сформулированная в абзаце втором части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, на первый взгляд предельно проста: взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в этом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, за исключением имущества, являющегося предметом ипотеки.

За этой лаконичной формулой стоит конституционно значимый компромисс. С одной стороны, государство обязано гарантировать каждому право на жилище (статья 40 Конституции РФ) и не допускать ситуаций, когда взыскание долга оборачивается для гражданина и его семьи фактической утратой крова. С другой стороны, не менее значим конституционно защищаемый интерес кредитора, чьи право собственности и право на судебную защиту обесцениваются, если должник может укрыть от взыскания актив любой стоимости, объявив его «единственным жильём».

Актуальность темы подкрепляется и статистикой. По данным Федеральной службы судебных приставов, показатель исполняемости по производствам, возбуждённым на основании судебных актов, в 2022 г. составил порядка 46%, а эффективность взыскания по производствам имущественного характера — около 36,5%; за период существования процедуры потребительского банкротства с октября 2015 г. по декабрь 2022 г. несостоятельными были признаны более 750 тыс. граждан [9]. На фоне роста числа банкротств вопрос о том, может ли быть реализовано единственное жильё должника, перестал быть теоретическим и приобрёл массовый характер.

Именно вокруг этого противостояния и развернулась многолетняя драма, в которой законодатель занял пассивную роль наблюдателя, а реальное содержание института формировалось решениями Конституционного и Верховного Судов. Настоящая статья посвящена анализу того,

как абсолютный по своей буквальной редакции запрет превратился в условный, зависящий от стоимости и характеристик жилья, добросовестности должника и возможности предоставления ему замещающего помещения. Цель работы — проследить логику этой трансформации, оценить её последствия для правовой определённости и предложить направления необходимого законодательного вмешательства.

Материалы и методы исследования

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили положения статьи 446 ГПК РФ и Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», постановления Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 26 апреля 2021 г. № 15-П, а также акты Верховного Суда РФ, включая определения Судебной коллегии по экономическим спорам и Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан. Теоретическую базу образуют работы российских исследователей института исполнительного иммунитета — В. А. Гуреева, О. В. Жевняк и Н. В. Городновой, Е. А. Лагуновой, Д. А. Дударовой, К. М. Орлова и других авторов, чьи позиции отражены в перечне литературы.

Методологически работа опирается на формально-юридический метод, позволивший установить буквальное содержание нормы и пределы её толкования; историко-правовой метод, благодаря которому прослежена динамика института во времени; метод толкования правовых позиций высших судов, необходимый для реконструкции той фактической модели регулирования, которая сложилась в отсутствие законодательных изменений; а также сравнительно-аналитический подход при сопоставлении правовых позиций 2012 и 2021 годов и при систематизации доктринальных взглядов.

Результаты и обсуждение

В первоначальной редакции абзац второй части первой статьи 446 ГПК РФ был сконструирован как безусловный запрет. Закон не делал различий между скромной однокомнатной квартирой и многоэтажным особняком: если помещение было для должника единственным пригодным для постоянного проживания, оно полностью выводилось из-под взыскания. Единственное прямо названное исключение касалось имущества, обременённого ипотекой.

Такая конструкция отражала очевидную и гуманную идею — не оставить человека без крыши над головой. Однако уже на ранних этапах её применения обнаружилось внутреннее противоречие. Норма, призванная защищать минимальные жилищные гарантии, на практике защищала любую жилую недвижимость вне зависимости от её площади и стоимости. В результате должник, владеющий дорогостоящим жильём, мог годами не исполнять обязательства, а кредитор оставался без реальной возможности удовлетворить требования, хотя стоимости жилья хватало бы и на погашение долга, и на приобретение должнику скромного, но достаточного помещения. Так защита нуждающегося превращалась в инструмент, доступный и тому, кто в защите не нуждался. На этот дисбаланс неоднократно указывала и доктрина: большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости перехода от абсолютного иммунитета к ограниченному [10].

Впервые на этот дисбаланс Конституционный Суд РФ обратил внимание в постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П. Проверяя конституционность абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ, Суд не признал норму неконституционной, однако констатировал, что распространение имущественного иммунитета на жильё, размеры которого явно превышают разумно достаточные для удовлетворения потребности в жилище, нарушает баланс интересов должника и кредитора.

Принципиально важным стало то, что Конституционный Суд адресовал законодателю прямое предписание: внести в законодательство изменения, которые определяли бы пределы действия имущественного иммунитета и устанавливали порядок обращения взыскания на жильё, превышающее разумно достаточные параметры, с одновременным обеспечением должнику гарантий сохранения нормальных жилищных условий. Иными словами, ещё в 2012 году была сформулирована вся будущая конструкция: иммунитет не должен быть абсолютным, но его отступление допустимо лишь при гарантии должнику пригодного жилья.

Проблема заключалась в том, что предписание осталось невыполненным. Законодатель не внёс требуемых изменений ни в течение года, ни в последующие годы, и суды продолжали применять норму в её буквальном, абсолютном прочтении, поскольку механизма отступления от иммунитета закон не предлагал.

К вопросу пришлось вернуться спустя девять лет. Поводом стало дело гражданина И. И. Ревкова, кредитор которого добивался обращения взыскания на единственное жильё должника — квартиру значительной площади, приобре-

тённую уже после присуждения долга и возбуждения исполнительного производства. Нижестоящие суды отказывали в реализации квартиры именно со ссылкой на её имущественный статус.

В постановлении от 26 апреля 2021 г. № 15-П Конституционный Суд РФ вновь признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции, но дал им принципиально новое истолкование, фактически переломившее прежнюю практику. Суд прямо указал, что более чем за девять лет необходимые изменения в законодательство так и не были внесены, и в этих условиях счёл недопустимым дальнейшее использование длительного бездействия законодателя как основания для безусловного сохранения иммунитета любого жилья.

Конституционный Суд сформулировал несколько взаимосвязанных правил. Отказ в применении иммунитета не может служить наказанием должника, а имеет смысл лишь как способ удовлетворения требований кредиторов; поэтому суды обязаны сопоставлять рыночную стоимость жилья с величиной долга. Отступление от иммунитета не должно оставлять должника и членов его семьи без жилища, отвечающего минимальным стандартам обеспеченности жилой площадью, и не должно вынуждать их без согласия менять населённый пункт проживания. Замещающее жильё может быть предоставлено должнику кредитором в порядке, определяемом судом. Наконец, суды должны проверять, не было ли злоупотребления при приобретении дорогостоящего жилья — например, перевода средств в «защищённый» актив уже после возникновения долга.

Тем самым постановление № 15-П завершило демонтаж абсолютного иммунитета. Запрет из безусловного превратился в условный: он действует, пока жильё остаётся в пределах разумной достаточности и пока поведение должника добропорядочно. В литературе это решение справедливо оценивается как поворотное, окончательно отменившее абсолютную защиту единственного жилья [11; 13].

Конституционный Суд обозначил вектор, но не мог и не должен был расписывать конкретные критерии. Эту работу взял на себя Верховный Суд РФ. Уже в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 26 июля 2021 г. высшая судебная инстанция поддержала подход Конституционного Суда, а затем последовательно наполняла оценочные понятия содержанием. Итог этой работы был обобщён в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ.

Центральным стал вопрос: какое жильё считать «роскошным», то есть выходящим за пределы разумно достаточного. Верховный Суд предо-

стерёг от упрощённого подхода. Он указал, что критерием роскошности может выступать только та площадь, которая существенно — кратно — превышает разумную потребность должника и членов его семьи в жилище. Показательно приведённое в Обзоре дело, где суды первой и апелляционной инстанций отказались сохранить за должником квартиру площадью 91 кв. м, в которой тот проживал с супругой и несовершеннолетним ребёнком, однако кассация это решение исправила. Двукратное превышение нормы предоставления на троих человек, по оценке суда, не свидетельствует о чрезмерной обеспеченности жильём и не оправдывает отказ в иммунитете.

Вместе с тем Верховный Суд подчеркнул, что площадь — не единственный и даже не решающий критерий. При оценке жилья как роскошного следует учитывать совокупность характеристик: жилую площадь, место расположения, конструктивные особенности, внешнее и внутреннее художественное оформление, уровень инфраструктуры района, техническое оснащение. В Обзоре приводится противоположный пример: квартира с лишь несущественным превышением площади над потребностью должника всё же может быть реализована, если она расположена в элитном жилом комплексе в престижном районе и обладает высокой рыночной стоимостью, позволяющей не только приобрести замещающее жильё, но и пополнить конкурсную массу. Таким образом, ключевым становится не метраж сам по себе, а экономический результат: достаточна ли стоимость жилья, чтобы после приобретения должнику адекватного помещения остались средства для кредиторов. Этот экономико-правовой ракурс проблемы детально проработан в доктрине, где «роскошное жильё» обоснованно предлагается рассматривать как экономико-правовую категорию, опирающуюся в том числе на классификацию жилья и данные рынка недвижимости [14].

Существенным элементом модели остаётся гарантия замещающего жилья. По общему правилу должник не может быть лишён единственного жилья без предоставления взамен помещения в том же населённом пункте, площадь которого не меньше нормы предоставления по договору социального найма. Вместе с тем Верховный Суд допустил, что в исключительных случаях при недобросовестном поведении должника единственное жильё может быть реализовано и без предоставления замещающего помещения. Эта оговорка усиливает значение категории добросовестности: чем очевиднее злоупотребление, тем меньше защищён должник. В литературе, однако, отмечается дискуссионность использования именно норм социального найма для оценки разумной потреб-

ности, поскольку эти нормативы имеют иное назначение и фиксируют минимальный, а не разумно достаточный уровень обеспеченности [14].

Сложившаяся модель внутренне логична и куда лучше прежней балансирует интересы сторон. Однако она обнажает фундаментальную проблему: реальное содержание института исполнительского иммунитета сегодня закреплено не в законе, а в правовых позициях высших судов. Закон по-прежнему говорит об абсолютном запрете с единственным исключением для ипотеки, тогда как практика руководствуется развёрнутой системой условий, которой в тексте статьи 446 ГПК РФ попросту нет.

Это порождает несколько рисков, на которые единодушно указывает доктрина. Прежде всего страдает предсказуемость: оценочные категории «роскошности», «разумной достаточности», «существенного превышения» наполняются содержанием от дела к делу, и участники оборота не могут заранее с уверенностью определить судьбу конкретного жилья. На правовую неопределённость пределов действия иммунитета и отсутствие законодательно закреплённых норм, регулирующих эти пределы, прямо обращают внимание исследователи [12; 15]. Далее, остаётся непояснённым на уровне закона механизм предоставления замещающего жилья — кто, в какие сроки и за чей счёт его приобретает, как соотносятся интересы должника, не желающего переезжать, и кредитора, финансирующего покупку; в науке предлагаются различные модели, включая самостоятельную продажу должником жилья с последующим приобретением замещающего и раздел дорогостоящего объекта [14]. Наконец, само по себе многолетнее замещение законодательной функции судебным толкованием, при всей вынужденности такого положения, расходится с принципом разделения властей: Конституционный Суд дважды прямо указывал законодателю на необходимость урегулировать вопрос, и эта обязанность сохраняется.

Заслуживает внимания и высказанная в литературе идея о том, что действие исполнительского иммунитета в исполнительном производстве и в деле о банкротстве не должно быть тождественным, поскольку процедуры преследуют разные цели и по-разному учитывают интересы кредиторов [10]. Это направление дифференциации могло бы стать предметом отдельного законодательного решения.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт имущественного (исполнительского) иммунитета единственного жилья за последнее десятилетие претерпел качествен-

ную трансформацию — от абсолютного запрета обращения взыскания к условной защите, поставленной в зависимость от стоимости и характеристик жилья, добросовестности должника и возможности предоставления ему замещающего помещения.

Во-вторых, движущей силой этой трансформации выступили не законодательные акты, а правовые позиции высших судов: постановление КС РФ № 11-П (2012) обозначило проблему и сформулировало будущую конструкцию, постановление КС РФ № 15-П (2021) преодолело абсолютность иммунитета, а практика Верховного Суда наполнила оценочные понятия конкретным содержанием, выработав критерии «роскошности» и контуры механизма замещения.

В-третьих, ключевым критерием отступления от иммунитета сегодня является не формальное превышение площади, а экономическая целесообразность: реализация жилья оправдана, если его стоимость позволяет обеспечить должника адекватным замещающим помещением и при этом пополнить конкурсную массу. Простое превышение нормы предоставления, особенно при наличии несовершеннолетних детей, само по себе основанием для изъятия не служит.

В-четвёртых, сложившаяся модель, будучи более справедливой по существу, создаёт проблему правовой определённости, поскольку реальное регулирование оторвано от текста закона. Длительное законодательное бездействие, на которое прямо указывал Конституционный Суд, требует устранения.

В качестве направлений совершенствования регулирования представляется необходимым закрепить непосредственно в ГПК РФ и Законе о банкротстве: критерии отнесения жилья к превышающему разумно достаточные параметры (с опорой на выработанную судами совокупность характеристик и экономические показатели, а не только площадь); процедуру и финансовые механизмы предоставления замещающего жилья, включая распределение расходов и гарантии должнику; основания, при которых недобросовестность должника допускает реализацию жилья без предоставления замещающего помещения; а также возможную дифференциацию режима иммунитета в исполнительном производстве и в банкротстве. Такое регулирование позволит перевести выведенные судебной практикой подходы в плоскость стабильной и предсказуемой нормы закона.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок) // Официальный ин-

тернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктов 1, 3 и 5 статьи 213.25, абзаца седьмого пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[7] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 18.06.2026).

[8] Гуреев В. А. Исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для проживания жилого помещения должника: актуальные вопросы правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021.

[9] Городнова Н. В., Жевняк О. В. Роскошное жильё как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета: теория и нормативное регулирование // Жилищные стратегии. 2023. Т. 10, № 3. С. 27-50.

[10] Лагунова Е. А. Действие принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в свете конституционных положений о защите семьи и права на жилище // Вестник гражданского процесса. 2021. С. 60-64.

[11] Грейт В. В., Бабилова М. Д., Хабибуллаев У. Б. Иммунитет единственного жилья в свете

принятия постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П // Молодой учёный. 2021. С. 83-88.

[12] Дударова Д. А. Актуальные проблемы обращения взыскания на единственное жильё должника // Вопросы российской юстиции. 2022.

[13] Сказин Н. А., Калюжная П. Л., Пугина В. И. Исполнительский иммунитет жилья гражданина-банкрота в современных реалиях // Вопросы российской юстиции. 2022. С. 116-123.

[14] Жевняк О. В. Роскошное жильё как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета // Жилищные стратегии. 2023. URL: <https://1economic.ru/lib/119110> (дата обращения: 18.06.2026).

[15] Орлов К. М. Ограничение исполнительского иммунитета единственного жилья должника при банкротстве: проблемы правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. С. 244-247.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: June 18, 2026).

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[3] Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provision of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation..." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 21. Article 2697.

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Clauses 1, 3 and 5 of Article 213.25, Paragraph Seven of Clause 3 of Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in Connection with the Complaint of

Citizen I. I. Revkov" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 19. Article 3290.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 26, 2021 No. 303-ES20-18761 // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://vsrf.ru> (date of access: June 18, 2026).

[7] Review of judicial practice in bankruptcy cases of individuals: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://vsrf.ru> (date of access: June 18, 2026).

[8] Gureev V. A. Executive immunity in relation to the only residential premises of the debtor fit for habitation: current issues of law enforcement // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021.

[9] Gorodnova N.V., Zhevnyak O.V. Luxury Housing as an Economic and Legal Category in Light of the Application of the Norms of the Institute of Executive Immunity: Theory and Normative Regulation // Housing Strategies. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 27-50.

[10] Lagunova E.A. The Application of the Principle of Executive Immunity in Cases of Bankruptcy of Citizens in Light of Constitutional Provisions on the Protection of the Family and the Right to Housing // Bulletin of Civil Procedure. 2021. Pp. 60-64.

[11] Greit V.V., Babikova M.D., Khabibullaev U.B. Immunity of the Only Housing in Light of the Adoption of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P // Young Scientist. 2021. Pp. 83-88.

[12] Dударова Д. А. Actual problems of foreclosure on the debtor's only residence // Issues of Russian Justice. 2022.

[13] Skazin N. A., Kalyuzhnaya P. L., Pugina V. I. Executive immunity of a bankrupt citizen's residence in modern realities // Issues of Russian Justice. 2022. Pp. 116-123.

[14] Zhevnyak O. V. Luxury housing as an economic and legal category in light of the application of the norms of the institution of executive immunity // Housing strategies. 2023. URL: <https://1economic.ru/lib/119110> (date of access: 18.06.2026).

[15] Orlov K. M. Limitation of executive immunity of the debtor's only residence in bankruptcy: problems of legal regulation // Arbitration and civil procedure. 2022. P. 244-247.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-329-334

Дата принятия рукописи в печать: 21.07.2026 г.

ХЕГАЙ Максим Эдуардович,
Аспирант Юридического факультета, Российский
государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва,
e-mail: khegaimaxim@yandex.ru

ПРИНУЖДЕНИЕ И НРАВСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ МЯГКОГО ПРАВА

Аннотация. Данная научная статья содержит в себе анализ механизма государственного принуждения в мягко-правовой концепции, а также разбор отличительных особенностей таких понятий как нравственность, мораль и этика. При написании статьи был проведен субъективный анализ механизма государственного принуждения в жестко-правовой и мягко-правовой концепции, а также истории происхождения принуждения в целом. В статье приведен анализ такого феномена как «принуждение» с юридической, психологической, социологической и философской точки зрения, влияние нравственности, морали и этики на правотворческую сферу, а также их влияние на методы государственного и негосударственного принуждения. Автор, опираясь на работы отечественных юристов выделил различные описания термина «государственного принуждения», его признаки, основания для применения, а также его виды.

Целью данного научного исследования, был анализ механизма государственного принуждения в мягко-правовой концепции, как одного из главных гарантов соблюдения «мягких» норм, а также влияние такого внешнего фактора как «нравственность» при определении допустимых границ в механизме принуждения.

Ключевые слова: государственное принуждение, жесткое право, механизм принуждения, международное право, мораль, мягкое право, нравственность, принуждение, этика.

KHEGAI Maksim Eduardovich,
Postgraduate student of the Faculty of Law, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

COERCION AND MORALITY IN THE MECHANISM OF SOFT LAW

Annotation. This scientific article contains an analysis of the mechanism of state coercion in the soft law concept, as well as an analysis of the distinctive features of such concepts as morality, morality and ethics. When writing the article, a subjective analysis of the mechanism of state coercion in the hard- and soft-law concepts, as well as the history of the origin of coercion in general, was carried out. The article provides an analysis of the phenomenon of "coercion" from a legal, psychological, sociological and philosophical point of view, the influence of morality, morality and ethics on the law-making sphere, as well as their impact on the methods of state and non-state coercion. The author, based on the work of domestic lawyers, identified various descriptions of the term "state coercion", its signs, grounds for use, as well as its types.

The purpose of this scientific study was to analyze the mechanism of state coercion in the soft law concept, as one of the main guarantors of compliance with "soft" norms, as well as the influence of such an external factor as "morality" in determining acceptable boundaries in the mechanism of coercion.

Key words: State coercion, hard law, mechanism of coercion, international law, morality, soft law, morality, coercion, ethics.

Механизм принуждения, одна из особенностей «мягко-правовой» концепции, при которой различный ряд регулятивных средств, не обладающих большой нормативностью, могут оказать влияние на соблюдение определенных не общепринятых норм. Однако данная особенность также вызывает множество дебатов относительно легитимности «мягкого права». Например, «может ли «мягкое право», в виду отсутствия государственного принуждения и надзора за соблюдением, назваться «правом» в целом?

Чтобы ответить на данный вопрос, для начала нужно разобраться, а является ли государственное принуждение атрибутом нормы права, а также, стоит поговорить о том, что такое государственное принуждение как понятие?

Для начала стоит определиться с термином «мягкое право», Усенков И.А. дает следующее определение термина: «мягкое право — совокупность формализованных, но не обладающих общеобязательной нормативностью, правил (норм, принципов, критериев, стандартов), гарантированных применением социальных, политических и других неправовых санкций и/или имеющих косвенные правовые последствия. [4]

Из статьи Кожевникова С. Н. можно выделить три различных определения государственного принуждения:

Государственное принуждение — разновидность (вид) социального принуждения, которое свойственно любому объединению людей и означает внешнее воздействие на их сознание и поведение.

Государственное принуждение — это осуществляемое на основе закона государственными органами, должностными лицами физическое, психическое или организационное воздействие в отношении определенных лиц в целях обеспечения право порядка, защиты личных, общественных или государственных интересов.

Государственное принуждение — один из методов государственной власти, реализуемый ею наряду с убеждением, разъяснением принятых государственных решений и содержащихся в них обеспечительных мер (идеологических, информационных и др.) [1].

Столь обширное описание термина государственного принуждения, может свидетельствовать о давности его существования, а также говорит нам о том, что юридическое сообщество с самого начала его появления провело огромную работу для формирования имеющихся у нас вариантов, поэтому Кожевников приводит примерный перечень признаков государственного принуждения:

Во-первых - Государственное принуждение — это силовое воздействие, осуществляемое специ-

ально уполномоченными органами в отношении отдельных субъектов, сопряженное с наступлением для них определенных право ограничений. Это значит, что результатом применения принуждения, должна быть реализация определенной санкции, на те субъекты права, которые нарушили ее, или совершили противоправные действия по отношению к другим субъектам, а не «принуждение» само по себе.

Во-вторых - Государственное принуждение сложное структурное образование, в рамках которого обособляется понятие «механизм государственного принуждения». Данный признак означает, что государственное принуждение представляется в виде совокупности элементов, которые определяют порядок деятельности в сфере государственного нормативного контроля. Данная система состоит из следующих элементов:

Нормативно-правовая основа, точнее правовая регламентация функционально-принудительной деятельности уполномоченных субъектов;

Система субъектов, наделенных специальной компетенцией, которые реализуют государственное принуждение в ситуациях, указанных в законе;

Субъекты, т.е. индивиды и организации, выступающие, по сути, объектами соответствующего воздействия;

Меры государственного принуждения, применяемые к этим лицам;

Центральным элементом всей системы является - система субъектов, наделенных специальной компетенцией, используемой для достижения целей, указанных в законе, этими субъектами являются государственные органы и различные должностные лица, которые осуществляют государственно-принудительную деятельность, а в некоторых случаях и само государство может выступать в данной роли, например при ситуациях чрезвычайного положения.

В-третьих - государственное принуждение делится на физическое и психологическое, которые в сути своей имеют общую цель, но различаются по своему содержанию.

Физическое принуждение является методом физического (материального) воздействия на субъект, непосредственным объектом воздействия, будут являться материальные блага субъекта или свобода действий такового, по природе своей, такое принуждение оказывает скорее внешнее воздействие, затрагивая такие аспекты, как общественное положение, статус, имущество, денежные средства.

Психологическое принуждение является методом вербального воздействия на субъект, он выражается в угрозе применения санкций или воз-

можное их ужесточение, непосредственное влияние здесь оказывается на разум, волю и нравственность субъекта.

И в-четвертых – основания для применения государственного принуждения – это те обстоятельства, наличие которых позволяет признать меры государственного принуждения возможными (необходимыми) для реализации, а отсутствие таковых исключает их применение [1].

Демин и Гройсман в своей работе, также провели анализ фактора принуждения в «мягко-правовой концепции» и пришли к выводу, что не каждая норма права обеспечена возможностью государственного принуждения. В этом плане, регуляторная функция государства в виде ее способности воздействия на общество посредством создания определенных норм поведения с последующим наложением определенных санкций, в случае их несоблюдения, выступает общим признаком как «твердого», так и «мягкого права» [2].

С юридической точки зрения, принуждения является неотъемлемой частью правовой системы любого государства, оно необходимо для надзора в области соблюдения норм права и морали, также, по мнению многих юридических практиков, принуждения является неотъемлемой частью права в целом, ведь невозможно закрепить правовую норму не обеспечив ее перед этим соответствующим государственным принуждением, для всеобщего соблюдения, самым простым и банальным примером послужит Уголовный кодекс, который содержит в себе не только нормы права, но и наказания, соответствующие им, как по правовой нагрузке, так и по социальной.

С психологической стороны, принуждения оказывает влияние даже без применения санкций, один только факт наступления этих самых санкций, порой сдерживает субъекты от возможных не соблюдения. Зачастую, принуждение, оказывает настолько сильный психологический эффект, который проявляет себя в виде эффекта «снежного кома» (изначальные субъекты правоотношений, которые в виду психологического эффекта принуждения, соблюдают принятые нормы мягкого права, выступают в качестве примера для субъектов, присоединившихся позднее) [2].

При таком подходе, принуждение является скорее сдерживающим фактором, который помогает сделать итоговый выбор. В данном качестве, принуждение, выступает в роли медиатора, в цепи: субъект права – фактор принуждения – моральный выбор – последствия (санкция или одобрение).

В данной связи, можно проследить логическую цепь, при которой фактор принуждения не является главным, в принятии субъектом реше-

ния, он выступает в качестве противовеса шаткой воли субъекта, который для достижения собственной выгоды, может поступиться моральными нормами.

Теперь стоит поговорить о целях принуждения, ведь «цели» принуждения также важны, как и правовая база такого феномена как «принуждение».

В первую очередь стоит сказать, что цель принуждения, устанавливается принуждающим лицом, однако не смотря на агрессивное звучание, данный факт говорит нам лишь о том, что принуждающее лицо самостоятельно определяет цель принуждения, будь то для защиты собственного или чужого права, от постороннего вмешательства, обеспечение гарантии соответствующего социального поведения. С этой точки зрения, можно сказать, что фактор принуждения со зависим с нравственной стороной принуждения, пределы принуждения, как и санкции за отказ от таковых, определяется самостоятельно каждым субъектом права, будь то отдельное лицо или государственный аппарат ответственный за принуждение.

Но это верно только в контексте «жесткого права», а что же на счет норм «мягкого права»?

Не обладая государственным принуждением, нормы «мягкого права» тем не менее обладают определенным влиянием, открытое пренебрежение ими не приветствуется на международной арене, а в самых крайних случаях могут спровоцировать наложение определенного ряда санкций, которые соответственно могут повлиять на функционирование других сфер деятельности субъекта. Эта особенность, также вызывает парадокс, «нормы мягкого права юридически не обязательны, но их несоблюдение, вызывает определенные санкции, тем самым делая «норму мягкого права» обязательной для субъектов, признавших ее обязательность».

Подобный механизм на международной арене получил наименование «naming and shaming» (название и порицание), он необходим для публичного раскрытия и порицания поведения нарушителя, с целью наказать его через публичный ущерб репутации [3]. К данному методу прибегают различные правозащитные, международные организации, а также транснациональные компании, с целью гарантии соблюдения заключенных ранее договоренностей.

Государственное принуждение, как и принуждение в целом, имеет свои пределы, в которых их применение является обусловленным и необходимым, для соблюдения норм права. Определение этих самых границ, является составным элементом любой правовой системы государства, так как оно является его исключительным правом.

Особенно важным элементом при определении пределов государственного принуждения, является закрепление определенного перечня субъектов правоприменения, так как нарушение субъектной подведомственности будет являться грубым нарушением законности. [6]

В итоге, мы получаем очень спорный результат, с одной стороны, без государственного принуждения не может быть гарантировано соблюдение норм права, а соответственно и ставиться под вопрос и само существование права в целом, а с другой стороны, «мягкое право» в виду отсутствия государственного принуждения разработало свою «мягкую силу принуждения» которая хоть и не гарантирует соблюдение нормы «мягкого права» абсолютно всеми безоговорочно, но хотя бы может гарантировать, что субъекты права, которые признали такую норму, будут соблюдать ее, не смотря на «рекомендательный, а не обязательный» характер таковой.

«Мягкое право» как и международное, обладает качеством «добровольной обязательности» [2], поскольку традиционно, этически и политически обоснованно, что договоры должны соблюдаться. И действительно, принцип «*pacta sunt servanda*» - один из основных принципов Римского права, которое послужило основой для огромного множества правовых систем, а также является основой романо-германской правовой семьи, поэтому естественно, что некоторые его принципы находят отражение даже в такой отдаленной сфере как «мягкое право».

Данный пример показывает, что не смотря на отсутствие «обязательной силы принуждения», «мягкое право» все еще обладает определенными нормативностью, в зависимости от общего настроения, конечной цели, а также при соблюдении обоюдного уважения друг к другу, нормы «мягкого права» могут добиться обязательности, если не *de jure*, то *de facto*.

Но это только то, что относится к вопросу принуждения, но не стоит забывать и о нравственной стороне данного вопроса, которая является не менее важной, ведь нравственность может сыграть ключевую роль в принятии решения относительно соблюдения норм «мягкого права», которую не всегда возможно предугадать. Нравственность относится к категории индивидуальности каждого отдельного субъекта.

Тема нравственности относится не только к правовой сфере, в первую очередь нравственность является частью социальных взаимодействий. Вопросом нравственности люди стали задаваться еще с самого начала социальных взаимоотношений, честность той или иной договоренности в эпоху, до существования закреплённого

и регулируемого законодательства, определялась исключительно нравственностью и само осознанностью, предать или сдержать слово, доставить товар или претвориться что ничего не знаешь о его пропаже, именно нравственной и определяла итог договоренности в древности.

Чтобы понять механизм нравственности в «мягком праве», для начала стоит попытаться понять, что такое нравственность, в чем ее отличие, например, от морали или этики поведения, и как они соотносятся друг с другом?

Хотя данный вопрос относится больше к философии или социологии, в свое отражение нравственность, мораль и этика находят и в правовой сфере. Как мы знаем, право это лишь один из нормативных регуляторов общества, регуляторный эффект, наряду с правом также оказывает такой социальный институт как религия. Так же как религия, общественные взаимоотношения между субъектами формировались вокруг определенных «столпов»: общение, торговля, переговоры и договоренности, международные отношения, все они сформировали определенные «табу», которые формировались с оглядкой на мораль.

Можно сказать, что мораль, в широком смысле – это, совокупность внешних факторов, которые формируют определенные требования в отношении субъекта, которые впоследствии и определяют его поведение. Она является внешним регулятором, которая формируется в результате исторически сложившихся в обществе представлений о добре и зле, правильном и неправильном, а также выражается в виде внешних требований общества к субъекту данного общества. В отличии от нравственности, мораль – сама по себе, не является уникальной для каждого отдельного индивида, она может служить основой для формирования каких-либо общин, члены которой придерживаются оговоренных правил поведения и норм морали, в связи с этим, необходимо также упомянуть и о том, что мораль послужила основой для такого феномена как этика.

Этика – это в-первую очередь, неписанный свод правил поведения общества. Он сформировался в результате того, что рано или поздно, в большом и сплоченном обществе, где происходят социальные взаимодействия между субъектами, возникнет определенный свод правил, позволяющий предотвратить возможные конфликты. Этика поведения, формируется вокруг общественно принятых норм, ведь не для кого не секрет, что мораль в виде «сильный не обидит слабого» должна быть присуща любому адекватному обществу, которое стремится к развитию социальных институтов, и налаживанию различных взаимовыгодных и дружеских отношений.

Этика, своего рода рефлексия общества над моралью и нравственностью. При таком подходе, также можно сказать, если в случае морали императивное заключение будет «ложь – это плохо», то этика в свою очередь, задает вопрос «почему ложь – это плохо?». Тогда, что на счет нравственности, и какую она играет роль во всем этом?

Нравственность в моем понимании гораздо более сложный термин, чем мораль и этика. Эти термины имеют четкое определение, потому что имеют четкие границы и метод формирования. Если мораль – это внешний регулятор, формирующийся из общих пониманий о добре и зле, то нравственность, это опыт, полученный со временем, и пропущенный через сформировавшееся понимание о добре и зле.

Нравственность это – собственное чувство стыда, вины, совесть, или же, можно сказать, что это, способность человека добровольно подчинить свои инстинкты, а также его способность жить по принципу «не навреди», а также находит свое отражение в принципе «Золотого правила нравственности», которое звучит примерно так: «Относись к людям так, как хочешь чтобы они относились к тебе».

Если же говорить о соотношении морали, нравственности и этики, то в моем понимании, они представляются в виде переплетающихся терминов, которые тесно связаны, но не тождественны. В отличии от повседневной жизни, где зачастую их используют как синонимы, однако философия, социология и юриспруденция проводят между ними четкие разграничения. В моем понимании, разницу данных терминов можно выразить так:

Мораль – внешняя система, которая предписывает поведение субъекта.

Нравственность – внутренняя система, которую субъект применяет на практике.

Этика – это теоретическая база, которая позволяет субъекту изучать и рефлексировать над своими действиями.

Мораль формирует внешние предписания субъекта, после чего, нравственность пропускает личные желания через мораль, а этика впоследствии, позволяет субъекту проанализировать свои действия с учетом предписаний морали и результата нравственности, в результате, они взаимодействуют друг с другом, но не перекрывают друг друга в своих областях.

«Мягкое право» подразумевает под собой отсутствие жестких санкций за их неисполнение. Нормы «мягкого права», можно сказать, это нормы, основанные на общем понимании «добра и зла», основным мотиватором здесь является не наказание за нарушение, а принципы доверия, добросовестности и взаимного уважения, тем са-

мым нормы «мягкого права» опираются на тот самый «внутренний аппарат» субъекта, то есть скорее на нравственность, а не мораль или этику.

Данное заключение не означает, что любая норма права опирается только на нравственность, например есть так называемая «Этика поведения юриста», которая содержит в себе совокупность профессиональных и морально-этических принципов и норм, которые определяют поведение представителей юридической профессии, но говорит нам о том, что «мягкое право» в первую очередь, опирается именно на нравственность. Из данного вывода, также можно сказать о том, что эффективность той или иной нормы «мягкого права», напрямую зависит от нравственности, а именно, из общественного представления о «дobre и зле», а также будет иметь больше поддержки и соблюдения, если соответствует ожиданиям такой общества, а несоблюдение будет автоматически иметь негативный характер.

Не смотря на свою неопределенность, «мягкое право» отличный пример внедрения новых сфер в национальном законодательстве. К подобному мнению пришел также и Фогельсон Ю.Б. «Термин «мягкое право» самим своим появлением предлагает расширить границы понимания термина «право», включив в него как нормы, создание и исполнение которых зависит от суверенитета и, соответственно, от аппарата (нормы твердого права), так и нормы, во всем аналогичные первым, но к суверенитету индифферентные.» [5]

В итоге, можно сказать, принуждение является непосредственной частью права в целом, ведь оно является одним из гарантов соблюдения норм права, а нравственность – это не просто очередной внешний фактор воздействия, в главная движущая сила «мягкого права» в вопросе соблюдения ее норм. В то время как «жесткое право» опирается на нормы закона и силу государственного принуждения, «мягкое право», работает через взаимодействие внутреннего устройства субъекта в виде нравственности, и различных внешних факторов, в виде общественного мнения и экономических стимулов. Нормы «мягкого права» наиболее эффективны, когда целью является не навязывание определенных норм, а попытка убедить субъекта принятие этих норм как «собственных», а также тогда, когда нужно не «заставить», а «вдохновить».

Список литературы:

- [1] Кожевников С. Н. Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. — 2017. — № 3. — С. 71 – 74.
- [2] Демин А.В., Гройсман С.Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // Lex

Russica. – 2019. – № 4 (149). – С. 56–67.

[3] Демин А.В. «Мягкое право»: практика применения в контексте российского и международного права: монография. // Москва : Проспект, 2018. — 240 с.

[4] Усенков И.А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. - Т. 15. № 1. – С. 28-57.

[5] Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. – 2013. - № 9. – С. 43-51.

[6] Макарейко Н.В. Пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. - № 1 (25). – С. 35–39.

References:

[1] Kozhevnikov S. N. State compulsion: The

essential aspects // Sociopolitical Sciences — 2017. — № 3. — P. 71 – 74.

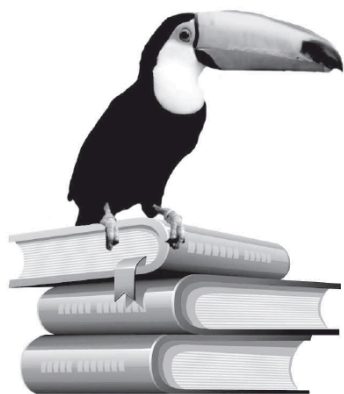
[2] Demin A.V., Groysman S.E. The Coercion factor in the context of "Soft Law" // Lex Russica (The Russian Law). – 2019. – No. 4 (149). – P. 56–67.

[3] Demin, A.V. "Soft law": the practice of application in the context of Russian and international law: monography — Moscow: Prospekt, 2018. — 240 p.

[4] Usenkov I.A. National Soft Law as a Legal Phenomenon and a Tool for Increasing Stability of Legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2022. - Vol. 15. – No. 1. – P. 28-57.

[5] Fogelson Yu. B. Soft law in the modern legal discourse // Journal of Russian Law. - 2013. – No. 9. – P. 43-51.

[6] Makareyko N. V. Limits of state coercion // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 1 (25). – P. 35-39.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-335-342

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

ШУНДИКОВ Константин Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: shundikovkv@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕХАНИЗМАХ РОССИЙСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению перспектив применения технологий искусственного интеллекта в российской правотворческой практике. Анализируются потенциальные плюсы внедрения технологий «искусственного разума» в отечественное правотворчество: ускорение темпов, снижение коррупционных рисков, повышение качества юридической техники, оптимизация прогнозирования и мониторинга эффективности нормативных актов, дальнейшая демократизация правотворчества. Подчеркивается актуальность формирования адекватной и эффективной нормативно-правовой базы и действенных правовых механизмов контроля за применением технологий ИИ в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: правотворчество, искусственный интеллект, нормативно-правовые акты, юридическая техника, прогнозирование, мониторинг эффективности законодательства, демократизация правотворческой деятельности, оптимизация правовой базы, эффективность механизмов правотворчества.

SHUNDIKOV Konstantin Valentinovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the North-Western Branch of the Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“V.M. Lebedev Russian State University of Justice”

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE MECHANISMS OF RUSSIAN LEGISLATION AS A FACTOR IN INCREASING THEIR EFFECTIVENESS

Annotation. The article is devoted to the prospects of using artificial intelligence technologies in Russian law-making practice. The potential benefits of introducing artificial intelligence technologies into domestic law-making are analyzed: accelerating the pace, reducing corruption risks, improving the quality of legal technique, optimizing the forecasting and monitoring of the effectiveness of regulations, and further democratizing law-making. The article emphasizes the importance of creating an adequate and effective legal framework and effective legal mechanisms for monitoring the use of AI technologies in law-making.

Key words: lawmaking, artificial intelligence, legal acts, legal technique, forecasting, monitoring the effectiveness of legislation, democratization of lawmaking, optimization of the legal framework, and the effectiveness of lawmaking mechanisms.

Стремительная динамика цифровых технологий, охватившая сегодня практически все сферы жизни социума, заставляет юридическое сообщество по-новому взглянуть на многие традиционные проблемы правовой доктрины и практики, задуматься о возможности коррекции выработанных

столетиями подходов к решению задач правового регулирования. Одним из наиболее значимых поводов к таким размышлениям сегодня становится развитие алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ), превратившихся в гигантскую финансовую индустрию, исчисляемую на мировом

уровне в десятках миллиардов долларов.

Российское государство не является исключением. Анализ действующей правовой базы и официальных заявлений российских властей позволяют сделать вывод о достаточно амбициозных планах в этой области. Так, в ходе своего выступления на международной конференции «AI Journey» («Путешествие в мир искусственного интеллекта») 20 ноября 2025 года, Президент России В.В. Путин назвал развитие отечественных систем ИИ вопросом государственного, технологического и ценностного суверенитета, а также подчеркнул, что в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта поставлена цель – совокупный вклад этой важнейшей технологии в ВВП страны к 2030 году должен превысить 11 трлн. рублей [6].

Россия неизбежно и стремительно движется в сторону цифры: технологии ИИ проникли практически во все сферы социальной жизни и решают многие важные общественные проблемы. Практика показала, что «электронный разум» в решении множества задач превосходит возможности человеческого, что делает его незаменимым помощником, позволяющим оптимизировать рутинную работу, экономить значительные временные и человеческие ресурсы, увеличить прибыль и сэкономить миллиарды рублей [7].

В этой связи вполне закономерными представляются набирающие во многих странах мира процессы использования «электронного разума» в практике государственного управления в целом и в юридической практике в частности [1]. Масштабы подобного внедрения на доктринальном уровне стали основанием для постановки вопроса о необходимости введения в научный оборот нового понятия: «искусственный юридический (правовой) интеллект» [2, с. 13].

Обозначенные тенденции закономерным образом порождают вопрос о возможности применения соответствующих технологий *в правотворческой практике*, при формировании, принятии, изменении и отмене соответствующих нормативно-правовых актов [3]. Данная сфера деятельности традиционно связана в сознании общества лишь с человеческой деятельностью. Ведь с 1906 года, когда начала свою работу Государственная Дума Российской империи, в отечественном парламенте над законопроектами работают люди, получившие мандат доверия от избирателей. Не пришло ли теперь время для таких явлений и понятий как «искусственный законодатель», «умный парламент», «бот-депутат» и прочих аналогичных по семантике выражений?

На первый взгляд, с учетом наличного уровня развития цифровых технологий, особых тех-

нических препятствий для этого не существует. Ведь, по сути, любой нормативно-правовой акт представляет собой не что иное, как текстовый документ, содержащий тот или иной набор предскриптивных предписаний, моделирующих алгоритмы человеческого поведения через установление типовых деонтических модальностей (запретов, предписаний, дозволений), а также некоторого объема нетипичных правовых установлений: принципов права, дефиниций, целевых конструкций и т.п. С технической точки зрения сгенерировать подобные тексты посредством использования электронных алгоритмов не так уж сложно. Большинство задач, традиционно решаемых в ходе законодательного процесса (выборка, анализ и обобщение эмпирических данных, постановка целей, моделирование текста соответствующего предписания, прогнозирование его функционирования, обеспечение его соответствия и непротиворечия иным действующим правовым нормам и т.п.) оказываются вполне выполнимыми при помощи цифровых платформ. Уже сегодня, например, чат GPT, по соответствующему запросу за несколько секунд генерирует вполне приличный текст того или иного нормативного акта, дальнейшая «шлифовка» которого, как говорится, – дело техники.

Интеллектуальная цифровизация правотворческой практики привлекательна целым рядом очевидных потенциальных плюсов. Один из них – существенное *ускорение темпов правотворческой деятельности*, за счет перекладывания на программы рутинной технической работы: сбор и анализ больших объемов данных, сортировка и анализ обращений и инициатив, распределение материалов законопроектов между соответствующими структурными подразделениями законодательного органа, внутрипарламентские и межведомственные согласования и т.п. Эти и подобные им процессы образуют основной объем работы в законодательной деятельности. Поэтому техническая проработка любого законопроекта занимает месяцы, а нередко и годы. Так, согласно данным Министерства экономического развития РФ, на проведение одной законодательной инициативы в федеральном парламенте уходит в среднем 300 дней [8]. Весьма длительными сроками проработки правовых документов отличается и работа Правительства России. Ежегодно через этот орган проходит более семи тысяч различных нормативных актов (федеральных законов, постановлений, распоряжений и др.). В процессе подготовки проекта одного документа принимают участие в целом шесть ведомств, сам же проект проходит от семи до двенадцати этапов согласования. При этом каждый подобный этап занимает около ме-

сяца. Средний же срок подготовки федерального нормативного документа в Правительстве РФ составляет 328 дней [9].

Упрощение технической стороны правотворчества, в том числе и многочисленных процедур согласования проектов потенциально привлекательно в плане *снижения уровня коррупционных рисков*. Цифровизация способствует тому, что правотворческий процесс отчасти становится более прозрачным, что в свою очередь некоторым образом сокращает возможности для неправомерных злоупотреблений.

Одним из потенциально привлекательных факторов является *перспектива повышения качества юридической техники* принимаемых нормативно-правовых актов: снижения степени их коллизии, пробельности, неопределенности правовых формулировок; унификации терминологического аппарата; устранения технических и языковых ошибок, и т.п. Более эффективное решение подобных задач является весьма актуальной проблемой с учетом гигантского объема принимаемых ежегодно нормативных актов. Практика деятельности законодательных органов власти в России наглядно демонстрирует, что положение дел в этом вопросе оставляет желать лучшего. Особенно остро до сих пор стоит эта проблема на муниципальном и региональном уровне. Время от времени высказываются соответствующие претензии и к федеральному законодателю. Возможно, машина лучше справится с задачей обеспечения высокого качества нормативно-правового текста, чем депутатский корпус...

Помимо вышеперечисленных преимуществ, эксперты видят потенциальную пользу от применения ИИ в *повышении уровня и качества прогнозирования регулятивного действия законодательных актов*, просчете возможных рисков, практических коллизий, потенциальных бюджетных расходов, что весьма важно на этапе принятия соответствующих документов [10]. Как отмечает А.С. Киселев, использование технологий ИИ «позволяет проводить более точные и математически обоснованные прогнозы, что, в случае правотворчества, обеспечит более комплексную оценку любого законопроекта. Это также позволяет предотвратить негативные последствия и минимизировать риски, связанные с принятием новых законов и внесением изменений и дополнений в действующее законодательство» [4, с. 134].

Думается, что существенную помощь технологии ИИ способны оказать при проведении *мониторинга эффективности действия* соответствующего законодательного массива. Здесь данные технологии могли бы помочь в просчете потенциальных рисков и выявлении актуальных дефектов,

связанных с практическим применением правовых норм, а также обеспечить необходимую систематизацию и анализ поступающих «сигналов» от граждан, организаций, хозяйствующих субъектов и выработке соответствующих «рекомендаций» для проведения соответствующих контрольных проверок государственных ведомств.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает такой аспект рассматриваемой проблемы, как *дальнейшая демократизация правотворческой практики*. Ряд отечественных экспертов характеризуют интеграцию «цифры» в правотворчество как новый виток развития «электронной демократии». В частности, Р.А. Ахметкужин и И.А. Кузнецов полагают, что «цифровизация правотворческого процесса позволит гражданам участвовать в самом процессе путем голосования и представления в законодательные органы проектов нормативных актов» [5, с. 537].

Сегодня демократизация правотворческой деятельности в России обеспечивается, главным образом, посредством механизмов прямой и представительной демократии. Вместе с тем, механизмы «обратной связи», позволяющие народным избранникам эффективно взаимодействовать с электоратом, отслеживать, анализировать и своевременно воплощать выдвигаемые «народные инициативы» находятся пока в процессе становления, показатели их продуктивности оставляют желать лучшего. Касается это и механизмов «электронной демократии», таких как «Российская общественная инициатива», обсуждения проектов нормативных правовых актов на ведомственных цифровых порталах, проект «Активный гражданин» и др. Практика применения подобных ресурсов с точки зрения коэффициента практической пользы, к сожалению, пока еще далека от совершенства.

Так, интернет-платформа «Российская общественная инициатива», функционирующая с марта 2013 года, открыла для российских граждан (авторизованных через специальную государственную систему идентификации) возможность выдвигать собственные гражданские инициативы, либо голосовать за уже предложенные. При запуске данного проекта замысел разработчиков состоял в том, чтобы инициативы, набравшие более 100 000 подписей, становились бы предметом рассмотрения в парламенте. За время существования данного ресурса, на нем было выдвинуто более 22 тысяч гражданских инициатив. Однако, законодательные решения были приняты лишь по 41 инициативе.

Безусловно, оптимизация использования подобных цифровых ресурсов не сводится лишь к технической стороне их функционирования. Вме-

сте с тем, тезис о том, что дальнейшая интеграция в их работу технологий ИИ способна стимулировать дальнейшее укрепление «электронной демократии». По большому счету данная проблема сводится к выбору, обработке и анализу того или иного объема больших данных и построению соответствующих обобщений и заключений и рекомендаций. «Оптимистичный взгляд в светлое цифровое будущее, – пишет В. Зикеев, – позволяет рассуждать о демократизации процедуры принятия нормативных актов посредством внедрения механизмов электронной демократии, упрощении процедур экспертных согласований, общественных обсуждений, общественного контроля путем отказа от архаичных форм взаимодействия между участниками этих процессов, проведении оценки регулирующего воздействия, оценки фактического воздействия и мониторинга правоприменения на основе цифровой аналитики «больших данных» [8].

Согласно данным, представленным в отчете Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), более чем в 30 странах мира законодатели применяют ИИ-технологии в качестве вспомогательного инструмента: для анализа и обобщения данных, выявлении повторов и противоречий в текстах законопроектов, составлении сопроводительных документов и комментариев к ним, прогнозировании возможных последствий применения принимаемых правовых предписаний, обработке поступающих обращений, консультировании граждан и т.п.

С учетом динамики общемировых технико-юридических трендов закономерным представляется процесс целенаправленной поэтапной цифровизации правотворческой практики в Российском государстве. В частности, на сегодняшний день законодательная деятельность на федеральном уровне в значительной степени автоматизирована. В работе Государственной Думы РФ активно применяется специальная цифровая платформа «Электронный парламент», в которую интегрированы элементы генеративного ИИ. Данные алгоритмы используются для обработки обращений граждан, анализа публикаций СМИ и поступающих законодательных инициатив (в том числе общественных), регистрации и распределении законопроектов между парламентскими комитетами, а также непосредственно в законотворческом процессе – для анализа экспертных заключений, отслеживания возможных дублирований правовых норм, а также коллизий между принимаемыми и действующими нормативными актами. Внедрение данной системы стало одним из шагов в реализации стратегии развития «суверенного искусственного интеллекта» [11].

Фактически в цифровой формат с 1 октября 2024 года переведена работа по подготовке законопроектов и иных правовых актов Правительства РФ, благодаря введению в действие государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» — ГИС «Нормотворчество», оснащенной системой встроенного искусственного интеллекта [9].

В июле 2025 года Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был разработан Проект Постановления Правительства Российской Федерации "О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении" [12]. Фактически данным актом предлагалось проведение национального эксперимента по внедрению технологий генеративного ИИ в систему государственного управления. Участниками данного эксперимента на добровольной основе предлагалось стать как федеральным, так и региональным органам исполнительной власти. Примечательно, что в пункте 2 Приложения к данному документу, обозначающему перечень направлений применения больших генеративных моделей искусственного интеллекта в государственном управлении, упоминается, что соответствующие технологии будут использоваться для «анализа проектов правовых актов, представленных на рассмотрение в государственный орган». При этом в качестве критериев оценки эффективности такой деятельности в данном пункте указаны: «а) сокращение времени подготовки корреспонденции; б) повышение удовлетворенности сотрудников; в) сокращение количества ошибок» [12].

Приведенные и многие иные примеры убедительно свидетельствуют о том, что «электронный разум» сегодня действительно превращается в эффективного технического помощника в законодательном процессе. При этом есть все основания полагать, что данный процесс необратим и будет стремительно развиваться. Эксперты практически единодушно отмечают очевидные перспективы дальнейшего развития этого процесса. В частности, А.С. Киселев, обращает внимание на следующие перспективные звенья системы, обеспечивающей цифровую автоматизацию законодательной практики: «электронные базы данных; программы для анализа данных и выявления проблемных областей в законодательстве, для предложения изменений, дополнений в законах и подзаконных нормативных правовых актах; система управления проектами для отслеживания статуса законопроектов; система автоматической генерации текста на основе шаблонов и предварительно задан-

ных параметров; электронные системы обратной связи для участия представителей государства и общества в разработке законопроектов; программы для оптимизации обработки и утверждения законопроектов; электронные системы автоматизированных уведомлений и управления сроками для контроля за выполнением задач; система защиты информации» [4, с. 136].

Многие депутаты Государственной Думы РФ и иных правотворческих органов в своих интервью и статьях неоднократно отмечали, что ИИ сегодня используется только в качестве эффективного вспомогательного инструмента, позволяющего анализировать большие объемы данных, готовить аналитические отчеты, расшифровывать аудиограммы, составлять протоколы-резюме и обзоры правоприменительной практики, сопоставлять имеющийся отечественный правовой опыт с зарубежным, выявлять коллизии в законодательстве, предлагать варианты корректировки правовых текстов и т.п. При этом, как правило, подчеркивается, что авторство законопроекта безусловно остается за депутатским корпусом, как и ответственность за его содержание [13].

Последний принципиальный тезис представляется весьма убедительным, с ним трудно не согласиться. Вместе с тем, некоторые прецеденты, наглядно демонстрируют, что потенциальные возможности генеративных цифровых алгоритмов отнюдь не ограничены вышеперечисленными пунктами. Цифровой разум способен выступать не только в роли «скромного технического ассистента», но и в статусе полноправного соавтора или даже единственного автора нормативно-правового документа. О подобных казусах, происходящих в зарубежных странах, мы уже упоминали. В российской законодательной практике отдельные сигналы, свидетельствующие о попытках «творческого применения» технологий ИИ также имели место.

Так в январе 2026 года в соцсетях и прессе развернулась бурная дискуссия после публикации в СМИ пояснительной записки к законопроекту «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», в которой была обнаружена UTM-метка chatgpt.com. Подобные метки чат-бот ChatGPT добавляет при отслеживании переходов и вставке какой-либо информации из источника. В связи с этим к депутатам возник резонный вопрос об авторстве как самого законопроекта, так и сопроводительных материалов к нему: не подготовлены ли данные документы при помощи американской нейросети? Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Элина Сидоренко назвала эту ситуацию показательной, заявив, что по-

добная метка говорит о «сливе» данных в американскую систему искусственного интеллекта [14]. Комитет Госдумы по молодежной политике вскоре опроверг информацию о подготовке данных документов с использованием нейросети, заявив что последние применялась лишь для более оперативного поиска источников информации. Кроме того, представители комитета сослались также на заключение российского ИИ-ассистента GigaChat, согласно которому соответствующие тексты были написаны человеком... Эти разъяснения были приняты обществом, депутатским корпусом и аналитиками, однако, как принято говорить в подобных случаях: осадок (в виде пищи для размышлений) остался.

С учетом неизбежной дальнейшей экспансии технологий ИИ в правотворческую практику, особую актуальность для российского законодателя приобретает *проблема формирования адекватной и эффективной нормативно-правовой базы и действенных правовых механизмов контроля за применением технологий ИИ в законодательной деятельности*. Анализ сложившейся ситуации приводит к выводу о том, что темпы развития цифровых технологий в современной России, к сожалению, опережают процессы их законодательного регулирования, что усиливает соответствующие социальные риски.

Специалисты справедливо замечают, что в целом правовое поле России, связанное с регламентацией ИИ, является заметно более скромным по сравнению с рядом иных национальных правовых порядков, и, по сути, в настоящее время переживает лишь начальную фазу развития. Убедительной в этой связи представляется позиция А.И. Медведева, который отмечает, что «создание комплексного законодательства о разработке и использовании искусственного интеллекта и робототехники в России находится еще только в начале пути. Стратегические документы и инициативные законопроекты, которые существуют в настоящий момент, могут лечь в основу будущего правового регулирования, для формирования которого потребуется длительная экспертная и нормотворческая работа, сопровождающаяся активными дискуссиями на разных уровнях» [15]. Ему вторит О.Р. Ручий, подчеркивая, что «в России создан определенный правовой каркас, однако он носит фрагментарный характер и пока не способен комплексно урегулировать весь спектр возникающих отношений ... текущее законодательство носит во многом рамочный характер и не успевает за скоростью технологических изменений» [16]. На этапе формирования находится сегодня в России и судебная практика, посвященная вопросам применения технологий искусственного интеллекта [17].

Одним из основных нерешенных вопросов в этой области является отсутствие единого базового правового стандарта, регламентирующего взаимодействие человека и компьютерного разума. Подобный стандарт на сегодняшний день отсутствует и на мировом уровне. Существуют лишь соответствующие региональные акты в США, ЕС и КНР. В частности, в Евросоюзе 13 марта 2024 года был принят первый в мире закон, направленный на комплексную регламентацию разработки и применения систем ИИ [18].

18 апреля 2025 года на 58-м заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ был принят модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта», заложивший правовые основы для использования технологий ИИ на постсоветском пространстве. Российскому законодателю подобный документ только еще предстоит разработать. Такую задачу перед парламентариями поставил 26 марта 2025 года в ходе отчета Правительства Председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин [19]. Необходимость введения в действие такого федерального закона связана с потребностью в формировании концептуального подхода к регулированию процессов внедрения ИИ-технологий в национальном масштабе, закреплении ключевых стратегических приоритетов и базовых принципов соответствующей правовой политики. Одним из последних, несомненно, должен стать уже упоминаемый ранее принцип подконтрольности ИИ-алгоритмов человеку. С учетом высоких потенциальных рисков использования электронного разума, представляется также вполне убедительным и заслуживающим внимания законодателей предложение о введении в соответствующие нормативно-правовые акты *«презумпции опасности искусственного интеллекта»* [2, с. 23].

Размышляя о необходимых правовых рамках развития ИИ, В.Д. Зорькин подчеркивает: «моделирование правового статуса искусственного интеллекта должно базироваться на двух краеугольных принципах. Во-первых, на принципе защиты прав и свобод человека, в том числе права на труд, а также создание благоприятных условий для адаптации человека, не отягощенного специальными инновационными компетенциями, к цифровой экономике. Во-вторых, на принципе безопасности через противодействие противоправному использованию искусственного интеллекта, а также предупреждение рисков негативных последствий даже правомерного использования соответствующих технологий» [20]. По нашему мнению, с подобной постановкой вопроса следует согласиться.

Введение в действие соответствующего ба-

зового законодательного акта, очевидно, повлечет за собой развитие и систематизацию уже имеющейся в России правовой базы, посвященной регламентации использования технологий ИИ, в том числе в сфере государственного управления. Полагаем, в этой связи, что потребуются также изменения в регламенты законодательных органов федеральной и региональной власти.

Наряду с совершенствованием законодательного массива для повышения эффективности применения ИИ-алгоритмов в правотворческой практике предстоит преодолеть и некоторые организационно-технические препятствия. Одним из них является отсутствие единой базы всех действующих в стране нормативно-правовых актов, охватывающей и федеральный и региональный и муниципальный уровни законодательства. С 2022 года работы по созданию такой базы начал Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции. [21] Вместе с тем, с механизмом верификации нормативных актов регионального и муниципального уровней по-прежнему существуют технические проблемы. Соответствующие базы правовых актов формируются территориальными органами юстиции. Необходимо включить их в единую базу. Наличие подобного единого сервиса было бы очень полезным особенно на стадии технико-юридической экспертизы соответствующего правового акта. Единая цифровая платформа, способная обеспечить доступ ко всей национальной законодательной системе, является важным фактором, гарантирующим повышение действенности применения потенциала ИИ в законодательной деятельности [22].

Список литературы:

- [1] Березина Е. А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 25–38.
- [2] Балалаева Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2024. 263 с.
- [3] Свистунова Л.Ю., Горбач С.В. Цифровизация правотворчества: перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2026. № 1 (83). С. 141–155.
- [4] Киселев А.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 6. С. 127-143.
- [5] Ахметкужин Р.А., Кузнецов И.А. История развития и перспективы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности

сти // E-Scio. 2023. № 2 (77). С. 532–539.

[6] Итоги главной дискуссии AI Journey: решения на основе искусственного интеллекта — основа государственного, технологического и ценностного суверенитета страны. // Комсомольская правда. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27745/5173042/> (дата обращения: 15.05.2026).

[7] Ум без зарплаты: 68% компаний в России используют искусственный интеллект. // Известия. URL: <https://iz.ru/1110451/natalia-ilina-mariia-kolobova/um-bez-zarplaty-68-kompanii-v-rossii-ispolzuiut-iskusstvennyi-intellekt> (дата обращения: 16.07.2023).

[8] Зикеев В. Законотворчество и «цифра» (лонгрид на тему). // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/2/zakonotvorchestvo_i_cifra_longrid_na_temu (дата обращения: 10.05.2026).

[9] Писать хорошие законы поможет искусственный интеллект. // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/pisat-khoroshie-zakony-pomozhet-iskusstvennyy-intellekt.html> (дата обращения: 18.05.2026).

[10] Искусственный законодатель: сможет ли нейросеть создавать нормативные акты. // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-zakonodatel-smozhet-li-neiroset-sozdavat-normativnye-akty>. (дата обращения: 21.05.2026).

[11] Модули ИИ проверяют законопроекты на противоречия с Конституцией. // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8337404?query=госдума> (дата обращения: 05.06.2026).

[12] Проект Постановления Правительства Российской Федерации "О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении" (подготовлен Минцифры России 23.07.2025). // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56928658/> (дата обращения: 08.06.2026).

[13] Как политики используют ИИ в законотворческом процессе. // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-ispolzuyut-ii> (дата обращения: 08.06.2026).

[14] «Пусть зарплату тоже нейросеть получает»: депутаты Госдумы могли использовать ИИ для написания законопроекта. // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/aXTHsNSrMzjMtghh> (дата обращения: 08.06.2026).

[15] Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 48–63.

[16] Ручий О. Р. Правовые аспекты регули-

рования искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2025. № 39 (590). С. 219–221.

[17] Толкунова П. Правовое регулирование искусственного интеллекта (AI). // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2023/11/2/pravovoe_regulirovanie_iskusstvennogo_intellekta_ai (дата обращения: 10.06.2026).

[18] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance). // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (дата обращения: 08.06.2026).

[19] Искусственным интеллектом закон не писан. // Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/aA30WM0DSRxc3x2u> (дата обращения 07.04.2026).

[20] КСРФ. Право и вызовы искусственного интеллекта. // КСРФ. URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/14922/> (дата обращения: 12.06.2026).

[21] Есть ли будущее у искусственного интеллекта в сфере нормотворчества. // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/est-li-budushee-u-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-normotvorchestva> (дата обращения: 08.06.2026).

[22] Искусственный законодатель: сможет ли нейросеть создавать нормативные акты. // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-zakonodatel-smozhet-li-neiroset-sozdavat-normativnye-akty> (дата обращения: 16.06.2026).

References:

[1] Berezina E. A. Use of Artificial Intelligence in Legal Activity // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 12. pp. 25–38.

[2] Balalaeva Yu. S. Theoretical Problems of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Sphere. Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhny Novgorod. 2024. 263 pp.

[3] Svistunova L. Yu., Gorbach S. V. Digitalization of Lawmaking: Development Prospects // Leningrad Law Journal. 2026. No. 1 (83). pp. 141–155.

[4] Kiselev A. S. Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in Legal Analytics and Lawmaking // Lex Russica. 2025. Vol. 78. No. 6. Pp. 127–143.

[5] Akhmetkuzhin R.A., Kuznetsov I.A. History of the Development and Prospects of Applying Artificial

Intelligence in Lawmaking // E-Scio. 2023. No. 2 (77). Pp. 532–539.

[6] Results of the Main Discussion of AI Journey: Solutions Based on Artificial Intelligence Are the Foundation of the Country's State, Technological, and Value-Based Sovereignty. // Komsomolskaya Pravda. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27745/5173042/> (date accessed: 15.05.2026).

[7] Intelligence Without a Salary: 68% of Companies in Russia Use Artificial Intelligence. // Izvestia. URL: <https://iz.ru/1110451/natalia-ilina-mariia-kolobova/um-bez-zarplaty-68-kompanii-v-rossii-ispolzuiut-iskusstvenny-i-intellekt> (accessed: 16.07.2023).

[8] Zikeev V. Lawmaking and "digital" (longread on the topic). // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/2/zakonotvorchestvo_i_cifra_longrid_na_temu (accessed: 10.05.2026).

[9] Artificial intelligence will help write good laws. // Parliamentary newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/politics/pisat-khoroshie-zakony-pomozhet-iskusstvennyy-intellekt.html> (Accessed: 18 May 2026).

[10] Artificial Legislator: Will a Neural Network Be Capable of Creating Regulatory Acts? // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-zakonodatel-smozhet-li-neiroset-sozdavat-normativnye-akty>. (Accessed: 21 May 2026).

[11] AI Modules Check Bills for Contradictions with the Constitution. // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8337404?query=росдам> (Accessed: 05 June 2026).

[12] Draft Resolution of the Government of the Russian Federation "On conducting an experiment on the use of generative artificial intelligence in public administration" (prepared by the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation on July 23, 2025). // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56928658/> (accessed on June 8, 2026).

[13] How politicians use AI in the legislative process. // Vedomosti. URL: [https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-](https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-ispolzuyut-ai)

[ispolzuyut-ai](https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/12/16/1163523-kak-politiki-ispolzuyut-ai) (accessed on June 8, 2026).

[14] "Let the neural network get a salary too": State Duma deputies could use AI to write the bill. // Zen. URL: <https://dzen.ru/a/aXTHsNSrMzjMtghh> (accessed: 08.06.2026).

[15] Medvedev A.I. Legal aspects of artificial intelligence and related technologies // Journal of the Intellectual Property Court. December 2022. Issue 4 (38). Pp. 48–63.

[16] Ruchiy O.R. Legal aspects of artificial intelligence regulation // Young scientist. 2025. No. 39 (590). Pp. 219–221.

[17] Tolkunova P. Legal regulation of artificial intelligence (AI). // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2023/11/2/pravovoe_regulirovanie_iskusstvennogo_intellekta_ai (accessed: 10.06.2026).

[18] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance). // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (accessed on June 8, 2026).

[19] Artificial intelligence cannot write the law. // Zen. URL: <https://dzen.ru/a/aA30WM0DSRxc3x2u> (accessed on April 7, 2026).

[20] KSRF. Law and the Challenges of Artificial Intelligence. // KSRF. URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/14922/> (accessed on June 12, 2026).

[21] Does artificial intelligence have a future in rulemaking? // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/est-li-budushee-u-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-normotvorchestva> (accessed: 08.06.2026).

[22] Artificial Legislator: Will a Neural Network Be Capable of Creating Normative Acts? // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-zakonodatel-smozhet-li-neiroset-sozdavat-normativnye-akty> (accessed: 16.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 22.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-343-349

ОНОПРИЕНКО Николай Евгеньевич,
аспирант в университете "Синергия"; факультет:
5.1.1 теоретико-исторические правовые науки; Москва,
Российская Федерация, 0009-0007-7768-2109,
e-mail: onoprienko.nickolay@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье обосновано, что теоретико-методологической основой исследования выступает совокупность принципов историзма, объективности и системности, а также междисциплинарный подход, позволяющие раскрыть правовую ментальность как глубинную основу национальной правовой системы. Определено соотношение понятий «правовая ментальность», «правосознание» и «правовая культура», разграничены категории «ментальность» (процесс) и «менталитет» (результат). Выявлены устойчивые черты российской правовой ментальности: приоритет нравственного идеала правды над формальным законом, коллективизм и противоречивый этатизм. Установлено, что данные особенности необходимо учитывать в правотворческой и правоприменительной практике для повышения эффективности правовых реформ.

Ключевые слова: правовая ментальность, правовой менталитет, правосознание, правовая культура, методология юридической науки, теоретико-исторические правовые науки, историко-правовой анализ, национальная правовая система.

ONOPRIENKO Nikolay Evgenievich,
graduate student at Synergy University; faculty: 5.1.1 theoretical
and historical legal sciences; Moscow, Russian Federation

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LEGAL MENTALITY RESEARCH

Annotation. The article substantiates that the theoretical and methodological basis of the research is a set of principles of historicism, objectivity and consistency, as well as an interdisciplinary approach that allows to reveal the legal mentality as the deep foundation of the national legal system. The correlation of the concepts "legal mentality", "legal awareness" and "legal culture" is determined, the categories "mentality" (process) and "mentality" (result) are distinguished. The stable features of the Russian legal mentality are revealed: the priority of the moral ideal of truth over formal law, collectivism and contradictory statism. It is established that these features must be taken into account in law-making and law enforcement practice in order to increase the effectiveness of legal reforms.

Key words: legal mentality, legal mentality, legal awareness, legal culture, methodology of legal science, theoretical and historical legal sciences, historical and legal analysis, national legal system.

Проблема исследования заключается в активно существующем противоречии между потребностью юридической науки в целостном осмыслении глубинных факторов, определивших своеобразие исторического пути развития российской правовой системы, и недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований для изучения процесса становления правовой ментальности России как системообразующего элемента национальной правовой традиции. Целью работы является комплексное теоретико-пра-

вовое и историко-правовое исследование процесса становления правовой ментальности России, выявление её сущностных характеристик, этапов формирования, факторов эволюции и форм проявления в различные периоды отечественной истории для определения роли и значения данного феномена в генезисе и развитии национальной правовой системы.

Ключевой категорией, вокруг которой строится данное исследование, выступает «правовая ментальность». Для корректного анализа необхо-

димому разобраться с этим явлением детально. Правовая ментальность — это исторически сформировавшаяся, устойчивая совокупность подсознательных психологических, культурных и ценностных установок, стереотипов и моделей восприятия, которые определяют отношение социума к праву, закону, власти и справедливости. Это своего рода «код» правовой культуры, передающийся из поколения в поколение и выступающий фильтром для внешних правовых влияний.

Исходя из необходимости изучения данного явления, в работе ставятся и логически рассматриваются следующие задачи:

Проанализировать эволюцию теоретико-методологических подходов — выявить, как менялось понимание правовой ментальности в науке и почему потребовалось введение данной категории.

Определить категориальный статус понятия — разграничить правовую ментальность со смежными категориями (правосознание, правовая культура, правовой менталитет), установив их соотношение и иерархию.

Выявить генезис и этапы формирования — проследить процесс становления российской правовой ментальности в исторической ретроспективе (от догосударственного периода до современности).

Раскрыть систему факторов — установить комплекс причин (геополитических, религиозных, социальных, политических), оказавших определяющее влияние на формирование правовой ментальности России.

Охарактеризовать устойчивые черты — выделить инвариантные характеристики российской правовой ментальности, проявляющиеся на различных исторических этапах (приоритет «правды», коллективизм, этатизм и др.).

Определить роль в правовом регулировании — показать значение правовой ментальности в процессах правотворчества и правоприменения, обосновать необходимость ее учета при проведении правовых реформ.

Как отмечает в своем исследовании Мурунова А. В., введение в научный оборот категории «правовая ментальность» связано со стремлением правоведов преодолеть ограниченность традиционных подходов к объяснению природы права, сводивших его либо к воле государства, либо к абстрактным нормам справедливости. Правовая ментальность представляет собой относительно устойчивую совокупность установок, предрасположенностей, стереотипов и глубинных структур правового восприятия, которые формируются в процессе исторического развития конкретного социума и определяют специфику его реагирования

на правовые явления [1, 2].

Особого внимания заслуживает проблема разграничения понятий «правовая ментальность» и «правовой менталитет». В современной юридической литературе наметилась тенденция к их дифференциации по линии «процесс-результат» или «потенция-реализация». Так, исследователь И. В. Михайловский в работе «Правовая ментальность: теоретико-методологический анализ» отмечает, что правовая ментальность в данном случае понимается как динамическая характеристика, обозначающая сам процесс ментального освоения правовой действительности, способность к порождению определенных правовых смыслов. Правовой же менталитет, по его мнению, предстает как результат этого процесса — закрепившийся, устоявшийся тип правового мышления, характерный для данной социальной общности на определенном этапе ее развития. Такое разграничение представляется продуктивным для историко-правовых исследований, поскольку позволяет проследить динамику становления и трансформации правовых представлений народа, переход от процессуальных состояний к устойчивым ментальным структурам [10].

Для целей теоретико-методологического анализа необходимо выявление структурных элементов правовой ментальности. Е. А. Угренинова в своей статье «Структура правовой ментальности: теоретический аспект» предлагает выделять в ее составе три основных уровня. Первый уровень — архетипический, представляющий собой наиболее устойчивые, передающиеся из поколения в поколение глубинные структуры коллективного бессознательного, связанные с базовыми представлениями о справедливости, порядке, власти, собственности. Второй уровень — ценностно-нормативный, включающий в себя систему правовых ценностей, установок и ориентаций, разделяемых большинством членов общества. На этом уровне происходит оценка действующего права с точки зрения его соответствия глубинным представлениям о должном. Третий уровень — поведенческий, проявляющийся в устойчивых стереотипах правового поведения, способах разрешения конфликтов, отношении к суду, закону, правоохранительным органам [11].

Функциональная характеристика правовой ментальности раскрывает ее роль в механизме правового регулирования. Как указывает Р. С. Байниязов, правовая ментальность выполняет функцию правовой идентификации, позволяя индивиду и социальным группам осознавать свою принадлежность к определенной правовой традиции. Она также выступает в качестве фильтра, селекционирующего внешние правовые влияния:

заимствуются и адаптируются лишь те правовые институты и нормы, которые не вступают в противоречие с глубинными ментальными структурами [12].

Проведенный анализ научных позиций позволяет констатировать наличие в литературе различных подходов к определению правовой ментальности. А. В. Мурунова акцентирует внимание на совокупности установок и стереотипов, определяющих специфику реагирования на правовые явления. И. В. Михайловский подчеркивает динамический характер ментальности, противопоставляя ее статичному менталитету, и определяет правовую ментальность как «способность к порождению правовых смыслов». Е. А. Угренинова выделяет структурные уровни (архетипический, ценностно-нормативный, поведенческий), связывая ментальность с коллективным бессознательным и устойчивыми поведенческими стереотипами. Р. С. Байниязов делает акцент на ее функциональной роли как фильтра правовых заимствований и механизма правовой идентификации, подчеркивая, что правовая ментальность есть «исторически сложившийся тип правового мышления». Г. Я. Савчин рассматривает правовую ментальность в контексте междисциплинарного синтеза, определяя ее как «совокупность устойчивых, исторически сложившихся установок и стереотипов правового поведения».

Отдельные исследователи, применяя коммуникативную концепцию права, акцентируют внимание на регулятивной функции правовой ментальности. Знание особенностей российской правовой ментальности позволяет лучше понять механизм действия законодательных норм в российском обществе и разобраться в природе такого явления, как негативное отношение россиян к действующему праву. К устойчивым чертам российской правовой ментальности относятся: идея правды (справедливости); идея социальной общности («один за всех и все за одного»); представление о том, что права (законы) даются высшими органами государственной власти; а также ориентация на жизнь не по праву, навязанному сверху, а по совести.

Обобщение приведенных подходов позволяет выделить сущностные признаки правовой ментальности, признаваемые большинством исследователей:

Историческая устойчивость — формируется в процессе длительного исторического развития и передается из поколения в поколение.

Глубинный, подсознательный характер — включает не только рациональные, но и интуитивные, архетипические структуры, укорененные в коллективном бессознательном.

Коллективная природа — присуща не отдельному индивиду, а социальной группе, общности, народу в целом.

Целостность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов — включает знание о праве, эмоциональное отношение к нему и устойчивые стереотипы правового поведения.

Регулятивная и фильтрующая функции — определяет границы восприятия правовых норм, выступает механизмом селекции внешних правовых влияний.

Таким образом, проведенный анализ научных позиций позволяет сформулировать следующее авторское определение. Правовая ментальность — это исторически сложившаяся, устойчивая система глубинных подсознательных установок, архетипических структур, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, разделяемых социальной общностью, которая определяет специфику восприятия и оценки права, законности и справедливости, задает границы рецепции внешних правовых институтов и выступает концептуальной основой для формирования правосознания и правовой культуры нации.

Обобщая выделенные признаки (глубинный, подсознательный характер; историческая устойчивость; коллективная природа; динамизм; структурная сложность; регулятивная функция; связь с правовой идентичностью), представляется возможным сформулировать следующее авторское определение. Правовая ментальность — это динамическая, исторически формирующаяся система глубинных психологических установок, архетипических структур и культурно-обусловленных стереотипов, разделяемых социальной общностью, которая определяет специфику восприятия права, законности и справедливости, задает границы рецепции внешних правовых институтов и выступает концептуальной основой для формирования правосознания и правовой культуры нации.

Для всестороннего изучения феномена правовой ментальности необходимо обратиться к трем основным подходам, сложившимся в науке: философскому, социологическому и юридическому. Каждый из них раскрывает определенные сущностные признаки данного явления.

В философско-правовом понимании правовая ментальность представляет собой своеобразную призму, сквозь которую воспринимается правовая действительность в конкретном обществе. Она характеризует не только рациональное, но и интуитивное, образное отношение к праву, укорененное в глубинных структурах коллективного бессознательного и передающееся из поколения в поколение. Из данного подхода вытекают такие признаки, как докогнитивный характер правовой

ментальности, ее связь с архетипами и образно-интуитивное восприятие правовых явлений.

С позиций социологического подхода правовая ментальность (или менталитет) определяется как исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и неосознанных ценностей и установок в отношении к правовым нормам в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе или общности. Признаками здесь выступают коллективная природа явления, его историческая устойчивость и единство когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

В рамках юридического подхода правовая ментальность понимается как глубинный, латентный источник, определяющий специфику правового мышления и поведения, выполняющий функцию фильтра при рецепции иностранных правовых институтов и выступающий системообразующим элементом национальной правовой традиции. К признакам относятся регулятивная функция, селективность по отношению к внешним правовым влияниям и непосредственная связь с процессами правогенеза.

Для точного определения места правовой ментальности в понятийном ряду юридической науки необходимо соотнести ее с такими категориями, как правовая идеология и правовая психология, которые традиционно рассматриваются в структуре правосознания. Правовая психология представляет собой совокупность чувств, эмоций, настроений и переживаний людей по поводу права и правовых явлений. Правовая идеология, в свою очередь, является систематизированным, теоретически обоснованным отражением правовой действительности в виде идей, концепций и доктрин. Правовая ментальность занимает особое положение по отношению к данным категориям. С одной стороны, она выступает более глубоким уровнем, чем правовая психология, поскольку включает не только актуальные эмоциональные состояния, но и устойчивые подсознательные установки, архетипические структуры. С другой стороны, правовая ментальность определяет границы и возможности восприятия правовой идеологии: те или иные теоретические конструкции усваиваются обществом лишь в той мере, в какой они соответствуют его глубинным ментальным характеристикам. Таким образом, правовая ментальность выступает своего рода основанием, на котором формируются как правовая психология, так и правовая идеология, и через которое преломляются все внешние правовые воздействия.

Наряду с национальной правовой ментальностью в современном мире все более отчетливо

проявляется феномен интернациональной правовой ментальности. Под интернациональной правовой ментальностью понимается совокупность устойчивых установок, ценностей и стереотипов правового восприятия, складывающихся в процессе взаимодействия различных национальных правовых систем и формирования наднациональных правовых институтов. Данный феномен характерен, прежде всего, для международных организаций, наднациональных судебных органов (например, Суда Европейского Союза или Европейского Суда по правам человека), а также для профессионального сообщества юристов-международников. Интернациональная правовая ментальность формируется на основе общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, и проявляется в стремлении к гармонизации и унификации правовых норм, в признании примата международного права, а также в формировании наднациональных стандартов в области прав человека.

Особого внимания заслуживает проблема разграничения понятий «правовая ментальность» и «правовой менталитет». В современной юридической литературе наметилась тенденция к их дифференциации по линии «процесс-результат» или «потенция-реализация». Правовая ментальность в данном случае понимается как динамическая характеристика, обозначающая сам процесс ментального освоения правовой действительности, способность к порождению определенных правовых смыслов[3]. Правовой же менталитет предстает как результат этого процесса — закрепившийся, устоявшийся тип правового мышления, характерный для данной социальной общности на определенном этапе ее развития. Такое разграничение представляется продуктивным для историко-правовых исследований, поскольку позволяет проследить динамику становления и трансформации правовых представлений народа, переход от процессуальных состояний к устойчивым ментальным структурам[4].

Исследователь Угренинова, Е. А. пишет о том, что для целей теоретико-методологического анализа необходимо выявление структурных элементов правовой ментальности. Представляется обоснованным выделение в ее составе трех основных уровней. Первый уровень — архетипический, представляющий собой наиболее устойчивые, передающиеся из поколения в поколение глубинные структуры коллективного бессознательно-го, связанные с базовыми представлениями о справедливости, порядке, власти, собственности. Второй уровень — ценностно-нормативный, включающий в себя систему правовых ценностей, установок и ориентаций, разделяемых большинством членов общества. На этом уровне происхо-

дит оценка действующего права с точки зрения его соответствия глубинным представлениям о должном. Третий уровень — поведенческий, проявляющийся в устойчивых стереотипах правового поведения, способах разрешения конфликтов, отношении к суду, закону, правоохранительным органам. [5].

Функциональная характеристика правовой ментальности раскрывает ее роль в механизме правового регулирования. Прежде всего, правовая ментальность выполняет функцию правовой идентификации, позволяя индивиду и социальным группам осознавать свою принадлежность к определенной правовой традиции. Она также выступает в качестве фильтра, селекционирующего внешние правовые влияния: заимствуются и адаптируются лишь те правовые институты и нормы, которые не вступают в противоречие с глубинными ментальными структурами [6, 7].

Принцип объективности предполагает опору на достоверные источники, комплексный анализ всех доступных историко-правовых материалов — от законодательных памятников до данных правовой статистики, документов правоприменительной практики, свидетельств современников. Исследователь должен стремиться к непредвзятому воспроизведению правовой реальности прошлого, фиксируя как позитивные, так и негативные проявления правовой ментальности. Принцип системности ориентирует на рассмотрение правовой ментальности не изолированно, а в контексте всей правовой системы общества, во взаимосвязи с экономическими, социальными, политическими и культурными факторами.

Как подчеркивает Савчин Г. Я., специфика предмета исследования обуславливает необходимость обращения к методологическому арсеналу смежных наук, прежде всего — к исторической психологии, этнологии, культурологии и социологии права. Междисциплинарный подход позволяет воссоздать объемную картину правовой ментальности, учитывая данные о психологических особенностях народа, его культурных традициях, социальной структуре на различных исторических этапах [8, 9].

В современной науке сложилось несколько подходов к исследованию правовой ментальности, каждый из которых обладает определенным эвристическим потенциалом. Культурологический подход акцентирует внимание на связи правовой ментальности с общей культурой народа, его религиозными, нравственными и философскими представлениями. В рамках этого подхода право рассматривается как неотъемлемая часть национальной культуры, а правовая ментальность — как проекция общекультурных архетипов на сферу

правового регулирования.

Социологический подход направлен на выявление социальной обусловленности правовой ментальности, ее зависимости от классовой, профессиональной, поселенческой структуры общества. Исследование правовой ментальности различных социальных групп — крестьянства, дворянства, духовенства, формирующегося городского сословия — позволяет преодолеть опасность ее гомогенизации и представить реальную картину правовых представлений, существовавших в российском обществе на разных этапах его развития. Психологический подход, берущий начало в трудах представителей психологической школы права, ориентирован на анализ механизмов формирования правовой ментальности на уровне индивидуальной и коллективной психики. Исследование таких феноменов, как правовая интуиция, правовые эмоции, подсознательные правовые установки, позволяет проникнуть в глубинные механизмы правовой мотивации, понять причины несовпадения формальных правовых предписаний и реального правового поведения. Аксиологический подход фокусируется на ценностном измерении правовой ментальности, на выявлении иерархии правовых ценностей, их динамики и конфликтов на различных исторических этапах.

Применение разработанных теоретико-методологических оснований к изучению российского историко-правового материала позволяет выделить ряд устойчивых характеристик отечественной правовой ментальности, определивших специфику становления национальной правовой системы. К их числу относится традиционно приоритетная роль нравственного идеала правды над формальным законом, что проявлялось в постоянном поиске «справедливого», а не просто «законного» решения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что теоретико-методологической основой изучения правовой ментальности выступает совокупность принципов историзма, объективности и системности, дополненная междисциплинарным подходом, что дает возможность раскрыть данный феномен как глубинную, подсознательную основу национальной правовой системы. В работе установлено, что правовая ментальность является самостоятельной категорией, отличной от правосознания и правовой культуры, и представляет собой динамический процесс формирования устойчивых правовых установок. Анализ российского историко-правового материала позволил выявить устойчивые черты отечественной правовой ментальности: приоритет нравственного идеала «правды» над формальным законом, коллективистские начала правового регулирования

и противоречивый этатизм. Определено, что данные особенности выполняют функцию фильтра при рецепции иностранных правовых институтов и оказывают непосредственное влияние на эффективность правотворчества и правоприменения, в связи с чем их учет является необходимым условием успешного проведения современных правовых реформ.

Список литературы:

- [1] Щербакова Н.В. правовая ментальность: ключ к пониманию социального феномена // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-mentalnost-klyuch-k-ponimaniyu-sotsialnogo-fenomena> (дата обращения: 27.02.2026).
- [2] Мурунова А. В. Правовая ментальность: понятие и сущность // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-mentalnost-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 27.02.2026).
- [3] Щербакова Н.В. исследование римского права и теория ментальности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2 . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rimskogo-prava-i-teoriya-mentalnosti> (дата обращения: 27.02.2026).
- [4] Гуляйхин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // Юридические исследования. 2012. № 4. С. 108-133. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=310.
- [5] Угренинова, Е. А. Идея национальной ментальности и правовые презумпции: к проблеме соотношения понятий в отечественном праве / Е. А. Угренинова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2011. — № 2 (25). — Т. 2. — С. 24-26. — URL: <https://moluch.ru/archive/25/2723..>
- [6] Орехова Н.Л. Соотношение понятий «правовая культура» и «правовой менталитет». Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020; (1):58-65.
- [7] Емелькина И.В. Российский правовой менталитет: сущность, специфика, перспективы развития // Мир науки и образования. 2016. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-pravovoy-mentalitet-suschnost-spetsifika-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2026).
- [8] Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореферат дис. Доктора юридических наук: 12.00.01 /Р. С. Байниязов / Саратовский юридический институт МВД РФ. - Саратов, 2006.-53 с.
- [9] Савчин Г. Я. Определение понятия «пра-

вовой менталитет»: междисциплинарный подход / Г. Я. Савчин // Научный вестник Львовского государственного университета внутренних дел - 2009 - № 3 - С. 14-22.

[10] Михайловский И. В. Правовая ментальность: теоретико-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2008. — № 4. — С. 42–49.

[11] Михайловский И. В. Ментальность и менталитет в правовой сфере: соотношение понятий // История государства и права. — 2009. — № 3. — С. 101–104.

[12] Угренинова Е. А. Структура правовой ментальности: теоретический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 4 (20). — С. 57–61.

[13] Байниязов Р. С. Правовая ментальность и проблемы ее изучения в российской юридической науке // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 1. — С. 24–29.

References:

- [1] Shcherbakova N.V. legal mentality: the key to understanding the social phenomenon // Law and state: theory and practice. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-mentalnost-klyuch-k-ponimaniyu-sotsialnogo-fenomena> (дата обращения: 27.02.2026).
- [2] Murunova A. V. Legal mentality: concept and essence // Problems of economics and legal practice. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-mentalnost-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 27.02.2026).
- [3] Shcherbakova N.V. study of Roman law and theory of mentality // Law and state: theory and practice. 2025. № 2 . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rimskogo-prava-i-teoriya-mentalnosti> (дата обращения: 27.02.2026).
- [4] Gulyaikhin V.N. Legal mentality of Russian citizens // Legal research. 2012. № 4. S. 108-133. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.310 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=310.
- [5] Ugreninova, E. A. The idea of national mentality and legal presumptions: to the problem of the correlation of concepts in domestic law/ E. A. Ugreninova. - Text: direct // Young scientist. — 2011. — № 2 (25). - VOL. 2. - S. 24-26. — URL: <https://moluch.ru/archive/25/2723..>
- [6] Orekhova N.L. Correlation of the concepts of "legal culture" and "legal mentality." Theoretical and applied jurisprudence. 2020;(1):58-65.
- [7] Emelkina I.V. Russian legal mentality: essence, specifics, development prospects // World of science and education. 2016. № 3 (7). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-pravovoy-mentalitet-suschnost-spetsifika-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2026).

[8] Bainiyazov R.S. Legal awareness and legal mentality in Russia: abstract dis. Doctor of Law: 12.00.01/R. S. Bainiyazov/Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - Aratov, 2006.-53 p.

[9] Savchin G. Ya. Definition of the concept of "legal mentality": interdisciplinary approach/G. Ya. Savchin // Scientific Bulletin of the Lviv State University of Internal Affairs - 2009 - No. 3 - S. 14-22.

[10] Mikhailovsky I.V. Legal mentality: theoretical and methodological analysis // News of

higher educational institutions. Jurisprudence. — 2008. — № 4. - S. 42-49.

[11] Mikhailovsky I.V. Mentality and mentality in the legal sphere: the relationship of concepts // History of state and law. — 2009. — № 3. - S. 101-104.

[12] Ugreninova E. A. Structure of legal mentality: theoretical aspect // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2012. — № 4 (20). - S. 57-61.

[13] Bainiyazov R. S. Legal mentality and problems of its study in Russian legal science // Legal policy and legal life. — 2003. — № 1. - S. 24-29.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-350-355

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

КУРДЮКОВА Юлия Сергеевна,
ассистент кафедры теории и истории государства
и права, административного права Томский
государственный университет,
e-mail: kurdykova1997@icloud.com

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В рамках настоящего исследования были проанализированы вопросы о соотношении таких правовых категорий, как государственный контроль и надзор в рамках теории административного права. Дискуссия о соотношении категорий «контроль» и «надзор», а также назначения «контроля» и «надзора» в правоприменительной деятельности, продолжается в юридической литературе на протяжении длительного времени, и по-прежнему, среди ученых отсутствует единое мнение по рассматриваемому вопросу. Принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» было обозначено отсутствие четкого разграничения между категориями «государственный контроль» и «надзор»; законодатель напротив отождествил оба понятия, что в аспекте правоприменительной деятельности ведет к заблуждению. На законодательном уровне подобное смешение анализируемых понятий вносит хаос в правоприменительной деятельности, ведет к стиранию четкого разграничения полномочий внутри системы контрольно-надзорных органов. В рамках настоящего исследования автором предпринята попытка проанализировать позиции ученых-правоведов, отраженные на страницах научной литературы, а также ученых смежных гуманитарных специальностей относительно содержания категорий «контроль» и «надзор», их соотношение между собой. Автором предпринята попытка сформировать самостоятельные термины «административный контроль» и «административный надзор» с учетом мнения советских и отечественных ученых-административистов, а также принимая во внимание отдельные аспекты практической деятельности.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, контрольно-надзорная деятельность, правоприменительная деятельность, административный надзор, административное право, государственный аппарат, государственная власть.

KURDYUKOVA Yulia Sergeevna,
Assistant Professor, Department of Theory and History of State and
Law, Administrative Law Tomsk State University

TO THE QUESTION OF THE CORRELATION OF CONTROL AND SUPERVISION IN ADMINISTRATIVE LAW

Annotation. This study analyzes the relationship between the legal categories of state control and supervision within the theory of administrative law. The debate over the relationship between the categories of "control" and "supervision," as well as the purposes of "control" and "supervision" in law enforcement, has been ongoing in the legal literature for a long time, and scholars remain divided on this issue. The adoption of Federal Law No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" of July 31, 2020, highlighted the lack of a clear distinction between the categories of "state control" and "supervision." Instead, the legislator equated the two concepts, which is misleading in terms of law enforcement. At the legislative level, such a confusion of the analyzed concepts introduces chaos into law enforcement and blurs the clear delineation of

powers within the system of regulatory and supervisory bodies. In this study, the author attempts to analyze the positions of legal scholars, as reflected in the academic literature, as well as scholars in related humanities disciplines, regarding the content of the categories "control" and "supervision" and their relationship. The author attempts to formulate independent terms, "administrative control" and "administrative supervision," taking into account the opinions of Soviet and Russian scholars specializing in administrative law, as well as certain aspects of practical activity.

Key words: *state control, state supervision, control and supervisory activities, law enforcement activities, administrative supervision, administrative law, state apparatus, state power.*

Становление и эффективное функционирование правового государства с одновременной активизацией правотворческой и правоприменительной деятельности в действующих ветвях власти возможно исключительно при условии достаточного развития законности, установлении правопорядка как на уровне общественных отношений, так и на уровне деятельности федеральных, региональных и местных органов власти.

В сложившихся условиях рыночной экономики набирают обороты вопросы, связанные с недопущением совершения органами власти противоправных действий, в частности, путем посягательства на права и интересы человека и гражданина, создание эффективной системы по борьбе с преступностью и коррупционными преступлениями, и как следствие, создание максимально эффективного механизма ключевая цель которого защита прав, свобод и законных интересов участников правоотношений.

Сегодня невозможно представить развитие современного правового государства в отрыве от принципа законности, предполагающего неукоснительное и строгое следование положениям действующего законодательства. При этом, важно соблюдать «баланс»: при четком следовании закону должны соблюдаться права и законные интересы человека и гражданина, вмешательство государства в жизнь человека должно быть сведено к минимуму.

Концепция развития правового государства видится в подконтрольности государственной власти обществу: именно подобный формат взаимодействия общества и государства в максимальной степени способствует формированию правового государства за счет того, что на первое место ставятся интересы общества, а не его отдельных привилегированных слоев.

При рассмотрении отдельных гарантий законности важно обратить внимание на рассматриваемые нами в рамках настоящей статьи правовые категории «контроль» и «надзор», именно они являются фундаментом эффективного функционирования режима законности.

Следует отметить, что категории контроля и надзора длительное время обсуждаются на страницах научной литературы, существует большое

количество дискуссий, как среди ученых-правоведов, административистов, так и практикующих юристов.

В связи с этим, необходимо детально рассмотреть правовые категории «контроль» и «надзор» в рамках административного права, а также проанализировать их соотношение, поскольку понимание сущности и значение каждого из рассматриваемых явлений является важным как для развития научной дисциплины, так и в практической деятельности.

Правовая категория «контроль» при рассмотрении ее в качестве одного из постулатов законности может реализовываться в двух базовых направлениях:

Как совокупность мер по контролю за надлежащей и эффективной работой структурных элементов системы органов государственного аппарата, а также органов местного самоуправления; четкое соответствие осуществляемой ими профессиональной деятельности требованиям действующего законодательства;

Как совокупность средств и методов по контролю за исполнением законодательства в части предоставления гарантий и соблюдением прав и законных интересов человека и гражданина в ходе осуществления профессиональной деятельности органами государственной власти, органами местного самоуправления, а равно их должностными лицами.

В юридической литературе достаточно часто обращаются к анализу правовой категории «контроль» при изучении вопросов и проблем присущих социальному управлению. В этой связи авторы рассматривают «контроль» как средство, фактор, элемент, функцию, деятельность, систему, условие, явление, институт, метод, правомочие, атрибут и пр.

При рассмотрении категории «контроль» в аспекте таких наук, как философия, юриспруденция и социология, следует отметить, что в каждой из представленных наук вкладывается свой специфический смысл в анализируемое в рамках настоящей статьи понятие. Углубляясь в юриспруденцию, а именно в трактовку термина «контроль» с позиции административного права, отмечаем, что единой позиции ученых относительно содер-

жания данного термина нет.

Обобщая ныне существующие точки зрения ученых относительно содержания термина «контроль», можно условно разделить сторонников той или иной точки зрения на два лагеря: одни в качестве контроля определяют процессы, происходящие в рамках конкретной замкнутой системы (к примеру, государство, общество, орган власти), ключевой целью рассматриваемых процессов выступает обеспечение стабильности и устойчивости внутри нее.

Вторая группа ученых высказывает точку зрения согласно которой «контроль выступает единой системой всех социальных регуляторов (в том числе, государственные и общественные институты, право, мораль, традиции, установки и пр.).

В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой «контроль - это механизмы, регулирующие общественные отношения посредством формирования, поддержания и воспроизведения определенных стандартов, образцов, типовых масштабов поведения людей, определения конкретных прав и обязанностей каждого человека». [2, с. 164]

Резюмируя анализ приведенных определений категории «контроль» следует отметить, что авторы стремятся к разработке универсального определения, при этом каждое из определений сформулировано через призму интересов представителей определенного научного направления – философия, управление, политика и пр. В целом, согласится можно с каждым из приведенных определений, поскольку для них характерно единая позиция согласно которой содержанием «контроля» выступают совокупность мер, средств, инструментов, направленных на приведение отношений, действий к существующим стандартам.

Контроль в области государственного управления является одним из фундаментальных инструментов по установлению режима законности. В.Н. Гаращук указывал на то, что «именно контроль является одним из способов по обеспечению законности и дисциплины в системе государственного управления». [5, с. 36-38]

В целях формулирования определения «контроль» в качестве административно-правовой категории, следует детально проанализировать его структурные элементы, их характерные особенности, а также дать оценку роли и месту среди других составляющих законности.

Изначально требуется обратиться к характеристике признаков контроля именно как одной из гарантий законности. Важно обратить внимание, что в юридической литературе по данному вопросу представлено большое количество мнений уче-

ных, как следствие, представляется возможным проанализировать наиболее значимые позиции.

В этой связи, В.П. Беляев акцентирует внимание на том, что «формулировка строго определенной системы признаков контроля является перспективной, поскольку контролю как правовому институту свойственны обширность, многообразие, многофункциональность, многогранность, как следствие, невозможно очертить его характеристики в строгие рамки». [2, с. 49]

Е.А. Маштаковой выделяются следующие признаки государственного контроля:

контроль как один из видов социального контроля;

для контроля характерен государственно-властный и правовой характер;

контроль реализуется посредством функционирования разветвленной системы государственных органов;

фундаментом контроля следует считать силу убеждения и принуждения. [6, с. 60-67]

Следует согласиться с позицией Е.А. Маштаковой, при этом, важно дополнить, что контроль может быть не только государственным, но и общественным. В свою очередь, общественный контроль представлен совокупностью организаций и учреждений, состоящих из представителей общества. И если в основе государственного контроля лежит принуждение, то общественный контроль базируется на убеждении, при этом, безусловно, периодически могут ставиться вопросы о необходимости применения мер принуждения.

А.В. Ерицян рассматривает контроль через присущие ему признаки, в частности, самостоятельная и активная деятельность органов государственного управления, целью которой выступает обнаружение возможных нарушений законодательства; правовая квалификация действий совершенных подконтрольным лицом; решение вопроса о возможности применения принудительных мер в отношении подконтрольного объекта. [4, с. 105-106]

Анализ признаков и характеристик контроля как гарантии законности позволяет сделать вывод о том, что контроль – это функция управления, фундаментальной целью которой является проверка, наблюдение и отслеживание действий подконтрольных лиц для последующей оценки на предмет соответствия действующему законодательству, и при выявлении нарушений – пресечение противоправных действий, применение принудительных мер к нарушителям.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что контроль не идентичен применению мер государственного принуждения. Контроль предполагает мониторинг за действиями, совершаемыми

подконтрольным лицом, в свою очередь, цель контроля – предупреждение совершения правонарушений и их последствий.

Контроль это один из видов общественных отношений, специфической особенностью которых является наличие властных полномочий у того, кто осуществляет контроль. Так, В.И. Ленин отмечал, что «для того, чтобы контролировать – нужно иметь власть».

Важно отметить, что авторы приведенных позиций акцентируют свое внимание на том, что основная цель контроля сводится к обеспечению качественного выполнения принятых решений. Именно посредством контроля возможно выявление различных отклонений в процессах, причины их появления, формируются предпосылки для недопущения в будущем.

В продолжении изучения теоретических аспектов контрольно-надзорной деятельности государства перейдем к анализу административного надзора как составного элемента рассматриваемой комплексной правовой категории.

Административный надзор является достаточно актуальной темой исследований в науке административного права. В то же время, по-прежнему, результаты исследований такой категории как «административный надзор» характеризуются разрозненностью, отсутствием единой позиции рассматриваемой правовой категории.

Анализ административного надзора как правовой категории следует начать с понятия «административный надзор», которое было сформулировано учеными-административистами в советское время: административный надзор в то время рассматривался в качестве преобладающего способа обеспечения законности и правопорядка в государственном управлении. Для советского периода основными органами административного надзора выступали органы милиции и специализированные инспекции, в свою очередь, органы милиции вели надзор за исполнением законов должностными лицами органов власти и гражданами, а также надзор за лицами, которые освобождены из мест лишения свободы, нормативно-правовыми актами могли устанавливаться и иные виды надзора, которые могли осуществлять органы милиции.

Надзор как полномочие специализированных инспекций проявлялось в том, что такие органы вели активную борьбу с нарушениями действовавшего законодательства, устанавливали и поддерживали государственную дисциплину.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в советский период административный надзор выступал в качестве надведомственного контроля для которого было характерно наблюдение, а в

исключительных случаях – применение мер административно-властного характера.

В контексте содержания административного надзора, разработанного В.М. Горшеневым и И.Б. Шаховым, важно отметить, что надзор за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностными лицами является ключевым положением присутствия которого необходимо для обеспечения социалистической законности. Такое требование предусматривает многоаспектную деятельность по наблюдению за тем, чтобы профессиональная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц четко соответствовала требованиям действующего законодательства, имела цель по обеспечению и гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также была направлена на обеспечение правопорядка и безопасности в государстве. [3, с. 86-88]

При анализе концепций административного надзора, разработанных в советский период, следовало бы отметить отсутствие четкого разграничения между административным контролем и административным надзором, поименованных критериев для такого разграничения. Подобная тенденция двусмысленности и неопределенности соотношения двух разных правовых понятий, в последствие, привело к смешению контроля и надзора в советском и ныне действующем отечественном законодательстве.

При анализе юридической литературы выделены следующие наиболее интересные позиции ученых-административистов относительно понятия «административный надзор».

С.М. Зырянов в докторской диссертации на тему «Административный надзор органов исполнительной власти» сформулировал надзор в качестве «вида государственного контроля, тесно связанного с правовым нормированием, административно-правовыми разрешениями и запретами, с юридической ответственностью, и обеспечивающий законность в различных сферах общественной деятельности».

Ю.Н. Стариловым термин «административный надзор» рассматривает в качестве «такой формы публичного управления для которой характерно осуществление в пределах административно-надзорного производства в целях установления соответствия законности совершаемых действий и принимаемых решений». [8, с.471-421]

Д.Н. Бахрах при рассмотрении правовой категории «административный надзор» акцентировал внимание на том, что «он выступает важнейшим инструментом по соблюдению специальных правил». Специфический характер надзора выра-

жается в специальных формах и методах, используемых при организации и проведении надзорных мероприятий.

А.В. Мартыновым административный надзор характеризуется как «функции, направленные на практическую реализацию правовых норм, для достижения установленных результатов, а при необходимости – легальная возможность применения мер государственного принуждения.» [5, с. 467-469].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что ученые-правоведы рассматривают административный надзор в качестве эффективного способа правового регулирования, который призван обеспечить единообразное применение правовых норм, а также выполнять требование по соблюдению требований действующего законодательства в различных общественных отношениях.

Сопоставляя термины «контроль» и «надзор» С.Е. Чаннов, акцентирует внимание на следующем: во-первых, надзор преследует цель по установлению законности в пределах государства; во-вторых, при проведении надзорных мероприятий запрещается какое-либо прямое и (или) косвенное вмешательство в хозяйственную деятельность субъекта. [9, с. 180-186]

Д.Я. Мустафина-Бредихина в диссертационной работе «Административно-правовое регулирование государственного контроля обязательных требования, предъявляемых к качеству медицинской деятельности в России» при рассмотрении правовых категорий «государственный контроль» и «государственный надзор» акцентирует внимание на том, что государственный контроль характеризует то, что он осуществляется в отношении подведомственных (подчиненных) юридических лиц. [7, с. 26-28]

В то же время, автор приводит в качестве примера ситуацию, когда у Росздравнадзора официально есть три подведомственных учреждения: ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники», ФГБУ «Информационно-методический центр по экспертизе, учету и анализу обращения средств медицинского применения», ФГБУ «Центр мониторинга и клинико-экономической экспертизы». Вместе с тем, на основании Постановления Правительства РФ от 29.06.2021 № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» Росздравнадзор уполномочен на осуществление государственного контроля (надзора) за деятельностью медицинских организаций, фармацевтических организаций, государственных внебюджетных фондов, индивиду-

альных предпринимателей, осуществляющих медицинскую деятельности, и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих фармацевтическую деятельность.

На основании этого, можно сделать вывод о том, что подчиненность (подведомственность) органу, наделенному полномочиями по организации и проведению контрольно-надзорных мероприятий, не является исключительным признаком государственного контроля.

Разграничивая «административный надзор» и «административный контроль» ряд ученых отмечают, что предметом административного надзора выступает законность под которой понимается правомерность поведения субъекта, соответствие его деятельности требованиям действующего законодательства. В свою очередь, наблюдение за исполнением обязательных требований, изложенных в предписаниях, актах органов исполнительной власти, т.е в ненормативно-правовых актах, по мнению Д.Я. Мустафиной-Бредихиной, является административным контролем.

При этом, законодатель не разграничивает термины «контроль» и «надзор», в частности, в части 1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» «под государственным контролем (надзором) понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений».

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

Под административным контролем следует понимать совокупность действий уполномоченных органов, направленных на оценку соответствия действий подконтрольного субъекта требованиям предъявляемым к хозяйствующим субъектам при осуществлении конкретного вида деятельности, а также степени исполнения таким лицом обязательных требований, изложенных в предписаниях, актах органов исполнительной власти.

Административный надзор рассматривается в качестве специфической формы публичного управления, преследующей своей целью профи-

лактику, предупреждение и пресечение правонарушений, выявление и ликвидацию угроз безопасности обществу и государству, защиту и охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина. Цель административного надзора заключается в установлении законности и правопорядка в обществе и государстве, обеспечение стабильного исполнения положений действующего законодательства всеми субъектами.

Список литературы:

- [1] Афанасьев В.Г. Научные основы управления обществом. М., 1973. 384 с.
- [2] Беляев В.П. Контроль и надзор в Российской Федерации: монография. М., 2005. 272 с.
- [3] Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987, 176 с.
- [4] Ерицян А.В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности // Государство и право. 2002. № 2. С. 105-106.
- [5] Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации : теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.14 / Мартынов Алексей.
- [6] Маштакова Е.А. Место государственного контроля в деятельности правоохранительных органов и спецслужб // Философия права. 2004. № 1. С. 66.
- [7] Мустафина-Бредихина Д.М. Административно-правовое регулирование государственного контроля обязательных требований, предъявляемых к качеству медицинской деятельности в России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Мустафина-Бредихина Диана Мядхатовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. С. 26-27.
- [8] Старилов Ю.Н. От административной юстиции к административному судопроизводству. Воронеж, 2003. 144 с.; Зубарев С.М. О правоохранных аспектах контроля и надзора // Уголов-

но-исполнительное право. 2017. № 4. С. 417-421.

- [9] Чаннов С.Е. Контрольно-надзорная деятельность как самостоятельный способ обеспечения законности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 181.

References:

- [1] Afanasyev V.G. Scientific foundations of society management. M., 1973. 384 s.
- [2] V.P. Belyaev. Control and supervision in the Russian state: monograph. M., 2005. 272 pp.
- [3] Gorshenev V.M., Shakhov I.B. Control as a legal form of activity. M., 1987, 176 p.
- [4] Yeritsyan A.V. State control over compliance with legislation by business entities // State and law. 2002. № 2. S. 105-106.
- [5] Martynov A.V. Administrative supervision in the Russian Federation: theoretical foundations of construction, practice of implementation and problems of legal regulation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.14/Alexey Martynov.
- [6] Mashtakova E.A. Place of state control in the activities of law enforcement agencies and special services // Philosophy of law. 2004. № 1. S. 66.
- [7] Mustafina-Bredikhina D.M. Administrative and legal regulation of state control of mandatory requirements for the quality of medical activity in Russia: dissertation... Candidate of Law: 12.00.14/ Mustafina-Bredikhina Diana Myadhatovna; [Place of defense: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2018. S. 26-27.
- [8] Starilov Yu.N. From administrative justice to administrative proceedings. Voronezh, 2003. 144 p.; Zubarev S.M. On law enforcement aspects of control and supervision // Criminal enforcement law. 2017. № 4. P. 417-421.
- [9] S.E. Channov. Control and supervisory activities as an independent way to ensure the rule of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 2 (109). S. 181.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-356-363

ФАДЕЕВ Алексей Николаевич,
Аспирант кафедры административного, финансового и
информационного права Всероссийского государственного
университета юстиции, Россия, Москва,
e-mail: Fadeyatc@mail.ru

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА В СФЕРЕ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа и административно-правовой статус единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС). На основе анализа действующего законодательства, в первую очередь Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, подзаконных нормативных правовых актов, а также актуальной правоприменительной практики контрольных органов и судебных инстанций выявляется место ЕИС в системе административно-правового регулирования контрактной системы. Анализируется соотношение функций ЕИС – информационной, контрольно-надзорной, антикоррупционной и координирующей. Рассматриваются проблемы обеспечения полноты и достоверности информации, размещаемой в системе, а также административная ответственность за нарушение требований к размещению сведений в ЕИС. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования данного института.

Ключевые слова: единая информационная система в сфере закупок; ЕИС; контрактная система; административно-правовое регулирование; государственные закупки; цифровизация; открытость и прозрачность; антикоррупционная функция; административная ответственность.

FADEEV Alexey Nikolaevich,
Postgraduate student of the Department of Administrative,
Financial, and Information Law All-Russian State University of
Justice Russia, Moscow

A UNIFIED INFORMATION SYSTEM IN THE FIELD OF PURCHASES AS A TOOL FOR ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

Annotation. The article examines the legal nature and administrative-legal status of the unified information system in the field of procurement (EIS). Based on the analysis of current legislation, primarily Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013, as well as subordinate legal acts, and the current law enforcement practice of control bodies and judicial instances, the article identifies the place of the EIS in the system of administrative-legal regulation of the contract system. The article analyzes the relationship between the functions of the EIS, including information, control and supervision, anti-corruption, and coordination. The article discusses the problems of ensuring the completeness and accuracy of information posted in the system, as well as the administrative liability for violating the requirements for posting information in the Unified Information System. The article also proposes ways to improve the legal regulation of this institution.

Key words: unified information system in the field of procurement; EIS; contract system; administrative and legal regulation; public procurement; digitalization; openness and transparency; anti-corruption function; administrative liability.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых институциональных элементов контрактной системы Российской Федерации, формирующихся в условиях масштабной цифровой трансформации государственного управления, выступает единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС, Система). Функционирование ЕИС обеспечивает реализацию фундаментальных принципов контрактной системы – открытости и прозрачности, конкурентности, профессионализма заказчиков, эффективности осуществления закупок и предотвращения коррупции, закреплённых в статье 6 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [1].

В условиях цифровизации государственного управления ЕИС трансформировалась из инструмента простого информирования участников рынка в многофункциональный механизм административно-правового воздействия на отношения в сфере публичных закупок. По данным Министерства финансов Российской Федерации, по итогам 2024 года в рамках законодательства о контрактной системе было проведено почти 4,3 млн закупочных процедур с начальной максимальной ценой контрактов 19 трлн 342 млрд рублей, заключены контракты на сумму 15 трлн 642 млрд рублей [2]. Масштаб публичных закупок обуславливает особую значимость правовой основы ЕИС как инструмента административного регулирования.

Актуальность исследования определяется продолжающейся законодательной модернизацией института ЕИС: принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 318-ФЗ, Федерального закона от 26.12.2024 № 484-ФЗ, Федерального закона от 26.12.2024 № 494-ФЗ, комплексной реформой административной ответственности в сфере закупок (Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ), расширением обязательного применения цифровых контрактов в ЕИС с 1 апреля 2025 года и с 1 июля 2025 года [3]. Научная разработанность проблематики административно-правового регулирования ЕИС остаётся недостаточной, что подчёркивает необходимость комплексного доктринального осмысления данного феномена.

Цель настоящей статьи состоит в системном исследовании ЕИС как инструмента административно-правового регулирования в сфере закупок: анализе её правовой природы, функциональной структуры, нормативной основы и проблем правоприменения.

1. Правовая природа и нормативное регулирование единой информационной системы в сфере закупок

Конституционно-правовую основу информационного обеспечения государственных закупок образуют положения статьи 24 Конституции Российской Федерации о праве граждан на доступ к информации, затрагивающей их права и свободы, а также статьи 8 и 34 о свободе экономической деятельности. Первичное нормативное регулирование ЕИС содержится в статье 4 Закона № 44-ФЗ, определяющей Систему как совокупность информации, содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение и предоставление данных, в том числе автоматизированные, участникам контрактной системы [1].

Детальный порядок функционирования ЕИС установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.01.2022 № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которым утверждены Положение о единой информационной системе в сфере закупок, правила формирования и размещения информации в ЕИС, правила регистрации участников закупок в ЕИС и ведения Единого реестра участников закупок, правила ведения реестра жалоб, реестра контрактов, а также единые требования к региональным и муниципальным информационным системам в сфере закупок [4]. Данным Постановлением обеспечивается нормативная конкретизация законодательных предписаний о содержании и технологических требованиях к ЕИС.

В научной литературе предложены различные подходы к квалификации правовой природы ЕИС. П.П. Кабытов в диссертационном исследовании «Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» рассматривает ЕИС как элемент административно-правового механизма обеспечения прозрачности публичных закупок [5]. М.С. Соловьёв в автореферате диссертации «Административно-правовое регулирование публичных закупок» обосновывает концепцию ЕИС как инфраструктурного элемента системы административного права в сфере публичных закупок [6]. Л.В. Андреева в монографии «Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию» квалифицирует ЕИС как ключевой инструмент организационно-правового обеспечения открытости и прозрачности государственных закупок [7].

Правовой режим ЕИС характеризуется следующими признаками, позволяющими относить её к объектам административно-правового регулирования: во-первых, создание и ведение ЕИС

осуществляется публичной властью (Федеральное казначейство); во-вторых, информация в ЕИС является общедоступной и предоставляется безвозмездно (ч. 7 ст. 4 Закона № 44-ФЗ); в-третьих, ЕИС наделена контрольными функциями – в автоматическом режиме осуществляет проверку соответствия информации из различных подсистем; в-четвёртых, неисполнение требований об использовании ЕИС образует составы административных правонарушений [1; 3].

2. Содержание и структура единой информационной системы в сфере закупок

Состав информации, подлежащей обязательному размещению в ЕИС, исчерпывающим образом определён частью 3 статьи 4 Закона № 44-ФЗ. Система содержит: планы-графики и информацию об их реализации; сведения об осуществлении закупок и условиях, запретах и ограничениях допуска иностранных товаров; реестр контрактов, заключённых заказчиками; реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей); библиотеку типовых контрактов и типовых условий контрактов; реестр банковских гарантий; реестр жалоб, плановых и внеплановых проверок; каталог товаров, работ, услуг; результаты мониторинга закупок, аудита и контроля; нормативные правовые акты и иную установленную законом информацию [1].

Официальный портал ЕИС (zakupki.gov.ru) функционирует как централизованная цифровая платформа, обеспечивающая единую точку доступа ко всей информации о публичных закупках в России. К 2026 году функциональные возможности ЕИС существенно расширились: платформа обогатилась продвинутыми аналитическими модулями, все планы-графики формируются исключительно в электронной форме с обязательной квалифицированной электронной подписью [8]. Кроме того, функционирует государственная информационная система «Независимый регистратор», предназначенная для фиксации действий участников закупок и заказчиков в ЕИС в целях доказательственного обеспечения при рассмотрении жалоб и споров.

Принципиально важной инновацией последних лет стало последовательное введение обязательного использования цифровых контрактов через ЕИС. В соответствии с положениями части 14 статьи 93 Закона № 44-ФЗ и Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ, с 1 апреля 2025 года формирование и заключение контрактов по ряду оснований осуществляется исключительно с использованием ЕИС в структурированном виде; с 1 июля 2025 года применение цифрового контракта стало обязательным по дополнительным основаниям [3; 4]. Данная тенденция свидетельствует об

эволюции ЕИС от информационной к операционной (исполнительной) функции.

Законом № 44-ФЗ предусмотрена интеграция ЕИС с региональными (РИС) и муниципальными (МИС) информационными системами в сфере закупок. Информационный обмен между ними осуществляется в автоматическом режиме; при несоответствии информации, размещённой в РИС и МИС, приоритет имеет информация, содержащаяся в ЕИС (ч. 7 ст. 4 Закона № 44-ФЗ) [1]. Тем самым ЕИС выступает системообразующим элементом единой информационной инфраструктуры государственных закупок.

3. Функции единой информационной системы в сфере закупок как инструмента административно-правового регулирования

Анализ нормативного регулирования и правоприменительной практики позволяет выделить следующие функции ЕИС как инструмента административно-правового регулирования.

Информационная функция является исходной и базовой. Часть 2 статьи 4 Закона № 44-ФЗ устанавливает, что информация, содержащаяся в ЕИС, является общедоступной и предоставляется безвозмездно. Принцип открытости и прозрачности реализуется именно через обязательное размещение всех ключевых документов о закупках в ЕИС и обеспечение свободного доступа к ним. В научной литературе справедливо отмечается, что ЕИС обеспечивает «сокращение информационной асимметрии и облегчает выявление отклонений от формальных процедур» [9], что принципиально важно для обеспечения конкурентности.

Контрольная функция реализуется через автоматизированные механизмы сопоставления информации, размещённой в различных подсистемах ЕИС. В соответствии с частью 1 статьи 4 Закона № 44-ФЗ ЕИС обеспечивает контроль за соответствием: информации об объёме финансового обеспечения в планах закупок утверждённым лимитам; информации планов-графиков планам закупок; информации извещений и документации планам-графикам; условий контрактов протоколам определения поставщиков и иных документов смежных подсистем [1]. Тем самым ЕИС выполняет функцию автоматического предварительного контроля, исключающего заключение контракта без соответствующего обоснования.

Антикоррупционная функция ЕИС является одной из наиболее значимых. Цифровизация изменяет два ключевых направления при организации закупок: повышает уровень прозрачности действий участников и сокращает прямое взаимодействие между получателями услуг и теми, кто их предоставляет [9]. Реестр недобросовестных поставщиков, реестр жалоб и предписаний,

реестр контрактов с данными об исполнении обеспечивают системное ограничение коррупционных практик. Применение электронных аукционов в закрытой форме, где взаимодействие полностью обезличено, существенно минимизирует коррупционные стимулы на стадии определения победителя [10].

Координирующая функция ЕИС выражается в её роли единого центра идентификации участников закупок через Единый реестр участников закупок (ЕРУЗ) и обеспечения взаимодействия со всеми федеральными электронными торговыми площадками. Регистрация в ЕРУЗ предоставляет автоматический доступ к восьми федеральным электронным торговым площадкам, работающим по Закону № 44-ФЗ [11]. Это исключает необходимость множественной аккредитации и обеспечивает единство системы государственных закупок.

Мониторинговая функция закреплена непосредственно в Законе № 44-ФЗ: результаты мониторинга закупок, аудита в сфере закупок и контрольной деятельности подлежат размещению в ЕИС (п. 14 ч. 3 ст. 4 Закона № 44-ФЗ). Данная функция обеспечивает накопление массивов статистической информации о практике государственных закупок, используемых Минфином России, ФАС России и Счётной палатой Российской Федерации для выработки государственной политики в данной сфере [1].

4. Административно-правовые проблемы функционирования единой информационной системы

Несмотря на значительный прогресс в развитии ЕИС, функционирование данной системы сопряжено с рядом административно-правовых проблем, требующих доктринального осмысления и законодательного решения.

Первой и наиболее острой проблемой является обеспечение достоверности информации, размещаемой в ЕИС. По данным исследований, контролирующие органы выявляют значительное число случаев направления заказчиками недостоверной информации в ЕИС – начиная с размещения планов-графиков и заканчивая документацией о закупке и сведениями об исполнении контрактов [12]. Среди наиболее негативных последствий данных нарушений – существенное снижение конкуренции между потенциальными поставщиками, увеличение коррупционных рисков и нивелирование основных преимуществ общественного контроля. ФАС России в 2025 году с использованием ЕИС выявила более 13 000 признаков нарушений только в части невыполнения годового объёма закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства [13].

Второй проблемой является нестабильность

технологической инфраструктуры ЕИС. Практика контрольных органов фиксирует сбои в работе ЕИС на этапе заключения контрактов в цифровой форме. В частности, УФАС признавал жалобы участников закупок обоснованными в связи с тем, что по техническим причинам объект закупки не выгружался в ЕИС [14], что нарушало права участников. Данные сбои создают правовую неопределённость относительно распределения рисков технических отказов системы между заказчиком, оператором ЕИС и участниками закупки.

Третьей проблемой выступает разграничение административной ответственности за нарушения требований к информационному обеспечению закупок в условиях реформирования КоАП РФ. С 1 марта 2025 года в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2024 № 500-ФЗ признаны утратившими силу статьи 7.29–7.32, 7.32.5 КоАП РФ; Кодекс дополнен статьями 7.30.1 и 7.30.2 КоАП РФ, предусматривающими административную ответственность за нарушение требований законодательства о контрактной системе [3]. Введена возможность замены штрафа предупреждением за ряд нарушений, что повлекло снижение объёма санкций: в 2025 году ФАС России вынесла 7 017 постановлений о наложении штрафов на сумму 141,9 млн рублей против 9 097 постановлений на сумму 214,1 млн рублей в 2024 году [15].

Четвёртой проблемой является обеспечение технологической независимости и защиты информации в ЕИС в условиях санкционного давления. Счётная палата Российской Федерации в ходе проверки исполнения федерального бюджета за 2024 год выявила нарушения на общую сумму 443,6 млрд рублей, из которых 11,8 млрд рублей пришлось на нарушения при осуществлении государственных закупок [16]. В частности, выявлены нарушения в сфере ИКТ-закупок, связанные с недостаточным анализом рынка и созданием условий для ценового монополизма посредников.

5. Судебная практика по вопросам применения ЕИС в административных правоотношениях

Правоприменительная практика ФАС России и судов по вопросам применения ЕИС охватывает несколько ключевых проблемных зон. Верховный суд Российской Федерации в деле № А40-298055/2023 подтвердил правомерность позиции ФАС о том, что требование заказчика о наличии у участника реализованных контрактов является избыточным и ограничивающим конкуренцию, поскольку не служит достаточной гарантией надлежащего исполнения нового обязательства [17]. Данное дело иллюстрирует административно-правовой характер отношений, складывающихся вокруг ЕИС при проверке правомерности

требований к участникам.

Существенное место в судебной практике занимают споры об использовании ЕИС при подтверждении исполнения контрактов. Московское УФАС и Верховный суд РФ (дело № А40-21155/2024) зафиксировали, что формальное отсутствие отметки «Исполнен» в ЕИС не может служить основанием для отклонения заявки участника, если им представлены подтверждающие документы – акты выполненных работ [18]. Данная правовая позиция разграничивает формальные требования к размещению информации в ЕИС и существо гражданско-правовых обязательств по контракту.

Особую категорию составляет практика по делам о нарушении сроков и порядка размещения информации в ЕИС. Постановление Управления ФАС по Кемеровской области от 17.07.2025 № 042/04/7.32.3-1127/2025 квалифицировало ненаправление в ЕИС информации о закупке как самостоятельный состав административного правонарушения [19]. ФАС России в деле № 28/06/105-3041/2024 (решение от 17.01.2025) признала действия заказчика нарушающими п. 1 ч. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ, установив нарушение требований к содержанию размещаемого в ЕИС извещения о закупке [20].

Принципиально важной тенденцией последних лет является использование ЕИС как доказательственной базы в административных делах. Согласно обзорам правоприменительной практики ФАС России за I квартал 2025 года, в делах № А40-228772/2024 и № А40-64998/2024 именно данные ЕИС (идентификационные номера закупок, документация) стали первичными доказательствами нарушений заказчиками принципов конкурентности и недискриминационности [17]. В 2025 году ФАС России рассмотрела по существу 41 840 жалоб от участников закупок, из которых 16 311 (38,9%) признаны обоснованными, что свидетельствует о востребованности контрольных механизмов [15].

6. Направления совершенствования административно-правового регулирования ЕИС

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сформулировать следующие направления совершенствования административно-правового регулирования ЕИС.

Во-первых, представляется целесообразным нормативно закрепить статус ЕИС как государственной информационной системы, наделённой административными функциями. Действующее регулирование недостаточно чётко разграничивает информационные и контрольно-надзорные функции ЕИС, что порождает правовую неопре-

делённость при квалификации технических сбоев системы и распределении ответственности. Предлагается дополнить статью 4 Закона № 44-ФЗ положениями о порядке действий заказчика и участников закупки в случае технической неисправности ЕИС, чётко разграничив ответственность оператора системы (Федерального казначейства) и пользователей.

Во-вторых, необходимо усиление механизмов автоматизированной верификации достоверности информации, размещаемой заказчиками в ЕИС. С учётом того что в ЕИС ежегодно размещается более 2,5 млн извещений о закупках только по Закону № 44-ФЗ [2], ручная проверка информации объективно невозможна. Перспективным представляется внедрение в ЕИС аналитических модулей на основе технологий машинного обучения для автоматического выявления признаков нарушений и аномалий в закупочной документации, что соответствует задачам, обозначенным в научной литературе применительно к перспективам использования искусственного интеллекта в системе государственных закупок [21].

В-третьих, необходима доработка механизма административной ответственности за нарушение требований к функционированию ЕИС с учётом реформы КоАП РФ, вступившей в силу с 1 марта 2025 года. Введение института предупреждения как самостоятельного вида административного наказания, заменяющего штраф за первичные нарушения, требует разработки чётких критериев отграничения «первичных» нарушений от систематических. Статья 7.30.1 КоАП РФ в действующей редакции не содержит исчерпывающих критериев такого разграничения, что порождает правовую неопределённость [3].

В-четвёртых, целесообразно распространить антикоррупционный потенциал ЕИС путём обязательной интеграции Системы с иными государственными информационными системами – Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах, реестром бенефициарных владельцев, ГИСП (государственная информационная система промышленности) в целях обеспечения комплексного мониторинга аффилированности участников закупок. Данное направление согласуется с рекомендациями Счётной палаты Российской Федерации по результатам проверки ИКТ-закупок Минфина и Федерального казначейства, изложенными в 2026 году [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Единая информационная система в сфере закупок представляет собой комплексный инструмент административно-пра-

вового регулирования, обеспечивающий реализацию основополагающих принципов контрактной системы – открытости, прозрачности, конкурентности и предотвращения коррупции. ЕИС выполняет пять взаимосвязанных функций: информационную, контрольную, антикоррупционную, координирующую и мониторинговую, совокупность которых придаёт ей статус системообразующего элемента административно-правового механизма регулирования публичных закупок.

Эволюция ЕИС в период 2021–2025 годов обнаруживает устойчивую тенденцию к расширению её операционных (исполнительских) функций: от информационного обеспечения к обязательно-му технологическому опосредованию самих юридически значимых действий – заключения цифровых контрактов, одностороннего отказа от исполнения, формирования отчётности. Данная тенденция свидетельствует о постепенном превращении ЕИС в административную платформу, опосредующую весь жизненный цикл государственного контракта.

Основными административно-правовыми проблемами функционирования ЕИС являются: необеспечение достоверности размещаемых сведений; нестабильность технологической инфраструктуры и неурегулированность распределения рисков технических сбоев; неполнота механизмов административной ответственности; недостаточная интеграция с иными государственными информационными системами. Предложенные направления совершенствования правового регулирования направлены на устранение выявленных противоречий и повышение эффективности ЕИС как инструмента административно-правового регулирования контрактной системы.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.
- [2] Министерство финансов Российской Федерации. Сводный аналитический отчёт о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2024 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=312679.
- [3] Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. Также: Федеральный закон от 08.08.2024 № 318-ФЗ; Федеральный закон от 26.12.2024 № 484-ФЗ; Федеральный закон от 26.12.2024 № 494-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/>.
- [4] Постановление Правительства Российской Федерации от 27.01.2022 № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2022. № 6. Ст. 876. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408434/.
- [5] Кабытов П.П. Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИЗАК, 2021. URL: <https://izak.ru/science/dissertatsionnye-sovety/dissertatsionnyy-sovet-d503-001-02/administrativno-pravovoe-regulirovanie-kontraktnoy-sistemy/>.
- [6] Соловьёв М.С. Административно-правовое регулирование правоотношений в сфере публичных закупок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/2/482/autoabstract_dl.pdf.
- [7] Андреева Л.В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию: монография. М.: Проспект, 2023. ISBN 978-5-392-29880-8.
- [8] Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС). Официальный сайт. URL: <https://zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2026).
- [9] Загарских Е., Маджара Ю., Токарева А. Цифровизация закупочной деятельности как инструмент снижения коррупционных рисков // Вектор экономики. 2025. № 10. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2025/10/economic_theory/Zagarskikh_Madjara_Tokareva.pdf.
- [10] Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках / Материалы научно-практической конференции // Вестник науки. 2025. URL: <https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02/57-iii-/1500-2025-11-23-18-12-26>.
- [11] Единая информационная система в сфере закупок: полная инструкция для поставщиков по zakupki.gov.ru. Учебный портал. 2026. URL: <https://www.bicotender.ru/faq/registratsiya-v-eis-eruz-vhod-na-portal-zakupok.html>.
- [12] Федотов А.А. Нарушения принципа открытости и прозрачности в системе государственных закупок // Вектор экономики. 2022. № 1. URL: <http://vectoreconomy.ru/images/publications/2022/1/financeandcredit/Fedotov.pdf>.
- [13] ФАС России. Сообщение о результатах

проверки отчётов заказчиков по закупкам у субъектов МСП за 2024 год // Право.ру. 2026. URL: <https://pravo.ru/news/263237/>.

[14] Практика ФАС в сфере цифрового контракта // Портал закупок. 2024. URL: <https://zakupki-portal.ru/novosti/main-news/fas-praktika-v-sfere-cifrovogo-kontrakta/>.

[15] ФАС России. Итоги контроля закупок за 2025 год // Спецтендер. 2026. URL: <https://spectender.ru/novosti/fas-podvela-itogi-kontrolya-zakupok-za-2025-god.html>.

[16] Счётная палата Российской Федерации. Заключение на отчёт Правительства об исполнении федерального бюджета за 2024 год. URL: <https://1prime.ru/20250707/schetpalata-859241613.html>.

[17] ФАС России. Обзор судебной практики в сфере государственных закупок за I квартал 2025 года. URL: <https://gkgz.ru/obzor-sudebnoj-praktiki-fas-rossii-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok-za-1-kvartal-2025-goda/>.

[18] Московское УФАС России. Обзор правоприменительной практики за II квартал 2025 года (дело № А40-21155/2024) // Портал закупок. 2025. URL: <https://www.zakupki-portal.ru/novosti/main-news/moskovskoe-ufas-obnovilo-praktiku-v-sfere-goszakupok-na-chto-obratit-vnimanie-zakazchikam-i-uchastnikam/>.

[19] Постановление УФАС по Кемеровской области от 17.07.2025 № 042/04/7.32.3-1127/2025 // Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/483628665/>.

[20] Решение ФАС России от 17.01.2025 по делу № 28/06/105-3041/2024 // Нормативные акты. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=490019>.

[21] Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в рамках ЕИС закупок // Современное право. 2024. № 11. URL: https://kuzovatovo73.gosuslugi.ru/netcat_files/328/3049/Perspektivy_ispol_zovaniya_iskusstvenno_go_intellekta_v_borbe_s_korrupsiej.pdf.

[22] Счётная палата Российской Федерации. Результаты проверки ИКТ-закупок Минфина и Федерального казначейства // Хабр. 2026. URL: <https://habr.com/ru/amp/publications/1049424/>.

[23] Попов Л.Л. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Л.Л. Попов; отв. ред. Л.Л. Попов. М.: Проспект, 2025. (Серия: Юрайт). ISBN 978-5-392-42198-5.

[24] Гарант. Обзор основных изменений в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ – 2025. URL: <https://base.garant.ru/77312089/>.

[25] Нормативно-правовое регулирование системы государственных закупок // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok>.

pravovoe-regulirovanie-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok.

[26] Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере закупок // Юридический факультет. 2020. URL: <https://urfac.ru/?p=3145>.

References:

[1] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" (as amended by 28.12.2025, amended and supplemented, entry in force with the 01.01.2026) // NW of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

[2] Ministry of Finance of the Russian Federation. Summary analytical report on the results of monitoring the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs, as well as the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities for 2024 URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=312679.

[3] Federal Law of 28.12.2024 No. 500-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // SZ RF. 2024. Also: Federal Law of 08.08.2024 No. 318-FZ; Federal Law No. 26.12.2024 of 484-FZ; Federal Law No. 26.12.2024 of 494-FZ. URL: <https://www.consultant.ru/>.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 27.01.2022 No. 60 "On measures for information support of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" // NW RF. 2022. № 6. Art. 876. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408434/.

[5] Kabytov P.P. Administrative and legal regulation of the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: dis.... cand. jurid. sciences. M.: IZAK, 2021. URL: <https://izak.ru/science/dissertatsionnye-sovety/dissertatsionnyy-sovet-d503-001-02/administrativno-pravovoe-regulirovanie-kontraktnoy-sistemy/>.

[6] M.S. Soloviev. Administrative and Legal Regulation of Legal Relations in the Field of Public Procurement: ref. dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg: Ural State University, 2023. URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/2/482/autoabstract_dl.pdf.

[7] L.V. Andreeva. Public procurement in Russia: legal regulation and measures to improve it: monograph. M.: Prospect, 2023. ISBN 978-5-392-29880-8.

[8] Unified Procurement Information System

(UIS). Official website. URL: <https://zakupki.gov.ru/> (access date: 15.06.2026).

[9] Zagarskikh E., Majara Yu., Tokareva A. Digitalization of procurement as a tool to reduce corruption risks // Vector of economics. 2025. № 10. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2025/10/economic_theory/Zagarskikh_Majara_Tokareva.pdf.

[10] Digital technologies in state and municipal procurement/Materials of the scientific-practical conference // Bulletin of Science. 2025. URL: <https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02-57-iii-/1500-2025-11-23-18-12-26>.

[11] Unified Procurement Information System - Complete Supplier zakupki.gov.ru. Learning portal. 2026. URL: <https://www.bicotender.ru/faq/registratsiy-a-v-eis-eruz-vhod-na-portal-zakupok.html>.

[12] Fedotov A.A. Violations of the principle of openness and transparency in the public procurement system // Vector of economics. 2022. № 1. URL: <http://vectoreconomy.ru/images/publications/2022/1/financeandcredit/Fedotov.pdf>.

[13] FAS Russia. Report on the results of verification of customer reports on procurement from SMEs for 2024 // Право.py. 2026. URL: <https://pravo.ru/news/263237/>.

[14] FAS practice in the field of digital contract // Procurement portal. 2024. URL: <https://zakupki-portal.ru/novosti/main-news/fas-praktika-v-sfere-cifrovogo-kontrakta/>.

[15] FAS Russia. Results of procurement control for 2025 // Special Tender. 2026. URL: <https://spectender.ru/novosti/fas-podvela-itogi-kontrolya-zakupok-za-2025-god.html>.

[16] Accounts Chamber of the Russian Federation. Conclusion on the Government's report on the execution of the federal budget for 2024. URL: <https://1prime.ru/20250707/schetpalata-859241613.html>.

[17] FAS Russia. Review of judicial practice in the field of public procurement for the first quarter of 2025. URL: <https://gkgz.ru/obzor-sudebnoj-praktiki-fas-rossii-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok-za-1-kvartal-2025-goda/>.

gosudarstvennyh-zakupok-za-1-kvartal-2025-goda/.

[18] Moscow OFAS of Russia. Review of law enforcement practice for the II quarter of 2025 (case No. A40-21155/2024) // Procurement portal. 2025. URL: <https://www.zakupki-portal.ru/novosti/main-news/moskovskoe-ufas-obnovilo-praktiku-v-sfere-goszakupok-na-chto-obratit-vnimanie-zakazchikam-i-uchastnikam/>.

[19] Resolution of the Federal Antimonopoly Service for the Kemerovo Region dated 17.07.2025 No. 042/04/7.32.3-1127/2025 // GARANT System. URL: <https://base.garant.ru/483628665/>.

[20] Decision of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated 17.01.2025 in case No. 28/ 06/105-3041/2024 // Regulations. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=490019>.

[21] Prospects for the use of artificial intelligence in the fight against corruption in the framework of the EIS procurement // Modern law. 2024. № 11. URL: https://kuzovatovo73.gosuslugi.ru/netcat_files/328/3049/Perspektivy_ispol_zovaniya_iskusstvenno_go_intellekta_v_borbe_s_korrupsiej.pdf.

[22] Accounts Chamber of the Russian Federation. Results of verification of ICT purchases of the Ministry of Finance and the Federal Treasury // Khabr. 2026. URL: <https://habr.com/ru/amp/publications/1049424/>.

[23] Popov L.L. Administrative law of the Russian Federation: textbook for universities/ L.L. Popov; resp. ed. L.L. Popov. M.: Prospect, 2025. (Series: Ewright). ISBN 978-5-392-42198-5.

[24] Guarantor. Review of the main changes in the Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ - 2025. URL: <https://base.garant.ru/77312089/>.

[25] Regulatory regulation of the public procurement system // Cyber Leninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok>.

[26] Legal mode of operation of the unified information system in the field of procurement // Faculty of Law. 2020. URL: <https://urfac.ru/?p=3145>.

ГАВРИЛОВ Артём Олегович,

аспирант 2 курса юридического факультета, Омский
государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: gavrilov.artiom.00@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ И ВИДОВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «множественность административных правонарушений», «повторность», «совокупность правонарушений», «административная преюдиция», «рецидив», сравнивается степень разработанности института множественности административных правонарушений с институтом множественности преступлений. Оценивается действующее правовое регулирование института множественности административных правонарушений, сделан акцент на административную преюдицию как особую форму множественности административных правонарушений. Вводится понятие «неоднородной повторности» как одного из видов множественности правонарушений, под которым предлагается понимать повторное совершение неоднородного административного правонарушения, то есть совершение административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со статьей 4.6 КоАП РФ за совершение административного правонарушения, предусмотренного иной главой особенной части КоАП РФ. Произведен анализ классификаций множественности административных правонарушений, выделяемых в научном сообществе, дана оценка приведенным классификациям. Предлагается авторская классификация множественности административных правонарушений, подразумевающая выделение форм множественности (в качестве критерия классификации выступает подверженность наказанию виновного лица на момент совершения второго и последующих правонарушений), которые в свою очередь подразделяются на виды множественности (в качестве критерия классификации для повторности правонарушений выступает родовый объект посягательства, а для совокупности правонарушений - количество совершенных действий и бездействий, повлекших образование нескольких составов административных правонарушений). Помимо теоретических исследуются и практические аспекты квалификации содеянного в качестве той или иной формы множественности правонарушений на основании судебной практики, связанные со сроком, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию по статье 4.6 КоАП РФ.

Ключевые слова: множественность административных правонарушений, повторность правонарушений, тождественная повторность, однородная повторность, неоднородная повторность, совокупность правонарушений, реальная совокупность, идеальная совокупность, административная преюдиция, рецидив.

GAVRILOV Artyom Olegovich,

second-year postgraduate student of law faculty, Dostoevsky
Omsk State University

CLASSIFICATION PROBLEMS OF FORMS AND TYPES OF MULTIPLICITY OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. The article examines the concepts of "multiplicity of administrative offenses", "recurrence", "set of offenses", "administrative prejudice", and "recidivism". It compares the degree of elaboration of the institution of multiplicity of administrative offenses with that of criminal offenses. The author evaluates the current legal regulation of the institution of multiplicity of administrative offenses,

emphasizing administrative prejudiciability as a specific form of such multiplicity. The concept of "heterogeneous recurrence" is introduced as a type of multiplicity of offenses. It is proposed to define it as the repeated commission of a heterogeneous administrative offense, i.e., committing an administrative offense during the period when a person is deemed to be subject to administrative punishment under Article 4.6 of the CoAO of the Russian Federation for an offense stipulated by a different chapter of the Special Part of the Code. The study analyzes and evaluates classifications of the multiplicity of administrative offenses identified in the scientific community. The author proposes an original classification of the multiplicity of administrative offenses based on identifying its forms (the classification criterion being whether the offender is subject to punishment at the time of committing the second and subsequent offenses), which, in turn, are subdivided into types of multiplicity. For the recurrence of offenses, the classification criterion is the generic object of encroachment, while for the set of offenses, it is the number of actions and omissions resulting in multiple administrative offenses. In addition to theoretical aspects, the article explores practical aspects of qualifying acts as a particular form of multiplicity of offenses based on judicial practice, specifically relating to the period during which a person is deemed to be subject to administrative punishment under Article 4.6 of the CoAO of the Russian Federation.

Key words: *multiplicity of administrative offenses, recurrence of offenses, identical recurrence, homogeneous recurrence, heterogeneous recurrence, set of offenses, real set of offenses, ideal set of offenses, administrative prejudice, recidivism.*

Административная деликтность представляет собой существенный дестабилизирующий фактор, подрывающий устойчивость правопорядка и принцип законности в обществе. При безусловной практической важности проблематики множественности административных правонарушений указанному правовому институту не уделяется должного внимания со стороны как законодателя, так и научно-правовой доктрины.

В сравнительном аспекте с институтом множественности преступлений в сфере административного права становится очевидным отсутствие сформированного категориально-понятийного аппарата, а также нормативно закреплённой и доктринально обоснованной классификации форм и видов множественности. Кроме того, отмечается недостаточная степень разработанности системных методологических подходов, обеспечивающих корректную юридическую квалификацию противоправных деяний и последующее дифференцированное назначение мер административной ответственности.

Теоретико-правовая разработка института множественности административных правонарушений в отечественной юридической науке сохраняет характер фрагментарности и ограниченности. В новейшем этапе развития российской правовой науки можно обнаружить лишь отдельные фундаментальные научные изыскания, затрагивающие указанную проблематику. В числе таковых особое значение имеет диссертационное исследование Н. А. Ахтаниной, представленное на соискание учёной степени кандидата юридических наук, в котором впервые реализован комплексный научный анализ института множественности в рамках административно-деликтного права.

В доктрине административного права «множественность административных правонарушений» трактуется как ситуация, при которой одно и то же лицо совершает два либо более административных правонарушения — до либо после привлечения к административной ответственности за первое из них, при условии сохранения административно-деликтной значимости данных деяний [1], [2, с. 52]. При этом понятие носит сугубо доктринальный характер, поскольку в действующем законодательстве оно не зафиксировано.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) легальное закрепление получили отдельные формы множественности административных правонарушений. В частности, нормативно урегулирована повторность, нашедшая отражение в п. 2 ч. 1, ч. 2 ст. 4.3 КоАП РФ, а также в ряде статей Особенной части КоАП РФ. Совокупность административных правонарушений регламентирована положениями ст. 4.4 КоАП РФ.

Кроме того, имеются достаточные основания для выделения особой междисциплинарной формы множественности административных правонарушений — административной преюдиции, которая закреплена в отдельных статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Сущность данной формы заключается в совершении лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение (либо за несколько таких правонарушений), тождественного противоправного деяния в пределах срока, установленно-го действующим законодательством [3, с. 163], [4, с. 42].

Следует учитывать, что административная

преюдиция характеризуется специфическим источником нормативного закрепления — УК РФ, при этом она не получила институционального оформления: отсутствует её регламентация в Общей части как КоАП РФ, так и УК РФ. Данное обстоятельство обуславливает возникновение существенных затруднений как в правоприменительной практике, так и в теоретико-правовой разработке данного правового феномена. [5, с. 51-55], [6, с. 257]. И также, поскольку составы преступлений с административной преюдицией закреплены в УК РФ, последствия за их совершение также наступают уголовно-правовые.

Выделение административной преюдиции в качестве самостоятельной формы множественности административных правонарушений, а не определение её в качестве разновидности повторности, обусловлено спецификой критериев повторности, достаточных для формирования состава преступления. Это наглядно прослеживается на примере ст. 212.1 УК РФ, где состав преступления образуется исключительно при условии совершения лицом административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней.

В рамках административно-деликтного законодательства повторность, закреплённая в КоАП РФ, характеризуется неоднородностью и подлежит дифференциации на два самостоятельных вида: повторность как обстоятельство, отягчающее административную ответственность, и повторность как квалифицирующий признак состава административного правонарушения.

Повторность, выступающая в роли отягчающего обстоятельства, в доктрине принято обозначать термином «однородная повторность», что отражает её ключевое отличительное свойство. В свою очередь, повторность в качестве квалифицирующего признака предполагает наступление ответственности за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного той же частью той же статьи КоАП РФ, что и первоначальное противоправное деяние, при условии сохранения непогашенных юридических последствий содеянного. В юридической науке данный вид повторности получил наименование «тождественная повторность» [7, с. 151].

Помимо указанных разновидностей, можно говорить о том, что повторность имеет место в тех ситуациях, когда два совершённых административных правонарушения посягают на различные родовые объекты. Такой вид повторности можно назвать «неоднородной повторностью». При этом отсутствие в действующем КоАП РФ специальных правил назначения административного наказания при неоднородной повторности не свидетельству-

ет об отсутствии либо невозможности существования данного вида множественности. С учётом потенциальной динамики развития административно-деликтного законодательства нельзя исключать возможность закрепления в будущем особых правил назначения наказаний применительно к неоднородной повторности. Соответственно, недооценивать данный вид множественности административных правонарушений не стоит.

Таким образом, под «неоднородной повторностью» целесообразно понимать повторное совершение неоднородного административного правонарушения, то есть совершение административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со статьей 4.6 КоАП РФ за совершение административного правонарушения, предусмотренного иной главой особенной части КоАП РФ.

Одним из основополагающих условий корректной юридической квалификации содеянного в качестве повторно совершённого административного проступка выступает точное установление временного периода, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. В соответствии с ч. 1 ст. 4.6 КоАП РФ такое правовое состояние возникает со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и сохраняется в течение одного года после завершения исполнения указанного постановления.

Законодатель установил годичный период административной наказанности, в течение которого факт привлечения к ответственности может иметь правовые последствия. Данный период призван выполнять функцию правового учёта предыдущего наказания и служит основанием для применения более строгой меры ответственности. Однако на практике правоприменитель нередко допускает ошибки в определении начала и окончания указанного срока, что приводит к некорректной квалификации деяния.

Так, постановлением судьи Октябрьского районного суда г. Иркутска от 17.08.2022 г. ООО МФК "Займер" признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.57 КоАП РФ, и обществу назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 80 000 рублей.

Назначая ООО МФК "Займер" наказание, судья районного суда указал на повторность как отягчающее административную ответственность обстоятельство, поскольку постановлением судьи Октябрьского районного суда г. Иркутска от 10.02.2022 г., вступившим в законную силу

22.06.2022 г., ООО МФК "Займер" признавалось виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.57 КоАП РФ. Однако событие вменяемого ООО МФК "Займер" 17.08.2022 г. правонарушения имело место быть 17, 18, 19, 25 марта 2022 г. и 11.04.2022 г. То есть на момент совершения правонарушения ООО МФК "Займер" не считалось подвергнутым административному наказанию за однородное нарушение, поскольку в указанный период постановление от 10.02.2022 г. не вступило в законную силу. На этом основанииотячающее обстоятельство (повторность) было исключено из квалификации содеянного решением Иркутского областного суда от 11.10.2022 г. по делу No 7-281/2022.

Совокупность правонарушений - это форма множественности административных правонарушений, при которой лицо допускает нарушение сразу нескольких составов правонарушений посредством совершения одного действия (бездействия) или допускает нарушение нескольких составов посредством совершения нескольких действий (бездействий), при этом виновное лицо не должно считаться подвергнутым наказанию ни за один из проступков и сроки давности привлечения к ответственности за совершенные правонарушения не должны истечь. Налицо неоднородность и совокупности правонарушений. Так, первая ситуация из определения получила название «идеальная совокупность», а вторая - «реальная совокупность» [8, с. 13].

Деление совокупности на реальную и идеальную можно считать консенсусным в науке административно-деликтного права, однако встречаются и иные точки зрения. Так, Е. В. Павлова и Н. А. Ахтанина считают, что деление совокупности на виды является спорным, поскольку опасность содеянного в обоих случаях одинакова [9, с. 29]. Тяжело согласиться с приведенным тезисом, поскольку на практике эффект от реальной и идеальной совокупностей может сильно разниться. Тяжело представить ситуацию, при которой лицо одним действием совершает пять, десять, пятнадцать правонарушений. При этом нетрудно представить ситуацию, когда лицо совершает не один десяток правонарушений разными действиями, образующими реальную совокупность. Однако очевидно, что осознанное совершение нескольких самостоятельных деяний свидетельствуют о стойкой антиобщественной позиции нарушителя. Совершение нескольких правонарушений одним деянием может быть связано с некой случайностью, когда прямой умысел нарушителя направлен на один объект посягательства, но, кроме этого, по неосторожности, небрежности или с косвенным умыслом наносится вред и иному объекту. При

реальной совокупности элемент случайности исключен, каждое деяние совершается с конкретными различными целью, мотивом, противоправным результатом и т.д. Поэтому реальная совокупность значительно опаснее идеальной, и поэтому правила назначения наказаний в КоАП РФ для реальной совокупности значительно более строгие.

Институт множественности административных правонарушений в административно-деликтном праве исчерпывается совокупностью правонарушений, повторностью и административной преюдицией. Вместе с тем в доктринальных исследованиях представлены и иные классификационные подходы к рассматриваемому институту. При этом следует учитывать, что не каждая предлагаемая классификация предполагает конструирование качественно новой формы множественности: зачастую авторы ограничиваются дифференциацией отдельных разновидностей уже существующих, нормативно закреплённых форм множественности.

В частности, Л. Ю. Кролис предлагает классификацию множественности административных правонарушений, подразделяя её на совокупность и рецидив. При этом категория совокупности коррелирует с легальной моделью, тогда как рецидив в действующем законодательстве не предусмотрен. В рамках данной концепции автором выделяются следующие виды рецидива: общий рецидив, определяемый как «совершение лицом, привлечённым к административной ответственности, нового, не тождественного с первым проступка», и специальный рецидив, трактуемый как «повторное совершение нарушения лицом, которое уже подвергалось наказанию за тождественное нарушение». Кроме того, Л. Ю. Кролис проводит разграничение между простой повторностью, рассматриваемой в качестве разновидности реальной совокупности (имеет место в ситуации, когда лицо не привлекалось к административной ответственности ни за одно из совершённых им тождественных правонарушений), и «рецидивной повторностью» (или «специальным рецидивом»), которая имеет место при совершении лицом идентичного административного правонарушения после привлечения к ответственности за первое аналогичное деяние [10, с. 42].

Позиция исследователя довольно специфична, допускает вольное использование понятий, к ней возникает немало вопросов. Этимологически «рецидив» предполагает «повторное проявление чего-нибудь (например, повторное преступление)». Слово «повторить» означает «сказать или сделать ещё раз (например, повторить сказанное)», а слово «повторный» означает «представляющий из себя повторение, вторичный (напри-

мер, повторный заказ, повторное заболевание)».

Выходит, авторское понятие «рецидивная повторность» является плеоназмом - в словосочетании используются два очень похожих по значению слова. С точки зрения русского языка уместнее использовать формулировку «специальный рецидив» или «тождественная повторность», в сущности, эти понятия равнозначны. И в целом при классификации форм множественности нежелательно вводить сразу несколько понятий для одной формы или для одного вида — это усложняет восприятие и может приводить к недопониманию сути явлений. Представляется некорректным введение «простой повторности» как разновидности «реальной совокупности». При такой постановке «повторность» и «совокупность» соотносятся как часть и целое, однако же с точки зрения законодательства это совершенно разные независимые друг от друга формы множественности, обладающие разными признаками и правилами назначения наказаний. И даже если допустить как факт, что «простая повторность» является разновидностью «реальной совокупности», то какие же ещё виды «реальной совокупности» может выделить автор? На этот вопрос ответа, к сожалению, найти не удалось.

В диссертационном исследовании Н. А. Ахтаниной представлена детализированная классификация множественности административных правонарушений, в рамках которой выделяются три основные формы: повторность, рецидив и совокупность. При этом каждая из обозначенных форм подвергнута дальнейшей дифференциации на отдельные виды: в частности, предусмотрены однородная и тождественная повторности, идеальная и реальная совокупности, а также простой, опасный, общий и специальный рецидивы [2, с. 61].

Определённую научную дискуссию вызывает подход автора к выделению повторности и рецидива в качестве самостоятельных форм множественности. Н. А. Ахтанина аргументирует данную позицию тем, что категория рецидива носит более широкий характер — она охватывает повторное совершение любых административных правонарушений, тогда как повторность ограничена рамками однородных либо тождественных деяний, предусмотренных одной статьёй либо главой КоАП РФ. При этом, по мнению исследователя, повторность не предполагает обязательного факта привлечения лица к административной ответственности за ранее совершённый проступок [2, с. 109].

Вместе с тем указанная трактовка вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 4.3 КоАП РФ, согласно которым повторность в качестве

обстоятельства, отягчающего административную ответственность, подлежит применению только в случае совершения однородного административного правонарушения в пределах срока, установленного ст. 4.6 КоАП РФ.

Таким образом, повторность оказывается полностью включённой в понятие рецидива. Сама Н. А. Ахтанина определяет «специальный рецидив» как «рецидив тождественных или однородных административных правонарушений» [2, с. 109]. Отличия между понятиями «повторность» и «специальный рецидив» можно охарактеризовать как умозрительные и стилистические, существенных отличий не наблюдается. И в такой ситуации, следуя методологическому принципу «Бритвы Оккама», стоит остановиться на одной из форм множественности правонарушений, и в контексте действующего административно-деликтного законодательства уместнее будет повторность.

Итак, на основе приведенных выше рассуждений, можно классифицировать все формы и виды множественности правонарушений. В качестве критерия для классификации форм множественности стоит выделить подверженность наказанию виновного лица на момент совершения второго и последующих правонарушений. В зависимости от данного критерия можно выделить следующие формы множественности административных правонарушений: повторность, совокупность правонарушений и административная преюдиция. В зависимости от родового объекта посягательства повторность может быть неоднородной, однородной и тождественной. В зависимости от количества совершенных действий и бездействий, повлекших образование нескольких составов административных правонарушений, совокупность правонарушений может подразделяться на реальную и идеальную. Административная преюдиция выступает особой формой множественности, не подразделяющейся на отдельные виды.

Список литературы:

- [1] Крамник А. Н. Множественность административных правонарушений. url: <https://bsu.by> (дата обращения: 20.03.2026). – Текст : электронный.
- [2] Ахтанина Н. А. Множественность административных правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Орёл, 2021. 176 с.
- [3] Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 2016. 223 с.
- [4] Козлов А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного

юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 42–49.

[5] Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55.

[6] Крапива И. И. Административная преюдиция в уголовном праве // Закон и право. 2025. № 2. С. 254–259.

[7] Ахтанина Н. А. Правовая характеристика повторности административных правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 149–151.

[8] Ахтанина Н. А. Совокупность как вид множественности административных правонарушений: понятие и законодательное закрепление // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 11–17.

[9] Павлова Е. В., Ахтанина Н. А. Проблемные аспекты эффективности применения норм административной ответственности при множественности правонарушений // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 26–32.

[10] Кролис Л. Ю. Общие правила наложения административных санкций за налоговые правонарушения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 9. С. 37–43.

References:

[1] Kramnik A. N. Mnozhestvennost administrativnykh pravonarusheniy [Multiplicity of administrative offenses] [Online]. Available at: bsu.by (accessed 20.03.2026).

[2] Akhtanina N. A. Mnozhestvennost administrativnykh pravonarusheniy [Multiplicity of administrative offenses]: cand. jurid. sci. diss. Orel, 2021. 176 p.

[3] Serkova T. V. Neodnokratnoye prestupnoye povedeniye: teoretiko-prikladnoye issledovaniye

[Repeated criminal behavior: Theoretical and applied research]: cand. jurid. sci. diss. Nizhny Novgorod, 2016. 223 p.

[4] Kozlov A. V. On the admissibility of administrative and legal prejudiciability in the criminal legislation of Russia. Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2012, no. 1 (22), pp. 42–49. (In Russ.).

[5] Lopashenko N. A. Elements of crimes with administrative prejudiciability — "friend among foes"? Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]. 2022, no. 5, pp. 51–55. (In Russ.).

[6] Krapiva I. I. Administrative prejudiciability in criminal law. Zakon i pravo [Law and Legislation]. 2025, no. 2, pp. 254–259. (In Russ.).

[7] Akhtanina N. A. Legal characteristics of the repetition of administrative offenses. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]. 2020, no. 4 (184), pp. 149–151. (In Russ.).

[8] Akhtanina N. A. Concurrence as a type of multiplicity of administrative offenses: Concept and legislative consolidation. Administrativnoye i munitsipalnoye pravo [Administrative and Municipal Law]. 2020, no. 4, pp. 11–17. (In Russ.).

[9] Pavlova E. V., Akhtanina N. A. Problematic aspects of the efficiency of applying administrative liability rules in case of multiplicity of offenses. Nauchnyy portal MVD Rossii [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022, no. 4 (60), pp. 26–32. (In Russ.).

[10] Krolis L. Yu. General rules for imposing administrative sanctions for tax offenses. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2007, no. 9, pp. 37–43. (In Russ.).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-370-374

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права, ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: oreshnikova.ksenia@guap.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СТ. 13.11 КоАП РФ

Аннотация. В статье исследуется проблема неэффективности действующих административных штрафов за нарушения законодательства о персональных данных. Анализируется практика применения санкций, выявляется их несоразмерность экономическим возможностям крупных компаний, что приводит к восприятию штрафов как допустимых операционных издержек. На основе анализа изменений, внесенных в ст. 13.11 КоАП РФ в 2025 году, а также зарубежного опыта (в частности, Республики Корея), обосновывается необходимость дальнейшего реформирования российской системы ответственности за утечки персональных данных. Предлагаются конкретные изменения в конструкцию оборотных штрафов, включая отказ от верхнего порога санкций и учет среднесрочных финансовых показателей.

Ключевые слова: персональные данные, административная ответственность, КоАП РФ, оборотные штрафы, утечка данных, цифровизация, Роскомнадзор, сравнительно-правовой анализ.

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeevna,
Lecturer at the Department of Public Law, Saint-Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATIONS IN THE FIELD OF PERSONAL DATA AND PROSPECTS FOR REFORMING ARTICLE 13.11 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the problem of the ineffectiveness of existing administrative fines for violations of personal data legislation. The practice of applying sanctions is analyzed, and their disproportionality to the economic capabilities of large companies is revealed, which leads to the perception of fines as acceptable operational costs. Based on an analysis of the amendments introduced into Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in 2025, as well as foreign experience (in particular, the Republic of Korea), the need for further reform of the Russian system of liability for personal data leaks is substantiated. The author proposes specific changes to the design of turnover fines, including the abandonment of the upper threshold of sanctions and the consideration of average long-term financial indicators. The article proposes specific changes to the design of turnover fines, including the abandonment of the upper threshold of sanctions and the consideration of average long-term financial indicators.

Key words: personal data, administrative liability, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, turnover fines, data leakage, digitalization, Roskomnadzor, comparative legal analysis.

Введение

Цифровизация публично-властных решений и коммерческой деятельности привела к колоссальному увеличению объемов обрабатываемых персональных данных. В этих условиях проблема частых утечек информации о сотрудниках, пользователях и иных субъектах приобрела системный характер. Причина таких утечек нередко кроется не только в технологических уязвимостях, но и в несовершенстве системы юридической ответственности. Долгое время наиболее слабым элементом российского регулирования оставался размер административных штрафов за нарушения в сфере обработки персональных данных. Прежние санкции фактически не выполняли ни превентивной, ни карательной функции [6]. В связи с этим цель настоящего исследования заключается в анализе эволюции административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ, оценке эффективности реформы 2025 года и разработке предложений по дальнейшему совершенствованию правового механизма противодействия утечкам данных.

В исследовании Д.С. Джурука, А.В. Коршунова и А.А. Пушечникова, говорится, что значительная часть операторов персональных данных относится к исполнению требований Федерального закона № 152-ФЗ формально, не обеспечивая их реального соблюдения. Авторы указывают, что за последние два года в России зафиксировано свыше 660 миллионов случаев утечки информации, и этот показатель указывает на недостаточную сдерживающую силу действовавших административных санкций [5].

Н.М. Альханов., Л.Р. Исипова в работе, указывают на сохраняющийся разрыв между формальным выполнением законодательных требований и их содержательной реализацией. Отдельно исследователи обращают внимание на низкий уровень технической защиты данных в сегменте малого и среднего бизнеса [1].

Материалы и методы исследований

В качестве основного материала в рамках настоящего исследования выступили положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в редакциях 2021 и 2025 гг.), Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», а также данные судебной практики и аналитические обзоры, приведенные в научных публикациях российских правоведов (М.В. Давыдовой, И.В. Игнатьевой, С.-У.С.-А. Возкаева, Ю.А. Гartiной и др.).

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ норм административного законодательства, системное толкование положений, регулирующих ответ-

ственность операторов персональных данных, а также сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить отечественную модель санкций с подходами, применяемыми в зарубежных правовых порядках (в частности, в странах Евросоюза и Республике Корея). Использование проблемно-ориентированного подхода позволило выявить правовые пробелы в конструкции оборотных штрафов и определить факторы, снижающие превентивное воздействие административной ответственности.

Результаты и обсуждения

Особую остроту проблема неэффективности санкций демонстрирует в деятельности крупных коммерческих компаний, выступающих операторами огромных массивов пользовательской информации. Как отмечают М.В. Давыдова и И.В. Игнатьева, компании особенно часто подвергаются кибератакам в последние годы. Однако часть предпринимателей исходит из прагматичного расчета: потенциальный штраф за утечку данных оказывается существенно меньше расходов на формирование надежной инфраструктуры информационной безопасности, в связи с чем нарушение требований законодательства воспринимается как допустимый экономический риск [4].

Показательным примером является инцидент утечки данных сервиса доставки «Яндекс Еда» в 2022 году. Мировой судья назначил компании административный штраф в размере 60 тысяч рублей, в то время как годовая выручка компании за 2022 год составляла около 521,7 миллиарда рублей. Штраф в 60 тысяч рублей составил приблизительно 0,0000115 процента от выручки, то есть долю, практически не ощутимую в финансовой структуре крупного бизнеса. В том же 2022 году произошла утечка персональных данных курьеров компании «Яндекс», и суд вновь ограничился штрафом в 60 тысяч рублей. При отсутствии должной экономической мотивации регулярная уплата подобных несущественных штрафов становится для бизнеса экономически выгоднее, чем создание комплексной системы защиты персональных данных.

Сравнительный анализ редакций ст. 13.11 КоАП РФ показывает заметное изменение подхода законодателя к данной проблеме. Как верно подмечает С.-У.С.-А. Возкаев, ранее применялись фиксированные и сравнительно небольшие штрафы, тогда как в новой редакции просматривается стремление связать размер ответственности с масштабом правонарушения и экономическими возможностями нарушителя [2].

В рамках реформы 2025 года базовые размеры штрафов для юридических лиц были увеличены в несколько раз (например, за обработку персональных данных без надлежащего согласия

субъекта теперь назначается штраф до 700 тысяч рублей). Существенным нововведением стала дифференциация ответственности в зависимости от масштабов утечки. Если инцидент затрагивает данные ста тысяч и более человек, он квалифицируется по отдельной части статьи и может повлечь штраф до 15 миллионов рублей уже при первом нарушении. Также законодатель ввел оборотные штрафы за повторные правонарушения. При повторной крупной утечке санкция рассчитывается исходя из годовой выручки компании и составляет от одного до трех процентов данного показателя. При этом законодатель установил определенные пределы: минимальный размер такого штрафа составляет 20 миллионов рублей, а максимальный ограничен суммой в 500 миллионов рублей. Кроме того, введена ответственность за несообщение в Роскомнадзор о факте утечки (до 3 млн руб.), а также усилена ответственность за утечку чувствительных данных — о состоянии здоровья, расовой принадлежности (до 15 млн руб.), биометрических данных (до 20 млн руб.) [3].

В.М. Пискайкина и А.Г. Монетов, анализируя законодательные изменения в сфере административной ответственности за нарушения при обработке персональных данных, отмечают, что новые нормы существенно увеличили размер денежных взысканий и распространили свое действие на всех участников информационного взаимодействия. По мнению авторов, незаконное распространение персональных данных представляет значительно большую общественную опасность, чем их сбор, хранение или использование, однако дифференциация ответственности между этими деяниями остается недостаточно выраженной [8].

Однако, несмотря на очевидный прогресс, предложенная модель сохраняет серьезные изъяны, которые нивелируют превентивный эффект для крупнейших игроков рынка. Ограничение максимального размера оборотного штрафа суммой в 500 миллионов рублей существенно ослабляет саму идею процентной ответственности. Например, выручка компании «Яндекс» в 2025 году составила 1 441,1 миллиарда рублей. Даже максимально возможный штраф в данном случае составляет лишь около 0,035 процента от годовой выручки. Очевидно, что подобная санкция не способна оказать серьезного экономического воздействия на корпорации такого масштаба.

Д.Р. Мустаева в качестве одной из основных проблем выделяет зачастую невозможность идентификации злоумышленника, осуществившего несанкционированный доступ к персональным данным. Это порождает правовую ситуацию, при которой формальная ответственность возлагается на оператора, тогда как действительный винов-

ник утечки остается вне досягаемости правоохранительных механизмов. Подобное расхождение между формальным адресатом санкции и реальным субъектом противоправного поведения снижает общую эффективность [7].

Самостоятельный пласт проблематики выявляет И.В. Смолькова, исследующая защиту персональных данных в уголовно-процессуальном контексте. отсутствии четкого законодательного и доктринального определения понятия персональных данных имеет общепрофессиональное значение. Неопределенность базовых дефиниций создает препятствия для привлечения к ответственности, в том числе по статье 13.11 КоАП РФ, поскольку квалификация деяния становится предметом разногласий уже на стадии установления самого объекта правонарушения [10].

Зарубежная практика показывает, что во многих государствах (страны Евросоюза, Бразилия, Китай и др.) формируется устойчивая тенденция к использованию оборотных штрафов с высоким потолком. Примечателен опыт Южной Кореи. Корейское законодательство использует иной принцип расчета: при определении размера штрафа учитывается не выручка за один календарный год, а средний финансовый показатель за три предшествующих года. Данная конструкция позволяет сгладить влияние краткосрочных экономических колебаний и делает ответственность более устойчивой к временным рыночным изменениям. Примечательно, что в декабре 2025 года президент Южной Кореи Ли Чжэ Мен предложил пересмотреть действующий механизм и рассчитывать штраф исходя из года с максимальной выручкой в рамках трехлетнего периода, полагая, что усреднение показателей снижает превентивный эффект для компаний с колеблющейся прибылью. С нашей точки зрения, корейская модель, основанная на учете оборота за несколько лет, выглядит более сбалансированной и экономически оправданной, чем жесткая привязка к одному отчетному периоду.

С.С. Рудик и соавторы, сопоставляя российскую и европейскую модели регулирования, указывают, что в рамках GDPR предусмотрены штрафы, способные достигать 20 миллионов евро или 4 % от годового оборота компании. На фоне российских санкций, этот разрыв приобретает принципиальное значение для оценки достаточности действующих мер ответственности. Сопоставление масштабов взысканий наглядно обозначает направление необходимого реформирования статьи 13.11 КоАП РФ [9].

Заключение

Реформа ответственности за утечки персональных данных 2025 года является значитель-

ным шагом вперед, однако она сохраняет уязвимости в отношении крупнейших корпораций. Установленный законодательством верхний порог оборотного штрафа в 500 млн рублей возвращает систему к прежней логике, где санкция воспринимается как допустимая операционная издержка.

Для изменения ситуации необходимо внести дополнительные изменения в КоАП РФ. Во-первых, учитывая зарубежный опыт (в частности, южнокорейский), следует рассчитывать оборотные штрафы исходя из среднего совокупного размера суммы выручки за три календарных года, предшествующих году совершения правонарушения. Во-вторых, представляется обоснованным установить норму об отказе от верхнего предела (потолка) оборотного штрафа при повторных нарушениях, оставив лишь нижний предел в размере 20–25 миллионов рублей. В-третьих, предлагаем изложить п. 15 и п. 18 ст. 13.11 КоАП РФ в новой редакции. Так, пункт 15 предлагается изложить следующим образом: «Влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от четырехсот тысяч до шестисот тысяч рублей, на должностных лиц — от восьмисот тысяч до одного миллиона двухсот тысяч рублей, на юридических лиц — в размере от 5 до 10 процентов среднего совокупного размера суммы выручки, полученной от реализации всех товаров (работ, услуг), за три календарных года, предшествующих году, в котором было выявлено административное правонарушение. Для юридических лиц, осуществлявших деятельность менее трех лет, расчет производится за фактический период деятельности. Нижний предел штрафа устанавливается в размере не менее двадцати миллионов рублей. Верхний предел штрафа не ограничивается». Аналогичный подход с дифференциацией в зависимости от состава следует применить и к пункту 18. Реализация указанных мер позволит устранить сохраняющийся дисбаланс и сделает институт административной ответственности за утечки персональных данных реально действующим инструментом защиты прав граждан в эпоху цифровой экономики.

Список литературы:

- [1] Альханов Н. М., Исипова Л. Р. Персональные данные и частная жизнь как объекты правовой защиты // *Аграрное и земельное право*. — 2025. — № 9. — С. 52–55.
- [2] Возкаев С.-У. С.-А. Защита персональных данных после реформы 2025 года // *Аграрное и земельное право*. — 2025. — № 9. — С. 297–300.
- [3] Гартина Ю. А., Седышев Д. С. Ответственность субъектов за нарушение законодательства в сфере защиты персональных данных // *Аграрное и земельное право*. — 2025. —

№ 7. — С. 242–245.

[4] Давыдова М. В., Игнатьева И. В. Повышение эффективности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. — 2025. — № 4. — С. 148–151.

[5] Джурук Д.С., Коршунов А.В., Пушечников А.А. Защита персональных данных в эпоху больших данных // *Право и государство: теория и практика*. — 2025. — № 4. — С. 129–132.

[6] Котова М. Р. Роль ИТ-бизнес-аналитика в обеспечении этики и защиты данных в условиях цифровой трансформации // *Программные системы и вычислительные методы*. — 2025. — № 4. — С. 158–176.

[7] Мустаева Д.Р. Проблемы правовой защиты конфиденциальной информации и персональных данных при использовании нейронных сетей // *Аграрное и земельное право*. — 2024. — № 12 (240). — С. 291–292.

[8] Пискайкина В.М., Монетов А.Г. Проблема защиты персональных данных в эпоху цифровизации // *Российские исследования. Право и политика*. — 2025. — Т. 9. — № 2. — С. 124–140.

[9] Рудик С.С., Антоненко А.Е., Танов М.А., Петров И.В. Защита персональных данных в гражданско-правовых отношениях // *Журнал прикладных исследований*. — 2025. — № 5. — С. 152–159.

[10] Смолькова И.В. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве // *Правовое государство: теория и практика*. — 2025. — № 1 (79). — С. 134–142.

References:

- [1] Alkhanov N. M., Isipova L. R. Personal data and private life as objects of legal protection // *Agrarian and land law*. — 2025. — № 9. — S. 52-55.
- [2] Vozkaev S.-U. S.-A. Protection of personal data after the reform of 2025 // *Agrarian and land law*. — 2025. — № 9. — S. 297-300.
- [3] Gartina Yu. A., Sedyshev D. S. Responsibility of subjects for violation of legislation in the field of personal data protection // *Agrarian and land law*. — 2025. — № 7. — S. 242-245.
- [4] Davydova M.V., Ignatieva I.V. Increasing the effectiveness of state protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation // *Law and state: theory and practice*. — 2025. — № 4. — S. 148-151.
- [5] Juruk DS, Korshunov AV, Pushechnikov A.A. Protection of personal data in the era of big data // *Law and state: theory and practice*. — 2025. — № 4. — S. 129-132.
- [6] Kotova M. R. The role of IT business analyst in ensuring ethics and data protection in the context of digital transformation // *Software systems and*

computing methods. — 2025. — № 4. - S. 158-176.

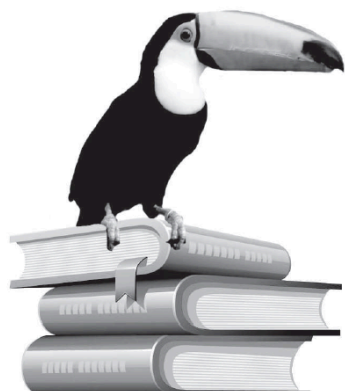
[7] Mustaeva D.R. Problems of legal protection of confidential information and personal data when using neural networks // Agrarian and land law. — 2024. — № 12 (240). - S. 291-292.

[8] Piskaykina V.M., Monetov A.G. The problem of personal data protection in the era of digitalization // Russian research. Law and politics. — 2025. - VOL.

9. — № 2. - S. 124-140.

[9] Rudik S.S., Antonenko A.E., Tanov M.A., Petrov I.V. Protection of personal data in civil relations // Journal of Applied Research. — 2025. — № 5. - S. 152-159.

[10] Smolkova I.V. Protection of personal data in criminal proceedings // Legal state: theory and practice. — 2025. — № 1 (79). - S. 134-142.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-375-377

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной
и автомобильной техники Санкт-Петербургского
университета МВД России,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕР ЛИЧНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОБРАЩЕНИИ С ГРАЖДАНАМИ

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит анализ алгоритма действий и проблем по обеспечении мер личной и коллективной безопасности при решении ими профессиональных задач в оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: безопасность, сотрудник полиции, страховка, защита, правовые меры, государство, органы внутренних дел, профессиональная подготовка.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Specialized and
Automotive Equipment St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

ON THE QUESTION OF ENSURING PERSONAL AND COLLECTIVE SECURITY MEASURES BY RUSSIAN FEDERATION INTERNAL AFFAIRS OFFICERS WHEN DEALING WITH CITIZENS

Annotation. In this research article, the author analyzes the algorithm of actions and challenges involved in ensuring personal and collective security measures when performing professional tasks in operational and official activities.

Key words: security, police officer, insurance, protection, legal measures, state, internal affairs agencies, professional training.

Безопасность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации обеспечивается не только физической защитой, но и комплексом организационных и правовых мер, принимаемых государством.

Кроме того, в процессе обеспечения безопасности необходимо учесть наряду со степенью защищенности, предусмотренной государством, также и специфику профессиональной деятельности самого сотрудника и в целом его профессиональную подготовку и готовность к действию в различных экстрординарных и иных ситуациях.

Говоря о безопасности, стоит отметить, что в случае посягательства или угрозы посягательства на жизнь или имущество сотрудников полиции, в связи с исполнением ими профессиональной деятельности их защиту обеспечивает государство.

Гарантии государственной защиты подтверждаются и осуществляется комплексом преду-

смотренных законом мер и реализуется органами исполнительной власти в сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Наряду с тем, применяются меры государственной защиты как в отношении самого сотрудника, так и в отношении его близких лиц, на чью жизнь, здоровье и имущество совершается посягательство с целью воспрепятствования или изменения характера деятельности сотрудника, либо из мести за указанную деятельность.

Законом гарантировано обеспечение государственной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе и при посягательстве или угрозе посягательства на них в период их участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации при выполнении своих професси-

ональных обязанностей всегда должен принимать меры обеспечения личной безопасности и чтобы сотрудник полиции реально мог обеспечить свою безопасность, в первую очередь, он должен уметь анализировать социально-экономические и политические условия осуществления своей деятельности, выявлять факторы, влияющие на уровень профессиональной и личной безопасности и определять реальный уровень профессионального риска.

Кроме того, угроза может возникнуть уже при обращении к гражданину, проверке документов, осмотре вещей а также при иных обстоятельствах.

Сотрудник полиции обязан быть внимательным и готовым к возникновению экстренной ситуации.

Так, проверка документов гражданина проводится двумя сотрудниками – один проверяющий, другой – страхующий.

При этом сотрудникам следует занять позиции таким образом, чтобы у проверяемого было, как можно меньше шансов совершить нападение.

При проверке документов или вещей сотрудник должен держать их левой рукой, оставляя правую руку свободной, чтобы быть готовым к отражению нападения.

Личный досмотр также проводится силами двух сотрудников: один сотрудник держит обыскиваемого на прицеле, второй осматривает его одежду.

Следует помнить о том, что согласно ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ, «Сотрудник полиции имеет право обнажить оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные 23 настоящего Федерального закона».

Констатировать, что именно в этих условиях могут возникнуть основания для применения оружия, представляется достаточно субъективным, но тем не менее, страхующий сотрудник должен быть наготове.

Если личный досмотр гражданина проводится силами одного сотрудника, без подстраховки, то ему необходимо помнить о следующих тактических правилах:

1) следует сразу предупредить задержанного, что в случае сопротивления против него будет применено оружие;

2) оружие необходимо держать со снятым предохранителем, в таком положении, чтобы можно было успеть выстрелить;

3) во время досмотра нельзя разговаривать с задержанным на посторонние темы, позволять ему оглядываться, менять положение тела;

4) при досмотре сотруднику необходимо постоянно следить за положением собственного тела, исключив возможность нападения на него;

5) досмотровые мероприятия необходимо проводить под воздействием соразмерного болевого приема;

6) следует помнить, что у досматриваемого лица может оказаться оружие. Оно может быть спрятано, например, за поясом, в специальном кармане, за подкладкой, в головном уборе и т.п.

Поэтому досмотр следует проводить так, чтобы у лица не было возможности внезапно атаковать сотрудника.

Также следует учитывать возможную опасность лица для окружающих граждан. Решение о проведении любых действий с лицом, подозреваемым в совершении противоправных действий, следует проводить только после того, когда сотрудник оценил потенциальную опасность со стороны задерживаемого для себя и других лиц, а также свои возможности дать отпор. Необходимо помнить о том, что сотрудник должен учитывать и моментально реагировать на любые подозрения угроз со стороны досматриваемого (задерживаемого) лица и незамедлительно прекратить досмотровые мероприятия, чтобы не допустить жертв.

Безопасность - это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Основным субъектом обеспечения безопасности является государство, реализующее указанную функцию через уполномоченные органы власти.

Поскольку одним из компетентных органов в области обеспечения безопасности, являются органы внутренних дел Российской Федерации.

Статья 1 Федерального закона от 07 февраля 2011г. № 3-ФЗ напрямую указывает на предназначение полиции РФ, в которой говорится, что полиция предназначена, для защиты жизни, здоровья. Прав и свобод граждан российской Федерации. Иностранцев граждан и лиц без гражданства, а также для обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности, борьбе с преступностью и т.д.

В виду чего, в целях выполнения задач по обеспечению безопасности сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации осуществляют деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению противоправных и антиобщественных деяний в соответствии с Федеральным законом «О полиции» и обеспечивают неотвратимость наказания и привлечение виновных к установленной законом ответственности.

Помимо этого, во взаимодействии с иными компетентными службами и подразделениями,

в рамках внутриведомственного взаимодействия, внешнего ведомственного взаимодействия, а также внешнего межведомственного взаимодействия принимают участие в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности и удовлетворении гражданами духовных и материальных потребностей, в реализации гарантий осуществления их субъективных прав и свобод, а также участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, что носит комплексный характер, поскольку осуществляется в плановом порядке, системно и непрерывно.

Согласно Федерального закона «О полиции» сотрудники органов внутренних дел полномочны:

- принимать меры по пресечению нарушений, создающих угрозу безопасности граждан, в том числе хищений имущества, и устранению способствующих им условий, при их выявлении;
- устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности.

Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в целом представляется как деятельность, основанная на законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, осуществляемая подразделениями вневедомственной охраны, по организации и обеспечению защиты от противоправных посягательств на охраняемых объектах, охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Кроме того, данная деятельность представляет собой совокупность правовых, организационных, охранных, технических средств и методов, а также иных мер, направленных на предупреждение и пресечение противоправных посягательств.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что эффективность деятельности служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, зависит от уровня профессиональной подготовки, умелого использования технических и специальных средств, тактических способов и приемов несения службы и задержания правонарушителей в различных ситуациях с учетом складывающейся обстановки.

Список литературы:

[1] О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирую-

щих органов: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 1995, № 17, ст. 1455.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в первоначальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — 14 февраля (№ 7). — Ст. 900.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, часть 1. — Статья 1.

[5] О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 1994 г. № 35 ст. 3648.

References:

[1] On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory agencies: Federal Law of April 20, 1995 No. 45-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of April 24, 1995, No. 17, Art. 1455.

[2] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ (in original version) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - February 14 (No. 7). - Art. 900.

[3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ // Rossiyskaya Gazeta of December 22, 2001, No. 249.

[4] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 1, Part 1. — Article 1.

[5] On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies: Federal Law of December 21, 1994, No. 68-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of December 26, 1994, No. 35, Art. 3648.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-378-383

КУДРЯВЦЕВ Владислав Александрович,
Соискатель, Северо-Западный институт управления —
филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»,
e-mail: kudryavtsev2000@list.ru

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ ОТ СМЕЖНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ

Аннотация. Статья посвящена определению отраслевых границ административно-правового статуса участников специальной военной операции. Исходной предпосылкой авторских рассуждений выступает использование законодателем категории «участник специальной военной операции» в нормах различных отраслях законодательства, что затрудняет определение административно-правового содержания статуса. Цель исследования заключается в разработке критериев отграничения административно-правового статуса участника специальной военной операции от иных специальных правовых статусов. Автором проведен анализ положений правовой доктрины, законодательства, а также исследованы отдельные аспекты правоприменения. Обосновано, что участие в специальной военной операции представляет собой юридический факт, порождающий правоотношения различной отраслевой принадлежности. Содержание административно-правового статуса определяется характером административных правоотношений между участником специальной военной операции и публичной администрацией. Предложена авторская система критериев в виде совокупности признаков (предмет правового регулирования, субъектный состав правоотношения, форма реализации и способ защиты прав и обязанностей). Полученные результаты позволяют квалифицировать отраслевые пределы административно-правового статуса участников специальной военной операции, разграничить административно-правовые и иные отраслевые элементы их правового положения, а также могут быть использованы при дальнейшем исследовании административно-правового статуса участников специальной военной операции и членов их семей.

Ключевые слова: административно-правовой статус; специальная военная операция; публичная администрация; административная процедура; правосубъектность.

KUDRYAVTSEV Vladislav Aleksandrovich,
Applicant North-West Institute of Management, a branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration

CRITERIA FOR DISTINGUISHING THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF SPECIAL MILITARY OPERATION PARTICIPANTS FROM RELATED SPECIAL LEGAL STATUSES

Annotation. The article is devoted to determining the sectoral boundaries of the administrative and legal status of special military operation participants. The author's reasoning is based on the legislator's use of the category "special military operation participant" in various branches of legislation, which makes it difficult to determine the administrative and legal content of the status. The purpose of the study is to develop criteria for distinguishing the administrative and legal status of a special military operation participant from other special legal statuses. The author has analyzed the provisions of legal doctrine and legislation, as well as studied certain aspects of law enforcement. It

has been substantiated that participation in a special military operation is a legal fact that gives rise to legal relations of various branches of law. The content of the administrative-legal status is determined by the nature of the administrative legal relations between the participant in a special military operation and the public administration. The author has proposed an author's system of criteria in the form of a set of features (the subject of legal regulation, the subject composition of legal relations, the form of implementation, and the method of protection of rights and obligations). The obtained results allow us to qualify the sectoral limits of the administrative and legal status of participants in special military operations, distinguish between administrative and other sectoral elements of their legal status, and can be used in further research on the administrative and legal status of participants in special military operations and their family members.

Key words: *administrative and legal status; special military operation; public administration; administrative procedure; legal personality.*

Введение

Категория «участник специальной военной операции» за сравнительно непродолжительный период не только оказалась имплементирована в систему российского права, но и приобрела межотраслевое значение. Она используется в законодательстве о военной службе, гражданском и трудовом законодательстве, а также в праве социального обеспечения. При этом законодатель практически никогда не раскрывает содержание данной категории, связывая ее с достижением цели правового регулирования конкретной группы общественных отношений. По этой причине объем прав и обязанностей участника специальной военной операции оказывается различным в зависимости от отраслевой принадлежности.

До настоящего момента времени вопрос о дифференциации отраслевой принадлежности статуса участника специальной военной операции не получил удовлетворительного разрешения в научной литературе. Обычно правовой статус участника специальной военной операции рассматривается как единая совокупность принадлежащих ему прав, обязанностей, гарантий и мер государственной поддержки. В одном статусе объединяются правила о социальных выплатах, прохождении военной службы, процедурах подтверждения статуса, трудовых гарантиях, льготах, возникающих вследствие участия в специальной военной операции. Общий объем правового положения соответствующей категории граждан не позволяет надлежащим образом ответить на вопрос, какие элементы здесь относятся к административно-правовому статусу, а какие находятся за пределами предмета административно-правового регулирования.

Проблема приобретает прикладное значение по мере расширения законодательства о мерах государственной поддержки участников специальной военной операции. Во многих случаях юридические последствия возникают вследствие реализации обособленных административных процедур: подтверждения соответствующего

статуса, принятия индивидуальных решений уполномоченными органами, межведомственного информационного взаимодействия, выдачи удостоверений, внесения сведений в государственные информационные ресурсы и проч.

Так, получение удостоверения ветерана боевых действий представляет собой результат административной деятельности уполномоченного органа, тогда как связанные с этим удостоверением меры социальной поддержки, трудовые гарантии или налоговые льготы регулируются самостоятельными нормами отраслевого законодательства. Административная процедура подтверждения факта участия в специальной военной операции может выступать необходимой предпосылкой для возникновения гражданско-правовых, социально-обеспечительных либо финансово-правовых последствий.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Исследование основано на формально-юридическом анализе федерального законодательства о правовом положении участников специальной военной операции, а также на исследовании отраслевых конструкций соответствующего статуса. Использование функционального подхода позволило проследить изменение юридического содержания категории «участник специальной военной операции» в зависимости от предмета правового регулирования, выявить признаки, позволяющие отграничить административно-правовой статус от смежных специальных правовых статусов. В работе использованы материалы судебной практики по делам, связанным с защитой прав участников специальной военной операции.

Результаты

Обращение к административно-правовому статусу участника специальной военной операции предполагает предварительное определение границ самого понятия. В административно-правовой науке категория статуса традиционно использует-

ся для характеристики положения субъекта в сфере публичного управления, в сфере деятельности публичной администрации. Так оно понимается в работах представителей отечественной административно-правовой школы [10]. Несмотря на различия авторских подходов к его внутренней структуре, общим остается понимание того, что исследуемая категория характеризует участие субъекта в публично-властных отношениях. Общим в научной литературе остается подход, согласно которому его содержание определяется совокупностью прав, обязанностей, юридических гарантий и иных элементов правового положения лица в отношениях, связанных с осуществлением публичной администрации своих властных полномочий [7].

Применительно к участникам специальной военной операции стоит отметить, что само участие в боевых действиях представляет собой юридический факт, с которым законодатель связывает возникновение широкого круга правоотношений. Их отраслевая принадлежность при этом далеко не всегда совпадает. Одни нормы регулируют предоставление мер социальной поддержки, другие определяют особенности исполнения гражданско-правовых обязательств, третьи устанавливают трудовые гарантии либо специальные правила прохождения военной службы. В научной литературе принято отмечать, что во всех случаях основанием возникновения соответствующих правоотношений выступает одно жизненное обстоятельство — участие лица в специальной военной операции [3; 5; 6]. Сами же последствия оказываются различными по своему содержанию [9].

Достаточно обратиться к действующему законодательству, чтобы увидеть отсутствие единого отраслевого содержания категории «участник специальной военной операции». Во-первых, это понятие не получает легальной дефиниции в законе. Во-вторых, с участием в специальной военной операции связывается возникновение права на меры социальной поддержки, предоставление государственных услуг, изменение порядка исполнения отдельных гражданско-правовых обязательств, реализация трудовых гарантий.

Участие в специальной военной операции представляет собой сложный юридический факт, который выступает основанием возникновения комплекса отраслевых правоотношений. В зависимости от предмета правового регулирования данный юридический факт порождает различные правовые последствия, вследствие чего административно-правовой статус участника специальной военной операции является лишь одной из форм реализации его общего правового положения.

Участие субъекта в административном пра-

воотношении само по себе еще не означает, что любое возникающее при этом субъективное право относится к административно-правовому статусу. Во многих случаях деятельность органов публичной власти лишь создает юридические предпосылки для возникновения материальных или процессуальных правоотношений.

Отметим норму статьи 8.2 Федерального закона «О государственной социальной помощи» [1], согласно которой при подаче заявления об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта участникам специальной военной операции гражданин предоставляет рекомендацию на заключение социального контракта, выдаваемую организацией, созданной на основании акта Президента Российской Федерации в целях поддержки участников специальной военной операции. Право участника специальной военной операции на заключение социального контракта относится к сфере социально-обеспечительных отношений [4; 8], хотя его реализация требует административных процедур. Возникающее материальное правоотношение сохраняет свою социально-обеспечительную природу. Следовательно, административная процедура выступает способом реализации субъективного права. Схожим образом исполнения кредитных обязательств участников специальной военной операции относятся к сфере гражданско-правового регулирования, однако реализация льгот предполагает подтверждение статуса и использование механизмов межведомственного информационного взаимодействия органов публичной администрации.

В содержание административно-правового статуса входят только те права, обязанности и гарантии, которые реализуются в административных правоотношениях, возникающих между участником СВО и субъектом публичной администрации и регулируемых нормами материального и процессуального административного права.

Решающим является иной признак — характер общественных отношений, в которых реализуется соответствующее правомочие. Если участие в специальной военной операции приобретает свое юридическое значение в рамках отношений между лицом и субъектом публичной администрации, и если эти отношения регулируются нормами материального и процессуального административного права, происходит реализация административно-правового статуса участника специальной военной операции. Предлагаемая интерпретация вопроса позволяет дифференцировать материальное содержание субъективного права и механизм его реализации.

Исходя из этого административно-правовой

статус участника специальной военной операции целесообразно понимать как правовое положение участника специальной военной операции в отношениях с субъектами публичной администрации, регулируемых нормами материального и процессуального административного права. Элементом административно-правового статуса участника специальной военной операции является не всякое субъективное право, возникающее вследствие участия в специальной военной операции, а лишь правовое положение лица в административных правоотношениях, складывающихся при реализации указанного права.

Анализ правоприменения показывает, что смешение материального и административно-процессуального аспектов правового положения участника СВО способно привести к неверной квалификации соответствующих правоотношений. Так, Верховным Судом Российской Федерации был рассмотрен административный иск ветерана боевых действий о признании недействующей части перечня технических средств реабилитации. Основанием обращения в суд послужил отказ в компенсации стоимости приобретенного эндопротеза (то есть спор возник из отношений по социальному обеспечению). Инвалид, ветеран боевых действий получил отказ в компенсации за приобретенный им эндопротез коленного сустава, поскольку соответствующая позиция была фактически исключена из федерального перечня реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду [2].

Вместе с тем разрешение дела осуществлялось в порядке административного судопроизводства, а отказ в удовлетворении требований был обусловлен исключительно административно-процессуальными обстоятельствами — неверно избранным способом судебной защиты и пропуском срока обращения в суд. Применение средств административно-процессуального механизма не повлекло изменения отраслевой природы материального правоотношения (социально-обеспечительного по своей природе), что еще раз подтверждает необходимость дифференциации административно-правового статуса участника специальной военной операции и иных отраслевых аспектов его общего правового положения.

Предложенная интерпретация административно-правового статуса участника специальной военной операции позволяет выделить критерии его отграничения от иных смежных специальных правовых статусов.

Предмет правового регулирования. В содержание административно-правового статуса входят лишь те права, обязанности и юридические га-

рантии, которые возникают в сфере публичного управления и регулируются нормами административного права.

Субъектный состав правоотношения. Административно-правовой статус реализуется исключительно во взаимодействии участника специальной военной операции с субъектом публичной администрации, осуществляющим публично-властные полномочия.

Юридическая форма реализации прав и обязанностей участника специальной военной операции. Их возникновение, изменение или прекращение опосредуются административными процедурами, принятием индивидуальных административных актов, совершением иных юридически значимых действий органов публичной администрации либо должностных лиц.

Способ защиты нарушенного права. Если спор возникает из административного правоотношения, его разрешение осуществляется посредством административных способов защиты, включая административное судопроизводство и внесудебное обжалование решений, действий (бездействия) субъектов публичной администрации.

Предлагаемая автором система критериев позволяет определить отраслевую принадлежность конкретного элемента правового положения участника специальной военной операции независимо от того, каким юридическим фактом обусловлено его возникновение. Совпадение основания возникновения различных отраслевых правоотношений не свидетельствует о тождественности их правовой природы. Решающее значение приобретает характер общественного отношения, в рамках которого реализуются соответствующие права и обязанности.

Обсуждение

Дифференциация отраслевых элементов правового статуса участника специальной военной операции осложняется тем, что один и тот же юридический факт используется законодателем как основание возникновения правоотношений различной отраслевой принадлежности. Само по себе такое законодательное решение не создает методологических трудностей. Они возникают значительно позже — при попытке определить содержание отраслевого статуса. Одно и то же субъективное право может реализовываться посредством административной процедуры, не приобретая вследствие этого административно-правовой природы.

Административная форма реализации или судебной защиты субъективного права не является достаточным основанием для включения соответствующего права в содержание административно-правового статуса участника специальной

военной операции. Представляется, что именно по этой причине содержание административно-правового статуса следует определять через административное правоотношение, а не через юридический факт участия в специальной военной операции и не через совокупность принадлежащих лицу преференций. Предлагаемая интерпретация позволяет квалифицировать отраслевую принадлежность исследуемой категории и одновременно объясняет, каким образом участие в специальной военной операции изменяет положение лица в системе отношений с публичной администрацией.

Заключение

Использование законодателем категории «участник специальной военной операции» в нормах различной отраслевой принадлежности само по себе не свидетельствует о существовании единого отраслевого правового статуса. Общность юридического факта для возникновения соответствующих правоотношений не устраняет различий в их предметном содержании.

Административно-правовой статус участника специальной военной операции представляет собой самостоятельную разновидность отраслевого правового статуса, характеризующую положение лица в отношениях с субъектами публичной администрации, регулируемых нормами материального и процессуального административного права. Предложенная система критериев позволяет квалифицировать отраслевую принадлежность отдельных элементов правового положения участника специальной военной операции и тем самым установить пределы административно-правового статуса, что полезно для дальнейшего исследования структуры административно-правового статуса участников специальной военной операции и членов их семей. Иные элементы положения участника специальной военной операции в системе юридических отношений, несмотря на общность факта их возникновения, относятся к предмету регулирования иных отраслей права и не могут включаться в содержание административно-правового статуса без утраты им своей отраслевой определенности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3699.

[2] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № АКПИ24-337 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим федерального

перечня реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 2347-р (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2014 г. № 1776-р)». Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 09.07.2026).

[3] Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Чашина Т.В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1 (54). С. 138–146.

[4] Гирфанова А.Р. Трудовая адаптация и профессиональная подготовка как направления социальной поддержки участников специальной военной операции // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 67–79.

[5] Давудов Д.А. Защита прав участников специальной военной операции и их семей // Закон и право. 2024. № 12. С. 78–84.

[6] Корякин В.М. Льготы и гарантии в сфере получения образования, установленные законодательством для участников специальной военной операции и членов их семей // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 1 (45). С. 9–15.

[7] Корякин В.М. Правовая поддержка участников специальной военной операции: теоретико-правовой аспект // Военное право. 2024. № 6 (88). С. 20–28.

[8] Мананников Д.Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 80–88.

[9] Назарова И.С., Шевченко К.В., Шеншин В.М. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки // Аграрное и земельное право. 2023. № 7 (223). С. 40–42.

[10] Решетников О.М. Административно-правовой статус субъектов права в начале нового тысячелетия // Вопросы гуманитарных наук. 2013. № 6 (69). С. 102–103.

References:

[1] Federal Law of July 17, 1999 No. 178-FZ "On State Social Assistance" (as amended by 28.11.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 29. Art. 3699.

[2] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of May 30, 2024 No. АКПИ24-337

"On refusal to satisfy the application for partially invalidating the federal list of rehabilitation measures, technical means of rehabilitation and services provided to a disabled person, approved by order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2005 No. 2347-r (as amended by order of the Government of the Russian Federation of September 10, 2014 No. 1776-r)" Access from ConsultantPlus legal system (accessed on: 09.07.2026).

[3] Bobkov V.N., Odintsova E.V., Chashchina T.V. On social guarantees of participants in a special military operation and members of their families // Social and labor research. 2024. № 1 (54). S. 138-146.

[4] Girfanova A.R. Labor adaptation and professional training as a direction of social support for participants in a special military operation // Administrative and municipal law. 2023. № 5. S. 67-79.

[5] Davudov D.A. Protection of the rights of participants in a special military operation and their families // Law and law. 2024. № 12. S. 78-84.

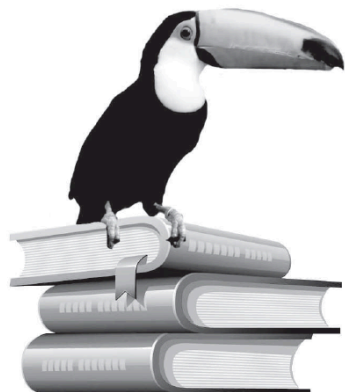
[6] Koryakin V.M. Benefits and guarantees in the field of education established by law for participants in a special military operation and members of their families // Bulletin of the MIIT Law Institute. 2024. № 1 (45). S. 9-15.

[7] Koryakin V.M. Legal support for participants in a special military operation: theoretical and legal aspect // Military law. 2024. № 6 (88). S. 20-28.

[8] Manannikov D.Yu. Social support for servicemen and family members of dead (deceased) combatants in the context of a special military operation by the Russian Federation on the territory of Ukraine // Science. Society. State. 2022. T. 10. № 2 (38). S. 80-88.

[9] Nazarova I.S., Shevchenko K.V., Shenshin V.M. On an integrated approach to the legal regulation of issues of providing participants in a special military operation with state support measures // Agrarian and land law. 2023. № 7 (223). S. 40-42.

[10] Reshetnikov O.M. Administrative and legal status of subjects of law at the beginning of the new millennium // Issues of the humanities. 2013. № 6 (69). S. 102-103.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-384-390

Дата принятия рукописи в печать: 20.08.2026 г.

ЛАТТЕГАН Кирилл Олегович,
аспирант 3 курса, кафедра гражданского и
предпринимательского права, Российская государственная
академия интеллектуальной собственности (РГАИС),
ORCID 0009-0004-9693-1797,
e-mail: Kirill.lattegan@yandex.ru

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ АВТОРОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЭПОХУ ТЕХНОФЕОДАЛИЗМА

Аннотация. В настоящей статье автором исследуется понятие технофеодализма как нового типа социально-экономических отношений и его влияние на правовое положение автора. В статье представлены результаты анализа по установлению характера влияния таких проявлений технофеодализма, как рекомендательные алгоритмы и цифровые платформы, на коммерциализацию исключительных прав авторов произведений. Автором анализируются причины проблем, препятствующих такой коммерциализации в условиях технофеодализма, обзревается отечественные и зарубежные точки зрения в рамках заданной дискуссии, а также приводятся практические примеры проявлений технофеодализма как в России, так и в других странах. Новизна настоящего исследования выражается в комплексном рассмотрении правового положения автора и коммерциализации исключительного права на произведения в условиях технофеодализма. В завершении статьи автором предлагаются возможные направления по решению обозначенных проблем.

Ключевые слова: технофеодализм; рекомендательные алгоритмы; цифровые платформы; коммерциализация исключительного права; коммерциализация; исключительное право; автор; произведение; интеллектуальная собственность.

LATTEGAN Kirill Olegovich,
Postgraduate student Departments of Civil and Business Law
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)

COMMERCIALIZATION OF THE EXCLUSIVE RIGHTS OF AUTHORS OF WORKS IN THE ERA OF TECHNOFEUDALISM

Annotation. In this article, the author explores the concept of technofeudalism as a new type of socio-economic relations and its impact on the legal status of the author. The article presents the results of an analysis to determine the nature of the impact of such manifestations of technofeudalism as recommendation algorithms and digital platforms on the commercialization of the exclusive rights of authors of works. The author analyzes the causes of the problems preventing such commercialization in the context of technofeudalism, examines domestic and foreign points of view within the framework of the given discussion, and provides practical examples of manifestations of technofeudalism both in Russia and in other countries. The novelty of this research is expressed in a comprehensive consideration of the legal status of the author and the commercialization of the exclusive right to works in the context of technofeudalism. At the end of the article, the author suggests possible ways to solve these problems.

Key words: technofeudalism; recommendation algorithms; digital platforms; commercialization of exclusive right; commercialization; exclusive right; author; work; intellectual property.

Научно-технический прогресс с каждым днем все стремительнее меняет жизнь человечества. Искусственный интеллект стал незаменимым помощником человека во множестве сфер, в том числе в сфере творчества, а цифровые платформы дают шанс авторам довести свои произведения до многомиллионной аудитории. При этом следует отметить, что научно-технический прогресс не способствует усилению позиции авторов. Напротив, с развитием технологий характер взаимоотношений между автором и крупными участниками рынка меняется таким образом, что позиция последних все больше усиливается ввиду их обладания самыми важными ресурсами современности – информацией, персональными данными, доступом к таким технологиям, как рекомендательные алгоритмы, и, как итог, обладанием цифровыми экономическими пространствами. Такой тип социально-экономических отношений, при которых главной целью крупных компаний является получение прибыли не от производства товаров, а от контроля над экономическим пространством, где эти товары обращаются, называется технофеодализмом. Данный термин был введен Янисом Варуфакисом – профессором экономики Афинского и Техасского университетов, бывшим министром финансов Греции.

По мнению Я. Варуфакиса, доминирующим фактором производства при технофеодализме является облачный капитал, который представляет собой «совокупность объединенных в сеть компьютеров, программного обеспечения, алгоритмов на основе искусственного интеллекта и коммуникационного оборудования, обеспечивающих доступ в любой точке планеты и выполняющих широкий спектр новых и старых задач» [1, с. 273]. К числу таких задач экономист относит:

1) стимулирование к созданию контента и обогащению облачного капитала миллиардами людей на бесплатной основе (путем загрузки своих видеороликов в TikTok или YouTube, написания комментариев к фото, отзывов к фильмам на стриминговых платформах и т.д.);

2) рекомендация развлекательного контента в соответствии с интересами пользователей;

3) использование искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных для организации труда работников и автоматизация производства (посредством автоматизированных производственных линий, беспилотных автомобилей и грузовиков).

Посредством алгоритмов облачного капитала продавцы и покупатели находят друг друга в пределах цифровой торговой платформы – облачного феода, – которая принадлежит некой крупной технологической организации. В результате взаимодействия продавцов и покупателей на таких

облачных феодах владелец платформы получает прибыль в виде облачной ренты – платежа, взимаемого с продавцов за доступ к облачному феоде. Автор проводит прямую параллель такой схемы с классическими феодалами, которые ничего не производили на своем земельном участке, но получали ренту за доступ к нему.

Однако существует мнение, что такое описание современных отношений в цифровом пространстве некорректно. Так, А.Л. Кравченко считает, что уместнее говорить «об обновленном империализме, открывающем для себя новые рынки за счет экспансии цифрового пространства», в то время как «элементы феодальных отношений всегда были характерны для разных уголков мир-системы» [2, с. 18].

Действительно, до создания цифровых платформ (от электронной коммерции до стриминг-сервисов) нечто похожее наблюдалось на примере торговых центров: сам по себе владелец торгового центра не производит товары, но взимает арендную плату с тех, кто торгует на его площади. Но при этом необходимо учитывать следующее. В случае с торговыми центрами у потенциального арендатора, как правило, есть выбор среди множества подобных центров, поскольку они конкурируют между собой на одном и том же рынке по рыночным правилам. В то же время, например, у автора программы для мобильного телефона такого выбора фактически нет: такие «торговые центры», как GooglePlay и AppStore между собой де-факто не конкурируют – пользователь, обладающий смартфоном с операционной системой Android, не сможет скачать приложение, размещенное только в AppStore. Фактически рынки данных онлайн-магазинов мобильных приложений изолированы друг от друга, в результате чего автор программы вынужден загружать свое приложение в оба магазина, платить обеим корпорациям за возможность его размещения на платформе и заниматься продвижением своего приложения как в AppStore, так и в GooglePlay.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении других площадок. Я. Варуфакис наглядно рассуждает о проблеме изоляции цифровых платформ следующим образом: «успех TikTok в переманивании внимания пользователей других социальных сетей обусловлен не более низкими ценами, которые он предлагает, или более высоким качеством «социальных связей» или ассоциаций, которые он обеспечивает. TikTok создал новый облачный феоде для [пользователей], которые ищут другой онлайн-опыт. Disney Plus не предлагает зрителям те же фильмы и сериалы, что и Netflix, но по более низким ценам или в форматах с более высоким разрешением, – он предлагает фильмы и

сериалы, недоступные на Netflix. Walmart не сбил цены на товары на Amazon и не улучшал качество своих товаров – он использовал собственную базу данных, чтобы привлечь больше пользователей в свой недавно созданный облачный феод» [1, с. 157].

Подобная практика постепенно складывается и в России – онлайн-кинотеатры нередко заключают договоры эксклюзивного сотрудничества с компаниями-производителями фильмов [3; 4]. В результате маркетинговая кампания онлайн-кинотеатров строится, в том числе, на лозунгах по типу «Снято специально для Кинопоиска» [5] или «Оригинальные проекты ОККО» [6] и т.п. Следует отметить, что такая стратегия является успешной лишь отчасти, поскольку такие эксклюзивы нередко способствуют распространению пиратства, так как потребители не могут оплачивать множество подписок одновременно [7].

Помимо рассмотренной изоляции платформ, следует отметить и иное отличие технофеодализма от классического капитализма. Для наглядности продолжим сравнение с торговыми центрами: чтобы войти на рынок и открыть свой торговый центр, предпринимателю, как правило, нужно преодолеть административный и финансовый барьеры. Первый преодолевается путем получения необходимых разрешений от представителей власти, второй может быть разрешен путем привлечения заемных средств (кредиты, займы, инвестиции и проч.). В случае со входом на цифровой платформенный рынок все становится куда сложнее: независимому предпринимателю практически невозможно создать свою платформу, на которой авторы могли бы коммерциализировать исключительное право на произведения. Для примера обратимся к российскому рынку онлайн-кинотеатров: на данный момент единственным крупным независимым субъектом на рынке является «Иви», тогда как все остальные онлайн-кинотеатры входят в ту или иную экосистему. Случай с «Иви» – исключение, подтверждающее правило; впрочем, не исключено, что и этот сервис будет поглощен более крупным субъектом рынка [8].

Исследователь В.С. Сопина считает причинами высоких барьеров для входа следующее: «потребитель настолько глубоко привязался к компании через услуги вертикалей ее экосистемы, что перейти к компании-конкуренту становится дорого из-за возрастающих транзакционных издержек. Это создает барьеры для входа на рынок новым компаниям. Поэтому в условиях цифровизации значимым условием конкурентоспособности компании становится способность захватить и удерживать внимание потребителя» [9, с. 9]. Поставленную задачу по захвату и удержания

внимания потребителя корпорации решают путем рекомендательных алгоритмов, речь о которых пойдет далее.

Поскольку такие алгоритмы создаются и функционируют на основе огромного массива персональных данных пользователей, то создать алгоритм и внедрить его в свою платформу проще всего тем, у кого уже есть такие данные – как правило, ими и оказываются создатели экосистем: IT-гиганты (Яндекс), крупнейшие банки (Сбер), федеральные операторы сотовой связи (МТС) и так далее. В отличие от финансового барьера, который можно преодолеть путем привлечения денежных средств извне, барьер с накоплением персональных данных для поддержки работы рекомендательного алгоритма представляется практически непреодолимым для подавляющего большинства участников рынка (если исключить нелегальные способы такого преодоления). Ввиду выше изложенного конкуренция между цифровыми платформами либо фактически отсутствует, либо представляется сильно ограниченной; как следствие, у авторов, решивших коммерциализировать свои права в Интернете, остается крайне ограниченный круг возможных опций для получения дохода от своего творчества.

Я. Варуфакис также приходит к выводу о том, что электронные платформы изолированы друг от друга и не могут рассматриваться как рынки по причине работы рекомендательных алгоритмов, которые функционируют на каждой такой платформе. По словам исследователя, «алгоритм наделяется концентрированной властью сводить между собой покупателей и продавцов», в результате чего облачные феоды характеризуются наличием централизации, «достигаемой способностью алгоритма к сопоставлению и определению полного набора информации для каждого покупателя каждого продавца» [1, с. 277].

Ввиду всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что изоляция цифровых площадок друг от друга, а также монополизация или олигополизация рынка ввиду высоких барьеров для входа являются существенным препятствием для осуществления авторами коммерциализации исключительных прав на свои произведения в цифровом пространстве. И поскольку причинами обозначенных проблем выступают рекомендательные алгоритмы, то для усиления позиции авторов в условиях технофеодализма необходимо исследовать указанную причину и установить возможные пути решения проблемы.

Рекомендательные алгоритмы (их также называют рекомендательными системами) представляют собой системы, позволяющие фильтровать информацию таким образом, чтобы пользо-

ватель таких систем получал рекомендации, контент или услуги на основе его интересов [10]. Сведения о таких интересах вносятся в систему самим пользователем либо формируются системой на основании истории взаимодействия пользователя с той или иной платформой, где задействован рекомендательный алгоритм [11, с. 77]. С помощью системы рекомендаций пользователи могут быстро находить видео, фильмы, музыку, книги, игры и прочие развлечения и услуги, которые с большей долей вероятности им понравятся.

Исследователями выделяются три основных (наиболее распространенных) модели рекомендательных алгоритмов:

1) контентная модель. Принцип действия алгоритма основан на оценках того или иного контента самим пользователем;

2) коллаборативная модель. Алгоритмы данной модели анализируют поведение отдельных групп людей по различным признакам (например, пол, возраст, предпочитаемый жанр фильмов или музыки). Рекомендательные системы составляют «общий портрет» интересов той или иной социальной группы и формируют общие рекомендации для членов данной группы в форме «понравилось пользователям, похожим на вас»;

3) гибридная модель. Данная модель объединяет в себе элементы предыдущих двух видов, позволяя тем самым компенсировать их недостатки и возможные ошибки, делая рекомендации более точными [11, с. 78].

Также встречаются модели, которые учитывают контекст: время, местоположение, социальные связи пользователя, а также модели, основанные на знаниях специалистов в узких областях, используемых, к примеру, в сферах продаж недвижимости, автомобилей, предметов роскоши [12, с. 143].

Алгоритмы могут помогать авторам коммерциализировать свои права на произведения. Так, Д.А. Цыбрик считает, что «рекомендательные системы <...> оказывают положительное влияние на культурные тренды, помогая пользователям открывать новый контент и поддерживая культурное разнообразие» [13, с. 382], приводя в пример платформу Goodread, которая рекомендует пользователю новых авторов, а также YouTube, который помогает независимым блогерам в продвижении их контента. Однако автором подчеркивается, что зачастую платформы формируют так называемый «информационный пузырь», в котором пребывает пользователь. Исследователь приводит следующие примеры: в сервисе Spotify любителю жанра поп-музыки не будут предложены песни другого жанра; верящий в теорию плоской Земли зритель не будет получать рекомендации о просмотре на-

учных роликов об астрономии на YouTube; Google подстроит результаты поиска под историю запросов пользователя таким образом, чтобы подтвердить его убеждения [13, с. 382] и так далее.

Однако проблема состоит не в наличии таких «пузырей» самом по себе, ведь основная задача рекомендательных алгоритмов – предлагать пользователю те произведения, которые ему (предположительно, по прогнозам самого алгоритма) могут понравиться; иной механизм работы нарушил бы саму суть рекомендательной системы. Проблема состоит в том, что в условиях повсеместной «алгоритмизации» новому автору трудно заявить о себе на крупной популярной платформе, поскольку для того, чтобы алгоритмы продвигали его произведение, оно должно попасть в один из таких «информационных пузырей», а для этого произведению нужно обладать хотя бы минимальной популярностью. Данная проблема усугубляется тем, что алгоритмы способствуют популяризации того контента, который уже популярен среди пользователей. Описываемое явление называется «эффектом Матфея», который именуется таким образом по цитате из Притчи о талантах в Евангелии от Матфея: «ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29) [14].

Некоторые исследователи, отмечают, что благодаря такому эффекту, алгоритмы делают «богатых еще богаче», что негативно отражается на доходах авторов малоизвестных произведений. Например Р. Унгру пишет следующее: «уже популярные исполнители еще больше укрепляют свою популярность, в то время как менее известные артисты не получают должного внимания, несмотря на то, что их контент не уступает по качеству» [15, с. 2], что в свою очередь «приводит к ощутимым последствиям, в том числе к снижению финансовой выгоды и внимания СМИ к таким исполнителям» [15, с. 2].

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все рекомендательные системы работают исключительно по принципу приоритета популярности. В некоторых исследованиях подчеркивается, что, например, большинство музыкальных рекомендательных систем хоть и используют указанный принцип, однако не основываются исключительно на нем [16, с. 25]; кроме того, разработчики таких систем активно разрабатывают технические средства преодоления обозначенной проблемы [16, с. 27-28].

Проблема оказывается еще глубже, если вспомнить, что любая алгоритмическая рекомендательная система работает на основе персональных данных пользователя. Если потребитель хочет получать любимый контент в разделе реко-

мендаций, то у него нет иного выбора, кроме как предоставить разрешение на сбор данных о себе, своей сетевой активности, цифровом следе и так далее. Я. Варуфакис отмечает власть алгоритмов «предсказывать наше поведение, направлять наши предпочтения, влиять на наши решения, менять наше мнение» [1, с. 97]. Автор на примере голосового помощника Amazon Alexa объясняет, как алгоритмы могут не только подбирать тот контент, который действительно нравится пользователю (о чем пользователь напрямую сообщил алгоритму ранее), но и постепенно корректировать его вкусы и предпочтения. Это происходит по «спирали»:

1) сначала мы обучаем Alexa показывать то, что нам нужно, предоставив ему информацию о наших привычках и желаниях;

2) затем Alexa «начинает обучать нас лучше ее обучать»: она просит предоставить больше информации о наших предпочтениях для более качественной и точной работы рекомендательных алгоритмов;

3) после того, как Alexa удовлетворяет запросы потребителя и предоставляет те видео, музыку и тексты, которые нравятся пользователю, система показывает, «помимо запрошенных, изображения, тексты и видео, которые она выбирает, чтобы деликатно скорректировать наши вкусы. Вскоре она начинает нас обучать ее обучать нас обучать ее обучать нас... *ad infinitum* [до бесконечности – прим. авт.]» [1, с. 81-82].

В результате данного бесконечного цикла у владельца алгоритмической системы появляется возможность по продвижению того контента, который сам владелец посчитает нужным продвигать среди неограниченного числа пользователей. Более того, по мнению Я. Варуфакиса, корпорации постепенно накапливают такой массив персональных данных о пользователях, что начинают знать, что нравится потребителям, лучше их самих: «Twitter помнит каждую короткую фразу, которая привлекла ваше внимание, каждое мнение, с которым вы согласились, которое привело вас в ярость, на котором вы лениво задержались, прежде чем пролистнуть дальше. Apple и Google лучше вас знают, что вы смотрите, читаете, покупаете, с кем встречаетесь, когда и где. Spotify владеет более полным профилем ваших музыкальных предпочтений, чем тот, что хранится в вашей сознательной памяти» [1, с. 90].

Логично предположить, что авторам для понимания того, как именно следует продвигать свой контент на той или иной платформе, нужно изучить «правила игры», то есть достичь базового понимания того, как именно работают рекомендательные алгоритмы на той платформе, на которой они намерены коммерциализировать свои исклю-

чительные права. А учитывая, что авторы вынуждены размещать свой контент сразу на нескольких платформах (как было установлено ранее в настоящем исследовании), задача становится сложнее в несколько раз. Однако в этот момент обнаруживается главная проблема – принцип работы рекомендательных алгоритмов скрыт корпорациями. Каждый владелец облачного капитала оберегает принципы работы своей рекомендательной системы как коммерческую тайну или секрет производства [17]. В результате алгоритм становится «черным ящиком», поскольку единственная часть его работы, которая доступна внешнему наблюдателю (будь то автор контента, потребитель или аудитор), – это результат, который рекомендательная система выдает в ответ на запрос пользователя [18, с. 214].

В связи с этим часть исследователей призывает к прозрачности рекомендательных алгоритмов, поскольку те «могут быть предвзятыми и отдавать предпочтение определенным заинтересованным сторонам или, наоборот, ставить их в невыгодное положение. Прозрачность позволяет выявить эти предубеждения и другие формы потенциальной несправедливости» [19, с. 1]. В это же время другая часть исследователей справедливо отмечает, что раскрытие принципов работы алгоритмов – вряд ли достижимая и реальная цель, поскольку «программное обеспечение, алгоритмы и данные, используемые в рекомендательных системах, считаются активом с высокой добавленной стоимостью, необходимым для сохранения позиций организации на конкурентном рынке» [12, с. 152]. Из этого следует, что раскрытие корпорациями, имеющими рекомендательные алгоритмы, своих секретов – крайне утопичная идея, поскольку она имеет смысл только при условии, что ее реализуют корпорации по всему миру примерно в одно и то же время; частичное же раскрытие (например, только европейскими корпорациями) приведет к снижению конкурентоспособности корпораций из соответствующего региона на международном рынке, что не отвечает ни частным, ни публичным интересам.

Таким образом, причинами проблемы коммерциализации исключительных прав авторов произведений в цифровом пространстве являются:

социально-экономическое неравенство сторон в отношениях между автором и корпорацией-владельцем цифровой платформы;

фактическое отсутствие либо сведение к минимуму конкуренции между такими корпорациями ввиду высоких барьеров для создания цифровых платформ;

а также непрозрачный принцип работы реко-

мендательных алгоритмов на таких платформах.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация требует переосмысления правового положения автора в отношениях с владельцами цифровых платформ и установления дополнительных мер защиты интересов автора как слабой стороны таких отношений. Решение исследуемой проблемы заключается в сглаживании неравенства и усилении позиций авторов, однако не может сводиться к радикальному ограничению корпораций в их праве на обладание секретами производства и требует глубокого исследования тематики. Помимо этого, следует учитывать, что меры поддержки авторов должны носить глобальный, а не национальный или региональный характер, поскольку только при глобальном масштабе такие меры достигнут максимальной эффективности. Наиболее целесообразным представляется установление мер поддержки автора на уровне международных соглашений, в том числе находящихся в ведении Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Список литературы:

- [1] Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм / Я. Варуфакис; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. – 304 с.
- [2] Кравченко А.Л. К вопросу о «технофеодализме» // Вестник государственного университета Дубна. Серия: науки о человеке и обществе. 2024. № 4. С. 13-21.
- [3] Истомина М. «Среда» будет снимать сериалы только для ivi // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/06/08/873293-sreda-seriali> (дата обращения: 12.04.2026).
- [4] Романова Т. Окко и продюсерская компания «Среда» договорились о производстве сериалов // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/21/sr/> (дата обращения: 12.04.2026).
- [5] Снято специально для Кинопоиска // Онлайн-кинотеатр «Кинопоиск». URL: https://hd.kinopoisk.ru/selection/456?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.04.2026).
- [6] Оригинальные проекты ОККО // Онлайн-кинотеатр «ОККО». URL: https://okko.tv/collection/okko_originals_rail (дата обращения: 12.04.2026).
- [7] Alexander J. Netflix, HBO's exclusive shows leading to more piracy, study finds // Polygon. URL: <https://www.polygon.com/2018/10/3/17931926/streaming-exclusive-piracy-netflix-disney-hbo-game-of-thrones/> (дата обращения: 12.04.2026).
- [8] Худаева Е., Романова Т. РБК узнал о возможном создании онлайн-кинотеатра от Wildberries // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/552295-rbk-uznal-o-vozmozhnom-sozdanii-onlajn-kinoteatra-ot-wildberries> (дата обращения: 12.04.2026).

onlajn-kinoteatra-ot-wildberries (дата обращения: 12.04.2026).

- [9] Сопина Н.В. Проблемы монополизации деятельности цифровых платформ и экосистем // Известия СПбГЭУ. 2025. № 2 (152). С. 7-12.
- [10] Mazeh I., Shmueli E. A personal data store approach for recommender systems: enhancing privacy without sacrificing accuracy // Expert Systems with Applications. 2020. Vol. 139, article 112858.
- [11] Астафьева С.В., Полякова И.Н. Рекомендательная система подбора музыкальных композиций // International Journal of Open Information Technologies. 2023. № 7. С. 77-85.
- [12] Magrani E., da Silva P.G.F. The ethical and legal challenges of recommender systems driven by artificial intelligence // Multidisciplinary perspectives on artificial intelligence and the law. Law, governance and technology series. 2024. P. 141-168.
- [13] Цыбрик Д.А. Как рекомендательные алгоритмы влияют на общественное мнение и культурные тренды // Практическая философия: состояние и перспективы. Сборник материалов VIII Международной научной конференции. 2025. С. 380-383.
- [14] Евангелие от Матфея // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/mf/25> (дата обращения: 12.04.2026).
- [15] Ungruh R. Mitigating popularity bias in music recommender systems: effects on fair exposure, user perception, and motivation for exploration : master's thesis. Utrecht University. 2023. – 187 p.
- [16] Hesmondhalgh D., Valverde R.C., Kaye D.B.V., Li Z. The impact of algorithmically driven recommendation systems on music consumption and production: a literature review // UK Centre for Data Ethics and Innovation Reports. 2023. – 55 p.
- [17] Mostert F., Urbelis A. Social media platforms must abandon algorithmic secrecy // Financial times. URL: <https://www.ft.com/content/39d69f80-5266-4e22-965f-efbc19d2e776> (дата обращения: 12.04.2026).
- [18] Paraschakis D. Towards an Ethical Recommendation Framework // 11th international conference on research challenges in information science (RCIS). 2017. P. 211-220.
- [19] Dormandy K., Rodriguez-R L.M., Court S., Jatowt A., König-Kersting C, Kupfer A., Piater J., Rauchegeger C. Maximal Transparency for Online Recommender Systems // Philosophy & Technology. 2026. Vol. 39, article 71. P. 1-30.

References:

- [1] Varoufakis, J. Technofeudalism: What Killed Capitalism / J. Varoufakis; trans. from English. –

Moscow: Ad Marginem Press, 2025. – 304 p.

[2] Kravchenko, A.L. On the Issue of "Technofeudalism" // Bulletin of Dubna State University. Series: Sciences of Man and Society. 2024. No. 4. pp. 13-21.

[3] Istomina, M. "Sreda" will film series only for ivi // Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/06/08/873293-sreda-seriali> (accessed: 12.04.2026).

[4] Romanova, T. Okko and the production company Sreda have agreed to produce TV series // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/21/srl/> (accessed on April 12, 2026).

[5] Filmed especially for Kinopoisk // Kinopoisk online cinema. URL: https://hd.kinopoisk.ru/selection/456?utm_referrer=yandex.ru (accessed on April 12, 2026).

[6] OKKO original projects // OKKO online cinema. URL: https://okko.tv/collection/okko_originals_rail (accessed on April 12, 2026).

[7] Alexander, J. Netflix, HBO's exclusive shows leading to more piracy, study finds // Polygon. URL: <https://www.polygon.com/2018/10/3/17931926/streaming-exclusive-piracy-netflix-disney-hbo-game-of-thrones/> (accessed: 12.04.2026).

[8] Khudaeva E., Romanova T. RBC learned about the possible creation of an online cinema from Wildberries // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/552295-rbk-uznal-o-vozmozhnom-sozdanii-onlajn-kinoteatra-ot-wildberries> (accessed: 12.04.2026).

[9] Sopina N.V. Problems of monopolization of the activities of digital platforms and ecosystems // Izvestiya SPbGEU. 2025. No. 2 (152). pp. 7-12.

[10] Mazeh I., Shmueli E. A personal data store approach for recommender systems: enhancing privacy without sacrificing accuracy // Expert Systems with Applications. 2020. Vol. 139, article 112858.

[11] Astafieva S.V., Polyakova I.N. A

recommender system for selecting musical compositions // International Journal of Open Information Technologies. 2023. No. 7. pp. 77-85.

[12] Magrani E., da Silva P.G.F. The ethical and legal challenges of recommender systems driven by artificial intelligence // Multidisciplinary perspectives on artificial intelligence and the law. Law, governance and technology series. 2024. pp. 141-168.

[13] Tsybrik D.A. How recommender algorithms influence public opinion and cultural trends // Practical Philosophy: Status and Prospects. Collection of materials of the VIII International scientific conference. 2025. Pp. 380-383.

[14] The Gospel of Matthew // Official website of the Russian Orthodox Church. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/mf/25> (date accessed: 12.04.2026).

[15] Ungruh R. Mitigating popularity bias in music recommender systems: effects on fair exposure, user perception, and motivation for exploration : master's thesis. Utrecht University. 2023. – 187 p.

[16] Hesmondhalgh D., Valverde R.C., Kaye D.B.V., Li Z. The impact of algorithmically driven recommendation systems on music consumption and production: a literature review // UK Centre for Data Ethics and Innovation Reports. 2023. – 55 p.

[17] Mostert F., Urbel A. Social media platforms must abandon algorithmic secrecy // Financial times. URL: <https://www.ft.com/content/39d69f80-5266-4e22-965f-efbc19d2e776> (access date: 04/12/2026).

[18] Paraschakis D. Towards an Ethical Recommendation Framework // 11th international conference on research challenges in information science (RCIS). 2017. P. 211-220.

[19] Dormandy K., Rodriguez-R L.M., Court S., Jatowt A., König-Kersting C., Kupfer A., Piater J., Rauchegger C. Maximal Transparency for Online Recommender Systems // Philosophy & Technology. 2026. Vol. 39, article 71. P. 1-30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-391-396

ГАЛУШИН Дмитрий Александрович,
Адвокатский кабинет Залевского С.А., Москва,
Российская Федерация,
e-mail: dmitry.galushin@zalevsky.ru

МЕХАНИЗМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИРОТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ 1244.2 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового механизма использования сиротских произведений, введенного Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ посредством дополнения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации статьями 1244.2, 1280.1 и 1306.1. Рассматриваются предпосылки формирования нового правового регулирования, особенности законодательной модели использования произведений, правообладатели которых не могут быть установлены, а также анализируются отдельные проблемы реализации предусмотренного законом механизма. Особое внимание уделено вопросам правового положения последующих претендентов на получение простой (неисключительной) лицензии, а также последствиям установления личности правообладателя после признания произведения сиротским. На основе анализа действующего законодательства и научной литературы сформулированы предложения по совершенствованию статьи 1244.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленные на повышение правовой определенности и обеспечение баланса интересов правообладателей, пользователей и общества.

Ключевые слова: сиротские произведения; объекты авторского права; интеллектуальная собственность; исключительное право; неизвестный правообладатель; коллективное управление правами; простая (неисключительная) лицензия; статья 1244.2 ГК РФ; гражданское законодательство; авторское право.

GALUSHIN Dmitry Alexandrovich,
Lawyer's office of S.A. Zalevsky, Moscow, Russian Federation

THE LEGAL MECHANISM FOR THE USE OF ORPHAN WORKS IN RUSSIAN LAW: ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF ARTICLE 1244.2 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the legal framework governing the use of orphan works introduced by Federal Law No. 190-FZ of 22 July 2024 through the incorporation of Articles 1244.2, 1280.1 and 1306.1 into Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. The study analyzes the prerequisites for the adoption of this legislative mechanism, the legal model for the use of works whose right holders cannot be identified, and the practical issues arising from the implementation of the new regulation. Particular attention is paid to the legal status of subsequent applicants seeking a non-exclusive license and to the legal consequences of identifying the author or other right holder after a work has been recognized as an orphan work. Based on an analysis of current legislation and legal scholarship, the author proposes measures aimed at improving Article 1244.2 of the Civil Code of the Russian Federation in order to enhance legal certainty and ensure a proper balance between the interests of right holders, users, and society.

Key words: orphan works; copyright; intellectual property; exclusive rights; unknown right holder; collective rights management; non-exclusive license; Article 1244.2 of the Civil Code of the Russian Federation; civil legislation; copyright law.

Цифровая трансформация общественных отношений, развитие информационных технологий и масштабная оцифровка библиотечных, архивных и музейных фондов обусловили существенное увеличение количества объектов авторских и смежных прав, использование которых оказывается невозможным вследствие отсутствия сведений об их правообладателях. Несмотря на сохранение правовой охраны таких произведений, невозможность установить автора либо иного правообладателя фактически исключает их из гражданского оборота, препятствуя реализации культурных, образовательных, научных и иных общественно значимых проектов.

В зарубежной и российской доктрине подобные объекты традиционно обозначаются термином «сиротские произведения» или «орфанные произведения» [3]. Их отличительной особенностью является невозможность установить правообладателя или определить его местонахождение после принятия разумных и достаточных мер по его поиску. Вследствие этого оказывается невозможным применение общего договорного механизма предоставления права использования произведения, основанного на получении согласия правообладателя.

До внесения в 2024 году изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации отечественное законодательство не содержало специального правового механизма использования сиротских произведений, что неоднократно становилось предметом научной дискуссии.

Необходимость законодательного урегулирования вопросов использования сиротских произведений обсуждалась в отечественной юридической литературе задолго до принятия Федерального закона № 190-ФЗ. Особую актуальность данная проблема приобрела в условиях активного развития цифровой среды [4], в которой значительное количество произведений распространяется без сведений, позволяющих идентифицировать правообладателя или установить с ним связь [5]. В результате существенная часть объектов авторского права фактически оказывается недоступной для правомерного использования, несмотря на сохранение их правовой охраны. По экспертным оценкам, применительно к произведениям, созданным в России в XX веке, доля таких объектов может достигать трех четвертей от общего числа опубликованных произведений [6].

Сложившаяся ситуация существенно ограничивала возможности легального использования значительного количества произведений, имеющих культурную, историческую и научную ценность, поскольку даже добросовестный пользова-

тель был лишен возможности получить разрешение на их использование при объективной невозможности установить правообладателя.

Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации были введены статьи 1280.1, 1306.1 и 1244.2, сформировавшие специальный механизм использования произведений и объектов смежных прав, авторы или иные правообладатели которых предполагаются неизвестными [2]. Впервые в российском праве была закреплена комплексная процедура, включающая обязательный предварительный поиск правообладателя, рассмотрение материалов аккредитованной организацией по коллективному управлению правами, ведение специального реестра и предоставление пользователю простой (неисключительной) лицензии при соблюдении установленных законом условий.

Вместе с тем принятие указанных законодательных изменений не устранило всех проблем правового регулирования рассматриваемого института. Анализ положений статьи 1244.2 ГК РФ и подзаконного регулирования свидетельствует о сохранении существенной правовой неопределенности относительно критериев достаточности поиска правообладателя, правовой природы предоставляемой лицензии, распределения рисков между участниками правоотношений, а также особенностей использования сиротских произведений в условиях массовой цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего научного осмысления нового механизма и оценки его эффективности с точки зрения обеспечения баланса интересов правообладателей, пользователей и общества.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовой природы института использования сиротских произведений, выявлении проблем реализации положений статьи 1244.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства.

В российском законодательстве легальное определение понятия «сиротское произведение» отсутствует. Вместе с тем анализ положений статей 1244.2, 1280.1 и 1306.1 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод, что законодатель связывает возможность применения специального механизма использования произведения с отсутствием реальной возможности установления правообладателя такого произведения после принятия предусмотренных законом мер по его поиску. Следовательно, определяющим признаком сиротского произведения является не отсутствие исключительного права, а

невозможность реализации общего порядка распоряжения им вследствие отсутствия сведений о лице, уполномоченном предоставить согласие на использование соответствующего объекта.

Большинство исследователей рассматривают сиротские произведения как категорию, характеризующуюся сохранением правовой охраны при невозможности идентификации правообладателя. При этом внимание исследователей сосредоточено преимущественно на поиске оптимального баланса между обеспечением интересов общества в доступе к культурному наследию и сохранением гарантий охраны исключительных прав авторов и иных правообладателей.

Необходимость нормативного закрепления специального порядка использования сиротских произведений обусловлена объективными особенностями современного гражданского оборота. Отсутствие сведений о правообладателе не прерывает действие исключительного права и не предоставляет пользователю возможности свободного использования произведения. Напротив, до вступления в силу Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ подобная правовая неопределенность фактически исключала возможность правомерного использования значительного количества произведений, поскольку заключение лицензионного договора при отсутствии установленного правообладателя являлось объективно невозможным.

Введение статьи 1244.2 ГК РФ стало первой попыткой законодателя сформировать специальный правовой механизм преодоления указанной проблемы. Вместе с тем содержание новой нормы свидетельствует о том, что законодатель не столько вводит самостоятельный объект правового регулирования, сколько устанавливает особый порядок реализации исключительного права в ситуации, когда его обладатель не может быть установлен. Следовательно, ключевое значение для правоприменительной практики приобретает не определение понятия сиротского произведения как такового, а оценка эффективности предусмотренного законом механизма его использования.

Таким образом, сиротские произведения представляют собой особую категорию объектов авторского права, правовая охрана которых сохраняется в полном объеме, однако реализация исключительного права в отношении них объективно затруднена невозможностью установления автора либо иного правообладателя. Именно данное обстоятельство обусловило необходимость законодательного закрепления специального механизма их использования, который требует дальнейшего анализа с точки зрения его правовой природы и эффективности практической реализации.

Введение в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации статьи 1244.2 стало закономерным этапом развития отечественного законодательства в сфере интеллектуальной собственности, обусловленным необходимостью преодоления правовой неопределенности, связанной с использованием сиротских произведений.

В отличие от ряда зарубежных правовых порядков, российский законодатель не пошел по пути расширения перечня случаев свободного использования произведений. Анализ положений статей 1244.2, 1280.1 и 1306.1 ГК РФ свидетельствует о том, что был избран иной подход, основанный на сохранении исключительного права за неизвестным правообладателем и создании специальной процедуры, обеспечивающей возможность использования произведения при соблюдении установленных законом условий. Тем самым законодатель стремился обеспечить баланс между интересами потенциального правообладателя, сохраняющего возможность последующего осуществления своих прав, и интересами пользователей, нуждающихся в легальном механизме использования произведений.

Предусмотренный статьей 1244.2 ГК РФ механизм не сводится исключительно к выдаче лицензии аккредитованной организацией. Возможность использования сиротского произведения возникает лишь при последовательном совершении ряда взаимосвязанных юридически значимых действий, включающих принятие заявителем мер по поиску правообладателя, проверку представленных материалов аккредитованной организацией, проведение публичного поиска, принятие решения о признании правообладателя неизвестным и последующее предоставление простой (неисключительной) лицензии. Именно совокупность указанных действий образует единый правовой механизм использования сиротских произведений [1].

Следует отметить, что значительная часть процедурных требований получила развитие на подзаконном уровне. Так, Приказом Минкультуры России от 26 ноября 2024 г. № 2340 определены перечень мероприятий по поиску правообладателя, требования к заявлению пользователя, порядок рассмотрения материалов аккредитованной организацией, а также правила опубликования сведений о проводимом поиске. Таким образом, практическая реализация статьи 1244.2 ГК РФ во многом поставлена в зависимость от соблюдения детально регламентированных административных процедур.

Представляется, что избранная законодателем модель в целом направлена на обеспечение

надлежащей защиты интересов потенциального правообладателя и минимизацию случаев неправомерного использования произведений.

Несмотря на детальную регламентацию процедуры использования сиротских произведений, анализ положений статьи 1244.2 ГК РФ и принятых во исполнение ее положений подзаконных нормативных актов позволяет сделать вывод о сохранении ряда вопросов, имеющих существенное значение для правоприменительной практики. Законодатель сформировал общий алгоритм предоставления права использования произведения, однако отдельные элементы данного механизма получили неполное нормативное закрепление либо допускают неоднозначное толкование.

Указанные пробелы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Отсутствие четкого регулирования отдельных этапов процедуры способно затруднить деятельность аккредитованной организации, снизить предсказуемость правового положения пользователей и создать дополнительные риски для правообладателей в случае последующего установления их личности. В связи с этим представляется необходимым проанализировать наиболее существенные проблемы реализации статьи 1244.2 ГК РФ, уже отмеченные в научной литературе и требующие дальнейшего законодательного разрешения.

Одной из наиболее существенных проблем применения статьи 1244.2 ГК РФ является отсутствие определенности относительно порядка приобретения права использования сиротского произведения лицами, которые обращаются за получением простой (неисключительной) лицензии после завершения процедуры признания произведения сиротским.

Как справедливо отмечает Е.Н. Васильева, положения статьи 1244.2 ГК РФ не позволяют однозначно определить, идет ли речь на всех этапах процедуры об одном и том же претенденте либо после включения произведения в единый реестр любое заинтересованное лицо вправе обратиться непосредственно за получением лицензии. Автор обращает внимание на внутреннее противоречие законодательной конструкции: с одной стороны, создается впечатление, что весь механизм инициируется и завершается в интересах первоначального заявителя, однако, с другой стороны, после внесения сведений о произведении в реестр оно становится доступным неограниченному кругу потенциальных пользователей, а простая (неисключительная) лицензия по своей природе допускает множественность лицензиатов [7]. В этой связи обоснованно возникает вопрос о целесообразности уточнения редакции пунктов 8 и 11 статьи 1244.2 ГК РФ и закрепления права любого заин-

тересованного лица обращаться за получением лицензии в отношении произведения, уже включенного в реестр сиротских произведений.

Представляется, что указанная неопределенность действительно может вызвать затруднения при практическом применении нового механизма. Действующая редакция статьи 1244.2 ГК РФ не содержит прямого ответа на вопрос, обязан ли каждый новый претендент повторно проходить процедуру поиска правообладателя и ожидать истечения срока публичного поиска либо результаты ранее проведенной процедуры сохраняют юридическое значение для последующих заявителей.

Повторное проведение всех предусмотренных законом мероприятий представляется излишним, поскольку произведение уже признано орфанным, данный факт подтвержден аккредитованной организацией и отражен в едином реестре. В то же время отсутствие прямого нормативного регулирования не позволяет однозначно исключить и противоположное толкование.

С целью устранения указанной неопределенности представляется целесообразным дополнить положения статьи 1244.2 ГК РФ нормой, прямо предусматривающей право любого заинтересованного лица обратиться за получением простой (неисключительной) лицензии в отношении произведения, сведения о котором уже внесены в единый реестр сиротских произведений, при этом без необходимости повторного прохождения процедуры поиска правообладателя при условии сохранения соответствующего статуса произведения.

Также значимой проблемой применения статьи 1244.2 ГК РФ является отсутствие комплексного регулирования последствий установления личности автора или иного правообладателя после признания произведения сиротским и предоставления права его использования на основании простой (неисключительной) лицензии.

Как справедливо отмечает Е.Н. Васильева, действующее законодательство не содержит ответа на ряд принципиальных вопросов, возникающих в подобной ситуации. В частности, остается неясным порядок исключения произведения из единого реестра произведений, правообладатели которых предполагаются неизвестными, а также правовые последствия для уже заключенных лицензионных договоров. Автор обращает внимание на то, что отсутствие нормативного регулирования указанных вопросов способно существенно осложнить применение нового механизма и требует дальнейшего законодательного совершенствования [7].

Анализ статьи 1244.2 ГК РФ подтверждает

обоснованность обозначенной проблемы.

Закон предусматривает возможность последующего обращения правообладателя в аккредитованную организацию, а также закрепляет его право на получение вознаграждения, поступившего за использование произведения. Однако, вместе с тем положения указанной статьи не определяют правовой режим уже возникших лицензионных отношений после установления личности правообладателя. В частности, отсутствуют нормы, определяющие момент прекращения статуса сиротского произведения, основания и порядок исключения сведений о нем из соответствующего реестра, а также последствия такого исключения для ранее выданных и вновь предоставляемых лицензий.

Представляется, что отсутствие законодательного регулирования перечисленных вопросов способно повлечь неоднозначное толкование правового положения всех участников соответствующих правоотношений.

Неопределенность сохраняется прежде всего в отношении судьбы лицензий, выданных до установления правообладателя. Из содержания статьи 1244.2 ГК РФ не следует, прекращают ли они свое действие автоматически после внесения изменений в реестр, либо продолжают действовать до истечения предусмотренного ими срока.

Аналогичные вопросы возникают и применительно к возможности выдачи новых лицензий после установления личности правообладателя, поскольку дальнейшее использование произведения должно осуществляться уже в общем порядке на основании его волеизъявления.

С целью устранения указанной правовой неопределенности представляется целесообразным дополнить статью 1244.2 ГК РФ положениями, регламентирующими последствия установления правообладателя после признания произведения сиротским.

В частности, законодательного закрепления требуют порядок исключения произведения из единого реестра, правовой режим ранее заключенных лицензионных договоров, момент прекращения выдачи новых лицензий аккредитованной организацией, а также порядок дальнейшего осуществления исключительного права правообладателем. Урегулирование указанных вопросов позволит обеспечить большую определенность правового положения участников соответствующих правоотношений и будет способствовать единообразному применению нового механизма использования сиротских произведений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что принятие Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ стало важным

этапом развития российского законодательства об интеллектуальной собственности, поскольку впервые был сформирован специальный правовой механизм использования произведений и объектов смежных прав, правообладатели которых не могут быть установлены. Закрепление в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации положений статей 1244.2, 1280.1 и 1306.1 позволило устранить существовавший ранее законодательный пробел и создать правовые предпосылки для вовлечения сиротских произведений в гражданский оборот при сохранении действия исключительного права и гарантий защиты интересов правообладателей.

Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о том, что действующее регулирование не обеспечивает исчерпывающего разрешения всех вопросов, возникающих при реализации нового механизма. Несмотря на детальную регламентацию отдельных процедурных аспектов использования сиротских произведений, ряд элементов законодательной конструкции остается недостаточно определенным. В частности, действующее законодательство не содержит четкого порядка предоставления простой (неисключительной) лицензии последующим заинтересованным лицам после признания произведения сиротским, а также не устанавливает правовые последствия выявления автора или иного правообладателя после внесения произведения в соответствующий реестр и предоставления лицензий пользователям.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что выявленные проблемы имеют общий характер и обусловлены не отсутствием правового регулирования как такового, а недостаточной регламентацией дальнейшего функционирования механизма использования сиротских произведений после завершения первоначальной процедуры их признания сиротскими.

В целях повышения эффективности рассматриваемого института представляется целесообразным совершенствование положений статьи 1244.2 Гражданского кодекса Российской Федерации посредством закрепления порядка предоставления лицензий последующим пользователям без повторного прохождения процедуры поиска правообладателя в случаях, когда произведение уже включено в единый реестр сиротских произведений, а также определения правовых последствий установления личности правообладателя, включая порядок исключения произведения из реестра, судьбу ранее заключенных лицензионных договоров и механизм дальнейшего осуществления исключительного права.

Представляется, что устранение указанных

пробелов будет способствовать достижению основной цели законодательной реформы – обеспечению баланса интересов правообладателей, пользователей и общества, повышению правовой определенности в сфере использования сиротских произведений и формированию единообразной правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[2] Федеральный закон от 22.07.2024 № 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 22.07.2024. № 0001202407220005.

[3] Луткова О.В. Регулирование трансграничных авторских отношений, объектом которых являются произведения с потерянным правообладателем (сиротские) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 109 - 121.

[4] Зыков С.В. «Сиротские произведения»: появление механизма правового регулирования // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 53 - 58.

[5] Бабалян Н.А. Правовое регулирование «сиротских произведений» в праве интеллектуальной собственности: проблема легализации в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 4 (17). С. 99 - 102.

[6] Кудинов М.А. Проблемы использования «сиротских произведений» в сети Интернет // Но-

вый юридический вестник. 2022. № 3 (36). С. 10 - 12.

[7] Васильева Е.Н. Правовой механизм использования «сиротского» произведения по законодательству России // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 2. С. 23 – 33.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 25.12.2006. No. 52 (part 1). Art. 5496.

[2] Federal Law of 22.07.2024 No. 190-FZ "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). 22.07.2024. № 0001202407220005.

[3] O.V. Lutkova. Regulation of cross-border copyright relations, the object of which is works with a lost copyright holder (orphan) // Actual problems of Russian law. 2020. № 12. S. 109-121.

[4] Zykov S.V. "Orphan works": the emergence of a legal regulation mechanism // IP. Copyright and related rights. 2025. № 4. S. 53-58.

[5] Babalyan N.A. Legal regulation of "orphan works" in intellectual property law: the problem of legalization in the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2021. № 4 (17). S. 99-102.

[6] Kudinov M.A. Problems of using "orphan works" on the Internet // New Legal Bulletin. 2022. № 3 (36). S. 10-12.

[7] Vasilyeva E.N. The legal mechanism for using an "orphan" work under the legislation of Russia // IP. Copyright and related rights. 2025. № 2. S. 23-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-397-400

БАРЫШЕВ Сергей Александрович,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических
наук, доцент, SPIN-код: 2208-3260, AuthorID: 269620,
e-mail: barsh1976@yandex.ru

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Актуальность исследования расширением судебной практики, связанной с защитой прав на средства индивидуализации, в том числе и на коммерческие обозначения, а также отсутствием подробного нормативно-правового регулирования отношений, опосредующих использование коммерческих обозначений. Цель исследования состоит в раскрытии основных теоретических подходов и тенденций правоприменительной практики в сфере определения признаков коммерческого обозначения и его соотношения с другими средствами индивидуализации. Работа выполнена с применением аналитического, логического, формально-юридического, системного методов. В работе, во-первых, обоснована специфика законодательного урегулирования отношений, связанных с использованием коммерческих обозначений. Во-вторых, в работе раскрываются отдельные признаки коммерческих обозначений с учетом его юридической сущности. В работе делается вывод о том, что судебная практика играет ведущую роль в формировании содержания признаков коммерческих обозначений и стандартов их доказывания.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, товарный знак, средство индивидуализации, фирменное наименование, исключительное право.

BARYSHEV Sergej Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Civil Law of the
Kazan Branch of FSBEI HE "Russian State University of Justice",
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

COMMERCIAL DESIGNATION WITHIN THE SYSTEM OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Annotation. The relevance of this study is due to the growing body of judicial practice concerning the protection of rights to means of individualization, including commercial designations, as well as the absence of comprehensive statutory regulation governing legal relations arising from the use of commercial designations.

The purpose of the study is to examine the principal theoretical approaches and trends in judicial practice regarding the identification of the defining characteristics of a commercial designation and its relationship with other means of individualization. The research employs analytical, logical, formal legal, and systemic methods. First, the paper substantiates the specific features of the legislative regulation of legal relations associated with the use of commercial designations. Second, it identifies and examines the distinctive characteristics of commercial designations in light of their legal nature. The study concludes that judicial practice plays a decisive role in shaping the legal criteria of commercial designations and the standards of proof applicable to disputes concerning their protection.

Key words: commercial designation; trademark; means of individualization; trade name; exclusive right

Коммерческое обозначение относится к числу средств индивидуализации, правовой режим которых остается наименьшим образом, детализированным в российском гражданском законодательстве. Если возникновение исключительного права на товарный знак поставлено в зависимость от государственной регистрации, а право на фирменное наименование связывается с государственной регистрацией юридического лица, то применительно к коммерческому обозначению законодатель использовал иную модель. Исключительное право возникает без прохождения административной процедуры [1, с. 43], что предполагает необходимость установления совокупности фактических обстоятельств, свидетельствующих о существовании самостоятельного объекта интеллектуальных прав.

Такое решение существенно расширяет пределы судебного усмотрения. Статьи 1538–1541 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] определяют лишь общие признаки коммерческого обозначения, не раскрывая критерии его известности, момент возникновения исключительного права, территориальные пределы действия правовой охраны и требования к доказательствам, подтверждающим приобретение обозначением различительной способности [3, с. 34]. Отсутствие нормативной конкретизации обусловило формирование соответствующих критериев судебной практикой.

Наиболее сложной остается проблема определения момента возникновения исключительного права. Законодатель не связывает его ни с началом предпринимательской деятельности, ни с изготовлением вывески, ни с первым использованием обозначения в рекламе. Вместе с тем именно установление даты возникновения права приобретает решающее значение при рассмотрении споров о приоритетном характере соотношения коммерческого обозначения, фирменного наименования и товарного знака. Таким образом, принятие решения об отказе в защите лицу, ссылающемуся на обладание им исключительным правом на коммерческое обозначения, либо отказа в предоставлении правовой охраны уже зарегистрированному ранее товарному знаку, ставится в прямую зависимость от правильного разрешения данного вопроса.

Именно здесь проявляется первый пробел законодательного регулирования. Статья 1539 ГК РФ связывает возникновение исключительного права с приобретением коммерческим обозначением достаточной известности на определенной территории, однако не раскрывает содержание самой категории «известность». Второй пробел заключается в том, что российское законодатель-

ство не устанавливает непосредственно момент возникновения исключительного права. В частности, остается неясным будет этот момент связан с началом использования обозначения либо же в качестве такого будет выступать момент приобретения обозначением известности.

Отсутствуют в законе и нормативные критерии определения территории действия исключительного права на обозначение. Норма закона, устанавливающая необходимость определения факта известности коммерческого обозначения в пределах определенной территории, в то же время не позволяет установить, каким образом должны определяться соответствующие территориальные границы.

Отсутствие в статье 1539 ГК РФ детально-го регулирования условий возникновения исключительного права неизбежно поставило перед судами задачу определения юридических фактов, наличие которых свидетельствует о существовании самостоятельного объекта интеллектуальных прав.

Примером может служить правовая позиция, сформированная при рассмотрении дела № А76-28525/2022 [4], в рамках которого был поставлен вопрос о соотношении исключительного права на товарный знак, принадлежащего истцу и права на коммерческое обозначение «КОРЕЕЦ», принадлежащее ответчику. Рассматривая спор, судебные инстанции ответили на вопрос, который непосредственно не урегулирован гражданским законодательством: в какой момент коммерческое обозначение приобретает качество самостоятельного объекта интеллектуальных прав. Из содержания судебного акта следует, что использование обозначения рассматривается лишь как исходный элемент более сложного юридического состава. Само по себе размещение словесного обозначения на фасаде здания, в рекламной продукции либо в сети Интернет не свидетельствует о возникновении исключительного права. Такое использование может характеризовать хозяйственную деятельность предпринимателя, однако еще не означает возникновения объекта интеллектуальных прав, подлежащего судебной защите.

Юридическое значение приобретает способность обозначения выполнять функцию индивидуализации предприятия. Возникновение права обусловлено достижением обозначением такого уровня известности, который позволяет ему выполнять функцию индивидуализации предприятия. Следовательно, между первым использованием обозначения и возникновением исключительного права может существовать значительный временной промежуток. При этом в случае правильно юридически оформленной передачи

принадлежащего первоначальному правообладателю предприятия ответчику, возможен и переход исключительного права на коммерческое обозначение, срок начала использования которого определяется временем начала его использования именно первоначальным правообладателем. Вместе с тем закон не требует, какой либо регистрации самого предприятия, как имущественного комплекса для доказывания факта возникновения права на коммерческое обозначение [5, с. 123].

Из анализа дела № А76-28525/2022 следует еще один вывод, имеющий методологическое значение. Суд фактически отказался от презумпции возникновения исключительного права вследствие длительного использования обозначения. Значение в данном случае будет иметь не продолжительность использования обозначения сама по себе, а наличие взаимосвязи между сроком использования и известностью обозначения среди потребителей.

Современная судебная практика свидетельствует также и том, что совпадение отдельных охраняемых элементов вовсе не означает совпадения различных средств индивидуализации, в отношении которых устанавливаются самостоятельные правовые режимы [6, с. 229].

Примером может служить правовая позиция, изложенная в деле № А41-38164/2025 [7], относительно использования словесных обозначений «СМАРТ» и «СМАРТ СЕРВИС», которые можно отнести к широко распространенным словесным элементам.

Истцы ссылались на использование обозначения «СМАРТ» в качестве элемента фирменного наименования и коммерческого обозначения, полагая, что регистрация ответчика с аналогичным словесным элементом создает вероятность смешения среди потребителей. Вместе с тем суд обратил внимание на необходимость разграничения охраны словесного элемента как такового и охраны конкретного средства индивидуализации.

Фактически СИП РФ исходил из того, что правовая охрана предоставляется не отдельному слову, а обозначению в целом, способному выполнять индивидуализирующую функцию. Наличие совпадающего элемента еще не свидетельствует о сходстве средств индивидуализации до степени смешения. При разрешении спора подлежат исследованию особенности восприятия обозначений потребителями, характер осуществляемой деятельности, степень различительной способности используемых словесных элементов и вероятность возникновения ошибочного представления о принадлежности соответствующих услуг одному хозяйствующему субъекту.

Иной аспект рассматриваемой проблемы от-

ражен в деле № СИП-9/2026 [8], связанном с конкуренцией коммерческого обозначения и знака обслуживания. В данном случае предметом судебного исследования являлось не столько сходство обозначений, сколько определение момента возникновения соответствующих исключительных прав.

Правовая позиция суда по данному делу демонстрирует принципиальное различие между регистрационной и фактической моделями возникновения права. Исключительное право на товарный знак возникает вследствие государственной регистрации. Исключительное право на коммерческое обозначение возникает в результате фактического использования обозначения и приобретения им известности. Следовательно, вопрос о приоритете не может быть разрешен посредством простого сопоставления дат регистрации либо создания соответствующих хозяйствующих субъектов.

Суд исследовал вопрос о том, возникло ли право на коммерческое обозначение ранее даты приоритета знака обслуживания. Таким образом, была подтверждена правовая позиция о том, что при условии более раннего возникновения исключительного права коммерческое обозначение способно препятствовать предоставлению правовой охраны товарному знаку.

Сопоставление трех рассмотренных дел позволяет выявить общую закономерность развития судебной практики. Во всех случаях центральное значение приобретает не формальное совпадение словесных элементов и не юридический титул правообладателя, а способность обозначения выполнять индивидуализирующую функцию в гражданском обороте.

Приведенные судебные дела позволяют сделать вывод о формировании единой методологии разрешения споров, связанных с коммерческими обозначениями. Суд не ограничивается исследованием юридических оснований возникновения исключительного права.

Такой подход представляется обоснованным. Коммерческое обозначение возникает не вследствие совершения юридически значимого действия в форме регистрации, а вследствие его фактического признания участниками гражданского оборота. По этой причине и защита соответствующего права строится вокруг исследования фактических обстоятельств хозяйственной деятельности, а не исключительно юридических документов, подтверждающих статус правообладателя.

Прежде всего, судебные инстанции определили, что известность представляет собой не количественный показатель, а юридически значимое

качество обозначения, позволяющее ему выполнять функцию индивидуализации предприятия, в результате его систематического использования среди потребителей.

Не менее существенным является определение момента возникновения исключительного права. Исследованные судебные дела позволяют утверждать, что суд фактически связывает возникновение исключительного права с завершением процесса формирования различительной способности обозначения среди потребителей.

Соответственно усилилась и необходимость судебного доказывания самостоятельного значения коммерческого обозначения в хозяйственном обороте. Простое «разовое» использование коммерческого обозначения, тем более в отсутствие связи именно с использованием в коммерческом обороте, перестало рассматриваться в качестве однозначного доказательства возникновения исключительного права.

Если ранее основное внимание уделялось вопросам фонетического, графического и смыслового сходства словесных элементов, то современная практика исследует, прежде всего, способность обозначения выполнять индивидуализирующую функцию применительно к конкретному предприятию и вероятность возникновения ошибочных представлений у потребителей относительно источника происхождения товаров или услуг.

Список литературы:

[1] Сергеева, Н. Ю. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия (имущественного комплекса): история и современность / Н. Ю. Сергеева, И. А. Черныховский // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 2. – С. 38-46.

[2] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

[3] Дашин, А. В. Проблема защиты прав на коммерческое обозначение / А. В. Дашин, К. С. Жихарева // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(232). – С. 34-36.

[4] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.04.2026 N C01-229/2026 по делу N A76-28525/2022 // СПС "Консультант плюс".

[5] Елфимова, Е. В. Правовой режим предприятия по российскому гражданскому законодательству / Е. В. Елфимова, Н. А. Свалова // Российский юридический журнал. – 2023. – № 5(152). – С. 120-126.

[6] Тальянский, Ю. С. Соотношение исключительных прав на фирменное наименование и коммерческое обозначение / Ю. С. Тальянский // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 8-1. – С. 228-234.

[7] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2026 N C01-650/2026 по делу N A41-38164/2025 // СПС "Консультант плюс".

[8] Решение Суда по интеллектуальным правам от 15.05.2026 по делу N СИП-9/2026 // СПС "Консультант плюс".

References:

[1] Sergeeva, N. Yu. Commercial designation as a means of individualization of an enterprise (property complex): history and modernity/N. Yu. Sergeeva, I. A. Chernykhovsky // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). – 2025. – № 2. – S. 38-46.

[2] "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 22.07.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 25.12.2006, No. 52 (1 part), Art. 5496.

[3] Dashin, A. V. The problem of protecting rights to commercial designation/A. V. Dashin, K. S. Zhikhareva // Law and state: theory and practice. – 2024. – № 4(232). – S. 34-36.

[4] Intellectual Property Court ruling of 13.04.2026 N C01-229/2026 in case N A76-28525/2022 // SPS "Consultant Plus".

[5] Elfimova, E.V. Legal regime of the enterprise under Russian civil law/E.V. Elfimova, N.A. Svalova // Russian legal journal. – 2023. – № 5(152). – S. 120-126.

[6] Talyansky, Yu. S. Ratio of exclusive rights to corporate name and commercial designation/Yu. S. Talyansky // Issues of Russian and international law. – 2022. – T. 12, NO. 8-1. – S. 228-234.

[7] Intellectual Property Court ruling of 09.06.2026 N C01-650/2026 in case N A41-38164/2025 // SPS "Consultant Plus".

[8] Decision of the Intellectual Property Court of 15.05.2026 in case No. SIP-9/2026 // SPS "Consultant Plus".

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-401-407

РОДЕ Михаил Валерьевич,
Соискатель ученой степени, аспирант, Международный
институт информатизации и государственного управления
им. П.А. Столыпина,
e-mail: rode.mikhail@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Аннотация. Введение. Стремительное развитие генеративных технологий искусственного интеллекта актуализирует проблему определения гражданско-правового режима создаваемых ими объектов. Действующее законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности основано на антропоцентрической парадигме, предполагающей признание автором исключительно человека, что создаёт правовую неопределённость в отношении результатов машинной генерации. Проблема усугубляется отсутствием единообразного доктринального подхода: предлагаемые решения варьируются от признания таких объектов общественным достоянием до введения специальных режимов охраны. Методы. Исследование проведено с применением формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов. Проведён анализ действующего законодательства и доктринальных источников (17 научных работ 2023–2026 гг.). Ввиду отсутствия на момент исследования репрезентативной судебной практики по вопросу правового режима результатов генеративного ИИ, эмпирическая составляющая работы сформирована на основе правового моделирования и сравнительно-правовых данных. Результаты. Систематизированы основные доктринальные подходы к правовому режиму результатов генеративного искусственного интеллекта. Обоснована необходимость дифференцированного правового регулирования в зависимости от степени творческого участия человека. Сформулирована авторская концепция «градуированного режима охраны», предусматривающая трёхуровневую систему: авторско-правовая охрана при существенном творческом вкладе пользователя, специальное имущественное право оператора при автономной генерации, режим общественного достояния при невозможности идентификации правообладателя. Предложены конкретные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративные нейросети; авторское право; смежные права; результаты интеллектуальной деятельности; правовой режим; интеллектуальная собственность.

RODE Mikhail V.,
applicant for an academic degree, P.G. P.A. Stolypin
International Institute of Informatization and Public Administration,
Moscow, Russia

CIVIL LAW REGIME OF RESULTS GENERATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. The rapid development of generative artificial intelligence technologies actualizes the problem of determining the civil law regime of objects created by them. The current legislation of the Russian Federation on intellectual property is based on an anthropocentric paradigm that recognizes only a human being as an author, which creates legal uncertainty regarding the results of machine generation. The problem is exacerbated by the lack of a uniform doctrinal approach: proposed solutions range from recognizing such objects as public domain to introducing special protection regimes. Methods. The research was conducted using formal-legal, comparative-legal and systematic methods. An analysis of current legislation and doctrinal sources (17 scientific papers from 2023–2026) was carried out. Due to the absence of representative judicial practice on the legal regime of generative AI results at the time of the study, the empirical component was formed on

the basis of legal modeling and comparative-legal data. Results. The main doctrinal approaches to the legal regime of generative artificial intelligence results have been systematized. The necessity of differentiated legal regulation depending on the degree of human creative participation has been substantiated. The author's concept of a "graduated protection regime" has been formulated, providing for a three-level system: copyright protection with significant creative contribution of the user, special property right of the operator in autonomous generation, public domain regime when it is impossible to identify the right holder. Specific amendments to the Civil Code of the Russian Federation have been proposed.

Key words: artificial intelligence; generative neural networks; copyright; related rights; results of intellectual activity; legal regime; intellectual property.

Введение

Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) является значимым технологическим фактором, трансформирующим традиционные представления о творчестве и интеллектуальной деятельности. Системы машинного обучения способны создавать тексты, изображения, музыкальные произведения и иные объекты, внешне неотличимые от результатов человеческого творчества. Данное обстоятельство порождает фундаментальную правовую проблему: действующее законодательство об интеллектуальной собственности, основанное на антропоцентрической парадигме, не предусматривает механизмов регулирования отношений в отношении машинно-генерированных объектов.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, объем объектов правового регулирования, создаваемого с применением генеративного ИИ, стремительно возрастает, что требует правовой определенности в отношении его статуса. Во-вторых, неурегулированность данной сферы создаёт риски как для правообладателей произведений, используемых при обучении нейросетей, так и для пользователей генеративных систем. В-третьих, отсутствие специального правового режима препятствует развитию инновационной экономики и инвестициям в соответствующие технологии.

Е.А. Моргунова справедливо отмечает, что «результат, сгенерированный искусственным интеллектом, есть просто продукция, которая не может охраняться даже в режиме смежных прав. Это материя, которая может давать пищу для ума и порождать в умах людей результат интеллектуальной деятельности, но сама таковой являться не будет» [1, с. 15]. Данная позиция отражает традиционный подход, однако она не учитывает всего многообразия ситуаций взаимодействия человека и машины.

Как указывают Д.А. Бондаренко, Д.А. Скрипник и Е.А. Стешина, «результат применения нейросетей не следует относить к объекту интеллектуальной собственности. Анализ действующих положений гражданского законода-

тельства позволяет судить о том, что сам факт применения нейросетей — это лишь инструмент создания интеллектуальной собственности, но никак не полноценный объект правовой защиты» [10, с. 160].

Вместе с тем в доктрине представлены и альтернативные подходы. А.Б. Арзуманян приходит к выводу, что «действующие нормы об интеллектуальной собственности необходимо дополнить специальными правилами о статусе объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта» [13, с. 23]. Данная позиция представляется более конструктивной, поскольку учитывает адаптацию права к технологическим изменениям.

Цель настоящего исследования состоит в разработке концептуальных основ гражданско-правового режима результатов, сгенерированных ИИ, и формулировании конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: систематизировать существующие доктринальные подходы к правовому режиму результатов генеративного ИИ; проанализировать применимость институтов авторского права и смежных прав к данным объектам; исследовать проблему определения правообладателя; разработать авторскую концепцию дифференцированного правового режима.

Методы

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания.

Формально-юридический метод применён для анализа норм части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности статей 1225, 1257, 1265, 1282 и иных положений, регулирующих отношения в сфере интеллектуальной собственности. Особое внимание уделено исследованию императивных норм об определении автора и первоначальном возникновении интеллектуальных прав.

Сравнительно-правовой метод использован для анализа опыта правового регулирования результатов ИИ в иностранных правовых системах, что

позволило выявить основные модели регулирования и оценить возможность их рецепции в российское право.

Системный метод обеспечил рассмотрение проблемы правового режима результатов генеративного ИИ в контексте общей системы права интеллектуальной собственности, с учётом взаимосвязи авторского права, смежных прав и специальных режимов охраны (*sui generis*).

Метод правового моделирования применён для разработки авторской концепции дифференцированного правового режима и формулирования конкретных законодательных предложений.

Теоретическую базу исследования составили 17 научных работ, опубликованных в период 2023–2026 гг. и посвящённых различным аспектам правового режима результатов генеративного ИИ. Отбор источников осуществлялся по критериям актуальности, научной значимости и репрезентативности представленных позиций.

Как отмечает В.В. Богдан, «самостоятельность выполнения диссертационного исследования определяется в системном единстве, как минимум, двух основных признаков: отсутствие некорректных заимствований и определение личного вклада соискателя через объём его участия в получении результатов» [8, с. 17]. Данное положение применимо и к оценке результатов, полученных с использованием генеративного ИИ, что обуславливает необходимость разработки критериев определения творческого вклада человека.

Как показано в исследовании Y.Y. Sokolova и V.V. Kuznetsova [12], использование систем ИИ в учебном процессе способствует формированию у обучающихся умения «сравнивать, оценивать и дифференцировать тексты, созданные их сокурсниками, и тексты, сгенерированные чат-ботом». Значит, разграничение человеческого и машинного творчества не является исключительно умоэтической задачей и может опираться на объективные критерии, что имеет прямое значение для выработки правовых подходов к квалификации результатов генеративного ИИ.

Результаты

Систематизация доктринальных источников позволила выделить четыре основных подхода к правовому режиму результатов генеративного ИИ и сопоставить их по ключевым критериям: субъект права, основание охраны и срок защиты. Далее эти подходы рассматриваются последовательно и оцениваются на предмет совместимости с действующим российским законодательством.

Первый подход предполагает признание результатов ИИ общественным достоянием. Д.Е. Богданов обосновывает данную позицию следующим образом: «Результаты, сгенерированные

искусственным интеллектом, по общему правилу должны оставаться в общественном достоянии. Иного и быть не должно, поскольку ни разработчики программного обеспечения с применением технологии искусственного интеллекта, ни его пользователи, вводящие короткие запросы "нарисовать картинку или написать стихотворение в стиле...", не вправе приватизировать интеллектуальное и культурное наследие человеческого общества — труд тысяч и миллионов людей-авторов, людей-творцов» [5, с. 48].

Второй подход связан с применением института смежных прав. П.К. Пакшин предлагает философско-правовое обоснование данной модели: «В соответствии с нашей концепцией Map-творчество, вопреки господствующей в Российской Федерации позиции, всё же должно быть охраноспособно, причём в рассматриваемой парадигме смежное право на результат Map-творчества должно принадлежать Dasein, т.е. человеку, который создал условия для получения конечного результата. Таким образом, в качестве оптимального решения *de lege lata* предлагается предоставление смежного права по аналогии с инвестиционными базами данных» [2, с. 15].

Вместе с тем С.В. Зыков придерживается иной позиции относительно целесообразности применения смежных прав: «В настоящее время введение охраны результатов, продуцируемых ИИ, посредством смежного права нецелесообразно, при этом с учётом значимости проблемы их охраны следует ускорить введение авторско-правовой охраны (с некоторыми элементами *sui generis*). В случае же изменения международно-правового регулирования эта охрана вполне может быть преобразована в смежную» [4, с. 36–37].

Третий подход предусматривает введение специального правового режима. Е.В. Гюльбасарова отмечает: «Более целесообразным подходом видится разработка специального правового режима охраны объектов, сгенерированных искусственным интеллектом, с одновременным закреплением механизмов обеспечения прав авторов (и иных правообладателей) охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, используемых при обучении технологий искусственного интеллекта» [7, с. 102–103].

Аналогичную позицию занимают Е.В. Демьяненко и А.В. Шпак: «Необходимо установление на объекты, сгенерированные ИИ, специального правового режима, который должен отличаться от режима авторских прав и прав, смежных с авторскими, содержание которых обусловлено творческим трудом человека. Вопрос о правообладателе на результат, сгенерированный ИИ, требует разрешения с помощью института ис-

ключительного права на объект» [9, с. 65–66].

Четвёртый подход основан на применении фикции авторства. Е.С. Витовская указывает: «Принимая во внимание сложившуюся практику, а также высказанные в юридической литературе точки зрения по анализируемому вопросу, считаем наиболее верным фикцию авторства лица, осуществившего необходимые приготовления для создания произведения. Признание авторства за компьютерной программой не справедливо и не рационально, поскольку идёт вразрез с морально-этической стороной авторского права» [15, с. 89].

Проблема определения правообладателя

Ключевым практическим следствием любого из рассмотренных подходов является определение конкретного лица, за которым закрепляются права на сгенерированный результат. В доктрине по этому вопросу также отсутствует единство. Например, М.В. Самарцева формулирует конкретные нормативные положения для проекта федерального закона: «1. Результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом по запросу пользователя генеративной системы искусственного интеллекта, не признаётся результатом интеллектуальной деятельности гражданина. 2. Имущественное право на результат, автоматически созданный генеративным искусственным интеллектом, принадлежит оператору генеративной системы искусственного интеллекта» [6, с. 45–46].

Иной ракурс предлагает В.А. Вяткина, которая обращает внимание на роль пользовательских соглашений: «Наиболее универсальным вариантом является определение принадлежности прав согласно пользовательскому соглашению конкретной нейросети. Однако такой подход нарушает классическое устройство права интеллектуальной собственности, где нормы об определении автора являются императивными (ст. 1265 ГК РФ), а то, у кого первоначально возникает объём интеллектуальных прав, невозможно изменить соглашением сторон» [3, с. 78].

Стремясь совместить интересы пользователя и разработчика, А.А. Карпенко и Г.Т. Тесаков предлагают комплексное решение: «Дополнить ст. 1257 ГК РФ п. 2 следующей редакцией: "Авторское право на объекты, созданные при помощи использования технологии машинного обучения (нейросети), если пользователь вложил творческий вклад в финальный облик такого объекта, независимо от того, кто является разработчиком использованной модели искусственного интеллекта, принадлежат пользователю нейросети, обработавшему запрос и обнародовавшему такой результат"» [17, с. 136–137].

Проблема промптов и маркировки

С вопросом о правообладателе тесно сопрягается проблема правовой природы промпта как инструмента взаимодействия с генеративным ИИ, а также необходимость маркировки создаваемых результатов. Н.Н. Ковалева и М.А. Рожкова исследуют правовую природу промптов: «Промпт как инструмент взаимодействия с генеративным ИИ представляет собой новый, сложный для правовой квалификации объект. Существующее авторское право сталкивается с фундаментальными трудностями при попытке распространить свою охрану на промпты ввиду проблем с установлением творческого характера, авторства и оригинальности» [16, с. 114].

В свою очередь, М.В. Самарцева обосновывает необходимость маркировки: «При использовании систем генеративного искусственного интеллекта в целях создания новых результатов, включая текст, изображения, аудио или видео: 1) такие результаты должны содержать маркировку, указывающую на использование генеративного искусственного интеллекта; 2) при отсутствии автоматически предустановленной маркировки результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом, обязанность по их маркировке лежит на пользователе системы искусственного интеллекта» [11, с. 65–66].

Проблема обучения нейросетей на охраняемых произведениях

Наконец, самостоятельного внимания заслуживает соблюдение прав авторов произведений, использованных при обучении генеративных нейросетей, – обстоятельство, способное повлиять на допустимость охраны генерируемых результатов.

Так, Е.А. Свиридова указывает на риски нарушения авторских прав: «Если созданное нейросетью произведение содержит узнаваемые элементы первоначального произведения, можно говорить о нарушении авторского права гражданина, чьим творческим трудом было создано первоначальное произведение. Его узнаваемость служит основанием считать дальнейшее опубликование в киберпространстве такого произведения доведением его до всеобщего сведения» [14, с. 74].

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет констатировать отсутствие единого доктринального подхода к правовому режиму результатов генеративного ИИ. Каждая из представленных концепций имеет как достоинства, так и недостатки.

Подход общественного достояния (Д.Е. Богданов) наиболее последовательно защищает интересы общества и авторов произведений, использованных при обучении нейросетей, однако он не учитывает законных интересов операторов генеративных систем и пользователей, инвестиру-

ющих ресурсы в создание результатов.

Применение института смежных прав (П.К. Пакшин) позволяет обеспечить охрану без признания творческого характера результата, однако, как справедливо отмечает С.В. Зыков, данный подход в настоящее время нецелесообразен с учётом действующего международно-правового регулирования.

Введение специального режима *sui generis* (Е.В. Гюльбасарова, Е.В. Демьяненко и А.В. Шпак) представляется наиболее гибким решением, однако требует значительных законодательных усилий и может создать дополнительную правовую неопределённость в переходный период.

Фикция авторства (Е.С. Витовская, А.А. Карпенко и Г.Т. Тесаков) позволяет использовать существующий инструментарий авторского права, однако вступает в противоречие с фундаментальным принципом признания автором только человека.

В этой же работе А.А. Карпенко и Г.Т. Тесаков предлагают также дополнить ст. 1282 ГК РФ положением о том, что «все объекты, полученные в результате использования технологии машинного обучения (нейросетей)... находятся в режиме свободного использования, если иное не предусмотрено законом» [17, с. 136–137]. Данное решение представляет собой компромисс между интересами различных субъектов.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать авторскую концепцию «градуированного режима охраны». Она исходит из неоднородности результатов генеративного ИИ и предполагает три уровня правовой охраны в зависимости от степени творческого участия человека. Первый уровень – авторско-правовая охрана для случаев, когда пользователь вносит существенный творческий вклад (разработка детализированных промптов, итеративная доработка, творческий отбор и компоновка): такой результат признаётся произведением, созданным с использованием технических средств. Второй уровень – специальное исключительное право оператора генеративной системы (*sui generis*) сроком на пять лет для результатов автономной генерации при отсутствии существенного творческого вклада пользователя. Третий уровень – режим общественного достояния для случаев, когда правообладатель не может быть идентифицирован или отказывается от права. Такой градуированный подход позволяет преодолеть крайности рассмотренных выше позиций, обеспечивая баланс интересов пользователей, разработчиков и общества в целом.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сфор-

мулировать следующие выводы и предложения.

Во-первых, результаты генеративного ИИ представляют собой гетерогенную категорию объектов, различающихся по степени участия человека в их создании. Применение единого правового режима ко всем таким объектам не отвечает потребностям правового регулирования.

Во-вторых, обосновывается целесообразность введения «градуированного режима охраны», предусматривающего три уровня.

В-третьих, предлагается дополнить часть четвёртую ГК РФ статьёй 1240.2 «Результаты генеративного искусственного интеллекта» следующего содержания:

«1. Результат, созданный с использованием генеративной системы искусственного интеллекта при наличии существенного творческого вклада физического лица, признаётся произведением, созданным с использованием технических средств.

На результат, автоматически созданный генеративной системой искусственного интеллекта без существенного творческого вклада физического лица, признаваемый охраняемым объектом особого рода (*sui generis*), возникает исключительное право оператора генеративной системы сроком на пять лет с момента создания такого результата.

Обязанность по маркировке результатов генеративного искусственного интеллекта, а также порядок информирования о применении соответствующих технологий устанавливаются законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В-четвёртых, необходимо законодательное закрепление механизмов защиты прав авторов произведений, используемых при обучении генеративных систем, включая обязательное лицензирование и выплату справедливого вознаграждения.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку критериев определения «существенного творческого вклада», механизмов маркировки и идентификации результатов генеративного ИИ, а также на анализ экономических последствий введения различных моделей правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Моргунова Е.А. Признаки произведений науки, литературы и искусства и иных результатов интеллектуальной деятельности как объектов правовой охраны. Их отличия от результатов, сгенерированных искусственным интеллектом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 7. С. 11–15.
- [2] Пакшин П.К. Смежные права на резуль-

таты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 11. С. 11–18.

[3] Вяткина В.А. Правовая природа генеративных нейросетей через призму права интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 3. С. 73–82.

[4] Зыков С.В. Смежные права как режим охраны результатов, созданных искусственным интеллектом // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. № 5. С. 32–38.

[5] Богданов Д.Е. Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 1(206). С. 32–53.

[6] Самарцева М.В. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Цифровое право. 2024. Т. 5, № 3. С. 19–65.

[7] Гюльбасарова Е.В. Перспективы охраны объектов, созданных технологиями искусственного интеллекта, в рамках интеллектуального права // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 10(179). С. 96–104.

[8] Богдан В.В. Технологии искусственного интеллекта & самостоятельность диссертационного исследования: наука против науки // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2026. № 8. С. 9–22.

[9] Демьяненко Е.В., Шпак А.В. К вопросу о правовом режиме объектов, сгенерированных искусственным интеллектом // Юрист-Правовед. 2025. № 1(112). С. 61–67.

[10] Бондаренко Д.А., Скрипник Д.А., Стешина Е.А. Правовая природа результатов использования искусственного интеллекта и нейронных сетей в контексте интеллектуальной собственности: теория и практика // Наука и технологии. 2025. С. 157–163.

[11] Самарцева М.В. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2(46). С. 57–67.

[12] Sokolova Y.Y., Kuznetsova V.V. Artificial intelligence in teaching English as a Foreign Language // International Research Journal. 2024. No. 9(147). P. 1–8.

[13] Арзуманян А.Б. Авторство на объекты, созданные при помощи искусственного интеллекта: опыт России и иностранных государств // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 4. С. 23–31.

[14] Свиридова Е.А. О правомерности ис-

пользования произведений при применении технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 1. С. 70–75.

[15] Витовская Е.С. Спорные вопросы авторского права на произведения, созданные компьютерными программами // Право в эпоху искусственного интеллекта. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 87–89.

[16] Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 55, № 4. С. 107–115.

[17] Карпенко А.А., Тесаков Г.Т. Проблемы правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных искусственным интеллектом // Legal Bulletin. 2026. Т. 11, № 1. С. 125–138.

References:

[1] E.A. Morgunova. Signs of works of science, literature and art and other results of intellectual activity as objects of legal protection. Their differences from the results generated by artificial intelligence // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2025. № 7. S. 11-15.

[2] Pakshin P.K. Related rights to the results of intellectual activity created by artificial intelligence: philosophical and legal analysis of replacing the criterion of creativity with the criterion of investment // Actual problems of Russian law. 2025. № 11. S. 11-18.

[3] Vyatkina V.A. The legal nature of generative neural networks through the prism of intellectual property law // IP. Copyright and related rights. 2025. № 3. S. 73-82.

[4] Zykov S.V. Related rights as a regime of protection of results created by artificial intelligence // IP. Copyright and related rights. 2023. № 5. S. 32-38.

[5] Bogdanov D.E. Legal regime of results generated by artificial intelligence: anthropocentrism vs. transhumanism in the field of intellectual property law // Lex Russica. 2024. Т. 77, NO. 1 (206). S. 32-53.

[6] Samartseva M.V. Legal regime of results created by generative artificial intelligence // Digital law. 2024. Т. 5, NO. 3. S. 19-65.

[7] Gyulbasarova E.V. Prospects for the protection of objects created by artificial intelligence technologies within the framework of intellectual law // Actual problems of Russian law. 2025. Т. 20, NO. 10 (179). S. 96-104.

[8] Bogdan V.V. Artificial intelligence technologies & independence of dissertation research: science versus science // Methodological problems of civil research. 2026. № 8. S. 9-22.

[9] Demyanenko E.V., Shpak A.V. On the legal regime of objects generated by artificial intelligence // Lawyer-Pravoveda. 2025. № 1(112). S. 61-67.

[10] Bondarenko DA, Skripnik DA, Steshina EA. The legal nature of the results of the use of artificial intelligence and neural networks in the context of intellectual property: theory and practice // Science and technology. 2025. S. 157-163.

[11] Samartseva M.V. Marking of results autonomously created by generative artificial intelligence // Prologue: Journal of Law. 2025. № 2(46). S. 57-67.

[12] Sokolova Y.Y., Kuznetsova V.V. Artificial intelligence in teaching English as a Foreign Language // International Research Journal. 2024. No. 9(147). P. 1–8.

[13] Arzumanyan A.B. Authorship of objects created using artificial intelligence: the experience of Russia and foreign countries // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2023.

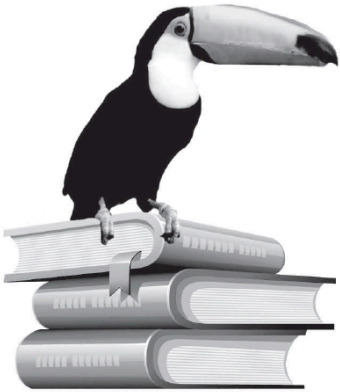
VOL. 10, NO. 4. S. 23-31.

[14] Sviridova E.A. On the legality of using works when using artificial intelligence technologies // Problems of economics and legal practice. 2024. T. 20, NO. 1. S. 70-75.

[15] Vitovskaya E.S. Controversial copyright issues for works created by computer programs // Law in the era of artificial intelligence. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 87-89.

[16] Kovaleva N.N., Rozhkova M.A. Is prompt an object of copyright: arguments "for" and "against" // Works on intellectual property. 2025. VOL. 55, NO. 4. S. 107-115.

[17] Karpenko A.A., Tesakov G.T. Problems of legal protection of intellectual property created by artificial intelligence // Legal Bulletin. 2026. VOL. 11, NO. 1. S. 125-138.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-408-414

ГАЛУШИН Дмитрий Александрович,
Адвокатский кабинет Залевского С.А., Москва,
Российская Федерация,
e-mail: dmitry.galushin@zalevskylaw.ru

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ МОМЕНТА ПЕРЕХОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из наиболее актуальных проблем современного авторского права — определению момента перехода произведения в общественное достояние и установлению правового статуса произведений, срок действия исключительного права на которые истек. Несмотря на наличие в Гражданском кодексе Российской Федерации положений, регулирующих сроки действия исключительного права и последствия его прекращения, практическое применение указанных норм сопряжено с существенными трудностями, обусловленными отсутствием механизма официального подтверждения факта перехода произведения в общественное достояние. В статье анализируются положения статей 1281 и 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляются особенности определения срока действия исключительного права, исследуются проблемы, возникающие при отсутствии государственного реестра произведений, находящихся в общественном достоянии, компетентного органа, уполномоченного подтверждать соответствующий правовой статус, а также административной и процессуальной процедуры установления данного юридического факта. Особое внимание уделено практическим последствиям существующей правовой неопределенности на примере споров, возникающих при реализации произведений через цифровые платформы. На основании проведенного исследования сформулирован вывод о том, что ключевой проблемой действующего регулирования является отсутствие институционального механизма официального подтверждения перехода произведения в общественное достояние, а также предложены направления совершенствования законодательства, направленные на повышение правовой определенности и обеспечение свободного использования произведений, срок правовой охраны которых истек.

Ключевые слова: общественное достояние; авторское право; исключительное право; срок действия исключительного права; прекращение исключительного права; произведение науки, литературы и искусства; правовая определенность; государственный реестр; цифровые платформы; интеллектуальная собственность.

GALUSHIN Dmitry Alexandrovich,
Lawyer's office of S.A. Zalevsky, Moscow, Russian Federation

LEGAL UNCERTAINTY IN DETERMINING THE MOMENT WHEN A WORK IS TRANSFERRED TO THE PUBLIC DOMAIN

Annotation. The article examines one of the most significant issues of contemporary copyright law—the determination of the moment when a work enters the public domain and the legal confirmation of such status. Although the Civil Code of the Russian Federation establishes the duration of exclusive rights and the legal consequences of their expiration, the practical application of these provisions remains problematic due to the absence of an institutional mechanism for officially confirming that a work has entered the public domain. The paper analyzes Articles 1281 and 1282 of the Civil Code of the Russian Federation, identifies the legal and practical difficulties associated with determining the expiration of copyright protection, and examines the lack of a public register of works in the public domain, a competent authority empowered to confirm their legal status, and an administrative or judicial procedure for establishing this legal fact. Particular attention is paid to the practical implications of this legal uncertainty in the context of digital platforms and online marketplaces. The author concludes that the principal deficiency of the current legal framework lies

not in the substantive regulation of the public domain itself but in the absence of an institutional mechanism for officially confirming a work's entry into the public domain, and proposes legislative measures aimed at enhancing legal certainty in this area.

Key words: *public domain; copyright; exclusive rights; term of copyright protection; expiration of exclusive rights; legal certainty; intellectual property; public register; digital platforms; Civil Code of the Russian Federation.*

Определение момента перехода произведения в общественное достояние представляет собой одну из наиболее сложных и практически значимых проблем современного авторского права. Несмотря на формальную определенность правового регулирования, закрепленного в статьях 1281 и 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации, установление самого факта прекращения действия исключительного права в отношении конкретного произведения на практике сопряжено с существенными трудностями.

Общественное достояние – режим объектов интеллектуальной собственности, регламентирующий правовое регулирование охраны объектов после истечения срок охраны исключительных прав на такие объекты.

Легального определения термину общественное достояние в законодательстве Российской Федерации не содержится.

Вместе с тем законодатель закрепляет нормативную модель данного института в ст. 1282 ГК РФ, устанавливая, что по истечению срока действия исключительного права на произведение, произведение переходит в режим общественное достояние и становится свободным для использования неограниченным кругом лиц без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения. При этом сохраняется охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения [1].

Таким образом, произведение, перешедшее в режим общественного достояния, становится свободным для использований всем субъектам гражданского оборота, в том числе для создания производных произведений.

Однако нормативная определенность общей формулы не означает правовой определенности в конкретной ситуации.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации, произведение науки, литературы или искусства после прекращения действия исключительного права переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения.

Для ответа на вопрос о том, перешло ли определенное произведение в режим общественного достояния, необходимо установить сложный юридико-фактический состав: личность автора,

наличие или отсутствие соавторства, дату смерти автора или последнего пережившего соавтора, обстоятельства посмертного обнародования, наличие оснований продления срока охраны, а для иностранных произведений – также страну происхождения и применимое право.

Из содержания статьи 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что законодатель связывает возникновение режима общественного достояния в отношении произведения исключительно с фактом прекращения действия исключительного права на данный результат творческой деятельности.

Указанный вывод имеет принципиальное значение, поскольку на практике основной вопрос состоит не в содержании самой нормы, а в установлении факта такого прекращения применительно к конкретному произведению.

Вместе с тем ключевая правоприменительная проблема заключается в том, что действующее российское законодательство не предусматривает институционального механизма официального подтверждения данного юридического факта.

В правовой системе отсутствуют:

Государственный реестр произведений, находящихся в общественном достоянии;

Специальный орган, уполномоченный определять статус произведения;

Административная процедура установления такого факта;

Специальный судебный порядок признания произведения перешедшим в общественное достояние.

Именно этот пробел, является центральным для всего механизма свободного использования произведений.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что проблема общественного достояния связана не только с истечением срока, но и с отсутствием позитивного институционального оформления данного режима.

Проблемой в данном случае является отрицательный характер понимания и определения режима общественного достояния.

Данный тезис особенно точно отражает ситуацию в российском праве: общественное достояние определяется через отсутствие права, но не через наличие официально подтверждаемого ста-

туса.

На практике это означает, что заинтересованное лицо – издательство, библиотека, музей, архив, образовательная организация либо частный пользователь, должно самостоятельно проверять все юридически значимые факты. При этом ошибка в сроке охраны, неверное определение круга соавторов либо игнорирование специальных оснований продления срока способны привести либо к нарушению исключительного права, либо, напротив, к необоснованному отказу от использования произведения, уже ставшего частью общественного достояния.

Особую сложность вызывает отсутствие достоверных сведений о личности автора и времени его смерти. Для произведений начала двадцатого века, архивных рукописей, дневников, писем, эмигрантской литературы, региональных изданий, а также произведений иностранных авторов такие сведения зачастую содержатся лишь в разрозненных энциклопедических, архивных или музейных источниках, не обладающих официальным правоустанавливающим характером.

Дополнительные трудности возникают в случаях соавторства.

По смыслу положений пункта 1 статьи 1281 Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении произведений, созданных в соавторстве, срок действия исключительного права определяется с 1 января года, следующего за годом смерти того из соавторов, который пережил остальных участников совместного творческого труда.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности установление полного и юридически значимого круга соавторов нередко приобретает характер самостоятельной и достаточно сложной задачи, что особенно ярко проявляется применительно к музыкально-драматическим, аудиовизуальным, иллюстрированным, а также составным произведениям, предполагающим участие нескольких лиц в создании единого творческого результата.

Сложность усиливается и наличием специальных правил исчисления сроков охраны: продление срока в связи с участием автора в Великой Отечественной войне, особенности исчисления после посмертной реабилитации, посмертное обнародование произведения.

Таким образом, широкий круг обстоятельств требует юридической проверки, однако процедурный механизм по установлению тех или иных фактов необходимых для признания произведения перешедшим в режим общественного достояния отсутствует.

Представляется, что именно в этом проявляется разрыв между материальным и процессу-

альным правом. Материально-правовой режим перехода произведения в общественное достояние в российском праве урегулирован достаточно подробно, однако способ официального подтверждения его наступления отсутствует.

Вследствие этого в настоящее время вопрос о нахождении произведения в общественном достоянии фактически разрешается казуистически – только в рамках конкретного судебного дела между отдельными субъектами гражданских правоотношений. Суд устанавливает соответствующие обстоятельства лишь для целей разрешения частного спора, и такой вывод не обладает универсальным действием для неопределенного круга лиц.

Именно в этом заключается ключевая проблема, связанная с более широким вопросом институциональной недооформленности режима общественного достояния как в Российской Федерации, так и в мире в целом.

При этом складывается ситуация, в которой существует отсутствие официальной процедуры подтверждения факта перехода произведения в режим общественного достояния, в связи с чем определенный элемент культурного наследия оказывается фактически затруднен для свободного оборота.

В условиях цифровизации данная проблема приобретает еще большую остроту.

Массовая оцифровка фондов библиотек, музеев, архивов, образовательных платформ и электронных библиотек требует предварительного определения правового статуса каждого объекта. При отсутствии официального реестра организации вынуждены либо самостоятельно принимать риск ошибочной квалификации, либо полностью отказываться от публикации произведения.

Таким образом, центральная правоприменительная проблема определения момента перехода произведения в общественное достояние заключается не столько в сложности самой формулы срока охраны, сколько в отсутствии реестрового, административного и процессуального механизмов официального установления данного факта.

По существу, действующее право допускает установление соответствующего факта только опосредованно – в конкретном судебном споре, между конкретными лицами и применительно к конкретному произведению, что не обеспечивает необходимый уровень правовой определенности для участников гражданского оборота.

В этой связи представляется необходимым нормативное закрепление:

Государственного цифрового реестра произведений, находящихся в общественном досто-

янии;

компетентного органа либо специализированной экспертной организации;

специального процессуального механизма признания произведения перешедшим в общественное достояние;

правовых последствий такого признания для неопределенного круга лиц.

Особую наглядность обозначенная проблема приобретает в сфере цифровой коммерции и платформенной модерации контента. Показательным примером выступает ситуация, сложившаяся на одном из крупнейших российских маркетплейсов в отношении колоды карт «Таро Райдера-Уэйта» [6,7,8].

Указанная колода представляет собой классическое произведение изобразительного искусства, созданное в начале XX века и широко используемое в гражданском обороте. С учетом даты смерти авторов оригинального художественного оформления и истечения установленного законом срока действия исключительного права соответствующее произведение, по общему правилу статьи 1282 Гражданского кодекса Российской Федерации, должно рассматриваться как перешедшее в режим общественного достояния.

На практике значительная часть оборота данной продукции осуществляется через маркетплейс «Wildberries», где многочисленные продавцы реализуют колоды, воспроизводящие оригинальное произведение – «Таро Райдера-Уэйта».

Вместе с тем в рамках платформенной системы защиты прав третье лицо – ООО «Аввалон-Ло Скарабео» заявило о наличии у него исключительных прав на переработанное произведение под наименованием «Универсальное Таро Уэйта» и на этом основании инициирует блокировку карточек товаров иных продавцов, реализующих именно оригинальную классическую колоду, тем самым фактически незаконным путем монополизировав рынок.

Существенное значение в данном случае имеет то обстоятельство, что продавцы не используют переработанное произведение, права на которое заявляет указанная организация, а осуществляют реализацию оригинального художественного произведения, находящегося, в режиме общественного достояния. Иными словами, спор затрагивает не вопрос наличия прав на переработку, а вопрос возможности официального подтверждения статуса исходного произведения как общественного достояния.

Обращаясь к маркетплейсу в рамках внутренней процедуры обжалования блокировки, продавцы указывали, что реализуемый ими товар представляет собой воспроизведение оригиналь-

ной колоды Райдера-Уэйта, срок охраны которой истек, вследствие чего ее использование не требует согласия каких-либо лиц. Однако в ответ на такие обращения платформа заняла формально нейтральную позицию, указав, что у нее отсутствует возможность самостоятельно устанавливать факт перехода произведения в общественное достояние, поскольку не существует официального подтверждения такого статуса, исходящего от компетентного органа либо содержащегося в публичном реестре.

По существу, маркетплейс прямо указал продавцам на необходимость обращения в суд для подтверждения того, что оригинальное произведение действительно находится в общественном достоянии. Тем самым частноправовой цифровой посредник фактически воспроизвел общий системный дефект российского правового регулирования: отсутствие административного, реестрового и процессуального механизма, позволяющего заранее и универсально установить соответствующий юридический факт [10].

После указанного группа продавцов обратилась в суд. Представители выбрали следующий механизм иска [9]:

Истцы просят суд установить факт внешне-го вида произведения – «Таро Райдера-Уэйта» 1909 года создания и факт отсутствия у ООО «Аввалон-Ло Скарабео» (Ответчик) и компании U.S. Games Systems, Inc. (Соответчик, Лицензиар Ответчика) исключительного права на произведение произведения – «Таро Райдера-Уэйта» 1909 года создания.

Данный механизм и указание на рассмотрение его в общеисковом производстве обоснованы следующим:

Несмотря на то, что Истцы просят установить факт, заявление должно рассматриваться в общем исковом порядке.

С точки зрения материального права, Истцы защищают свои гражданские права путем признания права, а именно разновидности данного механизма защиты в виде признания права другого лица отсутствующим.

В соответствии со статьей 12 Гражданского Кодекса Российской Федерации, защита гражданских прав осуществляется путем признания права [2].

При этом защищаться гражданские права в соответствии с данным положением могут как путем признания права, так и наоборот, путем признания права отсутствующим.

Исходя из положений п. 52, 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 [4], Постановления Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной

практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», если отсутствует возможность защиты Истца путем признания права, защита может быть осуществлена путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

С точки зрения процессуального права, Истцы подают заявление по правилам общеискового производства.

Между сторонами имеется спор о праве, из-за чего настоящее заявление подлежит рассмотрению в порядке общеискового производства.

В соответствии с пунктом 3, статьи 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что при рассмотрении заявления об установлении фактов, имеющих юридическое значение, выясняется, что возник спор о праве [3].

Исходя из разъяснений Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2004 г. № 76, заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, подлежит оставлению без рассмотрения, если требование возникло из спора о праве; такое требование может быть рассмотрено в общем порядке [5].

Таким образом, наличие спора о праве не мешает предъявлению искового заявления требованием по которому является признание наличия или отсутствия права, однако, в связи с наличием спора о праве, такое исковое заявление должно рассматриваться не по правилам особого производства (в соответствии с гл. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), а в рамках общеискового производства.

В настоящем случае потребность в признании факта отсутствия у Ответчика исключительного права на спорное произведение в связи с переходом данного объекта интеллектуальной собственности в общественное достояние возникла в связи предъявлением к Истцам со стороны ООО «Авалон-Ло Скарабео» претензии за нарушение исключительных прав, в связи с тем, что Истцы используют произведение, перешедшее в общественное достояние.

Истцы процессуально идут не через установление факта в соответствии с главой 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а через исковое производство в соответствии со статьей 12 Гражданского Кодекса Российской Федерации и пункта 5 письма ВАС № 76.

Таким образом, в связи с тем, что требование из искового заявления возникло из существующего спора о праве, настоящее исковое заявление

должно быть рассмотрено в общем порядке.

При этом надлежащими Ответчиками являются ООО «Авалон-Ло Скарабео» и U.S. Games Systems, Inc.

Истцам необходимо установить факт перехода произведения – оригинальное таро «Райдера-Уэйта» 1909 г. в общественное достояние.

В рамках общего искового производства, в отличие от дел о признании факта, всегда должен присутствовать Ответчик.

Однако, в случае установления такого факта, невозможно установить Ответчика, обязательного для общего искового производства. Какой-либо реестр, устанавливающий переход произведения в общественное достояние, решение которого можно было бы оспорить в суде, отсутствует. Таким образом, заявить требование о признании факта перехода произведения в общественное достояние Истцы не могут.

Исходя из указанных выше положений Истцы, заявляя требование об установлении факта отсутствия у ООО «Авалон-Ло Скарабео» и U.S. Games Systems, Inc. исключительных прав на оригинальное таро «Райдера-Уэйта» 1909 г., в связи с переходом данного произведения в общественное достояние, с учетом необходимости рассмотрения настоящего заявления в общем исковом порядке, избрали надлежащих Ответчиков – ООО «Авалон-Ло Скарабео» и U.S. Games Systems, Inc.

Представленный пример наглядно демонстрирует, что в современных условиях отсутствие официальной процедуры подтверждения режима общественного достояния выходит за пределы сугубо теоретической проблемы и непосредственно влияет на функционирование электронных торговых площадок, свободу конкуренции и возможность легального оборота произведений, срок охраны которых истек.

Особенно важно, что в рассматриваемой ситуации спор о блокировке товаров был вызван не столько содержанием норм материального права, сколько отсутствием для участников оборота и самой платформы достоверного внешнего критерия, позволяющего отграничить оригинальное произведение, находящееся в общественном достоянии, от охраняемой переработки.

Таким образом, данный пример подтверждает ранее сформулированный вывод о том, что в российском праве отсутствует не материально-правовое основание перехода произведения в общественное достояние, а универсальный механизм официального удостоверения такого факта, способный действовать не только внутри конкретных правоотношений, но и в отношении неопреде-

ленного круга лиц, включая цифровые платформы и маркетплейсы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее российское законодательство в целом содержит достаточное материально-правовое регулирование института общественного достояния, но при этом нормативная определенность указанных положений не устраняет существенных трудностей, возникающих при их практическом применении.

Установлено, что ключевая проблема современного правового регулирования заключается не в отсутствии законодательных оснований для перехода произведения в общественное достояние, а в отсутствии институционального механизма официального подтверждения данного юридического факта. Действующее законодательство не предусматривает государственного реестра произведений, находящихся в общественном достоянии, не определяет компетентный орган, уполномоченный подтверждать соответствующий правовой статус, а также не содержит административной либо специальной судебной процедуры, позволяющей установить факт прекращения действия исключительного права с обязательным значением для неопределенного круга лиц.

Отсутствие такого механизма порождает правовую неопределенность для всех участников гражданского оборота.

В связи с этим представляется целесообразным совершенствование действующего законодательства посредством формирования комплексного институционального механизма подтверждения перехода произведений в общественное достояние. Такой механизм может включать создание государственного цифрового реестра произведений, находящихся в общественном достоянии, определение компетентного органа либо специализированной экспертной организации, установление административной процедуры подтверждения соответствующего статуса, а также закрепление процессуального порядка судебного разрешения споров о переходе произведений в общественное достояние с определением правовых последствий принятого решения.

Реализация указанных мер позволит существенно повысить уровень правовой определенности в сфере использования произведений, обеспечить баланс интересов правообладателей, пользователей и общества, а также создать необходимые правовые условия для более эффективного вовлечения культурного наследия в гражданский оборот и его использования в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 7.

[5] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2004 года № 76.

[6] Решение Арбитражного суда Пермского края от 06.07.2026 по делу № А50-22552/2024.

[7] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.06.2026 № С01-927/2025 по делу № А40-233872/2024.

[8] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.04.2026 № С01-285/2026 по делу № СИП-850/2023.

[9] Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А41-62229/2025 от 10.09.2025 г. о принятии искового заявления (заявления) к производству и подготовке дела к судебному разбирательству.

[10] Залевский С.А. Свободу колоде карт «Таро Райдера-Уэйта» или отмена монополии ООО «Авалон – Ло Скарабео» 2.0 // VC.ru. – URL: <https://vc.ru/legal/1209939-svobodu-kolode-kart-taro-raider-ueit-ili-otmena-monopolii-ooo-avvalon-lo-skarabeo-20> (дата обращения: 13.05.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 25.12.2006. No. 52 (part 1). Art. 5496.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[3] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. - Art. 3012.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – № 7.

[5] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 76 dated 17.02.2004.

[6] Decision of the Arbitration Court of the Perm Territory of 06.07.2026 in case No. A50-22552/2024.

[7] Intellectual Property Rights Court Ruling of 01.06.2026 No. C01-927/2025 in Case No. A40-233872/2024.

[8] Ruling of the Presidium of the

Intellectual Property Rights Court of 24.04.2026 No. S01-285/2026 in case No. SIP-850/2023.

[9] Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow in case No. A41-62229/2025 of 10.09.2025 on the acceptance of the statement of claim (application) for the production and preparation of the case for trial.

[10] Zalevsky S.A. Freedom of the card deck "Tarot Rider-Waite" or the abolition of the monopoly of LLC "Avvalon - Lo Scarabeo" 2.0 // VC.ru. – URL: <https://vc.ru/legal/1209939-svobodu-kolode-kart-taro-raider-ueit-ili-otmena-monopolii-ooo-avvalon-lo-skarabeo-20> (дата обращения: 13.05.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-415-419

Дата принятия рукописи в печать: 08.08.2026 г.

БАШИЛОВ Борис Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, процессуального права и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
e-mail: bashilov-bi@rudn.ru

АБРОСИМОВ Станислав Алексеевич,

студент магистр юридического института \Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
e-mail: asa020704@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ МЕХАНИЗМА ОТМЕНЫ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР: СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЕЛЫ ИНСТИТУТА И НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается порядок отмены обеспечительных мер в арбитражном процессе Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена выявленной процессуальной асимметрией и отсутствием реализации принципа равноправия сторон спора, как основополагающего принципа арбитражного судопроизводства.

Целью работы является выявление структурных пробелов института обеспечительных мер, анализ их влияния на реализацию принципов состязательности, равноправия сторон, а также разработка направления законодательного реформирования с целью исключения пробелов из правового регулирования.

Методологическую основу составили историко-правовой и формально-правовой методы.

Результаты исследования подтверждают, что отсутствие возможности обжалования определения о принятии обеспечительных мер, а также действующий порядок отмены обеспечительных мер создает противоречивость в реализации прав сторон.

Предложенные изменения позволят восстановить баланс между процессуальной экономией и принципами справедливости и равноправия сторон судебного разбирательства.

Ключевые слова: обеспечительные меры, отмена обеспечения иска, принцип состязательности, никто не может быть судьей в собственном деле, процессуальная асимметрия, баланс интересов, отмена обеспечительных мер, судебная практика.

BASHILOV Boris Igorevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Procedural Law, and International Private Law, Law School, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ABROSIMOV Stanislav Alekseevich,

Master's student at the Law Institute of the Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples (RUDN)

PROCEDURAL ASYMMETRY IN THE CANCELLATION OF INTERIM MEASURES: STRUCTURAL GAPS AND THE VIOLATION OF FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF JUDICIAL PROCEEDINGS

Annotation. *This paper addresses the procedure for setting aside interim measures in Russian arbitration proceedings. The relevance of the study is grounded in a procedural asymmetry that has been identified in current practice and in the incomplete implementation of the principle of equality of the parties, which constitutes a cornerstone of arbitration proceedings.*

The aim of the paper is to identify structural gaps in the institution of interim measures, to analyze how these gaps affect the principles of adversarial proceedings and equality of the parties, and to propose directions for legislative reform capable of closing such gaps in legal regulation.

The methodology relies on historical-legal and formal-legal analysis.

The findings demonstrate that the lack of a right to appeal a ruling on the granting of interim measures, combined with the existing procedure for their cancellation, gives rise to an asymmetry in how the parties are able to exercise their rights.

The reforms proposed in the paper would help restore the balance between procedural efficiency and the principles of fairness and equality that underlie judicial proceedings.

Key words: *interim measures, cancellation of interim measures, principle of adversarial proceedings, no one may be a judge in their own case, procedural asymmetry, balance of interests, setting aside interim measures, case law.*

Одним из основополагающих институтов, способствующих обеспечению исполнению судебных актов и повышению эффективности реализации права на судебную защиту, является институт обеспечительных мер.

Обращение за судебной защитой нарушенного права и восстановления имущественного положения, предшествовавшего нарушению прав, является не самоцелью субъектов экономической деятельности, а только средством для достижения обозначенной цели.

Таким образом, только обеспечение фактического исполнения судебного акта может способствовать реализации задач арбитражного судопроизводства, предусмотренных ст. 2 АПК РФ.

В этой связи, невозможно не согласиться с уважаемым профессором А.М. Треушниковым, который акцентировал внимание на том, что именно процессуальный институт обеспечительных мер материализует право на эффективную судебную защиту, что предопределяет его значение для арбитражного процесса [1].

Для раскрытия гарантийной сущности данного института необходимо обратиться к целеполаганию обращения в суд за защитой нарушенного права. Суд наделяется полномочиями по применению обеспечительных мер в качестве механизма превентивной защиты, в том числе направленного на сохранение имущества, необходимого для последующего исполнения решения суда.

Обеспечительные меры принимаются судом с целью предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижая воздействия негативно-

го характера допущенных нарушений и создания надлежащих условий для исполнения судебного решения [2].

Однако указанные цели недостижимы в отрыве от процессуальной формы, поскольку эффективность обеспечительных мер напрямую зависит от соблюдения процессуальных сроков, а иначе рассматриваемый институт способен трансформироваться в источник процессуальных рисков.

Так, нарушение императивных сроков, как на рассмотрение ходатайства о принятии обеспечительных мер, так и на рассмотрение ходатайства об их отмене, может привести к нарушению прав и интересов участников гражданского оборота.

В случае нарушения сроков рассмотрения заявлений о принятии обеспечительных мер недобросовестный участник процесса может распорядиться имуществом, которое могло бы быть предметом обеспечения, что затруднит или сделает исполнение судебного акта по делу невозможным, и наоборот, затягивание сроков на рассмотрение заявления об отмене таких мер так же ставит заявителя и ответчика в неравное процессуальное положение.

Таким образом, темпоральный аспект в вопросах обеспечения иска приобретает материально-правовое значение, в силу формирования предпосылок злоупотребления при нарушении процессуальных сроков, нарушая тем самым принцип равенства сторон, превращая институт обеспечительных мер в инструмент недобросовестной конкурентной борьбы.

Институт обеспечительных мер требует

строгого соблюдения процессуальных норм, что в противном случае может превратить его в инструмент давления и недобросовестного поведения участников процесса, использование которого может позволить приобрести неравное преимущественное положение в гражданском обороте, устраняя равенство участников процесса [3].

Наличие риска подобной трансформации указывает на необходимость формирования эффективного механизма контроля, каковым выступает процедура обжалования судебных актов, а также процедура отмены обеспечительных мер. В то время как введение ограничений гарантирует исполнение будущего решения в пользу заявителя, их отмена выступает корреспондирующей гарантией для ответчика, призванной обеспечить соблюдение баланса интересов сторон.

Процедура отмены мер по обеспечению иска занимает главенствующее место в судопроизводстве, потому что является гарантом права ответчика от неправомерных и необоснованных имущественных обременений. Реализация процедуры отмены требует от должника доказывания незаконности наличия обеспечительных мер либо отпадения оснований для их сохранения, или появления новых обстоятельств, влияющих на обеспечительные меры. Данный процессуальный механизм служит практической реализацией принципов равноправия и состязательности, восстанавливая баланс интересов сторон [4].

Ретроспективный анализ законодательства указывает на наличие устойчивой тенденции к присутствию процессуального неравноправия, которое требует отдельного анализа в контексте развития арбитражно-процессуального права.

Рассмотрение трансформации данного института в историческом контексте демонстрирует устойчивую преемственность: обеспечительные меры налагаются в отсутствие ответчика по делу, тогда как механизм их отмены усложняется.

Такой подход аналогичным образом реализовывался в советский период. Так, в ГПК РСФСР 1967 года закреплялось разрешение заявления об обеспечении иска без извещения ответчика, что в свою очередь усложняло защиту прав при обеспечении иска [5].

Рассматривая последующие редакции АПК РФ, как например редакцию 2004 года, можно сделать обоснованный вывод, что в постсоветский период данная конструкция не менялась, что, по сути, на сегодняшний день, вступает в противоречие с принципами состязательности и равноправия сторон судопроизводства [6].

Современное правовое регулирование обеспечительных мер в арбитражном процессе построена с наличием асимметрии стадий их принятия и

отмены. Так, в соответствии со статьей 93 АПК РФ, ходатайство об обеспечении иска разрешается судьей единолично в сжатые сроки – не позднее дня, следующего за днем его поступления, и без вызова сторон. В то же время механизм прекращения таких мер, закрепленный в статье 97 АПК РФ, носит состязательный характер, поскольку разрешение вопроса об отмене обеспечительных мер рассматривается в судебном заседании с участием заинтересованных лиц с исследованием доводов и доказательств.

При рассмотрении такого заявления ответчик обосновывает основания, в связи с чем сохранение обеспечительных мер будет являться несоизмеримым ограничением прав либо на момент рассмотрения такого заявления уже утратило свое значение, поскольку судебный акт уже был исполнен.

Логически определяется, что норма, указывающая на рассмотрение заявления об обеспечении иска не позднее следующего дня, имеет место с целью предотвращения сокрытия активов, которые могут стать предметом обеспечения, но такое регулирование приводит к сознательному нарушению принципа состязательности, поскольку у ответчика отсутствуют правовые возможности повлиять на их принятие, которые могут быть реализованы посредством письменных и устных пояснений по существу заявления.

Хотя ответчик вправе давать пояснения и обоснование своей позиции при рассмотрении заявления об отмене обеспечительных мер, к моменту рассмотрения такого заявления он уже может понести невозмещимые убытки. В частности, принятие ограничений ведет к репутационным издержкам и потере доверия со стороны контрагентов. Принятые обеспечительные меры могут лишить возможности хозяйствующий субъект использовать активы для получения прибыли. Эти неблагоприятные последствия могли бы не наступить, если бы доводы ответчика были учтены судом на стадии принятия обеспечительных мер.

Актуальная модель принятия и отмены обеспечительных мер порождает несколько взаимосвязанных негативных последствий, требующих отдельного рассмотрения.

По нашему мнению, нельзя не учитывать психологический фактор, который выражается в том, что судья оценив, наличие связи предмета спора с истребуемыми обеспечительными мерами и признавший доводы заявителя достаточными для их принятия, при рассмотрении вопроса об отмене, ранее наложенных обеспечительных мер будет менее склонен к отмене собственного определения о принятии таких мер, что неизбежно ведет к предъявлению к доводам ответчика повы-

шенного стандарта доказывания, необходимого для отмены обеспечительных мер.

Для устранения такой асимметрии необходимо представить ответчику возможность представлять письменные и устные пояснения уже на первоначальном этапе рассмотрения вопроса об обеспечении иска, что в свою очередь позволит, путем реализации принципов состязательности и равноправия, постановить судебный акт, который в большей степени будет отвечать критерию обоснованности.

Действующий порядок, при котором ответчику представляется возможность впервые выразить свою правовую позицию лишь на стадии рассмотрения вопроса об отмене обеспечительных мер, сам по себе нарушает принципы состязательности и равноправия сторон. Данное нарушение усугубляется тем обстоятельством, что определение о принятии обеспечительных мер является окончательным и не подлежит обжалованию, вследствие чего единственным процессуальным инструментом для защиты собственных прав является заявление об отмене обеспечительных мер с применением повышенного стандарта доказывания. В результате чего заявитель изначально находится в преимущественном процессуальном положении по сравнению с ответчиком, что как раз таки и влечет нарушение принципов судопроизводства.

Данный довод находит прямое подтверждение в части 5 статьи 97 АПК РФ. Согласно указанной норме, обжалованию подлежат определение об отмене обеспечения иска и определение об отказе в его отмене, тогда как возможность обжалования определения о принятии обеспечительных мер процессуальным законодательством не предусматривается, делая при этом единственным доступным ответчику способом реагирования на принятые в отношении него обеспечительных мер – заявление об их отмене в порядке той же статьи 97 АПК РФ.

Таким образом, действующее правовое регулирование содержит нормы, противоречащие принципам состязательности и равноправия сторон, трансформируя институт обеспечительных мер из гарантий исполнения решения в инструмент процессуального давления.

Институт обеспечительных мер, обладая превентивной функцией, в отрыве от процессуальной формы приобретает характер процессуального риска для участников процесса, поскольку может стать инструментом недобросовестного поведения, применение которого неизбежно приведет к нарушению прав одной из сторон спора и невозможности восстановления нарушенного права из-за наличия дефекта в процедуре рассмотре-

ния вопроса об отмене обеспечительных мер.

Историко-правовой анализ демонстрирует устойчивую преемственность модели, при которой ответчик не вызывается в судебное заседание, на котором разрешается вопрос о принятии обеспечительных мер, его правовая позиция по данному вопросу учитывается лишь постфактум.

Действующее регулирование, при котором вопрос о принятии мер, происходящий в экстренном порядке с целью предотвращения сокрытия активов или имущества, необходимого для исполнения решения, не компенсируется механизмом отмены мер должным образом, давая существенный процессуальный перевес стороне, заявившее об обеспечении иска.

Таким образом, с целью устранения выявленного процессуального дисбаланса представляется необходимым законодательно закрепить возможность рассмотрения вопроса об обеспечении иска в присутствии ответчика в суд заседании с вызовом сторон, поскольку подобное ограничение негативно влияет на возможность реализации прав на судебную защиту, предусмотренную статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Наличие процессуальной возможности у ответчика давать пояснения, касающиеся принятия обеспечительных мер устраняет выявленное процессуальное неравенство, что так же благоприятно отразится на экономии процесса, поскольку заблаговременное представление ответчиком возражений могло бы исключить принятие обеспечительных мер как таковых, а следовательно и необходимость последующего рассмотрения заявления об их отмене.

Указанные предложения не ведут к нарушению принципа процессуальной экономии, при этом помогут вернуть институту обеспечительных мер его исходную природу: инструмента гарантии исполнения судебного акта, а не средства процессуального принуждения, действующего в условиях структурного неравенства сторон. Восстановление баланса между эффективностью и справедливостью позволит обеспечить реализацию права на судебную защиту в полном объеме.

Список литературы:

[1] Треушников А.М. Становление института обеспечительных мер в арбитражном процессе // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 258.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // СПС

КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Чуракова Е. Н., Садчикова А. А. Проблематика обеспечения иска в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 372-373.

[4] Суворова В. С. Отмена обеспечительных мер в арбитражном процессе как защита прав ответчика в современных экономических условиях // Актуальные проблемы частного права в контексте современных научных исследований : сборник материалов II Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ обучающихся по программам высшего образования, Санкт-Петербург, 10 января – 1 апреля 2025 г. / под ред. канд. юрид. наук, доц. С. С. Желонкина. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. – С. 491.

[5] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : [утвержден Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г.] : редакция от 31 декабря 2002 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (дата обращения: 20.04.2026).

[6] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219> (дата обращения: 01.06.2026).

References:

[1] Treushnikov A.M. Formation of the Institute of Interim Measures in Arbitration Proceedings // Notes on Modern Civil and Arbitration Procedural Law / edited by M.K. Treushnikov. Moscow, 2004.

P. 258.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 15 "On Certain Issues of the Adoption by Courts of Measures to Secure a Claim, Interim Measures, and Preliminary Protective Measures" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/ (date accessed: 15.04.2026).

[3] Churakova E.N., Sadchikova A.A. Problems of Securing a Claim in Civil Procedure // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. P. 372-373.

[4] Suvorova V. S. Cancellation of interim measures in arbitration proceedings as protection of the defendant's rights in modern economic conditions // Current issues of private law in the context of modern scientific research: collection of materials from the II All-Russian competition of scientific research works of students in higher education programs, St. Petersburg, January 10 – April 1, 2025 / edited by Cand. of Law, Assoc. Prof. S. S. Zhelonkina. - St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2025. - P. 491.

[5] Civil Procedure Code of the RSFSR: [approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 11, 1964]: version of December 31, 2002 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (accessed: 20.04.2026).

[6] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219> (accessed: 01.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-420-424

ПАВЛЮК Юрий Борисович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «Правовое
обеспечение национальной безопасности», ФГБОУ ВО
«МИРЭА-Российский технологический университет»,
e-mail: PavlyukYu197@gmail.com

О ВАКАНСИЯХ СУДЕЙ, КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И НАГРУЗКЕ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты кадровой политики по формированию корпуса судей. Анализируются причины сохранения значительного числа вакансий, общая нагрузка судей, жалобы, связанные с организацией судебной работы. Проводятся параллели с судебной нагрузкой судей в некоторых зарубежных правовых системах. Рассматриваются возможные варианты разрешения этих проблем.

Ключевые слова: судья, аппарат суда, вакансии, соотношение, судебная нагрузка, профессиональное выгорание, государственные служащие, федеральный бюджет, штатный состав, компенсация за нарушение разумных сроков рассмотрения дел.

PAVLYUK Yuri Borisovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the
Department "Legal Support of National Security", MIREA-Russian
Technological University

ON JUDGE VACANCIES, HUMAN RESOURCES POLICY, AND LOAD IN THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Annotation. The article examines certain aspects of the personnel policy for the formation of the judiciary. It analyzes the reasons for the persistence of a significant number of vacancies, the overall workload of judges, and complaints related to the organization of judicial work. The article also draws parallels with the judicial workload of judges in some foreign legal systems. It also considers possible solutions to these problems.

Key words: judge, court office, vacancies, ratio, judicial workload, professional burnout, civil servants, federal budget, staffing, compensation for violations of reasonable timeframes for handling cases.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации Краснов И.В. в феврале 2026 года заявил, что в России остаются вакантными 3,5 тысячи должностей судей. [6] Возникают вопросы много это или мало, а также в чем причина наличия такого количества вакансий? Указания на точное количество судей в Российской Федерации в открытых источниках нет. О количестве судей в стране можно лишь догадываться исходя из косвенной информации, которую можно в основном почерпнуть из средств массовой информации и законов о федеральном бюджете на конкретный год, устанавливающих нормативы штатной численности. В частности, ресурс «Право.ру» указывает, что в 2024 году число судей составляло 33 000 человек при 19,8% свободных вакансий. [5] В законе о федеральном бюджете на 2025 год об-

щий норматив составлял 30 157 штатных единиц. Вакансий на этот год было 4 855. Следовательно, можно говорить о 25 302 реально работавших судей.

Представляется интересным соотнести общее число судей с количеством населения страны. На конец 2025 года население страны насчитывало 146 119 928 чел. [9] Если исходить из количества штатных единиц, то соотношение в 2025 г. составляло 1 судья на 4 845 человек. Соотношение с реальным количеством судей - 1 на 5 775 чел.

Для сравнения можно воспользоваться сведениями о других странах, имеющимися также в открытых источниках. В качестве примера обратимся к статистическим данным Великобритании – страны общего права и Германии – представителя

континентального права.

В Великобритании в 2025 году официально проживало 69 487 000 чел. [11] Общее количество судей во всех частях объединенного королевства составляло 8 363 чел. [14; 15] Таким образом на одного судью с учетом округления приходилось 8 309 чел.

В Германии в этот же период при населении 83 467 117 чел. количество судей составляло 38 500 человек, то есть с учетом округления соотношение - 1:2168. [12; 13]

Принимая во внимание изложенное российские показатели представляют из себя нечто среднее между британскими и германскими.

На совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Президент Российской Федерации Путин В.В. озвучил сведения о том, что за год (2024) судами рассмотрено 42 млн. дел. [10]. Цифра весьма внушительная, учитывая количество проживавшего в стране населения. Поэтому утверждения некоторых западных политических и общественных деятелей о низком уровне правосознания у россиян, недоверии граждан к судебной системе и невысокой правовой культуре в стране при таких цифрах выглядят мягко говоря неубедительными.

Если вернуться к цифрам о количестве судей, то 42 млн. дел рассмотрело 33 000 чел. По штату (при свободных вакансиях почти 20%). Грубый подсчет позволяет сделать вывод, что на каждую штатную единицу судьи приходилось примерно 1272,72 дела в год.

В 2025 году российские суды рассмотрели 34 млн. дел, то есть за вычетом вакантных должностей, на каждого действующего судью пришлось 1343,76 дела. При этом в Германии в 2025 году рассмотрено 13,5 млн. дел, что составило 350,64 дела на судью в год. [4] В Великобритании рассмотрено 3,3 млн. дел, то есть 394,59 дела на судью в год. [16]

Цифры могут колебаться в ту или иную сторону, на них оказывает влияние, в том числе и то, что не вся информация размещается в открытых источниках, а имеющаяся носит порой бессистемный характер. Но всё-таки общие масштабы нагрузки судей в трех названных странах можно себе представить достаточно ясно. Из них наибольшая нагрузка приходится именно на российских судей.

Необходимо также отметить, что нагрузка на всех судей неодинакова. На российского судью наибольшее количество дел приходится в судах крупных населенных пунктов, городов, в которых проживает основная часть населения страны и размещена большая часть производственных предприятий. Это обстоятельство значительно увеличивает нагрузку по сравнению с судьями в

малонаселенных регионах страны.

При этом не стоит забывать, что даже внутри суда нагрузка распределяется также неравномерно. В частности, руководство судов, являясь по своему статусу судьями, занято ещё и административной работой, поэтому рассматривает по сравнению с остальными судьями всегда меньше дел. Иногда цифры рассмотренных ими дел очень незначительны. Поэтому большая часть дел находится в производстве рядовых судей, что всегда чувствительно для них. Количество рассмотренных обычным судьей дел за год в отдельных судах может превышать и 2500, и 3000 дел. Это, к сожалению, на сегодняшний день уже не редкость и по все видимости не предел.

В условиях высокой нагрузки большое значение для успешной и эффективной работы судьи играет наличие у него в подчинении подготовленного аппарата суда, состоящего из федеральных государственных служащих. Государственные гражданские служащие, призванные обеспечивать работу суда, тоже не являются самым крупным отрядом среди российских государственных служащих и при этом среди аппарата судов, особенно в крупных городах традиционно была и остается высокая текучка кадров и наличие незакрытых вакансий. Опытные кадры в связи с той же причиной - нагрузкой в значительной мере вымываются из судебной системы, особенно из судов первой инстанции. Небольшое повышение в последнее время денежного содержания гражданских служащих несколько сократило масштабы оттока, но проблему полностью не устранило.

Ситуация с высокой нагрузкой судей сложилась уже давно и не первое десятилетие имеет тенденцию к увеличению. Констатация ее больших размеров и неуклонного роста постоянно из года в год публично озвучивается руководством судебных органов. Однако названная ситуация существенно по-прежнему не меняется. Увеличение нагрузки на судей неизбежно сказывается на качестве их работы, качестве выносимых судебных актов и на сроках рассмотрения дел.

Кроме того, с вступлением в силу Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» это начало сказываться и на бюджете, поскольку появившийся в российских отраслях процессуального права институт компенсации позволил взыскивать из бюджета миллионные суммы за нарушение разумных сроков рассмотрения дел и исполнение судебных актов. [7; 8]

Законодатель попытался изменить сложившуюся ситуацию через внесение в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

положений об увеличении сроков рассмотрения дел в арбитражных судах. [1] Однако эти изменения для всей системы государственных судов носят характер полумеры, поскольку не коснулись судов общей юрисдикции и коренным образом не изменили в них ситуацию. Бюджет по-прежнему продолжает перечислять средства за нарушение разумных сроков рассмотрения дел и исполнения судебных актов, исчисляемые миллионами рублей, хотя в большинстве случаев нарушение этих сроков связано с загруженностью судов в сочетании с общей нехваткой кадров судей и сотрудников аппарата судов.

В исторической ретроспективе крупные структурные и управленческие изменения в судебной системе происходили в основном в переломные этапы развития государства, когда политическая воля власти была направлена на кардинальные изменения самой судебной системы и способов её управления, например, в период петровских реформ или во времена судебной реформы 1864 года. В настоящем, несмотря порой на громкие заявления о реформировании судебной системы, существенных изменений в объемах работы судей и работников аппарата судов не происходит. Они по-прежнему большую часть своего времени посвящают работе, лишая себя отдыха и личной жизни, что несомненно сказывается на их семьях и здоровье и в конечном итоге на качестве выполняемой работы.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что руководство страны и судебной системы, в целом, осознавая проблему нехватки кадров, видят решение её не в увеличении количества судей, а в иных действиях.

При этом судебная система развивается путем поэтапных изменений в структуре судов, а также через введение новых институтов права, упрощающих порядок рассмотрения споров. Предпринимаются попытки внедрения технических новшеств в работу судов, осуществить цифровизацию судебного процесса. Обсуждаются идеи использования в работе судей помощи искусственного интеллекта. [3] При этом пока общественность не готова полностью делегировать полномочия судьи искусственному интеллекту. Оправданность таких действий вызывает сомнения, поскольку сам искусственный интеллект также совершает ошибки.

Введение в российское законодательство всевозможных альтернативных способов разрешения споров, например, процедур медиации, посредничества и т.д. тоже должно было разгрузить судебную систему, но пока они не пользуются в России широкой популярностью, сопоставимой по масштабам с западными правовыми порядками, поэто-

му существенно не влияют на снижение общей нагрузки на государственную судебную систему.

Попытки власти перераспределить ставки судей из менее загруженных судов в более загруженные, введение в гражданское и арбитражное процессуальное законодательство упрощенных способов рассмотрения дел, например, выдача судебных приказов, упрощенное производство, сохранение социальных гарантий за судьями при переходе их на нижестоящие должности увеличивают в судах показатели количества рассмотренных дел, но не уменьшают общую нагрузку на судей и не снижают у работников аппарата судов желание покинуть суд.

При анализе основных причин жалоб судей установлено, что наиболее распространёнными являются: высокая нагрузка, которая названа 75% респондентов, низкая заработная плата – 85%, отсутствие баланса между работой и личной жизнью – 39%, профессиональное выгорание – у 37%. [5]

Если внимательно разобраться с упомянутыми доводами, то можно констатировать, что все они связаны всё с той же высокой нагрузкой и в конечном итоге ведут к снижению качества работы судей, а в последствии и к потере судебной системой опытных кадров. Мнение у судей о низкой заработной плате вытекает из соотношения с объемами выполняемой ими работы. Стремление соблюсти установленный процессуальный порядок и сроки рассмотрения принятых к производству дел ведет к нарушению баланса между работой и личной жизнью. Семьи судей и судебных работников начинают распадаться, когда супруг или супруга на протяжении длительного периода основную часть времени пребывает на работе и даже находясь дома он все равно продолжает выполнять взятую на дом работу. В конечном итоге всё это приводит к психологическим перегрузкам, что в совокупности с отсутствием полноценного отдыха становится основой для так называемого выгорания и утрате интереса к работе. По сути именно этими причинами и обусловлено постоянное наличие значительного количества вакантных мест в судебной системе и слабой их заполняемостью при популярности и уважении в обществе труда судьи. Это обстоятельство в свою очередь дополнительно влияет на увеличение нагрузки на уже работающих судей.

Представляется, что существенно может облегчить работу судьям и способствовать заполнению вакантных должностей установление научно обоснованного количества дел, больше которого судья не может получить в свое производство за месяц и год с одновременной разработкой правового механизма распределения между ближайшими судами дел, поступивших в суд сверх

установленных нормативов. Однако это потребует одновременного изменения процессуальных норм, регулирующих вопросы компетенции судов, подсудности дел.

Таким образом, дефицит судей в России и значительные объемы их нагрузки на сегодняшний день остаются сложными и пока трудноразрешимыми проблемами. Предпринимаемые меры снижают общую нагрузку, но они не могут заменить необходимость общего увеличения штатов судей и сотрудников аппарата судов, задействованных в процессуальных действиях. На сегодняшний день российские судьи, работая более интенсивно чем у их зарубежные коллеги, находятся в более тяжелых условиях.

Между тем эффективная работа судебной системы способна обеспечить социальный консенсус в стране и в обществе, даже в случае совершения ошибок органами других ветвей власти. Эффективное функционирование судебной системы служит надежной опорой в деле поддержания стабильности политического строя любой страны и является важнейшим инструментом, позволяющим государству цивилизованно регулировать экономическую и социальную жизнь гражданского общества. Поэтому создание условий для нормального функционирования судебной системы, в том числе путем обеспечения нормальной нагрузки судей и аппарата судов, сохранение в системе высококвалифицированных кадров, поддержание преемственности в формировании корпуса судей неизбежно повлияют и на качество судебных актов, сохраняют доверие и уважение общества к органам судебной власти. Как следствие, укрепление судебной власти будет обеспечивать эффективность государственного управления в стране.

Предпринимаемые усилия по снижению нагрузки и улучшению качества судопроизводства на сегодняшний день явно недостаточны, не создают необходимые для отправления правосудия условия, хотя бы на уровне сопоставимом с нагрузкой иностранных правовых порядков, схожих с российским. Это неизменно влияет на качество отправления правосудия, качество принимаемых и изготавливаемых судебных актов и в конечном итоге затрудняет населению страны реализацию своего права на справедливое судебное разбирательство.

Введение новых институтов процессуального права, техническая модернизация судебного процесса не отменяют необходимость принятия решения об увеличении числа судей и работников судебных органов, задействованных в судебном процессе, в совокупности с установлением научно-обоснованного предела количества дел, распределяемых на одного судью и внесения соответ-

ствующих изменений в процессуальное законодательство, что также оптимизирует деятельность уже работающих в судебной системе судей и федеральных государственных служащих, заметно снизив для них пресс общей нагрузки.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.07.2002, № 30, Ст. 3012.

[2] Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 18. — Ст. 2144.

[3] В российских судах внедряют ИИ, а нагрузку на судей снизят // Рыноквыскаания.рф. URL: www.rvzrus.ru/news/3703 (дата обращения: 01.07.2026).

[4] Данные о работе судебной системы // Statistisches Bundesamt. URL: www.destatis.de/EN/Themes/Government/Justice/_node.html (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Дефицит судей в России составил 20% // Право.ru. URL: www.pravo.ru/news/256512 (дата обращения: 01.07.2026).

[6] Краснов: в России остаются незанятыми 3,5 тыс. должностей // ТАСС. URL: www.tass.ru/obschestvo/26499367 (дата обращения: 01.07.2026).

[7] Информационное сообщение // Минфин России. URL: minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=31916 (дата обращения: 01.07.2026).

[8] Интернет-интервью С.В. Ячевской компании "Консультант Плюс" // Минфин России. URL: minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=31931 (дата обращения: 01.07.2026).

[9] Росстат: численность населения России составила к 1 января 146,12 млн. человек // Росстат. URL: www.vesti.ru/article/4406355 (дата обращения: 01.07.2026).

[10] Соповещение судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов // Президент России. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations (дата обращения: 01.07.2026).

[11] Статистические показатели населения Британии // Office for National Statistics. URL: www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/provisionalpopulationestimatefortheuk/mid2025 (дата обращения: 01.07.2026).

[12] Anzahl der Beamten und Richter in Deutschland // Statista. URL: www.statista.com

de.statista.com/statistik/daten/studie/37096/umfrage/beamte-und-richter-in-deutschland/ (дата обращения: 01.07.2026).

[13] Demographics of Germany // Wikipedia. URL: www.en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Germany (дата обращения: 01.07.2026).

[14] Statistics // GOV.UK. URL: www.gov.uk/government/statistics/diversity-of-the-judiciary-2025-statistics/diversity-of-the-judiciary-legal-professions-new-appointments-and-current-post-holders-2025-statistics (дата обращения: 01.07.2026).

[15] Отчёты JAS - Judicial Appointments Commission // Courts and Tribunals Judiciary. URL: judiciary.uk/wp-content/uploads/2025/02/Published_2024JAS_EnglandWales_UKTribunals.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[16] HM Courts & Tribunals Service Annual Report and Accounts 2024-25 // www.assets.publishing.service.gov.uk/media/6879134a2bad77c3dae4ddc8/HMCTS_Annual_Report_and_Accounts_2024-25_Online.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

References:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation, July 29, 2002, No. 30, Article 3012.

[2] Federal Law of April 30, 2010 No. 68-FZ (as amended on December 5, 2022) "On Compensation for Violation of the Right to a Trial within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judicial Act within a Reasonable Time" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2010. — No. 18. — Article 2144.

[3] AI to be Implemented in Russian Courts, Judges' Workload to be Reduced // Rynokzyskaniya.rf. URL: www.rvzrus.ru/news/3703 (accessed: July 1, 2026).

[4] Data on the Performance of the Judicial System // Statistisches Bundesamt. URL: www.destatis.de/EN/Themes/Government/Justice/_node.html (accessed: 01/07/2026).

[5] The shortage of judges in Russia amounted to 20% // Pravo.ru. URL: www.pravo.ru/news/256512 (accessed: 01/07/2026).

[6] Krasnov: 3,500 positions remain unfilled

in Russia // TASS. URL: www.tass.ru/obschestvo/26499367 (accessed: 01/07/2026).

[7] Information message // Ministry of Finance of Russia. URL: minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=31916 (accessed: 01/07/2026).

[8] Online interview with S.V. Yachevskaya's company "Consultant Plus" // Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=31931 (date of access: 01.07.2026).

[9] Rosstat: the population of Russia amounted to 146.12 million people as of January 1 // Rosstat. URL: www.vesti.ru/article/4406355 (date of access: 01.07.2026).

[10] Meeting of judges of courts of general jurisdiction, military and arbitration courts // President of Russia. URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations (date of access: 01.07.2026).

[11] Population statistics of Great Britain // Office for National Statistics. URL: www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/provisionalpopulationestimatefortheuk/mid2025 (accessed: 01.07.2026).

[12] Anzahl der Beamten und Richter in Deutschland // Statista. URL: www.de.statista.com/statistik/daten/studie/37096/umfrage/beamte-und-richter-in-deutschland/ (accessed: 01.07.2026).

[13] Demographics of Germany // Wikipedia. URL: www.en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Germany (accessed: 01.07.2026).

[14] Statistics // GOV.UK. URL: www.gov.uk/government/statistics/diversity-of-the-judiciary-2025-statistics/diversity-of-the-judiciary-legal-professions-new-appointments-and-current-post-holders-2025-statistics (accessed 07/01/2026).

[15] Reports of JAS - Judicial Appointments Commission // Courts and Tribunals Judiciary. URL: judiciary.uk/wp-content/uploads/2025/02/Published_2024JAS_EnglandWales_UKTribunals.pdf (accessed 07/01/2026).

[16] HM Courts & Tribunals Service Annual Report and Accounts 2024-25 // www.assets.publishing.service.gov.uk/media/6879134a2bad77c3dae4ddc8/HMCTS_Annual_Report_and_Accounts_2024-25_Online.pdf (accessed: 01.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 08.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-425-427

ГОНЧАРОВ Сергей Валерьевич,
независимый исследователь, помощник адвоката,
Балтийская коллегия адвокатов имени Анатолия Собчака,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: urist-goncharov@mail.ru

ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических проблем внедрения генеративных языковых моделей (LLM) в юридическую деятельность. Исследуется феномен «ИИ-галлюцинаций» как угроза стабильности судебной системы. На основе опыта взаимодействия с Балтийской коллегией адвокатов рассматриваются скрытые бизнес-модели распространения бесплатных шаблонов процессуальных документов и оцениваются риски привлечения лиц к ответственности за злоупотребление правами. Обосновывается концепция «Экономики верификации» и прогнозируется контур «нового информационного феодализма» как формы цифровой сегрегации субъектов права по качеству информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект в юриспруденции, ИИ-галлюцинации, экономика верификации, Балтийская коллегия адвокатов, юридические риски, фальсификация прецедентов, цифровой феодализм.

GONCHAROV Sergey Valerievich,
Independent Researcher, Assistant Attorney, Baltic Bar Association
named after Anatoly Sobchak, St. Petersburg, Russia

LEGAL RISKS AND DOCTRINAL CHALLENGES OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUDICIAL PROCEEDINGS AND LEGAL PRACTICE

Annotation. The article analyzes the theoretical and practical problems of integrating generative language models (LLMs) into legal activities. The phenomenon of "AI hallucinations" is investigated as a threat to the stability of the judicial system. Based on the experience of interaction with the Baltic Bar Association, hidden business models of distributing free procedural document templates are examined, and the risks of holding persons liable for abuse of rights are assessed. The concept of the "Verification Economy" is substantiated, and the outline of "new informational feudalism" is predicted as a form of digital segregation of legal entities based on information quality.

Key words: artificial intelligence in law, AI hallucinations, verification economy, Baltic Bar Association, legal risks, falsification of precedents, digital feudalism.

1. Введение: Иллюзия доступности правовой информации

Современный этап развития информационного общества характеризуется масштабной ментальной ловушкой — иллюзией абсолютной доступности и бесплатности профессиональных знаний. Потребителю кажется, что весь накопленный опыт цивилизации, включая алгоритмы защиты прав, находится на расстоянии одного поискового запроса или диалога с чат-ботом. Однако за этим

фасадом скрывается масштабный кризис цифровой среды. Бесплатный сегмент сети Интернет перестал быть верифицированным источником знаний, превратившись в массив неструктурированного контента, заполненного коммерческими манипуляциями и цифровыми «галлюцинациями». В этой реальности получение независимой, точной и достоверной информации стремительно трансформируется в дефицитный премиальный товар.

2. Методология исследования и природа

информационного шума

В рамках данного исследования применяется системно-структурный, сравнительно-правовой и прогностический методы. Для понимания генезиса проблемы дезинформации необходимо дифференцировать институциональные коммуникации от хаотичного коммерческого фейкометства ради интернет-трафика.

Институциональные коммуникации (ведомственные, государственные) всегда обладают долгосрочной логикой и направлены на поддержание стабильности системы, формируя структурированную картину мира для координации социума.

Кликбейтный хаос не имеет конструктивной цели и детерминирован исключительно сиюминутной прибылью от рекламы. Используя алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ), создатели мусорного контента эксплуатируют эмоциональные триггеры. Это подрывает базовый уровень доверия в обществе, провоцируя дезориентацию субъектов права.

3. Результаты: Деструктивные аспекты ИИ-генерации в сфере правовой помощи

Ярким примером негативного влияния ИИ-генерации на правовую защищенность граждан является массовая индустрия «бесплатных юридических документов» в социальных сетях. Столкнувшись с правовым спором (ЖКХ, трудовые или семейные конфликты), граждане используют ИИ-шаблоны процессуальных документов.

За кулисами данной «благотворительности» скрываются два деструктивных алгоритма:

ИИ-генерация без верификации. Документы штампуются нейросетями автоматически. Большие языковые модели (LLM) компилируют текст по ключевым словам, смешивая действующие нормы с отмененными актами или конструируя несуществующие нормы (феномен галлюцинации ИИ).

Бизнес-модель «токсичной наживки». Бесплатный шаблон зачастую создается с расчетом на неминуемый отказ государственного органа. В условиях упущенных процессуальных сроков испуганный гражданин возвращается к авторам платформы, которые выставляют крупный финансовый счет за экстренное исправление ситуации.

3.1 Процессуальные последствия «ИИ-галлюцинаций» в суде

Проблема ИИ-генерации вышла за пределы сетевых уловок и фиксируется в реальной судебной практике. Использование сгенерированных ИИ фальшивых прецедентов и вымышленных норм права в суде напрямую нарушает принцип достоверности доказательств (ст. 67 ГПК РФ / ст. 71 АПК РФ). Подача таких документов квали-

фицируется судами как злоупотребление процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ / ч. 2 ст. 41 АПК РФ), что влечет за собой не только автоматический отказ в удовлетворении требований, но и наложение судебных штрафов за неуважение к правосудию. С точки зрения материального права, деятельность по распространению заведомо некорректных бесплатных правовых шаблонов нарушает базовый принцип добросовестности участников гражданского оборота (ст. 1 ГК РФ) и может быть охарактеризована как введение потребителя в заблуждение (ст. 178 ГК РФ). Замена живого эксперта бесплатным алгоритмом становится самым дорогим способом совершить юридическую ошибку.

4. Обсуждение: Смертельная спираль ИИ и слом поисковых систем

Ситуация ухудшается лавинообразно из-за феномена, известного как *Model Collapse* («коллапс модели») или «смертельная спираль ИИ». Языковые модели обучаются на массивах данных из Интернета. Ввиду того, что сеть заполняется терабайтами синтетического контента, новые поколения нейросетей начинают обучаться на ошибках и галлюцинациях предыдущих ИИ-моделей. Происходит деградация систем: истинные человеческие данные тонут под слоем цифровых копий.

Параллельно происходит слом поисковых алгоритмов из-за генеративного SEO-спама. Сайты реальных, практикующих специалистов (юристов, ученых, врачей) вытесняются из топа выдачи идеально оптимизированным, но пустым ИИ-текстом, созданным роботами для роботов.

5. Теоретическая концепция: Экономика верификации и информационный феодализм

Мы вступаем в эпоху, где главным экономическим ресурсом становится не доступ к информации, а ее очистка от мусора и гарантия подлинности. Формируется Экономика верификации, базирующаяся на радикальном изменении структуры себестоимости. Если генерация миллиона страниц текста стоит доли копейки, то проверка этих данных живым высокооплачиваемым экспертом требует колоссальных затрат. Разрыв между стоимостью генерации и верификации достигает миллионов раз.

Итогом развития этой модели станет Новый информационный феодализм, разделяющий общество на две касты:

Информационное гетто (массовая каста). Потребители бесплатного контента, вынужденные принимать решения, лечиться и судиться на основе неконтролируемых алгоритмов и ИИ-галлюцинаций.

Информационный люкс (элитарная каста). Субъекты, способные оплачивать закрытые

экспертные платформы, верифицированные базы данных и услуги «живых свидетелей» — профессионалов, несущих персональную ответственность за точность информации.

Уникальный, стратегический инсайд защищен коммерческими замками и институтом профессиональной тайны. На примере работы Балтийской коллегии адвокатов (под руководством Ю. М. Новолодского) очевидно, что правовая информация высшего уровня рождается в тишине закрытых кабинетов, передается лично и защищена законом. Ни один открытый ИИ-алгоритм физически не имеет доступа к закрытым производствам, стратегиям ведения дел и живой интуиции, основанной на многолетнем опыте.

6. Заключение

Эра свободного доступа к достоверным знаниям в Интернете завершена. В эру Экономики верификации субъектам необходимо выстраивать жесткую цифровую гигиену. Практическими шагами по минимизации рисков являются: формирование узкого «белого списка» верифицированных источников; обязательный 15-минутный кросс-чек документов по независимым каналам; использование принципа «информационной страховки» (двойной контроль коллегам); и своевременное инвестирование ресурсов в консультации живых профильных специалистов. За подлинность информации теперь придется платить.

Список литературы:

[1] Шумков Д. В. Искусственный интеллект в правовой сфере: проблемы применения и риски дезинформации // Вестник гражданского процесса. — 2025. — № 3. — С. 45–58.

[2] Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект в правосудии: новые вызовы и юридические риски // Журнал российского права. — 2024. — № 8. — С. 14–26.

[3] Андреев В. К. Трансформация правового регулирования в условиях цифровой экономики // Государство и право. — 2025. — № 11. — С. 89–97.

[4] Shumailov I. et al. Model Collapse: AI models cease to learn on synthetic data // Nature. — 2024. — Vol. 632. — P. 112–119.

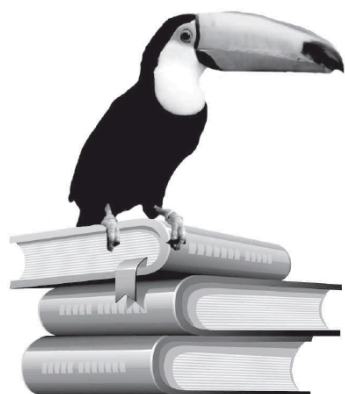
References:

[1] Shumkov D. V. Artificial Intelligence in the Legal Sphere: Application Problems and Risks of Disinformation // Bulletin of Civil Procedure. - 2025. - No. 3. - Pp. 45-58.

[2] Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial Intelligence in Justice: New Challenges and Legal Risks // Journal of Russian Law. - 2024. - No. 8. - Pp. 14-26.

[3] Andreev V. K. Transformation of Legal Regulation in the Context of the Digital Economy // State and Law. - 2025. - No. 11. - Pp. 89-97.

[4] Shumailov I. et al. Model Collapse: AI Models Cease to Learn on Synthetic Data // Nature. - 2024. - Vol. 632. - Pp. 112-119.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-428-430

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского
процесса Института права Уфимского Университета Науки
и Технологий,
e-mail: Gorelov-maxim@yandex.ru

ГЕРШТЕЙН Григорий Исаакович,
Арбитр третейского суда ad hoc г. Липецк,
e-mail: mail@law-books.ru

АРБИТР ТРЕТЕЙСКОГО СУДА AD HOC КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Аннотация. В данной научной статье авторы изложили проблему восприятия обществом юридической профессии арбитра третейского суда ad hoc. Авторы статьи на основе собственного практического опыта работы в качестве арбитра третейского суда ad hoc, обозначили социальную значимость данной юридической профессии, особенности преподавания арбитража (третейского разбирательства) в юридических ВУЗах России и общественное восприятие данной юридической профессии в России.

Ключевые слова: арбитр третейского суда ad hoc; постоянно-действующие, арбитражные учреждения; органы исполнительной власти; органы судебной власти; органы законодательной власти; гражданско-правовые споры; правовые риски.

GORELOV Maxim Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences Associate Professor of the
Department of Civil Procedure Institute of Law Ufa University of
Science and Technology

GERSTEIN Grigory Isaakovich,
arbitrator of the arbitration court ad hoc Lipetsk

AD HOC ARBITRATOR AS A LEGAL PROFESSION

Annotation. In this scientific article, the author presented the problem of public perception of the legal profession of an ad hoc arbitrator. Based on his own practical experience as an ad hoc arbitrator, the author highlights the social significance of the legal profession, the specifics of teaching arbitration (arbitration proceedings) in Russian law schools, and the public perception of this legal profession in Russia.

Key words: ad hoc arbitrator; permanent arbitration institutions; executive authorities; judicial authorities; legislative authorities; civil disputes; legal risks; Ad hoc arbitrator as a legal profession

Некоторые аспекты, влияющие на престиж юридической профессии арбитра третейского суда, складываются из следующих общеизвестных основных положений.

1.1. Социальная значимость на основе статистических данных.

Социальная значимость третейского разбирательства общеизвестна. Например, одним из показателей социальной значимости является снижение нагрузки на суды общей юрисдикции и арбитражные суды субъектов Российской Феде-

рации.

В данном случае в большей степени данная задача направлена к органам исполнительной, законодательной и судебной власти. Возможно предположить, что от действий выше перечисленных, органов государственной власти, зависит степень снижения нагрузки на государственные суды при использовании арбитража ad hoc (третейского разбирательства).

Особую роль в оценке насколько качественно выполняет арбитраж ad hoc функцию сниже-

ния нагрузки на государственные суды в первую очередь, принадлежит, органам исполнительной власти (Министерству юстиции Российской Федерации), поскольку присутствует законодательная инициатива по совершенствованию арбитража *ad hoc* на территории России.

Если обратиться к статистическим данным, то значимость статистических данных многогранно поскольку позволяет прогнозировать будущее развитие института арбитража в Российской Федерации, статистика показывает какие риски существуют. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с начала 2025 года в суды общей юрисдикции поступило более 12,7 млн гражданских и административных исков.

Если исходить из официальной статистики Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Минюсте РФ в 2025 году (ПДАУ) поступило 4920 исков что на 69 процентов больше, чем в 2024 году. С учетом увеличения количества гражданско-правовых споров рассматриваемых судами общей юрисдикции социальная значимость третейского разбирательства в «снижении нагрузки на государственные суды» - маловероятно эффективна.

Статистические данные в отношении арбитража *ad hoc* по количеству исков поданных в 2025 году отсутствует. Но в то же время существуют субъекты РФ в которых институт арбитража *ad hoc* достаточно эффективно применяется и количество рассмотренных дел по сравнению с ПДАУ имеет опережающий характер.

1.2. Общественное восприятие.

Общественное восприятие арбитража, как и института медиации – альтернативный способ разрешения споров.

Общественное восприятие проявляется во первых, через общественные отношения с гражданским обществом, и во-вторых с правовыми отношениями.

ГПК РФ и АПК РФ предусматривая гибкий механизм разрешения споров через договорную подведомственность, создает фундамент для общественного восприятия арбитража *ad hoc* в обществе. В данном аспекте возможно предположить, что существенным недостатком гражданского процессуального законодательства является недостаточное разъяснение в ст.3 ГПК и ст.4 АПК РФ в каком виде может быть рассмотрен спор (рассмотрение спора в ПДАУ или в порядке арбитража *ad hoc*). Действительно во многом общественное восприятие к институту арбитража складывается из качественной и понятной конструкции гражданской процессуальной нормы регламентирующий институт арбитража.

Общественное восприятие арбитража *ad hoc*

соприкасается с рисками третейского разбирательства -беспристрастности арбитра -наличие высокой квалификации арбитра -обращение заинтересованных лиц в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на арбитражное решение третейского суда (затягивание сроков исполнения, заинтересованные лица могут нести убытки) - ошибки в применении норм материального и процессуального права арбитром третейского суда затруднительно исправить -есть ограничения по совершению процессуальных действий связанной с доказательственной деятельностью (иногда арбитр зависим от воли сторон спора). В дополнении вышеуказанных рисков арбитража, особо следует отметить ст.63.1 ГПК РФ -отсутствие возможности арбитра третейского суда *ad hoc* обращаться к суду общей юрисдикции или арбитражному суду за содействием в получении доказательств [1]. Последствия ограничения могут создать ситуацию, при которой в некоторой степени ограничиваются принципы арбитража *ad hoc* (состязательность, диспозитивность, непосредственность).

Как показывает практика, определенная сложность присутствует при выдаче исполнительных листов на арбитражные решения - судами общей юрисдикции и арбитражными судами субъектов РФ (вопросы, связанные с толкованием публичного интереса, с институтом подсудности (например споры о подсудности дела) и т.д.

Таким образом, обобщая вышеуказанные проблемы арбитража *ad hoc* в современной России возможно предположить, что престиж юридической профессии арбитра *ad hoc* формируется в первую очередь от действий органов исполнительной, законодательной и в том числе судебной власти в Российской Федерации. В подтверждении вышеуказанного вывода свидетельствует, следующий немаловажный момент который связан с отсутствием «дорожной карты» по совершенствованию арбитража *ad hoc* в России. В большей степени модернизация с момента реформ третейского разбирательства с 2015 года адресована не к арбитражу *ad hoc*, инициатива преимущественно направлена к постоянно действующим арбитражным учреждениям (ПДАУ). Причина повышенного внимания к ПДАУ очевидно связана с устранением рисков третейского разбирательства, которые существовали до проводимой реформы 2015 года.

Например, использование механизма запрета рекламы арбитража *ad hoc* (статья 30.2. Реклама в сфере арбитража (третейского разбирательства). Нормативный запрет использования арбитража *ad hoc* не дает возможности полноценного развития данного института. Отсутствие рекламы несет определенные негативные моменты и они общеизвестны (снижение информированности по-

требителей и т.д.).

В качестве другого примера, можно отнести современное гражданское процессуальное законодательство - предлагаются различные процессуальные варианты по усилению роли третейского разбирательства, - придания арбитражным решениям силы исполнительного листа, или гражданско-правовые варианты включения третейских оговорок при закупках госкомпаний и т.д. Возникает вопрос насколько предлагаемые варианты адресованы к арбитражу ad hoc или к постоянно действующим арбитражным учреждениям?

Другим общеизвестным фактором социальной значимости института арбитража ad hoc является показатель зрелости правовой системы России. Действительно если оставить за рамками (ПДАУ) то арбитраж ad hoc является дополнительным правовым негосударственным механизмом решения социальных проблем, в содействии стабильности гражданского оборота, или в поддержке развития гражданского общества.

1.3. Образование и квалификация.

Образование и квалификация арбитра третейского суда ad hoc имеет свои особенности. ФЗ «Об Арбитраже третейском разбирательстве в Российской Федерации» - арбитр разрешающий спор единолично должен иметь высшее юридическое образование. Возможно выделить два основных пункта проблемы.

1.2.1 В настоящее время во многих юридических ВУЗах России отсутствует отдельная юридическая дисциплина Арбитраж (третейское разбирательство в Российской Федерации) в рамках бакалавриата. Данная юридическая дисциплина не воспринимается как основная отраслевая (наряду, с уголовным, гражданским правом и т.д.). Изучение арбитража (Третейского разбирательства) ограничивается юридическими дисциплинами гражданский процесс и арбитражный процесс.

1.2.2 Проводимая с 2015 года реформа третейского разбирательства в Российской Федерации создала сложности в прохождении стажировки студентами юристами в третейских судах субъектов Российской Федерации. Не каждый

студент юрист юридического ВУЗа субъекта РФ который выбрал профессию арбитра третейского суда ad hoc может пройти стажировку в ПДАУ преимущественно находящиеся в Москве и Санкт-Петербурге.

Квалификация арбитра ad hoc. Квалификация арбитра складывается из многих элементов. Например, отметим в рамках данной статьи - возрастной критерий. Законодательство регулирующее арбитраж (третейское разбирательство) исходит из возраста 25 лет. Поскольку как выше было указано в достаточной степени не разрешены вопросы связанные с преподаванием в юридических ВУЗах дисциплины арбитраж (ограниченное количество по учебному плану часов лекций, практических занятий (Отсутствует разработанный единый государственный стандарт по количеству отводимых часов лекций и практических занятий), не всегда возможно найти преподавателя практика по арбитражу ad hoc т.д.) а так же, отсутствие комфортных условий для прохождения практики по арбитражу, то нет оснований для установления 25 летнего возрастного критерия.

Профессия арбитра ad hoc связана с разрешением гражданско-правовых споров, в которой требуется наличие определенных компетенций – не только теоретических знаний, но и практических знаний на основе обязательной стажировки.

Список литературы:

[1] Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 года № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 10, 2019 No. 53 "On the fulfillment by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration, international commercial arbitration".

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-431-436

САМОЙЛОВА Алина Андреевна,
преподаватель кафедры гражданского процессуального
права Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия имени
В.М. Лебедева,
e-mail: anilas@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена исследованию института специальной компетенции арбитражных судов в условиях разграничения юрисдикций в судебной системе Российской Федерации. Автор исходит из конституционного значения права каждого на рассмотрение дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом, и анализирует соотношение данной гарантии с необходимостью гибкого распределения отдельных категорий споров между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Особое внимание уделено пределам применения субъектного и предметного критериев, которые в условиях усложнения экономических связей и расширения публичного регулирования частноправовых отношений не всегда обеспечивают требуемую правовую определенность. С использованием системного, диалектического и формально-юридического методов исследуются нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также основные доктринальные подходы по рассматриваемому вопросу. В частности, анализируются правила рассмотрения и разрешения дел по корпоративным спорам, дел о несостоятельности (банкротстве), дел о защите интеллектуальных прав. Устанавливается, что в соответствующих спорах материальное правоотношение носит комплексный характер и в силу своего особого экономического и юридического содержания должно рассматриваться арбитражным судом, даже если его субъектный состав не подпадает под общее правило. По результатам работы отмечается, что положения о специальной компетенции таким образом поддерживают единство судебной системы, способствуют правовой определенности, предотвращают конкуренцию судебных актов, обеспечивают процессуальную концентрацию и тем самым укрепляют единообразие судебной практики, а в совокупности представленных наблюдений повышают эффективность механизма судебной защиты.

Ключевые слова: судебная защита, дуализм судебной системы, арбитражный суд, судебная компетенция, банкротство, защита интеллектуальных прав, корпоративный спор.

SAMOILOVA Alina Andreevna,
lecturer at the Department of Civil Procedural Law of the
Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

ON THE QUESTION OF THE NATURE AND SIGNIFICANCE OF SPECIAL COMPETENCE OF COMMERCIAL COURTS IN CERTAIN CATEGORIES OF CASES

Annotation. This article examines the institution of special jurisdiction for commercial courts within the context of the delimitation of judicial powers within the Russian Federation's judicial system. The author draws on the constitutional significance of everyone's right to have a case heard by the court to which it is assigned by law and analyzes the relationship between this guarantee and the need for a flexible allocation of certain categories of disputes between courts of general

jurisdiction and commercial courts. Attention is paid to the limits of the application of subjective and objective criteria, which, in the context of increasingly complex economic relations and the expansion of public regulation of private law relations, do not always provide the required legal certainty. Using systemic, dialectical, and formal legal methods, the author examines the provisions of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the main doctrinal approaches to the issue under consideration. Specifically, the article analyzes the rules for considering and resolving corporate disputes, insolvency (bankruptcy) cases, and intellectual property protection cases. It establishes that in these disputes, the substantive legal relationship is complex and, due to its unique economic and legal nature, should be considered by a commercial court, even if its composition does not fall under the general rule. The study concludes that provisions on special jurisdictions thus support the unity of the judicial system, promote legal certainty, prevent competition between judicial decisions, ensure procedural concentration, and thereby strengthen the uniformity of judicial practice. Taken together, the presented observations enhance the effectiveness of judicial protection mechanisms.

Key words: *judicial protection, dualism of the judicial system, commercial court, judicial competence, bankruptcy, protection of intellectual rights, corporate dispute.*

Право на рассмотрение дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом, является одним из основополагающих гарантий судебной защиты и направлено на обеспечение объективности судебного разбирательства, независимости суда и беспристрастности правосудия. На функциональную связь соответствующих положений Конституции Российской Федерации (часть 1 статьи 47 и часть 1 статьи 46) неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации (например, в постановлениях от 16.03.1998 № 9-П, от 21.01.2010 № 1-П; определениях от 11.07.2006 № 262-О, от 15.01.2009 № 144-О-П).

Вместе с тем, принимая во внимание многоступенчатую структуру судебной системы Российской Федерации, в действительности реализация конституционного механизма о распределении судебной юрисдикции может быть затруднена. Речь идет о комплексной проблематике разграничения компетенции между федеральными судами общей юрисдикции и федеральными арбитражными судами. Общепризнанный «консенсус» здесь основывается на двух критериях, значение которых помогает сделать законный выбор: 1) субъектный критерий – состав участников спора; 2) предметный критерий – характер спорного материального правоотношения.

В связи с этим по общему правилу арбитражные суды рассматривают дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, участниками которых являются юридические лица и индивидуальные предприниматели (часть 1 статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ), тогда как суды общей юрисдикции наделены компетенцией по рассмотрению и разрешению гражданских, семейных, трудовых,

жилищных и иных споров, не отнесенных федеральным законом к ведению арбитражных судов (часть 3 статьи 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Вместе с тем правоприменительная практика также обнаружила необходимость в законодательном оформлении исключительных правил, касающихся компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел, не подчиняющихся общему алгоритму, связанному с субъектно-предметными характеристиками спора [3]. Данная группа дел, составляющих специальную компетенцию арбитражных судов, констатирована в части 6 статьи 27 АПК РФ и включает, например, дела по корпоративным спорам, дела о несостоятельности (банкротстве) и др. Как следует по тексту указанной нормы, арбитражные суды рассматривают такие дела независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане. Иными словами, как указывает Е.Г. Потапенко, «субъектный критерий здесь неважен, а предметный – предопределен» [8, с. 145].

На первый взгляд наличие исключений из общего правила о разграничении компетенции федеральных судов может вызывать опасения в контексте соответствия конституционным началам организации судебной власти. Однако при более глубоком анализе мы сможем убедиться, что подобная «гибкость» в правовом регулировании призвана обеспечить комплексный механизм судебной защиты, то есть укрепляет правовую реализацию положений части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, на что, собственно, направлено и основное целеполагание нормы части 1 статьи 47 Основного закона. Таким образом,

общий подход и юридическую технику законодателя в отношении рассматриваемого вопроса следует считать оправданными. Данная логика просматривается и в актах Конституционного Суда Российской Федерации (например, в определениях от 28.05.2020 № 1238-О, от 27.11.2025 № 3097-О).

Действительно, на сегодняшний день мы можем наблюдать, что динамика развития материального права, связанная с усложнением экономических связей [4] и расширением сферы публичного регулирования частноправовых отношений [1], объективно приводит к возникновению исключительных категорий судебных дел, по которым субъектный и предметный критерии разграничения компетенции судов перестают обеспечивать необходимую степень правовой определенности. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в спорах, где материальное правоотношение носит комплексный характер и в силу своего особого экономического и юридического содержания не может быть всесторонне рассмотрено в судах общей юрисдикции, при этом их субъектный состав не подпадает под общее правило о компетенции арбитражных судов (часть 2 статьи 27 АПК РФ).

Е.Г. Потапенко, комментируя настоящую проблему, справедливо отмечает, что неопределенность в вопросе компетенции способна отрицательно сказываться на деятельности юрисдикционного органа, создавая дополнительные правовые и психологические сложности, связанные с необходимостью разрешать дополнительно спор о компетенции [8]. Поэтому оформление института специальной компетенции арбитражных судов видится предусмотрительным шагом, направленным на недопущение возникновения разногласий между федеральными судами.

Иными словами, функциональное значение специальной компетенции арбитражных судов состоит в преодолении тех случаев, когда применение «классических» субъектного и предметного критериев оказывается недостаточным для достижения целей процессуальной формы [10], в первую очередь, эффективности судебной защиты.

Так, Е. В. Слепченко весьма своевременно обращала внимание, что споры, возникающие из деятельности хозяйственных обществ и товариществ, длительное время могли рассматриваться как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции, особенно если одной из сторон выступало физическое лицо, не являющееся предпринимателем. Для устранения этих недостатков законодатель внес изменения в АПК РФ, отнес корпоративные споры к специальной подведомственности арбитражных судов (пункт 4 части 2

статьи 33 АПК РФ) и установив новое правило об исключительной территориальной подсудности (часть 4.1 статьи 38 АПК РФ), что, по мнению автора, значительно сократило возможности для злоупотреблений и повысило предсказуемость судебной защиты [9].

Описанная новелла связана с принятием Федерального закона от 19.07.2009 № 205-ФЗ, в соответствии с которым в АПК РФ также была введена глава 28.1 о рассмотрении дел по корпоративным спорам. Как представляется, тем самым на законодательном уровне была обозначена позиция о том, что настоящую категорию дел нельзя надлежащим образом описать только через субъектный состав. В соответствующем споре могут участвовать наследники, супруги, депозитари, регистрирующие органы и иные лица, однако квалифицирующим признаком остается не фигура участника спора, а связь его требований с созданием, управлением и участием в юридическом лице [4]. В связи с этим отнесение данной категории дел к компетенции судов общей юрисдикции видится нелогичным с точки зрения дуализма судебной системы и неэффективным в контексте обеспечения всестороннего глубокого исследования лежащих в их основе экономических отношений [6]. Необходимо отметить, что в данном случае институт специальной компетенции сущностно не отрицает общие правила предметного распределения дел между судами. В действительности он поддерживает единство судебной власти, поскольку возникновение «пограничных» категорий дел является распространенной правовой реальностью, и в отсутствие обозначенных законодателем специальных критериев их юрисдикционного распределения активизируются риски расширительного толкования компетенций федеральных судов, что потенциально дестабилизирует судебную систему в целом.

Наряду с корпоративными спорами в числе устоявшегося примера специальной компетенции арбитражных судов также могут быть представлены дела о несостоятельности (банкротстве). «Классический» субъектный критерий подведомственности здесь также вынужденно не приоритетен, поскольку в процедурах банкротства нередко участвуют физические лица – бывшие руководители, работники, наследники, супруги должника, контролирующие лица и иные субъекты, не являющиеся предпринимателями. При этом юридически значимая сущность дел о банкротстве определяется характером правоотношения, заключающегося в необходимости коллективного урегулирования кризиса неплатежеспособности должника в рамках общего экономического оборота. Так, в делах о банкротстве рассматриваются вопро-

сы формирования конкурсной массы, установления требований кредиторов, оспаривания сделок должника, привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, реализации имущества, распределения рисков между участниками оборота и др., что несомненно требует глубокого понимания экономических механизмов, бухгалтерского учета, корпоративных связей, финансового анализа и соответственно обуславливает необходимость рассмотрения данной категории дел судом, специализирующимся на экономических спорах.

Процедура банкротства строится на идее судебного контроля за имущественным комплексом должника и необходимости объединения всех требований к должнику в рамках одного дела [2]. Если бы отдельные связанные споры рассматривались судами разных юрисдикций, это неизбежно приводило бы к конкуренции судебных актов, нарушению баланса интересов кредиторов [5] и общей утрате целесообразности механизма, установленного положениями Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Как отмечается в Тематическом обзоре № 5/2026 «О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год», утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 7А/2026, нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) ориентированы на обеспечение своевременного рассмотрения дела в пределах разумного срока, предусмотренного статьей 6.1 АПК РФ, что достигается за счет усиления «процессуальной концентрации». С этой целью рассмотрение имущественных споров, связанных с должником и его конкурсной массой, осуществляется в рамках единого дела о банкротстве, что способствует повышению эффективности судебной деятельности. При этом «процессуальная концентрация» по данному вопросу имеет и определенные границы. В частности, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2025 № 305-ЭС24-23460 по делу № А40-8730/2024 упомянуто, что полномочие арбитражного суда по снятию арестов при банкротстве не распространяется на уголовно-процессуальный арест, который может быть снят только в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а связанные с этим действия следственных органов подлежат оспариванию в суде общей юрисдикции.

Еще одним аспектом рассматриваемой проблематики представляется возможным считать деятельность Суда по интеллектуальным правам как специализированного арбитражного суда, рас-

сматривающего в пределах своей компетенции в качестве суда первой и кассационной инстанций дела, связанные с защитой интеллектуальных прав (статья 43.2 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»). В процессуальном законодательстве компетенция Суда по интеллектуальным правам конкретизирована в пункте 6 части 6 статьи 27, части 4 статьи 34 АПК РФ. При этом Верховный Суд Российской Федерации в 2015 году прямо указывал, что «целью создания этого суда явилась необходимость совершенствования правосудия в сфере защиты интеллектуальных прав, повышения его эффективности и качества, а также обеспечения единообразия судебной практики» (см. абзац третий Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015). Таким образом, мы можем отметить, что в данном случае законодатель не только отнес особую категорию дел к специальной компетенции арбитражных судов, но также инициировал создание специализированного арбитражного суда как носителя этого объема компетенции.

Еще одним актуальным проблемным вопросом по настоящей теме можно считать подведомственность споров с участием самозанятых граждан. В частности, в правовых исследованиях последних лет ученые поднимают вопрос о необходимости отнесения данной категории дел к компетенции арбитражных судов, что пока не предусматривается субъектным критерием [7; 11], как это наблюдалось в свое время в отношении корпоративных споров и дел о несостоятельности (банкротстве).

Из всего вышеприведенного следует, что институт специальной компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел приобретает не только правоприменительное, но и концептуальное значение. Его оформление и развитие свидетельствует о том, что законодатель фактически признает пределы и ограничения субъектного и предметного критериев разграничения дел между федеральными судами и допускает возможность нормативного закрепления исключительных категорий дел за конкретной юрисдикцией. Таким образом формируется особый механизм, который при реальном правовом существовании «пограничных» категорий дел стабилизирует отечественную модель судебной компетенции и обеспечивает общую процессуальную эффективность судебной системы.

Очевидно, что основным целеполаганием института специальной компетенции является

стремление обеспечить справедливый механизм судебной защиты. Там, где дело по существу связано с рассмотрением многоуровневой структуры корпоративного управления (как в корпоративных конфликтах) или множественностью кредиторов и процедур коллективного взыскания (как в банкротстве) или технически сложными результатами интеллектуальной деятельности (как в спорах о защите интеллектуальных прав), законодатель «процессуально концентрирует» компетенцию арбитражного суда как институционально и процессуально более подходящего судебного органа. Значимость данной меры в рассмотренных примерах видится обоснованной и целесообразной, поскольку экономическая сфера общественных отношений традиционно нуждается в стабилизации и требует устойчивой правоприменительной практики. Цена юрисдикционной неопределенности здесь крайне высока, поскольку в таких условиях снижается предсказуемость оборота и создаются условия для злоупотреблений. Поэтому специальная компетенция арбитражных судов здесь выступает необходимым дополнением к общим правилам, обеспечивающим реализацию конституционных начал судебной власти.

Список литературы:

- [1] Баттахов П. П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 234-237.
- [2] Белоусов А. Л. Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 4. С. 993-1006.
- [3] Гнатко Д. С., Гнатко Е. А., Мариненко О. И. Подведомственность дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции: не закрытая дискуссия // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 24-27.
- [4] Зарубина М. Н. Проблемные вопросы определения подсудности дел с корпоративным элементом: междисциплинарный аспект // Роль суда в обеспечении прав и правовых интересов субъектов правоотношений: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2025 года. СПб.: Астерион, 2026. С. 71-77.
- [5] Корчагин А. Г., Проваткина В. Е., Волошина Т. В. Определение подсудности при рассмотрении споров по разделу совместного имущества супругов при банкротстве одного из них // Образование и право. 2026. № 1. С. 375-379.
- [6] Нахова Е. А. К вопросу о подведомственности корпоративных споров в гражданском

процессе // Ленинградский юридический журнал. 2026. № 1 (83). С. 248-273.

[7] Полуян Д. А. О подведомственности споров с участием самозанятых // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 1. С. 22-26.

[8] Потапенко Е. Г. Механизм определения компетенции арбитражных судов по отдельным категориям дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 1 (168). С. 138-147.

[9] Слепченко Е. В. Подведомственность и подсудность дел по корпоративным спорам // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 123-128.

[10] Чекмарева А. В. Цивилистическая процессуальная форма: традиции и новации современного развития // Упрощение гражданской процессуальной формы: проблемы теории, законодательства, судебной практики и организации судебной деятельности: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 июня 2023 года. СПб.: Астерион, 2023. С. 33-40.

[11] Шапсугова М. Д. Проблемы подведомственности и подсудности споров с участием самозанятого как особого субъекта экономической деятельности с неопределенным правовым статусом // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 9-23.

References:

[1] Battakhov P.P. State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage // Law and state: theory and practice. 2023. № 4 (220). S. 234-237.

[2] Belousov A. L. Bankruptcy Institute in the Russian Federation: Formation and Development of Legal Support // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 4. S. 993-1006.

[3] Gnatko D.S., Gnatko E.A., Marinenko O.I. Jurisdiction of cases to arbitration courts and courts of general jurisdiction: not a closed discussion // Arbitration and civil proceedings. 2022. № 2. S. 24-27.

[4] Zarubina M.N. Problematic issues of determining the jurisdiction of cases with a corporate element: interdisciplinary aspect // The role of the court in ensuring the rights and legal interests of subjects of legal relations: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 14-15, 2025. St. Petersburg: Asterion, 2026. S. 71-77.

[5] Korchagin A. G., Provatkina V. E., Voloshina T. V. Determination of jurisdiction in the consideration of disputes over the division of joint property of spouses in the bankruptcy of one of them // Education

and law. 2026. № 1. PP. 375-379.

[6] Nakhova E. A. On the issue of the jurisdiction of corporate disputes in the civil process // Leningrad Law Journal. 2026. № 1 (83). S. 248-273.

[7] Poluyan D.A. On the jurisdiction of disputes involving the self-employed // Arbitration and civil procedure. 2024. № 1. S. 22-26.

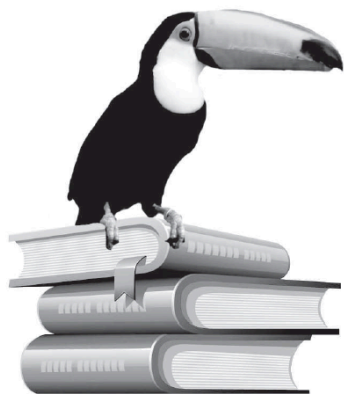
[8] Potapenko E. G. Mechanism for determining the competence of arbitration courts in certain categories of cases // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2026. № 1 (168). S. 138-147.

[9] Slepchenko E.V. Jurisdiction and jurisdiction of cases on corporate disputes // Academic notes of Kazan University. Series: Humanities. 2010. VOL.

152. № 4. S. 123-128.

[10] Chekmareva A. V. Civilistic procedural form: traditions and innovations of modern development // Simplification of the civil procedural form: problems of theory, legislation, judicial practice and organization of judicial activity: Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 02, 2023. St. Petersburg: Asterion, 2023. S. 33-40.

[11] Shapsugova M.D. Problems of jurisdiction and jurisdiction of disputes involving the self-employed as a special subject of economic activity with an indefinite legal status // Legal research. 2021. № 2. S. 9-23.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-437-441

ФИЛИМОНОВА Маргарита Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
e-mail: margarita188@yandex.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ЕДИНООБРАЗИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ПРИ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА)

Аннотация. В статье анализируются вопросы правовой природы толкования процессуальных предписаний на примере одного из оснований отказа в возбуждении исполнительного производства. С позиции правил герменевтики процессуальных норм исследуются понятия «единообразие применения», «исполнительный документ», «принудительное исполнение», а также терминологическая конструкция «в соответствии с законодательством». Автор анализирует термины и их содержание в контексте нормы об отказе в возбуждении исполнительного производства в связи с тем, что исполнительный документ не подлежит исполнению Федеральной службой судебных приставов. С точки зрения правовой природы исследуемых понятий делается вывод о том, что отсутствие единообразия применения правовых норм влечет за собой нарушение прав участников правоотношений в исполнительном производстве.

Критически исследуется судебная практика по рассмотрению административных исковых заявлений о признании незаконными постановлений судебного пристава-исполнителя об отказе в возбуждении исполнительного производства через призму подмены понятий, неправильного толкования в результате которых искажается правовая природа основания для отказа в возбуждении исполнительного производства, регламентированное п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Предложены пути достижения единообразия в применении анализируемых правовых норм.

Ключевые слова: исполнительное производство, единообразие применения правовых норм, исполнительный документ, герменевтика, отказ в возбуждении исполнительного производства, принудительное исполнение.

FILIMONOVA Margarita Vladimirovna,
candidate of legal Sciences, assistant professor Saratov State
Academy of Law Assistant Professor of Civil Procedure

HERMENEUTIC CONFLICTS OF LEGISLATIVE PRESCRIPTIONS AS A VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY OF THEIR APPLICATION (ON THE EXAMPLE OF DISPUTE RESOLUTION ON THE APPLICATION OF LEGAL NORMS IN CASE OF REFUSAL TO INITIATE ENFORCEMENT PROCEEDINGS)

Annotation. The article analyzes the issues of the legal nature of the interpretation of procedural regulations using the example of one of the grounds for refusing to initiate enforcement proceedings. From the perspective of the rules of hermeneutics of procedural norms, the concepts of "uniformity of legal application", "executive document", "enforcement", as well as the terminological construction "in accordance with the law" are studied. The author analyzes the terms and their content in the context of the rule on refusal to initiate enforcement proceedings due to the fact

that the enforcement document is not subject to execution by the Federal Bailiff Service. From the point of view of the legal nature of the concepts studied, it is concluded that the lack of uniformity in the application of legal norms entails a violation of the rights of participants in legal relations in enforcement proceedings.

The judicial practice on the consideration of administrative claims for the recognition of unlawful decisions of a bailiff on refusal to initiate enforcement proceedings is critically examined through the prism of substitution of concepts, misinterpretation, which distorts the legal nature of the grounds for refusal to initiate enforcement proceedings, regulated by paragraph 8, Part 1, art. 31 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings".

The ways of achieving uniformity in the application of the analyzed legal norms are proposed.

Key words: *enforcement proceedings, uniformity of application of legal norms, executive document, hermeneutics, refusal to initiate enforcement proceedings, compulsory execution.*

Основополагающий принцип единообразия применения правовых норм при разрешении споров, иных правовых коллизий обязывает, прежде всего суды [1], а также органы исполнительной власти «... последовательно и одинаково толковать и применять правовые нормы при рассмотрении дел со схожими фактическими обстоятельствами» [2]. Хотелось бы отметить, что, прежде всего, интерпретационная деятельность, по своей сути, должна быть направлена на уяснение смысла, заключенного в правовой норме, прежде ее применения в конкретной фактической правовой ситуации.

В этой связи, считаем, что единообразие достигается, прежде всего, в том случае, когда само содержание нормы изложено без возможностей ее двоякого толкования, как в общем контексте содержания, так и в правильности используемых в ней терминов.

Однако, не редки случаи отсутствия единообразия толкования правовых предписаний, и, как следствие, возникновение случаев неправильного применения закона, что неотвратимо влечет за собой нарушение прав участника (участников) правоотношений в той или иной ситуации.

Целью данной работы, не является исследование причин возникновения герменевтических коллизий, причин нарушения правил единообразия толкования закона, а только на конкретном примере выявление, и анализ необходимости стремления к единому раскрытию и пониманию смысла правовой нормы, от правильности применения которой зависит восстановление нарушенного права субъекта, в том числе и само право на его защиту.

В этой связи небезынтересно нормативное закрепление и практика применения одного из оснований для отказа в возбуждении исполнительного производства, закрепленного в ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – закон об исполнительном производстве).

Пунктом 8 ч. 1 указанной статьи, по нашему мнению, однозначно, с точки зрения буквального

толкования, закреплена обязанность судебного пристава-исполнителя отказать в возбуждении исполнительного производства, если взыскателем предъявлен исполнительный документ, который «... в соответствии с законодательством Российской Федерации не подлежит исполнению Федеральной службой судебных приставов» [4].

В процессе уяснения и дальнейшей интерпретации смысла анализируемой нормы ст. 31 закона, ключевыми понятиями, раскрывающими ее содержание, считаем терминологические формулировки «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством». Иллюстрацией единообразия толкования указанной правовой конструкции служит ситуация, когда должник по исполнительному документу является получателем средств из бюджета. В соответствии с законодательством РФ такие требования не исполняются посредством ФССП России в лице ее территориальных органов, поскольку порядок исполнения таких судебных актов детально регламентирован главой 24.1 Бюджетного кодекса РФ [5], наделяющей обязанностью восстановления прав взыскателя по такого рода исполнительным документам соответствующие финансовые органы (например, Минфин, Казначейства, региональные финансовые органы).

Вопросы исполнения требований исполнительного документа в отношении должника, проходящего процедуру банкротства, не столь однозначно решаются, хотя в процессе интерпретации нормы п. 8 ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве остаются «в плоскости» обозначенных нами правовых понятий «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством». Вопросы прекращения, приостановления исполнительного производства, возбужденного в отношении «должника-банкрота», четко сформулированы законом, в отличие от ситуации возбуждения/отказа в возбуждении исполнительного производства, если исполнительный документ предъявлен после возникновения процедуры банкротства должника в судебном порядке.

Судебные постановления при оценке законности постановления судебного пристава-исполнителя об отказе в возбуждении исполнительного производства не столь единообразны. В качестве примера официального судебного толкования достаточно указать на п. 12 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 (ред. от 06.06.2014) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве». Согласно судебному толкованию норм взаимообусловленных законов, в случае поступления исполнительного документа в службу судебных приставов после принятия судом решения о признании должника банкротом, судебный пристав-исполнитель должен вынести постановление «... об отказе в возбуждении исполнительного производства на основании абзаца шестого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве применительно к пункту 8 части 1 статьи 31 Закона об исполнительном производстве».

В этой связи до настоящего времени остается нерешенным вопрос – правомерен ли отказ в возбуждении исполнительного производства по анализируемому нами основанию? Для правильного применения п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве» считаем необходимым определиться – исполнительный документ безусловно не подлежит исполнению ФССП РФ в силу прямого указания закона, как этого требует указанная норма, или он не может исполняться (временно не может) по причине нахождения должника в процедуре банкротства. Вопрос не праздный, поскольку от этого зависит законность (или отсутствие таковой) отказа в возбуждении исполнительного производства.

Считаем, что в силу исчерпывающего перечня оснований для отказа в возбуждении исполнительного производства, исполнительный документ, должен быть принят к исполнению с дальнейшим приостановлением исполнительного производства в связи с введенной в отношении должника процедурой банкротства. В противном случае, применяя п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве», существует риск лишить взыскателя права на принудительное исполнение требований исполнительного документа, поскольку основание для отказа по анализируемой норме закона об исполнительном производстве не предусматривает повторного предъявления исполнительного документа на исполнение. Также обращаем внимание, что буквальное толкование понятия «в соответствии с законодательством» в контексте анализируемой правовой нормы предполагает прямое указание императивных конструкций о том, что исполнительный документ не подлежит

исполнению Службой судебных приставов – безусловно, изначально и всегда.

Не смотря на некоторую критику возникших противоречий в интерпретации и, как следствие, применении нормы, причины, вызвавшие некоторые разногласия «лежат на поверхности» – отсутствие взаимообусловленности двух «базовых» для этой ситуации нормативных актов – ФЗ «Об исполнительном производстве» и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6]. Приведение их в соответствие друг с другом, по нашему мнению, преодолеют возникающие противоречия в этой связи.

Требуют иного решения вопросы правоприменения нормы п.8. ч.1 ст. 31 закона об исполнительном производстве в том случае, когда и судебные приставы-исполнители, и суды интерпретируют норму без учета терминологических конструкций – «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством», составляющих каркас указанной нормы. В такой герменевтической модели происходит разрыв между смыслом нормы по идее законодателя и ее интерпретацией правоприменителем, что никак не способствует не только единообразию применения законодательных норм, но и создает угрозу нарушения законности, как базового общеправового принципа.

Так, в одном из судебных актов, вынесенным по результатам рассмотрения административного искового заявления о признании постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства незаконным суд отказал в удовлетворении требований административному истцу (взыскателю), соглашаясь с позицией судебного пристава-исполнителя о том, что данный исполнительный лист не подлежит исполнению ФССП РФ, поскольку требования о прекращении общей долевой собственности на недвижимое имущество, разделение земельного участка с последующей регистрацией прав сторон на новые объекты должны исполняться органами Росреестра (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 43-КГ18-9) [7].

Анализ указанного судебного акта по конкретному делу приводит нас к следующему выводу: при разрешении спора суды акцентировали свое внимание на поиске ответа на вопрос – существует ли возможность принудительного исполнения требований исполнительного документа. Посчитав невозможным обязать должника оформить раздел имущества и зарегистрировать свое право на вновь созданные объекты, суды, двух проверочных инстанций (первая инстанция административное исковое заявление удовлетворила) указали взыскателю, что такого рода требования подлежат исполнению в Федеральной службе го-

сударственной регистрации, кадастра и картографии. По нашему мнению, такое толкование законодательных императивных предписаний довольно свободно и отличается от буквального содержания анализируемой правовой нормы: во-первых, п. 8. ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве не позволяет в процессе применения анализировать исполнительность требований исполнительного документа, тем более, имея в виду терминологическую конструкцию «в соответствии с законодательством», так как в законе не содержится указания на то, какой исполнительный лист подлежит принудительному исполнению, а какой – нет.

Во-вторых, необходимо помнить, что обращение с исполнительным документов Росреестр, согласно ст. 7 ФЗ «Об исполнительном производстве» является правом, а не обязанностью взыскателя.

Исходя из изложенного, отмечаем, что такое «расширительное толкование» может привести к тому, что применение анализируемой нормы может быть поставлено в зависимость от видения судебным приставом-исполнителем ситуации необходимости исполнения или отсутствия таковой, что не может быть признано допустимым в данном случае. Норма п. 8. ч. 2 ст. 31 закона об исполнительном производстве не допускает квалификации правовой ситуации по внутреннему убеждению. Справедливо утверждение о том, что «... императивные нормы имеют четкие ориентиры поведения, прямое воздействие на субъектов, их применение не зависит от адресата [3, с. 395].

В этой связи показательное решение Давлекановского районного суда РБ (Решение № 2А-1193/2019 2А-1193/2019~М-978/2019 М-978/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 2А-1193/2019) [8]. В этом случае судебный пристав-исполнитель отказал в возбуждении исполнительного производства, тоже признав отсутствие возможности принудительного исполнения, а именно: «... резолютивная часть судебного акта не содержит требования о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств иного имущества либо совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий». При этом судебный пристав-исполнитель, отказывая в возбуждении исполнительного производства, применил п. 4. ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве, в части о том, что исполнительный документ не соответствует требованиям, к нему предъявляемым.

Можно «поспорить» с правомерностью применения и этого основания для отказа в возбуждении исполнительного производства, но в таком

случае у взыскателя хотя бы сохраняется возможность повторного предъявления исполнительного документа в Службу судебных приставов в отличие от основания п.8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Подводя итог по анализируемому вопросу отмечаем, что отсутствие единообразия применения правовых предписаний, к сожалению, не редкое явление, которое необходимо преодолевать на постоянной основе, имея стремление к достижению эффективной модели интерпретации и, как следствие, правильности применения законодательства при квалификации правовых ситуаций, в том числе спорных вопросов, связанных с восстановлением нарушенных прав участников правоотношений в общем и, в частности, в рамках исполнительных процессуальных правоотношений, возникающих между взыскателем и судебным приставом – исполнителем непосредственно.

Выходом из сложившейся ситуации, в первую очередь, нам видится в необходимости издания акта официального судебного толкования – Постановления Пленум Верховного Суда РФ (или дополнение уже существующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»), в котором, по нашему мнению, необходимо подробно и четко изложить ситуации, предусмотренные законодательством РФ, при возникновении которых исполнительные документы не исполняются Службой судебных приставов.

Список литературы:

- [1] Дьяков Д. К. Понятие единства и единообразия в судебной практике // Актуальные исследования. 2026. № 20 (306). Ч.III. С. 9-12.
- [2] Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. М., Юрайт 2013. С. 31.
- [3] Демиева А.Г. Соотношение императивного и диспозитивного начала в правовом регулировании отношений с участием предпринимателей // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 0158. 2016. С. 395.
- [4] ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. С. 4849.
- [5] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обраще-

нию взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Справочная правовая система Гарант.

[6] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[7] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 43-КГ18-9 // Справочная правовая система Гарант.

[8] Решение № 2А-1193/2019 2А-1193/2019~М-978/2019 М-978/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 2А-1193/2019 // Справочная правовая система Гарант.

References:

[1] Dyakov D.K. The concept of unity and uniformity in judicial practice // Actual research. 2026. № 20 (306). CH. III. S. 9-12.

[2] Civil procedural law of Russia: a textbook for universities/ed. S.F. Afanasyev. M., Yurayt 2013. S. 31.

[3] Demieva A.G. The ratio of imperative and dispositive principles in the legal regulation of relations with the participation of entrepreneurs // Scientific notes of Kazan University. Series:

Humanities. T. 0158. 2016. S. 395.

[4] Federal Law "On Enforcement Proceedings" dated 02.10.2007 No. 229-FZ // NW of the Russian Federation. 2007. № 41. S. 4849.

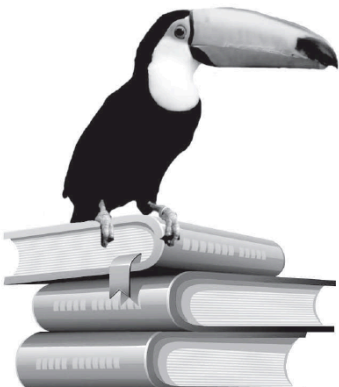
[5] Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended on 26.06.2026) // NW RF. 1998. № 31. Art. 3823; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 28, 2019 No. 13 "On some issues of application by the courts of the norms of the Budget Code of the Russian Federation related to the execution of judicial acts on foreclosure on the funds of the budgets of the budget system of the Russian Federation" // Reference legal system Guarantor.

[6] Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ (latest edition) // RF NW. 2002. № 43. Art. 4190.

[7] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 5, 2019 No. 43-KG18-9 // Reference legal system Guarantor.

[8] Decision No. 2А-1193/2019 2А-1193/2019 ~ М-978/2019 М-978/2019 dated November 20, 2019 in case No. 2А-1193/2019 // Reference legal system Guarantor.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПОЛУЯН Дмитрий Анатольевич,
преподаватель кафедры гражданского процессуального
права, Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия имени
В. М. Лебедева РФ, г. Санкт-Петербург,
e-mail: gradualle@mail.ru

КОМПЕТЕНЦИЯ СУДОВ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЩЕЙ И АРБИТРАЖНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Аннотация. В статье исследуются исторические, организационные и процессуально-правовые основания существования арбитражных судов как специализированной подсистемы судебной власти Российской Федерации. Цель работы состоит в оценке того, сохраняет ли современная модель арбитражной юстиции самостоятельную ценность либо ее функции могут быть с сопоставимой эффективностью реализованы посредством внутренней специализации в организационно единой судебной системе. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, историко-правовой и сравнительно-аналитический методы. На основе анализа законодательства, правовых позиций высших судов, научной доктрины и судебной статистики раскрываются причины формирования арбитражных судов, значение их профессиональной специализации, а также последствия реформы 2014 года, связанной с упразднением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделено проблемам разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, терминологической неоднородности процессуальных кодексов и изменению последствий ошибочного выбора судебной юрисдикции после реформы 2018–2019 годов. Обосновывается, что ключевые недостатки действующей модели обусловлены не самим существованием специализированных арбитражных судов, а недостаточной ясностью законодательных критериев распределения дел, затрудняющей доступ к правосудию. Показано, что значительный объем экономических и банкротных споров, сложность соответствующих правоотношений и потребность в устойчивой, предсказуемой правоприменительной практике подтверждают необходимость сохранения профессиональной специализации. Делается вывод о нецелесообразности поспешного организационного объединения судебных подсистем. Приоритетными направлениями реформирования названы унификация понятийного аппарата, конкретизация правил судебной компетенции и создание единого цифрового механизма подачи процессуальных документов с последующим внутренним определением надлежащего суда.

Ключевые слова: арбитражные суды; судебная специализация; компетенция судов; экономические споры; доступ к правосудию.

POLUYAN Dmitry Anatolyevich,
Lecturer, Department of Civil Procedural Law, North-West branch of
the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Russian Federation, St. Petersburg

COMPETENCE OF COURTS AND SPECIALIZATION OF JUSTICE: PROBLEMS OF DISTINGUISHING GENERAL AND ARBITRATION JURISDICTION

Annotation. This article examines the historical, organizational, and procedural-legal foundations of the existence of arbitration courts as a specialized subsystem of the judicial power of the Russian Federation. The purpose of the work is to assess whether the current model of arbitration justice retains its independent value or whether its functions can be implemented with

comparable efficiency through internal specialization in an organizationally unified judicial system. The methodological basis of the study consists of formal-legal, systemic, historical-legal, and comparative-analytical methods. Based on an analysis of legislation, the legal positions of the highest courts, scientific doctrine, and judicial statistics, the reasons for the formation of arbitration courts, the significance of their professional specialization, and the consequences of the 2014 reform associated with the abolition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation are revealed. Particular attention is paid to the problems of delimitation of competence between arbitration courts and courts of general jurisdiction, the terminological heterogeneity of procedural codes, and the changing consequences of the erroneous choice of judicial jurisdiction after the 2018-2019 reform. It is argued that the key shortcomings of the current model stem not from the very existence of specialized arbitration courts, but from the lack of clarity in the legislative criteria for case assignment, which impedes access to justice. It is shown that the significant volume of economic and bankruptcy disputes, the complexity of the relevant legal relationships, and the need for stable, predictable law enforcement practices confirm the need to maintain professional specialization. It is concluded that hasty organizational consolidation of judicial subsystems is inappropriate. Priority areas for reform include unifying conceptual frameworks, specifying the rules of judicial jurisdiction, and creating a unified digital mechanism for filing procedural documents, followed by internal determination of the appropriate court.

Key words: *arbitration courts; judicial specialization; court jurisdiction; economic disputes; access to justice.*

Создание системы арбитражных судов было обусловлено совокупностью социально-экономических и правовых факторов и непосредственно связано с глубокими преобразованиями российской экономики в 1990-е. Становление рыночной экономики, укрепление частной собственности, расширение предпринимательской деятельности и появление новых организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов обусловили потребность в особом механизме судебной защиты участников экономического оборота.

Так, В. Ф. Яковлев связывал создание арбитражных судов с объективной необходимостью профессионального разрешения конфликтов, возникающих в сфере производства, обмена и крупного товарно-денежного оборота. Суды общей юрисдикции в начале 1990-х годов не располагали достаточным опытом рассмотрения предпринимательских споров, которые отличались от традиционных конфликтов с участием граждан сложностью договорных связей, масштабом финансовых последствий и повышенными требованиями к скорости разрешения дела. Формирование отдельной судебной подсистемы позволило аккумулировать специализированный правоприменительный опыт и ускорить становление единообразной практики по экономическим спорам. Суды общей юрисдикции в тот период ещё не были в полной мере готовы выполнять соответствующие функции: процессуальное законодательство оставалось устаревшим, а судебная практика преимущественно ориентировалась на защиту государственных, а не частных интересов.

До 2014 г. суды общей юрисдикции и арбитражные суды имели собственные высшие органы

– Верховный суд РФ у судов общей юрисдикции и Высший Арбитражный Суд РФ у арбитражных судов. Однако в результате реформы 2014 года Высший Арбитражный Суд был упразднен, а его полномочия переданы Верховному Суду, в составе которого была образована Судебная коллегия по экономическим спорам. При этом нижестоящие арбитражные суды не были включены в систему судов общей юрисдикции и сохранили организационную и процессуальную самостоятельность.

В пояснительной записке к законопроекту № 352924-6, на основании которого был принят Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», указывалось, что объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ должно способствовать совершенствованию судебной системы, обеспечению согласованных подходов к разрешению споров с участием граждан, организаций и публичных образований, устранению неопределённости при разграничении судебной компетенции и установлению общих принципов организации судопроизводства.

Экономические споры характеризуются сложным субъектным составом, значительным объемом письменных и электронных доказательств, комплексными договорными связями, нередко имеющими смешанную правовую природу, а также высокой стоимостью имущественных последствий, способных затронуть не только стороны дела, но и иных участников экономического оборота. Их разрешение требует от судьи понимания закономерностей рыночной экономики, меха-

низмов ценообразования, конкуренции и предпринимательских рисков. Рассмотрение сходных споров ограниченным кругом профессионально подготовленных судей способствует формированию устойчивых правовых подходов и повышает предсказуемость судебного толкования. В результате участники рынка получают возможность точнее оценивать юридические и финансовые риски, сокращать транзакционные издержки и увереннее вступать в экономические отношения.

Ю. В. Романец справедливо указывает, что систематическое рассмотрение судьей однородных категорий дел способствует накоплению профессионального опыта [1]. Судья, специализирующийся на определенной группе споров, быстрее определяет юридически значимые обстоятельства, точнее формирует предмет доказывания, оперативнее устанавливает применимые нормы и более последовательно оценивает доказательство.

Л. А. Прокудина связывает своеобразие арбитражной процессуальной формы с профессиональным характером судопроизводства, который выражается в более строгой регламентации поведения участников и возложении на них обязанности своевременно совершать необходимые процессуальные действия. Суд в таком процессе не должен полностью компенсировать пассивность профессионального участника оборота, поскольку предпринимательская деятельность по своей природе предполагает самостоятельность, осмотрительность и принятие риска [2].

Некоторые ученые признают необходимость специальных знаний и процедур, однако полагают, что они могут быть обеспечены в рамках организационно единой судебной системы. Так, по мнению В. Ф. Попондопуло и Е. В. Слепченко, объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ следовало рассматривать лишь как первый этап преобразований в системе российских судов. Последующая реформа должна была охватить и нижестоящие суды, приведя к созданию структурно единой судебной системы, поскольку дифференциация судебной деятельности объективно не требует деления судебной системы [3].

Позиция ученых при этом не отрицает особенностей экономических споров и необходимость особого подхода к их разрешению. Напротив, они признают необходимости их рассмотрения специально подготовленными судьями и допускают существование коллегий, палат и составов по коммерческим спорам. Авторы критикуют не специализацию как таковую, а необходимость существования отдельной судебной ветви для обеспечения такой специализации. Предлагаемая ими альтернатива состоит во внутренней

специализации: суд должен включать в себя подразделения, ориентированные на рассмотрение отдельных категорий дел. Преимуществом такой модели могло бы стать устранение межсистемных споров о компетенции. Гражданину или организации не пришлось бы определять, к какой судебной подсистеме относится дело: заявление поступало бы в единый суд, а вопрос о его передаче специализированному составу разрешался бы внутри судебной организации.

Компетенция арбитражных судов по рассмотрению дел определяется статьей 4 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитражных судах) и главой 4 АПК РФ. Согласно статье 27 АПК РФ арбитражные суды рассматривают экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием юридических лиц и граждан, зарегистрированных в установленном законом порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, если иное не предусмотрено федеральным законом. Отдельные категории дел относятся к специальной компетенции арбитражных судов и рассматриваются независимо от субъектного состава участников правоотношений и их предпринимательского содержания.

Однако правовая природа правоотношения нередко сама является предметом разногласий между сторонами и может быть достоверно установлена лишь после исследования доказательств. Особую сложность представляют дела, в которых спорные правоотношения регулируются нормами нескольких отраслей права. Так, в определении от 27 марта 2026 года № 301-ЭС25-11551 Верховный Суд рассмотрел дело об оспаривании отчуждения акций, которые истица считала общим имуществом супругов. Нижестоящие арбитражные суды квалифицировали спор как корпоративный, однако Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что требования были основаны на нормах семейного законодательства и направлены на восстановление состава общего имущества супругов, а не на непосредственное приобретение истицей корпоративных прав. Спор был передан на рассмотрение суда общей юрисдикции.

Спор с участием руководителя хозяйственного общества в зависимости от характера требования может быть признан трудовым и рассмотрен судом общей юрисдикции либо корпоративным и отнесен к компетенции арбитражного суда: требования о восстановлении на работе и выплатах, связанных с прекращением трудового договора, относятся к компетенции судов общей юрисдикции, требования о взыскании с руководителя

убытков, причиненных юридическому лицу, могут рассматриваться как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами (п. 3 и 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21).

Неопределенность характерна и для дел о защите деловой репутации, поскольку определяющее значение имеет связь распространенных сведений с предпринимательской или иной экономической деятельностью истца, а не только субъектный состав спора (Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512/2018). Необходимость установления этих обстоятельств уже на стадии обращения в суд повышает риск ошибочного определения надлежащего суда и тем самым создает дополнительные препятствия для реализации права на судебную защиту.

Конституционное право на законный суд требует, чтобы компетенция судебного органа была заранее определена законом (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П "По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан"). Законодатель обязан сформировать достаточно ясную систему распределения дел, а суды должны применять ее последовательно и предсказуемо.

Иными словами, установление сложных правил определения компетенции судов, обусловленное существованием обособленных ветвей судебной власти, объективно осложняет доступ к правосудию, поскольку возлагает на лицо, обращающееся за судебной защитой, бремя правильного определения не только предмета и правового основания своих требований, но и судебной подсистемы, компетентной рассматривать соответствующий спор. В условиях разделения судов по специализации вопрос о компетенции нередко перестает быть исключительно техническим и превращается в самостоятельную сложную юридическую проблему, о чем свидетельствует многочисленная современная научная литература [4, 5, 6]. Поэтому законодательство, регулирующее разграничение компетенции судебных органов и определение подсудности дел, должно быть максимально ясным, а дальнейшее усложнение и дробление судебной системы следует оценивать осторожно [7].

Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ попытался смягчить последствия

неправильного определения компетенции. В процессуальных кодексах термин «подведомственность» был в значительной степени заменен понятием «компетенция», а суды получили возможность передавать принятые к производству дела между подсистемами. Если суд общей юрисдикции при рассмотрении дела устанавливает, что оно относится к компетенции арбитражного суда, дело передается в соответствующий арбитражный суд (ст. 27 КАС РФ, ст. 33 ГПК РФ, ст. 39 АПК РФ). Направленное дело должно быть принято, а споры между судами о подсудности не допускаются.

Эта реформа имеет принципиальное значение. Ранее ошибочный выбор судебной системы мог привести к прекращению производства и необходимости заново предъявлять иск. Современный механизм позволяет сохранить возбужденное дело и передать его компетентному суду. Тем самым законодатель признал, что определение границы между общей и арбитражной юрисдикцией является достаточно сложной задачей, что добросовестная ошибка заявителя не должна лишать его результатов совершенных процессуальных действий.

Отдельного внимания заслуживают изменения понятийного аппарата процессуального законодательства. Начиная с 1 октября 2019 г. категория «подведомственность» была исключена из ряда положений процессуальных кодексов и заменена терминами «компетенция» и «подсудность». В частности, статья 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ранее посвященная вопросам подведомственности дел арбитражным судам, получила новое наименование «Споры, относящиеся к компетенции арбитражных судов». Аналогичные изменения были внесены и в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, где статья 22, ранее обозначавшаяся как «Подведомственность гражданских дел судам», стала именоваться «Подсудность гражданских дел».

Как указывают Д. С. Гнатко, Е. А. Гнатко, О. И. Мариненко, причины отказа законодателя от использования термина «подведомственность» были связаны с реформированием судебной системы после объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Так, в пояснительной записке к законопроекту указывалось, что данный термин утратил прежнее значение как средство разграничения полномочий между различными ветвями судов. Аналогичная позиция была отражена и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30, где отмечалось, что институт подведомственности исторически использовался для распределения юрисдикции между судами и иными органами, од-

нако в условиях функционирования единой судебной системы необходимость в нем существенно снизилась [8].

В научной среде указанное законодательное изменение не получило однозначной поддержки прежде всего потому, что институт подведомственности традиционно рассматривается как один из наиболее разработанных и устойчивых элементов гражданского процессуального права [9]. Следует констатировать, что подведомственность, несмотря на исключение данного термина из норм ГПК РФ и АПК РФ, сохраняет свое практическое и доктринальное значение [10].

В процессуально-правовой доктрине подведомственность традиционно рассматривалась как общее правило распределения дел между различными юрисдикционными органами, тогда как подсудность конкретизирует компетенцию суда посредством определения родового и территориального уровня рассмотрения дела [11]. Такое разграничение сохраняет свое значение и в настоящее время.

Таким образом, проведенные изменения в регулировании вопросов компетенции, связаны преимущественно не с переосмыслением сущности данного института, а с изменением процессуальных последствий нарушения соответствующих правил (оставление заявления без рассмотрения, его возвращение, передача дела по подсудности и др.) [12].

Вместе с тем терминология процессуальных кодексов стала принципиально неоднородной: действующая статья 22 ГПК РФ озаглавлена «Подсудность гражданских дел» и определяет перечень дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. Глава 4 АПК РФ, напротив, говорит о «компетенции арбитражных судов», а статья 27 устанавливает, что арбитражный суд рассматривает экономические споры и другие дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью, включая ряд специально выделенных категорий. КАС РФ при этом сохраняет прежнюю формулу и в статье 17 прямо использует выражение «подведомственность административных дел судам».

Выявить основания, обусловившие различия в законодательном регулировании данного, еще сравнительно недавно не вызывавшего существенных теоретических и практических затруднений правового вопроса, в настоящее время затруднительно [13]. Таким образом, терминологические различия свидетельствуют о незавершенном характере реформы, которая наиболее полно затронула область гражданского судопроизводства [14]. Вследствие этого лицо, обращающееся за судебной защитой, вынуждено не только

применять правила разграничения судебной компетенции, но и определять содержание и соотношение используемых законодателем понятий.

Следовательно, основные проблемы современной системы связаны не с наличием специализированных арбитражных судов как таковых, а с недостаточной ясностью правил распределения дел между судебными подсистемами. Поэтому дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено прежде всего на унификацию понятийного аппарата и конкретизацию критериев судебной компетенции.

Весомым аргументом в пользу сохранения подсистемы арбитражных судов является и объем рассматриваемых ею дел. В 2024 году арбитражными судами первой инстанции было рассмотрено 1 823 073 дела, из них 407 151 дело о несостоятельности (банкротстве). Кроме того, в рамках банкротных производств было разрешено 2 757 758 заявлений, жалоб, ходатайств и разногласий, включая требования, рассматриваемые как обособленные споры (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год, опубликованные Судебным департаментом при ВС РФ).

Эти показатели свидетельствуют о наличии самостоятельного и чрезвычайно крупного массива экономических споров. Одномоментная передача соответствующей судебной нагрузки судам общей юрисдикции без предварительной организационной и кадровой подготовки создала бы существенный риск перегрузки судов и увеличения сроков разбирательства.

Вместе с тем российский опыт не позволяет с достаточной достоверностью спрогнозировать последствия полного организационного объединения нижестоящих арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Поэтому выводы о преимуществах подобной реформы неизбежно носят в значительной степени предположительный характер, также как и выводы о ее недостатках.

Альтернативой организационному объединению судов может стать создание единого цифрового механизма подачи процессуальных документов. Заявитель направлял бы документы через общий электронный портал, а определение компетентного суда осуществлялось бы внутри судебной системы. Это освободило бы участников спора от необходимости самостоятельно разрешать сложные вопросы разграничения юрисдикции. Арбитражные суды могли бы сохранить организационную самостоятельность и специализацию, однако взаимодействовали бы с судами общей юрисдикции в рамках общего цифрового пространства.

Таким образом, специализация судей по экономическим спорам сохраняет существенное зна-

чение, однако ее преимущества не устраняют проблем разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Вместе с тем выявленные недостатки обусловлены прежде всего несовершенством законодательных критериев и терминологической неоднородностью. В связи с этим на современном этапе предпочтительным представляется не объединение судебных подсистем, а унификация понятийного аппарата, конкретизация правил судебной компетенции и создание единого цифрового механизма подачи процессуальных документов.

Список литературы:

[1] Романец Ю.В. Специализация в судебной деятельности как средство повышения эффективности правосудия // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 5-13.

[2] Прокудина, Л. А. Судопроизводство в арбитражных судах: тенденции к профессионализации / Л. А. Прокудина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 2. – С. 51-63.

[3] Попондопуло, В. Ф. Судебная система : состояние и проблемы совершенствования / В. Ф. Попондопуло, Е. В. Слепченко // Арбитражные споры. – 2014. – № 1. – С. 5-24.

[4] Малявина, Н. Б. Проблема разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению различных категорий дел / Н. Б. Малявина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 5. – С. 18-22. – DOI 10.18572/1812-383X-2022-5-18-22..

[5] Бараданченкова, Н. Е. Компетенция арбитражных судов: новые аспекты правоприменения / Н. Е. Бараданченкова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 7. – С. 21-22.

[6] Кожухова, А. С. К вопросу о недобросовестном изменении компетенции судов / А. С. Кожухова // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 127-140.

[7] Сегал, О. А. Проблемные аспекты реализации принципа доступности при определении подведомственности и подсудности гражданских дел / О. А. Сегал // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2012. – № 3. – С. 100-105.

[8] Гнатко, Д. С. Подведомственность дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции: не закрытая дискуссия / Д. С. Гнатко, Е. А. Гнатко, О. И. Мариненко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 2. – С. 24-27.

[9] Терехова, Л. А. Современные тенденции определения подведомственности споров / Л. А. Терехова // Вестник Кемеровского государ-

ственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 2(30). – С. 263-270.

[10] Петрова, М. Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» / М. Ю. Петрова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 148-153.

[11] Нехороших, А. М. О подведомственности в гражданском судопроизводстве / А. М. Нехороших // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 4. – С. 100-104.

[12] Афанасьев, С. Ф. О судебной подведомственности, или компетенции, и ее роли в механизме реализации права на обращение в суд (права на предъявление иска) / С. Ф. Афанасьев, А. Н. Ермаков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 9. – С. 46-51.

[13] Борисова, Е. А. Подведомственность гражданского дела: передать нельзя рассматривать / Е. А. Борисова // Закон. – 2020. – № 5. – С. 177-186.

[14] Павлова М.С. Реформа института подведомственности: содержание и итоги // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 36.

References:

[1] Romanets Yu.V. Specialization in judicial activities as a means of improving the effectiveness of justice // Problems of protecting the rights and legitimate interests of citizens and organizations: materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2002. S. 5-13.

[2] Prokudina, L. A. Proceedings in arbitration courts: trends towards professionalization/ L. A. Prokudina // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2008. – № 2. - S. 51-63.

[3] Popondopulo, V.F. Judicial system: state and problems of improvement/V.F. Popondopulo, E.V. Slepchenko // Arbitration disputes. – 2014. – № 1. - S. 5-24.

[4] Malyavina, N. B. The problem of delimiting the competence of arbitration courts and courts of general jurisdiction to consider various categories of cases/N. B. Malyavina // Arbitration and civil proceedings. – 2022. – № 5. - S. 18-22. – DOI 10.18572/1812-383X-2022-5-18-22..

[5] Baradanchenkova, N.E. Competence of arbitration courts: new aspects of law enforcement/ N.E. Baradanchenkova // Arbitration and civil procedure. – 2022. – № 7. - S. 21-22.

[6] Kozhukhova, A. S. On the issue of unfair changes in the competence of the courts/ A. S. Kozhukhova // Bulletin of Civil Procedure. – 2025. - T. 15, NO. 2. - S. 127-140.

[7] Segal, O. A. Problematic aspects of the implementation of the principle of accessibility in determining the jurisdiction and jurisdiction of civil cases/O. A. Segal // Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. – 2012. – № 3. – S. 100-105.

[8] Gnatko, D. S. Jurisdiction of cases to arbitration courts and courts of general jurisdiction: not a closed discussion/D. S. Gnatko, E. A. Gnatko, O. I. Marinenko // Arbitration and civil procedure. – 2022. – № 2. – S. 24-27.

[9] Terekhova, L. A. Modern trends in determining the jurisdiction of disputes/L. A. Terekhova // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2024. – Т. 8, NO. 2 (30). – S. 263-270.

[10] Petrova, M. Yu. To the question of the correlation of the concepts of "jurisdiction,"

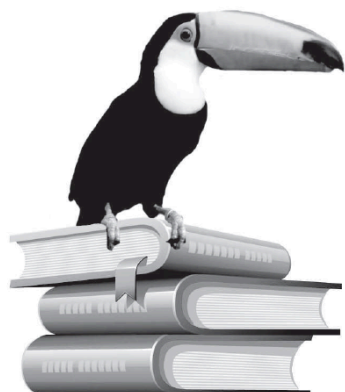
"jurisdiction" and "competence"/M. Yu. Petrov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2023. – № 1. – S. 148-153.

[11] Bad, A.M. On jurisdiction in civil proceedings/A.M. Bad // News of Southwestern State University. Series: History and Law. – 2014. – № 4. – S. 100-104.

[12] Afanasyev, S. F. On judicial jurisdiction, or competence, and its role in the mechanism for exercising the right to appeal to the court (right to sue)/S. F. Afanasyev, A. N. Ermakov // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2024. – № 9. – S. 46-51.

[13] Borisova, E. A. Jurisdiction of civil affairs: it is impossible to transfer/E. A. Borisova // Law. – 2020. – № 5. – S. 177-186.

[14] M.S. Pavlova. Reform of the institution of jurisdiction: content and results // Arbitration and civil procedure. 2023. № 6. S. 36.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 22.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-449-454

ПАВЛЮК Юрий Борисович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «Правовое
обеспечение национальной безопасности», ФГБОУ ВО
«МИРЭА-Российский технологический университет»,
e-mail: PavlyukYu197@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты использования государственных языков Российской Федерации в правоприменительной практике. Анализируются особенности применения их в официальном делопроизводстве и в нормативных правовых актах. Предлагается возможный вариант нормативного закрепления единообразного применения государственных языков, устранения различий в повседневном их применении и в официальном документообороте.

Ключевые слова: государственный язык, русский язык, делопроизводство, нормативный правовой акт, языки судопроизводства, грамматика, орфография, правовое регулирование применения государственного языка, строчные буквы, прописные буквы, нормативные словари.

PAVLYUK Yuri Borisovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the
Department "Legal Support of National Security" MIREA-Russian
Technological University

ON CERTAIN ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE USE OF STATE LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN OFFICIAL RECORDS MANAGEMENT AND LEGAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines certain aspects of the use of the state languages of the Russian Federation in law enforcement practice. The features of their use in official record-keeping and in regulatory legal acts are analysed. A possible option for the regulatory consolidation of the uniform use of state languages, eliminating differences in their everyday use and in official document flow, is proposed.

Key words: state language, Russian language, office work, regulatory legal act, languages of legal proceedings, grammar, orthography, legal regulation of the use of the state language, lowercase letters, uppercase letters, normative dictionaries.

В соответствии со статьей 68 Конституции Российской Федерации государственным языком в стране является русский язык как язык государствообразующего народа. Эта же норма нашла свое отражение и в статье 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – Закон о государственном языке), в статье 3 Закона Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», а также в иных нормативных правовых актах, регулирующих при-

менение русского языка.

Из положений статьи 3 Закона о государственном языке следует, что государственный язык используется в деятельности государственных органов власти, в том числе в делопроизводстве государственных органов власти и государственных учреждений, в судопроизводстве, а также в образовательном процессе и в иных сферах. При этом при использовании русского языка должны применяться нормы современного русского литературного языка, под которыми понима-

ются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных справочниках, грамматиках и словарях.

Интересное место в этом ряду занимают Правила русской орфографии и пунктуации (далее – Правила), утвержденные в 1956 году Академией наук СССР, Министерством высшего образования и Министерством просвещения РСФСР [20]. В абзаце 6 письма Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании буквы «е» и «ё» в официальных документах», действующего в настоящий момент, указывается на то, что названные правила применяются [16]. В нормативных словарях, фиксирующих нормы современного русского языка, имеются также ссылки на эти Правила как на один из источников, которому соответствуют нормативные предписания упомянутых словарей [19]. Кроме того, одновременно используется также и редакция 2006 г. этих Правил [21]. Следовательно, в настоящее время Правила 1956 г., применяют в части, не противоречащей изменениям, внесенным в Правила в 2006 г.

Между тем официальное делопроизводство в государственных органах, а также судебная практика формируют несколько иное отношение к обязательности применения Правил. В частности, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2021 № АКПИ21-175, указывается на то, что они являются основным источником для составления всех словарей, энциклопедий и справочников, но не регулируют порядок оформления ряда документов, выдаваемых государственными органами [18].

В связи с этим возникает противоречие в положениях статьи 3 Закона о государственном языке, согласно которому с одной стороны государственные органы должны использовать в обороте государственный язык, основанный на нормах литературного языка, использовать национальный словарный фонд, который базируется на Правилах, но с другой стороны при составлении отдельных документов государственные органы не обязаны их придерживаться.

Это приводит к тому, что в делопроизводстве государственных органов власти существуют свои правила применения русского языка, например, при написании прописных букв. В нулевых - двухтысячных годах увидели свет несколько изданий практических рекомендаций Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа по оформлению судебных документов [22], [23], которые с учетом социально-политических изменений в стране предлагали свои варианты написания строчных и прописных букв в названии юридических лиц и государственных органов, которые

отличались от тех, что предлагались в уже упомянутых Правилах. Эти практические рекомендации неофициально распространялись среди судей и работников судебных органов страны, ими они руководствовались при подготовке текстов судебных актов.

Неоднократные призывы в средствах массовой информации, исходящие из уст различных государственных деятелей о применении в текстах документов буквы «ё», появление писем профильных министерств, указывающих на необходимость использования названной буквы [16], по-прежнему не находят отклика в официальном делопроизводстве и большинство государственных учреждений использует названную букву только факультативно. Не используется она и в текстах принимаемых Государственной Думой законов [9].

Нормативное творчество отечественного законодателя также внесло свой вклад в правила написания названий отдельных органов государственной власти. При этом на практике при составлении документов государственные служащие и судьи в подавляющем большинстве случаев руководствуются именно редакцией, изложенной в нормативном акте или в акте высшей судебной инстанции, хотя сам закон либо акт были посвящены правоотношениям, не связанным с регулированием применения государственного языка, и по своему содержанию не касались вопросов внесения изменений в правила русского языка.

Сложившаяся ситуация сохраняется и в настоящий момент даже несмотря на то, что во многих высших государственных органах власти на постоянной основе функционируют специальные редакторские группы или структурные подразделения, в полномочия которых входит отслеживание соблюдения норм и правил русского языка, а также исправление в проектах документов до их подписания различного рода грамматических ошибок.

В Правилах 1956 года и в их редакции 2006 года, схожих в основной части установленных правил, вполне логично присутствуют и отличия, которые касаются написания некоторых слов. В частности, словосочетание «вторая мировая война» в 1956 году предписывалось начинать со строчной буквы. В редакции Правил 2006 г. слово «вторая» уже предлагается начинать с прописной. Разные подходы прослеживаются и в написании названий государственных органов и других юридических лиц. Не обсуждая целесообразность и значимость таких изменений в языке, следует отметить, что в результате в академической науке, в практике официального делопроизводства, а также в нормативных актах сложилась противоречивая практика написания отдельных слов и словосочетаний

русского языка, даже порой в рамках одного документа или нормативного правового акта. Так в тексте Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» увековечена и разная практика написания словосочетания «вторая мировая война». В статье 6 оно начинается с прописной буквы, а в статье 8 со строчной. И всё это в рамках одного нормативного правового акта.

Необходимо конечно отметить, что с одной стороны, при принятии закона органом законодательной власти в тексте должны использоваться нормы государственного языка в редакции, применявшейся на момент вынесения упомянутого акта. С другой стороны, логика восприятия текста любого документа диктует, чтобы язык нормативного правового акта подчинялся единым нормам государственного языка, иначе это порождает двойственность в восприятии читающими его гражданами и провоцирует возникновение ошибок в современном делопроизводстве и нормативном творчестве.

Положения статьи 6 Закона о государственном языке предусматривают применение ответственности за его нарушение. Представляется, что об ответственности в данном случае можно говорить только тогда, когда установлены нормативно закреплённые твердые правила их применения. В связи с этим представляется, что в список нормативных справочников и словарей, утвержденных распоряжениями Правительства Российской Федерации от 30.04.2025 № 1102-р, от 06.04.2026 № 757-Р, от 08.06.2026 № 1406-р [12-14], целесообразно внести и актуальную редакцию Правил, либо нормативно закрепить ее отдельным постановлением Правительства Российской Федерации.

При этом необходимо отметить, что отсутствие нормативно установленных действующими современными актами единых Правил порождает вариативное применение русского языка в официальном делопроизводстве и в правоприменительной практике, что в свою очередь провоцирует споры между субъектами правоотношений. Так, например, имеют место случаи, когда написание букв «е»/«ё» в фамилиях физических лиц, вызывает споры за право на наследство, лишает наследников возможности своевременно вступить в свои права, а также ведет к разбирательству с государственными органами. Суды при рассмотрении споров делают упор в основном на субъективный фактор - оценку судьей совокупности обстоятельств или усмотрение суда. Спорное написание того или иного исторического события, явления социально-политической жизни также вызывает ост-

рые дискуссии в обществе, например, «в Украине» или «на Украине», переводя спор в политическую плоскость и вызывая острые дискуссии с надуманными обвинениями лиц, участвующих в них.

Представляется, что существование различной практики применения норм русского языка, отсутствие единства, четкости и нормативной определенности в применении грамматических правил в таких вопросах создают дополнительные трудности в защите субъектами своих прав. Размытость этих требований не способствует правильному усвоению населением, особенно молодой его частью, одного из самых сложных, выразительных и красивых языков мира. Это снижает общую грамотность общества, порождает распространение в языковой практике значительного количества ошибок, обедняет общение как на уровне обычных взаимоотношений граждан, так и в делопроизводстве, в нормативном творчестве.

Учитывая, что положения статьи 18 УПК, статьи 9 ГПК предусматривают осуществление судопроизводства на государственных языках республик, входящих в Российскую Федерацию, особое значение приобретает единство подходов также и в применении языковых норм государственных языков и субъектов Федерации. Отечественное законодательство устанавливает процедуру, по которой разрабатываются правила применения государственного языка, которые часто довольно громоздки. Но оно не закрепляет нормативно сами грамматические правила. Между тем точность в передаче смысла, правильное использование определенных устоявшихся словосочетаний, терминов, в том числе и правовых, порой определяют правильность разрешения того или иного вопроса при обращении в органы государственной власти или при рассмотрении судебного спора в судах общей юрисдикции.

В настоящее время в республике Крым украинский язык является одним из трех государственных языков, в Херсонской области глава региона Сальдо В. подписал указ об использовании украинского языка наряду с русским в официальном делопроизводстве [11]. Учитывая происходящие политические процессы в соседнем государстве, влияющие, в том числе и на действующие правила грамматики современного украинского языка, возникает вопрос о возможности использования в силу положений статьи 18 УПК РФ, статьи 9 ГПК РФ их обновленных норм в официальном российском делопроизводстве или судопроизводстве.

Таким образом нормативное закрепление правил орфографии и пунктуации государственных языков Российской Федерации может снизить противоречия и разночтения в их правоприменительной практике.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации // Российская газета, 25.12.1993, № 237.

[2] Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, 12.12.1991, № 50, Ст. 1740.

[3] Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 22.05.1995, № 21, Ст. 1928.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001, № 52 (часть I), Ст. 4921.

[6] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.07.2002, № 30, Ст. 3012.

[7] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 18.11.2002, № 46, Ст. 4532.

[8] Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.06.2005, № 23, Ст. 2199.

[9] Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.12.2025, № 48 (часть I, II, III), Ст. 7237.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.11.2006 № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации». // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=64113> (дата обращения: 19.07.2026).

[11] Указ временно исполняющего обязанности Губернатора Херсонской области от 11.06.2023 № 11-у «О языках в официальных сферах общения в Херсонской области» // Губернатор Херсонской области — Официальный портал. URL: www.khogov.ru/documents/ukaz-gubernatora-hersonskoj-oblasti-ot-11-06-2023-№11-u-1-o-yazykah-i-oficialnyh-sferah-obshheniya-v-hersonskoj-oblasti/ (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Распоряжение Правительства Россий-

ской Федерации от 03.04.2025 № 1102-р «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013 (дата обращения: 19.07.2026).

[13] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.04.2026 № 757-Р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.04.2025 № 1102-р» // Официальное опубликование правовых актов. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202604100026?ysclid=msdqb5exxh833237565.

[14] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.06.2026 № 1406-Р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.04.2025 № 1406-р» // Официальное опубликование правовых актов. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202606090042?ysclid=msdqddkhj2275623039 (дата обращения: 19.07.2026).

[15] Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 03.05.2007 № АФ-159/03 «О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку» // www.base.garant.ru/6393843/?ysclid=msd260492719715715 (дата обращения: 19.07.2026).

[16] Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании буквы «е» и «ё» в официальных документах» // СПС Гарант. URL: www.base.garant.ru/70289326/ (дата обращения: 19.07.2026).

[17] Письмо Нотариальной палаты от 15.02.2013 № 279/06-06 «О написании имен собственных в официальных документах» // RuLaws.ru. URL: www.rulaws.ru/acts/Pismo-FNP-ot-15.02.2013-N-279_06-06/?ysclid=msd1w858j5417955734 (дата обращения: 19.07.2026).

[18] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2021 № АКПИ21-175 // СПС Гарант. URL: www.base.garant.ru/401391387/?ysclid=msd1rf6txa742612954 (дата обращения: 19.07.2026).

[19] Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации // Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН. URL: ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovori/orfograficheskiy_slovar.pdf (дата обращения: 19.07.2026).

[20] Правила русской орфографии и пунктуации. — М.: Учпедгиз, 1956. — 176 с.

[21] Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / под ред. В.В. Лопатина. - М.: Эксмо, 2006. - 480 с.

[22] Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов. - СПб., 2002. - 72 с.

[23] Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов. - 4-е изд. - СПб., 2010. - 120 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta, 12/25/1993, No. 237.

[2] Law of the Russian Federation of October 25, 1991 No. 1807-1 "On the languages of the peoples of the Russian Federation" // Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation, 12.12.1991, No. 50, Art. 1740.

[3] Federal Law of May 19, 1995 No. 80-FZ "On the perpetuation of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941 – 1945" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.22.1995, No. 21, Art. 1928.

[4] Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/24/2001, No. 52 (part I), Art. 4921.

[6] Arbitration Procedural Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07.29.2002, No. 30, Art. 3012.

[7] Civil Procedure Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/18/2002, No. 46, Art. 4532.

[8] Federal Law of 01.06.2005 No. 53-FZ "On the State Language of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.06.2005, No. 23, Art. 2199.

[9] Federal Law of November 28, 2025 No. 426-FZ "On the Federal Budget for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/01/2025, No. 48 (Part I, II, III), Art. 7237.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation of November 23, 2006 No. 714 "On the procedure for approving the norms of the modern Russian literary language when used as the state language of the Russian Federation, the rules of Russian spelling and punctuation." // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=64113> (date of access: 07.19.2026).

[11] Decree of the Acting Governor of the Kherson Region dated 06/11/2023 No. 11-u "On languages in official spheres of communication in the Kherson Region" // Governor of the Kherson Region - Official portal. URL: www.khogov.ru/

[documents/ukaz-gubernatora-hersonskoj-oblasti-ot-11-06-2023-No-11-u-1-o-yazykah-i-oficijalnyh-sferah-obshheniya-v-hersonskoj-oblasti/](#) (date of access: 07.19.2026).

[12] Order of the Government of the Russian Federation dated 04/03/2025 No. 1102-r "On approval of the list of normative dictionaries, reference books and grammars fixing the norms of the modern literary language when used as the state language of the Russian Federation" // Official publication of legal acts. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013 (date of access: 07.19.2026).

[13] Order of the Government of the Russian Federation dated 04/06/2026 No. 757-R "On introducing amendments to the order of the Government of the Russian Federation dated 04/03/2025 No. 1102-r" // Official publication of legal acts. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202604100026?ysclid=msdqb5exxh833237565.

[14] Order of the Government of the Russian Federation dated 06/08/2026 No. 1406-R "On introducing amendments to the order of the Government of the Russian Federation dated 04/03/2025 No. 1406-r" // Official publication of legal acts. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202606090042?ysclid=msdqddkhj2275623039 (date of access: 07.19.2026).

[15] Letter of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 05/03/2007 No. AF-159/03 "On the decisions of the Interdepartmental Commission on the Russian Language" // www.base.garant.ru/6393843/?ysclid=msd260492719715715 (date of access: 07.19.2026).

[16] Letter of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated October 1, 2012 No. IR-829/08 "On the spelling of the letters "е" and "ё" in official documents" // SPS Garant. URL: www.base.garant.ru/70289326/ (date of access: 07/19/2026).

[17] Letter of the Chamber of Notaries dated February 15, 2013 No. 279/06-06 "On the writing of proper names in official documents" // RuLaws.ru. URL: www.rulaws.ru/acts/Pismo-FNP-ot-02/15/2013-N-279_06-06/?ysclid=msd1w858j5417955734 (date of access: 07/19/2026).

[18] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 25, 2021 No. AKPI21-175 // SPS Garant. URL: www.base.garant.ru/401391387/?ysclid=msd1rf6txa742612954 (date of access: 07.19.2026).

[19] Spelling dictionary of the Russian language as the state language of the Russian Federation // Russian Language Institute named after. V.V. Vinogradov RAS. URL: ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovori/orfografiche

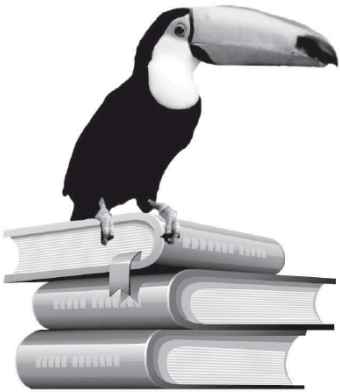
skij_slovar.pdf (date of access: 07/19/2026).

[20] Rules of Russian spelling and punctuation. – M.: Uchpedgiz, 1956. – 176 p.

[21] Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book. / ed. V.V. Lopatina. - M.: Eksmo, 2006. – 480 p.

[22] Language and style of court documents. Practical recommendations for drawing up judicial acts. – St. Petersburg, 2002. – 72 p.

[23] Language and style of court documents. Practical recommendations for drawing up judicial acts. – 4th ed. – St. Petersburg, 2010. – 120 p.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-455-462

ТЕРЕХИН Илья Сергеевич,
аспирант ФГБОУ «Государственный академический
университет гуманитарных наук»,
e-mail: terexin.ilya2017@yandex.ru

Научный руководитель:
КУДРЯВЦЕВА Елена Васильевна,
профессор кафедры публичного права юридического
факультета ФГБОУ «Государственный академический
университет гуманитарных наук», доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В РОССИЙСКОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуется практика применения обеспечительных мер в арбитражном процессе. На основе анализа процессуального законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сводной статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2015–2025 годы автор демонстрирует выраженную асимметрию применения института: при формальном равенстве мер правоприменение устойчиво сконцентрировано на трех инструментах – наложении ареста (п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), запрете совершать определенные действия (п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), приостановлении действия ненормативного правового акта, решения (ч. 3 ст. 199 АПК РФ), – тогда как остальные поименованные меры приобрели характер «спящих». Вместе с этим автор приводит как общие, так и специфические (вызванные особенностями конкретной меры) причины, обуславливающие указанную тенденцию.

Ключевые слова: обеспечительные меры, обеспечение иска, арбитражный процесс, приостановление действия ненормативного правового акта, арест денежных средств, запрет совершать определенные действия.

TEREKHIN Il'ia Sergeevich,
postgraduate student of the State Academic University for
the Humanities (GAUGN)

Scientific supervisor:
KUDRIAVTSEVA Elena Vasil'evna,
Professor of the Public Law Department of the Law Faculty
in the State Academic University for the Humanities (GAUGN),
Doctor of Laws

THE PRACTICE OF APPLYING INTERIM MEASURES IN THE RUSSIAN ARBITRAZH PROCEDURE

Annotation. The article examines the practice of applying interim measures in arbitration proceedings. Based on the analysis of procedural legislation, the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation Plenum and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation statistics for 2015–2025, the author demonstrates institution applying asymmetry: while the measures are formally equal, law enforcement is steadily concentrated on three instruments, namely the arresting monetary assets (para. 1 of part 1 of Article 91 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation), the forbidding to commit certain actions (para. 2 of part 1 of Article 91 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation) and the suspension of a non-normative legal act or decision operation (part 3 of Article 199 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation), whereas the remaining enumerated measures have become “dormant”. At the same

time, the author cites both general and specific reasons (stemming from the particularities of a given measure) that account for the indicated trend.

Key words: *interim measures, claim securing, arbitrazh procedure, suspension of the non-normative legal act operation, arresting monetary assets, prohibition on performing certain actions.*

1. Постановка проблемы

Обеспечительные меры – срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя (ч. 1 ст. 90 АПК РФ). Их применение в арбитражном процессе является гарантией реального удовлетворения исковых требований в случае признания их законными. М.А. Рожкова, отмечая срочный и временный характер обеспечения и его превентивную направленность, рассматривает обеспечительные меры как инструмент сохранения имеющегося положения сторон до разрешения спора по существу [9, с. 3].

Верховный Суд РФ определяет следующие цели применения института обеспечительных мер: предотвращение нарушения прав, свобод и законных интересов заявителя или неопределенного круга лиц, снижение негативного воздействия допущенных нарушений, создание условий для надлежащего исполнения судебного акта (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 года № 15, далее – Постановление Пленума ВС РФ № 15). Перечень обеспечительных мер закреплен в ч. 1 ст. 91 АПК РФ, при этом он носит открытый характер. Например, в ч. 3 ст. 225.6 АПК РФ установлены отдельные виды мер, используемые в корпоративных спорах. Законодательство о банкротстве также открывает возможности применения нестандартных мер (п. 2 ст. 46 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). В рамках настоящей статьи будут проанализированы основные виды обеспечительных мер, указанные в ч. 1 ст. 91 АПК РФ: 1) наложение ареста на денежные средства или иное имущество; 2) запрещение совершать определенные действия, касающиеся предмета спора; 3) возложение обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества; 4) передача спорного имущества на хранение; 5) приостановление взыскания в бесспорном (безакцептном) порядке по оспариваемому исполнительному или иному документу; 6) приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста, а также 7) приостановление действия оспариваемого ненормативного правового акта, решения по ходатайству заявителя, предусмотренное ч. 3 ст. 199 АПК РФ.

Перечисленные меры де-юре между собой равны: ни законодательством, ни актами Верховного Суда РФ не установлена их иерархия. Между тем судебная статистика демонстрирует иное положение: практика применения разных видов мер неравномерна, значительная их часть фактически не используется. Настоящей статьей поставлена цель выявить, какие меры являются наиболее популярными, какие – «спящими», привести возможные причины, ведущие к такой тенденции.

2. Нормативная модель и критерии оценки

Регулирование обеспечительных мер образуют ст. 90–100 гл. 8 АПК РФ. Более детальное руководство по применению мер содержится в Постановлении Пленума ВС РФ № 15, заменившем в качестве ориентира ранее действовавшие разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»).

Обеспечительные меры применяются по заявлению лица, участвующего в деле, при этом заявление рассматривается судьей единолично, без извещения сторон (ч. 1 ст. 93 АПК РФ). Об упрощенном порядке регулирования свидетельствует и то, что к заявлению не предъявляются стандартные требования доказывания: ввиду срочного и предварительного характера мер «для их принятия не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора» (п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 15). Таким образом, заявителю достаточно подтвердить разумные подозрения относительно возникновения соответствующего риска.

Однако для решения вопроса о принятии обеспечительных мер судья должен определить, связана ли конкретная мера с предметом спора и соразмерна ли заявленному требованию (п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 15). Из этого следует, что соразмерность – один из признаков обеспечительных мер, в его отсутствие мера перестает выполнять свои цели и открывает возможности для злоупотребления правом. Вместе с тем метрики соразмерности определены расплывчато: в п. 18 Постановления Пленума ВС РФ № 15 через примеры Верховный Суд РФ указывает как на количественный показатель («суд вправе наложить арест на имущество ответчика

в пределах цены иска»), так и на качественный («суд вправе... запретить ответчику... совершать определенные действия исключительно в рамках заявленного требования»), хотя «соразмерность» упоминается в указанном постановлении многократно. В доктрине наблюдается поляриность мнений на этот счет. Например, М.Л. Скуратовский под соразмерностью мер понимает то, что они должны корреспондировать с иском требованием и его размером [8, с. 93], то есть совпадать по количественному показателю. Большой акцент на характере и сущности требований при определении соразмерности делает Л.Г. Рутковская [10, с. 133]. В.В. Ярков рассматривает соразмерность через категорию адекватности – соответствия имущественного интереса заявителя испрашиваемой мере [2, с. 209]. В свою очередь, приходим к выводу, что соразмерность как один из основных признаков института обеспечительных мер в значительной степени отдается на оценочное усмотрение судьи в связи с многообразием форм нарушения гражданских прав и способов их защиты.

Таким образом, в отсутствие определенного стандарта доказывания требований о применении обеспечительных мер судебское усмотрение по вопросу о соответствии испрашиваемых мер признаку соразмерности определяет правоприменительную практику, в частности отношение судов к разным видам мер как к желательным или избыточным, неудобным.

3. Наиболее востребованные меры

3.1. Наложение ареста на денежные средства и иное имущество

Традиционно доктрина рассматривает арест имущества как «классическую» меру обеспечения и исторически сложившееся ядро процессуального института обеспечения иска [11, с. 44]. Вместе с тем арест является самой востребованной обеспечительной мерой в спорах о взыскании. Действительно, по имущественным искам арест выступает наиболее естественной мерой: он прямо коррелирует с предметом требования и по объективным показателям удовлетворяет критерию соразмерности, поскольку ограничивается суммой иска.

Статистические данные [12] подтверждают востребованность ареста при заметной цикличности его применения. В 2015 году мера была применена 3 965 раз, что составляло 26,7 % от годового показателя всех примененных арбитражными судами обеспечительных мер. К 2021 году показатель снизился до минимальных 2 022 применений (18,2 %), однако в 2024 году последовал резкий рост до 3 913 применений, а за первое полугодие 2025 года арест применен 2 008 раз, что при сохранении темпа означает возвращение

к пиковым значениям 2015 года.

Арест может быть наложен как на имущество, находящееся у ответчика, так и на имущество, находящееся у иных лиц (п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), а также на денежные средства, которые будут поступать на банковский счет в будущем, в пределах заявленной суммы требований (абз. 5 п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 15). Несмотря на лидирующую востребованность ареста наличного имущества и остатка по счету, арест будущих поступлений на практике не применяется.

Представляется, что «спящий» характер ареста будущих поступлений связан, во-первых, с запретом Президиума ВАС РФ на наложение ареста на денежные средства, которые поступят на счет в будущем (абз. 7 раздела II Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 июля 1996 года № 6), во-вторых, с сопряженным риском несоразмерного ограничения хозяйственной деятельности ответчика. Так, суды проявляют сдержанность, а сам арест «будущих» средств нередко оказывается декларативным [13].

3.2. Запрет совершать определенные действия

Запрет совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, является наиболее универсальной и, согласно статистическим данным Верховного Суда РФ, наиболее часто удовлетворяемой обеспечительной мерой. Универсальность меры объясняется ее гибкостью: она применима в корпоративных спорах (запрет регистрации изменений в ЕГРЮЛ, запрет голосования долями), в спорах о недвижимости (запрет регистрационных действий в ЕГРН), в делах о защите интеллектуальных прав (запрет использования спорного обозначения), в форме антиисковых обеспечительных мер – запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном арбитраже.

Эффективность запрета подкрепляется простотой исполнения: адресатами становятся регистрирующие органы и иные третьи лица, для которых исполнение запрета не требует совершения активных распорядительных действий.

Статистическая динамика запрета не имеет аналогов среди других обеспечительных мер. Число его применений выросло с 4 317 в 2015 году до 6 041 в 2024 году, то есть на 39,9 %, несмотря на сокращение общего числа рассмотренных заявлений об обеспечении в целом: с 47 850 до 36 789 (на 23,1 %). Начиная с 2016 года показатель растет практически непрерывно (единственное незначительное снижение зафиксировано в 2020 году). Таким образом, в последние годы примерно две из каждых пяти применяемых судами обеспечитель-

ных мер – это запрет совершать определенные действия.

3.3. Приостановление действия оспариваемого ненормативного правового акта, решения

За пределами перечня ст. 91 АПК РФ процессуальный закон закрепляет самостоятельную обеспечительную меру – приостановление действия оспариваемого ненормативного правового акта, решения по ходатайству заявителя (ч. 3 ст. 199 АПК РФ). Несмотря на то, что эта мера не поименована в профильной статье АПК РФ, она применяется по правилам главы 8 АПК РФ и учитывается Верховным Судом РФ в статистической отчетности в едином разделе об обеспечительных мерах. По сводным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ именно эта мера в 2015–2018 годах являлась наиболее применяемой среди всех обеспечительных мер: в 2015 году она была применена 5 471 раз, в 2017 году – 5 800 раз, опережая и запрет совершать определенные действия (4 317 и 4 015 соответственно), и наложение ареста (3 965 и 2 624 раза). В последующий период мера устойчиво сохраняла второе–третье место, применяясь в 2019–2024 годах в диапазоне от 2 450 (2020 год) до 3 667 (2019 год) раз в год.

Высокая востребованность меры объясняется структурой споров в арбитражных судах: значительную их долю составляют дела об оспаривании ненормативных актов и решений налоговых, антимонопольных, таможенных органов, органов власти и должностных лиц, а также действий судебных приставов-исполнителей (в 2024 году – 69 625 дел, в первой половине 2025 года – 30 468 дел). Приостановление действия оспариваемого акта прямо коррелирует с предметом такого спора, легко исполнимо – адресуется издавшему акт органу, не требует контроля за позитивным поведением частного лица – и удовлетворяет критерию соразмерности, поскольку лишь временно блокирует исполнение конкретного акта.

4. Наименее востребованные («спящие») меры

4.1. Передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу (судебный секвестр)

Как отмечает Д.Б. Абушенко, «действующее процессуальное законодательство устранилось от регулирования отношений, возникающих в связи с хранением спорного имущества» [1, с. 52]. Его слова подтверждаются статистикой: передача спорного имущества на хранение возглавляет перечень невостребованных мер, имея самые низкие показатели применения: за период с 2015 года по первое полугодие 2025 года мера применена в общей сложности 431 раз, то есть в среднем около 40 раз в год на всю систему арбитражных судов, при размахе от 25 применений (2018 год) до 50

(2015 год). Доля судебного секвестра в структуре примененных обеспечительных мер ни в одном из периодов не превысила половины процента. Для сравнения: запрет совершать определенные действия в одном лишь 2024 году был применен 6 041 раз, то есть в среднем за месяц он применялся чаще, чем секвестр за целый год.

Невостребованность судебного секвестра объяснима: для его применения требуются значительные временные и организационные издержки со стороны суда. В частности, для возникновения соответствующих гражданско-правовых отношений судье необходимо добиться соглашения сторон о выборе хранителя и его вознаграждении за хранение или найти хранителя, готового взять на себя это бремя, и получить согласие сторон на оплату его услуг [3, с. 43]. Передать имущество на хранение сторонам зачастую не представляется возможным: передача истцу как заинтересованному лицу создает конфликт интересов и не гарантирует беспристрастного отношения хранителя к спорному объекту, ответчик изначально поставлен в позицию «спорного» и неправомерного обладателя имущества. При таком положении дел судья самостоятельно выбирает хранителя, однако с учетом изложенного и при отсутствии развитого в России института профессиональных хранителей [4, с. 67] судьба меры обеспечения предreshена.

Таким образом, центральные вопросы хранения спорного имущества (субъект-хранитель, его вознаграждение, несение бремени содержания и риска утраты имущества) остаются нерешенными: разъяснения ВС РФ не останавливаются на таком способе обеспечения процессуальных и материальных интересов, а в ГК РФ очерчиваются лишь общие положения по регулированию (ст. 926 ГК РФ).

4.2. Возложение обязанности совершить действия по предотвращению порчи имущества

Нечасто суды применяют и возложение обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи или ухудшения состояния спорного имущества. Удачный пример ее использования – возложение на ответчика обязанности передать заложенные акции в доверительное управление Банка России для недопущения уменьшения стоимости акций [7, с. 322]. Зачастую мера применяется и в отношении ответчиков – ресурсоснабжающих организаций (обязание не прекращать прием сточных вод, снабжение энергоресурсами и газом) [5, с. 24].

Тем не менее мера используется эпизодически. Статистика фиксирует затухание меры: пиковое значение достигнуто в 2017 году (169 применений), после чего показатель ни разу не превысил 114 применений в год, а доля меры в общих пока-

зателях снизилась с 1,2 % примененных мер в 2017 году до 0,6 % в 2024 году. Причина этого – наличие более удобной меры противоположного, запретительного, а не предписывающего характера – запрета на совершение определенных действий. Контроль за исполнением меры обеспечения или принуждение к ее реализации удобнее в случае установления запрета. Иначе говоря, из двух методов – запретительного и предписывающего – с большей вероятностью будет исполнен именно первый. Предписание, обращенное к ответчику, не гарантирует обеспечения материальных и процессуальных интересов, в связи с чем мера остается не востребованной.

4.3. Приостановление взыскания по бесспорному документу

Приостановление взыскания по оспариваемому исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке, имеет узкую сферу применения. Это подтверждается статистикой: показатели применения меры колеблются в узком коридоре без выраженного тренда: от 45 случаев (2019 год) до 85 (2022 год), в 2024 году – 54, за первое полугодие 2025 года – 27, что соответствует доле в 0,4–0,8 % всех примененных обеспечительных мер. Мера ориентирована на специфический круг ситуаций: опротестование векселя, оспаривание инкассовых поручений, исполнительной надписи нотариуса, иных документов, допускающих списание без согласия должника, за исключением исполнительных листов, в отношении которых предусмотрена специальная процедура приостановления (ст. 327 АПК РФ). Однако, как верно отмечает В.В. Котлярова, сложность применения меры состоит в ее пограничном положении по отношению к запрету совершать определенные действия (п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ) и приостановлению действия оспариваемого акта, решения (ч. 3 ст. 199 АПК РФ), при этом исследователем выделена тенденция выбора заявителями именно последней меры [6, с. 90], обладающей, в свою очередь, специальным характером по отношению к общим мерам обеспечения.

Таким образом, не востребованность данной меры обусловлена слабой юридической техникой, повлекшей смешение трех мер обеспечения и отсутствие критериев их разграничения. При этом потенциал ее успешного применения высок с учетом роста налоговых споров. Так, число дел, связанных с применением налогового законодательства, поступивших в арбитражные суды, возросло с 14 941 в 2021 году до 28 125 в 2022 году, включая число дел о взыскании обязательных платежей и санкций (с 5 989 до 17 976 соответственно).

4.4. Приостановление реализации имуще-

ства при иске об освобождении имущества от ареста

Последняя из поименованных мер – приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста – является наиболее специальной, она применяется к единственной категории споров и вне ее пределов не имеет самостоятельного значения. Исполнительное производство подлежит приостановлению в случае предъявления иска об освобождении имущества, на которое обращено взыскание по исполнительному документу, от наложенного ареста (п. 1 ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Статистика применения меры стабильно низка: от 39 применений (2020 год) до 82 (2024 год) при доле в структуре примененных обеспечительных мер в пределах 0,3–0,6 %. Максимум за весь период наблюдения достигнут в 2024 году – 82 применения, что на 26,2 % выше уровня 2023 года (65 применений), и хронологически совпадает с резким ростом числа арестов в том же году (с 2 485 до 3 913). Такая корреляция закономерна: расширение практики ареста имущества влечет увеличение числа исков об освобождении имущества от ареста и, как следствие, потребности в обеспечительной мере, сопровождающей именно эту категорию исков. Узость меры, таким образом, носит структурный характер: показатель ее применения произведен от динамики арестов и объективно не может выйти за пределы соответствующей категории споров.

5. Причины асимметрии применения и оценки статистических данных

Выявленная асимметрия применения разных видов мер обеспечения, помимо указанных выше некоторых специфических причин, объясняется несколькими взаимосвязанными факторами и находит подтверждение в официальной статистике.

Наиболее значимой причиной неравномерного распределения выступает общая умеренность арбитражных судов при удовлетворении ходатайств об обеспечении. По сводным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доля заявлений, признанных обоснованными, в 2015–2023 годах устойчиво держалась в диапазоне 28–31 % и лишь в 2024 году повысилась до 39,7 %, а в первом полугодии 2025 года достигла 46,5 %. На фоне более чем 1,8 млн экономических споров, разрешаемых арбитражными судами первой инстанции в год (в 2024 году – 1 823 073 дела, в 2023 году – 1 776 434), невысокая доля удовлетворения формирует у участников оборота восприятие обеспечения как труднодостижимого

результата, побуждает заявлять преимущественно наиболее «надежные» меры – запрет, приостановление действия ненормативного акта и арест.

Второй фактор – риск ответственности за убытки, причиненные обеспечением (ст. 98 АПК РФ), который удерживает заявителей от использования обременительных мер по типу передачи имущества на хранение.

Третий фактор – «удобство» некоторых мер, которое выражается в том, что для их применения судья затрачивает наименьший объем временных и организационных ресурсов, они более регламентированы и просты в исполнении, поскольку основаны на запретительном методе и не требуют контроля за позитивным поведением должника.

Четвертый фактор – недостаток регламента-

ции либо низкий уровень юридической техники: за исключением профильного Постановления Пленума ВС РФ № 15, в котором также не содержится исчерпывающее описание порядка применения разных видов мер, законодательство не включает уточняющие положения об обеспечительных мерах. Этот эффект усиливается открытым характером перечня ст. 91 АПК РФ: суд вправе сконструировать индивидуальную меру ad hoc или обратиться к наиболее узконаправленным мерам, содержащимся в профильных законах, что снижает потребность в обращении к мерам, указанным в п. 3–6 ч. 1 ст. 91 АПК РФ.

Сделанные выводы подтверждаются динамикой официальной статистики 2015–2025 годов.

Сводная таблица

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025 (Сведения за первое полугодие 2025 года)
Рассмотрено заявлений	47 850	43 793	41 910	40 414	39 792	34 022	34 873	35 616	36 794	36 789	14 311
Признано обоснованными	14 296	13 257	13 089	12 170	11 225	9 745	10 430	10 719	11 346	14 587	6 648
Доля удовлетворения, %	29,9	30,3	31,2	30,1	28,2	28,6	29,9	30,1	30,8	39,7	46,5
в том числе применены меры:	арест (п. 1 ч. 1 ст. 91)	3 965	3 082	2 624	2 686	2 539	2 254	2 022	2 077	2 485	3 913
2 008	запрет действий (п. 2 ч. 1 ст. 91)	4 317	3 943	4 015	4 478	4 614	4 596	4 610	4 825	5 198	6 041
2 615	приост. ненорм. акта (ч. 3 ст. 199)	5 471	5 681	5 800	4 643	3 667	2 450	3 322	3 233	3 035	3 396
1 664	обязанность совершить действия (п. 3)	114	106	169	87	109	88	111	96	104	99
66	передача на хранение (п. 4)	50	45	42	25	41	41	39	35	38	45
30	приост. взыскания (п. 5)	71	77	67	72	45	70	63	85	58	54

27	приост. ре- ализации (п. 6)	61	66	72	66	61	39	70	48	65	82
23	иные ме- ры	794	738	801	886	828	795	883	826	883	1 746
595	Отказано в обеспе- чении	33 554	30 536	28 821	28 244	28 567	24 277	24 443	24 897	25 449	22 205
7 664											

6. Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, институт обеспечительных мер в арбитражном процессе характеризуется выраженной асимметрией: при формальном равенстве поименованных мер реальная практика концентрируется на трех из них – запрещении совершать определенные действия (п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), приостановлении действия оспариваемого ненормативного правового акта, решения (ч. 3 ст. 199 АПК РФ) и наложении ареста (п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), которые образуют функциональное ядро обеспечения. На их долю приходится подавляющая часть всех удовлетворенных заявлений. Во-вторых, среди этих мер наблюдается смена лидера: в 2015–2018 годах наиболее востребованным выступало приостановление действия ненормативного акта (ч. 3 ст. 199 АПК РФ), тогда как с 2019 года устойчивое первенство переходит к запрету совершать определенные действия в силу его универсальности и простоты исполнения, арест денежных средств на протяжении всего периода уступает обеим названным мерам. В-третьих, меры п. 3–6 ч. 1 ст. 91 АПК РФ приобрели характер «спящих» норм – одни вследствие дублирования более удобными мерами, другие из-за структурной узости предмета регулирования. В-четвертых, доля удовлетворяемых заявлений, остававшаяся в 2015–2023 годах стабильной на уровне 28–31 %, в 2024 году возросла до 39,7 %, а в первом полугодии 2025 года – до 46,5 %, что хронологически совпадает со снижением стандарта доказывания, закрепленным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 15. Сделанные наблюдения не свидетельствуют о дефектности законодательной модели. Открытый характер перечня ст. 91 АПК РФ и низкий стандарт доказывания, подтвержденный Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 15, обеспечивают институту необходимую гибкость. Задача состоит не в расширении каталога, а в повышении функциональной полноты уже имеющихся мер.

Список литературы:

- [1] Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе : монография. Тверь : Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 319 с.
- [2] Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсаямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др. ; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 752 с.
- [3] Братцева С.В. Процессуальное соглашение: договор или односторонняя сделка? // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 44–46.
- [4] Ерохова М.А. О частных судебных исполнителях в российском правовом порядке // Закон. 2018. № 8. С. 62–70.
- [5] Котлярова В.В. О возложении обязанности совершать определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 22–26.
- [6] Котлярова В.В. О реализации обеспечительной меры в виде приостановления взыскания по оспариваемому исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 88–94.
- [7] Научно-практический комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (постатейный) / под ред. А.П. Морозова. 904 с.
- [8] Практика применения Арбитражного процессуального кодекса РФ : учебник / отв. ред. И.В. Решетникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 500 с.
- [9] Рожкова М.А. Обеспечительные меры арбитражного суда // СПС «КонсультантПлюс».
- [10] Рутковская Л.Г. Соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям // Арбитражные споры. 2014. № 3. С. 128–144.
- [11] Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном процессе

ражном и гражданском процессе. М., 2006. 224 с.

[12] Здесь и далее статистические данные приводятся по сводной отчетности о работе арбитражных судов субъектов РФ (по первой инстанции): форма № 1 (с 2021 года – форма № 1-АС) Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел 3 «Рассмотрение заявлений о применении обеспечительных мер» (отчеты за 2015–2020 годы) и одноименный раздел 6 (отчеты за 2021–2025 годы); приведены показатели строки «ИТОГО». Приостановление действия ненормативного правового акта, решения учитывается в графе 9 указанного раздела. Данные за 2025 год приведены за первое полугодие.

[13] См., например: Определение Арбитражного суда Самарской области от 03.06.2026 по делу № А55-3266/2026; Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 23.04.2026 по делу № А07-14602/2026; Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 16.08.2024 по делу № А65-6044/2024; Определение Арбитражного суда Саратовской области от 26.12.2022 по делу № А57-26275/2022.

References:

[1] D.B. Abushenko. Problems of Mutual Influence of Judicial Acts and Legal Facts of Material Law in Civil Law Process: Monograph. Tver: Publisher Kondratyev A.N., 2013. 319 pp.

[2] Arbitration process: textbook/ A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky et al.; resp. ed. V.V. Yarkov. 7th ed., Revised and add. M.: Statute, 2017. 752 pp.

[3] S.V. Brattseva. Procedural Agreement: Contract or Unilateral Transaction ? // Arbitration and Civil Procedure. 2019. № 2. S. 44-46.

[4] Erokhova M.A. On private bailiffs in the Russian legal order // Law. 2018. № 8. S. 62-70.

[5] Kotlyarova V.V. On the assignment of the obligation to perform certain actions in order to prevent damage, deterioration of the condition of disputed property in the arbitration process // Arbitration and civil proceedings. 2016. № 8. S. 22-26.

[6] Kotlyarova V.V. On the implementation of

an interim measure in the form of suspension of collection under a contested executive or other document, the collection of which is carried out in an indisputable (non-acceptance) manner in an arbitration process // Actual problems of Russian law. 2018. № 1. S. 88-94.

[7] Scientific and practical commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (article-by-article)/ed. A.P. Morozova. 904 s.

[8] Practice of application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: textbook/ rev. ed. I.V. Reshetnikova. 6th ed., Revised and add. M.: Yuright Publishing House, 2025. 500 s.

[9] Rozhkova M.A. Interim measures of the arbitration court // SPS "ConsultantPlus".

[10] Rutkovskaya L.G. Proportionality of interim measures to the stated requirements // Arbitration disputes. 2014. № 3. S. 128-144.

[11] Yusupov T.B. Securing a claim in arbitration and civil proceedings. M., 2006. 224 pp.

[12] Hereinafter, statistical data are provided on the summary reporting on the work of arbitration courts of the constituent entities of the Russian Federation (at first instance): form No. 1 (from 2021 - form No. 1-AS) of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, section 3 "Consideration of applications for the application of interim measures" (reports for 2015-2020) and section 6 of the same name (reports for 2021-2025); shows the figures for the line "TOTAL." Suspension of a non-normative legal act, decision is taken into account in column 9 of the specified section. Data for 2025 are given for the first half of the year.

[13] See, for example: Determination of the Arbitration Court of the Samara Region dated 03.06.2026 in case No. А55-3266/2026; Determination of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated 23.04.2026 in case No. А07-14602/2026; Determination of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 16.08.2024 in case No. А65-6044/2024; Determination of the Arbitration Court of the Saratov Region dated 26.12.2022 in case No. А57-26275/2022.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-463-466

Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

АББАСОВ Руслан Михайлович,
исследователь, Юридический институт,
Российский новый университет, Москва, Россия,
e-mail: snf0204@yandex.ru

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основания и условия возникновения ответственности за недобросовестное ведение переговоров о заключении гражданско-правового договора. Автор анализирует соотношение категорий недобросовестности и вины при привлечении к преддоговорной ответственности, а также рассматривает правила определения размера убытков, подлежащих возмещению недобросовестной стороной переговоров. Отдельное внимание уделено позиции высшей судебной инстанции по данному вопросу и её критике в научной литературе. Автор приходит к выводу, что квазидоговорная конструкция преддоговорной ответственности позволяет более справедливо распределить бремя доказывания и учесть особенности профессиональной деятельности участников переговорного процесса.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, недобросовестное ведение переговоров, вина, убытки, добросовестность, ст. 434.1 ГК РФ, деликтная ответственность.

ABBASOV Ruslan Mikhailovich,
Researcher, Law Institute, Russian New University,
Moscow, Russia

GROUND S AND CONDITIONS FOR PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. The article examines the grounds and conditions for liability arising from bad-faith conduct during negotiations preceding the conclusion of a civil law contract. The author analyzes the relationship between the categories of bad faith and fault when establishing pre-contractual liability, and considers the rules for determining the amount of damages to be compensated by the dishonest party to the negotiations. Particular attention is paid to the position of the highest judicial body on this issue and its criticism in the scholarly literature. The author concludes that the quasi-contractual construction of pre-contractual liability allows for a more equitable distribution of the burden of proof and takes into account the specifics of the professional activity of the parties to the negotiation process.

Key words: pre-contractual liability, bad-faith negotiations, fault, damages, good faith, Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, tort liability.

Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 434.1, устанавливающей обязанность добросовестного ведения переговоров о заключении договора, породило потребность в чётком определении оснований и условий возникновения ответственности за её нарушение. Актуальность данной проблематики определяется распространённостью споров, связанных с вне-

запным и необоснованным прекращением переговоров, а также с предоставлением одной из сторон недостоверной информации, вводящей контрагента в заблуждение относительно перспектив заключения сделки. Степень научной разработанности вопроса остаётся недостаточной: несмотря на наличие ряда диссертационных и монографических исследований, посвящённых отдельным

аспектам преддоговорной ответственности, вопрос о соотношении недобросовестности и вины как условий её возникновения продолжает вызывать дискуссии.

Целью данной статьи является анализ оснований и условий возникновения преддоговорной ответственности с учётом позиции высшей судебной инстанции и доктринальных подходов, а также обоснование целесообразности применения к данным отношениям правил об ответственности за нарушение обязательств.

Соотношение недобросовестности и вины как условий преддоговорной ответственности

Согласно разъяснению, содержащемуся в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7, при привлечении лица к ответственности за недобросовестное ведение переговоров правило пункта 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации о презумпции невиновности причинителя вреда не применяется [1]. Данная позиция высшей судебной инстанции вызвала неоднозначную реакцию в научной среде. Карапетов А. Г. первоначально полностью соглашался с указанной позицией Верховного Суда, полагая, что доказывание недобросовестности ответчика неизбежно означает доказывание и его вины, поскольку ситуаций невиновного недобросовестного поведения при ведении переговоров не существует [2]. Впоследствии позиция учёного претерпела изменение: он пришёл к выводу, что такие ситуации всё же возможны, например, когда сторона переговоров сообщает контрагенту недостоверные сведения, находясь в состоянии извинительного заблуждения относительно соответствующих фактов. При этом, по мнению автора, недобросовестность как объективный стандарт поведения устанавливается без учёта подобных субъективных обстоятельств, тогда как вина, напротив, их учитывает.

Иную позицию занимают И. Ю. Курин и А. Р. Боташева, предлагающие исключить вину из числа условий возникновения преддоговорной ответственности, поскольку, по их мнению, «нагромождение» условий недобросовестности и вины несправедливо снижает возможности потерпевшей стороны доказать состав правонарушения [3]. Данная позиция, на наш взгляд, представляется спорной по нескольким основаниям. Во-первых, сами авторы данного подхода признают существование случаев невиновного нарушения обязанности по добросовестному ведению переговоров. Во-вторых, довод о снижении уровня защищённости участников оборота недостаточно обоснован, поскольку вина выступает необходимым условием ответственности за нарушение обязательства

лишь в отношении лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность; предприниматели же несут строгую (безвинную) ответственность в соответствии с пунктом 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

В рамках квазидоговорной концепции преддоговорной ответственности вопрос соотношения недобросовестности и вины разрешается более последовательно. Необходимым условием возникновения такой ответственности выступает установленный истцом факт нарушения ответчиком обязанности по добросовестному ведению переговоров; после установления данного факта бремя доказывания отсутствия вины переходит на ответчика. Если же ответчик осуществляет предпринимательскую деятельность, он несёт ответственность независимо от вины, за исключением случаев, когда докажет, что надлежащее поведение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы [4]. Как отмечает С. В. Сарбаш, освобождение профессиональных участников оборота от ответственности со ссылкой на отсутствие вины подрывает доверие оборота к их профессиональным навыкам оценки и преодоления рисков, создавая дисбаланс в отношениях как между предпринимателями и потребителями, так и между предпринимателями [4]. Показательным в этом отношении является пример из практики, приведённый А. С. Райниковым: организатор запроса цен, отказавшийся от заключения договора с победителем закупки вследствие технической ошибки в собственном программном обеспечении, был освобождён судом от ответственности из-за отсутствия вины, что автор справедливо характеризует как несправедливый результат применения деликтной модели [5].

Определение размера убытков, подлежащих возмещению недобросовестной стороной переговоров

Общим правилом взыскания убытков за нарушение обязательства выступает принцип их полного возмещения: кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7, пункт 2 статьи 393 Гражданского кодекса Российской Федерации) [1]. Однако в отношении убытков, вызванных нарушением преддоговорного обязательства, законодателем предусмотрено специальное ограничение.

В соответствии с пунктом 3 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесённые другой стороной в связи с ведением перегово-

воров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом [1]. Данное ограничение существенно отличает объём преддоговорной ответственности от объёма ответственности за нарушение уже заключённого договора, поскольку исключает возможность взыскания упущенной выгоды в её классическом понимании, ограничивая компенсацию так называемым негативным интересом.

Подобное решение объясняется тем, что на преддоговорной стадии сторона переговоров не может обоснованно рассчитывать на получение выгоды от исполнения договора, который на момент нарушения обязанности по добросовестному ведению переговоров ещё не был заключён. Взыскание же расходов на ведение переговоров и упущенной возможности заключить альтернативную сделку с третьим лицом позволяет вернуть добросовестную сторону в то имущественное положение, в котором она находилась бы, если бы не начинала переговоры с недобросовестным контрагентом.

Практика применения указанной нормы вызывает ряд сложностей, связанных с доказыванием причинно-следственной связи между поведением ответчика и утратой истцом возможности заключить договор с третьим лицом. В большинстве случаев истцу необходимо подтвердить не только сам факт ведения параллельных переговоров с третьим лицом, но и реальную вероятность заключения с ним договора на определённых условиях, что представляет существенную практическую сложность.

Заключение

Проведённый анализ оснований и условий возникновения преддоговорной ответственности позволяет сделать вывод о том, что вопрос соотношения недобросовестности и вины остаётся дискуссионным как в судебной практике, так и в доктрине. Позиция Верховного Суда Российской Федерации, исключающая применение презумпции невиновности причинителя вреда при привлечении к преддоговорной ответственности, представляется недостаточно обоснованной с точки зрения квазидоговорной концепции данной ответственности, в рамках которой вина сохраняет своё значение в качестве самостоятельного условия ответственности, а бремя её доказывания распределяется дифференцированно в зависимости от профессионального статуса нарушителя.

Специальное ограничение объёма возмещаемых убытков, установленное пунктом 3 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, отражает специфику преддоговорной стадии взаимодействия сторон и требует дальнейшего осмысления в части определения критериев дока-

зывания утраты возможности заключить договор с третьим лицом. Представляется целесообразным разработать соответствующие разъяснения на уровне высшей судебной инстанции, что позволит обеспечить единообразие судебной практики по данной категории споров.

Список литературы:

- [1] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 800 с.
- [2] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
- [3] Курин И. Ю., Боташева А. Р. Основание и условия преддоговорной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 7. – С. 45–51.
- [4] Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. – М.: Статут, 2016. – 336 с.
- [5] Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 34–58.
- [6] Витрянский В. В. Ответственность за нарушение обязательств: некоторые проблемы законодательного регулирования // Хозяйство и право. – 2020. – № 1. – С. 3–19.
- [7] Богданов В. В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 26 с.
- [8] Чистяков П. Д. Преддоговорная ответственность в российском и зарубежном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024. – 198 с.
- [9] Гницевич К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 214 с.
- [10] Дёмкина А. В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. – М.: Проспект, 2021. – 168 с.
- [11] Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019. – 494 с.
- [12] Саркисян В. В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2022. – 28 с.

References:

- [1] Civil law: textbook: in 4 vols. Vol. 3/rev. ed. E.A. Sukhanov. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2023. - 800 s.

[2] Contractual and binding law (general part): article-by-article commentary to articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation/rev. ed. A. G. Karapetov. - M.: M-Logos, 2017. - 1120 s.

[3] Kurin I. Yu., Botasheva A. R. Basis and conditions of pre-contractual liability // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2024. – № 7. - S. 45-51.

[4] Sarbash S.V. Elementary dogma of obligations: a textbook. - M.: Statute, 2016. - 336 p.

[5] Rainikov A. S. Attitude arising from negotiations on the conclusion of an agreement on Russian law: anti-conflict concept // Bulletin of Civil Law. – 2023. – № 2. - S. 34-58.

[6] Vitryansky V.V. Liability for violation of obligations: some problems of legislative regulation // Economy and law. – 2020. – № 1. - S. 3-19.

[7] Bogdanov V.V. Pre-contractual legal

relations in Russian civil law: author. dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2011. - 26 s.

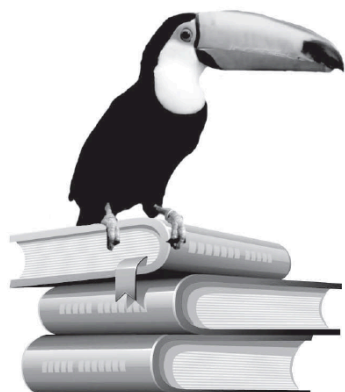
[8] Chistyakov P. D. Pre-contractual liability in Russian and foreign law: dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2024. - 198 s.

[9] K.V. Gnitsevich. Pre-contractual liability in civil law (culpa in contrahendo): dis.... cand. jurid. sciences. - St. Petersburg, 2009. - 214 s.

[10] Dyomkina A. V. Pre-contractual legal relationship-obligation: fundamentals of theory. - M.: Prospect, 2021. - 168 s.

[11] Nam K. V. The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice. - M.: Statute, 2019. - 494 s.

[12] Sargsyan V.V. Negotiations on the conclusion of a contract in civil law: author. dis.... cand. jurid. sciences. - Rostov-on/D., 2022. - 28 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 08.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-467-471

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Геннадьевич,
адвокат АПМО, аспирант МФЮА,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМЫ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. При реализации возложенных на адвокатуру, как на институт гражданского общества, задач по оказанию квалифицированной юридической помощи встает вопрос организации процесса «на местах». В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос возможных форм адвокатских образований, в рамках которых и осуществляется адвокатская деятельность.

Ключевые слова: формы адвокатских образований, организация адвокатуры, квалифицированная юридическая помощь, адвокат.

SEVOSTYANOV Alexey Gennadievich,
lawyer at the Academy of Lawyers' Association, postgraduate
student at the Moscow University of Law

FORMS OF LAWYER ENTITIES

Annotation. In implementing the tasks assigned to the bar, as an institution of civil society, to provide qualified legal assistance, the question of organizing the process "on the ground" arises. This article will examine the possible forms of bar associations within which legal practice is carried out.

Key words: forms of bar associations, organization of the bar, qualified legal assistance, lawyer.

Для начала необходимо отграничить формы адвокатских образований от органов адвокатского самоуправления, которыми являются Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации и Федеральная палата адвокатов.

Органы адвокатского самоуправления решают более глобальные задачи по организации адвокатуры, выполняют надзорные функции, но самостоятельно не осуществляют функций адвокатских образований и ими не являются.

Поэтому отнесение некоторыми авторами Адвокатских палат субъектов Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов к адвокатским образованиям ошибочно.

Частью 1 статьи 20 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определен исчерпывающий перечень форм адвокатских образований:

- адвокатский кабинет;
- коллегия адвокатов;
- адвокатское бюро;
- юридическая консультация.

Стоит сразу отметить, что если первые три формы адвокатских образований широко применяются, то последняя форма — юридическая консультация не получила широкого распространения

и практически не используется.

Рассмотрим формы адвокатских образований, их преимущества и недостатки подробнее.

Адвокатский кабинет

Создание и деятельность данной формы адвокатского образования регламентируется статьей 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

1. Адвокат, имеющий стаж адвокатской деятельности не менее трех лет и принявший решение осуществлять адвокатскую деятельность индивидуально, вправе учредить адвокатский кабинет.

2. Об учреждении адвокатского кабинета адвокат направляет в совет адвокатской палаты заказным письмом уведомление, в котором указываются сведения об адвокате, место нахождения адвокатского кабинета, порядок осуществления телефонной, телеграфной, почтовой и иной связи между советом адвокатской палаты и адвокатом.

3. Адвокатский кабинет не является юридическим лицом.

4. Адвокат, учредивший адвокатский кабинет, открывает счета в банках в соответствии с законодательством, имеет печать, штампы и бланки

с адресом и наименованием адвокатского кабинета, содержащим указание на субъект Российской Федерации, на территории которого учрежден адвокатский кабинет.

5. Соглашения об оказании юридической помощи в адвокатском кабинете заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации адвокатского кабинета.

6. Адвокат вправе использовать для размещения адвокатского кабинета жилые помещения, принадлежащие ему либо членам его семьи на праве собственности, с согласия последних.

7. Жилые помещения, занимаемые адвокатом и членами его семьи по договору найма, могут использоваться адвокатом для размещения адвокатского кабинета с согласия наймодателя и всех совершеннолетних лиц, проживающих совместно с адвокатом.

На практике данная форма адвокатского образования подходит для опытных адвокатов, обладающих хорошей самоорганизацией, и желающих осуществлять деятельность преимущественно индивидуально.

К преимуществам можно отнести отсутствие членских взносов в адвокатское образование, отсутствие необходимости посещения офиса адвокатского образования для получения ордеров и решения иных организационных вопросов.

При данной форме адвокатского образования адвокат максимально независим и свободен.

Зачастую при данной форме адвокатского образования не требуется даже привлекать бухгалтера, т. к. сдача отчетности не представляет особой сложности.

Стоит отметить, что нет никаких препятствий для совместной работы адвоката, осуществляющего деятельность в адвокатском кабинете, по отдельным делам совместно с коллегами из других адвокатских образований, естественно в рамках заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи.

Также адвокат, осуществляющий деятельность в адвокатском кабинете, может иметь помощников, а при наличии стажа более 5 лет и стажеров.

К недостаткам данной формы адвокатского образования можно отнести следующее.

Во-первых, адвокатский кабинет невозможно учредить сразу после присвоения статуса адвоката, необходим 3-х летний стаж именно в качестве адвоката.

Во-вторых, данная форма адвокатского образования не подходит адвокатам с низким уровнем самоорганизации. А при делегировании функций иным специалистам (секретарь, бухгалтер) представляется рациональным осуществле-

ние деятельности в иных коллективных формах адвокатских образований, где данные затраты делаются на всех членов образования.

В-третьих, при данной форме адвокатского образования адвокату, желающему иметь офис, придется единолично нести на него затраты. Вместе с тем адвокат, осуществляющий деятельность в адвокатском кабинете, может использовать для деятельности и свою квартиру.

Несмотря на недостатки, данная форма адвокатского образования достаточно популярна, особенно у опытных адвокатов, и многие ее считают самой оптимальной формой адвокатского образования.

Коллегия адвокатов

Создание и деятельность коллегии адвокатов регламентируется статьей 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Основные положения:

1. Два и более адвоката вправе учредить коллегию адвокатов. В числе учредителей коллегии адвокатов должно быть не менее двух адвокатов, имеющих стаж адвокатской деятельности не менее трех лет.

2. Коллегия адвокатов является некоммерческой организацией, основанной на членстве и действующей на основании устава, утверждаемого ее учредителями (далее также - устав).

3. Учредителями коллегии адвокатов могут быть адвокаты, являющиеся членами только одной адвокатской палаты.

4. Учредители коллегии адвокатов заключают между собой договор об учреждении коллегии адвокатов, определяющий порядок совместной деятельности по ее учреждению и условия передачи ими коллегии адвокатов своего имущества.

5. Регламентировано содержание Устава.

6. Требования устава обязательны для исполнения самой коллегией адвокатов и ее учредителями (членами).

7. Об учреждении, о реорганизации или о ликвидации коллегии адвокатов ее учредители направляют заказным письмом в совет адвокатской палаты уведомление.

8. Коллегия адвокатов считается учрежденной с момента ее государственной регистрации.

9. Коллегия адвокатов является юридическим лицом, имеет самостоятельный баланс, открывает счета в банках в соответствии с законодательством Российской Федерации, имеет печать, штампы и бланки с адресом и наименованием коллегии адвокатов, содержащим указание на субъект Российской Федерации, на территории которого учреждена коллегия адвокатов.

10. Коллегия адвокатов вправе создавать

филиалы на всей территории Российской Федерации, а также на территории иностранного государства, если это предусмотрено законодательством иностранного государства.

Адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность в филиале коллегии адвокатов, являются членами коллегии адвокатов, создавшей соответствующий филиал.

11. Имущество, внесенное учредителями коллегии адвокатов в качестве вкладов, принадлежит ей на праве собственности.

12. Члены коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

13. Коллегия адвокатов в соответствии с законодательством Российской Федерации является налоговым агентом адвокатов, являющихся ее членами, по доходам, полученным ими в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителями и третьими лицами и другим вопросам, предусмотренным учредительными документами коллегии адвокатов.

14. Коллегия адвокатов несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей налогового агента или представителя.

15. Соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

На практике в данную форму адвокатского образования вступают адвокаты, желающие осуществлять деятельность преимущественно индивидуально и желающие минимизировать свое время на решение организационных вопросов.

Соглашение в коллегии адвокатов заключается между конкретным адвокатом и доверителем. Соответственно ответственность перед доверителем несет конкретный адвокат. Адвокат естественно несет обязанность по сохранению адвокатской тайны даже по отношению к своим коллегам по коллегии.

Таким образом, не смотря на то, что коллегия адвокатов является коллективной формой адвокатского образования, деятельность состоящие в ней адвокаты осуществляют индивидуально.

Это как бы условное объединение адвокатских кабинетов с общей бухгалтерией и общим офисом.

Стоит также отметить, что на практике в коллегии адвокатов не всегда и не всем членам предоставляется даже возможность пользоваться офисом и переговорной в зависимости от размера членского взноса. Либо из-за многочисленности

коллегии переговорная может быть просто занята другими адвокатами.

Из плюсов коллегии адвокатов видится разве что, наличие бухгалтерии и в ряде случаев возможность пользоваться переговорной.

Ошибочным представляется широко распространенное обозначение на сайтах конкретных коллегий адвокатов, осуществляющих в них деятельность адвокатов, как партнеров, старших партнеров и управляющего партнера.

Очевидно, что никакого партнерства в коллегии адвокатов нет и быть не может, а деятельность руководителя коллегии адвокатов сводится исключительно к хозяйственной деятельности без вмешательства в адвокатскую деятельность адвокатов — членов коллегии.

Адвокатское бюро

Создание и деятельность адвокатского бюро регламентируется статьей 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Основные положения:

1. Два и более адвоката вправе учредить адвокатское бюро.

2. К отношениям, возникающим в связи с учреждением и деятельностью адвокатского бюро, применяются правил о коллегии адвокатов, если иное не предусмотрено статьей об адвокатском бюро.

2.1. Уставом адвокатского бюро может быть предусмотрено образование постоянно действующего коллегиального органа бюро, контролирующего деятельность исполнительных органов бюро и выполняющего иные функции, возложенные на него уставом.

3. Адвокаты до учреждения адвокатского бюро заключают между собой партнерский договор, определяющий порядок и условия соединения усилий для оказания юридической помощи от имени всех партнеров. Все адвокаты, заключившие партнерский договор и присоединившиеся к нему впоследствии, являются участниками адвокатского бюро (партнерами).

Партнерский договор не представляется для государственной регистрации адвокатского бюро.

4. В партнерском договоре указываются:

срок действия партнерского договора;
порядок принятия партнерами решений;
компетенция и порядок принятия решений общего собрания партнеров как высшего органа адвокатского бюро. При этом партнерским договором может быть определено равное либо различное количество голосов, принадлежащих каждому из партнеров при принятии решений общим собранием партнеров;

порядок формирования, состав, компетенция и порядок принятия решений иных органов

адвокатского бюро;

порядок избрания управляющего партнера и его компетенция;

порядок приема в состав партнеров, приостановления участия в адвокатском бюро и исключения из числа партнеров;

порядок распределения вознаграждения, полученного партнерами в связи с оказанием ими юридической помощи, размер которого может быть установлен в твердой сумме либо определен в соответствии с условиями, предусмотренными партнерским договором;

иные условия.

5. Ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнером, если иное не установлено партнерским договором. Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей. В доверенностях указываются все ограничения компетенции партнера в отношении заключения соглашений с доверителями и иных сделок с третьими лицами. Указанные ограничения доводятся до сведения доверителей и третьих лиц.

6. Регламентированы основания прекращения партнерского договора.

7. С момента прекращения партнерского договора его участники несут солидарную ответственность по неисполненным общим обязательствам в отношении доверителей и третьих лиц.

8. При выходе из партнерского договора одного из партнеров он обязан передать управляющему партнеру производства по всем делам, по которым оказывал юридическую помощь.

9. Адвокат, вышедший из партнерского договора, отвечает перед доверителями и третьими лицами по общим обязательствам, возникшим в период его участия в партнерском договоре.

Адвокатское бюро в настоящее время представляется наиболее прогрессивной формой адвокатского образования.

Именно данная форма адвокатского образования позволяет в полной мере осуществлять деятельность коллегиально.

Партнерским договором возможно определить иерархию членов адвокатского бюро, размер и порядок распределения вознаграждения.

Соглашение с доверителем в адвокатском бюро заключает управляющий партнер, а не конкретный адвокат как в коллегии адвокатов.

Но при наличии множества достоинств адвокатское бюро обладает одним недостатком, который многих и останавливает от осуществления деятельности в данной форме, это солидарная ответственность его членов по обязательствам

бюро.

Таким образом, для осуществления деятельности в данной форме адвокатского образования необходим большой уровень доверия между адвокатами его членами.

Для устранения недостатка в виде солидарной ответственности представляется возможным использование института страхования.

Несмотря на определенные недостатки именно адвокатское бюро позволяет в полной мере оперативно реализовать осуществление именно коллективной юридической помощи доверителю, что представляется большим плюсом.

Также наличие партнерского договора позволяет справедливо распределить гонорар между адвокатами партнерами в зависимости от их опыта и вклада в конкретное дело.

Это единственная в настоящее время форма адвокатского образования, предусматривающая возможность карьерного и профессионального роста адвоката в рамках бюро от юриста либо младшего партнера до старшего, либо управляющего партнера.

Юридическая консультация

Создание и деятельность юридической консультации регламентируется статьей 24 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Основные положения:

1. В случае, если на территории одного судебного района общее число адвокатов во всех адвокатских образованиях, расположенных на территории данного судебного района, составляет менее двух на одного федерального судью, адвокатская палата по представлению органа исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации учреждает юридическую консультацию.

2. Юридическая консультация является некоммерческой организацией. Вопросы создания, реорганизации, преобразования, ликвидации и деятельности юридической консультации регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом "О некоммерческих организациях" и настоящим Федеральным законом.

3. Представление органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации о создании юридической консультации должно включать в себя сведения:

о судебном районе, в котором требуется создать юридическую консультацию;

о числе судей в данном судебном районе;

о необходимом в данном судебном районе

числе адвокатов;

о материально-техническом и финансовом

обеспечении деятельности юридической консультации, в том числе о предоставляемом юридической консультации помещении, об организационно-технических средствах, передаваемых юридической консультации, а также об источниках финансирования и о размере средств, выделяемых на оплату труда адвокатов, направляемых для работы в юридической консультации.

4. После согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации условий, предусмотренных подпунктом 4 пункта 3 настоящей статьи, совет адвокатской палаты принимает решение об учреждении юридической консультации, утверждает кандидатуры адвокатов, направляемых для работы в юридической консультации, и направляет заказным письмом уведомление об учреждении юридической консультации в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

5. Совет адвокатской палаты утверждает порядок, в соответствии с которым адвокаты направляются для работы в юридических консультациях. При этом советом адвокатской палаты может быть предусмотрена выплата адвокатам, осуществляющим профессиональную деятельность в юридических консультациях, дополнительного вознаграждения за счет средств адвокатской палаты.

Данная форма адвокатского образования

предусмотрена для малонаселенных и удаленных населенных пунктов, где государство готово взять на себя обязательства о материально-техническом и финансовом обеспечении.

Таким образом, представляется, что формами адвокатских образований для адвокатов, желающих осуществлять деятельность преимущественно индивидуально, являются адвокатский кабинет и коллегия адвокатов, а более прогрессивной формой, подходящей для коллективной деятельности адвокатов является адвокатское бюро.

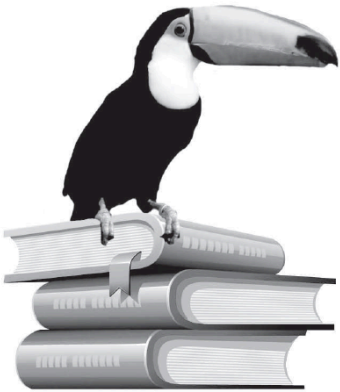
Список литературы:

[1] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 14.05.2026).

References:

[1] Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" (as amended on April 22, 2024) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (date of access: 05/14/2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-472-476

Дата принятия рукописи в печать: 12.08.2026 г.

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,
кандидат юридических наук, профессор, профессор
кафедры публичного права, ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНОМУ БАНКРОТСТВУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье исследуется состояние такого вида преступлений как криминальное банкротство в современных условиях. Цель исследования состоит в выявлении актуальных тенденций для эффективного противодействия криминальному банкротству. Для достижения указанной цели решаются задачи по анализу развития законодательства в положениях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, норм Уголовного кодекса РФ об ответственности за криминальное банкротство. Особое внимание уделено криминологическому анализу данных уголовной статистики за период 2021-2026 г. По результатам исследования обоснован вывод о том, что выявлены разнонаправленные тенденции изменения показателей за последние пять лет: число регистрируемых преступлений, связанных с криминальным банкротством только в период 2021-2024 гг. сократилось в 2,3 раза, при этом, число выявленных лиц сократилось только на -16,4%, однако, число осужденных за совершение данного вида преступлений напротив – увеличилось на 1,3 раза. Обращается внимание на необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России. Делается вывод о том, что негативный прогноз криминального банкротства требует принятия более эффективных мер противодействия, особенно на общесоциальном уровне. Практическое значение исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений при совершенствовании законодательства о противодействии криминальному банкротству, в правоприменительной деятельности правоохранительных органов, а также в практике защиты прав предпринимателей и добросовестной конкуренции.

Ключевые слова: криминальное банкротство, противодействие преступности, предпринимательская деятельность, экономическая безопасность, проблемы уголовно-правовой практики, криминологический анализ, современные тенденции.

KHARCHENKO Oleg Vital'evich,
candidate of law, professor, professor of the Department of
the Public Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

COUNTERING CRIMINAL BANKRUPTCY: CURRENT STATE

Annotation. The article examines the state of such a type of crime as criminal bankruptcy in modern conditions. The purpose of the study is to identify current trends for effective counteraction to criminal bankruptcy. To achieve this goal, the article analyzes the development of legislation in the provisions of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ, the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030, and the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for criminal bankruptcy. Special attention is paid to the criminological analysis of criminal statistics data for the period of 2021-2026. Based on the results of the study, it is concluded that there are multidirectional trends in the change of indicators over the past five years: the number of registered crimes related to criminal bankruptcy decreased by 2.3 times in the period of 2021-2024, while the number of identified individuals decreased by -16.4%, but the number of convicts for this type of crime increased by 1.3 times. Attention is drawn

to the need for further improvement of Russia's criminal legislation. It is concluded that the negative outlook for criminal bankruptcy requires more effective countermeasures, especially at the social level. The practical significance of the study lies in the possibility of using the formulated conclusions and suggestions to improve legislation on combating criminal bankruptcy, in the law enforcement activities of law enforcement agencies, and in the practice of protecting the rights of entrepreneurs and promoting fair competition.

Key words: *criminal bankruptcy, crime prevention, entrepreneurial activity, economic security, problems of criminal law practice, criminological analysis, current trends.*

Актуальность темы обусловлена значимостью проблемы криминального банкротства и тесно связанными с ним преступлениями экономической направленности, сравнительно невысокими показателями данного вида преступности, а также неурегулированностью отдельных вопросов уголовной ответственности. Криминальное банкротство представляет собой совокупность преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве, преднамеренным банкротством и фиктивным банкротством. Так, Д.А. Попов отмечает, что особенностью становления института криминального банкротства заключаются в его сложным многоуровневым механизме [1, с. 233]. Вместе с тем, по мнению А.Н. Ляскало «банкротные преступления» необходимо разграничивать между собой или с другими связанными с банкротством преступлениями, поэтому необходимо применение определенных правил квалификации [2, с. 47].

В действующем Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) ответственность за криминальное банкротство предусмотрена тремя статьями 195–197 УК РФ. Криминальные банкротства, являясь экономическим преступлением, выступают в роли средства уклонения от исполнения обязательств или же в качестве способа перераспределения собственности [3]. Я.О. Кукреш обращает внимание, что реализация этих норм на практике сопряжена с рядом системных трудностей, вызванных как несовершенством юридических конструкций, так и конфликтами между различными отраслями права [4, с. 363].

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ под банкротством или несостоятельностью понимает признанный арбитражным судом или наступивший в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

21 октября 2025 г. на стратегической сессии о повышении эффективности экономики и

обеспечении равных условий ведения бизнеса М.В. Мишустин отметил, что необходимо помогать отечественному бизнесу, формировать среду, в которой удобно создавать и реализовывать проекты, наличие равных условий предпринимательства – одна из фундаментальных составляющих успеха.

Проведем криминологический анализ преступлений, связанных с криминальным банкротством незаконным за период 2021–2025 гг. по трем основным индикаторам показателей преступности: зарегистрированные преступления, выявленные лица и осужденные за совершение рассматриваемых преступлений. По данным МВД России было выявлено (зарегистрировано) преступлений, связанных с криминальным банкротством: в 2021 г. – 217, в 2022 г. – 154, в 2023 г. – 160, в 2024 г. – 121, в 2025 г. – 95. Ежегодная динамика выглядела следующим образом: в 2022 г. сокращение на –29,0%, затем в 2023 г. увеличение на +3,9%, в 2024 г. сокращение на –24,4% и 2025 г. дальнейшее сокращение на –21,5%. Таким образом, при сравнении показателей 2021 и 2025 гг. количество зарегистрированных преступлений, связанных с криминальным банкротством сократилось на –122, при этом, только за 2025 г. в сравнении с 2024 г. отмечается значительное сокращение на –26.

Особое внимание традиционно уделяется криминальным банкротствам, которые совершены в крупном и особо крупном размере, их удельный вес составлял: в 2021 г. – 95,4%, в 2022 г. – 96,1%, в 2023 г. – 97,5%, в 2024 г. – 92,3%, а в 2025 г. – 93,7%. Происходили следующие изменения удельного веса зарегистрированных криминальных банкротств в крупном и особо крупном: в 2022 г. – +28,5%, в 2023 г. – +5,4%, в 2024 г. – –28,2%, а в 2025 г. – –20,5%. Таким образом, удельный вес данного вида криминального банкротства при сравнении удельного веса 2021 и 2025 гг. сократился на –1,7%, причем в 2024 и 2025 гг. отмечается стабильная динамика. Следует отметить данную динамику как отрицательную тенденцию.

Рассмотрим показатель о выявленных лицах, совершивших рассматриваемые преступления, уголовные дела, которых направлены в суд: в 2021 г. – 73, в 2022 г. – 64, в 2023 г. – 56, в 2024 г. – 60, в 2025 г. – 61. Динамика: сокращение в 2022 г. на –12,3% и в 2023 г. на –12,5%, увели-

чение в 2024 г. на +7,1% и в 2025 уже на +1,7%. Таким образом, при сравнении показателей 2021 и 2025 гг. отмечаем общее значительное сокращение числа выявленных лиц на -16,4%, но вместе с тем, положительную тенденцию в 2024 и 2025 гг.

За криминальное банкротство было осуждено: в 2021 г. – 30, в 2022 г. – 37, в 2023 г. – 25, в 2024 г. – 38, за 6 месяцев 2025 г. – 17. Динамика показателя в 2022 г. – +23,3%, в 2023 г. – -32,4%, в 2024 г. – +52,0%, за 6 месяцев 2025 г. – -19,7%. Следовательно, при сравнении числа осужденных в 2021 и 2024 гг. отмечаем сокращение на -15,0%. При этом, в 2022 и 2024 гг. отмечалось увеличение числа осужденных, а в 2023 г. и за 6 месяцев 2025 г. в сравнении с показателем за 6 месяцев 2024 г. сокращение составило соответственно уже -32,4% и -19,7%, что является негативной тенденцией.

За период 2021-2024 гг. за совершение криминального банкротства было осуждено 130 человек, из них: по ст. 195 УК РФ – 25; по ст. 196 УК РФ – 104; по ст. 197 УК РФ – 1 (в 2024 г.). Таким образом, большинство были осуждены по ст. 196 УК РФ – 80%.

При сравнении показателей 2021 и 2025 гг. количество зарегистрированных криминальных банкротств в России сократилось на -56,2%, только в 2025 г. в сравнении с 2024 г. произошло сократилось на -21,5%. Необходимо отметить, что число расследованных криминальных банкротств также сократилось, при сравнении 2021 и 2025 гг. на -31,0%, но при сравнении 2024 и 2025 гг. увеличение составило +3,5%. При этом, если регистрируемые криминальные банкротства в 2021-2025 гг. сократились в 2,3 раза, то число выявленных лиц, привлеченных за совершение данного вида преступлений в 2022 и 2023 гг. сокращалось, соответственно на -12,3% и -12,5%, но в 2024 и 2025 гг. отмечается увеличение соответственно на +7,1% и +1,7%, что выступает уже в качестве позитивной тенденции.

При сравнении показателей выявленных лиц, уголовные дела которых были направлены в суд, и числа осужденных, необходимо отметить, что в 2021 г. было направлено в суд уголовных дел в отношении 73 человек, а осуждено 30, т.е. 41,1%, в 2024 г. направлено в отношении 61 человека, а осуждено 38 или 62,3%. Данный показатель свидетельствует об улучшении качества проведенного расследования по делам о криминальном банкротстве и положительной динамики рассмотрения уголовных дел в суде.

Проблемы уголовно-правовой практики в сфере банкротства носят комплексный и межотраслевой характер. Основные вызовы связаны с недостаточной согласованностью уголовного и гражданского законодательства, трудностями до-

казывания умысла и размера ущерба, а также противоречиями между банкротом и уголовным процессуальным правом по вопросу ареста имущества.

Важную роль при криминальном банкротстве играет субъект преступления [5]. Так, А.Ю. Иванов делает вывод, что преступления в сфере банкротства характеризуются высоким уровнем организации и конспирацией от лиц, не посвященных в преступные намерения соучастников, поскольку выгодоприобретателями от неправомерных действий могут быть директора и учредители компаний-должников [6, с. 17].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», не был представлен анализ незначительной судебной практики и не содержится рекомендаций для рассмотрения уголовных дел о криминальном банкротстве.

Анализ Определения Верховного Суда РФ показывает, что дискурс сменился от формального составления действий управляющего закона к оценке их разумности и добросовестности с точки зрения конечного результата – максимального удовлетворения требований кредиторов. Так, в ряде дел, суды указывают, что даже при отсутствии прямого умысла на хищение, бездействие управляющего, выразившиеся в непринятии своевременных мер по оспариванию подозрительных сделок должника или по обеспечению сохранности имущества, может образовать состав гражданско-правового нарушения и является основанием для взыскания убытков. К.Д. Валов отмечает: «Активное участие государства в создании благоприятных условий для хозяйствующих субъектов становится обязательным, поскольку развитие предпринимательства сулит множество социально-экономических выгод» [7, с. 101].

Вместе с тем, как подчеркивает А.В. Закомолдин «практический опыт рассмотрения уголовных дел о криминальном банкротстве свидетельствует о том, что фигура арбитражного управляющего, как одного из ключевых субъектов антикризисного управления, находится в эпицентре конфликта интересов» [8]. Существенно расширяется круг лиц, вовлеченных в орбиту неправомерных действий, субъектом преступления по ст. 195 УК РФ может стать любое лицо, имеющее отношение к процедуре банкротства и причинившие вред, – бухгалтер, внешний консультант или контрагент по фиктивной сделке.

Особую тревогу вызывает практика фальсификации доказательств и искусственного со-

здания кредиторской задолженности. Фиктивное банкротство, предусмотренное статьей 197 УК РФ, в современных условиях практически не реализуемо в классическом виде из-за сложности процедуры, однако его элементы проявляются в виде фабрикации долгов, которые затем проводятся через суды, что требует дополнительной квалификации по статье 303 УК РФ Фальсификация доказательств.

Несмотря на незначительное число осуждённых, криминальное банкротство остаётся серьёзной проблемой. Главная причина низкой эффективности уголовного преследования – не в слабости законов, а в межотраслевых конфликтах, а также в крайней сложности доказывания умысла. А.М. Сажаев отмечает «для получения качественного результата доследственной проверки по преступлениям о криминальном банкротстве необходимо эффективное криминалистическое обеспечение этапа предварительной проверки» [9, с. 76].

На практике процедуры банкротства всё чаще используют для фиктивного создания долгов. Проблема криминального банкротства заключается в несовершенстве правовых механизмов, которые не позволяют эффективно доказывать умысел и привлекать к ответственности реальных виновников. Заслуживает внимания предложение С.В. Дерягиной о том, что «необходимо дальнейшее развитие путей оптимизации противодействия криминальному банкротству с учетом специфики мероприятий, которые в кризисной финансово-экономической ситуации позволят должнику улучшить свою платёжеспособность и снизить уровень рассматриваемых преступлений» [10, с. 113].

Таким образом, криминологический анализ показателей криминального банкротства за период 2021-2025 гг. показал состояние и следующие тенденции по основным индикаторам криминального банкротства:

число регистрируемых преступлений стабильно сокращался и при сравнении с базовым показателем составил -56,2%;

показатель по числу выявленных лиц, уголовные дела которых направлены в суд, также сокращался и составил -16,6%;

число осужденных при сравнении показателей 2021 и 2024 гг. увеличилось на +26,7%, но за 6 месяцев 2025 г. сокращение в сравнении с показателем за 6 месяцев 2024 г. составило почти 20%;

увеличился удельный вес лиц, осужденных от числа тем уголовные дела, которых были направлены в суд с 41,1% до 62,3%, т.е. в 1,5 раза;

большинство лиц были осуждены по ст. 196 УК РФ – 80%.

Указанные тенденции сохраняются и в

2026 г., так, за период январь-май 2026 г. было выявлено (возбуждено уголовных дел) – 33 (-49,2%) криминальных банкротств, установлено 19 лиц (-45,7%), в суд направлено 18 (-37,9%) уголовных дел.

Следует сделать вывод, что негативные тенденции состояния противодействия криминальному банкротству требует обобщения судебной практики и рекомендаций в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

[1] Попов Д. А. Криминальные банкротства в уголовном законодательстве в Российской Федерации / Д. А. Попов // Образование и право. – 2020. – № 11. – С. 233-246.

[2] Ляскало А. Н. Разграничение преступлений в банкротстве / А. Н. Ляскало // Уголовное право. – 2025. – № 9(181). – С. 47-54.

[3] Криминальные банкротства: основные аспекты и положения / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, В. В. Соловьева, В. С. Назаренко // Теневая экономика. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 265-276.

[4] Кукреш Я. О. Финансовое оздоровление как нереализуемая процедура банкротства в 2026 году // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 11-1 (110) С. 363-367.

[5] Uskov V. Compliance Control in the Context of Sanctions and Pandemics as a Method of Ensuring the Economic Security of a Transport Enterprise / V. Uskov, O. V. Kharchenko // XV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2022", Rostov-na-Donu, 25–27 мая 2022 года. – Springer: Springer, 2023. – P. 1716-1723.

[6] Иванов А. Ю. Особенности выявления и расследования уголовных дел, связанных с незаконными действиями при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А. Ю. Иванов, С. В. Болотин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(41). – С. 17-21.

[7] Валов К. Д. К вопросу о государственном регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации / К. Д. Валов // Закон. Право. Государство. – 2024. – № 2(42). – С. 101-104.

[8] Закомолдин А. В. Институт несостоятельности (банкротства) и правовой статус арбитражного управляющего: комплексный межотраслевой анализ / А. В. Закомолдин. – Москва : ООО "Издательский Центр РИОР", 2023. – 176 с.

[9] Сажаев А. М. О некоторых особенностях выявления преступлений, связанных с криминальными банкротствами / А. М. Сажаев // Проблемы формирования правового социального

государства в современной России : Материалы XIX всероссийской национальной научно-практической конференции, Новосибирск, 01–02 декабря 2023 года. – Новосибирск: ИЦ НГАУ "Золотой колос", 2023. – С. 76-81.

[10] Дерягина С. В. Криминологический аспект преступных банкротств / С. В. Дерягина, А. В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3(38). – С. 113-123.

References:

[1] Popov D. A. Criminal bankruptcies in criminal legislation in the Russian Federation / D. A. Popov // Education and law. – 2020. – No. 11. – P. 233-246.

[2] Lyaskalo A. N. Delineation of crimes in bankruptcy / A. N. Lyaskalo // Criminal law. – 2025. – No. 9(181). – p. 47-54.

[3] Criminal bankruptcies: main aspects and provisions / E. V. Drobot, I. N. Makarov, V. V. Solovyova, V. S. Nazarenko // Shadow Economy. – 2023. – Vol. 7, No. 3. – P. 265-276.

[4] Kukresh Ya.O. Financial Recovery as an Unrealizable Bankruptcy Procedure in 2026 // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 11-1 (110), p. 363-367.

[5] Uskov V. Compliance Control in the Context of Sanctions and Pandemics as a Method of Ensuring the Economic Security of a Transport Enterprise / V. Uskov, O. V. Kharchenko // XV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2022",

Rostov-na-Donu, May 25-27, 2022. – Springer: Springer, 2023. – P. 1716-1723.

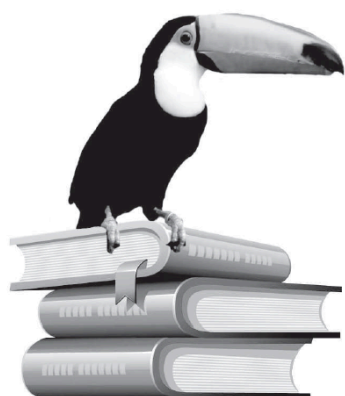
[6] Ivanov A. Yu. Features of Identification and Investigation of Criminal Cases Related to Illegal Actions in the Course of Bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A. Yu. Ivanov, S. V. Bolotin // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2024. – No. 1(41). – P. 17-21.

[7] Valov K. D. On the State Regulation of Business Activities in the Russian Federation / K. D. Valov // Zakon. Right. State. – 2024. – No. 2(42). – P. 101-104.

[8] Zakomoldin A. V. The Institute of Insolvency (Bankruptcy) and the Legal Status of the Arbitration Manager: A Comprehensive Intersectoral Analysis / A. V. Zakomoldin. – Moscow: Publishing Center RIOR LLC, 2023. – 176 p.

[9] Sazhaev A. M. On Some Features of Identifying Crimes Related to Criminal Bankruptcies / A. M. Sazhaev // Problems of Forming a Legal Social State in Modern Russia : Proceedings of the XIX All-Russian National Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, December 1–2, 2023. – Novosibirsk: ITs NGAU "Zolotoy Kolos", 2023. – P. 76-81.

[10] Deryagina S. V. The criminological aspect of criminal bankruptcies / S. V. Deryagina, A. V. Mayorov // Law and Order: History, Theory, Practice. – 2023. – No. 3(38). – P. 113-123.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-477-483

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

ШАГИЕВ Булат Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
обеспечения законности и контрольно-надзорной
деятельности Института правоведения РГГУ,
e-mail: la150762@list.ru

САВИНЯТ Валерия Вячеславовна,
магистрант 3-го курса заочной формы обучения с
применением дистанционных образовательных технологий
Института правоведения РГГУ,
e-mail: savinyat.lera@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО ДОГОВОРА

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие и правовая природа дистрибьюторского договора в российском гражданском праве. В современных условиях рыночной экономики и развития международной торговли дистрибьюторский договор получил широкое распространение. Он используется как в мировой, так и в российской предпринимательской практике. Выстраивая отношения в рамках дистрибьюторского договора, производители и поставщики могут организовывать систему сбыта товаров и продвигать свою продукцию на рынках разных стран мира. При этом важно отметить, что в российском законодательстве нет четкого и однозначного регулирования отношений, связанных с заключением, исполнением и прекращением дистрибьюторского договора. Такой договор не упоминается в ГК РФ, из-за чего возникает правовая неопределенность. Это вызывает трудности и в теоретическом исследовании, и на практике, в том числе в рамках рассмотрения споров в судах. Анализируются основные подходы к его определению, а также его соотношение с договором поставки, агентским договором, договором возмездного оказания услуг и рамочным договором. Отдельное внимание уделяется вопросу о том, можно ли считать дистрибьюторский договор самостоятельным непоименованным договором. Автор делает вывод о том, что в России необходимо специальное законодательное регулирование таких отношений. Дистрибьюторский договор можно рассматривать как самостоятельный непоименованный предпринимательский договор, который имеет особый предмет и свою совокупность условий, не сводимых к какому-либо одному типу договора.

Ключевые слова: дистрибьюторский договор, правовая природа, непоименованный договор, договор поставки, агентский договор.

SHAGIEV Bulat Vasilovich,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Law Enforcement and Control and Supervisory
Activities, Institute of Law, Russian State University for
the Humanities

SAVINYAT Valeria Vyacheslavovna,
third-year Master's student, distance learning, Institute of Law,
Russian State University for the Humanities

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A DISTRIBUTION AGREEMENT

Annotation. This article examines the concept and legal nature of a distribution agreement in Russian civil law. In the current context of a market economy and the development of international

trade, distribution agreements have become widespread. They are used in both global and Russian business practices. By building relationships within the framework of a distribution agreement, manufacturers and suppliers can organize a distribution system and promote their products in markets around the world. It is important to note that Russian legislation does not clearly and unambiguously regulate the relations associated with the conclusion, execution, and termination of a distribution agreement. Such an agreement is not mentioned in the Russian Civil Code, creating legal uncertainty. This creates difficulties both in theoretical research and in practice, including in the context of dispute resolution in court. The main approaches to its definition are analyzed, as well as its relationship with a supply agreement, agency agreement, contract for the provision of services for a fee, and framework agreement. Particular attention is paid to the question of whether a distribution agreement can be considered an independent, unspecified agreement. The author concludes that special legislative regulation of such relations is necessary in Russia. A distribution agreement can be considered an independent, unspecified business agreement with a specific subject matter and its own set of conditions that cannot be reduced to any single type of agreement.

Key words: *distribution agreement, legal nature, unspecified agreement, supply agreement, agency agreement.*

В современных условиях рыночной экономики и развития международной торговли дистрибьюторский договор получил широкое распространение. Он используется как в мировой, так и в российской предпринимательской практике. Выстраивая отношения в рамках дистрибьюторского договора, производители и поставщики могут организовывать систему сбыта товаров и продвигать свою продукцию на рынках разных стран мира. При этом важно отметить, что в российском законодательстве нет четкого и однозначного регулирования отношений, связанных с заключением, исполнением и прекращением дистрибьюторского договора. Такой договор не упоминается напрямую в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ), из-за чего возникает правовая неопределенность. Это вызывает трудности и в теоретическом исследовании, и на практике, в том числе в рамках рассмотрения споров в судах.

С точки зрения этимологии, слово «дистрибьютор» происходит от английского «distributor» и переводится как «распределитель» или «распространитель». В широком смысле дистрибуция — это деятельность по распределению товаров от производителя к конечному потребителю через посредников. Дистрибьюторский договор является правовой формой оформления таких отношений между производителем (или поставщиком) и дистрибьютором.

В российской правовой доктрине сложно выделить единое мнение по вопросу определения дистрибьюторского договора. В научной литературе рассматривают несколько подходов. В целях многостороннего изучения выделенной проблемы, необходимо рассмотреть позицию А.А. Серебряковой [1, с. 19], которая в одном из своих исследований характеризует дистрибьюторский договор с точки зрения отношений, которые складываются между сторонами такого договора,

а именно приобретение дистрибьютором продукции у другой стороны (поставщика). Отмечается, что дистрибьютор не только берет обязательство по оплате товара, но и, что немаловажно, он должен организовать системы продвижения и сбыта закупленной продукции на локальном рынке (или иной территории, которая предусматривается договором). Исходя из этого, дистрибьюторский договор выделяется своим организационным, системным характером, что предусматривает ряд дополнительных обязанностей дистрибьютора в сравнении с другими договорными конструкциями. Тем не менее, по мнению А.А. Серебряковой введение дистрибьюторского договора как обособленной нормы законодательства не является обязательным и необходимым. Следует отметить, что такой подход не распространен среди иных научных исследований на изучаемую тему.

В.Ю. Доронькина [2, с. 25] придерживается как раз противоположной приведенной выше позиции. В своем диссертационном исследовании о природе и характере дистрибьюторского договора, В.Ю. Доронькина утверждает, что такой договор отличается от поименованных в законодательстве, в том числе от договора поставки, агентского, опционного, хотя при этом может содержать в себе элементы названных договорных конструкций. Именно ряд отличий дистрибьюторского договора определяет его самостоятельный характер и позволяет сделать вывод о том, что законодательное регулирование все же необходимо.

При рассмотрении очередного спора в ФАС Поволжского округа была предложена собственная формулировка дефиниции, а также был сделан вывод о смешанном характере дистрибьюторского договора с указанием на наличие в нем признаков иных поименованных в гражданском законодательстве договоров. Судом был выделен и ряд особенностей дистрибьюторского договора,

среди которых отмечена независимость дистрибьютора при выборе каналов сбыта, методов продвижения товаров, в том числе через создание дилерских сетей на основе локальных торговых площадок.

Таким образом, чаще всего в качестве признаков дистрибьюторского договора выделяются следующие: деятельность дистрибьютора происходит от имени самого дистрибьютора и за его счет; приобретаемый товар переходит в собственность дистрибьютора; возникает обязанность дистрибьютора по реализации и продвижению продукции на локальных рынках территории, определенной в договоре, а на производителя (поставщика продукции) при этом, чаще всего, накладывается встречное обязательство – не осуществлять самостоятельную продажу продукции на определенной территории.

Дискуссия в науке гражданского права по вопросу определения правовой природы дистрибьюторского договора связана с тем, является ли дистрибьюторский договор самостоятельным непоименованным договором или смешанным договором, который включает элементы других договоров.

К аналогичным выводам о правовой природе дистрибьюторского договора указанного выше судебного решения приходят и некоторые исследователи, в том числе А.И. Бычков [6, с. 90] и В.А. Маслова [7, с. 27]. Они также относят дистрибьюторский договор к смешанному типу. Р.Х. Хабичев [8, с. 114] поддерживает изложенную позицию. В своей работе он проводит сравнительный анализ существующих подходов к квалификации дистрибьюторских соглашений и приходит к выводу, что о том, что на основе правоприменительной практики такие соглашения наиболее близки к смешанному типу.

Е.В. Татарская [10, с. 200] в своем труде подобным образом по ряду признаков делает вывод о невозможности сведения дистрибьюторского договора к конкретным поименованным в ГК РФ конструкциям (поставка, агентирование, коммерческая концессия), и говорит о комплексном характере дистрибьюторских договоров.

Некоторые же исследователи, например, С.А. Андреева [3, с.17], М.Л. Варданян [4, с. 60], А.М. Партин [5, с. 12], выделяют дистрибьюторский договор в качестве самостоятельного гражданско-правового договора. В трудах указанных авторов, его особенности не позволяют отнести его ни к одному из договоров, прямо названных в ГК РФ.

Существуют и иные нетипичные подходы, определяющие глубинный характер правовой природы дистрибьюторского договора. Так,

Т. Каширина [9, с. 120] обращает внимание на одну из главных целей такого договора, а именно построение полноценной системы реализации товаров и формирование эффективного продвижения этих товаров на рынке, что, в свою очередь, предполагает квалифицировать дистрибьюторский договор как организационный.

Отдельно стоит отметить позицию В.Ю. Доронькиной, которая утверждает, что дистрибьюторский договор имеет особую структуру, специфическую модель, и предлагает выделять такие договоры в отдельную категорию непоименованных, основывая свой вывод на том, что признаком, позволяющих рассматривать подобную конструкцию в качестве смешанного типа договоров, недостаточно.

А.В. Руденко [11, с. 4] аналогично полагает, что дистрибьюторский договор не является разновидностью какого-либо договора из ГК РФ и не может считаться смешанным, так как содержит существенные условия, не характерные для других видов договоров.

Для понимания правовой природы дистрибьюторского договора важно учитывать и международный опыт. Среди европейских исследователей наиболее авторитетным остаётся коллективный труд М. Хессселинка, Я. Рутгерс и других учёных, подготовленный в рамках Исследовательской группы по Европейскому гражданскому кодексу (PEL CAFDC) [12, с. 115]. В указанном исследовании авторы обращают внимание на особенности взаимодействия сторон в рамках дистрибьюторского договора. Так, поставщик обязуется регулярно передавать товары дистрибьютору, а дистрибьютор, в свою очередь, обязуется приобретать эти товары в собственность с целью их последующей перепродажи на закреплённой территории под деловой концепцией и политикой поставщика в отношении договора (особенно, если поставщик является правообладателем программного обеспечения). Авторы PEL CAFDC квалифицируют дистрибьюторский договор как самостоятельный тип договора «*sui generis*», не сводимый ни к купле-продаже, ни к агентированию, ни к договору об оказании услуг. При этом признаётся, что большинство европейских правовых порядков не содержат специального нормативного регулирования данного договора, квалифицируя его как непоименованный. На основании проведенного авторами PEL CAFDC исследования, Международная торговая палата в целях единообразия коммерческой практики и применения правовых норм разработала типовой дистрибьюторский контракт, который в настоящее время достаточно часто берется за основу при подготовке соглашений между контрагентами в международной торговле.

Говоря о схожести дистрибьюторского договора с некоторыми поименованными в ГК РФ, следует отметить, что в судебной практике встречается его отождествление с агентским договором. Однако между указанными видами договоров прослеживаются существенные различия. В соответствии со статьей 1005 ГК РФ агент обязуется за вознаграждение совершать юридические и иные действия по поручению принципала от своего имени, но за счет принципала, либо от имени и за счет принципала. Исходя из этого, можно выделить особенности указанных договоров, которые разграничивают особенности их правовой природы:

1. Дистрибьютор действует от своего имени и за свой счет, а агент может действовать за счет принципала. При этом дистрибьютор сам несет риск дальнейшей реализации товара.

2. Агентский договор предполагает обязательное вознаграждение агенту. В дистрибьюторском же договоре дистрибьютор, как правило, не получает вознаграждения от поставщика. Его доход складывается из разницы между ценой покупки и ценой продажи. Дополнительные бонусы или премии фактически не являются агентским вознаграждением, потому что они носят стимулирующий характер.

3. Агент совершает действия от имени принципала, а дистрибьютор действует самостоятельно, от своего имени.

В научной литературе и предпринимательской практике также достаточно часто наблюдается отождествление дистрибьюторского договора с договором коммерческой концессии. Это обусловлено тем, что обе договорные конструкции направлены на организацию системы продвижения товаров и развитие сети реализации продукции. Вместе с тем их правовая природа, предмет и экономическая цель существенно различаются, что не позволяет рассматривать их как идентичные.

В соответствии со статьей 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение право использовать в предпринимательской деятельности комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение, а также иные предусмотренные договором объекты интеллектуальной собственности.

Кроме того, коммерческая концессия предполагает использование пользователем определенной предпринимательской модели правообладателя. Как правило, пользователь обязан соблюдать единые стандарты ведения бизнеса, требования к оформлению помещений, корпоративно-

му стилю, ассортименту продукции, технологии обслуживания покупателей, маркетинговой политике и иным элементам коммерческой концепции правообладателя. В предпринимательской практике такая конструкция широко известна под «франчайзингом». Подобные требования позволяют обеспечить единообразие функционирования всей сети и сохранить деловую репутацию соответствующего бренда.

В рамках дистрибьюторских отношений подобная степень контроля, как правило, отсутствует. Производитель (правообладатель) может предъявлять определенные требования к условиям хранения продукции, порядку использования товарных знаков, качеству сервисного обслуживания или соблюдению фирменного стиля при проведении рекламных мероприятий. Тем не менее, дистрибьютор сохраняет значительно большую самостоятельность при осуществлении дальнейшей реализации продукции. Он самостоятельно определяет структуру своей организации, формирует отношения с покупателями, выбирает способы реализации продукции и несет все коммерческие риски, связанные с осуществлением такой деятельности.

Еще одним существенным отличием является экономическая модель рассматриваемых договоров. Пользователь по договору коммерческой концессии обязан выплачивать правообладателю вознаграждение за предоставление комплекса исключительных прав. В соответствии со статьей 1030 ГК РФ такое вознаграждение может выражаться в фиксированных или периодических платежах, процентных отчислениях от выручки или иных предусмотренных соглашением формах.

При исполнении дистрибьюторского договора аналогичная модель расчетов отсутствует. Дистрибьютор приобретает товар в собственность, оплачивая его стоимость поставщику, после чего самостоятельно реализует продукцию по своей сети партнеров. Его доход формируется за счет предпринимательской деятельности и представляет собой разницу между закупочной и продажной стоимостью товара. В этом контексте важно отметить, что даже широко распространенные в коммерческой практике маркетинговые бонусы, скидки за достижение определенного объема закупок, ретробонусы и программы стимулирования продаж не изменяют правовую природу рассматриваемых отношений, поскольку такие инструменты направлены на повышение эффективности реализации продукции, по сути, не являясь платой за предоставление исключительных прав либо посреднические услуги.

Различается и распределение имущественных рисков между участниками соответствующих

обязательств. В дистрибьюторском договоре риск реализации товара полностью возлагается на дистрибьютора, как самостоятельного участника гражданского оборота. После перехода права собственности именно он несет последствия возможного снижения спроса, изменения рыночной конъюнктуры, увеличения расходов на хранение продукции и иных неблагоприятных факторов предпринимательской деятельности. В договоре коммерческой концессии подобный риск не связан непосредственно с оборотом конкретного товара, поскольку предметом обязательства является предоставление права использования комплекса исключительных прав, а не реализация продукции как таковой.

Упомянутый ранее принцип свободы договора относят к одному из фундаментальных начал гражданского законодательства. Он означает, что участники гражданского оборота вправе самостоятельно определять модель договорных отношений, наиболее соответствующую экономическим интересам сторон, даже в тех случаях, когда соответствующая договорная конструкция прямо не предусмотрена в ГК РФ, если такая конструкция не противоречит законодательству и существу гражданско-правового регулирования. Благодаря этому гражданское право сохраняет необходимую гибкость и позволяет оперативно реагировать на изменения экономических отношений без постоянного внесения изменений в законодательство.

Развитие предпринимательской деятельности практически всегда происходит быстрее, чем совершенствование нормативной базы. Возникновение новых моделей коммерческого взаимодействия объективно обусловлено потребностями хозяйственного оборота, который требует применения наиболее эффективных механизмов организации продаж, продвижения товаров и распределения коммерческих рисков. Именно поэтому многие современные договорные конструкции первоначально сформировались в деловой практике и лишь впоследствии получили законодательное закрепление либо были признаны судебной практикой. Дистрибьюторский договор является одним из наиболее показательных примеров подобного развития договорного права.

Сочетание относительно широкой договорной свободы и отсутствия специального законодательного регулирования во многом обусловило существование различных моделей дистрибьюторских договоров в российской предпринимательской практике. На практике такие договоры существенно отличаются друг от друга как по объему прав и обязанностей сторон, так и по используемым механизмам организации сотрудничества. В зависимости от особенностей товаров и условий

производителя, одни соглашения ограничиваются установлением порядка поставки и реализации товаров, другие предусматривают территориальную эксклюзивность, маркетинговую поддержку, минимальные объемы закупок, требования к сервисному обслуживанию, проведению рекламных мероприятий, обучению персонала и иные организационные обязательства. Именно поэтому попытки квалифицировать все дистрибьюторские договоры исключительно как разновидность поставки либо агентирования представляются недостаточными обоснованными.

Хотя принцип свободы договора создал необходимые правовые предпосылки для формирования института дистрибьюторского договора в российском гражданском праве, дальнейшее развитие предпринимательского оборота свидетельствует о том, что одной лишь свободы договора уже недостаточно для эффективного регулирования столь распространенной договорной конструкции. Массовое использование дистрибьюторских соглашений в различных сферах экономики, наличие устойчивых признаков данного договора и продолжающиеся дискуссии относительно его правовой природы позволяют сделать вывод о наличии объективной потребности в его законодательном закреплении. Такое решение не ограничит свободу договора участников гражданского оборота, а, напротив, создаст единые правовые ориентиры для квалификации дистрибьюторских отношений и обеспечит большую определенность при разрешении возникающих споров.

Одной из наиболее существенных особенностей дистрибьюторского договора является распределение предпринимательских рисков между его сторонами. После приобретения товара право собственности на него переходит к дистрибьютору, который самостоятельно принимает решения относительно его дальнейшей реализации, определяет круг покупателей, организует хранение продукции и несет риск падения спроса при последующей продаже. Следовательно, поставщик не отвечает за коммерческий успех деятельности дистрибьютора, если иное прямо не предусмотрено соглашением сторон.

Немаловажное значение имеет и территориальный элемент дистрибьюторского договора. Как показывает практика, производители часто заинтересованы в формировании эффективной сети реализации продукции, исключающей внутреннюю конкуренцию между собственными партнерами. По этой причине договоры нередко предусматривают закрепление за дистрибьютором определенной территории, в пределах которой он получает преимущественное либо исключительное право осуществлять реализацию соответствующих

товаров. В свою очередь, поставщик принимает обязательство воздерживаться от самостоятельной реализации продукции на данной территории либо ограничивает возможность привлечения иных дистрибьюторов. Подобное распределение прав и обязанностей направлено не на ограничение конкуренции как таковой, а на обеспечение стабильности коммерческих отношений и создание экономической заинтересованности дистрибьютора в продвижении продукции конкретного производителя.

Наконец, обязанность по продвижению товара также является одной из ключевых особенностей рассматриваемой договорной конструкции. В отличие от покупателя по договору поставки, который вправе использовать приобретенный товар по своему усмотрению, дистрибьютор принимает на себя дополнительные обязательства, связанные с развитием рынка сбыта продукции. На практике такие обязанности, в зависимости от специфики товаров, могут выражаться в проведении рекламных мероприятий, участии в специализированных выставках, поддержании необходимого складского запаса, консультировании покупателей, обучении персонала, организации сервисного обслуживания и выполнении иных действий, направленных на увеличение объема продаж.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных сходных элементов упомянутых в исследовании договоров, обусловленных общей направленностью на развитие товаропроводящей сети, их правовая природа существенно различается.

Дистрибьюторский договор можно рассматривать как самостоятельный непоименованный предпринимательский договор, который имеет особый предмет и свою совокупность условий, не сводимых к какому-либо одному типу договора.

Учитывая отсутствие единообразия позиции судов в отношении квалификации дистрибьюторского договора (что приводит к правовой неопределенности и осложняет дистрибьюторские отношения), представляется необходимой разработка специальной правовой регламентации дистрибьюторского договора в рамках ГК РФ. Это поможет обеспечить единообразие практики, защитить интересы сторон и содействовать развитию торгового оборота в России.

Список литературы:

[1] Серебрякова А.А. Проблемы правопонимания дистрибьюторского договора как организационного // *Гражданское право*. - 2018. - № 6. С. 18–20.

[2] Доронькина В.Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – СПб.: СПбГУ, 2016.

– 166 с.

[3] Андреева С. А. Квалификация дистрибьюторского договора по российскому праву и отграничение от смежных договорных конструкций / С.А. Андреева // *Конкурентное право*. - 2013. - № 3. - С. 16-20.

[4] Варданян М. Л. Дистрибьюторский договор как форма осуществления иностранными компаниями предпринимательской деятельности на территории России / М. Л. Варданян // *Законодательство и экономика*. — 2008. — № 8. — С. 49–61.

[5] Партин А. М. Правовая природа дистрибьюторских соглашений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 40.03.01 / Александр Маркович Партин — Москва, 2010. — 32 с.

[6] Бычков А. И. Дистрибьюторский договор / А.И. Бычков // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. — 2012. — № 9. — С. 88–98.

[7] Маслова В. А. Организационная природа дистрибьюторского договора / В.А. Маслова // *Гражданское право*. — 2013. — № 3. - С. 26–30.

[8] Хабишев, Р.Х. Квалификация дистрибьюторских договоров / Р.Х. Хабишев // *Вестник Академии права и управления*. - 2021. - № 1 (62). - С. 113–117.

[9] Каширина Т. Дистрибьюторский договор как разновидность организационного договора / Т. Каширина // *Хозяйство и право*. - 2015. - № 5 (460). - С. 116–122.

[10] Татарская Е.В. Дистрибьюторский договор в российской системе гражданско-правовых договоров / Е.В. Татарская // *Вопросы гуманитарных наук*. - 2007. - № 3 (30). - С. 199–206.

[11] Руденко А.В. О дистрибьюторском договоре / А.В. Руденко // *Юрист*. - 2008. - № 8. - С. 3–5.

[12] Hesselink, M. W., Rutgers, J., Bueno Diaz, O., Scotton, M., & Veldman, M. 2006. Commercial agency, franchise and distribution contracts: (PEL CAFDC). München, Germany: Sellier Europ. Law Publ. // National Academic OER & Digital Library of Ethiopia. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/16573/1/140.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).

References:

[1] Serebryakova A.A. Problems of legal understanding of a distribution agreement as an organizational one // *Civil Law*. - 2018. - No. 6. pp. 18-20.

[2] Doron'kina V.Yu. Implementation of a distribution agreement in Russian law: diss. ... Cand. of Law: 12.00.03. - St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. - 166 p.

[3] Andreeva S.A. Qualification of a distribution agreement under Russian law and delimitation from related contractual structures / S.A. Andreeva //

Competition Law. - 2013. - No. 3. - pp. 16-20.

[4] Vardanyan M.L. Distribution agreement as a form of implementation of entrepreneurial activity by foreign companies on the territory of Russia / M.L. Vardanyan // Legislation and Economics. — 2008. — No. 8. — P. 49–61.

[5] Partin A. M. Legal nature of distribution agreements: author's abstract. diss. ... cand. sciences (law): 40.03.01 / Alexander Markovich Partin — Moscow, 2010. — 32 p.

[6] Bychkov A. I. Distribution agreement / A. I. Bychkov // Property relations in the Russian Federation. — 2012. — No. 9. — P. 88–98.

[7] Maslova V. A. Organizational nature of the distribution agreement / V. A. Maslova // Civil law. — 2013. — No. 3. - P. 26–30.

[8] Khabichev, R. Kh. Qualification of distribution agreements / R. Kh. Khabichev // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2021. - No. 1

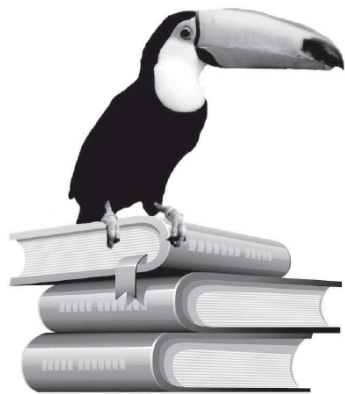
(62). - P. 113-117.

[9] Kashirina T. Distribution Agreement as a Type of Organizational Agreement / T. Kashirina // Business and Law. - 2015. - No. 5 (460). - P. 116-122.

[10] Tatarskaya E.V. Distribution Agreement in the Russian System of Civil Law Contracts / E.V. Tatarskaya // Issues of the Humanities. - 2007. - No. 3 (30). - P. 199-206.

[11] Rudenko A.V. On the Distribution Agreement / A.V. Rudenko // Jurist. - 2008. - No. 8. - P. 3-5.

[12] Hesselink, M. W., Rutgers, J., Bueno Diaz, O., Scotton, M., & Veldman, M. 2006. Commercial agency, franchise and distribution contracts: (PEL CAFDC). München, Germany: Sellier Europ. Law Publ. // National Academic OER & Digital Library of Ethiopia. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/16573/1/140.pdf> (access date: 04/18/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 12.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-484-490

МИРОШНИК Светлана Валентиновна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
теории права, государства и судебной власти Университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: miroshnik@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Начавшийся несколько лет назад правовой эксперимент по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств положил начало правовому регулированию беспилотных транспортных средств. В настоящее время действует несколько правовых актов подзаконного характера. Ключевой характеристикой беспилотных транспортных средств является их автономность, то есть способность функционировать без непосредственного участия человека благодаря интеграции адаптивных программ искусственного интеллекта. В связи с чем одной из основных проблем выступает создание оптимального механизма распределения ответственности за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами. В статье рассматривается действующая правовая модель, критически анализируются различные научные идеи по ее изменению и дополнению, излагается авторское видение распределения ответственности, основанное на использовании системного подхода, предполагающего комплексное решение вопроса с учетом его правовой, технической, инфраструктурной составляющих. Подчеркивается ошибочность представлений о беспилотном транспортном средстве как сказочном средстве снижения дорожно-транспортных происшествий. В статье обосновывается необходимость дифференцированного конструирования составов правонарушений для субъектов, имеющих непосредственное отношение к высокоавтоматизированному транспортному средству (владелец, разработчик программного обеспечения, установщик программного обеспечения); занимающихся обслуживанием сферы беспилотных транспортных средств; иных, причастных к дорожно-транспортному происшествию, а также установления повышенной юридической ответственности, обусловленной ранее неизвестными обществу и государству рисками эксплуатации беспилотных транспортных средств. Отмечается значимость повышения уровня правовой культуры всех участников дорожного движения, делается аргументированный вывод об обоснованности продолжения в Российской Федерации экспериментального правового режима, научного осмысления получаемых результатов. Это позволит создать стройную, непротиворечивую систему правового регулирования беспилотных транспортных средств, умело используя потенциал публичного и частного права, творчески синтезируя достижения гуманитарных и технических наук.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, право, цифровизация, искусственный интеллект, юридическая ответственность, правовое регулирование, государство, правовой режим, правовой эксперимент.

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

MIROSHNIK Svetlana Valentinovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department
of Theory of Law, State and Judicial Power Lebedev University
of Justice

LEGAL REGULATION OF UNMANNED VEHICLES: LEGAL LIABILITY ISSUES

Annotation. The legal experiment on the trial operation of highly automated vehicles on public roads, which began several years ago, marked the beginning of the legal regulation of unmanned

vehicles. Currently, there are several legal acts of a by-law nature. A key characteristic of unmanned vehicles is their autonomy, that is, the ability to function without direct human intervention through the integration of adaptive artificial intelligence programs. In this connection, one of the main problems is the creation of an optimal mechanism for distributing responsibility for harm caused by unmanned vehicles. The article examines the current legal model, critically analyzes various scientific ideas on its change and addition, sets out the author's vision of the distribution of responsibility, based on the use of a systematic approach, which presupposes a comprehensive solution to the issue, taking into account its legal, technical, infrastructure components. The fallacy of the idea of an unmanned vehicle as a fabulous means of reducing road accidents is emphasized. The article justifies the need for differentiated design of offenses for subjects directly related to a highly automated vehicle (owner, software developer, software installer); engaged in servicing the field of unmanned vehicles; others involved in a traffic accident, as well as the establishment of increased legal liability due to previously unknown risks of operating unmanned vehicles to society and the state. The importance of increasing the level of legal culture of all road users is noted, a reasoned conclusion is made about the validity of the continuation of the experimental legal regime in the Russian Federation, the scientific understanding of the results obtained. This will create a harmonious, consistent system of legal regulation of unmanned vehicles, skillfully using the potential of public and private law, creatively synthesizing the achievements of the humanities and technical sciences.

Key words: self-driving vehicle, law, digitalization, artificial intelligence, legal responsibility, legal regulation, state, legal regime, legal experiment.

Введение.

Цифровизация, стремительно ворвавшаяся в жизнь современного человека, не обошла стороной и правовую сферу. При этом цифровые технологии стали не только инновационным средством осуществления юридической деятельности, но и новым объектом правового регулирования. Научное осмысление степени влияния цифровизации на право находится пока на начальном этапе. Информационные технологии развиваются настолько стремительно, что в ряде случаев наука объективно не поспевает осознать все связанные с этим риски. Существующая сегодня система регулирования правоотношений в области автомобильного транспорта не стала исключением. Она рассчитана на участников дорожного движения – водителей, пешеходов, иных субъектов, обладающих свободой воли, являющихся носителями правосубъектности, включающей в себя способность нести ответственность за свои деяния и их последствия.

В июле 2025 года исполнилось сто лет со дня появления первого радиоуправляемого транспортного средства. История свидетельствует о том, что первая поездка оказалась весьма неудачной – радиоуправляемый автомобиль по пути следования создавал аварийные ситуации и в конце концов врезался в другое транспортное средство. Но идея беспилотных транспортных средств, господствовавшая долгое время лишь в народных сказаниях, приобрела свое материальное воплощение.

Появление беспилотных транспортных средств (далее – БТС) стало закономерным ответом на потребности общества, его прямую заинте-

ресованность в снижении смертности на дорогах. В двадцатых годах прошлого века она была выше сегодняшних показателей почти в 18 раз. Поэтому новые технологии рассматривались и рассматриваются как реальный способ повышения безопасности дорожного движения.

Основной особенностью БТС является способность действовать без прямого участия человека. Фактически это выражается в замене водителя адаптивными системами искусственного интеллекта, что дает возможность эффективно предупреждать появление аварийных ситуаций, значительно повышать мобильность передвижения. В тоже время внедрение программного обеспечения порождает огромные риски, обуславливая необходимость тщательной разработки специального правового регулирования. Сегодня одной из проблем является выработка оптимального механизма распределения ответственности за вред, причиненный БТС.

БТС – понятие, объединяющее в себе водные, наземные, космические, воздушные транспортные средства. В центре нашего исследования – вопросы правового обеспечения беспилотных автомобилей. Цель исследования – сформулировать предложения по совершенствованию правового режима беспилотных транспортных средств. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: обобщить научные представления о проблемах правового регулирования беспилотных транспортных средств, изучить возможность внедрения в российскую практику соответствующего зарубежного опыта правового обеспечения, рассмотреть дискуссионные вопросы ответственности за вред, причиненный беспилотными транс-

портными средствами.

Исследование особенностей правового режима беспилотных транспортных средств является достаточно новым научным направлением. В научных трудах А. И. Коробеева, А. И. Чучаева, М. С. Фокина, А. О. Ананенко, А. И. Трусова, Ю. Н. Боярской, А. И. Землина и ряда других ученых рассматриваются различные отраслевые аспекты регулирования беспилотного транспорта. Остро ощущается недостаток общетеоретического освещения поднимаемых проблем.

Методологической основой настоящего научного поиска стало интегративное правопонимание, позволяющее комплексно осознать социальную и правовую действительность, выработать эффективный механизм регулирования беспилотных транспортных средств.

В процессе исследования использовались разнообразные методы научного познания, в частности, диалектический, позволивший рассмотреть все правовые явления в их взаимосвязи; общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщения, оказавшие помощь в осмыслении сложившихся в науке представлений об особенностях правового режима беспилотных транспортных средств; частно-научные – формально-юридический, сравнительно-правовой, методы толкования права дали возможность всесторонне изучить действующий экспериментальный режим привлечения к ответственности БТС, предложить пути его совершенствования.

Результаты.

Новые технологии привели не только к цифровизации в праве и цифровизации права [1, с. 22], но и существенно повысили значимость науки, усилили взаимные связи технических и гуманитарных направлений исследований, показали необходимость и обоснованность использования экспериментальных методов в юриспруденции. Правовой эксперимент стал эффективным способом апробаций новых правовых моделей. Поэтому неудивительно, что первый правовой акт, положивший начало правовому регулированию БТС, был посвящен эксперименту по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств [2].

Первоначально срок действия рассматриваемого экспериментального правового режима составлял 3 года. Показав свою эффективность, он был продлен до 1 апреля 2028 года [3].

В настоящее время правовое регулирование БТС обеспечивается целым рядом правовых актов подзаконного характера. Как уже было отмечено ранее, одной из основных проблем правового обеспечения является определение оптимально-

го механизма распределения ответственности за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами (БТС).

В экспериментальном режиме апробируется одна из возможных моделей. Она характеризуется правовым закреплением открытого перечня рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека (либо имуществу юридического лица), ущерба обороне и (или) безопасности государства, иным охраняемым законом ценностям; дифференцированным подходом к определению ответственности оператора, лиц, ответственных за техническое состояние высокоавтоматизированных транспортных средств 2 категории, водителя-испытателя. Представляется позитивным закрепление открытого перечня рисков, поскольку, во-первых, пока оказывается невозможным «спрогнозировать с максимальной степенью точности все риски развития искусственного интеллекта» [4, с. 86], в связи с чем создание закрытого списка является бессмысленным, правовой эксперимент может выявить новые, ранее неизвестные грани; во-вторых, это дает возможность избежать формального подхода при рассмотрении вопроса о возмещении вреда охраняемым общественным отношениям.

Постановлением Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 определены первые составы правонарушений с участием БТС. К сожалению, они представляются размытыми и неполными. Так, оператор «несет ответственность за причинение вреда жизни и здоровью пассажира высокоавтоматизированного транспортного средства 2 категории и (или) иных участников дорожного движения в связи с недостатками при осуществлении маршрутизации и диспетчеризации высокоавтоматизированного транспортного средства 2 категории» [5]; лица, ответственные за техническое состояние БТС – «в связи с недостатками дополнительного оборудования, установленного субъектом экспериментального правового режима на транспортное средство или технического состояния высокоавтоматизированного транспортного средства 2 категории» [5]; водитель-испытатель – в случае ДТП по его вине.

В настоящее время нарушение правил дорожного движения в зависимости от характера негативных последствий может повлечь за собой привлечение виновного лица к уголовной, административной, гражданской ответственности. Ключевым в традиционной модели юридической ответственности является субъект, обладающий свободой воли. Правоотношения с участием БТС гораздо более сложны, поэтому трудно согласиться с позицией ряда ученых, предлагающих распространить имеющийся механизм ответственности

владельцев источников повышенной опасности в отношении БТС, полагая, что это позволит определить обязательства, возникающие из причинения вреда при эксплуатации беспилотных транспортных средств [6, с. 26]. Думается, что этого будет явно недостаточно; ответственность должна быть повышенной, поскольку использование БТС сопряжено с рядом ранее неизвестных рисков, например, выходом программного обеспечения из-под контроля, принятием неверных решений – «цифровых галлюцинаций». По этой же причине дискуссионным представляется и предложение по отнесению автономных транспортных средств к категории «непреодолимая сила». В литературе справедливо отмечается, что наличие у них таких характеристик, как особый уровень автоматизации и «безучастности лица, «управляющего» автономным автомобилем» [7, с. 146], не могут быть признаны весомыми аргументами для этого.

Интересный механизм распределения бремени ответственности апробируется в Германии. Используемая модель гармонично сочетает этические и правовые составляющие. Этическими нормами запрещается внедрять в программы искусственного интеллекта алгоритмы, позволяющие спасти жизнь одних людей, причинив вред другим, что перекликается с известными законами Айзека Азимова. Нормами права разрешается использовать БТС на дорогах общего пользования только в том случае, если за рулем находится водитель, готовый в любой момент взять управление на себя, и транспортное средство оснащено «черным ящиком», фиксирующим все детали поездки. Действует презумпция виновности водителя. Он считается виновным в ДТП до тех пор, пока его вина не будет опровергнута в процессе расследования. Если по результатам расшифровки «черного ящика», иных доказательств будет выявлена техническая причина транспортного происшествия, ответственность несет автопроизводитель [8, с. 123].

Вызывает серьезную тревогу складывающееся в обществе представление о БТС как уникальном средстве снижения количества дорожно-транспортных происшествий. Конечно, использование высокоавтоматизированных транспортных средств исключает человеческий фактор, но только частично, поскольку используемое программное обеспечение – это тоже результат интеллектуальной деятельности человека. Могут быть ошибки, сбои, возникающие в силу ряда объективных (магнитные бури) и субъективных (неправомерные действия третьих лиц) причин.

В России в ходе первого эксперимента случилось 36 ДТП с участием БТС. Из них 26 произошли, когда беспилотники находились в автоматизированном режиме управления, 10 – в

ручном режиме управления, 2 – по вине техники, остальные – по вине другого участника дорожного движения [9].

Согласно данным Информационно-аналитического обзора Научного центра безопасности дорожного движения МВД России наибольшее количество ДТП (88,7%) совершается из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств. Но та же статистика обращает внимание на то, что наиболее часто на местах ДТП фиксируются нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию и обустройству автомобильных дорог; отсутствие или плохая различимость горизонтальной разметки проезжей части; отсутствие дорожных знаков в необходимых местах, неправильное применение, плохая видимость дорожных знаков [10, с. 7].

Все это говорит о том, что сокращение числа ДТП, сведение их к минимуму требует системного подхода, предполагающего не только совершенствование БТС, но и создание качественной дорожной инфраструктуры. Статистические данные убедительно говорят о том, что в ряде случаев БТС оказываются беспомощными перед погодными и дорожными условиями. Представители технических наук признают, что одной из наиболее трудных задач «остается распознавание в режиме реального времени всевозможных объектов, которые встречаются на пути у транспортного средства» [11, с. 65]; в связи с чем необходимо создание соответствующей инфраструктуры, характеризующейся высоким уровнем «автоматизации (цифровизации) процессов планирования, отслеживания и управления транспортными потоками» [12, с. 1].

Возникают вопросы и другого характера, обусловленные неизбежным сбором БТС большого количества данных в процессе своей эксплуатации. А. Ж. Степанян предположил, что могут даже возникнуть ситуации нарушения права человека на частную жизнь [13, с. 172]. В целях их предупреждения следует разработать эффективный механизм защиты персональных данных, «накапливаемых и обрабатываемых беспилотными автомобилями в процессе их функционирования» [14, с. 31].

Продолжается дискуссия между представителями быстрого и постепенного правового обеспечения новых технологий. Трудно согласиться с позицией ученых, считающих, что правовое регулирование не успевает за техническими новинками, и отмечающих необходимость установления постоянного правового режима для беспилотных транспортных средств [15, с. 128]. При этом они сами признают, что устранение правовых и организационных барьеров для использования БТС на

дорогах общего пользования в ряде зарубежных стран произошло под давлением представителей высокотехнологического бизнеса и транспортных корпораций [15, с. 128]. Стремление получить максимальную прибыль в условиях объективной неопределенности возможных рисков ставит под угрозу обеспечение дорожной безопасности. Неоправданным «забеганием» вперед является и идея создания кодифицированного правового акта беспилотного транспорта [16, с. 83]. Систематизация успешна только тогда, когда накоплен большой правовой материал и практика его реализации.

Разумным и оправданным представляется «осторожное» регулирование рассматриваемых правоотношений в Российской Федерации, находящее свое выражение в продолжении действия экспериментального правового режима. Это дает возможность системно осмыслить полученные результаты, выстроить стройную систему правового и индивидуального регулирования беспилотных транспортных средств, адекватно используя потенциал публичного и частного права, творчески соединяя достижения гуманитарных и технических наук.

Разработанный Министерством транспорта проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17] прошел публичное обсуждение. Следует приветствовать позицию его разработчиков, предлагающих четкое разделение негативных последствий, возникающих из причинения вреда, практически между всеми участниками рассматриваемых правоотношений, в частности, владельцами (эксплуатантами) высокоавтоматизированных транспортных средств, изготовителями (включая разработчиков автоматизированной системы вождения), авторизованными сервисными центрами, операторами дистанционной поддержки, водителями, владельцами вспомогательной инфраструктуры. Думается, что проведенное публичное обсуждение законопроекта позволит учесть замечания и рекомендации представителей научного сообщества и всех заинтересованных лиц.

Заключение

Правовое регулирование консервативно, оно объективно выполняет ограничительную функцию, принимая на себя удар в борьбе с катастрофическими изменениями, которые могут возникнуть в результате бездумного развития и использования технологий искусственного интеллекта.

Очевидно, что привлечение к ответственности за вред, причиненный беспилотными транс-

портными средствами, должно строиться на основе дифференцированного подхода, предполагающего введение самостоятельных составов правонарушений для субъектов. Важным также представляется обязательное оснащение БТС «черными ящиками», данные которых будут значительно облегчать процесс расследования ДТП.

Технический прогресс не остановить, но необходимо спокойно осмысливать результаты проводимого правового эксперимента, совершенствовать используемые правовые модели, не забывая при этом о необходимости активного проведения мероприятий, направленных на повышение правовой культуры всех участников дорожного движения.

Список литературы:

- [1] Мирошник С. В. Развитие права в цифровую эпоху // Российское правосудие. 2022. № 1. С. 16-23.
- [2] Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 (ред. от 07.02.2022) «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств») // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 373 «О продлении срока действия экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 309» // СПС «КонсультантПлюс».
- [4] Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 79-88.
- [5] Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 N 309 (ред. от 27.03.2025) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Амиянц К. А., Саркисянц Г. Г. Юридическая ответственность при использовании беспилотных транспортных средств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1(99). С. 22-26.

[7] Хващевская В.А. Проблемы правового регулирования беспилотных автомобилей // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. 2021. Выпуск 37 (107). С.145-146.

[8] Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20, № 3. С. 117-132.

[9] Минэк назвал число ДТП с участием экспериментальных беспилотных авто. Сколько инцидентов случилось по вине самих машин // РБК. 06 февраля 2025 г. https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2025/67a3b1b29a7947592eb09762.

[10] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 37 с.

[11] Кремлев И. А., Тырышкин А. В. Объекты инфраструктуры для беспилотных транспортных средств // Мир транспорта. 2019. Т. 17, № 2(81). С. 64-71.

[12] Лещов Г. Ю. Современные аспекты формирования нормативно-правовой базы для создания инфраструктуры беспилотного транспорта // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 1. С.1.

[13] Степанян А. Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4(56). С. 169-174.

[14] Дейнеко А. Г. Эволюция правового регулирования эксплуатации беспилотных автомобилей в Российской Федерации // Информационное право. 2022. № 1. С. 31-34.

[15] Землин А.И., Матвеева М.А. Правовое обеспечение внедрения и использования беспилотных автомобилей: опыт, проблемы и направления их решения // Государство и право. 2023. № 12. С. 121-130.

[16] Ананенко А. О. Основные направления совершенствования правового регулирования использования беспилотных транспортных средств // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2(34). С. 76-83.

[17] Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Miroshnik S.V. Development of law in the digital age // Russian justice. 2022. № 1. S. 16-23.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 26.11.2018 No. 1415 (as amended on 07.02.2022) "On conducting an experiment on the trial operation of highly automated vehicles on public roads" (together with the "Regulation on conducting an experiment on the trial operation of highly automated vehicles on public roads") // SPS "ConsultantPlus".

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of March 27, 2025 No. 373 "On the extension of the experimental legal regime in the field of digital innovations in the operation of highly automated vehicles and amending the decree of the Government of the Russian Federation of March 9, 2022 No. 309 "/// SPS" ConsultantPlus".

[4] Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence: regulation in Russia, foreign research and practice // State and law. 2018. № 9. S. 79-88.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.03.2022 No. 309 (ed. 27.03.2025) "On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of highly automated vehicles "/// SPS" ConsultantPlus".

[6] Amiyants K. A., Sarkisyants G. G. Legal liability when using unmanned vehicles // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 12-1(99). S. 22-26.

[7] Khvashchevskaya V.A. Problems of legal regulation of unmanned vehicles // Electronic collection of works of young specialists of Polotsk State University. 2021. Issue 37 (107). P.145-146.

[8] Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2018. Т. 20, NO. 3. S. 117-132.

[9] Minek called the number of accidents involving experimental unmanned cars. How many incidents happened due to the fault of the machines themselves // RBC. 06 Feb 2025 https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2025/67a3b1b29a7947592eb09762.

[10] Road traffic accident in the Russian Federation for 9 months of 2025. Information and analytical review. М.: PKU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia," 2025. 37 pp.

[11] Kremlin I. A., Tyryshkin A. V. Infrastructure facilities for unmanned vehicles // World of Transport. 2019. Т. 17, NO. 2 (81). S. 64-71.

[12] Leshchov G. Yu. Modern aspects of the formation of a regulatory framework for creating an infrastructure for unmanned vehicles // Bulletin of Eurasian Science. 2022. Т. 14, NO. 1. S.1.

[13] Stepanyan A. Zh. Problems of regulation of

unmanned vehicles // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2019. № 4(56). S. 169-174.

[14] Deineko A. G. Evolution of the legal regulation of the operation of unmanned vehicles in the Russian Federation // Information Law. 2022. № 1. S. 31-34.

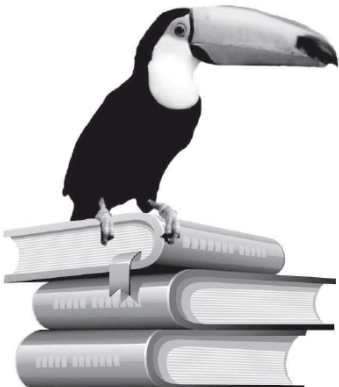
[15] Zemlin A.I., Matveeva M.A. Legal support for the introduction and use of unmanned vehicles: experience, problems and directions for their

solution // State and law. 2023. № 12. P. 121-130.

[16] Ananenko A. O. The main directions of improving the legal regulation of the use of unmanned vehicles // Transport law and safety. 2020. № 2(34). S. 76-83.

[17] Draft Federal Law "On Highly Automated Vehicles and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus."

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-491-494

Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.

ЦАРАПКИН Денис Петрович,
аспирант 2 курса Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени
Н. П. Огарёва
e-mail: carapkind98@mail.ru

КАК БАНКРОТСТВО БИЗНЕС-АКТИВОВ ВЛИЯЕТ НА ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА СУПРУГОВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ СЕМЕЙНЫМ И КОНКУРСНЫМ ПРАВОМ

Аннотация. В работе изучаются точки пересечения и конфликты семейного законодательства и правил о банкротстве, когда у гражданина-должника имеются бизнес-активы. Проанализировано 210 судебных решений за 2020–2025 гг. с помощью формально-юридического, сравнительного и контент-анализа. Выделено три основных проблемных блока: признание долгов общими, раздел активов, которые невозможно отделить от личности должника, и столкновение исполнительского иммунитета на жильё с претензиями кредиторов. В 71% дел супруг, не являющийся должником, не смог добиться удовлетворения своих требований вне очереди. Презумпция общности долгов использована в 83% споров, опровергнута – лишь в 9%. Обнаружена выраженная корреляция ($r=0,78$) между тем, что должник – единственный участник ООО, и отказом в выделе доли в натуре. Сделан вывод об отсутствии надёжных механизмов защиты добросовестного супруга и о необходимости законодательно разделять предпринимательские и потребительские долги.

Ключевые слова: банкротство физического лица, общая собственность супругов, конкурсная масса, активы бизнеса, разделение долгов, коллизия норм, добросовестность супруга.

TSARAPKIN Denis Petrovich,
2nd year postgraduate student National researcher N.p. Ogarev
Mordovian State University

PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES IN BANKRUPTCY OF BUSINESS ASSETS: COLLISION OF FAMILY AND INSOLVENCY LEGISLATION

Annotation. The study explores conflicts between family law and insolvency rules in cases where a bankrupt citizen holds business assets. Based on 210 court decisions (2020–2025) and using formal-legal, comparative and content analysis methods, three main conflict clusters are identified: classification of obligations as joint, allocation of shares in assets that are inseparable from the debtor, and the tension between homestead exemption and creditor claims. In 71% of cases the non-debtor spouse was refused out-of-order relief; the presumption of joint debts was applied in 83% of disputes and rebutted in only 9%. A strong correlation ($r=0.78$) between being the sole member of an LLC and refusal of in-kind allocation was found. The results indicate insufficient protection for the bona fide spouse and call for legislative differentiation of entrepreneurial and consumer debts.

Key words: individual bankruptcy, common property of spouses, bankruptcy estate, business assets, debt division, conflict of norms, spouse's good faith.

Введение

После того как в России с 2015 года широко распространилась процедура банкротства граждан, стал очевиден серьёзный разлад между нормами семейного права и законодательством о несостоятельности. Семейный кодекс исходит из того, что всё нажитое в браке – общее, и долги

тоже по умолчанию общие. Конкурсное право, напротив, нацелено на то, чтобы собрать как можно больше имущества для расчётов с кредиторами. Наибольшие сложности возникают, когда у должника есть активы, используемые в предпринимательской деятельности: доли в ООО, акции, права по корпоративным договорам. Формально такие

объекты входят в общую собственность супругов, но их изъятие в конкурсную массу может фактически разрушить бизнес.

В литературе эти вопросы уже поднимались. Р.С. Бевзенко подробно разбирал практику Верховного Суда РФ по разделу имущества супругов в банкротстве, указав на такие узкие места, как квалификация долга и судьба единственного жилья [1; 3]. В.А. Микрюков изучал пределы имущественной ответственности супруга по долгам, связанным с предпринимательством, и обратил внимание на размывание границ личной ответственности [2; 4]. Т.П. Шишмарева в своей монографии сравнила российский подход с немецким институтом освобождения от долгов [5]. Однако судебная практика быстро меняется, появляются новые разъяснения высших судов [11], и требуется их постоянное эмпирическое переосмысление. Цель этой работы – выявить основные коллизии узлы и на основе количественных данных предложить способы их снятия. Для этого мы решали следующие задачи: посчитать, как часто суды применяют презумпцию общности долгов; классифицировать типичные возражения супруга-недолжника; выяснить, от чего зависит исход спора о выделе доли из предпринимательских активов; оценить влияние разъяснений высших судов на практику.

Материалы и методы

Мы изучили 210 определений и постановлений арбитражных судов первой и кассационной инстанций, вынесенных с января 2020 по март 2025 года. Отбирались дела о банкротстве граждан, которые либо имели статус ИП, либо владели долей в коммерческой организации более 50%. Поиск в картотеке арбитражных дел велся по запросам «общее имущество супругов» и «конкурсная масса». Включались только те дела, где супруг-недолжник возражал против включения имущества в конкурсную массу или требовал его раздела. Чтобы выборка была репрезентативной по географии, мы распределили акты по федеральным округам: Центральный – 52, Северо-Западный – 41, Приволжский – 34, Уральский – 32, Сибирский – 28, Южный – 23. Из анализа исключены споры с бывшими супругами, которые уже разделили имущество до начала банкротства. Общую динамику банкротств мы учитывали по данным ЕФРСБ: в 2023 году число процедур реализации имущества граждан превысило 300 тысяч [12].

Методика включала три составляющие. Во-первых, формально-юридический анализ статей 34, 39, 45 СК РФ [9] и статей 213.25, 213.26 закона о банкротстве [10], а также постановления Пленума ВС РФ № 48 [11]. Во-вторых, сравнительно-правовой метод – российские подходы сопо-

ставлялись с немецкой доктриной освобождения от долгов (*Restschuldbefreiung*) [5]. В-третьих, количественный контент-анализ: мы закодировали более 30 бинарных переменных для каждого судебного акта (отказ в выделе доли, упоминание мнимости брачного договора, учёт интересов детей и т.д.). Статистическая обработка включала расчёт описательных статистик и коэффициента корреляции Пирсона для выявления связей между доводами супруга и решением суда.

Результаты

Количественный анализ показал, что полный отказ в удовлетворении требований супруга-недолжника встречается в 71% дел. Частичное удовлетворение (признание права на половину стоимости актива, но без выдела в натуре) – в 19%. И лишь 10% судебных актов заканчиваются выделом доли с исключением её из конкурсной массы. В последнюю группу попадают в основном ситуации, когда бизнес-актив представляет собой небольшой пакет акций, не дающий корпоративно-го контроля и не обременённый договорами.

Презумпция общности долгов (абзац 2 п. 2 ст. 45 СК РФ, п. 5 постановления Пленума ВС № 48) применялась судами в 83% дел при наличии доказательств предпринимательского характера задолженности. Опровергнуть её удалось лишь в 9% случаев – супруги представили убедительные доказательства иного происхождения долга. В оставшихся 8% вопрос о характере долга вообще не поднимался. Примечательно, что в 64% дел, где супруг ссылаясь на раздельное ведение хозяйства и фактическое прекращение брачных отношений, суды этот довод отклонили, указав на отсутствие официального расторжения брака в ЗАГС.

Между статусом должника как единственного участника ООО и отказом в выделе доли супругу в натуре обнаружена сильная положительная корреляция (коэффициент Пирсона $r = 0,78$). Суды мотивируют это тем, что дробление доли угрожает корпоративному управлению и может остановить хозяйственную деятельность, а кредиторы рассчитывают на стоимость бизнеса как действующего предприятия. В 12% дел суд всё же допускал продажу всей доли с торгов, но при этом имущественное право супруга превращалось в денежное требование, которое удовлетворяется после реестровых кредиторов – на практике это практически обесценивает его защиту.

Проблема единственного жилья проявилась в 22% дел: должник и его семья жили в помещении, купленном на доходы от бизнеса, причём его площадь и качество многократно превышали обычные социальные нормы. Ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ о допустимости взыскания на «роскошное» жильё, суды в 78%

таких дел отказывали в исключении объекта из конкурсной массы. При этом они признавали, что супруг сохраняет право на часть выручки от продажи, но опять же в той очерёдности, которая установлена законом о банкротстве [10; 11]. Алиментные обязательства и интересы несовершеннолетних детей учитывались через предоставление замещающего жилья, однако реально оно приобреталось за счёт конкурсной массы лишь в 4% дел.

Обсуждение

Наши данные не вполне согласуются с мнением некоторых авторов, которые считают, что для защиты прав супругов достаточно обычных гражданско-правовых механизмов оспаривания сделок [6, с. 27]. Статистика отказов в выделе доли показывает, что на практике конкурсное право фактически отменяет режим совместной собственности, как только один из супругов становится должником в деле о банкротстве. Суды рассуждают так: главная цель конкурсного производства – пропорционально удовлетворить кредиторов, и она перевешивает цель охраны семьи. В литературе это подвергается критике [4, с. 35; 8, с. 44], но на сегодня такой подход доминирует.

Сравнение с Германией (по работе Т.П. Шишмаревой) показывает совсем другой баланс интересов. Там супруг-недолжник может требовать принудительного исполнения только через отдельное исковое производство, а в банкротстве его право на половину совместного имущества признаётся вещным и защищённым от кредиторов другого супруга [5, с. 218]. В России же доля в общем имуществе трактуется как идеальная, которая не может быть выделена до раздела, а сам раздел в банкротстве – исключение, да ещё и под контролем собрания кредиторов. В итоге механизм, который должен защищать семейные ценности, работает плохо. В 15% дел супруг-недолжник заявляет о мнимости брачного договора – это косвенно указывает на взаимные злоупотребления: кредиторы подозревают вывод активов, а супруги пытаются сохранить хоть что-то. Проблема усугубляется отсутствием чётких критериев добросовестности, на что справедливо указывает П.А. Ломакина [7, с. 30].

Ограничения нашего исследования связаны с тем, что мы анализировали только акты, попавшие в открытые электронные базы. Многие определения о включении имущества в конкурсную массу обжалуются в ускоренном порядке, и их мотивировочная часть бывает неполной. Кроме того, мы не рассматривали дела, где супруги использовали банкротство для недобросовестного списания долгов, оставляя контроль над активами через подставных лиц. Тем не менее, выборка

репрезентативна по федеральным округам, и выводы можно распространять на общероссийскую практику.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что коллизия между семейным и конкурсным законодательством в сфере банкротства бизнес-активов имеет системный характер и не может быть решена только за счёт судебного усмотрения. Презумпция общности долгов – полезный инструмент против недобросовестных должников, но при отсутствии чётких критериев для её опровержения она лишает добросовестного супруга возможности защитить своё личное имущество. Фактически сложился режим, при котором предпринимательский риск одного супруга перекладывается на другого, что противоречит п. 2 ст. 256 ГК РФ об индивидуальной ответственности по обязательствам.

Научная новизна работы состоит в количественной верификации типологии коллизионных ситуаций и в обнаружении статистически значимой связи между структурой бизнес-актива и судебным решением. Дальнейшие исследования стоит направить на разработку законодательной модели разделения долгов: ввести категорию «предпринимательский долг», где презумпция общности действует только при доказанности того, что средства пошли на семью, и «потребительский долг», где сохранить нынешний подход. Также перспективным выглядит анализ возможности внедрения «семейного фонда» по аналогии с наследственным фондом – это позволило бы обособить часть активов от предпринимательских рисков одного из членов семьи.

Список литературы:

- [1] Бевзенко Р.С. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-19914 (общее имущество супругов в банкротстве) // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021. – № 6. – С. 4–18.
- [2] Микрюков В.А. Имущественная ответственность супруга по предпринимательским долгам другого супруга // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 4. – С. 12–16.
- [3] Бевзенко Р.С. Проблемы реализации общего имущества супругов в банкротстве // Арбитражные споры. – 2022. – № 2. – С. 41–57.
- [4] Микрюков В.А. Правовое положение супруга должника при банкротстве гражданина // Арбитражные споры. – 2021. – № 3. – С. 32–40.
- [5] Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. – М.: Статут, 2017. – 432 с.
- [6] Кулаков В.В. Общее имущество супругов

в конкурсной массе должника: теория и практика // Российское правосудие. – 2021. – № 9. – С. 24–33.

[7] Ломакина П.А. Добросовестность супругов в делах о банкротстве: критерии и доказательства // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 2. – С. 28–33.

[8] Шеменева О.Н. Участие супруга должника в деле о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 8. – С. 41–46.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

[10] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

[12] Статистический бюллетень ЕФРСБ по банкротству физических лиц за 2023 год. – М.: Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, 2024. – 56 с.

References:

[1] Bevzenko R.S. Commentary to the Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the RF Armed Forces dated 17.03.2021 No. 302-ES20-19914 (common property of spouses in bankruptcy) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2021. – № 6. – S. 4-18.

[2] Mikryukov V.A. Property liability of a spouse

for entrepreneurial debts of another spouse // Family and housing law. – 2020. – № 4. – S. 12-16.

[3] Bevzenko R.S. Problems of sale of common property of spouses in bankruptcy // Arbitration disputes. – 2022. – № 2. – S. 41-57.

[4] Mikryukov V.A. Legal status of the debtor's spouse in case of bankruptcy of a citizen // Arbitration disputes. – 2021. – № 3. – S. 32-40.

[5] Shishmareva T.P. Insolvency Institute in Russia and Germany. – M.: Statute, 2017. – 432 s.

[6] Kulakov V.V. Common property of spouses in the bankruptcy estate of the debtor: theory and practice // Russian justice. – 2021. – № 9. – S. 24-33.

[7] Lomakina P.A. Conscientiousness of spouses in bankruptcy cases: criteria and evidence // Family and housing law. – 2021. – № 2. – S. 28-33.

[8] Shemenewa O.N. Participation of the debtor's spouse in the bankruptcy case // Arbitration and civil proceedings. – 2022. – № 8. – S. 41-46.

[9] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 31.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. – Art. 16.

[10] Federal Law No. 26.10.2002 dated 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended by 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. – Art. 4190.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 48 "On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – № 2.

[12] EFRSB statistical bulletin on bankruptcy of individuals for 2023. – M.: Unified Federal Register of Bankruptcy Information, 2024. – 56 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-495-499

ДОБРОВИНСКАЯ Алла Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общей
юриспруденции
Российского Государственного Социального Университета,
e-mail: Alla-dobro@list.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации института гражданско-правовой ответственности в условиях цифровизации общественных отношений. Обосновывается вывод о необходимости пересмотра традиционных признаков гражданско-правовой ответственности применительно к цифровой среде. Анализируются проблемы идентификации субъекта ответственности при использовании искусственного интеллекта и цифровых посредников. На основе анализа судебной практики и законодательных новелл 2025–2026 гг. предлагается авторское определение гражданско-правовой ответственности в цифровую эпоху, основанное на переходе от вины как субъективного критерия к управленческому риску владения цифровой инфраструктурой. Раскрываются содержание и механизмы реализации контрольных обязанностей владельцев цифровых платформ.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, цифровая эпоха, искусственный интеллект, информационный посредник, цифровая платформа, управленческий риск, модерация, рекомендательные технологии.

DOBROVINSKAYA Alla Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of General Jurisprudence Russian
State Social University

THE CONCEPT AND ELEMENTS OF CIVIL LIABILITY IN THE DIGITAL AGE

Annotation. The article is devoted to the study of the transformation of the civil liability institution in the context of digitalization of social relations. The author substantiates the need to revise the traditional elements of civil liability in relation to the digital environment. The problems of identifying the subject of liability when using artificial intelligence and digital intermediaries are analyzed. Based on the analysis of judicial practice and legislative innovations of 2025–2026, the author proposes a definition of civil liability in the digital age based on the transition from guilt as a subjective criterion to managerial risk of owning digital infrastructure. The content and mechanisms for implementing control obligations of digital platform owners are revealed.

Key words: civil liability, digital age, artificial intelligence, information intermediary, digital platform, managerial risk, moderation, recommender technologies.

Стремительное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни ставит перед цивилистической наукой новые вызовы, требующие переосмысления традиционных гражданско-правовых институтов. Цифровая трансформация затронула базовые институты частного права, включая гражданско-правовую ответственность — один из ключевых механизмов защиты нарушенных прав и обеспечения правопо-

рядка. Современные технологии позволяют субъектам участвовать в гражданских правоотношениях опосредованно, через цифровых посредников, что порождает фундаментальный вопрос: кто несет ответственность за действия, совершенные в цифровой среде? Двойственность и смешение физического лица с его цифровым посредником в сети Интернет создают сложности для идентификации надлежащего ответчика.

Гражданско-правовая ответственность традиционно определяется как одна из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование надлежащего поведения участников гражданского оборота. В юридической науке традиционно выделяются следующие признаки гражданско-правовой ответственности: имущественный характер, компенсационная направленность, соразмерность, применение к правонарушителю [1, с. 40-46].

Указанные признаки сформировались в условиях «классического» гражданского оборота, предполагающего непосредственное участие субъектов в правоотношениях. Однако цифровая эпоха вносит существенные коррективы в традиционные представления о гражданско-правовой ответственности. Современные технологии позволяют человеку участвовать в гражданских правоотношениях «опосредованно», через посредника, в качестве которого может выступать не только представитель (живой человек), но и искусственный интеллект, компьютерная программа, «бот», интернет-ресурсы. Это обстоятельство актуализирует пересмотр ключевых элементов состава гражданского правонарушения.

Центральной проблемой является вопрос множественности субъектного состава ответственности: физическое лицо — цифровой посредник — автономная программа.

Особую сложность представляет ситуация, когда причинителем вреда выступает искусственный интеллект, действующий на основе алгоритмов самообучения. Автономность воли искусственного интеллекта исключает применение классической вины, поэтому ответственность должна строиться по модели источника повышенной опасности, где основанием выступает риск владения технологией [2, с. 201].

Традиционная конструкция ответственности исходит из презумпции непосредственного причинителя вреда. В цифровой среде эта модель разрушается: действие совершает одно лицо, техническую возможность предоставляет посредник, а алгоритм может действовать автономно. Проблема идентификации владельца источника повышенной опасности в условиях цифровизации становится ключевой [3, с. 112-119]. В цифровой среде под «источником» могут пониматься алгоритмические системы, если их функционирование создает повышенную вероятность причинения вреда (п.12 Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019).

Применительно к цифровым платформам эта проблема усугубляется: платформа выступа-

ет посредником, а не участником сделки, что по логике участников рынка не должно влечь той же ответственности, что у продавца. Судебная практика информационного посредника освобождается от ответственности, если он не знал и не должен был знать о нарушении, а если знал — отвечает наравне с нарушителем (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.08.2017 № С01-600/2017). Апелляционное определение Мосгорсуда от 24.07.2020 по делу ООО 2Google № 33-23673/2020 признал поисковик информационным посредником и определил, что его обязанность удалить ссылки - это не ответственность за контент, а исполнение предписания. В этой связи речь идет о том, что посредник не создает контент, но управляет доступом к нему.

В тоже время законодательство о платформенной экономике разграничивает ответственность: если платформа пропустила карточку с нарушениями - отвечает платформа; если продавец обманул - отвечает продавец [4, с. 15-23].

Причинно-следственная связь в цифровой среде «размывается» между действиями пользователя, работой алгоритмов, техническими сбоями и действиями третьих лиц [1, с. 42]. Это требует отказа от жесткой линейной модели причинения и перехода к вероятностной оценке факторов, повлиявших на наступление вреда. В цифровой среде обычным стало вмешательство третьих лиц и технические сбои — это снижает порог доказывания для потерпевшего и смещает бремя доказывания на владельца системы. Особую сложность представляют случаи, когда алгоритм самообучается и его поведение не может быть полностью предсказано разработчиком.

Ключевой проблемой выступает объективизация условий наступления: от вины к управленческому риску.

Традиционная вина как субъективное отношение правонарушителя к содеянному в цифровой среде часто неустановима. Предлагается смещение акцента: от вины как субъективного критерия к управленческому риску владения цифровой инфраструктурой.

Имущественные санкции применяются не столько за вину конкретного лица, сколько за управленческий риск владения источником повышенной цифровой опасности либо за неисполнение обязанности по контролю за цифровой средой.

Трансформация института источника повышенной опасности в цифровую эпоху показывает, что владение объектом, создающим повышенную опасность, само по себе является основанием для ответственности — независимо от вины [5]. Применительно к цифровым платформам и

ИИ-системам этот принцип адаптируется: владелец цифровой инфраструктуры принимает на себя риск причинения вреда ее функционированием.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1, ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, наступает независимо от вины владельца источника [6]. Это прямое обоснование для переноса на цифровые платформы и ИИ-системы - они признаются источниками повышенной опасности нового типа.

С 2026 года вводится самостоятельная административная ответственность владельцев сайтов и цифровых платформ за нарушения при авторизации пользователей и использовании рекомендательных технологий (штрафы до 1,4–2,8 млн рублей) [7]. Это прямой пример «ответственности за неисполнение обязанности по контролю» как самостоятельного состава.

Содержание обязанности по контролю за цифровой средой (управление рисками) можно представить в трех формах:

1. модерация, которая выражается в том, что платформы обязаны следить, чтобы на витрине не появлялись запрещенные или несертифицированные товары, и быстро реагировать на жалобы о контрафакте. Как показывает судебная практика, владелец платформы, получающий вознаграждение от продаж, не может ссылаться на нейтральную роль посредника — он обязан модерировать. Решением Арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2023 г. по делу № А40-45281/2023 платформа Wildberries признана ответственной за продажу контрафактного товара, поскольку не провела проверку продавца при регистрации и не удалила карточку товара после получения жалобы [8];

2. блокировка (ограничение доступа). Так, в соответствии с Апелляционным определением ВС РФ от 12.12.2024 № АПЛ24-456иностранная платформа (YouTube-каналы) привлечена к ответственности за отказ блокировать запрещенную информацию, несмотря на то, что физически контент разместил пользователь. Иными словами техническая возможность блокировки и ее неисполнение образуют самостоятельный состав;

3. уведомление (информирование). Так, Федеральный закон № 199-ФЗ с 2026 года обязывает информировать пользователей о применении рекомендательных технологий. Это форма управления рисками реализуется через прозрачность, то есть пользователь должен понимать, что алгоритм формирует его цифровую среду, и может осознанно оценивать риски. Владельцы цифровых платформ, использующие рекомендательные технологии, обязаны размещать информацию о

применяемых алгоритмах, правилах их работы и способах влияния пользователя на формируемую информацию. Неисполнение этой обязанности с 2026 года будет основанием для привлечения к ответственности по ст. 14.8 КоАП РФ (нарушение прав потребителей на получение информации).

В цифровой среде децентрализация (блокчейн, смарт-контракты, платформенная экономика) сохраняет компенсаторную функцию, но реализует ее через механизм «кто контролирует инфраструктуру — тот и отвечает за риски ее функционирования». Таким образом, в условиях децентрализации эффективность защиты достигается возложением ответственности на лицо, которое имеет фактическую возможность контролировать технологический процесс, даже если оно не является непосредственным причинителем вреда.

На основе проведенного анализа предлагается следующее определение гражданско-правовой ответственности в цифровую эпоху, которая представляет собой комплексный институт гражданского права, характеризующийся множественностью субъектного состава (физическое лицо - цифровой посредник - автономная программа), диффузностью причинно-следственной связи и объективизацией условий наступления, при которых имущественные санкции применяются не столько за вину конкретного лица, сколько за управленческий риск владения источником повышенной цифровой опасности либо за неисполнение обязанности по контролю за цифровой средой (модерация, блокировка, уведомление), что обеспечивает компенсаторную функцию в условиях децентрализованного гражданского оборота.

Указанное определение позволяет учесть специфику алгоритмических систем и информационных посредников, что ранее не находило должного отражения в цивилистической доктрине. Анализ судебной практики показывает, что суды уже отходят от классической вины в цифровых спорах. Привлекая маркетплейсы к ответственности за контрафакт, суды исходят не из вины платформы в размещении товара, а из факта получения ею экономической выгоды и наличия технической возможности модерации. Законодатель закрепил этот подход, установив административную ответственность владельцев платформ за нарушения при авторизации и использовании рекомендательных алгоритмов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Цифровая эпоха трансформирует традиционные признаки гражданско-правовой ответственности, требуя их адаптации к новым условиям. Наибольшие изменения претерпевает элемент субъекта ответственности, в связи с чем

возникает необходимость разработки критериев ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта и иных цифровых технологий.

2. Предложен переход от вины как субъективного критерия к управленческому риску владения цифровой инфраструктурой. Данный подход находит подтверждение в законодательных тенденциях об установлении административной ответственности владельцев платформ за модерацию и рекомендательные алгоритмы.

3. Проблема идентификации надлежащего ответчика в цифровой среде требует комплексного решения, учитывающего как технические особенности функционирования цифровых систем, так и правовую природу отношений между участниками.

Список литературы:

[1] Дегтярев С.Л. Гражданско-правовая ответственность и способ защиты личных неимущественных прав в виде компенсации морального вреда // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 40-46.

[2] Венгеровский Е.Л., Павликов С.Г. К вопросу о гражданско-правовой ответственности при использовании искусственного интеллекта и иных цифровых технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 2. С. 200-203.

[3] Беликов Е.Г., Беликова А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3. С. 112-119.

[4] Пантюхов А.А. Правовой режим цифровых платформ: гражданско-правовые аспекты // Бизнес и общество. 2025. № 4. С. 15-23.

[5] Карпова Ю.С. Гражданско-правовые способы защиты цифровых прав в современной правовой доктрине: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 198 с.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

[7] Федеральный закон от 31 декабря 2025 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления ответственности владельцев информационных ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 1. Ст. 87.

[8] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2023 г. по делу № А40-45281/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=472954> (дата обращения:

16.05.2026).

[9] Возисов К.А. Гражданско-правовая ответственность интернет-провайдеров за нарушение авторских и смежных прав // Дискуссия. 2010. № 5. С. 28-34.

[10] Титов А.А. Понятие, признаки и правовая природа цифровых финансовых активов: уголовно-правовой аспект // Пролог: журнал о праве. 2022. № 4. С. 105-113.

References:

[1] Degtyarev S.L. Civil liability and the method of protecting personal non-property rights in the form of compensation for moral damage // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. pp. 40-46.

[2] Vengerovsky E.L., Pavlikov S.G. On the issue of civil liability in the use of artificial intelligence and other digital technologies // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. No. 2. pp. 200-203.

[3] Belikov E.G., Belikova A.V. Digital financial assets as an object of civil rights // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 3. pp. 112-119.

[4] Pantyukhov A.A. Legal regime of digital platforms: civil law aspects // Business and Society. 2025. No. 4. Pp. 15-23.

[5] Karpova Yu.S. Civil-law methods of protecting digital rights in modern legal doctrine: a comparative legal study: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2025. 198 p.

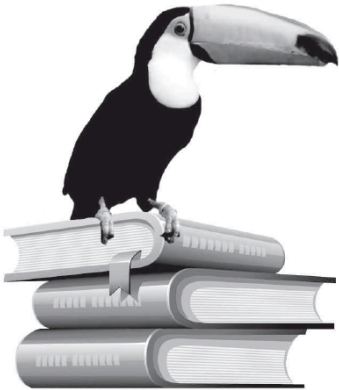
[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010 No. 1 "On the application by the courts of civil legislation regulating relations under obligations resulting from harm to the life or health of a citizen" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 3.

[7] Federal Law of December 31, 2025 No. 530-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Terms of Strengthening the Liability of Information Resource Owners" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2026. No. 1. Art. 87.

[8] Decision of the Moscow Arbitration Court dated March 15, 2023 in case No. A40-45281/2023 // SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=472954> (date of access: May 16, 2026).

[9] Vozisov K.A. Civil liability of Internet providers for infringement of copyright and related rights // Discussion. 2010. No. 5. pp. 28-34.

[10] Titov A.A. Concept, features and legal nature of digital financial assets: criminal law

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫЕЗДОВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования стали правовые и психологические основы организации администрацией исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы выездов за их пределы. Ее достижение обеспечивалось использованием диалектического метода познания и других общеизвестных методов логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение, с их помощью анализировались положения национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы по теме. Краткосрочные и длительные выезды за пределы учреждения, как право осужденного, безусловно, позитивно отражается на его психологическом состоянии. Активизирует психические свойства и состояния. Формирует и развивает мотивацию и направленность личности, систему установок и отношений, целеполагания и жизненных планов, являющихся предметом изучения современной отечественной пени-тенциарной психологии. Профилактирует негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, депрессии, способствует предупреждению и купированию суицидального поведения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС. Выезды осужденных, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ способствуют дальнейшей ресоциализации, сохранению и развитию социальных контактов с родственниками. Исправлению, социальной адаптации и социальной реабилитации после отбытия наказания и возвращения в общество. Правовые и психологические основы выезда осужденных к лишению свободы за пределы ИУ УИС закреплен в статье 97 УИК РФ, в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110. Уголовно-исполнительный закон закрепил основные правовые критерии, на основании которых начальник ИУ принимает решение о предоставлении либо отказе предоставления осужденному выезда за пределы ИУ. Закон также выделяет конкретные категории осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ УИС, которым не разрешаются выезды за пределы учреждения. Данный профилактический подход, закрепленный законодательно является справедливым, обоснованным и продуктивным в отечественной практике исполнения наказания в виде лишения свободы. Следует выделить дополнительные социально-правовые гарантии, закрепленные уголовном законе и свидетельствующие о гуманном подходе в организации выездов осужденных к лишению свободы за пределы ИУ.

Ключевые слова: лишение свободы, выезды осужденных, пределы исправительного учреждения, уголовно-исполнительная система, администрация учреждения, краткосрочные и длительные выезды, порядок предоставления выездов.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL BASES OF VISITS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT OUTSIDE CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study was the legal and psychological foundations of the organization by the administration of the correctional institution of the penal system of visits outside their borders. Its achievement was ensured by the use of the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific): Synthesis, comparison, analogy, generalization, and included observation were used to analyze the provisions of national penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational literature on the topic. Short-term and long-term trips outside the institution, as a convict's right, certainly has a positive effect on his psychological state. Activates mental properties and states. It forms and develops the motivation and orientation of a personality, a system of attitudes and attitudes, goal-setting and life plans, which are the subject of the study of modern Russian penitentiary psychology. It prevents negative emotional states of stress, frustration, depression, and helps prevent and stop suicidal behavior of convicts serving prison sentences. Trips of convicts serving their sentences outside the prison contribute to further re-socialization, preservation and development of social contacts with relatives. Correction, social adaptation and social rehabilitation after serving a sentence and returning to society. The legal and psychological basis for the departure of persons sentenced to imprisonment outside the Penitentiary Institution is fixed in Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation, in Section 18 (paragraphs 283-293.2) of the Internal Regulations of the Penitentiary Institution, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 No. 110. The Penal Enforcement Act established the main legal criteria on the basis of which the head of the Detention Center decides whether to grant or refuse to grant the convicted person travel outside the Detention center. The law also identifies specific categories of persons sentenced to imprisonment serving their sentences in the Penitentiary Institution, who are not allowed to travel outside the institution. This preventive approach, enshrined in law, is fair, reasonable and productive in the domestic practice of executing sentences in the form of imprisonment. Additional socio-legal guarantees should be highlighted, which are enshrined in the criminal law and indicate a humane approach in organizing visits of persons sentenced to imprisonment outside the prison.

Key words: deprivation of liberty, visits of convicts, prison limits, penal enforcement system, institution administration, short-term and long-term visits, procedure for providing visits.

Введение. В настоящее время остается актуальным применение судами и исполнение учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) наказания в виде лишения свободы, регламентированного статьей 56 Уголовного кодекса РФ [1].

Вместе с тем, существование на протяжении последних 30 лет устойчивой тенденции гуманизации национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики, показывает наличие существенных гуманных проявлений в пенитенциарной практике правовых институтов, обеспечивающих эффективное исполнение указанного вида уголовного наказания [2, с. 70-77]. Это в полной мере относится к организации администрацией исправительного учреждения (далее ИУ), в котором осужденный отбывает лишение свободы, краткосрочных и длительных выездов за пределы учреждения.

Реализация данного права осужденного, безусловно, позитивно отражается на его психоло-

гическом состоянии. Активизирует психические свойства и состояния. Формирует и развивает мотивацию и направленность личности, систему установок и отношений, целеполагания и жизненных планов, являющихся предметом изучения современной отечественной пенитенциарной психологии [3, с. 103-110]. Профилактирует негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, депрессии, способствует предупреждению и купированию суицидального поведения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС [4, с. 20-23].

Выезды осужденных, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ способствуют дальнейшей ресоциализации, сохранению и развитию социальных контактов с родственниками [5, с. 232-237]. Исправлению, социальной адаптации и социальной реабилитации после отбытия наказания и возвращения в общество [6, с. 32-34].

В связи с актуальностью и практической востребованностью анализируемого уголовно-испол-

нительного института, принято решение исследовать правовые и психологические основы выезда осужденных, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ УИС.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических основ организации администрацией исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы выездов за их пределы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. С их помощью анализировались положения национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы по теме.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ законодательных и ведомственных правовых актов в сфере исполнения уголовных наказаний показал, что правовые и психологические основы выезда осужденных к лишению свободы за пределы ИУ УИС закреплён в статье 97 УИК РФ, в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС (далее ПВР), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Законодатель закрепил право осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС, в том числе в воспитательных колониях (далее ВК), оставленных в соответствии со статьей 77 УИК РФ в следственных изоляторах (далее СИЗО УИС) и тюрьмах для ведения работ по хозяйственному обслуживанию, на краткосрочные и длительные выезды за пределы ИУ.

Первые установлены продолжительностью до семи суток, без учета времени на проезд в обе стороны. Основанием для предоставления краткосрочных выездов осужденных за пределы ИУ являются:

- смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного;
- стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденного или его семье;
- предварительное решение вопросов трудового и бытового устройства осужденного после его освобождения из ИУ [7].

Также одним из оснований для краткосрочного выезда осужденных, закреплённом в пункте 283 18 раздела ПВР ИУ УИС 2022 г. является выезд

для свидания с ребенком и устройства детей у родственников либо в детском доме.

Таким образом, краткосрочные выезды осужденных можно рассматривать не только в качестве правового инструмента поддержания социальных контактов, в том числе в сложившихся сложных жизненных обстоятельствах, но и в перспективе их успешной социальной реабилитации после отбытия наказания и освобождения из ИУ [8, с. 300-305]. Данный подход законодателя подчеркивает психологическое содержание и значение выездов осужденных за пределы ИУ.

Длительные выезды осужденных к лишению свободы за пределы ИУ УИС предоставляются им на время ежегодного оплачиваемого отпуска категориям осужденных указанных в части второй статьи 103 УИК РФ. Также такие выезды предоставляются администрацией ИУ осужденным, не обеспеченным работой по не зависящим от них причинам, на срок, равный времени ежегодного отпуска [9].

Основными правовыми критериями, на основании которых начальник ИУ принимает решение о предоставлении либо отказе предоставления осужденному выезда за пределы ИУ, в соответствии с уголовно-исполнительным законом выступают:

- характер и тяжесть совершенного осужденным преступления;
- отбытого срока наказания в виде лишения свободы в ИУ;
- личности осужденного (его социально-демографической, уголовно-правовой, криминологической и психологической характеристик);
- поведения осужденного в контексте соблюдения им установленного порядка и условий отбывания лишения свободы, не совершения противоправных деяний и пенитенциарных преступлений, наличия положительной характеристики в период отбывания наказания.

В данной связи, закон выделяет конкретные категории осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ УИС, которым не разрешаются выезды за пределы учреждения:

- при особо опасном рецидиве преступлений;
- осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы;
- осужденным к пожизненному лишению свободы;
- осужденным, больным открытой формой туберкулеза;
- осужденным, не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании;
- ВИЧ-инфицированным осужденным, а также в случаях проведения противоэпидемических ме-

роприятий;

осужденным, признанным в соответствии со статьей 116 УИК РФ злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания;

осужденным за преступление в отношении несовершеннолетних, а также преступления, перечисленные в части третьей статьи 97 УИК РФ [10].

Таким образом, законодатель справедливо и обоснованно запретил указанным категориям осужденных, отбывающих лишение свободы выезда за пределы ИУ, тем самым исключив вероятные риски и угрозы совершения ими повторных преступлений в период нахождения вне учреждений. Данный профилактический подход, закрепленный законодательно является справедливым, обоснованным и продуктивным в отечественной практике исполнения наказания в виде лишения свободы.

С другой стороны, при анализе правовых норм, регулирующих рассматриваемый правовой институт, следует выделить дополнительные социально-правовые гарантии, закрепленные уголовном законе и свидетельствующие о гуманном подходе в организации выездов осужденных к лишению свободы за пределы ИУ. К ним относятся:

возможность сопровождения родственником и или иным сопровождающим лицом выезд за пределы ИУ осужденного, страдающего психическими расстройствами, не исключающими вменяемость; инвалидов первой или второй группы и нуждающихся по состоянию здоровья в постороннем уходе;

быстрое (в течение суток) рассмотрение администрацией ИУ заявление осужденного о предоставлении ему краткосрочного выезда за пределы учреждения в связи с исключительными личными обстоятельствами;

зачет времени, в течение которого осужденному разрешен выезд за пределы ИУ в срок отбывания наказания;

возможность продления до пяти суток срока возвращения осужденного в ИУ, с уведомлением администрации учреждения в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, затрудняющих обратный выезд осужденного в установленный срок.

В то же время, законодатель в части восьмой статьи 97 УИК РФ возложил бремя расходов, связанных с выездом за пределы ИУ на осужденных или иных лиц, а также предусмотрел удержание из заработной платы дни нахождения осужденного в краткосрочном отпуске.

При уклонении осужденного от возвращения в установленный срок в ИУ он подлежит задержанию ОВД по месту пребывания с санкции про-

курора на срок не более 30 суток для решения вопроса о направлении его к месту отбывания наказания под конвоем или привлечении к уголовной ответственности [11]. Тем самым законодательно регулируется роль органов прокуратуры в обеспечении законности, прав и свобод осужденных, отбывающих лишение свободы [12, с. 66-77].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенно-

сти деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Существование на протяжении последних 30 лет устойчивой тенденции гуманизации национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики, показывает наличие существенных гуманных проявлений в пенитенциарной практике правовых институтов, обеспечивающих эффективное исполнение указанного вида уголовного наказания. Это в полной мере относится к организации администрацией ИУ, в котором осужденный отбывает лишение свободы, краткосрочных и длительных выездов за пределы учреждения.

Реализация данного права осужденного, безусловно, позитивно отражается на его психологическом состоянии. Активизирует психические свойства и состояния. Формирует и развивает мотивацию и направленность личности, систему установок и отношений, целеполагания и жизненных планов, являющихся предметом изучения современной отечественной пенитенциарной психологии. Профилактирует негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, депрессии, способствует предупреждению и купированию суицидального поведения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС.

Выезды осужденных, отбывающих лишение свободы за пределы ИУ способствуют дальнейшей ресоциализации, сохранению и развитию социальных контактов с родственниками. Исправлению, социальной адаптации и социальной реабилитации после отбытия наказания и возвращения в общество.

Правовые и психологические основы выезда осужденных к лишению свободы за пределы ИУ УИС закреплен в статье 97 УИК РФ, в 18 разделе (пунктах 283-293.2) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110.

Уголовно-исполнительный закон закрепил основные правовые критериями, на основании которых начальник ИУ принимает решение о предоставлении либо отказе предоставления осужденному выезда за пределы ИУ. Закон также выделяет конкретные категории осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ УИС, которым не разрешаются выезды за пределы учреждения. Данный профилактический подход, закрепленный законодательно является справедливым, обоснованным и продуктивным в отечественной практике исполнения наказания в виде лишения свободы.

Следует выделить дополнительные социально-правовые гарантии, закрепленные уголов-

ном законе и свидетельствующие о гуманном подходе в организации выездов осужденных к лишению свободы за пределы ИУ.

Список литературы:

- [1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.
- [2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.
- [3] Ковалев О.Г., Кротова Д.Н. Методы исследования в пенитенциарной психологии // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 103-110.
- [4] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.
- [5] Ковалев О.Г. Современные подходы ресоциализации осужденных: теоретико-правовой и сравнительный анализ // Право и управление. 2024. № 10. С. 232-237.
- [6] Ковалев О.Г. Педагогические и психологические механизмы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных: опыт правового регулирования // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 11 (164). С. 32-34.
- [7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [8] Ковалев О.Г. Правовые и психологические основы социальной реабилитации осужденных // Право и управление. 2024. № 10. С. 300-305.
- [9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко

А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середя Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[11] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 18.06.2026).

[12] Ковалев О.Г., Андреева М.М. Прокурорский надзор как важнейший фактор соблюдения законности в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Материалы круглого стола с международным участием. Псков, 2020. С. 66-77.

References:

[1] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in places of deprivation of liberty // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[3] Kovalev O.G., Krotova D.N. Research methods in penitentiary psychology // In the collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. pp. 103-110.

[4] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[5] Kovalev O.G. Modern approaches to the resocialization of convicts: theoretical, legal and comparative analysis // Law and management. 2024. No. 10. pp. 232-237.

[6] Kovalev O.G. Pedagogical and psychological mechanisms of resocialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts: experience of legal regulation // Global scientific potential. 2024. Vol. 1. No. 11 (164). pp. 32-34.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[8] Kovalev O.G. Legal and psychological foundations of social rehabilitation of convicts // Law and management. 2024. No. 10. pp. 300-305.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkauchenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[11] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 06/18/2026).

[12] Kovalev O.G., Andreeva M.M. Prosecutorial supervision as the most important factor in the observance of legality in institutions and bodies executing criminal penalties // In the collection: Current issues of ensuring the security of the penal system. Materials of the round table with international participation. Pskov, 2020. pp. 66-77.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-506-513

РЫБЧЕНКО Ваге Каренович,
аспирант кафедры судебного права, Институт
законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ТОВАРИЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ В САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ

Аннотация. В статье исследуется товарищество собственников недвижимости как гражданско-правовая форма коллективного управления имуществом в садоводческих некоммерческих товариществах. Обосновывается, что СНТ не может рассматриваться исключительно как внутренняя корпорация своих членов: в условиях специального закона оно выполняет функцию единого территориально-имущественного управляющего, деятельность которого затрагивает всех правообладателей земельных участков в границах территории садоводства. Раскрываются правовая природа ТСН, соотношение членства и вещной связи с имуществом общего пользования, особенности взносов и платы лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе, а также пределы распоряжения объектами инфраструктуры. Делается вывод о необходимости нормативного разграничения трех режимов: имущества товарищества как юридического лица, общей долевой собственности собственников участков и режима управляемого общего пользования.

Ключевые слова: товарищество собственников недвижимости, садоводческое некоммерческое товарищество, имущество общего пользования, земельные участки общего назначения, общая долевая собственность, взносы, коллективное управление.

RYBCHENKO Vage Karenovich,
Postgraduate Student, Department of Judicial Law, Institute of
Legislation and Comparative Law under the Government of
the Russian Federation

Academic Supervisor:
IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor

REAL ESTATE OWNERS ASSOCIATION AS A LEGAL FORM OF COLLECTIVE PROPERTY MANAGEMENT IN GARDENING NON-PROFIT ASSOCIATIONS

Annotation. The article examines a real estate owners association as a civil-law form of collective property management in gardening non-profit associations. The author argues that such an association should not be reduced to a corporate organization serving only its members. Under special legislation, it performs the function of a single territorial and property manager whose decisions affect all holders of land plots within the gardening area. The paper analyzes the legal nature of the association, the relationship between membership and proprietary connection with common-use property, contributions and payments by non-members, and limits of disposal

of common infrastructure. The author concludes that legislation should more clearly distinguish between property owned by the association, common shared property of landowners and managed common use.

Key words: *real estate owners association, gardening non-profit association, common-use property, common-purpose land plots, common shared ownership, contributions, collective management.*

Гражданский кодекс РФ определяет товарищество собственников недвижимости (далее – ТСН) как добровольное объединение собственников недвижимого имущества, созданное для совместного владения, пользования и в установленных законом пределах распоряжения имуществом, находящимся в их общей собственности или общем пользовании [2]. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ конкретизирует эту модель применительно к садоводству и огородничеству [3].

Актуальность исследования обусловлена не только большим числом садоводческих товариществ в России, но и постоянным ростом судебных споров о взыскании взносов, плате лиц, не являющихся членами товарищества, действительности решений общего собрания, доступе к инфраструктуре, передаче сетей, оформлении прав на земли и объекты общего назначения. Наиболее остро проявляется противоречие между добровольностью членства и объективной необходимостью участия собственника участка в расходах на общее имущество.

Садоводческое некоммерческое товарищество (далее – СНТ) является одной из наиболее распространенных и одновременно конфликтных форм коллективной организации частной недвижимости. В пределах одной территории сосуществуют индивидуальные земельные участки, земельные участки общего назначения, дороги, линии электропередачи, водопроводные и иные инженерные сети, объекты охраны, благоустройства и санитарного обслуживания. Нормальное использование каждого индивидуального участка практически невозможно без функционирования этой общей инфраструктуры, однако принадлежность и порядок управления ею далеко не всегда очевидны.

Итак, ТСН относится к некоммерческим корпоративным организациям, но его специфика не исчерпывается наличием членства, устава и органов управления. В отличие от обычной корпорации, основанной преимущественно на объединении лиц, ТСН возникает вокруг недвижимого имущества и общего имущественного интереса собственников. Именно недвижимость, а не личное доверие участников, формирует устойчивую правовую связь между ними.

Поэтому ТСН целесообразно квалифициро-

вать как вещно-корпоративную организацию. Корпоративное начало проявляется в членстве, общем собрании, правлении, председателе, смете, решениях и внутренних документах. Вещно-правовое начало выражается в том, что необходимость объединения обусловлена общим имуществом или имуществом общего пользования, без которого невозможна эксплуатация индивидуальных объектов недвижимости. Такое сочетание предопределяет особый характер прав и обязанностей участников [17; 20].

В садоводческих товариществах вещно-корпоративная природа ТСН проявляется особенно отчетливо. Собственник садового участка формально обладает самостоятельным объектом недвижимости, однако фактически его правомочия зависят от дороги, въезда, сетей, водоснабжения, водоотведения, охраны, пожарной безопасности и иных элементов общего назначения. Следовательно, индивидуальная собственность включена в территориально-инфраструктурную систему. Таким образом, СНТ как разновидность ТСН занимает промежуточное положение между классической корпорацией и управляющим субъектом общей инфраструктуры. Эта двойственная природа требует специального баланса: членство определяет участие в корпоративной воле, а право собственности на участок — имущественное бремя содержания общего имущества.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 217-ФЗ) предусматривает создание товариществ в двух видах: садоводческое некоммерческое товарищество и огородническое некоммерческое товарищество. Оба они создаются в организационно-правовой форме товарищества собственников недвижимости, но обладают специальной целью — содействовать гражданам в ведении садоводства или огородничества для собственных нужд [3].

Специальность СНТ проявляется в нескольких признаках. Во-первых, оно связано с определенной территорией садоводства. Управление не является абстрактным: оно всегда привязано к границам территории, расположению участков, земельным участкам общего назначения и инфра-

структурным объектам. Во-вторых, товарищество создается не для коммерческой эксплуатации территории, а для обеспечения пользования участками и общим имуществом. В-третьих, закон устанавливает особый порядок финансирования деятельности через членские и целевые взносы, а также плату собственников, ведущих садоводство без участия в товариществе [3].

Однако принцип единого управления не означает, что товарищество становится абсолютным обладателем всей инфраструктуры. Оно может быть собственником части имущества, управляющим другой части, представителем собственников в отношении третьей части и фактическим организатором эксплуатации объектов, правовой титул на которые еще не оформлен. Поэтому правосубъектность СНТ должна анализироваться через функцию управления, а не через презумпцию всеобъемлющего права собственности.

СНТ как специальный вид ТСН одновременно является корпорацией членов и инфраструктурным управляющим территории. Из этого следует необходимость разграничения корпоративных вопросов, решаемых членами товарищества, и имущественных вопросов, затрагивающих всех собственников участков. Такая дифференциация пока не получила достаточного развития в законодательстве, что является одной из причин устойчивой конфликтности правоприменения.

Имущество общего пользования в СНТ представляет собой совокупность объектов, предназначенных для обслуживания территории и удовлетворения общих потребностей правообладателей земельных участков. В него могут входить дороги, проезды, инженерные сети, водонапорные сооружения, трансформаторные подстанции, ограждения, ворота, объекты охраны, контейнерные площадки, помещения правления, элементы благоустройства и иные объекты [3]. Особое место занимают земельные участки общего назначения. Их правовой режим не сводится к обычному обороту земельных участков, поскольку они функционально предназначены для прохода, проезда, размещения объектов снабжения, благоустройства, охраны, отдыха и иных общих нужд. Изменения законодательства 2025 г. дополнительно актуализировали вопрос о корректной терминологии и допустимых режимах использования таких земель [6].

Закон № 217-ФЗ закрепляет модель, при которой недвижимое имущество общего пользования, созданное или приобретенное после вступления закона в силу, принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам садовых или огородных земельных участков пропорционально площади этих участков, если иное не предусмотрено законом [3]. Эта модель направ-

лена на защиту инфраструктуры от отрыва от индивидуальных участков и от рисков отчуждения имущества самим юридическим лицом. В результате в одном СНТ могут сосуществовать несколько правовых режимов: имущество, принадлежащее товариществу как юридическому лицу; имущество в общей долевой собственности собственников участков; объекты, находящиеся в публичной собственности; сети, принадлежащие ресурсоснабжающим организациям; фактически используемое имущество с незавершенным оформлением прав. Именно это смешение является главным источником споров о взносах, ремонте, доступе и распоряжении.

На наш взгляд, принципиально важно различать имущество товарищества и имущество общего пользования. Имущество товарищества включает денежные средства, инвентарь, оборудование, договорные права, транспорт, офисную технику. Имущество общего пользования — это функциональная инфраструктура территории. Не всякий актив СНТ является объектом общего пользования, и не всякий объект общего пользования принадлежит СНТ.

Центральная проблема правового режима СНТ состоит в разграничении членства и права собственности на земельный участок. Членство является добровольным: собственник вправе вступить в товарищество, выйти из него или вести садоводство без участия в товариществе. Но выход из корпоративной связи не устраняет вещно-инфраструктурной связи участка с общей территорией.

Член товарищества обладает корпоративными правами: участвует в общем собрании, избирает органы управления, знакомится с документами, обжалует решения, несет обязанность по уплате взносов. Лицо, ведущее садоводство без участия в товариществе, не приобретает полного объема корпоративных прав, но обязано участвовать в расходах на приобретение, создание, содержание имущества общего пользования, текущий и капитальный ремонт соответствующих объектов, а также на работы и услуги товарищества по управлению таким имуществом [3].

Верховный Суд РФ в практике 2025–2026 гг. последовательно подтверждает, что отсутствие членства не освобождает собственника участка от участия в расходах на общее имущество. В деле № 78-КГ25-31-К3 Верховный Суд РФ прямо сослался на ч. 3 ст. 5 Закона № 217-ФЗ, предусматривающую обязанность лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе, вносить плату за содержание имущества общего пользования и управление им [10]. Аналогичная правовая логика выражена и в определении по делу № 41-КГ26-3-

К4 [11]. Однако плата нечлена товарищества не является членским взносом в строгом корпоративном смысле. Она возникает не из членства и не из устава как внутреннего акта корпорации, а из закона и факта нахождения участка в пределах территории садоводства. Поэтому такая плата должна быть проверяема по назначению, размеру и экономическому обоснованию.

Особо следует разграничивать задолженность по плате и ответственность за просрочку. Верховный Суд РФ в деле № 5-КГ25-65-К2 указал на недопустимость автоматического взыскания пеней с лица, не являющегося членом ТСН, если соответствующая мера ответственности основана на уставе товарищества [8]. Та же идея выражена в определении № 39-КГ25-1-К1: уставная ответственность за несвоевременную уплату взносов адресована членам товарищества и не может механически распространяться на иных собственников [9]. Следовательно, правовая модель должна строиться на двух формулах: собственник участка несет бремя участия в расходах на общее имущество, но не подчиняется корпоративным санкциям за пределами прямого указания закона или заключенного соглашения.

Управление СНТ осуществляется через систему органов: общее собрание членов товарищества, правление, председателя, ревизионную комиссию или ревизора. Центральное место занимает общее собрание, поскольку оно утверждает устав, избирает органы, принимает смету, определяет размер и порядок внесения взносов, принимает решения о создании, приобретении, ремонте, передаче и использовании имущества общего пользования [3].

Общее собрание в СНТ выполняет не только корпоративную, но и имущественно-управленческую функцию. Его решения непосредственно влияют на дороги, сети, охрану, вывоз отходов, водоснабжение, благоустройство и размер платежей. Поэтому к процедуре принятия таких решений должны предъявляться повышенные требования: надлежащее уведомление, точная повестка, кворум, достоверный протокол, финансово-экономическое обоснование и возможность предварительного ознакомления с материалами.

Пределы полномочий общего собрания зависят от правовой природы имущества. Если объект принадлежит товариществу, собрание определяет порядок распоряжения в пределах закона и устава. Если объект находится в общей долевой собственности собственников участков, товарищество не вправе обращаться с ним как с собственным активом юридического лица. Оно может организовывать управление и содержание, но не произвольно изменять вещные права соб-

ственников. Правление и председатель осуществляют текущее управление: заключают договоры, организуют ремонт, ведут учет платежей, взаимодействуют с ресурсоснабжающими организациями и подрядчиками. Однако текущее управление не означает права вводить новые обязательные платежи, устанавливать санкции, ограничивать доступ к участкам или самостоятельно принимать решения, отнесенные законом к компетенции общего собрания.

Практически значимым является вопрос о мерах воздействия на должников. Блокировка проезда, отключение доступа к шлагбауму, запрет въезда подрядчиков или транспорта часто используются как внесудебный способ понуждения к оплате. Такой способ правового поведения нельзя признать корректным. Требования о задолженности должны реализовываться через претензионный и судебный порядок, а не через самовольное ограничение доступа к земельному участку.

Финансовая основа деятельности СНТ формируется за счет членских и целевых взносов, а также платы лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе. Членские взносы предназначены для текущей деятельности и содержания имущества. Целевые взносы устанавливаются для конкретных задач: приобретения, создания, реконструкции, капитального ремонта объектов общего пользования, подготовки документации, оформления прав и иных мероприятий [3].

Смета является ключевым документом, связывающим волю общего собрания с имущественными обязанностями собственников. Если смета составлена формально, без перечня объектов, расчетов и договорной базы, она не выполняет гарантийную функцию. В таком случае платежи воспринимаются собственниками как произвольные, а судебный спор превращается в проверку бухгалтерской дисциплины товарищества.

Судебная практика постепенно усиливает значение финансово-экономического обоснования. Например, в деле № 78-КГ25-31-К3 Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что устав товарищества предусматривал определение размера взносов на основании приходно-расходной сметы и финансово-экономического обоснования, утверждаемых общим собранием [10]. Этот подход заслуживает поддержки: обязанность платить должна быть связана не только с формальным решением, но и с проверяемой экономической логикой.

Минимальный стандарт финансово-экономического обоснования должен включать перечень объектов общего пользования, правовой титул на них, вид расходов, расчетную базу, договоры с подрядчиками, данные о задолженности и

остатках денежных средств, планируемые работы, методику распределения расходов между участками и критерии дифференциации платежей. Отсутствие таких данных должно учитываться судами при оценке обоснованности требований товарищества. Таким образом, финансовая автономия СНТ должна быть ограничена принципами прозрачности, эквивалентности и проверяемости. Товарищество вправе требовать участия в расходах, но обязано раскрывать, за что именно и на каком основании собственник должен платить.

Распоряжение имуществом общего пользования является наиболее чувствительной сферой деятельности СНТ, поскольку оно способно изменить собственника, режим эксплуатации, доступ к объекту и степень контроля со стороны правообладателей участков. В отличие от текущего содержания, распоряжение не является обычной хозяйственной операцией; оно затрагивает саму основу территориальной инфраструктуры.

Закон № 217-ФЗ допускает передачу имущества общего пользования в государственную или муниципальную собственность, а также организациям, осуществляющим газоснабжение, теплоснабжение, электроснабжение, водоснабжение и водоотведение. Такая передача возможна при соблюдении специальных условий, включая решение общего собрания и, когда имущество находится в общей долевой собственности, согласие собственников [3].

Особая проблема возникает в отношении имущества, зарегистрированного за товариществом, но созданного за счет взносов граждан и функционально предназначенного для общего пользования. Формальный титул юридического лица не должен превращать такое имущество в свободный актив, который можно отчуждать без учета интересов правообладателей участков. Необходимо закрепить презумпцию целевого режима имущества общего пользования.

Содержание такой презумпции может быть следующим: объект, созданный, приобретенный или используемый для обеспечения нужд собственников участков в границах территории садоводства, не может быть отчужден, обременен или использован способом, препятствующим его общему назначению, независимо от того, зарегистрировано ли право собственности за товариществом или за собственниками участков.

Рассмотрим некоторые проблемы законодательного регулирования СНТ как специального вида ТСН.

Первая (системная) проблема состоит в неопределенности правовых титулов. Многие дороги, сети, площадки, сооружения и земельные участки общего назначения фактически исполь-

зуются, но не поставлены на кадастровый учет или не имеют зарегистрированного права. Это затрудняет ремонт, передачу, страхование, реконструкцию, судебную защиту и взыскание расходов. Необходим обязательный реестр имущества общего пользования территории садоводства. Такой реестр должен содержать наименование объекта, кадастровый номер при наличии, местоположение, назначение, техническое состояние, правовой титул, собственника, основание возникновения права, сведения о регистрации, лицо, ответственное за содержание, и источник финансирования. Реестр должен утверждаться общим собранием и ежегодно актуализироваться.

Вторая проблема - недостаточная вовлеченность лиц, не являющихся членами товарищества, в решение имущественных вопросов. Если лицо обязано участвовать в расходах на содержание общего имущества, оно должно иметь эффективный доступ к информации и возможность выражать позицию по вопросам сметы, капитального ремонта, передачи имущества, заключения долгосрочных договоров управления и изменения режима пользования земельными участками общего назначения. Представляется перспективной модель раздельной компетенции. Чисто корпоративные вопросы - избрание органов, изменение устава, прием и исключение членов - должны решаться членами товарищества. Имущественные вопросы, влияющие на состав общего имущества, размер платы и режим инфраструктуры, должны обсуждаться с участием всех правообладателей участков, для которых соответствующие решения создают имущественные последствия.

Третья проблема - слабая публичная достоверность решений общего собрания. Необходимо развивать электронный архив протоколов, смет, финансово-экономических обоснований, договоров и отчетов. Цифровой реестр членов и правообладателей участков, электронные уведомления и дистанционное голосование способны снизить риск фальсификаций и повысить доступность информации. При этом должна сохраняться возможность бумажного доступа для лиц, не использующих электронные средства.

В заключение отметим, что ТСН в форме СНТ является вещно-корпоративной формой коллективного управления недвижимостью. Его специфика состоит в соединении добровольного членства, индивидуальной собственности на земельные участки и объективной необходимости совместного содержания инфраструктуры территории.

Главный теоретический вывод заключается в том, что СНТ нельзя сводить ни к обычной корпорации членов, ни к управляющей компании. Оно

является специальным частноправовым институтом, который обеспечивает функционирование общего имущества и одновременно действует через корпоративные органы. Членство определяет участие в корпоративной воле, а право собственности на участок - участие в имущественном бремени общего пользования.

Имущество общего пользования в СНТ имеет смешанный режим. Оно может принадлежать товариществу, собственникам участков на праве общей долевой собственности, публично-правовым образованиям или специализированным организациям. Однако во всех случаях его целевое назначение должно сохраняться: обеспечение нормального использования территории садоводства и индивидуальных участков. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на повышение определенности и прозрачности: обязательный реестр имущества общего пользования, стандарт финансово-экономического обоснования платежей, более четкое участие нечленов товарищества в имущественных решениях, цифровой архив документов, специальные правила ответственности за просрочку платы и гарантии сохранения целевого назначения инфраструктуры.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [3] О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31. Ст. 4766.
- [4] О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ст. 4344.
- [5] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.
- [6] О внесении изменений в Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 353-ФЗ // Российская газета. 2025. 8 авг.
- [7] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
- [8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 июля 2025 г. № 5-КГ25-65-К2. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=861032> (дата обращения: 19.05.2026).
- [9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2025 г. № 39-КГ25-1-К1. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=856202> (дата обращения: 19.05.2026).
- [10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2025 г. № 78-КГ25-31-К3. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=872567> (дата обращения: 19.05.2026).
- [11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 марта 2026 г. № 41-КГ26-3-К4. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=883666> (дата обращения: 19.05.2026).
- [12] Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, за 2010–2013 годы: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 2 июля 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 11.
- [13] Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
- [14] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. 960 с.
- [15] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. 576 с.
- [16] Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 1. 976 с.
- [17] Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: Статут, 2017. 80 с.

[18] Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.

[19] Качалова А. В. Новое в правовом регулировании организации и деятельности товариществ собственников недвижимости // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 57–68.

[20] Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Некоторые аспекты правового регулирования товариществ собственников недвижимости // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 28–30.

[21] Филипенко Н. В. Оформление имущества общего пользования садоводческого некоммерческого товарищества в общую долевую собственность граждан: проблемы правового регулирования // Арбитражные споры. 2025. № 4.

[22] Гонгало Б. М. Гражданское право: избранные труды. М.: Статут, 2019. 512 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25; 2020. July 4.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] On the conduct of gardening and vegetable gardening by citizens for their own needs and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 29, 2017 No. 217-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31. Art. 4766.

[4] On State Registration of Real Estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29. Article 4344.

[5] Land Code of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 2001 No. 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Article 4147.

[6] On Amendments to the Federal Law "On Citizens' Gardening and Vegetable Gardening for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2025 No. 353-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2025. August 8.

[7] On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

[8] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 1, 2025, No. 5-KG25-65-K2. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=861032> (date accessed: May 19, 2026).

[9] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 20, 2025, No. 39-KG25-1-K1. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=856202> (date of access: 19.05.2026).

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 2, 2025 No. 78-KG25-31-K3. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=872567> (date of access: 19.05.2026).

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2026 No. 41-KG26-3-K4. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=883666> (date of access: 19.05.2026).

[12] Review of judicial practice on issues arising in the consideration of cases related to gardening, vegetable gardening and dacha non-profit associations, for 2010-2013: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 2, 2014 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 11.

[13] Sukhanov E. A. Property Law: Scientific and Educational Essay. Moscow: Statut, 2017. 560 p.

[14] Russian Civil Law: Textbook: in 2 volumes. Volume 1: General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Property Rights. Personal Non-Property Rights / ed. E. A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2019. 960 p.

[15] Civil Law: Textbook: in 4 volumes. Vol. 1: General Part / ed. E. A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2020. 576 p.

[16] Corporate Law: Study Course: in 2 volumes / ed. I. S. Shitkina. Moscow: Statut, 2018. Vol. 1. 976 p.

[17] Bezenko R. S. Land Plot with Buildings on It: Introduction to Russian Real Estate Law. Moscow: Statut, 2017. 80 p.

[18] Sklovsky K. I. Property in Civil Law. 5th ed., revised. Moscow: Statut, 2010. 893 p.

[19] Kachalova A. V. New in the Legal Regulation of the Organization and Activities of Real Estate Owners' Associations // Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 6. pp. 57–68.

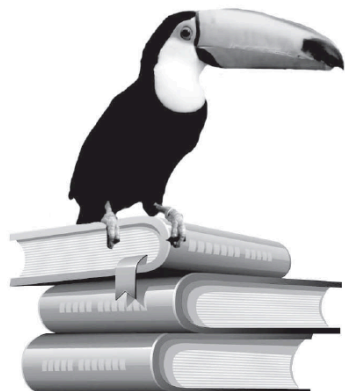
[20] Zakharova O. N., Epifantseva T. Yu. Some

Aspects of Legal Regulation of Real Estate Owners' Associations // Family and Housing Law. 2025. No. 2. pp. 28–30.

[21] Filipenko N. V. Registration of Common Property of a Gardening Non-Commercial Partnership

as Common Shared Ownership of Citizens: Problems of Legal Regulation // Arbitration Disputes. 2025. No. 4.

[22] Gongalo B. M. Civil Law: Selected Works. Moscow: Statut, 2019. 512 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-514-519

ВЕРБИЦКАЯ Юлия Витальевна,
адвокат,
преподаватель кафедры интеллектуальной собственности,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
e-mail: julverbickaya@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БИОТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТА ЧАСТНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой охраны биотехнологических решений в контексте частно-правового регулирования и биоэтических ограничений. Анализируется место биотехнологий как объекта гражданско-правовой охраны, раскрывается значение патента как основного механизма закрепления исключительных прав на результаты биотехнологической деятельности и их коммерциализации. Особое внимание уделено пределам правовой охраны результатов генетических исследований, связанным с публичным интересом и принципами гуманности и морали.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исключительное право; патент; изобретение; генетическая информация; ген; патентование гена; ноу-хау; биотехнологии.

VERBITSKAYA Yulia Vitalievna,
lawyer, Lecturer at the Department of Intellectual Property
A.S. Griboyedov Moscow University

FEATURES OF LEGAL PROTECTION OF BIOTECHNOLOGY AS AN OBJECT OF PRIVATE LAW REGULATION

Annotation. The article discusses the problems of legal protection of biotechnological solutions in the context of private law regulation and bioethical restrictions. It analyzes the place of biotechnology as an object of civil law protection and reveals the significance of a patent as the main mechanism for securing exclusive rights to the results of biotechnological activities and their commercialization. Special attention is paid to the limits of legal protection of the results of genetic research, which are related to public interest and the principles of humanity and morality.

Key words: intellectual property; exclusive right; patent; invention; genetic information; gene; gene patenting; know-how; biotechnology.

В современном мире под биотехнологиями принято понимать использование живого организма в промышленных и научных целях, для производства полезных, обычно коммерческих продуктов, с целью улучшения качества жизни человека. Мышак Е.А. отмечает многообразие дефиниционных вариаций данного термина в его словарном проявлении, и подчеркивает необходимость формирования окончательного унифицированного понятия для практического применения [9].

За последние годы биотехнологии вошли в число самых инновационных и перспективных секторов мировой экономики, развитие которых вносит значительный вклад в решение таких глобальных проблем, как мировой голод, изменение климата, продолжительность жизни.

Так, в 2023 году объем мирового рынка биотехнологий составил 1,38 триллиона долларов США, в 2024 году – 1,55 триллиона долларов США, по прогнозам экономистов тенденция к росту будет сохраняться в ближайшие десять лет и к 2034 году объем мирового рынка биотехнологий составит 4,61 триллиона долларов США [18].

Рост мирового рынка биотехнологий требует детального правового регулирования [11], обеспечивающего не только безопасность использования биотехнологий и биотехнологических исследований, но и соблюдение морально-этических аспектов, а так же защиту капиталовложений, для обеспечения инвестиционной привлекательности данной сферы экономики.

Единая система правового регулирования

биотехнологий на международном уровне еще не сформировалась. Существует ряд актов, затрагивающих отдельные аспекты обращения биотехнологий, генетических ресурсов, биобезопасности и охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Конвенция ООН о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) стала первым международным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере биотехнологий. В документе закреплены определения основных понятий, используемых в отрасли, таких как «биологическое разнообразие», «биологические ресурсы», «биотехнология», «генетический материал» и т.д.

Под биотехнологией в контексте Конвенции, понимается «любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования» [19]. В то же время, основной текст документа носит декларативный характер, определяющий основные принципы правового регулирования данной сферы, реализация которых предполагает дальнейшую дополнительную совместную работу сторон.

В процессе реализации положений Конвенции в дополнение к ней были разработаны Картахенский протокол по биобезопасности (Монреаль, январь 2000 г.), Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения и Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении за ущерб к Картахенскому протоколу по биобезопасности (Нагое, октябрь 2010 г.). Однако эти документы ратифицировали не все стороны Конвенции, поскольку в процессе проработки положений протоколов обнаружились противоречия в позициях разных государств относительно их содержания. В частности, интересы стран – экспортеров продовольствия не совпадали с интересами государств – импортеров. Так, Щеглова А. М. отмечает, что процесс разработки проекта Картахенского протокола по биобезопасности в итоге шел по пути инкорпорации компромиссных, а порой и противоречащих друг другу формулировок, итоговые формулировки которого в итоге в полной степени не устраивали ни одну из сторон [16]. В результате существующая международная правовая база задает лишь общие ориентиры, на которые должны ориентироваться государства при разработке национальной правовой базы в области биотехнологий. Усманова Е.Ф. констатирует отсутствие консенсуса даже в вопросе используемой в данной сфере термино-

логии [15].

Значимость биотехнологий неизменно растет в фармацевтике, агропромышленном комплексе, промышленном производстве, экологических проектах и медицине [3]. Для каждой из этих сфер характерны высокая стоимость проводимых исследований и длительный временной период от начала разработки до внедрения технологий. Поэтому механизмы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, позволяющие закрепить результаты за конкретным правообладателем, имеют в данных сферах принципиальное значение, для обеспечения возможности возврата вложенных средств и получения прибыли. Таким образом, биотехнологии выступают не только в качестве объекта публично-правового контроля, связанного с вопросами безопасности и биоэтики, но и в качестве объекта частноправового регулирования, в рамках которого решаются вопросы принадлежности результатов интеллектуальной деятельности, их передачи, лицензирования и защиты интересов участников инновационной деятельности.

Как объект частноправового регулирования биотехнологии неоднородны. Например к ним относятся способы редактирования генома, технологии клеточной терапии, ферментации, моноклональные антитела, вакцины, и иные технические результаты, возникающие на стыке биологии, медицины, химии и технологии [1]. С правовой точки зрения этим обусловлено отсутствие единого режима охраны для всех результатов биотехнологической деятельности: часть из них может охраняться как изобретения, часть — как селекционные достижения, часть — как секреты производства (ноу-хау), а отдельные результаты — только в рамках авторского права на научные произведения. При этом одна и та же технология может иметь кумулятивную охрану, то есть одновременно охраняться несколькими режимами (например, как объект авторского и патентного права) [6].

В системе частноправовых средств защиты результатов биотехнологической деятельности патент занимает центральное место, поскольку именно он удостоверяет «приоритет, авторство и исключительное право на использование объекта интеллектуальной (промышленной) собственности» [5]. Для сферы биотехнологий это особенно важно из-за наукоёмкости и дороговизны исследований. Щербакова А. В. называет возможность получения патента на биотехнологию — гарантией привлечения финансирования для разработчиков [17]. Правообладателем патента в сфере биотехнологий может быть как сам автор разработки, так и иное лицо, к которому право на получение патента перешло на законном основании. Биотех-

нологические исследования обычно осуществляются не индивидуально, а коллективно в рамках деятельности научных организаций, университетов, фармацевтических компаний, стартапов или инвестиционных проектов. В результате автором решения может выступать коллектив исследователей, а правообладателем патента — работодатель, заказчик исследования, инвестор либо иное лицо, получившее соответствующие права в силу договора или закона.

Правовая охрана патента распространяется на территории государства, в котором патент получен. Единого международного патента не существует. Однако в некоторых межгосударственных объединениях действуют региональные патенты (например, евразийский патент (действует в восьми странах СНГ) или европейский патент (в странах Европейской патентной конвенции). Ковалёв В. В. отмечает, что для расширения территории действия патента в международной практике распространены патентные соглашения и «патентные пулы», как инструменты монополизации рынка, формально противозаконные, но широко используемые крупными корпорациями [5]. При этом Гавриков М. Д. относит «патентные пулы» к числу форм коллективного управления патентными, сложившихся за более чем двухвековую историю существования патента [4].

Патентная охрана биотехнологических решений не может оцениваться на общих основаниях, исключительно через призму их экономической ценности или технологической новизны. В отличие от иных объектов патентного права биотехнологии непосредственно затрагивают живые организмы, человеческий биоматериал, репродуктивные процессы, генетическую информацию и т.д., что требует учета как частноправовых так и этических норм.

Исторический опыт XX века показал, что научный результат, полученный вне гуманистических и правовых рамок, не может автоматически признаваться социально допустимым и претендовать на получение правовой охраны. В научной литературе основная дискуссия ведется вокруг поиска баланса между потенциальной пользой биотехнологий и рисками непредсказуемых последствий, которые несут в себе генетические манипуляции. Встает вопрос о защите интересов будущих поколений, которые столкнутся с последствиями генетических экспериментов, не имея возможности дать информированное согласие или отказаться от вмешательства [13, 14].

В ч. 4 ст. 1349, ч. 2 ст. 1419 ГК РФ содержится запрет на предоставление правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, противоречащим принципам гуманности и

морали. При этом содержание этих принципов в законодательстве не раскрывается. Рассматривая данный вопрос, Латынцев А. В. относит принципы биоэтики к нетрадиционным источникам права, и отмечает необходимость конкретизации частных случаев их практического применения в законодательстве [8]. ГК РФ содержит прямой запрет на патентование способов клонирования человека, способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, а также использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях [20]. В остальных случаях вопрос о предоставлении правовой охраны той или иной биотехнологии решается в соответствии с принципами гуманности и морали, что, по мнению Латынцева А. В., может «приводить на практике в ряде случаев к субъективным и весьма спорным выводам» [8].

Широкое разнообразие видов биотехнологий породило множество классификаций. Наиболее известная в мировом научном сообществе типология Риты Колвел (Dr.R. Colwell) основанная на цветах, где каждому цвету соответствует определенная отрасль (красному — биомедицина, зеленому — сельскохозяйственные биотехнологии и т.д.). За двадцать три года существования типологии трактовка традиционных цветов претерпела незначительные изменения, а их количество выросло с трех до десяти [7]. Понкин И. В. предложил классификацию биологических патентов на три группы: объекты (модифицированные клетки, молекулы полинуклеиновых кислот, последовательности изолированного гена и др.), методы и технологии (способы выделения, производства, обработки или использования биологических объектов), комбинации (совокупности методов, технологий, изобретений и т.д.) [10, 12]. Стоит отметить, что в классификацию Понкина И. В. попадают только патентоспособные биотехнологии, отвечающие требованиям, предъявляемым законом для данного вида правовой охраны.

При этом вопрос о возможности патентования отдельных видов биотехнологий, обладающих особой экономической ценностью в разных странах решается по-разному. К таким биотехнологиям можно отнести гены и генетические последовательности нуклеотидов.

Анализ мировой практики позволяет выделить две основные модели патентной охраны генетических последовательностей: абсолютная (охрана вещества без каких-либо ограничений) и ограниченная (ограниченная назначением вещества или соединения, или его биологически активными свойствами). Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А. отмечают мировую тенденцию к отказу от абсолютной модели патентной охраны генетиче-

ских последовательностей в пользу ограниченной [10]. В отдельных государствах (Франция, Германия) законодательство прямо исключает возможность предоставления абсолютной охраны таким веществам. Так, согласно Кодексу интеллектуальной собственности Франции указано, что «объём формулы изобретения, относящегося к последовательности генов, ограничен той частью последовательности, которая непосредственно связана с конкретной функцией, конкретно раскрытой в описании» [21]. В США механизм ограничений реализуется через судебную практику [2]. Российское законодательство не содержит прямой нормы о запрете абсолютной защиты генетических последовательностей — ограничение выводится косвенно через требования к формуле изобретения. То есть, в силу ч. 2 ст. 1354 ГК РФ охрана патенту предоставляется в объёме формулы, а формула изобретения обязана содержать функцию [22] [10]. Таким образом, другие участники рынка могут продолжать исследования, а открытие новой функции запатентованной последовательности или гена даёт им право на оформление зависимого патента.

Двойственная природа гена остается предметом дискуссий о его патентоспособности. Ген состоит из генетической информации и материального носителя. В силу п. 6 ч. 5 ст. 1350 ГК РФ, информация сама по себе не может быть патентоспособным изобретением. Аналогичное положение содержит Европейская патентная конвенция [23]. Принцип непатентоспособности информации является одним из юридических препятствий для охраны генов как объектов исключительных прав. Однако в международной правоприменительной практике к оценке патентоспособности генов был выработан следующий подход: гены как вещество патентоспособны при наличии описания технологического процесса их производства и одновременном раскрытии в формуле новой технической функции (нового пути к промышленному производству, нового препарата и т.д.) [10]. Без этих двух элементов простое описание нуклеотидной последовательности представляет собой открытие, непатентоспособное в силу положений ч. 5 ст. 1350 ГК РФ и аналогичных норм в иных юрисдикциях.

Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А. отмечают, что генетическая информация в совокупности с иными сведениями может относиться к способам осуществления профессиональной деятельности (проведение исследований, изготовление медицинских препаратов) [10]. В этом случае, при невозможности получения патента на биотехнологию или нежелании автора раскрывать свое техническое решение, отечественное законодательство

допускает охрану такой разработки в порядке, предусмотренном гл. 75 ГК РФ, как ноу-хау. В сравнении с ноу-хау при патентной охране учитываются интересы и общественности (раскрытие новых знаний) и изобретателя (получение временной монополии). При режиме ноу-хау этот баланс нарушается: общество лишается доступа к информации на неопределённый срок.

Первым документом ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), рассматривающим генетические ресурсы и традиционные знания, связанные с генетическими ресурсами, через призму права интеллектуальной собственности, является Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами (Женева, май 2024 г.). В документе закреплены определения терминов «генетический материал», «генетические ресурсы», «источники генетических ресурсов», «условия in-situ» и др., а так же предусмотрены меры, направленные на предотвращение ошибочной выдачи патентов на изобретения, которые не являются новыми или не имеют изобретательского уровня относительно таких генетических ресурсов и традиционных знаний. В то же время, как отмечают Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А., данный документ является процедурным, а не материально-правовым [10], и не направлен на приведение к единообразию условий предоставления правовой охраны биотехнологиям.

Подводя итоги, стоит отметить, что биотехнологии — стратегически значимый и стремительно растущий сектор мировой экономики. Стремительное развитие данной сферы требует правового регулирования, одновременно обеспечивающего безопасность использования биотехнологий, соблюдения биоэтики и учет общественного интереса, а так же защиту капиталовложений и инвестиционную привлекательность данной отрасли. Патентование является основной формой частно-правовой охраны биотехнологий, позволяющей наиболее полно обеспечить баланс между общественными интересами, и интересами бизнеса. При этом, несмотря на мировую тенденцию к ужесточению требований, предъявляемых к геномным биотехнологиям при решении вопроса о возможности выдачи патента, условия оценки соответствия таких решений общим критериям патентоспособности, устанавливаемые на национальном уровне остаются различными.

Список литературы:

- [1] Ахмедова Г. Современные методы биотехнологии / Г. Ахмедова, Ш. Маммедова, Г. Аннаева, Г. Овезмырадова // Инновационная

наука. — 2024. — № 10-2-2. С. 11–13.

[2] Борулёва Е. Д. Патентование генома человека и изобретений, основанных на геноме человека: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского Союза, англосаксонских стран и стран БРИКС / Е. Д. Борулёва // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 1 (47), март. — С. 96–107.

[3] Волова Л. Т. Проблемы правового регулирования отношений в сфере медицинских тканевых технологий в Российской Федерации / Л. Т. Волова, Н. А. Максименко М. В. Левина // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 3. С. 97–109.

[4] Гавриков М. Д. Патентное право и конкурентные отношения в бизнесе: вызовы и возможности / М. Д. Гавриков // Вестник ФИПС. — 2023. — № 2 (4). С. 32–36.

[5] Ковалёв В. В. Понятие и содержание гражданско-правового регулирования патентного права, охраны и защиты патентных прав / В. В. Ковалёв // Право и управление. — 2023. — № 5. С. 199–204.

[6] Королёва А. Г. От демаркации к частичной кумуляции: эволюция подходов Великобритании к соотношению форм правовой охраны объектов промышленного дизайна / А. Г. Королёва // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума) : в 2 т. — М. : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — Т. 1. — С. 202–204.

[7] Кудрявцева О. В. Типология биотехнологий и место в ней Российской биоэнергетической отрасли / О. В. Кудрявцева, Е. Ю. Яковлева, М. В. Вильт // Вестник ГУУ. — 2014. — № 13. С. 123–132.

[8] Латынцев А. В. Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности / А. В. Латынцев // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 12 (169). С. 57–67.

[9] Мышак Е. А. Специфика дефиниции термина «Биотехнология» / Е. А. Мышак // Studia Humanitatis. — 2018. — № 3. — С. 19.

[10] Новоселова Л. А. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав / Л. А. Новоселова, М. А. Кольздорф // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. С. 290–321.

[11] Останина Е. А. Биобанк как правовая категория / Е. А. Останина // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — № 2. С. 65–70.

[12] Понкин И. В. Патентование в сфере

биотехнологий / И. В. Понкин // Промышленно-торговое право (Беларусь). — 2015. — № 10. — С. 88–91.

[13] Стамбольский Д. В. Информированное согласие на получение и использование клеточного материала человека: нормативно-правовое и этическое регулирование / Д. В. Стамбольский, Е. В. Брызгалина, А. Ю. Ефименко [и др.] // Российский кардиологический журнал. — 2018. — № 12. С. 84–90.

[14] Тищенко П. Биоэтика и биотехнологическое освоение будущего / П. Тищенко, О. Попова, Р. Белялетдинов // Философско-литературный журнал «Логос». — 2025. — № 5. С. 11–49.

[15] Усманова Е. Ф. Правовая регламентация проведения генетических исследований / Е. Ф. Усманова, М. С. Митькина // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 6 (234). С. 148–151.

[16] Щеголева А. М. История разработки и принятия Картахенского протокола по биобезопасности 2000 г.: travaux préparatoires / А. М. Щеголева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 2. С. 300–310.

[17] Щербакова А. И. Биотехнологии и патентное право: опыт Европейского союза // Цифровое право. — 2023. № 4 (2). С. 64–72.

[18] Patil R. Biotechnology Market Size, Share and Trends 2026 to 2035 [Объем, доля и тенденции развития рынка биотехнологий с 2026 по 2035 год] // Driving Success: Powered by Insights [Движущая сила успеха: на основе инсайтов]. [сайт]. 2025. URL: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market> (дата обращения: 03.07.2026). (на Англ.).

[19] См. абз. 4 ст. 2 Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.).

[20] См. ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

[21] См. ст. L613-2-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции.

[22] См. Приказ Минэкономразвития России от 25.05.2026 г. № 316.

[23] См. лит. d абз. 2 ст. 52 Европейской патентной конвенции.

References:

[1] Akhmedova G. Modern methods of biotechnology/G. Akhmedova, Sh. Mammedova, G. Annaev, G. Ovezmyradova // Innovative science. — 2024. — № 10-2-2. S. 11-13.

[2] Boruleva E. D. Patenting of the human genome and inventions based on the human genome: comparative legal analysis of the approaches of the European Union, Anglo-Saxon countries and BRICS countries/E. D. Boruleva // Journal of the Intellectual

- Property Court. — 2025. - No. 1 (47), March. - S. 96-107.
- [3] Volova L.T. Problems of legal regulation of relations in the field of medical tissue technologies in the Russian Federation/L.T. Volova, N.A. Maksimenko M.V. Levina // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. — 2024. — № 3. S. 97-109.
- [4] Gavrikov M. D. Patent law and competitive relations in business: challenges and opportunities/ M. D. Gavrikov // FIPS Bulletin. — 2023. — № 2 (4). S. 32-36.
- [5] Kovalev V.V. Concept and content of civil regulation of patent law, protection and protection of patent rights/V.V. Kovalev // Law and management. — 2023. — № 5. PP. 199-204.
- [6] Koroleva A. G. From demarcation to partial cumulation: the evolution of UK approaches to the ratio of forms of legal protection of industrial design objects/A. G. Koroleva // Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice: collection of materials of the X International Legal Forum (IP Forum): in 2 volumes - M.: Publishing Center of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law University A), 2022. - VOL. 1. - S. 202-204.
- [7] Kudryavtseva O. V. Typology of biotechnology and the place in it of the Russian bioenergy industry/O. V. Kudryavtseva, E. Yu. Yakovleva, M. V. Wilt // Bulletin of GUU. — 2014. — № 13. S. 123-132.
- [8] Latyntsev A. V. Principles of bioethics as unconventional sources of intellectual property law/ A. V. Latyntsev // Actual problems of Russian law. — 2024. — № 12 (169). S. 57-67.
- [9] Myshak E. A. Specificity of the definition of the term "Biotechnology "/E. A. Myshak // Studia Humanitatis. — 2018. — № 3. - S. 19.
- [10] Novoselova L. A. Genetic information as an object of intellectual rights/L. A. Novoselova, M. A. Kolzendorf // Bulletin of Perm University. Legal sciences. — 2020. — № 48. S. 290-321.
- [11] Ostanina E. A. Biobank as a legal category/ E. A. Ostanina // Legal Bulletin of Samara University. — 2023. — № 2. S. 65-70.
- [12] Ponkin I.V. Patenting in the field of biotechnology/I.V. Ponkin // Industrial and Commercial Law (Belarus). — 2015. — № 10. - S. 88-91.
- [13] D.V. Stambolsky. Informed consent to receive and use human cell material: regulatory and ethical regulation/D.V. Stambolsky, E.V. Bryzgalina, A. Yu. Efimenko [et al.] // Russian Journal of Cardiology. — 2018. — № 12. S. 84-90.
- [14] Tishchenko P. Bioethics and biotechnological development of the future/ P. Tishchenko, O. Popova, R. Belyaletdinov // Philosophical and literary journal "Logos." — 2025. — № 5. S. 11-49.
- [15] Usmanova E.F. Legal Regulation of Genetic Research/E.F. Usmanova, M.S. Mitkin // Law and State: Theory and Practice. — 2024. — № 6 (234). S. 148-151.
- [16] A. M. Shchegoleva. History of the development and adoption of the Cartagena Protocol on Biosafety 2000: travaux préparatoires/ A. M. Shchegoleva // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. — 2014. — № 2. S. 300-310.
- [17] Shcherbakova A.I. Biotechnology and patent law: the experience of the European Union // Digital law. — 2023. № 4 (2). S. 64-72.
- [18] Patil R. Biotechnology Market Size, Share and Trends 2026 to 2035 // Driving Success: Powered by Insights. [site]. 2025. URL: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market> (дата обращения: 03.07.2026). (in English).
- [19] See art. 2 para. 4 of the Convention on Biological Diversity (Rio de Janeiro, June 1992).
- [20] See Part 4, Article 1349 of the Civil Code of the Russian Federation.
- [21] See Article L613-2-1 of the French Intellectual Property Code.
- [22] See Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 316 dated 25.05.2026.
- [23] See Ref. d par. 2 Art. 52 of the European Patent Convention.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-520-526

СТЕПАНОВ Максим Александрович,
аспирант юридического факультета, Московский
университет «Синергия», Москва,
e-mail: stmks@yandex.ru

Научный руководитель:
ИШЕКОВ Константин Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры фундаментальных юридических и
социально-гуманитарных дисциплин,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕНЕЖНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОНКУРСНОЙ МАССЫ ПРИ НЕРАВНОЦЕННОМ ОТЧУЖДЕНИИ ВЕЩИ ДОЛЖНИКОМ: УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ СДЕЛКИ

Аннотация. Исследуются условия сохранения возмездной сделки по отчуждению вещи должника после установления неравноценности встречного исполнения на основании пункта 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Внесения ценовой разницы недостаточно: при реституции вещь возвращается в конкурсную массу и возникает требование приобретателя о возврате цены, участвующее в распределении. Цель исследования состоит в обосновании денежной альтернативы реституции и определении условий, при которых после предварительного внесения платежа сделка может быть сохранена, а расчетная сумма удовлетворения требований, не связанных с ее недействительностью, будет не ниже, чем при реституции. Формально-юридический, системный и сравнительно-правовой анализ охватывает российскую судебную практику, доктрину и право Канады и США, а также Директиву (ЕС) 2026/799. Сопоставление научных подходов показывает, что доплата и влияние требования приобретателя на распределение рассматриваются раздельно, без предварительного сравнения реституции и сохранения сделки. Научная новизна исследования заключается именно в соединении ценового и распределительного критериев: первый сохраняет реальную величину недоплаты, второй не допускает ухудшения положения независимых кредиторов по сравнению с реституцией. Предлагается единый предварительный платеж, равный большему из индексированного ценового и распределительного порогов. Модель рассчитана на сохранившуюся индивидуально-определенную вещь, находящуюся у первоначального добросовестного приобретателя, который полностью уплатил цену. Ее применение исключается, если два варианта нельзя достоверно сопоставить, сохранение сделки уменьшает удовлетворение хотя бы одного независимого требования либо после полного расчета с независимыми кредиторами сокращает остаток конкурсной массы. При сохранении сделки предусмотренное пунктом 3 статьи 61.6 требование приобретателя о возврате цены не возникает.

Ключевые слова: банкротство; оспаривание сделок; неравноценное встречное исполнение; конкурсная масса; реституция; требование приобретателя; денежный платеж; распределительный порог.

STEPANOV Maksim Aleksandrovich,
Postgraduate Student, Faculty of Law, Moscow University
"Synergy", Moscow, Russia

Supervisor:
ISHEKOV Konstantin Anatolyevich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department
fundamental legal and social and humanitarian disciplines

MONETARY RESTORATION OF THE INSOLVENCY ESTATE AFTER A DEBTOR'S TRANSFER OF A TANGIBLE ASSET AT AN UNDERVALUE: CONDITIONS FOR PRESERVING THE TRANSACTION

Annotation. *The article examines when a debtor's onerous transfer of a tangible asset may be preserved after a finding of inadequate consideration under Article 61.2(1) of the Russian Insolvency Law. A price top-up alone is insufficient: restitution returns the asset and creates the transferee's claim for repayment, which affects distribution. The study aims to justify a monetary alternative to restitution and determine the conditions under which, following an advance payment, the transaction may be preserved while the calculated recovery on claims unrelated to its invalidity is no lower than under restitution. Formal legal, systemic and comparative analysis covers Russian case law, scholarship, Canadian and US law, and Directive (EU) 2026/799. The literature supports top-ups and recognizes the distributional effect of the transferee's claim, but does not combine them in an ex ante comparison of restitution and preservation. The proposed advance payment equals the greater of an indexed price threshold and a distribution threshold. The former preserves the shortfall; the latter prevents independent claims from receiving less than under restitution. The model applies to an existing, identifiable asset held by the good-faith initial transferee who paid the price in full. It is unavailable if the scenarios cannot be reliably compared or the preservation scenario worsens the recovery of any independent claim or, after their full payment, reduces the residual estate. If the transaction remains effective, no repayment claim arises under Article 61.6(3).*

Key words: *insolvency; avoidance actions; manifestly inadequate consideration; insolvency estate; restitution; transferee's claim; monetary payment; distribution threshold.*

Введение

Оспаривание неравноценных сделок в деле о банкротстве направлено на восстановление конкурсной массы и защиту общего интереса кредиторов, однако признание сделки недействительной не всегда является единственным способом достижения этой цели. Если отчужденная вещь сохранилась у приобретателя, возникает вопрос, можно ли оставить ее у него при условии внесения суммы, обеспечивающей конкурсной массе и кредиторам результат не хуже, чем при реституции. Для ответа необходимо разграничить основание оспаривания и последствия его установления.

Основание для оспаривания определено пунктом 1 статьи 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) [6]. Сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании его банкротом или после принятия такого заявления, может быть признана недействительной при неравноценном встречном исполнении. В частности, о неравноценности может свидетельствовать существенное отклонение цены или иных условий сделки в худшую для должника сторону от цены или условий аналогичных сделок, совершаемых в сравнимых обстоятельствах. В отличие от основания, предусмотренного пунктом 2 этой статьи, оно носит объективный характер и не требует доказывания цели причинить вред кредиторам либо осведомленности другой стороны. Только после установления неравноценности возникает вопрос

о последствиях сделки и возможной денежной альтернативе реституции.

В научной литературе доплата до рыночной стоимости и влияние требования приобретателя на конкурсное распределение исследуются раздельно [1, с. 117-123; 3, с. 97-98; 4, с. 39-40]. Поэтому остается нерешенным вопрос о размере платежа, который позволил бы сохранить сделку без ухудшения положения кредиторов по сравнению с реституцией. Предмет исследования составляют последствия обоих вариантов для конкурсной массы и требований, не связанных с недействительностью сделки.

Цель исследования состоит в том, чтобы обосновать денежную альтернативу реституции и определить условия, при которых предварительный платеж позволяет сохранить сделку, не уменьшая по сравнению с реституцией расчетную сумму удовлетворения требований, не связанных с ее недействительностью. Для этого последствия реституции и сохранения сделки сопоставляются с применением формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов. Исследование ограничено возмездным отчуждением сохранившейся индивидуально-определенной вещи, оспариваемым по пункту 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, если первоначальный добросовестный приобретатель полностью уплатил денежную цену. Для таких сделок предлагается платеж, учитывающий первоначальную недоплату и результат конкурсного распределения.

Пределы действующего регулирования и

обоснование денежной альтернативы

Основное препятствие для простой доплаты связано с последствиями недействительности сделки. При признании сделки недействительной вещь возвращается в конкурсную массу по пункту 1 статьи 61.6 Закона о банкротстве. После возврата вещи у приобретателя в соответствии с пунктом 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве возникает требование к должнику о возврате уплаченной цены (далее - требование приобретателя). Поэтому внесение одной ценовой разницы не воспроизводит результат реституции: вместе с вещью в расчет включается новое требование к должнику, участвующее в распределении. Требования, не возникшие вследствие недействительности оспариваемой сделки, далее именуется независимыми.

Ограниченность простой ценовой доплаты подтверждает определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427(2) по делу № А51-17166/2012 [7]. Суд признал неправомерным взыскание только разницы между стоимостью недвижимости и уплаченной ценой. По существу, такой вычет означал зачет встречного предоставления покупателя и ставил его в преимущественное положение перед другими кредиторами. Поэтому после признания сделки недействительной предусмотренные пунктами 1 и 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве последствия нельзя заменить сальдовым расчетом. Вместе с тем этот вывод не разрешает иного вопроса: может ли закон предусмотреть сохранение сделки, если приобретатель до разрешения спора внесет платеж, обеспечивающий независимым кредиторам результат не хуже, чем при реституции.

На практике попытки внести ценовую разницу до окончательного разрешения спора оцениваются судами с учетом момента и обстоятельств платежа. В деле № А82-18143/2022 покупатель перечислил в конкурсную массу 423 148 руб., соответствовавшие разнице между рыночной и договорной ценой автомобиля. Апелляционный суд применил статью 61.7 Закона о банкротстве и отказал в признании сделки недействительной, а окружной суд оставил постановление без изменения. При этом заявление было основано на пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, а в кассационной жалобе оспаривалось применение статьи 61.7, но не наличие основания для оспаривания сделки [8]. Иначе завершилось рассмотрение дела № А32-19699/2019. Приобретатель перечислил 1 119 578 руб. после определения суда первой инстанции и представил подтверждающие документы в апелляции [9, с. 4-5]. Поскольку новые доказательства не были приняты, признание сделки недействительной и применение ее последствий

остались в силе [9, с. 4-6]. Различия в основаниях споров и времени внесения средств не позволяют вывести из этих дел единое материально-правовое правило, однако показывают отсутствие общего механизма, который заранее определял бы момент, размер и последствия платежа.

Почему одной ценовой разницы может быть недостаточно, показывает условный пример. Должник продал склад за 70 млн руб. при его рыночной стоимости 100 млн руб., а полученные деньги израсходовал. Поступление в конкурсную массу от возврата и последующей продажи склада после вычета будущих расходов составило бы 100 млн руб. При этом у приобретателя возникло бы требование на 70 млн руб. Независимые требования составляют 100 млн руб. Оба вида требований относятся к одной очереди. Иных активов, требований и расходов нет, поэтому общий размер требований равен 170 млн руб. По правилу пункта 3 статьи 142 Закона о банкротстве при недостаточности средств требования одной очереди удовлетворяются пропорционально их размеру. При округлении до тысяч рублей независимые кредиторы получили бы 58,824 млн руб. Для упрощения условного расчета индексация не применяется, поэтому величина первоначальной недоплаты составляет 30 млн руб. При сохранении сделки такая доплата дала бы независимым кредиторам только 30 млн руб., что хуже результата реституции. Поэтому платеж должен составить не менее 58,824 млн руб.

Обратное соотношение возникает в другом варианте того же примера. Склад также продан за 70 млн руб. при его рыночной стоимости 100 млн руб. Однако после вычета будущих расходов поступление в конкурсную массу от его возврата и последующей продажи составило бы 80 млн руб. Независимые требования составляют 20 млн руб., а требование приобретателя - 70 млн руб. Остальные условия сохраняются, а общий размер требований равен 90 млн руб. При пропорциональном распределении независимые кредиторы получили бы около 17,8 млн руб. Индексация, как и в первом варианте, не применяется, поэтому величина первоначальной недоплаты составляет 30 млн руб. и превышает сумму, достаточную для сохранения результата независимых кредиторов. Сопоставление примеров показывает, что размер платежа нельзя определять только по ценовой разнице: необходимо учитывать и результат конкурсного распределения.

Проблема определения денежного результата оспаривания связана с более широкой дискуссией о реституции в банкротстве. А. В. Егоров критикует раздельное исполнение реституционных обязанностей и обосновывает их одновремен-

ное исполнение и сальдирование [2, с. 21-27]. Такой подход учитывает прежде всего взаимные обязанности сторон спорной сделки. Между тем требование приобретателя конкурирует с требованиями других кредиторов, поэтому простой вычет уплаченной цены может нарушить установленную очередность.

К предмету исследования наиболее близки позиции Д. К. Коневой, Д. В. Федотова и Р. А. Амбарцумова. Д. К. Конева поддерживает сохранение сделки после добровольной доплаты до рыночной стоимости [3, с. 97-98]. Д. В. Федотов предлагает предоставить приобретателю право на такую доплату с последующим отказом в признании сделки недействительной [4, с. 39-40]. Р. А. Амбарцумов показывает на числовом примере, как восстановленное требование приобретателя изменяет результат распределения, и полагает, что с добросовестного приобретателя следует взыскивать ценовую разницу [1, с. 117-123]. Таким образом, эти работы содержат отдельные элементы предлагаемого решения: денежную альтернативу реституции, возможность сохранить сделку и учет требования приобретателя. Однако размер платежа в них не определяется посредством предварительного сравнения двух сценариев конкурсного распределения.

Возможность связать отказ в оспаривании с внесением денежных средств в конкурсную массу иллюстрирует пункт 29.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“». Согласно этому разъяснению залоговый кредитор может сохранить предмет отступного, если перечислит в конкурсную массу сумму обязательств, погашенных с предпочтением. В таком случае суд отказывает в признании сделки недействительной. Вместе с тем задолженность должника перед залоговым кредитором восстанавливается в том же размере [10]. Следовательно, платеж может служить условием отказа в оспаривании, однако предлагаемая модель отличается тем, что исключает возникновение у приобретателя требования о возврате цены.

Сопоставление рассмотренных работ и указанного правового решения показывает, что размер доплаты и влияние восстановленного требования приобретателя на конкурсное распределение анализируются как самостоятельные вопросы. Для их согласования предлагается определять достаточный платеж по двум взаимосвязанным критериям. Индексированный ценовой порог сохраняет реальную величину первоначальной недоплаты. При определении распределительно-

го порога сопоставляется расчетная сумма удовлетворения каждого независимого требования при реституции, когда возникает требование приобретателя, и при сохранении сделки, когда такого требования нет. Модель применяется только при предварительном внесении средств, добросовестности приобретателя и отсутствии ухудшения положения независимых кредиторов по сравнению с реституцией.

Критерии, условия и законодательное оформление модели

Приведенные примеры показывают, что платеж нельзя сводить к ценовой разнице, поэтому его размер определяется с помощью двух порогов. Для расчета первого порога суд устанавливает цену аналогичной сделки в сравнимых обстоятельствах по совокупности доказательств, включая заключение оценщика, и сопоставляет ее с фактически уплаченной ценой. Ценовой разрыв индексируется со дня сделки до даты расчета по индексу потребительских цен по Российской Федерации, публикуемому Росстатом, и образует индексированный ценовой порог. Индексация сохраняет покупательную способность первоначальной недоплаты, но не определяет текущую стоимость вещи.

Распределительный порог учитывает влияние требования приобретателя на положение других кредиторов. Он равен минимальному платежу, при котором расчетная сумма удовлетворения каждого независимого требования не ниже, чем при реституции. При наличии у приобретателя другого самостоятельного требования к должнику оно учитывается на общих основаниях. Если независимые требования в обоих вариантах удовлетворяются полностью, сопоставляется остаток конкурсной массы после удовлетворения всех требований, включенных в расчет. Итоговый платеж равен большему из ценового и распределительного порогов: они не складываются, поскольку одна сумма должна одновременно отвечать обоим критериям.

Для определения распределительного порога расчет по обоим вариантам производится на одну дату и на основе одних и тех же исходных данных. При реституции учитываются иные активы должника, предполагаемая сумма поступления после возврата и продажи вещи за вычетом будущих расходов конкурсной массы, а также требование приобретателя в установленной законом очередности. При сохранении силы сделки к иным активам добавляется платеж, тогда как требование приобретателя не возникает. На основе сопоставления определяется сумма, при которой расчетная сумма удовлетворения каждого независимого требования не ниже, чем при реституции.

Если исходных данных недостаточно для достоверного сопоставления обоих вариантов, предлагаемая модель не применяется.

Два порога не позволяют сохранить сделку в ущерб кредиторам: ни одно независимое требование не должно получить меньше, чем при реституции, а при их полном удовлетворении не должен уменьшиться и остаток конкурсной массы. Вместе с тем эти критерии сами по себе не исключают согласованного занижения цены в расчете на последующий платеж. Поэтому модель предполагает своевременное ходатайство, добросовестность приобретателя, раскрытие обстоятельств сделки и предварительное внесение всей суммы.

Действующее регулирование уже предусматривает отдельные случаи отказа в оспаривании после восстановления имущественного положения должника. Статья 61.7 Закона о банкротстве позволяет суду отказать в признании сделки недействительной, если стоимость полученного должником превышает стоимость подлежащего возврату либо приобретатель возвратил все исполненное. Однако эта норма не предоставляет приобретателю самостоятельной возможности сохранить сделку в силе посредством доплаты и не определяет ни размер такого платежа, ни его последствия. Для устранения этого пробела главу III.1 Закона о банкротстве предлагается дополнить статьей 61.7-1 (далее - проектируемая статья), закрепляющей условия отказа в оспаривании. Суд определяет размер платежа и предоставляет приобретателю срок для его внесения до разрешения заявления. Если остальные условия соблюдены и платеж внесен, суд отказывает в удовлетворении заявления, вследствие чего сделка сохраняет силу, а предусмотренное пунктом 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве требование приобретателя не возникает.

Сфера действия проектируемой статьи ограничена возмездным отчуждением сохранившейся индивидуально-определенной вещи при полностью уплаченной денежной цене. Распространение модели на иные сделки потребовало бы самостоятельных критериев. Общие положения статьи 61.1 Закона о банкротстве оснований для такого расширения не дают. Модель не распространяется и на предусмотренное статьей 61.6-1 Закона о банкротстве повторное приобретение гражданином единственного жилья, поскольку в этом случае исходная сделка признается недействительной и заключается новый договор.

Модель применяется, если суд установил только основание, предусмотренное пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве: неравноценность выражается в отклонении полностью уплаченной денежной цены от цены в сравнимых об-

стоятельствах, а иных оснований недействительности не установлено. Вещь должна сохраниться в натуре, находиться у первоначального приобретателя, быть доступной для возврата и не быть обремененной правами третьих лиц. Цена должна быть уплачена фактически: средства, возвращенные приобретателю или связанным с ним лицам, не подтверждают полную оплату.

Наряду с объективными условиями учитывается добросовестность приобретателя. Она предполагается в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ, однако приобретатель должен раскрыть сведения, позволяющие установить источник оплаты, аффилированность сторон и выгодоприобретателя, а также проверить состояние вещи и наличие прав третьих лиц. Самого заявления участника спора о наличии иного основания недействительности недостаточно: соответствующие обстоятельства должен установить суд. Если доказаны цель причинения вреда кредиторам и осведомленность приобретателя, последующий платеж не устраняет основания оспаривания. Таким образом, добросовестность является условием применения проектируемой статьи, а не дополнительным элементом основания, предусмотренного пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Для уточнения пределов предлагаемой модели необходимо сопоставить ее с зарубежными решениями. Сопоставимый денежный способ защиты предусмотрен пунктом 1 статьи 96 канадского Закона о банкротстве и несостоятельности (Bankruptcy and Insolvency Act) [11]. По заявлению управляющего суд может признать передачу по заниженной стоимости непротивопоставимой управляющему либо взыскать в конкурсную массу разницу между стоимостью переданного имущества и стоимостью встречного исполнения. Во втором случае имущество остается у приобретателя, однако выбор способа защиты принадлежит суду. Сходство с предлагаемым решением ограничивается возможностью заменить возврат имущества денежным взысканием. Канадская норма не связывает размер взыскания с удовлетворением независимых требований, не требует предварительного внесения средств и отдельно не определяет судьбу встречного предоставления. Кроме того, канадские основания оспаривания имеют иной состав, поэтому они не переносятся на пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Подчеркиваемая А. Кеау коллективная направленность конкурсного оспаривания объясняет, почему денежную альтернативу следует оценивать не только по величине доплаты, но и по ее влиянию на положение кредиторов [5, с. 83-85]. Право США учитывает встречное предоставление и определяет пределы возврата имущества или

его стоимости [12]. Вступившая в силу Директива (ЕС) 2026/799 предусматривает возврат полученного и судьбу встречного предоставления, но подлежит транспозиции до 22 января 2029 г. [13]. Ни американское регулирование, ни модель Директивы не позволяют сохранить сделку посредством последующего платежа. Тем самым зарубежный материал подтверждает допустимость денежной альтернативы возврату имущества, но не содержит предлагаемого сочетания предварительного платежа и распределительной гарантии.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что действующее российское законодательство не предоставляет приобретателю самостоятельного права сохранить неравноценную сделку в силе посредством последующего платежа и заранее не определяет размер и последствия такого платежа. Рассмотренные доктринальные и зарубежные подходы подтверждают допустимость денежной альтернативы возврату вещи, однако не содержат критериев, позволяющих до разрешения спора определить достаточный платеж с учетом требования приобретателя, возникающего при реституции. Предлагаемая модель решает этот вопрос путем сопоставления результатов реституции и сохранения сделки.

Основу предложенной модели образуют два порога. Индексированный ценовой порог сохраняет реальную величину первоначальной недоплаты, а распределительный не допускает уменьшения расчетной суммы удовлетворения каждого независимого требования по сравнению с реституцией. При полном удовлетворении независимых требований сопоставляется остаток конкурсной массы. Платеж определяется по большему из этих порогов и не увеличивает обязательства должника, поскольку при сохранении силы сделки право приобретателя требовать возврата цены не возникает. Тем самым ценовая эквивалентность связывается с результатом конкурсного распределения.

Вместе с тем соответствия этим порогам недостаточно для сохранения силы сделки. Проектируемая статья применяется только тогда, когда индивидуально-определенная вещь сохранилась и находится у первоначального добросовестного приобретателя, который фактически и полностью уплатил денежную цену. Суд проверяет отсутствие иных оснований недействительности, достаточность исходных данных и соблюдение распределительного критерия. Если эти условия не выполнены, заявление рассматривается по общим правилам, а при признании сделки недействительной применяются последствия, предусмотренные статьей 61.6 Закона о банкротстве. Такое регулирование позволяет сохранить сделку в силе лишь

постольку, поскольку это совместимо с коллективной защитой кредиторов.

Список литературы:

- [1] Амбарцумов Р. А. Защита прав кредиторов посредством конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2025. 161 с.
- [2] Егоров А. В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 10-27.
- [3] Конева Д. К. Применение правил о реституции при банкротстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 95-100. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100..
- [4] Федотов Д. В. Некоторые проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 11. С. 36-40. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-11-36-40..
- [5] Keay A. The Harmonization of the Avoidance Rules in European Union Insolvencies // International and Comparative Law Quarterly. 2017. Vol. 66. No. 1. P. 79-105. DOI: 10.1017/S0020589316000518..
- [6] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
- [7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-11427(2) по делу № А51-17166/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
- [8] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2025 г. № 02АП-1725/2025 по делу № А82-18143/2022; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 августа 2025 г. № Ф01-2330/2025 по тому же делу // СПС «КонсультантПлюс».
- [9] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 января 2023 г. № Ф08-14425/2022 по делу № А32-19699/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
- [10] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» // СПС «КонсультантПлюс».
- [11] Bankruptcy and Insolvency Act, R.S.C. 1985, c. B-3, s. 96(1).
- [12] United States Code, Title 11, §§ 548(c), 550(a), 550(d).
- [13] Directive (EU) 2026/799 of the European Parliament and of the Council of 30 March 2026

harmonising certain aspects of insolvency law, arts. 8, 10, 11, 55 // OJ L, 2026/799, 1 April 2026.

References:

[1] Ambartsumov, R. A. (2025). Zashchita prav kreditorov posredstvom konkursnogo i vnekonkursnogo osparivaniia sdelok dolzhnika [Creditor protection through the avoidance of debtor transactions in and outside insolvency]: dis. ... kand. iurid. nauk : 5.1.3. M. 161 p. (In Russ.).

[2] Egorov, A. V. (2010). Restitutsiia po nedeistvitel'nym sdelkam pri bankrotstve [Restitution for invalid transactions in bankruptcy] // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Herald of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation]. No. 12. P. 10-27. (In Russ.).

[3] Koneva, D. K. (2024). Primenenie pravil o restitutsii pri bankrotstve [Application of the rules on restitution in bankruptcy] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]. No. 3 (58). P. 95-100. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100. (In Russ.).

[4] Fedotov, D. V. (2024). Nekotorye problemy osparivaniia sdelok s neravnotsnym vstrechnym ispolneniem v protsedure bankrotstva [Some problems of challenging transactions for unequal consideration in bankruptcy] // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]. No. 11. P. 36-40. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-11-36-40. (In Russ.).

[5] Keay, A. (2017). The Harmonization of the Avoidance Rules in European Union Insolvencies // International and Comparative Law Quarterly. Vol.

66. No. 1. P. 79-105. DOI: 10.1017/S0020589316000518..

[6] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[7] Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES15-11427(2) of December 24, 2015 in Case No. A51-17166/2012 // SPS "ConsultantPlus".

[8] Resolution of the Second Commercial Court of Appeal No. 02AP-1725/2025 of May 12, 2025 in Case No. A82-18143/2022; Resolution of the Commercial Court of the Volga-Vyatka Circuit No. F01-2330/2025 of August 11, 2025 in the same case // SPS "ConsultantPlus".

[9] Resolution of the Commercial Court of the North Caucasus Circuit No. F08-14425/2022 of January 17, 2023 in Case No. A32-19699/2019 // SPS "ConsultantPlus".

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 63 of December 23, 2010 "Certain Issues Concerning the Application of Chapter III.1 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "ConsultantPlus".

[11] Bankruptcy and Insolvency Act, R.S.C. 1985, c. B-3, s. 96(1).

[12] United States Code, Title 11, §§ 548(c), 550(a), 550(d).

[13] Directive (EU) 2026/799 of the European Parliament and of the Council of 30 March 2026 harmonising certain aspects of insolvency law, arts. 8, 10, 11, 55 // OJ L, 2026/799, 1 April 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-527-534

Дата принятия рукописи в печать: 21.07.2026 г.

САФАРАЛИЕВ Фуад Маис оглы,
Аспирант 2 курса Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
e-mail: safaraliev.fm@gmail.com

Научный руководитель:
ЭРДЕЛЕВСКИЙ Александр Маркович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ДОСУДЕБНОГО И Внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов в российском праве

Аннотация. Статья посвящена анализу системных проблем современного этапа развития институтов досудебного и внесудебного урегулирования конфликтов и споров, вытекающих из корпоративных правоотношений. В ходе исследования установлено, что соответствующие институты в действующем российском праве не образуют единой внутренне непротиворечивой модели регулирования: отдельные элементы рассредоточены между положениями ГК РФ, АПК РФ и актами корпоративного законодательства. Выявлены две взаимосвязанные группы проблем – фрагментарность понятийно-категориального аппарата и доступность с ограниченной эффективностью внесудебных способов урегулирования. Показано, что отсутствие легальной дефиниции «корпоративного конфликта» при наличии нормативного определения «корпоративного спора», терминологическая неопределенность соотношения «досудебных» и «внесудебных» способов урегулирования, а также непоследовательное закрепление места претензионного порядка в системе досудебных процедур создают предпосылки для произвольного выбора применимых механизмов. Обоснован вывод о невозможности изолированного решения каждой из выделенных групп проблем и о необходимости их комплексного преодоления.

Ключевые слова: корпоративный конфликт; корпоративный спор; досудебное урегулирование; внесудебное урегулирование; претензионный порядок; медиация; коммерческий арбитраж; ПДАУ; арбитраж ad hoc.

SAFARALIEV Fuad Mais oglu,
2nd year postgraduate student, Plekhanov Russian University
of Economics

Supervisor:
ERDELEVSKY Alexander Markovich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law
Disciplines of the PRUE named after G.V. Plekhanov

SYSTEMIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF PRE-TRIAL AND OUT-OF-COURT SETTLEMENT OF CORPORATE CONFLICTS IN RUSSIAN LAW

Annotation. The article is devoted to the analysis of systemic problems of the modern stage of development of institutions of pre-trial and out-of-court settlement of conflicts and disputes arising from corporate legal relations. The study found that the relevant institutions in the current Russian law do not form a single internally consistent model of regulation: individual elements are dispersed between the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the agro-industrial complex of

the Russian Federation and acts of corporate legislation. Two interrelated groups of problems were identified - the fragmentation of the conceptual and categorical apparatus and the availability of out-of-court settlement methods with limited effectiveness. It is shown that the absence of a legal definition of a "corporate conflict" in the presence of a regulatory definition of a "corporate dispute," the terminological uncertainty of the ratio of "pre-trial" and "out-of-court" methods of settlement, as well as the inconsistent consolidation of the place of the claim order in the system of pre-trial procedures create prerequisites for an arbitrary choice of applicable mechanisms. The conclusion about the impossibility of an isolated solution to each of the identified groups of problems and the need to comprehensively overcome them is justified.

Key words: corporate conflict; corporate dispute; pre-trial settlement; out-of-court settlement; claim procedure; mediation; commercial arbitration; PDAU; ad hoc arbitration.

Введение

Развитие института корпоративных правоотношений и параллельное усложнение хозяйственных связей между участниками современных компаний обуславливают рост практического значения механизмов досудебного и внесудебного разрешения корпоративных конфликтов. Несмотря на наличие в действующем российском праве отдельных институтов, опосредующих соответствующие процедуры (претензионного порядка, корпоративных переговоров, медиации, коммерческого арбитража), системность их нормативного оформления остается неполной. Анализ доктрины и правоприменительной практики свидетельствует о наличии устойчивых системных проблем, оказывающих непосредственное влияние как на теоретическое осмысление указанных институтов, так и на эффективность их применения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и систематизации ключевых проблем современного этапа развития институтов досудебного и внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов. Обнаруживаемые в указанной сфере проблемы образуют не разрозненный набор недостатков, а две взаимосвязанные группы – понятийно-категориальную и институциональную, преодоление которых требует комплексного и согласованного подхода.

Методологически обоснованным представляется разграничение, с одной стороны, проблем нормативного регулирования и понятийно-категориального аппарата, а с другой, институциональных проблем доступности и эффективности внесудебных процедур. Подобный подход позволяет избежать смешения уровней анализа и обеспечивает целостное восприятие существующих недостатков правового регулирования. Рекомендации по их преодолению составляют предмет самостоятельного исследования.

Проблема фрагментарности понятийно-категориального аппарата

Действующее российское законодательство не формирует единой и внутренне непротиворечивой модели регулирования досудебного и внесу-

дебного урегулирования корпоративных конфликтов. Как установлено в ходе анализа профильных работ А. Г. Дубровского и Т. В. Чугуровой (Дубровский & Чугурова, 2020), П. В. Федорова (Федоров, 2018), Ж. Б. Киреевой и Г. С. Захаровой (Киреева & Захарова, 2019), М. А. Лебедева, Р. О. Прокудиной и Д. Я. Шпаковского (Лебедев, Прокудина, & Шпаковский, 2021), Е. Ю. Цукановой и М. Н. Селивы (Цуканова & Селива, 2020), А. А. Романова (Романов, 2022), Е. В. Шейна (Шейн, 2022) и других исследователей, отдельные элементы механизма досудебного и внесудебного урегулирования расщеплены между положениями ГК РФ (нормы о сделках, обязательствах, ответственности директоров и участников, процедурах перераспределения корпоративного контроля), АПК РФ (положения о процессуальных границах применения досудебных и внесудебных процедур, режиме рассмотрения корпоративных споров), ФЗ № 193-ФЗ «О процедуре медиации», ФЗ № 382-ФЗ «Об арбитраже в Российской Федерации», ФЗ № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и ФЗ № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Указанная проблема имеет комплексный и многоуровневый характер и проявляется в трех взаимосвязанных направлениях.

Первое направление – отсутствие четкого разграничения категорий «корпоративного конфликта» и «корпоративного спора». Как обоснованно подчеркивают М. А. Лебедев, Р. О. Прокудина и Д. Я. Шпаковский (Лебедев, Прокудина, & Шпаковский, 2021), в российской правовой доктрине сохраняется тенденция к фактическому отождествлению указанных категорий, несмотря на различие их правовой природы, функционального назначения и юридических последствий. Корпоративный конфликт представляет собой более широкую категорию, охватывающую любые существенные противоречия между участниками корпоративных отношений: разногласия по стратегии развития, борьбу за корпоративный контроль, конфликты в связи с реализацией имущественных и организационных прав, взаимодействие хозяйствующего субъекта с внешними груп-

пами интересов. Корпоративный спор выступает лишь институционализированной стадией развития корпоративного конфликта, возникающей в ситуации, когда соответствующие противоречия становятся неустранимыми посредством переговоров, претензионных либо иных досудебных процедур.

Корпоративный спор почти всегда представляет собой частный случай корпоративного конфликта, а сама категория «корпоративного конфликта» выступает родовым понятием по отношению к «корпоративному спору» (Лебедев, Прокудина, & Шпаковский, 2021). Проблема разграничения категорий имеет не только теоретическое, но и прикладное измерение: понимание природы возникшего противоречия определяет допустимость и эффективность применения конкретных способов досудебного или внесудебного разрешения с учетом характера урегулирования, правовых оснований и пределов применения, стадии эскалации.

Существенное значение имеет и тот факт, что действующее российское законодательство включает в легальное поле исключительно категорию «корпоративного спора» (ст. 225.1 АПК РФ), в то время как понятие «корпоративного конфликта» не имеет легальной дефиниции. В результате формируется явная диспропорция между реальным содержанием корпоративных правоотношений и их процессуально-правовым отражением. Как справедливо указывает С. А. Рвачев (Рвачев, 2010), законодатель фактически фиксирует только финальную стадию эскалации корпоративного противоречия, игнорируя предшествующий ей конфликт как самостоятельное значимое явление. Подобный подход проблемен в условиях развития современных механизмов досудебного и альтернативного урегулирования, поскольку отсутствие легально закрепленного определения «корпоративного конфликта» препятствует формированию целостной модели его предупреждения и разрешения на ранних стадиях эскалации.

Второе направление – отсутствие четкого законодательно прописанного разграничения понятий «досудебного» и «внесудебного» урегулирования. Как справедливо отмечает П. В. Федоров, в современной российской доктрине соответствующие категории нередко используются как взаимозаменяемые, что приводит к смешению процедур, обладающих различной правовой природой, субъектным составом и функциональным назначением (Федоров, 2018). Аналогичную позицию занимают М. В. Кутаева и Ю. А. Лончакова (Кутаева & Лончакова, 2026): в тексте ГК РФ, АПК РФ, ФЗ № 193-ФЗ и ФЗ № 382-ФЗ законодателем одновременно используются смежные понятийные категории – «досудебное урегулирование», «внесу-

дебное урегулирование», «претензионное производство», «претензионный порядок», «досудебное обжалование», «иной досудебный порядок» – в отсутствие четкого определения их содержания и соотношения между собой.

Третье направление – отсутствие единообразного подхода к определению места претензионного порядка в системе досудебного урегулирования корпоративных конфликтов и споров. В современной отечественной правовой доктрине претензионный порядок нередко отождествляется с досудебным урегулированием как таковым, несмотря на то что подобный подход методологически неточен. Действующее арбитражное процессуальное законодательство прямо относит претензионный порядок к числу разновидностей досудебного урегулирования наряду с предусмотренными ст. 138.3 АПК РФ переговорами. В силу положений п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ направление претензии прямо названо в качестве разновидности досудебного способа урегулирования; претензионный порядок упоминается как один из «досудебных порядков урегулирования спора». Более того, положения ч. 5 ст. 4 АПК РФ относят дела по корпоративным спорам (по смыслу ст. 225.1 АПК РФ) в число исключений, в отношении которых требования об обязательном соблюдении досудебного порядка не применяются, если иное не установлено соглашением сторон.

Из указанных норм следует, что применение претензионного порядка в отношении корпоративных конфликтов выступает лишь одним из двух видов досудебного урегулирования и не подпадает под требования об обязательности, предусмотренные ст. 4 АПК РФ. Соответственно, отмечаемое рядом исследователей (Иванова, 2022; Байбекова & Мельникова, 2023) смешение указанных категорий обусловлено не содержанием действующего законодательства, а сохраняющейся в научной литературе тенденцией к чрезмерно широкому пониманию самой категории досудебного урегулирования, в рамках которой претензионный порядок необоснованно подменяет собой всю совокупность досудебных процедур.

Совокупно перечисленные направления формируют проблему фрагментарности понятийно-категориального аппарата: смешение категорий «корпоративного конфликта» и «корпоративного спора» при отсутствии легального определения первого понятия; терминологическая неопределенность в разграничении досудебных и внесудебных способов урегулирования; отсутствие прописанного соотношения претензионного порядка с иными досудебными процедурами в совокупности препятствуют формированию целостной модели альтернативного разрешения конфликтов и

споров, вытекающих из корпоративных правоотношений.

Проблема доступности и ограниченной эффективности медиации

Вторую группу образуют вопросы доступности и ограниченной эффективности внесудебных способов урегулирования корпоративных споров. Указанная группа проблем затрагивает как институт медиации, так и сферу третейского разбирательства.

В первую очередь внимание обращает проблема ограниченности практики применения процедуры медиации в сфере корпоративных конфликтов. Как отмечают авторы обзорного исследования «Проблемы медиации в России: что мешает развитию процедуры и как это изменить» Р. А. Каменская и А. К. Малаховский, несмотря на то что институт медиации существует в рамках российской системы урегулирования корпоративных конфликтов и споров более пятнадцати лет (с момента принятия в 2010 г. ФЗ № 193-ФЗ), а корпоративные конфликты по своей природе зачастую предполагают необходимость сохранения хозяйственных связей, конфиденциальности и долгосрочного взаимодействия, фактическое распространение медиативных процедур по-прежнему остается весьма ограниченным (Каменская & Малаховский, 2025).

Одной из ключевых причин выступает недостаточная осведомленность представителей делового сообщества о сущности, преимуществах и нюансах медиативной процедуры. В практике коммерческого оборота сохраняется устойчивое предпочтение классических судебных способов разрешения споров, что объясняется привычностью соответствующих механизмов и недоверием к относительно новым процедурам. Дополнительно ограничивающим фактором выступает отсутствие единых требований к подготовке профессиональных медиаторов: положения ст. 15 ФЗ № 193-ФЗ закрепляют возможность как профессиональной, так и непрофессиональной медиации, однако закон не детализирует требования к квалификации медиаторов, не устанавливает унифицированных образовательных стандартов и не определяет содержание образовательных программ. В результате уровень профессиональной компетентности медиаторов существенно варьируется, что подрывает доверие участников корпоративного оборота к соответствующей процедуре (Каменская & Малаховский, 2025).

Препятствием выступает и относительно высокая стоимость профессионального медиативного сопровождения. Несмотря на то, что обращение к медиации формально позволяет сэкономить на процессуальных издержках, фактическая сто-

имость услуг квалифицированных медиаторов в крупных корпоративных спорах может оказаться сопоставимой с расходами на ведение дела в суде или коммерческом арбитраже. В условиях отсутствия централизованной системы профессиональной аккредитации медиаторов и единой шкалы рекомендованных тарифов соответствующие издержки часто остаются непредсказуемыми, что также снижает привлекательность медиативной процедуры для участников корпоративного оборота.

Дополнительно отмечается дефицит квалифицированных кадров в сфере корпоративной медиации. Корпоративные конфликты характеризуются высокой степенью сложности, требуя от медиатора не только владения методологией урегулирования споров, но и глубокого понимания специфики корпоративного управления, природы хозяйственных связей, особенностей реализации имущественных и организационных прав участников. В отсутствие централизованной системы подготовки специалистов соответствующего профиля количество медиаторов, способных эффективно сопровождать сложные корпоративные конфликты, остается ограниченным.

Проблема институциональных барьеров коммерческого арбитража

Проблемы развития внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов не исчерпываются сложностями, сопровождающими институт медиации. Не менее важным элементом проблематики выступают чрезмерная формализация функций коммерческого арбитража по корпоративным спорам и ограниченный круг ПДАУ, обладающих правом на рассмотрение соответствующей категории дел.

Положения ч. 7 ст. 45 ФЗ № 382-ФЗ допускают передачу корпоративных споров на рассмотрение третейского суда исключительно при соблюдении специальных требований, связанных с арбитрабельностью соответствующего спора, наличием арбитражного соглашения и рассмотрением дела в рамках арбитража, администрируемого ПДАУ, соответствующего требованиям ст. 44 ФЗ № 382-ФЗ. Как справедливо отмечают А. А. Романов (Романов, 2022) и А. М. Федоров (Федоров А. М., 2021), действующая модель арбитражного регулирования привела к предельному сокращению круга субъектов, обладающих правом администрирования корпоративного арбитража.

По оценке указанных авторов, в настоящий момент в России существует только шесть аккредитованных ПДАУ. К российским ПДАУ относятся Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ), Морская арбит-

ражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МАК при ТПП РФ), Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража, Российский арбитражный центр при Союзе промышленников и предпринимателей (ПДАУ при РСПП), Национальный центр спортивного арбитража при АНО «Спортивная арбитражная палата». К иностранным арбитражным центрам, аккредитованным в соответствии со ст. 44 ФЗ № 382-ФЗ, относятся Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) и Венский международный арбитражный центр (VIAC). Согласно данным официального информационно-правового портала Министерства юстиции РФ, в 2026 г. статус аккредитованного ПДАУ также получил Дубайский международный арбитражный центр (DIAC).

Одновременно с этим ч. 20 ст. 44 ФЗ № 382-ФЗ прямо запрещает организациям, не обладающим статусом ПДАУ, осуществлять функции по администрированию арбитража, что существенно ограничивает возможность развития гибких форм третейского разбирательства корпоративных споров. Указанные институциональные барьеры объективно сужают круг доступных участникам корпоративных отношений механизмов внесудебного разрешения корпоративных конфликтов.

Внимания заслуживает и проблема фактического ограничения арбитража ad hoc применительно к корпоративным спорам. Как отмечается в аналитическом материале «Ad hoc 2.0: как сохранить третейство в эпоху контроля», подготовленном профильными специалистами НКО «Ассоциация юристов России», после реформы арбитражного законодательства 2015 г. пространство для осуществления арбитражного разбирательства ad hoc заметно сузилось вследствие стремления законодателя исключить злоупотребления, ранее связанные с деятельностью так называемых «карманных» третейских судов. В деловой среде сохраняется запрос на простую альтернативу государственным судам, где процедура определяется не бюрократией, а волей сторон; именно здесь арбитражи ad hoc могли бы занять свою нишу, если бы законодательство не ставило перед ними почти непреодолимые барьеры (Ассоциация юристов России, 2026). Более того, отдельные авторы приходят к выводу о том, что рассмотрение корпоративных споров ad hoc невозможно de facto в силу положений ч. 20 ст. 44 ФЗ № 382-ФЗ, запрещающих администрирование таких споров вне ПДАУ.

Для уточнения статуса и нюансов организации третейского разбирательства ad hoc принципиальное значение имеет позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении от

09.04.2024 № 826-О по жалобе гражданина Каркачева П. П., фактически очертившем допустимые границы арбитража ad hoc в России. Несмотря на то что Конституционный Суд РФ постановил, что при решении спора о займе третейский суд ad hoc вышел за рамки своих полномочий, фактически осуществив функции по администрированию арбитража, не будучи ПДАУ, судом также было признано, что ad hoc представляет собой законную форму третейского разбирательства, обеспеченную принципом свободы договора и диспозитивным характером гражданско-правовых отношений. Вместе с тем Конституционный Суд РФ уточнил, что третейский суд ad hoc не вправе осуществлять функции по администрированию арбитража, в том числе разрабатывать постоянный регламент, организовывать устойчивую систему назначения арбитров и администрировать арбитражные сборы, поскольку подобная деятельность относится исключительно к компетенции ПДАУ (Конституционный Суд РФ, 2024).

Российская модель арбитража ad hoc допускает существование лишь максимально «одноразовой» формы третейского разбирательства, при которой организаторы лишены возможности полноценного организационного обеспечения арбитража. В результате предусмотренная законом возможность использования арбитража ad hoc сохраняется преимущественно на формальном уровне, тогда как на практике механизм его применения существенно затруднен рисками последующего отказа государственных судов в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения. Указанное обстоятельство приобретает особую значимость применительно к корпоративным спорам: в силу взаимосвязанных положений ч. 7 ст. 45 ФЗ № 382-ФЗ, ст. 225.1 АПК РФ и положений корпоративного законодательства рассмотрение значительной части корпоративных конфликтов допускается исключительно при наличии арбитражного соглашения, предусматривающего передачу спора в ПДАУ, обладающее специальными правилами рассмотрения корпоративных споров. Стороны корпоративного конфликта лишены возможности самостоятельно организовать арбитражную процедуру вне рамок ограниченного круга аккредитованных ПДАУ.

Системный характер выявленных проблем

Несмотря на то, что первая группа выявленных проблем связана преимущественно с теоретико-правовыми и понятийно-категориальными элементами регулирования, тогда как вторая обусловлена прикладными и институциональными сложностями организации внесудебного урегулирования, результаты исследования свидетельствуют о невозможности их изолированного рассмотрения.

Недостаточная определенность понятийного аппарата непосредственно влияет на пределы и эффективность применения конкретных внесудебных механизмов. Отсутствие легального разграничения корпоративного конфликта и корпоративного спора затрудняет последовательное определение момента, когда стороны могут или должны обратиться к соответствующим процедурам. Терминологическая неопределенность соотношения досудебных и внесудебных способов урегулирования препятствует четкому пониманию того, какая процедура применима к конкретному виду разногласий. Непоследовательное закрепление места претензионного порядка в системе досудебных процедур создает риск ошибочного признания его обязательным условием обращения к иным механизмам.

В свою очередь, институциональные ограничения медиации и коммерческого арбитража усиливают и фактически воспроизводят фрагментарность существующей модели альтернативного разрешения корпоративных конфликтов. Ограниченность круга ПДАУ и фактическое вытеснение арбитража *ad hoc* из корпоративной сферы сокращают пространство для применения механизмов, основанных на диспозитивных началах. Недостаточная развитость медиативной практики снижает потенциал внесудебного урегулирования на ранних стадиях эскалации конфликта. В совокупности институциональные барьеры формируют систему, в которой нормативно закрепленные альтернативные механизмы существуют, но фактически не реализуют свой потенциал применительно к корпоративным конфликтам.

Дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой сфере предполагает необходимость комплексного и системного совершенствования соответствующих институтов. Изолированное решение каждой из выделенных групп проблем не способно обеспечить достижения целей развития альтернативных способов разрешения корпоративных конфликтов: устранение понятийно-категориальных пробелов без преодоления институциональных барьеров приведет лишь к формальному совершенствованию терминологии, тогда как реформа институциональной составляющей без четкого понятийного аппарата не позволит обеспечить последовательность правоприменительной практики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих положений.

Современное состояние институтов досудебного и внесудебного урегулирования конфликтов и споров, вытекающих из корпоративных правоотношений, характеризуется наличием двух

взаимосвязанных системных проблем – фрагментарности понятийно-категориального аппарата и доступности с ограниченной эффективностью внесудебных способов. Указанные группы проблем оказывают непосредственное влияние как на теоретико-правовое осмысление соответствующих институтов, так и на эффективность практического применения отдельных механизмов разрешения корпоративных конфликтов.

Проблема фрагментарности понятийно-категориального аппарата проявляется в трех взаимосвязанных направлениях: в отсутствии четкого разграничения категорий «корпоративного конфликта» и «корпоративного спора» вследствие отсутствия легальной дефиниции первого понятия при наличии нормативно закреплённого определения второго в ст. 225.1 АПК РФ; в терминологической неопределенности соотношения категорий «досудебного» и «внесудебного» урегулирования; в отсутствии единообразного подхода к определению места претензионного порядка в системе досудебного урегулирования. Действующее российское законодательство в рассматриваемой сфере сохраняет выраженный фрагментарный характер, при котором отдельные элементы регулирования распределены между положениями ГК РФ, АПК РФ и актами корпоративного законодательства без формирования единой внутренне согласованной модели.

Проблема доступности и ограниченной эффективности внесудебных способов проявляется одновременно в нескольких взаимосвязанных направлениях. Ограниченность практики применения медиативных процедур обусловлена недостаточной осведомленностью участников корпоративного оборота о правовой природе и возможностях медиации, сохраняющимся недоверием к медиативному соглашению, дефицитом компетентных медиаторов, отсутствием унифицированных требований к их подготовке и высокой стоимостью профессионального медиативного сопровождения. Современная модель коммерческого арбитража корпоративных споров отличается значительным уровнем институциональных барьеров: ограниченным кругом аккредитованных ПДАУ, существенным ограничением автономии третейского разбирательства в формате *ad hoc* и предельной централизацией арбитражного администрирования.

Позиция Конституционного Суда РФ в Определении от 09.04.2024 № 826-О формирует компромиссную модель, при которой российский правопорядок допускает существование третейских разбирательств *ad hoc*, однако лишь в крайне ограниченных пределах, исключающих формирование полноценной автономной системы админи-

стрирования арбитража вне ПДАУ. На практике механизм арбитража ad hoc применительно к корпоративным спорам сохраняется преимущественно на формальном уровне.

Выделенные группы проблем не подлежат изолированному рассмотрению: недостаточная определенность понятийного аппарата непосредственно влияет на пределы и эффективность применения внесудебных механизмов, тогда как институциональные ограничения медиации и коммерческого арбитража воспроизводят фрагментарность существующей модели. Дальнейшее развитие законодательства предполагает необходимость комплексного и системного совершенствования соответствующих институтов, конкретные направления которого составляют предмет самостоятельного исследования.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- [2] Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
- [3] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
- [4] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
- [5] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
- [6] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 2.
- [7] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionno-go-suda-ot-09042024-n-826-o/> (дата обращения: 25.05.2026).
- [8] Ad hoc 2.0 [Электронный ресурс] // Ассоциация юристов России. – URL: <https://alrf.ru/articles/ad-hoc-2-0/> (дата обращения: 25.05.2026).
- [9] Байбекова, Э. Ф. Досудебный порядок урегулирования споров как альтернативный способ защиты прав предпринимателей / Э. Ф. Байбекова, А. Н. Мельникова // Вестник магистратуры. – 2023. – № 1-1 (136). – С. 42–43.
- [10] Дубровский, А. Г. Корпоративные споры. Особенности субъективного состава и юридической природы исков в корпоративных спорах / А. Г. Дубровский, Т. В. Чугурова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 7-2 (46). – С. 147–150.
- [11] Иванова, И. В. К вопросу о проблематике претензионного порядка в арбитражном процессе / И. В. Иванова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 11 (75). – С. 109–112.
- [12] Каменская, Р. А. Проблемы медиации в России: что мешает развитию процедуры и как это изменить [Электронный ресурс] / Р. А. Каменская, А. К. Малаховский // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/story/258437/> (дата обращения: 25.05.2026).
- [13] Киреева, Ж. Б. Проблемные аспекты корпоративных споров / Ж. Б. Киреева, Г. С. Захарова // Юрист-Правоведъ. – 2019. – № 3 (90). – С. 208–214.
- [14] Кутаева, М. В. Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации / М. В. Кутаева, Ю. А. Лончакова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 2. – С. 116–123.
- [15] Лебедев, М. А. Проблемные вопросы разграничения дефиниций понятий корпоративного конфликта и корпоративного спора / М. А. Лебедев, Р. О. Прокудина, Д. Я. Шпаковский // Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 192–194.
- [16] Романов, А. А. Корпоративные споры: конфликт юрисдикций и условия компетенции / А. А. Романов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (207). – С. 286–288.
- [17] Рвачев, С. А. Проблема определения категории «корпоративные споры» / С. А. Рвачев // Вестник Поволжского института управления. – 2010. – № 2. – С. 91–95.
- [18] Федоров, А. М. Арбитрабельность корпоративных споров: анализ некоторых вопросов, возникших в результате реформы третейского законодательства / А. М. Федоров // Уральский журнал правовых исследований. – 2021. – № 1 (14). – С. 59–64.
- [19] Федоров, П. В. Понятие «внесудебный» и «досудебный» способ защиты прав / П. В. Федоров // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 1 (157). – С. 141–144.

[20] Цуканова, Е. Ю. Корпоративный конфликт: проблемы современного понимания / Е. Ю. Цуканова, М. Н. Селивра // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 156–159.

[21] Шейн, Е. В. Понятие и содержание корпоративного конфликта / Е. В. Шейн // Вестник магистратуры. – 2022. – № 5-2 (128). – С. 22–26.

References:

[1] Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Federal Law of 24.07.2002 No. 95-FZ "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. - Art. 3012.

[3] Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ "On Joint Stock Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. - Art. 1.

[4] Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 7. - Art. 785.

[5] Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4162.

[6] Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – № 1. - Art. 2.

[7] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 09.04.2024 No. 826-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Pavel Petrovich Karkachev about violation of his constitutional rights by parts 1 and 20 of Article 44 of the Federal Law "On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation"" [Electronic resource]. - URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09042024-n-826-o/> (access date: 25.05.2026).

[8] Ad hoc 2.0 [Electronic resource] // Association of Lawyers of Russia. - URL: <https://alrf.ru/articles/ad-hoc-2-0/> (access date: 25.05.2026).

[9] Baibekova, E.F. Pre-trial dispute settlement procedure as an alternative way to protect the rights of entrepreneurs/E.F. Baibekova, A.N. Melnikov // Bulletin of magistracy. – 2023. – № 1-1 (136). - S. 42-43.

[10] Dubrovsky, A. G. Corporate disputes.

Features of the subjective composition and legal nature of claims in corporate disputes/ A. G. Dubrovsky, T. V. Chugurova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 7-2 (46). - S. 147-150.

[11] Ivanova, I.V. On the problem of the claim procedure in the arbitration process/I.V. Ivanova // Skif. Student science issues. – 2022. – № 11 (75). - S. 109-112.

[12] Kamenskaya, R. A. Problems of mediation in Russia: what prevents the development of the procedure and how to change it [Electronic resource] / R. A. Kamenskaya, A. K. Malakhovsky // Право.ru. - URL: <https://pravo.ru/story/258437/> (access date: 25.05.2026).

[13] Kireeva, Zh. B. Problematic aspects of corporate disputes/Zh. B. Kireeva, G. S. Zakharova // Lawyer-Lawyer. – 2019. – № 3 (90). - S. 208-214.

[14] Kutaeva, M. V. Actual problems of the application of the mediation procedure in the Russian Federation/M. V. Kutaeva, Yu. A. Lonchakova // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2026. – № 2. - S. 116-123.

[15] Lebedev, M. A. Problematic issues of delimitation of definitions of concepts of corporate conflict and corporate dispute/M. A. Lebedev, R. O. Prokudina, D. Ya. Shpakovsky // Law and Law. – 2021. – № 1. - S. 192-194.

[16] Romanov, A. A. Corporate disputes: conflict of jurisdictions and conditions of competence/ A. A. Romanov // Law and state: theory and practice. – 2022. – № 3 (207). - S. 286-288.

[17] Rvachev, S. A. The problem of determining the category of "corporate disputes"/S. A. Rvachev // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2010. – № 2. - S. 91-95.

[18] Fedorov, A.M. Arbitrability of corporate disputes: analysis of some issues arising from the reform of arbitration legislation/A.M. Fedorov // Ural Journal of Legal Research. – 2021. – № 1 (14). - S. 59-64.

[19] Fedorov, P.V. The concept of "extrajudicial" and "pre-trial" way of protecting rights/P.V. Fedorov // Law and state: theory and practice. – 2018. – № 1 (157). - S. 141-144.

[20] Tsukanova, E. Yu. Corporate conflict: problems of modern understanding/E. Yu. Tsukanova, M. N. Selivra // Law and practice. – 2020. – № 2. - S. 156-159.

[21] Shane, E.V. The concept and content of corporate conflict/E.V. Shane // Bulletin of the magistracy. – 2022. – № 5-2 (128). - S. 22-26.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-535-542

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры
конкурентного и предпринимательского права,
e-mail: korchagin.ag @dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Магистрант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Магистрант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, РИСКИ ДЛЯ БИЗНЕСА И ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы смарт-контрактов, особенностей их нормативного регулирования в Российской Федерации, а также анализу рисков, возникающих при их использовании в предпринимательской деятельности. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению смарт-контракта, действующее законодательство в сфере цифровых прав и автоматизированного исполнения обязательств, проблемы правоприменения, связанные с неизменностью программного кода, доказыванием в судебном процессе и защитой нарушенных прав участников цифрового оборота. Особое внимание уделено механизмам минимизации правовых рисков, включая использование «юридической обертки» (legal wrapper), нотариальное удостоверение сделок и идентификацию участников цифровых правоотношений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства в целях обеспечения баланса между технологической инновацией и эффективной судебной защитой субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые права, блокчейн, предпринимательская деятельность, цифровая экономика, автоматизированное исполнение обязательств, судебная защита, цифровые финансовые активы, гражданское право, информационные технологии.

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Basic Department of
Competitive and Entrepreneurial Law

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Master's student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Master's student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

SMART CONTRACTS: LEGAL REGULATION, BUSINESS RISKS AND PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS

Annotation. The article is devoted to the study of the legal nature of smart contracts, the features of their regulatory regulation in the Russian Federation, as well as the analysis of risks arising

from their use in entrepreneurial activity. The main doctrinal approaches to the definition of a smart contract, the current legislation in the field of digital rights and automated fulfillment of obligations, the problems of law enforcement related to the invariability of the program code, proof in the trial and protection of the violated rights of participants in digital circulation are considered. Particular attention is paid to mechanisms for minimizing legal risks, including the use of a "legal wrapper," notarization of transactions and identification of participants in digital legal relations. It was concluded that it is necessary to further improve Russian legislation in order to ensure a balance between technological innovation and effective judicial protection of business entities.

Key words: *smart contract, digital rights, blockchain, entrepreneurial activity, digital economy, automated fulfillment of obligations, judicial protection, digital financial assets, civil law, information technology.*

Стремительная цифровизация всех сфер экономической деятельности, наблюдаемая в последнее десятилетие, не могла не затронуть фундаментальные институты гражданского права. Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стало появление и активное внедрение в коммерческий оборот смарт-контрактов — программных кодов, функционирующих в среде блокчейн и обеспечивающих автоматическое исполнение договорных обязательств при наступлении заранее определенных условий.

Для предпринимательского сообщества смарт-контракты открывают принципиально новые возможности: снижение транзакционных издержек, исключение посредников, повышение скорости исполнения сделок и минимизация человеческого фактора. Однако эти преимущества сопряжены с серьезными правовыми рисками, связанными с отсутствием в российском законодательстве легального определения смарт-контракта, коллизией между неизменностью программного кода и возможностью изменения договора по соглашению сторон или решению суда, а также с проблемами доказывания и судебной защиты нарушенных прав.

1. Правовая природа смарт-контракта и его нормативное регулирование в Российской Федерации

1.1. Генезис понятия «смарт-контракт» и его доктринальные определения

Термин «смарт-контракт» (smart contract, «умный контракт») был введен американским криптографом и юристом Ником Сабо еще в середине 1990-х годов, задолго до появления технологии блокчейн и биткойна. Сабо предложил концепцию «встраивания» условий договора в компьютерный код, что позволило бы минимизировать роль посредников и человеческий фактор при исполнении обязательств. Простейшим прообразом смарт-контракта, по мнению Сабо, можно считать обычный торговый автомат: покупатель вносит деньги, и механизм автоматически выдает товар, без участия продавца.

В современном понимании смарт-контракт

— это программный код, функционирующий в распределенной среде блокчейн, который автоматически исполняет условия соглашения при наступлении заранее определенных обстоятельств (триггеров). Ключевым здесь является смещение акцента с доверия к контрагенту на доверие к технологии: стороны полагаются не на обещания друг друга, а на математически гарантированное выполнение кода.

В российской юридической доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы смарт-контракта. Как отмечает Н.Т. Минасян, такое разнообразие взглядов вызвано различной трактовкой предусмотренного в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ положения об автоматизированном исполнении сделки, не требующем дополнительного волеизъявления сторон.

Можно выделить три основных доктринальных подхода:

Первый подход рассматривает смарт-контракт как особую форму сделки (электронную форму). Сторонники этого подхода полагают, что смарт-контракт — это договор, заключенный в электронной форме с использованием программного кода, а автоматическое исполнение — это лишь техническая особенность, не меняющая правовой сущности.

Второй подход видит в смарт-контракте не договор, а техническое средство (инструмент) исполнения обязательств, возникших из традиционного письменного договора. С этой точки зрения, правовое значение имеет не сам код, а волеизъявление сторон, зафиксированное в текстовом документе.

Третий подход настаивает на признании смарт-контракта особым объектом гражданского оборота *sui generis*, который не укладывается в классическую триаду «договор — форма — способ исполнения». Согласно этому подходу, автоматизация порождает новое качество сделки — ее формат, который наряду с формой приобретает юридическое значение.

Независимо от подхода, исследователи выделяют три ключевых признака смарт-контракта:

(1) наличие цифрового верифицируемого события (триггера), которое может быть подтверждено блокчейном; (2) программный алгоритм реагирования на это событие; (3) юридически значимое действие на выходе (передача денег, товара, прав).

Важно отметить, что первая версия законопроекта о цифровых финансовых активах (2018 г.) предлагала трактовать смарт-контракт как разновидность электронного договора. Однако позже эта норма была исключена, что, по мнению ряда авторов, свидетельствует об осторожности законодателя и незавершенности процесса осмысления технологии.

1.2. Законодательные основы применения смарт-контрактов в России

Отправной точкой для интеграции смарт-контрактов в российскую правовую систему стало внесение изменений в ст. 309 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с действующей редакцией, «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Это положение, по справедливому замечанию исследователей, позволяет рассматривать автоматическое исполнение как добросовестное выполнение договоренностей, не требующее дополнительных действий от сторон. Однако данная норма носит рамочный характер и не раскрывает ключевых аспектов правового регулирования смарт-контрактов.

Следующим важным шагом стало введение в ГК РФ статьи 141.1, закрепившей понятие «цифровые права». Под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Как отмечают М.С. Кирмизов и М.Ш. Эргашева, термин «цифровые права» не совсем точен с догматической точки зрения. По своей сути, это традиционные гражданские права (например, права требования), просто облаченные в новую, электронную форму. Тем не менее, законодательное признание цифровых прав создало необходимую основу для оборота активов, с которыми оперируют смарт-контракты.

Важным событием 2025 года стало введение экспериментального правового режима (ЭПР) в сфере цифровых инноваций, в рамках которого смарт-контракты получили официальное призна-

ние как специфическая форма заключения и исполнения договора. Как отмечается в аналитических материалах, с 1 января 2025 года автоматизированное исполнение условий сделки признается надлежащим исполнением, если участники идентифицированы через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) или аккредитованную систему, а программный код доступен для проверки сторонами.

1.3. Соотношение смарт-контракта с традиционными формами сделок

Ключевой вопрос, возникающий при попытке вписать смарт-контракт в существующую систему гражданского права, — это вопрос о его соотношении с традиционными формами сделок.

Согласно ст. 158 ГК РФ, сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). Электронная форма признается разновидностью письменной формы (ст. 160 ГК РФ). Исходя из этого, смарт-контракт, записанный в программный код, можно рассматривать как сделку, совершенную в электронной форме. Однако, как справедливо отмечают исследователи, электронный документ (в смысле Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и цифровой документ (код смарт-контракта) — не одно и то же.

Электронный документ может создаваться и восприниматься человеком посредством электронно-вычислительной техники без специальных знаний в сфере информационных технологий. Цифровой же документ — это запись, сделанная в виде цифрового кодирования с использованием дискретных числовых значений (например, двоичного кода 0 и 1). Для понимания и проверки кода смарт-контракта необходимы специальные знания.

Это различие порождает проблему: если закон требует, чтобы условия договора были «ясны и определены», может ли считаться ясным условие, записанное на языке программирования, который понимают только IT-специалисты? В доктрине предлагается решать эту проблему путем использования «гибридных» договоров, где программный код сопровождается текстовым описанием на естественном языке.

Еще один важный аспект — порядок заключения смарт-контракта. Заключение смарт-контракта, как и обычного, проходит стадии оферты и акцепта. Оферта может быть размещена в виде кода на веб-странице или в блокчейне, а акцепт выражается присоединением к этому коду с использованием закрытого криптографического ключа. Проблема в том, что в традиционном договоре стороны могут в любой момент договориться об изменении условий или расторжении договора.

В чистом смарт-контракте, не предусматривающем такой функции, это технически невозможно без изначального закладывания механизма «аварийного выключателя» (kill switch), что, впрочем, противоречит идее децентрализации и снижает уровень доверия к технологии.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее распространенной и юридически безопасной является модель, при которой смарт-контракт используется как инструмент автоматического исполнения обязательств, а сами обязательства возникают из традиционного письменного договора. Эта модель позволяет сочетать скорость и надежность автоматизации с гибкостью и защищенностью классического договорного права.

2. Проблемы правоприменения и риски для предпринимательской деятельности

2.1. Коллизия между неизменностью программного кода и гибкостью гражданского права

Технологической основой смарт-контрактов является блокчейн — распределенный реестр, информация в котором защищена криптографически и не может быть изменена задним числом. Именно свойство неизменности (иммутабельности) создает основную коллизию с гражданским правом, которое всегда предусматривает механизмы изменения или расторжения договора.

Гражданский кодекс РФ содержит несколько институтов, позволяющих сторонам отступить от буквального содержания договора:

Изменение и расторжение договора по соглашению сторон (ст. 450 ГК РФ). Если стороны решили, что условия договора больше не соответствуют их интересам, они могут в любой момент подписать дополнительное соглашение. Однако смарт-контракт, лишенный такой функции, будет продолжать исполняться так, как было заложено в коде, даже если обе стороны желают иного.

Расторжение договора в судебном порядке при существенном нарушении (статья 450 ГК РФ). Если одна из сторон существенно нарушила договор, другая сторона может обратиться в суд с требованием о расторжении. Но если нарушение уже привело к автоматическому исполнению смарт-контракта (например, списанию денег), вопрос о возврате сторон в первоначальное положение (реституции) становится крайне сложным.

Изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ). Эта норма призвана защитить сторону, для которой исполнение договора стало явно обременительным вследствие обстоятельств, которые сторона не могла предвидеть при заключении договора. Смарт-контракт, не предусматривающий такого механизма, будет исполнен даже в том случае, если это станет явно неспра-

ведливым.

Особую сложность представляет оспаривание сделок по основаниям, предусмотренным главами 9 и 10 ГК РФ. Если суд признает смарт-контракт недействительным по статье 178 (сделка, совершенная под влиянием заблуждения) или ст. 179 (сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы), он должен применить реституцию — вернуть стороны в первоначальное положение. Однако технически «вернуть все назад» в блокчейне невозможно: транзакция, однажды записанная в блокчейн, не может быть отменена.

2.2. Проблема доказывания и судебной защиты по смарт-контрактам

Вторая крупная проблема, с которой сталкиваются предприниматели при использовании смарт-контрактов, — это проблема доказывания в суде. Традиционные доказательства (письменные документы, подписанные сторонами) в мире смарт-контрактов отсутствуют. Есть только записи в блокчейне, представляющие собой криптографические хеши и цифровые подписи. В российском гражданском процессе действует принцип допустимости доказательств: определенные обстоятельства должны быть подтверждены определенными средствами доказывания. В частности, факт заключения договора должен подтверждаться документом, подписанным сторонами (ст. 162 ГК РФ). Может ли запись в блокчейне считаться таким документом? Формально — да, если эта запись подписана электронной подписью сторон в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи». Однако на практике возникает множество технических и правовых сложностей.

Как показывает анализ судебной практики, споры по смарт-контрактам рассматриваются с привлечением IT-экспертов, которые должны подтвердить, что программный код работал именно так, как утверждает истец, и что запись в блокчейне не была сфальсифицирована. Это удорожает и удлиняет судебный процесс, что противоречит одному из главных преимуществ смарт-контрактов — скорости.

Как отмечает Е.А. Кириллова, в монографии «Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов» подчеркивается, что судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. Основные вопросы, которые возникают у судов, — это вопросы доказывания, а также аспекты применения инструментов разрешения противоречий, специально ориентированных на функционирование в цифровой среде.

3. Защита прав предпринимателей при использовании смарт-контрактов

3.1. Механизм «юридической обертки» (legal

wrapper) как способ минимизации рисков

В условиях правовой неопределенности, описанной в предыдущей главе, наиболее практичным и распространенным способом защиты прав предпринимателей при использовании смарт-контрактов является механизм «юридической обертки». Этот термин прочно вошел в юридический обиход, хотя и не имеет легального определения в российском праве.

Суть механизма проста - смарт-контракт (программный код) заключается в «обертку» из традиционного письменного договора на естественном языке. В этом договоре:

фиксируется воля сторон на использование смарт-контракта;

описываются условия, запрограммированные в коде, на понятном суду языке;

определяются механизмы разрешения споров (подсудность, применимое право);

предусматриваются последствия сбоев в работе кода или ошибок оракулов;

оговаривается приоритет текстового договора над программным кодом в случае коллизии.

С точки зрения защиты прав предпринимателей, «юридическая обертка» решает несколько ключевых задач:

Во-первых, она обеспечивает соблюдение требований о письменной форме сделки. Даже если суд по каким-то причинам не признает программный код надлежащим доказательством, текстовый договор, подписанный сторонами, будет иметь полную юридическую силу.

Во-вторых, она позволяет включить в отношения механизмы, которые технически невозможно или сложно реализовать в коде, — например, условие об изменении договора по соглашению сторон или о расторжении при существенном изменении обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

В-третьих, она упрощает судебное доказывание. Вместо того чтобы доказывать, что код работал именно так, как утверждает истец, достаточно сослаться на текстовый договор и подтвердить, что смарт-контракт был исполнен (факт автоматического списания или перевода легко подтверждается записью в блокчейне).

Как отмечает Е.А. Кириллова в своей монографии, «юридическая обертка» позволяет сочетать преимущества автоматизации (скорость, надежность, отсутствие посредников) с преимуществами классического договорного права (гибкость, судебная защита, возможность изменения).

Однако у этого механизма есть и недостатки. Во-первых, он увеличивает транзакционные издержки (нужно составлять два документа вместо одного). Во-вторых, он частично нивелирует преимущество смарт-контрактов — отсутствие необ-

ходимости в доверии. Если в «обертке» прописано, что в случае спора приоритет имеет текстовый договор, то стороны должны доверять суду, который будет этот спор разрешать. В-третьих, возникает вопрос: что делать, если код и текстовый договор противоречат друг другу, а стороны не предусмотрели приоритет? Этот вопрос пока не имеет однозначного ответа в доктрине.

3.2. Роль нотариата и идентификации сторон в смарт-контрактах

Важным аспектом защиты прав предпринимателей является надлежащая идентификация сторон смарт-контракта. Анонимность — одно из ключевых свойств многих блокчейн-систем, но для предпринимательской деятельности, подпадающей под действие законодательства о противодействии легализации доходов (ПОД/ФТ) и налогового законодательства, анонимность неприемлема.

В рамках экспериментального правового режима, действующего с 2025 года, установлено требование: участники смарт-контракта должны быть идентифицированы через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) или аккредитованную систему. ЕСИА — это государственная система, используемая для доступа к portalу «Госуслуги». Идентификация через ЕСИА означает, что государство подтверждает личность участника.

Для предпринимателей это означает, что использование смарт-контрактов в рамках ЭПР не позволяет оставаться анонимным. С одной стороны, это снижает риск мошенничества (контрагент не может скрыться, так как его личность известна). С другой стороны, это создает дополнительные административные барьеры (необходимость регистрации в ЕСИА, подтверждения учетной записи).

Особая роль в легализации смарт-контрактов может принадлежать нотариату. Нотариусы в России наделены полномочиями по удостоверению сделок, свидетельствованию верности копий документов, а также по совершению исполнительных надписей. В контексте смарт-контрактов нотариус может выполнять следующие функции:

Удостоверение соглашения об использовании смарт-контракта. Нотариус может засвидетельствовать, что стороны добровольно и осознанно заключают соглашение о применении смарт-контракта, и что их воля соответствует волеизъявлению.

Фиксация программного кода. Нотариус может приобщить к материалам нотариального дела распечатку программного кода смарт-контракта или его криптографический хеш, засвидетельствовав, что на определенную дату код имел определенное содержание.

Совершение исполнительной надписи. Если смарт-контракт предусматривает беспорное требование (например, возврат суммы займа), и это требование не исполнено, нотариус может совершить исполнительную надпись, которая имеет силу исполнительного документа. Это позволит избежать длительного судебного разбирательства.

Как отмечают исследователи, взаимодействие смарт-контрактов с нотариатом — это перспективное направление. Для предпринимателя использование услуг нотариуса при заключении смарт-контракта — это дополнительные расходы, но эти расходы могут быть оправданы, если цена сделки велика или если контрагент недостаточно известен. Нотариальное удостоверение придает сделке дополнительную доказательственную силу и упрощает защиту прав в случае спора.

3.3. Тенденции развития регулирования и перспективы законодательных изменений

Анализируя тенденции развития правового регулирования смарт-контрактов в России, можно выделить несколько направлений, которые будут определять будущее этого института и, соответственно, условия защиты прав предпринимателей.

В доктрине неоднократно высказывались предложения о внесении в Гражданский кодекс РФ легального определения смарт-контракта. Н.Т. Минасян предлагает дополнить ГК РФ ст. 160.2 «Совершение сделок с использованием смарт-контрактов», которая закрепила бы юридическую силу смарт-контрактов и определила их соотношение с традиционными формами сделок. Такое законодательное закрепление повысило бы правовую определенность и упростило судебную защиту.

Вместе с тем законодательство о цифровых финансовых активах (ЦФА) и цифровой валюте продолжает развиваться. В декабре 2025 года Банк России представил концепцию регулирования криптоактивов, которая предполагает введение двухуровневой модели инвесторов (квалифицированные и неквалифицированные) с ограничениями для розничных инвесторов. Эта концепция будет влиять и на смарт-контракты, поскольку они являются основной формой сделок с ЦФА и криптовалютами.

Как отмечает Е.А. Кириллова, судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. По мере накопления таких дел будут вырабатываться правовые позиции, которые снимут многие вопросы доказывания и квалификации. Предпринимателям, использующим смарт-контракты, необходимо внимательно следить за этой практикой.

Для предпринимателя эти тенденции означают, что смарт-контракты будут постепенно интегрироваться в правовое поле, но этот процесс будет не быстрым. В ближайшие годы основным способом защиты прав останется механизм «юридической обертки» и использование услуг квалифицированных юристов при разработке смарт-контрактов (без текстового сопровождения) — дело отдаленного будущего.

Проведенный в настоящем реферате анализ правового регулирования смарт-контрактов в Российской Федерации, проблем их применения и механизмов защиты прав предпринимателей позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Смарт-контракты представляют собой инновационный инструмент, который открывает перед предпринимателями принципиально новые возможности: снижение транзакционных издержек за счет автоматизации исполнения, исключение посредников, повышение скорости и надежности договорных отношений. Однако эти преимущества сопряжены с серьезными правовыми рисками, обусловленными отсутствием легального определения смарт-контракта в российском законодательстве и коллизией между фундаментальными принципами функционирования блокчейна (неизменность кода) и классического гражданского права (гибкость, возможность изменения и расторжения договора).

Российское законодательство сделало важные шаги навстречу цифровой экономике. Статья 309 ГК РФ допускает автоматизированное исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон, а ст. 141.1 ГК РФ и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» создали правовую основу для оборота цифровых прав. Однако эти нормы носят рамочный характер и не решают ключевых проблем: доказывания в суде, идентификации сторон, ответственности оракулов, а также вопроса о том, как применять к смарт-контрактам институты изменения, расторжения и признания сделок недействительными.

Наиболее острые проблемы правоприменения связаны с доказыванием в суде: запись в блокчейне, представляющая собой криптографический хеш, с трудом вписывается в традиционную систему письменных доказательств. Судам придется привлекать IT-экспертов, что удорожает и удлиняет процесс. Проблема усугубляется отсутствием четких критериев оценки достоверности данных блокчейна и вопросом о юрисдикции при использовании децентрализованных систем.

В этих условиях основным способом защиты прав предпринимателей при использовании

смарт-контрактов является механизм «юридической обертки» (legal wrapper) — заключение наряду с программным кодом традиционного письменного договора на естественном языке, в котором фиксируется воля сторон, описываются условия сделки и предусматривается приоритет текстового договора над кодом в случае спора. Дополнительную защиту может обеспечить нотариальное удостоверение соглашения об использовании смарт-контракта и фиксация программного кода у нотариуса.

Анализ тенденций развития регулирования позволяет предположить, что в ближайшие годы следует ожидать легального закрепления понятия смарт-контракта в Гражданском кодексе РФ (возможно, в виде новой ст. 160.2), а также дальнейшего развития регулирования цифровых прав и формирования судебной практики, которая снимет многие вопросы доказывания и квалификации. Однако полная легализация «чистых» смарт-контрактов без текстового сопровождения — дело отдаленного будущего.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
- [3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
- [4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
- [5] Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1412.
- [6] Постановление Правительства РФ от 03.04.2023 № 529 «О проведении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» (вместе с «Программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций») // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 15. — Ст. 2689.
- [7] Информационное письмо Президиума

ВАС РФ от 31.05.2000 № 52 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле» (в части, касающейся электронных форм сделок) // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 7.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (раздел, посвященный цифровым правам) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8.

[9] Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. — 2025. — № 11. — С. 23–29.

[10] Кирмизов М.С., Эргашева М.Ш. Смарт-контракты в России: проблемы теории и практики // Молодой ученый. — 2026. — № 11 (614). — С. 165–168.

[11] Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 168 с.

[12] Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. — 2019. — № 1. — С. 21–28.

[13] Харитонов Ю.С. Применение смарт-контрактов в коммерческой деятельности // Коммерческое право. — 2019. — № 1 (32). — С. 42–50.

[14] Карапетов А.Г. (отв. ред.). Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. — М.: М-Логос, 2022. — 1496 с.

[15] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2025 по делу № А40-12345/2024.

[16] Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.07.2025 по делу № А56-67890/2025.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — № 32. - Art. 3301.
- [2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (1 hour). - Art. 3448.
- [3] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" (as amended on 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2011. — № 15. - Art. 2036.
- [4] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and

on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended by 14.07.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — № 31. - Art. 5018.

[5] Federal Law of 08.03.2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2015. — № 10. - Art. 1412.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2023 No. 529 "On conducting an experimental legal regime in the field of digital innovation" (together with the "Program of an experimental legal regime in the field of digital innovation") // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2023. — № 15. - Art. 2689.

[7] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 31.05.2000 No. 52 "Review of the practice of arbitration courts resolving disputes related to the application of legislation on currency regulation and currency control" (in terms of electronic forms of transactions) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2000. — № 7.

[8] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (section on digital rights) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian

Federation 29.05.2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2024. — № 8.

[9] Minasyan N.T. The concept and legal nature of smart contracts // Modern law. — 2025. — № 11. - S. 23-29.

[10] Kirmizov M.S., Ergasheva M.Sh. Smart contracts in Russia: problems of theory and practice // Young scientist. — 2026. — № 11 (614). - S. 165-168.

[11] E.A. Kirillova, T.E. Zulfugarzade. Civil law support of smart contracts: monograph. - M.: INFRA-M, 2024. - 168 s.

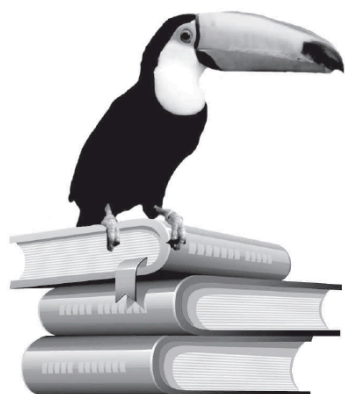
[12] Efimova L.G., Sizemova O.B. Legal nature of a smart contract // Banking law. — 2019. — № 1. - S. 21-28.

[13] Yu.S. Kharitonova. Application of smart contracts in commercial activities // Commercial law. — 2019. — № 1 (32). - S. 42-50.

[14] Karapetov A.G. (resp. ed.). Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation. - M.: M-Logos, 2022. - 1496 p.

[15] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 14.03.2025 in case No. A40-12345/2024.

[16] Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 22.07.2025 in case No. A56-67890/2025.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-543-548

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной
и автомобильной техники Санкт-Петербургского
университета МВД России,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье автор дает обзор нормативным правовым актам, на основе которых выстраивается управление в сфере внутренних дел, рассматриваются акты в зависимости от их значимости, источника издания и содержащихся в них норм права.

Ключевые слова: Российская Федерация, управление внутренними делами, акт, орган, Конституция РФ, оперативно-розыскная деятельность, норма, деятельность полиции, специальное регулирование.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Specialized and
Automotive Equipment St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

THE SPECIFICS OF THE LEGAL AND STATE MECHANISM REGULATING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In this article, the author provides an overview of the regulatory legal acts that underpin the management of internal affairs, examining these acts based on their significance, source of publication, and the legal norms they contain.

Key words: Russian Federation, internal affairs management, act, agency, Constitution of the Russian Federation, operational investigative activities, norm, police activities, special regulation.

В первооснову регламентирования общественных отношений любым государством, не зависимо от исторического периода, всегда закладываются издаваемые властью государственные предписания, с установленными нормами права.

Это называется правовым регулированием, и оно непосредственно влияет на практику государственного управления.

Деятельность субъектов управления в сфере внутренних дел всегда осуществлялась в строгом, если не сказать, жестком, правовом поле, что означает деятельную регламентацию правовыми нормами максимально большого объема производимых действий сотрудниками.

Такая ситуация объективно является результатом длительного исторического отбора в ретроспективе государственного строительства, в основе регламентации лежит принцип оптимального соответствия выполняемым органами внутренних

дел функциям.

Поскольку управление внутренними делами относится к отраслям государственного управления, основная роль в нормативно-правовом регулировании общественных отношений в этой области, безусловно, отводится административному праву.

В общем виде иерархическая система нормативных актов, на основе которых выстраивается весь процесс организации и управления внутренними делами весьма традиционна для российской системы права.

Возглавляет данный список Конституция РФ, обладающая высшей юридической силой на всей территории государства, где закреплены базовые, общеправовые, принципы общественных отношений, которые устанавливаются между правоохранительными органами и гражданами в сфере борьбы с преступностью:

признание государством высшей ценностью прав и свобод человека (ст.2);
равенство граждан перед законом (ст. 19);
соблюдение норм международного права в области обеспечения прав человека (ст. 17);
обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23);
на неприкосновенность жилища (ст. 25);
гарантии судебной защиты прав и свобод граждан (ст. 46);
презумпция невиновности (ст. 49);
установление законодательного порядка ограничения основных конституционных прав для достижения общественно значимых целей (ст. 55)

Важно отметить тот факт, что конституционными нормами статей 76, 90, 104, 105, 115 определяются и устанавливаются полномочия органов государственной власти по принятию нормативных актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью.

В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ присутствует элемент прямого регулирования специфической деятельности в ходе оперативно-розыскных мероприятий, что связано с установлением допустимости ограничивать конституционные права граждан только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ государственного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов иных лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Также, основываясь на содержании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, к нормативной основе для регулирования правоотношений в сфере внутренних дел, относят ратифицированные РФ международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права.

В связи с принятием 14 марта 2020 года поправок к Конституции РФ и последующими изменениями в законодательстве России, нормативно закреплено, что если те решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, будут противоречить Конституции РФ, то они не подлежат исполнению в России.

Такое противоречие устанавливается федеральным конституционным законом.

К основным международным нормативным правовым актам относятся:

Всеобщая декларация прав человека (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.);

Международный пакт о гражданских и политических правах (принятый Генеральной Ассамблеей ООН 19.12.1966 г.);

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство ви-

дов обращения и наказания (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1984 г.);

Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS № 030 (Страсбург, 20.04.1959 г.).

Ратифицирована (с оговорками) Федеральным законом РФ от 25.10.1999 г. № 193-ФЗ (ред. от 01.01.2020) и другие.

Характеризуя осуществляемое взаимодействие в борьбе с преступностью в международном поле, можно в целом говорить о трех направлениях.

Двусторонние контакты, которые, как правило, начинаясь как межгосударственные или межправительственные соглашения, затем подкрепляются межведомственными договоренностями, где зафиксированы задачи и функции для каждого аккредитованного учреждения, как ФСБ РФ, МВД РФ и другие.

Примером акта, закрепившего и регулирующего региональное сотрудничество, может быть принятое на основании подписанных международных документов:

Решения Совета глав правительств СНГ от 24.09.1993 г.;

Положение об Антитеррористическом центре государств — участников СНГ (от 01.12.2000 г.) и др.

Решение о создании Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств — участников СНГ.

Пример многостороннего взаимодействия с иностранными правоохранителями — сотрудничество по специальной процедуре по линиям

Международной организации уголовной полиции (Интерпол), через Национальное центральное бюро Интерпола в РФ, на основе Устава Интерпола.

Также этот процесс осуществляется на основе Приказа МВД России от 31.03.2012 г. № 305 «Об утверждении положения национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел РФ» (ред. от 28.12.2021).

В перечне нормативно-правовых актов, составляющих правовую основу деятельности ОВД, особо выделяют федеральные конституционные законы, поскольку они обладают высшей юридической силой ко всем сферам государственного управления и принимаются по усложненной процедуре, к примеру:

Федеральные конституционные законы: «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 11.08.2023);

«О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023.);

«О военном положении» от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023.).

При введении военного или чрезвычайного положения, обозначенных в ФКЗ, на весь период их действия органы внутренних дел автоматически наделяются особыми полномочиями, меняется их компетенция, добавляется специальная ее часть, что в значительной степени изменяет условия прохождения, иные аспекты службы сотрудников ОВД.

Далее по юридической силе располагаются федеральные законы, причем ряд из них являются для отрасли профильными, они прямо или косвенно регулируют как деятельность полиции, деятельность ОРД, так и деятельность органов внутренних дел в целом.

Эта группа законов чрезвычайно велика. Приведем некоторые из этих нормативных актов. В начале списка располагаются кодифицированные акты, прежде всего уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства:

Уголовный кодекс РФ (УК РФ);

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ);

Уголовно-исполнительный кодекс (УИК РФ);

Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) и другие.

Отдельное место занимает Трудовой кодекс РФ (ТК РФ). Положениями ст. 2 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ, устанавливается, что те из правоотношений, которые складываются в процессе прохождения в ОВД гражданами федеральной государственной гражданской службы, регулируются законодательством РФ о государственной гражданской службе, а соответствующие трудовые отношения — трудовым законодательством.

В результате, ТК РФ (иные акты трудового законодательства) применяются к трудовым правоотношениям, связанным со службой в ОВД, в случаях, они не урегулированы специальным законодательством, что согласуется с положениями ст.11 ТК РФ.

Если стремиться к общему описанию нормативных актов, регулирующих деятельность всей системы органов внутренних дел, то первое, что надо отметить, характер действующих на сегодня сотен разноплановых нормативно-правовых актов.

Некоторые из законов «долгожители», сохранились в правовом поле стран

с начала 90-х годов, при этом неоднократно

но подвергались редакциям, существенно обновляя свои нормы, как:

законы РФ: «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 15.08.2023);

«Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 15.08.2023).

Постоянное внесение изменений касается всех нормативных актов без исключения, в том числе и базовых федеральных законов в данной сфере.

На сегодняшний момент действует внушительная нормативная база, как основа для деятельности всех субъектов в сфере внутренних дел.

Несмотря на свою сложность и масштабность, действующая система законодательства в рассматриваемой сфере характеризуется заметной смысловой консолидацией, придающей ей внутреннюю целостность.

Само содержание норм, в основном носящих императивный характер, определяет особый, специальный, характер нормативно-правовых актов, предназначенных для регулирования места, роли, задач, полномочий, структуры и иных вопросов ОВД в государственном управленческом механизме.

Стоит прежде всего выделить законы, имеющие ключевое значение, которые некоторые авторы именуют «статусными» или актами специального регулирования, которые, как правило, применяются к определенным направлениям деятельности органов внутренних дел или к отдельным видам ОВД.

Особо выделяется Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 04.08. 2023) — далее по тексту Закон «О службе в ОВД»..., нормам которого отводят первое место, поскольку он наравне с определением особенностей прохождения службы в ОВД, еще и регулирует саму деятельность ОВД, при этом устанавливая тесную связь с применением норм Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 04.08.2023), который выступает общим актом по отношению к Закону «О службе в ОВД»....

Связано это с тем, что служба в ОВД является особым видом государственной гражданской службы.

Упомянутой закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в

ст.17,18,20, также предусматривает определенные ограничения, запреты и обязанности для сотрудников полиции или для поступающих на службу в полицию граждан РФ.

Аналогичным образом применяются нормы Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15.09.2023).

Следующий закон специального регулирования детально регламентирует деятельность полиции, которая является одним из структурных элементов ОВД, пожалуй, наиболее значимой частью единой системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, но отождествлять ее полностью с ОВД нельзя.

Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 15.08.2023). Важное место среди специальных законов в сфере несения службы в составе ОРД занимает Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 29.05.2023). Эти законы — «О службе в ОВД»..., «О полиции» и «О соцгарантиях...» составляют общую правовую основу службы в органах внутренних дел в стране.

К группе статусных законов, детально регулирующих деятельность органов внутренних дел, в их ежедневном, оперативном решении специфических задач и исполнении присущих им функций, относятся и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.03.2023) — далее по тексту Закон об ОРД.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) относится к числу правоохранительной деятельности, являясь отдельным ее видом, носит государственный характер, осуществляется в целях предупреждения и борьбы с преступностью.

Можно также выделить целый ряд законов, которые регулируют деятельность ОВД в условиях, представляющих первостепенное значение с точки зрения обеспечения общественной безопасности.

К этой группе условно можно отнести следующие федеральные законы:

«О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 01.09.2023);

«Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 15.07.2023);

«О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022);

«О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) и другие.

Некоторые авторы выделяют ряд федеральных законов в условную группу так называемых «технологических законов», поскольку их нормами устанавливаются конкретные правовые процедуры, определяются формы и методы деятельности органов внутренних дел.

К ним, конечно, относят уже поименованные выше:

УПК РФ, КоАП РФ;

федеральные законы «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 02.12.2022);

«О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 28.04.2023);

«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2023),

Федеральный Закон «О службе в ОВД».

Как уже отмечалось выше, многие законы, при наступлении определенных событий, наделяют органы внутренних дел, и в первую очередь, полицию, дополнительными полномочиями, тем самым расширяя их компетенцию в сравнении с законами специального регулирования.

Кроме перечисленных специальных законов, практически любой другой федеральный закон в разной степени в соответствующих ситуациях применяется в сфере деятельности органов внутренних дел.

Исходя из принципа федеративного построения нашего государства к нормативным основам управления внутренними делами относят акты субъектов РФ и органов местного самоуправления, издаваемые в границах их компетенции по региональным (местным) вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Основным условием при издании данных актов — полное их соответствие федеральному законодательству в сфере внутренних дел, чтобы не возникали случаи так называемого «опережающего нормотворчества».

Продолжают список:

нормативные правовые акты (НПА) Президента РФ (указы и распоряжения);

Правительства РФ (постановления и распоряжения, издаются во исполнение указов Президента РФ);

НПА федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, которым на настоящий момент явля-

ется Министерство внутренних дел России;

акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. К числу особо важных подзаконных НПА, которые непосредственно регулируют как всю деятельность в сфере внутренних дел, так и регламентирующими отдельные вопросы в сфере ОРД, полиции;

Указы Президента РФ, как например: «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» от 21.12.2016 г. № 699 (ред. от 17.07.2023);

«Вопросы организации полиции» от 01.03.2011 № 250 (ред. от 30.09.2022); «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» от 18.04.1996 г. № 567 (ред. от 01.01.2020);

«Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30.11.1995 г. № 1203 (ред. 12.10.2023);

«Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» от 05.12.2022 № 878.

Особое место занимает такие как:

Постановление ВС РФ «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» от 23.12.1992 г. № 4202-I (ред. от 16.02.2018.), где содержится текст Присяги, в котором прослеживается преемственность поколений.

Ст. 28 Закона «О службе в ОВД...» устанавливается обязанность приводить к присяге нового сотрудника при поступлении на службу в ОВД впервые, причем сам текст приведен в этой же статье в ее второй части.

Примерами других подзаконных актов, регламентирующих отдельные вопросы организации и деятельности в сфере управления внутренних дел, являются постановления Правительства РФ: «Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности» от 04.09.1995 г. № 870 (ред. от 01.01.2022).

Ведомственные нормативные акты издаются руководителями различных министерств (ведомств), в первую очередь, занимающиеся правоохранительной деятельностью (Генеральным прокурором, министром юстиции, министром внутренних дел, директором ФСБ и т. п.), а также акты иных органов исполнительной власти. В определенных случаях издаются межведомственные приказы (инструкции), утверждаемые руководителями нескольких органов власти.

Например, Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России «О едином учете преступлений» от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 (ред. от 19.11.2019).

Выделятся группа актов, регулирующих порядок осуществления ведомственного и прокурорского контроля и надзора за исполнением законов ОВД в ходе их деятельности, имеющих особую значимость в сфере внутренних дел.

К сожалению, обществу и государству может быть нанесен значительный вред со стороны «оборотней в погонах», учитывая особенность функционирования всей системы ОВД, например:

Указания Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ «О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 29.09.2008 г. № № 215/69, 1/7818;

Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» от 15.02.2011 г. № 33;

Приказ МВД РФ «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 26.03.2013 г. № 161 (ред. от 12.11.2018).

Важным источником норм права, регулирующих деятельность ОВД, являются нормативные акты МВД России, которые содержат административно-правовые нормы и регламентируют деятельность служб, входящих в систему МВД РФ (приказы, инструкции, уставы, положения и другие акты).

Например, приказы МВД России: «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» от 30.04.2011 г. № 333; «Об утверждении Типового положения об инспекции по личному составу органа внутренних дел Российской Федерации» от 27.05.1999 г. № 394 (ред. от 02.10.2012) и другие.

МВД России в установленном порядке и в пределах своей компетенции также издает нормативные акты, имеющие обязательный характер для органов, предприятий, учреждений и организаций независимо от их ведомственной подчиненности, а также граждан России.

Обширная группа подзаконных актов, которые издают иные органы, также содержит нормы и положения, которые детализируют многие направления осуществления деятельности в сфере внутренних дел.

Применение определенной группы нормативных актов в деятельности УВД, включая деятельность полиции, ОРД, регламентируется особо, поскольку часть издаваемых актов выступает в форме секретных приказов или иных документов для служебного пользования.

Таким образом, можно констатировать, что организация и деятельность органов УВД регулируется правовыми актами различного уровня и неодинаковой юридической силы. Законодательство РФ в сфере управления внутренними делами очень объемно, если не сказать, громоздко, насыщено специальными нормами, максимально детализировано, как правило, императивно, и при этом весьма последовательно.

Список литературы:

[1] Киселев А. П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. П. Киселев. – М: Ось-89. 392 с.

[2] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / Коллектив авторов. – Москва: Проспект, 2021. – 672 с.

[3] Зеленцов А. Б. Административно-процессуальное право России в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 311 с.

[4] Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая: комментарий к главам 15–32 КоАП РФ (под общ. ред. Л. В. Чистяковой) / Р. В. Амелин, М. Б. Добробаба, Ю. В. Капитанец [и др.]. – Москва: ИД ГроссМедиа: РОСБУХ, 2019. – 2159 с.

[5] Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров; под редакцией Л. Л. Попова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 456 с.

[6] Чапчиков С. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (постатейный): правовая основа и основные направления деятельности, принципы деятельности, обязанности и права, финансовое и материально-техническое обеспечение деятель-

ности, контроль и надзор за деятельностью / С. Ю. Чапчиков. – Москва: Юстицинформ, 2012. – 399 с.

[7] Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» = О полиции [Текст] : (постатейный) / С. И. Барсуков, А. Н. Борисов. – Москва : Деловой двор, 2011. – 639 с.

References:

[1] Kiselev A. P. Commentary on the Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On Operational-Investigative Activities" / A. P. Kiselev. – M: Os-89. 392 p.

[2] Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (article-by-article) / Collective authors. – Moscow: Prospect, 2021. – 672 p.

[3] Zelentsov A. B. Administrative-procedural law of Russia in 2 parts. Part 1: textbook for universities / A. B. Zelentsov, P. I. Kononov, A. I. Stakhov. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2023. – 311 p.

[4] Article-by-Article Commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Part Two: Commentary on Chapters 15–32 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (under the general editorship of L. V. Chistyakova) / R. V. Amelin, M. B. Dobrobaba, Yu. V. Kapitanets [et al.]. – Moscow: GrossMedia Publishing House: ROSBUKH, 2019. – 2159 p.

[5] Migachev Yu. I. Administrative Law of the Russian Federation: Textbook for Universities / Yu. I. Migachev, L. L. Popov, S. V. Tikhomirov; edited by L. L. Popov. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2023. – 456 p.

[6] Chapchikov S. Yu. Commentary on the Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" (article by article): legal basis and main areas of activity, principles of activity, duties and rights, financial and logistical support for activities, control and supervision of activities / S. Yu. Chapchikov. – Moscow: Yustitsinform, 2012. – 399 p.

[7] Commentary on the Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" = On the Police [Text]: (article by article) / S. I. Barsukov, A. N. Borisov. – Moscow: Delovoy Dvor, 2011. – 639 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-549-553

Дата принятия рукописи в печать: 09.08.2026 г.

МИЛОВАНОВА Лада Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
юриспруденции Московского городского университета
управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова,
e-mail: milovanova@list.ru

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ АПАРТАМЕНТОВ КАК ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Аннотация. Автором осуществлен анализ правового регулирования апартментов в современной Российской Федерации, детализирован статус «нежилых» помещений, представлена судебная практика. Определен ряд проблем, решение которых требует научной теоретической проработки и детализации. Автором рассмотрены текущие направления по решению правовых проблем, связанных с квартирами в России, с акцентом на предлагаемые поправки к Жилищному кодексу Российской Федерации. Отмечено, что апартменты все чаще признаются в качестве особого вида недвижимости, отличного от жилых домов и обладающего уникальным юридическим статусом. Сделаны выводы о том, что апартменты имеют уникальную юридическую природу, а также динамично развивающийся правовой статус в современных условиях.

Ключевые слова: статус апартментов, «жилые» помещения, «нежилые» помещения, «многофункциональные здания и комплексы», жилая застройка.

MILOVANOVA Lada Vyacheslavovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of
the Department of Jurisprudence Moscow City University of
Management Government of Moscow named after Y.M. Luzhkov

LEGAL ANALYSIS OF APARTMENT REGULATION AS A SPECIAL TYPE OF LIVING SPACE

Annotation. The author analyzes the legal regulation of apartments in the modern Russian Federation, details the status of "non-residential" premises, presents judicial practice. Identifies a number of problems, the solution of which requires scientific theoretical study and detailing. The author examines the current efforts to solve legal problems related to apartments in Russia, with an emphasis on the proposed amendments to the Housing Code of the Russian Federation. are more often recognized as a special type of real estate that is different from residential buildings and has a unique legal status. It is concluded that apartments have a unique legal nature, as well as a dynamically developing legal status in modern conditions.

Key words: status of apartments, "residential" premises, "non-residential" premises, "multifunctional buildings and complexes", residential development.

На сегодняшний день апартменты пользуются большой популярностью на рынке недвижимости. Помещения как правило предназначены для временного проживания граждан. Они дешевле обходятся чем квартиры и если человеку необходимо определённое время пожить на конкретной территориальной единице, то в большинстве случаев предпочтение отдадут апартментам. Однако такие помещения законодатель определяет как «нежилые», что в свою очередь порождает обилие спорных моментов касательно определе-

ния статуса апартментов.

В нормативных правовых актах Российской Федерации отсутствует регулирование правового статуса апартментов, что образует множество пробелов в праве. Сейчас практикуется строительство апарт-отелей, которые предназначены для временного проживания граждан. Они также должны отвечать технике безопасности, как и «жилые» помещения, хотя по своей юридической природе являются помещениями «нежилыми». Отсутствие чёткого определения статуса апарта-

ментов и их перекрестие с жилыми помещениям вызывают реакцию граждан и порождают не редко судебные вопросы.

Регулирование правового статуса апарт-апартаментов имеет большое значение на экономику государства, поскольку оказывает влияние на инвестирование в строительство и обслуживание таких помещений, а также зачастую люди приобретают апартаменты не для кратковременного проживания, но и для постоянного места жительства, что в данный момент законодательно невозможно, поскольку помещения признаются «нежилыми». Таким образом грамотное регулирование правового статуса апартаментов имеет серьёзные последствия, оказываемые экономике страны.

В Совете Федерации предлагалось ввести новый вид жилых помещений и определить его как «апартаменты в многофункциональном доме». (В апреле 2021 года группа сенаторов и депутатов внесла в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 1162929-7 о правовом статусе апартаментов в многофункциональных зданиях).

Данный законопроект устанавливал новый статус апартаментов, с возможностью гражданам регистрироваться в них. Внесённые поправки в законодательство должны были повлечь изменения в жилищный, градостроительный и земельный кодексы. Официального опубликования законопроекта не получил, однако по мнению автора это помогло бы решить ряд проблем, связанных со статусом апартаментов. (22 января 2025 года Государственная Дума Российской Федерации отклонила законопроект).

В настоящее время очень актуален вопрос, касающийся спроса на апартаменты гражданами Российской Федерации. Если акцентировать внимание на Москве, то такие объекты недвижимости зачастую размещаются в бизнес-центрах, а также в многоквартирных домах.

Так, руководитель аналитического центра В. Богданюк информирует, «статистические данные на рынке и в практике указывают на конкурентоспособность апартаментов с квартирами в темпе продаж». Такой рост стал заметен ещё в 2014 году и продолжает расти до сих пор.

Как было выше отмечено, апартаментами признано считать теперь не только гостиницы и отели, но и другие нежилые категории, такие как офисные здания и бизнес-центры. На законодательном уровне апартаменты признано считать, как коммерческую нежилую недвижимость, но с возможностью проживания граждан, благодаря наличию всех необходимых удобств.

Существует несколько позиций со стороны юридического сообщества, касательно вопроса

апартаментов как жилых помещений:

1. Апартаменты являются отдельным типом недвижимости и имеют собственный правовой статус. Владельцы могут свободно ими распоряжаться, есть возможность покупки, продажи и сдачи в аренду таких помещений.

2. Учёные-юристы трактуют апартаменты как отдельные жилые помещения, расположенные в многоквартирных домах или комплексах и независимые от других помещений.

3. Встречаются комментарии, вызванные несогласием юридическим сообществом с некоторыми нормами правового регулирования данного вопроса, и, соответственно, предложения по их улучшению. К примеру, проблемы с застройщиками, в связи с чем обращение к жилищному законодательству, налоговые ставки, особенности эксплуатации и многие другие вопросы.

Куракин А.С. в своей работе «правовое регулирование апартаментов в России: проблемы и перспективы»⁵ отметил, что зарубежное законодательство использует термин «апартаменты» в различных контекстах, но не даёт полного понимания их правового статуса. При проведении сравнительного анализа в качестве примера часто используются романо-германские страны, где комнаты или отдельные помещения в жилом объекте классифицируются как апартаменты [1, с. 4].

Еще в 2016 году Правительством Москвы было вынесено Постановление, согласно которому апартаменты включаются в специальный реестр, о чём также указано в работе Цуканова Е.Ю. и Придатко Е.А. [2, с. 5].

Так, апартаменты запрещено использовать в предпринимательской деятельности, помимо этого площадь апартаментов должна составлять не менее 300 квадратных метра и запрещено эксплуатировать апартаменты как организацию. Такие изменения вызвали больше вопросов, чем было до этого, соответственно увеличилось число судебных споров.

Мнения учёных-юристов разделились. Одни предлагают запретить проживание в жилых помещениях, другие, требуют, что «следует дополнить Жилищный кодекс Российской Федерации нормой, в которой будет указано, что апартаменты не являются жилым помещением», другие участники юридических споров предлагают вовсе запретить проживание в нежилых помещениях.

Также важно отметить, что при покупке апартаментов нельзя будет использовать материнские или военные сертификаты, предназначенные для улучшения жилищных условий. Помимо этого, в обязанности застройщика не входит обеспечение жилищного комплекса объектами инфраструктуры, по типу детских садов, школ, магазинов и тому

подобных. То есть, строительные нормы и правила не распространяются на апартаменты, а значит в случае возникновения проблем с соседями, сослаться на жилищный регламент не получится [3, с. 2].

Появление в российском законодательстве понятия «многофункциональные здания и комплексы», объединяющего жилые и нежилые компоненты, вводит новый уровень сложности в дискуссию о апартаментах: правовой статус зданий, в которых они расположены, и потенциальное сосуществование различных типов жилья в этих структурах ещё больше усложняет ситуацию. Это обстоятельство поднимает вопросы о конкретных нормативных актах, регулирующих деятельность этих зданий, в частности, в отношении стандартов пожарной безопасности в жилых помещениях.

Возникает вопрос: как эти сооружения влияют на существующие определения и правила, касающиеся апартаментов, арендуемого жилья и традиционных жилых помещений?

Этот меняющийся ландшафт требует тщательного юридического анализа для обеспечения ясности, безопасности и надлежащего соблюдения нормативных актов в этих сложных условиях. Самое главное ограничение апартаментов – невозможность в них прописаться. Постоянная прописка по месту жительства играет большую роль в жизни гражданина, и, когда человек лишён штампа о постоянной прописке, он также теряет право на получение определённых государственных привилегий.

Так, например, проживая в апартаментах, без прописки соответственно, гражданин обделён правом на получение льгот, привязки к бесплатной государственной поликлиники, могут возникнуть проблемы с работой, а также с устройством детей в образовательные учреждения. Обладатели квартир подобных проблем не испытывают, законодательно они проживают в жилом помещении.

Необходимо уделить внимание ещё одной важной особенности, связанной с приобретением апартаментов. При заключении договора долевого участия, по которому покупатель недвижимости с апартаментами отдаёт свою долю застройщику, как и с жилыми помещениями обязательна регистрация в Росреестре, а также обеспечение полного соответствия договору по защите и качеству построенной недвижимости.

В случае, если застройщик квартир стал банкротом, покупатели могут компенсировать вложенные средства за счёт Фонда прав дольщиков, или же получить квартиру от другого застройщика. Ситуация с апартаментами выглядит сложнее. Покупатели могут востребовать от застройщика денежной компенсации, однако получить её не

всегда удаётся, поскольку в законе о банкротстве сказано про нежилые помещения, но термин «апартаменты» не указывается.

Согласно законодательству, машино-места и нежилые помещения площадью не более квадратных метров получают денежную компенсацию или готовые помещения, а собственники апартаментов, которые площадью более квадратных метров, требовать новой площади не могут, но предоставляется возможным получить денежные средства.

Рассмотрим конкретные практические последствия, вытекающие из классификации апартаментов как нежилых помещений. Дается чёткое представление о недостатках, с которыми сталкиваются владельцы апартаментов, и подчёркиваются потенциальные риски, связанные с этой правовой неопределённостью.

Основные выводы включают:

- более высокие расходы на коммунальные услуги: владельцы апартаментов часто сталкиваются с более высокими счетами за коммунальные услуги на 15–30% по сравнению с жилыми помещениями из-за их нежилой категории;

- право на налоговые вычеты: налоговый вычет в размере 13%³, доступный покупателям жилья, не распространяется на апартаменты, что увеличивает финансовое бремя;

- менее строгие строительные нормы и правила: смягчённые строительные стандарты для коммерческой недвижимости приводят к тому, что в апартаментах потенциально отсутствует надлежащая звукоизоляция, инсоляция и соблюдение требований санитарно-эпидемиологической безопасности, что ставит под угрозу благополучие жильцов;

- отсутствие обязательств по социальной инфраструктуре: застройщики не обязаны обеспечивать социальную инфраструктуру в районах с многоквартирными домами, несмотря на их жилое использование;

- ограничения по постоянной регистрации (в большинстве апартаментов регистрация по месту жительства невозможна, что затрудняет доступ к основным общественным услугам и льготам);

- отсутствие прав членов семьи (члены семьи владельцев апартаментов не обладают такой же правовой защитой и правами, как те, кто проживает в жилых домах).

Таким образом, несмотря на эти недостатки, признаётся финансовая привлекательность апартаментов из-за их более низкой покупной цены и потенциального дохода от сдачи в аренду. Однако настоятельно необходимо провести законодательную реформу для переклассификации апартаментов в жилые помещения. Такая реклассификация предоставит владельцам апартаментов равные

права и защиту, обеспечит соблюдение стандартов безопасности и создаст более справедливый и прозрачный рынок жилья.

Следующим, не менее спорным вопросом служит обращение судов к закону «О защите прав потребителей». Обратимся к судебной практике. Собственница апартamentов заключила договор строительного подряда с индивидуальным предпринимателем, который должен был выполнить ремонт в указанные сроки. Подрядчик не уложился во времени, и собственница решила взыскать с него неустойку, однако судами было отказано [4, с. 3].

В решении суд указал, что в подобных спорных правоотношениях, относящийся к нежилым помещениям, не применяется закон «О защите прав потребителей», следовательно собственница не могла претендовать на неустойку. Однако Верховным судом решение одобрено не было, поскольку судебные инстанции должны разобраться с какой целью был выполнен ремонт. Если ремонт не связан с предпринимательской деятельностью, тогда, ссылаясь на дело No 78-КГ20-66- К31, закон «О защите прав потребителей» будет применим.

Подобные судебные споры возникают часто, и практика ссылается на то, что к апартamentам, заведомо относящимся к нежилым помещениям, закон «О защите прав потребителей» применяться не будет. В связи с этим, существует стойкая необходимость внесения корректировки, как к апартamentам в составе нежилых помещений, так и к закону «О защите прав потребителей». Таким образом, для решения данной проблемы предлагается приравнять статус апартamentов к жилым помещениям, для того чтобы закон «О защите прав потребителей» непосредственно распространялся и на апартamentы.

Следующее направление, это эксплуатация апартamentов, которая включает в себя следующие особенности:

1. Владельцы апартamentов могут использовать их не только для проживания, но и для сдачи в аренду и субаренду, но только с согласия арендодателя.

2. Владельцы апартamentов помимо распоряжения имуществом, так же могут осуществлять ремонтные работы.

3. Арендатор обязан поддерживать порядок в апартаментах и осуществлять расходы на собственные нужды за свой счёт.

Запрещена организация азартных игр, а также участие в них. Налог на апартamentы выше, чем на имущество и коммунальные услуги.

Таким образом, анализ законодательства правового регулирования апартamentов показал, что вопросы регулирования апартamentов как жи-

лых помещений имеют пробелы в праве, данная система ещё недоработана и, несмотря на все внесения в правовые акты, апартamentы нуждаются в усовершенствовании.

Автором предлагается практическое решение проблемы правовой неопределённости, связанной с апартаментами в России: внесение поправок в Земельный кодекс, позволяющих переоборудовать квартиры в жилые помещения. Ключевым условием для такого переоборудования является то, что земля, используемая для строительства здания с апартаментами, должна соответствовать существующим требованиям к жилой застройке.

Гарантируется, что в апартаментах, предназначенных для проживания, расположенных в районах, пригодных для длительного проживания, будет оснащена вся необходимая инфраструктура. Предлагаемая поправка представляет собой прагматичный подход к устранению разрыва между действующей правовой базой и практическими реалиями использования апартamentов.

Предоставляя законный путь для их переоборудования в жилые помещения, проект признаёт растущий спрос на апартamentы в качестве основного места жительства и предлагает механизм приведения их правового статуса в соответствие с их фактическим назначением.

Такое решение способно решить многие проблемы, с которыми в настоящее время сталкиваются владельцы апартamentов и жильцы, включая доступ к жилищным правам, правовую защиту и соответствующие налоговые льготы. Однако его успешная реализация требует тщательного рассмотрения критериев пригодности земельных участков и разработки чёткого и эффективного процесса преобразования.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, автором кратко излагаются ключевые проблемы, связанные с апартаментами, и предлагается потенциальное решение. Указывается, что, хотя временная регистрация в квартирах позволяет жильцам избежать юридических санкций, она не предоставляет им полного доступа к правам и свободам граждан, подчёркивая неадекватность их нынешнего правового статуса.

Говорится о противоречивом характере апартamentов: они обладают характеристиками жилых помещений и в то же время относятся к категории нежилой или коммерческой недвижимости. Это несоответствие требует внесения изменений в законодательство для устранения неясности и обеспечения юридической ясности.

Список литературы:

- [1] Куракин А.С. Правовое регулирование

апартаментов в России: проблемы и перспективы, 2024. - 214 с.

[2] Цуканова Е.Ю., Придатко Е.А. К вопросу правового статуса апартаментов как объектов недвижимости // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 2020. № 117. 15 с.

[3] Дядькин Д.С., Усольцева Н.А. Проблемы определения статуса апартаментов в качестве помещений для проживания граждан, 2025. – 112с.

[4] Манаенков К.Л. Правовой статус апартаментов. Проблемные вопросы судебной практики // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2025. - 33 с.

References:

[1] Kurakin A.S. Legal regulation of apartments in Russia: problems and prospects, 2024. - 214 p.

[2] Tsukanova E.Yu., Pridatko E.A. On the legal status of apartments as real estate // *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 2020. No. 117. 15 p.

[3] Dyadkin D.S., Usoltseva N.A. Problems of determining the status of apartments as premises for residential purposes, 2025. - 112 p.

[4] Manaenkov K.L. Legal status of apartments. Problematic issues of judicial practice // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2025. - 33 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-554-557

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928,
ORCID: 0000-0003-2233-0230,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ АНДРАГОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ПЕНИТЕНЦИАРНЫМИ РАБОТНИКАМИ

Аннотация. Педагогами исследователями, а также практиками – сотрудниками воспитательной службы уголовно-исполнительной системы многократно подчеркивалась значимость и актуальность андрагогического, то есть самостоятельно реализуемого характера реализации воспитательной работы с пенитенциарными работниками. С позиций указанного подхода пенитенциарные работники должны активно не только участвовать, но и организовывать и проводить мероприятия воспитательного характера в органах и учреждениях ФСИН России, где они проходят службу.

В рамках такой андрагогической воспитательной работы, реализуемой с целью оперативного информирования сотрудников ФСИН России об основных направлениях государственной внешней и внутренней политики, общественно-политической и социально-экономической обстановке в стране и в мире, о текущих и перспективных оперативно-служебных и производственно-хозяйственных задачах во всех территориальных органах ФСИН России проводятся соответствующие мероприятия с ведомственными работниками.

Гипотезой статьи выступает предположение о том, что реализация андрагогического характера воспитательной работы с пенитенциарными работниками способствует не только их участию, но и организации и проведению мероприятий воспитательного характера в органах и учреждениях ФСИН России, где они проходят службу.

Цель статьи – раскрытие посредством анализа существующей практики воспитательной работы практических возможностей формирования андрагогического характера воспитательной работы с пенитенциарными работниками.

Задачами статьи являются: рассмотрение посредством анализа существующей практики воспитательной работы практических образцов реализации самостоятельной воспитательной работы с участием работников ФСИН России, а также анализ теоретических педагогических возможностей в направлении формирования андрагогического характера проводимых воспитательных мероприятий.

Методами и методиками статьи определяются: анализ теоретических позиций педагогики в направлении реализации андрагогического характера в воспитательной работе с пенитенциарными работниками; анализ практики реализации и функционирования андрагогического характера в воспитательной работе.

Результатами исследования стали: итоги реализованного анализа практики реализации андрагогического характера в воспитательной работе с пенитенциарными работниками.

Ключевые слова: андрагогический характер, анализ практики, воспитательная работа, пенитенциарные работники, мероприятия воспитательного характера, наглядная агитация, комнаты воспитательной работы с сотрудниками.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ANALYSIS OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF ANDRAGOGICAL PRINCIPLES IN EDUCATIONAL WORK WITH PENITENTIARY WORKERS

Annotation. *Educators, researchers, and practitioners working in the correctional services of the penal system have repeatedly emphasized the importance and relevance of andragogical—that is, independently implemented—educational work with penitentiary employees. From this perspective, penitentiary employees should not only actively participate in, but also organize and conduct educational activities in the agencies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia where they serve.*

As part of this andragogical educational work, implemented with the goal of promptly informing FSIN employees about the main directions of state foreign and domestic policy, the socio-political and socio-economic situation in the country and internationally, and current and future operational, service, and production-economic tasks, relevant events are held with departmental employees in all territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The article's hypothesis is that the implementation of an andragogical approach to educational work with penitentiary employees facilitates not only their participation but also the organization and implementation of educational activities in the agencies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia where they serve.

The purpose of the article is to identify, through an analysis of existing educational practice, practical opportunities for developing an andragogical approach to educational work with penitentiary employees.

The objectives of the article are: to examine, through an analysis of existing educational practice, practical examples of implementing independent educational work with the participation of FSIN employees, as well as to analyze theoretical pedagogical opportunities for developing an andragogical approach to educational activities.

The article's methods and techniques are defined by: an analysis of theoretical pedagogical positions on the implementation of an andragogical approach in educational work with penitentiary employees; an analysis of the practical implementation and functioning of an andragogical approach in educational work.

The results of the study were: the results of the analysis of the practice of implementing an andragogical nature in educational work with penitentiary workers.

Key words: *andragogical character, analysis of practice, educational work, penitentiary workers, educational events, visual propaganda, rooms for educational work with employees.*

Введение.

Пожалуй, главное положение воспитательной работы с персоналом (педагогической науки) — это андрагогический, то есть самостоятельный характер организации и проведения воспитательных мероприятий самими пенитенциарными работниками [1, 2, 4]. Для этого в целях оперативного информирования сотрудников ФСИН России об основных направлениях государственной внешней и внутренней политики, общественно-политической и социально-экономической обстановке в стране и в мире, о текущих и перспективных оперативно-служебных и производственно-хозяйственных задачах во всех территориальных органах ФСИН России проводится соответствующая воспитательная работа с ведомственными работниками [5, 6].

Так, в зависимости от целей и задач воспитательной работы с сотрудниками реализуется размещение наглядной агитация не только в комнатах

воспитательной работы с сотрудниками УИС, но и в фойе, холлах, коридорах, служебных помещениях [3]. Стенды с наглядной информацией размещены в административных зданиях учреждений, а также дежурных частях и караульных помещениях.

В административных зданиях органов и учреждений ФСИН России размещены постоянно действующие экспозиции по истории УИС, тематические экспозиции по теме «Оружие времен Великой Отечественной войны» и уголки истории, тематические экспозиции и выставки в уголках истории. Еженедельно проводятся единые дни информирования пенитенциарных работников.

Цель статьи — это раскрытие, посредством анализа существующей практики воспитательной работы, практических возможностей формирования андрагогического характера воспитательной работы с пенитенциарными работниками.

Задачи статьи — это рассмотрение посред-

ством анализа существующей практики воспитательной работы практических образцов реализации самостоятельной воспитательной работы с участием работников ФСИН России;

анализ теоретических педагогических возможностей в направлении формирования андрагогического характера проводимых воспитательных мероприятий.

Методами и методиками работы выступили: анализ теоретических позиций педагогики в направлении реализации андрагогического характера в воспитательной работе с пенитенциарными работниками; анализ практики реализации и функционирования андрагогического характера в воспитательной работе.

Результаты исследования.

В рамках воспитательной работы, а также в целях оперативного информирования сотрудников ФСИН России об основных направлениях государственной внешней и внутренней политики, общественно-политической и социально-экономической обстановке в стране и в мире, о текущих и перспективных оперативно-служебных и производственно-хозяйственных задачах в ГУФСИН (УФСИН) России реализуются соответствующие мероприятия с непосредственным участием самих сотрудников и членов их семей [3, с. 593].

В УФСИН России по Тамбовской области в зависимости от целей и задач наглядная агитация размещается не только в комнатах воспитательной работы с сотрудниками УИС, но и в фойе, холлах, коридорах, служебных помещениях; регулярно обновляется постоянно действующая экспозиция аппарата УФСИН России по Тамбовской области, а также уголки истории подведомственных учреждений.

В УФСИН России по г. Москве и подведомственных учреждениях в административных зданиях учреждений, а также дежурных частях и караульных помещениях размещены стенды с наглядной информацией; еженедельно проводятся единые дни информирования, также ежедневно на общих построениях личного состава руководящим составом учреждений доводится актуальная информация.

Широко используются в воспитательной работе с сотрудниками УИС постоянно действующие экспозиции по истории УИС и уголки истории, тематические экспозиции и выставки в уголках истории, организованные в территориальными органами ФСИН России (далее – ТО ФСИН России) для знакомства со служебным путем и опытом работы ветеранов, внесших значительный вклад в развитие, что положительно влияет на формирование у сотрудников гражданских, нравственных и иных профессионально значимых качеств.

В первом полугодии 2021 года в ГУФСИН России по Челябинской области функционировали 22 постоянно действующие экспозиции по истории УИС. Экспозиционный фонд ГУФСИН России по Челябинской области и подведомственных учреждений составил 25794 единицы. Функционировало 4 уголка истории, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями. На базе постоянно действующих экспозиций по истории УИС в ГУФСИН России по Челябинской области за отчетный период организованы 233 мероприятия (выставки, тематические экспозиции, экскурсии и т.п.). Так, созданы экспозиционные выставки, посвященные: Дню защитника Отечества, Дню освобождения Ленинграда от фашистской блокады, Дню работника УИС, Всемирному дню воды, Дню защиты детей, Дню России, Дню Космонавтики, 800-летию А. Невского, 130-летию со дня рождения М.А. Булгакова, а также профессиональным праздникам и памятным датам.

Организованы тематические экспозиции по темам: «Оружие времен Великой Отечественной войны», «Участники боевых действий СИЗО-3», «УИС вчера и сегодня. История учреждения», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Оружие времен Великой Отечественной войны»; «Труженики тыла – ветераны нашего учреждения. Истории из первых уст», «Память! Слава!», «Славные сыны Отечества», «Поехали!», «История нашего народа», «Страна великая, славься!», «Мастер», «Татьянин день», «Первый день весны», «Масленица», «Флаг Российской Федерации» и др. Организованы фотовыставки: «День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 г.)», «Жертвы Холокоста», «Праздник со слезами на глазах», «Сталинградская битва», «Юные 19 герои-антифашисты», «Женщины в погонах», «История УИС», «60 лет со дня полета Юрия Гагарина в космос», «Первые в Космосе», «Труд весной», «Просторы России», «Моя Россия», «Автомат Калашникова», «Детство в объективе фотоаппарата», «Вещмешок солдату – Дом».

Организованы выставки творческих поделок: «Улыбка детства», «Нарядные нитки», «Я – космонавт», «Дом моей мечты». Организованы выставки детских рисунков: «Мое солнечное детство», «День России», «8 марта», «День защитника Отечества», «Рисую космос», «Мы пришли к тебе, Победа», «Моя мама лучше всех», «Детские мечты», «Любимая мама». Проведены экскурсии для сотрудников и иных посетителей по темам: «История Верхнеуральской тюрьмы», «История Верхнеуральского политического изолятора», «76-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне», «Великая Победа» и др.

Постоянно действующая экспозиция по исто-

рии УИС в УФСИН России по Брянской области, а также уголки истории в учреждениях УФСИН России по Брянской области активно используются для изучения событий и развития региона в целом, истории становления учреждений УИС Брянской области, для знакомства со служебным путем и опытом работы ветеранов, внесших значительный вклад в развитие УФСИН России по Брянской области.

С 18 марта 2021 г. в ГУФСИН России по Кемеровской области-Кузбассу открыта постоянно действующая экспозиция по истории УИС, экспозиционный фонд которой на сегодняшний день составляет 150 единиц.

С целью проведения просветительской работы, в помещении постоянно действующей экспозиции размещена интерактивная сенсорная смарт-панель с программным обеспечением. На смарт-панели демонстрируется история исправительных учреждений Кемеровской области-Кузбасса, а также имеется возможность выхода в Интернет, подключения компьютера и других мультимедийных устройств. В учреждениях ГУФСИН России по Кемеровской области-Кузбассу функционирует 6 постоянно действующих экспозиций по истории УИС, с экспозиционным фондом 162 единицы, 31 уголок по истории УИС, 42 уголка с государственной символикой, 25 комнат воспитательной работы с личным составом имеется 6 мемориальных сооружений, 17 памятников, 10 мемориальных досок, 59 книг памяти.

Заключение.

Реализовав, таким образом, анализ практики возможностей реализации андрагогического характера в воспитательной работе с пенитенциарными работниками нами определены соответствующие выводы. В роли основного вывода выступило положение о том, что о том, что реализация андрагогического характера воспитательной работы с пенитенциарными работниками способствует не только их участию, но и организации и проведению мероприятий воспитательного характера в органах и учреждениях ФСИН России, где они проходят службу.

Список литературы:

[1] Гаранов Ю.С. Аксиологический анализ образа героя в фильме В. Хотиненко «Мусульманин» // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 1. – С. 22-25.

[2] Дутова О.В. Маркеев С.П. Инновационные технологии коррекционной работы как фактор преодоления неблагополучия несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Проблемы социальной

психологии и социальной работы // Материалы XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 173-174.

[3] Казберов П.Н. Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[4] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60-64.

[5] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 38-41.

[6] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

References:

[1] Garanov Yu.S. Axiological analysis of the image of the hero in the film by V. Khotinenko "Muslim" // Theory and practice of social development. 2012. - No. 1. - P. 22-25.

[2] Dutova O.V. Markeev S.P. Innovative Technologies of Correctional Work as a Factor in Overcoming the Well-Being of Minors in Difficult Life Situations // Problems of Social Psychology and Social Work // Proceedings of the XVIII All-Russian Parygin Scientific and Practical Conference with International Participation, St. Petersburg, April 14, 2023. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. - Pp. 173-174.

[3] Kazberov P.N. Educational Work as the Main Means of Correctional Influence on Convicts: Principles, Methods, Forms // Education and Law. – 2025. – No. 5. – P. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[4] Kraynova N.A. Correction of a convict: the purpose or function of criminal punishment (on the issue of essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. №. 2 (39). S. 60-64.

[5] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and Educational Environment as a Means of Preventing Criminal Subculture in Places of Deprivation of Liberty // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2016. №. 4(36). S. 38-41.

[6] Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law. Moscow: NORMA, 1996. 432 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-558-564

СОТНИКОВ Алексей Евгеньевич,
адвокат адвокатской палаты Санкт-Петербурга
e-mail: advokatsotnikov@mail.ru

КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КОНТРАГЕНТА ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК С ПРЕДПОЧТЕНИЕМ: ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения объективных и субъективных критериев при оспаривании сделок с предпочтением несостоятельного должника. На основе анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доктринальных подходов и актуальной судебной практики, включая обзоры Верховного Суда РФ за 2022 и 2024 годы, автор выявляет отсутствие единообразной концепции добросовестности контрагента. Показано, что расширительное толкование Пленумом ВАС РФ пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве фактически смешивает объективные и субъективные составы оспоримости, порождая правовую неопределённость и расширяя пределы судебного усмотрения. Особое внимание уделено дифференциации критериев добросовестности для обычных кредиторов и аффилированных с должником лиц, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что требует более тонкой правовой оценки. Автор критически анализирует правоприменительную конструкцию, предложенную в Постановлении Пленума ВАС РФ № 63, и приходит к выводу о её несоответствии буквальному смыслу законодательных предписаний, поскольку она фактически подменяет кумулятивный состав условий, предусмотренных пунктом 1 статьи 61.3, альтернативным порядком их применения. Вносятся предложения по законодательному закреплению закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также презумпции добросовестности контрагента с возложением бремени опровержения на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых доказательств. Сделан вывод о необходимости достижения разумного баланса между защитой интересов кредиторов несостоятельного должника и стабильностью гражданского оборота, что невозможно без чёткого нормативного определения критериев добросовестного поведения участников оборота.

Ключевые слова: недействительность сделок, банкротство, субъективный подход оценки добросовестности, объективный подход, контролирующее должника лицо, аффилированность, предпочтение, осведомленность контрагента, судебское усмотрение, правовая неопределенность.

SOTNIKOV Alexey Evgenyevich,
attorney at the St. Petersburg Bar Association

CRITERIA FOR THE COUNTERPARTY'S GOOD FAITH IN DISPUTING PREFERENCE TRANSACTIONS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE APPROACHES

Annotation. The article is devoted to the problem of distinguishing objective and subjective criteria when disputing transactions with the preference of an insolvent debtor. Based on the analysis of statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, doctrinal approaches and current judicial practice, including reviews of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022 and 2024, the author identifies the lack of a uniform concept of counterparty integrity. It is shown that the broad interpretation by the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of paragraph 3 of Article 61.3 of the Bankruptcy Law actually mixes objective and subjective elements of contestation, generating legal uncertainty and expanding the limits of judicial discretion. Special attention is paid to differentiating the criteria of

good faith for ordinary creditors and persons affiliated with the debtor, who are a priori deprived of the presumption of good faith, which requires a more subtle legal assessment. The author critically analyzes the law enforcement structure proposed in Resolution No. 63 of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and comes to the conclusion that it does not correspond to the literal meaning of legislative prescriptions, since it actually replaces the cumulative composition of the conditions provided for in paragraph 1 of Article 61.3 with an alternative procedure for their application. Proposals are being made to legislate a closed list of circumstances indicating that the counterparty is aware of the debtor's insolvency, as well as the presumption of the counterparty's good faith, with the burden of refutation being placed on the applicant (the arbitration administrator or creditor) using only direct evidence. The conclusion is made that it is necessary to achieve a reasonable balance between protecting the interests of creditors of an insolvent debtor and the stability of civil turnover, which is impossible without a clear normative definition of criteria for the conscientious behavior of participants in turnover.

Key words: *invalidity of transactions, bankruptcy, subjective approach to assessing good faith, objective approach, controlling debtor, affiliation, preference, counterparty awareness, judicial discretion, legal uncertainty.*

Введение

В современных условиях процедура банкротства физического и юридического лица в подавляющем большинстве случаев сопровождается обращением арбитражного управляющего либо конкурсных кредиторов в суд с заявлением об оспаривании сделок несостоятельного должника. Нередко инициаторами банкротства выступают сами контрагенты должника, преследующие цель возврата активов в конкурсную массу посредством механизма конкурсного оспаривания. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, активность в сфере оспаривания сделок неуклонно возрастает. Так, в 2015 году судами рассмотрено 15 443 заявления об оспаривании сделок должника, в 2016 году – 18 979, в 2017 году – 25 205, в 2018 году – 34 434, в 2019 году – 37 690, в 2020 году – 36 685, в 2021 году – 43 566, в 2022 году – 46 510, в 2023 году – 48 311, в 2024 году – 46 930, а за первое полугодие 2025 года – 21 572 заявления [1]. Указанная динамика свидетельствует о высокой востребованности института конкурсного оспаривания и одновременно актуализирует вопрос о стабильности гражданского оборота в аспекте устойчивости сделок, совершённых должником в преддверии банкротства. В законодательстве о банкротстве, а также в разъяснениях высших судебных инстанций отсутствует единая и непротиворечивая концепция соотношения объективных (формальных) и субъективных (основанных на осведомлённости) критериев при оспаривании сделок с предпочтением. Данный пробел приводит к расширению пределов судебного усмотрения, смешению фактических составов, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» – далее Закон о банкротстве, и, как следствие, к нарушению принципа правовой опре-

делённости и баланса интересов кредиторов и контрагентов должника.

Степень изученности и проработанности проблемы

В современной цивилистической науке господствуют две основные теории оспаривания сделок – субъективная и объективная. Суть объективной теории заключается в закреплении формальных условий признания сделки порочной (время совершения, вид сделки, круг лиц и т.п.). Наличие объективных критериев недействительности, по мнению автора, упрощает процесс доказывания, поскольку фактические обстоятельства совершения сделки сопоставляются с нормативно установленными критериями, на основании чего презюмируется наличие или отсутствие оснований для оспаривания. Значительно более сложным представляется доказывание субъективных условий, таких как осведомлённость стороны о финансовом состоянии контрагента, наличии кредиторов, имеющих приоритетное право на получение исполнения, а также наличие в действиях кредитора должной осмотрительности.

В различные периоды времени указанной проблематике посвящали свои труды такие учёные, как А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич, В.Г. Федоров, К.Б. Кораев, А.А. Аюрова и другие. Традиционно в регулировании сферы оспаривания сделок несостоятельного должника вплоть до последнего времени преобладал объективный подход, что благоприятно сказывалось на стабильности гражданского оборота, однако не всегда отвечало интересам кредиторов должника. Формальные критерии, присущие объективному подходу, не позволяли в полной мере реализовать потенциал конкурсного оспаривания, поскольку возникали сложности при пересмотре сделок, направленных на неправомерный вывод имущества из конкурсной массы, совершённых за пределами

периода подозрительности.

В настоящее время законодатель, стремясь сохранить баланс между интересами кредиторов должника и стабильностью гражданского оборота, использует определённое соотношение объективного и субъективного подходов, что находит выражение в конструкции статьи 61.3 Закона о банкротстве. Объективные признаки недобросовестности контрагента предусмотрены пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве. Их наличие образует самостоятельный юридический состав оспоримости, при этом законодатель не связывает констатацию данных признаков с установлением информированности кредитора о платёжеспособности должника на момент заключения сделки. Пункт 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве устанавливает четыре объективных критерия, формальное наличие которых является достаточным для квалификации сделки как совершённой с предпочтением. К их числу относятся: обеспечительный характер сделки, нарушение очерёдности удовлетворения требований, преждевременное исполнение обязательств и нарушение пропорциональности при удовлетворении требований кредиторов.

В соответствии с пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, сделки, влекущие предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов, могут быть признаны судом недействительными, если они совершены после принятия заявления о признании должника банкротом либо в течение одного месяца до этого. В диспозиции абзаца второго пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве законодателем выделен темпоральный критерий – период, исчисляемый с даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и ретроспективно включающий один месяц, предшествующий указанной дате.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в пункте 9.1 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 63 конкретизирует данный состав, устанавливая, что нахождение сделки в означенном временном интервале образует самостоятельное и достаточное основание для применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, без необходимости исследования факультативных элементов субъективной стороны правоотношений.

Из системного толкования приведённых норм вытекает, что в рассматриваемой ситуации презюмируется сам факт оказания предпочтения, а доказывание обстоятельств, перечисленных в пункте 3 той же статьи (в частности, осведомлённости контрагента о признаках неплатёжеспособности должника или его недобросовестности), утрачивает правовое значение и не входит в пред-

мет доказывания по данному основанию оспаривания.

Субъективный критерий подразумевает наличие недобросовестности кредитора, что является основным предметом доказывания в судебном процессе. В настоящее время законодатель сформулировал субъективный критерий оспоримости сделки в пункте 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве. В пункте 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве закреплён гибридный (смешанный) состав оспоримости, в котором формально-объективный критерий (совершение сделки в период подозрительности, определяемый шестимесячным сроком до возбуждения дела о банкротстве) соединяется с двумя альтернативными квалифицирующими признаками: а) материально-правовыми признаками предпочтения, идентифицируемыми через объективные обстоятельства, перечисленные в абзацах втором и третьем пункта 1; б) субъективным элементом – фактической или потенциальной осведомлённостью контрагента о финансовой несостоятельности должника, которая может устанавливаться как прямыми доказательствами знания, так и косвенными обстоятельствами, позволяющими разумному участнику оборота прийти к выводу о наличии признаков неплатёжеспособности или недостаточности имущества.

В пункте 12 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 установлены основания для признания сделок недействительными, которые можно разделить на две категории. Одна из них основана на объективных признаках, соответствующих положениям, изложенным во втором или третьем абзацах пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве. В основу другой группы оснований положен субъективный подход: определяющим становится владение информацией участниками сделки о наличии признаков неплатёжеспособности должника или недостаточности его имущества, либо знание обстоятельств, указывающих на это.

Правоприменительная конструкция, предложенная в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 применительно к толкованию пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, порождает доктринальные сомнения в части соответствия буквальному смыслу законодательных предписаний. В абзацах втором и третьем пункта 1 статьи 61.3 законодателем императивно закреплён исчерпывающий перечень условий, подлежащих доказыванию для квалификации сделки как совершённой с предпочтением, причём данные условия образуют не альтернативный, а кумулятивный состав. Между тем буквальное прочтение разъяснений, содержащихся в указанном Постановлении, позволяет предположить возможность признания сделки недействительной по основа-

нию предпочтения при установлении лишь одного из предусмотренных законом критериев, что вступает в противоречие с системным толкованием нормы и фактически расширяет пределы судебного усмотрения.

Подобная интерпретация нивелирует требование о совокупности юридических фактов, составляющих предмет доказывания, и создаёт риск подмены законодательно установленных материально-правовых оснований оспаривания их упрощённой процессуальной моделью, что требует критической переоценки со стороны правовой доктрины. При доказывании недействительности сделки существенное значение имеет добросовестность контрагента, при этом следует руководствоваться общегражданским принципом добросовестного поведения.

В своих разъяснениях Пленум Верховного Суда РФ также придерживается общегражданского принципа добросовестности, изложенного в пунктах 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с предписаниями статьи 10 ГК РФ законодателем установлен императивный запрет на реализацию гражданских прав, сопряжённую с причинением вреда иным участникам оборота, совершением действий в обход закона с противоправной целью, а равно с применением любых иных форм поведения, носящих заведомо недобросовестный характер и квалифицируемых в качестве злоупотребления правом.

В системной взаимосвязи с указанной нормой находится часть 4 статьи 1 ГК РФ, закрепляющая принцип недопустимости извлечения имущественных выгод из деяний, совершённых с нарушением законодательных предписаний либо осуществлённых при наличии недобросовестного умысла. Как следует из пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, при определении добросовестности или недобросовестности действий участников гражданского процесса судам необходимо анализировать их поведение сквозь призму разумных ожиданий от участника подобной сделки, который уважает законные интересы другой стороны и стремится к её благополучию, включая помощь в получении нужной информации.

В соответствии с нормами гражданского законодательства участники оборота правоотношений признаются добросовестными, пока не доказано обратное. В научной сфере добросовестность рассматривается с двух сторон: субъективной и объективной. По мнению М.М. Агаркова, с субъективной стороны добросовестность проявляется в неведении субъекта о существовании запрета, который препятствует реализации его прав. Принцип доброй совести подразумевает объек-

тивную оценку разногласий экономических интересов участвующих сторон, которые имеют право ожидать от друг друга действий, соответствующих закону и заключённым договорам, то есть такого поведения, которое каждая сторона могла бы и должна была бы признать приемлемым. [2, ст.16].

Зеккер Ф.Ю. отмечает, что в немецком праве порядка используются два термина, обозначающих добросовестность. «Treu und Glauben» обозначает объективную добросовестность, то есть поведение, подпадающее под принципы общей модели, наряду с этим субъективная добросовестность обозначается термином «guten Glauben», то есть добрая совесть как отсутствие знания о факте. Исходя из вышеприведённой классификации, в рамках настоящего исследования нас интересует добросовестность в субъективном смысле как осведомлённость контрагента о фактическом финансовом состоянии должника и наличии иных кредиторов [3, ст.16].

Добросовестное заблуждение относительно финансового состояния контрагента является тем извинительным поведением кредитора, установление факта которого в дальнейшем будет препятствовать признанию заключённой им сделки недействительной. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в абзаце втором пункта 12 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 63 конкретизировал критерии осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, установив примерный (неисчерпывающий) перечень обстоятельств, в числе которых: неоднократные обращения должника с просьбой об отсрочке (рассрочке) платежа, наличие картотеки на расчётном счёте, подача должником заявления о собственном банкротстве, а также иные факты, позволяющие разумному участнику оборота прийти к выводу о несостоятельности контрагента. При этом высший судебный орган специально оговорил, что приведённый перечень не является исчерпывающим, предоставляя судам право оценивать и иные обстоятельства, указывающие на финансовую несостоятельность должника. Общий подход судов, сложившийся в последнее время в отношении установления факта недобросовестности кредитора, заключается в том, что презюмируется добросовестность контрагента, и заинтересованному лицу необходимо её опровергнуть установленными законом средствами доказывания. Недостаточно просто показать, что контрагент при заключении сделки с предпочтением имел формальные признаки недостаточности имущества.

Так, наличие задолженности перед одним кредитором не свидетельствует о неудовлетворительном финансовом состоянии, поскольку неоплата может быть вызвана иными техниче-

скими или конъюнктурными причинами. Наличие картотеки на одном из счетов не означает, что отсутствует возможность производить платежи с другого счёта. Кредитор должен обладать информацией при заключении сделки о реальной неплатёжеспособности должника. Пленум Высшего Арбитражного Суда в Постановлении № 63 указал, что получение исполнения от третьих лиц за должника или в рамках исполнительного производства, равно как и с задержкой, не свидетельствует о том, что кредитору было известно о неплатёжеспособности должника. Нельзя считать кредитора недобросовестным и в случае, если в картотеке арбитражных дел имелись сведения о долговых обязательствах должника перед третьими лицами. При этом судом может быть установлено, что при конкретных обстоятельствах, характере отношений, личности должника или сложившейся обстановке на рынке кредитору следовало бы проверить контрагента, в том числе в вышеуказанной картотеке.

Правовая позиция, выраженная в постановлении Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 18245/12 и поддержанная в последующей судебной практике (в частности, постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2020 по делу № А45-10393/2017), исходит из того, что получение исполнения после возбуждения дела о банкротстве не может квалифицироваться как сделка с предпочтением исключительно на основании формального темпорального критерия. Решающее значение для оценки добросовестности кредитора имеет его субъективное восприятие процедуры банкротства: если инициирование банкротства рассматривалось кредитором как обычный (стандартный) способ исполнения судебного акта, а не как осведомлённость о несостоятельности должника, то оснований для оспаривания сделки по пунктам 1 и 2 статьи 61.3 не имеется.

Пренебрежение вышеуказанными подходами при оценке добросовестности кредитора нередко влечёт судебные ошибки. Суды единодушны в том, что наличие у контрагента информации о возбуждённых исполнительных производствах в отношении должника не является основанием утверждать, что сторона сделки была осведомлена о признаках несостоятельности должника (Постановление ВС РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396). В указанном судебном акте акцентируется внимание на том, что при оценке степени осведомлённости кредитной организации о финансовом положении заёмщика решающее значение имеет установление факта наличия в представленных документах объективных признаков несостоятельности (недостаточности активов)

последнего. При этом сам по себе факт информированности банка о существовании задолженности перед иными кредиторами не может рассматриваться как безусловное доказательство его осведомлённости о неплатёжеспособности заёмщика, поскольку задолженность сама по себе не тождественна критериям банкротства, предусмотренным законодательством.

Предлагаемые методы и подходы и их оригинальность (новизна)

Автор полагает, что единственным способом восстановления баланса интересов кредиторов и стабильности гражданского оборота является законодательное закрепление закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также чёткое разграничение объективных и субъективных оснований оспаривания с императивным указанием на кумулятивный характер условий, предусмотренных п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Целесообразно также нормативно закрепить презумпцию добросовестности контрагента, освободив его от обязанности доказывать отсутствие своей осведомлённости, и возложить бремя опровержения такой презумпции на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых, а не косвенных доказательств. Только такой подход сможет обеспечить предсказуемость конкурсного оспаривания и одновременно защитить права лиц, действовавших разумно и осмотрительно в условиях обычного делового оборота.

Анализ полученных результатов

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что современная правовая модель оспаривания сделок с предпочтением несостоятельного должника страдает существенным дефектом – отсутствием непротиворечивой и формально определённой системы критериев добросовестности контрагента. Законодатель, предусмотрев в п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве объективные и субъективные составы оспариваемости, не смог обеспечить их чёткое разграничение в правоприменительной практике. Расширительное толкование, данное Пленумом ВАС РФ в Постановлении № 63, фактически привело к смешению указанных составов и подмене законодательно установленных условий оспаривания упрощённой процессуальной моделью, что не всегда обоснованно.

Судебная практика последних лет, включая обзоры Верховного Суда РФ за 2022 и 2024 годы, демонстрирует последовательное усиление субъективного элемента при оценке добросовестности кредитора. При этом стандарт «разумного участника оборота», используемый судами, остаётся

оценочным и не имеющим нормативных ориентиров, что порождает правовую неопределённость и ставит добросовестных контрагентов в зависимость от усмотрения конкретного суда. Особую озабоченность вызывает асимметричный подход к аффилированным с должником лицам, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что, хотя и обусловлено корпоративной природой их отношений, требует более тонкой дифференциации с учётом конкретных обстоятельств дела.

Правовая неопределённость в вопросах квалификации добросовестности контрагента негативно сказывается на стабильности гражданского оборота. Рост числа оспариваний сделок (с 15 443 в 2015 году до 46 930 в 2024 году) свидетельствует о высокой востребованности данного института, однако одновременно создаёт риски для добросовестных участников оборота, которые не могут с достаточной степенью уверенности прогнозировать судьбу заключённых ими сделок.

Судебная практика интерпретирует институт конкурсного оспаривания как механизм защиты кредиторов от действий контролирующих лиц, которые могут предпринять шаги по выводу активов перед объявлением банкротства. Поскольку участники одной группы лиц действуют сообща, они лишены возможности возражать против убыточности сделок, так как подобные возражения противоречат их предыдущему поведению. Таким образом, контролирующие должника лица, априори считаются менее добросовестными участниками дела о банкротстве. Такое поражение в правах контролирующих банкрота лиц обусловлено тем, что последние защищены нормами корпоративного права, позволяющие оспаривать сделки, совершенные без необходимого на то согласия или совершенные не в интересах юридического лица (статьи 173.1, 174 ГК РФ и др.).

Основные выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Современная правовая модель оспаривания сделок с предпочтением несостоятельного должника характеризуется отсутствием формально определённой и непротиворечивой системы критериев добросовестности контрагента. Законодатель, предусмотрев в пунктах 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве объективные и субъективные составы оспоримости, не обеспечил их чёткое разграничение в правоприменительной практике. Расширительное толкование, данное Пленумом ВАС РФ в Постановлении № 63, фактически привело к смешению указанных составов и подмене законодательно установленных условий оспаривания упрощённой процессуальной моделью, что

может способствовать формированию неоднозначной судебной практики. Судебная практика последних лет, включая Обзор судебной практики по делам о банкротстве за 2024 год (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) [4], демонстрирует последовательное усиление субъективного элемента при оценке добросовестности кредитора. При этом стандарт «разумного участника оборота», используемый судами, остаётся оценочным и не имеющим нормативных ориентиров, что порождает правовую неопределённость и ставит добросовестных контрагентов в зависимость от усмотрения конкретного суда.

Особую озабоченность вызывает асимметричный подход к аффилированным с должником лицам, которые априори лишаются презумпции добросовестности, что, хотя и обусловлено корпоративной природой их отношений, требует более тонкой дифференциации. Автор полагает, что единственным способом восстановления баланса интересов кредиторов и стабильности гражданского оборота является законодательное закрепление закрытого перечня обстоятельств, свидетельствующих об осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, а также чёткое разграничение объективных и субъективных оснований оспаривания с императивным указанием на кумулятивный характер условий, предусмотренных п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Целесообразно также нормативно закрепить презумпцию добросовестности контрагента, освободив его от обязанности доказывать отсутствие своей осведомлённости, и возложить бремя опровержения такой презумпции на заявителя (арбитражного управляющего или кредитора) с использованием только прямых, а не косвенных доказательств. Только такой подход сможет обеспечить предсказуемость конкурсного оспаривания и одновременно защитить права лиц, действовавших разумно и осмотрительно в условиях обычного делового оборота. Таким образом, дальнейшее совершенствование института оспаривания сделок с предпочтением должно быть направлено на достижение разумного баланса между защитой интересов кредиторов несостоятельного должника и обеспечением стабильности и предсказуемости гражданского оборота, что невозможно без чёткого нормативного определения критериев добросовестного поведения участников оборота.

Список литературы:

- [1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 06.07.2026).
- [2] Новицкий И. Б. Принцип доброй совести

в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. - 2006. - № 1. - С. 124-181.

[3] Зеккер Ф.Ю. Общие основы частного права // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии: Пер. с нем. М.: БЕК, 2001. С. 16.

[4] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год : [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025] // КонсультантПлюс : [справочно-правовая система]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.07.2026).

References:

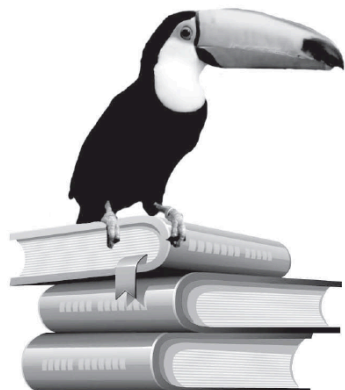
[1] Judicial Department under the Supreme

Court of the Russian Federation: [official website]. - URL: <http://www.cdep.ru/> (access date: 06.07.2026).

[2] Novitsky I. B. The principle of good conscience in the draft of compulsory law // Bulletin of civil law. - 2006. - № 1. - S. 124-181.

[3] Secker F.Yu. General Foundations of Private Law // Problems of German Civil and Business Law: Per. since German M.: BECK, 2001. S. 16.

[4] Review of the judicial practice of resolving insolvency (bankruptcy) disputes for 2024: [approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.04.2025] // ConsultantPlus: [reference legal system]. - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 06.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-565-572

АЛЬБЕЕВА Алиса Максимовна,
студентка Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: albeeva.am@dvfu.ru

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЕТЕРАНОВ (УЧАСТНИКОВ) СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы правового регулирования трудоустройства ветеранов (участников) специальной военной операции (далее по тексту - СВО), членов их семей, исходя из требований Федеральных законов и нормативно-правовых актов. Анализ действующего законодательства осуществляется с учётом принятых последних правовых актов, практики их применения. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются участники СВО, возвратившиеся к мирной жизни. Сформулированы предложения по совершенствованию системы правового регулирования трудоустройства участников СВО, членов их семей, по обеспечению достойных условий их жизни, реабилитации и социальной адаптации.

Ключевые слова: специальная военная операция, трудоустройство, трудовые гарантии и льготы, участники СВО и члены их семей, работодатели.

ALBEEVA Alisa Maksimovna,
student of the Law School Far Eastern Federal University

ANALYSIS OF REGULATORY LEGAL ACTS REGULATING THE EMPLOYMENT OF VETERANS (PARTICIPANTS) OF A SPECIAL MILITARY OPERATION: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION

Annotation. In this article, the author examines the legal regulation of employment for veterans (participants) of the special military operation (hereinafter referred to as the SVO) and their family members, based on the requirements of federal laws and regulations. The analysis of current legislation is conducted taking into account the latest legal acts and their practical application. The article identifies the main challenges faced by SVO participants who have returned to civilian life. The author formulates proposals for improving the legal regulation of employment for SVO participants and their family members, as well as for ensuring decent living conditions, rehabilitation, and social adaptation.

Key words: special military operation, employment, labor guarantees and benefits, participants in the special military operation and their family members, and employers.

Анализ нормативно-правовых актов обеспечения трудоустройства участников СВО

Проведение специальной военной операции предполагает и возвращение отдельных категорий её участников к гражданской жизни и деятельности. Законодатели приняли немало поправок в трудовое законодательство в части гарантий и компенсаций мобилизованным, контрактникам и их семьям. Важнейшей задачей государства, является создание условий для профессиональной, социальной, психологической, медицинской реабилитации и адаптации.

Важное значение в этой деятельности имеет принятое Распоряжение Правительства РФ от 24 мая 2025 г. № 1311-р "Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня трудоустройства участников специальной военной операции и организации их профессиональной ориентации"[1]. Утвержденный план создал механизм взаимодействия между государственными органами, Государственным фондом поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества"[2], общественными организациями, позволяющий выявлять всех участников боевых действий

с целью их сопровождения при трудоустройстве.

На сегодняшний день еще не в полном объеме решен вопрос правового статуса участников СВО. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», является основным законом, который определяет права и гарантии ветеранов. К сожалению, в законе нет положений, которые определяли бы участие в СВО как основание для получения статуса ветерана боевых действий[3].

Федеральный закон «О ветеранах» в статье 3 определил кто является участником боевых действий и не охватывает всех категорий участников СВО. К сожалению, в списках, среди участников боевых действий не оказались сотрудники МВД, Росгвардии, члены добровольческих формирований, участники территориальной обороны, сотрудники частных военных компаний, воевавших в приграничных зонах Российской Федерации[4].

Поэтому не случайно имеются жалобы бывших участников СВО о признании статуса ветерана боевых действий. В первые годы специальной военной операции, из-за отсутствия единого подхода о признании статуса участника боевых действий, порядок выдачи справок, подтверждающих факт участия в СВО, устанавливался Приказом Минобороны России, Росгвардии, комиссиями при военных комиссариатах субъектах Российской Федерации, которые по-разному определяли критерии участия в боевых действиях. Некоторые субъекты РФ принимали нормативные акты о признании ветерана СВО, выдавали справки, которые за пределами региона не обеспечивали получения федеральных льгот[5].

Это приводило к тому, что два гражданина с идентичным боевым опытом могли получить противоположные решения по вопросам присвоения статуса, а соответственно и не в полном объеме получали гарантии, льготы и другие виды поддержки, положенные ветеранам СВО и членам их семей.

Исходя из принятых последних правовых нормативных документов, в которых имеются положения с правом определять статус гражданина как ветерана СВО, можно перечислить следующие категории граждан:

контрактники;

мобилизованные из запаса, участвующие в СВО;

участники добровольческих формирований, заключившие контракт с Министерством обороны;

участники добровольческих формирований, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской области и

Херсонской области с 30 сентября 2022 года;

лица, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, ДНР и ЛНР с 24 февраля 2022 года, а также на территориях Запорожской и Херсонской областях с 30 сентября 2022 года;

сотрудники правоохранительных и иных органов, выполнявших задачи СВО на вышеуказанных территориях;

ветераны боевых действий;

члены семей военнослужащих;

военнослужащие, уволенные в запас;

военнослужащие, получившие инвалидность в ходе СВО.

Таким образом, все перечисленные категории имеют статус ветерана боевых действий. Главная задача на данный момент – обеспечить всех ветеранов СВО получением гарантий, льгот и других видов поддержки, положенным и членам их семей. Сформировать новую систему трудового обеспечения ветеранов боевых действий, которая будет работать эффективно и слаженно[6].

Однако, как показывает ход СВО, могут появиться и новые категории граждан, которые достойны для получения статуса ветерана СВО. Таким образом, в нормативно-правовой литературе пока ещё нет полного единства в определении категорий граждан участников (ветеранов) СВО.

Анализ нормативных документов, регулирующих поддержку участников СВО при трудоустройстве

Проанализируем содержание основных нормативно-правовых документов, регулирующих поддержку участников СВО, и членов их семей при трудоустройстве. Основными документами являются:

Приказ Минтруда РФ от 26 февраля 2025 г. № 88 н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по содействию приоритетному трудоустройству граждан, которые завершили прохождение военной службы по мобилизации или военной службы по контракту, заключенному в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе", либо у которых прекратилось действие заключенного ими контракта о пребывании в добровольческом формировании, предусмотренном Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ "Об обороне", а также граждан, относящихся к членам их семей в соответствии с пунктами 5 и 5.1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ "О

статусе военнослужащих"[7].

Приказ обязует центры занятости осуществлять трудоустройство ветеранов СВО и членов их семей по следующим направлениям: подбора вакансий с учетом имеющийся квалификации и здоровья; помощь в трудоустройстве (переговоры с работодателями, консультации, составление документов и т.д.); приоритетное направление на работу в госучреждения, муниципальные предприятия с долей госучастия более 50%.

Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 498-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" [8]. Данный закон определяет следующие меры поддержки участникам и ветеранам СВО, а также членам их семей: трудовой договор нельзя расторгнуть, можно лишь приостановить (ст. 351.7 ТК РФ); за участником СВО должность сохраняется на все время; наложен запрет на увольнение по инициативе работодателя (ст. 81 ТК РФ), кроме случаев ликвидации или если работник-участник СВО не вышел на работу через 3 месяца после окончания военной службы; при сокращении штата участники СВО, членов их семей имеют преимущественное право на оставление на работе, возврат на должность после службы (ст. 179 ТК РФ).

Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О занятости населения в Российской Федерации"[9]. Данный закон требует приоритетное трудоустройство после СВО (категория граждан, уволенных с военной службы и члены их семей по пп. 4 п. 1 ст. 2 Закона № 565 относятся к тем, кто испытывает трудности в поиске работы). Виды мероприятий: бесплатные консультации, помощь в оформлении документов, участие в программах переобучения и т.д. Регионы вправе расширять меры поддержки.

Постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 2055. "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"[10]. Постановление определяет, что периоды участия на СВО включаются в стаж для назначения пенсии и учитываются в двойном размере. Это касается бывших военнослужащих СВО и участников добровольческих формирований в период специальной военной операции.

Федеральный закон "О ветеранах" от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ[3]. Законом ветерану предусматривается возможность взять бесплатные или льготные путевки в санаторий, а также отпуск в любое удобное время и т.д.

Федеральный закон от 29.09.2025 № 365-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [11]. По закону сроки возврата на работу на период ли-

ста нетрудоспособности продлеваются. Если по болезни человек не может выйти на работу, а его трудовой договор приостановлен, то срок приостановления продлевается на период болезни с выплатой пособия по временной нетрудоспособности.

Работодатель в период приостановления действия трудового договора вправе выплачивать работнику-участнику СВО материальную помощь. В период приостановления включается: стаж, дающий право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск; трудовой стаж; стаж работы по специальности (исключение - случаи досрочного назначения страховой пенсии по старости) [12].

Деятельность государственных программ и инициатив по трудоустройству участников СВО

Большое значение в трудоустройстве участников СВО отводится реализации государственных программ и инициатив. Активно участвуют и проводят эту работу: Правительство РФ; Минтруд РФ; Социальный фонд России (далее по тексту – СФР); региональные и муниципальные органы власти; работодатели и т.д.

Фонд «Защитники Отечества» имеет тесную связь с центрами занятости населения по вопросам трудоустройства ветеранов и инвалидов СВО, их профессиональной переподготовки и обучения, а также участников специальной военной операции и членов их семей.

Организация и проведение ярмарок вакансий с участием ведущих работодателей – является важным направлением в работе данного фонда.

Работодатель предоставляет участникам СВО гарантии, установленные трудовым законодательством, локальными нормативными актами и трудовым договором. Это касается и размера заработной платы. Закон, в частности, не обязывает работодателей устанавливать участникам СВО такой же уровень вознаграждения, как они получали по контракту с Минобороны или Росгвардией.

Анализ правовых актов по трудоустройству участников СВО – инвалидов

Правовой статус инвалида боевых действий определен и уточнен в следующих основных нормативно-правовых актах:

Федеральным законом от 24.11.1995 N 181ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (часть 1 статья 1).

Федеральным законом от 12.01.1995 N 5-ФЗ «О ветеранах». Подпункты 8-11 статьи 4.

Приказом Минтруда России от 28.03.2025 N 160 н «Об утверждении форм справки, подтверждающей факт установления инвалидности, выписки из акта медико-социальной экспертизы гражданина и порядка их составления, в том числе в форме электронного документа».

Порядок выдачи справок о подтверждении факта участия граждан, в том числе и инвалидов, в специальной военной операции утвержден приказами: МО РФ от 11.10.2024 N 612; МВД России от 23.10.2024 N 634; ФСИН России от 25.10.2024 N 753; Росгвардии от 28.10.2024 N 396; Следственного комитета России от 12.11.2024 N 120; Генпрокуратуры России от 09.04.2025 N 264.

Государство проявляет постоянную заботу по эффективному трудоустройству инвалидов СВО. Эта работа обеспечивается следующими направлениями:

обобщение и распространение на региональном уровне передового опыта работодателей и индивидуальных предпринимателей по качественному обеспечению трудоустройства инвалидов СВО;

разработка мероприятий по стимулированию работодателей по созданию и оборудованию комфортных рабочих мест для инвалидов СВО;

обеспечение научными разработками методических рекомендаций по специальности, видам трудовой и профессиональной деятельности для инвалидов - участников СВО;

повышение ответственности работодателей в выполнении обязанностей за реализацию нормативных документов по квотированию рабочих мест для инвалидов СВО;

проведение контрольных мероприятий за приемом на работу участников СВО инвалидов в пределах установленных квот.

Ветеранам СВО предоставлено право бесплатного переобучения по востребованным на рынке труда профессиям и субсидирования найма. Кроме того, в нацпроекте «Кадры» с 2025 года предусмотрена мера поддержки работодателей по возмещению части затрат на оборудование рабочих мест для трудоустройства инвалидов-участников СВО.

Выделение субсидий работодателям на трудоустройство участников СВО

Для стимулирования труда компаний и индивидуальных предпринимателей по трудоустройству участников СВО государство из госбюджета выделяет субсидии.

Значительное количество субсидий определяются согласно приказам Социального фонда Российской Федерации:

Приказ СФР от 29 декабря 2024 г. № 2712 "Об утверждении решения о порядке предоставления субсидий в целях создания (оборудования) рабочих мест для трудоустройства инвалидов" – устанавливает порядок перечисления денежных средств, направляемых работодателям для оборудования рабочих мест[13].

Приказ СФР от 29.12.2024 № 2713 "Об

утверждении решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку трудоустройства работников из другой местности или других территорий" – регламентирует правила и алгоритм предоставления выплат, компенсирующих расходы на переезд сотрудников к новому месту работы [14].

Приказ СФР от 29.12.2024 № 2714 (ред. от 26.05.2026) "Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан" – устанавливает новые правила трудоустройства льготных категорий[15].

Отдельно стоит отметить, что в программе субсидирования имеют право участвовать и индивидуальные предприниматели, что положительно сказывается на количестве трудоустроенных участников СВО, проживающих в небольших населённых пунктах[16].

Большое значение уделяет государство выделению субсидий по поддержке участников СВО, решившие заняться предпринимательской деятельностью в агропромышленном комплексе. Эта поддержка осуществляется в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.07.2025 г. № 1763-р. "Об утверждении распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по осуществлению государственной поддержки ветеранов и участников специальной военной операции, связанной с началом осуществления ими предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе, на 2025 год"[17].

Помимо основных субсидий, работодатели, могут воспользоваться рядом дополнительных мер поддержки.

Для предприятий Министерства обороны разработана Программа "Мобильность 2.0"[18]. По приказу работодатель получает финансовую поддержку в размере 12 МРОТ за каждого трудоустроенного участника СВО.

В связи с трудоустройством, для работников, меняющих регион проживания предусмотрена компенсация до 4 МРОТ связанных с переездом.

Что касается инвалидов участников СВО-инвалидов. Компенсация государства может составить до 200000 рублей расходов на оборудование специализированного рабочего места [13].

Эти средства могут быть направлены на приобретение специального оборудования, мебели, программного обеспечения т.е. для комфортной и продуктивной работы инвалида.

Правовые нормы о квотировании рабочих мест

Кроме инвалидов - ветеранов боевых действий, единая система квот для приема на работу участников СВО на текущий момент отсутствует. На данный момент она является региональной мерой поддержки, которую постепенно вводят в некоторых субъектах РФ, но она не является обязательной на федеральном уровне. Каждая область пока вправе вводить собственные нормы квотировании рабочих мест для участников СВО. Что касается инвалидов-участников СВО, то с 20 ноября 2025 года действует правило: если на работу принимается один инвалид-участник СВО, то квоту считают, как за два рабочих места[18].

Правила квотирования рабочих мест, на данный момент, действуют в 25 субъектах РФ. Власти субъекта самостоятельно определяют величину квоты на трудоустройство участников СВО.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится законопроект № 917534-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О занятости населения в Российской Федерации" в части установления квот для приема на работу ветеранов боевых действий»[19]. В законопроекте предлагают ввести единые требования: обязать работодателя, у которого от 35 человек в штате, выделять места отслужившим в армии. Предполагают ввести квоту 2 – 4% от общей численности сотрудников и позволить регионам дифференцировать этот показатель.

Согласно поправкам в трудовое законодательство, все организации и индивидуальные предприниматели обязаны выделять до 4% рабочих мест для участников СВО. Это означает, что: на каждые 25 сотрудников должен приходиться 1 ветеран СВО; квота рассчитывается от общего числа штатных единиц; требование распространяется на компании всех форм собственности.

За несоблюдение новых требований предусмотрены административные штрафы: юридическим лицам – до 100 000 рублей; индивидуальным предпринимателям - до 50 000 рублей. Штрафы накладываются повторно при каждом выявленном нарушении, что делает систематическое игнорирование требований экономически невыгодным.

Работодатели отмечают, что закон не предусматривает компенсаций или льгот для работодателей, что может создать дополнительные финансовые нагрузки, особенно для малого бизнеса. Отсутствие механизмов компенсации затрат на адаптацию и профессиональную подготовку (переподготовку) ветеранов СВО. Сложная ситуация может сложиться в отраслях, требующих специальной квалификации или связанных с повышенной ответственностью.

Выводы

Анализ нормативно-правовых актов, раскры-

вающие требования для получения гражданами статуса ветерана СВО, еще не в полной мере охватывает всех категорий граждан, которые принимали участие в вооруженном конфликте, а также лица, участвовавшие в СВО по поддержанию или восстановлению мира и безопасности в приграничных зонах Российской Федерации. Отсутствие у участников СВО специального статуса «ветеран СВО» значительно затрудняет у них доступ к трудоустройству, профессиональной переподготовке и ускорению социальной и других видов адаптации, повышению качества жизни участников СВО и членов их семей.

Основная задача государства в настоящее время - объединить ранее принятые льготы и гарантии для участников СВО в систему трудового обеспечения ветеранов боевых действий. Как показывает ход специальной военной операции, могут дополнительно появиться новые категории граждан, которые достойны для получения статуса ветерана СВО.

Большое внимание государство отводит вопросам поддержки трудоустройства участников и ветеранов СВО, а также членов их семей.

На данный момент единая квота для приема на работу участников СВО отсутствует (кроме инвалидов - ветеранов боевых действий). Это региональная мера поддержки, которую постепенно самостоятельно вводят в некоторых субъектах РФ. На федеральном уровне эта мера поддержки пока не является обязательной.

В законопроекте, как высказались руководители компаний и ИП, не предусмотрены компенсации или льготы для работодателей, что может создать дополнительные финансовые нагрузки, особенно для малого бизнеса. Это замечание члены Государственной Думы должны, видимо, учесть при обсуждении законопроекта.

Анализ реализации трудового законодательства должностными лицами по трудоустройству участников СВО, выявил определенные недостатки, устранение которых будет способствовать повышению качества поддержки и помощи участникам специальной военной операции и членам их семей в части содействия трудоустройству. Основными рекомендациями будут следующие:

Должностным лицам, осуществляющих руководство по трудоустройству участников специальной военной операции, регулярно проводить обмен опытом на федеральном и региональном уровне деятельности межведомственных комиссий по координации оказания поддержки и помощи участникам СВО и членам их семей в части содействия трудоустройству.

Не все меры, предусмотренные федеральными или региональными программами, о суще-

ствующих льготах и формах поддержки, реализуются на практике, из-за отсутствия механизмов доведения информации до ветеранов. Участники СВО ещё плохо информированы о своих правах и льготах, механизма правового регулирования их статуса и трудовых прав. Поэтому предлагается особенно в сельской местности и труднодоступных районах, ввести обязательную систему информирования ветеранов через муниципалитеты, МФЦ, работодателей и общественные организации.

Улучшить работу с компаниями, индивидуальными предпринимателями осуществляющих профессиональную переподготовку и трудоустройство ветеранов СВО и членов их семей. Осуществлять постоянную работу по обмену опытом, стимулированию, повышению мотивации деятельности работодателей, трудоустраивающих участников специальной военной операции. Обобщать и распространять их передовой опыт работы во всех доступных средствах информации.

Практическое применение результатов данного исследования будет способствовать совершенствованию системы поддержки участников СВО и членов их семей на федеральном и региональном уровнях.

Список литературы:

- [1] Распоряжении Правительства РФ от 24.05.2025 г. № 1311-р «Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня трудоустройства участников специальной военной операции и организации их профессиональной ориентации» // "Собрание законодательства РФ", 09.06.2025, N 23, ст. 3077.
- [2] Указ Президента Российской Федерации от 03.04.2023 года № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // "Собрание законодательства РФ", 10.04.2023, N 15, ст. 2660.
- [3] Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 16.01.1995, N 3, ст. 168.
- [4] Луценко С.И. Правовые гарантии добровольцев в военных конфликтах. Власть. 2023. № 1. С. 52-57.
- [5] Сидоренко К.В. Проблемы правового регулирования труда и социальной адаптации ветеранов специальной военной операции // Научный Лидер. 2025. № 23 (224). URL: <https://scilead.ru/article/9238-problemi-pravovogo-regulirovaniya-truda-i-sot> (дата обращения: 10.06.2026).
- [6] Журавлева М.А., Берестова Л.И. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО. Государственная служба. 2023. № 4. С. 88-93.
- [7] Приказ Минтруда РФ от 26.02.2025 г. № 88н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по содействию приоритетному трудоустройству граждан, которые завершили прохождение военной службы по мобилизации или военной службы по контракту, заключенному в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе", либо у которых прекратилось действие заключенного ими контракта о пребывании в добровольческом формировании, предусмотренном Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ "Об обороне", а также граждан, относящихся к членам их семей в соответствии с пунктами 5 и 5.1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих". URL: <http://pravo.gov.ru>, 04.03.2025 (дата обращения: 15.06.2026).
- [8] Федеральный закон от 26.12.2024 г. № 498-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 30.12.2024, N 53 (Часть I), ст. 8508.
- [9] Федеральный закон от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ (последняя редакция) "О занятости населения в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 18.12.2023, N 51, ст. 9138.
- [10] Постановление Правительства РФ от 14.11.2022 г. № 2055 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 28.11.2022, N 48, ст. 8459.
- [11] Федеральный закон от 29.09.2025 № 365-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 06.10.2025, N 40, ст. 5820.
- [12] Гальцова И.Ю. Особенности обеспечения трудовых прав работников в Российской Федерации, призванных в рамках частичной мобилизации. Современное общество и право. 2023;1(62):8-13.
- [13] Приказ СФР от 29.12.2024 г. N 2712 "Об утверждении решения о порядке предоставления субсидий в целях создания (оборудования) рабочих мест для трудоустройства инвалидов" (Действует до 1 января 2027 года).
- [14] Приказ СФР от 29.12.2024 г. № 2713 "Об утверждении решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку трудоустройства работников из другой местности или других территорий" (Действует до 1 января 2027 года).

[15] Приказ СФР от 29.12.2024 г. № 2714 "Об утверждении решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан" (Действует до 1 января 2027 года).

[16] Постановление Правительства Амурской области от 04.04.2024 № 238 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии из областного бюджета организациям и индивидуальным предпринимателям на финансовое обеспечение затрат в связи с созданием рабочих мест, в том числе дистанционных, для трудоустройства инвалидов из числа участников специальной военной операции». URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.04.2024 (дата обращения: 20.06.2026).

[17] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.07.2025 г. № 1763-р. "Об утверждении распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по осуществлению государственной поддержки ветеранов и участников специальной военной операции, связанной с началом осуществления ими предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе, на 2025 год". URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.06.2025 (дата обращения: 20.06.2026).

[18] Постановление Правительства от 08.11.2025 № 1765 «О Внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 709» // "Собрание законодательства РФ", 17.11.2025, N 46, ст. 6890.

[19] Законопроект № 917534-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О занятости населения в Российской Федерации" в части установления квот для приема на работу ветеранов боевых действий. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917534-8> (дата обращения: 30.06.2026).

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of 24.05.2025 No. 1311-r "On approval of an action plan to increase the level of employment of participants in a special military operation and the organization of their professional orientation" // "Collection of legislation of the Russian Federation," 09.06.2025, No. 23, Art. 3077.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 03.04.2023 No. 232 "On the creation of the State Fund for the Support of Participants in the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 10.04.2023, No. 15, Art. 2660.

[3] Federal Law "On Veterans" dated 12.01.1995 No. 5-FZ (latest edition) // "Collection of

Legislation of the Russian Federation, "16.01.1995, No. 3, Art. 168.

[4] Lutsenko S.I. Legal guarantees of volunteers in military conflicts. Power. 2023. № 1. S. 52-57.

[5] Sidorenko K.V. Problems of legal regulation of labor and social adaptation of veterans of a special military operation // Scientific Leader. 2025. № 23 (224). URL: <https://scilead.ru/article/9238-problemi-pravovogo-regulirovaniya-truda-i-sot> (дата обращения: 10.06.2026).

[6] Zhuravleva M.A., Berestova L.I. Priorities of state policy for the organization of social protection of participants in the WCS. Civil service. 2023. № 4. S. 88-93.

[7] Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation of 26.02.2025 No. 88n "On approval of the Standard for the implementation of the authority in the field of employment to promote the priority employment of citizens who have completed military service for mobilization or military service under a contract concluded in accordance with paragraph 7 of Article 38 of the Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ "On military duty and military service," or who have terminated the contract concluded by them on staying in a volunteer formation, provided for by Federal Law of May 31, 1996 No. 61-FZ "On Defense," as well as citizens belonging to their family members in accordance with paragraphs 5 and 5.1 of Article 2 of the Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ "On the Status of Military Personnel." URL: <http://pravo.gov.ru>, 04.03.2025 (accessed on: 15.06.2026).

[8] Federal Law No. 26.12.2024 dated 498-FZ "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 30.12.2024, No. 53 (Part I), Art. 8508.

[9] Federal Law No. 12.12.2023 of 565-FZ (latest edition) "On Employment in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 18.12.2023, No. 51, Art. 9138.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation of 14.11.2022 No. 2055 "On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 28.11.2022, No. 48, Art. 8459.

[11] Federal Law No. 29.09.2025 dated 365-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 06.10.2025, No. 40, Art. 5820.

[12] I.Yu. Galtsova. Peculiarities of ensuring labor rights of employees in the Russian Federation called upon as part of partial mobilization. Modern society and law. 2023;1(62):8-13.

[13] Order of EMEs of 29.12.2024 No. 2712 "On approval of the decision on the procedure for granting subsidies in order to create (equip) jobs for employment of disabled people" (Valid until January

1, 2027).

[14] Order of the EME of 29.12.2024 No. 2713 "On approval of the decision on the procedure for granting subsidies for state support for the employment of workers from another locality or other territories" (Valid until January 1, 2027).

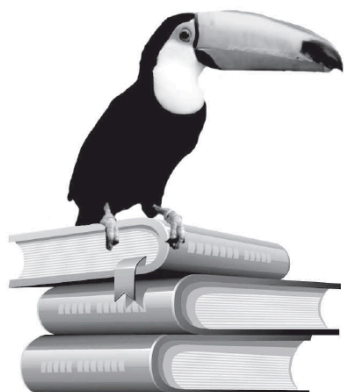
[15] Order of the EMEs of 29.12.2024 No. 2714 "On approval of the decision on the procedure for granting subsidies for state support to stimulate the hiring of certain categories of citizens" (Valid until January 1, 2027).

[16] Decree of the Government of the Amur Region of 04.04.2024 No. 238 "On approval of the Procedure for granting subsidies from the regional budget to organizations and individual entrepreneurs for financial support of costs in connection with the creation of jobs, including remote ones, for the employment of disabled people from among the participants in a special military operation." URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.04.2024 (accessed on: 20.06.2026).

[17] Order of the Government of the Russian Federation of 02.07.2025 No. 1763-r. "On approval of the distribution of subsidies from the federal budget to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation in order to co-finance the expenditure obligations of the constituent entities of the Russian Federation to provide state support to veterans and participants in a special military operation related to the start of their entrepreneurial activity in the agro-industrial complex for 2025." URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.06.2025 (accessed on: 20.06.2026).

[18] Government Decree of 08.11.2025 No. 1765 "On Amending the Decree of the Government of the Russian Federation of May 30, 2024 No. 709" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 17.11.2025, No. 46, Art. 6890.

[19] Bill No. 917534-8 "On Amendments to the Federal Law "On Employment of the Population in the Russian Federation" in terms of establishing quotas for hiring war veterans. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/917534-8> (accessed on: 30.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-573-582

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

МАСЛЯЕВ Александр Викторович,
кандидат технических наук, эксперт федерального уровня
в области сейсмозащиты населенных пунктов при
землетрясении, свидетельство № 08-07495, выданного
28.03. 2019 г. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, г. Москва,
научный сотрудник Научно-исследовательская сейсмическая
лаборатория в г. Волгограде, Россия, Волгоград,
e-mail: maslyayev1938@mail.ru

КОНДРАШОВ Владимир Владимирович,
кандидат технических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет»,
Россия, Москва,
e-mail: Vvk274@gmail.com

КОНДРАШОВА Ирина Владимировна,
ассистент кафедры архитектуры и реставрации ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы», Россия, Москва,
e-mail: ivkondrashova@gmail.com

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН № 384-ФЗ «ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕГЛАМЕНТ О БЕЗОПАСНОСТИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ» НЕ ЗАЩИЩАЕТ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ РОССИИ ПРИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ

Аннотация. Математикам ведь известно, что по правилам теории вероятности значения «реальных сейсмических рисков» при землетрясениях на территориях населенных пунктов, которые только и способны объективно оценивать реальную защиту жизни и здоровье людей в зданиях и сооружениях, зависят в основном от: интенсивности в баллах параметра сейсмических воздействий землетрясений; количества зданий, сооружений, числа людей. Однако, в приложении Ф ГОСТ 31937-2011 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния» используется правило, которое только для «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов» определяет значения «проектных сейсмических рисков». Учитывая высокую вероятность землетрясений с максимальной интенсивностью на территориях населенных пунктов за время их эксплуатации в одну тысячу и более лет означает только одно, что значения «проектных сейсмических рисков» для них должны быть только с самыми минимальными значениями, что возможно лишь при расчетах всех их капитальных зданий и сооружений на воздействия только максимальной интенсивности землетрясения.

Ключевые слова: теория вероятности, землетрясения с максимальной интенсивностью, масштабностью, частой повторяемостью воздействия, сейсмические риски, сейсмозащита населенных пунктов.

MASLYAEV Alexander Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences Federal-level expert in the field
of seismic protection of populated areas during earthquakes,
certificate No. 08-07495, issued March 28. 2019, Research Institute
of Seismic Research in Volgograd, Moscow, Researcher, Volgograd
Seismic Research Laboratory, Russia

KONDRASHOV Vladimir Vladimirovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor National
Research Moscow State University of Civil Engineering,
Moscow, Russia

KONDRASHOVA Irina Vladimirovna,
Assistant Professor, Department of Architecture and Restoration
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice
Lumumba, Moscow, Russia

FEDERAL CONSTRUCTION LAW NO. 384-FZ «TECHNICAL REGULATIONS ON THE SAFETY OF BUILDINGS AND STRUCTURES» IS NOT INTENDED FOR THE CONSTRUCTION OF SETTLEMENTS IN RUSSIA'S SEISMICALLY ACTIVE AREAS

Annotation. *Mathematicians know that according to the rules of probability theory, the values of real seismic risks during earthquakes in populated areas, which are the only ones capable of objectively assessing the real protection of life and health of people in buildings and structures, depend mainly on the intensity in points of seismic impact parameters of earthquakes; the number of buildings, structures, and people. However, in Appendix F of GOST 31937-2011 «Buildings and structures. Rules for inspection and monitoring of technical condition», a rule is used that determines inflated values of design seismic risks only for «individual buildings and structures in populated areas». Considering the high probability of earthquakes with maximum intensity in populated areas during their operational life of a thousand years or more, it means only one thing: that the values of design seismic risks for them should be only with the minimum possible values, which is only possible when calculating all their capital buildings and structures for the impacts of maximum intensity earthquakes.*

Key words: *probability theory, earthquakes with maximum intensity, scale, and frequent recurrence, seismic risks, and seismic protection of settlements.*

Анализ основных правил проектирования зданий и сооружений закона № 384-ФЗ для сейсмоопасных территорий России начнем с анализа его некоторых положений, в которых предусмотрены явные противоречия. Так, например, в названии закона № 384-ФЗ указывается, что его главной целью является обеспечение безопасности только для зданий и сооружений населенных пунктов. Но ведь эта цель в его названии противоречит его главной цели указанной в его же первом п.1 статьи 1: «защита жизни и здоровья граждан...», которая подтверждается и в других его статьях: - статья 9 :-«...создающих угрозу причинения вреда жизни или здоровья людей...»; статья 26: «... В проектной документации здания и сооружения должны быть предусмотрены меры для того, чтобы вибрация в здании и сооружении не причиняла вреда здоровью людей». Поэтому даже из содержания статьи 26 следует, что обеспечить только безопасность зданий и сооружений при землетрясении этого недостаточно, так как при этом следует еще и защитить в них здоровье людей за счет трудоемкой минимизации вибрации колебаний в их конструкциях при землетрясении. Наверное и поэтому, чтобы не исполнять требование статьи

26 закона № 384_ФЗ в нормативной формуле 5.1 СП 14.13330.2018 «Строительство в сейсмических районах» для определения расчетной сейсмической нагрузки на здания и сооружения используется коэффициента K_1 , который предназначен только для значительного занижения значений расчетной нагрузки на здания и сооружения, что способствует соответственно только к повышению значений уровней вибрации зданий на людей при землетрясении [11]. Другими словами, именно только поэтому основную строительную задачу по защите жизни и здоровья людей в зданиях и сооружениях при землетрясении следует признать самой главной строительной задачей закона № 384-ФЗ [11]. Но ведь в законе № 384-ФЗ при этом даже не указывается, что проектируемые по его правилам здания и сооружения предназначены только для возведения их на территориях населенных пунктов. Именно только из-за отсутствия в названии закона № 384-ФЗ примерно такого названия как «...по защите населенных пунктов при воздействиях опасных природных явлений» в СП 14.13330.2018 отсутствует исполнение этих важнейших его статей № 1, 9, 26 по защите жизни и здоровья людей в зданиях и сооружения при зем-

летрясениях.

Ведь сам факт размещения примерно 95 % населения на сейсмоопасных территориях в населенных пунктах России уже требует от ученых строителей России при землетрясениях обеспечивать сейсмозащиту только сразу всех капитальных зданий и сооружений самих населенных пунктов. Однако, даже само название закона № 384-ФЗ говорит о предусмотренной в его положениях о сейсмостойкости при землетрясениях только «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов» без учета их совместного расположения на одной строительной площадке. Ведь при этом существует принципиальное отличие в сейсмозащите сразу «всех зданий и сооружений населенных пунктов, людей» при землетрясении от сейсмозащиты только «отдельных зданий и сооружений» в том, что эти строительные объекты за счет своего постоянного пребывания на территориях населенных пунктов согласно основному правилу теории инженерной сейсмологии должны рассчитываться только на одну вероятность максимальной интенсивности землетрясений за время эксплуатации населенных пунктов в одну тысячу и более лет, но не за то короткое время в 50 лет, которое указано только для «отдельных зданий и сооружений» в п. 4.3 СП 14.13330.2018 [1,15]. Например, в Японии для расчетов зданий и сооружений населенных пунктов используется максимальная интенсивность землетрясения и за время в 300 лет [16].

Как говорилось выше в статье сейсмозащита для населенных пунктов может объективно оцениваться только значениями близких к значениям «реальных сейсмических рисков» при землетрясении на их территории. Так, например, в начале 21 века известный российский ученый указывал на увеличение сейсмических рисков при землетрясениях при условии наличия большого количества строительных объектов, оказавшихся под его воздействием: «Так же следует заметить, что риск для группы зданий в значительной степени выше, чем сумма рисков по отдельным элементам» [2]. Более того, такая зависимость значений сейсмических рисков при землетрясениях обоснована и в математических расчетах [1]. Но, к сожалению, увидеть такую оценку сейсмозащиты, например, для всех людей населенных пунктов значениями близких к значениям «реальных сейсмических рисков» при прошедших землетрясениях на территориях населенных пунктов в СССР и России в научной печати невозможно. Все это говорит только о том, что определение «значений реальных сейсмических рисков» при прошедших землетрясениях с учетом только всех капитальных зданий, сооружений, людей населенных пунктов должно

быть предусмотрено прежде всего в законе № 384-ФЗ. Ведь тогда такое правило в законе № 384-ФЗ обяжет строителей России использовать его значение для сравнения со значением ранее полученного строителями «проектного значения сейсмических рисков» для населенного пункта. Для сравнения, в приложении Ф ГОСТ 31937-2011 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния» записано другое правило, согласно которому значения «проектных сейсмических рисков» при землетрясениях на территориях населенных пунктов определяются только для «каждого отдельного здания и сооружения населенных пунктов». Другими словами, еще и этим правилом подтверждается принятая в законе № 384-ФЗ сейсмозащита только для «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов» при землетрясениях, но с вероятностью интенсивностью только за короткое время в 50 лет.

Далее рассмотрим особенности содержания некоторых правил в законе № 384-ФЗ и в СП 14.13330.2018, которые и определяют сейсмозащиту только «отдельных зданий и сооружений». Так, для сейсмозащиты при землетрясениях только «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов» в п.7 статьи 4 закона № 384-ФЗ принята их классификация по трем разным уровням ответственности: 1) повышенный уровень; 2) нормальный уровень; 3) пониженный уровень. Поэтому согласно п. 4.3 СП 14.13330.2018 все здания и сооружения населенного пункта с разными уровнями ответственности должны рассчитываться и на разные вероятные интенсивности землетрясения за короткое время в 50 лет. Для такого расчета «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов» ученые сейсмологи разработали и комплект сейсмических карт А, В, С ОСП-2015 «Общее сейсмическое районирование территории Российской Федерации», в котором указываются три разные сейсмические карты с указанием для сейсмоопасных территорий каждого населенного пункта и разные значения, но только нормативной интенсивности землетрясений. Так, например, согласно п. 4.3 СП 14.13330.2018 здания и сооружения с повышенной ответственностью рассчитываются только на максимальную интенсивность землетрясения, а здания и сооружения с нормальной ответственностью только на заниженную интенсивность землетрясения. Но ведь при эксплуатации населенных пунктов в одну тысячу и более лет по правилу инженерной сейсмологии образуется высокая вероятность землетрясений на их территориях с максимальной интенсивностью, которая, как правило, воздействует сразу все их здания и сооружения, разрушая при этом здания и сооружения,

которые рассчитывались на значительно меньшую интенсивность землетрясения. Так, одним из последних примеров такого «реального неожиданного разрушительного землетрясения» с гибелью многих тысяч людей может служить и Нефтегорское землетрясение на Сахалине в 1995 г. Поэтому правомочность использования этой классификации зданий и сооружений населенных пунктов с разной их ответственностью в законе № 384-ФЗ авторы и решили ее далее проанализировать. Для анализа такой классификации зданий и сооружений по уровню их ответственности авторы сравнивают между собой строительные объекты с разными уровнями по ответственности, которые указаны в таблице 4.2 СП 14.13330.2018: к повышенной ответственности относятся: а) монументальные здания и другие сооружения; б) жилые, общественные и административные здания высотой более 75 м; к нормальной ответственности относятся: жилые, общественные здания и сооружения населенных пунктов с высотой менее 75 м (но ведь именно в этих зданиях и сооружениях населенных пунктов, как правило, и размещается наибольшая часть людей). Тогда из этого перечня строительных объектов с разной их ответственностью можно сделать вывод о том, что в этой классификации зданий и сооружений отсутствует учет самого главного объекта защиты при землетрясении «это только число людей в зданиях под воздействием сильного землетрясения» [4]. Для такого вывода используется сложившаяся следующая реальная ситуация: так, на окраинных восточных наиболее сейсмоопасных территориях России возведено много населенных пунктов с максимальной их этажностью примерно только до 5 этажей. Но ведь именно такое условие размещения большей части людей населенных пунктов в зданиях и сооружениях населенных пунктов высотой только до 5 этажей и обязывает строителей признать их только с повышенной ответственностью. Однако, как указано выше в статье, эти наиболее массовые здания и сооружения населенных пунктов с большей частью их населения и признаны только с нормальной ответственностью и поэтому эти наиболее массовые строительные объекты должны рассчитываться только на заниженную интенсивность землетрясения. Но при этом монументальные здания и сооружения «но без людей» признаны с повышенной ответственностью и рассчитываются только на максимальную интенсивность землетрясения. Но ведь, как это говорилось выше в статье, при этом в самом первом п.1 статьи 4 этого же закона № 384-ФЗ ведь указывается другая главная его цель: «защита жизни и здоровья граждан при землетрясении». Получилось, что приведенная классификация зда-

ний и сооружений по их ответственности в таблице 4.2 СП 14.13330.2018 с учетом только одной этажности этих зданий и сооружений и без учета числа людей не учитывает еще и такой важный фактор в том, что в разных населенных пунктах России, как правило, образовалась и разная этажность зданий и сооружений, но ведь перед строителями России стоит только одна главная задача - по защите населенных пунктов при землетрясении. Поэтому в законе № 384-ФЗ должно быть предусмотрено положение, в котором указывается, что к повышенной ответственности должны относиться здания и сооружения и с той этажностью, в которых размещена наибольшая часть их людей. Поэтому самой основной причиной такой необоснованной классификации зданий и сооружений по уровню их ответственности состоит только в том, что во всех положениях закона № 384-ФЗ отсутствует признание людей в зданиях и сооружениях при землетрясении только главными объектами защиты [4]. Например, в таблице 4.1 СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» размещена классификация «для городских и сельских поселений» из 5 групп только по численности населения, но в которой отсутствуют сроки их эксплуатации, что так же указывает о непризнании этих поселений объектами капитального строительства.

Подтверждением признания в законе № 384-ФЗ сейсмозащиты при землетрясении только для «отдельных зданий и сооружений» служит и запись в п. 4.3 СП 14.13330.2018 о том, что для сейсмических карт предусмотрена следующая вероятность непревышения нормативной интенсивности землетрясения в течении только 50 лет (вместо одной тысячи и более лет): карта А (90%), карта В (95%), карта С (99 %). Но ведь почти линейная зависимость вероятностей проявления максимальных землетрясений, да еще и с разной интенсивностью за короткое время в 50 лет и на всех разных территориях населенных пунктов возможна только при условии признания учеными сейсмологами сейсмического процесса только упрощенным стационарным процессом. Но ведь такое признание сейсмического процесса еще в далеких 90-х годах 20 века опроверг с указанием причин известный российский ученый сейсмолог: «Однако процесс сейсмичности, строго говоря, нельзя считать стационарным и его не стационарность обязана, вероятнее всего, двум причина: 1) не стационарности тектонического режима; 2) изменению хода сейсмичности в результате происшедшего сильного землетрясения» [6]. О периодичности или цикличности сейсмических процессов на Земле отмечает и ряд других российских ученых: 1) «Еще одна сторона тектогенеза перво-

степенной важности, не учитывавшаяся классической тектоникой плит, -периодичность в изменении тектонических и вообще эндогенных процессов» [7]. «В работах (Базавлук, Юдахин, 1993; 1998) высказано мнение о том, что тектонические напряжения в земной коре носят волновой характер и порождают деформационные волны, вызывающие циклический характер проявления сейсмичности» [8]. Поэтому стоит обратить внимание на анализ проявления в основном прошедших сильных землетрясений на территориях многих стран с 40-х годов 20 века по 2011 г. Это позволяет сделать вывод о том, что это был очередной всплеск максимальных землетрясений, который подтвердил, что сейсмический процесс на Земле проявляется только в виде смены периода затишья на всплеск их высокой активности, которые в основном только и представляют наибольшую опасность для населенных пунктов [9]. Или другой пример из п. 4.3 СП 14.13330.2018, в котором показано, что максимальные землетрясения на территории России происходят только редко (по сейсмической карте С ОСП-2015 один раз в пять тысяч и более лет), поэтому в п. 4.3 СП 14.13330.2018 принято, что наибольшая часть «отдельных зданий и сооружений населенных пунктов со сроками эксплуатации до 100 лет», в которых и размещена наибольшая часть их людей, следует рассчитывать только на заниженные интенсивности землетрясений. Однако были проанализированы и значения параметра повторяемости прошедших землетрясений с максимальной магнитудой (интенсивностью) на территории СССР в 20 веке и выявлены в их показателях предельно малые значения в годах их повторяемости:

Курилы: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.34$, 4 марта 1952 г.;

Камчатка: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.5$, 4 ноября 1952 г.;

Курилы: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.2$, 6 ноября 1958 г.;

Курилы: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.1$, 13 октября 1963 г.;

Курилы: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.2$, 1 августа 1969 г.;

Прибайкалье: землетрясение с максимальной магнитудой $M = 8.1$, 4 декабря 1957 г. [9].

Уже давно многим строителям России известно немало примеров, когда землетрясения разрушали многие здания и сооружения с гибелью нескольких тысяч людей на территориях сразу нескольких населенных пунктов [3]. Ведь факт расположения большей части капитальных зданий и сооружений России на территориях только населенных пунктов подтверждается и статистикой размещения примерно 95% населения России

в населенных пунктах. Тогда, как говорилось выше в статье, на территориях населенных пунктов при землетрясениях значения сейсмических рисков всегда будут только максимальными. Например, при Спитакском землетрясении 1988 г. под его воздействием оказались сразу такие крупные города Армении как Спитак, Кировакан, Степанаван, Ленинакан и примерно 350 сельских поселений, в которых находилось примерно 1 млн чел [11]. Или в феврале 2023 г. два мощнейших землетрясений и примерно 400 повторных землетрясений, которые в течение 50 дней разрушили многие города этой страны с гибелью многих тысяч людей. Однако, в п. 4.4 СП 14.13330.2018 указывается, что расчеты «зданий и сооружений населенных пунктов» должны выполняться на расчетную сейсмичность их площадок строительства в зависимости еще и от уровня их ответственности, что, как говорилось выше в статье, грубо противоречит реальным возможностям проявления сильных землетрясений на местности. Но ведь при этом многие люди знают и другой фактор, согласно которому «капитальные здания и сооружения на территориях населенных пунктов» возводятся только строго по генеральным планам, разработанными проектными организациями согласно СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Тогда получается, что на территориях населенных пунктов образуется строго организованная и контролируемая застроенными государственными специалистами огромная капитальная застройка с размещением в них огромного числа людей, которую строители во всем мире и называют населенными пунктами. Но ведь такое самое сложное и дорогое строительное образование в России используется и в комплекте сейсмических карт ОСП -2015 «Общее сейсмическое районирование территории Российской Федерации», который размещен в приложении А СП 14.13330.2018. Так, например, в приложении А СП 14.13330.2018 записано, что приводится «Список населенных пунктов Российской Федерации, расположенных в сейсмоопасных районах...» с указанием значений только нормативной сейсмической интенсивности в баллах землетрясений но только для их территорий, но при этом только самая необходимая строителям информация по «расчетным значениям интенсивностей землетрясений непосредственно для каждой строительной площадки зданий и сооружений» почему-то в ОСП-2015 отсутствует.

К тому же сегодня россиянам понятен и такой всем известный факт в том, что постоянство в эксплуатации «капитальных зданий и сооружений в населенных пунктах» обеспечивается как за счет использования строителями быстрой утилизации

устаревших зданий или сооружений, так и путем возведения на еще свободных строительных площадках многих новых строительных объектов. Поэтому значения расчетной интенсивности землетрясений для всех строительных площадок «капитальных зданий и сооружений населенных пунктов» должны определяться только с учетом вероятной максимальной интенсивности землетрясения за время эксплуатации населенных пунктов в одну тысячу и более лет [1, 15]. Более того, многим россиянам известен и такой факт, что на территориях населенных пунктов количество зданий и сооружений, людей со временем, как правило, только увеличивается, что со временем так же будет служить еще одной причиной об увеличении значений реальных сейсмических рисков при очередном землетрясении [1]. Поэтому с учетом признания строителями только даже одного факта о непрерывности пребывания всех «капитальных зданий и сооружений на территориях населенных пунктов» предостаточно, чтобы их рассчитывать только на максимальную интенсивность в баллах землетрясения за время эксплуатации населенного пункта в одну тысячу и более лет [5].

Но к еще более серьезному недостатку в сейсмических картах ОСП-2015 следует отнести и тот факт, что вместо пяти реальных разных параметров сейсмических воздействий землетрясений в нем приводятся значения только для одного параметра по интенсивности в баллах землетрясения для территорий населенных пунктов. Но ведь известный ученый сейсмолог института физики Земли им. О.Ю. Шмидта приводит три параметра сейсмических воздействий, которые только в своей совокупности и определяют сейсмическую опасность для зданий и сооружений:

- интенсивность в баллах;
- преобладающий период в сек.;
- продолжительность воздействия в сек. [12].

Ведь при этом строителям хорошо известны и такой факт, когда в случае совпадения значения периода собственного колебания строительного объекта со значением преобладающего периода сейсмического воздействия землетрясения в его конструкциях обязательно образуется резонансное явление, которое способно увеличить воздействие параметра сейсмической интенсивности примерно еще на один и более баллов. Более того, этот же ученый сейсмолог указывает и на возможность параметра «продолжительности землетрясения» увеличивать значение параметра интенсивности в баллах сейсмического воздействия на здания и сооружения за счет увеличения своего значения: «Продолжительность или ширина импульса есть интервал времени, в течении которого уровень колебаний не меньше нек. за-

данной доли (...в инженерной сейсмологии 1 / 2) максимального уровня...) ...увеличение ширины импульса в 6.3 раза при прочих равных условиях вызывает увеличение сейсмической интенсивности на один балл» [12]. Кроме того, обосновано, что при расположении зданий и сооружений на территории населенного пункта без учета еще 2-х таких параметров землетрясения как «масштабность» и «направление» наиболее максимального сейсмического воздействия в баллах, просто невозможно защитить жизнь и здоровье людей [11]. Это поясняется тем, что землетрясения с максимальной интенсивностью в баллах проявляются, как правило, на огромных территориях, на которых могут размещаться сразу несколько населенных пунктов, а их здания и сооружения с прямоугольной формой в плане (наибольшая часть зданий и сооружений в населенных пунктах) по длинным и коротким своим сторонам имеют разные значения периодов их собственных колебаний. Примером воздействия этих 2-х параметров сейсмического воздействия на «здания и сооружения разных населенных пунктов» могут служить проявления таких землетрясений как Гаэлийское 1984 г., Спитакское 1988 г., Турецкие 2023 г. [13]. Поэтому строители еще в самом начале процесса своего проектирования «зданий и сооружений населенных пунктов» обязаны прежде всего должны сделать выбор для них таких объемно-планировочных и конструктивных решений, чтобы значения периодов их собственных колебаний значительно отличались от «расчетных значений» параметров преобладающих периодов сейсмических воздействий землетрясения. Однако, в СП 14.1330.2018 из-за отсутствия «расчетных значений» по всем пяти параметрам сейсмических воздействий строители их использовать просто не могут в этом динамическом методе расчета строительных объектов на сейсмические воздействия. Ведь главная цель этой оптимизации объемно-планировочных и конструктивных решений зданий и сооружений в самом начале процесса их проектирования заключается в том, чтобы на эти введенные строительные объекты смогли воздействовать только землетрясения с наименьшими значениями параметра сейсмической интенсивности в баллах. Поэтому этот начальный процесс проектировщиков в оптимизации объемно-планировочных и конструктивных решений зданий и сооружений с учетом «расчетных значений» только по всем пяти параметрам сейсмических воздействий землетрясений следует признать обязательным нормативным правилом в СП 14.1330.2018. Тогда следует признать и тот факт, что учет в приложении А СП 14.1330.2018 всего лишь только одного «нормативного значения» для параметра

сейсмической нормативной интенсивности в баллах воздействия землетрясения, который даже не предназначен для непосредственного его использования при проектировании зданий и сооружений на строительных площадках, не позволяет строителям проектировать здания и сооружения с надежной их сейсмозащитой. Из вышеизложенного следует, что в СП 14.13330.2018 необходимо указывать только «расчетные значения» сразу по всем пяти параметрам сейсмических воздействий землетрясений и только на всех строительных площадках зданий и сооружений с целью решения сразу нескольких основных строительных задач в сейсмостойком строительстве: 1) выбор оптимальных объемно-планировочных и конструктивных решений зданий и сооружений, которую следует признать главной задачей; 2) расчет зданий и сооружений с учетом «расчетных значений» только всех пяти параметров сейсмических воздействий при землетрясении на их строительных площадках [17].

О необходимости использования в процессе проектирования зданий и сооружений на сейсмоопасных территориях только «расчетных значений» сразу по всем пяти параметрам сейсмических воздействий землетрясений на их строительных площадках, отмечает в своей монографии и другой известный российский ученый сейсмолог института физики Земли им. О. Ю. Шмидта: «Существуют некоторые общие критерии параметризации процессов, в том числе и сейсмических колебаний....Параметры должны отражать основные черты изучаемого процесса, в данном случае важные с точки зрения расчетов на сейсмостойкость...Значения параметров в идеальном случае вычисляются на основании статистической обработки записей местных землетрясений с учетом зависимостей параметров колебаний от магнитуды землетрясений, типа подвижки в очаге, расстояния и типа грунта в пункте наблюдения» [14]. Как видим, основные параметры сейсмических воздействий региональных землетрясений зависят только от многих разных местных природных факторов и их объективно определить возможно только при помощи набора записей сейсмоприборами многих прошедших местных землетрясений. О необходимости учета в расчетах зданий и сооружений сразу нескольких параметров сейсмических воздействий этот ученый сейсмолог объясняет: «Переход на многопараметрическое задание сейсмических воздействий позволил учесть различия в спектральном составе и продолжительности колебаний, соотношение между горизонтальной и вертикальной компонентами и т.д.» [14]. Далее этот же ученый сейсмолог отмечает и строго индивидуальную особенность каждого землетрясения,

о которой должны знать все строители: «Заметим, что колебания при каждом землетрясении обладают спецификой и отличаются в той или иной мере от уже записанных вследствие естественного разнообразия сейсмических процессов в очаге, промежуточной между излучателем и точкой приема среде и грунтовым массиве...Таким образом, возникает задача описания сейсмических воздействий и грунтов некоторым ограниченным числом параметров, другими словами, задача параметризации сейсмических воздействий и грунтовых моделей» [14]. Другими словами, даже при следующем землетрясении на территории одной и той же строительной площадки строительного объекта «расчетные значения» параметров сейсмического воздействия могут быть уже другими. Поэтому сам факт наличия в приложении А СП 14.13330.2018 для территорий населенных пунктов России только «нормативного значения» для одного параметра «сейсмической интенсивности землетрясения» и как-бы на «все времена» свидетельствует и об отсутствии в его определении учета ряда меняющихся со временем важнейших характеристик местных природных факторов. Поэтому строители во многих регионах России просто не имеют возможность в расчетах «зданий и сооружений населенных пунктов» на сейсмические воздействия использовать, например, значение параметра даже «продолжительности сейсмического воздействия» землетрясения.

Однако в законе № 384-ФЗ отсутствует так необходимая строителям классификация зданий и сооружений по условиям их размещения на местности, в которой они подразделяются на два разных типа: 1-й тип-это строительные объекты, предназначенные для возведения их только на территориях населенных пунктов; 2-й тип- это здания и сооружения в виде «отдельно стоящих строительных объектов» за пределами населенных пунктов, в основном только для их одноразового использования (5). Поэтому здания и сооружения 1-го типа по причине своего почти непрерывного пребывания в населенных пунктах, должны рассчитываться только на максимальные интенсивности землетрясений за время одной тысячи и более лет [5]. В России к тому же и сметную стоимость зданий и сооружений почему-то оценивают только во время их сдачи в эксплуатацию и без учета немалых расходов за длительное время их эксплуатации. Но ведь, например, в таблице 1 ГОСТ 27751-2014 «Надежность строительных конструкций и оснований», для наибольшей части капитального жилищно-гражданского строительства для обычных условий возведения рекомендован для них срок службы только в не менее 50 лет.

Но ведь сегодня даже средняя продолжительность жизни человека в России по данным Минздрава РФ от 28 марта 2026 г. признана в 73 года. Тогда получается, что немало людей в России живут дольше многих «так называемых капитальных жилых зданий». Потому опубликована даже математическая формула коэффициента экономической эффективности зданий и сооружений за время их эксплуатации, которая показывает, что наиболее экономически эффективными в конце сроков своей эксплуатации становятся только строительные объекты с большими сроками своей эксплуатации [9]. Тогда и по показателю коэффициента экономической эффективности зданий и сооружений закон № 384-ФЗ не пригоден так же и для возведения строительных объектов на территориях населенных пунктов с нормальными природными условиями. Ведь при этом в статье [1] автор уже теоретически обосновывал, что на территориях России следует возводить только капитальные здания и сооружения со сроками эксплуатации в 200 и более лет, так как только эти строительные объекты по всем своим эксплуатационным характеристикам намного превосходят сегодняшние «здания и сооружения на территориях населенных пунктов».

Согласно выводам ученых - медиков многие люди в зданиях при сильных землетрясениях теряют свое здоровье [10]. Так в статье 26 закона № 384-ФЗ даже записано: «В проектной документации здания и сооружения должны быть предусмотрены меры для того, чтобы вибрации в зданиях и сооружениях не причиняли вреда здоровью людей». Однако это требование закона № 384-ФЗ уже много лет так и не исполняется в СП 14.13330.2018. Наверное, причина его невыполнения в том, что в этом указанном правиле закона № 384-ФЗ отсутствуют конкретные значения для максимально допустимых уровней вибрации в зданиях и сооружениях при разной интенсивности землетрясений. Поэтому обосновано, что для защиты здоровья людей «в зданиях и сооружениях населенных пунктов» их следует рассчитывать только на максимальные интенсивности землетрясений за время одной тысячи лет [11].

Отсутствие использования в законе № 384-ФЗ правила теории вероятности для определения основных характеристик землетрясений на территориях населенных пунктов России и факт непризнания населенных пунктов объектами капитального строительства отразилось в его положениях:

Сейсмический процесс при землетрясениях на территориях населенных пунктов вместо признания его в виде периодической смены затишья на всплеск его высокой активности признан только в виде упрощенного стационарного процесса.

Статистика землетрясений в 20 веке на Земле показала, что на территориях ряда населенных пунктов СССР произошли землетрясения с максимальной интенсивностью, большой масштабностью, высокой частотой повторяемостью.

Значения проектных сейсмических рисков при землетрясении на территориях населенных пунктов определяются только для «отдельных зданий и сооружений».

Из-за постоянного пребывания всех капитальных зданий и сооружений на территориях населенных пунктов по правилу теории инженерной сейсмологии требуется их расчеты производить только на максимальные интенсивности землетрясений за время эксплуатации населенных пунктов в одну тысячу и более лет.

согласно правилу теории вероятности значения проектных сейсмических рисков на территориях населенных пунктов при землетрясении следует определять только с учетом признания населенных пунктов объектами капитального строительства со сроком эксплуатации в одну тысячу и более лет; всех капитальных зданий, сооружений, людей, оказавшихся под его сейсмическим воздействием.

Непрерывность в изменениях сейсмотектонических и многих других местных условий на территориях населенных пунктов требуют разрабатывать «Карты всех строительных площадок капитальных зданий и сооружений населенных пунктов» с указанием в них «расчетных значений по всем пяти параметрам сейсмических воздействий землетрясений» только региональным ученым сейсмологам (как в Японии).

«Расчетные значения» для параметров интенсивности в баллах сейсмических воздействий землетрясений для строительных площадок зданий и сооружений следует определять только с учетом совместного воздействия всех пяти параметров сейсмических воздействий.

Процесс проектирования зданий и сооружений населенных пунктов должен состоять как минимум из двух разных по ответственности этапов: 1 - самый ответственный этап, включающий оптимизацию объемно-планировочных и конструктивных их решений с учетом значений по всем пяти параметрам сейсмических воздействий; 2 – это расчеты зданий и сооружений выполнять с учетом расчетных значений параметра интенсивности сейсмического воздействия на их строительных площадках.

Наиболее оптимальные показатели по всем техническим характеристикам получают только капитальные здания и сооружения с длительными сроками эксплуатации и на территориях населенных пунктов с обычными условиями стро-

ительства.

Наличие густой сети сейсмостанций на территориях населенных пунктов необходимо и для определения краткосрочных прогнозов для сильных землетрясений, что значительно повышает надежность по защите жизни людей.

Список литературы:

[1] Масляев А.В. Необходимость признания населенных пунктов России объектами капитального строительства // Жилищное строительство. 2022. № 8. С.28-37. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2022-8-28-37>.

[2] Кофф Г.Л., Рюмина Е.В. Сейсмический риск (люди, управление). М.: Полтекс. 2003. 108 с.

[3] Масляев А.В. Сейсмозащита сразу нескольких населенных пунктов при землетрясении // Промышленное и гражданское строительство. 2025. № 7. С. 33-37. doi: 10/33622/0869-7019.2025.07.33-37.

[4] Масляев А.В. Люди –главный объект защиты в зданиях при опасных природных явлениях // Евразийский союз ученых: Сер. Технические и физико-математические науки. 2021. № 7 (88), Т.1. DOI: <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2021.1/88/1407>.

[5] Гинзбург А.В., Масляев А.В. Расчет объектов капитального строительства на максимальные воздействия –основа жизнедеятельности населенных пунктов России // Жилищное строительство.2022. № 1-2. С.48-55. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2022-1-2-48-55>.

[6] Штейнберг В.В. Колебания грунтов при землетрясениях. Источники и воздействия разрушительных сейсмических колебаний..Вопросы инженерной сейсмологии. М.: АН СССР. Ин-т физики Земли им. О.Ю. Шмидта. 1990. Вып. 31. С. 47-67.

[7] Хаин В.Е., Ломизе М.Г. Геотектоника с основами геодинамики. М.: МГУ. 1995. 480 с.

[8] Юдахин Ф.Н., Щукин Ю.К., Макаров В.И. Глубинное строение и современные геодинамические процессы в литосфере Восточно-Европейской платформы. Екатеринбург: УПО РАН. 2003. 300 с.

[9] Масляев А.В. Проблема сейсмической опасности для населенных пунктов России // Жилищное строительство.2023. № 1-2. С.21-27. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2023-1-2-21-27>.

[10] Вахов В.П. Психические нарушения у служащих организованных коллективов в районе бедствий. Психические расстройства у пострадавших во время землетрясения в Армении. Сборник научных трудов НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. 1989.С. 34-41.

[11] Масляев А.В. Защита здоровья людей при землетрясении в зданиях жесткого типа. // Жи-

лищное строительство. 2024. № 11. pp. 55-62. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2024-11-55-62>.

[12] Аптикаев Ф.Ф. Инструментальная шкала сейсмической интенсивности. М.: Наука и образование. 2012. 176 с.

[13] Масляев А.В. Разрушения населенных пунктов при землетрясениях будут повторяться // Жилищное строительство. 2023. № 10. pp. 83-89. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2023-10-83-89>.

[14] Алешин А. С. Сейсмическое микрорайонирование особо ответственных объектов. М.: Светоч Плюс. 2010. 299 с.

[15] Уломов В.И., Шумилина Л.С. Комплект карт общего сейсмического районирования территории Российской Федерации ОСР -97. Масштаб 1: 8000000. Объяснительная записка и список городов и населенных пунктов, расположенных в сейсмоопасных районах. М.: М-во науки и технологий РФ. РАН. Объединенный институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта. 1999.

[16] Comsition of thepo Building Standard Lam of Japan. Tokio: 1987. 29 p.

[17] Kondrashov V.V., Polozhnov A.V., Kondrashova I.V. et al. Stability of Meshed Plates with Consideration of Transverse Shear in Physically and Geometrically Nonlinear Formulation of the Problem // Russian Engineering Research. 2025. No. 45. Pp. 803–807.

References:

[1] Maslyayev A.V. The need to recognize the settlements of Russia as objects of capital construction // Housing construction. 2022. № 8. S.28-37. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2022-8-28-37>.

[2] Koff GL, Ryumina EV Seismic risk (people, management). M.: Poltex. 2003. 108 pp.

[3] Maslyayev A.V. Seismic protection of several settlements at once during an earthquake // Industrial and civil construction. 2025. № 7. S. 33-37. doi: 10/33622/0869-7019.2025.07.33-37.

[4] Maslyayev A.V. People are the main object of protection in buildings in case of natural hazards // Euroleague Union of Scientists: Ser. Technical and physical-mathematical sciences. 2021. No. 7 (88), T.1. DOI: <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2021.1/88/1407>.

[5] Ginzburg A.V., Maslyayev A.V. Calculation of capital construction facilities for maximum impacts - the basis of life of settlements in Russia // Housing construction. 220. № 1-2. S.48-55. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2022-1-2-48-55>.

[6] Steinberg V.V. Ground vibrations during earthquakes. Sources and impacts of destructive seismic vibrations. Issues of engineering seismology.

M.: ANSSSR. Institute of Physics of the Earth named after O.Yu. Schmidt. 1990. No. 31. S. 47-67.

[7] Khain V.E., Lomize M.G. Geotectonics with the basics of geodynamics. M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY. 1995. 480 s.

[8] Yudakhin F.N., Shchukin Yu.K., Makarov V.I. Deep structure and modern geodynamic processes in the lithosphere of the East European platform. Yekaterinburg: UpO RAS. 2003. 300 s.

[9] Maslyayev A.V. Problem of seismic hazard for settlements of Russia // Housing construction. 2023. № 1-2. S.21-27. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2023-1-2-21-27>.

[10] Vakhov V.P. Mental disorders in employees of organized groups in the disaster area. Mental disorders in victims of the earthquake in Armenia. Collection of scientific works of the Research Institute of General and Forensic Psychiatry named after V.P. Serbani. 1989. S. 34-41.

[11] Maslyayev A.V. Protection of people's health during an earthquake in hard buildings . // Housing construction. 2024. № 11. pp. 55-62. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2024-11-55-62>.

[12] Aptikaev F.F. Instrumental scale of seismic intensity. M.: Science and education. 2012. 176 s.

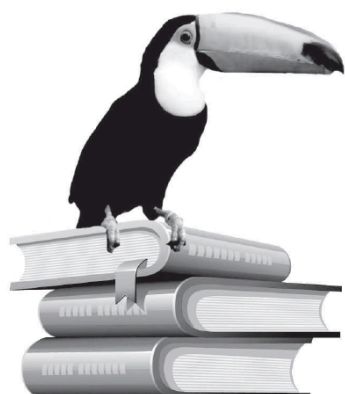
[13] Maslyayev A.V. Destruction of settlements during earthquakes will be repeated // Housing construction. 2023. № 10. pp. 83-89. DOI: <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2023-10-83-89>.

[14] A. S. Aleshin. Seismic microzoning of critical objects. M.: Svetoch Plus. 2010. 299 s.

[15] Ulomov V.I., Shumilina L.S. Set of maps of general seismic zoning of the territory of the Russian Federation OSR-97. Scale 1:8000000. Explanatory note and list of cities and towns located in earthquake-prone areas. M.: Ministry of Science and Technology of the Russian Federation. RAS. Joint Institute of Physics of the Earth named after O.Yu. Schmidt. 1999.

[16] Consition of thepo Building Standard Lam of Japan. Tokio: 1987. 29 p.

[17] Kondrashov V.V., Polozhnov A.V., Kondrashova I.V. et al. Stability of Meshed Plates with Consideration of Transverse Shear in Physically and Geometrically Nonlinear Formulation of the Problem // Russian Engineering Research. 2025. No. 45. Pp. 803–807.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-583-587

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского
права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

ОВЕРБУКИНГ В СФЕРЕ ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗОК: ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема правового регулирования овербукинга в сфере воздушных перевозок – практики продажи авиаперевозчиками большего числа билетов, чем имеется мест на воздушном судне. Автор анализирует правовую природу овербукинга, его соотношение с принципами гражданского законодательства Российской Федерации и нормами Воздушного кодекса РФ, а также зарубежный опыт нормативного закрепления данного института. Особое внимание уделяется отсутствию в отечественном законодательстве прямого регулирования овербукинга при авиаперевозках и связанным с этим проблемам защиты прав пассажиров. Рассматривается вопрос о правовых последствиях отказа в перевозке против воли пассажира и механизмах компенсации. По итогам исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: овербукинг, договор воздушной перевозки, защита прав потребителей, гражданское право, воздушная перевозка, отказ в посадке, авиаперевозчик, компенсация.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St.
Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

OVERBOOKING IN AIR TRANSPORTATION: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

Annotation. The article examines the problem of legal regulation of overbooking in air transportation – the practice by air carriers of selling more tickets than there are seats on the aircraft. The author analyzes the legal nature of overbooking, its correlation with the principles of the civil legislation of the Russian Federation and the norms of the Air Code of the Russian Federation, as well as foreign experience in the normative consolidation of this institution. Particular attention is paid to the absence of direct regulation of overbooking in air transportation in domestic legislation and the related problems of protecting the rights of passengers. The issue of the legal consequences of denied boarding against the will of the passenger and compensation mechanisms is considered. Based on the results of the study, specific proposals for improving legislation are formulated.

Key words: overbooking, contract of air carriage, consumer protection, civil law, air transportation, denied boarding, air carrier, passenger compensation.

Современный рынок воздушных перевозок характеризуется высокой конкуренцией и стремлением авиаперевозчиков к оптимизации коммерческой загрузки воздушных судов. Одним из инструментов такой оптимизации выступает овербукинг (от англ. overbooking – «сверхбронирование») – практика продажи авиаперевозчиком большего количества билетов на рейс, чем фактически имеется пассажирских мест на воздушном судне [1].

Экономическая логика овербукинга основана на статистических данных о неявке части пассажиров. По оценкам специалистов, доля неявившихся пассажиров на отдельных рейсах может достигать 5–15 %, что влечёт для перевозчика упущенную выгоду в виде незаполненных кресел. Продавая билеты «с запасом», авиакомпания стремится обеспечить максимальную загрузку рейса и снизить издержки. Однако в тех случаях, когда на рейс являются все или почти все пассажиры, перевозчик оказывается не в состоянии исполнить обязательства перед частью из них, что приводит к отказу в посадке против воли пассажира [1; 2].

Актуальность темы обусловлена тем, что в российском законодательстве отсутствует прямое упоминание овербукинга, вследствие чего складывается правовая неопределённость. С одной стороны, пассажир, заключивший договор воздушной перевозки и оплативший билет, вправе рассчитывать на надлежащее исполнение обязательства. С другой – авиаперевозчик, сознательно продавший избыточное количество билетов, фактически ставит исполнение обязательства в зависимость от поведения третьих лиц. Данная ситуация порождает многочисленные споры и требует комплексного научного осмысления [2; 3].

Степень научной разработанности темы в отечественной доктрине остаётся недостаточной. Отдельные аспекты рассматривались в работах, посвящённых защите прав пассажиров воздушного транспорта и ответственности авиаперевозчиков [3; 4; 5], однако системного исследования правовой природы овербукинга при авиаперевозках и путей его законодательного регулирования в российской науке практически не проведено.

Целью настоящей статьи является выявление проблем правового регулирования овербукинга в сфере воздушных перевозок в Российской Федерации и разработка предложений по их разрешению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить правовую природу овербукинга при воздушной перевозке; проанализировать соответствие данной практики нормам Гражданского кодекса РФ и Воздушного кодекса РФ; исследовать правовые последствия отказа в посадке против воли пассажира; изучить

зарубежный опыт регулирования компенсационных механизмов; сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод юридического толкования.

С точки зрения гражданского права овербукинг представляет собой заключение авиаперевозчиком заведомо большего числа договоров воздушной перевозки, чем он объективно способен исполнить с учётом вместимости воздушного судна. При этом важно подчеркнуть, что каждый отдельный договор перевозки, заключённый с пассажиром, является действительным и порождает соответствующие обязательства [1].

В соответствии со статьёй 786 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору перевозки пассажира перевозчик обязуется перевезти пассажира в пункт назначения, а пассажир обязуется уплатить установленную плату за проезд. Заключение договора удостоверяется билетом. Таким образом, с момента приобретения билета между пассажиром и перевозчиком возникает договорное обязательство, которое подлежит надлежащему исполнению [2].

Согласно статье 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 310 ГК РФ). Следовательно, отказ в посадке на рейс по причине овербукинга по существу представляет собой односторонний отказ перевозчика от исполнения договорного обязательства, не предусмотренный законом, а значит – неправомерное неисполнение обязательства [2; 3].

Особая проблема заключается в квалификации вины перевозчика. Если при обычном неисполнении обязательства должник может ссылаться на обстоятельства непреодолимой силы, то в случае овербукинга неисполнение является следствием сознательного коммерческого решения перевозчика. Иными словами, перевозчик заранее принимает на себя риск невозможности исполнения части заключённых договоров ради извлечения дополнительной прибыли. Такое поведение не может рассматриваться как добросовестное в смысле статьи 1 и статьи 10 ГК РФ [1; 2].

Договор воздушной перевозки пассажира регулируется главой XV Воздушного кодекса Россий-

ской Федерации, а также Федеральными авиационными правилами «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей», утвержденными приказом Минтранса России [3].

Анализ указанных актов показывает, что ни Воздушный кодекс РФ, ни Федеральные авиационные правила не содержат понятия «овербукинг» или «сверхбронирование» и не устанавливают специальных правил на случай отказа в перевозке по данному основанию. Статья 108 Воздушного кодекса РФ регулирует лишь порядок возврата провозной платы при отказе пассажира от перевозки, но не рассматривает ситуацию, когда в перевозке отказывает сам перевозчик по причине сверхбронирования [3].

Статья 120 Воздушного кодекса РФ устанавливает ответственность перевозчика за просрочку доставки пассажира в виде штрафа в размере двадцати пяти процентов установленного федерального законом минимального размера оплаты труда за каждый час просрочки, но не более чем пятьдесят процентов провозной платы. Однако размер данного штрафа явно недостаточен для адекватной компенсации пассажиру неудобств, связанных с отказом в посадке, и не выполняет ни компенсационной, ни превентивной функции [3; 4].

В результате пассажир, которому отказано в перевозке вследствие овербукинга, вынужден защищать свои права на общих основаниях — со ссылкой на нормы ГК РФ о нарушении обязательств и на Закон РФ «О защите прав потребителей». Последний позволяет требовать возмещения убытков, взыскания неустойки и компенсации морального вреда, а также штрафа за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя. Тем не менее отсутствие специального регулирования создаёт правовую неопределённость и затрудняет единообразную правоприменительную практику [4; 5].

В российской правоприменительной практике авиаперевозчики при возникновении ситуации овербукинга, как правило, действуют по одному из следующих сценариев. Первый — обращение к пассажирам с предложением добровольно отказаться от перевозки на данном рейсе в обмен на денежную компенсацию, бонусы или пересадку на следующий рейс (принцип добровольного отказа). Второй — принудительный отказ в посадке пассажирам, зарегистрировавшимся последними, если желающих отказаться добровольно недостаточно [1; 5].

С правовой точки зрения второй сценарий представляет наибольшую проблему. Пассажир, добросовестно исполнивший свои обязательства

(приобретший билет, своевременно явившийся на регистрацию), лишается права воспользоваться оплаченной услугой не по своей вине. Такой отказ нарушает не только договорные обязательства перевозчика, но и права потребителя, гарантированные законодательством [4].

Судебная практика по данной категории споров неоднородна. В ряде случаев суды удовлетворяют требования пассажиров о взыскании убытков, неустойки и компенсации морального вреда, квалифицируя отказ в посадке как ненадлежащее исполнение обязательства. Однако отсутствие единого правового механизма и фиксированных размеров компенсации приводит к тому, что размеры взыскиваемых сумм существенно различаются, а пассажиры зачастую не осведомлены о своих правах и не обращаются за защитой [4; 5].

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что в развитых правовых системах проблема овербукинга при воздушных перевозках получила детальное нормативное закрепление.

Наиболее показательным является опыт Европейского союза. Регламент (ЕС) № 261/2004 Европейского парламента и Совета устанавливает общие правила компенсации и содействия пассажирам в случае отказа в посадке, отмены или длительной задержки рейса. Согласно данному Регламенту, перевозчик обязан прежде всего обратиться к добровольцам, готовым отказаться от бронирования в обмен на льготы. При отсутствии достаточного числа добровольцев перевозчик вправе отказать пассажиру в посадке против его воли, но обязан выплатить фиксированную денежную компенсацию, размер которой зависит от дальности перелёта: от 250 евро (при дальности до 1500 км) до 600 евро (при дальности свыше 3500 км). Помимо этого, пассажиру предоставляется право выбора между возвратом стоимости билета и изменением маршрута, а также обеспечивается питание, связь и, при необходимости, размещение в гостинице [6].

Аналогичный подход применяется в Соединённых Штатах Америки, где Министерство транспорта закрепило обязательные правила компенсации при принудительном отказе в посадке (*denied boarding compensation*). Размер компенсации зависит от продолжительности задержки прибытия пассажира в пункт назначения и может составлять до 400 % от стоимости билета с установленным максимальным пределом [6].

Ключевое достоинство зарубежных моделей заключается в предсказуемости и прозрачности: пассажир заранее знает размер причитающейся ему компенсации, а перевозчик — размер своих потенциальных издержек, что стимулирует его к разумному ограничению практики овербукинга. Кро-

ме того, фиксированные компенсации выполняют превентивную функцию, экономически ограничивая злоупотребления со стороны перевозчиков [6].

Отсутствие в российском законодательстве специального регулирования овербукинга ставит российских пассажиров в менее защищённое положение по сравнению с пассажирами, права которых защищены нормами законодательства ЕС или США. При этом на практике российские авиаперевозчики применяют овербукинг, ориентируясь преимущественно на внутренние регламенты и собственную коммерческую политику, что не обеспечивает надлежащей защиты интересов пассажиров [1; 5].

Дискуссионным остаётся вопрос о самой допустимости овербукинга в российском правовом порядке. С одной стороны, сложившаяся международная практика свидетельствует о том, что полный запрет овербукинга экономически нецелесообразен и способен привести к росту стоимости авиабилетов. С другой стороны, отсутствие регулирования делает данную практику фактически бесконтрольной [2; 6].

Представляется, что оптимальным решением является не запрет, а легализация овербукинга с одновременным установлением жёстких гарантий защиты прав пассажиров. Для этого целесообразно:

во-первых, закрепить в Воздушном кодексе РФ и Федеральных авиационных правилах понятие овербукинга (сверхбронирования) и условия его правомерности;

во-вторых, установить обязательную процедуру, при которой перевозчик прежде всего обязан обратиться к пассажирам с предложением добровольного отказа от перевозки на возмездной основе;

в-третьих, ввести фиксированные размеры денежной компенсации при принудительном отказе в посадке, дифференцированные в зависимости от дальности перелёта, по аналогии с моделью ЕС;

в-четвёртых, закрепить обязанность перевозчика обеспечить пассажиру, которому отказано в посадке, питание, связь, а при необходимости – размещение в гостинице и перевозку ближайшим рейсом за счёт перевозчика;

в-пятых, предусмотреть повышенную ответственность перевозчика в случае необеспечения указанных гарантий [3; 4; 6].

Реализация данных мер позволит обеспечить баланс между экономическими интересами авиаперевозчиков и правами пассажиров как более слабой стороны договора перевозки, а также приблизить российское законодательство к международным стандартам защиты прав потреби-

лей транспортных услуг.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, овербукинг при воздушной перевозке представляет собой правовую конструкцию, при которой перевозчик заключает заведомо неисполнимое в полном объёме число договоров, что вступает в противоречие с принципом надлежащего исполнения обязательств (ст. 309, 310 ГК РФ) и принципом добросовестности (ст. 10 ГК РФ). Отказ в посадке против воли пассажира по существу является неправомерным односторонним неисполнением обязательства.

Во-вторых, в российском законодательстве, включая Воздушный кодекс РФ и Федеральные авиационные правила, отсутствует прямое регулирование овербукинга, что снижает уровень правовой защищённости пассажиров и порождает неоднородную правоприменительную практику. Установленные Воздушным кодексом РФ размеры ответственности перевозчика недостаточны и не выполняют компенсационной и превентивной функций.

В-третьих, зарубежный опыт (Регламент ЕС № 261/2004, правила Министерства транспорта США) демонстрирует эффективность закрепления фиксированных компенсаций и механизмов содействия пассажирам при отказе в посадке.

В целях совершенствования законодательства предлагается легализовать овербукинг с одновременным закреплением его понятия, установлением обязательной процедуры добровольного отказа, введением фиксированных дифференцированных компенсаций при принудительном отказе в посадке, а также закреплением обязанности перевозчика обеспечить пассажиру дополнительные гарантии (питание, связь, размещение, перевозку ближайшим рейсом). Реализация указанных предложений будет способствовать повышению уровня правовой защищённости пассажиров и обеспечению баланса интересов участников гражданского оборота в сфере воздушных перевозок.

Список литературы:

- [1] Свиридова Е.А. Правовые аспекты овербукинга в договоре воздушной перевозки пассажира // Гражданское право. — 2021. — № 3. — С. 24–28.
- [2] Останина Е.А. Проблемы защиты прав потребителей при неисполнении договора возмездного оказания услуг // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — № 5. — С. 112–130.
- [3] Морозов С.Ю. Договор перевозки пассажира: проблемы правового регулирования и защиты прав пассажиров // Транспортное право. —

2021. — № 2. — С. 15–20.

[4] Богдан В.В., Урда М.Н. Защита прав потребителей в сфере оказания транспортных услуг: современные тенденции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 45–56.

[5] Остроумов Н.Н. Правовое регулирование международных воздушных перевозок и ответственность авиаперевозчика // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — С. 78–92.

[6] Щербакова Л.В. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности авиаперевозчиков в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18, № 4. — С. 88–99.

References:

[1] Sviridova E.A. Legal aspects of overbooking in the contract of air carriage of a passenger // Civil law. — 2021. — № 3. - S. 24-28.

[2] Ostanina E.A. Problems of consumer

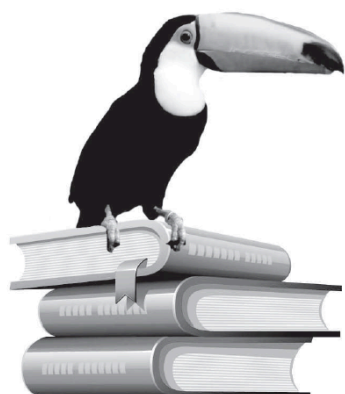
protection in case of non-fulfillment of the contract for the provision of paid services // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2022. — № 5. - S. 112-130.

[3] Morozov S.Yu. Contract of carriage of a passenger: problems of legal regulation and protection of rights of passengers // Transport law. — 2021. — № 2. - S. 15-20.

[4] Bogdan V.V., Urda M.N. Protection of consumer rights in the field of transport services: modern trends // Izvestia of Southwestern State University. Series: History and Law. — 2022. - T. 12, NO. 3. - S. 45-56.

[5] Ostroumov N.N. Legal regulation of international air transportation and the responsibility of the air carrier // Journal of Russian law. — 2020. — № 8. - S. 78-92.

[6] L.V. Shcherbakova. Comparative legal analysis of the regulation of the responsibility of air carriers in Russia and foreign countries // Actual problems of Russian law. — 2023. - T. 18, NO. 4. - S. 88-99.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-588-593

Дата принятия рукописи в печать: 25.07.2026 г.

КОЛЯДА Давид Михайлович,
преподаватель-стажёр, соискатель по специальности 5.8.7
Методология и технология профессионального образования,
Донецкий государственный университет,
e-mail: david_koliada@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ С ПОЗИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются специальные принципы профессиональной подготовки будущих юристов с позиции формирования их информационно-правовой компетентности. Приводится принцип формирования профессиональной ответственности будущих юристов, который основывается на создании условий, при которых студенты (курсанты) осознают важность информационно-правовых действий и воспринимают их как свою личностную задачу, а не навязанную сверху обязанность. Этот принцип предполагает развитие у будущих юристов ценностного отношения к правовой деятельности, где они понимают ее значимость для общества и собственной профессиональной деятельности. Рассматривается принцип процессуальности, суть которого заключается в формировании точных целей, которые предопределяют алгоритм действий и фокусируют ход обучения на их обязательном достижении через серию строго определенных процедурных шагов. Приводится принцип тайминга, который включает планирование, контроль и корректировку времени, что способствует более продуктивному выполнению учебных задач и успешной реализации образовательных целей, организации обучающих и воспитательных мероприятий или развивающих процессов (действий). Анализируется принцип экстерниоризации, который открывает перед студентами-юристами новые горизонты, расширяя возможности не только благодаря сети интернет и телекоммуникационным технологиям, но и мощным системам искусственного интеллекта.

Ключевые слова: принципы профессиональной подготовки, информационно-правовая компетентность юриста, принцип формирования профессиональной ответственности, принцип процессуальности, принцип тайминга, принцип экстерниоризации.

KOLIADA David Mikhailovich,
trainee teacher, applicant for the specialty, 5.8.7 Methodology and
technology of vocational education, Donetsk State University

PRINCIPLES OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE LAWYERS FROM THE PERSPECTIVE OF FORMATION OF THEIR INFORMATION AND LEGAL COMPETENCE

Annotation. The article discusses the special principles of professional training of future lawyers from the perspective of the formation of their information and legal competence. The principle of forming the professional responsibility of future lawyers is given, which is based on creating conditions under which students (cadets) realize the importance of information and legal actions and perceive them as their personal task, rather than an obligation imposed from above. This principle presupposes the development of a value-based attitude towards legal activity among future lawyers, where they understand its importance to society and their own professional activities. The principle of processuality is considered, the essence of which is the formation of precise goals that determine the algorithm of actions and focus the learning process on their mandatory achievement through a

series of strictly defined procedural steps. The principle of timing is given, which includes planning, monitoring and adjusting time, which contributes to more productive performance of educational tasks and successful implementation of educational goals, organization of training and educational activities or developmental processes (actions). The principle of exteriorization is analyzed, which opens up new horizons for law students, expanding opportunities not only thanks to the Internet and telecommunications technologies, but also powerful artificial intelligence systems.

Key words: *principles of professional training, information and legal competence of a lawyer, the principle of professional responsibility formation, the principle of due process, the principle of timing, the principle of exteriorization.*

Введение

Усиление требований к уровню информационно-правовой компетентности юристов на фоне развития российского правового государства и общества подталкивает к повышению качества их подготовки в вузах. Сегодняшняя модель высшего юридического образования иначе оценивает итоги обучения. Во главу угла ставится не количество усвоенных фактов, а умения и навыки отбора, обработки и внедрения знаний для разрешения конкретных правовых ситуаций. Кроме того, существенным результатом подготовки будущего юриста следует признать развитие у него внутренней потребности в регулярном обновлении компетенций и совершенствовании саморазвития.

В этой связи знание и применение продуктивных принципов формирования информационно-правовой компетентности резко возрастает. Ведь роль принципов в подготовке будущих юристов носит многогранный характер: они задают направление обучения, помогают формировать профессиональные компетенции, развивать личностные качества и обеспечивают соответствие образовательной подготовки требованиям профессии. Принципы выступают как ориентиры, определяющие содержание, методы, организацию и воспитательный потенциал образовательного процесса.

Среди современных ученых, которые изучали проблему формирования профессиональной компетентности будущих юристов можно выделить В. А. Адольфа [1], О. А. Андрееву [2], Ю. Н. Нагарокова [3]. А среди авторов, занимающихся исследованиями специфических принципов формирования профессиональной подготовки специалистов юридической направленности можно назвать О. Г. Габдуллину [4], М. Д. Даммер [5], Е. И. Махрову [6], Л. В. Палий [7], Л. М. Тимошину [8]. Недостаточная изученность процесса становления информационно-правовой компетентности у студентов (курсантов), обучающихся по правоохранительным специальностям, побудила нас обратиться к этой теме. Основная задача данной публикации – всесторонне рассмотреть базовые принципы профессиональной подготовки будущих юристов, ориентируясь на формирование их информационно-правовой компетентности.

Методы

Для проведения исследования были применены методы сравнительного анализа научно-педагогической и методической литературы, изучения и синтеза материалов из научных источников и нормативно-правовых документов.

Данные методы позволили проанализировать используемые принципы профессиональной подготовки будущих юристов с позиции формирования их информационно-правовой компетентности, выявить существующие проблемы и сформулировать выводы.

Обсуждение проблемы

Среди многообразия профессиональных принципов, направленных на подготовку специалиста в области юриспруденции, который может не только владеть правовыми знаниями, но и будет эффективно работать с информацией в цифровой среде, критически ее оценивать и применять в профессиональной деятельности, нами были выделены следующие принципы: формирования профессиональной ответственности будущих юристов, принцип процессуальности, принцип тайминга, принцип экстерниоризации. Рассмотрим их более подробно.

Принцип формирования профессиональной ответственности будущих юристов. Этот принцип основывается на создании условий, при которых студенты (курсанты) осознают важность информационно-правовых действий и воспринимают их как свою личностную задачу, а не навязанную сверху обязанность. Этот принцип предполагает развитие у будущих юристов ценностного отношения к правовой деятельности, где они понимают ее значимость для общества и собственной профессиональной деятельности.

Ключевым аспектом является вовлечение студентов (курсантов) в процесс, превращая их в «соучастников» формирования своих профессиональных навыков. Это достигается через предоставление возможностей обратной связи и через сигнализацию о проблемах и трудностях в решении актуальных правовых и информационных задач. Такой подход способствует формированию у них чувства ответственности за результат и понимание, что их действия имеют реальное значение.

Особенность этого принципа – повышение уровня самостоятельности обучающихся в разработке методов реализации правоприменительных задач с использованием интеллектуальных систем. Студентам (курсантам) целенаправленно дают все большую ответственность, стимулируя их самостоятельно искать и выбирать наиболее эффективные способы решения вопросов, что способствует развитию их инициативности, критического мышления и профессиональной инициативы. Самостоятельность в этом контексте – это способность студентов (курсантов) не только следовать готовым алгоритмам, но и самому выбирать методологию решения правовой проблемы, адаптируя ее к конкретной ситуации. Это содействует формированию их личной профессиональной ответственности за принятие решений и разработку эффективных правовых воплощений.

Особенностью этого принципа является постепенное повышение уровня самостоятельности в решении правовых задач. Важным аспектом является не только обучение студентов (курсантов) правовым нормам, но и развитие у них способности самостоятельно разрабатывать и применять способы решения правоприменительных задач с использованием интеллектуальных систем и технологий. Это требует от них не только знания правовых основ, но и умения работать с современными инструментами, такими как юридические базы данных, системы анализа документов, автоматизированные системы правоприменения и интеллектуальные системы правовой направленности. Студенты (курсанты) должны развивать навыки работы с такими технологиями, учиться их интегрировать в практическую работу, разрабатывать методы их использования в реальных ситуациях профессиональной деятельности.

Современная юридическая практика тесно связана с информационными технологиями, и юристам необходимо не только владеть правовыми нормами, но и понимать, как информация используется и обрабатывается в правовом контексте. В условиях цифровизации и глобализации все большее внимание уделяется вопросам защиты данных, кибербезопасности, правомерного обращения с информацией и соблюдению цифровых прав. Формирование профессиональной ответственности юриста требует осознания этих аспектов, готовности отвечать за свои решения и их последствия, а также за правильное использование информации и ее правовую оценку.

Включение в образовательный процесс темы информационно-правовых действий позволяет будущим юристам увидеть, что их воздействия, это не просто выполнение процедур, а важный элемент, влияющий на всю систему права, защиту

прав личности и общества в целом. Это формирует у них осознание того, что их решения в информационном поле могут иметь долгосрочные важные последствия для людей (свидетелей, подсудимых, клиентов и т. п.), организаций, и они должны быть готовы нести ответственность за последствия своих действий.

Очень важно, чтобы процесс формирования профессиональной ответственности не воспринимался студентами (курсантами) как навязанная сверху обязанность, а как их собственная проблема и цель. Для этого необходимо включать их в активное обсуждение, анализ и решение реальных проблем, связанных с правом, обеспечивая возможность их участия в процессе поиска наилучшего решения. Это можно достичь через использование различных форм активного обучения: деловых игр, симуляций, рабочих проектов, которые позволяют студентам (курсантам) почувствовать свою ответственность за исход дела. Они должны ощущать, что от их решений зависит результат, а не просто выполнение требований преподавателя. Когда студенты (курсанты) видят, что их решения имеют значимость, они начинают воспринимать задачу как свою, а не как навязанную извне. Это создает у них внутреннюю мотивацию для глубокой проработки вопросов и ответственного подхода к принятию решений.

Важно, чтобы обучающиеся не только принимали решения, но и могли сообщать о возникающих проблемах или трудностях в процессе обучения. Это можно обеспечить через открытые формы взаимодействия с преподавателями, например, через регулярные обсуждения кейсов, проведение сессий обратной связи и воркшопов, то есть структурированных мероприятий, в ходе которых группа людей работает над конкретной задачей или темой. Таким образом, формируется не только ответственность за собственные действия, но и способность анализировать ситуации и выявлять возможные проблемы, риски. Будущие юристы должны уметь не только решить правовую задачу, но и вовремя сигнализировать о возникшей правовой коллизии или неопределенности, которая требует дополнительного анализа. Это повысит их способность работать в реальных условиях, где важно не только принимать решения, но и адекватно реагировать на изменения и вызовы.

Таким образом, принцип формирования профессиональной ответственности будущих юристов включает несколько ключевых элементов: осознание значимости информационно-правовых действий, что способствует созданию у них чувства ответственности за правильное использование информации в правовой сфере; создание состояния «соучастия» в обучении, которое помо-

гает студентам (курсантам) воспринимать свою роль в процессе как важную и значимую, а не как навязанную обязанность; предоставление возможности давать обратную связь и сигнализировать о проблемах, что способствует развитию аналитических навыков и ответственности за возникающие юридические вопросы; развитие самостоятельности в решении правоприменительных задач, что готовит будущих юристов к реальной практике, где они должны быть способны не только решать правовые проблемы, но и выбирать подходящие методы их решения. Все эти компоненты помогают формировать у студентов (курсантов) не только технические знания и навыки, но и высокую степень ответственности, которые являются необходимыми и обязательными для профессионалов в области права. В целом, такой подход способствует формированию у будущих юристов профессиональных знаний, внутренней мотивации, а также ответственности и способности самостоятельно принимать решения, что является важнейшими качествами современного специалиста в области юриспруденции.

Принцип процессуальности. Для решения проблем определения компонентов содержания формирования информационно-правовых компетентностей будущих юристов удачно подходит применение принципа процессуальности (от слова – процесс), являющегося составной частью технологического принципа. В деятельности юристов, особенно специалистов следственных и судебных органов, процессуальные действия являются неотъемлемой частью их профессиональной деятельности. Поэтому с дидактической точки зрения этот принцип становится интуитивно понятным студентам (курсантам) юридических направлений подготовки. В рамках процессуального принципа требуется детализация целей, которая предопределяет содержание образовательных действий, обеспечивает нацеленность всего процесса обучения на их неукоснительное выполнение через ряд технологических процедур. Уровень развития искомого качества у обучающегося при этом определяется через его деятельность, зафиксированную в конкретных шагах. Важно, чтобы эти шаги были проверяемыми, а их результаты можно применить в своей будущей профессиональной работе.

Этот принцип предполагает, что профессиональные навыки и качества формируются не только через теоретические знания, но и через постоянное практическое взаимодействие с реальными юридическими ситуациями, например, обстоятельствами и условиями из судебной, розыскной, оперативной или другой юридической практики. Он предусматривает этапность развития,

то есть формирование информационно-правовых качеств будущего юриста должно происходить поэтапно (поэтапно), начиная с освоения базовых понятий и умений, затем переходя к их закреплению и усложнению через практическую реализацию. Этот процесс предполагает обучение через деятельность, через выполнение конкретных профессиональных задач, что способствует формированию не только названных качеств, но и аналитичности, инициативности и ответственности.

Принцип тайминга. Как известно, тайминг – это важный аспект организации учебного процесса, позволяющий эффективно распределять время для достижения поставленных целей. Он включает планирование, контроль и корректировку времени, что способствует более продуктивному выполнению учебных задач и успешной реализации образовательных целей, организации обучающих и воспитательных мероприятий или развивающих процессов (действий).

На концептуальном уровне принцип тайминга основывается на идее о том, что эффективность образовательного процесса зависит от рационального использования времени. В рамках подготовки юристов это означает, что студент (курсант) должен уметь правильно планировать свои учебные действия, распределять время между изучением теоретического материала, практическими занятиями, самостоятельной работой и подготовкой к курсовой работе или экзаменам. Такой подход способствует не только рациональному усвоению знаний, но и развитию профессиональных умений, необходимых для работы в условиях ограниченных временных рамок, что является важной составляющей профессиональной компетентности.

В современном образовательно-информационном и профессионально-правовом пространстве, особенно при подготовке будущих юристов, важнейшим аспектом эффективности учебного процесса является реализация этого принципа. Его можно рассматривать как системный подход к планированию, распределению и контролю времени, необходимого для освоения в формировании профессиональных компетенций и развитии информационно-правовой культуры студентов (курсантов). С позиции дидактики, данный принцип приобретает особое значение, поскольку он обеспечивает не только организационную структуру обучения, но и способствует формированию у обучающихся навыков самостоятельного и ответственного управления своим учебным временем.

В современном образовательном пространстве, особенно в подготовке будущих юристов, внедрение интеллектуальных систем становится важнейшим инструментом для реализации прин-

ципа тайминга. Эти системы позволяют автоматизировать и оптимизировать процессы планирования, контроля и распределения времени, что способствует формированию у них ключевых профессиональных компетенций: планирования учебной деятельности, контроля и самоконтроля, рационального распределения времени и ответственности за соблюдение сроков.

Принцип экстерииоризации. Он открывает перед студентами-юристами новые горизонты, расширяя возможности не только благодаря сети интернет на основе телекоммуникационных технологий с мощными системами искусственного интеллекта. Объединение технологий и систем в единый сетевой комплекс уже сегодня формирует базу для обновленной профессиональной юридической инфраструктуры – инфосферы правового профессионального пространства. Стоит подчеркнуть, что данное понятие выходит далеко за рамки простой фиксации практической деятельности юристов. Оно, проникая в самые разные участки информационно-правовой среды и организуя собственный, чаще всего закрытый, круг и сообщество, буквально учреждает новое жизненное пространство для своих участников. Именно в границах этого пространства рождаются нестандартные мыслительные схемы, этические, моральные ориентиры и особая культура юридического восприятия. Появление правовой инфосферы впервые знакомит нас с эффектом, который превосходит биологическую и, возможно, психологическую природу индивида.

Интеллектуальные правовые системы выступают не только как расширители умственных возможностей человека, но и открывают новые горизонты в правовом сознании юриста. Взаимосвязь живой коммуникации и систем искусственного интеллекта формирует целостную систему новой правовой культуры.

Важно отметить, что признание новых информационно-правовых реальностей корректирует базовые образовательные цели. На смену линейному и последовательному усвоению правовой информации приходит сетевой подход, а формальная юриспруденция уступает место обрванной, символической, языковой и машинно-обу-словленной. Это делает актуальной юридическую работу с участием искусственного интеллекта и налаживание коммуникации между правовыми интеллектуальными системами и человеком. Одновременно с обучением юриспруденции в таком контексте развивается инновационная информационно-правовая образовательная среда. После исследований известных психологов Ж. Пиаже, Дж. Брунера и Л. С. Выготского, стало нормой говорить об интериоризации правовых процессов

и практик. Они осознаются машинным разумом и передаются будущему юристу в форме обоснованных выводов и рекомендаций, благодаря чему у него формируются «психические» аналоги в виде концептуальных схем. Эти модели затем служат основой для построения разных вариантов внутренней правовой реальности, которая будет востребована в его последующей профессиональной карьере.

Образовательное пространство с элементами искусственного интеллекта активно внедряет обратный процесс – экстерииоризацию, суть которого состоит в переносе содержания в киберпространство, в первую очередь через базы данных искусственного интеллекта, сформировавшихся в начале в психике юриста в виде моделей внутренней правовой реальности. В результате можно говорить не только о новом дидактическом принципе в формировании информационно-правовой компетентности, но и о новой сути поведения будущего юриста в образовательно-информационной и информационно-правовой среде.

Заключение

Роль представленных принципов формирования информационно-правовой компетентности будущих юристов носит многогранный характер: они задают направление профессионального развития, выстраивают образовательный процесс, обеспечивают связь теории и практики и формируют у специалиста ценностные ориентиры.

Важной особенностью их использования является и то, что они обеспечивают оценку результатов обучения. Эти принципы ложатся в основу критериев оценки сформированности информационно-правовой компетентности специалиста юридического профиля. Такой подход позволяет напрямую соотнести результаты обучения (знания, умения, навыки) с конкретными индикаторами: умение найти актуальную норму в базе знаний, проанализировать судебную практику, подготовить электронный документ с соблюдением требований закона. Таким образом, принципы становятся системообразующим основанием, которое делает процесс формирования информационно-правовой компетентности осмысленным, последовательным и направленным на подготовку специалиста-юриста, способного эффективно действовать в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Адольф В. А., Широких С. В. Правоприменительная компетентность будущего юриста: понятие, структура и состав // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2021. № 3(57). С. 49-58. DOI 10.25146/1995-

0861-2021-57-3-289..

[2] Андреева О. А., Черная Л. А. Единство образовательного и воспитательного процесса в профессиональной подготовке юристов // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2017. № 2(26). С. 95-98.

[3] Нагароков Ю. Н. Профессиональная подготовка специалистов юридического профиля в вузе: новые требования и современные подходы // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 4(43). С. 105-112. DOI 10.24411/2078-1024-2019-14011..

[4] Габдуллина О. Г. Использование метода проектов при формировании профессиональных компетенций будущих юристов. Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции, Оренбург, 03–05 февраля 2016 года. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. С. 1794-1799.

[5] Даммер М. Д. Роль принципа научности в формировании содержания обучения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2012. № 4(263). С. 30-33.

[6] Махрова Е. И. К вопросу о формировании информационно-правовой компетентности студентов вуза // Наука и современность. 2013. № 21. С. 58-62.

[7] Палий Л. В. Специфические принципы формирования позитивной профессиональной ответственности государственного уровня будущих юристов для государственной службы // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. Т. 11, № 3(45). С. 76-82. DOI 10.7442/2071-9620-2019-11-3-76-82..

[8] Тимошина Л. М. Формирование навыков правоприменения у обучающихся в образовательной среде вуза // Современный ученый. 2024. № 2. С. 225-228. DOI 10.58224/2541-8459-2024-2-225-228..

References:

[1] Adolf V.A., Shirokikh S.V. Law enforcement competence of the future lawyer: concept, structure and composition // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). 2021. № 3(57). S. 49-58. DOI 10.25146/1995-0861-2021-57-3-289..

[2] Andreeva O. A., Chernaya L. A. Unity of the educational and educational process in the professional training of lawyers // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2017. № 2(26). S. 95-98.

[3] Nagarokov Yu. N. Professional training of legal specialists at the university: new requirements and modern approaches // Bulletin of Maykop State Technological University. 2019. № 4(43). S. 105-112. DOI 10.24411/2078-1024-2019-14011..

[4] O. G. Gabdullina. Using the project method in the formation of professional competencies of future lawyers. University complex as a regional center of education, science and culture: Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference, Orenburg, February 03-05, 2016. Orenburg: Orenburg State University, 2016. S. 1794-1799.

[5] Dummer M. D. The role of the principle of scientificity in the formation of the content of training // Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences. 2012. № 4(263). S. 30-33.

[6] Makhrova E.I. On the formation of information and legal competence of university students // Science and modernity. 2013. № 21. S. 58-62.

[7] Paliy L. V. Specific principles for the formation of positive professional responsibility of the state level of future lawyers for public service // Modern Higher School: an innovative aspect. 2019. T. 11, NO. 3 (45). S. 76-82. DOI 10.7442/2071-9620-2019-11-3-76-82..

[8] Timoshina L. M. Formation of law enforcement skills among students in the educational environment of the university // Modern scientist. 2024. № 2. S. 225-228. DOI 10.58224/2541-8459-2024-2-225-228..

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-594-596

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского
права и кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: bezzateeva@inbox.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ СИЛА ЦИФРОВОГО СЛЕДА ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СПОРЕ

Аннотация. В статье рассматривается цифровой след обучающегося как новый объект доказывания в спорах, возникающих из образовательных отношений. Показано, что журналы событий электронной информационно-образовательной среды, данные прокторинга, результаты онлайн-тестирования и алгоритмические отчеты одновременно являются цифровыми доказательствами, персональными данными и элементами образовательной документации. Предлагается модель паспорта образовательного цифрового следа, фиксирующая источник данных, способ идентификации, метаданные, условия хранения и порядок проверки автоматизированных выводов.

Ключевые слова: цифровой след; образовательный спор; электронное обучение; цифровые доказательства; персональные данные; прокторинг; искусственный интеллект.

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Saint-Petersburg
State University of Aeronautical Instrumentation

THE EVIDENTIAL POWER OF A STUDENT'S DIGITAL FOOTPRINT IN AN EDUCATIONAL DISPUTE

Annotation. The article examines a learner's digital footprint as a new object of proof in disputes arising from educational relations. Logs of an electronic educational environment, proctoring data, online testing results and algorithmic reports are treated as digital evidence, personal data and educational records. The author proposes an educational digital footprint passport recording the data source, identification method, metadata, storage conditions and verification of automated conclusions.

Key words: digital evidence; electronic evidence; procedural reliability; electronic signature; screenshot; metadata; artificial intelligence.

Цифровизация образования изменила доказательственную основу споров между образовательной организацией и обучающимся. В электронной информационно-образовательной среде фиксируются входы в личный кабинет, время выполнения задания, попытки прохождения теста, загрузка файла, сообщения преподавателю, данные прокторинга и иные сведения. При конфликте о допуске к аттестации, академической задолженности, дисциплинарном взыскании, отчислении, либо о качестве образовательной услуги эти сведения начинают выполнять доказательственную функцию.

Статья 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» допускает элек-

тронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678 закрепило правила их применения и усилило значение информационных систем, цифровых сервисов, идентификации и аутентификации обучающихся, однако правовая оценка данных, возникающих внутри таких систем, остается менее определенной, чем порядок самой организации обучения.

Научная проблема состоит в том, что цифровой след обучающегося находится на пересечении нескольких режимов: для образовательной организации это учебная и управленческая информация, для обучающегося - персональные данные и

средство защиты права на образование, для суда - возможное цифровое доказательство.

Методология исследования

Исследование основано на формально-юридическом, системном и риск-ориентированном методах. Формально-юридический метод использован для анализа норм образовательного, гражданского, информационного и процессуального законодательства. Системный метод позволил рассмотреть цифровой след как объект, связанный с доказыванием, защитой персональных данных, локальным регулированием и качеством образовательной услуги. Риск-ориентированный метод применен для разграничения обычных данных электронной среды и сведений, полученных путем сложной автоматизированной обработки, включая прокторинг и инструменты искусственного интеллекта.

Основными целями исследования являются:

Целью настоящего исследования является разработка модели правовой верификации цифрового следа обучающегося в образовательном споре.

Цифровой след обучающегося целесообразно определять как совокупность сведений, создаваемых, передаваемых, сохраняемых или автоматически формируемых при участии обучающегося в образовательной информационной среде. В отличие от обычного электронного документа такой след часто возникает без специального волеизъявления лица: система фиксирует IP-адрес, время сессии, последовательность действий, технические ошибки, параметры устройства. В образовательной аналитике такие данные применяются для персонализации обучения и прогнозирования успешности [1]. В правовом споре они подтверждают или опровергают юридически значимые факты.

Первая особенность состоит в доказательственной асимметрии. Первичные данные хранятся у образовательной организации или оператора цифрового сервиса, а обучающийся обычно располагает только скриншотом, уведомлением, выгрузкой из личного кабинета либо копией отправленной работы. Поэтому спор о цифровом следе является не только спором о достоверности файла, но и спором о доступе к источнику данных. Локальные акты должны заранее определять, какие журналы событий ведутся, каков срок их хранения, кто формирует выгрузку и в какой форме обучающийся может запросить сведения о собственных действиях.

Вторая особенность связана с персональными данными. Цифровой след почти всегда позволяет прямо или косвенно идентифицировать лицо. При использовании прокторинга, записи

изображения, голоса, поведенческих характеристик и биометрической аутентификации уровень вмешательства в частную сферу возрастает. Следовательно, доказательственная полезность таких данных не отменяет требований законности, определенности цели обработки, минимизации состава собираемых сведений и информационной открытости для обучающегося.

Третья особенность проявляется при применении автоматизированных решений. Отчет системы прокторинга, антиплагиата или детектора использования генеративного искусственного интеллекта не должен механически подменять решение преподавателя, комиссии или суда. Алгоритмический вывод является производным цифровым материалом. Его сила зависит от возможности установить исходные данные, версию программного средства, критерии срабатывания, вероятность ошибки и порядок ручной перепроверки. Исследования политики ИИ в университетах также связывают допустимость таких инструментов с управлением рисками, приватностью и подотчетностью [2].

Для практического разрешения указанных проблем предлагается использовать паспорт образовательного цифрового следа. Это не новый вид доказательства, а форма описания цифрового материала при его представлении в комиссию по урегулированию спора, суд или иную компетентную инстанцию. В паспорте следует отражать источник сведений, образовательную программу или дисциплину, событие, дату и время, способ идентификации обучающегося, формат файла или загрузки, сведения о метаданных, лице, сформировавшем материал, сроках хранения, электронной подписи, хеш-значении либо иной контрольной отметке.

Отдельный блок паспорта должен быть посвящен правовому основанию обработки. Для обычных логов электронной образовательной среды достаточно указать связь с реализацией образовательной программы и локальным актом о применении электронного обучения. Для прокторинга, видеозаписи, голосовой фиксации и биометрической идентификации требуется более строгая проверка: был ли обучающийся заранее уведомлен, существовала ли менее инвазивная альтернатива, ограничен ли доступ к записи, установлен ли срок удаления, предусмотрен ли порядок обжалования результата. Такой подход согласуется с общей тенденцией к повышению требований к происхождению цифровых доказательств [3; 4].

Уровень проверки должен зависеть от риска. Низкий риск характерен для сведений о факте загрузки работы, подтвержденных журналом событий и уведомлением системы. Средний риск

возникает при споре о времени выполнения задания, количестве попыток тестирования или техническом сбое. Высокий риск имеется при обвинении в академической недобросовестности на основании прокторинга, антиплагиата или детектора ИИ. В последнем случае необходимы не только данные платформы, но и независимая перепроверка, участие комиссии, объяснения обучающегося и оценка совокупности доказательств.

Цифровой след обучающегося становится самостоятельным объектом правового внимания, поскольку соединяет доказательственную, образовательную и персонально-информационную функции. Его нельзя оценивать только по внешней форме файла или отчета платформы. Необходима проверка происхождения, целостности, принадлежности, правового основания обработки и возможности воспроизведения результата. Паспорт образовательного цифрового следа позволяет сделать такую проверку стандартизированной. Для образовательных организаций он может стать частью локального регламента электронного обучения и работы конфликтных комиссий, для обучающихся - средством доступа к данным, затрагивающим их образовательный статус, для суда - ориентиром при оценке цифровых доказательств. Наиболее строгие требования должны применяться к данным прокторинга и алгоритмическим выводам, поскольку именно они способны существенно повлиять на право лица продолжать обучение и получить документ об образовании.

Список литературы:

- [1] Шамсутдинова Т. М. Цифровой след как

источник больших данных (Big Data) в образовании // Открытое образование. - 2024. - № 6. - С. 13-21.

[2] Chan C. K. Y. A comprehensive AI policy education framework for university teaching and learning // International Journal of Educational Technology in Higher Education. - 2023. - Vol. 20. - Article 38.

[3] Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Digital Law Journal. - 2024. - Т. 5. - № 4. - С. 79-95.

[4] Ишеков К. А., Бокова Л. Н. Правовое регулирование использования информационных технологий в сфере образования // Конституционное и муниципальное право. - 2025. - № 1. - С. 45-48.

References:

[1] Shamsutdinova T. M. Digital footprint as a source of big data (Big Data) in education // Open education. - 2024. - № 6. - S. 13-21.

[2] Chan C. K. Y. A comprehensive AI policy education framework for university teaching and learning // International Journal of Educational Technology in Higher Education. - 2023. - Vol. 20. - Article 38.

[3] Kazikhanova S. S. Electronic evidence in the theory of forensic evidence // Digital Law Journal. - 2024. - VOL. 5. - № 4. - S. 79-95.

[4] Ishekov K. A., Bokova L. N. Legal regulation of the use of information technologies in the field of education // Constitutional and municipal law. - 2025. - № 1. - S. 45-48.

ЗУЕВА А.С.,

доцент кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент Правового департамента НИУ «Высшая школа экономики», кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ИИ-АГЕНТЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЮРИСТОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования персонализированных AI-агентов в юридическом образовании как инструмента формирования профессиональных компетенций будущих юристов. Рассматриваются современные подходы к интеграции генеративного искусственного интеллекта в образовательный процесс высшей школы. Особое внимание уделяется трансформации роли преподавателя в условиях цифровизации образования. Обосновывается тезис о смещении функций преподавателя от передачи знаний к проектированию образовательной среды, ориентированной на развитие навыков критического анализа, проверки информации и осознанного взаимодействия с интеллектуальными системами. На основе практического опыта кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова описывается инновационная методика применения AI-агентов в юридическом образовании: в формате open-book assessment. Сделан вывод о необходимости перехода от запретительной модели использования искусственного интеллекта к модели его управляемой и педагогически обоснованной интеграции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, AI-агенты, юридическое образование, профессиональные компетенции юриста, генеративный искусственный интеллект, цифровая трансформация образования, образовательные технологии.

ZUEVA A.S.,

Associate Professor, Department of Computer Law and Information Security, Higher School of State Audit, Moscow State University Lomonosov, Associate Professor, Legal Department, Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

AI AGENTS IN LEGAL EDUCATION: NEW TOOLS FOR BUILDING PROFESSIONAL COMPETENCIES FOR LAWYERS

Annotation. The article examines the potential of personalized AI agents in legal education as a tool for developing professional competencies of future lawyers. The study explores modern approaches to integrating generative artificial intelligence into higher education. Particular attention is paid to the transformation of the teacher's role in the context of digital transformation of education. The article substantiates the shift in teachers' functions from knowledge transmission to designing educational environments aimed at developing critical thinking, information verification skills, and responsible interaction with intelligent systems. Based on the practical experience of the Department of Computer Law and Information Security of the Higher School of State Audit at Lomonosov Moscow State University, the author analyzes key scenarios for the use of AI agents in legal education: open-book assessment. The study concludes that higher legal education should move from restrictive approaches to a model of controlled and pedagogically grounded AI integration.

Key words: artificial intelligence, AI agents, legal education, professional competencies, generative AI, digital transformation of education, educational technologies.

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) оказывает существенное влияние на систему высшего образования, включая подготовку специалистов в области юриспруденции. Современные большие языковые модели позволяют осуществлять поиск информации, анализировать нормативные правовые акты, структурировать юридические тексты, формировать проекты правовых документов и сопровождать исследовательскую деятельность [19].

В этих условиях традиционная модель образования, основанная преимущественно на передаче знаний от преподавателя к обучающемуся, требует существенного пересмотра. В рамках научных изысканий активно рассматриваются вопросы — места ИИ в образовательном процессе. Сегодня отсутствуют единые подходы. Некоторые авторы обосновывают строгий контроль и запрет применения нейронных сетей студентами, часть ученых-педагогов обосновывает необходимость активного внедрения ИИ, как инструмента будущей профессиональной деятельности [6-11].

Вместе с тем доступность интеллектуальных цифровых инструментов меняет не только формы организации учебного процесса, но и сам подход к формированию профессиональных компетенций будущих юристов [14].

Особую актуальность приобретает вопрос о месте и роли ИИ-агентов в образовательной среде юридического вуза, а также об их потенциале как инструмента сопровождения учебной и научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Развитие технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере сопровождается формированием нормативной и методической базы. В Российской Федерации принята серия стандартов, регулирующих применение технологий искусственного интеллекта в образовании, научно-исследовательской деятельности и управлении образовательными процессами [2].

Современные технологии ИИ могут использоваться на всех этапах образовательной и исследовательской деятельности: от постановки исследовательской проблемы и формулирования гипотез до анализа результатов и подготовки научных публикаций.

При этом реакция образовательной системы на интеграцию ИИ остаётся неоднозначной. С одной стороны, активно внедряются новые образовательные программы, посвящённые искусственному интеллекту, растёт интерес к цифровым компетенциям. С другой стороны, значительная часть образовательных организаций сохраняет запретительный или пассивный подход к использованию ИИ студентами [5].

На практике это приводит к парадоксальной ситуации: искусственный интеллект уже активно используется обучающимися, однако зачастую остаётся в «теневой зоне» и воспринимается как разновидность академического нарушения. В этих условиях требуется переосмысление роли преподавателя и разработка новых педагогических моделей взаимодействия человека и интеллектуальных цифровых систем.

Целью настоящего исследования является анализ возможностей использования персонализированных AI-агентов в юридическом образовании как инструмента формирования профессиональных компетенций обучающихся.

Задачи исследования включают:

анализ современных подходов к интеграции генеративного искусственного интеллекта в образовательный процесс;

исследование трансформации роли преподавателя в условиях цифровизации образования;

описание авторской инновационной методики применения AI-агентов в юридическом образовании.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения, а также специальные методы исследования образовательных практик и кейс-анализа.

Научная новизна исследования заключается в разработке и анализе авторской модели интеграции персонализированных AI-агентов в юридическое образование. В статье впервые описана инновационная методика применения ИИ-агентов в образовательном процессе подготовки юристов и обоснована ее роль как инструмента формирования новых профессиональных компетенций в условиях цифровой трансформации высшего образования.

Трансформация роли преподавателя и вызовы внедрения ИИ в юридическом образовании.

Юридическое образование в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта сталкивается с необходимостью пересмотра традиционных подходов к обучению, оцениванию и сопровождению образовательного процесса. Одним из ключевых вопросов становится определение допустимых границ использования ИИ обучающимися при выполнении учебных и научных работ.

В настоящее время в российских образовательных организациях формируются различные модели регулирования применения ИИ в курсовых, выпускных квалификационных и иных письменных работах. Наиболее распространёнными подходами являются установление допустимого процента использования AI-генерированного тек-

ста, обязательное раскрытие факта применения ИИ, указание конкретного сервиса, а также описание целей использования технологии в методологической части работы [20].

Однако формальное регулирование не решает фундаментального вопроса: каким образом интегрировать ИИ в образовательный процесс так, чтобы он способствовал развитию профессиональных компетенций, а не замещал интеллектуальную деятельность обучающегося.

Особое значение данный вопрос приобретает в юридическом образовании. Профессиональная деятельность юриста предполагает не только владение нормативным материалом, но и развитые навыки анализа, интерпретации, аргументации, юридического письма и критической оценки информации [3]. Соответственно, использование ИИ не должно подменять формирование указанных компетенций.

Важным фактором становится и неоднородное отношение студентов к технологиям искусственного интеллекта. Анализ педагогической практики показывает наличие трёх устойчивых моделей поведения обучающихся.

Первая группа — студенты, активно использующие ИИ без достаточной подготовки и критического осмысления результатов. Для них характерно восприятие генеративного ИИ как инструмента быстрого получения готовых решений. При отсутствии базовых знаний в предметной области качество запросов и итоговых результатов, как правило, остаётся низким.

Вторая группа — студенты, демонстрирующие выраженное неприятие использования ИИ. Наиболее распространёнными причинами становятся опасения снижения собственной интеллектуальной самостоятельности, а также восприятие ИИ как угрозы академической конкуренции.

Третья группа представляет наиболее продуктивную модель взаимодействия с ИИ. Эти обучающиеся обладают базовыми знаниями в предметной области, умеют формулировать качественные запросы и осуществляют критическую верификацию результатов работы интеллектуальных систем. Именно данная модель представляется наиболее перспективной для современного юридического образования [5].

Вместе с этим внедрение ИИ в образовательный процесс сопровождается рядом системных проблем. Во-первых, сохраняется отрицательная репутация использования ИИ: во многих образовательных организациях его применение по-прежнему приравнивается к академическому недобросовестному поведению. Во-вторых, существенным барьером остаётся цифровое неравенство, выражающееся в различиях доступа к со-

временным ИИ-инструментам. В-третьих, среди преподавателей сохраняется высокий уровень настороженности, связанный с опасениями утраты профессиональной значимости [17].

Отдельного внимания заслуживает риск формирования зависимости от ИИ, когда использование интеллектуальных систем приводит не к развитию профессионального мышления, а к механическому воспроизведению готовых ответов. Для юридического образования данный риск особенно значим, поскольку способность к самостоятельному правовому анализу является базовой профессиональной компетенцией юриста.

В этих условиях происходит трансформация роли преподавателя. Преподаватель перестаёт выступать исключительно как носитель и транслятор знаний. Его новая функция заключается в проектировании образовательной среды, в которой обучающийся осваивает навыки осознанного и ответственного взаимодействия с интеллектуальными системами.

Иными словами, в эпоху генеративного искусственного интеллекта ключевая задача преподавателя состоит не только в передаче знаний, но и в формировании у обучающихся способности мыслить, сомневаться, проверять достоверность информации, выявлять ошибки и формулировать качественные запросы к интеллектуальным системам.

Практика использования ИИ-агентов в юридическом образовании: опыт интеграции в учебный процесс

Практика преподавания юридических дисциплин показывает, что наибольшую эффективность демонстрирует не запретительная модель взаимодействия с искусственным интеллектом, а модель управляемой интеграции ИИ в образовательный процесс.

На кафедре компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова накоплен практический опыт использования генеративного искусственного интеллекта в образовательной деятельности в рамках преподавания дисциплин «Нейронные сети в науке и образовании», «Основы правового регулирования ИИ», а также «Право и этика ИИ-агентов в профессиональной деятельности» [5].

Методологической основой данной модели выступает переход от пассивного использования генеративного ИИ к проектированию персонализированных AI-агентов, адаптированных под конкретные образовательные задачи.

Под персонализированным AI-агентом в рамках настоящего исследования понимается ин-

теллектуальная система, функционирующая на базе большой языковой модели, настроенная с помощью системного промпта, специализированного контекста и заданных параметров взаимодействия для решения конкретных учебных, аналитических или исследовательских задач.

Ключевым отличием AI-агента от стандартного взаимодействия с генеративной моделью является наличие предварительно заданной архитектуры поведения. Пользователь формирует: роль AI-агента; область экспертных знаний; стиль взаимодействия; ограничения и правила работы; сценарии решения задач.

С педагогической точки зрения данная модель имеет принципиальное значение. Для создания качественного AI-агента обучающийся должен предварительно структурировать собственные знания по дисциплине, определить параметры задачи и сформулировать корректную логику взаимодействия с интеллектуальной системой.

Именно этот этап представляет наибольшую образовательную ценность. Студент перестаёт быть пассивным потребителем готовых ответов и переходит к осознанному проектированию интеллектуального инструмента под конкретные задачи.

Практика показала, что эффективность взаимодействия обучающегося с ИИ напрямую зависит от трёх факторов: уровня владения предметной областью; качества постановки задачи; способности критически оценивать полученные результаты.

Таким образом, образовательная ценность использования AI-агентов заключается не столько в автоматизации отдельных учебных задач, сколько в развитии профессиональных компетенций, связанных с аналитическим мышлением, юридической аргументацией и проверкой достоверности информации.

Пример применения ИИ-агента можно привести инновационную методику апробированную на кафедре компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках дисциплины «Основы правового регулирования искусственного интеллекта». Суть методики заключается в том, что ИИ-агент используется как инструмент подготовки к контролю знаний в формате open-book.

В рамках данной модели обучающимся разрешается использовать любые доступные информационные ресурсы, включая нормативные правовые акты, учебные материалы и генеративный искусственный интеллект. Однако обязательным условием является предварительное создание персонализированного AI-агента по дисциплине.

Перед контрольной работой студенты

самостоятельно: разрабатывают архитектуру AI-агента; формулируют системный промпт; задают правила анализа правовых задач; определяют ограничения в работе модели.

Практика показала, что качество работы AI-агента напрямую зависит от глубины понимания дисциплины самим студентом. При недостаточной подготовке даже использование продвинутых моделей ИИ не обеспечивает качественного результата.

Таким образом, open-book assessment в сочетании с использованием AI-агентов позволяет сместить фокус оценки с механического воспроизведения знаний на проверку способности применять знания, анализировать информацию и принимать обоснованные решения.

Развитие генеративного искусственного интеллекта оказывает существенное влияние на систему юридического образования, трансформируя как содержание образовательного процесса, так и роли его участников.

В новых условиях преподаватель перестаёт быть исключительно источником знаний и информации. Его роль всё в большей степени связана с проектированием образовательной среды, в рамках которой обучающиеся осваивают практики осознанного, критического и ответственного взаимодействия с интеллектуальными цифровыми системами.

Представленный опыт интеграции персонализированных AI-агентов в учебный процесс позволяет сделать вывод о высокой перспективности данного подхода для юридического образования. Использование AI-агентов в формате open-book assessment, в качестве консультантов по дисциплине и цифровых научных ассистентов создаёт условия для формирования новых профессиональных компетенций будущих юристов.

При этом ключевой задачей современного юридического образования становится не ограничение использования искусственного интеллекта, а формирование культуры его грамотного и ответственного применения.

В условиях цифровой трансформации образования конкурентным преимуществом будущего юриста становится не способность воспроизводить информацию, а умение анализировать, интерпретировать, критически оценивать данные и принимать обоснованные профессиональные решения в условиях взаимодействия с интеллектуальными системами.

Список литературы:

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г.

№ 490.

[2] ГОСТ Р 70949–2023. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности. Варианты использования. М.: Стандартинформ, 2023.

[3] Ассоциация юристов России. Профессиональный стандарт «Юрист». М., 2023.

[4] Букина Т.В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1. С. 76–83.

[5] Зуева А.С. Трансформация роли преподавателя в эпоху генеративного искусственного интеллекта: опыт применения персонализированных AI-агентов в учебном процессе // Материалы Всероссийской научной конференции «Право мыслить с помощью искусственного интеллекта? (Жизнь, образование, наука)». Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2026.

[6] Котлярова И.О. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 3. С. 69–82.

[7] Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37.

[8] Сябитова, К.С. Искусственный интеллект в системе профессионального образования / К.С. Сябитова, О.Н. Филатова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. – Красноярск – Челябинск – Нижний Новгород. – Москва. – 2023. – С. 132-134.

[9] Филатова, О.Н. Применение нейросетей в профессиональном образовании / О.Н. Филатова, М.Н. Булаева, А.В. Гуцин // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-3. – С.243-245.

[10] Фирсов, М.В. Опережающие обучение навыкам будущего (Future Skills) посредством разработки компьютерных тренажеров и цифровых ассистентов с искусственным интеллектом / М.В. Фирсов, О.Н. Филатова, А.В. Гуцин // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. – 2020. – № 3(53).

[11] Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–4. С. 288–290.

[12] Denny P., Gulwani S., Heffernan N. et al. Generative AI for Education (GAIED): Advances, Opportunities, and Challenges. 2024. // <https://arxiv.org/abs/2402.01580>.

[org/abs/2402.01580](https://arxiv.org/abs/2402.01580).

[13] Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023. 64 p. // <https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research>.

[14] Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. London: UCL IOE Press, 2018. 157 p. // <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10178695/>.

[15] Mollick E. Co-Intelligence: Living and Working with AI. — New York : Portfolio, 2024. — 256 p. // <https://www.penguinrandomhouse.com/books/723861/co-intelligence-by-ethan-mollick/>.

[16] Ogunleye B., Zakariyyah K., Ajao O. et al. A Systematic Review of Generative AI for Teaching and Learning Practice. 2024 // <https://arxiv.org/abs/2406.09520>.

[17] Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education. Cambridge: Polity Press, 2019. 160 p. // <https://www.wiley.com/en-ie/shop/cultural-studies-general/should-robots-replace-teachers-ai-and-the-future-of-education-p-9781509528981>.

[18] World Economic Forum. Shaping the Future of Learning: The Role of AI in Education. Geneva, 2024. 52 p. // <https://www.weforum.org/publications/shaping-the-future-of-learning-the-role-of-ai-in-education-4-0/>.

[19] См.: ЮНЕСКО. Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023. 64 p., World Economic Forum. Shaping the Future of Learning: The Role of AI in Education. Geneva, 2024. 52 p.

[20] Петрова Н.Н. Искусственный интеллект и академическая добросовестность в высшем образовании // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 55–67.

References:

[1] National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030: approved. By presidential decree of October 10, 2019 No. 490.

[2] GOST R 70949-2023. Artificial intelligence technologies in education. Application of artificial intelligence in research activities. Use cases. М.: Стандартинформ, 2023.

[3] Russian Bar Association. Professional standard "Lawyer." М., 2023.

[4] Bukina T.V. Artificial intelligence in education: current state and development prospects // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. № 1. S. 76-83.

[5] A.S. Zueva. Transformation of the role of a teacher in the era of generative artificial intelligence: the experience of using personalized

AI agents in the educational process // Materials of the All-Russian scientific conference "The right to think with the help of artificial intelligence? (Life, education, science). "Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2026.

[6] Kotlyarova I.O. Artificial intelligence technologies in education // Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences. 2022. T. 14, NO. 3. S. 69-82.

[7] Rezaev A.V., Tregubova N.D. ChatGPT and artificial intelligence at universities: what future can we expect ? // Higher education in Russia. 2023. T. 32, NO. 6. S. 19-37.

[8] Syabitova, K.S. Artificial intelligence in the vocational education system/K.S. Syabitova, O.N. Filatova // Professional self-determination of youth in an innovative region: problems and prospects. - Krasnoyarsk - Chelyabinsk - Nizhny Novgorod. - Moscow. – 2023. - S. 132-134.

[9] Filatova, O.N. Application of neural networks in vocational education/O.N. Filatova, M.N. Bulaeva, A.V. Gushchin // Problems of modern pedagogical education. – 2022. – № 77-3. - P.243-245.

[10] Firsov, M.V. Advanced training in the skills of the future (Future Skills) through the development of computer simulators and digital assistants with artificial intelligence/M.V. Firsov, O.N. Filatova, A.V. Gushchin // News of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet. – 2020. – № 3(53).

[11] Shobonov N.A., Bulaeva M.N., Zinovieva S. Artificial intelligence in education // Problems of modern pre-pedagogical education. 2023. № 79–4. S. 288-290.

[12] Denny P., Gulwani S., Heffernan N. et al. Generative AI for Education (GAIED): Advances, Opportunities, and Challenges. 2024. // <https://arxiv.org/abs/2402.01580>.

[13] Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023. 64 p. // <https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research>.

[14] Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. London: UCL IOE Press, 2018. 157 p. // <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10178695/>.

[15] Mollick E. Co-Intelligence: Living and Working with AI. — New York : Portfolio, 2024. — 256 p. // <https://www.penguinrandomhouse.com/books/723861/co-intelligence-by-ethan-mollick/>.

[16] Ogunleye B., Zakariyyah K., Ajao O. et al. A Systematic Review of Generative AI for Teaching and Learning Practice. 2024 // <https://arxiv.org/abs/2406.09520>.

[17] Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education. Cambridge: Polity Press, 2019. 160 p. // <https://www.wiley.com/en-ie/shop/cultural-studies-general/should-robots-replace-teachers-ai-and-the-future-of-education-p-9781509528981>.

[18] World Economic Forum. Shaping the Future of Learning: The Role of AI in Education. Geneva, 2024. 52 p. // <https://www.weforum.org/publications/shaping-the-future-of-learning-the-role-of-ai-in-education-4-0/>.

[19] See: UNESCO. Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023. 64 p., World Economic Forum. Shaping the Future of Learning: The Role of AI in Education. Geneva, 2024. 52 p.

[20] Petrova N.N. Artificial intelligence and academic integrity in higher education // Higher education in Russia. 2024. T. 33. № 4. S. 55-67.

БОСЫК Ольга Игоревна,

Старший преподаватель, кафедры частного и
предпринимательского права Института государства и
права, БУ ВО Сургутский государственный университет,
e-mail: bosik_oi@surgu.ru

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена концептуализации мировоззренческой функции клинического юридического образования в условиях комплексного реформирования национальной системы высшей школы. Автор преодолевает узкопрагматический подход, рассматривающий юридическую клинику исключительно как тренажер для отработки практических навыков. В работе предложена и обоснована авторская структурно-компонентная модель формирования правового мировоззрения, включающий когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностно-поведенческий элементы. На основе эмпирического исследования (анкетирования студентов и анализа практики Юридической клиники Сургутского государственного университета) доказана эффективность социально ориентированного обучения в контексте реализации государственной политики по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Проведен критический сравнительный анализ с англо-американской и европейской моделями клинического образования.

Ключевые слова: студенты, молодежная политика, реформа, исследование, образование, государство и право, юридические науки.

BOSYK Olga Igorevna,

Senior Lecturer, Department of Private and Business Law Institute
of State and Law, Surgut State University

THE ROLE OF THE LAW CLINIC IN SHAPING THE WORLDVIEW OF LAW STUDENTS

Annotation. This article examines the conceptualization of the ideological function of clinical legal education in the context of the comprehensive reform of the national higher education system. The author overcomes the narrowly pragmatic approach that views legal clinics solely as a training ground for practicing practical skills. The paper proposes and substantiates a structural-component model for developing a legal worldview, including cognitive, emotional-value, and activity-behavioral elements. Based on empirical research (student surveys and analysis of the practice of the Surgut State University Legal Clinic), the effectiveness of socially oriented education in the context of implementing state policy to strengthen traditional spiritual and moral values is demonstrated. A critical comparative analysis was conducted with Anglo-American and European models of clinical education.

Key words: students, youth policy, reform, research, education, state and law, legal sciences.

Введение

Современный этап развития отечественной высшей школы характеризуется глубокой трансформацией: стратегический отказ от Болонской системы и переход к суверенной национальной модели базового и специализированного высшего образования требуют кардинального переосмысления целевых ориентиров подготовки юристов [1, с.45]. Долгое время доминировавший в обра-

зовательном дискурсе сугубо компетентностный (технократический) подход, направленный на формирование узкопрофильных навыков (hard и soft skills), сегодня обнаруживает свою методологическую ограниченность.

Юридическая профессия, имманентно связанная с категориями справедливости, законности и защитой прав личности, не может быть сведена к набору алгоритмизированных функций, особенно

в эпоху цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта (Legal Tech) [2, с.150].

В связи с этим принципиальное значение приобретает Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный документ задает новые аксиологические императивы для высшей школы, превращая воспитание и формирование зрелого правового мировоззрения в обязательный и неотъемлемый элемент образовательного процесса [3, с.60]. Вектор научного поиска смещается от вопроса какими технологиями должен владеть юрист к вопросу на каких ценностных основаниях базируется его профессиональный выбор.

Одним из наиболее перспективных институтов, способных гармонизировать практическую подготовку и мировоззренческое воспитание, выступает юридическая клиника. Однако в доктрине ее потенциал традиционно сужается до рамок бесплатной юридической помощи или производственной практики [4, с.22].

Настоящее исследование направлено на преодоление этой узкой трактовки и обоснование юридической клиники как целостной образовательно-воспитательной среды.

Методология исследования и научная полемика

Методологическую основу работы составили диалектический метод, системно-структурный подход, позволяющий исследовать юридическую клинику как элемент макросистемы высшего образования, а также компаративистский анализ зарубежных образовательных моделей.

Особое место в работе занимает эмпирический метод - в 2025–2026 гг. автором было проведено комплексное анкетирование студентов Института государства и права Сургутского государственного университета (СурГУ), вовлеченных в клиническое движение, а также качественный анализ казусов из практики Юридической клиники СурГУ.

В научно-педагогической литературе вопрос о целях клинического обучения остается дискуссионным. Представители утилитарно-рыночного подхода (в частности, исследователи феномена Legal Design и цифровизации, такие как Р. М. Янковский) акцентируют внимание на инструментальной эффективности выпускника, его конкурентоспособности на коммерческом рынке [5, с.22]. Напротив, в работах В. В. Гриба, С. В. Кабышева обосновывается тезис о том, что юридическое образование - это прежде всего «воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе» [6, с.8].

Однако, изоляция практических навыков от ценностного каркаса ведет к деформации правосознания и формированию юридического цинизма.

Структурно-компонентная модель формирования правового мировоззрения в клинике

Под правовым мировоззрением студента-юриста нами понимается устойчивая система взглядов, убеждений и этических констант, определяющая социальную ответственность исследователя и практика перед обществом и государством.

Процесс формирования данного феномена в условиях юридической клиники не происходит стихийно, имеет четкую структуру, которую представляется обоснованным разделить на три взаимосвязанных компонента:

Когнитивный компонент выражается в нормативно-правовых и этических основах профессии, стандартов бесплатной юридической помощи, принципов правового просвещения. В качестве измеримого маркера формирования можно признать знание материального и процессуального права, способность осуществлять верную правовую квалификацию.

Эмоционально-ценностный содержит столкновение с реальными жизненными ситуациями социально уязвимых категорий граждан, преодоление эгоцентризма, развитие эмпатии и чувства социальной справедливости. В качестве измеримого маркера формирования можно выделить ценностный сдвиг в сторону служения праву, осознание про бопо деятельности как профессионального долга, а не повинности.

Деятельностно-поведенческий компонент заключается в самостоятельном принятии решений по делу доверителя, защита его интересов в органах государственной власти, несение персональной ответственности за исход консультирования. В качестве маркера формирования можно выделить готовность к этическому выбору в сложных казусах, устойчивость к профессиональной деформации и коррупционным рискам.

Переход от когнитивного уровня к деятельностному как раз и трансформирует абстрактные гуманистические идеалы, заложенные в Конституции РФ (ст. 2, 18, 48), в личные внутренние убеждения студента.

Результаты эмпирического исследования (на примере БУ ВО «Сургутский государственный университет»)

Для верификации предложенной модели в марте 2026 года автором было проведено репрезентативное анкетирование среди студентов 3–4 курсов Института государства и права СурГУ (всего 74 респондента, из которых 38 регулярно рабо-

тают в Юридической клинике СурГУ, а 36 проходят практику в иных организациях).

Студентам был предложен вопрос: «Что является для вас главным приоритетом в будущей профессии?» Ответы распределились следующим образом:

Среди студентов-клиницистов: 62% выбрали вариант «Защита прав граждан и восстановление справедливости», 28% — «Высокий материальный доход», 10% — «Карьерный статус».

Среди студентов, не участвующих в работе клиники: 34% отметили «Защита прав граждан», 51% — «Высокий материальный доход», 15% — «Карьерный статус».

На вопрос «Изменилось ли ваше отношение к малоимущим и уязвимым слоям населения после начала практического обучения?» 76% участников клинического движения ответили, что «стали глубже сопереживать и осознали значимость государственной поддержки правовой защищенности данных граждан».

Качественный анализ архива казусов Юридической клиники СурГУ также подтверждает гипотезу исследования.

Рассмотрим типичный пример из практики 2025 года: студент 3 курса К. осуществлял консультирование многодетной матери по вопросу незаконного отказа в предоставлении субсидии на жилье.

Первоначально студент демонстрировал сугубо формальный подход, ориентированный лишь на заполнение бланка жалобы. Однако в процессе личного интервьюирования, столкнувшись с угрозой выселения семьи, К. проявил личную инициативу, осуществил глубокий доктринальный анализ регионального законодательства ХМАО-Югры, подготовил мотивированное обращение в органы соцзащиты и лично сопровождал заявительницу на приеме.

В своей отчетной рефлексии студент указал: «Этот кейс заставил меня понять, что за каждой сухой нормой права стоит человеческая судьба, и халатность юриста здесь недопустима».

Таким образом, непосредственное включение в решение социально значимых конфликтов активизирует эмоционально-ценностный компонент мировоззрения, преодолевая правовой нигилизм и абстрактность теоретического знания.

Сравнительно-правовой контекст: пределы зарубежного прагматизма

Реализация мировоззренческого потенциала отечественных юридических клиник требует критического осмысления зарубежного опыта, прямое копирование которого видится методологической ошибкой.

В англо-американской доктрине клиническое

образование исторически развивалось в логике жесткого прагматизма. Так, Стандарты аккредитации юридических школ Американской ассоциации адвокатов (ABA Accreditation Standards, в частности Стандарт 304) регламентируют клинику как симулятор реальной рыночной практики [7, с.22]. Несмотря на то, что Правило 6.1 Правил профессионального поведения ABA (Model Rules of Professional Conduct) декларирует этический долг оказания помощи Pro Bono Publico, в клиниках ведущих вузов США (например, Harvard Law School Clinics) ключевой упор делается на развитие транзакционных навыков, ведение коммерческих переговоров и оценку юридических рисков бизнеса [8, с.17].

Юридическая клиника в американском юридическом образовании - инструмент коммерческой социализации, где мировоззренческая функция подчинена идее индивидуальной профессиональной эффективности.

В континентальной Европе, в частности в Германии, развитие клинического движения долгое время сдерживалось законодательными барьерами. До вступления в силу Закона о юридических услугах (Rechtsdienstleistungsgesetz – RDG) 2008 года правовое консультирование являлось исключительной монополией адвокатуры [9, с.37].

Современные немецкие клиники (например, Cyber Law Clinic в Гамбургском университете или клиники Кельнского университета) функционируют под строгим кураторством адвокатов, выполняя вспомогательную, техническую роль [10, с. 2275389].

Фокус немецкой модели смещен в сторону догматической аккуратности и формально-юридической методологии, в то время как воспитательные задачи не артикулируются на уровне образовательных стратегий университетов.

Отечественная традиция, опираясь на труды Б. А. Кистяковского о праве как социальном явлении, требует принципиально иной архитектоники клинического процесса [11, с.230].

Российская юридическая клиника призвана интегрировать инструментальные стандарты американской модели и догматическую строгость европейской школы, но подчинить их высшей цели - воспитанию юриста как носителя национальной правовой культуры и традиционных этических ценностей.

Заклучение и практические рекомендации
Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что в условиях конструирования суверенной системы высшего образования юридическая клиника должна занять место базового, обязательно-го элемента образовательной экосистемы.

Проведенное исследование доказывает, что

клиника успешно преодолевает разрыв между профессиональной компетентностью и ценностной зрелостью личности.

Для системной институционализации воспитательно-мировоззренческой функции клиник автором предлагаются следующие шаги:

На уровне ФГОС ВО: При разработке стандартов нового поколения для базового высшего юридического образования представляется необходимым закрепить прохождение клинического обучения в качестве обязательного учебного модуля (модуля практической подготовки) для всех обучающихся, ликвидировав исключительно добровольный, факультативный характер данной деятельности.

На уровне локального регулирования вузов: Внедрить в структуру работы клиник обязательный этап профессионально-ценностной рефлексии - регулярных научно-методических семинаров с участием преподавателей-кураторов, посвященных не только разбору юридических ошибок, но и анализу этических дилемм, с которыми студенты сталкиваются при работе с доверителями.

Методическое обеспечение: Разработать сквозные критерии оценки деятельности поведенческого компонента правосознания студентов, основанные на соблюдении профессионально-этических стандартов в ходе ведения дел.

Только при таком системном подходе юридическая клиника сможет в полной мере реализовать свою социальную миссию, обеспечивая воспроизводство юридического сообщества, обладающего высоким уровнем правовой совести и преданностью интересам своего Отечества.

Список литературы:

- [1] Бермус А. Г. Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – № 1. – С. 43–51.
- [2] Кондрашев А. А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы // Lex russica. – 2018. – № 1 (134). – С. 144–156.
- [3] Чуйченко К. А., Кропачев Н. М., Кондуров В. Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. – 2024. – Т. 68. – № 2. – С. 156–165.
- [4] Глузман Ю. В., Муллаширов Р. Н. Юридическая клиника как метод практического обучения будущих юристов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 5. – С. 15–30.
- [5] Янковский Р. М. Использование ИИ в работе юриста. Практическое руководство. – М. : НОУРУТС, 2025. – 54 с.
- [6] Гриб В. В., Кабышев С. В. Юридическое образование — это воспитание правовой совести гражданина на профессиональной основе // Юридический мир. – 2024. – № 9. – С. 2–9.
- [7] Joy P. A., Kuehn R. R. The evolution of ABA standards for clinical faculty // Tennessee Law Review. – 2008. – Vol. 75. – No. 2. – P. 183–229.
- [8] American Bar Association. House of Delegates. Model rules of professional conduct. – American Bar Association, 2006. – 58 p.
- [9] Deckenbrock C., Henssler M. Rechtsdienstleistungsgesetz : Kommentar. – München : C. H. Beck, 2021. – 67 p.
- [10] Salameh N. Essential or supportive? Legal education, legal aid and the Sustainable Development Goals // Cogent Social Sciences. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – Art. 2275350.
- [11] Кистяковский Б. А. Право как социальное явление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 5 (81). – С. 227–238.

References:

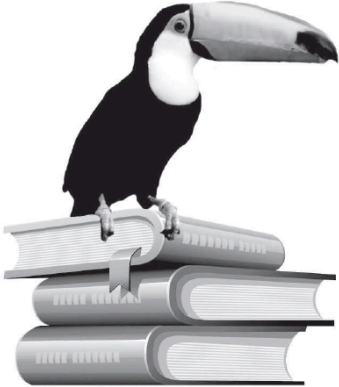
- [1] Bermus A. G. Problems and prospects of post-Bologna reform of the higher education system in Russia: a theoretical review // Pedagogy. Questions of theory and practice. – 2025. - T. 10. - № 1. - S. 43-51.
- [2] Kondrashev A. A. Problems of modern legal education in the context of the reform of higher education in the Russian Federation: results and prospects // Lex russica. – 2018. – № 1 (134). - S. 144-156.
- [3] Chuichenko K. A., Kropachev N. M., Kondurov V. E. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy // Jurisprudence. – 2024. - T. 68. – № 2. - S. 156-165.
- [4] Gluzman Yu. V., Mullashirov R. N. Law Clinic as a method of practical training for future lawyers // World of Science. Pedagogy and psychology. – 2019. - VOL. 7. – № 5. - S. 15-30.
- [5] Yankovsky R. M. Use of AI in the work of a lawyer. Practical guide. - M.: NOURUTS, 2025. - 54 s.
- [6] Grib V.V., Kabyshev S.V. Legal education is the education of the legal conscience of a citizen on a professional basis // Legal world. – 2024. – № 9. – S. 2-9.
- [7] Joy P. A., Kuehn R. R. The evolution of ABA standards for clinical faculty // Tennessee Law Review. – 2008. – Vol. 75. – No. 2. – P. 183–229.
- [8] American Bar Association. House of Delegates. Model rules of professional conduct. – American Bar Association, 2006. – 58 p.
- [9] Deckenbrock C., Henssler M. Rechtsdienstleistungsgesetz : Kommentar. –

München : C. H. Beck, 2021. – 67 p.

[10] Salameh N. Essential or supportive? Legal education, legal aid and the Sustainable Development Goals // Cogent Social Sciences. – 2023. – Vol. 9. –

No. 2. – Art. 2275350.

[11] Kistyakovsky B. A. Law as a social phenomenon // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2021. – № 5 (81). – S. 227-238.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-608-610

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема цифровой грамотности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Анализируются институциональные барьеры, психолого-педагогические особенности и социальные последствия низкого уровня цифровых компетенций у данной категории подростков. На основе эмпирических данных и обзора практик пенитенциарных учреждений обосновывается необходимость внедрения комплексных программ цифровой социализации как ключевого условия успешной ресоциализации и профилактики рецидивной преступности. Рассматриваются специфические психологические характеристики несовершеннолетних осужденных, включая высокий уровень зависимости от смартфонов и трудности эмоциональной регуляции, которые в условиях изоляции трансформируются в дефицит мотивации к обучению. Исследуются современные практики внедрения информационно-коммуникационных технологий в воспитательных колониях, в том числе использование видеосвязи для поддержания семейных контактов и дистанционных образовательных форматов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, ФСИН России, несовершеннолетние осужденные, цифровая грамотность, несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, ресоциализация, цифровое неравенство.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

PROBLEMS OF DIGITAL LITERACY AMONG JUVENILE CONVICTS

Annotation. The article discusses the current problem of digital literacy of juvenile convicts serving sentences in educational colonies. The article analyzes the institutional barriers, psychological and pedagogical features and social consequences of a low level of digital competencies in this category of adolescents. Based on empirical data and a review of penitentiary practices, the necessity of implementing comprehensive digital socialization programs is substantiated as a key condition for successful re-socialization and prevention of recidivism. The specific psychological characteristics of juvenile convicts are considered, including a high level of dependence on smartphones and difficulties in emotional regulation, which, in conditions of isolation, transform into a lack of motivation to learn. The article examines modern practices of introducing information and communication technologies in educational colonies, including the use of video communication to maintain family contacts and distance learning formats.

Key words: penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia, juvenile convicts, digital literacy, juvenile convicts, educational colonies, re-socialization, digital inequality.

Цифровизация всех сфер общественной жизни ставит перед современной пенитенциарной системой новые вызовы. Если для большинства подростков цифровая среда является естественной частью социализации, то для несовершеннолетних осужденных доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) существенно ограничен в силу самого факта изоляции от

общества. Это порождает феномен «цифрового разрыва», который накладывается на уже имеющиеся социально-педагогические дефициты. Как справедливо отмечается в исследованиях, современная социализация подростков характеризуется стиранием границ между реальным и виртуальным пространствами, что приводит к формированию качественно новой гибридной среды взаимо-

действия. Однако для осужденных подростков эта гибридная среда оказывается практически недоступной, что ставит под угрозу их успешную реинтеграцию в общество после освобождения [1].

Цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности общества не обходит стороной и институт исполнения наказаний. Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях (ВК), принадлежат к поколению «цифровых аборигенов» (digital natives). Однако изоляция от общества накладывает серьезные ограничения на их коммуникацию и доступ к информации [2].

Несовершеннолетние осужденные представляют собой особую категорию с выраженными психологическими и поведенческими характеристиками, которые существенно влияют на их отношение к цифровому обучению. Исследования показывают, что у подростков, склонных к делинквентному поведению, наблюдается высокий уровень зависимости от смартфонов, который существенно нарушает их повседневное функционирование и формирует сильную ориентацию на виртуальную жизнь. Эти подростки часто испытывают дискомфорт при отсутствии доступа к смартфону, а также демонстрируют значительные трудности в регуляции эмоций, включая проблемы с импульсивным контролем. В условиях воспитательной колонии, где доступ к гаджетам строго ограничен, эта зависимость не исчезает, а трансформируется — утраченный канал получения быстрых эмоций и самовыражения не замещается конструктивной деятельностью, что порождает апатию и сопротивление обучению [3].

Институциональные ограничения. Одним из главных препятствий является закрытый характер воспитательных колоний. Доступ к сети Интернет для осужденных строго регламентирован, что объективно сужает возможности для практического освоения цифровых навыков. Тем не менее, в ряде учреждений уже реализуются программы обучения компьютерной грамотности. Например, в Тюменской воспитательной колонии в рамках областной программы «Расширяя горизонты» осужденные изучали основы работы с текстовым редактором, электронной почтой, поиском информации в сети, а также знакомились с сервисами электронных денег, интернет-банкинга и социальных сетей [4, 5].

Многие осужденные подростки не осознают связи между цифровыми навыками и будущим трудоустройством. Как отмечается в исследованиях, существуют несоответствия между ожиданиями осужденных подростков относительно будущей профессии и специальностями, предлагающимися в исправительных учреждениях. В условиях,

когда цифровая экономика предъявляет все более высокие требования к компетенциям работников, отсутствие базовой цифровой грамотности обрекает освободившихся на маргинализацию на рынке труда. В российской уголовно-исполнительной системе законодательно утверждено понятие пробации, приказ от 29 ноября 2023 г. № 350 о ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с федеральным законом от 06.02.2023 п 10-ФЗ "о пробации в российской федерации" одной из ключевых целей которой является ресоциализация осужденных [6]. Пениitenciарная пробация предполагает предоставление несовершеннолетним осужденным возможности получения образования, соответствующего требованиям современного рынка труда [3], что делает формирование цифровых компетенций не просто педагогической задачей, но юридически значимым направлением государственной политики.

Недостаток цифровых компетенций имеет долгосрочные негативные последствия. Во-первых, он усиливает социальную изоляцию осужденных не только в период отбывания наказания, но и после освобождения. Объем социально полезных связей несовершеннолетних осужденных с внешним миром ограничен, а при длительных сроках отбывания наказания такие связи постепенно ослабевают и могут утратиться совсем [3]. Цифровые технологии могли бы стать инструментом поддержания этих связей, однако отсутствие навыков их использования превращает этот потенциал в недостижимую возможность.

Во-вторых, низкий уровень цифровой грамотности повышает уязвимость перед киберугрозами. Как показывают исследования, осужденные признают, что умеют распознавать оскорбительные и агрессивные сообщения, но не способны предпринять адекватные меры для реагирования на них [2]. Это означает, что даже при наличии доступа к цифровой среде (например, после освобождения) бывшие осужденные остаются незащищенными перед цифровым мошенничеством, манипуляциями и противоправным контентом.

В-третьих, стоит сказать, что не освоенность цифрового пространства может провоцировать возврат к криминальным практикам. Как отмечает О.В. Мельникова [7], исследование социальных микромиров лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, их системы ценностей, взглядов и представлений должно проводиться в зависимости от степени увлеченности интернет-ресурсами. Отсутствие позитивных цифровых практик оставляет подростка в поле действия деструктивных влияний.

Интеграция цифрового образования в пенитенциарную систему. Необходимо расширение практик, подобных тем, что реализуются в Тюменской воспитательной колонии [4, 5], и придание им системного характера. Как справедливо подчеркивается в педагогической литературе [1], современные технологии должны войти в практику учебного и воспитательного процесса несовершеннолетних осужденных. Важно не только обучение базовым навыкам работы с программами, но и формирование понимания цифровой этики, безопасности и правовых аспектов использования технологий.

Проблема цифровой грамотности несовершеннолетних осужденных является не частным педагогическим вопросом, а важным фактором их успешной ресоциализации. В условиях цифровой экономики отсутствие базовых цифровых компетенций становится непреодолимым барьером на пути к законопослушной жизни и достойному трудоустройству [3]. Как показывает практика [4, 5], даже ограниченные программы обучения компьютерной грамотности в воспитательных колониях дают положительные результаты. Однако для системного решения проблемы необходима разработка и внедрение государственной стратегии цифровой социализации несовершеннолетних осужденных, которая включала бы не только техническое оснащение учреждений, но и подготовку педагогических кадров, создание специализированных образовательных программ и механизмов постпенитенциарной поддержки [1, 3]. Только такой комплексный подход позволит превратить цифровые технологии из фактора риска в инструмент социального включения и профилактики рецидивной преступности.

Список литературы:

- [1] Христофорова И.В. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательной деятельности обучающихся воспитательной колонии // Научный руководитель: Маркова А.В. — Томск: ТГПУ.
- [2] Зорина Н.С. Понятие цифровой гигиены у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: постановка проблемы и пути формирования / Н. С. Зорина // Российский научный вестник. — 2026. — № 4. — С. 395-397.
- [3] Егоров А.Ю. Особенности воспитания несовершеннолетних в пенитенциарных учреждениях с использованием цифровых технологий // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.
- [4] Несовершеннолетних осужденных тю-

менской воспитательной колонии научили пользоваться компьютером // Пресс-служба УФСИН России по Тюменской области. — 2024. Ганишина, И. С. Личностные особенности несовершеннолетних осужденных и возможности их учета в системе пенитенциарной probation / И. С. Ганишина, С. М. Воробьев, В. И. Огородников. — Текст : непосредственный // Виктимология. — 2024. — № 4. — С. 13-24.

[5] Воспитанники Тюменской ВК стали участниками областной программы губернатора региона «Расширяя горизонты» // Пресс-служба УФСИН России по Тюменской области. — 2024.

[6] [Электронный ресурс] КонсультантПлюс <https://dm-srv-con.fsin.uis:8000/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0.12841350479638614>.

[7] Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. — 2025. — № 4.

References:

[1] Khristoforova I.V. The use of information and communication technologies (ICT) in the educational activities of students of the educational colony // Supervisor: Markova A.V. - Tomsk: TSPU.

[2] Zorina N.S. The concept of digital hygiene in juvenile convicts in educational colonies: posing a problem and ways of formation / N. S. Zorina // Russian Scientific Bulletin. — 2026. — № 4. — S. 395-397.

[3] Egorov A.Yu. Features of raising minors in penitentiary institutions using digital technologies // Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

[4] Juvenile convicts of the Tyumen educational colony were taught to use a computer // Press service of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tyumen region. - 2024. Ganishina, I. S. Personal characteristics of juvenile convicts and the possibility of taking them into account in the penitentiary probation system / I. S. Ganishina, S. M. Vorobyov, V. I. Ogorodnikov. - Text: immediate // Victimology. — 2024. — № 4. — S. 13-24.

[5] Pupils of the Tyumen VK became participants in the regional program of the governor of the region "Expanding horizons" // Press service of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tyumen region. — 2024.

[6] [Electronic Resource] ConsultantPlus <https://dm-srv-con.fsin.uis:8000/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0.12841350479638614>.

[7] O.V. Melnikova. The influence of digital technologies on the unlawful behavior of convicts of youth age // Russian Scientific Bulletin. — 2025. — № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-611-615

Дата принятия рукописи в печать: 18.07.2026 г.

ПИМЕНОВА Оксана Петровна,

Старший преподаватель, АНО ВО «Белгородский
университет кооперации, экономики и права», Липецкий
институт кооперации (филиал),
e-mail: pimenova-oksana1404@mail.ru

ЛАГОДА Надежда Викторовна,

Старший преподаватель, АНО ВО «Белгородский
университет кооперации, экономики и права», Липецкий
институт кооперации (филиал),
e-mail: dnyagoda@mail.ru

САЙНАКОВА Анастасия Владимировна,

Старший преподаватель, АНО ВО «Белгородский
университет кооперации, экономики и права», Липецкий
институт кооперации (филиал),
e-mail: saynakova2201@mail.ru

ЕРМИЛОВА Анжелика Сергеевна,

Старший преподаватель, АНО ВО «Белгородский
университет кооперации, экономики и права», Липецкий
институт кооперации (филиал),
e-mail: anzhelika_plotnikova@mail.ru

КОРОВИНА Лариса Владимировна,

педагог-психолог Липецкий колледж транспорта и
дорожного хозяйства,
e-mail: lorkor25@mail.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальная проблема интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процесс обучения иностранным языкам. Целью работы выступает комплексный анализ преимуществ и недостатков использования ИИ-инструментов (систем машинного перевода, алгоритмов распознавания речи, адаптивных платформ для самообучения) в контексте современного языкового образования. Особое внимание уделяется критическим аспектам внедрения технологий: снижению уровня межличностной коммуникации, риску формирования поверхностных языковых навыков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучающийся, процесс обучения, интеграция, языковые навыки.

PIMENOVA Oksana Petrovna,

Senior lecture of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Lipetsk Institute of Cooperation (branch)

LAGODA Nadezhda Victorovna,

Senior lecture of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Lipetsk Institute of Cooperation (branch)

SAYNAKOVA Anastasia Vladimirovna,

Senior lecture of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Lipetsk Institute of Cooperation (branch)

ERMILOVA Anzhelika Sergeevna,
Senior lecture of the Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Lipetsk Institute of Cooperation (branch)

KOROVINA Larisa Vladimirovna,
educational psychologist Lipetsk College of Transport and
Road Management

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Annotation. This article discusses the current issue of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the process of teaching foreign languages. The aim of the work is to provide a comprehensive analysis of the advantages and disadvantages of using AI tools (machine translation systems, speech recognition algorithms, and adaptive self-learning platforms) in the context of modern language education. Special attention is given to the critical aspects of implementing these technologies, such as the potential reduction of interpersonal communication and the risk of developing superficial language skills.

Key words: artificial intelligence, learner, learning process, integration, language skills.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая образование. Одним из наиболее значимых направлений цифровой трансформации является внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Его возможности активно используются в различных областях профессиональной деятельности.

Согласно «Толковому словарю по искусственному интеллекту», искусственный интеллект представляет собой «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [1]. Основной целью развития технологий искусственного интеллекта является моделирование интеллектуальной деятельности человека и создание систем, способных решать задачи, требующие анализа, обучения и принятия решений.

Первоначально искусственный интеллект рассматривался преимущественно как средство автоматизации производственных процессов. В настоящее время область его применения значительно расширилась. Сегодня технологии ИИ активно используются в сфере интеллектуального труда, включая систему среднего профессионального и высшего образования. Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью образовательного процесса, способствует совершенствованию методов обучения, контроля знаний и организации как аудиторной, так и самостоятельной работы обучающихся.

Современную образовательную организацию невозможно представить без функционирования электронной информационно-образовательной среды. Более того, в соответствии с требова-

ниями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования каждый обучающийся должен иметь индивидуальный и неограниченный доступ к электронной информационно-образовательной среде образовательной организации на протяжении всего периода обучения независимо от своего местонахождения [2].

Особую значимость приобретает интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам. На наш взгляд, данное направление вызывает научный интерес, поскольку применение интеллектуальных цифровых сервисов способно существенно повысить эффективность образовательного процесса. Вместе с тем объективная оценка потенциала подобных технологий требует анализа не только их преимуществ, но и недостатков.

В современном мире для изучения иностранных языков существует немалое количество приложений, использующих технологии искусственного интеллекта. Большинство этих образовательных сервисов реализует принципы персонализации обучения: пользователю предоставляется право самостоятельного выбора темпа освоения материала, неограниченный доступ к образовательному контенту, разнообразные интерактивные формы обучения, что объективно способствует повышению учебной мотивации. В этой связи показателен функционал популярного приложения Duolingo, которое предлагает обучение по принципу «от элементарного к сложному» с поэтапным усложнением материала, способствует развитию навыков аудирования, говорения и чтения.

Не менее популярный сервис LinguaLeo ори-

ентирован на работу обучающегося с «живым» языком. Он использует реальные материалы, такие как аудиозаписи, видео и подкасты. Искусственный интеллект анализирует уровень знаний пользователя и круг его интересов, что в свою очередь позволяет приложению составить индивидуальный план обучения, поддерживая мотивацию и вовлеченность. Платформа Puzzle English сочетает изучение новой лексики с развитием коммуникативных навыков. Приложение Beelinguapp реализует метод параллельного чтения текста на родном и иностранном языках с возможностью одновременного прослушивания.

Безусловно, применение интеллектуальных цифровых технологий расширяет инструментарий образовательного процесса: повышает интенсивность занятий, нивелирует временные и территориальные барьеры, придает учебной деятельности вариативность. Однако наиболее значимым потенциалом искусственного интеллекта является возможность построения индивидуальных образовательных траекторий. Современные цифровые платформы способны автоматически анализировать уровень подготовки обучающихся, фиксировать динамику освоения материала, выявлять наиболее сложные темы и адаптировать содержание курса в соответствии с образовательными потребностями конкретного пользователя. Кроме того, применение ИИ значительно упрощает процедуры текущего контроля, автоматической проверки заданий и организации самостоятельной работы студентов. [5, с. 301].

Следует отметить и психологический аспект использования интеллектуальных технологий. Одной из распространенных проблем при изучении иностранного языка является страх совершить ошибку во время общения. Для многих обучающихся подобная тревожность становится серьезным препятствием в формировании коммуникативной компетенции. Использование цифровых сервисов позволяет существенно снизить эмоциональное напряжение, поскольку искусственный интеллект не оценивает ошибки с эмоциональной точки зрения и предоставляет возможность многократного выполнения заданий без опасения получить негативную реакцию со стороны преподавателя или других обучающихся. В результате создаются благоприятные условия для преодоления языкового барьера и повышения уверенности студентов в собственных силах.

На первый взгляд может показаться, что использование искусственного интеллекта в языковом образовании имеет исключительно положительный характер. Нередко высказывается мнение о том, что в перспективе интеллектуальные цифровые системы смогут заменить преподавате-

ля иностранного языка. Однако подобная точка зрения представляется чрезмерно категоричной и требует критического осмысления.

Несмотря на очевидные преимущества использования искусственного интеллекта, его широкое внедрение в процесс обучения иностранным языкам сопровождается рядом существенных недостатков.

Прежде всего возникает проблема снижения внутренней мотивации к изучению иностранного языка. Распространение систем машинного перевода заставляет обучающихся сомневаться в необходимости самостоятельного освоения большого объема лексического материала и сложных грамматических конструкций. В подобных условиях важной задачей преподавателя становится формирование понимания того, что автоматизированный перевод не способен полностью заменить полноценное владение иностранным языком. [4, с. 7].

Несмотря на то, что современные электронные переводчики достаточно точно передают общее содержание текста, они далеко не всегда обеспечивают качественную передачу смысловых оттенков, обусловленных многозначностью лексических единиц и коммуникативным контекстом. Культурно-обусловленные смыслы, идиоматичность и ситуативная вариативность языка зачастую остаются за пределами алгоритмического понимания.

Так, выражение *a straight-A student* электронные переводчики нередко интерпретируют как «прямолинейный студент», тогда как корректный перевод — «круглый отличник».

Аналогичная ситуация наблюдается при переводе выражения *God bless you*, которое в английской культуре используется как речевой этикет после чихания и соответствует русскому выражению «Будь здоров», а не буквальному варианту «Бог благословит тебя».

Еще более показательным является выражение *You don't say*. На первый взгляд, английская и русская фразы будто бы дословно совпадают. Возникает желание так и перевести: «*You don't say!*» - «И не говори!»

На деле смысл расходится. Русское предложение «И не говори!» передает значение полного одобрения и согласия. У английского «*You don't say*» - целый спектр значений, иногда совершенно противоположных: «Да ладно! Серьезно? (я искренне удивлен); «Ну конечно, ага!» (так я тебе и поверил); «Изобрел колесо! Спасибо, друг» (а то я без тебя не знал).

Его буквальный перевод не отражает коммуникативного значения, поскольку в зависимости от ситуации данная реплика может выражать искрен-

нее удивление, иронию, недоверие или сарказм. Ключ к пониманию и верному переводу – контекст и интонация, верно трактовать которую способен только человек. [6, с. 69].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что безусловное доверие результатам машинного перевода способствует формированию поверхностного понимания иностранного языка. Отказ обучающихся от самостоятельной работы со словарями, анализа грамматических конструкций и контекстуального значения слов существенно замедляет формирование устойчивых языковых и переводческих компетенций.

Ещё одним существенным недостатком широкого использования искусственного интеллекта является постепенное снижение уровня межличностной коммуникации. Постоянное взаимодействие с цифровыми помощниками уменьшает потребность обучающихся в живом общении, негативно влияет на развитие коммуникативных навыков. Снижается способность обучающегося интерпретировать скрытые смыслы высказываний и учитывать особенности речевого поведения собеседника. Между тем именно данные качества составляют основу успешной межкультурной коммуникации и не могут быть сформированы исключительно посредством взаимодействия с цифровыми технологиями.

Как справедливо отмечает Е. В. Котельникова, искусственный интеллект обладает постоянно возрастающими потенциальными возможностями, одновременно увеличивая риски их неэффективного использования [3, с. 108].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам является объективной тенденцией развития современного образования. Вместе с тем эффективность применения интеллектуальных технологий определяется не самим фактом их использования, а методически грамотной организацией образовательного процесса. Наиболее перспективной представляется модель обучения, основанная на рациональном сочетании традиционных педагогических методов и цифровых технологий, при которой искусственный интеллект выступает вспомогательным инструментом индивидуализации обучения, автоматизации контроля и аналитической поддержки образовательного процесса, не заменяя при этом личность преподавателя и полноценное межличностное взаимодействие участников образовательной деятельности.

Список литературы:

[1] Аверкин, А. Н. Толковый словарь по искусственному интеллекту / А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. – М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность: утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28 августа 2020 г. № 1131 (с изм. и доп.). – URL: <https://fgosvo.ru> (дата обращения: 21.06.2026).

[3] Котельникова, Е. В. Когнитивные аспекты осмысления смешанной речемыслительной деятельности межкультурной коммуникации / Е. В. Котельникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). – С. 108–110.

[4] Сысоев, П. В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку / П. В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 3. – С. 6–16.

[5] Сысоев, П. В. Использование технологий искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований / П. В. Сысоев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 294–308.

[6] Сысоев, П. В. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 66–72.

References:

[1] Averkin, A. N. Explanatory Dictionary on Artificial Intelligence/A. N. Averkin, M. G. Gaase-Rapoport, D. A. Pospelov. - M.: Radio and communications, 1992. - 256 s.

[2] Federal State Educational Standard of Higher Education - specialty 40.05.02 Law Enforcement: approved by Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1131 dated August 28, 2020 (as amended and supplemented). - URL: <https://fgosvo.ru> (access date: 21.06.2026).

[3] Kotelnikova, E.V. Cognitive aspects of comprehension of mixed speech-thinking activities of intercultural communication/E.V. Kotelnikova // Philological sciences. Questions of theory and practice. – 2012. – № 7 (18). - S. 108-110.

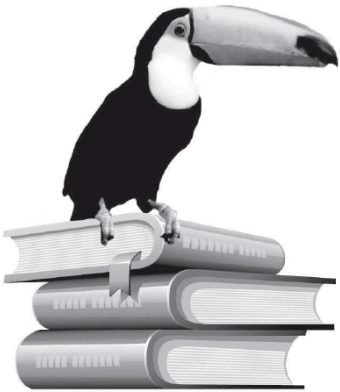
[4] Sysoev, P.V. Artificial intelligence technologies in teaching a foreign language/P.V. Sysoev // Foreign languages at school. – 2023. –

№ 3. - S. 6-16.

[5] Sysoev, P.V. Use of artificial intelligence technologies in teaching foreign languages: topics of methodological work for 2023 and prospects for further research/P.V. Sysoev // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2024. - T. 29, NO. 2.

- S. 294-308.

[6] Sysoev, P.V. Chatbots in teaching a foreign language: advantages and controversial issues/ P.V. Sysoev, E.M. Filatov // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2023. - T. 28, NO. 1. - S. 66-72.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-616-619

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ЦЫМБАЛОВА Дарьяна Юрьевна,
заместитель начальника факультета подготовки
сотрудников для подразделений по работе с личным
составом Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: Lukapon@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФОРМАХ И СПОСОБАХ ОБУЧЕНИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит анализ форм и методик обучения и акцентирует внимание на предположение о положительной корреляции между применением разработанной педагогической стратегии и уровнем формирования социальной ответственности у молодых сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: метод, обучение, потенциал, работоспособность, знания, профессиональная мобильность, профессиональный рост, уникальность.

TSYMBALOVA Daryana Yuryevna,
Deputy Head of the Faculty of Staff Training for Personnel
Management Units Saint Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia , PhD in Law, Police Colonel

ON THE ISSUE OF PEDAGOGICAL FORMS AND METHODS OF TRAINING YOUNG POLICE OFFICERS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Annotation. In his scientific article, the author analyzes the forms and methods of teaching and focuses on the assumption of a positive correlation between the application of the developed pedagogical strategy and the level of social responsibility formation among young law enforcement officers.

Key words: method, training, potential, efficiency, knowledge, professional mobility, professional growth, uniqueness.

В настоящее время наблюдается активная разработка и внедрение механизмов, направленных на оптимизацию процесса адаптации и профессионального становления молодых кадров во всех отраслях экономики.

Особое внимание уделяется разработке систем закрепления молодых специалистов в организациях и стимулированию их профессионального роста.

Данный подход обусловлен пониманием важности эффективного использования потенциала молодых специалистов для устойчивого развития страны.

Такая тенденция связана с естественным процессом старения кадрового состава и уходом

высококвалифицированных специалистов, обладающих богатым опытом и уникальными практическими навыками.

Молодые сотрудники, несмотря на ограниченный профессиональный опыт, отличаются актуальными знаниями, высокой работоспособностью и профессиональной мобильностью.

Тем не менее, полученное среднее профессиональное или высшее образование обеспечивает лишь базовый уровень подготовки, который требует дальнейшего развития и конкретизации в условиях реальной профессиональной деятельности.

Необходимо учитывать, что образовательный процесс, оторванный от практики, формирует

преимущественно обобщенные представления и навыки, требующие адаптации к специфике конкретной профессиональной сферы.

Вследствие этого возникает необходимость в создании системы непрерывного образования, обеспечивающей преемственность между образовательными учреждениями и организациями, в которых молодые специалисты реализуют свой профессиональный потенциал.

Активно развиваются методы неформального повышения квалификации, применяемые в различных профессиональных сферах, параллельно с совершенствованием формальных образовательных практик. Интеграция формального и неформального обучения признаётся приоритетным направлением профессионального развития специалистов, особенно молодых сотрудников, для которых актуальна задача синтеза теоретических знаний и практического опыта.

Развитие профессиональных компетенций работников сферы образования все чаще выходит за рамки формального образования.

В качестве иллюстрации можно привести такие инструменты неформального обучения, как профессиональные ассоциации, онлайн-платформы и конкурсы профессионального мастерства.

Несмотря на отсутствие строгой регламентации, такой подход к обучению обладает определенной организованностью и предоставляет обучающимся значительную автономию в выборе форм, методов и технологий, наиболее соответствующих их индивидуальным потребностям [1].

Неформальное образование обладает рядом преимуществ, ключевым из которых является возможность быстрого освоения компетенций, необходимых для жизнедеятельности и профессиональной реализации [2].

Для организации такого обучения используется широкий спектр методов, включая: наставничество, тренинги, видеокурсы, работу в группах, семинары, обучение через практическую деятельность, участие в проектах, вебинары и стажировки. Перечисленные методы могут быть применены как непосредственно на рабочем месте, так и в рамках специализированных программ повышения квалификации.

В различных источниках отмечается, что неформальное обучение является эффективным инструментом саморазвития, самореализации и формирования духовно-нравственных качеств у молодых специалистов [3].

Однако потенциал такого обучения распространяется и на лиц старшего поколения, для которых оно может быть реализовано, например, через «просмотр телепередач, кинофильмов, по-

сещение концертов, лекций и бесед» [4].

Кроме того, указанный вид обучения способствует не только повышению социальной и интеллектуальной активности личности, но и оказывает позитивное влияние на продолжительность жизни.

Таким образом, неформальное образование можно охарактеризовать как высокоэффективный, многогранный и практико-ориентированный метод обучения, способный адаптироваться к изменяющимся условиям современности и отвечать на актуальные общественные запросы [5].

В рамках профессиональной подготовки сотрудников МВД России рекомендуется использовать неформальные методы обучения для развития компетенций в сфере профилактики девиантного и аддиктивного поведения молодежи, а также в области физической подготовки.

Аналогичные рекомендации применимы и к сотрудникам уголовно-исполнительной системы для предотвращения насилия в отношении осужденных [6]. Особо отмечается необходимость внедрения неформального обучения руководящего состава ОВД с целью развития лидерских качеств [7].

В целом неформальное обучение способствует развитию позитивных личностных качеств, формированию необходимых компетенций, приобретению новых знаний и тактических навыков у сотрудников правоохранительных органов.

К числу ограничений неформального обучения относят отсутствие формализованных процедур оценки освоенных компетенций, а также отсутствие документального подтверждения прохождения обучения и валидации полученных знаний. Подобный подход к повышению квалификации наиболее широко применяется в профессиональных сферах характеризующихся меньшей степенью регламентации и субординации.

Но стоит отметить, что деятельность правоохранительных органов, в отличие от ряда других профессиональных сфер, характеризуется строгой вертикальной субординацией и регламентированным процессом профессиональной подготовки.

В виду чего, для сотрудников данной группы первостепенное значение приобретает формализованное повышение квалификации, осуществляемое посредством освоения специализированных образовательных программ.

В частности, нормативные акты Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, такие как приказ «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [8], предусматривают обязательное повышение квалификации сотрудников не реже, чем

один раз в пятилетний период, что реализуется в соответствии с утвержденными министерством планов и конкретных графиков, разрабатываемых руководителями соответствующих подразделений.

В свою очередь, нормативные правовые акты, которые регулируют деятельность сотрудников полиции, определяет наличие дополнительного профессионального образования в качестве приоритетного критерия при формировании кадрового резерва и замещения должностей и поэтому повышения качества программ дополнительного профессионального образования посредством включения в них модулей, ориентированных на развитие лидерских компетенций и формирование социально-ответственного поведения сотрудников полиции, является более чем актуальной.

Высокий уровень адаптивности системы дополнительного профессионального образования сотрудников правоохранительных органов является залогом их способности эффективно противостоять возникающим социальным вызовам, способствуя укреплению нравственных устоев личности.

В сфере профессионального развития сотрудников органов внутренних дел актуальна проблема баланса между необходимостью постоянного повышения квалификации и неизбежными временными и психологическими затратами.

В виду данной проблематики, ряд специалистов в данной области, обозначают повышенную эффективность модульного обучения, интерактивных занятий, а также виртуальных дискуссионных платформ.

Ориентирование в широком многообразии образовательных программ представляет собой существенную проблему для специалистов, находящихся на начальном этапе профессионального пути, по причине чего, справедливо делать акцент на роли руководителя в процессе профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел, возлагая на него ответственность за выявление перспективных кадров и их ориентированную подготовку к замещению руководящих должностей.

В соответствии с представленным анализом исследований, стоит изучить методический инструментарий, направленный на развитие личностно-профессиональных качеств молодых сотрудников и способствующий формированию у них социальной ответственности.

Некоторые ученые, в рамках исследований, посвященных педагогической поддержке молодых сотрудников полиции, выделяют следующие стратегические направления: оптимизация процесса их профессиональной ориентации, созда-

ние организационно-педагогических условий, способствующих успешной профессиональной адаптации, и оказание педагогической помощи в развитии профессиональной компетентности.

Важным направлением современных исследований является оптимизация правового обеспечения деятельности сотрудников правоохранительных органов, включающая совершенствование нормативно-правовой базы и организационных механизмов, направленных на адаптацию и закрепление молодых кадров в системе органов внутренних дел.

В своих исследованиях, посвященных психологическому сопровождению молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе их профессиональной адаптации, стоит применять интерактивные методы, такие как ролевое моделирование, групповые дискуссии, разбор профессиональных кейсов и социально-психологические тренинги, эти методики характеризуются универсальностью и широким спектром применения как в психологической подготовке, так и в педагогической практике, способствуя развитию коммуникативных навыков, рефлексии, мотивации и других личностных качеств и способностей.

В заключении исследования, стоит отметить, что применение исключительно педагогических или только психологических инструментов для развития социальной ответственности оказывается неэффективным.

Кроме того, актуальна и интеграция тактической и физической подготовки, включающей упражнения, направленные на повышение выносливости и развитие волевых качеств молодых специалистов.

Список литературы:

- [1] Есешкин К.И. Идентификация понятия неформальное образование в отечественной и зарубежной научной литературе / К.И. Есешкин // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. - 2019. - № 4 (44). - С. 60-64.
- [2] Ефимова Г.З. Парадоксы неформального образования студенческой молодежи // Г.З. Ефимова и др. / Интеграция образования. - 2019. - Т. 23. - № 2 (95). - С. 303-321.
- [3] Якушкина М.С. Кураторство как способ активизации неформального образования молодежи / М.С. Якушкина // Человек и образование. - 2015. - № 3 (44). - С. 128-132.
- [4] Черникова Е.Г. Неформальное образование граждан старшего поколения в сфере досуга / Е.Г. Черникова // Балканское научное обозрение. - 2019. - № 3. - № 1 (3). - С. 18-20.
- [5] Кичерова М.Н. Неформальное образование на современном этапе: экспертное мнение /

М.Н. Кичерова, Е.О. Муслимова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2020. - Том 6. - № 1 (21). - С. 64-85.

[6] Боршевский А. Проект «все вместе скажем нет пыткам в Молдове: гражданское общество против пыток»: проведение семинаров среди сотрудников пенитенциарных учреждений, полиции и психиатрических лечебниц Республики Молдова / А. Боршевский, Б. Сосна // *Suprematia Dreptului*. - 2019. - № 3. - С. 26-35.

[7] Шумилина И.В. Саморазвитие руководителя органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях / И.В. Шумилина // *Коченовские чтения-2020. Психология и право в современной России*. - 2020. - С. 200-202.

[8] Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472049/ (дата обращения : 21.08.2024).

References:

[1] Esehkin K.I. Identification of the concept of informal education in domestic and foreign scientific literature / K.I. Esehkin // *Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University*. - 2019. - No. 4 (44). - P. 60-64.

[2] Efimova G.Z. Paradoxes of informal education of student youth // G.Z. Efimova et al. / *Integration of education*. - 2019. - Vol. 23. - No. 2 (95). - P. 303-321.

[3] Yakushkina M.S. Curatorship as a way to activate informal education of young people / M.S. Yakushkina // *Man and education*. - 2015. - No. 3 (44). - P. 128-132.

[4] Chernikova E.G. Non-formal education of older citizens in the field of leisure / E.G. Chernikova // *Balkan Scientific Review*. - 2019. - No. 3. - No. 1 (3). - P. 18-20.

[5] Kicherova M.N. Non-formal education at the present stage: expert opinion / M.N. Kicherova, E.O. Muslimova // *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. - 2020. - Vol. 6. - No. 1 (21). - P. 64-85.

[6] Borshevsky A. Project "Let's all say no to torture in Moldova: civil society against torture": conducting seminars among employees of penitentiary institutions, police and psychiatric hospitals of the Republic of Moldova / A. Borshevsky, B. Sosna // *Suprematia Dreptului*. - 2019. - No. 3. - P. 26-35.

[7] Shumilina I.V. Self-development of the head of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern conditions / I.V. Shumilina // *Kochenovskie Readings-2020. Psychology and Law in Modern Russia*. - 2020. - P. 200-202.

[8] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 2, 2024 No. 44 "On approval of the Procedure for organizing the training of personnel to fill positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472049/ (date of access: 08/21/2024).

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук, AuthorID: 772928,
ORCID: 0000-0003-2233-0230,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. Ресоциализация осужденных проводимая сотрудниками пенитенциарной системы в период отбывания осужденным наказания за уголовные преступления в местах лишения свободы - это комплекс мер, последовательно направленных на: адаптацию к пенитенциарным учреждениям, осознание и признание осужденным вины за совершенное преступление, системное исправление поведенческих паттернов и личностных особенностей, приведших к преступному поведению, что в итоге преследует цель ресоциализации и интеграции в социальную среду после освобождения из мест лишения свободы. Данная цель невозможна для достижения без внедрения многоаспектной комплексной системы влияния на поведение, окружение и личность преступившего закон. Организация данного воздействия без учета педагогических основ воздействия на личность, ее педагогической коррекции не сможет в достаточной мере сформировать навыки правопослушного поведения, развить умение адаптироваться в сложных ситуациях и интегрироваться после освобождения в обществе и, следовательно, предотвратить рецидивную преступность.

Гипотезой статьи выступило предположение о необходимости определения, выделения и учета в деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений педагогических основ (концептуальных оснований, принципов, методов, методик и т.д.) в области ресоциализации осужденных.

Цель статьи обусловлена необходимостью определения педагогических основ ресоциализации осужденных, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях.

Задачи статьи – это определение педагогического аспекта организационно-методического сопровождения ресоциализации осужденных; определение принципов и методов педагогики необходимых для реализации коррекционного, воспитательного, мотивационного и иного воздействия на личность осужденных, определение направлений подготовки персонала пенитенциарных учреждений к педагогическим аспектам в деятельности.

Методами и методиками статьи определяются: анализ практики реализации и функционирования системы воспитательной работы с осужденными; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации исправительного воздействия на личность; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

Результатами исследования стали: определение основных принципов и методов ресоциализации, выделение педагогических основ данной деятельности; определение направлений ресоциализации в аспекте подготовки персонала к воздействию на разных этапах отбывания наказания.

Ключевые слова: ресоциализация; осужденные; сотрудники; пенитенциарное учреждение; педагогические основы.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FPU Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, candidate of psychological sciences

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS FOR THE RESOCIALIZATION OF CONVICTS SERVING SENTENCES IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

Annotation. *The resocialization of convicts, conducted by penitentiary staff while they are serving their sentences for criminal offenses, is a set of measures consistently aimed at: adaptation to penitentiary institutions, the convict's recognition and admission of guilt for the crime committed, and the systematic correction of behavioral patterns and personality traits that led to criminal behavior. This ultimately leads to the goal of resocialization and integration into the social environment after release from prison. This goal cannot be achieved without the implementation of a multifaceted, comprehensive system for influencing the behavior, environment, and personality of the offender. Organizing this intervention without taking into account the pedagogical foundations of influencing the individual and their pedagogical correction will not be able to adequately develop skills for law-abiding behavior, develop the ability to adapt to difficult situations, and integrate into society after release, thereby preventing recidivism. The article's hypothesis is based on the need to define, identify, and integrate pedagogical foundations (conceptual foundations, principles, methods, techniques, etc.) in the area of resocialization of convicts into the work of penitentiary staff. The purpose of this article is to define the pedagogical foundations for the resocialization of convicts serving sentences in penitentiary institutions. The objectives of this article are to define the pedagogical aspect of organizational and methodological support for the resocialization of convicts; to determine the pedagogical principles and methods necessary for the implementation of corrective, educational, motivational, and other influences on the personality of convicts; and to identify areas for training penitentiary staff in pedagogical aspects of their work. The methods and techniques of this article are defined by: an analysis of the practical implementation and functioning of the educational work system with convicts; a definition of the basic principles, methods, and techniques used in the implementation of correctional influence on the individual; an analysis and synthesis of new developments and innovative approaches, as well as advanced domestic and foreign experience in the field of resocialization and social adaptation of convicts. The study's results include: defining the key principles and methods of resocialization, identifying the pedagogical foundations of this activity, and identifying areas of resocialization in terms of training staff to influence the various stages of sentence serving.*

Key words: *resocialization; convicts; staff; penitentiary institution; pedagogical foundations.*

Введение. Определение теоретико-методологических основ и практики организации ресоциализации осужденных, проводимое на основе многолетнего изучения и мониторинга практики пенитенциарной деятельности показывают, что основами организации воздействия на личность преступивших закон остаются принципы, методы и методики педагогической науки. Приоритетность цели исправления в организации исправительного воздействия на осужденных, определяемая обществом и государством, остается основой организации деятельности пенитенциарных сотрудников, так как наказание, определенное приговором суда, является не только карой за совершенное преступление, но и имеет своей целью недопущение вышедшими на свободу в дальнейшем противоправных деяний. Таким образом, основной целью ресоциализации становится формирование навыков правоупослушного поведения и умений адаптироваться в сложных ситуациях для эффективной интеграции после освобождения в обществе и, следовательно, предотвращения ре-

цидивной преступности.

В связи с этим деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы строится не только на постоянном контроле за организацией отбывания наказания, но и находится в постоянном поиске и внедрении новых эффективных средств исправительного воздействия на личность, создания инновационных методов и условий для реализации исправления, ресоциализации и пробации осужденных.

Целью статьи обусловлена необходимостью определения педагогических основ ресоциализации осужденных, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях.

Задачи статьи – это определение педагогического аспекта организационно-методического сопровождения ресоциализации осужденных; определение принципов и методов педагогики необходимых для реализации коррекционного, воспитательного, мотивационного и иного воздействия на личность осужденных, определение направлений подготовки персонала пенитенциарных

учреждений к педагогическим аспектам в деятельности.

организационно-методического сопровождения процесса ресоциализации осужденных в аспекте приоритетности цели их исправления в системе коррекционного, воспитательного, мотивационного и иных направлений работы персонала пенитенциарных учреждений;

определение пробелов и профессиональной подготовке персонала к деятельности по ресоциализации и определение направлений формирования компетенций на основе проведенного изучения нормативных правовых организационных документов в области пенитенциарной практики, а также теоретических основ теорий исправления личности и групп.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования системы воспитательной работы с осужденными; определение основных педагогических принципов, методов и методик, применяемых при реализации исправительного воздействия на личность; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области ресоциализации, пробации и социальной адаптации осужденных.

Результаты исследования.

Как показывают результаты исследования, ресоциализация осужденных – это не просто исправление, а сложный педагогический процесс восстановления человека как полноценного члена общества. Он строится на гуманистических принципах и разнообразных методах, направленных на возвращение социальных навыков и ценностей.

В основе проводимой в пенитенциарных учреждениях ресоциализации лежит комплекс подходов, обеспечивающих целостность и эффективность процесса. Это:

гуманистическая направленность всей проводимой работы, которая предполагает создание атмосферы уважения к личности, вера в возможность исправления и отказ от карательных мер;

аксиологический подход во всех проводимых мероприятиях который направлен на формирование системы позитивных социально одобряемых ценностей, осознание которых помогает выработать «иммунитет» к асоциальному, противоправному поведению;

отечественный личностно-деятельностный психолого-педагогический подход к проводимой работе предполагающий коррекционное воздействие на личность осужденного посредством социально-полезной деятельности (труда, учебы, спорта, общественно-полезной деятельности, хобби и т.д.), где осужденный выступает активным субъектом;

средовой подход, в котором педагогическая среда колонии становится системообразующим фактором, влияющим на изменение личности;

индивидуализация, позволяющая учитывать личностные особенности, характер преступления и социальной ситуации для разработки персонализированных программ исправления, ресоциализации, пробации;

принцип вариативности и со-развития который предполагает гибкость используемых методов и совместное развитие исправляющего сотрудника и исправляемого осужденного;

принцип законности и правовой ресоциализации посредством которого происходит формирование у осужденного уважения к закону через изучение своих прав и обязанностей.

Проведенный анализ практики и новаций в области ресоциализирующего воздействия позволяет нам определить ключевые педагогические методы ресоциализации организующие вовлечение осужденных в деятельность и формирующие социально приемлемое поведение. Это:

методы формирования сознание осужденного направленные на правильное понимание норм, правил и т.д. (беседы, лекции, диспуты, дискуссии, вечера вопросов и ответов и т.д.);

методы организации деятельности (поручения, тренировка, упражнения и т.д.);

методы стимулирования формируемых навыков и поведения (поощрение, соревнование, создание воспитывающих ситуаций и педагогическое требование для развития инициативы и ответственности, наказание и т.д.);

практические методы (сюжетно-ролевые и деловые игры, тренинги, обучение действием, инструктаж и дискуссии для отработки навыков в безопасной среде).

Таким образом, успешная ресоциализация – это долгий поэтапный процесс, включающий адаптацию, интеграцию через деятельность, психолого-педагогическую поддержку и самопроектирование будущего.

Проведенное исследование показывает, что создание условий для успешной ресоциализации осужденного требует от всех его реализаторов профессиональных компетенций в области контроля, воспитания, коррекции, модераторства, ассертивного поведения и т.д. и осуществляется в процессе применения всех основных педагогических средств, а следовательно, также требует постоянного контроля, подготовки и сопровождения персонала пенитенциарных учреждений.

Список литературы:

[1] Бабаян С.Л., Айрапетян А.С., Гарибян К.К. Институт условно-досрочного освобождения

от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 87-102.

[2] Большой толковый социологический словарь терминов. URL: <http://www.onlineedics.ru/slovar/soc.html> (дата обращения: 23.05.2026).

[3] Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 74-79.

[4] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[5] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[6] Казберов П.Н. Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[7] Кашкина Е.В. Корреляция традиционных духовно-нравственных ценностей и стратегического развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Антропология. – 2026. – № 1(21). – С. 19-26.

[8] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60-64.

[9] Крымов А.А. Уголовно-процессуальные и иные полномочия администрации исправительного учреждения в контексте пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации осужденных: вопросы регулирования и реализации // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – № 2(67). – С. 17-20.

[10] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 4(36). – С. 38-41.

[11] Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т./сост. Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. М., 1985. Т. 5. С. 457.

[12] Скок Н.И. Ресоциализация осуждённых средствами образовательного пространства: монография / Н.И. Скок, Л.Л. Мехришвили, Е.Ю. Екимова. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. - 236 с.

References:

[1] Babayan S.L., Hayrapetyan A.S., Garibyan K.K. Institute for Parole from Serving a Sentence in the Criminal Legislation of Russia and Foreign Countries // Justice. 2022. VOL. 4, NO. 1. S. 87-102.

[2] Large explanatory sociological dictionary of terms. URL: <http://www.onlineedics.ru/slovar/soc.html> (accessed on: 23.05.2026).

[3] Borsuchenko S.A. Re-socialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – T. 4, NO. 2. – S. 74-79.

[4] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for Modern Educational Technologies, 2011. 234 pp.

[5] Davydova N.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty // Law and education. – 2019. – № 2. – S. 111-116.

[6] Kazberov P.N. Educational work as the main means of correctional influence on convicts: principles, methods, forms // Education and law. – 2025. – № 5. – S. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[7] Kashkina E.V. Correlation of traditional spiritual and moral values and the strategic development of the penal system of the Russian Federation // Anthropology. – 2026. – № 1(21). – S. 19-26.

[8] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.

[9] Krymov A.A. Criminal procedural and other powers of the administration of a correctional institution in the context of penitentiary and postpenitentiary re-socialization of convicts: issues of regulation and implementation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2023. – № 2(67). – S. 17-20.

[10] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and educational environment as a means of preventing criminal subculture in places of deprivation of liberty // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. – 2016. – № 4(36). – S. 38-41.

[11] Makarenko A.S. Pedagogical works: in 8 volumes/comp. L.Yu. Gordin, A.A. Frolov. M., 1985. VOL. 5. S. 457.

[12] Skok N.I. Resocialization of convicts by means of the educational space: monograph/ N.I. Skok, L.L. Mekhrishvili, E.Yu. Ekimova. - Tyumen: TyumGNGU, 2011. - 236 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-624-628

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор, главный научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, Российская
Федерация, IDorcid.org // 0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ПЛАН ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. В статье речь идет о структуре и содержании плана внеурочной деятельности, представленного в рамках обновленных ФГОС, заданный актуальными требованиями к направлениям, количеству часов, структуре и содержанию занятий.

Ключевые слова: структура, внеучебная деятельность, содержание, план, школа, пенитенциарная система.

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, PKU Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow,
Russian Federation

PLAN OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN THE PENITENTIARY INSTITUTION

Annotation. The article deals with the structure and content of the extracurricular activities plan presented within the framework of the updated GEF, set by the current requirements for areas, the number of hours, the structure and content of classes.

Key words: structure, extracurricular activities, content, plan, school, penitential system.

План внеурочной деятельности в рамках обновленных ФГОС должен представлять собой документ, заданный актуальными требованиями к направлениям, количеству часов, структуре и содержанию занятий.

А именно: три предлагаемые модели (или варианты) плана, в плане две части (рекомендуемая всем обучающимся (или инвариантная) и вариативная); объем учебных часов – до 10 еженедельных часов в классе; занятия, четко распределяемые по двум частям плана, заданные направления внеурочной деятельности.

Попробуем представить, каким образом могут выглядеть модели плана, предлагаемые для общеобразовательных организаций, которые функционируют в пенитенциарных учреждениях. Разберем варианты (модели) планов внеурочной деятельности, приемлемые для обучающихся – несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы. Всего предлагаемых моделей (как вариантов) планов внеурочной – с преобладанием того или иного вида деятельности – несколько. Школа сама определяет наиболее приемлемый вариант плана из предложенных (либо разрабаты-

вает свой вариант).

Инвариантную часть плана рекомендуется наполнить часами внеурочной активности обучающихся, включающую уже упомянутые ранее занятия. В этом случае конкретная модель плана будет определяться содержательным наполнением вариативной части (до 7 часов занятий внеурочной деятельностью). Направления внеурочной деятельности, рекомендуемые к включению в план, как раз и будут являться ориентиром его составления (разработки) на уровне общеобразовательной организации разной ведомственной принадлежности.

Попробуем ответить на вопрос – каково же соотношение рекомендуемых моделей (вариантов) плана ВД и их структурного-содержательного наполнения с учетом действующих нормативных документов и методических материалов.

Вариативная часть плана ВД будет определяться исходя из учебного объема часовой нагрузки и направлений занятий внеурочной деятельности. Все 10 часов рекомендуемых занятий целиком подойдут к модели плана с преобладанием педагогической поддержки обучающихся. Раз-

работчики других моделей плана смогут добрать (при необходимости) учебные часы внеурочной занятости обучающихся, исходя из приоритетов и целевых ориентиров своего варианта плана (напр., в третью модель плана добавить не 2 часа занятий, направленных на удовлетворение интересов и потребностей обучающихся в творческом и физическом развитии, а 4 часа, тогда недельная внеурочная нагрузка составит 9 часов).

Однако, из моделей планов для школы пеницианной системы считаем возможным выделить лишь следующие: план с преобладанием педагогической поддержки обучающихся и план с преобладанием воспитательных мероприятий. Их и разберем более подробно.

Итак, план с преобладанием педагогической поддержки обучающихся.

Основные цели и задачи данного плана – создание условий для оказания оптимальной психолого-педагогической поддержки обучающихся с трудностями социализации, обучения, взаимодействия; ограничениями по здоровью; плохо говорящими (на русском и родном языке); социальной депривацией; низким образовательным уровнем, педагогической запущенностью и др. Занятия внеурочной деятельности в этом случае будут преимущественно носить характер устраняющих «пробелы» в образовании и воспитании и прививающих навыки коммуникации и взаимодействия (в плане они носят наименования - дополнительные и специальные). Результаты образовательного процесса во многом будут зависеть от организованной педагогической поддержки обучающихся - помощи в решении проблем, связанных со здоровьем, с обучением, с девиациями, самопринятием и пр. Педагогическая поддержка может носить индивидуально-личностный характер, когда воспитатель диагностирует проблему несовершеннолетнего (даже если обучающийся сам ее не осознает) и предлагает пути решения. Общая педагогическая поддержка оказывается всей группе обучающихся, участвующих в занятиях внеурочной деятельности. Она выражается не только в подборе и реализации содержательной части занятия, но и в приемах воспитательного воздействия (взаимопонимания, доброжелательности, ситуациях успеха, доверии и пр.).

Безусловно, форму можно модифицировать (расположив графы в привычном для образовательной организации порядке) и расширить,

указав время проведения занятий и педагога, ответственного за реализацию рабочей программы учебного курса внеурочной деятельности. Но две части плана и рекомендуемые направления должны быть представлены; формы проведения занятий и необходимость разработки рабочих программ определяется организацией (кроме курса «Разговоры о важном»).

Теперь разберем план с преобладанием деятельности ученических сообществ и воспитательных мероприятий. Прежде всего, считаем необходимым здесь сосредоточиться на интеграции с календарным планом воспитательных мероприятий (в рамках рабочей программы воспитания). Данный вариант плана внеурочной деятельности приоритетом выделяет организацию эффективного воспитания и ресоциализации несовершеннолетних осужденных, поэтому занятия будут посвящены актуальным нравственным проблемам социальной жизни, а также самореализации и самораскрытию воспитанников, преодолению неуверенности в себе и личностному росту. Обучающиеся могут получать навыки самоуправления и самоорганизации при подготовке культурных и праздничных событий, конкурсов, фестивалей; они могут научиться формированию позитивных сообществ по интересам, инициированию общественно полезных видов занятости после уроков, ответственности за поручения и проявления активности в коллективных творческих делах.

План внеурочной деятельности с преобладанием воспитательных мероприятий поможет преодолеть дефициты воспитания и личностного развития несовершеннолетних осужденных. Специально разработанные программы (напр., «Дискуссионный клуб», «Юные волонтеры», «Экологический отряд», «Школа помощи» и пр.) будут способствовать формированию и проявлению нравственных качеств обучающихся, рождать размышления о тех, кому нужна помощь; профессиональное педагогическое сопровождение должно быть нацелено на создание воспитывающей среды, корректирующей сформировавшийся образ жизни воспитанников (зачастую дезадаптированных в социуме, транслирующих девиантное и делинквентное поведения, нуждающихся в ресоциализации).

Еще раз подчеркнем необходимость согласованности плана внеурочной деятельности с календарным планом воспитательной работы.

Таблица 10. Примерная структура плана ВД с преобладанием воспитательных мероприятий (форму плана организация может определить самостоятельно)

Части плана // направления		Рабочие программы учебных курсов внеурочной деятельности

Инвариантная часть	Целеопределение	8-а
9-а	Информационно- просветительские занятия патриотической, нравственной и экологической направленности «Разговоры о важном» (1 ч.)	Развитие ценностного отношения обучающихся к своей Родине – России, населяющим ее людям, ее уникальной истории, богатой природе и великой культуре.
Курс «Разговоры о важном» Ссылка на портал: https://edsoo.ru/Vneurochnaya_deyatelnost.htm	Формирование функциональной грамотности обучающихся (1 ч.)	Развитие способности обучающихся применять приобретённые знания, умения и навыки для решения задач в различных сферах жизнедеятельности.
Рабочая программа учебного курса ВД «В мире книг» Ссылка на портал: http://skiv.instrao.ru/bank-zadaniy/	Рабочая программа учебного курса ВД «Креативное мышление» Ссылка на портал: http://skiv.instrao.ru/bank-zadaniy/	Удовлетворение профориентационных интересов и потребностей обучающихся (1 ч.)
Развитие ценностного отношения обучающихся к труду, как основному способу достижения жизненного благополучия и ощущения уверенности в жизни.	Рабочая программа учебного курса ВД «Мир профессий»	Рабочая программа учебного курса ВД «Познай себя»
Вариативная часть	Целеопределение	8-а
9-а	Творческое и физическое развитие обучающихся (4 ч.)	Удовлетворение интересов и потребностей обучающихся в творческом и физическом развитии, помощь в самореализации, раскрытии и развитии способностей и талантов.
Рабочая программа учебного курса ВД «Шахматный клуб» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Литературная гостиная» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Школьный музей» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Спортклуб» (1 ч.)	Рабочая программа учебного курса ВД «Театральная студия» Рабочая программа учебного курса ВД «Футбол» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Клуб авторской песни» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Изостудия» (1 ч.)	Социальное развитие обучающихся (3 ч.)
Развитие социальных умений – заботиться о других и организовывать свою собственную деятельность, лидировать и подчиняться, брать на себя инициативу и нести ответственность, отстаивать свою точку зрения и принимать другие точки зрения.	Рабочая программа учебного курса ВД «Экологический отряд» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Юные волонтеры» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Россия – страна возможностей» (1 ч.)	Рабочая программа учебного курса ВД «Школа помощи» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Дискуссионный клуб» (1 ч.) Рабочая программа учебного курса ВД «Россия – страна возможностей» (1 ч.)

Таким образом, мы разобрали два варианта планов из рекомендуемых. При наличии ресурсов организации и педагогическом потенциале возможна реализация и плана с преобладанием учебно-познавательной деятельности (в этом случае все усилия, скорее всего, будут направлены на дополнительные занятия по учебным предметам, преодоление учебных дефицитов несовершеннолетних осужденных).

Каковы же действия школы, если рекоменду-

емые варианты плана не соотносятся с задачами внеурочной и воспитательной работы в образовательной организации? К тому же мы помним, что данные варианты плана были впервые предложены методическими рекомендациями, не имеющими нормативно-правового статуса; в новых федеральных программах они закреплены лишь на уровне основного образования – также в качестве предложений: «В зависимости от решения педагогического коллектива, родительской обще-

ственности, интересов и запросов детей и родителей в образовательной организации могут реализовываться различные модели примерного плана внеурочной деятельности...» [9].

В этом случае школа разрабатывает свой вариант плана, опираясь на основные подходы плана внеурочной деятельности федеральной образовательной программы соответствующего уровня. Такой план будет учитывать конкретные условия и ресурсы организации, опыт проведения внеурочных мероприятий несовершеннолетних осужденных в данной школе.

Форму плана внеурочной деятельности можно брать из ФООП ОО (форма федерального учебного плана), но в этом случае потребуются создание дополнительных табличных форм для демонстрации конкретных учебных курсов и рабочих программ. Можно ограничиться указанием часов в недельном плане, готовя подробные расписания для обучающихся. В любом случае, данный вопрос вправе решить образовательная организация самостоятельно.

В ФООП ОО план внеурочной деятельности рассматривается как целостная система. Внеурочную деятельность мы рассматривали как систему в предыдущем разделе и именовали данную систему – модель организации внеурочной деятельности (что целесообразно и оправданно с научно-методических позиций). Но при желании педагогов-практиков можно использовать алгоритм модели организации внеурочной деятельности при создании целостного плана (как системы), а недельный учебный план будет располагаться в одном из разделов общего плана внеурочной деятельности. В любом случае школы при воспитательных колониях смогут воспользоваться разными предлагаемыми вариантами и алгоритмами планирования и моделирования внеурочной деятельности.

Итак, мы представили содержательное наполнение разных вариантов плана внеурочной деятельности несовершеннолетних осужденных, получающих образование в учреждении уголовно-исполнительной системы. В каждом из вариантов представлены две части плана (инвариантная и вариативная); направления внеурочной деятельности, примерное целеопределение по этим направлениям и рекомендуемое количество часов; наименования рабочих программ учебных курсов внеурочной деятельности, возможных для реализации в «пенитенциарной школе». Так же внимание было акцентировано на возможности создания своего варианта планирования внеурочной занятости несовершеннолетних на основе педагогического и управленческого опыта с учетом целесообразности его наполнения для конкретной

школы. Важно, чтобы та или иная структура и модель плана были закреплены в Положении об организации внеурочной деятельности несовершеннолетних (ином локальном нормативном акте). Если мы будем говорить о формировании календарного плана внеурочной деятельности, в нем будут представлены прогнозируемые сроки реализации всех рабочих программ учебных курсов внеурочной деятельности по дням недели и учебным четвертям.

В планировании внеурочной деятельности принимают участие все педагогические работники школы во главе с ее руководителями и администрацией колонии, поэтому вариант плана, который будет взят за основу для практического воплощения, должен устраивать всех участников. Задачи воспитания, решаемые работниками пенитенциарного учреждения, найдут отражение в плане внеурочной деятельности (при соотношении с целями и задачами рабочей программы воспитания). Проблемы, возникающие в процессе исправления несовершеннолетних осужденных, также могут отражаться в вариантах планировании и формах организации их занятости после уроков. Коррекция видов и содержания внеурочной занятости может зависеть от потребностей и запросов обучающихся в системе общего образования, от их образовательных и социокультурных дефицитов. Поэтому целенаправленное планирование деятельности воспитуемых после уроков лучше рассматривать как «живую», изменяемую организацию их занятости, благодаря которой могут решаться многие социально-педагогические задачи в местах лишения свободы.

Список литературы:

- [1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.
- [2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.
- [3] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.
- [4] Смородиновская И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова,

И. А. Смородинская, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[5] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[6] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва. 2018.

[7] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[8] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[9] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 16 ноября 2022 г. No 993 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования».

References:

[1] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity

and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[3] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[4] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[5] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/ A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov // Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[6] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva. 2018.

[7] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[8] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[9] Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of November 16, 2022 No. 993 "On approval of the federal educational program of basic general education."

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-629-632

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный
сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва,
Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ЛИЧНОСТЬ ЮРИСТА И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА

Аннотация. В статье речь идет о личности юриста и формировании его профессионально значимых качеств, навыков и умений.

Ключевые слова: личность, юрист, знания, профессиональное мастерство, компетенции.

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Leading Researcher
of the Office of the Academic Secretary, Adjuncts, and Doctoral
Students Federal State Institution Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

THE IDENTITY OF A LAWYER AND THE FORMATION OF HIS PROFESSIONAL SKILLS

Annotation. The article deals with the personality of a lawyer and the formation of his professionally significant qualities, skills and abilities.

Key words: personality, lawyer, knowledge, professional skills, competencies.

Под личностью юриста следует понимать совокупность социально значимых свойств, качеств и отношений, характеризующих его профессиональное мастерство, подготовленность к юридической деятельности.

Юридическая деятельность - род трудовой деятельности юриста, владеющего комплексом юридических знаний, навыков и умений, приобретенных в результате специальной подготовки и опыта работы.

Юридические знания - проверенный практикой результат юридического познания действительности (знание юридических законов, методов, приемов и форм юридического воздействия, принципов юридической деятельности и т.д.).

Юридические умения - освоенные способы выполнения юридических действий.

Юридические навыки - автоматизированные действия.

В своей юридической деятельности юрист руководствуется определенными принципами юридической деятельности основными из которых являются:

Принцип государственного юридического подхода. Политика государства в области борьбы

с преступностью является исправление личности правонарушителей. Без государственного подхода юридические нормы и требования воспринимаются как схоластические, оторванные от жизни, мудрено выраженные формулировки. Они приобретают иное значение и смысл, когда открываются сотрудником в единстве проблем государства и юридической науки, воспринимаются ими как государственно-юридические явления, становятся государственно-юридическими знаниями.

Принцип всеохвата и непрерывности выражает необходимость везде, со всеми без исключения правонарушителями и постоянно вести воспитательную работу, направленную на исправление личности. Она может вестись в разных формах и во всей полноте педагогического обеспечения, а с несовершеннолетними преступниками дополняется правовым всеобучем. В данном случае полезно использовать краткие, запоминающие формулировки: право морально; право обеспечивает справедливость людям и защищает их; право благо, а не насилие: без соблюдения законности жить невозможно; судить имеет право только суд; никто не может быть признан виновным/ без решения суда.

Принцип аксеологичности воплощается в формировании у правонарушителей нравственно-правовых ценностей как своих жизненных и поведенческих ориентиров. Раскрытие этих ценностей в постоянном показе их справедливости и необходимости. Это требует не информирования правонарушителей, а формирование нравственно-правовых убеждений, озаряемых в сознании каждого «светом» личностного смысла, значения для себя лично, понимания как личных ценностей. Только при этом нравственно-правовые ценности приобретают регулируемую силу.

Принцип юридическо-правового обслуживания рекомендует раскрывать вопросы воспитания и права как благо, как надежный щит от бед, как условие обеспечения личного успеха и свободы. Реализация этого принципа предполагает воспитание у правонарушителей уважительного отношения к сотрудникам, к правоохранительным органам, каждому человеку.

Юрист должен обладать определенными личностными качествами, которые можно выделить в несколько групп: политические, деловые, моральные, волевые.

К политическим качествам относятся, в частности, непримиримость к правонарушителям, строгое соблюдение законов, умение разбираться в политических событиях страны и мира.

К деловым качествам относятся правовая подготовка, навыки работы с правонарушителями, знание методики воспитательной работы, умение анализировать и обобщать данные правонарушений и т.д.

К моральным - неподкупность, справедливость, правдивость, смелость, честность и др.

К волевым - настойчивость, нравственная устойчивость и ответственность, решительность, самостоятельность.

Кроме этого юрист должен обладать правовой и психолого-педагогической культурой, основными элементами которой являются

правовая и психолого-педагогическая образованность;

правовая и психолого-педагогическая воспитанность;

правовая и психолого-педагогическая обученность;

правовая и психолого-педагогическая развитость.

Правовая и психолого-педагогическая образованность характерна наличием у юриста определенных знаний, взглядов и убеждений, позволяющих понимать существующую в жизни общества правовую и психолого-педагогическую сферу, роль права, педагогики и психологии в профессиональной деятельности, как необходимое условие

демократии, свободы, нормальной жизни, развития общества и защиты граждан.

Правовая и психолого-педагогическая воспитанность юриста отличается особым богатством элементов:

уважением к закону, нравственным нормам общества;

наличием правомерных и воспитательных целей, планов, намерений;

потребностью постоянно вести себя в соответствии с правовыми и нравственными требованиями общества;

постоянным стремлением к выбору только нравственных и правомерных средств и способов поведения и деятельности;

нравственной устойчивостью к криминогенным соблазнам.

Правовая и психолого-педагогическая обученность юриста характеризуется:

знанием Конституции, нормативных актов и документов, необходимых для работы;

принципов, методов, средств и форм исправления правонарушителей.

Правовая и психолого-педагогическая развитость юриста выражается в:

развитии сознания и мировоззрения;

развитии качеств, не допускающих виктимное - рискованное, неосмотрительное, легкомысленное, распущенное, правонарушающее - поведение.

возникновении интереса, мотивов и потребности к непрерывной работе над собой и повышению правовой и психолого-педагогической культуры.

Объективное содержание деятельности юриста требует от него зрелой общественной направленности, включающей понимание объективных закономерностей общественного развития. Вместе с тем это должно соединяться у него с глубокой компетентностью, дисциплинированностью и творческим подходом к делу, стремлением постоянно учитывать политические, юридические последствия своих решений и поступков. Юрист должен овладеть стилем работы, основанным на тщательном изучении положения дел, выяснении того, какие формы и приемы дают нужный эффект, а какие превратились в шаблоны и схемы, не отвечающие духу времени.

Под прямым влиянием общественной направленности складывается профессиональная направленность юриста, которая играет большую роль в формировании его способностей.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода

и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандеров Р. Р. / Синдром отмены пени-тенциарной регламентации: клинко-феномено-логическая модель, нейробиологические корреля-ты и диагностические критерии /Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняю-щегося поведения несовершеннолетних осужден-ных / В сборнике: Духовно-нравственное воспита-ние личности в пенитенциарной системе: педаго-гические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Все-российского научно-практического круглого ста-ла, посвященного памяти ученых-пенинциари-стов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН Рос-сии // Вестник уголовно-исполнительной систе-мы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и осо-бенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и со-временное образование. Материалы Всероссий-ской научно-практической конференции аспиран-тов, соискателей, докторантов, научных руководи-телей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиран-та» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового обще-ния / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолет-них осужденных / В сборнике: Уголовно-испол-нительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-пра-ктической конференции с международным участи-ем, посвященной памяти российского ученого-пе-нинциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессо-ра О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь,

2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной служ-бе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особен-ности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совер-шенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимско-го юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сбор-нике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузов-ской научно-практической конференции с между-народным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S, 6-8.

[5] Vilko A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilko // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilko, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilko, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian

Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilko A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

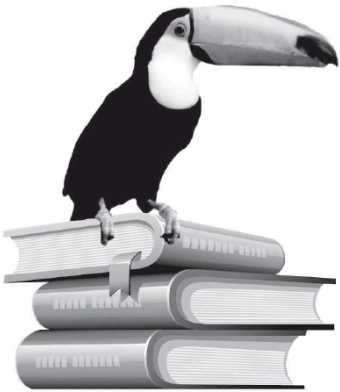
[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilko A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilko A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-633-636

Дата принятия рукописи в печать: 27.06.2026 г.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

САМОРАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ КАК ДЕТЕРМИНАНТА УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема саморазвития несовершеннолетних осужденных как ключевого фактора их успешной ресоциализации. Анализируются психолого-педагогические особенности данной категории лиц, выявляются деформации самосознания, коммуникативной и мотивационной сфер. Раскрываются организационно-педагогические условия, способствующие активизации процессов самовоспитания и профессионального самоопределения подростков в условиях изоляции, включая опыт реализации специализированных программ. На основе обобщения теоретических обосновывается вывод о том, что целенаправленное формирование готовности к саморазвитию является необходимым условием исправления несовершеннолетних осужденных и снижения риска рецидива.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, психолого-педагогическая поддержка, воспитательная колония, ФСИН России, пенитенциарная психология, аутоагрессивное поведение, суицидальный риск, уголовно-исполнительная система.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

SELF-DEVELOPMENT OF JUVENILE CONVICTS AS A DETERMINANT OF SUCCESSFUL RE-SOCIALIZATION

Annotation. The article examines the problem of self-development of juvenile convicts as a key factor in their successful re-socialization. The psychological and pedagogical features of this category of people are analyzed, deformations of self-awareness, communicative and motivational spheres are revealed. The article reveals the organizational and pedagogical conditions that contribute to the activation of the processes of self-education and professional self-determination of adolescents in isolation, including the experience of implementing specialized programs. Based on the generalization of theoretical approaches and practical data, the conclusion is substantiated that the purposeful formation of readiness for self-development is a necessary condition for the correction of juvenile convicts and reducing the risk of recidivism.

Key words: juvenile convicts, psychological and pedagogical support, educational colony, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary psychology, auto-aggressive behavior, suicidal risk, penal enforcement system.

Преступность несовершеннолетних была и остается одной из наиболее острых проблем современного общества. Значительная часть несовершеннолетних попадает в места лишения свободы, не имея даже среднего общего образования [1]. В этой связи актуализируется поиск эффективных механизмов исправления и ресоциализации данной категории лиц. Ключевая роль в этом процессе отводится их личностной активности, направленной на саморазвитие и самовоспитание [2]. Цель данной статьи – теоретически обосно-

вать значимость саморазвития как детерминанты успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных и определить условия его активизации в условиях воспитательной колонии.

Теоретические основы изучения саморазвития несовершеннолетних осужденных. В условиях изоляции проблема личностного становления осужденных приобретает особую остроту. В структуре их самосознания обнаруживаются пробелы, вызванные деформацией абстрактно-понятийного мышления. Исследования показывают, что

у делинквентных подростков преобладает завышенная самооценка, наблюдается несформированность профессиональной и социальной идентичности, закрытость и отгороженность, что не позволяет им в полной мере сформировать свой образ-Я и положительную структуру самоотношения [3].

Ключевым понятием является «самовоспитание», которое, по мнению исследователей, направлено на формирование и совершенствование положительных и преодоление отрицательных качеств личности [2]. В системе факторов, способствующих неправильному поведению, выделяются три категории личностных неблагоприятных

факторов: результат длительного воздействия неблагоприятных обстоятельств жизни и воспитания; физические и психические дефекты, идущие от нездоровых родителей; возрастные негативные проявления в кризисные периоды развития. Критическим параметром выступает нравственная устойчивость, формирование которой, как отмечала Л.И. Божович, есть проблема становления социальных по происхождению и нравственных по содержанию мотивов поведения [4].

Ниже представлена таблица, систематизирующая неблагоприятные факторы, препятствующие саморазвитию несовершеннолетних осужденных.

Социально-педагогические (результат длительного воздействия неблагоприятных условий жизни и воспитания)	Деформация системы ценностей и нравственных норм. –Отсутствие положительных примеров для подражания. –Несформированность социально приемлемых моделей поведения. –Педагогическая запущенность, пробелы в образовании (незаконченное среднее образование).	Низкая мотивация к самовоспитанию и учёбе –Некритичное отношение к собственным поступкам. – Неспособность ставить долгосрочные жизненные цели.
Психологические и психофизические (физические и психические дефекты, возрастные кризисные проявления)	Завышенная или нестабильная самооценка, искажённый образ-Я. – Высокая конфликтность, агрессивность, нетерпимость к мнению других. –Низкий уровень эмпатии и общительности. – Трудности восприятия и понимания других людей.	-Блокировка рефлексии и самопознания –Неспособность к конструктивному диалогу и сотрудничеству, что необходимо для саморазвития в социуме. –Отсутствие внутреннего контроля (внешний локус контроля)
Мотивационно-личностные (направленность личности)	Преобладание потребительских и гедонистических установок –Безразличное отношение к своему будущему, отсутствие перспектив. – Закрытость, отгороженность, недоверие к миру. –Несформированность профессиональной и социальной идентичности.	Отсутствие внутреннего запроса на личностные изменения –Спротивление воспитательным воздействиям. –Неготовность к самовоспитанию как к осознанному процессу.
Коммуникативно-поведенческие	Склонность к агрессивным и насильственным способам разрешения ситуаций. –Вредные привычки, аддиктивное поведение. –Дефицит навыков саморегуляции и самоорганизации.	Невозможность выстраивания здоровых межличностных отношений, необходимых для референтной среды. –Закрепление деструктивных паттернов поведения вместо саморазвития

Данные факторы редко встречаются изолированно – в реальности они образуют взаимосвязанные комплексы, что требует комплексной психолого-педагогической коррекции [4, 5, 6]. Преодоление этих барьеров является первоочередной задачей программ активизации саморазвития в воспитательных колониях.

Психологические барьеры и ресурсы саморазвития. Н.Э. Давыденко выдвинута гипотеза,

что несовершеннолетним осужденным свойственны низкий уровень эмпатии и общительности, нетерпимость к мнению собеседника, высокая конфликтность и агрессивность, трудности в восприятии и понимании других людей. У них нередко отсутствует устойчивая мотивация к будущей жизни, наблюдается безразличное отношение к ней. Вместе с тем, подростки способны к осознанию и критической оценке своих личных качеств. Основ-

ной задачей подготовки является не просто вооружение системой знаний, а развитие способности и готовности жить в современном обществе [7].

Также следует отметить, что подростки склонны к противоправным действиям в состоянии алкогольного опьянения, употребления наркотиков и токсикомании. Несовершеннолетние все чаще оказываются в местах лишения свободы, после чего тяжело адаптируются к нормальной жизни и зачастую попадают снова [8].

Для организации самовоспитания необходимо создание благоприятных условий и наделение несовершеннолетних осужденных инструментами работы над собой [2]. Законодательством РФ создаются предпосылки для самообразования несовершеннолетних подозреваемых и осужденных [2].

Глобальные изменения в уголовно-исполнительной системе, инициированные распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р, направлены на гуманизацию системы и соответствие международным стандартам исполнения наказаний. Это обеспечит эффективную реабилитацию и ресоциализацию осужденных, что особенно важно для тех, кто совершил преступления в юном возрасте. В процессе их адаптации в исправительных учреждениях и будущем взаимодействии с обществом необходимо учитывать, что реформа осуществляется в рамках Концепции социально-экономического развития России до 2020 года (распоряжение от 17 ноября 2008 года № 1662-р), соответствующей статусу России как ведущей мировой державы XXI века [9].

К основным педагогическим особенностям ресоциализации относятся: обучение формам организации свободного времени, построению нравственных отношений, ведению здорового образа жизни, вовлечение в обучение и профессиональное образование [5].

Саморазвитие несовершеннолетних осужденных является необходимым условием их исправления. Успех зависит от создания условий для активизации личностного потенциала и внедрения специализированных программ, интегрирующих образование и психолого-педагогическую поддержку [5]. Формирование готовности к саморазвитию – важнейшая инвестиция в профилактику рецидивной преступности и социальную интеграцию молодежи.

Список литературы:

- [1] Епихина Д.О., Селиверсткіна А.Ю. Peculiarities of education of juvenile convicts: theoretical aspect. 2024. № 9(189). С. 161–170.
- [2] Тищенко Ю.Ю., Рахманкин Е.А., Трофимова Н.Н. Необходимые условия успешной организации самовоспитания несовершеннолетних осужденных // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 266–271.

[3] Психологические механизмы генезиса образования неблагоприятных личностных факторов несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 4. С. 10–12.

[4] Юдакова С.П. Нравственно-психологическая характеристика личности несовершеннолетнего осужденного: социальный анализ и перспективы ресоциализации // Психологические науки. 2024.

[5] Фадеева С.А. Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных: проблемы и стратегии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 9. С. 58–62.

[6] Маришин С.В. Психологические особенности несовершеннолетних преступников, влияющие на их ресоциализацию // Юридическая наука. 2023. № 2.

[7] Давыденко Н.Э. Особенности коммуникативных качеств у несовершеннолетних осужденных, совершивших насильственные преступления // Форум юридической психологии МГППУ. 2024.

[8] Зорина Н.С. Причины и условия повторной преступности несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина // Закон и право. – 2022. – № 3. – С. 168-171.

[9] Маркеева М.В. Социальная реабилитация и адаптация несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии / М.В. Маркеева, И.Г. Кораблева, К.А. Кораблева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 23 (103). – С. 885-888. – URL: <https://moluch.ru/archive/103/23285/> (дата обращения: 04.06.2026).

References:

- [1] Епихина Д.О., Селиверсткіна А.Ю. Peculiarities of education of juvenile convicts: theoretical aspect. 2024. № 9(189). S. 161-170.
- [2] Tishchenko Yu.Yu., Rakhmankin E.A., Trofimova N.N. The necessary conditions for the successful organization of self-education of juvenile convicts // Agrarian and land law. 2024. № 2(230). PP. 266-271.
- [3] Psychological mechanisms of the genesis of the formation of unfavorable personal factors of juvenile convicts // Penal system: law, economics, management. 2025. № 4. S. 10-12.
- [4] Yudakova S.P. Moral and psychological characteristics of the personality of a minor convict: social analysis and prospects for resocialization //

Psychological sciences. 2024.

[5] S.A. Fadeeva. Pedagogical support for juvenile convicts: problems and strategies // Vedomosti of the penal system. 2024. № 9. S. 58-62.

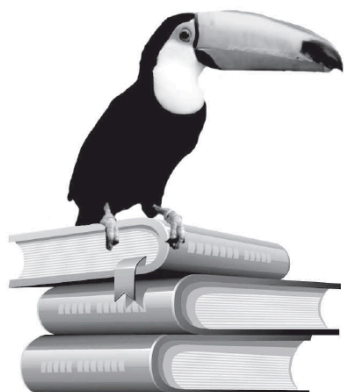
[6] Marishin S.V. Psychological features of juvenile criminals affecting their resocialization // Legal science. 2023. № 2.

[7] Davydenko N.E. Features of communicative qualities in juvenile convicts who have committed violent crimes // Forum of Legal Psychology of

Moscow State Pedagogical University. 2024.

[8] Zorina N.S. Causes and conditions of re-criminality of juvenile convicts/N.S. Zorina // Law and law. – 2022. – № 3. - S. 168-171.

[9] Markeeva M.V. Social rehabilitation and adaptation of juvenile convicts in an educational colony/M.V. Markeeva, I.G. Korableva, K.A. Korableva. - Text: direct // Young scientist. – 2015. – № 23 (103). - S. 885-888. - URL: <https://moluch.ru/archive/103/23285/> (access date: 04.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-637-640

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

КАНУННИКОВ Роман Игоревич,
кандидат психологических наук, доцент Уральского
юридического института МВД России,
e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ МВД РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В последние годы наблюдается тенденция к росту интереса иностранных граждан из дружественных стран ближнего и дальнего зарубежья. Расширение международного сотрудничества и увеличение числа иностранных граждан обусловили актуальность изучения проблемы социокультурной адаптации. Комплексный анализ социокультурной адаптации иностранных граждан в вузах МВД России позволил раскрыть ключевые факторы, влияющие на успешность интеграции: языковые барьеры, различия в культурных нормах, особенности социальной среды, специфика учебно-служебной деятельности, ограниченность в социальных контактах. В статье выявлены основные трудности с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся, такие как недостаточная языковая подготовка, бытовая адаптация, а также необходимость совмещения культурных ценностей иностранных слушателей с требованиями ведомственного обучения. На основе полученных результатов разработана программа, которая может быть использована в работе кураторов, специалистов отделов морально-психологического обеспечения и преподавателей. Применение данной программы будет способствовать повышению эффективности интеграции иностранцев в образовательную и социокультурную среду вузов МВД России.

Ключевые слова: иностранные слушатели, социокультурная адаптация, учебно-служебная деятельность, социальная среда, культурные нормы и ценности, межкультурное взаимодействие.

KANUNNIKOV Roman Igorevich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Ural
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS AT RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS UNIVERSITIES AT THE PRESENT STAGE

Annotation. In recent years, there has been a growing interest among foreign citizens from friendly countries in both the near and far abroad. The expansion of international cooperation and the increasing number of foreign citizens have underscored the relevance of studying the issue of sociocultural adaptation. A comprehensive analysis of the sociocultural adaptation of foreign citizens at the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia has revealed the key factors influencing the success of integration: language barriers, differences in cultural norms, characteristics of the social environment, specifics of educational and service activities, and limited social contacts. The article identifies the main difficulties faced by foreign students, such as insufficient language training, adaptation to everyday life, and the need to reconcile the cultural values of foreign trainees with the requirements of departmental training. Based on the findings, a programme has been developed that can be used by curators, specialists from moral and psychological support departments, and teachers. The implementation of this programme will help improve the effectiveness of integrating foreigners into the educational and sociocultural environment of the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: foreign students, sociocultural adaptation, educational and professional activities, social environment, cultural norms and values, and intercultural interaction.

Интерес иностранных граждан к обучению в вузах МВД России демонстрирует рост. Ключевыми причинами этого являются: во первых - признанное высокое качество ведомственного образования, во вторых - востребованность дипломов вузов МВД России в международном образовательном пространстве, в третьих – возможность изучения передового российского опыта в сфере обеспечения общественной безопасности и борьбы с новыми видами угроз (киберпреступность, новые виды мошенничества, профилактика вовлечения террористическую деятельность и т.д.) [7].

Поступление иностранных граждан в вузы МВД России представляет для них определенно-го рода сложности, заключающиеся в языковых барьерах, специфике учебно-служебной деятельности, культурных различиях. Преодоление этих сложностей возможно лишь в том случае если социокультурная адаптация у иностранных слушателей будет успешной.

Проблемой социокультурной адаптации в вузах МВД России занимались такие ученые как В.А. Белянкина, И.Б. Бантюков, Т.Л. Журавлева, Ю.К. Нимировская Е.В. Филипенко и др.

Так, например Т.Х. Джантеев, под социокультурной адаптацией иностранных обучающихся понимает сложный многоплановый процесс взаимодействия личности с новой социокультурной средой, который включает освоение системы ценностей, норм поведения, традиций, социальных ролей и форм коммуникации [3].

По мнению В.А., Белянкиной, И.Б. Бантюкова обучение в вузе МВД России зачастую рассматривается иностранными гражданами не только с точки зрения получения знаний в своей профессии, но и как возможность приобщения к новой для себя культуре. В связи с этим, через приобщение к культуре можно ускорить процесс адаптации, что несомненно скажется на эффективности выполнения учебно-служебной деятельности иностранными обучающимися. Вместе с тем существуют трудности в социокультурной адаптации иностранных обучающихся в вузах МВД России. Эти трудности, прежде всего заключаются в наличии языкового барьера, специфике учебно-служебной деятельности вуза, системе ценностей и социально-бытовых проблемах [1].

Слабое знание русского языка, очень часто приводит к тому, что иностранным слушателям взаимодействовать с окружающими, усваивать научные термины и понятия. В межкультурной коммуникации могут проявляться сложившиеся стереотипы, которые создают коммуникативные барьеры. Следует учитывать и невербальную сторону общения, так как одни и те же жесты в разных культурах, воспринимаются по разному [4].

В вузах МВД России существует четкий распорядок дня, который регулируется уставом образовательного учреждения. Плюс ко всему иностранные обучающиеся в вузах МВД России проживают в общежитии, где также существует жесткий график. Особенно трудно привыкать к такой обстановке приходится возрастным иностранным обучающимся.

Привыкание к непривычной для иностранных слушателей пище, становится для них испытанием. Питание в столовых при вузах МВД России ориентируется на национальные особенности питания. Вместе с тем следует учитывать и климатические особенности, которые могут выступить дополнительным стресс фактором, для иностранных обучающихся из южных стран. Все это может отрицательно сказываться на социокультурной адаптации.

Жесткий распорядок учебно-служебной деятельности оставляет мало время на личные дела, общение с близкими и родными. Ситуация усугубляется еще и тем, что многие зарубежные мессенджеры ограничены или запрещены в России, в результате чего коммуникация может нарушаться.

Традиционные лекции часто дополняют активными и интерактивными формами: деловыми и ролевыми играми, кейс-методом (анализ реальных ситуаций из практики), моделированием оперативных ситуаций, тренингами (например, по юридической психологии – для отработки навыков общения и разрешения конфликтов) к чему не всегда оказываются готовы иностранные слушатели.

Как считают А.Н. Смирнова, Л.А Тихомирова ценности вуза МВД России – это не просто абстрактные принципы, а основа организационной культуры, которая напрямую влияет на воспитание курсантов и подготовку будущих сотрудников правоохранительных органов. Они формируются целенаправленно через учебный процесс, воспитательную работу и традиции учебного заведения. Следует отметить, что формируются прежде всего профессиональные и духовно-нравственные ценности, представление о которых у иностранных слушателей может отличаться и они могут внутри себя с ними не соглашаться, при внешнем подчинении. Все это негативно отражается на процессе социокультурной адаптации [5].

Адаптационная программа для иностранных слушателей вузов МВД России с учётом социокультурного критерия должна быть комплексной, поэтапной и межведомственной (с участием преподавателей, командиров подразделений, психологов, кураторов-старшекурсников) [6].

Такая программа должны состоять из следующих блоков:

Блок 1. Диагностический и подготовительный

этап (до прибытия и первые дни)

Цель: выявить индивидуальные риски адаптации и сформировать стартовую поддержку.

Анкетирование до приезда. Сбор данных о стране происхождения, уровне владения русским языком, предыдущем опыте службы/обучения, религиозных и культурных особенностях, возможных ограничениях (например, пищевые предпочтения, требования к одежде). Куратор должен назначаться до приезда группы иностранных обучающихся, для того чтобы он прошел курс занятий по особенностям культуры, тех стран, откуда будут поступающие. После прибытия через 10 дней необходимо провести первичную диагностику социокультурной адаптации, с целью понимания проблем, которые могут возникнуть в процессе социокультурной адаптации.

Блок 2. Создание благоприятного социально-психологического климата.

Цель блока состоит в создании необходимых условий для вхождения в социокультурное пространство.

В программу входят: занятия по русскому языку, направленные на изучение речевых шаблонов. Моделирование наиболее часто встречающихся ситуаций в процессе выполнения учебно-служебной деятельности с целью отработки коммуникативных навыков, полученных в процессе изучения теоретического материала.

Заселение в общежитие в комнаты с носителями русского языка.

Индивидуальные консультации психолога 1 раз в 2 недели в первый семестр; экстренная психологическая помощь по запросу.

Групповые тренинги командообразования (1 раз в месяц): упражнения на доверие, распределение ролей, совместное решение задач, управление конфликтами.

Программа наставничества «Старший курсант — младший»: закрепление за каждым иностранным слушателем наставника из числа русскоязычных старшекурсников для неформальной поддержки. Группы взаимопомощи для иностранных слушателей: пространство для обсуждения трудностей без страха осуждения. Должны проводиться беседы о толерантности, правилах уважительного общения, механизмах подачи жалоб [2].

Блок 4. Учебно-служебная адаптация

Цель: помочь слушателю освоить специфику обучения и службы в вузе МВД России.

Разъяснение учебного плана и расписания: как устроены лекции, семинары, практические занятия, зачёты и экзамены;

Тренинг «Как учиться в вузе МВД России»: навыки конспектирования, работы с правовыми базами, подготовки докладов и рефератов, напи-

сания рапортов. Практика строевой и физической подготовки в щадящем режиме с индивидуальным контролем нагрузки. Разбор типовых ошибок в служебной документации и устной отчётности с примерами и шаблонами.

Блок 5. Социально-бытовая адаптация

Цель: обеспечить благоприятную среду проживания для иностранных обучающихся. Знакомство иностранных слушателей с правилами проживания. Для этого необходимо разработать и раздать им памятки по проживанию в общежитии. Иностранцев слушателей уже с первых дней нужно вовлекать в спортивные секции, творческие проекты и т.д. Важно организовывать и досуг иностранных обучающихся с посещением местных достопримечательностей с целью более глубокого проникновения в отечественную культуру (посещение музеев, храмов, выставок, театров).

Для оценки эффективности программы должен проводиться мониторинг. На основе мониторинга делается оценка и последующая корректировка программы.

Основу такого мониторинга должны составлять индивидуальные беседы и анкеты, позволяющие оценить уровень социокультурной адаптации. На основе анализа полученных данных можно не только откорректировать программу, но и составить индивидуальную траекторию социокультурной адаптации.

Таким образом, социокультурная адаптация иностранных граждан обучающихся в вузах МВД России нуждается в совершенствовании программ, направленных на адаптацию к учебно-служебной деятельности. Внедрение предложенной программы будет способствовать повышению уровня социокультурной адаптации иностранных слушателей в вузах МВД России.

Список литературы:

- [1] Белянкина В. А., Бантюков И. Б. Российский девиантологический журнал Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России. – 2024. – 4 (4). С. 557–575.
- [2] Журавлева Т.Л., Нимировская Ю.К., Филипенко Е.В. Совместная работа куратора и наставников с иностранными слушателями в период адаптации // Образование и право. – № 7. – 2022. – С.181–184.
- [3] Джантеев Т.Х. Социокультурная адаптация иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России (на примере Академии управления МВД России) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (77). – С.156–162.

[4] Иванова А.М., Новикова Ю.А., Михалев В.Н., Коноплин Н.Ю. Особенности социально-психологической адаптации иностранных обучающихся в образовательных организациях МВД России // Человеческий капитал. – 2021, № 12(156). Т 1. – С. 150–157.

[5] Смирнова А.Н. Тихомирова Л.А. Педагогическое сопровождение в вопросах социокультурной и академической адаптации иностранных курсантов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 1 (32). – URL: [object Object] (Дата обращения 03.04.2026).

[6] Чигиринова Д. В. Программы социокультурной адаптации иностранных обучающихся в российских университетах // Актуальные исследования. – 2024. – № 23(205). Ч.1. – С.75–78. URL: <https://apni.ru/article/9549-programmy-sociokulturnoj-adaptacii-inostrannyh-obuchayushih-sya-v-rossijskih-universitetah>.

[7] Нимировская Ю.К., Витольник Г.А. Предикторы адаптации иностранных слушателей первокурсников к учебной деятельности в образовательной организации МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 1(191). – С.275–279.

References:

[1] Belyankina V. A., Bantyukov I. B. Russian deviantological journal Sociocultural and psychological features of adaptation of foreign students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – 4 (4). S. 557-575.

[2] Zhuravleva T.L., Nimirovskaya Yu.K.,

Filipenko E.V. Joint work of the curator and mentors with foreign students during the adaptation period // Education and law. – № 7. – 2022. - P.181-184.

[3] Dzhanteev T.Kh. Sociocultural adaptation of foreign students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia (on the example of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (77). - P.156-162.

[4] Ivanova A.M., Novikova Yu.A., Mikhalev V.N., Konoplin N.Yu. Features of social and psychological adaptation of foreign students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Human capital. – 2021, № 12(156). Т 1. - S. 150-157.

[5] Smirnova A.N. Tikhomirova L.A. Pedagogical support in matters of sociocultural and academic adaptation of foreign cadets // International Research Journal. – 2015. – № 1 (32). - URL: [object Object] (Date of access 03.04.2026).

[6] D.V. Chigirinova. Programs of sociocultural adaptation of foreign students at Russian universities // Actual research. – 2024. – № 23(205). Ch.1. - S.75-78. URL: <https://apni.ru/article/9549-programmy-sociokulturnoj-adaptacii-inostrannyh-obuchayushih-sya-v-rossijskih-universitetah>.

[7] Nimirovskaya Yu.K., Vitolnik G.A. Predictors of the adaptation of foreign students of freshmen to educational activities in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. – 2021. – № 1(191). - P.275-279.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928, ORCID: 0000
0003 2233 0230,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМАТИКИ МОРАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ К РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Значимость и актуальность проблемного вопроса содержания аспектов педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления не теряют своего значения. Методическим ключом к разрешению данного вопроса является анализ профессиональных условий деятельности пенитенциарных работников, актуализирующих проявление их моральных качеств. Отметим, что профессиональные условия деятельности пенитенциарных работников проверяют их на предмет характера проявления моральных (нравственных) качеств посредством актуализации всеразличных факторов психогенного риска, которые существуют в служебной деятельности работников, не снимая тем не менее с них моральной ответственности по выполнению профессиональных обязанностей.

Пенитенциарные исследователи проблемного вопроса педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления определяют, что моральная готовность работников предусматривает ряд характеристик, которые касаются психических функций, поведения и духовно-нравственного, профессионального воспитания, развития личности в пенитенциарной системе. Возможность анализа результатов проводимой работы по духовно-нравственному и профессиональному воспитанию и развитию личности в пенитенциарной системе по итогам 2024 года, установил, что данная работа проводится во всех территориальных органах и образовательных организациях уголовно-исполнительной работы.

Гипотезой статьи выступает предположение о том, что исследование передового практического опыта и теории вопроса формирования моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления способствует успешности воспитательной работы с рассматриваемой категорией осужденных.

Цель статьи – раскрытие содержания аспектов педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления.

Задачи статьи являются изучение практических аспектов работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления, а также изучение педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к воспитательной работе с осужденными рассматриваемой категории.

Методами и методиками статьи определяются: анализ практики реализации и функционирования работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации рассматриваемой воспитательной работы; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового зарубежного опыта в области воспитательной работы с осужденными рассматриваемой категории.

Результатами исследования стали: определение основных аспектов содержания педагогических исследований, а также прикладных аспектов формирования моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления.

Ключевые слова: содержание аспектов; педагогические исследования; моральная готовность; пенитенциарные работники; воспитательная работа; осужденные за террористические преступления; пенитенциарные работники; пенитенциарное учреждение.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SUBSTANTIVE ASPECTS OF PEDAGOGICAL RESEARCH ON THE ISSUE OF MORAL READINESS OF PENITENTIARY WORKERS TO WORK WITH THOSE CONVICTED OF TERRORIST CRIMES

Annotation. The importance and relevance of the problematic issue of the content of pedagogical research on the moral readiness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes remains significant. The methodological key to resolving this issue is an analysis of the professional conditions of penitentiary workers' work, which actualize the manifestation of their moral qualities. It should be noted that the professional conditions of penitentiary workers' work test them for the nature of their moral (ethical) qualities by highlighting the various psychogenic risk factors that exist in their work, without, however, absolving them of their moral responsibility to fulfill their professional duties.

Penitentiary researchers studying the problematic issue of pedagogical research on the moral readiness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes determine that moral readiness of workers includes a number of characteristics related to mental functions, behavior, spiritual and moral education, professional development, and personal development in the penitentiary system. The analysis of the results of ongoing work on spiritual, moral, and professional education and personal development in the penitentiary system by the end of 2024 revealed that this work is being conducted in all territorial bodies and educational institutions of penal correction.

The hypothesis of this article is that research into best practices and theory on developing the moral preparedness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes contributes to the success of educational work with this category of prisoners.

The purpose of this article is to reveal the content of pedagogical research on the moral preparedness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes.

The objectives of this article are to examine the practical aspects of work on developing the moral preparedness of penitentiary workers to work with those convicted of terrorist crimes, as well as to examine pedagogical research on the moral preparedness of penitentiary workers to provide educational work with prisoners of this category. The article's methods and techniques are defined by: an analysis of the implementation and functioning of work to develop the moral preparedness of penitentiary staff to work with those convicted of terrorist offenses; the definition of the basic principles, methods, and techniques used in the implementation of this educational work; an analysis and synthesis of new developments and innovative approaches, as well as advanced international experience in the field of educational work with prisoners in this category.

The results of the study include: a definition of the main aspects of the content of pedagogical research, as well as applied aspects of developing the moral preparedness of penitentiary staff to work with those convicted of terrorist offenses.

Key words: content of aspects; pedagogical research; moral readiness; penitentiary workers; educational work; persons convicted of terrorist crimes; penitentiary workers; penitentiary institution.

Введение.

Раскрытие содержания аспектов педагогических исследований проблематики моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления определяется, прежде всего, посредством анализа профессиональных условий деятельности этих работников, определяющих проявление их мо-

ральных качеств [2, с. 117; 3, с. 112; 4, с. 175].

Профессиональные условия деятельности работников федеральной службы исполнения наказаний каждый день испытывают их моральные (нравственные) качества. При этом, те экстремальные факторы психогенного риска, которые существуют в служебной деятельности работников федеральной службы исполнения наказаний,

не дают им морального права на освобождение от выполнения профессиональных обязанностей [5, с 593; 7, с. 39; 8, с. 143].

Целью статьи – раскрытие содержания аспектов педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления.

Задачи статьи – это изучение практических аспектов работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления,

изучение педагогических исследований моральной готовности пенитенциарных работников к воспитательной работе с осужденными рассматриваемой категории.

Методами и методиками работы выступили: анализ практики реализации и функционирования работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления; определение основных принципов, методов и методик, применяемых при реализации рассматриваемой воспитательной работы; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового зарубежного опыта в области воспитательной работы с осужденными рассматриваемой категории.

Результаты исследования.

По мнению педагогов-исследователей рассматриваемого вопроса, моральная готовность работников предусматривает ряд характеристик, которые касаются психических функций, поведения и духовно-нравственного, профессионального воспитания, развития личности в пенитенциарной системе, а в частности:

выполнение работниками в любых условиях требований служебного, профессионального и патриотического долга;

преследование цели в любых жизненных ситуациях победы справедливости и добра для блага нашего Отечества;

ориентирование и знание моральных ценностей (норм). Убежденности в необходимости следования им в личном поведении, а также во всех сложных и экстремальных профессиональных условиях;

понимание и оценка жизни, достоинства и здоровья каждого человека, как самой высокой моральной (нравственной) ценности;

нацеленность на выполнение профессиональных задач на реализацию моральных задач, не только деловых, но и вопросов, связанных с выполнением именно моральных задач;

формирование и развитие именно привычки выполнять профессиональные задачи на высоком исполнительском и моральном уровне, не по при-

чине внешностного контроля, но и по причине внутренней моральной потребности. То есть доведение функционирования моральной готовности до уровня автоматизма (привычки); способность к проявлению высокой морально-психологической устойчивости в той ситуации, когда социальная ситуация вокруг профессиональной деятельности работника ФСИН России диктует условия, подталкивающие к нарушению дисциплины; обладание высокой морально-психологической устойчивостью при действии факторов, подталкивающих к игнорированию моральных (нравственных) норм поведения [1, с 75; 6, с. 62].

Результаты исследования состояния духовно-нравственного и профессионального воспитания и развития личности в пенитенциарной системе по итогам 2024 года, проведенного во всех территориальных органах (далее – ТО) и образовательных организациях (далее – ОО), представленные в рисунке 1 показывает, что количество проведенных мероприятий по итогам 2024 года составляет 78240, из которых:

Рисунок 1. Общее кол-во воспитательных мероприятий, проведенных по итогам 2024 года с работниками ТО ФСИН России

профессионально-ориентированные мероприятия (ТО – 17%, ОО – 11%);
правовые мероприятия (ТО – 13%, ОО – 9%);
государственно-политические мероприятия (ТО – 14%, ОО – 9%);
патриотические мероприятия (ТО – 18%, ОО – 18%);
духовно-нравственные мероприятия (ТО – 13%, ОО – 9%);
физические мероприятия (ТО – 15%, ОО – 13%);
эстетические мероприятия (ТО – 10%, ОО – 31%).

Так представлены результаты исследования состояния духовно-нравственного и профессионального воспитания и развития личности в пенитенциарной системе по итогам 2024 года, проведенного во всех территориальных органах уголовно-исполнительной системы.

Заключение.

Осуществив анализ, таким образом, содержательные аспекты педагогических исследований проблематики моральной готовности пенитенциарных работников к работе с осужденными за террористические преступления, нами определен ряд выводов.

Актуальные условия профессиональной деятельности работников федеральной службы исполнения наказаний в виде экстремальных факторов психогенного риска каждый день испытывают их моральные (нравственные) качества. Про-

веденные ведомственные исследования изучаемого вопроса моральной готовности работников определяют, что моральная готовность работников предусматривает ряд характеристик, которые касаются психических функций, поведения и духовно-нравственного, профессионального воспитания, развития личности в пенитенциарной системе.

Анализ результатов проводимой работы по духовно-нравственному и профессиональному воспитанию и развитию личности в пенитенциарной системе по итогам 2024 года, установил, что данная работа проводится во всех территориальных органах и образовательных организациях уголовно-исполнительной работы.

Список литературы:

[1] Борсученко С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 74-79.

[2] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[3] Давыдова Н.В. Значение религиозно-нравственного воспитания как противодействия криминальной и экстремистской оппозиции в местах лишения свободы // Право и образование. – 2019. – № 2. – С. 111-116.

[4] Дутова О.В. Маркеев С.П. Инновационные технологии коррекционной работы как фактор преодоления неблагополучия несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Проблемы социальной психологии и социальной работы // Материалы XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 173-174.

[5] Казберов П.Н. Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[6] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адво-

катура. 2019. № 2(39). С. 60-64.

[7] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 38-41.

[8] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

References:

[1] Borsuchenko S.A. Re-socialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation // Legal Bulletin of Samara University. 2018. VOL. 4, NO. 2. S. 74-79.

[2] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for Modern Educational Technologies, 2011. 234 pp.

[3] Davydova N.V. The importance of religious and moral education as a counteraction to criminal and extremist opposition in places of deprivation of liberty // Law and education. – 2019. – № 2. – S. 111-116.

[4] Dutova O.V. Markeev S.P. Innovative technologies of correctional work as a factor in overcoming the disadvantage of minors in difficult life situations // Problems of social psychology and social work // Materials of the XVIII All-Russian Parygin Scientific and Practical Conference with international participation, St. Petersburg, April 14, 2023. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. - S. 173-174.

[5] Kazberov P.N. Educational work as the main means of correctional influence on convicts: principles, methods, forms // Education and law. – 2025. – № 5. - S. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[6] Krainova N.A. Correction of the convict: the purpose or function of criminal punishment (to the question of the essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. № 2(39). S. 60-64.

[7] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and educational environment as a means of preventing criminal subculture in places of deprivation of liberty // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. № 4(36). S. 38-41.

[8] Tikhomirov Yu.A. Course of Comparative Law. M.: NORMA, 1996. 432 p.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-645-648

Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

**ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ
КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трудового воспитания несовершеннолетних осужденных как фактора их успешной ресоциализации в педагогическом процессе пенитенциарных учреждений. На основе анализа научно-практических положений, уголовно-исполнительного законодательства и эмпирических данных обосновывается ключевая роль трудовой деятельности в формировании у несовершеннолетних правонарушителей социально значимых качеств, профессиональных навыков и правопослушного поведения. Необходимым условием успешной ресоциализации является освоение несовершеннолетними основных социальных функций, что требует от исправительных учреждений не только расширения образовательных возможностей, но и предоставления целенаправленной психологической поддержки, социально-педагогической помощи, а также применения индивидуально ориентированных подходов к каждому осужденному. Обосновывается необходимость реформирования системы трудового воспитания с учетом современных требований рынка труда и психолого-педагогических особенностей несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, ФСИН России, трудовое воспитание, трудовая адаптация, ресоциализация, уголовно-исполнительная система.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

**LABOR EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS AS A FACTOR
IN THEIR SUCCESSFUL RESOCIALIZATION**

Annotation. The article examines the features of labor education of juvenile convicts as a factor of their successful resocialization in the pedagogical process of penitentiary institutions. Based on the analysis of scientific and practical provisions, criminal and executive legislation, and empirical data, the article substantiates the key role of labor activity in the formation of socially significant qualities, professional skills, and law-abiding behavior in juvenile offenders. A prerequisite for successful resocialization is the mastery of basic social functions by minors, which requires correctional institutions not only to expand educational opportunities, but also to provide targeted psychological support, social and pedagogical assistance, as well as to apply individually oriented approaches to each convict. The necessity of reforming the system of labor education is substantiated, taking into account the modern requirements of the labor market and the psychological and pedagogical characteristics of juvenile convicts.

Key words: juvenile convicts, educational colony, Federal Penitentiary Service of Russia, labor education, labor adaptation, resocialization, penal system.

Проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных является одной из наиболее актуальных задач современной уголовно-исполнительной системы России. Уголовно-исполнительная система (УИС) России является ключевым институтом, реализующим государственную политику в сфере исполнения наказаний и исправления осужденных. Среди приоритетных задач УИС — создание условий для успешной ресоциализации лиц, отбывших наказание, что особенно значимо для несовершеннолетних правонарушителей. Ежегодно из воспитательных колоний освобождаются сотни подростков, перед которыми стоит сложная задача возвращения к полноценной жизни в обществе. Успешность этого процесса во многом определяется качеством воспитательной работы, проводимой в период отбывания наказания. Среди основных средств исправления осужденных, закрепленных в статье 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [1], особое место занимает общественно полезный труд.

Трудовое воспитание несовершеннолетних осужденных представляет собой целенаправленный педагогический процесс, ориентированный на развитие у подростков трудовых навыков, приобретение профессии для последующего трудоустройства, а также формирование ответственного отношения к труду как к социально значимой ценности. В условиях изоляции от общества трудовая деятельность приобретает особое значение, выступая не только как средство исправления, но и как важнейший фактор подготовки к самостоятельной жизни после освобождения.

Согласно статье 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных [1]. Приказ Министерства юстиции РФ от 24 марта 2020 г. N 59 "Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации" конкретизируют механизмы привлечения несовершеннолетних к труду и получения ими профессий.

Ресоциализация осужденных представляет собой целенаправленный процесс возвращения или приобретения способности к существованию в обществе при соблюдении правовых норм и правил человеческого общежития. В отличие от социализации как процесса усвоения социальных норм в обычных условиях, ресоциализация предполагает восстановление утраченных или деформированных социальных связей и ценностных ориентаций [2].

Применительно к несовершеннолетним

осужденным ресоциализация имеет особую значимость в силу возрастных особенностей данной категории. Подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования личности, и именно в это время закладываются базовые социальные установки, ценностные ориентации и модели поведения. Прерывание естественного процесса социализации вследствие изоляции от общества может привести к устойчивым деформациям личности, если не будет компенсировано целенаправленной воспитательной работой [3].

Несомненно, вовлечение несовершеннолетних осужденных в трудовую деятельность в рамках исправительных учреждений (далее ИУ) имеет множество положительных аспектов. Помимо предоставления им возможности освоить востребованную специальность и улучшить свои профессиональные навыки, что является основополагающим фактором успешной социализации после освобождения, такая деятельность также способствует возмещению ущерба, причиненного пострадавшим [4].

Трудовая деятельность несовершеннолетних организуется в центрах трудовой адаптации осужденных, которые создаются при каждой колонии. Основные виды деятельности включают деревообработку, металлообработку, швейное производство, сельскохозяйственные работы, ремонт техники. Однако перечень профессий, по которым ведётся обучение, ограничен (около 15–20 наименований) и не включает востребованные цифровые и сервисные специальности [5].

Согласно российскому законодательству, общественно полезный труд — одно из основных средств исправления, его роль состоит в простейшей форме организации и занятости осужденных. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» — регулирует процесс ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация. В законе определены критерии и методика оценки индивидуальной нуждемости в ресоциализации, а также порядок подготовки индивидуальной программы [6]. Цель внедрения трудовой адаптации с несовершеннолетними осужденными заключается в оказании помощи подросткам и возвращении их к полноценной жизни в обществе и снизить риск повторного возвращения к преступной деятельности [7].

Несомненно, стоит сказать, что существует ряд проблемных аспектов в организации трудового воспитания несовершеннолетних осужденных [3]:

Отсутствие индивидуализированного подхода при подборе рода занятий для лиц, не достигших совершеннолетия. Подростки часто направ-

ляются на работы без учета их индивидуальных склонностей, способностей и интересов.

Невозможность получения навыков, связанных с современными профессиями. Производственная база многих воспитательных колоний устарела, а перечень профессий, которым обучаются воспитанники, не соответствует потребностям современного рынка труда.

Низкий размер заработной платы, не позволяющий использовать ее в качестве стимулирующего дополнения. Это снижает мотивацию к труду и не формирует у подростков понимания связи между трудовыми усилиями и материальным вознаграждением.

Недостаточная интеграция трудового воспитания с другими направлениями воспитательной работы. Трудовое воспитание зачастую существует изолированно от нравственного, правового и эстетического воспитания, что снижает его комплексное воздействие на личность [5].

Кроме того, как отмечается в научной литературе, текущее состояние системы трудового воспитания практически не претерпело изменений, тогда как общество и рынок труда стремительно трансформируются. Традиционные подходы к трудовому воспитанию в местах лишения свободы, ориентированные преимущественно на выполнение низкоквалифицированных работ внутри исправительных учреждений, теряют свою эффективность в условиях быстро меняющегося рынка труда [5].

С учётом выявленных проблем и современного развития УИС предлагаются следующие меры:

Модернизация производственной инфраструктуры — создание современных учебно-производственных центров на базе воспитательных колоний с привлечением внебюджетных источников (в том числе в рамках государственно-частного партнёрства). Целесообразно ориентироваться на профессии, востребованные в регионе (например, операторы станков с ЧПУ, специалисты по ремонту бытовой техники, логисты) [8].

Пересмотр программ профессионального обучения — их актуализация в соответствии с профессиональными стандартами и региональными прогнозами кадровой потребности. Ввести обязательную профориентационную диагностику для каждого воспитанника и формировать индивидуальные учебные планы [9].

Повышение качества кадрового состава — введение дополнительного стимулирования мастеров и педагогов, прошедших повышение квалификации в области пенитенциарной педагогики и современных производственных технологий. Расширение штата психологов и социальных работ-

ников для индивидуальной работы [3].

Развитие системы постпенитенциарного сопровождения — закрепление за каждым освобождающимся несовершеннолетним социального наставника из числа сотрудников УИС, общественных работников или волонтеров. Заключение предварительных договоров с работодателями о стажировках и трудоустройстве [10].

Внедрение цифровых инструментов — использование дистанционных форм профориентации, онлайн-ярмарок вакансий, электронных портфолио воспитанников, которые могут быть доступны потенциальным работодателям после освобождения [5].

Таким образом, из вышесказанного, можно сделать вывод УИС является основным субъектом реализации трудового воспитания несовершеннолетних осуждённых. Именно в воспитательных колониях закладываются основы профессиональной идентичности и трудовой этики подростков, которые впоследствии определяют их социальную траекторию. Однако современное состояние трудового воспитания в УИС характеризуется рядом системных проблем, снижающих его эффективность как фактора ресоциализации.

Для повышения этой эффективности необходимо комплексное реформирование: обновление материальной базы, пересмотр образовательных программ, укрепление кадрового потенциала, развитие постпенитенциарного сопровождения и цифровизация процессов. Эти изменения должны осуществляться в рамках стратегических документов развития УИС при активном участии всех заинтересованных ведомств и институтов гражданского общества.

Только в этом случае труд в воспитательных колониях перестанет быть формальной обязанностью и станет реальным инструментом подготовки несовершеннолетних к самостоятельной законопослушной жизни, что является конечной целью деятельности всей уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.

[2] Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: [Приказ Министерства юстиции РФ от 24 марта 2020 г. N 59]. — [http: КонсультантПлюс](http://КонсультантПлюс).

[3] Новиков В.А. Профессиональные ценности и предпочтения несовершеннолетних воспитанников колонии как объект педагогических воздействий // Московский педагогический журнал. — 2022. — № 5. — С. 112–120.

[4] Кузнецова И.А. Трудовое воспитание несовершеннолетних осужденных как фактор их успешной ресоциализации в педагогическом процессе // Современное научное знание: теория и практика: 7 Лужские научные чтения / отв. редактор Т.В. Седлецкая. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 102-105.

[5] Борченко В.А., Рафикова Э.Р. Проблемные аспекты привлечения к труду несовершеннолетних осуждённых // Трибуна молодого учёного. — 2024. — № 2. — С. 42–49.

[6] Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Консультант Плюс.

[7] Радченко, Е. П. Эффективность процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание, посредством трудовой адаптации / Е. П. Радченко, Н. С. Зорина // Международный научный вестник. — 2026. — № 3. — С. 194-198.

[8] Бармашов И.И., Бармашов В.И. Совершенствование трудовой адаптации осуждённых в целях повышения уровня эффективности их ресоциализации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2023. — № 5. — С. 12–19.

[9] Егоров А.Ю. Трудовое воспитание несовершеннолетних осуждённых как фактор их успешной ресоциализации // Гаудеамус. — 2025. — Т. 24. — № 1. — С. 71–81.

[10] Юндина В.С., Гармаев Ю.П. Социальная адаптация несовершеннолетних осуждённых как отдельный вид постпенитенциарной ресоциализации // Пенитенциарная наука. — 2024. — № 3. — С. 55–62.

References:

[1] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian

Federation. — 1997. — № 2. - Art. 198.

[2] On approval of the Procedure for organizing vocational training and secondary vocational education of persons sentenced to imprisonment and serving sentences in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation [Electronic resource]: [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of March 24, 2020 N 59]. - [http: ConsultantPlus](http://ConsultantPlus).

[3] Novikov V.A. Professional values and preferences of underage inmates of the colony as an object of pedagogical influences // Moscow Pedagogical Journal. — 2022. — № 5. - S. 112-120.

[4] Kuznetsova I.A. Labor education of juvenile convicts as a factor in their successful re-socialization in the pedagogical process // Modern scientific knowledge: theory and practice: 7 Luga scientific readings/rev. editor T.V. Sedletsкая. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2019. S. 102-105.

[5] Borchenko V.A., Rafikova E.R. Problematic aspects of attracting juvenile convicts to work // Tribune of a young scientist. — 2024. — № 2. - S. 42-49.

[6] Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" // Consultant Plus.

[7] Radchenko, E.P. Effectiveness of the process of resocialization of minors serving sentences through labor adaptation/E.P. Radchenko, N.S. Zorina // International Scientific Bulletin. — 2026. — № 3. - S. 194-198.

[8] Barmashov I.I., Barmashov V.I. Improving the labor adaptation of convicts in order to increase the level of efficiency of their re-socialization // Vedomosti of the penal system. — 2023. — № 5. - S. 12-19.

[9] Egorov A.Yu. Labor education of juvenile convicts as a factor in their successful re-socialization // Gaudeamus. — 2025. - T. 24. — № 1. - S. 71-81.

[10] Yundina V.S., Garmaev Yu.P. Social adaptation of juvenile convicts as a separate type of post-penitential resocialization // Penitentiary science. — 2024. — № 3. - S. 55-62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-649-653

Дата принятия рукописи в печать: 30.08.2026 г.

ВОЛКОВА Екатерина Александровна,
соискатель ученой степени кандидата наук Президент
Ассоциации креативных индустрий и инновационного
предпринимательства,
e-mail: plg52@mail.ru

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КВАЛИФИКАЦИИ НАСТАВНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правового регулирования независимой оценки квалификации (далее - НОК) наставников в контексте новейших изменений трудового законодательства Российской Федерации. Центральное внимание уделено правовым последствиям введения в Трудовой кодекс РФ статьи 351.8 (ФЗ от 09.11.2024 № 381-ФЗ), легализовавшей наставничество в сфере труда как отдельный институт с особым режимом регулирования. Выявляется сохраняющаяся системная коллизия между добровольным характером НОК и правом работодателя на установление ее обязательности. На основе анализа норм права, судебной практики и проекта Концепции развития наставничества до 2030 года доказываемая ключевая роль разрабатываемого профессионального стандарта «Наставник» как необходимого элемента для устранения правовой неопределённости и гармонизации публичных и частных интересов. В заключение формулируются практические рекомендации по минимизации правовых рисков в сфере оценки квалификации наставников.

Ключевые слова: наставничество, независимая оценка квалификации, профессиональный стандарт, трудовой договор, трудовое право.

VOLKOVA Ekaterina Aleksandrovna,
Candidate of Science degree candidate of Sciences, President
of the Association of Creative Industries and Innovative
Entrepreneurship

INDEPENDENT ASSESSMENT OF MENTORS' QUALIFICATIONS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN THE LABOR LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of independent qualification assessment (hereinafter referred to as NQA) for mentors in the context of the latest changes in the Russian Federation's labor legislation. The focus is on the legal implications of introducing Article 351.8 into the Labor Code of the Russian Federation (Federal Law No. 382-FZ dated November 9, 2024), which legalized mentoring in the field of labor as a separate institution with a specific regulatory regime. The article highlights the ongoing systemic conflict between the voluntary nature of NQA and the employer's right to make it mandatory. Based on the analysis of legal norms, judicial practice, and the draft Concept for the Development of Mentoring until 2030, the paper proves the key role of the draft professional standard "Mentor" as a necessary element for eliminating legal uncertainty and harmonizing public and private interests. In conclusion, the paper provides practical recommendations for minimizing legal risks in the field of assessing the qualifications of mentors.

Key words: mentoring, independent qualification assessment, professional standard, employment contract, labor law.

Введение

Наставничество является важным инструментом профессионального обучения и адаптации кадров, способствуя передаче знаний, навыков и корпоративного опыта от опытных специалистов к новым сотрудникам. Как точно отмечено Елисеевой Е.Ю., «система наставничества весьма актуальна в профессиональном становлении. Она эффективно передает знания и опыт, развивает навыки, повышает мотивацию и вовлеченность сотрудников, улучшает командную работу и сохраняет знания в той или иной организации» [1]. Однако в Российской Федерации правовое регулирование наставничества остается фрагментарным, что создает значительные сложности для работодателей, наставников и работников.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого профессионального стандарта «Наставник», что приводит к правовой неопределенности при проведении независимой оценки квалификации и регулировании трудовых отношений. Несмотря на наличие смежных нормативных актов, многие вопросы остаются неурегулированными.

Целью данной статьи является анализ правовых основ независимой оценки квалификации наставников в Российской Федерации, включая нормативное регулирование и профессиональные стандарты.

Методологическую основу исследования составляют методы системного анализа, сравнительно-правового и формально-юридического подходов, а также изучение судебных решений, связанных с независимой оценкой квалификации.

Научная новизна заключается в комплексном анализе современных правовых тенденций в сфере наставничества, включая последние изменения законодательства, а также в предложении мер по совершенствованию регулирования НОК для наставников.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы работодателями, HR-специалистами, юристами и законодателями для формирования единых стандартов наставничества, минимизации трудовых споров и повышения эффективности кадровой политики.

Структура статьи включает анализ нормативной базы, судебной практики, проблемных аспектов внедрения НОК и рекомендаций по совершенствованию правового регулирования наставничества в России.

Материалы и методы исследования.

В процессе подготовки данной научной статьи были использованы нормативно-правовые акты, такие как Трудовой кодекс РФ (ст. 197, 195.3,

196, 351.8); Федеральный закон № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации»; Концепция развития наставничества до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ № 1264-р); Профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом» (приказ Минтруда № 109н). Анализ решений судов общей юрисдикции по трудовым спорам, связанным с независимой оценкой квалификации (например, Определение Второго кассационного суда по делу № 88-17138/2021).

Основные результаты исследования

Наставничество играет ключевую роль в профессиональном обучении и адаптации сотрудников. В России наставничество регулируется трудовым законодательством, образовательными нормами и отраслевыми стандартами. Однако отсутствие единого профессионального стандарта для наставников создает правовые пробелы, которые частично компенсируются смежными документами.

С 1 марта 2025 года наставничество в сфере труда получило легальное определение в трудовом законодательстве в связи с введением в Трудовой Кодекс РФ отдельной статьи 351.8 «Особенности регулирования труда работников» [5]. Согласно указанной статье, наставничество понимается как «выполнение работником на основании его письменного согласия по поручению работодателя работы по оказанию другому работнику помощи в овладении навыками работы на производстве и (или) рабочем месте по полученной (получаемой) другим работником профессии (специальности)». Данная дефиниция закрепляет ключевые признаки наставничества: 1) оно осуществляется в рамках трудовых отношений; 2) требует письменного согласия работника; 3) носит целевой характер (помощь в овладении навыками); 4) является поручением работодателя. Это определение снимает часть ранее существовавшей правовой неопределенности и четко обозначает наставничество как особый вид трудовой функции, требующий специального регулирования.

Если до введения новой статьи в ТК РФ наставничество могло существовать как в формальной, так и в неформальной плоскости, то введенная статья 351.8 ТК РФ существенно меняет этот подход. Новая норма требует обязательного письменного оформления поручения о наставничестве, что формализует данную деятельность и повышает уровень правовых гарантий для работника-наставника.

С точки зрения доктрины трудового права, наставничество может быть квалифицировано как:

Специфическая трудовая функция, если оно закреплено в трудовом договоре в соответствии с

ч.2 ст.57 ТК РФ.

Форма профессионального обучения, регулируемая главой 31 ТК РФ и Федеральным законом № 273-ФЗ.

Дополнительная обязанность, возлагаемая на работника с его согласия по правилам статьи 60.2 ТК РФ.

Новая статья 351.8 ТК РФ, по своей правовой природе, конкретизирует и оформляет в виде специального правового режима именно третий вариант - выполнение работы по наставничеству как дополнительной обязанности, возлагаемой на работника с его письменного согласия, что представляет более чёткую правовую конструкцию, определяя наставничество как особый вид работы. Это позволяет рассматривать его как правовую форму выполнения трудовой функции, обладающую специфическими признаками (целевая направленность, срочность, необходимость письменного согласия).

Распоряжением Правительства № 1264-р от 21.05.2025 была утверждена Концепция развития наставничества до 2030 года, направленная на унификацию подходов и развитие наставничества в образовательных и трудовых сферах. Анализируя перспективы совершенствования правового регулирования в рамках Концепции развития наставничества до 2030 года можно отметить, что концепция носит программный, а не нормативный характер. Выделенные ключевые направления подчеркивают необходимость их последующего законодательного и подзаконодательного закрепления, в частности, через разработку и утверждение профессионального стандарта, без которого Концепция не сможет преодолеть существующую правовую фрагментарность. Как справедливо отмечают Л. Н. Духанина, А. А. Факторович, «Профессиональный стандарт предоставляет возможность определить наставничество как самостоятельный вид профессиональной деятельности» [4]. Именно он выступает ключевым инструментом институционализации наставничества, поскольку задает нормативные рамки для признания этой деятельности профессиональной, формирует единые требования к компетенциям и условиям ее осуществления.

В соответствии со статьями 195.3 ТК РФ «Если настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения работодателями. Характеристики квалификации, которые содержатся в профессиональных стандартах и

обязательность применения которых не установлена в соответствии с частью первой настоящей статьи, применяются работодателями в качестве основы для определения требований к квалификации работников с учетом особенностей выполняемых работниками трудовых функций, обусловленных применяемыми технологиями и принятой организацией производства и труда» [6].

В соответствии с изменениями в законодательстве, с 1 марта 2025 года регулирование наставничества и, в частности, условий его оплаты, получило более чёткую регламентацию на локальном уровне, однако применение профстандарта остается на усмотрение компании. Здесь возникает ряд сложностей и споров, в частности, о применении результатов независимой оценки квалификации.

Согласно части 2 ст.351.8 ТК РФ, содержание, сроки и форма работы по наставничеству в обязательном порядке указываются в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему. Это означает формализацию условий осуществления наставничества на индивидуальном уровне. При этом части 3-5 ст.351.8 ТК РФ детально регламентируют условия оплаты труда наставников. Ключевой гарантией является требование части 5 ст. 351.8 ТК РФ о том, что установленные работнику условия не могут быть хуже, чем предусмотрено нормативными правовыми актами или соглашениями в соответствующей сфере.

Таким образом, правовая основа наставничества становится трёхуровневой:

общие принципы и гарантии закреплены в ТК РФ (ст. 351.8);

конкретные рамки и критерии (для негосударственного сектора) определяются локальными актами или коллективными договорами;

индивидуальные условия (содержание, сроки, оплата) фиксируются в персональном трудовом договоре или соглашении к нему.

Ещё одной важной новацией является право любой из сторон досрочно отказаться от наставничества (часть 6 ст. 351.8 ТК РФ), уведомив другую сторону не менее чем за три рабочих дня. Это вводит элемент гибкости и дополнительно защищает интересы работника, не позволяя работодателю бессрочно навязывать дополнительные обязанности.

Несмотря на детальную регламентацию порядка оформления и оплаты наставничества с новой статьёй 351.8, ТК РФ не устанавливает единых квалификационных требований к наставникам. Их определение, как и прежде, отнесено к компетенции работодателя и должны быть детализированы в локальных нормативных актах (например, в том же Положении о наставничестве).

В этом контексте процедура НОК приобретает особое значение как инструмент объективного подтверждения соответствия работника установленным локальным критериям. Процедура независимой оценки квалификации для наставников, оставаясь в целом добровольной, может быть установлена работодателем в качестве обязательного локального требования для занятия соответствующей позиции или получения надбавки. Судебная практика по спорам с независимой оценкой квалификации и применением профстандартов не так обширна. Преимущественно споры возникают, если работодатель:

Увольняет сотрудника за несоответствие профстандарту, не закреплённому в трудовом договоре.

Отказывает в доплате за наставничество, хотя оно было предусмотрено локальными актами.

Вопрос, кто должен оплачивать оценку (работодатель или работник), часто становится предметом споров. Если оценка инициирована работодателем, он обязан ее оплатить (ст. 196 ТК РФ).

Сотрудник, не прошедший оценку, может оспорить решение в суде, если докажет нарушения процедуры (например, несоответствие экзамена профстандарту).

Так, судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело, в котором работница (истец) была уволена по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение штата) с должности заместителя руководителя Департамента кадровой политики АО «ОДК» (Определение от 29 июля 2021 г. по делу № 88-17138/2021). Она оспаривала законность увольнения, утверждая, что фактического сокращения штата не было, работодатель нарушил процедуру увольнения, не предложив все доступные вакансии, соответствующие её квалификации и опыту. Суд установил, что работодатель нарушил требования ч. 3 ст. 81 и ч. 1 ст. 180 ТК РФ, обязывающие предлагать все подходящие вакансии в период сокращения. Второй кассационный суд подтвердил решение апелляции, отметив, что работодатель не доказал, что истец не соответствовала требованиям вакансий, а новые доказательства (независимая оценка квалификации) были приняты апелляцией правомерно, так как они опровергали доводы работодателя.

В связи с отмеченным видится, что для внедрения процедуры наставничества и оценки качества наставничества необходимо, прежде всего, и законодательное определение профессиональных компетенций наставника через его закрепление в профстандарте. Работодателю в свою очередь необходимо определить задачи наставника,

например, такие как планирование и организация наставничества, контроль и оценка подготовки наставляемых, профессиональная и психологическая поддержка, социальная адаптация и развитие мотивации.

Как справедливо отмечено Локтюхиной Н. В., «необходимость развития системы наставничества является толчком для развития соответствующей нормативной правовой базы, включая: возможные изменения в трудовом законодательстве, положения соглашений системы социального партнерства, пакета методических рекомендаций по наставничеству, локальных актов предприятий» [3]. Кроме того, как небезосновательно отмечено Калининой Л.Л., «следует развивать российские традиции наставничества, внимательно относиться к национальным аспектам организационной культуры» [2].

Попытки внедрения НОК без предварительного разрешения фундаментальных правовых коллизий, выявленных в исследовании, не только ведут к росту трудовых споров, но и подрывают саму цель института - обеспечение качественного профессионального развития и адаптации кадров.

Выводы

Проведенное исследование правовых аспектов независимой оценки квалификации в сфере наставничества позволяет сформулировать ряд выводов, отражающих качественное изменение регуляторной парадигмы и определяющих перспективные векторы научного осмысления и правоприменения. Введение в ТК РФ статьи 351.8 завершило этап фрагментарного регулирования. Установлены императивные требования к письменному оформлению наставничества, гарантиям оплаты и праву на отказ, что трансформировало его из корпоративной практики в формализованный институт трудового права. Легализация не разрешила системное противоречие между добровольным характером НОК и правом работодателя устанавливать ее обязательность локально. Оформление наставничества по новым правилам создает основу для включения условия о НОК в соглашение, одновременно повышая для работника риски, если отказ будет квалифицирован как неисполнение обязанности. В новой правовой реальности утверждение профстандарта «Наставник» становится необходимым условием для сбалансированного регулирования.

Список литературы:

[1] Елисеева Е.Ю., Елисеев Ю.А., Лебедев И.М. Проблемы наставничества в профессиональном становлении молодого сотрудника. Человеческий капитал, 2023, № 11(179) часть 2. DOI:

10.25629/НС.2023.11.46.

[2] Калинина Л.Л. Наставничество: поиск и использование новых потенциалов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 3, стр. 17-18.

[3] Локтюхина, Н. В. Развитие системы наставничества: российский и зарубежный опыт / Н. В. Локтюхина, У. А. Назарова, С. В. Шабаета // Непрерывное образование: XXI век. – 2019. – Вып. 4 (28). – DOI: 10.15393/j5.art.2019.5155.

[4] Профессиональный стандарт как инструмент институционализации наставничества / Л. Н. Духанина [и др.] // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2023. № 4 (16). С. 11–27. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2023-4-11-27..>

[5] Федеральный Закон от 09.11.2024 № 381-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации».

[6] ТК РФ Статья 195.3. Порядок применения профессиональных стандартов \ КонсультантПлюс.

I.M. Problems of mentoring in the professional development of a young employee. Human Capital, 2023, No. 11 (179) Part 2. DOI: 10.25629/НС.2023.11.46.

[2] Kalinina L.L. Mentoring: search and use of new potentials // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economics. Management. Right. 2024. No. 3, pp. 17-18.

[3] Loktyukhina, N.V. Development of the mentoring system: Russian and foreign experience/ N.V. Loktyukhina, U. A. Nazarova, S. V. Shabaeva // Continuing education: XXI century. – 2019. - Issue 4 (28). - DOI: 10.15393/j5.art.2019.5155.

[4] Professional standard as a tool for institutionalizing mentoring/L. N. Dukhanin [et al.] // Innovative scientific modern academic research trajectory (INSIGHT). 2023. № 4 (16). S. 11-27. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2023-4-11-27..>

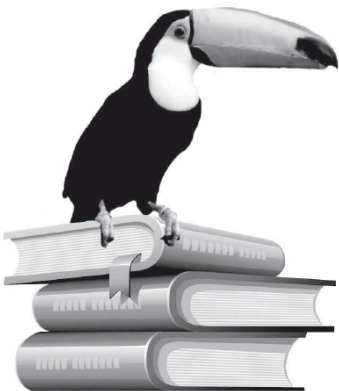
[5] Federal Law No. 381-FZ, dated 09.11.2024, "On Amending the Labor Code of the Russian Federation".

[6] Labor Code of the Russian Federation Article 195.3. Procedure for application of professional standards\ConsultantPlus.

References:

[1] Eliseeva E.Yu., Eliseev Yu.A., Lebedev

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВИКТОРОВ Артем Олегович,
Преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: viktorovolego1@gmail.com

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматривается профессиональная правовая культура сотрудников уголовно-исполнительной системы как условие законной и социально ориентированной организации труда осужденных. Актуальность исследования обусловлена тем, что труд осужденных в исправительном учреждении одновременно связан с режимом, исправительным воздействием, производственной деятельностью и обеспечением правового статуса лица, отбывающего наказание. Поэтому формальное знание норм о привлечении осужденных к труду не исчерпывает содержания должного служебного поведения. Цель исследования состоит в определении значения профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для правомерного оформления, контроля и оценки трудовой деятельности осужденных. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический подходы. Обосновывается, что правовая культура сотрудника проявляется в способности соединять режимные, воспитательные, производственные и правозащитные задачи труда осужденных, не допуская подмены правовой цели исключительно хозяйственным интересом учреждения. Показаны риски формального подхода: ненадлежащее документирование занятости, неясная мотивация организационных решений, нарушения оплаты и охраны труда, смешение дисциплинарного воздействия с трудовой организацией, рост жалоб и проверок. Научный результат состоит в предложении рассматривать организацию труда осужденных как особую сферу проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС, где законность определяется не только соблюдением процедуры, но и правовым качеством служебного усмотрения. Сделан вывод о необходимости усиления правовой подготовки, анализа типичных нарушений и развития внутриведомственного контроля.

Ключевые слова: профессиональная правовая культура, уголовно-исполнительная система, труд осужденных, исправительное воздействие, законность, правовой статус осужденного, служебное решение, ведомственный контроль.

VIKTOROV Artem Olegovich,
Teacher of the department of Civil Law of the St. Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF PENAL SYSTEM EMPLOYEES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PENAL ENFORCEMENT

Annotation. This article examines the professional legal culture of penal system employees as a prerequisite for the lawful and socially oriented organization of convict labor. The relevance of the study stems from the fact that the labor of convicts in a correctional facility is simultaneously linked to the regime, correctional impact, production activities, and ensuring the legal status of the individual serving a sentence. Therefore, formal knowledge of the rules governing the employment of convicts does not exhaust the content of proper official conduct. The purpose of the study is to determine the importance of the professional legal culture of penal system employees for the lawful registration, monitoring, and evaluation of convict labor. The methodological framework comprises formal legal, systemic, comparative legal, and specific sociological approaches. It is argued that the legal culture of an employee is manifested in the ability to integrate the regime, educational, production, and human rights objectives of convict labor, preventing the substitution of the legal purpose for the institution's

purely economic interests. The risks of a formal approach are highlighted: inadequate employment documentation, unclear motivations for organizational decisions, violations of pay and occupational safety, the confusion of disciplinary action with labor organization, and an increase in complaints and inspections. The scientific result suggests considering the organization of convict labor as a special area of manifestation of the professional legal culture of penal system employees, where legality is determined not only by adherence to procedure but also by the legal quality of official discretion. A conclusion is drawn regarding the need to strengthen legal training, analyze typical violations, and develop internal departmental oversight.

Key words: *professional legal culture, penal system, labor of convicts, correctional impact, legality, legal status of convicts, official decision, departmental control.*

Введение

Организация труда осужденных в учреждениях УИС нередко воспринимается преимущественно как вопрос занятости, производственной загрузки либо хозяйственного обеспечения учреждения. Такой подход представляется неполным. В условиях лишения свободы труд осужденного включен в механизм исполнения наказания и затрагивает пределы допустимого властного воздействия администрации, гарантии правового статуса осужденного, воспитательную цель наказания и устойчивость принимаемых служебных решений [4]. Поэтому научная проблема состоит не только в том, насколько подробно урегулированы отдельные элементы труда осужденных, а в том, каким образом уровень профессиональной правовой культуры сотрудников УИС влияет на законность и обоснованность практической организации такого труда.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации связывает привлечение осужденных к труду с решением администрации исправительного учреждения и одновременно требует учитывать пол, возраст, трудоспособность, состояние здоровья, специальность и наличие рабочих мест. Следовательно, сотрудник УИС действует не как технический исполнитель производственного задания, а как субъект юридически значимого служебного усмотрения. Это усмотрение не может быть произвольным: оно требует правового понимания целей труда, пределов организационного воздействия, значения документов, учета рабочего времени, оплаты труда и охраны труда [8]. Цель настоящей статьи — определить значение профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для законной, обоснованной и социально ориентированной организации труда осужденных.

Труд осужденных как сфера проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС

Труд осужденных находится на пересечении нескольких начал: режима, исправительного воздействия, социальной адаптации, производственной деятельности и обеспечения правового положения личности. Именно это соединение делает

данную сферу показательной для оценки профессиональной правовой культуры сотрудников УИС. Если сотрудник видит в труде только способ выполнить производственный план или обеспечить хозяйственные потребности учреждения, правовая цель исполнения наказания сужается до административно-экономической задачи. Между тем в науке уголовно-исполнительного права обоснованно подчеркивается, что труд осужденных имеет самостоятельное значение для исправления, формирования устойчивых социальных навыков и подготовки к правомерному поведению после освобождения [7]. Правовая культура сотрудника проявляется здесь в способности удерживать юридическую меру между обязанностью осужденного трудиться и недопустимостью произвольного ограничения его правового статуса.

Особенность УИС состоит в том, что трудовая занятость осужденного организуется в условиях властно-распорядительного положения администрации и объективной зависимости осужденного от должностных лиц учреждения. Поэтому формальное знание статей УИК РФ и ТК РФ не гарантирует законности. Сотрудник должен понимать, что любое решение о распределении на работу, переводе, учете времени, оценке добросовестности труда или реагировании на отказ от работы приобретает юридическое значение. Правовой режим труда осужденных, как показано в специальных исследованиях, не сводится к механическому заимствованию норм трудового права и требует учета условий исполнения наказания [8]. Следовательно, профессиональная правовая культура выступает не внешним нравственным дополнением к службе, а внутренним условием правильной квалификации ситуации.

В прикладном отношении правовая культура сотрудника УИС выражается в нескольких устойчивых навыках: уважении к правовому положению осужденного, умении соотнести производственный интерес с законом, понимании воспитательного потенциала труда, готовности мотивировать решение и добросовестно документировать трудовую занятость. Данные качества имеют значение не только для начальника учреждения или ру-

ководителя производственного участка. Они необходимы сотрудникам воспитательных, режимных, оперативных, кадровых и иных подразделений, поскольку организация труда осужденных затрагивает дисциплину, индивидуальную профилактику, поощрения, взыскания, материальные удержания и последующую оценку поведения осужденного [2]. Чем сложнее служебная ситуация, тем меньше ее можно разрешить одной ссылкой на ведомственную целесообразность.

Не менее важно, что труд осужденных не должен юридически растворяться в производственной деятельности исправительного учреждения. Производственная задача может быть правомерной и необходимой, но она не является единственным критерием оценки труда осужденных. Если труд организован без учета состояния здоровья, квалификации, условий безопасности, оплаты, режима рабочего времени и понятного документального оформления, он утрачивает исправительный и правовоспитательный смысл. В этом отношении выводы о необходимости повышения эффективности регулирования труда осужденных следует дополнять правокультурным критерием: эффективна не та организация, которая только обеспечивает занятость и выпуск продукции, а та, которая сохраняет законность, процедурную ясность и воспитательную направленность служебных решений [5].

Правовые риски формального подхода к организации труда осужденных

Недостаточный уровень профессиональной правовой культуры проявляется не только в грубых нарушениях прав осужденных. Значительно чаще он выражается в формализме: шаблонном оформлении документов, неясном обосновании распределения на работу, слабом учете индивидуальных обстоятельств, упрощенном отношении к охране труда и оплате, а также в недостаточном реагировании на жалобы. Такие нарушения могут восприниматься внутри учреждения как малозначительные, однако именно они создают основу для прокурорских проверок, судебных споров и признания действий администрации необоснованными. В исследованиях по организации труда осужденных справедливо отмечается, что проблемы трудовой занятости неразрывно связаны с качеством уголовно-исполнительной политики и управленческих решений в учреждениях УИС [4].

Первый риск состоит в подмене правового решения производственной необходимостью. В условиях дефицита рабочих мест, необходимости поддерживать производство или выполнять договорные обязательства у администрации возникает соблазн оценивать осужденного прежде всего как трудовой ресурс. Однако правовая культура

сотрудника требует иного порядка рассуждения: сначала устанавливаются правовые основания, ограничения и индивидуальные обстоятельства, затем определяется допустимая форма трудовой занятости. Если эта последовательность нарушается, производственный интерес начинает фактически вытеснять исправительную цель. Подобная проблема уже ставилась в научной литературе применительно к соотношению экономических и ресоциализационных задач труда осужденных [6].

Второй риск связан с документированием. Труд осужденного в исправительном учреждении должен быть понятен для последующей проверки: на каком основании лицо привлечено к работе, какие условия труда определены, как учитывалось рабочее время, каким образом начислялась оплата, какие обстоятельства учитывались при переводе или освобождении от работы. Неполное оформление не является простой канцелярской ошибкой, поскольку в условиях ограниченной свободы осужденного именно документы подтверждают пределы законного воздействия администрации. Если решение не мотивировано, а учет ведется формально, последующая судебная или прокурорская оценка неизбежно будет исходить из того, что учреждение не подтвердило правомерность своих действий.

Третий риск состоит в смешении трудовой организации и дисциплинарного воздействия. Отказ от работы, нарушение трудовой дисциплины, недобросовестное отношение к обязанностям могут иметь уголовно-исполнительные последствия, но они не должны рассматриваться вне конкретной правовой ситуации. Требуется выяснять, была ли работа определена правомерно, соответствовали ли условия состоянию здоровья, были ли соблюдены требования безопасности, доведены ли обязанности до осужденного, имеется ли вина в нарушении. Профессиональная правовая культура здесь выступает против автоматизма. Сотрудник обязан отличать действительное нарушение от ситуации, в которой сама организация труда была юридически дефектной. Иначе дисциплинарное реагирование становится способом прикрытия первоначальной управленческой ошибки [3].

Четвертый риск касается последующей проверки. Анализ документов, учет рабочего времени, проверка условий труда, рассмотрение жалоб, ведомственный контроль, прокурорская проверка и судебная оценка не должны восприниматься как внешнее препятствие нормальной работе учреждения. Напротив, эти формы контроля выявляют реальное качество правовой культуры сотрудников и учреждения в целом. Если сотрудник заранее понимает, что каждое существенное решение может быть проверено с точки зрения законно-

сти, мотивированности и соразмерности, его служебное поведение становится более дисциплинированным. В этом смысле контроль выполняет не только надзорную, но и профилактическую функцию, позволяя предупреждать повторяемость нарушений и закреплять правильные правоприменительные образцы [9].

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС при организации труда осужденных

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС в рассматриваемой сфере не может ограничиваться общими призывами к соблюдению законности. Оно должно быть связано с конкретными служебными действиями: распределением осужденных по рабочим местам, оформлением занятости, учетом рабочего времени, начислением оплаты, обеспечением охраны труда, мотивировкой переводов, рассмотрением жалоб и оценкой поведения осужденного. Поэтому правовая подготовка сотрудников должна строиться не только вокруг нормативного материала, но и вокруг типичных ситуаций, в которых возникает необходимость соотнести режимные, воспитательные и производственные задачи. Научные подходы к оценке правовой культуры сотрудников УИС позволяют сделать вывод, что знание норм должно проверяться через способность применять их в конфликтной или неоднозначной служебной ситуации [3].

Первым направлением следует признать обучение мотивированному служебному решению. Сотрудник должен уметь объяснить, почему осужденный привлечен именно к данной работе, какие обстоятельства учтены, почему выбран такой режим занятости, какие ограничения имеются и какие документы подтверждают правомерность решения. Мотивировка важна не только для внешней проверки, но и для самого учреждения, поскольку снижает зависимость практики от неформальных распоряжений. В ранее проведенных исследованиях правовая культура сотрудников пенитенциарной системы рассматривалась как качество, влияющее на законность служебной деятельности и пределы допустимого властного поведения [1]. В сфере труда осужденных это качество приобретает особенно конкретное выражение.

Вторым направлением является изучение судебной и прокурорской практики по вопросам труда осужденных. Такая работа должна быть не эпизодической, а встроенной в профессиональную подготовку. Анализировать необходимо не только случаи прямого нарушения закона, но и повторяющиеся процедурные дефекты: отсутствие достаточной мотивации, слабую доказан-

ность учета состояния здоровья, противоречия в документах, неопределенность оснований отказа, ошибки при оплате и удержаниях, недостаточный контроль условий труда. Воспитательные подразделения также должны быть включены в эту работу, поскольку трудовая занятость осужденного связана с индивидуальной профилактикой, оценкой поведения и формированием социально полезных навыков [2].

Третьим направлением должно стать повышение качества документационного сопровождения труда. В УИС документ не может рассматриваться как вторичный след уже принятого решения. Он является юридической формой, через которую решение становится проверяемым и защищенным от произвольного толкования. Поэтому целесообразно разрабатывать внутриучрежденные алгоритмы проверки документов: наличие основания, учет индивидуальных данных, сведения о рабочем времени, подтверждение оплаты, фиксация инструктажа и условий охраны труда, отражение реакции на обращения осужденного. Такие алгоритмы не должны подменять закон, но могут дисциплинировать правоприменение и уменьшать число типовых ошибок.

Четвертым направлением является развитие культуры внутреннего контроля. Контроль в учреждении должен выявлять не только уже совершенные нарушения, но и слабые места в организации труда: повторяемость жалоб, несогласованность между подразделениями, неясность производственных заданий, недостаточную правовую подготовку руководителей участков, формальное отношение к охране труда. В этом смысле совершенствование профессиональной правовой культуры требует перехода от реакции на нарушение к предупреждению юридически уязвимых решений. Общие положения науки уголовно-исполнительного права позволяют утверждать, что исправительное воздействие эффективно лишь тогда, когда оно осуществляется в устойчивой правовой форме и не воспринимается осужденным как произвольное давление [10].

Наконец, необходимо закреплять понимание правовой природы труда осужденных как элемента исполнения наказания, а не только как производственного процесса. Это не означает отрицания экономического значения труда или договорных связей учреждений УИС с хозяйствующими субъектами. Однако такие связи должны быть подчинены специальному уголовно-исполнительному назначению труда. Научные исследования показывают, что труд осужденных требует согласования норм различных отраслей права и не может быть объяснен только категориями обычных трудовых отношений [7]. Следовательно, сотрудник

УИС должен быть подготовлен к правовой оценке межотраслевых ситуаций, в которых одновременно действуют режимные требования, трудовые гарантии, производственные интересы и правовой статус осужденного [9].

Заключение

В статье установлено, что организация труда осужденных является самостоятельной сферой проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС. Ее специфика определяется тем, что труд в исправительном учреждении одновременно служит средством исправительного воздействия, формой социальной адаптации, элементом режима и направлением производственной деятельности. Поэтому законность в данной сфере не может быть сведена к формальному знанию норм УИК РФ и отдельных положений трудового законодательства. Она зависит от способности сотрудника принимать мотивированные, документально подтвержденные и проверяемые служебные решения.

Научная новизна предложенного подхода состоит в том, что профессиональная правовая культура рассматривается не как общее качество личности сотрудника, а как практический критерий правомерной организации труда осужденных. Этот критерий включает уважение к правовому статусу осужденного, понимание пределов ведомственной целесообразности, добросовестное документирование, учет воспитательного значения труда, готовность к внутренней и внешней проверке. При недостаточном уровне правовой культуры возникают не только отдельные нарушения, но и устойчивый формальный стиль управления трудовой занятостью.

Для УИС данный вывод имеет прикладное значение. Повышение правовой культуры сотрудников должно выражаться в правовой подготовке по вопросам труда осужденных, изучении типичных нарушений, развитии навыков мотивировки решений, анализе судебной и прокурорской практики, улучшении документационного сопровождения и усилении внутриведомственного контроля. Профессиональная правовая культура сотрудников УИС должна рассматриваться не только как внутреннее качество служебной деятельности, но и как необходимое условие законной, справедливой и исправительно значимой организации труда осужденных.

Список литературы:

[1] Викторов А.О. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2023. № 4 (40). С. 152–154.

[2] Викторов А.О. Особенности правовой

культуры сотрудников воспитательного отдела исправительного учреждения // Закон. Право. Государство. 2024. № 2 (42). С. 105–107.

[3] Софронова С.А. Правовая культура и критерии оценки ее уровня у сотрудников УИС // Вестники уголовно-исполнительной системы. 2012. № 2 (117). С. 33–41.

[4] Родионов А.В. Актуальные проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 27–33.

[5] Долинин А.Ю., Огородников В.И. Повышение эффективности правового регулирования труда и трудового использования осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 63–73.

[6] Гарник С.В., Казакова В.А. Уголовно-исполнительная политика в сфере организации труда осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 1. С. 76–83.

[7] Уткин А.В. Труд осужденных к лишению свободы как предмет межотраслевого регулирования // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 94–105.

[8] Мирусин И.С. Правовой режим труда осужденных в исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 234 с.

[9] Емельянова Е.В. Теоретические, организационные и правовые основы труда осужденных в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 47 с.

[10] Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 464 с.

References:

[1] Viktorov A.O. Legal culture of employees of the penitentiary system in the Russian Federation // Law. Right. State. 2023. № 4 (40). S. 152-154.

[2] Viktorov A.O. Features of the legal culture of employees of the educational department of a correctional institution // Law. Right. State. 2024. № 2 (42). S. 105-107.

[3] Sofronova S.A. Legal culture and criteria for assessing its level among employees of the penal system // Vedomosti of the penal system. 2012. № 2 (117). S. 33-41.

[4] Rodionov A.V. Actual problems of the implementation of the penal policy in the field of organization of labor of convicts // Penal law. 2021. № 1. S. 27-33.

[5] Dolinin A.Yu., Ogorodnikov V.I. Improving the efficiency of legal regulation of labor and labor use of those sentenced to imprisonment // Criminal

enforcement law. 2021. № 1. S. 63-73.

[6] Garnik S.V., Kazakova V.A. Criminal executive policy in the field of labor organization of those sentenced to imprisonment // Man: crime and punishment. 2018. T. 26. № 1. S. 76-83.

[7] Utkin A.V. Labor of those sentenced to imprisonment as a subject of intersectoral regulation // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2024. № 2 (59). S. 94-105.

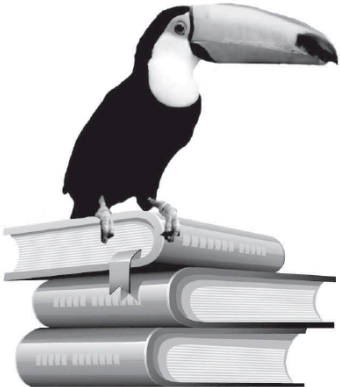
[8] Mirusin I.S. Legal labor regime of convicts in

correctional institutions: dis.... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2018. 234 pp.

[9] Emelyanova E.V. Theoretical, organizational and legal foundations of the labor of convicts in the context of reforming the penal system: author. dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2010. 47 pp.

[10] Criminal executive law of Russia: textbook/ ed. V.I. Seliverstova. 9th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2026. 464 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-660-664

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры
уголовного права и криминологии Ростовского института
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация; кандидат психологических наук,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru,

АГРЕССИВНАЯ СРЕДА ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос аутоагрессии как одной из разновидностей агрессии.

Ключевые слова: агрессия, аутоагрессия, осужденные, самоповреждение.

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian
Federation; Candidate of Psychological Sciences

AGGRESSIVE ENVIRONMENT OF CONVICTS

Annotation. The article considers the issue of auto-aggression as one of the varieties of aggression.

Key words: aggression, auto-aggression, convicts, self-harm.

При проведении исследований агрессивности нельзя не обратить внимание на такой ее вид как аутоагрессия. В рамках исследования данной проблемы мы задавали вопросы касающиеся проявления желания нанесения себе самоповреждений, как в прошлом, так и в настоящее время. В обследуемой нами выборке почти четверть осужденных заявили, что у них неоднократно возникало желание причинить себе самоповреждения. Данное желание чаще всего возникало у них с целью обращения на себя внимания близких из-за ссор.

На момент обследования только у некоторых осужденных сохранилось желание причинять себе самоповреждения. В беседах с данными людьми мы установили, что они используют этот факт как обращение на себя внимания сотрудников исправительного учреждения и осужденных. Обращают на себя высказывания осужденного О., который заявил, о том, что многие из сотрудников ИУ боятся, что он сделает с собой что-нибудь и их накажут за недосмотр за ним. То есть использует нанесение себе самоповреждений как «устрашающий» элемент по отношению к персоналу ИУ.

Чуть больше четверти обследуемых заявили о наличии у них наколок и нарезок. Нанесение на-

копок и нарезок проходило в основном в армии и в исправительном учреждении. Большинство осужденных нормально относятся к людям, имеющим наколки, но сами себе наносить их не хотели бы, что связано с боязнью боли и наличием на теле «метки».

Исследуя вопрос склонности осужденных к суициду, мы выяснили, что только небольшое количество осужденных проявляли желание уйти из жизни, кроме того, все они заявляли о желании причинять себе самоповреждения. Мы можем предположить, что данная категория людей предпочитает решать возникающие в их жизни сложные, проблемные ситуации уходом из жизни или нанесением себе самоповреждений, для того чтобы другие люди обратили свое внимание на них и помогли им решить их проблемы.

Со слов обследуемых только у совсем маленького количества осужденных родственники совершали самоубийства. У еще меньшего количества из этой группы возникало желание тоже покончить жизнь самоубийством. Вполне возможно, что существующий стереотип, о том, что чаще всего люди совершают самоубийства, если кто-то из их близким уходил из жизни, таким образом,

довлеет над ними и они очень много внимания уделяют данной проблеме и пытаются воспользоваться способом решения своих проблем «проторенной дорожкой» родственником.

Немалую роль в формировании агрессивного поведения сыграли средства массовой информации. С экранов телевизоров регулярно показывалось как хорошо, и богато живут бандиты и одновременно они видели бедность своих близких. Таким образом, у них был яркий пример того, как нужно жить, как общаться со слабыми, как решать возникающие трудности и т.д.

При изучении пристрастия обследуемых к просмотру видеофильмов мы установили, что немногие из них предпочитают смотреть боевики, чуть больше – ужасы, почти четверть – исторические видеофильмы, почти половина – не заявляют о специфичных пристрастиях, главное для них, чтобы фильм был интересным. Хотелось бы обратить Ваше внимание на такой факт, что в основном исторические фильмы связаны с различными сражениями, то есть эти видеофильмы имеют связь с проявлением элементов агрессии.

Для исследования особенностей агрессивного поведения обследуемых осужденных мы использовали опросник А. Басса-А. Дарки.

Анализируя результаты исследования можно утверждать, что в основном у осужденных преобладают такие виды агрессии как обида и негативизм. Следовательно, большинство обследуемых отличаются выраженной оппозиционной манерой в поведения, начиная от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов, а также склонны к проявлению зависти и ненависти к окружающим за действительные и вымышленные действия.

Выше среднего предела выходят показатели по такому параметру, как чувство вины, которое выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести имеет в группе в среднем также повышенные значения.

Косвенная агрессия находится на среднем уровне и говорит о наличии стремления у осужденных к проявлению агрессивных реакций не на сам объект агрессии, а на других. Так, например, осужденные «срывают зло» не на обидчике, а на более слабом, не способном на защиту. Также могут проявляться выраженные агрессивные реакции по отношению к сотрудникам.

Физическая агрессия находится на среднем уровне и проявляется в виде тенденции к участию в драках, нанесении побоев и т.д.

Подозрительность находится на среднем уровне, что говорит скорее об отдельных случаях

недоверия и осторожности по отношению к людям, убеждений в том, что другие люди планируют и приносят вред.

Раздражительность в данной группе испытуемых находится на низком уровне. Следовательно, общий уровень готовности к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость) в целом не присущ осужденным.

Показатели по вербальной агрессии находятся на низком уровне. Проводя анализ можно сказать о том, что выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы) не используется осужденными.

Описывая поведение осужденных, можно говорить о демонстративности во внешних проявлениях, стремлении выразить свою агрессивность не на непосредственный объект агрессии. Такое поведение провоцирует проявления в глазах сотрудников кажущейся немотивированности агрессивности, раздражительности, непредсказуемость эмоциональных реакций. В отдельных случаях зафиксированные результаты могут характеризовать испытуемых как достаточно закрытых внешне, их реакция не всегда проявляется во вне. Так, внутренняя враждебность не всегда проявляется в эмоциях, интонации, мимике.

Анализируя индивидуальные значения, необходимо особо описать некоторых испытуемых. Отметим, что данные результатов исследования каждого испытуемого представляют самостоятельную научную ценность, но в рамках нашего исследования мы остановимся на описании только нескольких наиболее примечательных случаях.

Обследуемый № 1 не обнаруживает по данным исследования методикой Басса-Дарки каких либо чрезвычайных значений ни по одной категории, что свидетельствует о том, что самооценка агрессивности достаточно низкая, отсутствует раздражительность и негативизм. Данный осужденный характеризуется ровным настроением и вдумчивым восприятием действительности. Общение, которое не соответствует его представлениям о том, как следует общаться с ним и какие действия по отношению к нему можно допускать, оценивается им как агрессия. При этом собственная реакция на кажущуюся агрессию со стороны окружающих отличается продуманностью и просчитанной жестокостью. По результатам «Hand-теста» именно данный испытуемый демонстрирует самый высокий среди обследуемых процент агрессивности. Следовательно, реакции агрессивности, которые проявляет испытуемый, являются негативными, чрезмерными, но сам испытуемый этого не признает. Для него агрессивность является нормой

поведения и общения с окружающими миром. Для выявления причин данного поведения мы обратились к качественному анализу ответов на вопросы «Hand-теста». Следует отметить вычурность его высказываний, витиеватость. Резонерское содержание ответов данного испытуемого указывает на наличие акцентуации характера по шизоидному типу, который и проявляется в повышенной агрессивности по отношению к внешнему миру, продуманной жестокости собственной агрессивности, ее пугающей непредсказуемости.

Обследуемый № 2. У данного испытуемого по методике А. Басса-А. Дарки имеются чрезвычайно высокие показатели по шкалам, указывающим на наличие физической и косвенной агрессии, а также чувства вины. Скорее всего, осужденный не находит возможности нормального взаимодействия и контакта с внешним миром, что проявляется в неумении проявлять собственные эмоции. Агрессивность здесь как защитная реакция на отсутствие навыков коммуникации. Агрессивность здесь вторична. Данные «Hand-теста» объясняют склонность испытуемого к агрессивности с теми, кого хорошо знает и «на ком можно сорвать свою обиду на мир, который его не понимает и не принимает».

В нашем исследовании мы рекомендуем обратить внимание специалистов и педагогов на поведение выделенных испытуемых, именно они нуждаются в особой квалифицированной помощи.

Таким образом, на основании проведенного нами исследования мы можем утверждать, что осужденным присуща вся гамма проявлений агрессивности. При этом мы можем предположить, что агрессивная среда осужденных способствует формированию агрессивности.

Описывая влияние среды на формирование агрессивности осужденных, можно отметить, что при прибытии на место отбывания наказания над осужденным довлеет чувство вины за совершенный поступок. Проявления физической, вербальной агрессии и негативизма на данном этапе являются появлением реакции адаптации к новым условиям. При этом на более поздних этапах отбывания наказания появляется чувство раздражительности. Вербальная и физическая агрессия на втором этапе является результатом сложившейся системы отношений, в которых личность раскрывается по-новому и обнаруживает в себе эти качества. На заключительном этапе отбывания наказания происходит возобновление ощущения чувства вины. Переосмысление событий, приведших к заключению, создают предпосылку для переживания новых чувств. Появляется подозрительность. Очевидно, опасения в том, что кто-либо может помешать освобождению, переживание того, что

ждет их при освобождении. Скорее всего, подозрительность проявляется и как беспокойство относительно того, как его встретят на воле, не скроют ли от него чего-либо (например, измены или же предательства). Переживания осужденного переносятся на ту систему отношений, которая складывалась до заключения.

Таким образом, социально-психологическая характеристика обследуемых осужденных выглядит следующим образом. Обследуемые это лица 20-29 лет, осужденные в основном по статьям, связанным с причинением насилия. Образование большинства осужденных среднее специальное и среднее. До осуждения в основном нигде не работали. Семейное происхождение: из рабочих. Семьи, в которых воспитывались обследуемые, были не полными. Во многих семьях спорные ситуации разрешались с помощью драк и ругани, участниками, которых были дети. Большинство родителей не уделяли должного воспитания своим детям. Семьи осужденных были в основном материально обеспеченными.

На некоторых осужденных отрицательное влияние оказывали родные сестры и братья, в адрес некоторых выдвигались угрозы, оскорбления со стороны близких, унижали и оскорбляли учителя. Есть категория осужденных, которые регулярно участвуют в конфликтных ситуациях. Есть и такие, которые высказывают желание унижать, оскорблять других людей, а также о убийстве. Школьные друзья обследуемых неоднократно создавали конфликтные ситуации. Досуг обследуемых был связан с посещением увеселительных мероприятий. Выделяются группа осужденных склонных к нанесению себе самоповреждений и склонных к суициду.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.
- [2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинко-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.
- [3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Все-

российского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимско-

го юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинкветность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной probation / Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[16] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4

(287). S. 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[16] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-665-667

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший
научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРОГОГО РЕЖИМА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена системному анализу факторов, детерминирующих совершение повторных преступлений осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима. На основе обобщения научной литературы и эмпирических исследований выделены три взаимосвязанных блока факторов. Установлено, что указанные факторы образуют устойчивый криминогенный комплекс, в котором каждый элемент усиливает действие другого. Автор приходит к выводу, что эффективная профилактика рецидивной преступности среди данной категории требует системного межведомственного подхода, объединяющего медицинскую, психологическую, социальную и трудовую реабилитацию.

Ключевые слова: детерминанты рецидивной преступности; исправительные учреждения строгого режима; осужденные; уголовно-исполнительная система.

SOBOLEV Nikolai Gourgenovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor senior
researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

DETERMINANTS OF RECIDIVISM AMONG CONVICTS SERVING SENTENCES IN PENAL INSTITUTIONS OF STRICT REGIME: A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM

Annotation. The article is devoted to a systematic analysis of factors determining the commission of repeated offenses by convicts serving sentences in high-security correctional institutions. Based on a synthesis of scientific literature and empirical research, three interrelated blocks of factors have been identified. It has been established that these factors form a stable criminogenic complex in which each element reinforces the effect of the others. The author concludes that effective prevention of recidivism among this category requires a systematic interagency approach combining medical, psychological, social, and vocational rehabilitation.

Key words: determinants of recidivism; high-security correctional institutions; convicts; penal system.

Проблема рецидивной преступности сохраняет свою острую актуальность в силу того, что лица, неоднократно «вступающие в конфликт с законом», выступают устойчивым источником криминальной напряженности и демонстрируют глубокую деформацию ценностно-нормативной сферы [1]. В структуре лиц, имеющих опыт отбытия наказания, наиболее сложную группу составляют осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима, – это лица,

совершившие особо тяжкие преступления, нередко при наличии опасного рецидива. Именно эта категория в наибольшей степени нуждается в научно обоснованных подходах к профилактике повторных преступлений, поскольку традиционные меры воздействия не всегда оказываются достаточными для преодоления устойчивых криминогенных установок.

В научной литературе неоднократно поднимались вопросы детерминации рецидивной пре-

ступности, выделялись различные группы факторов: от социально-экономических до индивидуально-психологических. Однако системный характер взаимосвязи между психофизиологическими, социально-экономическими и социально-психологическими факторами применительно к данной специфической категории осужденных изучен недостаточно, что и определило направление настоящего исследования.

В статье представлена часть научного исследования, описывающая систему факторов, детерминирующих совершение преступлений лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима. В отличие от простого перечисления разрозненных обстоятельств, зафиксированных в статистике или отдельных научных работах, в рамках нашего подхода сделан акцент на выявлении внутренних связей между различными уровнями детерминации – от индивидуально-психофизиологических до социально-средовых. Такой подход позволил не только зафиксировать наличие тех или иных проблем (например, трудности трудоустройства или употребление психоактивных веществ), но и понять, как они взаимно усиливают друг друга, формируя устойчивый криминогенный комплекс.

Проведенный анализ факторов, влияющих на повторное совершение преступлений, позволил структурировать их в три взаимосвязанных блока, каждый из которых определяет направления профилактического воздействия.

Психофизиологический блок.

В ходе было установлено, что значимым обстоятельством, сопутствующим совершению повторных преступлений после освобождения, является состояние наркотического или алкогольного опьянения, что указывает на наличие аддиктивных проблем у рассматриваемой категории осужденных. Полученные данные согласуются с исследованием Е.А. Антонян, в котором отмечается, что каждый третий рецидивист страдает алкоголизмом, каждый четвертый – наркоманией, каждый двенадцатый является носителем ВИЧ-инфекции [2]. При этом употребление психоактивных веществ может рассматриваться не только как проявление химической зависимости, но и как дисфункциональная копинг-стратегия, актуализирующаяся при столкновении с трудностями после освобождения (отсутствие работы, жилья, социальная изоляция, психологическая травма и др.), а также под влиянием привычного окружения, где алкоголь и наркотики выполняют коммуникативные функции [3]. В профилактическом аспекте данный блок предполагает комплексное сопровождение, включающее не только медицинскую, но и психологическую помощь, направленную на

освоение адаптивных способов совладания со стрессовыми ситуациями.

Социально-экономический блок.

Материальное неблагополучие нередко является следствием системных сложностей с трудоустройством, с которыми сталкиваются лица, освободившиеся из исправительных учреждений. Отсутствие необходимых профессиональных навыков и барьеры на рынке труда ограничивают доступ к легальным источникам дохода, что может создавать предпосылки для возврата к криминальным способам решения финансовых вопросов. Полученные данные соотносятся с результатами исследования Ю.Е. Суслова, А.Ф. Федорова, А.В. Беспаловой, согласно которым неоднократно судимые лица часто и до осуждения не имеют постоянного источника доходов [4]. Дополнительным фактором выступает отсутствие жилья, которое выделялось осужденными как одна из основных проблем после освобождения; отсутствие регистрации, в свою очередь, осложняет официальное трудоустройство, оформление социальных пособий и получение медицинской помощи. Профилактическая работа в рамках данного блока может быть связана с развитием механизмов социальной поддержки и содействия в трудовой адаптации данной категории лиц.

Социально-психологический блок.

Как показано в исследовании Н.Е. Колесниковой, осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима, демонстрируют ряд личностных особенностей, включая неадекватную самооценку (завышенную или заниженную), избирательность в общении, скрытность, сдержанность, а также ригидность, конфликтность, импульсивность, неуверенность в себе, осторожность, пассивность, эгоистичность, тревожность, подозрительность [5]. В другом исследовании отмечается, что среди причин совершения повторных преступлений значимое место занимают отрицательные морально-психологические качества и убежденность в безнаказанности [6]. Кроме того, к числу значимых факторов относится раннее попадание в места лишения свободы, разрыв социально-полезных связей и многократность судимостей, способствующие усвоению норм криминальной субкультуры [7]. Профилактический потенциал данного блока связан с организацией психокоррекционной работы, направленной на развитие рефлексивных способностей и социально-ответственных установок.

Выявленные факторы не являются изолированными, а образуют устойчивый взаимосвязанный криминогенный комплекс, в котором каждый элемент усиливает действие другого. Так, аддиктивные зачастую выступают деструктивным спо-

собою совладания с постпенитенциарными трудностями – отсутствием работы и жилья, социальной изоляцией, разрывом социально-полезных связей. В свою очередь, материальное неблагополучие и дискриминация на рынке труда ограничивают доступ к легальным источникам дохода, создавая предпосылки для возврата к противоправным способам решения финансовых вопросов. Личностные деформации выступают внутренней основой, на которой указанные внешние факторы реализуются в повторном преступном поведении.

Таким образом, эффективная профилактика рецидивной преступности среди данной категории осужденных не может быть сведена к отдельным разрозненным мерам, а требует системного межведомственного подхода, объединяющего медицинскую, психологическую, социальную и трудовую реабилитацию. Особое значение приобретает организация комплексного постпенитенциарного сопровождения, направленного не только на устранение внешних барьеров (трудоустройство, отсутствие жилья), но и на глубинную психокоррекционную работу по трансформации криминальной идентичности и формированию социально-ответственных установок. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и апробацией конкретных моделей профилактического воздействия с учетом выявленных взаимосвязей между факторами.

Список литературы:

- [1] Кряжева С.Г., Москвитина М.М. Наркотическая и алкогольная зависимости как детерминанта совершения повторных преступлений // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11-15.
- [2] Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 с.
- [3] Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М.: Юрид. лит., 1968. 136 с.
- [4] Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф., Беспалова А.В. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект // Психология и право. 2024. № 14(4), С. 68-84.
- [5] Колесникова Н.Е. Личные особенности осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 40-44.
- [6] Звонов А.В., Пичугин С.А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 11-14.
- [7] Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. К вопросу о факторах рецидивной преступности: результаты исследования / С. Г. Кряжева, Н. Г. Соболев // Юридическая наука. – 2026. – № 2. – С. 307-308.

References:

- [1] Kryazheva S.G., Moskvitina M.M. Drug and Alcohol Dependence as a Determinant of Repeat Offenses // Narcocontrol. 2022. No. 3. pp. 11-15.
- [2] Antonyan E.A. Personality of a Recidivist: Criminological and Criminal-Executive Research: Dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2014. 345 p.
- [3] Kovalev A.G. Psychological Foundations of Offender Rehabilitation. Moscow: Legal Literature, 1968. 136 p.
- [4] Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bespalova A.V. Modern Problems of Repeat Offenses. Social and Psychological Aspect // Psychology and Law. 2024. No. 14(4), pp. 68-84.
- [5] Kolesnikova N.E. Personal characteristics of convicts serving sentences in a strict regime colony // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. No. 1 (6). pp. 40-44.
- [6] Zvonov A.V., Pichugin S.A. Analysis of the causes and conditions for the commission of repeat crimes by persons sentenced to punishments and other measures of a criminal-law nature not associated with isolation from society // Penitentiary science. 2013. No. 2 (22). pp. 11-14.
- [7] Kryazheva S.G., Sobolev N.G. On the issue of factors of recidivism: research results / S. G. Kryazheva, N. G. Sobolev // Legal science. – 2026. – No. 2. – P. 307-308.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-668-676

Дата принятия рукописи в печать: 18.07.2026 г.

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ СМЯГЧЕНИЯ И УЖЕСТОЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. В статье исследуются современные направления развития уголовной ответственности за экономические преступления в российском праве. Обосновывается, что уголовно-правовая политика в сфере экономики после 2020 г. развивается по двум взаимосвязанным, но внешне противоположным направлениям: гуманизация ответственности за деяния, совершенные в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности при условии возмещения ущерба, и ужесточение реакции на организованные, системные, коррупционно обусловленные, налоговые, финансовые и цифровые формы экономической преступности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения уголовно наказуемого поведения и предпринимательского риска, роли компенсационных механизмов, значению штрафа и иных наказаний, не связанных с лишением свободы, а также вопросам назначения наказания с учетом степени общественной опасности деяния. Сделан вывод о необходимости дальнейшей дифференциации уголовной ответственности, при которой смягчение наказания допустимо в отношении лиц, не представляющих высокой общественной опасности и реально восстановивших нарушенные имущественные интересы, тогда как ужесточение оправдано в отношении организаторов устойчивых преступных схем, извлекающих незаконную выгоду из злоупотребления экономическими институтами.

Ключевые слова: экономические преступления, уголовная ответственность, наказание, гуманизация, ужесточение, предпринимательский риск, налоговые преступления, легализация доходов, штраф, возмещение ущерба, уголовная политика.

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC CRIMES: TRENDS IN MITIGATION AND TIGHTENING OF PUNISHMENT

Annotation. The article examines current trends in the development of criminal liability for economic crimes in Russian law. It is argued that criminal law policy in the economic sphere after 2020 is developing in two interrelated but externally opposite directions: the humanization of liability for acts committed in entrepreneurial and other economic activities, provided that damage is compensated, and the tightening of criminal response to organized, systemic, corruption-related, tax, financial and digital forms of economic crime. Special attention is paid to the distinction between criminal conduct and entrepreneurial risk, the role of compensatory mechanisms, the importance of fines and other non-custodial penalties, as well as sentencing issues taking into account the degree of public danger of the act. The article concludes that further differentiation of criminal liability is necessary: mitigation is justified for persons who do not pose a high public danger and have actually restored violated property interests, whereas tightening is justified for organizers of stable criminal schemes who derive illegal benefits from abusing economic institutions.

Key words: economic crimes, criminal liability, punishment, humanization, tightening, entrepreneurial risk, tax crimes, money laundering, fine, compensation for damage, criminal law policy.

Введение

Экономические преступления традиционно относятся к числу наиболее сложных объектов уголовно-правового регулирования. Их специфика состоит в том, что они совершаются в сфере имущественного оборота, предпринимательства, финансов, налогообложения, корпоративного управления, кредитования и иных отношений, в которых правомерная хозяйственная активность нередко граничит с противоправным поведением. В отличие от многих общеуголовных посягательств, экономическое преступление далеко не всегда проявляется в очевидной насильственной или открыто противоправной форме. Оно может быть включено в систему договорных, расчетных, налоговых, корпоративных или банковских операций, что существенно осложняет его выявление, квалификацию и доказывание [1; 2].

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, экономическая преступность непосредственно влияет на состояние предпринимательской среды, инвестиционный климат, устойчивость финансовой системы и доверие участников гражданского оборота. Во-вторых, чрезмерная уголовная репрессия в сфере экономики способна порождать обратный эффект: снижать деловую активность, стимулировать уход бизнеса в теневой сектор, создавать риски использования уголовного преследования как инструмента корпоративного или конкурентного давления. В-третьих, недостаточная строгость уголовно-правовой реакции на организованные экономические схемы, напротив, формирует ощущение безнаказанности и делает незаконное обогащение экономически выгодным [3; 4].

После 2020 г. проблема соотношения смягчения и ужесточения наказаний за экономические преступления приобрела особую значимость. Цифровизация финансового оборота, расширение дистанционных способов заключения сделок, рост электронных платежей, развитие криптоактивов и трансграничных расчетных механизмов привели к усложнению экономической преступности. Одновременно государство декларирует необходимость снижения необоснованного уголовно-правового давления на предпринимательскую деятельность, что предполагает более широкое использование компенсационных и альтернативных мер воздействия [5; 6].

В научной литературе справедливо отмечается, что уголовное право в экономической сфере должно быть предельно точным и сдержанным: оно не может заменять гражданско-правовую, налоговую, административную и дисциплинарную ответственность, но обязано эффективно реагировать на деяния, причиняющие существенный

вред охраняемым законом интересам [7]. Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных тенденций смягчения и ужесточения наказаний за экономические преступления, а также в определении критериев их справедливого сочетания.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

раскрыть специфику экономических преступлений как объекта уголовно-правового регулирования;

определить основные проявления гуманизации ответственности в сфере экономики;

выявить направления ужесточения уголовной ответственности за наиболее опасные формы экономической преступности;

сформулировать критерии дифференциации наказаний;

определить перспективы дальнейшего развития уголовной политики в данной области.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, логико-догматический и криминологический методы. Использован анализ научной литературы, учебных и комментаторских источников, посвященных общей теории наказания, квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, а также современным тенденциям противодействия финансовой, налоговой и организованной преступности [1; 3; 8].

Экономические преступления представляют собой совокупность общественно опасных деяний, посягающих на установленный порядок осуществления экономической деятельности, имущественные интересы граждан, организаций и государства, финансовую систему, нормальное функционирование рынка, конкуренцию, налоговую дисциплину и доверие к хозяйственному обороту. В российском уголовном законодательстве значительная часть таких преступлений сосредоточена в главе 22 УК РФ, однако экономическая направленность может быть присуща и деяниям, расположенным в иных главах Особенной части, например мошенничеству, присвоению и растрате, легализации преступных доходов, коррупционным преступлениям, преступлениям в сфере компьютерной информации [2; 4].

Особенность данной категории преступлений заключается в том, что их объектом является не только конкретное имущество или имущественное право, но и более сложные социально-экономические отношения. Например, незаконное получение кредита подрывает доверие к кредитной системе; уклонение от уплаты налогов нарушает публичные финансовые интересы; манипулирование рынком и злоупотребления при эмиссии ценных бумаг воздействуют на стабильность ин-

вестиционного оборота; легализация преступных доходов способствует включению криминального капитала в легальную экономику [5; 9].

Сложность уголовно-правовой оценки экономических преступлений связана также с тем, что многие из них совершаются с использованием юридических лиц, многоступенчатых договорных схем, фиктивного документооборота, номинальных руководителей, аффилированных организаций, электронных платежных инструментов. В таких условиях особое значение приобретает установление умысла, действительной роли лица, конечного выгодоприобретателя, размера ущерба и причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями [6; 10].

При этом не всякое нарушение в экономической сфере должно влечь уголовную ответственность. Хозяйственная деятельность неизбежно связана с риском, ошибками прогнозирования, изменением рыночной конъюнктуры, недобросовестностью контрагентов, колебаниями валютных курсов, изменением регулирования и иными объективными факторами. Поэтому уголовно наказуемым должно признаваться только такое поведение, которое обладает достаточной степенью общественной опасности и содержит признаки виновного, умышленного либо предусмотренного законом неосторожного нарушения уголовно-правового запрета [1; 7].

В этом проявляется принципиальное отличие экономического преступления от гражданско-правового деликта или административного правонарушения. Для уголовной ответственности недостаточно самого факта неисполнения обязательства, неполучения ожидаемого экономического результата или причинения имущественного вреда. Необходимо доказать наличие состава преступления, включая объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Такое требование имеет особое значение в сфере предпринимательства, где уголовно-правовая ошибка может повлечь серьезные последствия не только для конкретного лица, но и для всей хозяйственной структуры [3; 8].

Одной из наиболее устойчивых тенденций последних лет является гуманизация уголовной ответственности за экономические преступления. Она выражается не в отказе государства от защиты экономического порядка, а в стремлении применять уголовно-правовые меры более избирательно, соразмерно и экономически рационально.

Гуманизация прежде всего проявляется в признании приоритетного значения возмещения ущерба. В сфере экономических преступлений восстановление нарушенных имущественных интересов часто имеет не меньшее, а иногда и боль-

шее значение, чем назначение длительного срока лишения свободы. Если лицо впервые совершило преступление, признало вину, компенсировало ущерб, способствовало раскрытию деяния и не представляет высокой общественной опасности, применение наказания, не связанного с изоляцией от общества, может быть более эффективным с точки зрения целей уголовного закона [1; 4].

Такой подход соответствует восстановительной функции уголовной ответственности. Экономическое преступление причиняет прежде всего имущественный вред, поэтому государство заинтересовано в том, чтобы виновное лицо не только понесло наказание, но и реально компенсировало причиненные убытки. Назначение лишения свободы в подобных случаях не всегда способствует достижению этой цели: изоляция лица может лишить его возможности продолжать экономическую деятельность и погашать ущерб [5].

Второе направление гуманизации связано с расширением применения наказаний, не связанных с лишением свободы. К ним относятся штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, ограничение свободы, условное осуждение. Для многих экономических преступлений именно штраф и дополнительные ограничения профессионального характера обладают значительным превентивным потенциалом, поскольку воздействуют на экономическую мотивацию виновного [2; 6].

Штраф в данном контексте выполняет двойную функцию. С одной стороны, он является формой государственного порицания и имущественного взыскания. С другой – способен нейтрализовать экономическую привлекательность преступления. Однако эффективность штрафа зависит от его соразмерности имущественному положению осужденного и размеру извлеченной выгоды. Слишком низкий штраф может восприниматься как приемлемая «цена риска», а чрезмерно высокий – как фактически неисполнимое наказание, утрачивающее реальный смысл [3; 7].

Третье проявление гуманизации состоит в более осторожном отношении к уголовному преследованию предпринимателей и руководителей организаций в ситуациях хозяйственного риска. Предпринимательская деятельность по своей природе предполагает принятие решений в условиях неопределенности. Ошибка в оценке рынка, просчет в инвестиционном проекте, неплатежеспособность контрагента или нарушение сроков исполнения договора не должны автоматически рассматриваться как свидетельство преступного умысла [8].

Именно поэтому важнейшей задачей правоприменения является разграничение преступления и неудачного бизнеса. Уголовная ответственность допустима тогда, когда установлено, что лицо изначально не намеревалось исполнять обязательства, использовало фиктивные документы, вводило контрагентов или государственные органы в заблуждение, скрывало активы, создавало искусственные условия для причинения ущерба либо извлекало незаконную выгоду заведомо противоправным способом [4; 9].

Четвертое направление смягчения связано с развитием институтов освобождения от уголовной ответственности при выполнении виновным определенных позитивных условий. В экономической сфере такие институты особенно значимы, поскольку позволяют сочетать публичный интерес в пресечении преступления с частным и государственным интересом в восстановлении имущественного положения потерпевших. При этом важно, чтобы подобные механизмы не превращались в средство «выкупа» от ответственности для лиц, систематически совершающих преступления [1; 5].

Следовательно, гуманизация имеет пределы. Она оправдана в отношении лиц, совершивших деяние впервые, не являющихся организаторами устойчивых преступных схем, добровольно возместивших ущерб и не представляющих высокой общественной опасности. Но она не должна распространяться на профессиональных участников теневой экономики, использующих бизнес-структуры как прикрытие для преступной деятельности.

Наряду с гуманизацией развивается противоположная тенденция – ужесточение уголовно-правовой реакции на отдельные виды экономических преступлений. Это обусловлено объективным ростом сложности и общественной опасности современной экономической преступности.

Во-первых, экономические преступления все чаще приобретают организованный характер. Преступная деятельность может осуществляться через сеть взаимосвязанных юридических лиц, номинальных директоров, подставных индивидуальных предпринимателей, фиктивные договоры, транзитные счета, зарубежные компании, электронные платежные сервисы. В таких условиях преступление перестает быть единичным нарушением и превращается в устойчивую модель незаконного обогащения [6; 10].

Организованный характер деяния является одним из ключевых оснований для ужесточения наказания. Если лицо не просто нарушило закон, а создало или возглавило преступную схему, распределило роли между участниками, обеспечило

сокрытие следов и извлекало систематическую выгоду, назначение мягкого наказания не отвечает целям предупреждения преступлений. В таких случаях необходима более строгая уголовно-правовая реакция, включая реальное лишение свободы, крупные штрафы, конфискационные и запретительные меры [2; 4].

Во-вторых, усиливается внимание к преступлениям, причиняющим ущерб бюджетной системе. Налоговые преступления обладают высокой общественной опасностью, поскольку нарушают принцип равного распределения публичных финансовых обязанностей. Недобросовестный налогоплательщик получает конкурентное преимущество перед теми субъектами, которые исполняют свои обязанности добросовестно. Поэтому уклонение от уплаты налогов в крупном и особо крупном размере, совершенное с использованием фиктивного документооборота и схемных операций, объективно требует более жесткой оценки [3; 9].

Вместе с тем и здесь необходима дифференциация. Не каждое налоговое нарушение является преступлением. Ошибка в налоговом учете, спор о квалификации сделки, неоднозначность регулирования или применение спорной налоговой модели не должны автоматически влечь уголовную ответственность. Ужесточение оправдано прежде всего там, где доказаны умысел, искусственный характер операций, отсутствие реального экономического содержания сделок и направленность поведения на незаконное уменьшение налоговых обязательств [7; 8].

В-третьих, возрастает значение борьбы с легализацией преступных доходов. Легализация представляет собой не просто последующее распоряжение преступно полученным имуществом, а механизм включения криминального капитала в законный экономический оборот. Такая деятельность создает угрозу финансовой системе, способствует коррупции, финансированию организованной преступности и искажению конкуренции [5; 10].

В этих условиях ужесточение ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путем, является реакцией не только на национальные, но и на глобальные вызовы экономической безопасности.

В-четвертых, ужесточение связано с цифровизацией экономической преступности. Электронная коммерция, дистанционное банковское обслуживание, цифровые платформы и виртуальные активы расширили возможности совершения мошенничества, незаконного оборота денежных средств, манипулирования данными, хищения средств с использованием информационных тех-

нологий. Такие преступления могут причинять массовый ущерб большому числу потерпевших и совершаться с высокой степенью анонимности [6; 11].

В-пятых, особое значение приобретает борьба с коррупционно-экономическими преступлениями. Экономическая преступность часто сопряжена с подкупом, злоупотреблением полномочиями, незаконным участием должностных лиц в коммерческих схемах, предоставлением преимуществ аффилированным структурам. В таких случаях вред выходит за пределы имущественного ущерба: подрывается доверие к публичной власти и принцип равенства участников экономического оборота [9; 12].

Таким образом, ужесточение уголовной ответственности в сфере экономики обусловлено не стремлением к расширению репрессии как таковой, а необходимостью реагирования на наиболее опасные формы преступного поведения: организованность, крупный ущерб, повторность, профессиональный характер, коррупционную составляющую, цифровую маскировку и трансграничность.

Главная проблема уголовной ответственности за экономические преступления состоит не в выборе между смягчением и ужесточением, а в определении условий, при которых должно применяться то или иное направление. Универсальная гуманизация столь же опасна, как и универсальная репрессия. Первая может привести к фактической безнаказанности сложных преступных схем, вторая – к подавлению предпринимательской инициативы и криминализации обычных хозяйственных конфликтов [1; 7].

Дифференциация наказания должна основываться на совокупности критериев. Первым критерием является характер деяния. Если преступление выражается в единичном нарушении, не сопряжено с созданием фиктивных структур, не имеет признаков организованности и совершено в условиях хозяйственного риска, основания для мягкого подхода значительно шире. Если же деяние представляет собой заранее разработанную схему незаконного обогащения, наказание должно быть более строгим [2; 4].

Вторым критерием выступает размер ущерба и объем незаконной выгоды. Экономические преступления часто имеют стоимостное выражение, поэтому масштаб причиненного вреда объективно влияет на степень общественной опасности. Однако важно учитывать не только формальный размер ущерба, но и последствия для потерпевших, бюджета, работников организации, кредиторов, инвесторов и иных участников оборота [3; 8].

Третьим критерием является роль виновного. Организатор, руководитель схемы, конечный

выгодоприобретатель и лицо, обеспечивающее сокрытие преступных доходов, должны нести более строгую ответственность, чем номинальный участник или исполнитель, чья роль была ограниченной. В экономических преступлениях данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку формальный руководитель организации не всегда совпадает с фактическим контролирующим лицом [5; 10].

Четвертым критерием выступает поведение лица после совершения преступления. Добровольное возмещение ущерба, содействие расследованию, раскрытие схемы, предоставление документов, отказ от дальнейшего противоправного поведения должны учитываться как обстоятельства, свидетельствующие о возможности применения менее строгих мер. Напротив, сокрытие активов, давление на свидетелей, уничтожение документов, продолжение преступной деятельности указывают на необходимость ужесточения [1; 6].

Пятым критерием является повторность и системность поведения. Если экономическое преступление является случайным эпизодом, уголовно-правовая реакция может быть менее строгой. Если же лицо неоднократно использует одни и те же незаконные механизмы, меняет юридические лица, привлекает номинальных участников и продолжает извлекать выгоду, применение мягких мер не обеспечивает предупреждения преступлений [4; 9].

Шестым критерием является соотношение уголовного и иных видов правового воздействия. В сфере экономики уголовное право должно применяться как *ultima ratio* – крайнее средство защиты наиболее значимых общественных отношений. Если цели правового воздействия могут быть достигнуты гражданско-правовыми, административными, налоговыми или дисциплинарными механизмами, криминализация поведения требует особого обоснования. Но если указанные средства не способны пресечь устойчивую преступную деятельность, уголовная репрессия становится необходимой [7; 8].

Таким образом, дифференциация наказаний позволяет соединить две задачи: защиту экономики от преступных посягательств и недопущение чрезмерного вмешательства государства в предпринимательскую деятельность.

При обсуждении смягчения и ужесточения ответственности особое значение имеет вопрос об эффективности конкретных видов наказаний. Для экономических преступлений наиболее дискуссионным является соотношение штрафа и лишения свободы.

Штраф традиционно считается одним из наиболее адекватных наказаний за преступления

имущественной и экономической направленности. Он соответствует природе деяния, поскольку воздействует на имущественную сферу виновного. Кроме того, штраф не разрушает социальные связи лица, не исключает его из экономического оборота и может сочетаться с обязанностью возмещения ущерба [1; 3].

Однако штраф эффективен только при соблюдении нескольких условий. Во-первых, его размер должен быть ощутимым для виновного. Во-вторых, он не должен препятствовать исполнению обязанности по компенсации вреда потерпевшим. В-третьих, он должен учитывать реальную платежеспособность лица. В-четвертых, штраф должен сопровождаться механизмами исполнения, иначе он превращается в формальную санкцию [4].

Лишение свободы, напротив, должно применяться в сфере экономических преступлений избирательно. Оно оправдано прежде всего в отношении лиц, совершивших тяжкие, организованные, многоэпизодные деяния, причинивших особо крупный ущерб, использовавших служебное положение, вовлекших иных лиц в преступную деятельность, не возместивших ущерб и продолжавших противоправное поведение. В таких случаях изоляция выполняет не только карательную, но и превентивную функцию [2; 6].

Вместе с тем широкое применение лишения свободы за экономические преступления может иметь негативные последствия. Оно не всегда способствует возмещению ущерба, увеличивает нагрузку на уголовно-исполнительную систему и может препятствовать возвращению лица к легальной экономической деятельности. Поэтому лишение свободы должно рассматриваться как необходимая мера в случаях высокой общественной опасности, а не как универсальный ответ на любое экономическое преступление [7; 8].

Перспективным представляется более активное использование дополнительных наказаний и ограничений: запрета занимать руководящие должности, осуществлять определенную деятельность, участвовать в управлении юридическими лицами, работать в финансовой сфере, распоряжаться определенными активами. Такие меры позволяют адресно воздействовать на источник криминального риска, не прибегая во всех случаях к изоляции от общества [5; 9].

Отдельного внимания заслуживает цифровизация экономической преступности. После 2020 г. цифровая среда стала не только пространством легального предпринимательства, но и инструментом совершения преступлений. Распространение дистанционных банковских услуг, маркетплейсов, электронных платежей, криптова-

лютных операций и автоматизированных систем управления активами создало новые возможности для незаконного извлечения выгоды [6; 11].

Цифровые экономические преступления имеют несколько особенностей. Во-первых, они могут совершаться дистанционно, без физического контакта с потерпевшим. Во-вторых, преступник может использовать технические средства сокрытия личности и местонахождения. В-третьих, ущерб может причиняться одновременно множеству лиц. В-четвертых, следы преступления часто имеют электронную форму, что требует специальных знаний при расследовании и оценке доказательств [11].

Эти особенности объективно способствуют ужесточению уголовно-правового реагирования в отношении профессиональных цифровых преступных групп. Если экономическое преступление совершается с использованием вредоносного программного обеспечения, фишинговых схем, незаконного доступа к финансовым данным, подмены платежных реквизитов или криптовалютных миксеров, его общественная опасность существенно возрастает [6; 12].

Однако цифровизация не должна служить основанием для автоматического ужесточения наказания во всех случаях. Важно учитывать, является ли использование цифровых технологий способом совершения преступления, повышающим его опасность, или лишь обычной формой современной хозяйственной деятельности. Например, заключение договора в электронной форме само по себе не свидетельствует о преступном характере поведения. Значение имеют умысел, обман, причиненный ущерб, незаконная выгода и иные признаки состава преступления [8; 10].

Современная экономическая преступность не ограничивается национальными границами. Финансовые потоки могут быстро перемещаться между юрисдикциями, использовать банковские и небанковские каналы, электронные активы, номинальных собственников, офшорные компании и профессиональных посредников. Поэтому уголовная политика в сфере экономических преступлений неизбежно учитывает международные тенденции [11; 12].

Международные исследования последних лет подчеркивают, что борьба с финансовой преступностью требует не только наказания конкретных лиц, но и повышения прозрачности экономического оборота, выявления бенефициарных владельцев, контроля подозрительных операций, укрепления корпоративного комплаенса и межгосударственного обмена информацией [11]. Эти направления оказывают влияние и на национальную уголовную политику.

В международном контексте также заметно сочетание смягчения и ужесточения. С одной стороны, развивается практика соглашений, добровольного раскрытия информации, корпоративного комплаенса, возмещения ущерба и отказа от наиболее жестких санкций при сотрудничестве с органами власти. С другой стороны, усиливается ответственность за отмывание денег, коррупцию, финансирование преступных структур, нарушение санкционных режимов, использование цифровых активов для сокрытия незаконных доходов [12].

Для российского уголовного права международный опыт важен прежде всего в части разработки риск-ориентированного подхода. Необходимо отличать добросовестного участника экономического оборота, допустившего нарушение, от лица, использующего экономические институты как инструмент преступного обогащения. Именно такое разграничение позволяет избежать как чрезмерной мягкости, так и чрезмерной репрессии [5; 7].

Несмотря на наличие общих тенденций, правоприменительная практика в сфере экономических преступлений сталкивается с рядом проблем. Первая из них – риск подмены гражданско-правового спора уголовным преследованием. Особенно часто это проявляется в конфликтах между контрагентами, участниками корпораций, кредиторами и должниками. Если уголовное право используется как средство давления в хозяйственном споре, нарушается его публично-правовая природа и подрывается доверие к правосудию [1; 8].

Вторая проблема связана с доказыванием умысла. Экономические преступления нередко имеют сложную объективную сторону, а виновные лица используют формально законные документы. Поэтому установление субъективной стороны требует анализа всей совокупности обстоятельств: предшествующего поведения, содержания переговоров, реальности хозяйственных операций, движения денежных средств, наличия активов, экономического смысла сделок [4; 10].

Третья проблема состоит в определении размера ущерба. В экономических делах ущерб может рассчитываться по-разному в зависимости от методики, вида обязательств, налоговых последствий, стоимости активов, реальности дебиторской задолженности. Ошибка в определении ущерба способна повлиять на квалификацию преступления и строгость наказания [3; 9].

Четвертая проблема это – неоднородность подходов к назначению наказания. В одних случаях суды активно учитывают возмещение ущерба и назначают наказания, не связанные с лишением свободы; в других, при сходных обстоятельствах, применяются более строгие меры. Это снижает

предсказуемость уголовной политики и требует дальнейшего развития разъяснений, научных рекомендаций и единых критериев индивидуализации наказания [2; 7].

Пятый риск связан с чрезмерной верой в карательный эффект лишения свободы. Для экономических преступлений важна не только суровость наказания, но и его неизбежность, экономическая чувствительность и способность восстанавливать нарушенные интересы. Если лицо получает длительный срок лишения свободы, но причиненный ущерб не возмещается, потерпевшие и государство не всегда получают реальный восстановительный результат [5].

Следовательно, эффективность уголовно-правовой политики определяется не количеством строгих приговоров, а способностью системы отличать разные уровни общественной опасности и применять к ним адекватные меры.

Перспективы развития уголовной ответственности за экономические преступления связаны с несколькими направлениями:

Во-первых, необходимо дальнейшее уточнение критериев разграничения преступления и предпринимательского риска. Такие критерии должны учитывать реальность хозяйственной операции, наличие экономического смысла сделки, поведение лица до и после возникновения обязательства, движение денежных средств, наличие намерения исполнить обязательство, степень осмотрительности и добросовестности [1; 8].

Во-вторых, следует развивать компенсационную модель ответственности. Возмещение ущерба должно оставаться одним из ключевых факторов смягчения наказания. Однако этот механизм должен применяться только тогда, когда компенсация является реальной, полной или значительной, добровольной и не сопровождается сокрытием иных эпизодов преступной деятельности [3; 5].

В-третьих, необходимо совершенствовать систему наказаний имущественного характера. Штраф должен быть соразмерен незаконной выгоде и имущественному положению виновного. В противном случае он либо не достигает превентивной цели, либо становится неисполнимым. Перспективным является более гибкое сочетание штрафа с запретами на определенную деятельность, конфискационными механизмами и обязанностью возместить ущерб [2; 4].

В-четвертых, следует усилить уголовно-правовую реакцию на организаторов устойчивых экономических схем. Именно они являются главными выгодоприобретателями преступной деятельности, тогда как формальные исполнители часто занимают зависимое или второстепенное положение.

ние. Правильное установление фактического контроля над юридическими лицами и денежными потоками имеет принципиальное значение для справедливого наказания [6; 10].

В-пятых, необходимо учитывать цифровой характер современной экономической преступности. Это требует развития специальных знаний у следователей, прокуроров, судей и экспертов, совершенствования методик анализа электронных доказательств, финансовых транзакций, криптоактивов и цифровых следов [11; 12].

В-шестых, важным направлением является развитие корпоративного комплаенса. Добросовестные организации должны иметь стимулы к предотвращению экономических преступлений внутри своей структуры: внедрению антикоррупционных процедур, внутреннего аудита, контроля за контрагентами, финансового мониторинга, механизмов сообщения о нарушениях. Наличие эффективной системы комплаенса может учитываться при оценке добросовестности организации и ее руководителей [9; 12].

Заключение

Современная уголовная ответственность за экономические преступления развивается в условиях сложного баланса между двумя тенденциями: смягчением и ужесточением наказаний. Эти тенденции не являются взаимоисключающими. Напротив, они отражают потребность в более точной и дифференцированной уголовно-правовой политике.

Смягчение наказаний оправдано в случаях, когда деяние не носит организованного и системного характера, совершено впервые, связано с хозяйственным риском либо незначительной степенью общественной опасности, а причиненный ущерб добровольно возмещен. В таких ситуациях наиболее эффективными могут быть штраф, условное осуждение, запрет заниматься определенной деятельностью, иные меры, не связанные с изоляцией от общества.

Ужесточение наказаний необходимо в отношении организованных, многоэпизодных, коррупционно обусловленных, налоговых, финансовых и цифровых преступлений, причиняющих крупный ущерб и подрывающих основы экономического порядка. Особенно строгая реакция должна применяться к организаторам преступных схем, фактическим выгодоприобретателям, лицам, скрывающим активы, использующим фиктивный документооборот и продолжающим противоправную деятельность после выявления нарушений.

Оптимальная модель уголовной политики в сфере экономических преступлений должна строиться на следующих принципах:

уголовное право применяется как крайнее

средство защиты экономических отношений;

наказание должно учитывать не только формальный состав преступления, но и реальную степень общественной опасности;

возмещение ущерба является важным, но не универсальным основанием смягчения;

организованный и профессиональный характер преступной деятельности должен влечь более строгую ответственность;

лишение свободы должно применяться избирательно, преимущественно к лицам, представляющим повышенную общественную опасность;

штрафы и иные имущественные меры должны быть экономически ощутимыми и исполнимыми;

правоприменение должно исключать подмену гражданско-правовых и налоговых споров уголовным преследованием.

Таким образом, будущее уголовной ответственности за экономические преступления связано не с односторонним усилением репрессии и не с безусловной либерализацией, а с развитием гибкой системы индивидуализации наказания. Только такой подход позволяет одновременно защищать экономический порядок, обеспечивать восстановление нарушенных прав, поддерживать добросовестное предпринимательство и эффективно противодействовать профессиональной экономической преступности.

Список литературы:

[1] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2023.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2023.

[3] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023.

[5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический комментарий / отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Проспект, 2021.

[6] Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2024.

[7] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко. М.: Юрайт, 2023.

[8] Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко. М.: Юрайт, 2023.

[9] Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. Е.В. Охотского. М.: Юрайт, 2022.

[10] Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: Проспект, 2021.

[11] FATF. Countering Ransomware Financing. Paris: FATF, 2023.

[12] Europol. European Financial and Economic Crime Threat Assessment 2023: The Other Side of the Coin. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023.

[13] OECD. Corporate Anti-Corruption Compliance Drivers, Mechanisms, and Ideas for Change. Paris: OECD Publishing, 2020.

[14] United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Corruption in Sport. Vienna: United Nations, 2021.

[15] Levi M. Economic Crime: From Conception to Response. London: Routledge, 2022.

References:

[1] Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook/ed. A.I. Raroga. M.: Prospect, 2023.

[2] Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook/ed. A.I. Raroga. M.: Prospect, 2023.

[3] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. A.I. Chuchayev. M.: Norm: INFRA-M, 2022.

[4] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes/rev. ed.

V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2023.

[5] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary/rev. ed. A.V. Diamonds. M.: Prospect, 2021.

[6] Russian criminal law. Special part: textbook for universities: in 2 volumes/rev. ed. O.S. Kapinus. M.: Yurayt, 2024.

[7] Criminal law. General part: textbook for universities/ed. I.Ya. Kozachenko. M.: Yurayt, 2023.

[8] Criminal law. Special part: textbook for universities/ed. I.Ya. Kozachenko. M.: Yurayt, 2023.

[9] Anti-corruption: textbook and workshop for universities/under the general. ed. E.V. Okhotsky. M.: Yurayt, 2022.

[10] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. V.P. Konyakhina, M.L. Prokhorova. M.: Prospect, 2021.

[11] FATF. Countering Ransomware Financing. Paris: FATF, 2023.

[12] Europol. European Financial and Economic Crime Threat Assessment 2023: The Other Side of the Coin. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023.

[13] OECD. Corporate Anti-Corruption Compliance Drivers, Mechanisms, and Ideas for Change. Paris: OECD Publishing, 2020.

[14] United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Corruption in Sport. Vienna: United Nations, 2021.

[15] Levi M. Economic Crime: From Conception to Response. London: Routledge, 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-677-681

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ИСТОЧНИКА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ РАБОТУ В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Аннотация. Публикация посвящена актуальному вопросу начала функционирования у нас в стране института пробации, а в частности аспектам структурного содержания и вопросам практической реализации воспитательной и социальной работ в сфере исполнительного и пенитенциарного вида пробации, регламентированных федеральным, нормативным правовым источником.

Все виды пробации представляют из себя некоторое поле воспитательной и социальной деятельности для системы субъектов их реализующих. До введения в действие соответствующего федерального закона эти поле деятельности и субъекты воспитательной и социальной работы были разобщены, представляя весьма различные министерства, ведомства и общественные организации. Опыт объединения их усилий требует и осмысления профессиональной подготовки (переподготовки) субъектов воспитательной и социальной работы с пробантами.

Цель статьи – определение содержательных и процессуальных характеристик реализации воспитательной и социальной работы в сфере исполнительной и пенитенциарной пробации посредством анализа содержания регламентирующего их федерального правового источника.

Задачи исследования: уточнение новых вопросов, связанных с взаимодействием основных субъектов воспитательной и социальной работы, появившихся в связи с возникновением нового социального института – института пробации; определение новых проблемных вопросов, вероятно возникших в связи с реализацией воспитательной и социальной работы с пробантами в сферах исполнительной и пенитенциарной пробации после создания у нас в стране впервые системы субъектов реализации воспитательной и социальной работы с пробантами; установление основных направлений деятельности (работ) в сфере исполнительной пробации посредством анализа содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной пробации; выявление основных направлений деятельности в сфере исполнительной пробации путем изучения содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу.

Рабочие гипотезы исследования: стремясь к разрешению важнейшего проблемного вопроса минимизации рецидивной преступности, институт пробации обусловил появление новых вопросов, связанных с взаимодействием основных субъектов воспитательной и социальной работы; созданная у нас в стране впервые система субъектов реализации воспитательной и социальной работы с пробантами в сферах исполнительной и пенитенциарной пробации, возможно испытывает проявление различных проблемных вопросов, связанных реализацией указанных видов работ; анализ содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной пробации, способствует определению основных направлений деятельности (работ) в сфере исполнительной пробации; содержание федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной пробации, позволит установить основные направления деятельности в сфере исполнительной пробации.

Результаты исследования. По результатам проведенного анализа содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу

в сфере исполнительной и пенитенциарной probation определено несколько выводов (результатов). В отношении исполнительного вида probation законодатель, раскрывая сущность воспитательной и социальной работы с пробантами, установил основные направления этих работ: ресоциализацию, социальную адаптацию, социальную реабилитацию. В направлении содержания пенитенциарного вида probation законодателем определяются основные направления этого этапа probation и первым из них указан реализация именно воспитательная и социальная работа с пробантами. В статье пятнадцать ФЗ определена сущность социальной реабилитации осужденных-пробантов, в частности, определено, что эта работа по формированию и развитию социально-полезных, конструктивных связей проводится с целью развития новых моральных ценностей, норм, а также системы установок. Также, стоит отметить, что здесь субъекты probation выступают здесь, скорее, в роли психологов, чем социальных работников.

Законодатель относит к числу субъектов probation, оказывающих конструктивное воздействие на осужденных-пробантов, широкий круг лиц, а именно: трудовые коллективы, образовательные организации, некоммерческие организации и родственников пробантов, религиозные организации, общественные объединения, добровольцы и волонтеры.

Ключевые слова: содержание правового источника, воспитательная работа, социальная работа, исполнительный вид probation, пенитенциарный вид probation, социальные нормы, моральные ценности, социально-полезные связи, сотрудники воспитательной службы, сотрудники социальной службы, переподготовка.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

ANALYSIS OF THE FEDERAL LEGAL SOURCE REGULATING EDUCATIONAL AND SOCIAL WORK IN THE FIELD OF EXECUTIVE AND PENITENTIARY PROBATION

Annotation. This publication is devoted to the current issue of the inception of the probation system in our country, specifically the structural aspects and practical implementation of educational and social work in the areas of executive and penitentiary probation, as regulated by federal legal regulations.

All types of probation represent a specific field of educational and social activity for the system of entities implementing them. Prior to the enactment of the relevant federal law, these fields of activity and the entities implementing educational and social work were disjointed, representing very different ministries, agencies, and public organizations. The experience of combining their efforts also requires an understanding of the professional training (retraining) of those implementing educational and social work with probationers.

The purpose of this article is to define the substantive and procedural characteristics of the implementation of educational and social work in the area of executive and penitentiary probation by analyzing the content of the federal legal source regulating them.

Objectives of the study: to clarify new issues related to the interaction of the main actors in educational and social work that have arisen in connection with the emergence of a new social institution – the institution of probation; to identify new problems that may have arisen in connection with the implementation of educational and social work with probationers in the spheres of executive and penitentiary probation after the creation in our country for the first time of a system of entities implementing educational and social work with probationers; to establish the main areas of activity (work) in the field of executive probation through an analysis of the content of the federal legal source regulating educational and social work in the field of executive and penitentiary probation; to identify the main areas of activity in the field of executive probation by studying the content of the federal legal source regulating educational and social work.

Working hypotheses of the study: striving to resolve the most important problematic issue of minimizing recidivism, the institution of probation has given rise to new issues related to the interaction of the main actors in educational and social work; The system of entities implementing educational and social work with probationers in the areas of executive and penitentiary probation, created for the

first time in our country, may be experiencing various problematic issues related to the implementation of these types of work. An analysis of the federal legal source regulating educational and social work in the area of executive and penitentiary probation helps to identify the main areas of activity (work) in the area of executive probation. The content of the federal legal source regulating educational and social work in the area of executive and penitentiary probation will allow us to establish the main areas of activity in the area of executive probation.

Research Results. Based on the analysis of the federal legal source regulating educational and social work in the area of executive and penitentiary probation, several conclusions (results) were reached. With regard to executive probation, the legislator, while clarifying the essence of educational and social work with probationers, established the main areas of this work: resocialization, social adaptation, and social rehabilitation. Regarding the content of penitentiary probation, the legislator defines the main directions of this stage of probation, the first of which is the implementation of educational and social work with probationers. Article 15 of the Federal Law defines the essence of social rehabilitation for convicted probationers. Specifically, it stipulates that this work on the formation and development of socially useful, constructive connections is carried out with the goal of developing new moral values, norms, and a system of attitudes. It is also worth noting that probationers here act more as psychologists than social workers.

The legislator includes a wide range of individuals among probationers who have a constructive influence on convicted probationers, namely: work collectives, educational organizations, non-profit organizations and relatives of probationers, religious organizations, public associations, and volunteers.

Key words: *content of the legal source, educational work, social work, executive type of probation, penitentiary type of probation, social norms, moral values, socially useful connections, employees of the educational service, employees of the social service, retraining.*

Введение.

Реализация в Российской Федерации функционирования института probation, нацеливаясь на разрешение ряда наиважнейших проблемных вопросов, а в частности вопроса минимизации повторной (рецидивной) преступности, обусловила появление новых вопросов. В частности, крайне актуален вопрос эффективности возможностей взаимодействия различных субъектов probationной работы, представляющих различные министерства, ведомства, общественные и конфессиональные организации в направлении воспитательной и социальной работы с пробантами во всех видах probation [2, 3].

Особый интерес представляет и проблемный вопрос о том, как именно разделяется весь объем, в частности, воспитательной и социальной работы с пробантами в рамках исполнительного, пенитенциарного и постпенитенциарного видов probation между всеми субъектами ее реализации. Отметим, что такая система субъектов реализации воспитательной и социальной работы с пробантами создана у нас в стране впервые, а значит и возможно проявление различных проблемных вопросов [1]. Особый вопрос это и то, как регламентируется воспитательная и социальная работа, имеющая часто и пограничные точки соприкосновения с иными видами работ (научными отраслями): психологической, медицинской, юридической и т.д. Во многом, ответы на поставленные вопросы даст анализ федерального, нор-

мативного правового источника – Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (далее – ФЗ) [4].

Гипотезы исследования:

стремясь к разрешению важнейшего проблемного вопроса минимизации рецидивной преступности, институт probation обусловил появление новых вопросов, связанных с взаимодействием основных субъектов воспитательной и социальной работы;

созданная у нас в стране впервые система субъектов реализации воспитательной и социальной работы с пробантами в сферах исполнительной и пенитенциарной probation, возможно испытывает проявление различных проблемных вопросов, связанных реализацией указанных видов работ;

анализ содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной probation, способствует определению основных направлений деятельности (работ) в сфере исполнительной probation;

содержание федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной probation, позволит установить основные направления деятельности в сфере исполнительной probation.

Целью статьи выступает определение содержательных и процессуальных характеристик

реализации воспитательной и социальной работы в сфере исполнительной и пенитенциарной probation.

Задачами исследования являются:

уточнение новых вопросов, связанных с взаимодействием основных субъектов воспитательной и социальной работы, появившихся в связи с возникновением нового социального института – института probation;

определение новых проблемных вопросов, вероятно возникших в связи с реализацией воспитательной и социальной работы с пробантами в сферах исполнительной и пенитенциарной probation после создания у нас в стране впервые системы субъектов реализации воспитательной и социальной работы с пробантами;

установление основных направлений деятельности (работ) в сфере исполнительной probation посредством анализа содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу в сфере исполнительной и пенитенциарной probation;

выявление основных направлений деятельности в сфере исполнительной probation путем изучения содержания федерального правового источника, регламентирующего воспитательную и социальную работу.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Определяя сущность воспитательной и социальной работы с пробантами в рамках исполнительного вида probation, законодатель регламентировал основные направления деятельности (работ), а в частности: ресоциализацию, социальную адаптацию, социальную реабилитацию. При раскрытии вопроса содержания мер (мероприятий) по реализации вышеуказанных направлений исполнительного вида probation законодатель ссылается на содержание глав пять и шесть ФЗ, регламентирующих функционирование уголовно-исполнительных инспекций в рамках исполнительной и постпенитенциарной probation [4].

При раскрытии содержания пенитенциарного вида probation (глава четыре ФЗ) законодатель определяет основные направления этого этапа probation и первым из них указан реализация именно воспитательная и социальная работа с пробантами. Два других направления реализации пенитенциарного вида probation – социальная реабилитация и подготовка осужденных к освобождению из пенитенциарных учреждений, в любом случае, также содержат в себе значительный сегмент воспитательной и социальной работы.

В рамках главы четыре «Пенитенциарная probation» ФЗ отдельная статья четырнадцать ФЗ определяет порядок реализации воспитательной и социальной работы с осужденными-пробантами в сфере пенитенциарной probation [4]. Целью воспитательной и социальной работы в сфере пенитенциарной probation является коррекция поведения осужденных-пробантов, их ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация. В целом же в пункте два статьи четырнадцать ФЗ отмечается, что воспитательная и социальная работа в сфере пенитенциарной probation реализуется в порядке, установленном законодательством УИС. Соответственно, возможен детальный анализ реализации воспитательной и социальной работы с осужденными-пробантами посредством рассмотрения содержания ведомственных нормативных правовых источников уголовно-исполнительной системы.

Содержание целой статьи четырнадцать посвящено именно реализации воспитательной и социальной работы с пробантами в рамках пенитенциарного вида probation [4]. В статье определено, что в пенитенциарных учреждениях реализуется воспитательная и социальная работа с осужденными-пробантами согласно установленного уголовно-исполнительного законодательства. Статья пятнадцать раскрывает суть социальной реабилитации осужденных-пробантов, определяя, что работа по формированию и развитию социально-полезных, конструктивных связей проводится с целью развития новых моральных ценностей, норм, а также системы установок. Необходимо признать, что здесь субъекты probation выступают, скорее, в роли психологов, чем социальных работников. Технологией по развитию новых моральных ценностей, норм, а также системы установок обучены социальные психологи, а не социальные работники. Тем более, делать это посредством формирования и развития социально-полезных, конструктивных связей социальные работники навряд ли обучены.

Тем не менее, к числу лиц, оказывающих конструктивное воздействие на осужденных-пробантов пункт два статьи пятнадцать ФЗ определяет: трудовые коллективы, образовательные организации, некоммерческие организации и родственников пробантов, религиозные организации, общественные объединения, добровольцы и волонтеры [4]. Для поиска лиц, оказывающих конструктивное воздействие на осужденных-пробантов, социальные работники направляют различные запросы в учреждения адресно-справочного бюро и записи актов гражданского состояния.

Выводы, заключение.

Анализ федерального, нормативного право-

вого источника способствовал определению ряда выводов в отношении регламентации воспитательной и социальной работы с пробантами, реализуемой в рамках различных видов probation. Так, в сфере исполнительного вида probation законодатель, раскрывая сущность воспитательной и социальной работы с пробантами, установил основные направления этих работ: ресоциализацию, социальную адаптацию, социальную реабилитацию [4].

Раскрывая содержание пенитенциарного вида probation законодателем определяются основные направления этого этапа probation и первым из них указан реализация именно воспитательная и социальная работа с пробантами. Сущность социальной реабилитации осужденных-пробантов раскрывается в статье пятнадцать ФЗ, где указано, что эта работа по формированию и развитию социально-полезных, конструктивных связей проводится с целью развития новых моральных ценностей, норм, а также системы установок. Соответственно, стоит отметить, что здесь субъекты probation выступают здесь, скорее, в роли психологов, чем социальных работников.

К числу субъектов probation, оказывающих конструктивное воздействие на осужденных-пробантов, относится весьма широкий круг лиц, а именно: трудовые коллективы, образовательные организации, некоммерческие организации и родственников пробантов, религиозные организации, общественные объединения, добровольцы и волонтеры.

Список литературы:

[1] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными орга-

нами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.

[2] Мишин А.А. Проблемы организации школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 4 (33). – С. 150-154.

[3] Репьева А.М. Школа подготовки осужденных к освобождению как одно из направлений пенитенциарного воздействия на личность осужденного // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-2.

[4] Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации».

References:

[1] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts // Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.

[2] Mishin A.A. Problems of organizing a school for preparing for release in correctional institutions // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2017. – № 4 (33). – S. 150-154.

[3] Repieva A.M. School for preparing convicts for release as one of the areas of penitentiary influence on the personality of the convict // Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2017. – № 15-2.

[4] Federal Law No. 06.02.2023 of 10-FZ "On Probation in the Russian Federation".

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-682-686

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Целью исследования стало выявление закономерностей, периодизации и содержательных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в российском государстве на различных исторических этапах. В работе обосновывается, что эволюция данного вида наказаний представляет собой поступательный процесс гуманизации уголовной политики, выражающийся в постепенном расширении перечня альтернативных лишению свободы мер, смягчении карательного воздействия и усилении ресоциализационной направленности.

Для достижения поставленной цели использовались диалектический метод познания, историко-правовой метод (позволивший выделить хронологические этапы развития института), сравнительно-правовой метод (сопоставление нормативных положений различных исторических периодов), формально-логический метод (анализ понятий и признаков наказаний), а также системный подход, обеспечивший рассмотрение эволюции как целостного процесса. Эмпирическую базу составили Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 годов, Соборное Уложение 1649 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года, Уголовный кодекс РСФСР 1926 и 1960 годов, а также действующие Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 1997 года. В результате исследования выделены три основных этапа эволюции: дореволюционный (зарождение штрафов, отрешения от должности, обязательных работ для крестьян), советский (создание института принудительных работ без содержания под стражей, условного осуждения с обязательным привлечением к труду, формирование инспекций исправительных работ) и современный (расширение перечня наказаний, не связанных с изоляцией, до восьми видов; возложение исполнения на уголовно-исполнительные инспекции; рост численности осужденных данной категории). Установлено, что, несмотря на позитивные тенденции гуманизации, сохраняются системные проблемы правового и организационного характера: отсутствие законодательно закрепленной методики воспитательной работы с осужденными без изоляции, недостаточное межведомственное взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с налоговыми органами, социальным фондом, ФССП. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и организационного обеспечения исполнения наказаний без изоляции от общества.

Ключевые слова: эволюция наказаний, наказания без изоляции от общества, генезис, уголовно-исполнительные инспекции, гуманизация уголовной политики, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы, ресоциализация.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO THE ISOLATION OF THE CONVICT FROM SOCIETY

Annotation. The objective of this study is to identify the regularities, periodization, and substantive characteristics of criminal punishments that do not involve the isolation of the convicted person from society, as they developed in the Russian state across different historical periods. The article substantiates the thesis that the evolution of this category of penalties constitutes a progressive process of humanization of criminal policy, manifest in the gradual expansion of the range of alternatives to deprivation of liberty, the mitigation of punitive severity, and the intensification of a resocialization orientation.

To attain the stated objective, the following methods were employed: the dialectical method of cognition; the historical-legal method, which enabled the delineation of chronological stages in the development of the institution; the comparative-legal method, used for juxtaposing normative provisions from various historical eras; the formal-logical method, applied to the analysis of the concepts and attributes of punishments; and the systemic approach, which provided for the examination of this evolution as an integral process. The empirical foundation of the study comprises the *Russkaya Pravda*, the *Sudebniks* of 1497 and 1550, the *Sobornoye Ulozhenie* of 1649, the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845, the Corrective Labour Code of the RSFSR of 1924, the Criminal Codes of the RSFSR of 1926 and 1960, and the currently effective Criminal Code of the Russian Federation of 1996 and Penal Enforcement Code of the Russian Federation of 1997.

The findings of the research distinguish three principal stages in this evolution: the pre-revolutionary stage (characterized by the emergence of fines, removal from office, and compulsory labour imposed on peasants); the Soviet stage (marked by the creation of the institution of forced labour without deprivation of liberty, conditional sentence with compulsory labour, and the formation of corrective labour inspectorates); and the contemporary stage (featuring the expansion of the catalogue of non-custodial penalties to eight types, the assignment of their enforcement to penal enforcement inspectorates, and a rise in the number of convicts belonging to this category). It is established that, despite positive humanization trends, systemic problems of a legal and organizational nature persist, namely: the absence of a legislatively defined methodology for educational work with convicts serving non-custodial sentences, and insufficient interagency coordination between penal enforcement inspectorates, tax authorities, the Social Fund, and the Federal Bailiff Service. The conclusion is drawn that further refinement of the regulatory framework and organizational support for the execution of punishments without isolation from society is necessary.

Key words: evolution of punishments, punishments without isolation from society, genesis, criminal executive inspections, humanization of criminal policy, correctional labor, compulsory labor, restriction of freedom, forced labor, resocialization.

Введение. Одним из устойчивых трендов развития российской уголовной и уголовно-исполнительной политики является расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В прошлом году только четвертая часть осужденных была приговорена к отбытию наказания в местах лишения свободы, что подтверждает востребованность альтернативных лишению свободы мер.

Однако эффективность таких наказаний напрямую зависит от их исторической преемственности, правовой урегулированности и организационного обеспечения. Без понимания эволюции института невозможно совершенствование современной практики. Поэтому обращение к генезису наказаний без изоляции от общества - не только научная, но и прикладная задача [1, с. 6].

В настоящей статье на основе междисциплинарного подхода исследуются основные этапы развития указанных наказаний в российском государстве, выявляются их сущностные характе-

ристики и тенденции законодательного регулирования.

Методы и принципы исследования. Для изучения эволюции наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, использовались диалектический метод познания, историко-правовой метод (позволивший выделить этапы развития), сравнительно-правовой метод (сопоставление норм различных исторических периодов), формально-логический (анализ понятий и признаков), а также системный подход. С помощью указанных методов анализировались Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., УК РСФСР 1926 и 1960 гг., а также действующий УК РФ и УИК РФ.

Принципами исследования выступили историзм, объективность, системность и связь теории с практикой исполнения наказаний.

Основные результаты. Анализ изучения по-

нения и цели наказания как уголовно-правовой категории в современной юридической литературе показал, что оно представляет собой совокупность элементов и признаков, взаимодействующих и взаимосвязанных между собой и регулируемых государством. Уголовное наказание выступает правовым последствием виновного уголовно-наказуемого деяния и характеризуется определенным содержанием, формой, порядком и условием применения. Такое понимание наказания и его целей, в том числе без изоляции осужденного от общества, было не всегда и отличалось на различных этапах исторического развития государства и права [2, с. 19].

Рассмотрим становление и развитие наказаний без изоляции осужденного от общества на территории Российского государства. Эволюция данных видов уголовных наказаний прошла три основных этапа: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционный этап. Уже в Русской Правде содержались нормы о штрафах (вира, продажа) как альтернативе кровной мести или изоляции. Судебники 1497 и 1550 гг. развили систему имущественных взысканий. Соборное Уложение 1649 года ввело «отрешение от должности» - по сути, прообраз современного лишения права занимать определенные должности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года законодательно закрепило группу «исправительных наказаний»: выговоры, замечания, временное заключение в смиренном доме, а также обязательные работы для крестьян. Таким образом, к концу XIX века сложилась система альтернативных мер, не требующих полной изоляции [3, с. 335].

Советский этап. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года провозгласил задачей организацию принудительных работ без содержания под стражей. Декрет ВЦИК и СНК от 06.09.1926 определил порядок принудительных работ по месту жительства [4, с. 116]. В 1964 году введено условное освобождение с обязательным привлечением к труду, а в 1970 году - условное осуждение с обязательным привлечением к труду. Эти меры исполнялись специальными комендатурами, а затем - инспекциями исправительных работ. К 1977 году в структуре МВД СССР было создано пятое Главное управление, в составе которого действовал отдел по инспекциям исправительных работ. Таким образом, советский период сформировал организационную инфраструктуру для исполнения наказаний без изоляции.

Современный этап (с 1996–н.вр.). Принятие УК РФ и УИК РФ расширило перечень наказаний, не связанных с изоляцией: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы,

лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, условное осуждение [5, 6, 7], а с 2017 года - принудительные работы [8, с. 51-53]. Функции по исполнению данных видов наказаний возложены на уголовно-исполнительные инспекции и исправительные центры. Произошел переход от карательно-трудовой модели к ресоциализационной, ориентированной на сохранение социально полезных связей.

Активный рост применения альтернативных мер на территории нашей страны за последние десять лет свидетельствует о последовательной гуманизации уголовной политики [9, с. 419].

Вместе с тем проведенный анализ статистических данных и сведений о деятельности УИИ, ИЦ (УФИЦ) на территории Российской Федерации выявил следующие проблемы: отсутствие единого порядка организации воспитательной работы с осужденными без изоляции; недостаточное взаимодействие УИИ, ИЦ с налоговыми органами, социальным фондом, а также Федеральной службой судебных приставов. Кроме того, в отдельных субъектах РФ имеются трудности в урегулировании должного механизма определения объектов для отбывания отдельных видов работ органами местного самоуправления [10, с. 351].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России с докладом на тему «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты», 07.12.2023 во Владимирском юридическом институте ФСИН России с докладом на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, 11.01.2024 в Самарском

юридическом институте ФСИН России с докладом на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;

Научно-практической конференции «Пенитенциарная наука: история и современность», посвященная 25-летию образования НИИ ФСИН России, состоявшейся 25.04.2024 с докладом на пленарном заседании на тему: «Современные векторы развития пенитенциарной науки»;

24 Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк) 16-17.10.2024 с докладом на пленарном заседании на тему «Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психолого-педагогический анализ».

Заключение. Проведенное исследование становления и развития института наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, позволяет сделать следующие выводы.

Генезис указанных наказаний берет начало в Русской Правде и последовательно развивается через на следующих этапах исторического развития российского государства: дореволюционный (штрафы, отрешение от должности, обязательные работы), советский (принудительные работы, условное осуждение с трудом, инспекции исправительных работ) и современный этапы (УК РФ 1996 г., УИК РФ 1997 г., расширение перечня альтернативных видов). Уголовно-исполнительные инспекции, ведущие свою историю с 7 мая 1919 года, когда циркуляром Народного комиссариата юстиции РСФСР были созданы Бюро принудительных работ, прошли сложный путь организационного становления и в настоящее время являются ключевым звеном в системе исполнения наказаний без изоляции.

Основным вектором эволюции является гуманизация - замена лишения свободы мерами, позволяющими осужденному сохранять социальные связи, продолжать трудовую деятельность и проживать в привычной среде. Как отмечается в официальных данных ФСИН России, в настоящее время более 60% судебных решений в отношении граждан, преступивших закон, выносятся в пользу мер, альтернативных лишению свободы [11, с. 181].

Несмотря на позитивную динамику (рост численности осужденных без изоляции от общества), сохраняются системные проблемы в части нормативно-правового регулирования воспитательной работы с данной категорией, а также недостаточность межведомственного взаимодействия (ФНС,

Социальный фонд России, органы местного самоуправления, ФССП).

Таким образом, эволюция наказаний без изоляции от общества в России демонстрирует поступательное движение от репрессии к ресоциализации, однако требует дальнейшего правового и организационного совершенствования.

Список литературы:

- [1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [3] Ковалев О.Г. Современные правовые и организационные проблемы применения и исполнения условного осуждения // Право и управление. 2024. № 9. С. 333–337.
- [4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / А. В. Бриллиантов, В. В. Геранин, С. М. Зубарев [и др.] ; Под редакцией В.И. Селиверстова. Москва : Издательство Проспект, 2008. 448 с.
- [5] Ковалев О.Г. Контроль уголовно-исполнительных инспекций за поведением условно-осужденных // Международный научный вестник. 2026. № 3 С. 122-127.
- [6] Ковалев О.Г. Совершенствование исполнения условного осуждения (организационно-правовые и психологические аспекты) // Право и управление. 2024. № 8. С. 223–228.
- [7] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы обеспечения уголовно-исполнительными инспекциями контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания // Право и управление. 2024. № 8. С. 264–269.
- [8] Ковалев О.Г. Правовое регулирование психолого-педагогических механизмов социальной адаптации осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Образование и право. 2024. № 10. С. 418–423.
- [9] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348–354.
- [10] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования службы в уголовно-исполнительной

системе на современном этапе ее развития // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 180–186.

[11] Ковалев О.Г. Обеспечение прав осужденных к принудительным работам мерами прокурорского реагирования // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 47–53.

References:

[1] Trunov I.L., Filimonov O.V., Ayvar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geykhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Moscow, 2006. 148 p.

[2] Kovalev O.G., Baev O.Ya. Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook. Moscow, 2007. 374 p.

[3] Kovalev O.G. Contemporary Legal and Organizational Problems of the Application and Execution of Conditional Sentence. Law and Governance, 2024, no. 9, pp. 333–337.

[4] Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M. [et al.] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article). Ed. by V.I. Seliverstov. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 448 p.

[5] Kovalev O.G. Control of Penal Enforcement Inspectorates over the Behaviour of Conditionally Sentenced Persons. International Scientific Bulletin,

2026, no. 3, pp. 122–127.

[6] Kovalev O.G. Improving the Execution of Conditional Sentence (Organizational-Legal and Psychological Aspects). Law and Governance, 2024, no. 8, pp. 223–228.

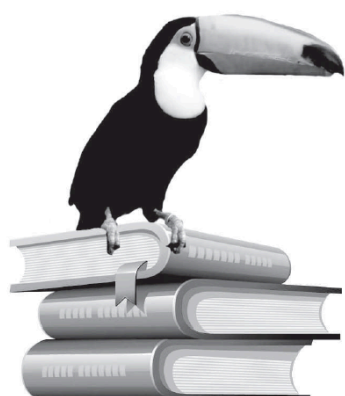
[7] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and Psychological Issues of Ensuring Control by Penal Enforcement Inspectorates over Compliance with the Conditions of Deferment of Serving a Sentence. Law and Governance, 2024, no. 8, pp. 264–269.

[8] Kovalev O.G. Ensuring the Rights of Convicts Sentenced to Forced Labour by Means of Prosecutorial Response Measures. International Scientific Bulletin, 2026, no. 4, pp. 47–53.

[9] Kovalev O.G. Legal Regulation of Psychological and Pedagogical Mechanisms of Social Adaptation of Convicts Registered with Penal Enforcement Inspectorates. Education and Law, 2024, no. 10, pp. 418–423.

[10] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Use of Modern Information and Digital Technologies for the Prevention of Recidivism among Youth-Age Convicts Serving Sentences without Isolation from Society. International Scientific Bulletin, 2025, no. 5, pp. 348–354.

[11] Kovalev O.G. Features of Legal Regulation of Service in the Penal Enforcement System at the Current Stage of Its Development. International Scientific Bulletin, 2026, no. 4, pp. 180–186.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-687-693

Дата принятия рукописи в печать: 16.08.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, ведущий
научный сотрудник отдела исследования проблем
социологического обеспечения и прогнозирования
деятельности УИС ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ВЕРИФИКАЦИИ ОТВЕТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ДИАЛОГОВЫХ СИСТЕМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена правовым вопросам разработки и применения стандартов верификации ответов интеллектуальных диалоговых систем в деятельности юридических клиник ФСИН России. Актуальность темы обусловлена развитием цифровых технологий в ведомственном юридическом консультировании, расширением практик использования искусственного интеллекта при оказании бесплатной правовой помощи осужденным, их родственникам и сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), а также повышенными требованиями к правовому обеспечению таких решений в условиях риска для прав заявителей. Интеллектуальные диалоговые системы рассматриваются не только как инструмент автоматизации первичного приема обращений, маршрутизации запросов и поиска нормативных материалов, но и как объект самостоятельного правового регулирования, поскольку их ответы непосредственно влияют на выбор средств защиты права, соблюдение процессуальных сроков и содержание практики консультирования. В работе предлагается система проверяемых стандартов качества ответов диалоговой системы, включающая критерии точности, полноты, актуальности, проверяемости и алгоритмической объяснимости, а также процедурные требования к человеческой верификации, журналированию и аудируемости участия алгоритма. Обосновывается необходимость формирования целостного правового верификационного контура, учитывающего специфику бесплатной юридической помощи в ведомственных клиниках, служебный характер деятельности сотрудников УИС и риски ошибочных или вымышленных ответов больших языковых моделей. Показано, что стандарты проверки качества ответов являются элементом соотношения цифровых средств юридического консультирования, публичной власти и гарантий прав личности при исполнении наказания. Формируемая теоретико-правовая модель стандартизации верификации ответов диалоговых систем может служить основой для дальнейших исследований и разработки специального нормативного акта ФСИН России, закрепляющего правовые стандарты верификации как обязательный элемент функционирования юридических клиник, а не как факультативную техническую рекомендацию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, диалоговая интеллектуальная система, юридическая клиника, бесплатная юридическая помощь, алгоритмическая прозрачность, цифровая трансформация.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading
Researcher at the Department of Research on the problems of
sociological support and forecasting of the activities of the Penal
System of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

LEGAL STANDARDS FOR RESPONSE VERIFICATION OF INTELLIGENT DIALOGUE SYSTEMS

WHEN USED IN THE ACTIVITIES OF LEGAL CLINICS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. The article addresses the legal issues surrounding the development and application of standards for verifying responses generated by intelligent dialogue systems used in the legal clinics of the Federal Penitentiary Service of Russia (FPS of Russia). The relevance of this topic stems from the advancement of digital technologies in departmental legal consulting, the expanding use of artificial intelligence in providing free legal assistance to convicts, their relatives, and employees of the Russian penal system, as well as the heightened requirements for the legal safeguards of such solutions in contexts where applicants' rights are at risk. Intelligent dialogue systems are considered not merely as tools for automating the initial intake of appeals, routing inquiries, and retrieving regulatory materials, but also as subjects of independent legal regulation, since their responses directly affect the choice of legal remedies, compliance with procedural deadlines, and the substance of consulting practice. The work proposes a system of verifiable quality standards for dialogue system responses, encompassing criteria for accuracy, completeness, relevance, verifiability, and algorithmic explainability, along with procedural requirements for human verification, logging, and auditability of algorithmic involvement. It substantiates the need to establish a comprehensive legal verification framework that takes into account the specific nature of free legal aid provided in departmental clinics, the official character of penal system employees' duties, and the risks of erroneous or hallucinated responses from large language models. It is shown that standards for response quality verification constitute an element bridging digital legal consulting tools, public authority, and guarantees of individual rights in the execution of punishment. The resulting theoretical-legal model for standardizing the verification of dialogue system responses can serve as a foundation for further research and for the development of a specialized regulatory act of the FPS of Russia, establishing legal verification standards as a mandatory component of legal clinic operations, rather than as an optional technical recommendation.

Key words: artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, intelligent dialogue system, legal clinic, free legal assistance, algorithmic transparency, digital transformation.

Развитие юридических клиник образовательных организаций ФСИН России в последние годы приобретает особое значение в контексте расширения механизмов бесплатной юридической помощи осужденным, их родственникам, сотрудникам УИС и членам их семей. Ведомственная юридическая клиника выступает сегодня не только формой практико-ориентированной подготовки обучающихся, но и институциональным механизмом частичной компенсации кадровых и организационных ограничений, существующих в системе оказания правовой помощи в пенитенциарной сфере. В данном контексте возрастает интерес к использованию искусственного интеллекта, прежде всего диалоговых интеллектуальных систем, способных автоматизировать первичный прием обращений, предварительную квалификацию вопроса, маршрутизацию заявителя, сбор исходных данных и подбор релевантных нормативных материалов [1, С.64].

Вместе с тем сам факт технологической применимости искусственного интеллекта (ИИ) в юридическом консультировании еще не означает правовой допустимости его автономного использования в условиях пенитенциарной системы.

Если на раннем этапе обсуждения перспектив применения ИИ основной акцент делался на повышении доступности помощи, сокращении времени ответа и стандартизации типовых коммуникаций, то на современном этапе центральной становится иная проблема: каким образом должно быть обеспечено качество и юридическая достоверность ответа, подготовленного интеллектуальной диалоговой системой. Для юридических клиник ФСИН России этот вопрос имеет не вспомогательное, а системообразующее значение, поскольку ошибка в ответе затрагивает не абстрактный информационный сервис, а правовое положение лица, находящегося в условиях институциональной зависимости, ограниченного доступа к альтернативным источникам правовой помощи и часто – ограниченных коммуникативных возможностей [2, С.113].

В связи с вышеизложенным в центре настоящего исследования находится не вопрос о том, допустимо ли использование интеллектуальных диалоговых систем в юридических клиниках ФСИН России вообще, а вопрос о формировании правовых стандартов верификации ответов данных систем как самостоятельного института нормативного регулирования [3, С.329]. Такая поста-

новка проблемы позволяет перейти от описания преимуществ цифровизации к разработке юридически обязательного верификационного контура, способного соединить технологическую эффективность с принципами законности, защиты прав заявителя, алгоритмической прозрачности и распределенной ответственности.

Понятие искусственного интеллекта в настоящем исследовании используется в функционально-правовом значении – как совокупность программно-алгоритмических решений, обеспечивающих обработку запроса на естественном языке, извлечение правовой информации, формирование текста ответа и, в ряде случаев, адаптацию коммуникации к параметрам конкретного обращения. Под диалоговой интеллектуальной системой предлагается понимать специализированную информационную систему, основанную на алгоритмах искусственного интеллекта и предназначенную для интерактивного взаимодействия с пользователем в целях приема, структурирования, уточнения и предварительной правовой обработки обращения [4, С.198]. Однако именно в юридической клинике ФСИН России такая система не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта консультирования, важно, чтобы она квалифицировалась как инфраструктурный инструмент юридической помощи, правовое значение которого определяется не только функционалом, но и пределами допустимого алгоритмического участия.

Диалоговые интеллектуальные системы способны обеспечить круглосуточность первичного взаимодействия с пользователем, унифицировать прием обращений, сократить долю рутинной нагрузки на обучающихся-клиницистов и преподавателей, а также поддержать единый базовый стандарт информирования вне зависимости от территориального расположения ведомственной образовательной организации [5, С.153]. В работах [6, С.53; 7, С.52; 8, С.47] обосновывается система правовых принципов использования таких систем, включающая субсидиарность алгоритмических решений по отношению к человеческому консультированию, сохранение человеческого участия в критически значимых точках, алгоритмическую прозрачность, информированное согласие, конфиденциальность, распределенную ответственность, предметные ограничения и верифицируемость алгоритмического участия. Наконец, в исследовании институциональных моделей внедрения подчеркивается, что наиболее приемлемыми для ведомственных юридических клиник выступают приемно-навигационная, справочно-поисковая, учебно-симуляционная и гибридная модели, причем обязательным условием их допустимости

признается четкое разграничение функций и человеческая проверка результата [9, С.135].

Вместе с тем при всей теоретической и прикладной значимости указанных положений следует признать, что в них верификация ответа еще не выделена в качестве самостоятельного объекта правового регулирования. Она упоминается как один из принципов либо как техническое условие внедрения, но не как развернутая система стандартов, включающая критерии качества, процедуры проверки, уровни допустимого риска, правила документирования и основания распределения ответственности. При этом именно отсутствие такой системы создает сегодня ключевую правовую неопределенность. Без нее невозможно установить, когда ответ интеллектуальной системы считается юридически приемлемым; какие дефекты ответа должны рассматриваться как недопустимые; кто и в каком объеме отвечает за последствия недостоверной информации; как фиксируется участие алгоритма; в какой момент требуется обязательное вмешательство человека.

Обозначенная проблема усугубляется спецификой юридического консультирования в уголовно-исполнительной сфере. Здесь ошибка диалоговой системы может выражаться не только в общей неточности формулировки, но и в галлюцинациях больших языковых моделей, то есть в формировании внешне правдоподобных, но фактически ложных сведений: вымышленных норм, неверных реквизитов актов, несуществующих судебных позиций, ошибочной квалификации компетентного органа, некорректного исчисления срока обращения, ложного представления о допустимых способах защиты права. В условиях пенитенциарной системы подобные дефекты имеют повышенную социально-правовую опасность, поскольку способны привести к пропуску процессуального срока, неверному выбору адресата жалобы, отказу от эффективного способа защиты либо к фактическому неиспользованию гарантированного законом права [10, С.261]. Стандарт качества ответа в юридической клинике ФСИН России нельзя оценивать по общим категориям удобства для пользователя или вероятностной «полезности» текста. Здесь критическими становятся три параметра: юридическая достоверность содержания, возможность процедурной проверки ответа человеком и уровень допустимого правового риска для заявителя. Если хотя бы один из этих элементов не обеспечен, ответ формально существует, но не может считаться качественным с точки зрения защиты прав. По этой причине распространенная коммерческая модель, когда ИИ-сервис объявляет свои ответы «сугубо справочной информацией», для ведомственной юридической клиники оказы-

вается недостаточной. Формулировка о том, что текст не является юридической консультацией и не заменяет мнение специалиста, действительно снижает гражданско-правовые риски владельца платформы. Однако она не меняет того факта, что человек, получивший такой ответ, ориентируется на него при выборе дальнейших действий. В пенитенциарной сфере этот разрыв между формальной оговоркой и реальным влиянием на поведение особенно заметен. Осужденный или его родственник, обращаясь в юридическую клинику ведомственного вуза, воспринимает ответ системы как указание на допустимую и правомерную линию поведения, а не как нейтральную справку. В такой ситуации ссылка на «информационный характер» текста не обеспечивает необходимого уровня защиты прав, потому что реальная юридическая значимость ответа для заявителя остается высокой, независимо от формулировок отказа от ответственности. Следовательно, правовое регулирование не может ограничиться дисклеймером; оно должно строиться на позитивной обязанности организатора системы обеспечить надлежащую верификацию содержания.

Критический анализ существующих подходов к внедрению чат-ботов в университетских юридических клиниках показывает, что основной массив практических решений сосредоточен на вопросах доступности интерфейса, распределения запросов и технической интеграции, тогда как режим проверки качества ответа, стандарты валидации ссылок, процедуры логирования и механизмы определения ответственного лица остаются либо фрагментарными, либо вовсе неформализованными [12, С.37]. В логике ранее представленных исследований указанный фактор проявляется в том, что преимущества автоматизации и институциональные модели описаны достаточно подробно, но дальнейшее развитие концепции объективно требует построения более сложной нормативной конструкции – стандарта проверки качества как самостоятельного уровня регулирования. Иначе ведомственные образовательные организации оказываются в ситуации выбора между двумя одинаково неэффективными крайностями: либо неконтролируемым использованием ИИ, либо неоправданным отказом от его применения из-за отсутствия доверия к результату.

Важно разграничить стандарты применения системы и стандарты проверки качества ее ответа. Первые определяют, где, для каких задач и в каком организационном режиме может использоваться диалоговая интеллектуальная система. Материальные стандарты верификации отвечают на другой вопрос, чем институциональные модели: при каких условиях конкретный ответ, сгенерирован-

ный системой, можно считать юридически приемлемым для передачи заявителю. Это различие принципиально. Допустимая по своей архитектуре модель работы клиники не гарантирует приемлемости каждого отдельного ответа. Один и тот же программный контур способен в одном случае выдать корректное навигационное сообщение, а в другом – ошибочное разъяснение о способе защиты права. Поэтому верификацию нельзя понимать как разовую стадию внедрения системы. Речь идет о постоянном режиме контроля качества каждого юридически значимого ответа, который система предлагает пользователю.

В центре предлагаемой модели находятся материальные стандарты качества ответа. Их можно описать через шесть критериев: точность, полнота, актуальность, проверяемость, объяснимость и контекстуальная допустимость. Точность означает соответствие ответа действующему нормативному регулированию и фактическим параметрам конкретного запроса. Для юридической клиники ФСИН России это означает не только отсутствие прямых ошибок, но и недопустимость замены специального пенитенциарного регулирования общими рассуждениями, если вопрос касается режима исполнения наказания, порядка подачи жалобы, получения свиданий, применения взысканий, обжалования действий администрации учреждения и других специализированных институтов.

Полнота означает, что ответ охватывает те элементы правовой ситуации, без которых заявитель может принять неверное решение. Если существенные обстоятельства не отражены, формально правильная фраза перестает быть полноценной консультацией. Актуальность требует учета действующей редакции норм и фактического состояния правоприменительной практики, а не опоры на устаревшие формулировки.

Критерий проверяемости означает, что в ответе присутствуют такие элементы, по которым человек может установить источник каждого значимого утверждения: норму, документ, позицию органа, судебное решение. Объяснимость предполагает, что логика вывода представлена в объеме, достаточном для юридической проверки: понятно, из каких предпосылок система пришла к указанному результату. Контекстуальная допустимость означает, что ответ не выходит за пределы функций данного контура системы и не подменяет собой тот уровень индивидуализированного анализа, который допустим только при участии человека – студента-клинициста или куратора.

Критерий проверяемости занимает в этой системе особое место. Именно он переводит обсуждение качества из плоскости общего доверия

к технологии в плоскость юридического контроля: пока нельзя проверить, на чем основан ответ, его формальная корректность не дает достаточной гарантии для реальной защиты прав заявителя.

Непроверяемый ответ, даже если он внешне выглядит убедительно, не может считаться надлежащим в пенитенциарной юридической помощи. В связи с этим предлагается закрепить правило, согласно которому любой ответ системы, содержащий правовое суждение, обязан сопровождаться как минимум указанием на применимые нормативные акты, а при наличии ссылок на судебные позиции – реквизитами таких актов и пояснением, какое значение они имеют для вывода. Иначе говоря, ответ должен быть не просто сформулирован, но и снабжен верификационным каркасом, позволяющим клиницисту или куратору быстро проверить его юридическую основу. Это и составляет содержание алгоритмической прозрачности как нормативного требования, а не факультативной технической опции.

Алгоритмическая прозрачность в рассматриваемой сфере не означает раскрытия исходного кода модели либо всех параметров ее обучения. В юридико-управленческом смысле под ней следует понимать доступность сведений о том, что в формировании ответа участвовала интеллектуальная система; какие источники были использованы системой или предоставлены ей; на каком функциональном контуре сработал алгоритм; какие автоматические проверки пройдены; кем и когда был верифицирован итоговый текст перед передачей заявителю. Предлагаемая модель прозрачности диалоговой системы в юридической клинике ФСИН России ориентирована не на узкий технический аудит, а на то, чтобы каждый ответ можно было проверить юридически и привязать к конкретной зоне ответственности. Важно не только увидеть, как работает алгоритм, но и понимать, кто отвечает за содержание ответа, за его проверку и за последствия использования этого ответа заявителем.

Дальнейший элемент концепции – многоуровневая система стандартов качества, привязанная к различным функциям диалоговой системы. Имеет смысл различать по крайней мере четыре контура: приемно навигационный, справочно поисковый, учебно симуляционный и консультационный. Для каждого контура уровень требований к полноте, точности и обязательности человеческой верификации должен быть разным: там, где система лишь направляет, допустим больший объем автоматизации; там, где она влияет на правовую позицию, стандарт должен быть гораздо жестче.

В приемно навигационном контуре система собирает первичные сведения, помогает уточнить

категорию обращения, определяет маршрут и сообщает заявителю базовые процедурные шаги. Здесь возможна высокая степень автоматизации, но стандарт точности по ключевым параметрам должен быть безусловным: речь идет о компетентном органе, канале обращения, сроках и перечне необходимых документов. Ошибка в этих сведениях может привести к пропуску сроков или неверному адресату и фактически лишить человека возможности реализовать право, поэтому ее нельзя считать мелкой погрешностью. Для этого контура разумно закрепить автоматическую проверку ответов на соответствие утвержденным шаблонам и актуальной нормативной базе, а при любом отклонении от шаблона – передачу ответа человеку для проверки.

В справочно поисковом контуре диалоговая система подбирает нормативные акты, выдержки из законодательства, ведомственные инструкции и, где это допустимо, судебные позиции. Здесь ключевыми становятся актуальность и корректность ссылок. Система должна не только находить релевантные документы, но и исключать из выдачи нормы, утратившие силу, отмененные акты или положения, неприменимые к конкретной ситуации. Поэтому элементом стандартной проверки должен быть автоматический контроль реквизитов и редакций, а в итоговом ответе – указание на источник, дату обращения к базе и предупреждение о том, что сложные вопросы требуют экспертной интерпретации.

Учебно симуляционный контур ориентирован на подготовку обучающихся клиницистов и допускает более широкий диапазон экспериментальных сценариев с участием ИИ. Однако это не отменяет требований к качеству. Напротив, здесь важно методически фиксировать типичные ошибки алгоритма: галлюцинации, ложную уверенность, логические провалы, неправильное толкование специальных норм. В этом контуре верификация выполняет не только контролирующую, но и обучающую функцию: она помогает формировать у будущих сотрудников УИС способность критически оценивать выводы диалоговой системы и не переносить машинный ответ в юридическую практику без проверки. Таким образом, стандарт качества здесь должен включать обязательную рефлекссию клинициста относительно того, какие элементы ответа являются надежными, какие требуют уточнения, и по каким признакам были выявлены потенциальные ошибки.

Наиболее жестким должен быть стандарт в консультационном контуре, где формируется ответ, способный повлиять на правовое поведение заявителя. В данной зоне недопустима передача текста, сгенерированного системой, без обяза-

тельной проверки человеком. Более того, следует закрепить презумпцию: консультационный ответ всегда считается результатом совместного, а не автономного действия системы и уполномоченного участника юридической клиники. Искусственный интеллект здесь выполняет функцию интеллектуального ассистента, но не субъекта окончательного консультирования. В противном случае будет нарушен принцип субсидиарности алгоритмических решений по отношению к человеческому консультированию [5].

Практическая демонстрация применения предлагаемых стандартов может быть представлена на модели диалогового помощника юридической клиники образовательной организации ФСИН России. Например, в случае, когда пользователь обращается с вопросом о порядке обжалования дисциплинарного взыскания, наложенного в исправительном учреждении, на начальном этапе система уточняет вид взыскания, дату его наложения, наличие ранее поданных жалоб и желаемую форму защиты. Сначала диалоговая система формирует проект ответа: указывает возможных адресатов обращения, опорные нормы и примерный порядок действий для заявителя. После подготовки текста автоматически проверяются актуальность упомянутых норм, наличие названных актов в действующей редакции, соответствие ответа допустимому шаблону для данного типа ситуации и отсутствие явно неподтвержденных утверждений.

Дальше в работу включается человек. Куратор или студент клиницист, в зависимости от категории риска, сверяет проект ответа с фактическими обстоятельствами дела, при необходимости уточняет формулировки и корректирует вывод. Только после этой проверки заявителю направляется итоговый ответ с явной маркировкой: «подготовлено с использованием интеллектуальной диалоговой системы и проверено сотрудником юридической клиники». В журнале фиксируются все этапы обработки: формирование проекта, автоматические проверки, человеческая верификация и отправка ответа.

В такой конфигурации именно совокупность шагов (автоматические проверки, человеческий пересмотр и журналирование) образует нормативно значимый верификационный контур. Он задает не только технологический, но и правовой каркас работы диалоговой системы. Предложенная система стандартов важна не только для локальных регламентов отдельных юридических клиник. Она может служить основой для будущих ведомственных актов ФСИН России, устанавливающих обязательные требования к использованию интеллектуальных диалоговых систем в юридической помощи и закрепляющих минимальный уровень

контроля качества ответов

Если ранее предметом регламентации могли выступать преимущественно цели, функции и допустимые модели использования цифровых решений, то теперь возникает необходимость отдельного ведомственного акта либо комплекса локальных положений, устанавливающих критерии качества, обязательность человеческой верификации, режим логирования, правила маркировки участия ИИ и порядок внутреннего аудита. В противном случае цифровизация юридической помощи остаётся либо декларативной, либо уязвимой в юридическом отношении.

Список литературы:

- [1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.
- [2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.
- [3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.
- [4] Зорина Н.С. О факторах и профилактике компьютерной зависимости у подростков // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 198-199.
- [5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.
- [6] Шульц Е.В. Возможности применения российского сервиса Гигачат для автоматизации деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2026, Т. 2, № 2(2). С. 2-7.
- [7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.
- [8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.
- [9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования

обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyayev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. On factors and prevention of computer addiction in adolescents // Eurasian Law Journal. 2021. № 8(159). S. 198-199.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Schulz E.V. The possibilities of using the Russian Gigachat service to automate the activities of employees of the criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security. Management. Artificial intelligence. 2026, VOL. 2, NO. 2 (2). S. 2-7.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-694-697

Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.

КОЧКИНА Оксана Владимировна,
сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой
занятости осужденных и экономических проблем
функционирования уголовно-исполнительной системы НИЦ-1
ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: oks2790@list.ru

ТЯБИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук,
e-mail: juliatyabina@yandex.ru

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется процесс становления и развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Произведен анализ нормативных правовых актов, которые затрагивают рассматриваемую сферу деятельности, на протяжении всего исторического периода внедрения искусственного интеллекта в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Детальный анализ исторического развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации позволил произвести периодизацию и выделить основные этапы развития исследуемой деятельности. Подробно проанализированы проблемы и ограничения, которые непосредственно отражаются на эффективности использования искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. С 1 марта 2026 года вступил в силу приказ ФСТЭК от 11.04.2025 года № 117 «Об утверждении требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений», который установил новые требования к защите информации при использовании искусственного интеллекта в государственных органах. Данные требования в основном касаются безопасности внедряемого продукта, уровня квалификации работников в этой сфере, степени ответственности при работе с подрядчиками. Детально рассматриваются проблемы и ограничения, которые непосредственно отражаются на эффективности применения и использования искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Произведенное исследование позволило обозначить ряд рекомендаций организационного, правового и технического характера, которые направлены на усиление защиты информации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: технологии, цифровизация, искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система, информационные технологии, цифровая трансформация.

KOCHKINA Oksana Vladimirovna,
employee of the Department of Problem Research the employment
of convicts and the economic problems of the functioning of the
penal system SIC-1 of the Federal Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law

TYABINA Yuliya Alexandrovna,
candidate of Law

ON THE ISSUE OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the process of formation and development of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation. The analysis of regulatory legal acts that affect the field of activity under consideration has been carried out throughout the historical period of the introduction of artificial intelligence into institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation. A detailed analysis of the historical development of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation allowed us to make a periodization and identify the main stages of the development of the activity under study. The problems and limitations that directly affect the effectiveness of the use of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation were analyzed in detail. On March 1, 2026, FSTEC Order No. 117 dated 04/11/2025 "On Approval of Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, other Information Systems of Government Agencies, State Unitary Enterprises, and Government Agencies" entered into force, which established new requirements for information protection when using artificial intelligence in government agencies. These requirements mainly relate to the safety of the product being implemented, the level of education of employees in this area, and the degree of responsibility when working with contractors. The problems and limitations that directly affect the effectiveness of the application and use of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation are considered in detail. The study made it possible to identify a number of recommendations of an organizational, legal and technical nature, which are aimed at strengthening information protection in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation.*

Key words: *technology, digitalization, artificial intelligence, penal enforcement system, information technology, digital transformation.*

Повышение эффективности работы любой организации все чаще достигается за счет развития и внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ), благодаря которому оптимизируются многие внутренние процессы и сокращаются операционные издержки. В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС РФ) использование технического потенциала началось с 2010 года, что отразилось в распоряжении Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года». Внедряемые технологии были направлены на мониторинг поведения осужденных и обеспечение безопасности. В этот период (с 2011 года по 2015 год) формировалась базовая автоматизация деятельности учреждений и органов УИС РФ без учета решений на базе ИИ. Данный период характеризуется развитием видеонаблюдения, но без видеоаналитики, активным использованием электронных браслетов, внедрением электронного документооборота, автоматизацией основной отчетности УИС РФ и др. С 2016 года по 2018 год появляются первые шаги по объединению отдельных ранее полученных разработок в данной области, путем создания автоматизированных информационных систем и пр.

Дальнейший стратегический вектор на внедрение ИИ в Российской Федерации (далее – РФ)

определили указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». С этого момента УИС РФ участвует в постепенной цифровизации процессов, направленных на безопасность и эффективное управление за счет аналитических и прогнозных данных, обрабатываемых посредством ИИ. Нормативную правовую основу для внедрения цифровых технологий в деятельность учреждений и органов УИС РФ заложила Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 года № 1138-р (далее – Концепция). Документ включает в себя раздел цифровой трансформации УИС РФ, что говорит о стратегическом курсе технологической модернизации учреждений и органов до 2030 года.

В период с 2022 по 2023 год происходило тестирование различных алгоритмов для автоматического обнаружения противоправной активности среди осужденных через систему видеонаблюдения, формирование единой информационной системы и электронного взаимодействия с различными правоохранительными органами. В 2024 году наращиваются обороты по применению ИИ-решений в деятельности учреждений и органов УИС РФ. Проводятся научные исследования и

эксперименты с различными программами. И уже 2025 год можно охарактеризовать как год активного внедрения робототехники и цифровых программ. Стоит отметить, что за эти 15 лет УИС РФ прошла огромный путь от начальных этапов автоматизации процессов до внедрения системных решений на базе алгоритмов ИИ. Сейчас ИИ является важным инструментом, который способен трансформировать пенитенциарную систему [1].

Таким образом, анализ исторического развития ИИ в УИС РФ позволил выделить основные этапы в данной деятельности, а именно:

этап базовой информатизации и подготовки необходимой инфраструктуры (2010 – 2018 гг.);

этап создания нормативных правовых основ и стратегических ориентиров (2019-2021 гг.);

этап практического внедрения (2021 – 2024 гг.);

этап масштабирования и внедрения комплексных решений (2025 – по наст.вр.).

Вместе с тем, следует отметить, что применение ИИ в УИС РФ по сей день сопряжено с рядом ограничений и проблем, которые непосредственно отражаются на объемах внедрения и эффективности его использования.

К таким сдерживающим факторам можно отнести следующее:

Правовые ограничения. Основная проблема в данном направлении связана с отсутствием специальных нормативных правовых актов, которые бы регулировали вопросы внедрения и использования ИИ в учреждениях и органах УИС РФ. Так же стоит отметить, что единый реестр российского программного обеспечения (далее – ЕРРПО) и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК) ввели ряд ограничений и требований к внедрению и использованию ИИ-технологий в России, что обусловлено необходимостью обеспечения информационной безопасность нашей страны. Данные меры могут повлиять на доступность таких решений для учреждений и органов, так как при выборе программного обеспечения УИС РФ должна отдавать предпочтение продуктам, входящим в этот реестр. В настоящее время разработан законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», планируемый к введению в действие с 01.09.2027. Данный законопроект направлен на защиту России в рассматриваемой сфере и закрепляет исключительность использования ИИ только на базе отечественного программного обеспечения, соответствующее требованиям ЕРРПО и ФСТЭК. Это накладывает в определенной степени ограничения в выборе платформ, что может замедлить развитие ИИ в УИС.

Конфиденциальность и безопасность. Работа с программным обеспечением всегда связана с риском утечки важных сведений. Стоит отметить, что Приказ ФСТЭК от 11.04.2025 года № 117 «Об утверждении требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» (далее – приказ ФСТЭК № 117) закрепил требования к безопасности внедряемого ИИ и наложил запрет на использование облачных ИИ-сервисов для обработки данных, относящихся к информации ограниченного доступа. Согласно данному нормативному правовому акту, информационные системы УИС РФ теперь должны соответствовать новым требованиям, так же вводятся непрерывный цикл оценки состояния защиты информации и конкретные сроки по устранению уязвимостей.

Степень ответственности. Согласно приказу ФСТЭК № 117 подрядчики, которые взаимодействуют с учреждениями и органами при получении доступа к информационным системам УИС РФ обязаны соблюдать политику по защите информации в государственных учреждениях. Данные условия должны быть отражены в договорах с подрядчиками. Но стоит учитывать тот факт, что ответственность за защиту информации лежит на УИС РФ, даже если работы были проведены подрядчиком. На наш взгляд, рассматриваемая проблема требует детальной проработки, необходимо четкое закрепление и распределение обязанностей между разработчиком программного обеспечения, учреждениями и органами УИС РФ, и конкретными должностными лицами, которые принимают решения с учетом прогнозов [2].

Требования к квалификации персонала. Востребованность в специалистах с навыками работы ИИ и анализом данных растет с каждым годом [3]. Приказ ФСТЭК № 117 закрепляет требования к работникам по защите информации, а именно не менее 30 % работников подразделения по защите информации должны иметь соответствующее профессиональное образование, специальности или направление подготовки по информационной безопасности, либо пройти обучение по соответствующей программе профессиональной переподготовки. Обязательная оценка знаний данных специалистов должна производиться раз в три года. Любое компьютерное происшествие в учреждении (органе) должно сопровождаться внеплановым обучением. ИИ-сфера достаточно стремительно развивается, что диктует необходимость непрерывного обучения и быстрой адаптации специалистов к постоянно меняющимся условиям.

Обязанности по защите информации должны быть отражены в должностных инструкциях указанных сотрудников. Вместе с тем, специалисты такого уровня требуют соответствующей оплаты труда, что, в свою очередь, отражается на финансовой нагрузке УИС РФ.

Таким образом, проведенный анализ позволил сформулировать комплекс рекомендаций по оптимальному использованию технологий ИИ в УИС РФ, учитывающий в первую очередь необходимость усиления защиты информации. Представляется необходимым закрепление лиц, ответственных за защиту информации в учреждениях и органах УИС РФ с четким разграничением функционала, обязанностей и ответственности. Вместе с тем, необходимо пересмотреть и актуализировать документацию в соответствии с обновленными нормативными требованиями. Следует акцентировать внимание на квалификации работников в рассматриваемой области и практических отработках действий по факту различных инцидентов. Договоры, заключенные с подрядчиками, необходимо дополнить требованиями по защите информации. Одним из ключевых приоритетов остается миграция ИТ-ландшафта на отечественные решения с полным отказом от иностранного ПО и зарубежных облачных сервисов. Данные меры позволят оптимизировать административные процессы и обеспечить надлежащий контроль за использованием ИИ в УИС РФ.

Список литературы:

[1] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных

учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 241-243.

[2] Царькова Е.Г. Правовые принципы применения предиктивного искусственного интеллекта в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2026. № 41. С. 152-160.

[3] Лещенко С.А., Тищенко Ю.Ю. Искусственный интеллект в системе высшего юридического образования уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 2 (11). С. 87-90.

References:

[1] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2025. № 1. S. 241-243.

[2] Tsarkova E.G. Legal principles for the use of predictive artificial intelligence in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penitentiary system with civil society institutions: historical, legal and theoretical-methodological aspects." 2026. № 41. S. 152-160.

[3] Leshchenko S.A., Tishchenko Yu.Yu. Artificial intelligence in the system of higher legal education of the penitentiary system // Issues of modern science and practice. 2024. № 2 (11). S. 87-90.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-698-703

Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

КУЗНЕЦОВА Наталья Ивановна,

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации имени
А.Я. Сухарева,
e-mail: natasha40480@mail.ru

ГРОМОВА Анна Владимировна,

курсант 4-го курса факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: annagromowa1234@gmail.com

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Проблема деструктивного поведения лиц, не достигших совершеннолетия, на современном этапе характеризуется особой значимостью. Завершение этапа снижения криминальной активности подростков в 2025 г. и последующий рост ключевых показателей преступности несовершеннолетних свидетельствует о необходимости пересмотра существующих мер предупредительного характера. Превенция деструктивного поведения должна основываться на переходе к внедрению инновационных технологий. Дальнейшее повышение эффективности системы профилактики требует переосмысления причинного комплекса подростковой преступности. В статье представлены результаты проведенного криминологического исследования в формате интервьюирования следователей Следственного комитета Российской Федерации и психологов московских школ с целью выявления криминогенных факторов и наиболее эффективных способов профилактики делинквентности несовершеннолетних. В ходе проведенного анализа выявлено детерминирующее воздействие виртуальной среды на совершение подростками преступлений. Акцентируется внимание на том, что современные программные комплексы мониторинга деструктивного контента осуществляют блокирование запрещенной информации с существенной временной задержкой. В настоящее время сеть Интернет трансформировалась в специфический криминогенный фактор, обладающий свойствами анонимности и высоким потенциалом негативного психологического воздействия на психику подростков. Обосновывается необходимость разработки и внедрения специализированной цифровой платформы для несовершеннолетних. Концепция данной экосистемы предполагает интеграцию сервисов психологической и правовой помощи, инструментов содействия занятости, а также модерлируемых сообществ по интересам. Целью создания виртуальной инфраструктуры является формирование цифровой альтернативы материалам, причиняющим вред развитию и социализации несовершеннолетних. Констатируется, что в условиях повсеместного использования несовершеннолетними информационно-телекоммуникационных технологий результативное предупреждение должно осуществляться непосредственно в цифровой среде путём координации усилий правоохранительных органов, специалистов-психологов, образовательных организаций и общественных объединений, с последующей интеграцией их ресурсов в рамках единого цифрового пространства.

Ключевые слова: подростковая преступность; информационно-телекоммуникационные технологии; Интернет; криминогенный фактор; цифровая экосистема; деструктивный контент; морально-нравственные ценности; профилактика преступлений.

KUZNETSOVA Natalia Ivanovna,
 Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor,
 Department of Criminal Law and Criminology, A.Y. Sukharev
 Moscow Academy of the Investigative Committee of the
 Russian Federation

GROMOVA Anna Vladimirovna,
 4th-year cadet at the Faculty of Investigator Training of the
 A.Y. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of
 the Russian Federation

ON THE ISSUE OF MODERN METHODS OF PREVENTING JUVENILE CRIME

Annotation. The issue of destructive behavior among minors is of particular significance at this stage. The end of the period of declining juvenile crime in 2025 and the subsequent rise in key indicators of juvenile crime underscore the need to revise existing preventive measures. The prevention of destructive behavior must be based on a transition toward the implementation of innovative technologies. Further improving the effectiveness of the prevention system requires a reevaluation of the causal factors underlying juvenile delinquency. This article presents the results of a criminological study conducted through interviews with investigators from the Investigative Committee of the Russian Federation and psychologists from Moscow schools, aimed at identifying criminogenic factors and the most effective methods for preventing juvenile delinquency. The analysis revealed the determining influence of the virtual environment on the commission of crimes by adolescents. Emphasis is placed on the fact that modern software systems for monitoring harmful content block prohibited information with a significant time delay. Currently, the Internet has transformed into a specific criminogenic factor characterized by anonymity and a high potential for negative psychological impact on adolescents' mental health. The paper justifies the need to develop and implement a specialized digital platform for minors. The concept of this ecosystem involves the integration of psychological and legal assistance services, employment support tools, and moderated interest-based communities. The goal of creating this virtual infrastructure is to provide a digital alternative to content that is harmful to the development and socialization of minors. It is noted that, given the widespread use of information and telecommunications technologies by minors, effective prevention must be carried out directly in the digital environment through the coordination of efforts by law enforcement agencies, psychologists, educational institutions, and public associations, followed by the integration of their resources within a unified digital space.

Key words: juvenile delinquency; information and telecommunications technologies; the Internet; criminogenic factor; digital ecosystem; harmful content; moral and ethical values; crime prevention.

Проблема преступности несовершеннолетних в настоящее время приобретает особую актуальность. От состояния и динамики преступности данной категории лиц сегодня напрямую зависит уровень преступности в обществе, поскольку не пресечённое вовремя противоправное поведение подростков неизбежно перерастает в рецидивную преступность. П.Т. Савин отмечает, что «государство склонно рассматривать несовершеннолетних как свое будущее, стремиться обеспечить их соответствующими социальными благами, начиная от бесплатного здравоохранения с момента рождения и заканчивая предоставлением возможности получения бесплатного высшего образования по завершении среднего» [1]. Представляется, что именно система профилактики, включающая об-

щесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный уровни, способна минимизировать риски дальнейшего роста преступности несовершеннолетних.

В 2025 г. впервые за десять лет был зафиксирован рост статистических показателей, отражающих подростковую преступность. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, за период с января по декабрь 2025 г. было выявлено на 5,5 % больше несовершеннолетних лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, чем за аналогичный период 2024 г. [6]. Окончание периода спада подростковой преступности является свидетельством недостаточности превентивных мер, проводимых всеми субъектами профилактики преступности.

Соглашаясь с позицией Е.В. Демидовой-Петровой о том, что «концептуальные решения по формированию системы предупреждения преступности несовершеннолетних осуществлялись в других социально-экономических, политических, духовных и правовых условиях» [2], мы полагаем, что в ситуации активного использования подростками информационно-телекоммуникационных технологий объективной необходимостью становится выработка новых мер профилактики, функционирующих, в том числе, в сети Интернет.

Мировое информационное пространство предоставляет дополнительные возможности для получения новых знаний, в том числе посредством дистанционного обучения. При этом социальные сети, каналы в мессенджерах активно используются преступниками в качестве способа вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность, различные деструктивные субкультуры.

При рассмотрении проблемы подростковой преступности важно обратить внимание на становление информационно-телекоммуникационных сетей специфическим криминогенным фактором ввиду отсутствия технической возможности моментальной блокировки деструктивного контента.

Н.Ф. Кузнецова понимала под детерминантами «комплекс причин и условий, совместное действие которых вызывает следствия – преступность и преступление» [3]. Интернет-пространство стало условием, благодаря которому вовлечение несовершеннолетних в сбыт и распространение наркотических средств, вербовка в экстремистские организации приобрела масштабный и транснациональный характер, и причиной, по которой подростки стали более подвержены вовлечению в преступную деятельность в виду «легитимизации» в их сознании деструктивного поведения. В.В. Тельбух, А.В. Десятых, С.С. Андрушкевич, Л.В. Пилипенко под деструктивной информацией понимают «информацию, которая может причинить вред интересам государства и общества, нарушает права граждан и разрушает целостность личности» [4]. Утрата подрастающим поколением морально-нравственных ценностей, стирание границ между допустимым и аморальным поведением находится в прямой причинно-следственной связи с возможностью неограниченного доступа к Интернет-пространству.

В период с декабря по февраль 2026 г. нами было проведено криминологическое исследование в формате интервьюирования 16 школьных психологов и 48 следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) в целях выявления позиций указан-

ных лиц относительно криминогенных факторов подростковой преступности, влияния информационно-телекоммуникационных технологий на формирование личности подростков, наиболее эффективных способов профилактики преступности несовершеннолетних. При этом 100% опрошенных специалистов-психологов был сделан вывод о наличии причинно-следственной связи между увеличением числа школьников, демонстрирующих девиантное поведение, и увлечения указанными лицами психотравмирующим контентом в сети Интернет. Сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации было отмечено: излишнее количество свободного времени, неограниченный выбор развлечений и просмотр чрезмерного количества негативного контента – основные причины подростковой преступности в XXI веке.

Необходимо отметить, что в настоящее время отдельные меры, касающиеся фильтрации Интернет-контента приняты и закреплены, в частности, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее по тексту – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Так, ст. 10.6 данного нормативно-правового акта возлагает обязанность на владельца сайта (страницы) в сети Интернет не допускать распространение информации, содержащей «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, другие экстремистские материалы, а также материалы, пропагандирующие порнографию, насилие и жестокость, и материалы, содержащих нецензурную брань».

Приказом Роскомнадзора от 02.02.2023 № 13 «Об утверждении порядка проведения мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также определении видов информации и (или) информационных ресурсов, в отношении которых проводится мониторинг» была введена система автоматизированных алгоритмов мониторинга сайтов, социальных сетей и мессенджеров с целью выявления деструктивного контента.

Полномочия по осуществлению наблюдения за содержанием информации, находящейся в Интернет-пространстве, возложены и на другие субъекты. В частности, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации обязаны незамедлительно информировать «территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций о выявлении страниц сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»,

пропагандирующих суицид, а также противоправные действия, представляющие опасность для жизни и здоровья несовершеннолетнего» [7].

Однако моментальная блокировка деструктивного контента невозможна в силу комплекса причин, носящих как правовой, так и технический характер. Так, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусмотрена обязательная процедура уведомления характера, состоящая из «цепочки» взаимосвязанных действий. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), являясь важнейшим субъектом технологической превенции, направляет требование провайдеру хостинга, а тот в свою очередь – владельцу сайта в сети Интернет о необходимости удалить размещенный контент. При этом согласно п. 8 ст. 15.1 указанного нормативно-правового акта, «в случае отказа или бездействия владельца сайта в сети Интернет провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту в течение суток». Если провайдер хостинга игнорирует требование Роскомнадзора, происходит принудительная блокировка Интернет-ресурса посредством системы технических средств противодействия угрозам [8]. При этом автоматизированному государственному фильтру необходим временной интервал для передачи данных о конкретном сайте, подлежащем блокировке, от центра управления до операторов связи, а от них – на местное сетевое оборудование для обновления перечня запрещенных Интернет-адресов.

Таким образом, ограничение доступа в режиме реального времени представляется труднодостижимой задачей в условиях необходимости соблюдения регламентов юридического характера, а также ввиду децентрализованного характера сетевой инфраструктуры.

Отсутствие юридической силы предписаний Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций для провайдеров хостингов зарубежных стран, использование преступниками закрытых чатов со сквозным (неуязвимым для автоматизированных систем противодействия угрозам) шифрованием в мессенджерах, наличие теневого сегмента в сети Интернет, неспособность алгоритмов мониторинга распознавать метафоры и иронию с деструктивной смысловой нагрузкой свидетельствует о необходимости усиления мер, направленных на воспитание в несовершеннолетних духовно-нравственных ценностей. Представляется, что наиболее эффективной мерой превентивного характера является личностный «мировоззренческий фильтр», работающий без временных задер-

жек и перебоев.

По нашему мнению, альтернативой существующим способам проведения «онлайн-досуга» может стать цифровая экосистема для подростков, включающая в себя как Web-страницу, так и мобильное приложение со следующими пользовательскими возможностями:

Системой онлайн-обращения в территориальное Подразделение по делам несовершеннолетних ОВД России;

Подборкой текстовых статей и видеороликов, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних;

Подборкой бесплатных кружков и секций с возможностью онлайн-записи;

Подборкой вакантных рабочих мест для несовершеннолетних, нуждающихся в оказании помощи в трудоустройстве во взаимодействии с Федеральной службой по труду и занятости;

Сервисом «горячей линии» и анонимным чатом с психологами во взаимодействии с платформой «Мы рядом онлайн. Когда это необходимо» [9];

Сервисом онлайн-обращения в городскую службу примирения г. Москвы А.Ю. Коновалова с описанием конфликтной ситуации [10];

Подборкой фильмов и сериалов с кратким анализом психологических аспектов фильма;

Введение системы онлайн-обращения в территориальное подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – ПДН ОВД РФ) позволит повысить доверие подростков к системе правоохранительных органов, сформировать внутреннее ощущение наличия защиты в трудной жизненной ситуации в независимости от того, стал ли подросток жертвой девиантного или делинквентного поведения со стороны других лиц, или же, будучи причастен к такой деятельности, осознал последствия и обращается за помощью в поиске выхода из сложившейся криминогенной ситуации. Предполагается возложение полномочий по реализации данного сегмента экосистемы на Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом процедура сбора и анализа личных данных несовершеннолетнего, в т. ч. адрес его нахождения, будет являться законной, т.к. в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее по тексту – ФЗ «О персональных данных») «обработка персональных данных допускается, если она необходима для исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти» [11].

Создание отдельного раздела, содержащего статьи и видеоматериалы, направленные на предупреждение подростковой преступности, станет основой для формирования правосознания, понимания последствий в виде уголовной и административной ответственности за совершение необдуманных поступков. Данная задача представляется выполнимой посредством привлечения к её осуществлению Федерального агентства по делам молодёжи, а также Института изучения детства, семьи и воспитания.

Возможность онлайн-записи в кружки и секции в настоящее время реализована в рамках функционирования Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее по тексту – ЕПГУ), в связи с чем представляется целесообразным интегрировать данный функционал в структуру цифровой платформы. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных», обработка сведений допускается без согласия субъекта, если она необходима для исполнения функций организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг. В данном случае правовым основанием для обработки данных выступает добровольное инициирование процедуры получения госуслуги несовершеннолетним (при достижении 14-летнего возраста) либо его законным представителем посредством прохождения авторизации в системе ЕПГУ.

Содействие законной трудовой занятости подростков в возрасте от 14 до 18 лет представляется эффективным способом профилактики корыстной преступности несовершеннолетних. Создание автоматизированного модуля, направленного на предоставление рабочих мест, возможно при содействии Федеральной службы по труду и занятости на основе уже существующей цифровой платформы «Работа России».

Оказание психологической помощи подросткам является важной мерой превентивного характера, позволяющей своевременно обнаружить внутренний и внешний конфликт, с которым «столкнулся» несовершеннолетний. Интеграция модуля Интернет-портала «Мы рядом онлайн. Когда это необходимо» позволит связаться с психологом и получить квалифицированную помощь специалиста.

Разрешение межличностных конфликтов на ранней стадии методами медиации позволяет пресечь девиантное поведение до его «перехода» в преступное. Возможность подачи обращения подростка, столкнувшегося с буллингом, реализуемо при содействии Городской службы примирения А.Ю. Коновалова, созданной при городском психолого-педагогическом центре Департамента образования и науки города Москвы.

Развитие критического мышления, эмоционального интеллекта, формирование чувства патриотизма и нравственности станет возможным в сегменте платформы, посвященном фильмам и сериалам. Представляется, что создание кинотеки при содействии Министерства культуры Российской Федерации, отечественных онлайн-кинотеатров, с обязательным вовлечением специалистов-психологов к составлению небольших статей с кратким анализом психологических аспектов картины позволит создать качественную альтернативу деструктивному контенту.

На современном этапе сеть Интернет трансформировалась в самостоятельный криминогенный фактор. Существующие технические системы ограничения доступа к запрещённому контенту функционируют с временной задержкой, достаточной для создания дубликатов сайтов, а также перевода подростковой аудитории в закрытые сообщества теневого сегмента информационно-телекоммуникационного пространства. По мнению Н.Д. Гомонова, «задача криминологического предупреждения состоит в том, чтобы не просто формализовать правила поведения в виртуальном мире, но и наполнить его социально полезным содержанием» [5]. Представляется, что профилактика преступности несовершеннолетних должна осуществляться совместными усилиями правоохранительных органов, образовательных организаций, общественных объединений в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Савин П. Т. Перспективы применения искусственного интеллекта для предупреждения преступлений несовершеннолетних // Право: история и современность. 2024. № 1. С. 1.
- [2] Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дисс. док. юр. наук. Казань, 2020. С. 5–6.
- [3] Криминология: учеб. / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – Москва: юрид. лит., 1988. С. 113–114.
- [4] Тельбух В.В., Десятых А.В., Андрушкевич С.С., Пилипенко Л.В. Метод выявления деструктивного контента в информационных интернет-ресурсах // Известия ТулГУ. Технические науки. 2023. № 3. С. 423.
- [5] Гомонов Н.Д. Интернет: анализ криминогенных факторов // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 38.
- [6] Статистика и аналитика: Министерство внутренних дел Российской Федерации [элек-

тронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 13.06. 2026).

[7] Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102348598&page=1&rdk=0&intelsearch=%EF%F0%E8%EA%E0%E7+%EC%E2%E4+845#10 (дата обращения: 13.06.2026).

[8] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О связи» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 13. 06.2026).

[9] Мы рядом онлайн. Когда это необходимо [электронный ресурс] // URL: <https://мырядом.онлайн/sc2/> (дата обращения: 15.06.2026).

[10] Городская служба примирения [электронный ресурс] // URL: <https://gsp.gppc.ru/about/> (дата обращения: 15.06.2026).

[11] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 15.06.2026).

References:

[1] Savin P.T. Prospects for the use of artificial intelligence to prevent juvenile crimes // Law: history and modernity. 2024. № 1. S. 1.

[2] Demidova-Petrova E.V. Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its knowledge and prevention: diss. doc. Jurassic sciences. Kazan, 2020. S. 5-6.

[3] Criminology: study . /Ed. B.V. Korobeinikova, N.F. Kuznetsova, G.M. Minkovsky. - Moscow: Jurid. lit., 1988. S. 113-114.

[4] Telbukh V.V., Desyatykh A.V., Andrushkevich S.S., Pilipenko L.V. Method of identifying destructive content in information Internet resources // Izvestia TulSU. Technical sciences. 2023. № 3. S. 423.

[5] Gomonov N.D. Internet: analysis of criminogenic factors // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4 (24). S. 38.

[6] Statistics and analytics: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [electronic resource]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (access date: 13.06. 2026).

[7] Instructions for organizing the activities of juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845 "On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation" (as amended and supplemented) . // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102348598&page=1&rdk=0&intelsearch=%EF%F0%E8%EA%E0%E7+%EC%E2%E4+845#10 (date of reference: 13.06.2026).

[8] Federal Law No. 07.07.2003 of 126-FZ (as amended on 20.02.2026) "On Communication" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (accessed on: 13. 06.2026).

[9] We're around online. When necessary [electronic resource] // URL: <https://мырядом.онлайн/sc2/> (contact date: 15.06.2026).

[10] City Reconciliation Service [electronic resource] // URL: <https://gsp.gppc.ru/about/> (contact date: 15.06.2026).

[11] Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ (latest edition) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed on: 15.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-704-706

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший
научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПЕРВОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлен социально-психологический анализ влияния первичного опыта отбывания наказания на процесс формирования криминальной идентичности у несовершеннолетних осуждённых. Обращение к данной проблеме продиктовано устойчивым характером рецидивной преступности среди лиц, впервые осуждённых в несовершеннолетнем возрасте, а также недостаточным уровнем разработанности целостных моделей профилактики деструктивной идентификации. В статье приведено описание базовых социально-психологических механизмов, опосредующих формирование криминальной идентичности в условиях пенитенциарной изоляции.

Ключевые слова: криминальная идентичность; несовершеннолетние осуждённые; первый пенитенциарный опыт; социально-психологические механизмы; уголовно-исполнительная система.

SOBOLEV Nikolai Gourgenovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, senior
researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

FORMATION OF CRIMINAL IDENTITY IN JUVENILE OFFENDERS UNDER THE INFLUENCE OF FIRST PENITENTIARY EXPERIENCE: A SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. This paper provides a socio-psychological analysis of how first-time incarceration experience affects the formation of criminal identity among juvenile convicts. The study is motivated by the persistently high recidivism rates among individuals initially convicted during adolescence, alongside the lack of comprehensive preventive frameworks addressing destructive identity formation. The article outlines the core socio-psychological mechanisms mediating the development of criminal identity within the context of penitentiary isolation.

Key words: criminal identity; juvenile convicts; first penitentiary experience; socio-psychological mechanisms; penal system.

Проблематика рецидивной преступности среди несовершеннолетних, впервые осуждённых в возрасте 14–17 лет, занимает важное место в современной пенитенциарной науке. Данный возрастной интервал традиционно рассматривается как сензитивный этап личностного развития, в связи с чем пребывание в местах лишения свободы в данный период может оказывать глубокое влияние на процесс личностного становления. В связи с этим возникает необходимость в

комплексном анализе социально-психологических факторов, определяющих связь между первым пенитенциарным опытом и последующим противоправным поведением. Углублённое исследование данных механизмов выступает основой для совершенствования педагогических подходов к профилактике рецидива и организации постпенитенциарного сопровождения.

Под первым пенитенциарным опытом в настоящей статье понимается первичное отбывание

наказания в исправительном учреждении. Если рассматривать этот опыт с позиции несовершеннолетнего возраста, то содержательная специфика данного опыта обусловлена его хронологическим совпадением с этапами активного личностного развития, ценностно-нормативной ориентации и социальной самоидентификации, что принципиально отличает его от пенитенциарного воздействия на взрослых. В предыдущем исследовании нами было установлено, что в качестве ключевого криминогенного фактора выступает не изоляция как таковая, а именно её наложение на сензитивный период возрастного развития [1].

В контексте предупреждения девиантного поведения особого внимания заслуживает феномен криминальной идентификации, запускаемый у несовершеннолетних с момента помещения в учреждение уголовно-исполнительной системы. С педагогической и психологической точек зрения, данный процесс является следствием действия защитных механизмов адаптации к стрессогенной среде изоляции [2]. В целях профилактики крайне важно учитывать, что на этом этапе формируется устойчивая модель поведения: несовершеннолетний бессознательно принимает нормы и ценности криминальной среды, что в дальнейшем начинает определять структуру его самосознания, круг общения и систему личностных смыслов.

Серьезным профилактическим вызовом выступает и неформальная иерархия, объективно существующая в исправительных учреждениях. Включение подростка в жесткую статусную структуру закрепляет его в рамках криминальной субкультуры, существенно затрудняя возможность формирования социально одобряемой (просоциальной) идентичности. С точки зрения возрастной психологии, критическим периодом являются первые дни пребывания в учреждении, когда на фоне острого адаптационного кризиса и возрастной несформированности критического мышления риск деструктивной идентификации максимален. Следовательно, профилактическая работа должна начинаться незамедлительно, уже на этапе первичного приема, чтобы блокировать необратимые изменения в ценностно-мотивационной сфере.

Не менее значимым аспектом профилактики является предупреждение разрыва социальных связей. Изоляция в сензитивный для развития личности период может привести к болезненному отчуждению от семьи, школы и референтных групп. Это блокирует конструктивные каналы социализации, замещая их влиянием среды осужденных, значительная часть которых обладает стойкой криминальной зараженностью. Исследования подтверждают, что в подобных условиях позитивные образцы законопослушного поведения

либо девальвируются, либо вовсе теряют для подростка личностную значимость [3]. В этой связи ключевой профилактической задачей выступает искусственное культивирование и педагогическое насыщение среды положительными примерами для подражания, а также поддержание устойчивой обратной связи с институтами семьи и образования.

Наконец, следует рассматривать сам факт пребывания в местах лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте как мощный психотравмирующий фактор. Условия пенитенциарной изоляции не только обостряют имеющиеся эмоциональные нарушения, но и способны инициировать развитие посттравматического стрессового расстройства. Следствием этого выступают кумулятивные негативные эффекты: рост озлобленности, тотальное недоверие к социуму и глубокая деформация эмоционально-волевой сферы [4]. Профилактическая стратегия в данном случае требует обязательного включения психокоррекционных и психотерапевтических компонентов, направленных на снижение травматизации и формирование стрессоустойчивости, дабы предотвратить переход временных адаптационных трудностей в стойкие личностные патологии.

Важно подчеркнуть, что травматическое воздействие пенитенциарной среды имеет комплексный характер. Оно включает в себя: а) травму принудительной изоляции (разрыв с привычным окружением, утрата автономии и личного пространства); б) травму угрозы насилия; в) травму унижения (утрата прежнего социального статуса, принудительное подчинение неформальным правилам криминальной субкультуры); г) травму неопределенности (отсутствие ясных перспектив, незнание точного срока освобождения для части осужденных, нестабильность межличностных отношений в среде осужденных).

Параллельно с этим происходит интенсивный обмен криминальным опытом. Совместное отбывание наказания осужденными, специализирующимися в определенных видах преступной деятельности, создает условия для углубления специализированного криминального знания, обмена опытом и формирования устойчивых криминальных связей [5].

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что первый пенитенциарный опыт, приобретаемый несовершеннолетним в возрасте, выступает системообразующим фактором формирования устойчивой криминальной идентичности. Выявленные социально-психологические механизмы – адаптационная идентификация с криминальной средой, включение в неформальную иерархию, блокировка просоциальных кана-

лов социализации, а также комплексное травматическое воздействие изоляции – действуют комплексно, взаимно усиливая деструктивные личностные изменения.

Особую значимость в профилактическом отношении приобретает тот факт, что ключевые криминогенные процессы запускаются уже в первые дни пребывания в учреждении, когда адаптационный кризис сочетается с возрастной несформированностью критического мышления. Это обуславливает необходимость незамедлительного психолого-педагогического вмешательства на этапе первичного приёма. Перспективы дальнейших исследований связываются с разработкой и апробацией дифференцированных психокоррекционных программ, учитывающих индивидуальные особенности несовершеннолетних с различным сроком наказания, а также совершенствование межведомственной системы постпенитенциарного сопровождения.

Список литературы:

- [1] Москвитина М. М., Кряжева С.Г. Анализ актуального состояния повторной преступности среди осужденных, ранее отбывавших наказание в несовершеннолетнем возрасте // Вопросы ювенальной юстиции. – 2022. – № 1. – С. 24–29.
- [2] Степанова М. Я. Противодействие рецидивной преступности среди несовершеннолетних // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 135–144.
- [3] Bollich-Ziegler K.L., et al. Do correctional facilities correct our youth? Effects of incarceration and court-ordered community service on personality development // Journal of Personality and Social Psychology. – 2021. – Vol. 121, No. 4. – P. 894–913.
- [4] Baetz C.L., Surko M., Bart A. et al. The Risk for Readmission to Juvenile Detention: The Role of Trauma Exposure and Trauma-related Mental Health Disorders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – P. 527–539.
- [5] Damm A.P., Gorinas C. Prison as a criminal school: Peer effects and criminal learning behind bars // Journal of Law and Economics. – 2020. – Vol. 63, No. 1. – P. 149–180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-707-711

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская
Федерация, ORCID ID 0000-0002-4623-5476,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ГРУППА ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос особо квалифицирующих признаков получения взятки: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом.

Ключевые слова: преступление, взятка, квалифицирующие признаки, сговор, организованная группа, закон.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, NITS-1 PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation, ORCID ID 0000-0002-4623-5476

GROUP OF ESPECIALLY QUALIFYING SIGNS OF RECEIVING A BRIBE

Annotation. The article considers the issue of especially qualifying signs of receiving a bribe: the commission of a crime by a group of persons by prior conspiracy or by an organized group should be taken into account when legally assessing the actions of accomplices in the relevant crimes, if these circumstances were covered by their intent.

Key words: crime, bribe, qualifying features, collusion, organized group, law.

Группа квалифицирующих признаков объединена законодателем в ч. 5 ст. 290 УК РФ. Это «деяния, предусмотренные частями первой, третьей или четвертой статьи 290 УК РФ, если они совершены:

группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
с вымогательством взятки;
в крупном размере.

Стоит их рассмотреть подробно.

Первым признаком является - совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. (п. «а» ч.4 ст.290УК РФ)

В соответствии с ч. 2 ст. 35 «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Эта разновидность соучастия предполагает наличие, по меньшей мере 2 - х соисполнителей преступления. Квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размере и др.), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом [15].

Рассматриваемый признак касается только взятополучателей. Поэтому для квалификации содеянного как получения взятки группой лиц по предварительному сговору не требуется устанавливать осведомленность взяткодателя о том, что он дает незаконное вознаграждение не одному, а сразу нескольким должностным лицам. Это относится и к ситуации получения взятки организованной группой.

Если же помимо субъекта, непосредственно получившего взятку, имеются еще и лица, выступающие в качестве организаторов, подстрекателей или пособников преступления, данный квалифицирующий признак отсутствует. При этом действия указанных соучастников (кроме исполнителя) подлежат квалификации с обязательной ссылкой на ст. 33 «Виды соучастников преступления» УК РФ. Что касается организованной группы, то эта разновидность соучастия характеризуется таким признаком, как устойчивость (ч. 3 ст. 35 УК РФ), что предполагает более высокую степень организованности, сплоченности, распределение ролей, разработкой планов преступлений, наличие организатора и руководителя, общие средства.

Верховный Суд РФ разъясняет, что в организованную группу могут входить лица, не являющиеся должностными, так же говорится, что указанные лица при наличии к тому оснований несут ответственность согласно ч. 4 ст. 34 «Ответственность соучастников преступления» УК РФ как организаторы, подстрекатели либо пособники преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Изложенная позиция подверглась критике со стороны Б.В. Волженкина, по мнению которого при такой квалификации будет утрачено то обстоятельство, что это члены организованной группы, совершающие преступление в ее составе. Действительно, теория уголовного права исходит из того, что все члены организованной группы, независимо от факта выполнения каждым из них объективной стороны деяния, признаются исполнителями преступления, совершенного организованной группой, в связи, с чем при квалификации нет необходимости ссылаться на ст. 33 УК РФ. Этой позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, однако, лишь применительно к преступлениям с общим субъектом. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» прямо указывается, что «при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ».

Вместе с тем, ч. 4 ст. 34 УК РФ предусматривает особое правило, в соответствии с которым лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в конкретной статье Особенной части УК РФ, однако участвовавшее в совершении данного преступления, несет уголовную ответственность в качестве его организатора, подстрекателя или пособника. Именно этими положениями и руководствовался Пленум Верховного Суда РФ.

При получении взятки организованной груп-

пой преступление считается оконченным в момент получения взятки даже одним из должностных лиц.

Рассмотрим следующий признак - «вымогательство взятки» (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ).

Указанный особо квалифицирующий признак получения взятки необходимо отличать от вымогательства как самостоятельного преступления против собственности (ст. 163 УК РФ). В данном случае вымогательство означает требование должностного лица дать взятку под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина либо поставить последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов.

Наличие этого особо квалифицирующего признака нельзя связывать лишь с предъявлением должностным лицом требований дать взятку. Одно только проявление инициативы получить взятку, пусть даже высказанное вполне недвусмысленно, в настоятельной форме, не дает оснований вести речь о вымогательстве, во всяком случае, если подобные действия не сопровождались угрозами законным интересам взяткодателя.

Требования и угрозы должностного лица, которые собственно и образуют вымогательство, могут носить явный, ничем не прикрытый характер, а могут быть выражены и в завуалированной форме. Представляется, что вымогательство взятки включает в себя два варианта поведения виновного:

субъект преступления предъявляет конкретные требования дать взятку;

ставит взяткодателя в такие условия, когда тот сам принимает вынужденное решение о даче взятки.

В обоих вариантах действия (бездействия) должностного лица ущемляют правомерные интересы взяткодателя или могут причинить им ущерб в случае, если он не получит желаемого незаконного вознаграждения. Все это может проявляться, в частности, в высказывании угроз незаконно привлечь к уголовной или административной ответственности, в отказе совершить те или иные законные действия в интересах взяткодателя либо в умышленном затягивании их совершения, когда должностное лицо было обязано и имело реальную возможность это сделать.

Например, как вымогательство взятки судом были расценены действия старшего следователя по особо важным делам следственного подразделения УВД г. Новосибирска «Г», который, требуя у «Б» деньги, угрожал заключить его под стражу, оказать давление на свидетелей и потерпевшего с

целью получения уличающих показаний. Мотивируя это, суд указал, что поскольку уголовное дело, возбужденное в отношении «Б» и переданное после задержания «Г» другому следователю, было прекращено за отсутствием состава преступления (установлено отсутствие в его действиях состава преступления), подсудимый поставил под угрозу правоохраняемые интересы «Б» как невиновного лица, который был вынужден дать взятку [16].

Рассматриваемый особо квалифицирующий признак предполагает, что получению должностным лицом взятки предшествуют его требования незаконного материального вознаграждения, а точнее подкупа под угрозой совершения действий (бездействия) по службе, способных причинить ущерб законным интересам взяткодателя.

Признаки вымогательства взятки отсутствуют в случаях, когда должностное лицо требует взятку под угрозой совершения правомерных действий, которые ущемляют интересы взяткодателя. Так например, согласно приговора Новосибирского областного суда вымогательство как квалифицирующий признак получения взятки не нашел своего подтверждения так как действия «Щ» по прекращению уголовного преследования не причинили бы ущерб законным интересам «Х» [17]. То есть взяткодатель заинтересован в неправомерном поведении должностного лица, стремится обойти закон, уйти от заслуженной ответственности.

Хотелось бы особо отметить, что действия должностного лица, начатые как вымогательство взятки, в некоторых ситуациях могут трансформироваться в вымогательство уже как самостоятельное преступление против чужой собственности. В частности, это имеет место тогда, когда для подкрепления своих требований о передаче денег или иных ценностей субъект переходит к угрозам применения оружия, физического насилия и так далее.

Для того, чтобы квалифицировать получение взятки по п.«в» ч. 5. ст.290 УК РФ следует учитывать: дефиницию крупного размера ущерба, общую стоимость взятки, включая все ее части.

В примечании к ст. 290 УК РФ сказано, что взятка считается в крупном размере если сумма денег, стоимость ценных бумаг, и другого имущества или выгод имущественного характера, превышают 150 тысяч рублей.

Когда оценивается, размер взятки следует учитывать, что предмет или оказанные услуги оцениваются по стоимости предмета, цен, расценок или тарифов за услуги, которые действуют на момент совершения преступления в указанной местности. В случае отсутствия такового – по заключению экспертов. Но если взятка в крупном размере

получалась частями, то есть действия представляли собой эпизоды одного преступления однако имея продолжение, должно квалифицироваться как получение взятки в крупном размере [18].

В случае фактического получения суммы взятки менее ста пятидесяти тысяч рублей, но установлено, что взяткополучатель желал получение взятки в крупном размере, содеянное им следует квалифицировать не по ч. 1 ст. 290 УК РФ, а по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Таким образом, содеянное образует оконченное получение взятки в крупном размере. Так как в соответствии с действующим законодательством преступление признается оконченным, когда получена даже часть взятки.

Преступления, предусмотренные ч. 5 ст. 290 УК РФ наказываются штрафом в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки.

Следующий квалифицирующий признак – совершение преступления в особо крупном размере (ч.6 ст.290 УК РФ) влечет наказание в виде штрафа в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки.

Получается, что строгость наказания за получение взятки зависит от размера взятки. И приходится сомневаться в данном подходе законодателя к наказанию за взяточничество, так как при других равных условиях крупная взятка фактически менее опасна, чем обычная. Скорее всего, законодатель считает следующее: наказание должно быть более строгим не только в зависимости от тяжести преступления, но и силы побудительных мотивов для его совершения.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.
- [2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинко-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии /Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев //

Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и

управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях".

[16] Дело № 2– 64– 1997 от 15.05.97 г. // Архив Новосибирского областного суда.

[17] Дело по обвинению «Щ» по п. «в» ч. 4 ст. 290, ч. 1 ст. 222 УК РФ, от 13.08.05 г. // Архив Новосибирского областного суда.

[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях".

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Vedomosti of the penal system*. 2026. № 4 (287). S. 6-8.

[5] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest

category in the Federal Penitentiary Service/ *Anthropology*. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes".

[16] Case No. 2- 64-1997 of 15.05.97 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.

[17] Case on charges of "Shch" under paragraph "c" of Part 4 of Art. 290, part 1 of Art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation, dated 13.08.05 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 (ed. 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes".

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-712-718

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента
методики преподавания социальных и гуманитарных наук
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»; профессор
кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНО ВО «Московский международный университет», член
экспертного совета комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и
детства, академик РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

НАЗАРОВ Денис Сергеевич,
Московское высшее общевойсковое командное орденов
Жукова, Ленина и Октябрьской Революции Краснознамённое
училище Министерства обороны Российской Федерации
(ФГКВБОУ «Московское высшее общевойсковое командное
училище» МО РФ), старший помощник начальника
учебно-методического отдела,
e-mail: nazarovmvvku@gmail.com

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ДИНАМИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются общая характеристика и динамика женской преступности с учетом ее места в структуре общей преступности, удельного веса женщин среди выявленных лиц, видового состава преступлений и социальных последствий. Цель исследования состоит в раскрытии количественных и качественных признаков женской преступности, а также в определении профилактического значения выявленных тенденций. Методологическую основу составили системный, статистический, формально-юридический, сравнительно-аналитический и криминологический методы. Установлено, что женская преступность при традиционно меньшей распространенности по сравнению с мужской преступностью демонстрирует внутреннее усложнение, выражающееся в росте удельного веса женщин среди выявленных лиц, преобладании корыстных деяний, заметном участии в мошенничестве, наркопреступности, присвоении и растрате, а также сохранении латентности семейно-бытовых и экономических форм поведения. Сделан вывод о необходимости самостоятельного мониторинга женской преступности и адресной профилактики.

Ключевые слова: женская преступность, динамика преступности, структура преступности, криминологическая характеристика, корыстные преступления, латентность, профилактика.

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of
Teaching Methods of Social Sciences and Humanities, Institute
of Humanities, Moscow City Pedagogical University; Professor,
Department of Civil and Criminal Law and Procedure, Moscow
International University, Member of the Expert Council of
the State Duma Committee on Family Protection, Fatherhood,
Motherhood, and Childhood, Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences

NAZAROV Denis Sergeevich,
Moscow Higher Combined Arms Command Orders of Zhukov,
Lenin, and the October Revolution Red Banner School of the
Ministry of Defense of the Russian Federation (Federal State
Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow
Higher Combined Arms Command School" of the Ministry of
Defense of the Russian Federation), Senior Assistant to the Head
of the Educational and Methodological Department

GENERAL CHARACTERISTICS AND DYNAMICS OF FEMALE CRIMINALITY

Annotation. *The article analyzes the general characteristics and dynamics of female criminality, taking into account its place in the overall crime structure, the share of women among identified offenders, types of crimes and social consequences. The purpose of the study is to reveal the quantitative and qualitative features of female criminality and to determine the preventive significance of the identified trends. The methodology includes systemic, statistical, formal legal, comparative analytical and criminological methods. It is concluded that female criminality, despite its traditionally lower prevalence compared with male criminality, demonstrates internal complication, including an increasing share of women among identified offenders, the predominance of acquisitive crimes, involvement in fraud, drug-related crime, embezzlement and continuing latency of family and economic offences.*

Key words: *female criminality, crime dynamics, crime structure, criminological characteristics, acquisitive crimes, latency, prevention.*

Общая характеристика и динамика женской преступности относятся к числу ключевых вопросов современной криминологии, поскольку именно через структуру, удельный вес, темпы изменения и качественные особенности преступлений становится возможным определить реальное место женщин в общей системе преступности. Само по себе указание на то, что женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины, не раскрывает сущности проблемы, потому что меньшая распространенность не означает меньшей научной и практической значимости. Женская преступность затрагивает семью, несовершеннолетних, трудовую сферу, социальную помощь, уголовно-исполнительную систему и профилактическую деятельность, поэтому ее динамика должна оцениваться не только количественно, но и содержательно.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в последние годы женская преступность демонстрирует признаки внутреннего усложнения. В диссертационном исследовании отмечается, что при общем снижении зарегистрированной преступности удельный вес женщин среди выявленных лиц не остается неизменным, а в отдельные периоды возрастает, что указывает на самостоятельную криминологическую тенденцию. Кроме того, структура женской преступности уже не сводится к бытовым и мелким имущественным деяниям: заметное значение приобретают мошенничество, преступ-

ления в сфере незаконного оборота наркотиков, присвоение, растрата, отдельные экономические преступления и насильственные деяния.

При анализе динамики важно учитывать, что официальная статистика отражает прежде всего выявленную преступность. Поэтому рост или снижение показателей может зависеть не только от реального изменения криминальной активности женщин, но и от качества выявления, изменения правоприменительной практики, активности потерпевших, цифровизации учета и особенностей регистрации отдельных составов. В статье исходным является положение о том, что статистика не заменяет криминологического анализа, а задает фактическую рамку, внутри которой необходимо объяснять причины изменения структуры и поведения преступности.

Женская преступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых женщинами на определенной территории за определенный период времени, обладающую количественными и качественными признаками. В отличие от случайного набора преступлений, она образует социально-правовой феномен, потому что связана с положением женщины в обществе, особенностями семейной нагрузки, трудовой занятости, социального контроля, виктимного опыта и доступности помощи. Поэтому женская преступность является частью общей преступности, но не растворяется в ней полностью.

Криминологическая специфика женской преступности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, ее удельный вес традиционно ниже мужской преступности, что подтверждается многолетними наблюдениями и современными статистическими данными. Во-вторых, структура женской преступности отличается преобладанием корыстных и корыстно-насильственных деяний, хотя в последние годы повышается внимание к участию женщин в экономических, наркотических и отдельных насильственных преступлениях. В-третьих, преступное поведение женщин чаще связано с семейно-бытовым, материальным или зависимым контекстом, что не исключает вины, но требует точной профилактической оценки [6, с. 190; 10, с. 138].

Особое значение имеет социальное восприятие женской преступности. В традиционной культуре женщина связывается с материнством, заботой, мягкостью и семейной стабильностью, поэтому совершение преступления женщиной воспринимается как более резкое нарушение ожидаемой социальной роли. Однако криминологический анализ не должен строиться на моральном удивлении. Для науки важно не то, что преступление женщины противоречит стереотипу, а то, какие реальные обстоятельства создают криминогенную ситуацию, какие виды деяний наиболее распространены и почему действующая профилактика не всегда успевает предотвратить преступление.

Женская преступность определяется нами как целостный феномен, имеющий специфические качественные и количественные характеристики, обусловленные биологическими, психологическими и социальными особенностями личности. при этом современный подход требует осторожности: биологические и психологические особенности не могут рассматриваться как самостоятельное объяснение преступности, поскольку решающее значение имеют социальная среда, уровень правовой культуры, экономические возможности, семейные конфликты и институциональная реакция государства [7, с. 142].

Динамика женской преступности показывает, что абсолютные и относительные показатели могут изменяться разнонаправленно. За период с 2016 по 2024 год в России было официально зарегистрировано более 19 млн. преступлений, а среди лиц, изобличенных в совершении преступлений, значительную группу составили женщины, при этом важен не только общий массив выявленных лиц, но и изменение доли женщин в структуре преступности, поскольку именно относительный показатель позволяет оценить реальное место женской преступности в общем криминальном процессе [13; 14].

По данным исследования, за четыре года, с 2021 по 2024 год, абсолютное число женщин, совершивших преступления, увеличилось примерно со 154 тыс. до 172 тыс. человек. Если сопоставить этот рост с общим снижением ряда показателей преступности, то становится очевидно, что женская преступность развивается не просто как производная от общей динамики, а как относительно самостоятельная тенденция. В 2024 году доля женщин среди выявленных лиц достигла 16,23 %, тогда как в 2016 году она составляла 14,6 %. В первой половине 2025 года данный показатель, согласно материалам исследования, достиг 16,32 %, что указывает на сохранение повышенного уровня участия женщин в преступности [13; 14].

Такая динамика не должна толковаться упрощенно. Рост удельного веса женщин может быть связан с реальным увеличением их криминальной активности, с изменением структуры преступлений, с более активным выявлением экономических и имущественных деяний, с цифровизацией учета, а также с изменением социального положения женщин. Однако независимо от конкретного сочетания причин сам факт устойчивого повышения доли женщин требует пересмотра профилактических подходов, потому что меры, рассчитанные на усредненного правонарушителя, не позволяют адресно воздействовать на женские группы риска.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление женской преступности с несовершеннолетней и рецидивной преступностью. В диссертационных материалах приведены данные о значительном количестве несовершеннолетних правонарушителей и лиц, ранее совершавших преступления. Такое сопоставление важно, потому что женская преступность имеет межпоколенческое значение. Если женщина, особенно мать, вовлекается в преступное поведение, это влияет не только на ее личную судьбу, но и на условия воспитания детей, стабильность семьи, риск социального сиротства и последующее формирование девиантных установок у несовершеннолетних.

Структура женской преступности подтверждает ее преимущественно корыстную направленность. В 2024 году среди преступлений, совершенных женщинами, одно из ведущих мест занимали кражи, количество которых составило около 39,8 тыс. случаев. На втором значимом направлении находилось мошенничество, число выявленных эпизодов которого составило около 12,9 тыс. Особое значение имеет то, что доля женщин в мошенничестве и присвоении либо растрате выше, чем в ряде насильственных составов, что указывает на заметную включенность женщин в имущественные и экономически мотивированные

деяния.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков также занимают существенное место в структуре женской преступности. В 2024 году, по данным исследования, было зафиксировано около 8,8 тыс. таких преступлений, совершенных женщинами. Для криминологии важно, что участие женщин в наркотической преступности часто имеет сложный характер: женщины могут выступать хранителями, перевозчиками, сбытчиками, посредниками, лицами, действующими под влиянием зависимости, либо участниками схемы, организованной другими лицами, поэтому статистический показатель требует последующего анализа роли женщины в преступлении, а не только фиксации факта совершения деяния.

Присвоение и растрата, а также отдельные экономические преступления указывают на изменение социальной роли женщины. Расширение участия женщин в трудовой, предпринимательской и финансовой сфере закономерно увеличивает их присутствие не только в легальной экономике, но и в преступлениях, связанных с использованием служебного положения, доступом к материальным ценностям, документам и денежным потокам. Данный вывод не означает криминализации женской занятости, напротив, он показывает, что профилактика должна учитывать реальные профессиональные и экономические роли женщин в современном обществе.

Насильственные преступления, совершаемые женщинами, количественно уступают имущественным, однако имеют особое общественное значение. Они часто возникают в семейно-бытовом контексте, в условиях длительного конфликта, ревности, зависимости, алкогольного воздействия, защиты себя или ребенка, а иногда в ситуации накопленной агрессии. Для статистики насильственное преступление фиксируется как отдельный состав, но для криминологической профилактики важно установить, почему конфликт не был выявлен раньше и почему социальные, медицинские или правоохранные механизмы не предотвратили его уголовно наказуемую развязку [8, с. 103; 11, с. 77].

Высокая латентность является одной из наиболее значимых проблем анализа женской преступности, которая проявляется в том, что не все преступления, связанные с женщинами, попадают в официальную статистику, а часть криминального поведения остается скрытой внутри семьи, малого бизнеса, неформальной занятости, зависимых отношений или групповой преступности. Особенно трудно выявляются эпизоды, где женщина выполняет вспомогательные функции, действует под давлением партнера, скрывает факты насилия

или опасается утраты детей и жилья.

Латентность женской преступности имеет двойственную природу. С одной стороны, женщина может быть субъектом скрытого преступления, например экономического, имущественного или связанного с незаконным оборотом наркотиков. С другой стороны, она сама нередко длительное время является жертвой насилия, зависимости или эксплуатации, а последующее преступление становится итогом невыявленного виктимного процесса, поэтому официальная статистика показывает только верхнюю часть проблемы, тогда как реальный криминологический анализ требует учитывать предкриминальные обстоятельства.

Качественная динамика современной женской преступности выражается не только в росте доли женщин среди выявленных лиц, но и в усложнении ролей, которые женщины занимают в преступном механизме. Если ранее научное внимание чаще сосредоточивалось на бытовых конфликтах и простых имущественных преступлениях, то сегодня необходимо учитывать участие женщин в групповых схемах, финансовых операциях, цифровых формах мошенничества, наркопреступности и криминальном обслуживании незаконного бизнеса. Эти формы требуют других методов выявления и профилактики, поскольку традиционный участковый контроль не всегда позволяет увидеть такие риски.

Существенное значение имеет и региональная неоднородность женской преступности. Экономически слабые территории, регионы с дефицитом рабочих мест, миграционной нестабильностью, высокой алкоголизацией или недостаточной социальной инфраструктурой могут создавать более выраженные криминогенные условия. При этом крупные города формируют иные риски, связанные с мошенничеством, занятостью в торговле, доступом к финансовым операциям и цифровой средой. Следовательно, динамика женской преступности не должна оцениваться только в среднем по стране, потому что усреднение скрывает локальные причины.

Общая характеристика и динамика женской преступности имеют прямое значение для профилактики. Если в структуре преобладают корыстные преступления, то предупреждение должно включать не только полицейское наблюдение, но и меры социальной поддержки, трудовой адаптации, правового консультирования, помощи женщинам с детьми и контроля за ситуациями экономической зависимости. Если растёт участие женщин в мошенничестве и экономических преступлениях, то профилактика должна включать повышение правовой грамотности, контроль внутри организаций, выявление зависимого использования жен-

щин в схемах и раннее реагирование на признаки финансового неблагополучия.

Для преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков необходимо сочетание уголовно-правового реагирования с медицинской, психологической и социальной помощью. Женщина, вовлеченная в наркопреступность, может быть как самостоятельным субъектом криминального бизнеса, так и зависимым участником, действующим под влиянием партнера, долга, угрозы или собственной зависимости. Унифицированная профилактика не различает эти ситуации, поэтому она слабо воздействует на реальные причины поведения. Адресная профилактика должна учитывать роль женщины, ее зависимость, наличие детей, источники дохода и возможность выхода из криминального окружения.

При анализе женской преступности особенно важно учитывать последствия лишения свободы. Сама статистика осужденных женщин не отражает всех социальных последствий, которые возникают после изоляции матери: разрыв семейных связей, помещение детей к родственникам или в учреждения, потеря жилья, трудовая дезадаптация и риск рецидива. Поэтому предупреждение женской преступности должно начинаться до приговора и продолжаться после освобождения, соединяя возможности суда, уголовно-исполнительной системы, органов опеки, социальной защиты и некоммерческих организаций [3; 9, с. 26].

Выявленные тенденции показывают, что женская преступность не может рассматриваться как периферийная проблема общей преступности. Ее удельный вес, структура и социальные последствия требуют самостоятельного мониторинга. Такой мониторинг должен включать не только количество выявленных женщин, но и возраст, семейное положение, наличие детей, занятость, вид преступления, роль в группе, рецидив, предшествующее насилие, зависимость и результаты ресоциализации. Только в этом случае статистика превратится в инструмент предупреждения, а не останется формальным отчетом.

При оценке динамики женской преступности необходимо различать абсолютное число женщин, совершивших преступления, и их удельный вес среди всех выявленных лиц. Абсолютный рост показывает увеличение числа конкретных правонарушительниц, однако относительный показатель позволяет понять, меняется ли место женщин в общей структуре преступности. Если общее число преступлений снижается, а доля женщин растет, это может означать, что женская преступность имеет собственные причины и не полностью подчиняется общей динамике. Именно такая ситуация требует более внимательного анализа, а не

простого констатирования статистического роста.

Интерпретация статистики осложняется тем, что разные источники фиксируют разные стороны явления. Данные МВД и Генеральной прокуратуры отражают зарегистрированные преступления и выявленных лиц, судебная статистика показывает осужденных, а сведения ФСИН характеризуют лиц, отбывающих наказание. Между этими массивами нет полного совпадения, потому что часть дел прекращается, часть лиц получает наказание без изоляции, часть преступлений остается латентной, а сроки судебного рассмотрения влияют на годовую отчетность. Поэтому научная статья должна использовать статистику не как набор отдельных цифр, а как систему взаимодополняющих показателей [13; 14; 15; 16].

Проблема интерпретации особенно заметна при анализе отдельных составов. Например, высокий удельный вес женщин в мошенничестве может быть связан как с реальным расширением участия женщин в таких деяниях, так и с особенностями выявления цифровых и финансовых схем. Снижение числа женщин в местах лишения свободы не всегда означает снижение преступности, потому что оно может быть связано с изменением судебной практики, применением наказаний без изоляции или гуманизацией исполнения наказания. Следовательно, динамика женской преступности требует осторожного анализа, в котором каждое число соотносится с правоприменительной и социальной реальностью.

Динамика женской преступности не может быть корректно объяснена без учета социально-демографического контекста. Возраст, занятость, образование, семейное положение, наличие детей и уровень дохода влияют не только на вероятность совершения преступления, но и на вид преступления, роль женщины в криминальной ситуации и последующие возможности ресоциализации. Например, женщина среднего возраста, имеющая детей и нестабильный доход, находится в иной криминогенной ситуации, чем молодая женщина без иждивенцев или женщина, включенная в служебные экономические отношения. Поэтому статистика должна быть не общей, а дифференцированной.

Женская преступность особенно чувствительна к социально-экономическим изменениям: рост цен, нестабильность занятости, долговая нагрузка, невозможность оплатить жилье или лечение, отсутствие поддержки после семейного конфликта не всегда непосредственно порождают преступление, но создают фон, на котором корыстное деяние начинает восприниматься как выход из кризиса. В этом смысле динамика женской преступности выступает не только уголовно-пра-

вовым, но и социальным индикатором, показывающим степень устойчивости семейной и трудовой среды.

Семейный статус также влияет на динамику, но не в формальном смысле. Наличие брака или детей может удерживать женщину от преступления, если семья выполняет поддерживающую функцию, однако те же признаки могут усиливать криминогенное давление, если женщина несет основную материальную нагрузку, подвергается насилию или зависит от партнера. Поэтому при анализе статистики необходимо учитывать, что одинаковые внешние признаки могут иметь разное значение в зависимости от конкретной жизненной ситуации. Это особенно важно для профилактики, поскольку адресная помощь должна ориентироваться не на формальную категорию, а на реальный риск.

Таким образом, женская преступность представляет собой самостоятельный элемент общей преступности, который отличается специфической структурой, высокой социальной чувствительностью и сложной динамикой. Проведенный анализ показывает, что ее количественная меньшая распространенность по сравнению с мужской преступностью не снижает значимости проблемы, поскольку преступления женщин затрагивают семью, детей, трудовые отношения, социальную поддержку и деятельность уголовно-исполнительной системы. Особенно важно, что при общем изменении преступности удельный вес женщин среди выявленных лиц в отдельные периоды возрастает, что требует отдельного криминологического объяснения.

Структура женской преступности подтверждает преобладание корыстных и экономически мотивированных деяний, однако современная динамика показывает также значимость наркопреступности, мошенничества, присвоения, растраты и отдельных насильственных преступлений. В связи с чем, профилактика должна быть дифференцированной: для имущественных преступлений важны социально-экономические меры, для наркотических - медицинская и психологическая помощь в сочетании с правовым контролем, для семейно-бытовых - раннее выявление насилия и конфликтов, для экономических - организационный контроль и правовая грамотность, что позволит соединить статистическую характеристику женской преступности с реальным предупреждением преступлений.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе обще-

российского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. 64 с.

[5] Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология и предупреждение преступлений: учебник и практикум для СПО. М.: Юрайт, 2019. 84 с.

[6] Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. М.: Юрайт, 2018. 190 с.

[7] Куликов Е.А. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 142 с.

[8] Молев Г.И., Анисимова М.С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 103.

[9] Сарпионова Д.В., Баженов Л.А. Меры предупреждения женской преступности // Отечественная юриспруденция. 2020. № 2. С. 26.

[10] Зорина Н.С. Женская преступность: причины, условия и меры ее предупреждения // Закон и право. 2022. № 8. С. 138.

[11] Высоцкая Д.С. Женская преступность: причины и пути решения // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 6 (46). С. 77.

[12] Лыско Е.А. Исторический аспект женской преступности // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6. С. 19-27.

[13] Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистические данные. // Генеральная прокуратура. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 01.03.2025).

[14] МВД России. Статистические данные. // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 01.03.2025).

[15] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.03.2025).

[16] Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. // Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 01.03.2025).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 01.03.2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 01.03.2026).

[3] Federal Law of June 23, 2016, No. 182-FZ, "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (Accessed: March 1, 2026).

[4] Antonyan, Yu.M. Crime Among Women. Moscow, 1992. 64 p.

[5] Afanasyeva, O.R., Goncharova, M.V., Shiyan, V.I. Criminology and Crime Prevention: Textbook and Workshop for Secondary Vocational Education. Moscow: Yurait, 2019. 84 p.

[6] Criminology: Textbook and Workshop for Bachelor's and Specialist Degrees / I.Ya. Kozachenko, K.V. Korsakov. Moscow: Yurait, 2018. 190 p.

[7] Kulikov E. A. Criminal Law of Russia.

General Part: Textbook. Barnaul: Publishing House of Altynai University, 2021. 142 p.

[8] Molev G. I., Anisimova M. S. The Current Status and Trends of Female Crime in Russia // Science. Society. State. 2020. Vol. 8. No. 4 (32). P. 103.

[9] Sarpinova D. V., Bazhenov L. A. Measures for Preventing Female Crime // Domestic Jurisprudence. 2020. No. 2. P. 26.

[10] Zorina N. S. Female Crime: Causes, Conditions, and Measures for Its Prevention // Law and Order. 2022. No. 8. P. 138.

[11] Vysotskaya D.S. Female Crime: Causes and Solutions // Sustainable Development of Science and Education. 2020. No. 6 (46). P. 77.

[12] Lysko E.A. Historical Aspect of Female Crime // Issues of Russian and International Law. 2023. No. 6. Pp. 19-27.

[13] Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Statistical Data. // Prosecutor General's Office. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (accessed: 01.03.2025).

[14] Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistical Data. // Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://мвд.рф/reports> (accessed: 01.03.2025).

[15] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data. // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed: 01.03.2025).

[16] Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Key Performance Indicators of the Penitentiary System. // Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (accessed: 01.03.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-719-722

Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

ВИЛКОВА А.В.,

заместитель начальника ФКУ НИИ ФСИН России, полковник
внутренней службы, г. Москва, Российская Федерация;
профессор ВИПК МВД России, г. Домодедово; доктор
педагогических наук, профессор, ORCID: 0000-0001-8441-3440,
e-mail: mavlad67@mail.ru

ПОЛЯКОВА Я.Н.,

ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация; кандидат психологических
наук, ORCID: 0000-0002-3852-3128,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

СОВОКУПНОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос понимания образовательной системы, ее особенностей, ведущей идеи развития региональной образовательной системы, а также важнейшие составляющие непрерывного образования. Рассматриваемые элементы образовательной деятельности наиболее полно характеризуют систему профессионального образования в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: образовательная система, непрерывное образование, образовательная среда, консультирование, уголовно-исполнительная система, профессиональное образование.

VILKOVA A.V.,

Deputy Head, Federal State Institution Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia, Colonel of the Internal
Service, Moscow, Russian Federation; Professor of the VIPK of
the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo; Doctor of
Pedagogical Sciences, Professor

POLYAKOVA Ya.N.,

leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian
Federation; Candidate of Psychological Sciences

THE EDUCATIONAL SYSTEM AS A SET OF ELEMENTS OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. The article examines the issue of understanding the educational system, its features, the leading idea of the development of the regional educational system, as well as the most important components of lifelong education. The considered elements of educational activity most fully characterize the system of vocational education in the penal system.

Key words: educational system, continuing education, educational environment, counseling, penal system, vocational education.

Результаты анализа научных исследований свидетельствуют о различных подходах к определению понятия «система», которые можно объединить в три группы в соответствии той или иной принадлежностью: культурная, политическая, эко-

номическая.

В нашем исследовании особый интерес представляет такая социальная система, как образовательная система, являющаяся одной из структурных подсистем общества, а следователь-

но, и уголовно-исполнительной системы.

Несмотря на то, что образовательная деятельность в уголовно-исполнительной системе имеет свою специфику в силу ведомственной принадлежности, ее организация и осуществление происходит с учетом общественных процессов и явлений и в соответствии с научными представлениями об образовательной системе в целом.

Образовательная система – взаимосвязанная совокупность объективных и субъективных элементов образовательной деятельности (цели, содержание, формы, участники и др.), которыми определяются особенности протекания образовательного процесса.

К особенностям образовательной системы, как отмечает Г. С. Богданова, можно отнести: удовлетворение педагогическими средствами социальных потребностей личности (социально-педагогическая); педагогическое управление развитием личности в образовательном процессе (воспитательная); целенаправленная передача социального опыта (культурологическая); функционирование на основе единства традиций, профессиональных ценностей и др. Для того чтобы изменить отношение других сфер к образовательной системе образовательные организации должны обеспечить реализацию следующих функций: организация практико-ориентированного образования, проведение собственной микрорайонной политики средствами образования; организация работы с семьей и проектирование индивидуальных программ развития детей; выявление образовательных проблем в других сферах[1].

П. И. Третьяков и А. М. Жаде в качестве ведущей идеи развития региональной образовательной системы выдвигает идею непрерывности, рассматривая ее и как условие, и как социально-педагогический принцип, отражающий мировые тенденции построения образования [2, 3].

Создание системы непрерывного (в течение всей жизни человека) образования обеспечивает каждому человеку условия для свободного развития его образовательных, интеллектуальных и деятельностных возможностей на протяжении всей жизни. Динамично развивающееся современное общество затрагивает все сферы существования человека, поэтому для развития личности во всех направлениях требуются значительные ресурсы. Так, главным ресурсом развития личности выступает непрерывное образование, которое выступает и как психологический компонент комфортного существования человека. При этом непрерывное образование рассматривается как вариативная система предоставления образовательных услуг, позволяющая человеку воспользоваться ими в соответствии со своими личностными потребно-

стями и запросами в различные периоды жизни. Непрерывность образования – это, прежде всего, высокая гибкость, посредством которой обеспечивается индивидуальный вектор роста и развития каждого обучаемого.

Важнейшими составляющими непрерывного образования являются как формальное образование (основное общее, среднее полное, среднее профессиональное, высшее профессиональное образование), так и неформальное, и информальное образование, соотносящееся с меняющимися образовательными потребностями.

К неформальным и информальным формам образования можно отнести дополнительное компенсаторное образование, образование в процессе сопровождения профессиональной деятельности и народное просвещение.

В педагогической теории и практике содержание дополнительного компенсаторного образования целостно не представлено.

В отличие от традиционного компенсирующего обучения дополнительное компенсаторное образование восполняет образовательные дефициты, возникающие за рамками государственного стандарта, что связано с приобретением новых компетенций в связи с изменениями в профессиональной деятельности или особыми индивидуальными образовательными запросами. На самом высоком уровне дополнительного компенсаторного образования обеспечивается эксклюзивное элитное образование с целью обеспечения рынка труда, сферы управления и научных исследований кадрами высокой квалификации, способными решать сложные проблемы развития региона, а также осуществлять максимальную поддержку особо одаренных людей. Основной формой предоставления образовательных услуг в процессе дополнительного компенсаторного образования выступает индивидуализированная образовательная программа.

Образование через сопровождение профессиональной деятельности осуществляется с помощью внутренних или внешних экспертов.

В настоящее время вопросы сопровождения в образовательном пространстве находятся в центре внимания научных исследований, их актуальность лишь возрастает. Следует отметить, что как субъект-субъектный, так и субъект-объектный характер сопровождения диктует ряд необходимых условий и факторов, при которых обеспечивается эффективность данного процесса, в том числе и сопровождения профессиональной деятельности.

В первую очередь укажем, что процесс профессионального развития педагога в образовательном пространстве характеризуется своей интенсивностью и динамикой. Исходя из указанных

факторов сопровождение осуществляется с учетом следующих условий:

индивидуальный подход к организации сопровождения;

внешние и внутренние факторы профессионализации педагога;

непрерывность сопровождения в течение всей профессиональной деятельности педагога.

Важным условием эффективности сопровождения профессиональной деятельности педагога является использование различных видов взаимодействия, а именно: модерирование, консультирование, супервизия, просвещение.

Модерирование в широком смысле подразумевает поиск оптимального пути развития той или иной деятельности на основе проведенного анализа всех условий и факторов этой деятельности.

Модерирование профессиональной деятельности педагога осуществляется посредством специальных технологий организации коммуникаций, обмена мнениями и суждениями. Результатом модерирования является выявление потенциальных возможностей и способностей педагога, реализация которых в последствии обеспечивает принятие им грамотных профессиональных решений.

Таким образом, модерирование способствует раскрытию внутреннего потенциала педагога, трансформации потенциальных компетенций в актуальные компетенции, а индивидуально значимое в коллективно значимое. В свою очередь модератор как субъект процесса сопровождения способствует выявлению скрытых возможностей и не актуализированных умений педагога и в целом – «раскрепощению» обучаемого.

Следующий вид деятельности в рамках процесса сопровождения – консультирование. Консультирование предполагает обсуждение с консультируемым возникающих проблем и совместный поиск их решения с использованием внешних ресурсов.

В зависимости от «природы», характера выявленной проблемы, предполагается один из вариантов ее решения, когда консультант выступает в качестве:

эксперта – консультант предлагает различные вариации решения проблемы, оказывает педагогу помощь;

«врача» – консультант на основе имеющихся сведений о проблеме и личности педагога ставит «диагноз» и оказывает помощь;

«менеджер» – консультант предлагает различные вариации решения проблемы, оказывает педагогу помощь и принимает непосредственное участие в решении проблемы.

По нашему мнению, вариант деятельности консультанта в роли «менеджера» представляет

собой классический способ сопровождения.

Супервизия – это наиболее «комфортный» для сопровождаемого педагога вид деятельности в системе его профессионального сопровождения, поскольку экспертом в данном случае выступает такой же педагог, но с большим профессиональным опытом. Супервизия – это помощь, консультирование, модерирование, коррекция, обсуждение профессиональных проблем на профессиональном уровне в условиях психологического комфорта. Таким образом, супервизия исключает формальный подход и формальную оценку решаемых проблем, при этом способствует решению профессиональных проблем, исправлению профессиональных ошибок, созданию условий для эффективного внутригруппового и межгруппового общения в образовательном пространстве.

Такой широкий «спектр» воздействия и взаимодействия субъектов в рамках супервизии, позволяет выделить следующие функции супервизии:

модерационную;
консультативную;
диагностическую;
коррекционную;
дидактическую;
терапевтическую.

Следует отметить, что указанные функции могут иметь психологический, педагогический, социальный характер, либо их сочетание.

Просвещение направлено на удовлетворение потребностей в сфере самообразования, не связанного с профессиональной деятельностью, которое реализует образовательные запросы различных групп населения (например, в области изучения языков, культурологии, истории, религии и др.). Просвещение выполняет просветительскую функцию (расширяет духовный потенциал личности и непосредственно не связан с конъюнктурой рынка труда).

Итак, просвещение – это разновидность образовательной деятельности, предполагающей широкое распространение знаний в области науки и культуры, не нацеленной на решение узкопрофессиональных задач.

В нашем исследовании мы рассматриваем образовательную систему как средство развития территории (общественной системы, социальной структуры) и как приоритетную сферу развития территориального сообщества. С данной точки зрения нам близок подход В. Н. Аверкина, который выделяет следующие основные характеристики территориальной системы: субъектно-деятельностная, ценностно-ориентационная, содержательная и организационно-управленческая[4].

Итак, подводя итог вышесказанного, в целях осмысления важной роли образовательной систе-

мы как средства развития социальных структур и систем в дальнейшем возникает потребность в исследовании особенностей управления ею, в частности – специфики управления образовательной системой в УИС.

Список литературы:

- [1] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: Педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург, 2022. С. 32-36.
- [2] Третьяков, П. И. Управление школой по результатам: практика педагогического менеджмента. – М.: Новая школа, 1998. – 288 с.
- [3] Жаде, А. М. Организационно – педагогические условия модернизации системы образования региона. Автореф. ...дисс. канд. пед. наук. / А. М. Жаде. – М., 2005. – 20 с.
- [4] Аверкин, В. Н. Методология и методика проектного управления территориальной сферой образования. / В. Н. Аверкин // Педагогическое наследие Новгородской высшей школы – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – с. 134 – 138.
- [5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной probation / Вестник уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.
- [6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.
- [7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.
- [8] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.
- [9] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профес-

сиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной probation // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

References:

- [1] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova // In the collection: Pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Graduate Student Library" St. Petersburg, 2022. S. 32-36.
- [2] Tretyakov, P.I. School management based on results: practice of pedagogical management. - M.: New school, 1998. - 288 p.
- [3] Jade, A. M. Organizational and pedagogical conditions for the modernization of the region's education system. Autoref.... diss. cand. ped. Sciences /A. M. Jade. - M., 2005. - 20 s.
- [4] Averkina, V. N. Methodology and methodology of project management of the territorial sphere of education /V. N. Averkina // Pedagogical heritage of the Novgorod Higher School - Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise, 2004. - p. 134-138.
- [5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.
- [6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.
- [7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.
- [8] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities // Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.
- [9] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation // Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S. 45-51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-723-727

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского
права и кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: bezzateeva@inbox.ru

ПРАВОВАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЦИФРОВОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИГРОВЫХ МОДИФИКАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается правовая профилактика цифровой виктимизации несовершеннолетних при использовании игровых модификаций, неофициальных лаунчеров, читов и иных файлов, распространяемых в игровых сообществах. Показано, что риск для ребенка возникает не только из вредоносного кода, но и из доверительной игровой среды, социально-инженерной подачи и последующего оборота персональных данных. Предлагается модель профилактического паспорта риска игровой модификации, объединяющая источник файла, способ распространения, состав запрашиваемых разрешений, признаки вредоносности, порядок реагирования образовательной организации и меры правового просвещения несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; игровые модификации; цифровая виктимизация; персональные данные; информационная безопасность; правовое просвещение; цифровая гигиена.

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Saint-Petersburg
State University of Aeronautical Instrumentation

PROCESSUAL VALIDITY OF DIGITAL EVIDENCE IN A RISK-ORIENTED MODEL OF CONSOLIDATION AND EVALUATION

Annotation. The article examines legal prevention of digital victimization of minors when using game modifications, unofficial launchers, cheats and other files distributed in gaming communities. It is shown that the risk for a child arises not only from malicious code, but also from the trust-based gaming environment, social-engineering presentation and subsequent circulation of personal data. The author proposes a preventive risk passport for game modifications that records the file source, distribution method, requested permissions, signs of malicious activity, response procedures of educational organisations and measures of legal education for minors.

Key words: minors; game modifications; digital victimization; personal data; information security; legal education; digital hygiene.

Игровая среда стала для несовершеннолетних не только пространством досуга, но и устойчивым каналом общения, обучения, творчества и самопрезентации. Ребенок участвует в игровых сообществах, смотрит инструкции, обменивается файлами, устанавливает модификации и доверяет рекомендациям блогеров, друзей или участников сервера. В такой ситуации вредоносная игровая модификация представляет собой не только техническую угрозу, но и социально-правовой риск: ребенок добровольно запускает файл,

считая его элементом игры, а затем становится объектом сбора учетных данных, переписки, изображений, токенов доступа, сведений об устройстве и иной информации, позволяющей прямо или косвенно идентифицировать его.

Актуальность проблемы определяется тем, что традиционная профилактика детской безопасности в сети часто строится вокруг вредного контента: запрета опасной информации, возрастной классификации, блокировки сайтов, ограничения доступа к материалам, причиняющим вред здоро-

вью и развитию. Однако вредоносная модификация опасна не содержанием описания, а технологическим действием файла после запуска. Страница может выглядеть как нейтральная инструкция по установке улучшенной графики или нового игрового режима, но сам исполняемый объект будет копировать данные, подключаться к внешнему серверу или устанавливать дополнительный компонент. Поэтому профилактика должна учитывать не только информационное сообщение, но и цифровой объект, который передается несовершеннолетнему.

Методология исследования

Исследование основано на формально-юридическом, системном и риск-ориентированном методах. Формально-юридический метод использован для анализа норм о защите персональных данных, информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, а также общих обязанностей субъектов, участвующих в обеспечении детской цифровой безопасности. Системный метод позволил рассмотреть игровую модификацию как элемент единой среды, включающей платформу, сообщество, канал распространения, несовершеннолетнего пользователя, родителей и образовательную организацию. Риск-ориентированный метод применен для разграничения обычной пользовательской модификации, спорного файла и вредоносного цифрового объекта.

Целью настоящего исследования является разработка правовой модели профилактики цифровой виктимизации несовершеннолетних при использовании игровых модификаций.

Игровая модификация может быть рассмотрена как правовой пограничный объект. С одной стороны, моддинг является формой пользовательского творчества и не должен рассматриваться как изначально противоправная деятельность. С другой стороны, именно внешняя легитимность модификации используется злоумышленниками для маскировки вредоносного компонента. В этой связи профилактика не должна сводиться к запрету любых модов. Чрезмерный запрет вытесняет детей в менее контролируемые каналы, где выше вероятность столкновения с вредоносными файлами. Более продуктивной является модель управляемого риска: ребенок должен понимать признаки безопасного источника, а взрослые - иметь понятный порядок проверки и реагирования. Правовая специфика рассматриваемого риска связана с персональными данными. В игровой среде ребенок редко передает паспортные сведения, однако его цифровая идентичность складывается из множества фрагментов: никнейма, игрового аккаунта, токена сессии, IP-адреса, изображения, голоса, переписки, сведений о школе, городе, друзьях,

родителях, устройстве и привычках. В совокупности эти сведения могут позволять определить конкретного несовершеннолетнего и использоваться для давления, кибербуллинга, шантажа, создания фейковых профилей или доступа к иным сервисам. Поэтому профилактика должна объяснять детям, что персональные данные - это не только паспорт и адрес, но и цифровые следы, связанные с реальной личностью [3; 4].

Вредоносная игровая модификация формирует особый тип цифровой виктимизации. Ребенок не только теряет доступ к аккаунту или виртуальным предметам, но может столкнуться с утечкой переписки, изображений, контактов, данных о месте учебы и социальных связях. Возникает повторная виктимизация: похищенные сведения используются не один раз, а длительно циркулируют в игровых чатах, закрытых каналах, базах данных или на ресурсах с незаконным оборотом информации. Такая ситуация особенно опасна для несовершеннолетнего, поскольку последствия затрагивают эмоциональное состояние, репутацию, безопасность общения и образовательную среду. Действующее российское законодательство содержит несколько взаимосвязанных блоков защиты. Закон о персональных данных закрепляет принципы законности, минимизации, определенности цели, безопасности обработки и защиты субъекта данных. Закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, ориентирует правоприменителя на приоритет интересов ребенка. Закон об информации, информационных технологиях и о защите информации содержит публично-правовые механизмы ограничения доступа к противоправным сведениям. Однако эти блоки не образуют полноценного профилактического стандарта именно для вредоносных цифровых объектов, распространяемых в игровой среде. Следовательно, необходима локальная и методическая конкретизация для образовательных организаций, родителей и платформенных сообществ.

В образовательной организации профилактика вредоносных игровых модификаций может рассматриваться как часть правового просвещения и формирования цифровой грамотности. Речь идет не о вмешательстве школы или вуза в досуг ребенка, а о защите права несовершеннолетнего на безопасное участие в цифровой среде. Образовательная организация уже участвует в профилактике буллинга, экстремистских проявлений, мошенничества и опасного поведения в сети. Игровые модификации должны быть включены в этот ряд как самостоятельный объект цифровой гигиены, поскольку именно через них ребенок может потерять персональные данные, доступ к

аккаунту и контроль над собственной цифровой репутацией [3; 4].

Для практического применения предлагается использовать профилактический паспорт риска игровой модификации. Такой паспорт не является процессуальным документом и не заменяет экспертное исследование. Его задача - помочь педагогическому работнику, родителю или самому подростку предварительно оценить, насколько безопасен файл до его установки. В паспорт целесообразно включать следующие блоки: источник файла, доменное имя или площадка размещения, наличие официальной страницы проекта, сведения об авторе, дата обновления, формат файла, необходимость запуска от имени администратора, запрашиваемые разрешения, наличие отзывов на независимых площадках, предупреждения антивируса, требования отключить защиту, просьба ввести пароль или токен, обещание чрезмерного игрового преимущества, наличие сокращенной ссылки или архива с исполняемым файлом.

Ключевым элементом паспорта является не техническая экспертиза, а правовая логика предупреждения риска. Если файл требует отключить антивирус, запустить неизвестный установщик, ввести логин и пароль вне официальной платформы или перейти по ссылке из закрытого чата, ребенок должен понимать, что такие признаки указывают на повышенную вероятность противоправного получения данных. Педагог или родитель, в свою очередь, получает не абстрактный запрет, а набор проверяемых признаков, по которым можно объяснить опасность без морализаторства и без полного запрета моддинга.

Отдельное значение имеет процедура реагирования, если вредоносная модификация уже была установлена. В образовательной профилактике целесообразно закреплять простой алгоритм: прекратить использование файла, сменить пароли к игровым и связанным учетным записям, завершить активные сессии, включить двухфакторную аутентификацию, проверить устройство антивирусным средством, сохранить скриншоты страницы распространения, ссылки, переписку и предупреждения системы, сообщить родителям или ответственному педагогу, при наличии утечки персональных данных обратиться к оператору сервиса и при необходимости в компетентные органы. Такой алгоритм важен потому, что ребенок часто боится наказания за установку «чита» и скрывает проблему до момента, когда последствия становятся более тяжелыми. Профилактика должна учитывать возрастную дифференциацию. Для младших школьников эффективнее работают простые правила: скачивать дополнения только вместе с взрослым, не вводить пароль на посто-

ронном сайте, не отключать защиту устройства, не запускать неизвестный файл. Для подростков необходима более сложная правовая рамка: объяснение ценности персональных данных, рисков продажи аккаунтов, уголовно-правовых последствий умышленного распространения вредоносных файлов, ответственности за шантаж, кибербуллинг и использование чужих данных. Подросток должен понимать, что пересылка «мода» может быть невинной ошибкой, но сознательное распространение файла, похищающего данные, уже имеет иную правовую оценку [5].

Важным субъектом профилактики являются игровые платформы и администраторы сообществ, ориентированных на несовершеннолетних. Минимальный стандарт добросовестного поведения может включать выделение проверенных модификаций, предупреждения перед скачиванием исполняемых файлов, запрет публикации инструкций по отключению средств защиты, механизм жалоб на вредоносные моды, быструю блокировку подтвержденных ссылок, уведомление пользователей о выявленной угрозе, а также недопустимость стимулирования детей к передаче токенов, паролей и иных идентификаторов [6]. При этом платформа не должна отвечать за любой пользовательский файл только из-за его размещения, но должна реагировать на очевидные и подтвержденные признаки риска.

Родительский контроль не должен превращаться только в наблюдение и запреты. Более эффективной является договорная модель цифрового поведения: ребенок заранее знает, где можно искать моды, какие признаки опасны, кому сообщить о проблеме и что обращение за помощью не повлечет автоматического наказания. Такая модель снижает латентность инцидентов. Если ребенок уверен, что за признание в установке подозрительного файла его, прежде всего, защитят, вероятность своевременного реагирования возрастает.

Особую роль играет доказательственное сохранение цифрового следа. Для образовательной и семейной профилактики важно объяснять, что удаление переписки, страницы или файла не всегда помогает, а иногда лишает возможности подтвердить факт угрозы. Необходимо сохранять адрес страницы, скриншоты, дату и время скачивания, название архива, имя отправителя, сообщения с обещаниями «без вирусов» или требованиями отключить защиту. Эти сведения могут потребоваться для обращения к платформе, оператору связи, образовательной организации, правоохранительным органам или специалисту по информационной безопасности. В то же время сбор доказательств не должен приводить к повторно-

му распространению вредоносного файла среди детей.

Предлагаемый профилактический паспорт может быть включен в локальные методические материалы образовательной организации: памятку по цифровой гигиене, план классного часа, курс по информационной безопасности, инструкцию для педагогов и родителей. Для юридической корректности в нем следует отделять три уровня: обычная пользовательская модификация, файл повышенного риска и вероятно вредоносный объект. Такая градация позволит избежать стигматизации легального моддинга, но сохранит возможность быстрого реагирования на признаки угрозы.

На уровне содержания правового просвещения необходимо отказаться от формулы «не скачивай ничего из Интернета» как практически невыполнимой. Для современного подростка такая рекомендация выглядит оторванной от реальной цифровой жизни. Более продуктивными являются конкретные критерии: скачивать файлы с официальных или проверенных площадок, не запускать архивы из комментариев и закрытых чатов, не передавать токены и cookies, не вводить пароль после перехода из видеоописания, проверять доменное имя, не отключать защиту ради установки мода, обсуждать сомнительные файлы со взрослым или специалистом. Правовое содержание таких правил состоит в предупреждении незаконного оборота персональных данных и снижении риска вовлечения ребенка в противоправную активность.

Вредоносные игровые модификации образуют самостоятельную проблему детской цифровой безопасности, находящуюся на пересечении информационного права, защиты персональных данных, профилактики правонарушений и образования. Их опасность обусловлена не только вредоносным кодом, но и игровой формой маскировки, доверием несовершеннолетнего к сообществу, стремлением получить преимущество и недостаточной способностью оценить последствия запуска файла. Поэтому профилактика должна строиться не на запрете моддинга как такового, а на риск-ориентированном управлении цифровым поведением.

Предлагаемый профилактический паспорт риска игровой модификации позволяет соединить юридическую и педагогическую логику. Он фиксирует источник файла, способ распространения, признаки повышенного риска, потенциальные персональные данные, порядок реагирования и правила сохранения цифровых следов. Для образовательных организаций такой инструмент может стать частью программ правового просвещения и информационной безопасности; для родителей -

понятным алгоритмом разговора с ребенком; для несовершеннолетних - практической памяткой, позволяющей отличать безопасный моддинг от рискованного запуска неизвестного файла. Защита персональных данных несовершеннолетних в игровой среде требует перехода от контентной модели к модели технологически вредоносного цифрового объекта. Ребенка необходимо защищать не только от опасного текста или изображения, но и от файла, который под видом развлечения получает доступ к его цифровой идентичности. Такая профилактика должна сочетать правовое просвещение, технические меры, участие семьи, ответственность платформ и уважение к возрастной автономии несовершеннолетнего.

Список литературы:

- [1] Федорова А. С. Проблемы обеспечения безопасности персональных данных несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях // Юридический мир. - 2023. - № 7. - С. 36-41.
- [2] Лахтина Т. А. Персональные данные несовершеннолетних как объект правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 4. - С. 190-194.
- [3] Беззатеева В. С. Инновационные методы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет // Волновая электроника и инфокоммуникационные системы: материалы XXVII Международной научной конференции. - СПб.: ГУАП, 2024. - С. 28-32.
- [4] Беззатеева В. С. Техническое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет в Российской Федерации // Экономика и качество систем связи. - 2025. - № 4. - С. 136-142.
- [5] Самосват О. И. «Лайк» в социальных сетях как показатель социального одобрения в подростковой среде // Казанский педагогический журнал. - 2023. - № 6-1. - С. 148-150.
- [6] Зотова Д. В., Розанов В. А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей - анализ с позиций феномена аддиктивного поведения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. - 2020. - № 2. - С. 158-183.

References:

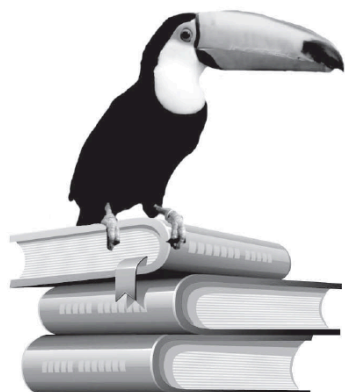
- [1] Fedorova A. S. Problems of ensuring the security of personal data of minors in information and telecommunication networks // Legal World. - 2023. - № 7. - S. 36-41.
- [2] Lakhtina T. A. Personal data of minors as an object of legal protection // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - № 4. - S. 190-194.

[3] Bezzateeva V. S. Innovative methods for ensuring the information security of minors on the Internet // Wave electronics and information and communication systems: materials of the XXVII International Scientific Conference. - St. Petersburg: GUAP, 2024. - S. 28-32.

[4] Bezzateeva V. S. Technical security of minors on the Internet in the Russian Federation // Economics and quality of communication systems. - 2025. - № 4. - S. 136-142.

[5] Samosvat O. I. "Like" in social networks as an indicator of social approval in a teenage environment // Kazan Pedagogical Journal. - 2023. - № 6-1. - S. 148-150.

[6] Zotova D.V., Rozanov V.A. Pathological use and dependence on social networks - analysis from the standpoint of the phenomenon of addictive behavior // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 16. Psychology. Pedagogy. - 2020. - № 2. - S. 158-183.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-728-732

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского
права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

МОШЕННИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы расследования мошеннических преступлений, совершаемых в отношении лиц пожилого возраста. Анализируются криминалистически значимые особенности данной категории преступлений, обусловленные виктимологическими характеристиками потерпевших и активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Раскрываются типовые способы совершения мошенничеств в отношении пожилых граждан, механизм слеодообразования, особенности личности преступника и потерпевшего. Выявляются трудности, возникающие на первоначальном и последующем этапах расследования, связанные с латентностью, дистанционным характером преступной деятельности, сложностью установления соучастников и вывода похищенных средств. Формулируются предложения по совершенствованию частной криминалистической методики расследования, тактики отдельных следственных действий, организации взаимодействия правоохранительных органов с кредитными организациями и операторами связи, а также по усилению виктимологической профилактики.

Ключевые слова: мошенничество, лица пожилого возраста, дистанционное хищение, виктимность, расследование, информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистическая методика, социальная инженерия, взаимодействие, профилактика.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St.
Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

FRAUD CRIMES AGAINST OLDER PEOPLE: PROBLEMATIC ASPECTS OF INVESTIGATION

Annotation. The article examines the current problems of investigating fraud crimes committed against elderly persons. The criminalistically significant features of this category of crimes are analyzed, conditioned by the victimological characteristics of the victims and the active use of information and telecommunication technologies. The typical methods of committing fraud against elderly citizens, the mechanism of trace formation, the personality of the criminal and the victim are revealed. The difficulties arising at the initial and subsequent stages of the investigation associated with latency, the remote nature of criminal activity, the complexity of identifying accomplices and withdrawing stolen funds are identified. Proposals are formulated to improve the private forensic methodology of investigation, the tactics of individual investigative actions, the organization of

interaction of law enforcement agencies with credit institutions and telecom operators, as well as to strengthen victimological prevention.

Key words: *fraud, elderly persons, remote theft, victimity, investigation, information and telecommunication technologies, forensic methodology, social engineering, interaction, prevention.*

В последние годы в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост числа мошеннических преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно данным официальной статистики, доля преступлений, совершённых с применением информационно-коммуникационных технологий, в общем массиве зарегистрированных преступных деяний неуклонно увеличивается, а мошенничество занимает в этой структуре одно из ведущих мест. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что значительную долю потерпевших от подобных деяний составляют лица старшего поколения. Данная категория граждан в силу возрастных психофизиологических особенностей, недостаточной цифровой грамотности и повышенной доверчивости оказывается наиболее уязвимой перед действиями злоумышленников [1].

Актуальность темы обусловлена не только количественным ростом соответствующих преступлений, но и качественной трансформацией способов их совершения. Классическое «уличное» мошенничество (продажа поддельных лекарственных средств и биологически активных добавок, деятельность мнимых «социальных работников», «целителей» и «представителей пенсионного фонда») дополнилось изощрёнными дистанционными схемами: телефонное мошенничество от имени сотрудников банков и правоохранительных органов, схемы «безопасного счёта», фишинговые ресурсы, а также комбинированные схемы, сочетающие дистанционное воздействие с последующим личным контактом с курьером [2]. При этом высокая латентность, анонимность и трансграничный характер преступной деятельности существенно затрудняют раскрытие и расследование указанных деяний.

Демографические процессы, связанные со старением населения, объективно расширяют круг потенциальных потерпевших. Увеличение числа пожилых граждан, использующих банковские карты, дистанционные сервисы и мобильную связь, при сохраняющемся низком уровне их цифровой грамотности создаёт благоприятную среду для преступной деятельности. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость выработки самостоятельного научно обоснованного подхода к расследованию данной категории преступлений.

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной. Отдельные аспекты противодействия мошенничеству в от-

ношении пожилых лиц рассматривались в работах А.В. Майорова, Р.Р. Гайфутдинова, Е.А. Рускевича, П.А. Кабанова, А.Л. Осипенко и других исследователей [3; 4]. Вместе с тем комплексного криминалистического анализа проблем расследования данной категории преступлений с учётом виктимологической специфики потерпевших в юридической литературе явно недостаточно, что предопределяет научную и практическую значимость настоящего исследования.

Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов расследования мошеннических преступлений в отношении лиц старшего поколения и разработка предложений по их разрешению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: раскрыть криминалистически значимые особенности рассматриваемой категории преступлений (способ совершения, механизм слеодообразования, характеристику личности преступника и потерпевшего); выявить типичные трудности первоначального и последующего этапов расследования; определить особенности тактики отдельных следственных действий; сформулировать рекомендации по совершенствованию методики расследования и виктимологической профилактики.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), а также частнонаучные методы: статистический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой. Эмпирическую основу исследования составили опубликованные материалы судебной и следственной практики, а также данные научных публикаций по рассматриваемой проблематике.

Криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений обладает рядом специфических черт, познание которых имеет непосредственное практическое значение для организации эффективного расследования.

Прежде всего необходимо отметить особенности личности потерпевшего. Лица старшего поколения нередко страдают возрастными когнитивными нарушениями (снижением объёма памяти, замедлением процессов восприятия и переработки информации), испытывают чувство одиночества и социальной изоляции, обладают устойчивым доверием к государственным институтам и авторитету должностных лиц. Эти обстоятельства активно эксплуатируются преступниками [1]. Виктимологический аспект приобретает здесь ключе-

вое значение: поведение потерпевшего, его повышенная внушаемость и готовность следовать указаниям «авторитетного» собеседника зачастую становятся необходимым звеном в механизме совершения преступления [5]. Именно виктимологическая составляющая отличает рассматриваемую категорию деяний от иных видов мошенничества и предопределяет необходимость специальных подходов к расследованию.

Характеристика личности преступника отличается неоднородностью. С одной стороны, дистанционные мошенничества нередко совершаются организованными группами со сложной иерархической структурой, в которой распределены роли: организаторы, операторы «колл-центров», лица, обеспечивающие техническое сопровождение, «дропы» (лица, предоставляющие банковские карты для обналичивания), курьеры [4]. С другой стороны, отдельные схемы «контактного» мошенничества совершаются лицами, действующими в одиночку или небольшими группами. Организованный характер преступной деятельности существенно осложняет установление всех участников преступления и доказывание их вины.

Способ совершения преступления характеризуется активным применением средств телефонной связи, мессенджеров, сервисов IP-телефонии с подменой абонентских номеров и методов социальной инженерии. Среди наиболее распространённых способов можно выделить следующие: сообщение о том, что родственник потерпевшего попал в беду (дорожно-транспортное происшествие, задержание) и требуется срочная передача денежных средств; звонок от имени «сотрудника службы безопасности банка» с предложением перевести деньги на «безопасный счёт»; сообщение о необходимости «декларирования» сбережений либо участия в «следственных мероприятиях»; предложение получить компенсацию за ранее приобретённые некачественные товары или лекарства [2]. Преступники используют методы психологического воздействия, создавая у жертвы состояние стресса, тревоги и ограниченного времени для принятия решения, что подавляет способность к критической оценке ситуации [2; 5].

Особое значение имеет обстановка совершения преступления. Дистанционный характер деяния предопределяет территориальную разобщённость места нахождения преступника, места нахождения потерпевшего и места наступления преступных последствий. Как справедливо отмечается в научной литературе, это порождает сложность установления как события преступления, так и лица, его совершившего, а также определения подследственности и территориальной под-

судности [4].

Особенностью механизма слеодообразования является преимущественно «цифровой» (виртуальный) характер следов. К типичным следам относятся: детализация телефонных соединений и сведения о принадлежности абонентских номеров; сведения о движении денежных средств по счетам и картам; IP-адреса устройств; данные о регистрации абонентских номеров и банковских карт, оформленных зачастую на подставных лиц; сведения из систем видеонаблюдения банкоматов при обналичивании средств; переписка в мессенджерах [6]. Специфика цифровых следов состоит в их нестабильности и способности к быстрому уничтожению, что предъявляет повышенные требования к оперативности их фиксации.

Первоначальный этап расследования рассматриваемых преступлений сопряжён с рядом существенных трудностей, обусловленных как спецификой самих преступлений, так и особенностями потерпевших.

Во-первых, значительную проблему представляет несвоевременность обращения потерпевших в правоохранительные органы. Пожилые лица нередко испытывают чувство стыда, страх осуждения со стороны родственников, длительное время не осознают факт совершённого в отношении них преступления либо, находясь под психологическим воздействием, продолжают выполнять указания преступников. Это приводит к утрате доказательственной информации, обналичиванию и выводу похищенных средств [3].

Во-вторых, качество получаемых от потерпевших показаний зачастую снижено ввиду возрастных особенностей памяти и восприятия. Пожилые потерпевшие могут путать хронологию событий, испытывать трудности с воспроизведением содержания телефонных разговоров и точных сумм переводов. Это обуславливает необходимость особой тактики допроса с учётом психофизиологического состояния допрашиваемого, а в ряде случаев – привлечения специалиста-психолога, а также назначения судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы для установления способности лица правильно воспринимать обстоятельства и давать о них показания [5].

В-третьих, дистанционный и трансграничный характер преступной деятельности порождает объективные сложности установления местонахождения соучастников, поскольку структуры, совершающие подобные преступления (в том числе так называемые «колл-центры»), нередко располагаются за пределами Российской Федерации. Это влечёт необходимость направления запросов о правовой помощи, исполнение которых сопря-

жено со значительными временными затратами и не всегда результативно [4].

В-четвёртых, серьёзной проблемой остаётся оперативность взаимодействия следственных органов с кредитными организациями и операторами связи. Промедление в получении сведений о движении денежных средств позволяет злоумышленникам оперативно осуществить обналичивание и вывод похищенных средств через цепочку счетов, электронных кошельков и криптовалютных активов, что делает возврат похищенного крайне затруднительным [6].

В-пятых, определённую сложность представляет квалификация деяния и разграничение мошенничества со смежными составами (кражей с банковского счёта, причинением имущественного ущерба путём обмана). Правильная уголовно-правовая оценка на первоначальном этапе влияет на определение направления расследования и предмета доказывания [2].

Специфика рассматриваемой категории преступлений предопределяет особенности производства отдельных следственных действий.

Допрос потерпевшего требует создания доверительной атмосферы, использования приёмов, помогающих восстановить в памяти последовательность событий (детализирующие вопросы, предъявление детализации соединений). Целесообразно фиксировать не только содержание общения с преступником, но и эмоциональное состояние потерпевшего в момент совершения преступления, что важно для оценки признаков обмана и злоупотребления доверием [5]. При наличии сомнений в способности потерпевшего адекватно воспринимать обстоятельства следует ставить вопрос о назначении соответствующей экспертизы.

Осмотр предметов и документов приобретает особое значение применительно к цифровым носителям информации. Осмотру подлежат мобильные устройства потерпевшего, содержащие сведения о входящих вызовах, сообщениях, установленных приложениях удалённого доступа, которые нередко устанавливаются преступниками под предлогом «защиты» средств [6]. Важно своевременно осуществить выемку и осмотр банковских выписок.

Назначение судебных экспертиз включает компьютерно-техническую экспертизу (исследование мобильных устройств и приложений), фоноскопическую экспертизу (при наличии аудиозаписей разговоров), а также при необходимости судебно-бухгалтерскую экспертизу. Своевременность их назначения напрямую влияет на результативность расследования.

Представляется целесообразным разработать самостоятельную частную криминалистиче-

скую методику расследования мошенничеств в отношении лиц старшего поколения, учитывая специфику виктимологической составляющей, цифровую природу следов и организованный характер преступной деятельности. Такая методика должна содержать типовые следственные ситуации первоначального этапа расследования и алгоритмы действий следователя применительно к каждой из них [3].

Необходимо оптимизировать механизм межведомственного взаимодействия, обеспечив возможность оперативного (в том числе в режиме реального времени) приостановления подозрительных операций и получения банковской информации по запросам следователя. Совершенствование антифрод-систем кредитных организаций и создание единых информационных ресурсов, позволяющих оперативно отслеживать движение похищенных средств, способно повысить эффективность возврата активов потерпевшим [6]. Важное значение приобретает внедрение современных программно-аналитических комплексов для анализа больших массивов транзакционных и телекоммуникационных данных.

Целесообразно также развитие форм международного сотрудничества правоохранительных органов, учитывая трансграничный характер значительной части рассматриваемых преступлений [4]. Расширение практики совместных расследований и оперативного обмена информацией между государствами способно повысить результативность установления организаторов преступных схем.

Существенную роль играет и профилактическая деятельность. Как отмечают исследователи, повышение цифровой грамотности пожилых граждан, проведение адресной информационно-разъяснительной работы, взаимодействие с органами социальной защиты, кредитными организациями и волонтерскими объединениями способны существенно снизить виктимность данной категории населения [1; 5]. Профилактика должна носить системный характер и охватывать как общесоциальный, так и индивидуальный уровни. Особое внимание следует уделять распространению информации о новых схемах мошенничества через доступные для пожилых людей каналы коммуникации.

Проведённое исследование позволяет заключить, что мошеннические преступления в отношении лиц старшего поколения представляют собой самостоятельную криминалистически значимую группу деяний, характеризующуюся особой виктимологической составляющей, преимущественно дистанционным способом совершения, цифровой природой следов и нередко органи-

зованным характером преступной деятельности.

Основными проблемами расследования являются высокая латентность и несвоевременность обращения потерпевших, сложность работы с показаниями пожилых лиц ввиду возрастных особенностей восприятия, трансграничный характер преступной деятельности, трудности установления всех соучастников, а также недостаточная оперативность взаимодействия правоохранительных органов с кредитными организациями и операторами связи.

Разрешение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего разработку специализированной частной криминалистической методики расследования, совершенствование тактики отдельных следственных действий с учётом специфики потерпевших, оптимизацию механизмов межведомственного и международного взаимодействия, а также усиление виктимологической профилактики. Только системная реализация перечисленных мер способна обеспечить эффективное противодействие данному виду преступности и защиту прав наиболее уязвимой категории граждан.

Список литературы:

[1] Майоров А.В. Виктимологическая характеристика лиц пожилого возраста как жертв мошенничества // Виктимология. — 2021. — Т. 8, № 3. — С. 245–252.

[2] Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие мошенничеству, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. — 2022. — № 5. — С. 96–108.

[3] Гайфутдинов Р.Р. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 12, № 2. — С. 178–184.

[4] Осипенко А.Л. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы и решения // Вестник Воронежского института МВД России. — 2020. — № 4. — С. 9–17.

[5] Кабанов П.А. Виктимологическая профилактика мошенничества в отношении пожилых граждан: понятие и содержание // Виктимология. — 2022. — Т. 9, № 1. — С. 34–43.

[6] Смирнова И.Г. Проблемы взаимодействия следователя с кредитными организациями при расследовании дистанционных хищений // Российский следователь. — 2023. — № 4. — С. 42–47.

References:

[1] Mayorov A.V. Victimological characteristics of the elderly as victims of fraud // Victimology. — 2021. - T. 8, NO. 3. - S. 245-252.

[2] Russkevich E.A. Criminal law counteraction to fraud committed using information and telecommunication technologies // Journal of Russian Law. — 2022. — № 5. - S. 96-108.

[3] Gayfudinov R.R. Features of the investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. - T. 12, NO. 2. - S. 178-184.

[4] Osipenko A.L. Countering crimes committed using information and telecommunication technologies: problems and solutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 4. - S. 9-17.

[5] Kabanov P.A. Victimological prevention of fraud against senior citizens: concept and content // Victimology. — 2022. - T. 9, NO. 1. - S. 34-43.

[6] Smirnova I.G. Problems of interaction between the investigator and credit institutions in the investigation of remote theft // Russian investigator. — 2023. — № 4. - S. 42-47.

ВИКТОРОВ Артем Олегович,
Преподаватель кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: viktorovolego1@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье исследуется значение профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при применении физической силы и специальных средств. Актуальность темы определяется тем, что данные меры принудительного воздействия находятся на наиболее чувствительном участке служебной деятельности: между необходимостью поддержания режима и безопасности учреждения, с одной стороны, и обязанностью уважать правовой статус осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц — с другой. Цель исследования состоит в определении того, каким образом уровень профессиональной правовой культуры влияет на законность, обоснованность, соразмерность и процедурную корректность применения физической силы и специальных средств сотрудниками УИС. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический подходы, позволяющие рассматривать применение принуждения не только как реализацию властного полномочия, но и как юридически значимое служебное решение.

Обосновывается, что формального знания оснований применения физической силы и специальных средств недостаточно для правомерного поведения сотрудника. Профессиональная правовая культура проявляется в способности оценить фактическую ситуацию, степень угрозы, возможность менее жесткого воздействия, пределы допустимого принуждения, необходимость последующей фиксации обстоятельств и готовность мотивировать принятое решение. Особое внимание уделено рискам формального подхода: подмене правовой оценки служебной привычкой, несоразмерности воздействия, шаблонному документированию, игнорированию медицинских последствий и конфликтному отношению к жалобам. Сделан вывод, что профессиональная правовая культура сотрудников УИС должна рассматриваться как необходимое условие юридически устойчивого применения физической силы и специальных средств.

Ключевые слова: профессиональная правовая культура, уголовно-исполнительная система, сотрудники УИС, физическая сила, специальные средства, служебное принуждение, законность, соразмерность, безопасность, права осужденных.

VIKTOROV Artem Olegovich,
Teacher of the department of Civil Law of the St. Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF THE UIS EMPLOYEES WHEN USING PHYSICAL FORCE AND SPECIAL MEANS

Annotation. This article examines the importance of professional legal culture among employees of the Russian Federation's penal system when using physical force and special means. The relevance of this topic lies in the fact that these coercive measures are at the most sensitive point of official activity: between the need to maintain the regime and security of the institution, on the one hand, and the obligation to respect the legal status of convicts, suspects, accused, and other individuals, on the other. The purpose of the study is to determine how the level of professional legal culture influences the legality, validity, proportionality, and procedural correctness of the use of physical force and special means by penal system employees. The methodological framework

comprises formal legal, systemic, comparative legal, and specific sociological approaches, allowing us to consider the use of coercion not only as an exercise of authority but also as a legally significant official decision.

It is argued that formal knowledge of the grounds for the use of physical force and special means is insufficient for lawful employee conduct. Professional legal culture is demonstrated by the ability to assess the actual situation, the degree of threat, the possibility of less severe influence, the limits of permissible coercion, the need for subsequent documentation of circumstances, and the willingness to justify the decision. Particular attention is paid to the risks of a formal approach: the substitution of official habit for legal assessment, disproportionate impact, formulaic documentation, ignoring medical consequences, and a conflictual attitude toward complaints. It is concluded that the professional legal culture of penal system employees should be considered a prerequisite for the legally sustainable use of physical force and special means.

Key words: professional legal culture, penal system, penal system employees, physical force, special means, official coercion, legality, proportionality, safety, rights of prisoners.

Введение

Применение физической силы и специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы относится к числу тех служебных действий, в которых наиболее отчетливо проявляется реальное качество профессиональной правовой культуры. В этой сфере право действует не как отвлеченная нормативная конструкция, а как непосредственный предел властного воздействия на человека, находящегося в зависимом или ограниченном правовом положении. Поэтому исследуемая проблема не сводится к вопросу о том, знает ли сотрудник основания применения силы. Существеннее другое: способен ли он в конфликтной ситуации определить юридическое значение происходящего, оценить необходимость вмешательства, избрать соразмерный способ воздействия и затем надлежащим образом зафиксировать принятое решение.

Нормативную основу рассматриваемой сферы составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»», а также ведомственные акты, регулирующие служебную подготовку, порядок фиксации происшествий и проведение проверок. Однако для настоящего исследования принципиально важно не перечисление данных актов, а выявление того, как они преломляются через профессиональное правосознание и правовое поведение конкретного сотрудника УИС.

Цель статьи — определить значение профессиональной правовой культуры сотрудников

УИС для законного, обоснованного, соразмерного и процедурно корректного применения физической силы и специальных средств. В этом смысле исследование связано с более общей диссертационной проблемой профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, но имеет самостоятельный предмет: правокультурное измерение служебного принуждения.

Физическая сила и специальные средства как сфера проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС

Физическая сила и специальные средства в деятельности сотрудников УИС выступают не обычным техническим приемом обеспечения режима, а юридически ограниченной формой государственного принуждения. Их применение допустимо лишь тогда, когда фактическая ситуация достигает такой степени конфликтности или опасности, при которой иные способы воздействия не позволяют пресечь противоправное поведение, восстановить правопорядок либо защитить жизнь и здоровье сотрудников, осужденных и иных лиц. В научной литературе справедливо отмечается, что административное принуждение в УИС имеет выраженную отраслевую специфику, поскольку реализуется в особой среде изоляции, подчинения режимным требованиям и повышенной конфликтности [1]. Следовательно, профессиональная правовая культура сотрудника проявляется прежде всего в способности не смешивать режимную целесообразность с правовой допустимостью.

Пенитенциарная среда создает повышенную вероятность ситуаций, в которых сотрудник вынужден принимать решение быстро, при дефиците информации и при наличии угрозы нарушения порядка. Однако сама сложность ситуации не отменяет правового характера такого решения. Напротив, именно в условиях ограниченного времени возрастает значение устойчивых правовых навыков: сотрудник должен понимать, что примене-

ние силы является не реакцией на раздражение, неповиновение или личный конфликт, а способом пресечения юридически значимого противоправного поведения. В этом отношении правовая культура отличается от простой служебной выучки: она предполагает не только знание приказа или нормы, но и способность соотнести норму с конкретными обстоятельствами.

Особенность УИС состоит в том, что лица, в отношении которых применяется принуждение, уже находятся в сфере властного воздействия государства. Осужденный или заключенный под стражу ограничен в свободе передвижения, зависит от администрации учреждения, обязан соблюдать установленный порядок, но при этом не утрачивает конституционных прав, достоинства личности и права на безопасность. Поэтому применение физической силы и специальных средств не может рассматриваться как продолжение общего ограничения правового статуса. Оно каждый раз требует самостоятельного юридического основания, оценки необходимости и последующей проверяемости. В этом аспекте профессиональная правовая культура сотрудника выступает внутренним механизмом удержания служебной власти в пределах закона.

Научные работы, посвященные применению физической силы и специальных средств в УИС, чаще всего акцентируют внимание на пробелах и неоднозначности правового регулирования, включая отсутствие достаточной определенности отдельных терминов и сложности квалификации конкретных ситуаций [2]. Эти проблемы действительно значимы, однако они не исчерпывают вопроса. Даже при более совершенном законодательстве останется пространство служебного усмотрения, в котором решающим становится уровень правовой культуры сотрудника. Он должен оценить не только наличие формального основания, но и характер угрозы, интенсивность сопротивления, возможность предупреждения, наличие менее жестких способов воздействия, риск причинения вреда, а также дальнейшие юридические последствия.

В теоретическом плане профессиональную правовую культуру сотрудника УИС при применении принуждения можно рассматривать как совокупность правовых знаний, профессионально-ценностных установок, навыков юридической оценки и готовности действовать в пределах полномочий. При этом правовая культура не совпадает с общей дисциплинированностью. Дисциплина требует исполнения приказов и соблюдения установленного порядка, тогда как правовая культура предполагает способность видеть правовую природу служебного действия, понимать его пределы

и не подменять юридическую оценку ведомственной привычкой. В деятельности сотрудников подразделений безопасности и охраны это особенно существенно, поскольку именно они чаще иных категорий персонала сталкиваются с ситуациями сопротивления, конфликта и необходимости немедленного реагирования [10].

Значение правовой культуры проявляется также в понимании исключительного характера физической силы и специальных средств. Эти меры не должны восприниматься как самостоятельная цель служебной деятельности или средство демонстрации власти. Их назначение состоит в восстановлении правопорядка, пресечении противоправного поведения, предотвращении вреда и обеспечении безопасности. В научной литературе безопасность УИС рассматривается как сложная система, включающая безопасность учреждения, персонала и лиц, содержащихся в учреждениях [7]. Следовательно, правокультурный подход требует учитывать не только интерес администрации, но и правовую защищенность всех участников пенитенциарных отношений.

Отсюда вытекает принципиальный вывод: профессиональная правовая культура сотрудника УИС при применении физической силы и специальных средств выражается не в отказе от принуждения как такового, а в умении применять его только тогда, когда оно юридически необходимо и соразмерно. Чрезмерно пассивное поведение сотрудника может создать угрозу безопасности, а чрезмерно жесткое — привести к нарушению прав человека и юридической ответственности. Между этими крайностями находится сложная область профессионального правового решения, в которой формируется реальное качество правоприменения.

Правовые риски формального подхода к применению физической силы и специальных средств

Формальный подход к применению физической силы и специальных средств опасен тем, что внешне может сохранять видимость законности. Сотрудник способен сослаться на наличие нарушения режима, сопротивления, неповиновения или угрозы, однако сама ссылка еще не доказывает необходимости избранного способа воздействия. Правовая оценка требует установления связи между фактическим поведением лица, степенью опасности, избранной мерой и наступившими последствиями. Если эта связь не осознается сотрудником и не отражается в последующих документах, применение силы становится уязвимым для ведомственной, прокурорской или судебной проверки.

Наиболее очевидный риск связан с прямым

превышением пределов допустимого принуждения. Однако ограничивать проблему только случаями явно незаконного насилия было бы методологически неверно. Недостаточный уровень профессиональной правовой культуры чаще проявляется в менее заметных формах: поспешной квалификации ситуации как опасной, игнорировании возможности словесного воздействия или деэскалации, применении специальных средств там, где достаточно физического сопровождения, либо в продолжении воздействия после прекращения сопротивления. В исследованиях, посвященных данной теме, подчеркивается, что сотрудники УИС нередко сталкиваются с трудностями квалификации правонарушений и разграничения ситуаций, допускающих различные меры принуждения [3]. Это подтверждает необходимость рассматривать проблему не только как нормативную, но и как правокультурную.

Отдельного внимания заслуживает подмена правовой оценки служебной привычкой. В условиях учреждения, где конфликтные ситуации повторяются, у сотрудника может формироваться установка на типовое реагирование: «так обычно делается», «так принято в подразделении», «иначе порядок не обеспечить». Подобная логика опасна тем, что она выводит решение из плоскости индивидуальной юридической оценки. Между тем каждое применение физической силы и специальных средств должно быть привязано к конкретным обстоятельствам, а не к абстрактной характеристике осужденного, его прошлому поведению или общей напряженности обстановки. Правовая культура требует персонализированной оценки факта, а не механического переноса прежнего опыта.

Существенным риском является ненадлежащее документирование. Рапорт, объяснения, материалы проверки, сведения о медицинском осмотре и иные документы не могут рассматриваться как формальное завершение происшествия. Именно через них решение сотрудника становится проверяемым. Если в документах указано лишь, что лицо «оказало сопротивление» или «не выполнило законное требование», но не раскрыты характер сопротивления, содержание требования, временная последовательность, предупреждение, причина выбора конкретной меры и последствия воздействия, то юридическая устойчивость служебного решения снижается. В этом смысле качество документирования является не канцелярским, а правокультурным показателем.

Гражданско-правовые, дисциплинарные и иные последствия неправомерного применения физической силы и специальных средств показывают, что ошибка сотрудника не замыкается на внутренней служебной плоскости. Она может

порождать требования о возмещении вреда, ставить вопрос о компенсации морального вреда, вызывать прокурорскую реакцию, судебное оспаривание действий администрации и оценку поведения должностного лица с точки зрения иных отраслей права [4]. Причем правовая проблема осложняется тем, что в пенитенциарной среде последствия применения силы могут затрагивать не только физическое состояние лица, но и его положение среди других осужденных, психологическую безопасность и возможность дальнейшего бесконфликтного содержания.

Не менее значим риск обратного свойства — отказа от необходимого применения принуждения из-за правовой неуверенности сотрудника. Если сотрудник опасается любой последующей проверки, но не обладает навыками правильной оценки и документирования, он может уклоняться от применения законных мер даже при наличии реальной угрозы. Это также свидетельствует о недостатке профессиональной правовой культуры, поскольку правовая культура предполагает не пассивность, а уверенное действие в пределах полномочий. Сотрудник должен понимать, что законность состоит не только в запрете чрезмерного насилия, но и в обязанности своевременно пресечь опасное поведение, обеспечить безопасность персонала, осужденных и иных лиц.

Конфликтное отношение к жалобам осужденных и проверкам является еще одним признаком правокультурной деформации. Жалоба нередко воспринимается сотрудниками как заведомо недобросовестная попытка давления на администрацию. Такая оценка иногда может иметь фактические основания, но она не должна отменять юридической процедуры проверки. Профессиональная правовая культура учреждения проявляется в готовности проверять обстоятельства, сопоставлять объяснения, анализировать видеозаписи при их наличии, оценивать медицинские сведения и устранять дефекты документирования. Если же проверка превращается в механическое подтверждение правоты сотрудника, она утрачивает предупредительное значение.

Следовательно, формальный подход к применению физической силы и специальных средств создает двойной вред. С одной стороны, он повышает вероятность нарушения прав лиц, содержащихся в учреждениях УИС. С другой стороны, он делает самого сотрудника более уязвимым перед юридическими последствиями, поскольку неподготовленное или плохо мотивированное решение труднее защитить при проверке. Поэтому профессиональная правовая культура должна рассматриваться как условие не только гуманизации принуждения, но и служебной защи-

щенности добросовестного сотрудника.

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС при применении мер принудительного воздействия

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС в рассматриваемой сфере не может ограничиваться увеличением количества занятий по изучению нормативных актов. Формальное повторение оснований применения физической силы и специальных средств само по себе не формирует способность принимать юридически устойчивые решения. Необходима такая модель подготовки, при которой сотрудник учится видеть в служебной ситуации совокупность юридически значимых обстоятельств: кто совершает действие, в чем выражается угроза, какое требование предъявлено, была ли возможность предупреждения, почему избрана именно эта мера, какие последствия наступили и как они должны быть зафиксированы.

Первым направлением следует признать практико-ориентированную правовую подготовку на основе типичных ситуаций. Речь идет не о театрализованном разборе конфликтов, а о юридическом анализе служебных эпизодов: отказ пройти в дежурную часть, пассивное неповиновение, активное физическое сопротивление, групповое нарушение порядка, попытка причинения вреда себе или другим лицам, конфликт при обыске, сопровождении, конвоировании или пресечении нарушения режима. В каждой ситуации сотрудник должен учиться различать дисциплинарное нарушение, административно значимое поведение, преступное посягательство и фактическую угрозу безопасности. Именно недостаточная квалификация обстоятельств, как показывают исследования, способна привести к необоснованному выбору меры принуждения [3].

Вторым направлением является обучение мотивировке служебного решения. Сотрудник должен уметь не только действовать, но и объяснить, почему он действовал именно так. В правовом смысле мотивировка включает указание на фактические обстоятельства, цель воздействия, невозможность или недостаточность менее жесткой меры, соблюдение предупреждения либо причины его невозможности, прекращение воздействия после достижения законной цели и принятие мер к фиксации последствий. Такая подготовка имеет значение и для добросовестного сотрудника: она позволяет отделить правомерное применение силы от произвольного воздействия, а также заранее снижает риск последующих претензий.

Третье направление связано с изучением прокурорской, судебной и дисциплинарной практики. Необходимо анализировать не только под-

твержденные случаи незаконного применения силы, но и ситуации, где жалобы признаны необоснованными, однако выявлены дефекты фиксации, слабая мотивировка или организационные просчеты. Такой подход позволяет сотрудникам увидеть, что проверка оценивает не абстрактную лояльность администрации, а конкретную доказательственную картину. В научной литературе обоснованно указывается на необходимость совершенствования контроля и фиксации при применении мер безопасности в учреждениях УИС [4]. С этой точки зрения правовая культура включает готовность к внешней проверяемости служебного решения.

Четвертым направлением должно стать развитие навыков деэскалации. В пенитенциарной среде деэскалация не означает уступку незаконным требованиям и не снижает властный характер полномочий сотрудника. Напротив, она позволяет сохранить законную цель воздействия при меньшем риске причинения вреда. Сотрудник, владеющий правовыми и психологическими навыками общения, способен точнее определить момент, когда словесное требование исчерпало себя и применение силы стало необходимым. Психологическая подготовка персонала УИС в научных работах рассматривается как значимое условие действий в сложных и экстремальных ситуациях [9]. Однако в контексте настоящей темы она должна быть соединена с правовой подготовкой, иначе останется лишь техникой общения без юридического критерия.

Пятым направлением является повышение качества документирования. Здесь требуется не усложнение отчетности, а формирование понятного стандарта юридически значимых сведений. В рапорте и материалах проверки должны быть отражены не общие фразы, а фактическая последовательность: что именно произошло, какое требование было предъявлено, как лицо реагировало, какие меры предшествовали применению силы, почему специальные средства были необходимы, как долго продолжалось воздействие, какие последствия выявлены, была ли оказана первая помощь, проводился ли медицинский осмотр при наличии оснований. Такой стандарт дисциплинирует сотрудника еще до применения силы, поскольку он заранее понимает, какие обстоятельства придется обосновывать.

Шестое направление — развитие культуры внутреннего контроля. Внутренний контроль не должен восприниматься как угроза сотруднику или как средство поиска виновного. Его назначение состоит в выявлении повторяющихся ошибок, уточнении инструктажей, корректировке служебной подготовки и предупреждении правовых

рисков. Если в учреждении систематически появляются однотипные рапорты без фактического содержания, не анализируются видеозаписи, игнорируются сведения медицинского характера или формально рассматриваются жалобы, это свидетельствует не только о недостатке отдельных сотрудников, но и о дефекте правовой культуры учреждения в целом.

Наконец, необходимо укреплять связь правовой культуры с профессиональной идентичностью сотрудника УИС. Сотрудник должен воспринимать законность не как внешнее ограничение, мешающее обеспечению режима, а как условие действительной служебной силы его решения. Правомерное принуждение отличается от произвольного воздействия тем, что оно может быть объяснено, проверено и защищено юридическими средствами. Поэтому профессиональная правовая культура не ослабляет режим и безопасность, а делает их устойчивыми. В этом состоит ее практическое значение для уголовно-исполнительной системы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что применение физической силы и специальных средств сотрудниками УИС является одной из наиболее показательных сфер проявления профессиональной правовой культуры. В этой сфере законность зависит не только от наличия нормативных оснований, но и от способности сотрудника правильно оценить фактическую ситуацию, определить пределы допустимого принуждения, избрать соразмерную меру, прекратить воздействие после достижения законной цели и обеспечить последующую проверяемость своих действий.

Научный результат статьи состоит в обосновании того, что профессиональная правовая культура сотрудника УИС выступает самостоятельным фактором юридической устойчивости применения физической силы и специальных средств. Она соединяет правовые знания, профессиональное правосознание, навыки квалификации конфликтной ситуации, уважение к правовому статусу осужденного и готовность к добросовестному документированию. Новизна исследования выражается в переносе акцента с общего описания правового регулирования на правокультурный механизм принятия служебного решения в условиях принудительного воздействия.

Для УИС это имеет принципиальное значение, поскольку пенитенциарная среда характеризуется режимностью, конфликтностью, властно-распорядительным характером полномочий и повышенной ценой процедурной ошибки. Недостаточная правовая культура порождает риск несо-

размерного воздействия, роста жалоб, прокурорских проверок, судебных споров и юридической ответственности сотрудников. В то же время развитая профессиональная правовая культура укрепляет безопасность учреждения, защищает права лиц, находящихся в сфере деятельности УИС, и обеспечивает служебную защищенность добросовестного сотрудника. Поэтому профессиональная правовая культура должна рассматриваться не только как внутреннее качество служебной деятельности, но и как необходимое условие законного, соразмерного и юридически устойчивого применения физической силы и специальных средств.

Список литературы:

- [1] Анискина Н.В. Административное принуждение в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: дис. ... канд. наук: 12.00.14. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. 247 с.
- [2] Старостин С.А., Анискина Н.В. Меры административного пресечения, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в связи с совершением административного правонарушения // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 3. С. 540–552.
- [3] Павлов И.Н. Теоретические и практические аспекты применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 11 (86). С. 26–29.
- [4] Конарев М.Ю. Проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы России за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 3. С. 390–393.
- [5] Курочкина К.В., Громов М.А. Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Научный вестник Крыма. 2024. № 2 (48). С. 1–9.
- [6] Колодовский А.А., Эрастов А.Е., Грек А.Д., Елизаров А.В., Тюриков В.И. Специфика применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками отдела охраны ФСИН России // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67). С. 94–97.
- [7] Щербаков А.В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: основные понятия и сущность // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 4. С. 539–543.

[8] Упоров А.Г. Безопасность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы и особенности ее правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2011. № 3 (6). С. 40–46.

[9] Воробьева О.А. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3 (40). С. 125–128.

[10] Викторов А.О. Правовая культура сотрудников отдела безопасности исправительных учреждений // Закон. Право. Государство. 2024. № 4 (44). С. 98–100.

References:

[1] Aniskina N.V. Administrative coercion in the penitentiary system of the Russian Federation: dis... cand. sciences: 12.00.14. M.: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), 2021. 247 pp.

[2] Starostin S.A., Aniskina N.V. Administrative preventive measures used by employees of the penitentiary system of the Russian Federation in connection with the commission of an administrative offense // Penitentiary science. 2021. VOL. 15. № 3. S. 540-552.

[3] Pavlov I.N. Theoretical and practical aspects of the use of physical force, special means and firearms by employees of the penitentiary system // Universum: economics and jurisprudence. 2021.

№ 11 (86). S. 26-29.

[4] Konarev M.Yu. Problems of civil liability of employees of the penitentiary system of Russia for the unlawful use of physical force, special means and weapons and ways to solve them // Person: crime and punishment. 2017. T. 25 (1-4). № 3. S. 390-393.

[5] Kurochkina K.V., Gromov M.A. The use of physical force, special means and firearms by employees of the penitentiary system // Scientific Bulletin of Crimea. 2024. № 2 (48). S. 1-9.

[6] Kolodovsky A.A., Erastov A.E., Grek A.D., Elizarov A.V., Tyurikov V.I. Specifics of the use of physical force, special means and firearms by employees of the security department of the Federal Penitentiary Service of Russia // International Research Journal. 2018. № 1 (67). S. 94-97.

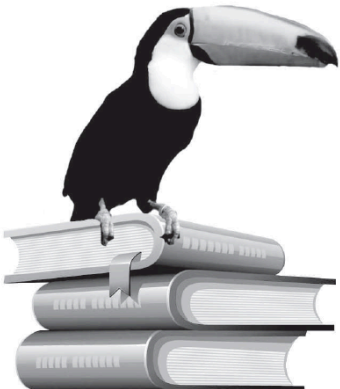
[7] A.V. Shcherbakov. Security of the penal system: basic concepts and essence // Man: crime and punishment. 2017. VOL. 25. № 4. S. 539-543.

[8] Uporov A.G. Safety of personnel of penitentiary system institutions and peculiarities of its legal regulation // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. № 3 (6). S. 40-46.

[9] Vorobyova O.A. Psychological training of employees of the penitentiary system // Applied legal psychology. 2017. № 3 (40). S. 125-128.

[10] Viktorov A.O. Legal culture of employees of the department of security of correctional institutions // Law. Right. State. 2024. № 4 (44). S. 98-100.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 19.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-740-744

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна,
старший преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения, <https://orcid.org/0009-0000-7493-041X>,
e-mail: chigrineczv@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА (СТАТЬЯ 354.1 УК РФ) И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ И КВАЛИФИКАЦИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы разграничения состава реабилитации нацизма (статья 354.1 УК РФ) и смежных составов преступлений: уничтожения и осквернения воинских захоронений и мемориальных объектов (статья 243.4 УК РФ), возбуждения ненависти либо вражды (статья 282 УК РФ), публичных призывов к деятельности против безопасности государства (статья 280.4 УК РФ) и публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (статья 207.3 УК РФ). Предложены критерии разграничения по объекту, предмету и содержанию деяния, рассмотрены правила преодоления конкуренции норм и условия квалификации по совокупности преступлений с учетом новелл Федерального закона от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; разграничение составов; конкуренция норм; совокупность преступлений; историческая память; квалификация преступлений; смежные составы.

CHIGRINET S. Vladislava S.,
Senior Lecturer at the Department of Public Law of St. Petersburg
State University of Aerospace Instrumentation

DISTINCTION BETWEEN THE REHABILITATION OF NAZISM (ARTICLE 354.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND RELATED CORPUS DELICTI: COMPETITION OF NORMS AND QUALIFICATIONS IN AGGREGATE

Annotation. The article examines the delimitation of the offence of rehabilitation of Nazism (Article 354.1 of the Criminal Code) from related offences: the destruction and desecration of war graves and memorials (Article 243.4), incitement to hatred or enmity (Article 282), public calls for activity against the security of the state (Article 280.4) and the public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3). Criteria of delimitation by object, subject-matter and conduct are proposed; the rules for resolving the competition of norms and the conditions for qualification under the cumulation of offences are considered in the light of Federal Law No. 100-FZ of 9 April 2026.

Key words: rehabilitation of Nazism; delimitation of offences; competition of norms; cumulation of offences; historical memory; qualification of crimes; related offences.

Введение

Формирование системы уголовно-правовой охраны исторической памяти сопровождалось появлением ряда норм, охраняющих близкие по содержанию социальные блага. Наряду со ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее

– УК РФ) [1], устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма, в акт введены нормы об уничтожении и осквернении воинских захоронений и мемориальных объектов, о возбуждении ненависти либо вражды, о публичных призывах к деятельности против безопасности государства и

о публичном распространении заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Конституционная обязанность государства обеспечивать защиту исторической правды [2] и последовательное расширение ст. 354.1 УК РФ федеральными законами 2014, 2021 и 2026 гг. [3,4,5] усилили взаимодействие данных норм.

Близость охраняемых благ порождает затруднения в правоприменении. Деяние, посягающее на историческую память, нередко содержит признаки нескольких составов одновременно, что ставит вопрос о конкуренции норм и о пределах квалификации по совокупности преступлений. Отсутствие ясных критериев разграничения ведет к ошибкам при квалификации и к избыточному вменению. Цель настоящей работы состоит в выработке критериев разграничения ст. 354.1 УК РФ со смежными составами и в определении условий, при которых деяние подлежит квалификации по одной норме либо по совокупности преступлений [1].

Методология исследования

В статье используются общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты

Разграничение смежных составов осуществляется по элементам состава преступления. Ведущее значение имеет объект посягательства: ст. 354.1 УК РФ помещена в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», тогда как смежные нормы расположены в иных главах и охраняют различные родовые объекты. Дополнительными признаками разграничения выступают предмет посягательства, содержание деяния, форма вины и цель. Сопоставление данных признаков позволяет установить, какая из норм подлежит применению либо имеет ли место совокупность преступлений.

Преодоление конкуренции норм подчиняется общим правилам квалификации. При конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма, что закреплено в ч. 3 ст. 17 УК РФ [1]. В науке уголовного права выделяются также конкуренция части и целого и конкуренция норм при различном объеме криминализации [6, с. 24-31]. Так, совокупность преступлений отсутствует, когда одно деяние полностью охватывается одной нормой; совокупность имеет место, когда лицо совершает несколько самостоятельных деяний, либо, когда одним действием причиняется вред нескольким разнородным объектам, которые не охватываются одной нормой.

Применительно к ст. 354.1 УК РФ, разгра-

ничение усложняется разнородностью частей нормы. В частности, ч. 1 и ч. 2 охраняют достоверность сведений об удостоверенных трибуналом фактах и о деятельности СССР, ч. 3 – память защитников Отечества и достоинство ветеранов. Различие предметов охраны внутри одной статьи требует учета при сопоставлении с каждым из смежных составов. Изложенные правила образуют методическую основу последующего анализа и применяются ниже к разграничению ст. 354.1 УК РФ со ст. 243.4, 282, 280.4 и 207.3 УК РФ.

Разграничение составов следует отличать от совокупности преступлений по форме ее выражения. Идеальная совокупность образуется, когда одним действием совершается несколько преступлений, посягающих на различные объекты, а реальная совокупность образуется при совершении нескольких самостоятельных деяний. При посягательствах на историческую память чаще встречается идеальная совокупность, при которой единое публичное высказывание одновременно искажает память о прошлом и причиняет вред иному охраняемому благу. Установление вида совокупности влияет на объем обвинения и на назначение наказания, что повышает значение точного разграничения смежных составов.

Деяние, предусмотренное ст. 243.4 УК РФ устанавливает ответственность за уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, иных мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества. Норма введена Федеральным законом от 7 апреля 2020 г. № 112-ФЗ и помещена в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [7]. Родовой объект данного деяния отличается от родового объекта ст. 354.1 УК РФ, что, по нашему мнению, служит ведущим признаком разграничения.

Различие предметов посягательства носит определенный характер. Предметом ст. 243.4 УК РФ выступают материальные объекты – захоронения и мемориальные сооружения, тогда как предметом ст. 354.1 УК РФ выступают сведения и оценки, относящиеся к исторической памяти. Осквернение символов воинской славы России, предусмотренное ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, следует отграничивать от повреждения мемориальных объектов по признаку предмета: символ воинской славы как обозначение почитаемой ценности отличается от мемориального сооружения как материального объекта культурного значения [8, с. 412].

Новеллы Федерального закона от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ усилили взаимодействие данных норм. Ст. 243.4 УК РФ дополнена ответственностью за уничтожение и осквернение захоронений

и мемориальных объектов жертв геноцида советского народа, а ст. 354.1 УК РФ – ответственностью за отрицание данного геноцида и оскорбление памяти его жертв. При совершении лицом единого деяния, посягающего лишь на материальный объект, применяется ст. 243.4 УК РФ. При совершении нескольких деяний: например, осквернения мемориала с одновременным публичным оправданием геноцида – содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, поскольку причиняется вред различным предметам уголовно-правовой охраны [9].

Деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ, устанавливает ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Норма помещена в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и связана с противодействием экстремистской деятельности. Разграничение со ст. 354.1 УК РФ проводится по направленности деяния: ст. 282 УК РФ предполагает направленность на возбуждение вражды по признакам принадлежности к социальной группе, тогда как ст. 354.1 УК РФ предполагает направленность на искажение исторической памяти и достоверных сведений о прошлом [10, с. 156].

Содержание умысла служит дополнительным признаком разграничения. При реабилитации нацизма умысел охватывает искажение оценки достоверных трибуналом преступлений либо распространение заведомо ложных сведений; при возбуждении ненависти умысел охватывает формирование вражды к лицам определенной группы. Разъяснения о признаках публичности и о направленности экстремистских деяний, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, применимы при оценке деяний, посягающих на историческую память, в части установления признака публичности [11].

Совокупность ст. ст. 354.1 и 282 УК РФ возможна, когда одно деяние одновременно искажает историческую память и возбуждает вражду к лицам определенной группы. В подобных случаях причиняется вред различным объектам охраны, которые не охватываются одной нормой, что обуславливает квалификацию по совокупности преступлений. Когда же содеянное исчерпывается искажением исторической памяти без признаков возбуждения вражды, применяется лишь ст. 354.1 УК РФ. Ясное установление направленности деяния устраняет избыточное вменение и обеспечивает соразмерность ответственности [12, с. 498].

Иллюстрацией служит публичное высказывание, оправдывающее преступления нацизма и

одновременно возбуждающее вражду к лицам определенной национальности. Оправдание достоверных трибуналом преступлений охватывается ст. 354.1 УК РФ, возбуждение вражды – ст. 282 УК РФ; при наличии признаков обоих деяний содеянное квалифицируется по совокупности. Если же высказывание ограничивается искажением исторических сведений и не содержит признаков возбуждения вражды, дополнительная квалификация по ст. 282 УК РФ исключается. Приведенный подход согласуется с требованием о недопустимости вменения нормы при отсутствии всех признаков ее состава.

Ст. 280.4 УК РФ, введенная Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства [13]. Ст. 207.3 УК РФ, введенная Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ, устанавливает ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации [14]. Названные нормы охраняют безопасность государства и достоверность сведений о текущей деятельности Вооруженных Сил, тогда как ст. 354.1 УК РФ охраняет историческую память о событиях прошлого.

Ведущим признаком разграничения выступает временной охват сведений. Предметом ст. 207.3 УК РФ служат сведения о современном использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, предметом ст. 354.1 УК РФ – сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и об удостоверенных трибуналом фактах. Различие предметов исключает конкуренцию данных норм при распространении сведений, относящихся к различным историческим периодам. При смешанном содержании высказывания квалификация определяется по тому объекту, которому причинен вред, а при наличии признаков нескольких самостоятельных деяний – по совокупности преступлений [15, с. 270].

Разграничение со ст. 280.4 УК РФ проводится по содержанию деяния и его направленности. Ст. 280.4 УК РФ предполагает публичные призывы к деятельности против безопасности государства, тогда как ст. 354.1 УК РФ предполагает отрицание, одобрение либо искажение сведений, относящихся к исторической памяти. Призыв и искажение представляют собой различные формы деяния, посягающие на различные объекты. Совокупность данных норм допустима, когда искажение исторической памяти сопровождается призывами к деятельности против безопасности государства; в иных случаях применяется норма, соответствующая

щая содержанию совершенного деяния.

Сопоставление ст. 354.1 УК РФ со ст. 280.4 и 207.3 УК РФ показывает, что разграничение основывается на различии объектов, предметов и временного охвата сведений. Учет данных признаков позволяет избежать как необоснованного вменения норм о посягательствах на безопасность государства при оценке высказываний об исторических событиях, так и недооценки самостоятельного значения охраны исторической памяти. Подготовка соответствующих разъяснений высших судебных инстанций способствовала бы единообразию практики и устранению ошибок при квалификации смежных деяний.

Разграничение уголовно наказуемых деяний следует отличать от соотношения с административной ответственностью. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а равно публичные действия, направленные на реабилитацию нацизма, при отсутствии признаков состава преступления влекут административную ответственность [16]. Уголовная ответственность по ст. 354.1 УК РФ наступает при наличии всех признаков состава, в том числе признака публичности и заведомой ложности распространяемых сведений. Ясное отграничение преступления от административного правонарушения предотвращает необоснованное применение уголовного закона и обеспечивает соблюдение принципа экономии уголовной репрессии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, разграничение ст. 354.1 УК РФ со смежными составами осуществляется по объекту, предмету, содержанию деяния и направленности умысла; ведущим признаком выступает различие охраняемых благ, обусловленное расположением норм в различных главах Особенной части.

Во-вторых, преодоление конкуренции норм подчиняется общим правилам квалификации: при конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма, а совокупность преступлений имеет место при причинении вреда нескольким разнородным объектам, не охватываемым единой нормой.

В-третьих, разграничение со ст. 243.4 УК РФ проводится по различию предмета (сведения и оценки против материальных объектов), со ст. 282 УК РФ – по направленности деяния (искажение памяти против возбуждения вражды), со ст. 280.4 и 207.3 УК РФ – по объекту и временному охвату сведений (историческая память против безопасности государства и сведений о современной деятельности Вооруженных Сил).

В-четвертых, новеллы Федерального закона

от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ усилили взаимодействие ст. 354.1 и 243.4 УК РФ и требуют ясных критериев квалификации по совокупности. Подготовка разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам разграничения данных составов обеспечит единообразие правоприменения и соразмерность ответственности.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2026.
- [2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
- [3] Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 12 мая 2014 г. N 19 ст. 2333.
- [4] Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. N 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. N 15 (часть I) ст. 2426.
- [5] Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 13 апреля 2026 г. N 15 ст. 1867.
- [6] Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права. М.: Щит-М, 1999. – 287 с.
- [7] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 07.04.2020 N 112-ФЗ // [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73754230/> (дата обращения: 15.06.2026).
- [8] Наумов А. В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 564 с.
- [9] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрании законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3031.
- [10] Левандовская М. Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). – С. 155–162.
- [11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной прак-

тике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

[12] Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 494–504.

[13] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5229.

[14] Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1390.

[15] Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая техника. 2019. № 13. – С. 268–271.

[16] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (с изм. и доп. от 02.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation. M.: Prospect, 2026.

[2] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 144.

[3] Federal Law No. 128-FZ dated May 5, 2014 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Meeting of Legislation of the Russian Federation No. 19 Art. 2333 dated May 12, 2014.

[4] Federal Law No. 59-FZ of April 5, 2021 "On Amendments to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 15 of April 12, 2021 (Part I) of Article 2426.

[5] Federal Law of April 9, 2026 No. 100-FZ "On Amendments to Articles 243.4 and 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, April 13,

2026 No. 15 Art. 1867.

[6] Inogamova-Khegai L.V. Competition of criminal law norms. M.: Shield-M, 1999. – 287 p.

[7] Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 07.04.2020 N 112-FZ // [Electronic Resource]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73754230/> (date of appeal: 15.06.2026).

[8] Naumov A. V. Criminal Law. Special part: textbook for universities/responsible editors A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. – 6th ed., Revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. – 564 s.

[9] Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ "On Countering Extremist Activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 29, 2002 No. 30 Art. 3031.

[10] Levandovskaya M.G. Rehabilitation of Nazism as a crime // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2018. № 12 (52). – S. 155-162.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.

[12] Egorova N. A. Rehabilitation of Nazism: Criminal Law Analysis // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. T. 9, NO. 3. S. 494-504.

[13] Federal Law of July 14, 2022 No. 260-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 29 (Part III). Art. 5229.

[14] Federal Law of March 4, 2022 No. 32-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 10. Art. 1390.

[15] Osipov M. Yu. On some problems of using criminal law technology on the example of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Rehabilitation of Nazism" // Legal technology. 2019. № 13. – С. 268–271.

[16] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended and supplemented on 02.05.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 1 dated January 7, 2002 (Part I), Art. 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-745-750

ГУБКО Алексей Александрович,
доцент кафедры публичного права Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического
приборостроения,
e-mail: gubko.60@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматривается содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Проанализированы типичные способы применения данных технологий в преступной деятельности, включая создание синтезированных аудиовизуальных материалов, клонирование голоса, автоматизацию фишинговых рассылок и генерацию вредоносных программ. Раскрыты особенности механизма слепообразования и охарактеризованы проблемы, возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз синтезированного цифрового контента. Обоснованы направления совершенствования научного, технико-криминалистического, тактико-методического и кадрового обеспечения расследования рассматриваемой группы преступлений. Сформулирован вывод о необходимости разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение; искусственный интеллект; цифровые следы; дипфейк; генеративные модели; компьютерно-техническая экспертиза; специальные знания; следственные действия; методика расследования; цифровизация.

GUBKO Alexey Alexandrovich,
Associate Professor, Department of Public Law, Saint Petersburg
State University of Aerospace Instrumentation

FORENSIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. The article examines the content of the forensic support for the investigation of crimes committed with the use of artificial intelligence technologies. Typical ways of applying these technologies in criminal activity are analysed, including the creation of synthesised audiovisual materials, voice cloning, the automation of phishing campaigns and the generation of malicious software. The features of the trace formation mechanism are revealed, and the problems arising in the appointment and production of forensic examinations of synthesised digital content are characterised. The directions for improving the scientific, technical, tactical-methodological and personnel components of forensic support are substantiated. The conclusion is drawn about the need to develop a specific forensic methodology for investigating crimes committed with the use of artificial intelligence technologies.

Key words: forensic support; artificial intelligence; digital traces; deepfake; generative models; computer forensic examination; special knowledge; investigative actions; investigation methodology; digitalization.

Введение

Современный этап общественного развития характеризуется ускоренным внедрением технологий искусственного интеллекта в экономику, государственное управление, социальную сферу и

повседневную деятельность граждан. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, определяет развитие данных

технологий в качестве одного из условий обеспечения технологического суверенитета страны [1]. Вместе с тем, доступность инструментов машинного обучения, генеративных нейронных сетей и больших языковых моделей закономерно повлекла их освоение преступной средой. Правоприменительная практика фиксирует устойчивый рост числа общественно опасных деяний, при подготовке, совершении и сокрытии которых применяются возможности искусственного интеллекта, что ставит перед криминалистической наукой задачу выработки адекватного научно-методического ответа на данный вызов.

Особенность рассматриваемой проблематики состоит в двойственной роли технологий искусственного интеллекта в сфере борьбы с преступностью. С одной стороны, данные технологии выступают орудием совершения преступлений, качественно изменяя способы преступной деятельности и механизм слеодообразования. С другой стороны, они образуют перспективный инструментарий самой криминалистики, позволяющий автоматизировать обработку значительных массивов криминалистически значимой информации. Полноценное криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, должно учитывать обе стороны данного явления. Цель настоящей работы состоит в определении содержания и направлений развития криминалистического обеспечения расследования преступлений рассматриваемой группы.

Методология исследования

В статье используются общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, системно-структурный метод) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод криминалистического моделирования).

Результаты

В криминалистической доктрине под криминалистическим обеспечением традиционно понимается система криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников правоохранительных органов использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [2, с. 207]. Применительно к рассматриваемой группе деяний, содержание криминалистического обеспечения образуют несколько взаимосвязанных элементов: научное обеспечение, предполагающее формирование криминалистической характеристики и частной методики расследования; технико-криминалистическое обеспечение, охватывающее средства обнаружения, фиксации и ис-

следования цифровых следов; тактико-методическое обеспечение, включающее рекомендации по производству отдельных следственных действий; кадровое обеспечение, связанное с подготовкой субъектов расследования. Данный подход согласуется с разработанной Е.Р. Россинской теорией информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, в рамках которой закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации рассматриваются в качестве самостоятельного элемента предмета современной криминалистики [3, с. 195].

Для целей построения криминалистических рекомендаций преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта, целесообразно классифицировать в зависимости от функциональной роли соответствующих технологий в механизме преступной деятельности. К первой группе относятся деяния, в которых системы искусственного интеллекта выступают средством совершения преступления: создание синтезированных аудиовизуальных материалов (дипфейков) в целях хищения чужого имущества путем обмана, вымогательства, клеветы или незаконного распространения сведений о частной жизни; автоматизированная генерация фишинговых сообщений; создание вредоносных компьютерных программ. Ко второй группе следует отнести деяния, при совершении которых системы искусственного интеллекта и их компоненты выступают предметом посягательства: неправомерное воздействие на обучающие данные, несанкционированная модификация моделей, хищение результатов интеллектуальной деятельности в данной сфере. Третью группу образуют случаи применения рассматриваемых технологий для сокрытия преступлений и противодействия расследованию, в том числе для генерации ложных цифровых следов и маскировки сетевой активности.

Наибольшее практическое распространение получили способы, относящиеся к первой группе. Типичным примером выступает хищение денежных средств путем обмана с использованием синтезированной аудиозаписи или видеозаписи, имитирующей голос и внешность руководителя организации, родственника потерпевшего либо должностного лица. Современные генеративные модели позволяют получить убедительную имитацию голоса конкретного человека на основе короткого образца речи, размещенного в открытом доступе, что существенно повышает результативность приемов социальной инженерии. Подобные деяния квалифицируются по статьям 159, 128.1, 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] в зависимости от направленности умысла. Отдельного

внимания заслуживает законопроект № 718538-8, предусматривающий дополнение ряда статей уголовного закона квалифицирующим признаком, связанным с использованием изображения или голоса потерпевшего либо иного лица, в том числе сформированных с применением специальных технологий [5]. Реализация данной законодательной инициативы потребует от криминалистической науки опережающей разработки средств и методов доказывания соответствующего признака.

Криминалистически значимыми являются и иные способы применения генеративных технологий: массовое создание персонализированных фишинговых сообщений, учитывающих сведения о потерпевшем из открытых источников; генерация фрагментов вредоносного кода лицами, не обладающими глубокими познаниями в программировании; обход систем биометрической аутентификации при дистанционном получении финансовых услуг. Общей тенденцией выступает снижение порога технической подготовки, необходимой для совершения высокотехнологичных преступлений, что влечет расширение круга потенциальных субъектов преступной деятельности и рост числа посягательств.

Ключевое значение для организации расследования имеет понимание особенностей механизма слеодообразования. Преступления рассматриваемой группы отражаются преимущественно в цифровой среде. В криминалистической литературе для обозначения соответствующих отражений используются категории «виртуальные следы», под которыми В.А. Мещеряков понимал изменения состояния автоматизированной информационной системы, связанные с событием преступления и зафиксированные на машинном носителе [6], а также «электронные доказательства», исследованные в работах В.Б. Вехова [7]. А.Б. Смушкин обоснованно рассматривает работу с цифровыми следами в качестве ядра формирующейся концепции цифровой криминалистики [8]. Цифровым следам присущи такие свойства, как опосредованный характер восприятия, отсутствие неразделимой связи с конкретным материальным носителем, легкость копирования, модификации и уничтожения, а также территориальная распределенность, поскольку значимая информация может находиться на серверах, расположенных в различных государствах.

Применение генеративных моделей порождает и специфические следы, ранее не известные криминалистической практике. К ним относятся артефакты синтеза изображения: нарушения анатомической достоверности, несогласованность освещения и теней, аномалии мимики и морганий, дефекты отображения фона. Синтезированная

речь характеризуется особыми спектральными и интонационными закономерностями, отличающими ее от естественной. Следовую картину дополняют метаданные файлов, идентификаторы генеративных сервисов, сведения о сетевых соединениях, записи в журналах доступа, а также следы оплаты подписок на соответствующие сервисы. Выявление и интерпретация перечисленных следов требуют применения специальных знаний и постоянно обновляемых программных средств.

Существенные трудности связаны с установлением лица, применившего технологии искусственного интеллекта. Использование зарубежных сервисов, средств анонимизации сетевого трафика, подменных абонентских номеров и криптовалютных расчетов затрудняет ретроспективное восстановление цепочки действий преступника. В ходе расследования подлежит проверке версия о том, применялся ли общедоступный онлайн-сервис либо модель, развернутая на вычислительных мощностях самого субъекта, поскольку от данного обстоятельства зависят направления поиска следов и содержание запросов, направляемых операторам связи и администраторам информационных ресурсов.

Центральным элементом технико-криминалистического обеспечения выступает судебно-экспертное исследование цифрового контента. Методические основы судебной компьютерно-технической экспертизы, заложенные Е.Р. Россинской и А.И. Усовым [9], нуждаются в развитии применительно к задаче диагностики синтезированных материалов. Традиционные методики экспертного исследования видеозаписей и фонограмм ориентированы на выявление признаков монтажа, то есть механического соединения фрагментов. Однако синтезированный контент создается генеративной моделью целиком и не содержит монтажных переходов в привычном понимании, вследствие чего сложившиеся методические подходы оказываются недостаточными. Возникает потребность в разработке и валидации методик, основанных на анализе статистических закономерностей, присущих продукции генеративных моделей.

Дополнительную сложность создает составительский характер развития рассматриваемых технологий: совершенствование генеративных моделей направлено в том числе на устранение распознаваемых артефактов, вследствие чего программные детекторы синтезированного контента быстро утрачивают достоверность и нуждаются в постоянной актуализации. Поскольку многие детекторы сами основаны на нейросетевых алгоритмах, функционирующих по принципу «черного ящика», возникает вопрос о соответствии их применения требованиям объективности, все-

сторонности и полноты исследований, а также научной обоснованности используемых методов, закрепленным в статье 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [10]. Заключение эксперта должно быть проверяемым, что предполагает раскрытие в исследовательской части признаков, положенных в основу вывода, а не ограничение итоговой вероятностной оценкой, выданной алгоритмом. Перспективным направлением является сертификация и государственная валидация программных средств выявления синтезированного контента, а также производство подобных исследований с участием экспертов различных специальностей: в области компьютерной техники, видеотехники, фоноскопии и лингвистики.

Тактико-методическое обеспечение расследования рассматриваемых преступлений определяется неотложным характером работы с цифровыми следами. На первоначальном этапе подлежат производству осмотр места происшествия и осмотр электронных носителей информации, изъятие которых в ходе следственных действий осуществляется по правилам статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с участием специалиста [11]. Значимым источником информации выступают результаты осмотра интернет-страниц, содержащих распространенный синтезированный контент, с подробной фиксацией адресов ресурсов, дат размещения и идентификаторов учетных записей. Промедление с фиксацией влечет риск утраты доказательственной информации вследствие удаления материалов правонарушителем или администрацией ресурса.

Тактика допроса потерпевшего по делам о хищениях, совершенных с применением синтезированных аудиовизуальных материалов, должна предусматривать детализацию обстоятельств восприятия: канала связи, качества изображения и звука, особенностей речи и поведения мнимого собеседника, содержания высказанных требований. Полученные сведения позволяют выдвинуть версию о применении генеративных технологий и определить предмет последующих экспертных исследований. Судебные экспертизы по данной категории дел целесообразно назначать на первоначальном этапе расследования, формулируя перед экспертом вопросы о наличии признаков синтеза, использованных технологиях и возможной принадлежности исходных образцов голоса или внешности конкретному лицу. Версия о синтезированном происхождении аудиовизуальных материалов подлежит проверке во всех случаях, когда подобные материалы имеют доказательственное значение, поскольку игнорирование данной вер-

сии создает риск судебной ошибки.

Результативность расследования во многом определяется организацией взаимодействия следователя со специализированными подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими противодействие противоправному использованию информационно-коммуникационных технологий, с операторами связи, кредитными организациями и владельцами цифровых платформ. Трансграничный характер преступной деятельности обуславливает востребованность механизмов международного сотрудничества, включая направление запросов о правовой помощи и обмен сведениями по каналам международных полицейских организаций. Своевременное получение сведений от зарубежных провайдеров генеративных сервисов нередко имеет решающее значение для установления причастных лиц.

Вторая сторона рассматриваемой проблематики связана с применением технологий искусственного интеллекта в интересах самого расследования. Необходимость активного освоения криминалистикой новых информационных технологий последовательно обосновывалась Е.П. Ищенко [12]. Этико-правовые условия применения систем искусственного интеллекта в юридической деятельности исследованы Д.В. Бахтеевым [13]. А.А. Бессоновым разработаны подходы к использованию алгоритмов машинного обучения и математической статистики для криминалистического изучения преступлений, построения вероятностных моделей и выдвижения версий [14]. Практическое применение находят системы распознавания лиц и речи, средства автоматизированного анализа больших массивов данных о соединениях и транзакциях, инструменты выявления связей между эпизодами серийной преступной деятельности.

Вместе с тем применение алгоритмических средств в доказывании должно оставаться вспомогательным. Результаты работы систем искусственного интеллекта представляют собой ориентирующую информацию, подлежащую проверке процессуальными средствами, а ответственность за принимаемые процессуальные решения сохраняется за следователем и судом. Недопустимо перекладывание оценки доказательств на алгоритм, выводы которого не могут быть содержательно объяснены. Соблюдение принципа объяснимости выступает условием допустимости внедрения подобных систем в уголовное судопроизводство.

Самостоятельным элементом криминалистического обеспечения является кадровая составляющая. Расследование преступлений рассматриваемой группы требует от следователей и экспертов устойчивых представлений о прин-

циях функционирования генеративных моделей, типичных способах их преступного применения и особенностях образуемых следов. Данное обстоятельство обуславливает потребность в обновлении программ высшего юридического образования и дополнительного профессионального образования, включении в курс криминалистики разделов, посвященных цифровым следам и синтезированному контенту, а также в создании специализированных учебных полигонов, моделирующих типичные следственные ситуации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта, образуют криминалистически однородную группу, объединенную общностью механизма следообразования и применяемых специальных знаний, что создает предпосылки для разработки соответствующей частной криминалистической методики. Во-вторых, приоритетным направлением технико-криминалистического обеспечения выступает создание и валидация экспертных методик диагностики синтезированного цифрового контента, отвечающих требованиям научной обоснованности и проверяемости. В-третьих, тактические рекомендации по производству следственных действий должны учитывать неотложный характер фиксации цифровых следов, необходимость участия специалиста и обязательность проверки версии о синтезированном происхождении аудиовизуальных материалов. В-четвертых, внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов расследования допустимо при сохранении вспомогательной роли алгоритмических средств и соблюдении принципа объяснимости их результатов.

Таким образом, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, представляет собой развивающуюся систему научных положений, технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, формирование которой должно осуществляться с опережением динамики преступной деятельности. Согласованное развитие всех элементов данной системы, подкрепленное совершенствованием законодательства и подготовкой кадров, позволит обеспечить эффективное выявление, раскрытие и расследование преступлений данной группы в условиях продолжающейся цифровой трансформации общества.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации

от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. – 464 с.

[3] Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). – С. 193–202.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». [Электронный ресурс]: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 05.07.2026).

[6] Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 408 с.

[7] Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). – С. 46–50.

[8] Смушкин А.Б. Концепция цифровой криминалистики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. – С. 268–296.

[9] Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001. – 416 с.

[10] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

[12] Ищенко Е.П. Криминалистика и новые информационные технологии // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3 (31). – С. 6–15.

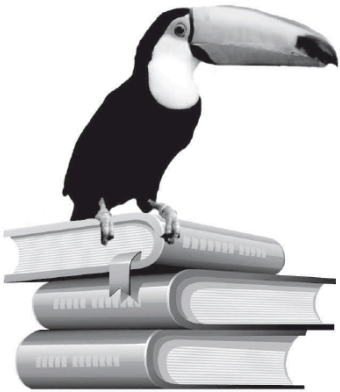
[13] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2021. – 176 с.

[14] Бессонов А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. – 816 с.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.
- [2] Belkin R.S. Forensic course: in 3 vols. T. 2: Private forensic theories. M.: Lawyer, 1997. - 464 s.
- [3] Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of forensic activities: concept, system, basic laws // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (89). - S. 193-202.
- [4] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
- [5] Bill No. 718538-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // SOZD GAS" Lawmaking. "[Electronic resource]: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (access date: 05.07.2026).
- [6] Meshcheryakov V.A. Crimes in the field of computer information: the foundations of the theory and practice of investigation. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2002. - 408 s.
- [7] Vekhov V.B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Law and order: history, theory, practice. 2016. № 4 (11). - S. 46-50.
- [8] Smushkin A.B. The concept of digital forensics // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. No. 52. - S. 268-296.
- [9] Rossinskaya E.R., Usov A.I. Forensic computer-technical expertise. M.: Law and Law, 2001. - 416 s.
- [10] Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2291.
- [11] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
- [12] Ishchenko E.P. Criminalistics and new information technologies // Bulletin of Criminalistics. 2009. No. 3 (31). - S. 6-15.
- [13] Bakhteev D.V. Artificial intelligence: ethical and legal foundations: monograph. M.: Prospect, 2021. - 176 s.
- [14] Bessonov A.A. Artificial intelligence and mathematical statistics in the forensic study of crimes: monograph. M.: Prospect, 2021. - 816 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-751-756

Дата принятия рукописи в печать: 25.05.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ПЕРЕДВИЖЕНИЕ В ПРЕДЕЛАХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. Целью исследования стали организационно-правовые особенности реализации права осужденных к лишению свободы на передвижение в пределах исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. Для ее выполнения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение, осуществленное в ИУ УИС. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, регламентирующие порядок передвижения осужденных по территории ИУ УИС, соблюдение при этом прав и законных интересов, осужденных к лишению свободы. Право на передвижение осужденных по территории ИУ УИС, в котором они отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы можно рассматривать в качестве так называемого конституционного права, регламентированного Конституцией Российской Федерации. Ограничения на передвижение осужденных к лишению свободы в ИУ УИС имеют важное организационно-правовое значения для реализации режимных и надзорных требований в учреждении. Осуществлении пенитенциарной безопасности, включающей безопасность осужденных, персонала и инфраструктурных объектов. Незаконного получения, хранения, приобретения и передачи запрещенных в ИУ вещей и предметов. Профилактики нарушений установленного порядка и условий отбывания лишения свободы, противоправного поведения и совершения пенитенциарных преступлений. Предупреждение побеговой активности осужденных к лишению свободы, выражающейся в приготовлении и совершении побегов из под охраны и надзора. Порядок передвижения осужденных к лишению свободы, отбывающих его в ИУ УИС закреплён в разделе 24 (пунктах 415-417) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г. Передвижение групп осужденных к лишению свободы по территории ИУ (за исключением колонии-поселения) осуществляется строем, установленном администрацией учреждения порядке. В целях обеспечения выполнения режимных и надзорных требований, установленных в ИУ УИС и определяемых видом исправительной колонии осужденные к лишению свободы, могут передвигаться вне строя. Такое передвижение допускается лишь в двух случаях: в пределах изолированного участка; по остальной части территории ИУ только в сопровождении ее администрации. При передвижении осужденных к лишению свободы по территории ИУ УИС соблюдаются права осужденных, если они не вступают в противоречие с установленным национальным уголовно-исполнительным законом порядком их передвижения.

Ключевые слова: лишение свободы, права осужденных, передвижение по территории ИУ УИС, нормативные правовые акты, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

PECULIARITIES OF THE APPLICATION OF THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY TO MOVE WITHIN THE CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. The purpose of the study was the organizational and legal features of the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to move within the correctional institution of the penal system. For its implementation, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation carried out in the IU UIS were used. The legislative and departmental legal acts regulating the procedure for the movement of convicts through the territory of the Penitentiary Institution, while respecting the rights and legitimate interests of those sentenced to imprisonment, were analyzed. The right to movement of convicts on the territory of the Penitentiary Institution, where they are serving a criminal sentence in the form of imprisonment, can be considered as a so-called constitutional right regulated by the Constitution of the Russian Federation. Restrictions on the movement of persons sentenced to imprisonment in the Penitentiary Institution have important organizational and legal significance for the implementation of regime and supervisory requirements in the institution. Implementation of penitentiary security, including the security of convicts, staff and infrastructure facilities. Illegal receipt, storage, acquisition and transfer of things and objects prohibited in the IU. Prevention of violations of the established procedure and conditions of serving imprisonment, illegal behavior and commission of penitentiary crimes. Prevention of escape activity of persons sentenced to imprisonment, expressed in the preparation and commission of escapes from protection and supervision. The procedure for the movement of persons sentenced to imprisonment serving it in the Penitentiary Institution is fixed in section 24 (paragraphs 415-417) of the Internal Regulations of the Penitentiary Institution 2022. The movement of groups of persons sentenced to imprisonment on the territory of the penal colony (with the exception of the colony-settlement) is carried out in accordance with the procedure established by the administration of the institution. In order to ensure compliance with the regime and supervisory requirements established in the Penal Correction Institution and determined by the type of correctional colony, prisoners may move outside the ranks. Such movement is allowed only in two cases: within an isolated area; in the rest of the territory of the police station only accompanied by its administration. When prisoners sentenced to imprisonment move through the territory of the Penitentiary Institution, the rights of convicted persons are respected, if they do not conflict with the procedure for their movement established by the national penal enforcement law.

Key words: deprivation of liberty, rights of convicts, movement on the territory of the Penitentiary institution, regulatory legal acts, correctional institutions, penal enforcement system.

Введение. Право на передвижение осужденных по территории исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС), в котором они отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы можно рассматривать в качестве так называемого конституционного права, регламентированного Конституцией Российской Федерации (принятой на всенародном голосовании 12.12.1993 г.) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. [1]. Ограниченного в порядке, установленном уголовно-исполнительным законом и Правилами внутреннего распорядка ИУ УИС (далее ПВР ИУ УИС), утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [2].

Ограничения на передвижение осужденных к лишению свободы в ИУ УИС имеют важное организационно-правовое значения для реализации режимных и надзорных требований в учрежде-

нии [3, с. 41-44]. Осуществлении пенитенциарной безопасности, включающей безопасность осужденных, персонала и инфраструктурных объектов [4]. Незаконного получения, хранения, приобретения и передачи запрещенных в ИУ вещей и предметов [5]. Профилактики нарушений установленного порядка и условий отбывания лишения свободы, противоправного поведения и совершения пенитенциарных преступлений [6, с. 166-174]. Предупреждение побеговой активности осужденных к лишению свободы, выражающейся в приговоре и совершении побегов из под охраны и надзора [7, с. 31-37].

Таким образом, установленный УИК РФ и ПВР ИУ порядок передвижения осужденных на территории ИУ, соблюдение при этом их прав и законных интересов, имеет важное теоретико-прикладное значение как для отечественного уголовно-исполнительного права, правоохранительной деятельности, прокурорского надзора и правозащитной деятельности, так и для совершенствования пенитенциарной практики. Эффективного функционирования ИУ УИС, обеспечения в них управляемой оперативной обстановки, правопорядка и законности исполнения уголовного нака-

зания в виде лишения свободы [8, с. 132-134].

С этой целью был осуществлен научный анализ правовых и организационных особенностей применения порядка передвижения по территории ИУ в контексте обеспечения прав осужденных.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых особенностей права осужденных к лишению свободы на передвижение в пределах исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение, осуществленное в ИУ УИС. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, регламентирующие порядок передвижения осужденных по территории ИУ УИС, соблюдение при этом прав и законных интересов, осужденных к лишению свободы.

Основные результаты. Порядок передвижения осужденных к лишению свободы, отбывающих его в ИУ УИС закреплён в разделе 24 (пунктах 415-417) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС (далее ПВР ИУ УИС), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07. 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Данный ведомственный правовой акт дополнил и детализировал нормы, содержащиеся в УИК РФ относительно передвижения осужденных, находящихся под охраной по территории ИУ, находящихся под надзором и наделённых правом бесконвойного передвижения [9].

Передвижение групп осужденных к лишению свободы по территории ИУ (за исключением колонии-поселения) осуществляется строем, установленном администрацией учреждения порядке, при этом строевой шаг в процессе передвижения не применяется [10].

В целях обеспечения выполнения режимных и надзорных требований, установленных в ИУ УИС и определяемых видом исправительной колонии (далее ИК) осужденные к лишению свободы могут передвигаться вне строя [11, с. 126-128]. Такое передвижение допускается лишь в двух случаях:

в пределах изолированного участка;

по остальной части территории ИУ только в сопровождении ее администрации [12].

В период от отбоя до подъема нахождение осужденных к лишению свободы за пределами жилого помещения без разрешения администрации ИУ УИС не допускается и влечет их привлечение к

дисциплинарной ответственности с последующими негативными последствиями для осужденных [13, с. 274-279].

Таким образом, подробная правовая регламентация в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве порядка передвижения осужденных в пределах ИУ УИС, в контексте соблюдения их прав и законных интересов играет важное значение для обеспечения режима, надзора и контроля за поведением осужденных. Оказания на них воспитательно-профилактического воздействия, направленного на профилактику нарушений порядка и условий отбывания лишения свободы, совершения противоправного поведения и пенитенциарных преступлений [14, с. 160-167]. правопорядка и управляемой оперативной обстановки в учреждении. Достижения цели исправления осужденных путем решения задач по их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации [15, с. 32-34].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04.2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк), с докладом на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской

Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Право на передвижение осужденных по территории ИУ УИС, в котором они отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы можно рассматривать в качестве так называемого конституционного права, регламентированного Конституцией Российской Федерации.

Ограничения на передвижение осужденных к лишению свободы в ИУ УИС имеют важное организационно-правовое значения для реализации режимных и надзорных требований в учреждении. Осуществлении пенитенциарной безопасности, включающей безопасность осужденных, персонала и инфраструктурных объектов. Незаконного получения, хранения, приобретения и передачи запрещенных в ИУ вещей и предметов. Профилактики нарушений установленного порядка и условий отбывания лишения свободы, противоправного поведения и совершения пенитенциарных преступлений. Предупреждение побеговой активности осужденных к лишению свободы, выражающейся в приготовлении и совершении побегов из под охраны и надзора.

Порядок передвижения осужденных к лишению свободы, отбывающих его в ИУ УИС закреплен в разделе 24 (пунктах 415-417) Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г. Передвижение групп осужденных к лишению свободы по территории ИУ (за исключением колонии-поселения) осуществляется строем, установленном администрацией учреждения порядке.

В целях обеспечения выполнения режимных и надзорных требований, установленных в ИУ УИС и определяемых видом исправительной колонии осужденные к лишению свободы, могут передвигаться вне строя. Такое передвижение допускается лишь в двух случаях: в пределах изолированного участка; по остальной части территории ИУ только в сопровождении ее администрации.

При передвижении осужденных к лишению свободы по территории ИУ УИС соблюдаются права осужденных, если они не вступают в противоречие с установленным национальным уголовно-исполнительным законом порядком их передвижения.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г.)

с изменениями, одобрениями в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Consultant.ru (дата обращения 01.05.2026).

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[3] Ковалев О.Г., Орлов А.В. Оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 41-44.

[4] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития. Монография. Псков 2024. 199 с.

[5] Ковалев О.Г., Щербаков Н.А. Организационно-правовые особенности проведения обыска и выемки в условиях исправительного учреждения // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3. № 2.

[6] Карпов А.А., Ковалев О.Г. Детерминанты совершения групповых неповиновений и массовых беспорядков в отечественных пенитенциарных учреждениях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3 С. 166-174.

[7] Ковалев О.Г., Кучмук Е.В. Современная характеристика побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, находящимися под надзором (организационно-правовые и психологические аспекты) // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 31-37.

[8] Ковалев О.Г., Ходовцев Н.В. Теоретические основы организации взаимодействия служб и подразделений исправительной колонии по обеспечению правопорядка // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 132-134.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной си-

стемы» // Garant.ru (дата обращения 02.05.2026).

[11] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[13] Ковалев О.Г. Применение к осужденным, отбывающим лишение свободы мер взыскания (организационно-правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 274-279.

[14] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[15] Ковалев О.Г. Педагогические и психологические механизмы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных: опыт правового регулирования // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 11 (164). С. 32-34.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) with amendments and approvals during the all-Russian vote on 07/01/2020. // Consultant.ru (accessed 05/01/2026).

[2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.H., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[3] Kovalev O.G., Orlov A.V. Operational investigative activities as a means of ensuring regime in correctional institutions // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2024. No. 2 (71). pp. 41-44.

[4] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of comprehensive security of institutions of the penal system at the present stage of its development. The monograph. Pskov 2024. 199 p.

[5] Kovalev O.G., Shcherbakov N.A. Organizational and legal features of conducting a search and seizure in a correctional facility //

Stolypinsky Bulletin. 2021. Vol. 3. No. 2.

[6] Karpov A.A., Kovalev O.G. Determinants of group disobedience and mass riots in domestic penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3, pp. 166-174.

[7] Kovalev O.G., Kuchmuk E.V. Modern characteristics of escapes from places of deprivation of liberty committed by convicts under supervision (organizational, legal and psychological aspects) // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 4 (57). pp. 31-37.

[8] Kovalev O.G., Khodovtsev N.V. Theoretical foundations of the organization of interaction between services and units of a correctional colony to ensure law and order // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 132-134.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 05/02/2026).

[11] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of correctional institutions and ITS) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

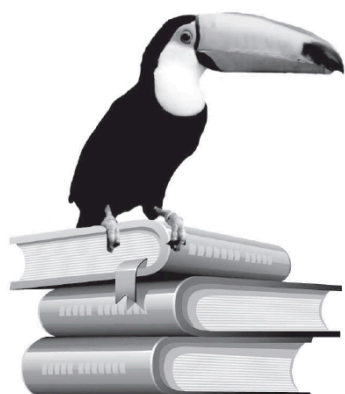
[13] Kovalev O.G. The application of penalties to convicts serving imprisonment (organizational, legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 274-279.

[14] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[15] Kovalev O.G. Pedagogical and psychological mechanisms of resocialization,

social adaptation and social rehabilitation of convicts: experience of legal regulation // Global

scientific potential. 2024. Vol. 1. No. 11 (164). pp. 32-34.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, AuthorID: 772928,
ORCID: 0000-0003-2233-0230,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПЕНИТЕНЦИАРНЫМИ РАБОТНИКАМИ В НАПРАВЛЕНИИ ИХ МОРАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ

Аннотация. Значение практической воспитательной работы с пенитенциарными работниками в направлении их моральной подготовленности сегодня трудно переоценить. Отметим, что моральная подготовленность работника ФСИН России формируется не столько под воздействием вербального воздействия, сколько по факту воздействия конкретных примеров нравственных поступков наших коллег в сложных и экстремальных условиях службы.

В материалах публикации рассматриваются как теоретические позиции педагогики в направлении реализации воспитательной работы, так и приводится анализ практических образцов реализации воспитательной работы с работниками ФСИН России в направлении их моральной подготовленности к выполнению ежедневных экстремальных задач. Отмечается, что в территориальных органах и образовательных организациях ФСИН России активно используется в рамках такой воспитательной работы уголки истории, функционирующие экспозиции, посвященные истории УИС. Действуют экспозиции, посвященные профессиональному опыту, служебному пути и истории жизни ветеранов УИС, внесших значительный вклад в развитие этой системы. Все это в совокупности способствует развитию и поддержанию у пенитенциарных работников профессионально значимых, моральных и гражданских качеств и свойств.

Гипотезой статьи выступает предположение о том, что реализация практической воспитательной работы с пенитенциарными работниками способствует формированию их моральной подготовленности к служебным условиям.

Цель статьи – раскрытие особенностей содержания воспитательной работы с пенитенциарными работниками в направлении формирования их моральной подготовленности к служебным условиям деятельности.

Задачами статьи являются: изучение теоретических позиций педагогики в направлении реализации воспитательной работы, а также осуществление анализа практических образцов реализации воспитательной работы с работниками ФСИН России в направлении их моральной подготовленности к выполнению ежедневных экстремальных задач.

Методами и методиками статьи определяются: анализ теоретических позиций педагогики в направлении реализации воспитательной работы с пенитенциарными работниками; анализ практики реализации и функционирования работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе.

Результатами исследования стали: определение значимости практической воспитательной работы с пенитенциарными работниками в направлении их моральной подготовленности.

Ключевые слова: значимость воспитательной работы, практическая воспитательная работа, моральная подготовленность, пенитенциарные работники, в направлении моральной подготовки.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE IMPORTANCE OF PRACTICAL EDUCATIONAL WORK WITH PENITENTIARY WORKERS IN DEVELOPING THEIR MORAL PREPAREDNESS

Annotation. *The importance of practical educational work with penitentiary employees in terms of their moral preparedness today is difficult to overestimate. It should be noted that the moral preparedness of FSIN employees is formed not so much through verbal influence as through exposure to concrete examples of our colleagues' moral actions in difficult and extreme service conditions.*

The publication examines both theoretical pedagogical approaches to implementing educational work and provides an analysis of practical examples of educational work with FSIN employees to develop their moral preparedness for the daily challenges of extreme situations. It is noted that FSIN territorial offices and educational institutions actively utilize history corners and exhibits dedicated to the history of the penitentiary system for this educational work. Exhibits are also available dedicated to the professional experience, career paths, and life stories of FSIN veterans who have made significant contributions to the development of the system. All of this, taken together, contributes to the development and maintenance of professionally significant, moral, and civic qualities and attributes in penitentiary workers.

The article's hypothesis is that practical educational work with penitentiary workers contributes to their moral preparedness for the demands of their work.

The purpose of the article is to reveal the specific features of educational work with penitentiary workers aimed at developing their moral preparedness for the demands of their work.

The objectives of the article are to study the theoretical pedagogical approaches to implementing educational work, as well as to analyze practical examples of implementing educational work with employees of the Federal Penitentiary Service of Russia aimed at developing their moral preparedness to perform daily, extreme tasks.

The methods and techniques of the article are defined by: an analysis of theoretical pedagogical approaches to implementing educational work with penitentiary workers; an analysis of the practical implementation and functioning of work to develop the moral preparedness of penitentiary workers for work.

The results of the study were: determination of the importance of practical educational work with penitentiary workers in the direction of their moral preparedness.

Key words: *the importance of educational work, practical educational work, moral preparedness, penitentiary workers, in the direction of moral preparation.*

Введение.

Сложно представить что-то более педагогически бездарное, чем практику подготовки работника ФСИН России к выполнению ежедневных экстремальных задач в отсутствие моральной подготовленности работника [3, 4, 8]. Важно отметить, что моральная подготовленность работника ФСИН России формируются не столько под воздействием вербального воздействия, сколько по факту воздействия конкретных примеров нравственных поступков наших коллег в сложных и экстремальных условиях службы. Действительно, наше время характеризуется до сих пор падением нравов, когда часть работников продолжают корыстно использовать служебное положение на фоне выполнения поставленных служебных задач, преследуя цель банального обеспечения своего быта [1, 2, 6].

Но, есть и много примеров того, когда работники ФСИН России не продались «золотому

дьяволу», сохранив самоуважение и достоинство. Все эти многочисленные примеры могут оказать колоссальное воздействие на моральное и нравственное состояние пенитенциарных работников посредством возможностей просветительских и информационно-пропагандистских средств для духовно-нравственного развития и реализации аксиологического подхода [5, с. 592].

Цель статьи – это раскрытие особенностей содержания воспитательной работы с пенитенциарными работниками в направлении формирования их моральной подготовленности к служебным условиям деятельности.

Задачи статьи – это изучение теоретических позиций педагогики в направлении реализации воспитательной работы;

осуществление анализа практических образцов реализации воспитательной работы с работниками ФСИН России в направлении их моральной подготовленности к выполнению ежедневных

экстремальных задач.

Методами и методиками работы выступили: анализ теоретических позиций педагогики в направлении реализации воспитательной работы с пенитенциарными работниками; анализ практики реализации и функционирования работы по формированию моральной готовности пенитенциарных работников к работе.

Результаты исследования.

Реализованное исследование состояния практики воспитательной работы, реализуемой в территориальных органах (далее – ТО) и образовательных организациях (далее – ОО) ФСИН России, определило, что эта работа интегрируется с приоритетными задачами реформирования УИС в интересах качественного решения служебных задач, привития сознательного отношения работников к выполнению профессионального долга. Например, сотрудниками ГУФСИН России по Челябинской области, начиная с 2012 г., ежегодно разрабатываются и направляются в подведомственные учреждения информационные бюллетени об истории государственных праздников, Днях воинской славы, а также материалы, посвященные тематике Года России. Например, в 2021 г. подготовлены и направлены в учреждения для размещения в комнатах воспитательной работы и комнатах отдыха караулов и дежурных смен материалы, посвященные юбилейным датам русских писателей и поэтов (О.Э. Мандельштам, М.Е. Салтыков-Щедрин, М.А. Булгаков, М.Ю. Лермонтов, В.И. Даль, М.В. Ломоносов, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов). Выпускались информационные бюллетени в честь государственных праздников России и памятных дат: «125 лет со дня рождения Г.К. Жукова, военачальника и государственного деятеля», «125 лет со дня рождения К.К. Рокоссовского», «55 лет со дня первой в мире посадки автоматической станции на Луну», «800 лет со дня рождения князя Александра Невского», «Всемирный день авиации и космонавтики. 60 лет со дня первого полета человека в космос», «115 лет со дня учреждения I Государственной Думы в России», «290 лет со времени создания Тихоокеанского флота России», «30 октября – День памяти жертв политических репрессий». Материалы содержатся в накопительных папках и размещаются в комнатах воспитательной работы, комнатах отдыха караулов, дежурных смен и других общедоступных местах, используются в деятельности нештатных информационно-пропагандистских групп.

В целях формирования чувства нетерпимости к коррупционному поведению и соблюдения сотрудниками ГУФСИН России по Челябинской области требований законодательства РФ, начиная с

2014 г., ежегодно разрабатываются информационные листы о бывших сотрудниках УИС, в отношении которых приговоры судов вступили в законную силу. Организовано доведение до всего личного состава содержания информационных листов и размещение их на стендах [7].

В целях профилактики правонарушений, допускаемых личным составом УИС, а также происшествий с их участием, в ГУФСИН России по Челябинской области приняты меры по размещению в каждом административном здании, состоящем на балансе учреждений, на стендах с наглядной агитацией информации о фактах дорожно-транспортных происшествий. В целях совершенствования деятельности подведомственных учреждений по социальной защите сотрудников и членов их семей, координации и обеспечению надлежащего контроля за ее состоянием во всех учреждениях ГУФСИН России по Челябинской области имеются «Уголки социально правовых знаний», в которых размещаются и обновляются информационно-справочные материалы по мерам правовой, социальной защищенности сотрудников и членов их семей.

В целях приобщения и побуждения сотрудников УИС к эффективной деятельности в сфере исполнения наказаний, повышения уровня эффективности информационно-пропагандистской работы в ГУФСИН России по Челябинской области имеющаяся наглядная агитация размещается в комнатах воспитательной работы, в фойе, холлах, коридорах, караульных помещениях, дежурных частях и других служебных помещениях.

В УФСИН России по Саратовской области широко используют стенды информации, на которых размещаются обзоры по профилактике неслужебных связей, злоупотребления служебным положением и иных нарушений служебной дисциплины, выявленных УФСИН России по Саратовской области, информацию по чрезвычайным происшествиям, допущенным сотрудниками УИС, а также фотоматериалы о совершенных дорожно-транспортных происшествиях. В учреждениях размещаются стенды с ежемесячными стенгазетами, а также стенгазетами и фотогазетами, посвященными культурно-массовым, спортивным мероприятиям, государственным и ведомственным праздникам. Расположенные на территории и в помещениях учреждений стенды (баннеры) длительного действия пропагандируют добросовестное исполнение служебных обязанностей, направлены на повышение престижа службы в УИС и формирование здорового образа жизни. Также в каждом учреждении установлена «Доска почета» с фотографиями победителей конкурса «Лучший по профессии».

В УФСИН России по Тамбовской области в зависимости от целей и задач наглядная агитация размещается не только в комнатах воспитательной работы с сотрудниками УИС, но и в фойе, холлах, коридорах, служебных помещениях; регулярно обновляется постоянно действующая экспозиция аппарата УФСИН России по Тамбовской области, а также уголки истории подведомственных учреждений. В УФСИН России по г. Москве и подведомственных учреждениях в административных зданиях учреждений, а также дежурных частях и караульных помещениях размещены стенды с наглядной информацией; еженедельно проводятся единые дни информирования, также ежедневно на общих построениях личного состава руководящим составом учреждений доводится актуальная информация.

Заключение.

Таковы вкратце практические образцы реализации воспитательной работы с работниками ФСИН России в направлении их моральной подготовленности к выполнению ежедневных экстремальных задач. В заключение отметим, что в ТО и ОО ФСИН России активно используется в рамках такой воспитательной работы уголки истории, функционирующие экспозиции, посвященные истории УИС.

Действуют экспозиции, посвященные профессиональному опыту, служебному пути и истории жизни ветеранов УИС, внесших значительный вклад в развитие этой системы. Все это в совокупности способствует развитию и поддержанию у пенитенциарных работников профессионально значимых, моральных и гражданских качеств и свойств.

Список литературы:

[1] Авласенко В.А. Личность преступника, члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ // Юридическая психология. 2011. – № 4. – С. 30-33.

[2] Виноградов В.В. Педагогические основы ресоциализации осужденных в пенитенциарной социальной работе. Москва: Центр современных образовательных технологий, 2011. 234 с.

[3] Гаранов Ю.С. Аксиологический анализ образа героя в фильме В. Хотиненко «Мусульманин» // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 1. – С. 22-25.

[4] Дутова О.В. Маркеев С.П. Инновационные технологии коррекционной работы как фактор преодоления неблагополучия несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации // Проблемы социальной психологии и социальной работы // Материалы XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практи-

ческой конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 173-174.

[5] Казберов П.Н. Воспитательная работа как основное средство исправительного воздействия на осужденных: принципы, методы, формы // Общественное и право. – 2025. – № 5. – С. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[6] Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2(39). С. 60-64.

[7] Латышева Л.А. Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4(36). С. 38-41.

[8] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

References:

[1] Avlasenko V.A. Personality of a criminal, a member of religious sects: criminological and psychological analysis // Legal Psychology. 2011. – No. 4. – P. 30-33.

[2] Vinogradov V.V. Pedagogical foundations of resocialization of convicts in penitentiary social work. Moscow: Center for modern educational technologies, 2011. 234 s.

[3] Garanov Yu.S. Axiological analysis of the image of the hero in the film by V. Khotinenko "Muslim" // Theory and practice of social development. 2012. - No. 1. - P. 22-25.

[4] Dutova O.V. Markeev S.P. Innovative Technologies of Correctional Work as a Factor in Overcoming the Well-Being of Minors in Difficult Life Situations // Problems of Social Psychology and Social Work // Proceedings of the XVIII All-Russian Parygin Scientific and Practical Conference with International Participation, St. Petersburg, April 14, 2023. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. - Pp. 173-174.

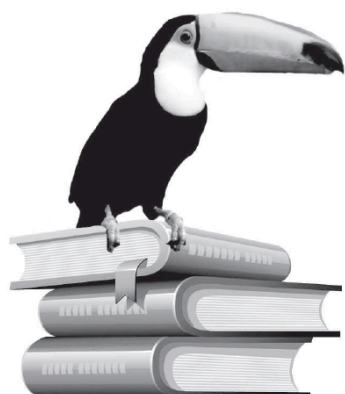
[5] Kazberov P.N. Educational Work as the Main Means of Correctional Influence on Convicts: Principles, Methods, Forms // Education and Law. – 2025. – No. 5. – P. 592-595. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-592-595..

[6] Kraynova N.A. Correction of a convict: the purpose or function of criminal punishment (on the issue of essence and terminology) // Eurasian advocacy. 2019. №. 2 (39). S. 60-64.

[7] Latysheva L.A. Katanov A.V. Sociocultural and Educational Environment as a Means of Preventing Criminal Subculture in Places of

Deprivation of Liberty // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2016. №. 4(36). S. 38-41.

[8] Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law. Moscow: NORMA, 1996. 432 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-762-765

Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента
методики преподавания социальных и гуманитарных наук
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет»; профессор
кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНО ВО «Московский международный университет», член
экспертного совета комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и
детства, академик РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

КУЗЬМИН Кирилл Евгеньевич,
заместитель начальника линейного отдела полиции в порту
"Северный" ЛО МВД России на ВТ,
e-mail: kirill_kuzmin03@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН

Аннотация. В данной работе авторами рассматривается понятие и сущность технологии блокчейн с целью рассмотрения проблематики вопроса о квалификации преступлений с ее использованием, анализируется актуальная статистика совершаемых преступлений на примере правоприменительной практики, рассматривается нормативно-правовое регулирование в сфере использования цифровых активов, а также рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений, вносятся обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: блокчейн, цифровой актив, криптовалюта, компьютерные технологии, хищение.

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of
Teaching Methods of Social Sciences and Humanities, Institute
of Humanities, Moscow City Pedagogical University; Professor,
Department of Civil and Criminal Law and Procedure, Moscow
International University, Member of the Expert Council of
the State Duma Committee on Family Protection, Fatherhood,
Motherhood, and Childhood, Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences

KUZMIN Kirill Evgenievich,
Deputy Chief of the Linear Police Department at the Severny Port,
Leningrad Region, Ministry of Internal Affairs of Russia, on VT

PROBLEMS WITH THE CLASSIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY

Annotation. In this work, the authors consider the concept and essence of blockchain technology in order to address the issue of criminal liability for crimes committed using this technology. The authors analyze current statistics on crimes committed using blockchain technology, examine the legal regulation of digital assets, and discuss the challenges of criminal liability. The authors also make suggestions for improving current legislation.

Key words: blockchain, digital asset, cryptocurrency, computer technology, theft.

Развитие информационных технологий в современном мире способствует появлению новых способов совершения преступлений, среди которых особое место занимают преступные деяния, сопряженные с использованием технологии блокчейн. Для того, чтобы подробно разобраться с поставленной темой, в первую очередь необходимо дать определение и рассмотреть сущность вышеуказанной технологии блокчейн. Сам термин «блокчейн» в переводе с английского означает цепочку блоков, что довольно точно отражает устройство данной технологии. Иными словами, это технология распределенного хранения данных, в которой информация записывается в виде последовательной цепочки блоков. Каждый блок содержит набор тех или иных записей (например, транзакций) и криптографическую ссылку на предыдущий блок. Благодаря подобному устройству этой системы, незаметно изменить данные в одном блоке невозможно. На сегодняшний день указанная технология широко применяется во многих сферах жизни общества. Самое распространенное применение она находит в использовании криптовалюты. Кроме того, стоит отметить, что блокчейн используют в логистике для отслеживания поставок, в финансовой сфере, а также при оформлении цифровых прав собственности. Многие отечественные и зарубежные ученые-юристы, рассматривая технологию блокчейн в своих работах отмечали её ключевые особенности, к таким, на наш взгляд следует отнести децентрализацию, неизменяемость, а также ее прозрачность. Если говорить подробно о вышеназванных особенностях, то стоит отметить, что принцип работы этой технологии выстроен на принципе последовательности, таким образом, если изменить одну запись, криптографический отпечаток перестанет совпадать и все участники сети обнаружат попытку подмены данных. Благодаря такому устройству участники сети могут доверять записям, даже если совершенно не знают друг друга. Исходя из этого следует выделить еще одну особенность – отсутствие посредников в использовании технологии.

Продолжая рассмотрение данной темы, стоит отметить, что распределенные реестры и построенные на их основе виды криптовалют, первоначально создавались как инструменты повышения прозрачности и надежности финансовых операций, однако, свойственный им децентрализованный характер и отсутствие единого контролирующего органа привлекли внимание лиц, стремящихся скрыть следы преступления. Правоприменительная практика последних лет демонстрирует нам устойчивый рост числа хищений криптовалютных активов, случаев легализации доходов, полученных преступным путем, а также фактов

финансирования запрещенной деятельности с использованием цифровых активов, что в свою очередь требует от науки уголовного права осмысления возникающих проблем и выработки согласованных подходов к их разрешению. Так, например, по данным Верховного суда РФ на май 2025 года, за последние годы рассмотрено свыше 20 уголовных дел, связанных с посягательством на криптовалюту или её использованием для легализации доходов.

В 2023–2024 годах московские суды рассмотрели семь таких дел, суды Московской области – 4 [4]. Правоохранительные органы и Росфинмониторинг фиксируют увеличение числа дел по статьям 174 и 174.1 УК РФ (легализация преступных доходов), где в качестве инструмента использовались обменные сервисы и миксеры. Суды всё активнее признают: последовательная конвертация криптовалюты, полученной от преступления (например, от наркобизнеса), через обменники в фиат и вывод на карты третьих лиц может свидетельствовать о цели придать правомерный вид криминальным доходам.

Сложность квалификации подобных деяний обусловлена прежде всего неопределенностью правовой природы самих цифровых активов, поскольку вопрос о том, следует ли рассматривать криптовалюту в качестве имущества, имущественного права или иного объекта гражданских прав, до настоящего времени не получил однозначного ответа. От ответа на данный вопрос напрямую зависит вопрос квалификации преступных деяний и возможность применения к хищениям криптовалюты традиционных составов преступлений против собственности, а также разграничение деяний с преступлениями в сфере компьютерной информации. Правоприменители отмечают, что, несмотря на ежегодный рост преступлений в сфере IT-технологий, их раскрываемость не превышает 25%. Подобное соотношение показателей зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также реально привлечённых к уголовной ответственности лиц наводит на мысли о том, что, с одной стороны, положения главы 28 УК РФ практически не играют значимой роли в процессе предупреждения распространения преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, а с другой стороны, у правоприменителей в целом возникают проблемы в процессе квалификации соответствующих преступных деяний.

Названные проблемы, как представляется, будут лишь углубляться по мере развития информационных технологий и увеличения сфер их применения. Исследователи отмечают, что с течением времени некоторые разновидности преступной активности в сфере компьютерной информации

будут направлены не только на информационную безопасность, но и на иные социально значимые сферы – жизнь, здоровье, честь и достоинство личности и т.д. [5]. Указанное особенно актуально для уголовно-правового регулирования сферы функционирования технологий блокчейна, которые, с одной стороны, весьма охотно применяются добросовестными субъектами хозяйствования для обеспечения прозрачности деятельности в различных сферах, в том числе, в здравоохранении, при организации голосования, в финансовом секторе, при обработке персональных данных, а также в процессе лицензирования, выдачи патентов и т.п., а с другой стороны, характеризуются применением особых способов шифрования данных, позволяют обеспечивать анонимность пользователей теневых виртуальных площадок Darknet, связаны с получением незаконной прибыли в особо крупных размерах (с учётом курса криптовалют) и затрудняют возврат незаконно изъятых цифровых активов или данных (невозможность возврата транзакций).

Переходя к более детальному анализу обозначенных проблем, необходимо отметить нормативно-правовое регулирование в сфере цифровых активов. Первостепенным нормативно-правовым актом выступает Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ, который ввел в правовое поле понятие цифровой валюты, однако не признал ее законным средством платежа [2]. Уголовный закон, в свою очередь, апеллирует понятием имущество, применительно к ст. 158 УК РФ, где под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Возникает закономерный вопрос о том, может ли криптовалюта, не имеющая материальной формы и существующая исключительно в виде записей в распределенном реестре, выступать предметом хищения в его традиционном понимании. Судебная практика последних лет показывает нам, что уголовное судопроизводство все чаще признает криптовалюту имуществом для квалификации хищений, что в свою очередь нашло отражение в позициях Верховного Суда РФ.

Особую сложность в квалификации представляет разграничение хищений криптовалюты, совершаемые путем неправомерного доступа к компьютерной информации, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Когда виновный получает доступ к закрытому ключу потерпевшего посредством вредоносного программного обеспечения либо фишинговых ресурсов и переводит цифровые активы

на подконтрольные ему адреса, правоприменители сталкиваются с необходимостью выбора между квалификацией содеянного как кражи, как компьютерного мошенничества либо как совокупности указанных деяний с преступлениями, предусмотренными главой 28 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" разъяснил, что вмешательство в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации образует признак объективной стороны мошенничества в сфере компьютерной информации. Однако, применяя данное положение к криптовалюте, подобное разъяснение не всегда позволяет решить вопрос однозначно, так как сама природа транзакций в распределенном реестре предполагает, что виновный не вмешивается в работу системы, а использует ее штатный функционал, неправомерно завладевая средством доступа [3].

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает проблема определения места и времени совершения преступления, сопряженных с технологией блокчейн, что в свою очередь имеет принципиальное значение для установления территориальной подследственности и подсудности уголовных дел. Составляющие распределительного реестра могут размещаться в различных государствах, потерпевший и виновный могут находиться в различных зонах оперативного обслуживания, а транзакция может проходить через звенья цепи, разбросанных по всему миру, по этой причине определение территориальности преступления значительно затрудняется. Изучая правоприменительную практику, можно отметить, что в данный момент, зачастую складывается подход, согласно которому, местом совершения преступления признается местонахождение потерпевшего в момент утраты контроля над цифровыми активами, однако точного закрепления данный подход в настоящее время не получил, что порождает множество процессуальных споров. Дополнительной сложностью на наш взгляд выступает оценка размера ущерба. Это связано с тем, что курс криптовалют отличается высокой финансовой изменчивостью и стоимость активов на момент хищения и возбуждения уголовного дела может в существенной мере различаться. Исходя из этого, представляется обоснованной позиция, в соответствии с которой стоимость криптовалюты должна определяться на момент совершения преступления исходя из рыночных корректировок на крупных мировых площадках.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо обратить внимание, что проблемы

квалификации преступлений, связанные с технологией блокчейн имеют множество проблемных вопросов, связанных с объективной сложностью самой технологии и несовершенством действующего законодательства в данной области. Для решения поставленных проблем, считаем целесообразным предложить внести изменения в уголовный кодекс Российской Федерации, путем признания цифровой валюты имуществом для квалификации преступлений против собственности. Помимо этого, необходимо повышать уровень технической подготовки правоохранительных органов, а также внедрять специализированные программные средства анализа технологий блокчейн в деятельность органов предварительного следствия.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (в ред. от 15.12.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 18.07.2026).

[4] Верховный Суд: криптовалюта все чаще становится объектом преступных посягательств // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/34394/ (дата обращения: 18.07.2026).

[5] Рускевич Е.А., Мельников А.С. Об

отдельных проблемах квалификации создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Российский следователь. 2018. № 8. С. 60-64.

[6] Глушков В. А. Криптовалюта как предмет преступления по законодательству Российской Федерации // Цифровое право. 2025. № 1. С. 56-64.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 25, Art. 2954.

[2] Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 15, 2025) "On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (part I). — St. 5018.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 N 48 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (date of access: 07.18.2026).

[4] Supreme Court: cryptocurrency is increasingly becoming the target of criminal attacks // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/34394/ (access date: 07/18/2026).

[5] Ruskevich E.A., Melnikov A.S. On certain problems of qualifying the creation, use and distribution of malicious computer programs // Russian investigator. 2018. No. 8. P. 60-64.

[6] Glushkov V. A. Cryptocurrency as a subject of crime under the legislation of the Russian Federation // Digital Law. 2025. No. 1. P. 56-64.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ПРИ СЕБЕ ДЕТЕЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования выступили организационно-правовые и психологические основы обеспечения прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Для ее достижения выбраны принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение, проведенное в ИУ УИС. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты, регламентирующие содержание в ИУ УИС указанных категорий осужденных женского пола, исследования ученых в области уголовно-исполнительного права и пенитенциарной психологии по теме.

Современная уголовная политика характеризуется дальнейшей гуманизацией привлечения к уголовной ответственности беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Широкого применения к ним наказаний без изоляции осужденного от общества, отсрочки наказания до достижения ребенком 14 лет, и лишь при совершении ими тяжких преступлений такого вида наказания как лишение свободы, регламентированного статьей 56 УК РФ. Данные уголовной статистики, обобщенные Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию применения судами наказаний без изоляции от общества в отношении рассматриваемых категорий преступниц женского пола. Вместе с тем, в настоящее время, в условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, остается актуальной проблема содержания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) осужденных беременных женщин, женщин, имеющих при себе детей, соблюдения их прав и социальных гарантий. Организационно-правовые и психологические основы обеспечения прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в ИУ УИС закреплены в уголовно-исполнительном законе, ПВР УИС 2022 года. Национальное уголовно-исполнительное законодательство и ведомственные правовые акты закрепляют девять специфических прав, определяющих их правовое положение (статус). Они в значительной степени отличаются от прав других категорий, осужденных к лишению свободы, что подтверждает тезис о дальнейшей, целенаправленной, системной гуманизации современной уголовно-исполнительной политики в области обеспечения прав осужденных женщин. Правовые и организационные основы обеспечения порядка и условий отбывания лишения свободы осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими при себе детей, нуждаются в модернизации действующего уголовно-исполнительного законодательства, в которое, как показало исследование, постоянно дополняется и совершенствуется. Психологическое наполнение содержания указанных прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей влияет на такие их психологические характеристики как правосознание и криминальная мотивация.

Ключевые слова: лишение свободы, права, осужденные беременные женщины, осужденные женщины, имеющие при себе детей, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ENSURING THE RIGHTS OF CONVICTED PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH CHILDREN IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study was the organizational, legal and psychological foundations for ensuring the rights of convicted pregnant women and women with children in correctional institutions of the penal system. To achieve it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation conducted at the IU UIS were chosen. The legislative and departmental legal acts regulating the detention of these categories of female convicts in the penitentiary Institution, research by scientists in the field of penal enforcement law and penitentiary psychology on the topic were considered. Modern criminal policy is characterized by the further humanization of criminal prosecution of pregnant women and women with young children. Widespread application of punishments to them without isolation of the convicted person from society, postponement of punishment until the child reaches the age of 14, and only when they commit serious crimes of this type of punishment, such as imprisonment, regulated by Article 56 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criminal statistics data summarized by the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation shows a steady trend in the use of punishments by courts without isolation from society in relation to the categories of female criminals under consideration. At the same time, currently, in the context of the implementation of the national penal enforcement policy, the problem of detention in correctional institutions of the penitentiary system (hereinafter referred to as the penitentiary system) of convicted pregnant women, women with children, and the observance of their rights and social guarantees remains urgent. The organizational, legal and psychological foundations for ensuring the rights of convicted pregnant women and women with children in the Penal Correction Institution are enshrined in the Penal Enforcement Act, the Penal Correction Code of 2022. National penal enforcement legislation and departmental legal acts establish nine specific rights that determine their legal status. They differ significantly from the rights of other categories sentenced to imprisonment, which confirms the thesis about the further, purposeful, systematic humanization of modern penal enforcement policy in the field of ensuring the rights of convicted women. The legal and organizational foundations for ensuring the order and conditions of serving imprisonment by convicted pregnant women and women with children need to modernize the current penal enforcement legislation, which, as the study showed, is constantly being supplemented and improved. The psychological content of these rights of convicted pregnant women and women with children affects their psychological characteristics such as legal awareness and criminal motivation.

Key words: imprisonment, rights, convicted pregnant women, convicted women with children, correctional institutions, penal enforcement system.

Введение. Современная уголовная политика характеризуется дальнейшей гуманизацией привлечения к уголовной ответственности беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей [1, с. 70-77]. Широкого применения к ним наказаний без изоляции осужденного от общества, отсрочки наказания до достижения ребенком 14 лет, и лишь при совершении ими тяжких преступлений такого вида наказания как лишение свободы, регламентированного статьей 56 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Данные уголовной статистики, обобщенные Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию применения судами наказаний без изоляции от общества в отношении рассматриваемых категорий преступниц женского пола [3]. Вместе с тем, в настоящее время, в условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, остается актуальной проблема содержания в

исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) осужденных беременных женщин, женщин, имеющих при себе детей, соблюдения их прав и социальных гарантий [4, с. 73-76].

В соответствии с национальным уголовно-исполнительным законодательством (статьей 100 УИК РФ) осужденные женщины могут иметь при себе малолетних детей в возрасте до четырех лет, общаться с ними в свободное время, при этом дети находятся в домах ребенка, организованных при женских исправительных колониях (далее ИК) общего режима [5].

Таким образом, законодатель определил порядок и условия содержания в ИУ УИС осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, обеспечения их конституционных, материальных и нематериальных прав. Более широких социальных гарантий, формирующих их специальное правовое положение (статус), имеющее

ярко выраженный междисциплинарный характер [6, с. 81-83].

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психологических основ обеспечения прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в ИУ УИС выбраны принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение, проведенное в ИУ УИС. Рассматривались законодательные и ведомственные правовые акты, регламентирующие содержание в ИУ УИС указанных категорий осужденных женского пола, исследования ученых в области уголовно-исполнительного права и пениitenciарной психологии по теме.

Основные результаты. Теоретико-правовое изучение организационно-правовых и психологических основ обеспечения прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в ИУ УИС показало, что они нашли свое отражение не только в уголовно-исполнительном законе, но и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России среди которых особо выделяются Правила внутреннего распорядка ИУ УИС, утвержденные Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

В контексте обеспечения прав осужденных рассматриваемых категорий, им гарантируется следующие права на:

помещение в дома ребенка ИУ своих детей в возрасте до четырех лет;

общение осужденных женщин со своими детьми без ограничения в свободное от работы время [7];

совместное проживание с детьми в условиях ИУ;

получение улучшенных жилищно-бытовых условий и повышенных норм питания беременным, осужденным к лишению свободы, кормящим матерям [8];

необходимые для нормального проживания и развития детей условия (включая обеспечение необходимой одеждой, игрушками, развивающими комплексами и технологиями) [9, с. 398-402];

обеспечение ежедневной помывки и еженедельной смены постельных принадлежностей после нее [10];

приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости без ограничения, за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах [11, с. 62-67];

получение пособий по беременности и родам в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации РФ от 25.07.2007 г. «Об объявлении Положения об обеспечении пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду», независимо от исполнения ими трудовых обязанностей и иных обстоятельств [12];

перемещение осужденных в другое учреждение УИС только на основании заключения врача медицинской организации УИС о его возможности, в сопровождении медицинских работников медицинской организации УИС [13, с. 126-128].

Перечисленные права осужденных к лишению свободы беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, существенно отличаются от прав других осужденных, отбывающих лишение свободы, что подтверждает тезис о дальнейшей, целенаправленной, системной гуманизации современной уголовно-исполнительной политики в области обеспечения прав осужденных женщин, в том числе указанных категорий [14, с. 47-51].

Психологическое наполнение содержания указанных прав осужденных, безусловно, отражается на их основных психологических характеристиках, к которым относится их правовое сознание [15, с. 22-24]. Криминальная мотивация, как важнейших психологический фактор, препятствующий успешному исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных женщин [16, с. 40-46].

Своевременный учет, купирование и устранение негативных психологических и иных факторов, несомненно положительно отражается не только на осужденных, отбывающих уголовные наказания, но и на состоянии общей женской преступности в современных условиях [17, с. 81-89]. Правовые и организационные основы обеспечения порядка и условий отбывания лишения свободы осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими при себе детей, нуждаются в модернизации действующего уголовно-исполнительного законодательства, в которое, как показало исследование, постоянно дополняется и совершенствуется [18, с. 58-62].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправитель-

ных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России, с докладом на тему «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04.2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк), с докладом на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Современная уголовная политика характеризуется дальнейшей гуманизацией привлечения к уголовной ответственности беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Широкого применения к ним наказаний без изоляции осужденного от общества, отсрочки наказания до достижения ребенком 14 лет, и лишь при совершении ими тяжких преступлений такого вида наказания как лишение свободы, регламентированного статьей 56 УК РФ.

Данные уголовной статистики, обобщенные Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию применения судами наказаний без изо-

ляции от общества в отношении рассматриваемых категорий преступниц женского пола. Вместе с тем, в настоящее время, в условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, остается актуальной проблема содержания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) осужденных беременных женщин, женщин, имеющих при себе детей, соблюдения их прав и социальных гарантий.

Организационно-правовые и психологические основы обеспечения прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в ИУ УИС закреплены в уголовно-исполнительном законе, ПВР УИС 2022 года. Национальное уголовно-исполнительное законодательство и ведомственные правовые акты закрепляют девять специфических прав, определяющих их правовое положение (статус). Они в значительной степени отличаются от прав других категорий, осужденных к лишению свободы, что подтверждает тезис о дальнейшей, целенаправленной, системной гуманизации современной уголовно-исполнительной политики в области обеспечения прав осужденных женщин.

Правовые и организационные основы обеспечения порядка и условий отбывания лишения свободы осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими при себе детей, нуждаются в модернизации действующего уголовно-исполнительного законодательства, в которое, как показало исследование, постоянно дополняется и совершенствуется.

Психологическое наполнение содержания указанных прав осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей влияет на такие их психологические характеристики как правосознание и криминальная мотивация.

Список литературы:

- [1] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.
- [2] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.
- [3] Судебная статистика РФ. Официальный сайт / <http://stat.api-npess.pf/stats/ug/t/12/s/8/> (дата обращения 09.05.2026).
- [4] Ковалев О.Г. Особенности современной уголовно-исполнительной политики, влияющие на состояние женской преступности (по материалам пенитенциарной практики) // Вестник Владимирского юридического института. 2023, 4 (69).

С. 73-76.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[6] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[9] Ковалев О.Г. Вопросы криминальной мотивации женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Образование и право. 2024. № 7. С. 398-402.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 09.05.2026).

[11] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.

[12] Постановление Правительства РФ от 25 июля 2007 г. «Об объявлении Положения об обеспечении пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду» // Garant.ru (дата обращения 09.05.2026).

[13] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и

ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[14] Ковалев О.Г. Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на динамику и состояние женской преступности // В сборнике: Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Псков, 2023. С. 47-51.

[15] Ковалев О.Г. Роль воспитательной работы в формировании правосознания осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 12 (165). С. 22-24.

[16] Ковалев О.Г. Криминальная мотивация осужденных женщин: пенитенциарный аспект // Антропология. 2024. № 3 (15). С. 40-46.

[17] Ковалев О.Г., Якименко А.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности // В сборнике: Инновации в развитии туризма, профессионального туристского образования и управления. Материалы 12 Международной научной школы магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 2022. С. 81-89.

[18] Ковалев О.Г. Влияние современного уголовного законодательства на состояние женской преступности (по материалам пенитенциарной практики) // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 58-62.

References:

[1] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in places of deprivation of liberty // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[2] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[3] Judicial statistics of the Russian Federation. Official website / <http://stat.ани-нрещ.рф/stats/ug/t/12/s/8/> / (accessed 05/09/2026).

[4] Kovalev O.G. Features of modern penal enforcement policy affecting the state of female criminality (based on the materials of penitentiary practice) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023, 4 (69). pp. 73-76.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[6] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional

institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[9] Kovalev O.G. Issues of criminal motivation of women serving sentences in correctional institutions // Education and law. 2024. No. 7. pp. 398-402.

[10] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 05/09/2026).

[11] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

[12] Decree of the Government of the Russian Federation dated July 25, 2007 "On the announcement of the Provision of benefits for

compulsory State social insurance for persons sentenced to imprisonment who are involved in paid work" // Garant.ru (accessed 05/09/2026).

[13] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[14] Kovalev O.G. The influence of criminal and penal enforcement policy of modern Russia on the dynamics and state of female crime // In the collection: The penitentiary system, the state and society: problems of interaction. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Pskov, 2023. pp. 47-51.

[15] Kovalev O.G. The role of educational work in the formation of the legal consciousness of convicted women serving sentences in correctional institutions // Global scientific potential. 2024. Vol. 1. No. 12 (165). pp. 22-24.

[16] Kovalev O.G. Criminal motivation of convicted women: the penitentiary aspect // Anthropogogics. 2024. No. 3 (15). pp. 40-46.

[17] Kovalev O.G., Yakimenko A.Y. Criminological characteristics of female criminality // The collection contains Innovations in the development of tourism, professional tourism education and management. Materials of the 12th International Scientific School of Undergraduates, Postgraduates and Young Scientists. Moscow, 2022. pp. 81-89.

[18] Kovalev O.G. The influence of modern criminal legislation on the state of female criminality (based on the materials of penitentiary practice) // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 58-62.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем
управления и организации исполнения наказаний в
уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru.

ПРОБЛЕМЫ АНТИОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных в контексте деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС). Рассматривается психологическая структура данного феномена, его роль как барьера на пути исправления и ресоциализации. Анализируются противоречия между задачами УИС по гуманизации исполнения наказания и отсутствием научно обоснованных средств диагностики и коррекции. Особое внимание уделяется роли психологов воспитательных колоний и уголовно-исполнительных инспекций в выявлении и преодолении антиобщественных установок. На основе анализа эмпирических исследований обосновывается необходимость внедрения в пенитенциарную практику научно обоснованных средств психодиагностики и психокоррекции, направленных на изменение негативных убеждений и формирование социально приемлемых форм взаимодействия с обществом.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, антиобщественная позиция личности, отклоняющееся поведение, психологическая коррекция, психологические причины, воспитательная колония, психокоррекция, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.

ZORINA Natalia Sergeevna,
senior Researcher of the Department for Improving Legal
Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study
of Problems of Management and Organization of the Execution
of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State
Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

PROBLEMS OF THE ANTI-SOCIAL POSITION OF THE PERSONALITY OF MINORITY CONDEMNEDS

Annotation. The article is devoted to the problem of the anti-social position of the personality of minor convicts in the context of the activities of the penal system (PS). The psychological structure of this phenomenon is considered, its role as a barrier on the way of correction and resocialization. The contradictions between the tasks of the PS on the humanization of the execution of punishment and the lack of scientifically grounded means of diagnostics and correction are analyzed. Special attention is paid to the role of psychologists in educational colonies and penal inspections in identifying and overcoming antisocial attitudes. Based on the analysis of empirical studies, the article substantiates the need to introduce scientifically grounded means of psychodiagnostics and psychocorrection into penitentiary practice, aimed at changing negative beliefs and forming socially acceptable forms of interaction with society.

Key words: juvenile convicts, antisocial personality, deviant behavior, psychological correction, psychological causes, educational colony, psychocorrection, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia.

Преступность несовершеннолетних остается одной из наиболее острых социальных проблем, решение которой напрямую связано с эффективностью уголовно-исполнительной системы. Формирование современной модели исполнения наказания основано на принципе гуманизма, трансформирующем цель уголовной репрессии из возмездия в исправление и перевоспитание [1]. Однако значительная часть несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях или состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, демонстрирует устойчивую антиобщественную позицию личности, которая не только выступает криминогенным фактором, но и существенно осложняет достижение целей УИС [2].

Пребывание в исправительных учреждениях является тяжелой жизненной ситуацией для несовершеннолетних осужденных. Они ограничены в общении, досуге и развитии в общем понимании этого слова. Пока подростки находятся в исправительном учреждении, они должны подчиняться установленному режиму дня, слушаться выполнять требования воспитателей и других сотрудников исправительного учреждения [3].

В современной научной литературе антиобщественная позиция личности несовершеннолетних осужденных определяется как слабо структурированное и мало осознаваемое негативное отношение к обществу, переживаемое как противопоставление себя ему, базирующееся на негативном социальном опыте и выражающееся в противоправном поведении [3]. Данное определение, предложенное в ходе эмпирических исследований, фиксирует ключевые характеристики феномена: его аффективную природу, неосознаваемость, оппозиционность по отношению к социуму и поведенческую реализацию в форме правонарушений [4].

Однозначно, стоит сказать, что переходный возраст считается самым противоречивым, ведь именно в этот период происходит стремление к социальному и личностному развитию и самосознанию. У подростка появляются негатив к окружающим, протесты, данные формы самоутверждения могут возникнуть, когда взрослые относятся к подростку как к маленькому ребенку. Именно в этом возрасте происходит формирование личности и собственного достоинства, которая выражается в самоутверждении подростка, где они желают показать себя самостоятельными перед взрослыми. И тем самым подросток не замечает своего девиантного поведения [5].

Психологическая структура антиобщественной позиции включает три взаимосвязанных компонента: эмоциональный, когнитивный и поведен-

ческий [6]. Эмоциональную основу составляют преимущественно негативные переживания — печаль и гнев, возникающие в результате депривации социальных потребностей подростков. В ряде случаев к этим эмоциям присоединяются чувства отвращения и презрения, что свидетельствует о глубокой эмоциональной отчужденности от общества. Когнитивный компонент проявляется в осознании подростком противоречий с обществом и ощущении собственной изолированности от него. Несовершеннолетние с антиобщественной позицией нередко отрицают свое сходство с другими членами общества и наличие общих целей. Поведенческий компонент, согласно эмпирическим данным, наиболее часто реализуется в стратегии избегания, хотя в определенных ситуациях может проявляться и в форме открытой агрессии [4].

В подростковом возрасте, прежде всего происходит рост организма, как физически, так и психологически. Подростки в этом возрасте более остро воспринимают окружающий мир и общество в целом, особенно сказывается на психическом состоянии подростка и его жизнедеятельности в дальнейшем. Происходит изменение его структуры осознания. Вследствие таких изменений, подростки часто подвержены перепадам настроения, повышенной активностью, что не всегда совпадает с их возможностями. Тем самым игнорируют просьбы взрослых, стремясь доказать свою самостоятельность, которая в последствии может привести к неблагоприятным последствиям.

Важной характеристикой антиобщественной позиции является ее малоосознаваемый характер. Подростки зачастую не отдают себе отчета в глубинных основаниях своего негативного отношения к обществу, что существенно затрудняет психокоррекционную работу и требует применения специальных диагностических процедур, позволяющих выявить имплицитные установки [5].

Формирование антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных детерминировано комплексом социальных и индивидуально-психологических факторов. Среди социальных факторов ведущую роль играет негативный социальный опыт, накапливаемый подростком в процессе взаимодействия с семьей, образовательными учреждениями и обществом в целом [2].

Семейное неблагополучие выступает одним из наиболее значимых предикторов формирования антисоциального поведения. Исследования показывают, что в семьях несовершеннолетних правонарушителей преобладает негативный эмоциональный фон, вследствие чего подростки чувствуют себя в большей степени подавленными. Негативное семейное воспитание, характеризую-

щееся отсутствием или слабой выраженностью социальной роли учащегося, приводит к тому, что дети не в полной мере осваивают социально значимые роли [7]. Проблемы большинства семей заключаются в том, что отсутствует эмоциональный близость между взрослыми и детьми. Дети не чувствуют живого общения, родители не ведут с ними душевных разговоров, не интересуются их жизнью в целом. Подростки слышат в свой адрес только то, что они должны выполнять [8].

Социально-педагогическая запущенность выступает важным механизмом, опосредующим формирование антиобщественной позиции. Педагогическая запущенность понимается нами как стойкое, многомерное отклонение в развитии и социализации личности, обусловленное хроническим дефицитом позитивного воспитательного воздействия и/или длительным пребыванием в асоциальной среде.

К индивидуально-психологическим факторам относятся деформации ценностно-смысловой сферы, девальвация моральных ценностей и идеалов, а также особенности эмоционально-волевой регуляции. Негативный социальный опыт, не позволяющий подросткам адаптироваться к обществу в позитивном ключе, приводит к формированию устойчивого негативного отношения к социуму [6].

Антиобщественная позиция личности несовершеннолетних осужденных имеет существенное криминологическое значение, выступая как фактором совершения преступлений, так и препятствием для исправления осужденных. Связь антиобщественной позиции с противоправным поведением неоднократно описывалась в научной литературе [3].

Эмпирические исследования показывают, что в ряде случаев несовершеннолетние преступники переносят на потерпевших негативные чувства, которые они испытывают к обществу в целом. Этот феномен «смещенной агрессии» свидетельствует о генерализованном характере антиобщественной установки: негативное отношение, изначально направленное на общество как абстрактную целостность, конкретизируется в отношении отдельных его представителей, что может провоцировать совершение насильственных преступлений [4].

Коррекционная работа должна носить комплексный, поэтапный и индивидуализированный характер, охватывая все компоненты запущенности. В приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» дается описание личностных свойств, которые должны учитываться в процессе испол-

нения наказания и подготовки к освобождению: «принимать во внимание индивидуальные потребности заключенного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и его возможности после освобождения». Подчеркивается, что на основе изучения характера, осужденного «в кратчайший срок после приема, каждого заключенного следует разрабатывать программу работы с ним, исходя при этом из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей» [9].

Для повышения эффективности необходимо комплексное реформирование: обновление материальной базы, пересмотр образовательных программ, укрепление кадрового потенциала, развитие постпенитенциарного сопровождения и цифровизация процессов. Эти изменения должны осуществляться в рамках стратегических документов развития УИС при активном участии всех заинтересованных ведомств и институтов гражданского общества.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать, что процесс ресоциализации не одномоментен, а растянут во времени, и важно учитывать разнообразие мнений и опытов самих несовершеннолетних осужденных. Необходимо отметить, что в процессе ресоциализации участвуют не только сотрудники исправительных учреждений, но и общественные структуры на местах, например, центры социальной адаптации для лиц, освобожденных из мест лишения свободы [10].

Только такой системный подход, учитывающий всю глубину психологических причин, может способствовать подлинной ресоциализации несовершеннолетних осужденных и снижению риска рецидивной преступности.

Список литературы:

- [1] Захарчев М.Е. Гуманизация исполнения наказания в воспитательных колониях: правовые идеалы и пенитенциарная реальность // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 320–325.
- [2] Заляцев Г.С., Горностаев С.В. Антиобщественная позиция личности несовершеннолетних осужденных: от проблемы к решению // Виктимология. 2022. Т. 9, № 3. С. 330–339.
- [3] Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с делинквентным поведением: монография. – М.: МГППУ, 2008. – 172 с.
- [4] Заляцев Г.С., Горностаев С.В. Психологические особенности антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных // Человек: преступление и наказа-

ние. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 435–445.

[5] Зорина Н.С. Психологические особенности и причины проявления девиантного поведения подростков / Н. С. Зорина // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 71-73.

[6] Залящев Г.С. Исследование возможностей диагностики и коррекции антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных // Виктимология. 2023. Т. 10, № 1. С. 59–66.

[7] Залящев Г.С. Психологические особенности, диагностика и коррекция антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2023.

[8] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков / Н. С. Зорина // Закон и право. – 2023. – № 1. – С. 159-161. – DOI 10.56539/20733313_2023_1_159. – EDN BQWPPII.

[9] Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: [приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238]. – [http: КонсультантПлюс](http://КонсультантПлюс).

[10] Радченко, Е. П. Эффективность процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание, посредством трудовой адаптации / Е. П. Радченко, Н. С. Зорина // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

References:

[1] Zakharchev M.E. Humanization of the execution of punishment in educational colonies: legal ideals and penitentiary reality // Young scientist. 2025. № 49 (600). S. 320-325.

[2] Zalyashchev G.S., Gornostaev

S.V. Antisocial position of the personality of juvenile convicts: from problem to solution // Victimology. 2022. Т. 9, NO. 3. S. 330-339.

[3] Oshevsky D.S. Mental development in adolescents with delinquent behavior: monograph. - M.: MGPPU, 2008. - 172 s.

[4] Zalyashchev G.S., Gornostaev S.V. Psychological features of the antisocial position of the personality of juvenile convicts // Man: crime and punishment. 2022. Т. 30 (1-4), NO. 3. S. 435-445.

[5] Zorina N.S. Psychological features and reasons for the manifestation of deviant behavior of adolescents/N.S. Zorina // Administrative law and process. – 2022. – № 5. - S. 71-73.

[6] Zalyashchev G.S. Study of the possibilities of diagnosing and correcting the antisocial position of the personality of juvenile convicts // Victimology. 2023. VOL. 10, NO. 1. S. 59-66.

[7] Zalyashchev G.S. Psychological features, diagnosis and correction of the antisocial position of the personality of juvenile convicts: author's abstract. dis.... cand. psychol. sciences. Ryazan, 2023.

[8] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents/ N.S. Zorina // Law and law. – 2023. – № 1. - S. 159-161. – DOI 10.56539/20733313_2023_1_159. – EDN BQWPPII.

[9] On approval of the Instructions for organizing the activities of the psychological service of the penitentiary system [Electronic resource]: [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12.12.2005 No. 238]. - [http: ConsultantPlus](http://ConsultantPlus).

[10] Radchenko, E.P. Effectiveness of the process of resocialization of minors serving sentences through labor adaptation/ E.P. Radchenko, N.S. Zorina // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 194-198. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-194-198. – EDN EDGPOF.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-776-780

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ШЕФСКОЙ РАБОТЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления шефской работы в исправительных учреждениях. Автор отмечает, что комплексный подход к организации исправительного процесса с широким привлечением общественности к исправлению осужденных способствует созданию нормальной оперативной обстановки в подразделениях, снижению уровня преступности, укреплению дисциплины, выполнению основных производственных показателей.

Ключевые слова: осужденные, шефство, коллектив, сотрудник, исправительное учреждение, общественные организации.

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian
Federation; Candidate of Legal Sciences

MAIN DIRECTIONS OF PATRONAGE WORK IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation. The article examines the main directions of patronage work in correctional institutions. The author notes that an integrated approach to organizing the correctional process with widespread public involvement in the correction of convicts contributes to the creation of a normal operational situation in the units, reducing crime, strengthening discipline, and fulfilling basic production indicators.

Key words: convicts, patronage, team, employee, correctional institution, public organizations.

Основными направлениями шефской работы в исправительных учреждениях являются индивидуальная и воспитательная работа. Широкий размах получило индивидуальное шефство над трудновоспитуемыми осужденными. Шефы организуют работу на основе индивидуальных перспективных планов, предусматривающих проведение комплекса воспитательных мероприятий: бесед, поручений, оказания помощи в организации самовоспитания, составления индивидуальных трудовых обязательств, повышении профессионального мастерства и др.

Представители коллективов трудящихся принимают широкое участие в индивидуальном аттестовании осужденных, которое ежегодно проводится во всех подразделениях. Как показывает практика, аттестование осужденных с участием представителей общественности способствует повышению эффективности этого воспитательного мероприятия, положительно сказывается на

укреплении дисциплины и режима в подразделениях.

Основные усилия представителей шефствующих коллективов сосредоточены на оказании помощи начальникам отрядов. Их участие в советах воспитателей является существенной помощью начальникам отрядов в совершенствовании форм и методов воспитательного воздействия на осужденных. Шефы, члены советов воспитателей, оказывают помощь в организации художественной самодельности, выпуске тематических стенных газет, изготовлении наглядной агитации.

Важным фактором в идейном воспитании правонарушителей является участие представителей шефов в проведении собраний коллективов осужденных, а также их выступления перед правонарушителями с лекциями, докладами и беседами.

Одной из форм активного участия общественности в исправлении правонарушителей яв-

ляется систематическое проведение мероприятий, направленных на формирование правосознания осужденных.

В колониях регулярно проводятся вечера вопросов и ответов, тематические вечера, лекции, беседы на правовые темы с участием работников суда, прокуратуры, адвокатуры и представителей общественных организаций. Из общего количества лекций, прочитанных в ИУ, около половины посвящены правовой тематике. По отдельным темам представители правоохранительных органов проводят занятия с осужденными в школах правовых знаний. Во всех колониях функционируют юридические консультации на общественных началах.

Существенную помощь исправительным учреждениям оказывают шефы в организации культурно-массовой работы и проведении нравственно-эстетического воспитания осужденных. Большой объем методической работы ведут преподаватели школ и профессиональных училищ. Они организуют обучение сотрудников основам педагогики и психологии, методики воспитательной работы. Все преподаватели общеобразовательных школ и ПУ входят в состав советов воспитателей отрядов; постоянно ведут индивидуальную работу с трудновоспитуемыми осужденными. Большинство учителей активно участвует в воспитательных мероприятиях, проводимых в отрядах, регулярно выступает перед осужденными с лекциями и беседами. Преподаватели оказывают всестороннюю методическую помощь начальникам отрядов в организации свободного времени осужденных, проведении литературных викторин, тематических вечеров и других воспитательных мероприятий.

Накоплен положительный опыт привлечения представителей общественности к участию в патриотическом воспитании осужденных.

Большое внимание уделяется трудовому и бытовому устройству лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы.

Комплексный подход к организации исправительного процесса с широким привлечением общественности к исправлению осужденных способствует созданию нормальной оперативной обстановки в подразделениях, снижению уровня преступности, укреплению дисциплины, выполнению основных производственных показателей.

Опыт привлечения коллективов предприятий, учреждений и организаций к исправлению правонарушителей, сложившийся в исправительных учреждениях, эффективная система шефских связей трудовых коллективов и ИУ заслуживают одобрения и внедрения в практику работы.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.
- [2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинико-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.
- [3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.
- [4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.
- [5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: Педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.
- [6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.
- [7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.
- [8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской

Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной probation / Вестник уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[16] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[18] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке /

Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[20] Гузев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[21] Смородинова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[22] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[23] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва. 2018.

[24] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[25] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

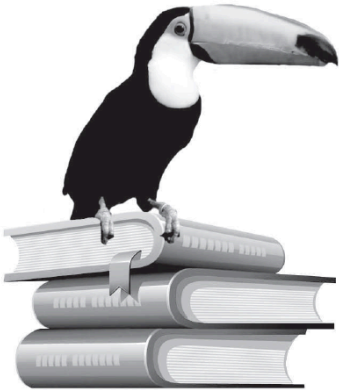
References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

- [4] Vilko A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Vedomosti of the penal system*. 2026. № 4 (287). S. 6-8.
- [5] Vilko A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilko // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.
- [6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilko, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.
- [7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilko, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.
- [8] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.
- [9] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.
- [10] Vilko A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.
- [11] Tishchenko Yu. Yu. Vilko A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.
- [12] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).
- [13] Vilko A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.
- [14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.
- [15] Vilko A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.
- [16] Vilko A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.
- [17] Vilko A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.
- [18] Vilko A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.
- [19] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.
- [20] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilko A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.
- [21] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilko, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.
- [22] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilko, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov // Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.
- [23] A. V. Vilko. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.
- [24] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.
- [25] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-781-789

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
отдела по совершенствованию нормативно правового
регулирования деятельности уголовно исполнительной
системы центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно исполнительной
системы ФКУ НИИ ФСИН России,
e mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

К ВОПРОСУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ ПЕРЕВОДЧИКА ДЛЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовое и организационное обеспечение устного и письменного перевода для лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Цель работы состоит в выявлении межотраслевых пробелов российского законодательства и определении минимального стандарта языковой доступности, применимого независимо от вида учреждения и гражданства содержащегося лица. Методологическую основу составили формально юридический, сравнительно правовой и системно структурный методы. Установлено, что российское право подробно регулирует участие переводчика в процессуальной деятельности, однако гарантии коммуникации после фактического помещения лица в учреждение закреплены фрагментарно и зависят от правового режима содержания. Обосновано разграничение процессуального перевода, перевода в режимных правоотношениях, языкового сопровождения при получении медицинской и юридической помощи и средств коммуникационной доступности. Предложены критерии обязательного привлечения профессионального переводчика, правила допустимости дистанционного и машинного перевода, а также процедура выявления языковой потребности, заказа услуги и контроля ее качества. Сделан вывод о необходимости закрепления общего стандарта языковой доступности в законодательстве об общественном контроле в местах принудительного содержания с последующей детализацией в отраслевых и ведомственных актах.

Ключевые слова: места принудительного содержания, переводчик, пенитенциарный перевод, языковой барьер, иностранные граждане, права человека, уголовно исполнительная система, дистанционный перевод, коммуникационная доступность.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Department
for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Penal
System of the Center for Research on Problems of Security
in Institutions of the Penal System of the Federal Government
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE PROVISION OF INTERPRETING AND TRANSLATION SERVICES TO PERSONS HELD IN COMPULSORY DETENTION FACILITIES

Annotation. The article examines the legal and organizational provision of interpreting and translation services to persons held in compulsory detention facilities. The study aims to identify cross sectoral gaps in Russian legislation and to formulate a minimum standard of language accessibility applicable regardless of the type of facility or the detainee's nationality. The methodology combines formal legal, comparative legal and structural analysis. Russian law is found to regulate interpreters in judicial and administrative proceedings in considerable detail, while communication guarantees after a person has been placed in a custodial institution remain fragmented and depend on the applicable detention regime. The article distinguishes procedural interpreting, interpreting in custodial and disciplinary relations, language assistance in medical and legal services, and broader communication

accessibility. It proposes criteria for mandatory professional language assistance, conditions for remote and machine translation, and a procedure for identifying language needs, commissioning services and monitoring their quality. The article concludes that a general language access standard should be incorporated into the federal legislation governing public oversight of compulsory detention facilities and further specified in sectoral and departmental rules.

Key words: *compulsory detention facilities, interpreter, prison interpreting, language barrier, foreign nationals, human rights, penal system, remote interpreting, communication accessibility.*

Ограничение физической свободы не прекращает действие конституционных прав и не освобождает государство от обязанности создавать реальные условия для их осуществления. Напротив, помещение человека в учреждение, которое он не вправе покинуть по собственной воле, усиливает позитивные обязанности публичной власти: содержащийся там человек не может самостоятельно выбрать способ получения информации, обратиться к любому специалисту либо компенсировать недостатки институциональной коммуникации за счет внешних ресурсов. Если лицо не понимает язык распоряжений администрации, медицинских рекомендаций, дисциплинарного обвинения или порядка подачи жалобы, формально признанное право утрачивает практическое содержание. Поэтому услуги переводчика в местах принудительного содержания следует рассматривать не как факультативное бытовое удобство и не только как атрибут уголовного судопроизводства, а как обеспечительный механизм законности, личной безопасности и равного доступа к защите.

В отечественной литературе данная проблематика традиционно исследовалась применительно к исполнению лишения свободы. С. Н. Овчинников определяет институт пенитенциарного перевода через предоставление услуг переводчика осужденным и связывает его развитие с многонациональным составом контингента, необходимостью доступа к закону и суду, а также поиском организационно приемлемых форм языкового посредничества [1, с. 181–183]. Этот подход образует содержательную основу для более широкого вывода: правовое значение перевода определяется не названием учреждения, а тем, способен ли человек понять юридически значимую информацию и выразить свою волю в ситуации, когда все каналы общения контролируются государством.

Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ относит к местам принудительного содержания не только учреждения уголовно исполнительной системы. В круг соответствующих объектов входят места административного задержания и административного ареста, изоляторы временного содержания, следственные изоляторы, исправительные учреждения и исправительные центры, дисциплинарные воинские части и гауптвахты, центры вре-

менного содержания несовершеннолетних правонарушителей, специальные учебно воспитательные учреждения закрытого типа, специальные учреждения МВД России для иностранцев, подлежащих выдворению, депортации или реадмиссии, а также ряд судебно психиатрических и психиатрических медицинских организаций [2]. Следовательно, использование в научном обороте только категории «пенитенциарный перевод» неизбежно сужает объект исследования. Она сохраняет значение для исполнения уголовных наказаний, но не охватывает все формы изоляции, при которых возникает сопоставимая зависимость человека от администрации.

Конституционное основание языковой доступности образуют положения о равенстве и недопустимости дискриминации, достоинстве личности, праве пользоваться родным языком и свободно выбирать язык общения, государственной и судебной защите, а также квалифицированной юридической помощи [3]. Из этих норм не следует обязанность государства переводить любое сообщение по выбору лица. Однако в совокупности они требуют предоставить языковую помощь тогда, когда без нее невозможно осознанно реализовать право, исполнить обязанность либо защититься от неблагоприятного решения. Применительно к принудительному содержанию критерий необходимости должен оцениваться с учетом фактического неравенства сторон: администрация располагает властными полномочиями, документами, персоналом и технической инфраструктурой, тогда как содержащийся человек ограничен в передвижении, выборе контактов и доступе к информации.

Российское законодательство наиболее полно регулирует процессуальную функцию перевода. Статья 18 УПК РФ предоставляет участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком производства, право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы и бесплатно пользоваться помощью переводчика; процессуальные документы, подлежащие обязательному вручению, должны быть переведены на язык, которым соответствующее лицо владеет. Статья 59 УПК РФ определяет переводчика как лицо, привлекаемое в установленных законом

случаях и свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, закрепляет его права, обязанности и ответственность [4]. Сходные гарантии предусмотрены КоАП РФ для производства по делам об административных правонарушениях [5]. Их назначение состоит в обеспечении полноценного участия в юридической процедуре, а не в обслуживании повседневной коммуникации после помещения в учреждение.

Разрыв между процессуальной и режимной стадиями особенно заметен после вынесения решения. Лицо могло пользоваться бесплатным переводчиком при рассмотрении уголовного дела или дела об административном правонарушении, но после прибытия в учреждение сталкивается с иным массивом юридически значимой информации: правилами внутреннего распорядка, требованиями персонала, порядком медицинского обращения, основаниями применения мер взыскания и безопасности, процедурой переписки, свиданий, телефонных переговоров и обжалования. Эта информация не менее важна для фактического осуществления прав, однако ее языковая доступность регулируется менее последовательно. А. А. Камардина обоснованно связывает участие переводчика на стадии исполнения приговора с необходимостью сохранить реальность процессуальных гарантий при разрешении вопросов, непосредственно влияющих на положение осужденного [6, с. 84-87].

В уголовно исполнительном законодательстве основное значение имеет часть 5 статьи 12 УИК РФ. Осужденным - иностранным гражданам и лицам без гражданства предоставлено право давать объяснения, вести переписку, обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы должны даваться на языке обращения; при отсутствии такой возможности перевод обеспечивает учреждение или орган, исполняющий наказание [7]. Норма принципиально важна, поскольку прямо возлагает на публичный субъект обязанность организовать перевод ответа. Вместе с тем формула «в необходимых случаях» не раскрывает ни материальные критерии необходимости, ни процедуру принятия решения, ни источник финансирования устного перевода, ни требования к квалификации и независимости специалиста.

Ю. А. Кашуба и Т. С. Хван относят к необходимым случаи, в которых без переводчика невозможно реализовать и защитить права осужденного, понять сведения о порядке и условиях отбывания наказания, участвовать в дисциплинарной процедуре либо в судебном разрешении

вопросов дальнейшего отбывания наказания [8, с. 61-63]. Предлагаемые критерии позволяют преодолеть узкое толкование, при котором необходимость связывается исключительно с полным незнанием русского языка. Для юридически значимой коммуникации недостаточно способности поддержать простой бытовой разговор. Требуется функциональная языковая компетентность: понимание специальной терминологии, последствий согласия или отказа, содержания предъявляемой претензии и порядка защиты. Поэтому продолжительность проживания в России, наличие работы или умение отвечать на стандартные вопросы сами по себе не доказывают, что человек способен без помощи переводчика участвовать в медицинской, дисциплинарной или судебной процедуре.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103 ФЗ закрепляет права содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых на получение информации, защиту, обращения и медицинскую помощь, однако не формирует самостоятельно общего порядка предоставления переводчика для режимных отношений внутри следственного изолятора или изолятора временного содержания [9]. Ведомственные правила предусматривают отдельные случаи перевода, в том числе для контроля разговоров на свидании, если сотрудник не владеет используемым языком. Тем самым перевод выполняет две различные функции: обеспечивает содержащемуся лицу доступ к правам и одновременно позволяет администрации осуществлять законный контроль. Эти функции не должны подменять друг друга. Переводчик, приглашенный для конфиденциального общения с защитником или врачом, не может рассматриваться как техническое средство режимного наблюдения; напротив, перевод коммуникации, подлежащей контролю по закону, должен быть организован так, чтобы само использование иностранного языка не становилось основанием для фактического запрета общения.

Аналогичная несогласованность обнаруживается при административном аресте. КоАП РФ гарантирует переводчика в производстве по делу, тогда как Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67 ФЗ, регулирующий уже порядок отбывания административного ареста, содержит права на информирование, юридическую помощь, переписку и направление жалоб, но не устанавливает сопоставимого механизма языкового сопровождения после помещения в место содержания [10]. Возникает нормативный парадокс: государство признает, что без переводчика лицо не способно полноценно участвовать в принятии решения об аресте, но не устанавливает общей процедуры перевода информации, определяющей условия исполнения

этого решения.

Более определенный порядок действует в специальных учреждениях МВД России для иностранных граждан. Статья 35.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115 ФЗ и Правила, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 1306, предусматривают ознакомление поступившего лица с правилами содержания и распорядком дня и обеспечение услугами переводчика при необходимости [11; 12]. Специфика адресатов объясняет прямое упоминание языковой помощи, однако и здесь требуется нормативное раскрытие порядка установления необходимости. Кроме того, языковая гарантия не должна зависеть исключительно от иностранного гражданства: гражданин России, не владеющий русским языком в достаточной степени, глухой человек либо лицо с существенным нарушением речи может испытывать не меньшие трудности.

В психиатрическом стационаре языковой барьер приобретает медицинско правовое значение. Требование доводить до пациента сведения о его правах и правилах пребывания в понятной форме необходимо соотносить с получением информированного добровольного согласия, сообщением о характере лечения, фиксацией жалоб на боль или побочные эффекты, применением мер физического стеснения и судебным контролем недобровольной госпитализации. Ошибка перевода в этом контексте способна повлечь не только ограничение процессуальных прав, но и непосредственный вред здоровью. Поэтому медицинская беседа, связанная с диагностикой, назначением лечения и согласием, должна относиться к безусловным случаям профессионального перевода, а использование другого пациента или случайного сотрудника допустимо лишь для устранения немедленной угрозы до подключения квалифицированного специалиста.

Отдельного внимания требует коммуникация с глухими, слабослышащими и лицами с речевыми либо интеллектуальными нарушениями. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181 ФЗ признает русский жестовый язык языком общения при наличии нарушений слуха и речи [13]. В местах принудительного содержания обязанность обеспечить доступность не может быть исполнена посредством выдачи письменного текста каждому глухому лицу: уровень владения письменным русским языком и потребность в жестовом переводе индивидуальны. Кроме того, часть адресатов нуждается в тифлосурдопереводе, дактильной речи, пиктограммах, облегченных текстах или средствах альтернативной и дополнительной коммуникации. Поэтому корректнее говорить не только о переводчике, но и о системе языковой и коммуникаци-

онной доступности.

Международные стандарты подтверждают функциональный характер соответствующей гарантии. Международный пакт о гражданских и политических правах требует сообщать причины ареста на понятном языке и предоставляет обвиняемому право на бесплатную помощь переводчика. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению, связывает языковую помощь с своевременным получением юридически значимой информации. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) идут дальше сугубо судебного перевода: информация при поступлении должна предоставляться на наиболее распространенных языках с помощью переводчика, если заключенный их не понимает; квалифицированный переводчик предоставляется в дисциплинарном разбирательстве и при общении с юридическим советником; персонал должен владеть языком большинства заключенных либо иметь возможность привлечь компетентного переводчика [14]. Европейские пенитенциарные правила также исходят из необходимости сообщать информацию при приеме на понятном языке и бесплатно обеспечивать перевод в дисциплинарной процедуре [15]. Рекомендация Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2012)12 дополняет эти требования указанием на доступ иностранных заключенных к устному и письменному переводу и на необходимость конфиденциального языкового посредничества в медицинской коммуникации [16].

Из международных актов не вытекает обязанность профессионально переводить каждое бытовое высказывание. В то же время они позволяют выделить ядро ситуаций, в которых отсутствие перевода несовместимо с эффективным осуществлением прав. К ним относятся разъяснение оснований и режима содержания; доведение прав и обязанностей; дисциплинарное обвинение и рассмотрение; медицинская диагностика, согласие и неотложная помощь; конфиденциальное общение с защитником; составление и рассмотрение жалоб; участие в судебном либо административном производстве; разъяснение решений о переводе, освобождении, выдворении или продлении содержания; сообщение об угрозе насилия, пытках, жестоком обращении и иных обстоятельствах, затрагивающих безопасность. Для каждого такого случая должна действовать презумпция бесплатного профессионального перевода за счет публичных средств.

Сравнительные исследования показывают, что нормативное признание языковых прав еще не гарантирует устойчивого сервиса. А. Мартинес

Гомес, исследовавшая пенитенциарные системы с существенной долей заключенных иностранного происхождения, выявила широкое использование специальных памяток, сотрудников, владеющих иностранными языками, и других заключенных в качестве естественных посредников при ограниченной доступности профессионалов [17, р. 233 259]. В последующем исследовании языковой политики сорока пенитенциарных систем она предложила оценивать их по полноте охватываемых ситуаций и по набору используемых инструментов; наиболее комплексные системы сочетают правовые предписания, организационные протоколы, письменные переводы и доступ к профессиональному устному переводу [18, р. 151 172]. Эти данные подтверждают, что единичная декларация права на переводчика без процедуры выявления потребности, заказа услуги и контроля качества остается недостаточной.

Сопоставление европейского и восточноазиатского опыта, проведенное Ю. А. Кашубой и Т. С. Хван, показывает самостоятельное значение не только перевода, но и не опосредованных переводчиком средств преодоления языкового барьера: языковых курсов, справочников, схем и изображений, позволяющих сообщить основные правила и последовательность действий [19, с. 98 107]. Такие средства особенно полезны при первичном ориентировании и многократном использовании типовой информации. Вместе с тем их функция является дополнительной: памятка или пиктограмма не способна заменить диалог, когда требуется выяснить индивидуальные обстоятельства, получить осознанное согласие либо проверить, правильно ли человек понял последствия решения.

Привлечение содержащихся лиц в качестве переводчиков может временно облегчать бытовое общение, но не должно становиться основой государственной системы. Исследование девятнадцати интервью, проведенных с участием заключенных переводчиков, показало отклонения от требований точности, беспристрастности и конфиденциальности, обусловленные недостатком компетентности, отношениями внутри тюремного сообщества и стремлением изменить представление администрации о собеседнике [20, р. 174 193]. В условиях фактической иерархии сокамерник может скрыть информацию, потребовать вознаграждение, усилить давление или получить доступ к медицинской и юридической тайне. Деонтологическое исследование Л. Байшаули Олмоса также показывает, что пенитенциарный перевод требует особого понимания профессиональных ролей, конфиденциальности и институционального давления [21]. Следовательно, другой содержащийся человек может использоваться только для низко-

рискового повседневного общения либо в неотложной ситуации до прибытия специалиста; при дисциплинарных, медицинских, юридических и конфиденциальных контактах такая замена недопустима.

Для целей правового регулирования зарубежный материал целесообразно рассматривать не через фиксированное число национальных моделей, а через функцию перевода в конкретном правоотношении. При дисциплинарном разбирательстве и рассмотрении вопроса, способного изменить условия или продолжительность содержания, перевод обеспечивает участие лица в процедуре и возможность защиты. В медицинской коммуникации он служит условием осознанного согласия и достоверного сообщения симптомов. При направлении жалобы перевод открывает доступ к механизму контроля, а при первоначальном информировании позволяет человеку понять обязательные правила поведения. Интенсивность обязанности государства должна зависеть от юридических последствий ошибки и возможности впоследствии ее исправить: чем серьезнее и менее обратимы последствия, тем выше требования к квалификации, независимости, конфиденциальности и документированию услуги. Такой функциональный анализ не привязывает готовое решение к отдельной стране и позволяет непосредственно определить содержание российского минимального стандарта [18, р. 151 172; 16].

С. Н. Овчинников обращает внимание на потенциал видеодистанционного перевода как способа сократить время ожидания специалиста и расходы на его доставку в учреждение [1, с. 182 183]. Для России с ее территориальной протяженностью данная форма особенно значима при редких языках и нахождении учреждения вдали от крупных городов. Дистанционный формат, однако, должен считаться способом присутствия профессионального переводчика, а не пониженным стандартом услуги. Необходимы устойчивый защищенный канал, помещение, обеспечивающее слышимость и конфиденциальность, возможность видеть участников при жестовом переводе, проверка личности и полномочий специалиста, а также резервный порядок при техническом сбое. Очное участие следует сохранять, если состояние здоровья, особенности речи, конфликтная ситуация либо сложность материала не позволяют надежно общаться дистанционно.

При использовании машинного перевода решающее значение имеет не вид программного продукта, а юридическая цена возможной ошибки. Автоматизированный результат допустим как вспомогательный черновик, если сообщение носит нейтральный бытовой характер, может быть

без труда проверено и его повторная передача не ухудшает положение лица. Если же текст выражает согласие на медицинское вмешательство, объяснение по дисциплинарному обвинению, жалобу, отказ от права или сведения, влияющие на режим и освобождение, сообщение должно переводиться человеком. Дополнительно требуется оценивать конфиденциальность: направление медицинских, адвокатских или иных охраняемых законом сведений во внешний цифровой сервис без установленного режима обработки данных недопустимо. Следовательно, правовое регулирование должно исходить из последствий и обратимости ошибки, а не признавать машинный перевод универсальной заменой специалиста.

Предлагаемый минимальный стандарт языковой доступности целесообразно строить как последовательную процедуру. При поступлении сотрудник учреждения обязан выяснить предпочитаемый язык, способность понимать устную и письменную речь, потребность в русском жестовом языке или иных средствах коммуникации. Результат фиксируется в личном деле и доступен сотрудникам, принимающим юридически значимые решения. Проверка не должна ограничиваться вопросом «говорите ли вы по русски»: требуется короткая функциональная оценка понимания прав, последствий решений и специальной лексики. Отказ лица от переводчика допустим только после разъяснения права на понятном ему языке, должен быть добровольным, конкретным для соответствующей ситуации и документально зафиксированным; общий отказ «на весь период содержания» не может считаться действительным.

Следующий элемент стандарта - распределение коммуникативных ситуаций по степени риска. Высокий риск должен влечь обязательное участие независимого квалифицированного переводчика. К среднему риску относятся социальная работа, образование, подготовка к освобождению и сложные режимные разъяснения; здесь возможен профессиональный дистанционный перевод либо предварительно переведенные материалы с возможностью задать уточняющие вопросы. Низкий риск охватывает обычные бытовые просьбы, для которых допустимы многоязычные памятки, пиктограммы, двуязычный персонал и проверенные цифровые средства. Такая дифференциация одновременно обеспечивает права и позволяет рационально использовать бюджет, не превращая требование языковой доступности в невыполнимую обязанность переводить каждую реплику.

Правовой статус специалиста должен включать подтвержденное владение рабочими языками, компетентность в конкретной сфере, независимость, конфиденциальность, право задавать

уточняющие вопросы, доступ к необходимым материалам и обязанность сообщить о конфликте интересов или невозможности обеспечить точность. Для русского жестового языка следует учитывать действующий профессиональный стандарт. Учреждению необходим доступ к актуальным сведениям об очных и дистанционных переводчиках, их рабочих языках, специализации и времени доступности, причем установленный порядок не должен препятствовать экстренному привлечению компетентного лица по редкому языку. Расходы в обязательных случаях должны возлагаться на государство: платежеспособность содержащегося лица и готовность консульства оплатить услугу не могут определять объем его основных прав.

Организационное решение должно начинаться с четкого распределения ответственности внутри учреждения. Руководитель либо назначенный им координатор обязан обеспечить первичную фиксацию языковой потребности, определить маршрут заявки, контролировать установленный срок подключения специалиста и организовать резервный канал для неотложных случаев. В заявке должны указываться язык, предмет и предполагаемая продолжительность коммуникации, требуемая специализация, формат участия и режим конфиденциальности. Способ закупки услуги может определяться на региональном или ведомственном уровне, однако он не должен переносить юридическую ответственность с администрации учреждения на поставщика. Аналогичная управленческая логика выражена в Language Access Plan Министерства юстиции США, который связывает доступность перевода с назначением координаторов, сбором данных о языковых потребностях, обучением сотрудников, переводом жизненно важных документов, рассмотрением жалоб и периодической оценкой качества [22].

Контроль качества не может сводиться к факту подключения специалиста. В документах необходимо фиксировать язык, способ перевода, данные переводчика, время начала и окончания, наличие технических сбоев, разъяснение конфиденциальности и замечания участников. Содержащемуся лицу должна быть доступна процедура заявления о непонимании или существенной ошибке без неблагоприятных последствий. Если перевод отсутствовал в высокорисковой ситуации, соответствующее решение не должно исполняться до устранения нарушения, кроме мер, объективно необходимых для немедленного предотвращения вреда. Результаты контроля целесообразно включать в предмет прокурорского надзора, ведомственного контроля и общественного контроля, осуществляемого общественными наблюдательными комиссиями.

Законодательное оформление предлагаемого подхода возможно на двух уровнях. В Федеральном законе № 76 ФЗ следует закрепить общий принцип языковой и коммуникационной доступности для всех лиц в местах принудительного содержания, право получать юридически значимую информацию и выражать волю на понятном языке, а также обязанность администрации бесплатно обеспечивать квалифицированного переводчика в установленных законом случаях. Отраслевые законы - УИК РФ, Федеральные законы № 103 ФЗ и № 67 ФЗ, законодательство о специальных учреждениях для иностранных граждан, психиатрической помощи и профилактике безнадзорности несовершеннолетних - должны конкретизировать перечень обязательных ситуаций, процедуру оценки потребности и последствия отказа. Ведомственные акты должны регулировать заявку, сроки, дистанционное подключение, учет услуги, защиту информации и контроль качества.

Особого уточнения требует часть 5 статьи 12 УИК РФ. Сохранение открытой формулы «в необходимых случаях» возможно лишь при наличии законодательно закреплённого минимального перечня, который администрация не вправе сокращать. В него следует включить первоначальное разъяснение прав и условий отбывания наказания; дисциплинарное производство; медицинскую коммуникацию, связанную с согласием, диагнозом, лечением и неотложными состояниями; конфиденциальную юридическую помощь; подготовку и рассмотрение жалоб; судебное разрешение вопросов исполнения приговора; решения о переводе между учреждениями, изменении режима и освобождении. В иных ситуациях необходимость определяется на основании функциональной оценки, причем мотивированный отказ в переводе должен быть зафиксирован и доступен для обжалования.

Предлагаемое регулирование не означает создания привилегии по признаку языка. Формальное одинаковое обращение с человеком, понимающим распоряжение, и человеком, который объективно не способен его понять, воспроизводит неравенство. Перевод представляет собой разумное обеспечительное средство, позволяющее применить к обоим одинаковые правовые требования и гарантии. Одновременно доступность перевода отвечает интересам учреждения: снижает риск конфликтов и членовредительства, повышает осознанное соблюдение режима, улучшает диагностику заболеваний, уменьшает количество дефектных дисциплинарных решений и делает жалобы более предметными.

Проведенное исследование позволяет сформулировать итоговые выводы. Во первых, предо-

ставление услуг переводчика в местах принудительного содержания является межотраслевой гарантией, содержание которой не исчерпывается уголовным или административным процессом. Во вторых, российское законодательство закрепляет отдельные сильные гарантии, прежде всего в статье 12 УИК РФ и правилах специальных учреждений для иностранных граждан, однако не обеспечивает единого подхода ко всем местам, перечисленным в статье 2 Федерального закона № 76 ФЗ. В третьих, юридическим основанием перевода должна служить фактическая неспособность полноценно понять или сообщить значимую информацию, а не только иностранное гражданство или полное незнание русского языка. В четвертых, обязательный профессиональный перевод необходим в высокорисковых медицинских, дисциплинарных, юридических и связанных с безопасностью ситуациях; использование других содержащихся лиц и машинных систем здесь недопустимо в качестве полноценной замены. В пятых, организационный порядок должен закреплять ответственность конкретного учреждения, процедуру выявления языковой потребности, сроки заказа услуги, требования к конфиденциальности, резервный канал связи и проверяемые показатели качества; способ закупки услуг имеет вспомогательное значение. В шестых, общий минимальный стандарт языковой и коммуникационной доступности следует закрепить в Федеральном законе № 76 ФЗ и детализировать в отраслевом законодательстве и ведомственных актах. Реализация этих мер позволит перевести право на переводчика из сферы ситуативного административного усмотрения в систему проверяемых юридических обязанностей государства.

Список литературы:

- [1] Овчинников, С. Н. Институт пенитенциарного перевода в отечественной и мировой практике / С. Н. Овчинников // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 5. - С. 181-183.
- [2] Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2008. - № 24. - Ст. 2789.
- [3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет портал правовой информации. - URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 27.07.2026).

[4] Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 52, ч. 1. - Ст. 4921.

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1, ч. 1. - Ст. 1.

[6] Камардина, А. А. Участие переводчика в стадии исполнения приговора / А. А. Камардина // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2013. - № 3 (152). - С. 84-87.

[7] Уголовно исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 2. - Ст. 198.

[8] Кашуба, Ю. А. Переводчик как иной участник уголовно исполнительных правоотношений / Ю. А. Кашуба, Т. С. Хван // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2018. - № 28. - С. 59-67. - DOI 10.17223/22253513/28/5.

[9] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 29. - Ст. 2759.

[10] О порядке отбывания административно-го ареста : Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 17. - Ст. 2034.

[11] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3032.

[12] Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 2, ч. 1. - Ст. 130.

[13] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 48. - Ст. 4563.

[14] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении

обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/175. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/175> (дата обращения: 27.07.2026).

[15] Recommendation CM/Rec(2006)2 rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules : adopted on 11 January 2006 and revised on 1 July 2020. - URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809e581 (accessed: 27.07.2026).

[16] Recommendation CM/Rec(2012)12 of the Committee of Ministers to member States concerning foreign prisoners : adopted on 10 October 2012. - URL: https://www.coe.int/en/web/prison/conventions_recommendations (accessed: 28.07.2026).

[17] Martínez Gómez, A. Interpreting in prison settings: An international overview / A. Martínez Gómez // Interpreting. - 2014. - Vol. 16, no. 2. - P. 233-259. - DOI 10.1075/intp.16.2.05mar.

[18] Martínez Gómez, A. Language, translation and interpreting policies in prisons: Protecting the rights of speakers of non official languages / A. Martínez Gómez // International Journal of the Sociology of Language. - 2018. - No. 251. - P. 151-172. - DOI 10.1515/ijsl.2018.0008.

[19] Кашуба, Ю. А. Зарубежный опыт преодоления языкового барьера в местах заключения / Ю. А. Кашуба, Т. С. Хван // Вестник Восточно Сибирского института МВД России. - 2022. - № 1 (100). - С. 98-107. - DOI 10.55001/23123184.2022.99.21.009.

[20] Martínez Gómez, A. Criminals interpreting for criminals: breaking or shaping norms? / A. Martínez Gómez // The Journal of Specialised Translation. - 2014. - No. 22. - P. 174-193. - DOI 10.26034/cm.jostrans.2014.369..

[21] Baixauli Olmos, L. Public Service Interpreting from an Ethical Perspective: Professional Deontology and Its Application to the Penitentiary Setting / L. Baixauli Olmos // New Voices in Translation Studies. - 2013. - Vol. 9, no. 1. - DOI 10.14456/nvts.2013.18.

[22] United States Department of Justice Language Access Plan. August 2023. - URL: https://www.justice.gov/open/language_access_plan.pdf (accessed: 28.07.2026).

References:

[1] Ovchinnikov, S. N. Institute of Penitentiary Translation in Domestic and World Practice/ S. N. Ovchinnikov // Gaps in Russian legislation. - 2018. - № 5. - S. 181-183.

[2] On public control over the provision of human rights in places of detention and on assistance to

persons in places of detention: Federal Law of June 10, 2008 No. 76 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2008. - № 24. - Art. 2789.

[3] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet portal of legal information. - URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (access date: 27.07.2026).

[4] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52, part 1. - Art. 4921.

[5] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 195 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1, part 1. - Art. 1.

[6] Kamardina, A. A. Participation of the translator in the execution stage/A. A. Kamardina // Bulletin of Orenburg State University. - 2013. - № 3 (152). - S. 84 87.

[7] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of January 8, 1997 No. 1 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1997. - № 2. - Art. 198.

[8] Kashuba, Yu. A. Translator as another participant in criminal executive relations/Yu. A. Kashuba, T. S. Khwan // Bulletin of Tomsk State University. Right. - 2018. - № 28. - S. 59 67. - DOI 10.17223/22253513/28/5.

[9] On the detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law of July 15, 1995 No. 103 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1995. - № 29. - Art. 2759.

[10] On the procedure for serving administrative arrest: Federal Law of April 26, 2013 No. 67 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2013. - № 17. - Art. 2034.

[11] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115 FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. - № 30. - Art. 3032.

[12] On approval of the Rules for detention (stay) in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation or its territorial body of foreign citizens and stateless persons subject to administrative expulsion from the Russian Federation in the form of forced expulsion from the Russian Federation, deportation or readmission: Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2013 No. 1306 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 2, part 1. - Art. 130.

[13] On the social protection of persons with

disabilities in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995 No. 181 FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1995. - № 48. - Art. 4563.

[14] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules): adopted by UN General Assembly Resolution No. 70/175 of December 17, 2015. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/175> (access date: 27.07.2026).

[15] Recommendation CM/Rec(2006)2 rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules : adopted on 11 January 2006 and revised on 1 July 2020. - URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809e581 (accessed: 27.07.2026).

[16] Recommendation CM/Rec(2012)12 of the Committee of Ministers to member States concerning foreign prisoners : adopted on 10 October 2012. - URL: https://www.coe.int/en/web/prison/conventions_recommendations (accessed: 28.07.2026).

[17] Martínez Gómez, A. Interpreting in prison settings: An international overview / A. Martínez Gómez // Interpreting. - 2014. - Vol. 16, no. 2. - P. 233 259. - DOI 10.1075/intp.16.2.05mar.

[18] Martínez Gómez, A. Language, translation and interpreting policies in prisons: Protecting the rights of speakers of non official languages / A. Martínez Gómez // International Journal of the Sociology of Language. - 2018. - No. 251. - P. 151 172. - DOI 10.1515/ijsl.2018.0008.

[19] Kashuba, Yu. A. Foreign experience of overcoming the language barrier in places of detention/Yu. A. Kashuba, T. S. Khvan // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - № 1 (100). - S. 98 107. - DOI 10.55001/2312.3184.2022.99.21.009.

[20] Martínez Gómez, A. Criminals interpreting for criminals: breaking or shaping norms? / A. Martínez Gómez // The Journal of Specialised Translation. - 2014. - No. 22. - P. 174 193. - DOI 10.26034/cm.jostrans.2014.369..

[21] Байшаули Олмос, Л. Интерпретация государственной службы с этической точки зрения: профессиональная деонтология и ее применение в пенитенциарных учреждениях/Л. Байшаули Олмос // Новые голоса в переводческих исследованиях. - 2013. - Том 9, № 1. - DOI 10.14456/nvts.2013.18.

[22] План языкового доступа Министерства юстиции США. Август 2023 года. - URL: https://www.justice.gov/open/language_access_plan.pdf (accessed: 28.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-790-794

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского
права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

ОДОРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы применения одорологических исследований (криминалистической одорологии) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Авторы анализируют научную обоснованность методов исследования запаховых следов, процессуальный статус результатов одорологической экспертизы, а также дискуссионные вопросы допустимости данных доказательств. Отдельное внимание уделяется проблеме объективизации результатов исследования с использованием биодетекторов (собак-детекторов), разграничению кинологической выборки и судебной ольфакторной экспертизы, а также оценке результатов одорологического исследования по критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования и методического обеспечения одорологических исследований.

Ключевые слова: криминалистическая одорология, запаховые следы, ольфакторная экспертиза, доказательства, уголовный процесс, биодетектор, кинологическая выборка, допустимость доказательств.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St.
Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

ODOROLOGICAL RESEARCH: PROBLEMS OF USE WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the current problems of applying odorological research (forensic odorology) in criminal proceedings of the Russian Federation. The authors analyze the scientific validity of methods for studying odor traces, the procedural status of the results of odorological examination, as well as controversial issues of the admissibility of such evidence. Special attention is paid to the problem of objectifying research results using biodetectors (detector dogs), the distinction between canine sampling and forensic olfactory examination, and the evaluation of the results of odorological research according to the criteria of relevance, admissibility, reliability and sufficiency. Proposals for improving legal regulation and methodological support of odorological research are formulated.

Key words: forensic odorology, odor traces, olfactory examination, evidence, criminal procedure, biodetector, canine sampling, admissibility of evidence.

Развитие криминалистической науки неразрывно связано с расширением арсенала средств и методов обнаружения, фиксации и исследования следов преступления. Одним из наиболее дискуссионных направлений остается криминалистическая одорология – отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности образования запаховых следов человека и разрабатывающая методы их использования в целях раскрытия и расследования преступлений [1].

Актуальность темы обусловлена тем, что запаховые следы человека обладают высокой индивидуализирующей способностью, а также относительной устойчивостью и способностью сохраняться на объектах длительное время. Показательно, что ежегодно в Российской Федерации проводится около двух тысяч одорологических судебных экспертиз, и отмечается постоянный рост числа таких исследований [13, с. 66]. Вместе с тем, несмотря на почти полувековую историю развития отечественной одорологии, вопрос о процессуальной допустимости результатов одорологических исследований до настоящего времени не получил однозначного разрешения ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике [2].

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного числа работ, посвященных как теоретическим основам одорологии (В.А. Старовойтов, Т.Н. Шамонова, К.Т. Сулимов, П.Б. Панфилов), так и критическому анализу ее доказательственного значения (М.М. Ардавов, А.В. Сурцев, А.В. Хмелева). Однако появление новых методических подходов и продолжающаяся полемика о научной верифицируемости результатов требуют дальнейшего осмысления [3].

Целью настоящей статьи является выявление и системный анализ проблем, возникающих при использовании результатов одорологических исследований в уголовном процессе, а также разработка предложений по их разрешению.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить научно-методологические основы криминалистической одорологии; проанализировать процессуальный статус результатов ольфакторной экспертизы; разграничить понятия «кинологическая выборка» и «судебная экспертиза запаховых следов человека»; выявить основные аргументы сторонников и противников использования данных доказательств; сформулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-пра-

вовой и системно-структурный.

Криминалистическая одорология базируется на положении о том, что запах человека индивидуален и относительно постоянен на протяжении определенного периода жизни. Носителем индивидуального запаха выступают продукты метаболизма, выделяемые с потом и иными секретами [4]. Современная методика ольфакторного исследования предполагает изъятие запаховых проб с объектов-носителей, их консервацию и последующее сравнительное исследование с использованием собак-детекторов, выполняющих функцию биологического анализатора [5].

Ключевой особенностью метода является использование в качестве средства исследования живого организма, что порождает основную проблему – вопрос о верифицируемости и воспроизводимости получаемых результатов. Сторонники метода указывают на применение специальных методических приемов (эталонные ряды, контрольные пробы, дублирование выборки несколькими животными), позволяющих минимизировать субъективный фактор и исключить случайную сигнальную реакцию биодетектора [6].

Следует подчеркнуть, что ольфакторная экспертиза основана на специальных знаниях в области криминалистики, теории судебной экспертизы, зоологии, зоопсихологии, а также на современных химико-аналитических и физико-химических методах. При интерпретации комплекса сигналов биодетекторов эксперт использует аппарат математической логики и определяет необходимые и достаточные основания для выводов [11, с. 23; 12, с. 23]. Как отмечают М.М. Ардавов и А.В. Сурцев, процессом исследования руководит эксперт, который контролирует соответствие получаемых данных, препарирует объект посредством выявления его ольфакторных свойств, а также перепроверяет, воспроизводит и анализирует получаемые результаты [12, с. 23].

В соответствии со статьей 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются предметы, которые сохранили на себе следы преступления, а также иные предметы и документы, способные служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Как справедливо отмечается в юридической литературе, следы-источники запаха в уголовном судопроизводстве обладают процессуальным статусом вещественных доказательств, несмотря на то что участники дела не могут непосредственно воспринять данные следы; на них в полной мере распространяется действие статей 81 и 82 УПК РФ [12, с. 328].

Аргумент о невозможности признания молекул запаха вещественным доказательством по

причине их недоступности для непосредственного восприятия следствием и судом убедительно опровергается в криминалистической науке. Р.С. Белкин отмечал, что восприятию недоступны и иные микрообъекты, доказательственная ценность которых никем не отрицается; в принципе недоступны «свойства и сами молекулы» любого предмета, за исключением случаев, когда эти свойства проявляются вовне, при этом доказательственную ценность имеют именно такие «внутренние» свойства, например тип и группа крови [12, с. 329–330].

При этом любое доказательство, включая результаты одорологического исследования, подлежит оценке судом с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Отсутствие какого-либо из указанных элементов исключает возможность всестороннего рассмотрения дела [12, с. 328]. Как обоснованно указывается в литературе, одорологическая экспертиза не может быть более или менее достоверной, чем иные доказательства, поскольку ошибочными могут оказаться результаты любой экспертизы, равно как и показания допрашиваемых лиц или вещественные доказательства, подвергшиеся фальсификации [12, с. 328–329].

Одной из центральных проблем является определение процессуальной формы, в которую облекаются результаты одорологического исследования. В научной литературе высказываются различные позиции: одни авторы рассматривают такое исследование как самостоятельный вид судебной экспертизы (ольфакторной), результаты которой оформляются заключением эксперта; другие относят его к оперативно-розыскной деятельности, имеющей лишь ориентирующее значение [7].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого регулирования данного вопроса. Вместе с тем практика экспертно-криминалистических подразделений исходит из того, что при соблюдении надлежащей методики исследование может проводиться в форме судебной экспертизы. Однако суды нередко относятся к таким заключениям с осторожностью, оценивая их в совокупности с иными доказательствами [8].

Представляется, что признание результатов ольфакторного исследования доказательством возможно лишь при соблюдении требований статьи 88 УПК РФ о допустимости, что предполагает надлежащее процессуальное оформление изъятия запаховых проб, их консервацию, а также соблюдение научно обоснованной методики исследования.

Существенной проблемой правоприменения

является смешение понятий «кинологическая выборка» и «судебно-биологическая экспертиза запаховых следов человека», различий между которыми не всегда осознают практические работники [12, с. 330]. Между тем эти методы имеют принципиально различный процессуальный статус.

Кинологическая выборка представляет собой оперативно-розыскное мероприятие, проводимое с использованием специально обученных собак; ее результаты зависят от профессионализма кинолога и умений животного и не обладают самостоятельным доказательственным значением, а могут служить лишь ориентирующей информацией для дальнейших действий [12, с. 330]. Напротив, экспертиза запаховых следов человека является процессуальным действием, проводится экспертом на пахучих пробах, извлеченных из следов-источников запаха, а также на сравнительных образцах, и оформляется заключением эксперта, которое может использоваться в суде в качестве доказательства [12, с. 330].

Данное разграничение имеет принципиальное значение, поскольку критика надежности идентификации запахов собаками, основанная на экспериментальных данных о действиях животного по принципу наибольшего сходства, относится прежде всего к кинологической выборке, а не к экспертному исследованию, проводимому по научно обоснованной методике с системой контрольных мероприятий [12, с. 330].

Критики одорологического метода указывают на ряд существенных недостатков. Во-первых, отсутствие возможности объективного контроля за реакцией собаки-детектора и невозможность полной формализации результатов [9]. Во-вторых, сохраняющиеся сомнения в научной обоснованности метода, что вступает в противоречие с общими требованиями к достоверности экспертных исследований. В-третьих, риск нарушения прав обвиняемого в случае необоснованного придания доказательственного значения результатам, полученным с использованием биодетектора [10].

Вместе с тем, как отмечает Е.Р. Россинская, одорологическая экспертиза использует научно обоснованные и апробированные экспертные методики, а неприятие данной экспертизы нередко основывается на поверхностном изучении уставших научных трудов; при этом ряд ученых, ранее негативно настроенных к данному методу, отказываются от прежних представлений под влиянием новых научных аргументов [11, с. 23; 12, с. 329]. Показательно, что подготовка собак-детекторов является техническим вопросом, а руководство процессом исследования осуществляет эксперт, что опровергает распространенное среди отдельных процессуалистов мнение о зависимости

результата от «настроения» животного [12, с. 329].

Сторонники метода отмечают также, что современные методические разработки, предусматривающие многоступенчатую систему контрольных мероприятий, позволяют существенно повысить достоверность результатов. Заслуживает внимания и тот факт, что выводы, полученные в результате ольфакторных исследований, ни разу не были признаны судебными инстанциями недопустимыми в качестве доказательств [12, с. 330].

Одорологический метод обладает и рядом практических преимуществ: методы изъятия запаховых следов являются неразрушающими; исследование относительно недорого по сравнению, например, с ДНК-анализом; отличается сравнительно быстрыми сроками проведения; в ряде случаев способно решать идентификационные задачи, недоступные генотипоскопической экспертизе, в том числе при исследовании следов монозиготных близнецов [12, с. 329]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что отказ от использования одорологической экспертизы способен негативно сказаться на эффективности расследования преступлений [12, с. 330–331].

Представляется, что решение проблемы лежит в плоскости стандартизации методики исследования и ее государственной валидации. Именно отсутствие единого утвержденного методического стандарта, прошедшего научную апробацию, является основным препятствием для широкого признания результатов одорологических исследований в качестве полноценных доказательств [12].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Криминалистическая одорология обладает значительным потенциалом как средство получения криминалистически значимой информации, однако использование ее результатов в доказывании сопряжено с рядом нерешенных проблем правового и методического характера.

Основными проблемными аспектами являются: отсутствие законодательного закрепления процессуального статуса ольфакторного исследования; дискуссионность вопроса о научной верифицируемости метода; недостаточная объективизация результатов исследования, обусловленная использованием биодетектора; смешение в правоприменительной практике кинологической выборки и судебной экспертизы запаховых следов; отсутствие единого стандартизированного и валидированного методического обеспечения.

На основании проведенного исследования представляется целесообразным сформулировать ряд предложений. Во-первых, необходима разработка и государственная валидация единой методики одорологического исследования с за-

креплением перечня обязательных правовых, организационных и методических мероприятий на нормативном уровне, что обеспечит воспроизводимость и проверяемость его результатов [12, с. 330]. Во-вторых, требуется закрепление процессуального статуса ольфакторной экспертизы, в том числе путем разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и включения соответствующих положений в подзаконные акты, регулирующие судебно-экспертную деятельность. В-третьих, до окончательного разрешения вопроса о научной обоснованности метода результаты одорологических исследований должны оцениваться судом с особой осторожностью, преимущественно в совокупности с иными доказательствами. В-четвертых, перспективным направлением снятия сомнений в достоверности метода является развитие естественно-научных методов и создание электронных устройств-детекторов запаха, способных объективизировать процесс исследования.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность использования одорологических исследований при одновременном обеспечении гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] Шамонова Т.Н. Криминалистическое исследование запаховых следов человека: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 3. — С. 194–198.
- [2] Моисеева Т.Ф. Ольфакторные (запаховые) следы человека: возможности использования в раскрытии и расследовании преступлений // Судебная экспертиза. — 2020. — № 2 (62). — С. 45–53.
- [3] Панфилов П.Б. Проблемы использования запаховых следов человека в судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы. — 2021. — Т. 16, № 1. — С. 62–70.
- [4] Старовойтов В.И., Гриценко В.В. Криминалистическое исследование запаховых следов человека: научные основы и методические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 4. — С. 200–205.
- [5] Сулимов К.Т., Старовойтов В.И. Методология криминалистической одорологии // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 6. — С. 141–150.
- [6] Волченков В.В. Проблемы объективизации результатов одорологического исследования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — № 1 (21). — С. 88–96.
- [7] Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судопроизводстве в условиях цифровизации // Вестник Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 15–24.

[8] Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: проблемы теории и практики применения. — М.: Норма, 2021. — 320 с.

[9] Комиссарова Я.В. Дискуссионные вопросы допустимости заключения эксперта в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2020. — № 4 (51). — С. 112–120.

[10] Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2020. — 480 с.

[11] Бахтеев Д.В. Использование нетрадиционных методов исследования в криминалистике: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. — 2022. — № 2. — С. 34–42.

[12] Ардавов М.М., Сурцев А.В. Использование результатов одорологического исследования и ее доказательственное значение в уголовном процессе // Право и управление. — 2023. — № 10. — С. 327–332.

[13] Хмелева А.В. Значение экспертизы запахов следов человека в доказывании по уголовным делам (по результатам обобщения следственной практики) // Глаголь правосудия. — 2019. — № 4 (22). — С. 64–68.

References:

[1] Shamonova T.N. Forensic study of human odor traces: problems of theory and practice // Bulletin of Economic Security. — 2021. — № 3. - S. 194-198.

[2] Moiseeva T.F. Olfactory (odor) traces of a person: possibilities of use in the disclosure and investigation of crimes // Forensic examination. — 2020. — № 2 (62). - S. 45-53.

[3] Panfilov P.B. Problems of using scent traces of a person in legal proceedings // Theory and practice of forensic examination. — 2021. - T. 16, NO. 1. - S. 62-70.

[4] Starovoitov V.I., Gritsenko V.V. Forensic study of human odor traces: scientific foundations and methodological aspects // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 4. - S. 200-205.

[5] Sulimov K.T., Starovoitov V.I. Methodology of forensic odorology // Actual problems of Russian law. — 2021. — № 6. - S. 141-150.

[6] Volchenkov V.V. Problems of objectifying the results of odorological research // Forensics: yesterday, today, tomorrow. — 2022. — № 1 (21). - S. 88-96.

[7] Rossinskaya E.R. Problems of using special knowledge in legal proceedings in the context of digitalization // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). — 2021. — № 6. - S. 15-24.

[8] Zinin AM, Mailis N.P. Forensic examination: problems of theory and practice of application. - M.: Norma, 2021. - 320 s.

[9] Ya.V. Komissarova. Discussion issues of admissibility of expert opinion in criminal proceedings // Forensic Library. Scientific journal. — 2020. — № 4 (51). - S. 112-120.

[10] T.V. Averyanova. Forensic examination. General theory course. - M.: Norma, 2020. - 480 s.

[11] Bakhteev D.V. The use of non-traditional research methods in forensics: problems and prospects // Russian law: education, practice, science. — 2022. — № 2. - S. 34-42.

[12] Ardavov M.M., Surtsev A.V. Use of the results of odorological research and its evidentiary value in criminal proceedings // Law and management. — 2023. — № 10. - S. 327-332.

[13] Khmeleva A.V. Significance of the examination of odor traces of a person in evidence in criminal cases (based on the results of a generalization of investigative practice) // Glagol justice. — 2019. — № 4 (22). - S. 64-68.

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-795-799

Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

Профессор кафедры гражданского права, д.ю.н., профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova@gmail.com@yandex.ru

**НЕЙРОСЕТИ И ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ
ЖИЗНИ**

Аннотация. В статье исследуются теоретические и правовые аспекты влияния нейросетевых технологий на реализацию конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Показано, что современные нейросети выступают не только инструментом автоматизации аналитических процессов, но и источником качественно новых рисков, связанных с масштабным извлечением, сопоставлением и выводом сведений о личности, её поведении, привычках, круге общения и биометрических характеристиках.

Особое внимание уделяется правовым последствиям обучения нейросетей на массиве персональных данных, проблеме вторичного использования сведений, угрозам деанонимизации, а также рискам возникновения автоматизированной дискриминации и необоснованного профилирования граждан. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, федеральных законов об информации, персональных данных, государственных услугах и биометрической аутентификации, а также доктринальные подходы к защите частной жизни в цифровую эпоху. На основе исследования делается вывод о необходимости выработки специального правового режима применения нейросетей, основанного на принципах законности, пропорциональности, прозрачности и минимизации данных.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, неприкосновенность частной жизни, персональные данные, биометрические данные, цифровизация, автоматизированная обработка, права человека.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,

Professor of the Department of Civil Law, Doctor of Law, Professor
at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

NEURAL NETWORKS AND THE RIGHT TO PRIVACY

Annotation. The article examines the theoretical and legal aspects of how neural network technologies affect the constitutional right to privacy. It shows that modern neural networks are not merely tools for automating analytical tasks, but also a source of qualitatively new risks associated with the large-scale extraction, comparison and inference of information about a person, including behaviour, habits, social ties and biometric characteristics.

Particular attention is paid to the legal consequences of training neural networks on large volumes of personal data, the problem of secondary use of information, the risks of de-anonymisation, and the emergence of automated discrimination and unjustified profiling of citizens. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal laws on information, personal data, public services and biometric authentication, as well as doctrinal approaches to the protection of privacy in the digital age. The study concludes that a special legal regime for neural network use is necessary, based on legality, proportionality, transparency and data minimization.

Key words: neural networks, artificial intelligence, privacy, personal data, biometric data, digitalization, automated processing, human rights.

Цифровая трансформация привела к тому, что значительная часть повседневной активности человека стала оставлять устойчивые информационные следы, которые могут быть собраны, сопоставлены и интерпретированы алгоритмами без непосредственного участия самого субъекта. В условиях, когда нейросети способны выявлять связи между несопоставимыми на первый взгляд фрагментами данных, право на неприкосновенность частной жизни приобретает новое содержание и перестает сводиться только к запрету прямого вмешательства в личную сферу человека [6].

Если традиционное понимание частной жизни строилось вокруг охраны жилища, переписки, семейной тайны и личной автономии, то в цифровую эпоху к этим объектам добавляются поведенческие модели, цифровые профили, прогностические выводы и результаты машинного анализа, которые часто оказываются не менее чувствительными, чем исходные сведения. Именно нейросети позволяют извлекать из больших массивов информации скрытые закономерности, вследствие чего даже обезличенные данные могут быть использованы для повторной идентификации лица или для построения его вероятностного портрета [9].

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что развитие цифровых технологий повышает качество административных, коммерческих и сервисных решений, однако одновременно ослабляет традиционные механизмы контроля над личной информацией. Так, Г.Е. Волкова отмечает, что право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху должно пониматься как право личности сохранять контроль над обращением сведений о себе, а не только как защита от физического проникновения в личное пространство [6].

В настоящей статье нейросети рассматриваются как особый вид интеллектуальных систем, способных не только обрабатывать информацию, но и генерировать выводы, влияющие на юридически значимые решения. Это делает необходимым исследование вопроса о том, при каких условиях использование нейросетей допустимо с точки зрения конституционных гарантий частной жизни, а при каких оно превращается в чрезмерное и несоразмерное вмешательство в сферу личной автономии гражданина.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. Их применение позволило рассмотреть нейросети одновременно как технологический инструмент, как механизм обработки информации и как фактор трансформации правового режима частной жизни.

Нормативную базу исследования составля-

ют Конституция Российской Федерации, закрепляющая право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [1]. Существенное значение имеют Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2-4].

Отдельное место занимает Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ, который регулирует идентификацию и аутентификацию физических лиц с использованием биометрических персональных данных и тем самым закрепляет новую модель правового обращения чувствительной информации о человеке [5]. Именно этот массив норм важен для исследования нейросетей, поскольку современные нейросетевые решения нередко используют биометрические, поведенческие и контекстуальные данные одновременно, формируя многоуровневую цифровую среду наблюдения.

Доктринальная база включает исследования о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху, об алгоритмической дискриминации, о безопасности частной жизни при взаимодействии с генеративным искусственным интеллектом, о влиянии больших данных на частную жизнь, а также о биометрической идентификации в интернете [6]. Сопоставление указанных работ позволило выявить общую тенденцию: риск для частной жизни возрастает не только при прямом сборе данных, но и при их анализе, классификации и выводе скрытых характеристик личности.

Право на неприкосновенность частной жизни в контексте нейросетей следует понимать как совокупность правовых возможностей лица контролировать получение, хранение, анализ, интерпретацию и распространение сведений, относящихся к его личной сфере. В отличие от классических схем обработки информации, нейросеть не просто хранит или передает данные: она строит вероятностные модели поведения, обнаруживает связи и формирует предсказания, которые могут оказывать прямое влияние на доступ к услугам, кредитам, медицинской помощи, образованию и другим благам [7].

Наиболее очевидным источником правового риска является обучение нейросетей на больших массивах данных, включая тексты, изображения, аудиозаписи и видеоматериалы. Даже при наличии заявленной анонимизации пользователь-

ских данных сохраняется возможность повторной идентификации лица через сопоставление цифровых следов, контекстных маркеров и устойчивых поведенческих паттернов. А.П. Иванова справедливо указывает, что в эпоху больших данных традиционные механизмы защиты персональных данных теряют эффективность, поскольку анализ массивов информации сам по себе способен раскрывать сведения, ранее не воспринимавшиеся как конфиденциальные [9].

Для нейросетей особенно характерен феномен вторичного использования данных: сведения, переданные для одной цели, затем применяются для обучения модели, последующего тестирования, улучшения качества сервиса или коммерческой аналитики. При таком подходе согласие субъекта становится формальным и мало что значит, если человек не понимает ни объема собираемых данных, ни реальных направлений их дальнейшего применения. В научной литературе это рассматривается как одна из наиболее острых проблем современной цифровой экономики и как фактор ослабления конфиденциальности [6].

Особую опасность представляют нейросети, работающие с биометрическими данными: изображением лица, голосом, манерой речи, походкой, а в перспективе - с комплексными поведенческими признаками. Федеральный закон № 572-ФЗ создал специальные правила идентификации и аутентификации с использованием биометрии, однако сам по себе не снимает вопроса о допустимости чрезмерного расширения сфер применения таких технологий [5]. Биометрия способна усиливать как удобство сервиса, так и риск необратимого раскрытия личности, а потому требует максимально строгих гарантий доступа, хранения и передачи данных [11].

Нейросети также меняют характер частно-правовых и публично-правовых отношений. Если раньше вмешательство в частную жизнь было связано в основном с незаконным сбором информации или ее разглашением, то сегодня к вмешательству следует относить и автоматизированное профилирование, и скрытое ранжирование пользователей, и создание поведенческих прогнозов. Э. Фаллетти, анализируя алгоритмическую дискриминацию, показывает, что алгоритмы способны воспроизводить и усиливать социальные неравенства, когда решение о человеке принимается на основе статистического сходства, а не его индивидуальных качеств [7].

В связи с этим особое значение приобретает принцип прозрачности. Лицо должно знать не только о самом факте обработки его данных, но и о логике, целях и последствиях применения нейросети. Без такого понимания право на неприкос-

новенность частной жизни превращается в декларацию, не обеспеченную реальным механизмом защиты. Именно поэтому в современных правовых подходах усиливается внимание к оценке алгоритмов, к аудиту моделей и к обязательствам оператора объяснять происхождение юридически значимых выводов [6].

Еще одним направлением риска становится использование нейросетей в системах наблюдения, распознавания лиц и поведенческого анализа. Совмещение видеопотоков, биометрических идентификаторов и массивов дополнительных сведений позволяет создавать практически непрерывный контроль за передвижением и повседневной активностью человека. Такой контроль затрагивает не только право на частную жизнь, но и свободу выражения мнений, свободу собраний и право на автономию личности, поскольку осознание постоянного наблюдения оказывает сдерживающее воздействие на поведение гражданина [10].

Не менее сложной является проблема использования нейросетей в сфере государственных и муниципальных услуг. С одной стороны, автоматизация ускоряет обслуживание и сокращает административные издержки; с другой стороны, ошибка в модели, неверная классификация или некорректный вывод могут привести к отказу в услуге, ограничению доступа к информации либо к необоснованному подозрению в отношении гражданина. В подобных случаях необходимы не только формальные гарантии, но и механизмы человеческого контроля над машинным решением, поскольку именно человек остается носителем прав и обязанностей [4].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, подлежит ли нейросетевая модель как таковая правовой охране или правовому ограничению. На наш взгляд, сама нейросеть не может рассматриваться как субъект права и не должна заслонять собой человека в юридической конструкции. Значение имеет не модель как технический объект, а последствия ее работы: какой объем данных использован, была ли соблюдена законная цель обработки, существует ли минимизация сведений и можно ли оспорить полученный результат [3].

При анализе нейросетей необходимо различать допустимую автоматизацию и недопустимую подмену правового решения машинным выводом. Если нейросеть помогает фильтровать спам, повышать кибербезопасность или обнаруживать технические ошибки, ее применение может быть оправдано. Однако если модель формирует скрытые профили личности, прогнозирует уязвимость, эмоциональное состояние или вероятность поведения без ясного правового основания, возникает риск несоразмерного вмешательства в частную

жизнь, которое не может быть признано допустимым только на том основании, что оно удобно для оператора [8].

Т.А. Костылева и А.М. Кондаков, исследуя цифровую идентичность, убедительно показали, что цифровой профиль формируется как совокупность идентификационных и поведенческих данных, а значит, любые технологии, усиливающие профилирование человека, должны оцениваться через призму прав личности на контроль над собственной цифровой проекцией [6]. Этот вывод полностью применим и к нейросетям, поскольку именно они наиболее активно конструируют вероятностные образцы поведения и тем самым создают новую форму влияния на личную сферу.

Правовой режим в рассматриваемой сфере должен строиться на нескольких базовых принципах: законность обработки, ограничение целей, минимизация данных, прозрачность алгоритмов, недопустимость скрытого сопоставления сведений и наличие эффективной процедуры обжалования решений, основанных на нейросетевом анализе. В противном случае право на неприкосновенность частной жизни будет существовать лишь формально, а реальный контроль над сведениями о человеке перейдет к владельцам платформ, разработчикам моделей и операторам данных [9].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что нейросети являются одним из наиболее значимых факторов трансформации права на неприкосновенность частной жизни в XXI веке, поскольку они позволяют не только собирать и хранить сведения, но и извлекать из них новые, ранее скрытые характеристики личности.

Главная правовая проблема состоит в том, что нейросети способны работать с массивами данных таким образом, что граница между публичной и частной информацией становится все менее определенной, а потому традиционные механизмы охраны конфиденциальности нуждаются в существенном обновлении.

Нейросетевые технологии допустимы при условии строгого соблюдения принципов законности, пропорциональности, минимизации, прозрачности и подотчетности, а также при наличии эффективных процедур контроля и обжалования машинных решений, затрагивающих права граждан.

В целях совершенствования законодательства представляется необходимым закрепить специальные требования к обучению и эксплуатации нейросетей, которые обрабатывают персональные и биометрические данные, установить обязанность информирования граждан о целях и логике анализа сведений, а также предусмотреть действенные санкции за скрытое профилирование и неправомерное вторичное использование

информации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

[4] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[5] Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

[6] Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 174–180.

[7] Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 387–420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16.

[8] Титов М.Д., Назаров Д.М. Безопасность частной жизни человека при взаимодействии с генеративным искусственным интеллектом // Современные инновации, системы и технологии. 2023. Т. 3, № 4. С. 342–348. DOI: 10.47813/2782-2818-2023-3-4-0342-0348..

[9] Иванова А.П. Большие данные и право на неприкосновенность частной жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. 2024. № 4. С. 149–163. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.12..

[10] Кузнецова С.С., Мочалов А.Н., Саликов М.С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного

университета. 2022. № 476. С. 257–267. DOI: 10.17223/15617793/476/28..

[11] Смирнова Я.В. Проблемы обеспечения права на охрану частной жизни при обработке биометрических данных в Европейском союзе // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 183–192. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.183-192..

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. № 237; Russian newspaper. 2020. July 4th. № 144.

[2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3451.

[4] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4179.

[5] Federal Law of 29.12.2022 No. 572-FZ "On the Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amending Certain

Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 1 (part I). Art. 19.

[6] Volkova G.E. The right to privacy in the digital age // Philosophy of law. 2022. № 4 (103). S. 174-180.

[7] Falletti E. Algorithmic Discrimination and Privacy Protection // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1, NO. 2. S. 387-420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16.

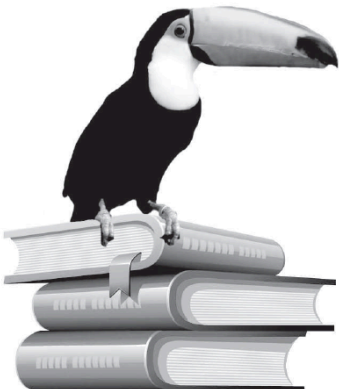
[8] Titov M.D., Nazarov D.M. Security of human privacy in interaction with generative artificial intelligence // Modern innovations, systems and technologies. 2023. T. 3, NO. 4. S. 342-348. DOI: 10.47813/2782-2818-2023-3-4-0342-0348..

[9] Ivanova A.P. Big Data and the Right to Privacy // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature: IAZH. Ser. State and law. 2024. № 4. S. 149-163. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.12..

[10] Kuznetsova S.S., Mochalov A.N., Salikov M.S. Biometric identification on the Internet: trends in legal regulation in Russia and abroad // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. PP. 257-267. DOI: 10.17223/15617793/476/28..

[11] Smirnova Y.V. Problems of ensuring the right to privacy when processing biometric data in the European Union // Current problems of Russian law. 2022. T. 17, NO. 10 (143). S. 183-192. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.183-192..

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

БИРЖЕВЫЕ ТОРГИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает правовое регулирование и особенности проведения организованных торгов на биржах. Биржевая торговля не является торговлей, осуществляемой искусственным интеллектом, но искусственный интеллект может применяться на бирже.

Торги на биржах осуществляются с использованием программного продукта (системы торгов), обеспечивающего полную автоматизацию процессов, использование математических моделей и вычислительных мощностей, а также содержащего запрограммированный алгоритм действий при заключении сделок и фиксации их в реестре биржи.

В статье приводится гражданско-правовая регламентация порядка заключения сделок на организованных торгах и рассматривается технологический порядок заключения сделок в системе торгов. В частности указывается, что движок системы торгов (matching engine) определяет совпадение предложений по покупке и продаже, указанных в заявках, и как только максимальная цена покупателя совпадает с минимальной ценой продавца, происходит автоматическое заключение сделок. Функционирование движка системы торгов полностью исключает человеческий фактор: компьютер обрабатывает множество заявок, обеспечивая прозрачное рыночное ценообразование.

В работе рассматривается возможность привлечения искусственного интеллекта к деятельности, связанной с организацией торгов, описывается опыт экспериментальных торгов, проведенных в 2026 году на ПАО Московская биржа с участием искусственного интеллекта – агентов участников торгов.

Автор статьи приходит к выводу о том, что целесообразно привлечение искусственного интеллекта при анализе и оценке неправомерных действий участников торгов в целях минимизации рисков манипулирования финансовым рынком и ненадлежащего использования инсайдерской информации. При этом принятие решения о привлечении к ответственности за незаконные действия должно оставаться за уполномоченными органами бирж и банков, а контроль – за Банком России и Федеральной антимонопольной службой.

Ключевые слова: организованные торги, система торгов, биржа, искусственный интеллект, подача заявок, алгоритмическая торговля, совершение сделок, реестр сделок, противодействие манипулированию на торгах, контроль за ненадлежащим использованием инсайдерской информации.

VILDANOVA Marina Mikhailovna,
PhD in Law, Leading Researcher at the Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of the Russian Federation

STOCK EXCHANGE TRADING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. In this article, the author examines the legal regulation and specifics of organized trading on exchanges. Exchange trading is not artificial intelligence-driven trading, but artificial intelligence can be used on the exchange.

Trading on exchanges is carried out using a software product (trading system) that ensures full automation of processes, the use of mathematical models and computing power, and also contains a programmed algorithm for actions when concluding transactions and recording them in the exchange registry.

This article outlines the civil law regulations governing the procedure for concluding transactions at organized auctions and examines the technological process for concluding transactions within the

auction system. Specifically, it states that the auction system's matching engine determines whether the bids and offers specified in the bids match, and as soon as the buyer's maximum price matches the seller's minimum price, the transactions are automatically concluded.

The trading system's engine completely eliminates the human factor: the computer processes multiple orders, ensuring transparent market pricing.

The paper examines the possibility of involving artificial intelligence in activities related to the organization of trades and describes the experience of experimental trades conducted in 2026 at Moscow Exchange PJSC with the participation of artificial intelligence – agents of trade participants.

The author of the article concludes that it is advisable to use artificial intelligence in the analysis and assessment of illegal actions by trading participants to minimize the risks of financial market manipulation and the improper use of insider information. However, the decision to prosecute for illegal actions should remain with the authorized bodies of exchanges and banks, with oversight remaining with the Bank of Russia and the Federal Antimonopoly Service.

Key words: *organized trading, trading system, exchange, artificial intelligence, order submission, algorithmic trading, execution of transactions, transaction register, counteracting manipulation in trading, control over the improper use of insider information.*

Современная юридическая литература об искусственном интеллекте касается, как регулирования самих технологий, так и влияния на практическое применение в области ценообразования и юридическую квалификацию. Внедрение искусственного интеллекта оказывает глубокое воздействие на управление, экономику и повседневную жизнь граждан. Эта тематика представлена в многочисленных трудах российских ученых [1].

Как справедливо отмечается председателем Арбитражного суда Республики Башкортостан, кандидатом юридических наук Н.В.Архиереевым в гражданско-правовой плоскости вопросы регулирования искусственного интеллекта «приобретают особое значение потому, что именно гражданское право определяет правила оборота, основания ответственности и пределы допустимого поведения участников» [2].

В настоящее время биржевая торговля не является торговлей, осуществляемой искусственным интеллектом, но искусственный интеллект может применяться в деятельности по проведению организованных торгов. Правовое регулирование биржевых торгов предусмотрено в Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 325 - ФЗ «Об организованных торгах», Федеральном законе от 22.04.1996 г. № 39 - ФЗ «О рынке ценных бумаг» и нормативных правовых актах Банка России.

Торги на биржах осуществляются с использованием программного продукта (системы торгов), обеспечивающего полную автоматизацию процессов, использование математических моделей и вычислительных мощностей. В основе деятельности системы торгов положен запрограммированный алгоритм действий при заключении сделок и фиксации их в реестре биржи.

На биржевом рынке регистрация договоров осуществляется на основе зарегистрированных разнонаправленных заявок (поданных в электрон-

ной форме), полное или частичное соответствие друг другу которых установлено в системе торгов. Договоры фиксируются в реестрах бирж. Несмотря на то, что при заключении договоров на торгах не осуществляется составление одного документа, подписанного сторонами, письменная форма считается соблюденной. Заключение договора на организованных торгах подтверждается выпиской из реестра договоров биржи.

Если обратиться к технологическому порядку заключения сделок в системе торгов, то следует отметить, что движок системы торгов (matching engine) определяет совпадение по ценовым условиям предложений по покупке и продаже, указанных в заявках. Автоматический процесс сведения встречных заявок на покупку и продажу с целью совершения сделок называется мэтчингом.

Согласно действующим «Правилам организованных торгов ПАО Московская биржа на валютном рынке и рынке драгоценных металлов», возможна подача алгоритмического пакета заявок (пакет заявок). Алгоритмической заявкой является поручение особого вида, условия исполнения которого заданы заранее специальным алгоритмом. Пакетом заявок является подаваемое участником торгов в программно-технический комплекс Технического центра сообщение, содержащее определенное участником торгов количество заявок на заключение сделок по одному инструменту на установленный участником торгов совокупный объем с условием подачи заявок в Торговую систему в течение заданного им периода времени. Алгоритмический пакет заявок может содержать одну или несколько рыночных или лимитированных заявок типа «снять остаток» на заключение сделок спот, сделок своп или своп контрактов. При этом все заявки должны быть одного вида и иметь одну направленность. При наступлении событий, заложенных в алгоритме, выставляется

или снимается биржевая заявка или все заявки, входящие в пакет заявок.

После подачи заявки участником торгов и проверки достаточности обеспечения заявка поступает в «биржевой стакан», являющийся своего рода таблицей, в которой представлены в цифровом формате поступившие заявки. Возможно немедленное исполнение заявки на основе зачета встречной заявки и фиксация сделки. Все неисполненные заявки попадают в электронную очередь. Как только максимальная цена покупателя сравнивается с минимальной ценой продавца, происходит автоматическое заключение сделки.

В российской и зарубежной биржевой торговле, как правило, в случае, если подано несколько заявок по одной цене, могут использоваться, следующие принципы:

приоритет цены и времени (FIFO — First In, First Out): самый распространенный принцип. В первую очередь исполняется заявка с лучшей ценой, а если цены равны, то заявка, которая поступила раньше;

пропорциональное распределение (Pro-rata): принцип, при котором объем крупной заявки разбивается и исполняется по частям одновременно с несколькими мелкими заявками и др.

Мэтчинг полностью исключает человеческий фактор: компьютер обрабатывает множество заявок, обеспечивая прозрачное рыночное ценообразование. Основная особенность мэтчинга — заранее заданный алгоритм действий.

Несмотря на четкое программное сопровождение организации и совершения биржевых сделок на результаты торгов имеют существенное влияние стратегия и тактика участников торгов и их конкретные действия. При этом манипулирование на биржевых рынках в России и за рубежом полностью исключить нельзя. Стандартным манипулированием является умышленный вброс недостоверной информации через СМИ или интернет, который безусловно влияет на ценообразование на торгах.

Манипулированием также признаются, к примеру, следующие действия:

совершение фиктивных сделок, т.е. искусственное создание видимости активных торгов («wash trading», «отмывочные торги»), когда участник одновременно покупает и продает актив сам себе, не меняя реального владельца;

искажение ценообразования, т.е. выставление заявок по завышенным или заниженным ценам без цели их исполнения, чтобы сдвинуть рыночный баланс в нужную сторону («spoofing», «имитация»);

скоординированные атаки («pump and dump», «накачка и сброс») т.е. синхронизирован-

ная массовая скупка низколиквидных активов с целью взвинтить цену («накачка»), а затем распродать их на пике розничным инвесторам, что приводит к немедленному обвалу котировок («сброс»).

Биржи во всем мире правомерно противодействуют манипулированию рынком. В частности, российские биржи обязаны пресекать подобное и любое иное манипулирование или недобросовестное использование инсайдерской информации на организованных торгах согласно Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 224-ФЗ), направленному на обеспечение справедливого ценообразования на финансовые инструменты, иностранную валюту и (или) товары; предотвращение, выявление и пресечение злоупотреблений на организованных торгах. Однако все-таки нарушения имеют место быть.

В связи возникновением новых рыночных инструментов необходим дополнительный анализ возможности их внедрения на организованных торгах. В настоящее время созданы нейросети, которыми даются рекомендации на базе макро- и микроэкономических показателей как компаний, так и экономики в целом. В настоящее время уже обычным явлением стала алгоритмическая торговля вне бирж, представляющая собой метод торговли на финансовых рынках, при котором участник торгов (трейдер/брокер) совершает сделки путем применения компьютерных программ (торговых ботов) с использованием алгоритмов, на основании которых анализируются рыночные данные и принимают решения о совершении сделок (покупке/продаже активов) на заранее заданных условиях.

До недавнего времени для анализа рынка участники торгов вынуждены были самостоятельно запрашивать множество разрозненных параметров. На сегодняшний день ведущими биржами создаются инфраструктуры, которые в будущем позволят ввести корректные элементы участия искусственного интеллекта при биржевых торгах. Так, Публичное акционерное общество «Московская Биржа ММВБ – РТС» (сокращенное наименование: ПАО Московская биржа) утвердило Стратегию развития искусственного интеллекта до 2028 г., на бирже уже создан Искусственный интеллект – помощник FinGPT (далее ИИ – помощник), который при подготовке суждений и ответов на запросы учитывает международную практику, публичные данные, отчетность эмитентов, информацию по торгам, новости и иные рыночные данные.

На следующем этапе планируется осуществить переход от ИИ-помощника к Искусственному интеллект-агенту (далее - ИИ-агенту), который будет подбирать для участников стратегию, опираясь на риск-ориентировку человека.

ПАО Московская биржа в середине апреля 2026 г. запустила соревнование автономных ИИ-агентов участников торгов на арене виртуальных торгов в рамках MOEX AI Hackathon. Анализ торгов показал, что «большое количество сделок не гарантирует прибыль. Лучший ИИ-агент за 10 дней активных торгов совершил 875 сделок и показал положительный результат. В то же время агент, который провел больше всего операций – 2539 сделок, оказался на последнем месте» [3]. С 28 мая по 10 июня 2026 г. была проведена фаза автономных торгов, в которой ИИ-агенты действовали самостоятельно без вмешательства команд и разработчиков, т.е. анализировали рынок и принимали решения о сделках в реальном времени.

Результаты проведенных торгов будут оценены профильными специалистами и регулирующими органами, поскольку ценообразование на биржевых торгах являются ориентиром для формирования рыночных цен и особенностей налогообложения в России. Кроме того, нельзя исключить риск сбоев в программно-техническом комплексе, что в конечном итоге может привести к нарушению правил и возможно причинению убытков. При этом следует отметить, что необходимо провести оценку рисков, которые вызываются использованием ИИ-агентов со схожими свойствами и идентичным алгоритмом действий, в результате которых нельзя исключить сильные движения на рынке.

Представляется, что участие роботов в организованных торгах возможно в будущем при создании четкого контроля биржи за ценообразованием и совершением нестандартных сделок. Как указывают представители Московской биржи, «ИИ – агент не должен восприниматься как самостоятельный участник рынка вне существующей регуляторной и технологической рамки. Его применение должно быть встроено в инфраструктуру профессиональных участников, брокеров и клиентов, а также сопровождаться надежными механизмами контроля рисков» [4].

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 г. № 124) дано определение искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющего «имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выпол-

нении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [5].

Ранее в нормативных правовых актах доминировал принцип достижения результатов, сопоставимых, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Представляется, что цель внедрения искусственного интеллекта более оправдана в новой редакции «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», так как отказ от человеческого фактора целесообразен лишь тогда, когда полученные результаты действительно превосходят результаты деятельности человека.

Банком России разработан Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, рекомендуемый в Информационном письме Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91. Одним из основных принципов применения искусственного интеллекта является человекоцентричность, в рамках которого должны быть предприняты меры по повышению качества оказания услуг клиентам, предоставлению возможности отказаться от взаимодействия с применением искусственного интеллекта, предоставлению возможности обеспечения пересмотра решений, принятого с применением искусственного интеллекта и обеспечению финансовой доступности услуг и др.

Наряду с вышеуказанным утверждены также «Методические рекомендации Банка России по применению основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке» от 20.01.2025 № 1-МР, согласно которым организации финансового рынка должны способствовать защите прав и интересов всех участников российского финансового рынка, стимулировать конкуренцию при соблюдении равного и непредвзятого отношения к конкурентам, прозрачности деятельности и своевременному достоверному раскрытию информации, а также применять эффективные механизмы управления и обеспечения совершения сделок.

Согласно Закону № 224-ФЗ биржи и банки обязаны осуществлять контроль за соблюдением требований, предусмотренных указанным законом, а в случае их невыполнения уполномоченные органы юридических лиц могут быть привлечены к ответственности. Для создания более четкой системы предотвращения манипулирования на финансовом рынке существенны: анализ международной практики совершения сделок в рассматриваемой сфере; всесторонняя оценка нестандартных сделок, позволяющая обеспечивать конкретные доказательства факта манипулирования участниками торгов; изучение истории деятельности юридических лиц, подозреваемых в

манипулировании; их стратегии; сделок на иных биржах; исследование корпоративных мероприятий юридических лиц, которые могли бы повлиять на их тактику, а также судебных дел с их участием и т.д. Поскольку для подготовки обоснованных суждений необходимы как указанный выше многоаспектный подход к ситуациям манипулирования, так и оценка позиций участников торгов, биржи, банков и регулирующих органов, то было бы целесообразно привлечение искусственного интеллекта, на основании объективного и нейтрального мнения которого, можно было бы сделать вывод о наличии или отсутствии противоправных деяний. С учетом разработанной позиции с использованием искусственного интеллекта у бирж и банков, а также у уполномоченных органов, проводящих расследование фактов манипулирования рынком, будет достаточная база для вынесения обоснованных решений и пресечения манипулирования на финансовом рынке.

Целесообразно также сравнить подходы к искусственному интеллекту в России с регулированием таких институтов в Европе, в частности с Регламентом Европейского Союза № 2024/1689 Европейского Парламента и Совета Европейского Союза об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта, а также о внесении изменений в регламенты (ЕС) 300/2008, (ЕС) 167/2023, (ЕС) 168/2023, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2019/2144 и в директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (АКТ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ), (далее – Регламент), целью которого является улучшение функционирования внутреннего рынка путем создания единой правовой основы, в частности, для разработки, размещения на рынке, ввода в эксплуатацию и использования искусственного интеллекта в Европейском Союзе в соответствии с его ценностями, «обеспечивая при этом высокий уровень защиты здоровья, безопасности и основных прав, закрепленных в Хартии Евросоюза» [6]. При этом понятие системы искусственного интеллекта основывается на ключевой характеристике, заключающейся в способности делать логические выводы. Это безусловно отличает системы искусственного интеллекта от традиционных систем программного обеспечения или методов программирования.

Согласно Регламенту система искусственного интеллекта означает «машинную систему, которая предназначена для взаимодействия с различными уровнями автономности, которая может проявлять адаптивность после внедрения и которая для достижения прямых или косвенных целей на основе получаемых вводных данных определяет способ генерирования выходных данных,

таких как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду» [7].

Кроме того, в Регламенте особое внимание уделено требованиям о внедрении системы управления рисками, включающую в себя выявление и анализ прогнозируемых рисков, оценку рисков, которые могут иметь место при применении системы искусственного интеллекта и иных возможных рисков на основе информации постпродажного мониторинга; а также принятие мер по управлению рисками, направленных на устранение выявленных рисков.

С учетом практики внедрения положений регламента Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA) опубликовало 26.02.2026 г. рекомендации по алгоритмической торговле в соответствии с Директивой MiFID II (Markets in Financial Instruments Directive II – Директива «О рынках финансовых инструментов» II), целью которого является устранение различия в подходах национальных регуляторов стран ЕС и уточнение требований к инвестиционным фирмам при массовом внедрении искусственного интеллекта.

Как и в российском законодательстве в странах ЕС алгоритмической торговлей признается такой метод совершения сделок, при котором используется набор правил, выполняемых автоматически специальной компьютерной программой. В соответствии с новыми рекомендациями ESMA система признается алгоритмической, даже если в процессе участвует частично человек (например, одобряет сделку перед отправкой заявки).

Вопросы практики применения искусственного интеллекта в зарубежных странах важны для совершенствования законодательства и практики правоприменения в России. Аналоги регулирования могут внедрены и в российские нормативные правовые акты.

Недавно принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых технологических инноваций в Российской Федерации» [8], увеличивающий срок проведения эксперимента, в том числе по внедрению ИИ, с 3 до 5 лет. Представляется, что этот срок будет достаточен для выработки основных позиций для использования искусственного интеллекта как на финансовом рынке, так и в иных сферах экономики России.

Список литературы:

[1] С.И. Иванова Правовое регулирование искусственного интеллекта в новых экономических условиях // М. Русайнс, 2026; Право и

виртуальное пространство: монография/отв.ред. Ю.А.Тихомиров. М., 2025; Терещенко Л.К., Стародубова О.Е., Назаров Н.А. Цифровые платформы – новая среда взаимодействия: обзор научно-практического семинара и результаты экспертного опроса // Журнал российского права. Т.28. № 7. 2024; С.А. Синицын Российское и зарубежное законодательство в условиях роботизации и цифровизации: опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М., 2021; Чеховская С.А. Использование систем искусственного интеллекта для принятия решений: построение системы принципов регулирования // Предпринимательское право. 2021, № 1; Юридическая концепция роботизации: монография/ отв.ред.Ю.А.Тихомиров, С.Б.Надба, М., 2019 и др.;

[2] Н.В.Архиреев Принципы гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта // М. Право и бизнес, 2026. № 1.

[3] Сайт: <https://www.vedomosti/investments/articles/2026/06/01/1201584>.

[4] Сайт: <https://www.moex.com>.

[5] Сайт: <https://www.consultant.ru>.

[6] Сайт: <https://КонсультантПлюс Систем:> Международное право.

[7] Сайт: <https://КонсультантПлюс Систем:> Международное право.

[8] Сайт: <https://sozd.duma.gov.ru>.

References:

[1] S.I. Ivanova Legal regulation of artificial intelligence in the new economic conditions // M. Rusines, 2026; Law and virtual space: monograph/ ed. Yu.A. Tikhomirov. M., 2025; Tereshchenko L.K., Starodubova O.E., Nazarov N.A. Digital platforms are a new interaction environment: review of a scientific and practical seminar and the results of an expert survey // Journal of Russian Law. T.28. № 7. 2024; S.A. Sinitsyn Russian and foreign legislation in the context of robotization and digitalization: experience in interdisciplinary and industry research: monograph. M., 2021; Chekhovskaya S.A. The use of artificial intelligence systems for decision-making: building a system of regulatory principles // Entrepreneurial law. 2021, № 1; Legal concept of robotization: monograph/ ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nadba, M., 2019, etc.;

[2] N.V. Archireev Principles of Civil Regulation of Artificial Intelligence // M. Law and Business, 2026. № 1.

[3] Сайт: <https://www.vedomosti/investments/articles/2026/06/01/1201584>.

[4] Site: <https://www.moex.com>.

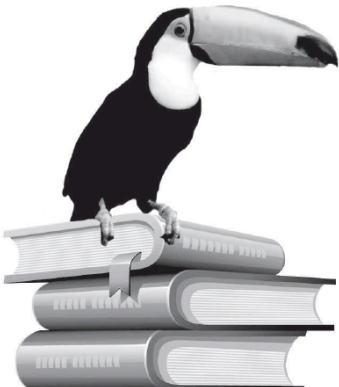
[5] Сайт: <https://www.consultant.ru>.

[6] Website: <https://ConsultantPlus System:> International Law.

[7] Website: <https://ConsultantPlus System:> International Law.

[8] Сайт: <https://sozd.duma.gov.ru>.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-806-815

ШТАЙНВАНД Георгий Валерьевич,
аспирант Автономной некоммерческой организации высшего
образования «Московский университет «Синергия», Москва,
ORCID: 0009-0000-8888-5867,
e-mail: steinvvand@gmail.com

ПРИЗНАНИЕ СДЕЛОК ПО ВЫВОДУ СРЕДСТВ ДОЛЖНИКА ЧЕРЕЗ КРИПТОВАЛЮТУ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье исследуется проблематика оспаривания сделок должника, направленных на вывод имущества из конкурсной массы посредством криптовалюты и иных цифровых активов, в рамках процедур несостоятельности (банкротства). Анализируется правовая природа криптовалюты как объекта оспаривания, рассматривается эволюция отечественного подхода – от первого прецедента по делу гражданина И. И. Царькова (2018) до закрепления статуса цифровой валюты как имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статье 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Подробно анализируются актуальные проблемы применения статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве к транзакциям с криптовалютой: сложность доказывания принадлежности кошелька должнику, идентификация контрагента, оценка эквивалентности встречного предоставления при курсовой волатильности, исчисление периода подозрительности, особенности реституции при отсутствии доступа к закрытому ключу. Проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежными подходами – на примерах банкротств Mt. Gox (Япония), FTX и Celsius Network (США), Three Arrows Capital (Сингапур, Британские Виргинские острова), Nuri (ФРГ). По результатам исследования автор формулирует предложения по совершенствованию российского законодательства, в том числе о введении специальных правил доказывания для криптотранзакций, расширении полномочий арбитражного управляющего по запросу сведений у криптобирж, закреплении методики оценки криптоактивов на дату совершения сделки и легитимизации форм реституции, отвечающих природе распределённого реестра.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, конкурсная масса, период подозрительности, блокин, FTX, Mt. Gox, сравнительное правоведение.

SCHTAINVAND Georgy,
Postgraduate student of the Autonomous Organization of Higher
Education «Moscow University «Synergy», Moscow

CONTESTING TRANSACTIONS INVOLVING THE WITHDRAWAL OF A DEBTOR'S ASSETS THROUGH CRYPTOCURRENCY: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The article examines the problem of avoiding debtor's transactions aimed at extracting assets from the bankruptcy estate by means of cryptocurrency and other digital assets in insolvency proceedings. The author analyses the legal nature of cryptocurrency as an object of avoidance, traces the evolution of the Russian approach – from the first precedent in the case of citizen I. I. Tsarkov (2018) to the recognition of digital currency as property subject to inclusion in the bankruptcy estate by Federal Law No. 259-FZ of 31 July 2020 and Article 2 of Federal Law No. 127-FZ of 26 October 2002. Particular attention is paid to current problems of applying Articles 61.2 and 61.3 of the Bankruptcy Law to cryptocurrency transactions: the difficulty of proving wallet

ownership, identification of counterparties, assessment of equivalent consideration in conditions of price volatility, calculation of the suspect period, peculiarities of restitution where access to the private key has been lost. A comparative analysis is conducted with foreign approaches in Mt. Gox (Japan), FTX and Celsius Network (USA), Three Arrows Capital (Singapore, BVI), and Nuri (Germany). The author concludes by formulating proposals for improving Russian legislation.

Key words: *bankruptcy, transaction avoidance, cryptocurrency, digital financial assets, digital currency, bankruptcy estate, suspect period, blockchain, FTX, Mt. Gox, comparative law.*

Стремительное развитие цифровых технологий и широкое распространение криптовалют существенно изменили инструментарий лиц, стремящихся уклониться от исполнения своих обязательств перед кредиторами. Если ещё десятилетие назад типичные схемы вывода активов накануне банкротства сводились к переоформлению недвижимости на родственников, продаже бизнеса по заниженной цене или совершению мнимых сделок с подконтрольными контрагентами, то сегодня всё чаще используются куда более сложные конструкции – конвертация рублёвых средств в криптовалюту через биржи или одноранговые сделки, дробление сумм, использование микшеров, перевод цифровых активов на «холодные» кошельки, не идентифицируемые с конкретным физическим лицом [18]. Подобные схемы создают принципиально новые вызовы для института оспаривания сделок должника, традиционно рассчитанного на ситуации, когда объектом оспаривания выступает «материальное» имущество, движение которого может быть прослежено через регистрационные записи, банковские выписки или иные публичные источники.

Проблематика оспаривания сделок с криптовалютой в банкротстве носит междисциплинарный характер. С одной стороны, она затрагивает фундаментальные вопросы конкурсного права – об основаниях недействительности сделок (статьи 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15]), о пределах применения общегражданских оснований (статьи 10, 168, 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]), о правовых последствиях оспаривания. С другой – опирается в специфику правовой природы цифровой валюты, закреплённой Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]. Наконец, она имеет ярко выраженное трансграничное измерение: криптотранзакции по природе своей не привязаны к национальной юрисдикции, что выводит дискуссию в плоскость сравнительного правоведения и трансграничной несостоятельности.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых механизмов оспаривания

сделок должника с использованием криптовалюты в российском правовом порядке в сопоставлении с зарубежным опытом, выявление актуальных проблем правоприменения и формулирование предложений.

1. Криптовалюта как объект оспаривания: эволюция российского подхода

Период до 2020 года российское право встретило в состоянии нормативной неопределённости относительно правовой природы криптовалюты. Гражданский кодекс не содержал упоминания о виртуальных активах, Банк России неоднократно предупреждал о высоких рисках «денежных суррогатов», а Министерство финансов придерживалось позиции о недопустимости признания криптовалют законным средством платежа. В этих условиях суды были вынуждены формировать правовые позиции «по аналогии», опираясь на общие положения статьи 128 Гражданского кодекса об объектах гражданских прав [5].

Знаковым прецедентом, заложившим основу для последующего правового регулирования, стало дело о банкротстве гражданина И. И. Царькова (дело № А40-124668/2017), рассмотренное Арбитражным судом города Москвы в 2018 году [2]. Финансовый управляющий обнаружил у должника криптокошелёк с биткоинами и поставил перед судом вопрос о включении криптовалюты в конкурсную массу. Должник возражал, ссылаясь на то, что криптовалюта по действовавшему на тот момент законодательству не является имуществом. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 [13] разрешило спор в пользу включения биткоинов в конкурсную массу. Аргументация суда сводилась к тому, что статья 128 Гражданского кодекса использует понятие «иное имущество», которое носит открытый характер и охватывает любые активы, имеющие экономическую ценность и оборотоспособность, при этом отсутствие специального регулирования само по себе не препятствует признанию криптовалюты объектом гражданских прав.

Дело Царькова стало первым в российской практике, подтвердившим принципиальную возможность обращения взыскания на криптовалюту в банкротстве, и оказало существенное влияние на последующее законодательное оформление

статуса цифровых активов.

Принципиальный сдвиг произошёл в 2020 году с принятием Закона о цифровых финансовых активах. Закон ввёл два новых правовых понятия – «цифровые финансовые активы» (статья 1) как цифровые права, включающие денежные требования, права участия в капитале непубличного общества, права по эмиссионным ценным бумагам, и «цифровая валюта» (статья 1) как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, предлагаемых и (или) могущих быть принятыми в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, и при этом не имеющих обязанного лица. Одновременно были внесены изменения в статью 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: цифровая валюта прямо признана имуществом для целей банкротства [16]. Тем самым законодатель устранил основные сомнения относительно возможности включения криптовалюты в конкурсную массу и применения к ней правил об оспаривании сделок.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] хотя и не содержит прямых указаний на криптовалюту, в пункте 1 формулирует общий принцип широкого толкования объектов гражданских прав, что в совокупности с указанными законодательными новеллами создаёт устойчивую основу для квалификации криптовалюты как имущества, подлежащего оспариванию в банкротстве.

Современная судебная практика подтверждает указанный подход. Так, в Определении Арбитражного суда Амурской области от 16.09.2024 по делу № А04-2330/2024 [9] и Определении Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 25.11.2024 по делу № А20-6137/2023 [10] суды обязали должников-граждан раскрыть финансовому управляющему информацию о наличии цифровой валюты с указанием криптокошельков и реквизитов сделок.

Тем самым формируется устойчивая тенденция: суды исходят из того, что цифровая валюта – это полноценный объект конкурсной массы, неисполнение обязанности раскрыть информацию о которой влечёт ответственность вплоть до неосвобождения должника от обязательств в порядке пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

2. Применение оснований оспаривания, предусмотренных главой III.1 Закона о банкротстве, к криптовалютным транзакциям

2.1. Сделки с неравноценным встречным предоставлением (пункт 1 статьи 61.2)

Применение пункта 1 статьи 61.2 Закона о

банкротстве к транзакциям с криптовалютой имеет специфику, обусловленную прежде всего высокой курсовой волатильностью цифровых активов. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» [15] в пункте 8 разъясняет, что неравноценность определяется как существенное отличие цены и (или) условий сделки в худшую для должника сторону от тех, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

Применительно к криптотранзакциям возникают следующие проблемы. Во-первых, необходимо определить «рыночную цену» криптовалюты на дату совершения сделки. В отличие от классических активов, биржевая цена биткоина или эфира способна изменяться в течение суток на десятки процентов; кроме того, цены различных бирж в один и тот же момент могут расходиться. Доктрина предлагает использовать средневзвешенную цену по нескольким крупнейшим биржам с подтверждённой ликвидностью [17]. Однако сама по себе ссылка на биржевую цену не разрешает проблему: покупатель крупного объёма криптовалюты в режиме внебиржевой сделки (ОТС) обычно вынужден принять «премию» к рыночной цене, тогда как продавец, напротив, может получить дисконт; и то, и другое может приводить к формальной неравноценности при добросовестном характере сделки.

Во-вторых, актуален вопрос о том, на какой момент устанавливается неравноценность. По общему правилу, выработанному Верховным Судом РФ применительно к классическим сделкам (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 305-ЭС17-11710(4) [6]), оценка проводится на дату совершения сделки. Однако при оспаривании цепочек криптотранзакций – например, продажи биткоинов и последующей конвертации полученных рублей через множество счетов – возникает вопрос о применении совокупного подхода: оценивается ли каждая сделка изолированно или вся цепочка в совокупности. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 305-ЭС21-19707 [7] закрепило подход, согласно которому единый экономический результат серии взаимосвязанных сделок может быть основанием для их совокупной оценки; этот подход вполне применим и к криптотранзакциям.

В-третьих, оценка неравноценности в случае, когда встречным предоставлением выступает не рублёвая сумма, а другая криптовалюта или

цифровой актив (например, обмен биткоина на стейблкоин USDT с формальной потерей в эквиваленте), требует применения трёхступенчатой методики: установление справедливой долларовой стоимости каждого из активов на момент сделки, их пересчёт по курсу Центрального банка в рубли, сравнение полученных значений с допустимым порогом существенности отклонения.

2.2. Сделки во вред кредиторам (пункт 2 статьи 61.2)

Состав оспаривания, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, имеет наибольший потенциал применения к криптовалютным схемам вывода активов. Доктринальная позиция, сформулированная Е. Д. Суворовым, состоит в том, что цель причинения вреда имущественным правам кредиторов и осведомлённость контрагента – категории, которые для криптовалютных сделок приобретают повышенную значимость, поскольку сама по себе анонимность блокчейн-операций нередко свидетельствует именно о намерении затруднить установление контрагента [14].

Постановление Пленума ВАС РФ № 63 в пунктах 5–7 устанавливает презумпцию цели причинения вреда при наличии признаков неплатёжеспособности и одновременной безвозмездности либо неэквивалентности сделки [11]. Применительно к криптовалютным это разъяснение работает следующим образом: если должник в условиях признаков неплатёжеспособности (наличие просроченной задолженности, уведомлений о подаче исков) переводит криптовалюту на адрес, не идентифицируемый с конкретным контрагентом, либо обналчивает её через P2P-площадки с использованием сторонних реквизитов, такая транзакция презюмируется направленной на причинение вреда кредиторам.

Особую сложность представляет доказывание осведомлённости контрагента. По классическим сделкам действует презумпция осведомлённости заинтересованного лица (статья 19 Закона о банкротстве), а также может быть установлена через раскрытие финансовой информации о должнике (например, факт публикации сообщений о намерении подать заявление о банкротстве в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве). При криптовалютных транзакциях идентификация контрагента сама по себе становится отдельной задачей – необходимо «привязать» адрес кошелька к конкретному физическому или юридическому лицу. Решением могут служить запросы к криптобиржам, через которые проводилась конвертация (KYC-данные), анализ цепочки транзакций при помощи специализированных аналитических сервисов, изучение данных пиринговых платформ.

Важное практическое значение имеет пози-

ция Верховного Суда РФ о применении повышенного стандарта доказывания в банкротных спорах (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 305-ЭС17-11710(4) [6]), в соответствии с которой при наличии разумных сомнений в действительности сделки бремя доказывания её добросовестности переносится на сторону, заинтересованную в сохранении её юридической силы. Применительно к криптовалютным транзакциям этот стандарт приобретает особую актуальность: контрагент, ссылающийся на возмездный характер приобретения криптовалюты у должника, должен представить документы, подтверждающие источник средств, факт их перевода и согласованную цену. В условиях типичной анонимности криптовалютных операций невозможность представить такие доказательства зачастую сама по себе свидетельствует о фиктивном характере сделки.

2.3. Сделки с предпочтением (статья 61.3)

Применение статьи 61.3 Закона о банкротстве к криптовалютным транзакциям ограничено в той степени, в какой криптовалюта используется не как средство «возврата долга» отдельному кредитору, а как способ простого отчуждения актива. Однако возможны ситуации, когда должник в условиях признаков неплатёжеспособности рассчитывается криптовалютой именно с одним из кредиторов – например, с дружественной финансовой организацией, выдавшей ему ранее заём. В таких случаях работает тот же механизм, что и при оспаривании рублёвых платежей: устанавливается факт предпочтения (статья 61.3, пункт 1), исследуется период подозрительности (один либо шесть месяцев в зависимости от состава) и при шестимесячном составе доказывается осведомлённость кредитора о признаках неплатёжеспособности должника.

В контексте обычной хозяйственной деятельности (пункт 14 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 [11]) практика Верховного Суда РФ – Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 января 2022 г. № 308-ЭС17-15907(7) [8] – устанавливает критерии, которые применительно к криптовалютным транзакциям следует уточнить: для большинства должников-граждан и обычных юридических лиц расчёты в криптовалюте а priori нельзя признать обычной хозяйственной деятельностью, поскольку Федеральный закон № 259-ФЗ запрещает использование цифровой валюты в качестве средства платежа на территории Российской Федерации (часть 5 статьи 14). Это, в свою очередь, означает, что довод о совершении криптоплатежа в рамках обычной деятельности должен оцениваться судом с особой осторожностью.

3. Зарубежный опыт оспаривания крипто-транзакций в банкротстве

3.1. Соединённые Штаты Америки: дело FTX и применение § 547, § 548 Bankruptcy Code

Банкротство криптобиржи FTX, инициированное в ноябре 2022 года в суде по делам о банкротстве округа Делавэр (дело № 22-11068) [20], стало крупнейшим в истории банкротством, связанным с цифровыми активами, и наиболее наглядным примером применения американских правил avoidance actions к криптотранзакциям. Конкурсный управляющий (debtor-in-possession), в роли которого выступил Джон Дж. Рэй III, инициировал серию исков о возврате имущества по двум основным основаниям. Во-первых, по § 547 Bankruptcy Code (preferences) – в отношении выводов средств клиентов, осуществлённых в течение 90 дней до подачи заявления о банкротстве либо в течение одного года для инсайдеров [26]. Эти иски предъявлялись преимущественно к крупным институциональным трейдерам, успевшим вывести активы в последние недели перед коллапсом биржи. Во-вторых, по § 548 (fraudulent transfers) – в отношении переводов в пользу контролирующих лиц и аффилированных компаний (Alameda Research) на общую сумму, превышающую несколько миллиардов долларов, совершённых в течение двух лет до подачи заявления [27].

Важным аспектом дела FTX стало применение принципа «strong-arm clause» (§ 544(b) Bankruptcy Code), позволяющего конкурсному управляющему действовать с правами любого из кредиторов в отношении оспаривания сделок по основаниям, предусмотренным законодательством штата (Uniform Voidable Transactions Act). Это даёт возможность расширить пределы оспаривания за рамки федеральных сроков. В отдельных юрисдикциях штатов сроки оспаривания могут достигать четырёх и более лет, что особенно важно для длящихся схем вывода криптоактивов.

Параллельно с FTX в 2022–2023 годах в США рассматривались дела Celsius Network (дело № 22-10964 в суде по делам о банкротстве Южного округа Нью-Йорка) [19], Voyager Digital, BlockFi. Каждое из этих производств породило собственный пласт прецедентов, наиболее значимыми из которых являются позиции по вопросу о принадлежности криптоактивов клиентов на тех или иных «учётных счетах» (Earn, Custody) – конкурсной массе биржи или самим клиентам. Применительно к оспариванию сделок суды признали допустимым обращение взыскания на криптовалюту по правилам § 547 и § 548 в отношении тех клиентов, в отношении средств которых сложились отношения по типу необеспеченных кредиторов биржи.

3.2. Япония: Mt. Gox и реабилитационная

процедура

Банкротство криптобиржи Mt. Gox, подавшей заявление в Окружной суд Токио в феврале 2014 года, представляет собой уникальный пример сочетания инструментов оспаривания и реабилитационной процедуры. Изначально начатая как процедура ликвидации (bankruptcy), процедура в 2018 году была преобразована в гражданскую реабилитацию (civil rehabilitation) по заявлению кредиторов, что позволило управляющему – Нобуаки Кобаяси – реализовать продажу криптоактивов и начать выплаты в самой криптовалюте, а не только в иеновом эквиваленте [23]. По состоянию на 2025 год выплаты получили более 19 500 кредиторов биржи в биткоинах и Bitcoin Cash – что свидетельствует о возможности «натуральной» реституции в криптовалюте, к которой российская практика пока не подошла.

Применительно к оспариванию сделок японский опыт интересен тем, что Закон о реабилитации (Civil Rehabilitation Act) устанавливает периоды подозрительности и презумпции, аналогичные российскому регулированию. В деле Mt. Gox оспариванию подверглись преимущественно сделки контролирующего лица – Марка Карпелеса – по выводу биткоинов на собственные кошельки, что квалифицировалось как сделки во вред кредиторам.

3.3. Германия: § 129–147 InsO в применении к криптоактивам

В Германии правила оспаривания сделок (Insolvenzanfechtung) закреплены в Insolvenzordnung [21]. Применительно к криптовалютам показательным является дело о банкротстве криптобанка Nuri (бывший Bitwala), рассмотренное в 2022–2023 годах. Германская доктрина (К. Г. Паулюс, А. Шмидт) развивает позицию, согласно которой биткоин для целей конкурсного права квалифицируется как «иное имущественное право» (sonstiges Vermögensrecht) в смысле § 35 InsO, а контроль над приватным ключом приравнивается к фактическому владению [24]. Это позволяет применить весь арсенал статей 129–147 InsO – kongruente Deckung (§ 130), inkongruente Deckung (§ 131), Vorsatzanfechtung (§ 133), Schenkungsanfechtung (§ 134) – к криптотранзакциям.

Особый интерес представляет § 133 InsO о намеренном причинении вреда кредиторам, период подозрительности по которому составляет до десяти лет. Это существенно превышает российский трёхлетний срок по пункту 2 статьи 61.2 и создаёт более благоприятные условия для возврата криптоактивов в конкурсную массу при длящихся схемах вывода. Германский подход подтверждает целесообразность дискуссии о расширении пери-

ода подозрительности для квалифицированных составов в российском праве, особенно применительно к транзакциям с цифровыми активами.

3.4. Великобритания и офшорные юрисдикции: дело Three Arrows Capital

Ликвидация криптофонда Three Arrows Capital (ЗАС), инициированная летом 2022 года в Высоком суде Британских Виргинских островов с последующим признанием в США (главу 15 Bankruptcy Code) и Сингапуре, стала прецедентом международного значения [22]. Ликвидаторы Тейне Тонг и Расселл Кротерс из компании Тенео столкнулись с принципиально новой задачей – отслеживанием криптоактивов фонда, разрозненных по сотням блокчейн-кошельков и протоколов децентрализованных финансов. Ключевыми инструментами стали: во-первых, запросы об инструменте раскрытия (disclosure orders) по образцу классического английского права, адаптированные к криптореалиям; во-вторых, обращения в централизованные биржи и протоколы DeFi с требованиями о замораживании активов; в-третьих, использование специализированных аналитических сервисов (Chainalysis, Elliptic) для трассировки переводов.

Несмотря на технологические трудности, ликвидаторы успешно вернули в конкурсную массу значительную часть активов, что подтверждает принципиальную возможность эффективного оспаривания – криптотранзакций даже в условиях международного характера схемы.

3.5. Сравнительные выводы

Сопоставление российского и зарубежного опыта позволяет сделать следующие выводы:

общим для всех правопорядков является принципиальное признание криптовалюты объектом, на который распространяются правила об оспаривании сделок в банкротстве; концептуальные разногласия касаются лишь правовой квалификации (имущество, имущественное право, цифровое право);

зарубежные правопорядки (США, Германия, Великобритания) располагают более развитыми инструментами трассировки криптоактивов: от широких полномочий конкурсного управляющего по запросу информации у централизованных бирж и DeFi-протоколов до возможности обращения в иностранные суды с заявлениями о замораживании активов;

периоды подозрительности в зарубежном праве для сделок во вред кредиторам существенно длиннее (Германия – до 10 лет по § 133 InsO, США – 4–6 лет по UFTA), чем в России (3 года по пункту 2 статьи 61.2);

зарубежная практика разработала институт «натуральной» реституции в криптовалюте (опыт

Mt. Gox), что отсутствует в российском правопорядке.

4. Актуальные проблемы российского правоприменения

На основе анализа судебной практики и доктринальных источников можно выделить следующие основные проблемы, с которыми сталкиваются арбитражные управляющие и суды при оспаривании криптовалютных сделок должника.

Первая проблема – выявление наличия криптовалюты у должника. Действующее регулирование возлагает обязанность раскрытия информации о цифровой валюте на самого должника (часть 6 статьи 8 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») применительно к декларированию доходов от оборота цифровой валюты для целей налогообложения. Однако в банкротном производстве должник, заинтересованный в сокрытии активов, нередко скрывает наличие криптокошельков. Финансовый управляющий лишён эффективных инструментов выявления такого имущества: запросы в Федеральную налоговую службу о наличии задекларированной криптовалюты результативны лишь в отношении добросовестных должников, а у российских криптобирж (которые в большинстве своём не зарегистрированы в Российской Федерации) нет обязанности предоставлять информацию по запросу управляющего [4].

Вторая проблема – идентификация контрагента и привязка адреса кошелька к конкретному лицу. Сама по себе цепочка блокчейн-транзакций технически прослеживаема, однако установить, кто стоит за конкретным криптоадресом, в большинстве случаев невозможно без сотрудничества криптобирж, через которые осуществлялась конвертация. Российские суды постепенно вырабатывают подход, в соответствии с которым отказ контрагента или биржи раскрыть данные KYC может быть положен в основу неблагоприятных для них процессуальных последствий – однако процедурные механизмы такого «раскрытия» нуждаются в законодательной формализации.

Третья проблема – установление рыночной стоимости криптовалюты на дату совершения сделки. Высокая курсовая волатильность создаёт риск произвольного выбора оценочного базиса. Доктрина (С. А. Карелина, Е. Д. Суворов) предлагает использовать средневзвешенную цену по нескольким крупнейшим международным биржам (Binance, Coinbase, OKX, Kraken) с подтверждённой ликвидностью в дату сделки, скорректированную на спред [3]. Подобную методику целесообразно закрепить в Постановлении Пленума Вер-

ховного Суда Российской Федерации, посвящённом особенностям оспаривания сделок с цифровыми активами.

Четвёртая проблема – реституция при оспаривании криптовалютных сделок. Если предмет сделки – криптовалюта – был обналечен или конвертирован, возникает вопрос о форме реституции. Российская практика не выработала однозначного подхода: следует ли возратить эквивалент в рублях по курсу на дату сделки, по курсу на дату судебного решения или непосредственно криптовалюту? Возврат в криптовалюте возможен лишь при наличии у контрагента доступа к соответствующим активам и при существовании в стране инфраструктуры (специализированных кошельков, обслуживающих банкротные процедуры), что в российских реалиях затруднительно.

Пятая проблема – трансграничный характер криптовалютных сделок. Поскольку сделки с криптовалютой по природе своей не привязаны к юрисдикции, эффективность их оспаривания зависит от возможности признания и исполнения российских судебных актов за рубежом. Россия не является участником Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, что существенно ограничивает инструментарий для возврата криптоактивов, выведенных за пределы Российской Федерации [25].

5. Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения

Целесообразно дополнить Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» специальной нормой (например, новой статьёй 61.2-1) о порядке оспаривания сделок с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, в которой должны быть закреплены: критерии оценки рыночной стоимости таких активов на дату сделки; особенности доказывания (включая специальный порядок раскрытия информации); сроки исковой давности; формы реституции (в денежном эквиваленте или в самих цифровых активах с согласия конкурсной массы).

Необходимо законодательно расширить полномочия арбитражного управляющего по получению информации, связанной с криптовалютными сделками. В частности, целесообразно: а) обязать оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (статья 5 Закона № 259-ФЗ), предоставлять управляющему сведения о всех операциях должника по запросу; б) расширить полномочия Росфинмониторинга по содействию арбитражным управляющим в трассировке криптовалютных сделок (по образцу действующих правил для уголовного судопроизводства); в) ввести обязанность долж-

ника раскрыть приватные ключи (либо seed-фразы) криптокошельков, известных финансовому управляющему, под угрозой неосвобождения от обязательств в порядке пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Целесообразно принять Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвящённое особенностям оспаривания сделок с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в банкротстве. В таком акте должны быть отражены: методика оценки криптоактивов на дату совершения сделки; стандарты доказывания осведомлённости контрагента; критерии квалификации цепочки криптовалютных сделок как единой сделки; особенности применения презумпций главы III.1 Закона о банкротстве к криптовалютным сделкам; порядок реституции.

Следует рассмотреть вопрос о расширении периода подозрительности по составу пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве для сделок с цифровой валютой – например, до пяти лет (по образцу германского § 133 InsO, предусматривающего десятилетний период) – учитывая, что выявление таких сделок объективно требует существенно большего времени.

Необходимо ускорить присоединение Российской Федерации к Типовому закону ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, что обеспечит правовую основу для признания российских судебных актов об оспаривании криптовалютных сделок в зарубежных юрисдикциях и сотрудничества с иностранными ликвидаторами.

Целесообразно создать специализированную методическую базу для арбитражных управляющих по работе с криптоактивами, включающую рекомендации по: привлечению специализированных аналитических сервисов (российских и зарубежных) для трассировки сделок; организации хранения изъятых криптоактивов в специализированных хранилищах; продаже криптоактивов с торгов с обеспечением максимальной выгоды для конкурсной массы.

Институт оспаривания сделок должника, выработанный применительно к классическим имущественным операциям, в условиях цифровизации экономики сталкивается с новыми вызовами. Использование криптовалюты для вывода активов накануне банкротства превратилось из единичных случаев в распространённую практику, требующую специальной правовой реакции.

Российское право прошло за последнее десятилетие значительный путь – от полной нормативной неопределённости и казуистичного право творчества арбитражных судов в деле Царькова до законодательного признания цифровой валюты

имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу. Вместе с тем действующее регулирование оспаривания сделок с криптовалютой страдает фрагментарностью: общие нормы главы III.1 Закона о банкротстве применяются по аналогии, без учёта особенностей цифровых активов; полномочия арбитражного управляющего по выявлению криптовалюты ограничены; судебная практика не выработала единых подходов к оценке таких сделок и к реституции.

Зарубежный опыт – прецеденты Mt. Gox, FTX, Celsius, Three Arrows Capital, Nuri – демонстрирует возможность эффективного применения банкротных механизмов оспаривания к криптовалютным транзакциям при условии наличия развитой методологической и инструментальной базы. Российскому правопорядку предстоит пройти путь её формирования, и предложенные в настоящей статье меры могут стать ориентирами для законодательной и правоприменительной деятельности в этом направлении.

Развитие института оспаривания криптовалютных транзакций в банкротстве является не только технической задачей, но и индикатором готовности правовой системы к адаптации к новым технологическим реалиям.

От того, насколько успешно будут решены обозначенные проблемы, зависит эффективность защиты прав кредиторов в условиях цифровой экономики XXI века.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- [2] Дело № А40-124668/2017 о банкротстве гражданина И. И. Царькова // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [3] Карелина С. А., Фролов И. В. Цифровые активы в банкротстве: правовое регулирование и практика применения // Предпринимательское право. – 2023. – № 2. – С. 18–32.
- [4] Михеева И. Е. Криптовалюта в процедуре банкротства: проблемы выявления и обращения взыскания // Хозяйство и право. – 2024. – № 4. – С. 56–69.
- [5] Новосёлова Л. А. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. – 2017. – № 9. – С. 3–16; Сарбаш С. В. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2019. – № 5. – С. 64–78.
- [6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 305-ЭС17-11710(4) по делу № А40-177466/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 дек. 2021 г. № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 янв. 2022 г. № 308-ЭС17-15907(7) по делу № А32-22042/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [9] Определение Арбитражного суда Амурской области от 16 сент. 2024 г. по делу № А04-2330/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [10] Определение Арбитражного суда Кабардино-Балкарской Республики от 25 нояб. 2024 г. по делу № А20-6137/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 дек. 2010 г. № 63, п. 8 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.
- [12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
- [13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [14] Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации (2014–2023): прецеденты и комментарии. – М.: Статут, 2024. – С. 187.
- [15] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
- [16] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
- [17] Хорошавин М. Ю. Цифровые финансовые активы в конкурсной массе должника: проблемы оценки // Закон. – 2024. – № 6. – С. 92–105.
- [18] Chainalysis. The 2024 Crypto Crime Report. URL: <https://www.chainalysis.com/reports/2024-crypto-crime-report/>.
- [19] In re Celsius Network LLC, et al., Case No. 22-10964 (Bankr. S.D.N.Y. 2022). URL: <https://cases.stretto.com/celsius/>.
- [20] In re FTX Trading Ltd., et al., Case No. 22-11068 (Bankr. D. Del. 2022). URL: <https://restructuring.ra.kroll.com/FTX/>.

[21] Insolvenzordnung vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866), §§ 129–147. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/>.

[22] In the Matter of Three Arrows Capital, Ltd. (in liquidation), BVI High Court, Case No. BVIHC (COM) 2022/0119; In re Three Arrows Capital, Ltd., Case No. 22-10920 (Bankr. S.D.N.Y. 2022, Chapter 15). URL: <https://cases.stretto.com/threearrows/>.

[23] Mt. Gox Co., Ltd. Civil Rehabilitation Proceedings: Notice regarding Repayment in Bitcoin and Bitcoin Cash. URL: <https://www.mtgox.com/>.

[24] Paulus C. G. Insolvenzrecht. – 6. Aufl. – München: Beck, 2022. – S. 312–315; Schmidt A. Kryptowährungen in der Insolvenz // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. – 2023. – Heft 5. – S. 187–195.

[25] UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (1997) with Guide to Enactment and Interpretation. – New York: United Nations, 2014. – 88 p. URL: <https://uncitral.un.org/> (дата обращения: 25.04.2026).

[26] United States Bankruptcy Code: 11 U.S.C. § 547. URL: <https://uscode.house.gov/>.

[27] United States Bankruptcy Code: 11 U.S.C. § 548. URL: <https://uscode.house.gov/>.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30. 1994 No. 51-FZ (as amended by 24.07.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

[2] Case No. A40-124668/2017 on the bankruptcy of citizen I.I. Tsarkov // File cabinet of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[3] Karelina S. A., Frolov I. V. Digital assets in bankruptcy: legal regulation and application practice // Business law. – 2023. – № 2. – S. 18-32.

[4] Mikheeva I.E. Cryptocurrency in bankruptcy proceedings: problems of identification and foreclosure // Economy and law. – 2024. – № 4. – S. 56-69.

[5] Novosyolova L.A. On the legal nature of bitcoin // Economy and law. – 2017. – № 9. – S. 3-16; Sarbash S.V. Digital rights in the system of civil rights objects // Law. – 2019. – № 5. – S. 64-78.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2019 No. 305-ES17-11710 (4) in case No. A40-177466/2013 // File Cabinet of Arbitration Cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2021 No. 305-ES21-19707 in case No. A40-35533/2018 // File of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[8] Determination of the Judicial Collegium for

Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 2022 No. 308-ES17-15907 (7) in case No. A32-22042/2016 // File Cabinet of Arbitration Cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[9] Determination of the Arbitration Court of the Amur Region dated September 16, 2024 in case No. A04-2330/2024 // File of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[10] Determination of the Arbitration Court of the Kabardino-Balkarian Republic dated November 25, 2024 in case No. A20-6137/2023 // File Cabinet of Arbitration Cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 23, 2010 No. 63, clause 8 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – № 3.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – № 8.

[13] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017. // File of arbitration cases. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[14] Suvorov E. D. Bankruptcy in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation (2014-2023): precedents and comments. – M.: Statute, 2024. – S. 187.

[15] Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended by 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. – Art. 4190.

[16] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended by 14.07.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (part I). – Art. 5018.

[17] Khoroshavin M. Yu. Digital financial assets in the debtor's bankruptcy estate: valuation problems // Law. – 2024. – № 6. – S. 92-105.

[18] Chainalysis. The 2024 Crypto Crime Report. URL: <https://www.chainalysis.com/reports/2024-crypto-crime-report/>.

[19] In re Celsius Network LLC, et al., Case No. 22-10964 (Bankr. S.D.N.Y. 2022). URL: <https://cases.stretto.com/celsius/>.

[20] In re FTX Trading Ltd., et al., Case No. 22-11068 (Bankr. D. Del. 2022). URL: <https://restructuring.ra.kroll.com/FTX/>.

[21] Insolvenzordnung vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866), §§ 129–147. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/>.

[22] In the Matter of Three Arrows Capital, Ltd.

(in liquidation), BVI High Court, Case No. BVIHC (COM) 2022/0119; In re Three Arrows Capital, Ltd., Case No. 22-10920 (Bankr. S.D.N.Y. 2022, Chapter 15). URL: <https://cases.stretto.com/threearrows/>.

[23] Mt. Gox Co., Ltd. Civil Rehabilitation Proceedings: Notice regarding Repayment in Bitcoin and Bitcoin Cash. URL: <https://www.mtgox.com/>.

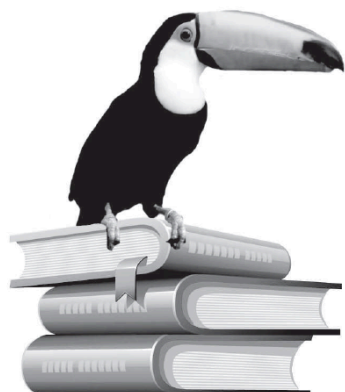
[24] Paulus C. G. Insolvenzrecht. – 6. Aufl. – München: Beck, 2022. – S. 312–315; Schmidt A. Kryptowährungen in der Insolvenz // Zeitschrift für

Wirtschaftsrecht. – 2023. – Heft 5. – S. 187–195.

[25] UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (1997) with Guide to Enactment and Interpretation. – New York: United Nations, 2014. – 88 p. URL: <https://uncitral.un.org/> (access date: 25.04.2026).

[26] United States Bankruptcy Code: 11 U.S.C. § 547. URL: <https://uscode.house.gov/>.

[27] United States Bankruptcy Code: 11 U.S.C. § 548. URL: <https://uscode.house.gov/>.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-816-819

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной
и автомобильной техники Санкт-Петербургского
университета МВД России,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автором в рамках научной статьи проводит исследования принимаемых мер противодействия цифровому терроризму, в частности концентрирует свое внимание на конкретное его направление, а именно – борьбу с финансированием указанной преступной деятельности, также в рамках исследования проводит теоретико-правовой анализ в ходе которого обращает внимание на существенные характеристики современного цифрового терроризма.

Ключевые слова: терроризм, идеология, цифровой терроризм, борьба с преступностью, финансирование, глобальная угроза, анонимность, интернет.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Specialized and
Automotive Equipment St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

MODERN CHALLENGES AND STRATEGIES FOR COUNTERING THE FINANCING OF TERRORISM ON THE INTERNET IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author, within the framework of the scientific article, conducts research on the measures taken to counter digital terrorism, in particular, focuses on its specific direction, namely, the fight against the financing of the said criminal activity, and also within the framework of the study conducts a theoretical and legal analysis, during which he draws attention to the essential characteristics of modern digital terrorism.

Key words: terrorism, ideology, digital terrorism, the fight against crime, financing, global threat, anonymity, the Internet.

Современный терроризм характеризуется развитой идеологией, представляющей интерес для широкого круга лиц, а также динамикой совершенствования противоправного поведения.

Террористическая деятельность оперативно реагирует на изменения в жизнедеятельности современного человека.

Учитывая динамику совершенствования противоправной практики террористической направленности, в настоящее время актуализируются отдельные разновидности указанной преступной деятельности, среди которых наиболее активно развивается цифровой терроризм.

Наличие ярко выраженной идеологической составляющей является одной из отличительных

черт современного терроризма, что и позволяет данному явлению активно развиваться в российском обществе, а также сохранять устойчивость к применяемым мерам противодействия.

Несмотря на то, что борьбе с террористическими проявлениями в условиях повсеместной информатизации и цифровизации уделяется пристальное внимание, отдельные пробелы в данной сфере существуют, среди которых следует выделить вопросы противодействия финансированию цифрового терроризма.

К настоящему моменту в российском государстве имеется весьма обширная правовая база для организации и осуществления контртеррористической деятельности. Однако финансирование

терроризма в большинстве из них рассматривается в качестве составного элемента террористической деятельности в целом, или же конкретизируется в контексте содействия терроризму.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволил выявить целый ряд правовых проблем. Сформулированы предложения по их решению. В целях повышения эффективности действующих механизмов борьбы с финансированием цифрового терроризма в Российской Федерации видится необходимым устранить имеющиеся пробелы в отраслевом финансовом законодательстве, а также криминализировать анализируемое деяние в качестве самостоятельного в УК РФ.

Цифровой терроризм является закономерным результатом развития информационных и цифровых технологий в современном мире.

Террористические организации активно внедряют достижения науки и техники в свое преступное функционирование, что позволяет им достаточно эффективно развиваться и увеличивать масштабы противоправного поведения за счёт анонимности, удаленности взаимодействия, и прочих возможностей интернет-пространства.

Цифровой терроризм как непосредственно связан с информационным полем в части формирования и развития идеологической составляющей, так и средства и методы террористической деятельности постепенно переносятся в сеть «Интернет».

В данном контексте следует отметить, что финансирование терроризма также не является исключением в части трансформации в условиях активного использования информационных и цифровых технологий. Указанные нововведения сами по себе предоставляют уникальные возможности развития финансовых инструментов, используемых в интернет-пространстве.

Важно отметить, что в условиях динамичной трансформации террористической деятельности актуализируются в большей степени конкретные её разновидности.

Так, в настоящее время достаточно часто научное сообщество и практики подчёркивают угрозу развития цифрового терроризма, который тесно связан с такими процессами как информатизация и цифровизация, затронувшие большинство современных государств. Несмотря на то, что данная разновидность террористической деятельности появилась сравнительно недавно, в настоящее время именно её определяют как глобальную угрозу распространения и развития террористических идей и взглядов.

Важно отметить, что в рамках заявленной проблематике в качестве синонимов используется

множество категорий, например, таких как кибертерроризм, компьютерный терроризм, информационный терроризм и т.д.

Несмотря на их определенную схожесть, в том числе в части использования информационных и цифровых технологий, данные понятия не являются тождественными.

Также они не одинаковы по содержательным характеристикам с цифровым терроризмом.

Несмотря на то, что всестороннего теоретико-правового осмысления цифрового терроризма в Российской Федерации до сих пор не произошло, актуальность именно данной разновидности терроризма достаточно часто подчеркивается различными органами власти. Так, например, Совет безопасности Российской Федерации неоднократно акцентировал внимание на том, что цифровой терроризм может быть сопоставим с оружием массового уничтожения [1].

Использование террористами информационно-коммуникационных технологий позволяет им активнее расширять географию распространения своей деструктивной идеологии, дистанционно рекрутировать новых сторонников, привлекать финансовые средства, управлять разрозненными силами, вести подготовку терактов, в том числе в киберпространстве.

В российских законодательных актах цифровой терроризм не упоминается, однако прослеживаются отдельные связи между цифровыми операциями и цифровой валютой и необходимостью контрольной деятельности в данной сфере в контексте борьбы с финансированием терроризма.

Проводя теоретико-правового анализа необходимо выделить следующие сущностные характеристики современного цифрового терроризма:

- использование разнообразных цифровых технологий на различных этапах организации и осуществления противоправного деяния;
- осуществление противоправной деятельности в интернет-пространстве;
- высокая степень анонимности совершаемых деяний;
- направленность противоправного воздействия на широкий круг объектов;
- трансграничный характер противоправного функционирования;
- скорость и масштаб распространения противоправных идей и взглядов.

В рамках представленного исследования видится необходимым подчеркнуть тот факт, что цифровой терроризм является неотъемлемой составляющей развития современного мира, в связи с чем особое значение приобретает не только эффективное применение существующих механизмов борьбы с распространением террористи-

ческих проявлений, но и их совершенствование с учётом состояния противоправной практики.

Отрицать перспективы развития цифрового терроризма в настоящее время совершенно бессмысленно, а разработка действенных методов борьбы с данным явлением требует комплексного и системного подхода. В данном контексте справедливым представляется уделить особое внимание именно вопросам финансирования, поскольку в условиях повсеместной информатизации и цифровизации данная деятельность также значительно масштабируется.

Среди основных угроз финансирования терроризма в последние несколько лет наиболее актуальны следующие: российские граждане и иностранные террористы-боевики, перемещающиеся в миграционных потоках под видом трудовых мигрантов, беженцев и т.п. на территорию России, а также выезжающие через российскую территорию в места осуществления террористической деятельности или возвращающиеся из указанных мест; вооруженные бандформирования в отдельных регионах Российской Федерации; ячейки террористических организаций (в том числе международных) и отдельные лица, осуществляющие террористическую деятельность внутри страны; участники террористических организаций, осуществляющие сбор средств и вербовку лиц через социальные сети и мессенджеры; аффилированные с террористами лица (родственники, знакомые, члены этнических диаспор и т.п., в том числе находящиеся за рубежом), оказывающие им материальную помощь [2].

Выделение указанных угроз в качестве конкретных лиц и их связи с террористическими проявлениями объективно обусловлено не только общими тенденциями совершенствования терроризма в России и в мире, но и особенностями геополитической обстановки, а также эффективностью отдельных механизмов контртеррористической деятельности на территории российского государства. Несмотря на то, что данная деятельность осуществляется на постоянной основе, регулярно совершенствуется с учетом возникающих вызовов и угроз, последние также активно трансформируются в современном мире.

Исследование процесса финансирования терроризма имеет важнейшее прикладное значение поскольку данная деятельность носит организованный характер, и каждый из ранее обозначенных этапов указанного процесса имеет свои собственные риски. Процесс финансирования терроризма учитывает не только процедурные аспекты привлечения и перемещения соответствующих ресурсов, но и их дальнейшее использование непосредственно в террористических целях.

Для использования средств, как этапа процесса финансирования терроризма в настоящее время актуальны следующие риски:

Во-первых, применение средств, предназначенных для финансирования терроризма, в оперативных целях. Данные риски предполагают наступление наиболее масштабных негативных последствий, так как непосредственно ориентированы на совершение террористического акта.

Во-вторых, использование средств, предназначенных для финансирования терроризма, в организационных целях. В контексте данного риска рассматривается долгосрочное ресурсное сопровождение деятельности террористической организации, сообщества или группировки. Данная деятельность еще более многообразна, поскольку ориентирована на всестороннюю проработку террористического функционирования: вербовка и подготовка террористов, распространение пропагандистских материалов, ресурсное поддержание террористических формирований, коррупционные выплаты и т.д.

На современном этапе функционируют отдельные международно-правовые основы и процессуальные механизмы борьбы с финансированием терроризма.

С одной стороны, указанные механизмы позволяют государствам-членам соответствующих международных организаций объединять свои силы по борьбе с анализируемым противоправным явлением, с другой стороны – данные механизмы весьма фрагментарны, поскольку по-прежнему сохраняются различные национальные подходы к противодействию финансированию терроризма в различных государствах.

Анализируя российское законодательство контртеррористической направленности следует отметить, что борьба с указанным противоправным явлением регламентируется целым рядом нормативно-правовых актов.

В первую очередь следует отметить наличие в российской правовой системе специализированных актов, а именно Федерального закона «О противодействии терроризму».

Указанный федеральный закон имеет принципиальное значение для теоретико-правового осмысления заявленной проблематики, поскольку закрепляет целый ряд базовых понятий, используемых в рамках контртеррористической деятельности. Так, например, из определения понятия «террористическая деятельность» наглядно видно не только содержательное многообразие рассматриваемого явления, но и тот факт, что финансирование является неотъемлемым элементом современного терроризма, что еще больше актуализирует теоретико-правовое осмысление заявленной

проблематики.

Кроме того, указанный федеральный закон детально определяет механизмы борьбы с указанным противоправным явлением. В действующем законодательстве противодействие терроризму определяется как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Определение вышеназванных направлений в качестве основных видится справедливым, поскольку для эффективной борьбы с анализируемым преступным поведением необходимо не только результативно выявлять и расследовать совершенные деяния, но и постоянно осуществлять профилактико-предупредительную деятельность в отношении факторов, способствующих распространению террористических взглядов и идей в обществе.

Российский законодатель сознательно акцентирует внимание на субъектном составе указанной деятельности, который характеризуется качественным многообразием. В контртеррористическую деятельность в настоящее время вовлечены далеко не только органы власти, но и представители гражданского общества, поскольку без участия последних крайне тяжело достичь целей осуществляемого воздействия. Определение вышеназванных направлений также весьма справедливо, что позволяет конкретизировать цели и задачи отдельных направленностей, а также специфику субъектного состава.

Так, например, если говорит о выявлении, пресечении и расследовании террористических преступлений, то в данном контексте особое значение приобретает эффективное функционирование правоохранительных органов, поскольку именно к их компетенции относится соответствующее функционирование.

Указанные органы наделены целым рядом специальных полномочий, которые позволяют им оказывать наиболее эффективное воздействие на

преступников.

В то время как в остальных двух направлениях значение имеет функционирование всех субъектов контртеррористической деятельности.

Таким образом, проанализировав вышеуказанное целесообразно подводя итоги, сделать вывод о том, что финансирование терроризма ориентировано не только на подготовку и совершение конкретных преступлений террористической направленности, но и предполагает долгосрочное поддержание и развитие преступных сообществ в целях их дальнейшей активизации с учетом обстановки в конкретном регионе.

Цифровой терроризм и современные особенности его финансирования обуславливают необходимость детального исследования действующих механизмов контртеррористической деятельности на предмет их эффективности в контексте заявленной проблематики.

При этом актуальным представляется комплексный анализ законодательного регулирования контртеррористической деятельности, а также практики ее реализации.

К настоящему моменту в российском государстве имеется весьма обширная правовая база для организации и осуществления контртеррористической деятельности. Однако финансирование терроризма в большинстве из них рассматривается в качестве составного элемента террористической деятельности в целом.

Список литературы:

[1] СБ РФ: цифровой терроризм может быть сопоставим с оружием массового уничтожения. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/14658343> (дата обращения: 15.06.2024).

[2] Национальная оценка рисков финансирования терроризма: публичный отчет. // Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: <https://fedsfm.ru/fm/nor> (дата обращения: 15.06.2024).

References:

[1] Security Council of the Russian Federation: Digital terrorism may be comparable to weapons of mass destruction. // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/14658343> (date accessed: 15.06.2024).

[2] National Terrorist Financing Risk Assessment: Public Report. // Federal Financial Monitoring Service. URL: <https://fedsfm.ru/fm/nor> (date accessed: 15.06.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-820-826

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, ведущий
научный сотрудник отдела исследования проблем
социологического обеспечения и прогнозирования
деятельности УИС ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выработке системы этических и дисциплинарных границ применения искусственного интеллекта в деятельности уголовно исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая трансформация публичного управления и развитие нейросетевых решений уже вышли за рамки экспериментальной стадии, тогда как пенитенциарная сфера остается одним из наиболее чувствительных сегментов государственной власти, непосредственно затрагивающих человеческое достоинство, частную жизнь и фундаментальные права человека. Показано, что внедрение генеративного искусственного интеллекта в подготовку и принятие решений в УИС происходит на фоне высокого уровня общественного недоверия к алгоритмическим системам и неустойчивого восприятия моральной допустимости делегирования машинным системам элементов публичного усмотрения. Действующие общие документы об искусственном интеллекте закрепляют базовые принципы безопасности, уважения прав и свобод человека, технологической независимости и человека центрированного подхода, но не задают специальный этический и дисциплинарный режим для уголовно исполнительной системы и не определяют пределов допустимого алгоритмического участия в исполнении наказаний. На основе идей легитимности публичного управления и подходов к алгоритмической прозрачности и подотчетности предлагается трехуровневая модель этических границ применения ИИ в УИС и матрица дисциплинарной ответственности должностных лиц за использование несертифицированных и невалифицированных решений, нарушение процедур информирования, прозрачности и обязательной человеческой проверки в критически значимых точках. Отдельно обосновывается необходимость введения института этического аудита ИИ решений в ФСИН России как механизма независимой оценки недискриминационного, человека центрированного и реабилитационно ориентированного использования ИИ. Научная новизна исследования состоит в переводе дискуссии об искусственном интеллекте в УИС из плоскости общей цифровизации в плоскость отраслевого этического и дисциплинарного нормотворчества, ориентированного на поддержание легитимности пенитенциарной власти и доверия к ее цифровым практикам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, диалоговая интеллектуальная система, юридическая клиника, бесплатная юридическая помощь, алгоритмическая прозрачность, цифровая трансформация.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading
Researcher at the Department of Research on the problems of
sociological support and forecasting of the activities of the Penal
System of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

ETHICAL AND DISCIPLINARY BOUNDARIES OF THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to the development of a system of ethical and disciplinary boundaries for the use of artificial intelligence in the activities of the Penal System of the Russian Federation (PS). The relevance of the topic is due to the fact that the digital transformation of public administration and the development of neural network solutions have already moved beyond the experimental stage, while the penitentiary sphere remains one of the most sensitive segments of state power, directly affecting human dignity, private life, and fundamental human rights. It is shown that the introduction of generative artificial intelligence into the preparation and making of decisions in the PS takes place against the background of a high level of public distrust of algorithmic systems and an unstable perception of the moral permissibility of delegating elements of public discretion to machine systems. The current general documents on artificial intelligence enshrine the basic principles of safety, respect for human rights and freedoms, technological independence, and a human centered approach, but they do not establish a special ethical and disciplinary regime for the penal enforcement system, nor do they define the limits of permissible algorithmic participation in the execution of punishments. On the basis of the ideas of legitimacy of public administration and approaches to algorithmic transparency and accountability, a three level model of ethical boundaries for the use of AI in the PS is proposed, as well as a matrix of disciplinary liability of officials for the use of uncertified and unverified solutions, violation of procedures for informing, transparency, and mandatory human review at critically important points. Separately, the necessity of introducing an institution of ethical audit of AI solutions in the Federal Penitentiary Service of Russia is substantiated as a mechanism for independent assessment of non discriminatory, human centered, and rehabilitation oriented use of AI. The scientific novelty of the research lies in shifting the discussion on artificial intelligence in the PS from the plane of general digitalization to the plane of sectoral ethical and disciplinary rule making, aimed at maintaining the legitimacy of penitentiary authority and trust in its digital practices.

Key words: artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, intelligent dialogue system, legal clinic, free legal assistance, algorithmic transparency, digital transformation.

В настоящее время внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность государства перестало быть частным вопросом цифровой модернизации отдельных ведомств, являясь проблемой общей архитектуры публичного управления. Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года связывает модернизацию УИС с цифровой трансформацией, совершенствованием управления и развитием электронного взаимодействия. Однако пенитенциарная сфера отличается от большинства иных сегментов публичного управления тем, что здесь власть государства реализуется в наиболее концентрированной форме – через исполнение наказания, ограничение свободы, контроль над пространством частной жизни и повседневными решениями, затрагивающими достоинство человека. Поэтому перенос генеративного и аналитического искусственного интеллекта в деятельность УИС не может оцениваться только через призму эффективности [1, С. 62].

Этический вызов в данном случае предшествует вопросу о полезности технологии. Генеративный искусственный интеллект способен создавать внешне связный и убедительный текст, фор-

мировать рекомендации, классифицировать обращения, прогнозировать поведенческие сценарии и предлагать варианты решения в условиях неполной информации [2, С. 114]. Но именно убедительность машинного вывода создает специфический риск для публичной власти: неточный, предвзятый или статистически искаженный результат может быть воспринят должностным лицом как рационально обоснованный и тем самым включен в управленческое решение. В государственном управлении это означает угрозу снижения процессуальной легитимности, размывания ответственности и технократического смещения, при котором управленческое усмотрение подменяется ссылкой на алгоритм. Для пенитенциарной системы такой сдвиг особенно опасен, поскольку затрагивает не только административное удобство, но и фундаментальные права сотрудников, осужденных, их родственников [3, С. 330].

Проблема усугубляется тем, что в российской правовой системе пока отсутствует системное осмысление этических и дисциплинарных пределов применения ИИ в УИС. Рамочные документы в сфере ИИ задают общие ориентиры. Национальная стратегия развития искусственного

интеллекта развивает понятийный аппарат, вводит идеи доверенных технологий и ориентирует публичную власть на безопасное развитие ИИ. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта в российской практике закрепляет принципы человеко-центрированности, безопасности, уважения автономии воли, недискриминации и ответственного управления, однако его регулятивная сила носит мягкий и рамочный характер [4, С. 198]. Параллельно в научной и экспертной литературе подчеркивается, что доверие к ИИ в государстве зависит не только от технологических характеристик, но и от восприятия процедур справедливости, подотчетности и возможности оспаривания результатов [5, С. 152]. На этом фоне применение ИИ в деятельности УИС остается в «серой зоне»: общие требования сформулированы, но отраслевые границы не выведены.

В работах, посвященных прозрачности автоматизированного принятия решений, подчеркивается, что проблема «черного ящика» в государственном управлении не сводится к технической непрозрачности кода или модели [6, С. 4]. Существеннее другое: гражданин и сам орган власти зачастую не располагают информацией, как именно алгоритм участвовал в принятии решения, какие данные использовались, какие альтернативы были возможны и каким образом можно проверить или опровергнуть вывод системы. Отсюда вытекает значение права на объяснение и контрфактологических объяснений: лицо должно иметь возможность узнать не только результат, но и те параметры, изменение которых повлекло бы иной вывод. Для пенитенциарной сферы значение этой идеи выше, чем для большинства административных процедур. Осужденный, сотрудник или родственник, столкнувшиеся с алгоритмической классификацией обращения, оценкой риска либо приоритизацией запроса, должны иметь право понимать логику такого распределения, иначе публичная власть теряет моральное и правовое основание требовать доверия к своему цифровому контуру.

Важно, чтобы этические границы применения ИИ в УИС строились не по бинарной модели «разрешено-запрещено», а по риск-ориентированной логике, учитывающей функциональный контур использования системы. В организационно-вспомогательном контуре, где ИИ, например, автоматизирует документооборот, первичную сортировку обращений, поиск повторяющихся паттернов в массивах данных или подготовку статистических сводок, этические ограничения минимальны, но не отсутствуют. Даже в организационно-вспомогательном контуре, где риск ниже, сохраняются базовые требования: законность, достоверность данных, защита персональной информации и ин-

формирование пользователя о применении алгоритмов в тех случаях, когда это влияет на доступ к услугам или на сроки рассмотрения обращения [7, С.52; 8, С.49]. Низкий уровень риска не делает использование ИИ нейтральным с этической точки зрения. Он лишь позволяет допустить больший объем автоматизации при условии сохранения прозрачности работы системы и реальной возможности контроля со стороны человека.

Иная ситуация возникает в контуре поддержки принятия решений. Здесь искусственный интеллект участвует в оценке риска, прогнозировании, подготовке проектов решений, аналитическом ранжировании обращений и выявлении вероятностных сценариев нарушения режима или других событий. В таком режиме алгоритм уже не просто обслуживает административные функции, а влияет на выбор управленческой траектории. Поэтому для этого контура необходим более строгий набор ограничений: обязательная человеческая верификация результатов, документирование роли алгоритма в принятии решения, фиксация используемых данных и проверка на наличие дискриминационных искажений. Выражение «человек в контуре» в этой сфере приобретает конкретный дисциплинарный смысл: должностное лицо не вправе ссылаться на машинный вывод как на самостоятельное основание действий, если оно не провело собственную проверку и не зафиксировало, по каким причинам результат работы ИИ признан релевантным [9, С.134].

Максимальные ограничения должны действовать в контуре, где решения принимаются автономно и непосредственно затрагивают права и свободы сотрудников, осужденных и их родственников. Речь идет о ситуациях, когда алгоритм влияет на доступ к свиданиям, переводам, режимным ограничениям, внутренним дисциплинарным мерам, оценке риска поведения, маршрутизации жалоб, доступу к помощи и другим вопросам, определяющим правовой статус лица. В таком контуре автономное алгоритмическое решение следует рассматривать как фактически недопустимое. Приемлемым может быть только вспомогательное использование ИИ при условии обязательного человеческого пересмотра, документированной проверки и возможности оспаривания результата.

Тем самым трехуровневая модель этических границ позволяет адаптировать универсальные принципы ИИ к пенитенциарной специфике.

Этические границы не исчерпывают проблему. В деятельности УИС они должны быть переведены в дисциплинарные границы, то есть в такие нормативные пределы должностного поведения, нарушение которых влечет служебную ответственность. Следует отметить, что в настоящее время

этот уровень регулирования фактически отсутствует. Дисциплинарное право традиционно ориентировано на нарушение служебной дисциплины, правил обращения с информацией, порядка исполнения приказов и обязанностей, но не содержит специальной квалификации проступков, связанных с применением ИИ. Между тем технологическая неопределенность не устраняет дисциплинарного риска, а повышает его: должностное лицо может использовать несертифицированный сервис, довериться непроверенному выводу генеративной модели, не сообщить заявителю об участии ИИ, нарушить режим конфиденциальности либо не выполнить обязательную человеческую проверку. Все эти действия уже сегодня способны причинить вред правам лиц, находящихся в сфере контроля УИС, но пока не описаны как специальный состав дисциплинарно значимого поведения.

С учетом вышеизложенного предлагается матрица дисциплинарной ответственности за использование ИИ в УИС. Первый блок связан с нарушением требований к допустимости самой технологии. Использование несертифицированных или неразрешенных ведомством ИИ-решений, особенно в работе с чувствительными данными, должно квалифицироваться как самостоятельное дисциплинарное нарушение, поскольку оно создает неконтролируемый риск для безопасности информации и законности принятия решений. Далее, второй блок касается отсутствия верификации алгоритмического вывода. Если должностное лицо использовало рекомендацию ИИ при подготовке или принятии решения без собственной проверки, в делах среднего и высокого риска это должно рассматриваться как нарушение служебной обязанности по добросовестному и законному осуществлению полномочий. Следующий блок образуют нарушения процедур информирования: если лицо взаимодействует с осужденным или родственником через цифровой контур и не сообщает об участии ИИ, оно нарушает требования алгоритмической прозрачности. Наконец, четвертый блок связан с отсутствием журналирования, сокрытием алгоритмического участия и несоблюдением процедур сохранения логов. В этих случаях дисциплинарный проступок выражается уже не только в ошибке, но и в подрыве возможности контроля и последующей проверки.

Такое понимание дисциплинарных границ требует корректировки ведомственного регулирования. В нормативно-правовые акты, связанные с деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации целесообразно включить положения, описывающие обязанность должностного лица использовать только разрешенные цифровые инструменты, обеспечи-

вать обязательную проверку алгоритмических выводов в установленных случаях, соблюдать порядок уведомления заявителей об участии ИИ и обеспечивать сохранность журналов цифрового взаимодействия.

Здесь проявляется отличие УИС от иных органов государственной власти. В общем административном управлении нарушение алгоритмической прозрачности может повлечь дефект процедуры, снижение доверия или трудности оспаривания административного акта. В пенитенциарной среде те же дефекты сопряжены с более жесткими последствиями: искажением режима исполнения наказания, затруднением доступа к защите, ошибочной оценкой риска, подрывом реабилитационной функции и ростом конфликтности внутри учреждения [10, С. 261; 11, С. 110]. Следовательно, дисциплинарные границы в УИС должны быть строже, чем в ряде других административных сфер. Это касается и юридических клиник образовательных организаций ФСИН России. Хотя они не принимают властных решений об исполнении наказания, они работают на стыке образовательного, правозащитного и информационно-технологического режимов и оказывают бесплатную юридическую помощь осужденным, их родственникам и сотрудникам. Для клиник принципиальны не только прозрачность и подотчетность, но и повышенный стандарт конфиденциальности [12, С. 36]. Алгоритмическая ошибка здесь может не изменить режим содержания напрямую, но способна привести к пропуску процессуальных сроков, искажению правовой позиции и утрате доверия к институту помощи. Поэтому ограничения для юридических клиник отличаются от ограничений для судов и административных органов: в центре находится не автоматизация решения по существу, а недопустимость подмены доверительного юридического взаимодействия непрозрачным алгоритмическим посредником [13, С.8].

Наряду с дисциплинарной ответственностью требуется и особый институт этического аудита ИИ-решений в УИС. Его задача состоит не в технической сертификации как таковой, а в независимой оценке соответствия алгоритма базовым ценностям пенитенциарного правоприменения. Этический аудит диалоговых систем в УИС должен проверять несколько ключевых вещей. Во первых, не воспроизводит ли система дискриминационные паттерны в отношении осужденных, сотрудников или иных категорий пользователей. Во вторых, согласуются ли цели и режим ее работы с человекоцентрированным подходом к использованию ИИ: сохраняется ли ориентир на реабилитационную направленность наказания, обеспечены ли право пользователя на объяснение, возможность отсле-

дить путь принятия решения и право на человеческий пересмотр результата.

В отличие от обычного внутреннего контроля такой аудит не может быть чисто техническим. Он по определению междисциплинарен. В нем должны участвовать не только специалисты по информационным системам, но и юристы, эксперты по этике искусственного интеллекта, представители образовательной среды и, по возможности, правозащитных организаций. Именно такая конфигурация позволяет оценивать систему не только по критериям корректности кода, но и по тому, как она вписывается в ценности и нормы публичной власти.

Этический аудит необходим потому, что формально законное и технологически эффективное решение может оказаться неприемлемым с точки зрения морали государственной власти. Хороший пример – предиктивные системы, которые статистически работают корректно, но фиксируют и усиливают исторически сложившиеся перекосы. В пенитенциарной сфере эта логика особенно рискованна: любой прогноз здесь по своей природе тяготеет к превентивному ограничению. Если алгоритм классифицирует осужденных или их обращения по признакам «риска» без достаточной прозрачности и возможности оспаривания, он подрывает идею индивидуализированного и правомерного исполнения наказания. В такой ситуации этический аудит становится не внешним дополнением, а инструментом удержания технологии в границах, совместимых с правом и человеческим достоинством.

Отдельно встает вопрос легитимности. В работах о доверии к генеративному ИИ в государственных решениях подчеркивается, что устойчивость алгоритмического управления зависит от трех измерений: входной, процессуальной и выходной легитимности [13, С.10]. Входная связана с общественным согласием на сам факт использования ИИ в публичной власти. Процессуальная – с прозрачностью процедур, объяснимостью результатов и сохранением реального человеческого участия. Выходная – с качеством и справедливостью итогового решения. Для УИС эти три слоя практически не отделимы друг от друга. Даже технологически «эффективная» система, если она воспринимается как непрозрачная и бесчеловечная, будет снижать доверие к пенитенциарной власти и усиливать ощущение произвольности решений. Поэтому этические и дисциплинарные границы ИИ в УИС должны рассматриваться как инструменты обеспечения легитимности, а не как тормоз цифровизации.

Практический вывод из предложенного подхода заключается в необходимости встраивания

этических требований в ведомственные акты. Речь идет не о декларативном воспроизведении общих принципов, а о разработке специального ведомственного кодекса этики применения ИИ в УИС, который закрепил бы пределы допустимого использования ИИ по функциональным контурам, обязательность человеческой верификации в критически значимых точках, право лица на объяснение и на пересмотр результата человеком, требования к журналированию и хранению данных, запрет на автономное алгоритмическое решение по вопросам, затрагивающим права и свободы. Следующим уровнем должны стать изменения в инструкциях, положениях и дисциплинарных регламентах, которые переведут эти принципы в конкретные обязанности должностных лиц. Наконец, третий уровень – процедуры этического аудита и периодической проверки уже эксплуатируемых систем.

В предлагаемой модели человека центрированное использование искусственного интеллекта перестает быть общей декларацией и приобретает конкретное отраслевое содержание. Для УИС это означает, что технология допустима только в той мере, в какой она помогает личному составу действовать законно, соразмерно и без унижения человеческого достоинства. Искусственный интеллект может поддерживать повседневную работу: обрабатывать большие массивы данных, ускорять технические операции, облегчать поиск нормативной и управленческой информации. Но он не может превращаться в самостоятельный источник пенитенциарного усмотрения. Вопросы, затрагивающие право, свободу, безопасность, достоинство и реабилитационные перспективы человека, должны оставаться в пространстве ответственного человеческого решения. Вышеизложенная концепция дает несколько авторских дополнений к уже сложившейся дискуссии. Во-первых, этические границы применения ИИ в УИС целесообразно описывать не через абстрактный список принципов, а через трехуровневую модель функциональных контуров: организационно вспомогательный, контур поддержки принятия решений и контур потенциального автономного воздействия на права осужденных и сотрудников. Такой подход делает регулирование операциональным и привязывает требования к реальной практике. Во-вторых, дисциплинарные границы использования ИИ должны быть выражены через специальную матрицу служебной ответственности: за работу с неразрешенными системами, за отсутствие проверки алгоритмического вывода, за нарушение процедур прозрачности и за игнорирование обязанностей по уведомлению и ведению журнала взаимодействий. В-третьих, обязательным

элементом пенитенциарного режима ИИ должен стать институт этического аудита как форма независимой экспертизы, ориентированной не только на эффективность технологий, но и на человекоцентрированность, недискриминацию и сохранение реабилитационной направленности исполнения наказания.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадраleeва Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. О факторах и профилактике компьютерной зависимости у подростков // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 198-199.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Шульц Е.В. Возможности применения российского сервиса Гигачат для автоматизации деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2026, Т. 2, № 2(2). С. 2-7.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Вedomosti уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: совре-

менные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

[13] Царькова Е.Г. Алгоритмическая прозрачность и защита персональных данных при использовании диалоговых систем в юридических клиниках ФСИН России // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2026. Т. 2, № 2(2). С. 8-15.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. On factors and prevention of computer addiction in adolescents // Eurasian Law Journal. 2021. № 8(159). S. 198-199.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Schulz E.V. The possibilities of using the Russian Gigachat service to automate the activities of employees of the criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security. Management. Artificial intelligence. 2026, VOL. 2, NO. 2 (2). S. 2-7.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training

datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

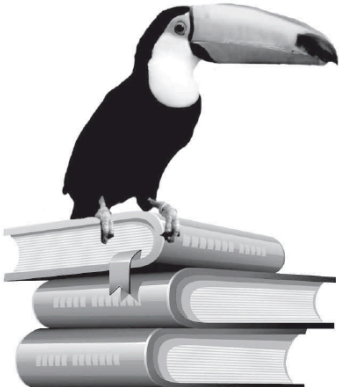
[11] Ponkin I.V. Public administration and

regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

[13] Tsarkova E.G. Algorithmic transparency and protection of personal data when using dialogue systems in legal clinics of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security. Management. Artificial intelligence. 2026. T. 2, NO. 2 (2). S. 8-15.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-827-833

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского
права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ СБОРА ДАННЫХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫМИ ПОМОЩНИКАМИ НА ПРИМЕРЕ АЛИСЫ И САЛЮТА: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование юридических аспектов сбора, обработки и использования персональных данных пользователей голосовыми виртуальными ассистентами на примере отечественных программных продуктов «Алиса» (ПАО «Яндекс») и «Салют» (ПАО «Сбербанк»). Анализируется соответствие практики обработки голосовых и биометрических данных требованиям Федерального закона «О персональных данных», исследуются проблемы информированного согласия, трансграничной передачи данных, локализации баз данных, а также защиты прав субъектов персональных данных, включая третьих лиц. Особое внимание уделяется квалификации голоса как биометрических персональных данных, вопросам ответственности операторов, а также сравнительно-правовому анализу с зарубежными подходами (GDPR). Авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования обработки голосовых данных как особой категории персональной информации, внедрения принципов *privacy by design* (приватность на этапе проектирования) и *privacy by default* (приватность по умолчанию), а также усиления гарантий прав субъектов данных.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, виртуальный помощник, голосовой ассистент, биометрические данные, информированное согласие, цифровые права, искусственный интеллект, локализация данных.

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St.
Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

DATA COLLECTION PRIVACY AND ITS USE BY VIRTUAL ASSISTANTS ON THE EXAMPLE OF ALICE AND SALUT: LEGAL ASPECTS

Annotation. The article provides a comprehensive study of the legal aspects of the collection, processing and use of users' personal data by voice virtual assistants on the example of Russian software products "Alice" (Yandex) and "Salut" (Sberbank). The author analyzes the compliance of voice and biometric data processing practices with the requirements of the Federal Law "On Personal Data", explores the problems of informed consent, cross-border data transfer, database localization, as well as the protection of the rights of personal data subjects, including third parties. Particular attention is paid to the qualification of voice as biometric personal data, issues of operators' liability, and comparative legal analysis with foreign approaches (GDPR). The authors conclude that it is

necessary to improve the legal regulation of voice data processing as a special category of personal information, to introduce the principles of privacy by design and privacy by default, and to strengthen the guarantees of the rights of data subjects.

Key words: *personal data, privacy, virtual assistant, voice assistant, biometric data, informed consent, digital rights, artificial intelligence, data localization.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и машинного обучения привело к массовому распространению голосовых виртуальных помощников, интегрированных в смартфоны, «умные» колонки, автомобили, телевизоры и разнообразную бытовую технику. Голосовой интерфейс постепенно становится одним из доминирующих способов взаимодействия человека с цифровой средой, что обусловлено его естественностью и удобством. В Российской Федерации лидирующие позиции на данном рынке занимают ассистент «Алиса» компании ПАО «Яндекс», интегрированный в устройства линейки «Яндекс.Станция», и семейство виртуальных ассистентов «Салют» (Сбер, Афина, Джой) ПАО «Сбербанк», реализованное в устройствах SberBoom, SberBox, SberPortal и мобильных приложениях экосистемы.

Указанные технологии, обеспечивая пользователю комфорт взаимодействия с цифровыми сервисами, одновременно осуществляют непрерывный сбор колоссальных объемов персональных данных, включая аудиозаписи голоса, историю запросов, сведения о геолокации, данные об используемых устройствах, а также информацию о поведенческих паттернах пользователя. Более того, современные ассистенты способны формировать детальные профили пользователей, объединяя данные из различных сервисов единой цифровой экосистемы, что многократно усиливает потенциальные риски для приватности.

Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что голосовые данные обладают особой чувствительностью: они позволяют не только идентифицировать личность говорящего, но и определить его эмоциональное состояние, пол, приблизительный возраст, акцент и региональную принадлежность, а в ряде случаев – сделать выводы о состоянии здоровья (например, о наличии заболеваний дыхательных путей или неврологических расстройств) [1]. Постоянная активность микрофона устройств с функцией активации по ключевому слову создает существенные риски несанкционированного вторжения в частную жизнь, гарантированную статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия

не допускаются.

Проблема приобретает особую остроту в условиях, когда правовое регулирование объективно отстает от темпов технологического развития. Законодатель вынужден реагировать на уже сложившиеся общественные отношения, что порождает многочисленные правовые пробелы и коллизии. В связи с этим исследование юридических аспектов функционирования виртуальных ассистентов представляется своевременным и практически значимым.

Степень научной разработанности темы остается недостаточной. Отдельные аспекты правового регулирования обработки персональных данных в цифровой среде рассматривались в работах Архипова В.В. [1], А.И. Савельева [2], Л.К. Терещенко [3], Т.А. Поляковой [4], Э.В. Талапиной [5], В.Б. Наумова [6]. Вместе с тем специфика правового статуса голосовых данных, собираемых виртуальными ассистентами, а также комплексный анализ их обработки на примере конкретных отечественных продуктов до настоящего времени не становились предметом самостоятельного монографического или статейного исследования, что определяет научную новизну настоящей работы.

Целью настоящей статьи является выявление и системный анализ юридических проблем, возникающих при сборе, обработке и использовании персональных данных виртуальными помощниками «Алиса» и «Салют», а также формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: во-первых, определить правовую природу голосовых данных и решить вопрос об их квалификации в качестве биометрических персональных данных; во-вторых, проанализировать соответствие политики конфиденциальности и пользовательских соглашений рассматриваемых сервисов требованиям законодательства о персональных данных; в-третьих, выявить проблемы реализации института информированного согласия применительно к голосовым интерфейсам; в-четвертых, исследовать вопросы трансграничной передачи данных и локализации баз данных; в-пятых, рассмотреть механизмы защиты прав субъектов персональных данных, включая третьих лиц; в-шестых, провести сравнитель-

но-правовой анализ с зарубежными подходами; в-седьмых, предложить направления совершенствования правового регулирования.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный и структурно-функциональный подходы) и частнонаучные юридические методы: формально-юридический (для толкования норм законодательства о персональных данных), сравнительно-правовой (для сопоставления российского и зарубежного регулирования), а также метод юридического моделирования.

В соответствии с пунктом 1 статьи 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Голосовая запись пользователя, безусловно, подпадает под данное определение, поскольку в совокупности с иными данными позволяет прямо или косвенно идентифицировать конкретное физическое лицо.

Однако наиболее дискуссионным остается вопрос о квалификации голоса как биометрических персональных данных. Согласно статье 11 указанного закона, биометрическими являются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных. Таким образом, ключевым критерием отнесения данных к биометрическим выступает не только их физиологическая природа, но и цель их использования [2, с. 214].

Данный подход подтверждается разъяснениями Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки», согласно которым фотографическое изображение, аудиозапись голоса и иные аналогичные сведения становятся биометрическими персональными данными лишь тогда, когда оператор использует их именно для установления личности конкретного субъекта, а не для иных целей. Следовательно, если запись голоса используется исключительно для распознавания смысла команды (преобразования речи в текст) и последующего выполнения запроса, такие данные формально не относятся к биометрическим. Напротив, если оператор применяет голосовой слепок для идентификации или аутентификации пользователя – как это реализовано в функции голосовой биомет-

рии в экосистеме Сбербанка, позволяющей подтверждать личность клиента по голосу, – данные приобретают безусловный статус биометрических и требуют письменного согласия субъекта в силу части 1 статьи 11 Закона № 152-ФЗ.

Как справедливо отмечает А.И. Савельев, отсутствие четкого и однозначного критерия «использования для установления личности» порождает существенную правовую неопределенность, поскольку один и тот же массив данных в зависимости от целей обработки может как относиться, так и не относиться к биометрическим [2, с. 216]. Данная неопределенность создает благоприятную почву для злоупотреблений со стороны операторов, которые могут декларировать неидентификационные цели обработки, фактически формируя голосовые слепки пользователей.

Существенное значение для рассматриваемой проблематики имеет принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...», установившего специальный правовой режим обработки биометрии и закрепившего функционирование Единой биометрической системы (ЕБС) как государственной информационной системы [5]. Согласно данному закону, размещение и обработка биометрических персональных данных для целей идентификации и аутентификации осуществляются преимущественно в рамках ЕБС, что существенно повышает требования к коммерческим операторам, работающим с голосовыми слепками, и фактически ограничивает возможность самостоятельного формирования частных биометрических баз данных. Как отмечает Э.В. Талапина, введение централизованной модели обработки биометрии направлено на усиление государственного контроля и защиту субъектов, однако создает и определенные риски концентрации чувствительных данных [5, с. 895].

Анализ пользовательских соглашений, политик конфиденциальности и публичной информации о рассматриваемых сервисах позволяет выявить ряд характерных особенностей обработки персональных данных.

Оба оператора собирают широкий спектр сведений: аудиозаписи голосовых команд, их текстовые расшифровки, метаданные устройства (модель, версия операционной системы, идентификаторы), сведения о сетевом соединении и IP-адресе, данные о геолокации, историю взаимодействий с сервисом, а также информацию о сопряженных устройствах «умного дома». Записи голоса могут использоваться для обучения нейросетевых моделей распознавания и синтеза речи, улучшения качества работы ассистента, а в от-

дельных случаях – для таргетирования рекламы в рамках экосистемы.

Принципиальная техническая особенность голосовых ассистентов состоит в том, что активация устройства осуществляется по ключевому слову («Алиса», «Салют», «Сбер»), что предполагает постоянный анализ звукового потока встроенным микрофоном в режиме ожидания. Хотя операторы заявляют, что передача аудиоданных на удаленные серверы начинается только после произнесения активационной фразы, а предшествующая обработка осуществляется локально на устройстве, риск случайной («ложной») активации и, как следствие, записи фоновых разговоров, в том числе третьих лиц, не давших согласия на обработку своих данных, остается существенным [3, с. 45]. Это порождает самостоятельную и до конца не разрешенную в законодательстве проблему обработки персональных данных лиц, которые не являются пользователями сервиса, не заключали пользовательского соглашения и не выражали какого-либо согласия на сбор и обработку своих голосовых данных.

Отдельного внимания заслуживает практика привлечения к прослушиванию и разметке (аннотированию) фрагментов аудиозаписей ассессоров – специалистов, вручную обрабатывающих данные для обучения алгоритмов. Даже при заявленной обезличенности таких записей сохраняется вероятность реидентификации субъекта по содержанию разговора, что подтверждается зарубежным опытом соответствующих разбирательств в отношении крупных технологических компаний [6, с. 138].

Не менее важным является вопрос трансграничной передачи данных и локализации баз данных на территории Российской Федерации в силу части 5 статьи 18 Закона № 152-ФЗ, обязывающей операторов при сборе персональных данных граждан РФ обеспечивать их запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение и извлечение с использованием баз данных, находящихся на территории России. Обучение крупных языковых моделей и систем распознавания речи нередко предполагает использование распределенных вычислительных мощностей и облачной инфраструктуры, что создает потенциальные риски нарушения требования о первичной локализации [4, с. 78].

Институт согласия субъекта персональных данных выступает одной из ключевых правовых гарантий защиты приватности. Согласно статье 9 Закона № 152-ФЗ, согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и добровольным. Однако применительно к виртуаль-

ным ассистентам реализация каждого из этих требований оказывается существенно затрудненной.

Во-первых, пользователь при активации сервиса акцептует объемные пользовательские соглашения и политики конфиденциальности, содержание которых он, как правило, не изучает в силу их значительного объема, сложности юридической терминологии и отсутствия реальной альтернативы (отказ означает невозможность использования продукта). Формируется феномен «согласия по умолчанию» (или «клик-согласия»), при котором формально-юридическое согласие не отражает действительной осознанной воли субъекта [6, с. 132]. В научной литературе данное явление получило наименование «парадокса приватности»: пользователи декларируют высокую озабоченность защитой своих данных, но на практике легко соглашаются на их обработку ради получения удобного сервиса [7, с. 88].

Во-вторых, в случае с «умными» колонками и иными устройствами без экрана отсутствует традиционный визуальный интерфейс, что делает практически невозможным надлежащее предоставление субъекту всей необходимой информации об обработке непосредственно в момент голосового взаимодействия. Требование информированности вступает в объективное противоречие с самой природой безэкранный голосового интерфейса.

В-третьих, как уже отмечалось, невозможно получить согласие третьих лиц, чей голос случайно попал в запись при ложной активации либо во время многопользовательского общения в помещении, где установлено устройство. Действующее законодательство не содержит адекватного механизма легитимации обработки данных таких лиц.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, необходим постепенный переход от модели формального (декларативного) согласия к концепциям *privacy by design* (приватность на этапе проектирования) и *privacy by default* (приватность по умолчанию), предполагающим встраивание механизмов защиты приватности непосредственно в архитектуру технологии на самых ранних стадиях ее разработки [7, с. 91]. Данные концепции, получившие нормативное закрепление в Общем регламенте ЕС по защите данных (GDPR), пока не имеют прямого аналога в российском законодательстве.

Обращение к зарубежному опыту правового регулирования обработки данных виртуальными ассистентами представляет значительный интерес для совершенствования отечественного законодательства.

В Европейском союзе основным нормативным актом выступает Общий регламент по защи-

те данных (General Data Protection Regulation, GDPR), вступивший в силу в 2018 году. GDPR относит биометрические данные, обрабатываемые для целей однозначной идентификации, к особой категории данных (ст. 9), обработка которых по общему правилу запрещена и допускается лишь при наличии явно выраженного согласия либо иных строго определенных оснований. Регламент закрепляет принципы минимизации данных (data minimisation), ограничения цели (purpose limitation), а также прямо предусматривает обязанность обеспечения защиты данных на этапе проектирования и по умолчанию (ст. 25). Существенное значение имеет закрепленное GDPR «право на забвение» (right to be forgotten) и право на переносимость данных (data portability) [8, с. 12].

Практика применения GDPR к деятельности разработчиков голосовых ассистентов уже сформировала важные прецеденты, связанные с прозрачностью обработки данных, обязанностью уведомления пользователей о ручной обработке аудиозаписей и необходимостью получения отдельного согласия на использование данных для целей улучшения сервисов. Данный опыт демонстрирует ценность дифференцированного подхода к различным целям обработки одних и тех же данных.

Сопоставление российского и европейского регулирования показывает, что отечественное законодательство, несмотря на его совершенствование, пока не выработало специализированного режима для высокотехнологичных способов обработки данных, каковыми являются голосовые ассистенты. Действующее законодательство предоставляет субъекту персональных данных ряд прав: право на доступ к своим данным, их уточнение, блокирование и уничтожение (ст. 14 Закона № 152-ФЗ), право на отзыв согласия, а также право на обжалование действий оператора в Роскомнадзор или в судебном порядке. Однако на практике реализация этих прав применительно к голосовым ассистентам существенно осложнена.

Так, субъекту крайне затруднительно получить полный объем собранных о нем данных, поскольку они распределены между различными сервисами экосистемы и представлены в различных форматах. Особую сложность представляет реализация права на удаление данных: даже при удалении конкретных аудиозаписей из личного кабинета пользователя невозможно добиться их полного изъятия из обучающих выборок (датасетов) уже обученных нейросетевых моделей, поскольку с технической точки зрения «извлечение» данных из параметров модели практически неосуществимо. Это порождает фундаментальное противоречие между правом субъекта на удаление

данных и необратимостью процесса машинного обучения.

Существенным шагом в направлении усиления защиты прав субъектов стало ужесточение административной ответственности операторов. Федеральным законом от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» введена дифференцированная, в том числе оборотная, административная ответственность за нарушения в области обработки персональных данных, включая значительные штрафы за неправомерную передачу (утечку) персональных данных [8]. Введение оборотных штрафов, размер которых исчисляется в процентах от выручки организации, свидетельствует о существенном повышении внимания законодателя к проблеме защиты информации и призвано стимулировать операторов к добросовестному исполнению обязанностей по обеспечению безопасности данных.

Вместе с тем меры юридической ответственности носят преимущественно последующий (репрессивный) характер и не всегда способны предотвратить нарушение прав субъектов. В связи с этим представляется целесообразным сместить акцент правового регулирования в сторону превентивных механизмов, встроенных в саму технологию обработки данных.

На основании проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать следующие направления совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере обработки данных виртуальными ассистентами.

Во-первых, необходимо закрепить в законодательстве специальный правовой режим голосовых данных с учетом их потенциально биометрического характера. Целесообразно установить презумпцию повышенной защиты голосовых записей независимо от декларируемой оператором цели обработки, что устранил существующую правовую неопределенность в вопросе их квалификации.

Во-вторых, следует нормативно закрепить принцип минимизации сбора данных (data minimization), в силу которого оператор вправе собирать только те данные, которые объективно необходимы для достижения заявленной цели, с одновременным установлением обязательных технических требований к устройствам (например, обязательное локальное распознавание активационной фразы без передачи предшествующего аудиопотока).

В-третьих, необходимо разработать механизмы уведомления и защиты прав третьих лиц, чьи данные могут быть случайно собраны устройством при ложной активации, включая обязатель-

ное автоматическое удаление записей, полученных вне контекста намеренного обращения пользователя.

В-четвертых, представляется обоснованным нормативное закрепление принципов *privacy by design* (приватность на этапе проектирования) и *privacy by default* (приватность по умолчанию) по образцу зарубежного регулирования, обязывающих разработчиков встраивать средства защиты приватности в архитектуру продукта на стадии проектирования, а также устанавливать по умолчанию наиболее приватные настройки, требующие от пользователя осознанных действий для расширения объема собираемых данных.

В-пятых, необходимо обеспечить реальную прозрачность алгоритмов обработки данных виртуальными ассистентами. Это предполагает закрепление обязанности оператора предоставлять субъекту в доступной и понятной форме сведения о том, какие категории данных собираются, для каких целей используются, передаются ли они третьим лицам и применяются ли для обучения моделей искусственного интеллекта. Особую значимость приобретает информирование пользователя о фактах ручной обработки (прослушивания) аудиозаписей ассессорами с предоставлением возможности отказаться от использования данных в этих целях без утраты доступа к основному функционалу сервиса.

В-шестых, требуется решение проблемы реализации права на удаление данных применительно к обученным нейросетевым моделям. Учитывая техническую невозможность «извлечения» конкретных данных из параметров модели, целесообразно на нормативном уровне закрепить альтернативные гарантии: обязательное предварительное обезличивание данных перед их включением в обучающие выборки, установление предельных сроков хранения исходных (необезличенных) записей, а также ведение операторами реестров использования данных в целях машинного обучения.

В-седьмых, представляется целесообразным разработать специальные правила обработки данных несовершеннолетних, поскольку голосовые ассистенты активно используются детьми (в том числе через специальные детские режимы). Учитывая повышенную уязвимость данной категории субъектов, необходимо установление усиленных требований к получению согласия законных представителей и ограничению профилирования несовершеннолетних пользователей.

Реализация предложенных мер позволит сформировать сбалансированную модель правового регулирования, обеспечивающую как условия для технологического развития отечественных

цифровых экосистем, так и надлежащую защиту конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, установлено, что современное правовое регулирование обработки персональных данных не в полной мере учитывает специфику функционирования голосовых виртуальных помощников. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта существенно опережает темпы адаптации законодательства, что порождает многочисленные правовые пробелы и коллизии.

Во-вторых, обосновано, что голосовые данные занимают особое положение в системе персональной информации. Обладая признаками, приближающими их к биометрическим данным, голос при определенных условиях (использование для идентификации) приобретает статус биометрических персональных данных с соответствующим усиленным режимом защиты. Существующая привязка квалификации данных к цели их использования порождает правовую неопределенность и требует законодательного уточнения, вплоть до введения презумпции повышенной защиты голосовых записей.

В-третьих, анализ практики обработки данных ассистентами «Алиса» и «Салют» продемонстрировал типичные для данной технологии юридические проблемы: непрозрачность процессов обработки, преимущественно формальный характер информированного согласия («парадокс приватности»), риски несанкционированного сбора данных третьих лиц при ложной активации устройств, сложности с локализацией данных при использовании распределенной облачной инфраструктуры, а также техническую невозможность полной реализации права субъекта на удаление данных, вошедших в обучающие выборки нейросетевых моделей.

В-четвертых, сравнительно-правовой анализ показал, что зарубежные подходы, прежде всего закрепленные в Общем регламенте ЕС по защите данных (GDPR), выработали ряд эффективных механизмов (принципы минимизации данных, ограничения цели, *privacy by design* (приватность на этапе проектирования) и *privacy by default* (приватность по умолчанию), заимствование которых с учетом особенностей национальной правовой системы представляется обоснованным и целесообразным.

В-пятых, несмотря на существенное усиление административной ответственности операторов, включая введение оборотных штрафов за

утечки персональных данных, меры ответственности носят преимущественно репрессивный характер и не способны в полной мере предотвратить нарушение прав субъектов. В связи с этим приоритет должен быть отдан превентивным механизмам защиты, встроенным в саму технологию.

Таким образом, совершенствование законодательства должно идти по пути закрепления специального правового режима голосовых данных, нормативного внедрения принципов минимизации данных и приватности на этапе проектирования, разработки механизмов защиты прав третьих лиц и несовершеннолетних, обеспечения прозрачности алгоритмов обработки, а также решения проблемы реализации права на удаление данных в контексте машинного обучения. Реализация указанных мер позволит достичь необходимого баланса между технологическим прогрессом, интересами развития отечественной цифровой индустрии и конституционным правом граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Список литературы:

- [1] Архипов В.В. Информационное право и информационная безопасность в условиях цифровой трансформации // Информационное право. — 2021. — № 2. — С. 4–9.
- [2] Савельев А.И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — 2-е изд. — М.: Статут, 2021. — 512 с.
- [3] Терещенко Л.К. Правовое регулирование обработки персональных данных в цифровую эпоху // Журнал российского права. — 2021. — № 5. — С. 42–54.
- [4] Полякова Т.А. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности при обработке больших данных // Государство и право. — 2020. — № 8. — С. 74–83.
- [5] Талапина Э.В. Правовое регулирование использования биометрических персональных данных // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — Т. 13. — № 4. — С. 890–905.
- [6] Наумов В.Б. Проблемы правового регулирования оборота персональных данных в условиях цифровизации // Труды Института государства и права РАН. — 2021. — Т. 16. — № 3. — С. 125–145.
- [7] Незнамов А.В. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта: постановка проблемы // Закон. — 2020. — № 5. — С. 85–96.
- [8] Войниканис Е.А. Защита персональных данных: тенденции развития законодательства и

правоприменительной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — № 3. — С. 4–29.

[9] Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Государственные и муниципальные информационные системы в системе правовых отношений // Информационное право. — 2021. — № 3. — С. 18–23.

[10] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Журнал конституционного правосудия. — 2020. — № 4. — С. 1–8.

[11] Рожкова М.А. Что понимается под персональными данными в цифровую эпоху // Хозяйство и право. — 2021. — № 7. — С. 3–16.

References:

- [1] Arkhipov V.V. Information law and information security in the context of digital transformation // Information law. — 2021. — № 2. — S. 4-9.
- [2] Savelyev A.I. Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Personal Data." - 2nd ed. - M.: Statute, 2021. - 512 s.
- [3] Tereshchenko L.K. Legal regulation of personal data processing in the digital age // Journal of Russian Law. — 2021. — № 5. - S. 42-54.
- [4] Polyakova T.A. Legal problems of ensuring information security in the processing of big data // State and law. — 2020. — № 8. - S. 74-83.
- [5] E.V. Talapina. Legal regulation of the use of biometric personal data // Bulletin of St. Petersburg University. Right. — 2022. - T. 13. — № 4. - S. 890-905.
- [6] Naumov V.B. Problems of legal regulation of the circulation of personal data in the context of digitalization // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. — 2021. - T. 16. — № 3. - S. 125-145.
- [7] Neznamov A.V. Legal regulation of artificial intelligence technologies: posing a problem // Law. — 2020. — № 5. - S. 85-96.
- [8] Voynikanis E.A. Protection of personal data: trends in the development of legislation and law enforcement practice // Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2022. — № 3. - S. 4-29.
- [9] Amelin R.V., Channov S.E. State and municipal information systems in the system of legal relations // Information law. — 2021. — № 3. - S. 18-23.
- [10] Zorkin V.D. Law in the Digital World // Journal of Constitutional Justice. — 2020. — № 4. - S. 1-8.
- [11] Rozhkova M.A. What is meant by personal data in the digital age // Economy and law. — 2021. — № 7. - S. 3-16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-834-836

ФОМИЧЕВ Денис Сергеевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Санкт-Петербургского университета МВД России,
e-mail: dan_fds@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит анализ способов использования возможностей сети Интернет экстремистскими организациями, а также методов и технологий противодействия проявлениям экстремизма в сети Интернет.

Ключевые слова: профилактика, противодействие, государство, власть, правоохранительные органы, информация, экстремизм, преступление, технологии, безопасность, законодательство.

FOMICHEV Denis Sergeevich,
Lecturer, Department of Firearms Training St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF COUNTERING THE SPREAD OF EXTREMIST IDEOLOGY ON THE INTERNET: METHODS AND TECHNOLOGIES IN THE PREVENTION OF COUNTERACTION

Annotation. In his scientific article, the author analyzes the ways in which extremist organizations use the Internet, as well as methods and technologies to counter extremism on the Internet.

Key words: prevention, counteraction, state, government, law enforcement agencies, information, extremism, crime, technology, security, legislation.

Основная проблема противодействия экстремизму в сети Интернет во многом объясняется наличием у преступных сообществ значительного научно-технического потенциала, поскольку они привлекают в свои ряды целые группы квалифицированных специалистов в области высоких технологий.

Следует отметить, что процедура внесения сайтов в единый реестр Интернет-ресурсов, запрещенных законом довольно трудоёмкая и не всегда эффективная. Дело в том, что в соответствии с ФЗ № 149 от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», для того чтобы внести определенный сайт в реестр запрещенных законом Интернет-ресурсов, необходимо пройти определенный перечень процедур, который может продлиться несколько суток. К сожалению, довольно часто, этого времени бывает достаточно, чтобы данный Интернет-ресурс выполнил свои задачи.

В настоящее время в области противодей-

ствия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве актуальными и проблемными являются следующие вопросы технического плана:

идентификация личности, разместившей материалы экстремистского или террористического характера;

идентификация пользователя как автора материала террористической или экстремистской направленности, а не как владельца средств вычислительной техники, с помощью которых в глобальной сети был размещен данный материал.

Эффективными способами защиты социальных сетей от несанкционированного доступа целесообразно считать следующие:

1. Верификация всех страниц социальной сети.
2. Штрафование пользователей социальных сетей за призывы к экстремистским действиям.
3. Запрет на пользование социальными сетями определённых категорий осуждённых.

Следует отметить, что значительная часть Интернет-ресурсов несмотря на то, что ориентированы сугубо на российских пользователей, физически и юридически расположены за пределами Российской Федерации, и эта одна из проблем в области технического противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве. Данная ситуация также осложняется и тем, что экстремисты, как правило, используют хостинги ряда государств, которые не отличаются позитивным отношением к России.

Актуальным является вопрос о специализированной подготовке сотрудников подразделений системы МВД, осуществляющих деятельность по противодействию информационному экстремизму. Исследователями в данном направлении отмечается отсутствие надлежащей квалификации сотрудников ОВД, ведущих борьбу с экстремистскими проявлениями в киберпространстве и необходимости расширения их технических возможностей. Для повышения эффективности подготовки квалифицированных кадров в области противодействия экстремизму и терроризму в соответствии с Приказом МВД России от 29.08.2012 № 820 за Краснодарским университетом МВД России и ВИПК МВД России был закреплён профиль подготовки сотрудников ОВД РФ «Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и борьбе с организованной преступностью». В данных образовательных организациях осуществляется подготовка квалифицированных кадров для подразделений по противодействию экстремизму и терроризму. Разработка программ обучения по данному направлению осуществляется во взаимосвязи с ГУПЭ МВД России, ГУОООП МВД России, ГУУР МВД России.

Органы государственной власти уделяют большое внимание проблемам обеспечения технического противодействия экстремизму в сети Интернет. Об этом говорят вносимые поправки в законодательные акты РФ. В целях повышения эффективности работы подразделений системы МВД России по противодействию экстремизму, образовательными организациями МВД России проводится подготовка квалифицированных кадров в данной области. Однако, с учетом особенностей экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве возникает ряд юридических и технических проблем, связанных с доработкой нормативно-правовой базы в данной области, введением процесса всеобщей персонификации, организации надежной системы сотрудничества и взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран.

Кроме того одним из важных направлений работы по защите информационного пространства

от преступной деятельности экстремистских организаций является противодействие хакерам, которые привлекаются экстремистами для совершения атак на автоматизированные системы управления государств и информационно-телекоммуникационные сети.

Вопросы защиты информации в Российской Федерации возложены на Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК), которая сменила Гостехкомиссию РФ. Требования, которые были разработаны ФСТЭК еще в 2010-х годах, являлись обязательными к исполнению, но, по мнению специалистов, предельно техническими и мало учитывающими управленческие и организационные вопросы при обеспечении информационной безопасности.

В соответствии с указом Президента РФ от 22 декабря 2017 года № 620, функции предупреждения, обнаружения и ликвидации последствий компьютерных атак возложены на Федеральную службу безопасности Российской Федерации.

Условно системы информационной безопасности можно разделить на две категории:

- системы предотвращения угроз (управления доступом);
- системы мониторинга активности.

Проблема противодействия хакерским атакам, в частности, направленным на дестабилизацию критически важных информационных систем РФ, сегодня является одной из первоочередных задач органов государственной власти. Актуальность проблемы подтверждает рост количества кибератак на системы управления критически важными инфраструктурами государства, включая военную сферу, ядерную и топливную энергетику, системы опасных производств, что может повлечь за собой дестабилизацию государства, огромные материальные потери, экологические катастрофы, глобальные жертвы и разрушения.

Угроза кибертерроризма сегодня остаётся весьма актуальной, а ее эффективное преодоление возможно только совместными усилиями всех стран с развитой информационной инфраструктурой на основе принципов планомерности и системного подхода.

Вместе с тем, основными мерами информационного противодействия следуют считать информационно-пропагандистские меры, которые направлены на выявление сущности и организацию разъяснительной работы об опасности различных проявлений экстремизма и терроризма, осуществлению воздействия на сознание граждан в целях формирования неприятия идеологии насилия, жестокости и привлечения их к участию в противодействии экстремизму и терроризму.

В виду чего, на современном этапе, одной из

наиболее важных задач органов государственной власти является активизация противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма и организация информационно-пропагандистского обеспечения в целях осуществления антиэкстремистских и антитеррористических мероприятий в едином мировом информационном пространстве.

В рамках реализации основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму, следует отметить положительный опыт проведения Интернет-семинаров в целях обсуждения актуальных проблем противодействия идеологии экстремизма и терроризма с использованием возможностей глобального информационного пространства. Возможности для увеличения масштабов аудитории при этом практически безграничны и определяются предварительным информированием потенциальных участников Интернет-семинаров.

Таким образом, можно отметить, что только совместная конструктивная деятельность органов государственной власти, образовательных, научных, общественных и религиозных организаций в общем, а также каждого сознательного гражданина в отдельности, способна результативно противодействовать распространению экстремистских взглядов и террористических идей в глобальной сети Интернет.

Список литературы:

[1] Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. // Федеральная Служба Безопасности. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 12.05.2024).

[2] Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». // Минюст РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.05.2024).

[3] Вся статистика интернета и социальных сетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России. // Digital-агент-

ство WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>. (дата обращения: 12.05.2023).

[4] Экстремизм представлен в основном возрастной группой. Молодежный экстремизм как одна из наиболее актуальных социально – политических проблем в России. // Not-Not. URL: <https://not-not.ru/eda/ekstremizm-predstavlen-v-osnovnom-vozrastnoigruppoi.html> (дата обращения: 12.05.2024).

[5] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ от 28 нояб. 2014г. № Пр-2753) // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

References:

[1] Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation. // Federal Security Service. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (date accessed: 12.05.2024).

[2] List of public associations and religious organizations in respect of which a court has made a final decision to liquidate or prohibit their activities on the grounds stipulated by Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 "On Counteracting Extremist Activity". // Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (date accessed: 12.05.2024).

[3] All internet and social media statistics for 2023 - figures and trends worldwide and in Russia. // Digital agency WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>. (Accessed: 12.05.2023).

[4] Extremism is represented mainly by an age group. Youth extremism as one of the most pressing socio-political problems in Russia. // Not-Not. URL: <https://not-not.ru/eda/ekstremizm-predstavlen-v-osnovnom-vozrastnoigruppoi.html> (Accessed: 12.05.2024).

[5] Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025 (approved by the President of the Russian Federation on November 28, 2014, No. Pr-2753) // Security Council of the Russian Federation. URL: <http://www.scrf.gov.ru> (date accessed: 12.05.2024).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-837-842

СЕМЦИВА Станислава Игоревна,
ведущий специалист подразделения «Сопровождение
проблемных активов» ППК «Фонд развития территорий»,
Россия, г. Москва,
e-mail: stasya-s02@mail.ru

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ НЕПРЕРЫВНОСТИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

Аннотация. Используя облачные технологии, информационная система превращается в набор веб-сервисов, которые обеспечивают хранение, обработку и передачу информации. В работе был проведен покомпонентный анализ основных моделей облачного взаимодействия, дана их классификация, а также выявлены критерии, от которых зависит выбор модели облачного взаимодействия. Делается вывод о том, от чего зависит выбор модели взаимодействия пользователей и цифровых платформ в целях обеспечения непрерывности бизнес-процессов.

Ключевые слова: цифровая платформа, блокчейн, облачные технологии, модели взаимодействия, бизнес-процесс.

SEMTSIVA Stanislava Igorevna,
The leading specialist of the division «Maintenance of
Distressed Assets» of the PPK «Territorial Development Fund»
Russia, Moscow

USER AND DIGITAL PLATFORM INTERACTION MODELS: ENSURING BUSINESS CONTINUITY

Annotation. Using cloud technologies, an information system is transformed in-to a set of web services that support the storage, processing, and transmission of information. This paper provides a component-by-component analysis of the main cloud interaction models, classifying them, and identifying the criteria that influence the choice of a cloud interaction model. A conclusion is drawn regarding the factors that influence the choice of a user interaction model and digital platforms to ensure business continuity.

Key words: digital platform, blockchain, cloud technologies, interaction models, business process.

Введение.

Цифровые платформы основаны на взаимодействии трех групп участников: разработчиков платформ, операторов и пользователей. Стоит отметить, что всё большую популярность набирает модель, в которой функционал цифровой платформы заключается в обеспечении коммуникационной среды, позволяющей оператору взаимодействовать с клиентской базой или пользователям осуществлять peer-to-peer взаимодействие благодаря предоставлению им доступа к необходимым инструментам программного обеспечения (далее – ПО), то есть модель взаимодействия посредством облачных сервисов.

Цель настоящего исследования – выявление

ключевых критериев, влияющих на выбор модели взаимодействия пользователей и цифровых платформ на базе облачных технологий, и определение требований действующего законодательства, необходимых для обеспечения непрерывности бизнес-процессов.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

Определить правовую природу и обосновать роль облачных технологий как инструмента трансформации информационных систем;

Проанализировать основные модели облачного взаимодействия (BaaS, SaaS, PaaS, IaaS);

Раскрыть регуляторные требования, предъявляемые к информационным системам, функци-

онирующим на основе облачных технологий.

Методологический аппарат работы носит комплексный междисциплинарный характер. Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к анализу применения облачных технологий в сфере функционирования цифровых платформ. Были применены научные методы познания, такие как: анализ и синтез, а также системно-структурный, функциональный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

1. Облачные технологии как инструмент трансформации информационных систем

Облачная инфраструктура создает необходимые условия для реализации совместных инициатив между финансовыми организациями, FinTech-компаниями и предприятиями других отраслей экономики. Она также позволяет быстро разрабатывать новые бизнес-модели и быстрее вывести новые продукты на рынок. Как отмечает А.А. Карцхия, в основе платформенной экономики лежат алгоритмы и облачные вычисления. Он определяет цифровые платформы как «комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети Интернет на базе сочетания программных алгоритмов, компьютерного технологического оборудования, сервисных услуг («облачные» технологии, базы данных и др.), а также других цифровых технологий (блокчейн технологии, аналитика данных и т. д.)» [4].

В законопроекте № 404786-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правовых основ для аутсорсинга информационных технологий и использования облачных услуг финансовыми организациями)», находящимся на рассмотрении во втором чтении в Государственной Думе РФ предлагается следующее определение облачных услуг: «предоставление на основании договора третьим лицом доступа посредством информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети «Интернет», к масштабируемому и гибкому набору совместно используемых физических или виртуальных ресурсов с возможностью самообслуживания и (или) администрирования ресурсов по поручению профессиональных участников рынка ценных бумаг в целях размещения, хранения и иной обработки информации профессиональных участников рынка ценных бумаг в информационных системах третьего лица и их компонентах» [3]. Национальный Институт стандартов и технологий (NIST) определяет облачные вычисления как «модель для обеспечения повсеместного, удобного сетевого доступа по требованию к общему пулу настраиваемых вычислительных ресурсов (серверов, систем хра-

нения данных, сетей, приложений, услуг), которые могут быть быстро предоставлены и запущены с минимальными усилиями по управлению, а также взаимодействие с поставщиком сервиса» [10].

Как отмечает М.О. Репина «используя облачные технологии, информационная система превращается в набор веб-сервисов, которые обеспечивают хранение, обработку и передачу информации» [7]. Действительно, благодаря облачным технологиям компании могут значительно оптимизировать автоматизацию своей деятельности и существенно сократить время, необходимое для создания и запуска ПО. При этом, несмотря на не-оспоримую важность облачных решений в контексте цифровой трансформации, имеющиеся исследования в этой сфере часто носят фрагментарный характер, концентрируясь на узких аспектах, таких как анализ конкретных облачных платформ или отдельных отраслей, и не предлагают глубокого изучения различных моделей облачных сервисов.

2. Сравнительный анализ моделей облачного взаимодействия

Ключевым аспектом является дифференциация масштабов развертывания модели облачных технологий: в рамках корпоративной инфраструктуры, на платформе стороннего провайдера или в публичном облачном пространстве.

Реализация модели развертывания приложений в рамках корпоративной инфраструктуры предполагает создание автономной инфокоммуникационной среды, приобретение соответствующего лицензионного программного обеспечения и формирование специализированной ИТ-службы, ответственной за разработку проприетарного ПО и комплексное обслуживание информационной системы. Данный подход позволяет компании обеспечивать внутренний контроль над аппаратными и программными компонентами ПО, а также поддерживать технологических суверенитет.

Модель развертывания на стороннем хостинге базируется на аренде инфраструктурных ресурсов, таких как серверное оборудование и ПО, обслуживание которых централизованно осуществляется провайдером. Применение этой модели позволяет оптимизировать расходы на инфраструктурные компоненты и сократить штат обслуживающего персонала, поскольку ответственность за бесперебойное функционирование серверов и инфраструктурного ПО лежит на провайдере.

Выделяют 4 основные модели облачных технологий, в зависимости от функционала и предлагаемых уровней контроля и гибкости (покомпонентный сравнительный анализ, см. табл. 1):

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей облачных технологий

	BaaS	SaaS	PaaS	IaaS
Принцип работы	Предоставляют не технологические возможности, а готовый автоматизированный бизнес-процесс по модели подписки, что позволяет управлять объемом работ, переданных на аутсорсинг.	Позволяет клиентам использовать настроенное программное обеспечение, установленное на удалённом сервере, с помощью сети Интернет.	Предполагает предоставление разработчикам необходимых инструментов и платформы, которую они могут использовать для создания и развертывания приложений.	Облачные сервисы предоставляются через панель управления или интерфейс прикладного программирования (API)
Масштабируемость сервиса	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Автоматизация работы сервиса	Высокая	Средняя	Высокая	Высокая
Управление и контроль	Контроль полностью на стороне провайдера	Контроль полностью на стороне провайдера	Данные хранятся на сторонних облачных серверах, которые контролируются провайдером	Компании сохраняют контроль над собственными данными и приложениями, в то время как провайдеры управляют исключительно инфраструктурой
Обновление и обслуживание ПО	Со стороны провайдера	Со стороны провайдера (обслуживание внеплановое)	Совместно со стороны провайдера с СВК компании	Совместно со стороны провайдера с СВК компании
Обоснование стоимости сервиса	Стоимость зависит от функционала разрабатываемого сервиса и уровня интеграции со сторонними системами	В основном оплата арендуемого сервиса фиксированная ежемесячно	Оплата арендуемого сервиса	Стоимость зависит от объема использования, компонентов сервиса. При этом отсутствуют затраты на аппаратную инфраструктуру (серверы, хранилище, и т.д.)
Уровень безопасности	Высокий	Средний	Средний	Высокий
Необходимость дополнительного обучения пользования сервисом	Отсутствует	Отсутствует	Может потребоваться на этапе запуска сервиса	Требуется для эффективного управления, проведения дополнительных настроек
Мультифункциональность	Имеется	Отсутствует	Имеется	Имеется
Операционные возможности	Неограниченные	Ограниченные	Ограниченные	Неограниченные
Примеры	Яндекс.Маркет, Ozon Банк	Microsoft Office 365, SharePoint, Exchange, Dropbox, Salesforce	Linux, OpenShift, Google App Engine	Microsoft Azure, DigitalOcean

Источник: составлено автором.

Уровни взаимоотношения участников цифровых платформ модели облачных сервисов IaaS предполагает наличие аппаратного обеспечения, а также использование типовых серверов, в модели PaaS появляется интерфейс мобильного приложения для наиболее комфортного доступа пользователей к платформе, в модели SaaS также появляется автоматизированное рабочее место (АРМ), в модели BaaS – автоматизированная система бизнес-процессов.

Основные компоненты облачной инфраструктуры различных моделей показаны на рис. 1.

Важно отметить, что современные цифровые платформы могут использовать совокупность описанных моделей. Так, например, модель взаимодействия BaaS представляет собой набор информационных услуг, которые обычно организованы в виде иерархической структуры, используя программное обеспечение (SaaS), построенное на платформе (PaaS), инфраструктуре (IaaS) или мониторинге (MaaS).

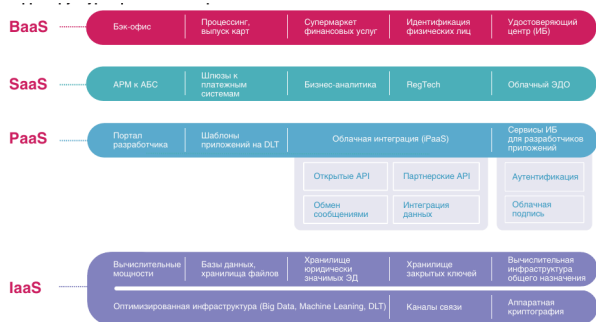

Рисунок 1. Основные компоненты облачной инфраструктуры

Источник: Доклад Банка России для общественных консультаций.

Применение облачных технологий на финансовом рынке [2].

Таким образом, выбор модели облачных технологий зависит от требований организации, специфики проекта, стоимости, уровня масштабируемости, безопасности и автоматизации сервиса, от учетно-операционных возможностей, готовности компании / потребителя самостоятельно осуществлять обновление и постоянное обслуживание ПО, необходимости дополнительного обучения сотрудников компании для эффективного использования сервиса, его модернизации и т.д.

3. Регуляторные требования, предъявляемые к информационным системам, функционирующим на основе облачных технологий

Обеспечение непрерывности бизнес-процессов требует от цифровых платформ не толь-

ко технической готовности инфраструктуры, но и строгого соответствия регуляторным требованиям.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 01.10.2026, далее – Закон о платформенной экономике) представляет собой «цифровую платформу, обеспечивающую взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющую технические возможности размещения заказов и (или) кар-точек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты пользователем в пользу партнера и включенная в реестр посреднических цифровых платформ» [9].

Обращаем внимание на тот факт, что на текущий момент указанный реестр не сформирован, однако Правительством Российской Федерации подготовлен проект Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ [6].

Важно отметить, что определение цифровой платформы, которое законодатель дает в Законе о платформенной экономике, создает противоречие в подходах к терминологии. По своей сути данное определение раскрывает экономический подход к типологии цифровых платформ, регламентируя в основном деятельность так называемых «маркетплейсов», что является коммерчески обоснованным. Так, например, по данным Белой книги цифровой экономики объем розничной онлайн-торговли в России в 2024 году составил 11,2 трлн рублей, что в 10 раз больше, чем в 2018 году. При этом доля электронной коммерции в торговом обороте России в 2024 году составило 20% (для сравнения, в 2018 году – 4%) [1].

Для посреднических цифровых платформ выбор архитектуры облачного решения перестает быть исключительно коммерческим вопросом. Обязанность по верификации участников через государственные информационные системы и обеспечению прозрачности сделок требует углубленной интеграции с внешними контурами, что повышает значимость моделей BaaS и PaaS, предполагающих наличие готовых механизмов взаимодействия со сторонними сервисами.

В соответствии с изменениями, вносимыми в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8] дополнительным инфраструктурным требованием выступает обязанность для субъектов критической информационной ин-

фраструктуры при создании информационных систем на базе облачных технологий использовать государственную систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА). Данная норма вступает в силу с 01.09.2026 и предоставляет возможность применения публичных моделей облачных сервисов, таких как IaaS, PaaS в наиболее значимых сегментах экономики.

В целях поддержания технологического суверенитета Постановлением Правительства РФ от 28.11.2025 № 1937 также вводятся поэтапные требования к совместимости программного обеспечения, претендующего на включение в реестр отечественного программного обеспечения, с доверенными операционными системами. Под совместимостью в данной ситуации понимается «возможность выполнения программным обеспечением своих функций под управлением операционной системы общего назначения при совместном использовании такого программного обеспечения с техническими средствами без нарушения их корректного функционирования» [5]. Несоответствие указанному требованию влечёт исключение программного обеспечения из реестра, что для государственных и корпоративных заказчиков, ориентированных на импортозамещение, делает невозможным использование таких решений в моделях SaaS и PaaS.

Заключение

Выбор модели взаимодействия пользователей и цифровых платформ сегодня находится на пересечении трёх векторов: технологических возможностей, экономической целесообразности и жёстких регуляторных требований, направленных на обеспечение непрерывности, прозрачности и технологической независимости, соблюдение которых становится обязательным условием проектирования устойчивых цифровых платформ.

Список литературы:

- [1] Белая книга цифровой экономики: онлайн-версия 2019–2024. URL: https://цифроваяэкономика.рф/cifr_platform/ (дата обращения: 20.07.2026).
- [2] Доклад Банка России для общественных консультаций. Применение облачных технологий на финансовом рынке. Декабрь 2018. URL: [consultation_paper_181218.pdf](https://www.bankofrussia.ru/consultation_papers/181218.pdf) (дата обращения: 19.07.2026).
- [3] Законопроект № 404786–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правовых основ для аутсорсинга информационных технологий и использования облачных услуг финансовыми организациями)». Систе-

ма обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/404786-8> (дата обращения: 14.07.2026).

[4] Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019 394 с.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 № 1937 // СЗ РФ. 15.12.2025. № 50. Ст. 7853.

[6] Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» (подготовлен Минэкономразвития России 30.09.2025) // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56933246/#review> (дата обращения: 13.07.2026).

[7] Репина М.О. Развитие облачных технологий в России: архитектура решений и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2024. Том 14. № 4. С. 1169–1190.

[8] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[9] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4643.

[10] Mell, P. and Grance, T. (2011), The NIST Definition of Cloud Computing, Special Publication (NIST SP), National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, MD. URL: <https://www.nist.gov/publications/nist-definition-cloud-computing> (accessed July 6, 2026).

References:

- [1] Digital Economy White Paper: Online version 2019–2024. URL: https://цифроваяэкономика.рф/cifr_platform/ (accessed July 20, 2026).
- [2] Report of the Bank of Russia for public consultations. The use of cloud technologies in the financial market. December 2018. URL: [consultation_paper_181218.pdf](https://www.bankofrussia.ru/consultation_papers/181218.pdf) (accessed July 19, 2026).
- [3] Draft Law № 404786-8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of Improving the legal framework for outsourcing information technology and the use of cloud services by financial organizations)». The system of ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/404786-8> (accessed July 14, 2026).
- [4] Kartskhiya A.A. Civil law model of regulation Digital technologies : diss. ...Dr. Jurid. nauk. Moscow, 2019 394 p.
- [5] Decree of the Government of the Russian

Federation dated 11/28/2025 №. 1937 // SZ RF. 12/15/2025. №. 50. St. 7853.

[6] Draft Decree Of The Government Of the Russian Federation «On approval of the Rules for the formation and maintenance of the register of intermediary digital platforms» (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia on 30.09.2025) // Information and Legal Portal URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56933246/#review> (accessed July 13, 2026).

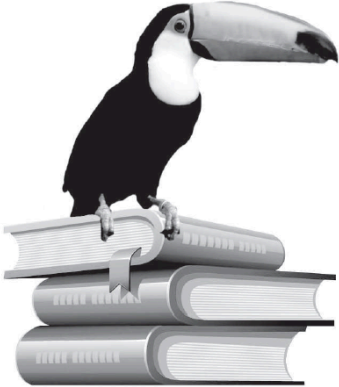
[7] Repina M.O. Development of cloud technologies in Russia: solution architecture and prospects // Issues of innovative economics. 2024. Volume 14. №. 4. pp. 1169-1190.

[8] Federal Law №. 149-FZ of 27.07.2006 «On

Information, information technologies and information protection» // Federal Law of the Russian Federation. 07/31/2006. № 31 (1 h.). Article 3448.

[9] Federal Law № 289-FZ dated 07/31/2025 «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation. 08/04/2025. № 31. St. 4643.

[10] Mell, P. and Grance, T. (2011), The NIST Definition of Cloud Computing, Special Publication (NIST SP), National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, MD. URL: <https://www.nist.gov/publications/nist-definition-cloud-computing> (accessed July 6, 2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-843-848

Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

КАРПОВ Алексей Николаевич,
Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
e-mail: realkarpov@gmail.com

ДЕФОРМАЦИЯ ВОЛИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ПОРОК ВОЛИ

Аннотация. Цифровые платформы располагают средствами систематического воздействия на принятие решения пользователем — от организации интерфейса до персонализированной эксплуатации когнитивных искажений. Статья посвящена гражданско-правовой квалификации такого воздействия. Выделены три фактора деформации воли в цифровой среде: архитектура выбора как способ организации информационной среды, когнитивные искажения как систематические отклонения восприятия и алгоритмическое манипулирование как инструмент, целенаправленно соединяющий первые два для побуждения к сделке в интересах платформы. Показано, что алгоритмическое манипулирование не охватывается действующими основаниями оспаривания: обман (ст. 179 ГК РФ) предполагает сообщение ложных сведений, тогда как манипулирование способно действовать на достоверной информации, а заблуждение (ст. 178 ГК РФ) описывает ошибку относительно существа сделки, а не порок самого процесса волеобразования. На основе сравнительно-правового анализа (Директива 2005/29/ЕС, статья 25 Регламента о цифровых услугах, статья 5 Регламента об искусственном интеллекте, а также законодательство и практика США) обоснована квалификация алгоритмического манипулирования как самостоятельного порока воли. Предложено его закрепление *de lege lata* через расширительное толкование обмана в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ), а *de lege ferenda* — в виде специального основания оспаривания с возложением бремени добросовестности на платформу.

Ключевые слова: порок воли; деформация воли; алгоритмическое манипулирование; архитектура выбора; когнитивные искажения; темные паттерны; недействительность сделки; обман; добросовестность; цифровая платформа.

KARPOV Aleksei N.,
Postgraduate Student, St. Petersburg State University
of Economics

DEFORMATION OF WILL IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ALGORITHMIC MANIPULATION AS A DEFECT OF WILL

Annotation. Digital platforms possess the means to systematically influence a user's decision-making, from interface design to the personalised exploitation of cognitive biases. The article addresses the civil-law qualification of such influence. Three factors of the deformation of will in the digital environment are distinguished: choice architecture as a way of organising the information environment, cognitive biases as systematic deviations of perception, and algorithmic manipulation as an instrument that purposefully combines the first two in order to induce a transaction in the platform's interest. It is shown that algorithmic manipulation is not covered by the existing grounds for challenging transactions: deceit (Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation) presupposes the communication of false information, whereas manipulation is capable of operating on accurate information, while mistake (Article 178) describes an error as to the essence of the transaction rather than a defect in the very process of will-formation. On the basis of a comparative-legal analysis (Directive 2005/29/EC, Article 25 of the Digital Services Act, Article 5 of the Artificial Intelligence Act, as well as US law and practice), algorithmic manipulation is qualified as an independent defect of will. Its consolidation is proposed *de lege lata* through an extensive interpretation of deceit combined

with the principle of good faith (Articles 1, 10 of the Civil Code), and de lege ferenda as a special ground for challenge, with the burden of proving good faith placed on the platform.

Key words: defect of will; deformation of will; algorithmic manipulation; choice architecture; cognitive biases; dark patterns; invalidity of transaction; deceit; good faith; digital platform.

Введение

Автономия воли остается одной из несущих опор частного права: сделка обязывает постольку, поскольку выражает свободно сформированное намерение лица. Цифровая среда испытывает эту опору на прочность. Платформа, опосредующая сделку, одновременно проектирует обстановку и интерфейс, в которых пользователь принимает решение, и располагает данными о его поведении, достаточными для тонкой настройки воздействия. Возникает не информирование и не открытое убеждение, а скрытое управление выбором, внешне сохраняющее видимость свободного решения.

Зарубежная наука осмысляет это явление не первое десятилетие. Понятие «манипулирование рынком» как эксплуатацию когнитивных ограничений потребителя ввели в конце 1990-х годов, а применительно к опосредованному технологиями рынку его развил Р. Кало, описавший «цифровое рыночное манипулирование» [9]. Философско-правовое определение онлайн-манипулирования как скрытого влияния, подрывающего автономию решения, предложили Д. Сассер, Б. Ресслер и Х. Ниссенбаум [10]. В отечественной цивилистике категории воли, волеизъявления и порока воли были разработаны основательно [4; 5]. Обращается наука и к цифровой среде: исследованы правовые проблемы электронной коммерции и применение законодательства о защите прав потребителей к обороту цифрового контента [7], а также поведенческий контроль платформы над пользователем как черта складывающегося платформенного права [8]. Однако специфический феномен алгоритмического воздействия на волеобразование остается на периферии, а его соотнесение с системой пороков воли по существу не проведено.

Цель статьи — обосновать квалификацию алгоритмического манипулирования как самостоятельного порока воли и определить механизм оспаривания сделки, совершенной под его влиянием. Достижение цели предполагает решение четырех задач: во-первых, разграничить факторы деформации воли в цифровой среде — архитектуру выбора, когнитивные искажения и алгоритмическое манипулирование; во-вторых, соотнести манипулирование с обманом и заблуждением и установить пределы статей 178 и 179 ГК РФ; в-третьих, на сравнительно-правовом материале выявить складывающийся за рубежом подход к манипулятивным практикам; в-четвертых, предло-

жить механизм квалификации манипулирования de lege lata и решение de lege ferenda.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (толкование статей 1, 10, 178 и 179 ГК РФ), сравнительно-правовой метод (право Европейского союза и Соединенных Штатов Америки) и системно-структурный метод, позволивший разграничить три фактора деформации воли и соотнести их с системой пороков воли. Выводы поведенческой экономики привлекаются как вспомогательный материал, описывающий механизм воздействия, но не подменяют его гражданско-правовую квалификацию.

Научная новизна состоит в том, что алгоритмическое манипулирование отграничено от обмана и заблуждения и обосновано как самостоятельный порок воли, поражающий не содержание представления лица о сделке, а свободу волеобразования. На этой основе предложены объективный стандарт противоправности, не требующий доказывания умысла в отношении конкретной сделки, и специальное основание оспаривания с переносом на платформу бремени доказывания добросовестности интерфейса.

1. Три фактора деформации воли в цифровой среде

Деформация воли в цифровой среде складывается из трех различных по природе факторов, которые следует развести, чтобы не смешивать механизм воздействия с инструментом.

Первый фактор — архитектура выбора. Под ней понимается способ организации информационной среды, в которой субъект принимает решение: структура подачи вариантов, их последовательность и контекст определяют предсказуемые поведенческие реакции, формально не ограничивая свободу выбора. Понятие восходит к концепции «подталкивания» Р. Талера и К. Санстейна, показавших, что любое представление альтернатив влияет на выбор, а потому нейтрального дизайна не существует [11]. В цифровой среде архитектура выбора материализуется в дизайне интерфейса — расположении кнопок, предзаполненных согласиях, искусственных затруднениях при отказе. Совокупность приемов, использующих дизайн во вред пользователю, получила название темных паттернов (dark patterns).

Второй фактор — когнитивные искажения. Это систематические отклонения в восприятии и оценке информации, обусловленные эвристическими механизмами мышления и приводящие к

предсказуемым ошибкам суждения. Эффект якоря, неприятие потерь, склонность к статус-кво, переоценка дефицита и срочности — устойчивые свойства мышления, описанные поведенческой экономикой. Сами по себе они не порок, а антропологическая данность. Юридически значимыми они становятся, когда другая сторона целенаправленно их эксплуатирует.

Третий фактор качественно отличается от первых двух. Архитектура выбора и когнитивные искажения суть механизмы — соответственно среды и мышления. Алгоритмическое манипулирование есть инструмент: целенаправленное использование алгоритмических систем для воздействия на принятие решения путем персонализированного управления информационным потоком, эксплуатации когнитивных искажений и применения приемов архитектуры выбора, чтобы побудить субъекта к сделке на условиях, отвечающих интересам платформы в ущерб его собственным. Отличие от классического воздействия не количественное, а структурное. Платформа обращается не к усредненному адресату; она наблюдает конкретного пользователя, выявляет его индивидуальные уязвимости и настраивает воздействие под них в реальном времени. Сассер, Ресслер и Ниссенбаум определяют такое воздействие как скрытое влияние, подрывающее способность лица к самостоятельному решению; именно скрытость отличает манипулирование от убеждения, которое апеллирует к разуму открыто [10].

2. Манипулирование и классические пороки воли: пределы статей 178 и 179 ГК РФ

Система пороков воли исходит из того, что воля либо формируется под влиянием искажающего фактора, либо неверно выражается вовне. Сделки с пороком воли оспоримы; основания их оспаривания исторически сложились вокруг типичных ситуаций — заблуждения, обмана, насилия, угрозы, кабальности [1; 3; 6]. В отечественной доктрине воля раскрыта как психический регулятивный процесс, в котором изъятию предшествуют формирование побуждений, их оценка и принятие решения [4]; порок воли, следовательно, может поражать не только итоговое изъятие, но и любой этап этого процесса. Вопрос в том, охватывает ли этот перечень алгоритмическое манипулирование.

Ближе всего к манипулированию стоит обман (ст. 179 ГК РФ). Обман есть умышленное введение лица в заблуждение относительно обстоятельств сделки, в том числе путем сообщения ложных сведений или умолчания о тех обстоятельствах, о которых сторона должна была сообщить при требуемой добросовестности. Ключевой элемент обмана — недостоверность передаваемой или

утаиваемой информации. Манипулирование же способно действовать без единого ложного факта. Платформа может сообщать правду — об остатке товара, о числе просмотров, о времени действия предложения — и тем не менее исказить решение, подбирая момент, форму и адресность подачи под выявленную уязвимость пользователя. Воздействие направлено не на знание лица, а на сам процесс обработки им достоверной информации. Подвести манипулирование под обман в его буквальном понимании поэтому затруднительно.

Заблуждение (ст. 178 ГК РФ) удалено от манипулирования еще дальше. Оно описывает несоответствие сложившегося у лица представления действительности относительно природы сделки, ее предмета или стороны. При манипулировании представление о существовании сделки может быть совершенно верным: пользователь точно понимает, что покупает и на каких условиях. Порочен не результат восприятия, а путь, которым лицо приведено к решению, — ускоренный, эмоционально нагруженный, искусственно стесненный. Заблуждение фиксирует ошибку в содержании воли, тогда как манипулирование поражает свободу ее формирования.

Отсюда промежуточный вывод: алгоритмическое манипулирование занимает зазор между обманом и заблуждением. Оно не сводится к недостоверности, как обман, и не сводится к ошибке о существовании сделки, как заблуждение, а поражает автономию волеобразования как таковую. Действующие основания оспаривания его недоохватывают, и эта неполнота требует доктринального решения.

3. Квалификация манипулирования как порока воли: *de lege lata* и *de lege ferenda*

Сравнительно-правовой опыт показывает движение к самостоятельному запрету манипулятивных практик, не сводимому к запрету обмана. Право Европейского союза квалифицирует агрессивные и вводящие в заблуждение коммерческие практики как недобросовестные (Директива 2005/29/ЕС о недобросовестных коммерческих практиках). Регламент (ЕС) 2022/2065 о цифровых услугах пошел дальше: его статья 25 запрещает поставщикам онлайн-платформ проектировать интерфейсы так, чтобы вводить в заблуждение, манипулировать или иным образом существенно искажать способность пользователей принимать свободные и осознанные решения, а сопроводительный текст прямо относит к запрещенному темные паттерны. Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте запрещает системы, использующие подсознательные, целенаправленно манипулятивные или вводящие в заблуждение приемы либо эксплуатирующие уязвимости лица и способные причинить существенный вред (статья

5). Существенно, что эти запреты не требуют ложности сведений: противоправность связывается с самим фактом искажения свободного решения.

Право Соединенных Штатов движется в том же направлении, оставаясь в рамках модели пресечения недобросовестных практик. Раздел 5 Закона о Федеральной торговой комиссии (15 U.S.C. § 45) запрещает недобросовестные и вводящие в заблуждение действия и практики; опираясь на него, Федеральная торговая комиссия в докладе «Bringing Dark Patterns to Light» (2022) прямо отнесла темные паттерны к пресекаемым практикам. Показательно, что в американской доктрине обсуждается недостаточность этого инструментария там, где воздействие не сводится к обману, — то есть именно в той зоне, которую занимает манипулирование, действующее на достоверной информации. На уровне штатов обозначается и частноправовой по характеру эффект: Калифорнийский закон о правах на неприкосновенность частной жизни (Cal. Civ. Code § 1798.140) определяет темный паттерн как интерфейс, спроектированный или используемый с существенным эффектом подрыва автономии, принятия решения или выбора пользователя, и устанавливает, что согласие, полученное с помощью темных паттернов, согласием не признается. Тем самым и в США намечается сдвиг от проверки правдивости отдельных утверждений к оценке самого воздействия на свободу решения.

Важно, однако, видеть природу этих запретов. Они принадлежат публичному регулированию: их нарушение влечет надзорные и административные последствия, но напрямую не делает совершенную под влиянием манипулирования сделку оспоримой. Частноправовое последствие в виде недействительности сделки остается вопросом национального договорного права. Это лишь усиливает аргумент: признание манипулирования противоправным на уровне регулирования само по себе не дает потерпевшему частноправового средства защиты, и российскому праву такое средство предстоит выработать самостоятельно.

Российское право специальной нормы о манипулировании при заключении сделок не содержит; сам термин «манипулирование» используется узко, применительно к рынку ценных бумаг (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ). Это не означает, что оборот беззащитен. De lege lata алгоритмическое манипулирование может быть квалифицировано через расширительное толкование обмана (ст. 179 ГК РФ) в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ). Опорой служит уже заложенная в статье 179 конструкция обмана через умолчание: сторона отвечает за несообщение сведений, о которых

должна была сообщить при требуемой добросовестности. Если развить эту логику, недобросовестным следует признать и активное создание манипулятивной среды — целенаправленную эксплуатацию уязвимостей пользователя, даже когда сообщаемые сведения достоверны. Принцип добросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ) дает для такого толкования нормативное основание, позволяя оценивать поведение сильной стороны не по формальной правдивости отдельных утверждений, а по совокупному эффекту на свободу решения контрагента.

Отечественная практика и законодательство уже содержат фрагменты искомого решения. Пленум Верховного Суда РФ допускает признание сделки недействительной по совокупности статей 10 и 168 ГК РФ, когда ее совершение сопряжено со злоупотреблением правом (пункты 7 и 8 постановления от 23 июня 2015 г. № 25); практика применения статей 178 и 179 ГК РФ систематизирована Президиумом ВАС РФ (информационное письмо от 10 декабря 2013 г. № 162). Дальше всего продвинулось потребительское законодательство: статья 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» после реформы 2022 года (Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ) объявляет недопустимые условия, ущемляющие права потребителя, ничтожными, возлагает на продавца бремя доказывания согласия потребителя на дополнительные платные товары и услуги и прямо запрещает проставление за потребителя автоматических отметок о согласии, как и формирование условий, предполагающих такое согласие изначально. По существу законодатель уже запретил конкретный манипулятивный прием интерфейса и использовал оба элемента отстаиваемой здесь конструкции — объективную оценку дизайна и перенос бремени доказывания на сильную сторону, — но сделал это точно, на уровне отдельного приема, не создав общего основания оспаривания сделки, совершенной под влиянием манипулирования.

У этой аналогии есть, однако, предел. Обман требует умысла — на необходимости его установления настаивает и практика (пункт 99 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25), — тогда как манипулятивный эффект достигается работой автоматизированной системы, и доказать направленный умысел в отношении конкретной сделки крайне трудно. Поэтому опорой должна служить не субъективная категория умысла, а объективная недобросовестность — целенаправленность самого дизайна, оцениваемая по его устройству и эффекту, а не по доказанному намерению в отношении отдельного пользователя. Расширительное толкование обма-

на этот сдвиг от умысла к объективному стандарту провести в полной мере не позволяет, оставаясь паллиативом.

Поэтому *de lege ferenda* предлагается закрепить алгоритмическое манипулирование самостоятельным основанием оспаривания. Сделка, совершенная под влиянием алгоритмического манипулирования, то есть целенаправленного использования автоматизированных систем для существенного искажения свободного волеобразования потребителя (а равно иной слабой стороны) путем эксплуатации его уязвимостей и приемов организации интерфейса, должна признаваться оспоримой по иску потерпевшего. Ограничение основания слабой стороной оправдано структурной асимметрией отношений: манипулятивный эффект достижим там, где одна сторона проектирует информационную среду и располагает данными о другой; вне такой асимметрии обычные приемы убеждения порока воли не образуют. Признак существенности отсекает обычные, неизбежные эффекты дизайна от противоправного воздействия. Ценность специального основания в двух чертах, которых расширительное толкование обмана не дает: объективном стандарте противоправности, не привязанном к доказыванию умысла, и переносе бремени доказывания добросовестности дизайна на платформу как на сторону, контролирующую среду и располагающую данными о пользователе. Так порок воли в цифровой среде получает механизм защиты, отвечающий его природе, и не растворяется ни в обмане, ни в заблуждении.

По своей природе это специальное основание недействительности, примыкающее к системе пороков воли, но адресованное слабой стороне: оно не претендует на всеобщее применение к отношениям равных субъектов, а защищает того, кто вынужденно действует в спроектированной контр-агентом среде. Защита слабой стороны признана в доктрине самостоятельным политико-правовым основанием ограничения договорной свободы [2], и предлагаемая конструкция остается в этих рамках. Место такого основания — специальная норма в общих положениях о недействительности сделок с адресацией слабой стороне, что охватывает и непотребительские случаи структурной зависимости (например, слабую сторону договора присоединения по статье 428 ГК РФ), а не только законодательство о защите прав потребителей. Последствия недействительности определяются по общим правилам: исполненное по сделке подлежит возврату (статья 167 ГК РФ), а причиненные потерпевшему убытки возмещаются платформой по модели пункта 4 статьи 179 и статьи 15 ГК РФ.

Заключение

Деформация воли в цифровой среде складывается из трех разнородных факторов: архитектуры выбора как механизма организации среды, когнитивных искажений как механизма мышления и алгоритмического манипулирования как инструмента, целенаправленно соединяющего первые два для побуждения к сделке в интересах платформы.

Алгоритмическое манипулирование не охватывается действующими основаниями оспаривания. Обман (ст. 179 ГК РФ) предполагает недостоверность сведений, тогда как манипулирование действует и на достоверной информации; заблуждение (ст. 178 ГК РФ) фиксирует ошибку о существе сделки, тогда как манипулирование поражает свободу волеобразования при верном представлении лица о сделке.

Сравнительно-правовой опыт (Директива 2005/29/ЕС, ст. 25 Регламента о цифровых услугах, ст. 5 Регламента об искусственном интеллекте; в праве США — раздел 5 Закона о Федеральной торговой комиссии и запрет темных паттернов в законодательстве штатов) подтверждает становление самостоятельного запрета манипулятивных практик, противоправность которых не зависит от ложности сведений; эти запреты, однако, носят публично-регуляторный характер и сами по себе не делают сделку оспоримой.

De lege lata алгоритмическое манипулирование может квалифицироваться через расширительное толкование обмана (ст. 179 ГК РФ) в связке с принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ); такое толкование, опираясь на умысел, остается паллиативом.

De lege ferenda обоснованно закрепление алгоритмического манипулирования самостоятельным основанием оспаривания сделки на основе объективного стандарта недобросовестности дизайна, с признаком существенности искажения и переносом на платформу бремени доказывания добросовестности.

Теоретическое значение полученных результатов состоит в достраивании системы пороков воли применительно к цифровой среде: наряду с истинностью представления лица о сделке самостоятельную защиту получает свобода волеобразования. Практическое значение — в конструкции оспаривания, которая переносит бремя доказывания добросовестности дизайна на платформу и делает защиту потерпевшего осуществимой в условиях доказательственной асимметрии. Открытым остается операциональный критерий существенности искажения — порог, отделяющий противоправное воздействие от обычных эффектов дизайна, от которого зависят границы применения предложенного основания.

Список литературы:

- [1] Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М. : Бератор-Пресс, 2003. 576 с.
- [2] Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М. : Статут, 2012. 453 с.
- [3] Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат, 1954. 247 с.
- [4] Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). Душанбе : Дониш, 1983. 256 с.
- [5] Панов А. А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11, № 1. С. 52–81.
- [6] Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.
- [7] Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 640 с.
- [8] Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. № 1. С. 58–75.
- [9] Calo R. Digital Market Manipulation // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. P. 995–1051.
- [10] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // Georgetown Law Technology Review. 2019. Vol. 4, № 1. P. 1–45.
- [11] Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven : Yale University Press, 2008.

References:

- [1] O.V. Gutnikov. Invalid transactions in civil law. Dispute theory and practice. M.: Berator-Press, 2003. 576 p.
- [2] Karapetov A. G., Savelyev A. I. Freedom of contract and its limits: in the 2 of T. 2: The limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law. M.: Statute, 2012. 453 p.
- [3] Novitsky I.B. Transactions. Statute of limitations. M.: Gosyurizdat, 1954. 247 pp.
- [4] Eugenicht V. A. Volya and expression of will (essays on theory, philosophy and psychology of law). Dushanbe: Donish, 1983. 256 s.
- [5] Panov A. A. On the question of the categories of will, will and vice of will in the theory of legal transaction // Bulletin of Civil Law. 2011. VOL. 11, NO. 1. S. 52-81.
- [6] Rabinovich N.V. Invalidity of transactions and its consequences. L.: Publishing House Leningr. University, 1960. 171 pp.
- [7] Savelyev A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute, 2016. 640 p.
- [8] Filippova S. Yu., Kharitonova Yu. S. Digital platforms in the law and the law of digital platforms: new challenges to the legislator and ways to solve them // Jurisprudence. 2025. № 1. S. 58-75.
- [9] Calo R. Digital Market Manipulation // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. P. 995–1051.
- [10] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // Georgetown Law Technology Review. 2019. Vol. 4, № 1. P. 1–45.
- [11] Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven : Yale University Press, 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-849-853

Дата принятия рукописи в печать: 02.08.2026 г.

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,
преподаватель кафедры публичного права, ФГАОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: oreshnikova.ksenia@guap.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье исследуется феномен кибербуллинга – систематической травли в цифровой среде, приобретающей в условиях всеобщей информатизации массовый характер. Цель исследования – определить правовые и социальные механизмы противодействия кибербуллингу с учётом российского и зарубежного опыта. Для достижения цели проанализированы психологические предпосылки агрессивного онлайн-поведения (эффект онлайн-растормаживания, «тёмная тетрада» личности), рассмотрены резонансные случаи (Аманда Тодд, Рина Паленкова), показана связь кибербуллинга со скулшутингом. Особое внимание уделено нормативному регулированию: проанализированы положения Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях, а также Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Выявлены пробелы в законодательстве, в частности отсутствие специальных составов правонарушений и механизмов оперативного реагирования. Обоснована необходимость введения обязательной идентификации пользователей при регистрации на социальных платформах, создания цифрового реестра нарушителей и усиления ответственности интернет-площадок. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при совершенствовании информационного и административного законодательства, а также в разработке профилактических программ. Статья предлагает комплекс мер, включающих правовые, организационные и воспитательные инструменты.

Ключевые слова: кибербуллинг, цифровая травля, анонимность, онлайн-растормаживание, тёмная тетрада, скулшутинг, правовое регулирование, идентификация пользователей, ответственность интернет-платформ.

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeevna,
Lecturer at the Department of Public Law, Saint-Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation

CYBERBULLYING AS A PROBLEM OF MODERN SOCIETY: LEGAL AND SOCIAL ASPECTS OF COUNTERACTION

Annotation. The article examines the phenomenon of cyberbullying – systematic harassment in the digital environment, which has become widespread in the context of universal informatisation. The purpose of the study is to identify legal and social mechanisms for counteracting cyberbullying, taking into account Russian and foreign experience. To achieve this goal, the psychological prerequisites for aggressive online behaviour (online disinhibition effect, «dark tetrad» of personality) are analysed, resonant cases (Amanda Todd, Rina Palenkova) are considered, and the connection between cyberbullying and school shooting is shown. Special attention is paid to normative regulation: the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, as well as Federal Law No. 149-FZ «On Information, Information Technologies and Protection of Information» and Federal Law No. 152-FZ «On Personal Data» are analysed. Gaps in legislation are identified, in particular the absence of special offences and mechanisms for prompt response. The necessity of introducing mandatory user identification during registration on social platforms, creating a digital register of

violators, and strengthening the responsibility of Internet platforms is substantiated. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions to improve information and administrative legislation, as well as in the development of preventive programmes. The article proposes a set of measures including legal, organisational and educational instruments.

Key words: *cyberbullying, digital harassment, anonymity, online disinhibition, dark tetrad, school shooting, legal regulation, user identification, platform responsibility.*

Введение

В эпоху цифровой трансформации интернет из технического инструмента превратился в среду обитания значительной части человечества. По данным Международного союза электросвязи, в 2025 году число пользователей сети превысило 5,5 млрд, причём более 60 % из них активно используют социальные сети и мессенджеры [11]. Однако наряду с неоспоримыми преимуществами цифровое пространство породило новые формы девиантного поведения, среди которых особое место занимает кибербуллинг – систематическая травля, унижение и преследование человека с использованием электронных средств связи.

Первоначально интернет воспринимался как пространство свободы и анонимности, что нашло отражение в известной метафоре Питера Штейнера «в интернете никто не знает, что ты собака». Однако именно анонимность стала мощным триггером агрессивных проявлений. Как справедливо отмечает И.В. Никулина, кибербуллинг представляет собой родовое понятие по отношению к троллингу, киберсталкингу, клевете и другим формам цифровой агрессии [6]. В отличие от традиционного школьного буллинга, ограниченного территорией учебного заведения, кибербуллинг не имеет пространственных и временных границ, вторгается в личное пространство жертвы и создаёт ощущение тотальной незащищённости.

Особую тревогу вызывает связь кибербуллинга с тяжкими преступлениями, включая суицид – вооружённые нападения на образовательные учреждения. Исследования показывают, что большинство нападавших ранее сами подвергались травле, в том числе цифровой [1]. Таким образом, противодействие кибербуллингу выходит за рамки сугубо социальной проблемы и становится важной государственной задачей, требующей адекватного правового и организационного ответа.

Цель настоящей работы – на основе комплексного анализа психологических, социальных и правовых аспектов кибербуллинга разработать рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и практических мер противодействия. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) раскрыть сущность и основные формы кибербуллинга; 2) выявить психологические механизмы, способствующие агрессивному поведению в сети; 3) проанализировать

российское и зарубежное законодательство в данной сфере; 4) предложить конкретные изменения в правовом регулировании и организационные меры.

Материалы и методы исследований

В качестве нормативной основы исследования использованы: Конституция Российской Федерации (ст. 2, 18, 23, 24, 29, 46); Уголовный кодекс РФ (ст. 128.1, 130, 137, 151, 319); Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 5.61 – оскорбление, ст. 13.11 – нарушение законодательства о персональных данных); Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»; а также подзаконные акты, регулирующие деятельность интернет-площадок (например, Правила регистрации на портале «Госуслуги» и требования к идентификации пользователей).

В качестве эмпирического материала привлечены статистические данные о распространённости кибербуллинга (исследования Минцифры РФ, данные ВЦИОМ), а также описания резонансных случаев, получивших широкое освещение в средствах массовой информации и научных публикациях.

Методологическую основу составили: формально-юридический метод (анализ норм законодательства); сравнительно-правовой метод (сопоставление российского и зарубежного регулирования, в частности опыта Китая, ЕС и США); системный анализ (рассмотрение явления во взаимосвязи психологических, социальных и правовых факторов); а также метод теоретического моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства). Такое сочетание методов позволило не только описать феномен кибербуллинга, но и сформулировать практически реализуемые пути его преодоления.

Результаты и обсуждения

1. Понятие, формы и психологические механизмы кибербуллинга

Кибербуллинг представляет собой умышленные агрессивные действия, систематически совершаемые в отношении лица (группы лиц) с использованием электронных средств коммуникации. К наиболее распространённым формам относятся: троллинг (провокационное поведение с це-

лью вызвать негативные эмоции), киберсталкинг (навязчивое преследование), разглашение конфиденциальной информации (доксинг), создание унижительных материалов (демотиваторы, мемы), а также угрозы и оскорбления в комментариях и личных сообщениях [6].

Основную роль в формировании кибербуллинга играет феномен онлайн-растормаживания, описанный Дж. Суллером в 2004 г. Исследователь выделил несколько факторов: анонимность, отсутствие невербальных сигналов, асинхронность коммуникации, диссоциация личности (восприятие виртуального «я» как отдельного от реального). В совокупности эти факторы ослабляют внутренние психологические барьеры, снижают эмпатию и ответственность за свои действия [7]. Позднее У. Филлипс и Э. Бакелс связали троллинговое поведение с «тёмной тетradой» личности (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия, садизм), причём наиболее сильная корреляция выявлена именно с садизмом [8]. Это означает, что часть агрессоров осознанно получает удовольствие от причинения страданий, что многократно усиливает общественную опасность явления.

В исследовании В.Л. Назарова, Н.В. Авербуха и А.В. Буйначевой обосновывается принципиальная значимость типологического разграничения форм кибербуллинга для понимания его природы. Авторы проводят разграничение между внутришкольным кибербуллингом, при котором участники конфликта принадлежат к одному коллективу, и внешкольным, предполагающим столкновение людей, не связанных реальным знакомством. Это разграничение не является формальным: в первом случае агрессия в цифровой среде выступает продолжением уже сложившихся межличностных отношений и воспроизводит их внутреннюю динамику, тогда как во втором речь идет о качественно иной социальной конфигурации, лишенной предшествующего контекста реального взаимодействия [5].

2. Социальные последствия: от личной трагедии до массовых преступлений

Статистика ВЦИОМ за 2024 г. свидетельствует, что с кибербуллингом сталкивались 42 % опрошенных российских подростков, причём у 12 % травля носила систематический характер и продолжалась более полугода [10]. Негативные последствия включают депрессию, тревожные расстройства, суицидальные мысли и поведение. А.М. Басханов и К.П. Грицианова обращают внимание на оценку данной проблемы профессиональным сообществом, ссылаясь на результаты опроса, проведенного Центром исследований киберзапугивания. Согласно этим данным, 94 % сотрудников школьных служб и 82 % сотрудников

полиции квалифицируют инциденты киберзапугивания как серьезные и участвовавшие в последнее время [2].

Драматичным подтверждением выступает история канадской школьницы Аманды Тодд (2012 г.), которая стала жертвой шантажа и последующей многолетней травли, приведшей к самоубийству. Выяснилось, что преступник действовал системно, вовлекая десятки несовершеннолетних [3]. В России резонанс вызвала гибель Рины Паленковой (2015 г.), после смерти которой её страница в соцсети стала объектом массового глумления, распространялись фотографии с места трагедии, публиковались личные данные семьи. Мать погибшей отмечала, что для многих это была «мода» и форма развлечения, тогда как для семьи – невосполнимая утрата [12].

Ещё более опасным последствием является скулшутинг. Как показал анализ случаев в Керчи (2018), Казани (2021) и Перми (2021), нападавшие ранее подвергались буллингу в коллективах и в сети. Исследователь Р.Г. Ардашев подчёркивает, что накопленные обида и отчаяние со временем перерастают в стремление к мести, что делает кибербуллинг не только самостоятельным деликтом, но и предпосылкой тяжких преступлений [1].

3. Правовое регулирование в Российской Федерации: состояние и пробелы

Действующее российское законодательство содержит разрозненные нормы, которые в той или иной степени могут применяться к кибербуллингу. Конституция РФ гарантирует защиту чести и достоинства (ст. 21, 23), право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и судебную защиту (ст. 46). Уголовный кодекс предусматривает ответственность за клевету (ст. 128.1), оскорбление (ст. 130 – до декриминализации в 2011 г., ныне – административная ответственность), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), доведение до самоубийства (ст. 110) и др. КоАП РФ содержит ст. 5.61 (оскорбление) и ст. 13.11 (нарушение законодательства о персональных данных).

Однако все эти нормы являются общими и не учитывают специфику цифровой среды. Например, для привлечения к ответственности по ст. 5.61 КоАП необходимо установить факт оскорбления в адрес конкретного лица, однако в условиях анонимности и массовых комментариев доказать это крайне сложно. Кроме того, отсутствует специальный состав правонарушения, охватывающий именно систематическое преследование в сети. Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует порядок распространения информации, но не содержит обязанности провайдеров оперативно реагировать на жалобы о травле. Закон «О пер-

сональных данных» защищает персональные сведения, но не распространяется на унижительные высказывания или угрозы, не содержащие персональных данных.

Особую проблему представляет анонимность. Как показывает опыт Китая, где с 2010 г. введена обязательная идентификация по паспорту для всех интернет-сервисов, а с 2025 г. – система обезличенной аутентификации с уникальным виртуальным идентификатором, такой подход существенно снижает количество агрессивных высказываний [9]. В России регистрация на многих платформах по-прежнему допускает использование псевдонимов, что создаёт у пользователей иллюзию безнаказанности.

4. Предложения по совершенствованию правового и организационного противодействия

На основе проведённого анализа представляется целесообразным внедрение следующих мер.

В законодательной сфере:

Дополнить КоАП РФ специальной статьёй, устанавливающей ответственность за систематическое преследование (кибербуллинг) в информационно-телекоммуникационных сетях, с дифференциацией санкций в зависимости от тяжести последствий.

Внести изменения в Федеральный закон № 149-ФЗ, обязав владельцев социальных сетей и мессенджеров оперативно рассматривать жалобы на противоправный контент и блокировать его в течение 24 часов, а также раскрывать данные нарушителей по запросу правоохранительных органов.

Разработать и утвердить Правила идентификации пользователей при регистрации на публичных интернет-платформах, предусматривающие возможность использования электронной подписи или подтверждения личности через портал «Госуслуги». При этом необходимо сохранить право граждан на псевдоним в закрытых сообществах, но с чётким разграничением публичной и приватной коммуникации.

В организационной сфере:

Создать на базе МВД России специализированное подразделение по мониторингу и пресечению кибербуллинга, работающее в режиме 24/7, с возможностью приёма обращений через единый портал.

Ввести обязательное психологическое сопровождение для жертв кибербуллинга, а также программы реабилитации для несовершеннолетних нарушителей.

Активизировать профилактическую работу в образовательных учреждениях: внедрение уроков цифровой грамотности, формирование навыков

безопасного поведения в сети, обучение распознаванию ранних признаков травли.

Предлагаемые меры не должны восприниматься как тотальный контроль, но как необходимый баланс между свободой слова и защитой личности. Как справедливо отмечает В.А. Латынцева, цифровизация требует адекватного правового сопровождения, при котором технология остаётся инструментом реализации публичных интересов, а не заменяет их [4].

Заключение

Кибербуллинг представляет собой сложное междисциплинарное явление, сочетающее психологические, социальные и правовые аспекты. Анонимность и отсутствие прямого контакта создают благоприятную среду для агрессии, а последствия выходят далеко за пределы цифрового пространства, провоцируя суициды и массовые преступления. Действующее российское законодательство содержит лишь фрагментарные нормы, не обеспечивающие эффективной защиты жертв и не позволяющие привлечь нарушителей к ответственности.

Для изменения ситуации необходимо комплексное реформирование законодательства в части введения специальных составов правонарушений, усиления ответственности интернет-платформ, введения обязательной идентификации пользователей, а также создания специализированных организационных структур. Параллельно требуется масштабная профилактическая работа, направленная на воспитание цифровой культуры и правосознания. Только сочетание правовых, организационных и воспитательных мер позволит снизить масштабы кибербуллинга и обеспечить безопасность граждан в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Ардашев Р.Г. Скулшутинг как социальное явление // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 3 (82). – С. 22–28. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-3-732..
- [2] Басханов А.М., Грицианова К.П. Кибербуллинг – новая угроза обществу // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5 (70). – С. 124–129. – DOI 10.52068/2304-9839_2024_70_5_124..
- [3] История Аманды Тодд: случай кибербуллинга и суицида // Журнал здоровья подростков. – 2013. – Т. 52, № 5. – С. 576–578. – DOI 10.1016/j.jadohealth.2013.01.023..
- [4] Латынцева В.А. Состояние правового регулирования цифровых технологий в государственном управлении // Юридический мир. – 2023. – № 3. – С. 41–46. – DOI 10.18572/1811-1475-2023-3-41-46..

[5] Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Связь между типом межличностного поведения и стратегиями участников кибербуллинга: жертвы и свидетели // Образование и наука. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 130–167. – DOI 10.17853/1994-5639-2025-1-130-167..

[6] Никулина И.В. Кибербуллинг: понятие, формы и профилактика // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 479. – С. 125–131. – DOI 10.17223/15617793/479/15..

[7] Сулер Дж. Эффект онлайн-растормаживания // Киберпсихология и поведение. – 2004. – Т. 7, № 3. – С. 321–326. – DOI 10.1089/1094931041291295..

[8] Филлипс У., Бакелс Э. Тёмная тетрада личности и троллинг // Личность и индивидуальные различия. – 2016. – Т. 94. – С. 23–27. – DOI 10.1016/j.paid.2015.11.043..

[9] Чжан Л., Ван Х. Управление интернет-идентичностью в Китае: от регистрации по реальному имени к анонимной аутентификации // Телекоммуникационная политика. – 2025. – Т. 49, № 1. – С. 102–115. – DOI 10.1016/j.telpol.2024.102115..

[10] ВЦИОМ. Подростки в интернете: угрозы и защита. – М.: ВЦИОМ, 2024. – 45 с. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostki-v-internete-ugrozy-i-zashchita>.

[11] Международный союз электросвязи. Статистика пользователей интернета в мире, 2025. – Женева : МСЭ, 2025. – 78 с. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 15.05.2026).

[12] Шевчук Я. Интернет-травля: взгляд изнутри // Новая газета. – 2015. – 15 дек. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/12/15/67284-internet-travlya-vzglyad-iznutri>.

References:

[1] Ardashev R.G. Skulshuting as a social phenomenon // Humanitarian Bulletin. – 2020. – № 3 (82). – С. 22–28. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-3-732..

[2] Baskhanov A.M., Gritsianova K.P. Cyberbullying is a new threat to society // Eurasian Bar. – 2024. – № 5 (70). – С. 124–129. – DOI 10.52068/

2304-9839_2024_70_5_124..

[3] Amanda Todd's Story: A Case of Cyberbullying and Suicide // Journal of Adolescent Health. – 2013. – Т. 52, NO. 5. – С. 576–578. – DOI 10.1016/j.jadohealth.2013.01.023..

[4] Latyntseva V.A. State of legal regulation of digital technologies in public administration // Legal world. – 2023. – № 3. – С. 41–46. – DOI 10.18572/1811-1475-2023-3-41-46..

[5] Nazarov V.L., Averbukh N.V., Buinacheva A.V. The relationship between the type of interpersonal behavior and the strategies of cyberbullying participants: victims and witnesses // Education and science. – 2025. – Т. 27, NO. 1. – С. 130–167. – DOI 10.17853/1994-5639-2025-1-130-167..

[6] Nikulina I.V. Cyberbullying: concept, forms and prevention // Bulletin of Tomsk State University. – 2022. – № 479. – С. 125–131. – DOI 10.17223/15617793/479/15..

[7] Suler J. Online Disinhibition Effect // Cyberpsychology and Behavior. – 2004. – Т. 7, NO. 3. – С. 321–326. – DOI 10.1089/1094931041291295..

[8] Phillips W., Buckels E. Dark personality tetrad and trolling // Personality and individual differences. – 2016. – Т. 94. – С. 23–27. – DOI 10.1016/j.paid.2015.11.043..

[9] Zhang L, Wang H. Managing Internet Identity in China: From Registration by Real Name to Anonymous Authentication // Telecommunications Policy. – 2025. – Т. 49, NO. 1. – С. 102–115. – DOI 10.1016/j.telpol.2024.102115..

[10] VTSIOM. Teenagers on the Internet: threats and protection. – М.: VTSIOM, 2024. – 45 с. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostki-v-internete-ugrozy-i-zashchita>.

[11] International Telecommunication Union. Statistics of Internet users in the world, 2025. – Geneva: ITU, 2025. – 78 p. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (access date: 15.05.2026).

[12] Shevchuk Ya. Internet harassment: a look from the inside // Novaya Gazeta. – 2015. – 15 дек. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/12/15/67284-internet-travlya-vzglyad-iznutri>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-854-858

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной
и автомобильной техники Санкт-Петербургского
университета МВД России,
e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

Аннотация. Автором в своей научной статье исследуются проблемы информационного обеспечения, обмена информационными ресурсами и взаимодействия правоохранительных органов.

Кроме того проводится анализ различных стадий формирования и ведения банков данных, а также значение данного процесса для оценки оперативной обстановки, последующего распределения сил и средств, выявления криминальных и антиобщественных элементов, повышения эффективности работы правоохранительных органов в общем.

Также делается акцент на выявление ключевых принципов информационного обеспечения органов внутренних дел, а также проблемы практической реализации надлежащего уровня предоставления информации.

Ключевые слова: база данных, оперативная информация, электронно-вычислительная техника, защита информации, информационные ресурсы.

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Specialized and
Automotive Equipment St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF INFORMATION SUPPORT FOR THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN INFORMATION RESOURCES

Annotation. In his scientific article, the author explores the problems of information support, information resource exchange and interaction between law enforcement agencies. In addition, an analysis is being conducted of the various stages of the formation and maintenance of data banks, as well as the importance of this process for assessing the operational situation, the subsequent allocation of forces and resources, the identification of criminal and antisocial elements, and improving the effectiveness of law enforcement agencies in general.

The emphasis is also placed on identifying the key principles of information support for internal affairs bodies, as well as the problems of practical implementation of the appropriate level of information provision.

Key words: database, operational information, electronic computing, information security, information resources.

В начале исследования необходимо разграничить термин информация и информационные ресурсы, которые носят достаточно распространенный характер на современном этапе и стремительно приобретает более востребованный характер.

Смысл данных понятий в различных отраслях человеческой деятельности понимается

по-разному в зависимости от прикладного характера, а сам термин «информация» и в настоящее время остается одним из самых дискуссионных в науке.

В целом информация представляет собой сведения об окружающем мире (объектах, явлениях, событиях, процессах и т.д.), которые уменьшают имеющуюся степень неопределенности, непол-

ноты знаний, отчужденные от их создателя и ставшие сообщениями (выраженными на определенном языке в виде знаков, в том числе и записанными на материальном носителе), которые можно воспроизводить путем передачи устным, письменным или другим способом.

Информация как объект нематериального и материального мира является элементом любых отношений.

И более того, в данный момент представляет собой не только самостоятельный предмет управленческих, производственных, идеологических, экономических, личностных отношений, но и является частью системы правовых отношений.

Различные международные и иные правовые акты закрепляет право человека и гражданина на информацию, её свободный поиск, получение, передачу, производство, распространение любым законным способом.

С течением времени информация стала своего рода товаром в процессе обмена и одним из самых выгодных источников.

Преувеличить её значение в современном мире достаточно сложно. Сведения, генерируемые и потребляемые общественными массами, представляют собой важнейшие административные, стратегические, экономические ресурсы.

Информационные войны, атаки и диверсии сформировались в одну из самых опасных угроз суверенитета государства.

В связи с этим, правоотношения, складывающиеся в сфере обращения с информационными потоками и ресурсами, являются объектом научного интереса.

По своей сути информационный ресурс в практической правоохранительной деятельности в Российской Федерации имеет важное значение.

Для обеспечения совершенствования деятельности органа внутренних дел вся поступающая информация должна быть классифицирована, отработана и по ней должно быть принято решение в соответствии с действующим законодательством.

Это касается как организации и принятия управленческих решений, так и ежедневной служебной деятельности строевых и оперативных подразделений.

Отдельно следует отметить значение своевременного получения оперативно-розыскной информации для правильной оценки оперативной обстановки, быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений.

Кроме того, важнейшим условием обеспечения предупреждения и предотвращения правонарушений и преступлений, является наличие у сотрудника правоохранительных органов точных,

актуальных и обоснованных данных о криминогенной среде, а также успешное взаимодействие и обмен информацией между подразделениями органа внутренних дел.

При этом, информационная среда, её источники и носители должны обладать всеми характеристиками защищенности, отвечающими последним требованиям науки и техники для эффективного противостояния внешним атакам и провокациям. Не стоит забывать, что большая часть информационных массивов правоохранительных органов являются сведениями ограниченного пространства (с присвоением соответствующего грифа секретности) либо для служебного пользования (ДСП). В связи с этим актуальной становится проблема создания и поддержания надлежащих условий хранения, доступа, выдачи сведений, формируемых подразделениями и службами МВД России, а также в рамках межведомственного взаимодействия.

Информационное обеспечение полиции можно определить как предоставление полных, достоверных и актуальных сведений для реализации основных функций и направлений деятельности должностных лиц ОВД в сфере борьбы с преступностью, её предупреждением и предотвращением, а также предоставление информации о результатах оперативно-служебной деятельности данных подразделений для оценки и выработки рекомендаций по ее совершенствованию.

Объем и разнообразие деятельности полиции требуют интеграции используемой и генерируемой информации в массивы данных и применения информационных технологий для ее обработки.

Начиная с периода всеобщей глобализации и информатизации, формирование данных в различных структурах правоохранительных органов происходило обособленно и разрозненно, что привело к несогласованности и их слабой интеграции между собой.

При этом имеются различные проблемы, которые способствуют снижению эффективности всей деятельности, в числе которых: борьба с межрегиональными и серийными преступлениями; кратное увеличение запросов и документооборота; длительность получения информации от смежных служб/субъектов; осложнения при подготовке аналитической и сводной информации.

Выходом из сложившейся ситуации послужило решение разработать прикладное программное обеспечение интегрированного банка данных федерального уровня, формируемого на основе данных из различных автоматизированных систем департаментов и управлений МВД России, подразделений территориальных органов МВД России,

федеральных органов исполнительной власти.

Вместе с тем, на данном этапе централизованные учеты ФКУ «ГИАЦ МВД России» представлены самым разнообразным функционалом, в том числе: обеспечение руководства и подразделений системы МВД России, органов государственной власти Российской Федерации, и местного самоуправления статистической информацией о состоянии преступности и результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, а также оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, архивной, научно-технической и иной информацией.

Спектр информационного обеспечения ОВД расширяется с каждым годом. И, возвращаясь ко всероссийским, централизованным ресурсам, необходимо отметить огромную сферу, охватываемую сервисами и платформами ИСОД МВД России.

Несмотря на затруднения в использовании, связанные с категоризацией машинных носителей, на которых происходит эксплуатация, сбоями в работе, недостаточной оперативности, вызванной перегруженностью единой информационной телекоммуникационной сети, значение данных сервисов для хранения и использования информационных ресурсов МВД колоссально.

При должном уровне обучения сотрудников, использование и ведение банков данных на базе ИСОД можно охарактеризовать простым, удобным и эргономичным, что является важной составляющей эффективного использования информации в оперативно-служебной деятельности.

Эти и другие средства информационного обеспечения основаны на единых концептуальных принципах формирования, а именно: полнота, достоверность, обоснованность, своевременность, актуальность и понятность информационных ресурсов. Рассмотрим их подробнее:

В самых общих чертах полнота информации предполагает её достаточность для понимания и принятия решений. Недостаток сведений напрямую влияет на оперативность и правильность избранной тактики действий. В практической деятельности ОВД, полнота сбора и аккумуляции сведений предполагает исключение потери или искажения части или целого массива информации при введении в определенные банки данных или экспорте.

Принцип достоверности заключается в отсутствии искажений, то есть максимальном соответствии реальному положению дел (оперативной обстановки, совершенному происшествию).

Говоря о принципе обоснованности информации, мы прежде всего обращаемся к её источникам. Они должны соответствовать закону (под-

законным, локальным нормативным актам) по форме и содержанию. Любые сведения, добытые незаконным путем, неизбежно приводят к невозможности их использования и тем более хранения и распространения.

Своевременность информации является прямым эквивалентом её ценности, в связи с этим имеет огромное значение. Речь идет не только о кратчайшем, или определенным законом, сроке предоставления и введения сведений в банки данных, но и своевременной выдачи информации уполномоченным лицам.

Принцип актуальности и понятности имеет большое значение при работе в постоянно меняющихся условиях оперативно-служебной деятельности. При этом, если полноценная, обоснованная и актуальная информация выражена в недоступной форме, в результате она может оказаться бесполезной. Информация становится понятной и доступной тогда, когда сформулирована и структурирована доступным образом для объекта её усвоения.

Обозначенные принципы в общем представляют собой основу высокого уровня информационного ресурса, способствующего обеспечить эффективную поддержку в противодействии преступности.

Кроме того, информационное обеспечение намного шире и помимо того, что способствует сохранности значимой информации, содержащихся в банках данных, но и способствует обеспечению должной степени защиты и обращения с данной информацией.

Прежде всего информационное обеспечение в системе МВД России должно соответствовать всем параметрам защищенности. Это уже скорее не принцип, а неотъемлемое условие, требование к обработке и выдаче сведений, защищенности средств связи, разграничению по направлениям носителей информации, присвоении документам грифов, ограничивающих их обычный документооборот, а также требований, предъявляемым к квалификации сотрудников полиции, допусков их к сведениям ограниченной информации, соблюдения ими запретов, связанных с обработкой и распространением персональных данных физических или юридических лиц.

Наряду с тем, нужно также отметить, что за обеспечение конфиденциальности сведений и обеспечении их защищенности возлагается как на субъекты регистрации и учета, подразделения, входящие в систему МВД России, так и на сотрудников отдела делопроизводства и режима, центр защиты информации, отделения собственной безопасности, но и представители Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Только при условии соответствия информационного обеспечения всем вышеуказанным принципам и требованиям, будет эффективным применение их практической деятельности правоохранительных органов.

При условии столь детализированной проработки системы взаимодействия, защиты, и информатизации, анализ современного состояния информационного обеспечения должностных лиц правоохранительных органов в целом позволяет выделить основные недостатки, в числе которых:

Ограниченный функционал практик и средств автоматизации и его неспособность быстро осуществлять выборку необходимой части неструктурированной информации;

запоздание анализа оперативной обстановки по причине низкой скорости обработки сведений;

невозможность полноценного удовлетворения постоянно растущей потребности в информации в связи с увеличением штата сотрудников ОВД, изменением криминогенной обстановки и появлением новых средств и способов совершения преступлений.

Помимо всей выявленной проблематики считаем необходимым обозначить главный, на наш взгляд, тезис, определяющий успешное функционирование указанных информационных ресурсов. Заключается он в следующем: объем и эффективность использования информационных банков данных напрямую зависит от своевременности, полноты и достоверности их формирования.

То есть для полноценного информационного сопровождения оперативно-розыскных, профилактических мероприятий, для обеспечения необходимыми сведениями подразделения предварительного следствия, охраны общественного порядка и др., необходимо чтобы все подразделения правоохранительных органов своевременно предоставляли данные необходимого уровня в субъекты регистрации и учета или ответственно вносили их сами, при наличии необходимых допусков и оборудования.

Также важно отметить, что на данном этапе развития научно-технического прогресса и складывающейся оперативной обстановки, уровня преступности и в целом экономического развития страны, от уровня информационного обеспечения служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации напрямую зависит эффективность деятельности ведомства в целом.

В общем информационные ресурсы должны соответствовать определенным требованиям и принципам формирования.

Проанализировав весь перечень банков данных и подсистем, их содержательную составля-

ющую, можно сделать вывод о значительном объеме и многоплановости информационных массивов, разнообразие которых предусмотреть все потребности и вопросы, возникающие в оперативно-служебной деятельности.

Информационное обеспечение правоохранительных органов уверенно развивается в ногу с изменениями в информационной сфере, включая переход на электронный документооборот и взаимодействие, поскольку приводит к оптимизации работы, экономии времени.

Кроме того, эффективное использование современных информационных ресурсов приносит значительные результаты в повышении процента раскрываемости и ускорении расследования преступлений, сокращении физических и экономических затрат на розыск и установление лиц и т.д.

В заключении актуально обозначить, что применение рассмотренных информационных ресурсов будет эффективным, только в случае разграниченного подхода, который заключается в формировании банков данных, предоставлении субъектами учета своевременных, точных и обобщенных сведений, а также в необходимости обучения должностных лиц ОВД РФ использованию указанных ресурсов, организация повышения их квалификации и переподготовки на постоянной основе.

Кроме того, информационное обеспечение правоохранительных органов уверенно идет по пути информатизации, электронного взаимодействия и документооборота, что безусловно приводит к оптимизации работы, экономии служебного времени.

Вместе с тем, эффективное использование современных информационных ресурсов приносит значительные результаты в повышении процента раскрываемости преступлений и сокращении срока предварительного расследования, уменьшении физических и экономических затрат на розыск и установление лиц.

Список литературы:

[1] Долгополов А.А. Белоконов А.В. О теоретических проблемах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел // Общество и право 2016. № 3(57) С. 165-169.

[2] Володченко В.С., Ланцова Д.С., Ивлёв О.Ю., Метельницкая Т.А., Бышок К.А., Романов Э. В. Процесс информатизации // Достижения науки и образования. 2018. № 19 (41). С. 18-19.

[3] Ильин А.В. Информация как объект правового регулирования. Актуальные вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях. Сборник трудов

адъюнктов и соискателей. М., 2004. С. 65.

[4] Троянская М.А. Информационное обеспечение деятельности органов государственного управления: понятие и значение // МНИЖ. 2020. № 5-2 (95). С. 25-28.

[5] Подчернин В.М. Некоторые вопросы информационного обеспечения и информационно-аналитической деятельности // Библиосфера. 2007. № 1. С. 21-32.

[6] Киселев А.Г. Информационное обеспечение государственного управления // Коммуникология. 2013. № 2. С. 120-126.

[7] Клепикова К.А. Информатизация образовательного учреждения // Проблемы педагогики. 2018. № 7 (39). С. 56-57.

References:

[1] Dolgoplov A.A. Belokon A.V. On the theoretical problems of administrative and legal regulation of information support for the activities of internal affairs bodies // Society and Law, 2016. No. 3 (57), pp. 165-169.

[2] Volochenko V.S., Lantsova D.S., Ivlev O.Yu., Metelnitskaya T.A., Byshok K.A., Romanov E.V. The process of informatization // Achievements of science and education. 2018. No. 19 (41). pp. 18-19.

[3] Ilyin A.V. Information as an object of legal regulation. Current issues of improving the activities of internal affairs bodies in modern conditions. Collection of works of adjuncts and applicants. Moscow, 2004. p. 65.

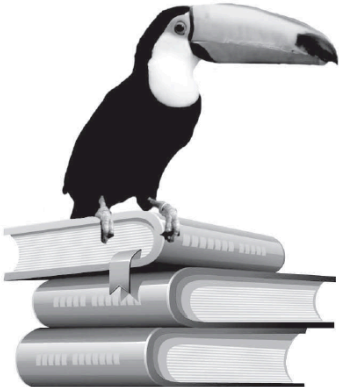
[4] Troyanskaya M.A. Information Support for the Activities of Public Administration Bodies: Concept and Significance // MNIZH. 2020. No. 5-2 (95). Pp. 25-28.

[5] Podchernin V.M. Some Issues of Information Support and Information-Analytical Activities // Biblosphere. 2007. No. 1. Pp. 21-32.

[6] Kiselev A.G. Information Support for Public Administration // Communicology. 2013. No. 2. Pp. 120-126.

[7] Klepikova K.A. Informatization of an Educational Institution // Problems of Pedagogy. 2018. No. 7 (39). Pp. 56-57.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-859-862

Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России доцент кафедры
уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной
деятельности Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ДУХОВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные научные направления, трактующие феномен духовности. Понятия «духовность», «духовно-нравственное воспитание», «духовная безопасность» активно используются во многих сферах, однако их содержание не всегда точно определено. Духовность зачастую приравнивают к религиозности, в связи с тем, что в своем историческом развитии эти феномены долгое время были неразделимы.

Ключевые слова: направленность, духовное, духовность, традиции, история, наука, духовно-нравственное воспитание, духовная безопасность.

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading
researcher of the Federal Scientific Research Institute of the
Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor
of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law
Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

SCIENTIFIC DIRECTIONS OF THE PHENOMENON OF SPIRITUALITY

Annotation. The article examines various scientific trends that interpret the phenomenon of spirituality. The concepts of "spirituality," "spiritual and moral education," "spiritual security" are actively used in many areas, but their content is not always precisely defined. Spirituality is often equated with religiosity, due to the fact that in their historical development these phenomena have long been inseparable.

Key words: orientation, spiritual, spirituality, traditions, history, science, spiritual and moral education, spiritual safety.

На современном этапе развития отечественная наука характеризуется ощутимой антропологической направленностью. Наблюдается активное движение от упрощенных «моделей» понимания человека как «продукта окружающей социальной среды, носителя общественного сознания, элемента производительных сил» к осмыслению его субъективности и многоплановости, обнаружению в нем специфических импульсов внутренней свободы, позволяющей выстраивать свое индивидуальное бытие на основании причинности, исходящей из абсолютно неповторимого внутреннего, духовного центра каждой отдельно взятой личности. Рассматривая человека не как законченный биологический вид, а как личность, находящуюся в постоянном изменении и становлении, принципи-

ально незавершенную, сознающую свои неисчерпаемые возможности, различные отрасли науки (философия, психология, педагогика и др.) проецируют свой интерес в отношении феномена духовности.

Восприятие человека, как триединства (тело-душа-дух), принятое в христианской антропологической традиции, все более внимательно и серьезно рассматривается современной наукой. В самом деле, телесностью (как материальной оформленностью) обладает все живое вообще, душевностью (как психическими способностями) - высшие животные, а по некоторым научным данным, даже растения³, и только духовность (как присутствие высших форм сознания, духа) и продукты духовной деятельности, способность к

осознанию всей сложности окружающего и своего собственного, внутреннего миров - прерогатива исключительно человека. Уже поэтому вполне резонно предполагать, что именно духовность есть средоточие подлинно человеческого в человеке, собственно само человеческое.

Нужно отметить, что различные научные направления неоднозначно трактуют феномен духовности. Понятия «дух», «духовность», «духовное» - древние по своему происхождению, имеющие богатые традиции в истории, науке и культуре. В период существования СССР, в связи с высокой степенью идеологизации отечественной науки и ее акцентированности на социальность и естественнонаучную методологию в понимании человека, данные категории в некоторой степени были лишены самостоятельного статуса. После смены государственного строя, начиная с 90-х гг. XX в., также изменилась и научная трактовка данных феноменов.

В настоящее время понятия «духовность», «духовно-нравственное воспитание», «духовная безопасность» активно используются во многих сферах, однако их содержание не всегда точно определено. Духовность зачастую приравнивают к религиозности, в связи с тем, что в своем историческом развитии эти феномены долгое время были неразделимы. На протяжении многих веков практически во всех странах мира религиозные структуры были неразрывно связаны с государственной деятельностью и общественной жизнью, непосредственно влияя, а иногда и жестко регламентируя направление развития исторических, политических, экономических процессов, науки, культуры, медицины, образования. В словаре В. Даля духовность определяется как состояние, относимое к Богу, вере, душе человека и отражающее его умственные, нравственные силы и волю. Корень слова «духовность» - дух (лат. spiritus), является формообразующим для многих понятий, используемых в религиозной сфере и в настоящее время (духовенство, духовный сан, духовник и др.). Религиозную трактовку феномена духовности поддерживают и некоторые современные ученые.

С научной точки зрения принято разделять светское и религиозное понимание духовности. В современном мире религиозные ценности нередко выступают в качестве источников права и стратегических политических целей, а религиозные установки населения явно или скрытно влияют на процессы, протекающие в обществе. Однако религиозное сознание, чувства, идеалы являются только частью, элементом духовной жизни личности и общества и не ограничивают ее полноту. Духовность и религиозность - это как целое и часть.

Духовность - это жизнь духа. Религия - всего лишь одна из ее форм. Религиозное мировоззрение - это один из элементов общественного сознания, наряду с политическим, правовым, нравственным, эстетическим, научным сознанием. Так же, как, например, понятие «вера», исходя из конкретного контекста, не всегда относится к религии. Религиозная вера - вера в Бога, в сверхъестественные силы и явления. В то время как вера вообще есть психический феномен, связанный с определением истинности или ложности явлений, которые невозможно достоверно проверить и перевести в категорию знания. Это психическое явление можно отнести к абсолютно любым сферам, охватываемым сознанием человека.

При употреблении понятия «духовность» в нормативных правовых актах, научных, учебно-методических и иных материалах особенно важно иметь точное определение, чтобы в полной мере понимать, о чем идет речь. Например, в целях более конкретного применения понятий «духовность» и «религиозность» некоторые современные ученые используют следующие формулировки: «религиозная духовность», «религиозно-духовная безопасность» и др. В законодательных актах Российской Федерации понятия «религиозный» и «духовный» также имеют смысловое различие. Так, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, хотя и отмечается, что важнейшую роль в сохранении традиционных духовных ценностей играет деятельность Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий, под понятиями «духовность, духовный» подразумевается именно культурный, интеллектуальный, нравственный потенциал личности и общества в целом.

Таким образом, духовность есть основа практически всего, что имеет отношение к деятельности сознания, культуре, творчеству. Те или иные идеи, ценности, установки, мотивы явно или скрытно направляют не только религиозную, но любую деятельность. С научной (философской, психологической) точки зрения, к духовной сфере человека относят, в первую очередь, деятельность его сознания (интеллектуальная, эмоциональная и волевая сферы) и плоды этой деятельности. Продукты духовной жизни кодируются в мозгу человека с помощью системы знаков, символов, языка. Вне думающего, чувствующего мозга все предметы материального мира бездуховны.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова,

Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пени-тенциарной регламентации: клинко-феномено-логическая модель, нейробиологические корреля-ты и диагностические критерии /Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняю-щегося поведения несовершеннолетних осужден-ных / В сборнике: Духовно-нравственное воспита-ние личности в пенитенциарной системе: педаго-гические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Все-российского научно-практического круглого ста-ла, посвященного памяти ученых-пенинциари-стов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН Рос-сии // Ведомости уголовно-исполнительной систе-мы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.

[5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и осо-бенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и со-временное образование. Материалы Всероссий-ской научно-практической конференции аспиран-тов, соискателей, докторантов, научных руководи-телей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиран-та» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового обще-ния / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолет-них осужденных / В сборнике: Уголовно-испол-нительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-пра-ктической конференции с международным участи-ем, посвященной памяти российского ученого-пе-нитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессо-ра О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[9] Вилкова А. В., Полякова

Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной служ-бе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особен-ности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совер-шенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимско-го юридического института МВД России. 2026. № 1(111).

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сбор-нике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузов-ской научно-практической конференции с между-народным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профес-сиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Веду-мости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[16] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Поля-кова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образова-ние и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессио-нального становления молодого ученого / В сбор-нике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конфе-ренции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/ R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. Т. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilko A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilko A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S. 6-8.

[5] Vilko A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilko // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilko, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilko, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian

Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilko A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilko A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilko A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilko A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] Vilko A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[16] Vilko A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[17] Vilko A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-863-867

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН
России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат
педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru,

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос толерантности с точки зрения социально-психологического подхода, позволяющему связать личностную модель толерантности с коммуникативной и прежде всего с взаимодействием сотрудников исправительного учреждения между собой.

Ключевые слова: толерантность социально-психологический подход, модель, личность, позиция.

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian
Federation; Candidate of Pedagogical Sciences

SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH AS A THEORETICAL BASIS FOR STUDYING TOLERANCE

Annotation. The article considers the issue of tolerance from the point of view of a socio-psychological approach, which makes it possible to connect a personal model of tolerance with a communicative one and, above all, with the interaction of employees of a correctional institution with each other.

Key words: tolerance socio-psychological approach, model, personality, position.

Толерантность одна из проблем, не решаемых чисто прагматически. Толерантность следует рассматривать как терпение и терпимость, но не всего, чего угодно, а лишь того, что даст человеку пищу для размышления и развития. Прежде всего, в толерантности заложена активная позиция, путь к внутренним изменениям и сохранение идентичности в резко меняющихся обстоятельствах.

В психологии при проведении исследования толерантность рассматривается как устойчивая личностная характеристика (см: Т. Адорно, Г.У. Солдатов, Э.И. Мещерякова) [15], предполагающая наличие следующих свойств личности у респондентов: устойчивость, терпимость, допустимость отклонения. Есть несколько подходов к понятию толерантности. Теоретической основой изучения толерантности является социально-психологический подход, позволяющий связать личностную модель толерантности с коммуникативной [16] и прежде всего с взаимодействием сотрудников ИУ между собой. «Личностная толерантность» судя по научной литературе состоит

из 3-х компонентов: - когнитивный компонент: гибкость мышления, открытость новому, способность структурировать информацию, представлять возможные исходы ситуации; нравственный компонент – чувство долга, самостоятельность в определении собственной позиции, поступках и ответственность за них, ответственное отношение к качественной учебе в высшем образовательном учреждении, искренность в отношениях с людьми, требовательность к себе [17]; - эмоциональный компонент – отсутствие эмоционального напряжения, устойчивость к стрессу, стойкость к аффекту; - поведенческий компонент – волевой контроль, усиление контроля за собственным состоянием, за ситуацией и вовлеченными в нее людьми, установка на сотрудничество. Такое понимание способствует не только изучению (диагностики) толерантности у конкретной личности, но и выработку механизмов формирования и развития толерантного сознания через коррекцию ценностных характеристик личности.

Толерантность рассматривается в различ-

ных философских и психологических подходах – сегодня в литературе преобладают бихевиоральный (при котором толерантность рассматривается, прежде всего, как особое поведение человека) и когнитивный (когда толерантность в основе своей имеет знания и рациональные доводы...).

На наш взгляд более интересен подход к изучению проблемы толерантности представленный в работах С. Л. Братченко, где сформулированы основные идеи для построения «психологии толерантности». Данный подход основывается на пяти концепциях:

Толерантность не является механическим результатом действия каких-либо «факторов» (внутренних или внешних) как таковых, а подлинная толерантность – это проявление сознательного, осмысленного и ответственного выбора человека, его собственной позиции и активности по построению определенных отношений (экзистенциально-гуманистический подход).

Психологическое содержание толерантности не может быть сведено к отдельному свойству, характеристике – это сложный, многоаспектный и многокомпонентный феномен, имеющий несколько «базовых измерений» (диверсификационный подход).

В сложной «анатомии» толерантности ее психологической основой и ключевым измерением являются личностное измерение толерантности – ценности, смыслы, личностные установки (личностный подход)» [18].

Среди всех разнообразных видов и форм толерантности для С. Л. Братченко основанием общей толерантности человека является межличностная толерантность: толерантность как особый способ взаимоотношения и межличностного взаимодействия – общения с Другим, как межличностный диалог (диалогический подход).

Полноценная толерантность – и прежде всего в своей личностной основе – не может быть результатом только внешних воздействий: толерантность не столько формируется, сколько развивается; помощь в становлении толерантности – это создание условий для развития (фасилитативный подход).

С целью более детального анализа толерантности мы рассмотрим экзистенциально-гуманистический подход к толерантности в понимании Братченко С. Л. Мы считаем, что с позиции развития и формирования профессионально важных качеств у обучающихся в высших учебных заведениях ФСИН России толерантность необходимо рассматривать в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, который позволяет человеку на основе своего выбора, осознания необходимости, принимать или не принимать толерантную

позицию в межличностных отношениях.

Мы солидарны с С. Л. Братченко, который считает, что с экзистенциально-гуманистической точки зрения полноценная, зрелая толерантность – непременно осознанная, осмысленная и ответственная. Такая толерантность не сводится к автоматизмам, к простым стереотипным действиям – это ценность и жизненная позиция, реализация которой в каждой конкретной ситуации имеет определенный смысл и требует от субъекта толерантности поиска этого смысла и ответственного решения.

Рассматривая экзистенциально-гуманистический подход, С. Л. Братченко, исходит из признания неустранимой роли личности в любой совершаемой ею деятельности. При всей очевидной и весьма существенной роли социальных норм, общественных идеалов, идеологических и профессиональных требований и т.д. – нельзя отрицать стремление и возможность каждого конкретного человека в своих действиях ориентироваться также (а иногда – прежде всего) на собственные цели, ценности, приоритеты. Это значит, что какими бы жесткими ни были «внешние рамки» работы сотрудника УИС, в ее осуществлении он всегда привносит личностное начало, начиная от индивидуальной, часто весьма субъективной, трактовки этих внешних требований и заканчивая реализацией своих личных целей вопреки «генеральной линии». Даже при полном однообразии официальных требований к учреждениям УИС – их жизнь всегда будет очень разной именно потому, что работают там разные люди, которые неизбежно самоопределяются относительно той ситуации, в которой находятся, и особенно – в которой действует.

С этих позиций толерантность понимается не как незыблемое правило или готовый к употреблению рецепт, и тем более не как принудительное требование под угрозой наказания, а как свободный и ответственный выбор человека «ценностного толерантного отношения к жизни» (Асмолов, 2000, с.7) [19]. В частности, для сотрудника УИС это означает, что толерантность – это особое качество его «способа бытия», а не только требование профессиональной роли или коммуникативный навык.

Толерантные отношения не даны человеку, а заданы – также, как в гуманистической трактовке человека ему задана возможность, потенциал реализации здорового и конструктивного начала, который актуализируется не только при определенных условиях, но и при соответствующих усилиях самого человека. За внешними условиями и внутренними предпосылками должна последовать смысловая и иная активность человека, его

свободное и ответственное самоопределение в каждой конкретной жизненной ситуации.

Список литературы:

- [1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.
- [2] Искандаров Р. Р. / Синдром отмены пенитенциарной регламентации: клинко-феноменологическая модель, нейробиологические корреляты и диагностические критерии / Р. Р. Искандаров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 2. С. 46-63.
- [3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.
- [4] Вилкова А. В. Наука в НИИ ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 4 (287). С. 6-8.
- [5] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.
- [6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.
- [7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.
- [8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.
- [9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.
- [10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.
- [11] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.
- [12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111).
- [13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.
- [14] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.
- [15] Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Lewinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian Personality. N.Y., 1950; Солдатов Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Солдатов Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М.: МГУ, 2001; Мещерякова Э.И. Исследование толерантности личности как диалога в контексте персонального мифа // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 150-151.
- [16] О феномене толерантной, экзистенциальной коммуникации, концепции «диалога» и персонального мифа см.: Бахтин М.М. Работы 20-х гг. Киев, 1994. С. 154; Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф – число – сущность. М., 1993; Бубер М. Два образа веры: Я и Ты: Диалог / Пер. с нем. М.: Республика, 1995. С. 15-120; Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
- [17] Беляева В.А. Духовно нравственное ста-

новление и развитие личности учителя в контексте светской и православной педагогической культуры: Монография. - Рязань: РОИРО, 1998.- 135с. (С. 21-22).

[18] См: <http://www.tolerance.ru/biblio/statii/adamjanc.html>.

[19] Асмолов А. Г. Толерантность от утопии к реальности. // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. с. 5-7.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkoval, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Iskandarov R. R./Prison deregulation syndrome: clinical-phenomenological model, neurobiological correlates and diagnostic criteria/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkoval, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 2. S. 46-63.

[3] Vilkoval A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkoval A.V. Science at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia // Vedomosti of the penal system. 2026. № 4 (287). S. 6-8.

[5] Vilkoval A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkoval // In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] Vilkoval A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[9] Vilkoval A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Vilkoval A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[11] Tishchenko Yu. Yu. Vilkoval A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[12] Vilkoval A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111).

[13] Vilkoval A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors // In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[15] Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Lewinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian Personality. N.Y. , 1950; Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M., 1998; Soldatova G.U. Tolerance and intolerance are two facets of interethnic interaction // Century of tolerance: Scientific and journalistic bulletin. M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY, 2001; Meshcheryakova E.I. Study of personality tolerance as a dialogue in the context of personal myth // Personality in paradigms and metaphors: mentality - communication - tolerance/Ed. V.I. Kabrina. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2002. S. 150-151.

[16] For the phenomenon of tolerant, existential communication, the concept of "dialogue" and personal myth, see: Bakhtin M.M. Works of the 20s. Kyiv, 1994. S. 154; Losev A.F. Dialectic of myth // Myth - number - essence. M., 1993; Buber M. Two ways of believing: Me and You: Dialogue/Per. since

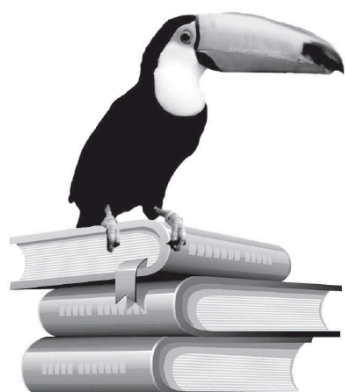
German M.: Republic, 1995. S. 15-120; Brudny A.A. Psychological hermeneutics. M., 1998.

[17] V.A. Belyaeva. Spiritual moral formation and development of the teacher's personality in the context of secular and Orthodox pedagogical culture: Monograph. - Ryazan: ROIRO, 1998.- 135s.

(S. 21-22).

[18] См: <http://www.tolerance.ru/biblio/statii/adamjanc.html>.

[19] Asmolov A. G. Tolerance from utopia to reality . // On the way to a tolerant consciousness. M., 2000. from. 5-7.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-868-873

Дата принятия рукописи в печать: 19.07.2026 г.

БАЙ Чжэнхуэй,
студент Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
e-mail: unimailque@mail.ru

Научный руководитель:
ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского
языка для профессиональной коммуникации Российского
государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена,
e-mail: phill.yield@gmail.com

ВЕРОЯТНОСТНАЯ КАРТИНА МИРА В КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ НА ОСНОВЕ ОБРАЗА РЫБЫ

Аннотация. Целью данного исследования является анализ внутренней формы китайских паремий на материале образа рыбы и сопоставление их с эквивалентами в русском и английском языках. Образ рыбы в китайских паремиях – это глубокий культурный символ богатства и удачи. В результате анализа было выявлено, что вероятностная картина мира на материале образа рыбы конструируется относительно рыбной ловли как источника пропитания, олицетворяющей возможности, цели, стремления, трудности и необходимость адаптации к окружающей среде. Рассмотренные пословицы построены по принципам каузальности, аналогии, целесообразности, кондициональности и антитезы. В эквивалентных паремиях русского и английского языков в половине случаев также встречается образ рыбы, который выступает как межкультурное явление. Главные семантические компоненты паремий направлены на прогнозирование закономерностей (изменение уровня воды в водоеме), допущение случайности (закидывание удочки в разные места водоема), выявление высокой вероятности в результате многократных наблюдений (образ мутной воды), выбор рационально обоснованных средств для достижения цели (подготовка рыболовной сети и удочки с длинной леской), активную реализацию планов (образ кошки, не желающей намочить лапы). Паремии с метафорическим образом рыбы обладают полифункциональностью, благодаря которой они находят широкое практическое применение, как в повседневной, так и в деловой коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурные ценности, внутренняя форма паремий, дидактическая направленность паремий, аксиологический компонент, метафорический смысл.

BAI Zhenghui,
student, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Research supervisor:
FILYASOVA Yulia Anatolyevna,
PhD, Associate Professor in the English Language Department
for Professional Communication, A.I. Herzen State Pedagogical
University of Russia

A PROBABILISTIC PICTURE OF THE WORLD IN CHINESE PAROEMIAS BASED ON THE IMAGE OF FISH

Annotation. The aim of this study is to analyze the internal form of Chinese proverbs based on the image of fish and to compare them with their equivalents in the Russian and English languages. The image of fish in Chinese proverbs is a profound cultural symbol of wealth and good fortune. The analysis revealed that the probabilistic picture of the world based on the image of fish is constructed

in relation to fishing as a source of food, representing opportunities, goals, aspirations, difficulties, and the need to adapt to the environment. The considered proverbs are constructed according to the principles of causality, analogy, expediency, conditionality and antithesis. In equivalent paroemias of the Russian and English languages, the image of fish also appears in half of the cases, which testifies to the image of fish as an intercultural phenomenon. The main semantic components of the proverbs are aimed at predicting patterns (changes in the water level in a reservoir), allowing for randomness (casting a fishing rod in different places in a reservoir), identifying high probability as a result of repeated observations (the image of muddy water), choosing rationally justified means to achieve a goal (preparing a fishing net and a fishing rod with a long line), and actively implementing plans (the image of a cat that does not want to get its paws wet). The proverbs based on the metaphorical image of fish are known for their multifunctionality, thanks to which they find wide practical application in both everyday and business communication.

Key words: *linguocultural values, internal form of paremias, didactic focus of paremias, axiological component, metaphorical meaning.*

Паремии являются единицами лингвокультуры, позволяющими экономично сохранять в языке сложные концепты и смыслы и осуществлять трансфер социальных ценностей и опыта между поколениями [1]. В паремиях наиболее ярко проявляется кумулятивная функция языка, благодаря которой осуществляется накопление социально-культурного опыта этноса. Паремии отличает образность, направленная на легкое запоминание, воспроизведение и употребление для коррекции поведенческих паттернов и обогащения когнитивного опыта. Паремии формируют мировоззрение, отношение к миру, закладывают ценности и определяют поступки людей определенной культуры. Примерами аксиологических доминант служат знания, здоровье, семья, красота, богатство [2], счастье [22], труд [8], карьера [5; 19], профессиональное развитие [3] и многие другие.

Сравнительно-сопоставительный анализ паремий в разных языках демонстрирует различия не только языкового, но и этнокультурного плана, из-за передачи образов этнокультурных реалий (флоры, фауны, быта), географических и климатических особенностей (тайфуны, снег, горы) [6]. Метафорические образы в основе паремий отражают этнокультурное мировоззрение и классифицируются на зооморфные, фитонимические, антропоморфные, артефактные, пространственные. Исследования особенностей мышления носителей китайского языка показывают, что оно носит, преимущественно, образный характер, в отличие от европейского логического типа мышления [9]. Различия в когнитивных паттернах находят выражение в языковых моделях кодирования информации в паремиях – пространственной ориентации, сенсорной проекции, темпоральных моделях [11]. Метафорическое моделирование на основе концептуальных метафор позволяет осуществлять перенос физических, природных, зооморфных, фитонимических характеристик – на внутренний мир чувств. В условиях интенсивного межъязыко-

вого взаимодействия фактор культурных различий может стать существенным барьером, который проявляется не только в прямой, но косвенной коммуникации, при невербальном общении, в контексте ситуаций [21]. Изучение паремиологического фонда языков необходимо для повышения эффективности межкультурной коммуникации [7; 27] в ходе межъязыковых контактов.

Образность паремий может варьировать в зависимости от сферы употребления, например, в военно-научном дискурсе преобладают метафоры пространства, движения и организма (стратегические зоны, распределение сил, наступление, обход, маневр) [12], ценностями сферы безопасности являются конфиденциальность, целостность, доступность, защищенность, осмотрительность, предупредительность [13; 14]. С учетом стремительного развития компьютерных и информационных технологий происходит изменение методов труда и подходов к организации и управлению ресурсами [4]. Данные процессы оказывают значительное влияние на паремиологический фонд языка, например, наблюдается изменение компонентов пословиц [20], их коммуникативной направленности, сокращение формы, модификация смысла паремий. В результате появляются антипословицы, паремии-трансформы, креолизованные мемы на основе паремий. Напротив, когнитивно-эмоциональная сфера неизменно остается основным человеческим фактором, который также находит выражение в паремиологических единицах, например, в представлениях о счастье [25], в экспликациях страха, гнева, печали, радости, в стремлениях личностного развития [26], а также в социальной коммуникации в контексте социально-трудовых отношений [24] для повышения эффективности деловых переговоров, укрепления корпоративной культуры, маркетинге.

Вероятностная картина мира основана на понимании постоянных изменений и необходимости управления изменениями, постановке

акцента на целеполагании, планировании, программировании ожидаемого результата, ресурсном мышлении. Семантика паремий позволяет смещать акцент и перенаправлять внимание с ограничений на возможности. В паремиях с символическим компонентом «рыбы» отражается реализация полного цикла созидательной деятельности – от постановки идеи до ее запуска и оценки результатов. Большое число пословиц направлено на сохранение народной мудрости о понимании условий, идентификации обстоятельств и поиске возможностей.

Пословица, основанная на причинно-следственной взаимосвязи, 水至清则无鱼 [рус. пер. «Если вода слишком чистая, в ней не будет рыбы» / рус. экв. Слишком чистому житья нет / Всё хорошо в меру / Не будь слишком строг, иначе никто не зайдет / англ. экв. He who is too particular finds no one to please / Perfectionism drives people away / You cannot expect everyone to be squeaky clean / Don't let the perfect become the enemy of the good] содержит указание на то, что идеальные условия, чрезмерно высокие требования создают впечатление невозможности соответствия требованиям и нереалистичности достижения целей [16]. Для успешной реализации планов необходимо создавать среду с учетом человеческого фактора, человеческих отношений и реалистичных возможностей [15; 23]. Синонимичными по смыслу следует считать следующие паремиологические изречения: 浑浊的水域适合钓鱼 [рус. пер. «Мутные воды подходят для рыбалки» / рус. экв. Мутная вода – раздолье для рыбака], 清澈的水里没有大鱼 [рус. пер. «В чистой воде нет большой рыбы» / рус. экв. В тихом омуте черти водятся / англ. экв. Fish in troubled waters] и 浑水摸鱼 [рус. пер. «Ловить рыбу в мутной воде»]. «Мутные воды» как необходимое условие или предпосылка означают неопределенность, которая скрывает возможности поиска преимуществ в неоднозначных ситуациях. Большая выгода или прибыль может быть приобретена в более сложных, рискованных и потенциально более неопределенных условиях. Простые очевидные условия не подходят для приобретения значительных преимуществ или прибыли. Рассмотренные пословицы переносят пользователей языка в контекст финансов, бизнеса и управления [18]. В экономическом и житейском смысле они описывают баланс между контролем, прозрачностью и доходностью.

Символическими компонентами пословиц 大水出大鱼 [рус. пер. «Большая вода рождает большую рыбу» / рус. экв. Большому кораблю – большое плавание / англ. экв. A great ship asks deep waters / Big fish eat small fish], 水位上涨时, 鱼很多; 水位下降时, 小龙虾很多 [рус. пер. «Когда уровень воды

поднимается, рыбы много; когда уровень воды падает, раков много»] и 捕鱼有时, 晾晒渔网有时 [рус. пер. Рыбачить – свое время, сушить сети – свое время / рус. экв. Придет время – будет и семя / Всякой рыбе своё время / Будет и на нашей улице праздник / Не всё – коту масленица / библия. Время разбрасывать камни; время собирать камни / англ. экв. When the water rises, the fish eat the ants; when the water falls, the ants eat the fish / Every dog has its day] служат вода и ее обитатели как метафора описания жизненных, карьерных или социальных ситуаций. Однако они фокусируются на разных принципах и масштабах – масштаб возможностей (大水出大鱼) и стратегии адаптации (水位上涨时, 鱼很多; 水位下降时, 小龙虾很多). Детерминантно-обусловленный компонент пословицы «большая рыба» символизирует значимые поступки, масштабные результаты или выдающихся личностей. Подъем и спад воды демонстрируют адаптивность к меняющимся условиям: разные обстоятельства предоставляют разные возможности. Вероятностный подход требует распознавания и использования возможностей, которые появляются при изменении внешней среды. В управлении временем и ресурсами [17] необходимо понимать, что разные этапы проекта требуют разных подходов: различают время для активной деятельности (ловля рыбы) и время для подготовки и ремонта оборудования (высушивание сетей). Соблюдение баланса и равномерная последовательность действий являются ключом к успешной реализации планов и проектов.

Пословица 放长线钓大鱼 [рус. пер. «Забросить длинную леску, чтобы поймать большую рыбу» / рус. экв. Тише едешь, дальше будешь / Готовь сани летом] транслирует идею стратегического целеполагания, перспективного видения и противоречит стремлению к немедленным результатам. Пословица содержит значение перспективных расчетов, долгосрочного планирования и инвестиций ради крупного успеха в будущем.

Принцип целесообразности и логической несовместимости средств и целей лежит в семантической структуре пословицы 想钓鱼? 别爬树 [рус. пер. Хочешь ловить рыбу? Не лезь на дерево / рус. экв. Искать грибы в бору, а рыбу в пруду / Искать ветра в поле / Искать днем с огнем / Искать шерсть на свинье / Носить воду в решете / Колотить воду в ступе / англ. экв. Barking up the wrong tree / Looking for wool in a dog's house / It's no use going to the goat's house to look for wool]. Для достижения цели, которую метафорически обозначает ловля рыбы, рационально применять соответствующие подходы и методы [10], а не заниматься бессмысленными действиями. Сходной по семантике пословицей является следующая: 临

渊羡鱼，不如退而结网 [рус. пер. «Глядя на рыбу в глубине, лучше вернуться и сплести сеть»]. Здесь подчеркивается важность продуманной подготовки и планирования вместо пассивного ожидания.

Семантика гибкости и готовности перенаправления усилий и ресурсов на различные объекты и условия содержится в пословице 如果一个地方没有鱼，就把钩子抛到另一个地方 [рус. пер. Если в одном месте нет рыбы, забрасывай удочку в другое / рус. экв. На безрыбье и рак – рыба / На (объекте) свет клином не сошелся / англ. экв. Cast your net wider]. Если возможности ограничены и результаты отрицательны в одном направлении, то вероятен успех в иных условиях.

Пословица-антитеза высмеивает малодушие, лень и нежелание брать на себя труд ради достижения цели: 猫都爱吃鱼，却怕爪弄湿 [рус. пер. Кошки любят есть рыбу, но боятся намочить лапы / рус. экв. Хочется рыбку съесть, да в воду не хочется лезть / Без труда не выловишь и рыбку из пруда / Волков бояться — в лес не ходить / англ. экв. No gains without pains / No sweet without some sweat / Nothing venture, nothing have]. Посредством образа кошки, привыкшей к уютной домашней жизни, значение поговорки ориентировано против тех, кто слишком дорожит своим комфортом и боится прикладывать усилия или рисковать. Семантика пословицы является примером парадокса и отражает противоречие между желанием и действием, которые мешают реализовать возможности.

Проведенный анализ пословиц китайского языка, внутренняя форма которых опирается на образ рыбы, позволил определить, что тематика охватывает, главным образом, вероятностный сегмент картины мира и включает такие направления как возможности, выбор, перспективы. Китайские пословицы, связанные с рыбой и водой, основаны на богатой системе метафор, демонстрирующей глубокое понимание человеческой природы и мира. Образ рыбы в китайских пословицах является многогранным и глубоко символическим и служит убедительным средством выражения сложных жизненных реалий, человеческих ценностей и стремлений. В пословицах прослеживается деятельностный подход к жизни, активность, осознанность и целенаправленность поступков, ориентированность на достижение успеха, а также умение адаптироваться, принимать верные решения и познавать мир на личном опыте.

Паремии китайского языка с образом рыб характеризуются как императивным, так и индикативным синтаксическим оформлением (50% / 50%). При индикативном способе языкового выражения реализуется констатирующая или прогностическая модель кодирования лингвокультурного опыта, которая в большей степени способствует

созданию образа в сознании носителей и пользователей языка [9].

Рыбы и водная среда обитания символизируют жизнь человека и необходимость выживания, зависимость от окружающей действительности. Кроме того, рыбы выступают в качестве источника пропитания человека, богатства и изобилия, например, рыболовство как вид деятельности, приносящей доход. Вода и водоем как скрытый от человеческого наблюдения объект существования рыб служат символом неизвестности и неопределенности и, как следствие, формируют вероятностную картину мира, складывающуюся на основе таких компонентов как возможности и их использование, цели и способы их достижения, анализ условий и адаптация, ценность знаний и навыков, идентификация и минимизация рисков, учет личного опыта, планирование и реализация планов, стремление к успеху и достижения.

Список литературы:

- [1] Грязнова А.Т. Полипарадигмальный статус идиоматичности в современной лингвистике // Преподаватель XXI век. – 2025. – № 4-2. – С. 374-387. – DOI 10.31862/2073-9613-2025-4-374-387..
- [2] Денисенко В.Н., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Языковая маркированность аксиологических доминант франкоязычных паремий // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 5. – С. 19-30. – DOI 10.18384/2949-5075-2025-5-19-30..
- [3] Железная В.Г. Личностно-социальные аспекты развития карьеры // Право и управление. – 2026. – № 1. – С. 440-446. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-1-440-446..
- [4] Земцова А.О. Бюджетирование в сети: анализ частотности и тематики поисковых запросов // Право и управление. – 2026. – № 2. – С. 451-457. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-2-451-457..
- [5] Ковальчук А.А. Семантическое поле немецкой лексики "Karriere" в медийных заголовках // Ломоносов - 2021 : материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12–23 апреля 2021 года. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2021.
- [6] Крупнова Н.А. Полисемия колоритов «белый» и «черный» в пословицах и поговорках русского и немецкого языков // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2025. – Т. 7, № 2. – С. 93-112. – DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-2-93-112..
- [7] Минина О.Г., Филясова Ю. А. Перевод рекламных и PR текстов : практикум – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2026.

– 122 с.

[8] Орлова З.Д. Представления студентов о карьере: анализ ассоциативных связей // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 1-1. – С. 168-176. – DOI 10.24412/2078-9661-2026-01-1-7..

[9] Просеков С.А. Китайский национальный характер и особенности мышления китайцев: к методологии философского исследования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 76-81. – DOI 10.26794/2226-7867-2024-14-1-76-81..

[10] Рябкин С.А. Фразеологизмы с инструментальным компонентом (на материале английского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2026. – Т. 12, № 1. – С. 104-117. – DOI 10.22250/24107190-2026-12-1-104..

[11] Ситькова А.С. Лингвокультурный потенциал рельефного кода: фразеологические единицы с опорным компонентом stone // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 102-119. – DOI 10.22250/24107190-2025-11-4-102..

[12] Суркова Е.В. Фразеология военно-научного дискурса: системный и когнитивный аспекты // Вопросы прикладной лингвистики. – 2025. – № 58. – С. 86-115. – DOI 10.25076/vpl.58.04.

[13] Тальвик Е. В. Информационная безопасность как ценность организационной культуры // Право и управление. – 2026. – № 1. – С. 194-201. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-1-194-201..

[14] Теплых В.Н. Анализ семантических связей термина «Информационная безопасность» // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 2-2. – С. 253-261. – DOI 10.24412/2078-9661-2026-02-2-10..

[15] Филясова Ю.А. Включенность перфекционистов в социально-трудовые отношения при разных стилях управления персоналом // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 30-36. – DOI 10.12737/2305-7807-2021-10-1-30-36..

[16] Филясова Ю. А. Перфекционизм преподавателя в контексте организационной и корпоративной культуры университета // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2(43). – С. 99-109. – DOI 10.34022/2658-3712-2021-43-2-99-109..

[17] Филясова Ю.А., Левин Д.С. Аксиологический потенциал пословиц английского языка в деловой коммуникации // Новый филологический вестник. – 2026. – № 1(76). – С. 325-335. – DOI 10.54770/20729316-2026-1-325..

[18] Филясова Ю. А., Левин Д.С. Отражение концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в английских и японских паремиях // Гуманитарные науки. Вест-

ник Финансового университета. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 55-68. – DOI 10.26794/2226-7867-2025-15-3-55-68..

[19] Холод Е.А. Аксиологические компоненты карьеры в представлениях о счастье // Образование и право. – 2026. – № 5. – С. 255-261. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-5-255-261..

[20] Шубина Э.Л., Пугачева Т.А. Вариативный потенциал немецкой пословицы «Geld allein macht nicht glücklich» в экономическом медиадискурсе Германии // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2025. – Т. 7, № 1. – С. 50-69. – DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-1-50-69..

[21] Beloglazova E.V. In search of culture non-specific linguistic mechanisms of language adaptation to external cultures // Language Studies and Modern Humanities. – 2020. – Vol. 2, No. 1. – P. 5-11. – DOI 10.33910/2686-830X-2020-2-1-5-11..

[22] Fergert A.S. Happiness as a subject of scientific research: a discursive analysis of conceptual connections // International Journal of Professional Science. – 2025. – Vol. 2, No. 12-1. – P. 58-65.

[23] Filyasova Yu. A. Faculty perfectionism and university human resource management // Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, 22–23 ноября 2021 года. Vol. 120. – European Publisher: European Publisher, 2021. – P. 637-643. – DOI 10.15405/epsbs.2021.12.03.85..

[24] Ilyina D.S. Employee happiness in the context of organizational culture: a discursive conceptual analysis // International Journal of Professional Science. – 2025. – Vol. 2, No. 12-1. – P. 66-74.

[25] Kurshakova D.S. Happiness as a psychological and social concept in scientific discourse // International Journal of Professional Science. – 2025. – Vol. 2, No. 12-1. – P. 90-99.

[26] Sinilova N.S. Volunteering impact on life satisfaction in adolescence // Hominum. – 2026. – No. 1(21). – P. 374-392.

[27] Vural H. Strategies for translating Turkish, English and French animal proverbs: Comparative study // Theoretical and Applied Linguistics. – 2023. – Vol. 9, No. 4. – P. 22-34. – DOI 10.22250/24107190_2023_9_4_22..

References:

[1] Gryaznova A.T. The polyparadigmatic status of idiomaticity in modern linguistics // Prepodavatel XXI vek. 2025. No. 4-2. P. 374-387.

[2] Denisenko V.N., Lomakina O.V., Nelyubova N.Yu. Linguistic markedness of axiological dominants of French-language paroemias // Key Issues of

Contemporary Linguistics. 2025. No. 5. P. 19-30.

[3] Zheleznaya V.G. Personal and social aspects of career development // Law and Administration. 2026. No. 1. P. 440-446.

[4] Zemtsova A.O. Online budgeting: search frequency and topic analysis // Law and Administration. 2026. No. 2. P. 451-457.

[5] Kovalchuk A.A. Semantic field of the German lexeme "Karriere" in media headlines // Lomonosov – 2021: Proceedings of the International Youth Scientific Forum, Moscow, April 12–23, 2021. Moscow: OOO "MAX Press", 2021.

[6] Krupnova N.A. Polysemy of coloronyms "white" and "black" in proverbs and sayings of the Russian and German languages // Professional Discourse & Communication. 2025. V. 7, No. 2. P. 93-112.

[7] Minina O.G., Filyasova Yu.A. Advertising and PR text translation: a practical course. Saint-Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, 2026. 122 p.

[8] Orlova Z.D. Students' ideas about career: analysis of associative links // Humanitarian Scientific Journal. 2026. No. 1-1. P. 168-176.

[9] Prosekov S.A. Chinese national character and peculiarities of Chinese thinking: towards a methodology of philosophical research // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2024. V. 14, No. 1. P. 76-81.

[10] Riabkin S.A. Phraseological units with an instrumental component (based on English) // Theoretical and Applied Linguistics. 2026. V. 12, No. 1. P. 104-117.

[11] Sitkova A.S. Linguistic and cultural potential of the relief code of English linguoculture: phraseological units with the key component stone // Theoretical and Applied Linguistics. 2025. V. 11, No. 4. P. 102-119.

[12] Surkova E.V. Phraseology of military-scientific discourse: systemic and cognitive aspects // Issues of Applied Linguistics. 2025. No. 58. P. 86-115.

[13] Talvik E.V. Information security as a value of organizational culture // Law and Administration. 2026. No. 1. P. 194-201.

[14] Teplykh V.N. Analysis of semantic relationships of the term "Information security" // Humanitarian scientific journal. 2026. No. 2-2. P. 253-261.

[15] Filyasova Yu. Perfectionist involvement in social and labour relations depending on personnel management style // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2021. V. 10, No. 1. P. 30-36.

[16] Filyasova Yu.A. Academic perfectionism in the context of the organizational and corporate culture of the university // Social & Labor Research. . 2021. No. 2(43). P. 99-109.

[17] Filyasova Ju.A., Levin D.S. Axiological potential of English proverbs for business communication // The New Philological Bulletin. 2026. No. 1(76). P. 325-335.

[18] Filyasova Yu.A., Levin D.S. TIME, MONEY, RISK concept representation in English and Japanese paroemias // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025. V. 15, No. 3. P. 55-68.

[19] Kholod E.A. Axiological components of career in happiness perception // Education and Law. 2026. No. 5. P. 255-261.

[20] Shubina E.L., Pugacheva T.A. The variational potential of the German proverb 'geld allein macht nicht glücklich' in economic media discourse // Professional Discourse & Communication. 2025. V. 7, No. 1. P. 50-69.

[21] Beloglazova E.V. In search of culture non-specific linguistic mechanisms of language adaptation to external cultures // Language Studies and Modern Humanities. 2020. Vol. 2, No. 1. P. 5-11.

[22] Fergert A.S. Happiness as a subject of scientific research: a discursive analysis of conceptual connections // International Journal of Professional Science. 2025. Vol. 2, No. 12-1. P. 58-65.

[23] Filyasova Yu. A. Faculty perfectionism and university human resource management // Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, 22–23 ноября 2021 года. Vol. 120. European Publisher: European Publisher, 2021. P. 637-643.

[24] Ilyina D.S. Employee happiness in the context of organizational culture: a discursive conceptual analysis // International Journal of Professional Science. 2025. Vol. 2, No. 12-1. P. 66-74.

[25] Kurshakova D.S. Happiness as a psychological and social concept in scientific discourse // International Journal of Professional Science. 2025. Vol. 2, No. 12-1. P. 90-99.

[26] Sinilova N.S. Volunteering impact on life satisfaction in adolescence // Hominum. 2026. No. 1(21). P. 374-392.

[27] Vural H. Strategies for translating Turkish, English and French animal proverbs: comparative study // Theoretical and Applied Linguistics. 2023. Vol. 9, No. 4. P. 22-34.

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-874-881

Дата принятия рукописи в печать: 15.08.2026 г.

МАКУРОВ Матвей Павлович,
студент 2 курса аспирантуры, Института
законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья представляет собой историко-правовой анализ развития правового режима земель промышленности в российском законодательстве с момента их первого документального выделения в XVI веке до современного периода. Автор рассматривает эволюцию нормативного регулирования в контексте конфликта публичных и частных интересов, прослеживая трансформацию правового статуса земельных участков, предоставляемых для промышленных нужд, от исключительной государственной собственности до вовлечения в гражданский оборот. Особое внимание уделяется периодизации: дореволюционный этап (зарождение и становление), советский (огосударствление и административное управление) и постсоветский (приватизация и рыночные механизмы). На основе анализа исторических источников и нормативных актов делается вывод о поступательном расширении промышленного землепользования, отражающем переход от аграрной структуры к индустриальному освоению территории, а также о постепенном формировании специального правового режима данной категории земель.

Ключевые слова: земли промышленности, правовой режим, историческое развитие, российское земельное законодательство, публичное и частное право, государственная собственность, приватизация земель, гражданский оборот, промышленное землепользование, несельскохозяйственные земли.

MAKUROV Matvey Pavlovich,
2nd year postgraduate student, Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of the Russian Federation

HISTORICAL OVERVIEW OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL REGIME OF INDUSTRIAL LANDS IN RUSSIAN LAW

Annotation. The article is a historical and legal analysis of the development of the legal regime of industrial lands in Russian legislation from the moment of their first documentary allocation in the 16th century to the modern period. The author considers the evolution of regulatory regulation in the context of a conflict of public and private interests, tracing the transformation of the legal status of land plots provided for industrial needs, from exclusive state property to involvement in civil circulation. Particular attention is paid to periodization: the pre-revolutionary stage (emergence and formation), Soviet (nationalization and administrative management) and post-Soviet (privatization and market mechanisms). Based on the analysis of historical sources and regulations, a conclusion is made about the progressive expansion of industrial land use, reflecting the transition from an agrarian structure to industrial development of the territory, as well as the gradual formation of a special legal regime for this category of land.

Key words: industrial lands, legal regime, historical development, Russian land legislation, public and private law, state property, land privatization, civil circulation, industrial land use, non-agricultural lands.

Анализ правового режима земель промышленности приводит к заключению о том, что в этой правовой категории, хотя, может быть, не всегда в ясно артикулированной форме, находит свое проявление вечный правовой конфликт публичного и частного права. С одной стороны, землю, как территорию, государство распределяет между своими гражданами (подданными) в своем интересе. С другой стороны, земля необходима гражданам (подданным) для использования в их, граждан, интересе. Окончательное слово в этом конфликте интересов остается за государством, однако, при принятии каких-либо нормативных решений ему волей-неволей приходится учитывать объективные закономерности общественного развития. Ответ на вопрос о том, насколько нашему государству это удавалось, и что из этого в итоге получилось, может дать исторический анализ развития отечественного законодательства о землях промышленности.

Исторические источники свидетельствуют о том, что в России первое предоставление земель исключительно для промышленных нужд состоялось в 1558 году, когда актом царя Ивана Грозного по ходатайству («челобитью») Григория Строганова последнему были предоставлены земли «по реке Каме до реки Чусовой» для обустройства города, пашен, добычи и варения соли. Аналогичные ходатайства заявлялись Г. Строгановым на иные земли в 1563 и 1568 годах. В 1574 году Строгановым были предоставлены земли «на Тохчеях и на Тоболе» в целях добычи и переработки железной, медной и оловянной руды, свинца и серы. В 1644 году Петру Марселису и Филимону Акеме разрешено строительство заводов на Ваге, Костроме и Шексне.

Однако, наиболее активное развитие промышленного землепользования в России началось с царствования Петра Первого. Еще в 1701 году на Урале тульскому мастеру Никите Демидову были предоставлены земли для строительства и эксплуатации железорудных заводов. Право пользования данными землями (в частности по Указу от 04.03.1702 г.) включало в себя, в том числе, право неограниченной рубки дров на прилегающей территории для нужд промышленного производства. Плата за пользование землями выражалась в обязательных поставках продукции в казну по государственным расценкам, а также в возложении обязанности совершения определенных действий в общественных интересах (постройка церквей, прокладка дорог, защита местного населения от разбойных набегов сибирских инородцев и т.д.) [1]. Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам от 25.05.1766 г. предписывала владельцам фабрик

и заводов на наемных землях платить в соответствии с Берг-Регламентом (п. 7). Построившие завод или фабрику без отвода на государственной земле, обязаны были вносить платеж за землю в казну в трехкратном размере (п. 8) [2]. Манифест Екатерины II от 28.06.1782 г. «О распространении права собственности владельцев земли на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся» дал общее разрешение основывать заводы как на своей собственной земле, так и на земельных участках иных лиц по соглашению с ними (п. 13); дал общее разрешение собственникам земельных участков, либо иным лицам по договору с собственником на добычу и переработку полезных ископаемых (п. 2 и 3), а также возложил на содержателей заводов по производству золота или серебра обязанность вносить в казну десятую долю добытых драгметаллов (п. 9) [3].

Указом от 23 июня 1784 г. была сделана попытка разграничения заводов с точки зрения казенных пособий с целью обложения получивших пособия высшими податями по сравнению с теми, которые никаких пособий от казны не имели. В качестве пособий снова именуются, в том числе, казенные земли и леса [4]. В Указе от 18.10.1797 г. предписано «учинить повсеместно свидетельства о казенных землях..., к частным фабрикам и заводам приписанным», с целью проверки соблюдения использования земель по их целевому назначению [5].

Ряд норм о землях промышленности содержал и Устав промышленный 1832 года [6], регулировавший правовое положение заводов, фабрик, мануфактур, которые охватывались обобщающим термином «промышленные заведения» (ст. 1 Устава). Статья 5 Устава различала промышленные заведения государственные и частные. Последнее, в свою очередь, подразделялись на находящиеся в посессионном владении и находящиеся в собственности. При этом под посессионными, согласно ст. 7 Устава, понимались, в том числе, те заведения, которым земли были «отведены от казны». Устав содержал нормы, направленные на сохранение промышленного заведения как единого производственного комплекса, в том числе, путем установления его неразрывной связи с земельным участком, на котором он расположен. Так, согласно ст. 62 Устава, посессионные владельцы промышленных предприятий могли отчуждать свои заведения (сдавать в аренду, продавать и т.д.) только без «раздробления» земли. Между тем, ст. 73 Устава разрешает землю мануфактуры, фабрики или завода сдавать в аренду, продавать или иным образом распоряжаться в целях «иного употребления, кроме фабричного». Положения ст. 65 Устава предусматривали конфискацию фаб-

рики вместе с земельным участком, на котором она расположена, в случае, если посессионная фабрика «пресечется в своем действии от неисправности фабриканта», и он в течение шести месяцев после этого не сможет продать ее другому лицу.

Таким образом, анализ исторических источников позволяет сделать вывод о том, что дореволюционное отечественное законодательство могло рассматривать земельные участки, предоставляемые для промышленного производства в качестве объектов гражданского права, но правовой режим только начинал формироваться и нуждался в специальном правовом регулировании.

На наш взгляд, это объяснялась тем обстоятельством, что подобного рода земельные участки предоставлялись, прежде всего, в целях добычи недр, являвшихся природным объектом и рассматриваемых как объект исключительной собственности казны. Как следствие, только к государственной собственности могли быть отнесены и земельные участки над залежами недр, что, в результате, исключало их гражданско-правовой оборот.

После революции 1917 г. Земельный кодекс РСФСР от 20.10.1922 [7] не только не выделяет земли, предназначенные для размещения и использования объектов промышленности, в самостоятельную категорию, но и не упоминает об их существовании.

Декрет СНК РСФСР от 15.02.1919 г. «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» [8] объединениям государственных предприятий, а также отдельным крупным государственным предприятиям предоставил право получать от Наркомата земледелия во временное пользование и управление участки и имения из земель нетрудового использования (бывших помещичьих и т.д.) и не предназначенных для распределения в единоличное пользование, а равно других пустующих и незанятых земель для организации на них хозяйств для производственных целей. Заявления от отводе таких участков и имений направлялись в Рабочий комитет содействия (п. 35 Положения о социалистическом землеустройстве [9]) и должны были включать в себя список входящих в объединение предприятий, а также желательных участков и имений, которые Рабочий комитет немедленно направлял в Наркомат земледелия. Отвод участков производился распоряжениями губернских управлений советских хозяйств, либо постановлениями подотдела советских хозяйств Наркомата земледелия.

Декретом СНК РСФСР от 21.10.1921 г. введена плата за пользование участками земли, за-

нимаемыми под торговые и промышленные предприятия. Тариф исчислялся по площади помещения в здании или по площади земельного участка под зданием [10].

В главе I раздела II Земельного Кодекса РСФСР 1922 г. регламентировался правовой режим государственных земельных имуществ. В ст. 155 указывалось, что в состав государственных земельных имуществ не входят земли, находящиеся под лесами, горными разработками, железными дорогами, крепостями и подобными им военными сооружениями и пр. Все эти земли находятся в управлении соответствующих ведомств на основании особых правил. Отвод земель специального назначения и перечисление их в состав государственных земельных имуществ совершался по общим правилам землеустроительного производства.

Так, косвенным образом выделяется категория земель специального назначения, правовой режим которых регулировался нормами ЗК РСФСР 1922 г. в зависимости от их расположения и специальными правилами, касающимися отдельных ведомств.

В соответствии со ст. 148 Земельного Кодекса РСФСР 1922 года, все земли за пределами действующей городской черты, в чьем бы пользовании они ни находились, входят в территорию волостей, состоят в общем ведении земельных органов и подчиняются соответствующим постановлениям Земельного Кодекса, причем, земли, фактически обслуживающие городские коммунальные предприятия (водопроводы, поля орошения, советские хозяйства и т.п.), закрепляются за этими предприятиями.

Постановлением 2-й сессии ВЦИК РСФСР 10-го созыва 07.07.1923 г. [11] утверждено Положение о недрах земли и разработке их. Данное Положение давало лицу, своевременно закончившему производство разведочных работ, право получить земельный участок («отводную площадь») для разработки обнаруженного и разведанного им месторождения.

В развитие положения ст. 147 ЗК РСФСР 1922 г. о том, что земельные распоряжки внутри городской черты определяются особыми узаконениями, 13.04.1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о земельных распоряжках в городах [12]. Данное Положение устанавливало, что все земли в пределах городской черты с находящимися на них лесами и зелеными насаждениями, недра городских земель, береговая полоса и водные пространства в пределах этой черты, в чьем бы пользовании они ни находились, за исключением изъятых в соответствии с законодательством земель, находятся в непосредственном

ведении местных органов. В Положении 1925 г. содержались основные нормы, которые определяли состав городских земель, порядок их предоставления и управления ими. В течение длительного времени основным правовым актом, определяющим правовое положение промышленного предприятия, оставалось Положение о государственных промышленных трестах, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13.07.1927 г. [13], которое предусматривало, что отвод земли тресту осуществляется с соблюдением установленного порядка. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928 г. были утверждены Общие начала землепользования и землеустройства [14]. Данные Общие начала включали в себя раздел 10-й «Земли специального назначения», под которыми понимались земли, предоставленные в непосредственное пользование государственных учреждений, предприятий и общественных организаций для их специальных целей несельскохозяйственного характера (для надобностей транспорта, военных нужд, горных разработок, фабрик и заводов, школ, курортов и т.п.) (п. 54). Земли специального назначения должны были находиться в управлении соответствующих учреждений, предприятий и организаций и использоваться на основании особых положений об этих землях (п. 55).

По принятому в 1965 году Положению о социалистическом государственном производственном предприятии, последнее осуществляет право пользования отведенной ему землей в пределах, установленных ему законом, в соответствии с целями деятельности предприятия [15].

Дальнейшим этапом развития законодательства о землях промышленности явились Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 13.12.1968 г. № 3401-VII [16], которые содержали раздел 6 «Земли промышленности, транспорта, курортов, заповедников и иного несельскохозяйственного назначения». В соответствии со ст. 38 Основ, землями промышленности, транспорта, курортов, заповедников и иного несельскохозяйственного назначения признаются земли, предоставленные в пользование предприятиям, организациям и учреждениям для осуществления возложенных на них специальных задач (промышленного производства, транспорта, организации курортов, заповедников и т.п.). Земельный кодекс РСФСР, введенный в действие с 01.12.1970 г. [17], предписал для строительства промышленных предприятий предоставлять земли несельскохозяйственного назначения или не пригодные для сельского хозяйства, либо сельскохозяйственные угодья худшего качества.

Статья 95 ЗК РСФСР 1970 г. предусматри-

вала особую категорию земель - «земли горной промышленности в городах». К данной категории относились земли, предоставленные в пользование предприятиям для осуществления возложенных на них специальных задач. Размеры данных земельных участков определялись в соответствии с утвержденными в установленном порядке нормами или проектно-технической документацией.

Земли промышленности были отдельно выделены в ст. 106 ЗК РСФСР 1970 г., которая под землями промышленности понимала земли, предоставленные в пользование предприятиям для осуществления возложенных на них специальных задач, в частности, промышленного производства.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. «Об аренде и арендных отношениях в СССР» [18] впервые за многие десятилетия возвращен к жизни институт аренды земли и других природных ресурсов. Согласно Указу, аренда земли стала возможной в сельскохозяйственном производстве, промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства (п. 1). Начало 1990 года ознаменовалось принятием Верховным советом СССР 28.02.1990 года новых и последних в истории СССР Основ законодательства о земле [19]. В Основах земли промышленности выделялись в отдельную категорию земель (п. 3 ст. 2), промышленным предприятиям земля предоставлялась в постоянное или временное пользование. Землями промышленности признавались земли, предоставленные в пользование соответствующим предприятиям для осуществления возложенных на них задач. Размеры земельных участков, предоставляемых для указанных целей, должны определяться в соответствии с утвержденными в установленном порядке нормами и проектно-технической документацией, а отвод участков осуществлялся с учетом очередности их освоения. Порядок использования земель промышленности должен был определяться законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик.

Наконец, последний Земельный кодекс РСФСР от 25.04.1991 г. № 1103-1 [20] также выделял земли промышленности в отдельную категорию земель (п. 3 ст. 4), а ст. 79 ЗК РСФСР 1991 г. традиционно относил к землям промышленности земли, предоставленные предприятиям для осуществления возложенных на них задач. Статья 83 ЗК РСФСР 1991 г. относил к землям промышленности, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики и космического обеспечения и иного назначения земли, предоставленные соответствующими Советами народных депутатов в пользование или аренду предприятиям, учрежде-

ниям и организациям для осуществления возложенных на них специальных задач.

Земельный кодекс РСФСР 1991 года не выделял земли промышленности в качестве самостоятельной категории земель, относя их к единому блоку земель промышленности, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики и космического обеспечения, энергетики, обороны и иного назначения. Вместе с тем уже в ст. 9 Закона РФ «О плате за землю» 1991 года для целей налогообложения использовалось понятие земель промышленности, применительно к расположенным вне населённых пунктов земельным участкам, включая карьеры и территории, нарушенные производственной деятельностью, тем самым формально обозначая их как особый вид земель несельскохозяйственного назначения [21]. К землям промышленности однозначно относились, в частности, карьеры и земли, нарушенные производственной деятельностью, прямо упомянутые в указанной норме Закона о плате за землю.

Таким образом, анализ развития земельного законодательства в советский период позволяет сделать вывод о том, что земли промышленности хоть и были законодательно оформлены, но сделано это было для упорядочения управления общегосударственным земельным фондом. Поскольку вся земля находилась в государственной собственности, то земельные участки из земель промышленности были фактически изъяты из гражданского оборота.

В новейший период российской истории начало приватизации земельных участков из земель промышленности было положено Указом Президента РФ «О продаже земельных участков гражданам и юридическим лицам при приватизации государственных и муниципальных предприятий» от 25 марта 1992 г. № 301 [22]. Указом предоставлено право гражданам и юридическим лицам при приватизации государственных и муниципальных предприятий, а также при расширении и дополнительном строительстве объектов этих предприятий наряду с арендой земельных участков приобретать их в собственность по цене, не ниже нормативной. Осуществлять продажу поручалось органам, уполномоченным местными Советами народных депутатов (п.1). В таком же порядке могли приобретать в собственность земельные участки граждане и их объединения, получившие их для предпринимательской деятельности (п.2). Правительству РФ поручено в двадцатидневный срок утвердить порядок продажи земельных участков в соответствии с данным Указом (п.3). Контроль за исполнением данного Указа возложен на органы исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных

образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга (п. 4) [23].

Основные положения государственной программы приватизации после 1 июля 1994 г., утвержденные Указом Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 [24], уделили также значительное место приватизации земли под приватизированными предприятиями. В них несколько изменен перечень земель, приватизация которых запрещалась, по сравнению с тем, который был установлен Указом Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 631. Из перечня были исключены земли, предоставленные для ведения сельского хозяйства, земельные участки, находящиеся во временном пользовании, но были включены дополнительно незастроенные земельные участки лесного и водного фондов, а также земельные участки, в отношении которых или расположенной на них недвижимости имелись неразрешенные судебные споры. Изменены формулировки по землям других категорий. Указано, что и иные земли не могут приватизироваться в соответствии с законодательством РФ.

Применительно к землям общего пользования были предусмотрены такие публичные сервитута, как безвозмездное и беспрепятственное их использование (пешеходные и автомобильные дороги, объекты инженерной инфраструктуры), которые существовали на момент передачи земельного участка в собственность. Такое новшество в литературе подверглось справедливой критике, т.к. «с одной стороны, законодатель запрещает приватизацию данных земель, а с другой - устанавливает на нее сервитут. Не ясно, что он подразумевал, закрепляя такое положение» [25].

Создавались проблемы с приватизацией незастроенных (пустующих, в т.ч. предназначенных под застройку) земельных участков, предоставляемых предприятиям для расширения, которые они обязаны были построить в течение трех лет. При невыполнении данного условия они обязывались продать земельные участки в порядке, предусмотренном для продажи незанятых (незастроенных) государственных и муниципальных земель, с передачей в местный бюджет 30% от разницы между ценой первоначального приобретения и ценой продажи [26].

Указом «О гарантиях собственникам объектов недвижимости в приобретении в собственность земельных участков под этими объектами» от 16 мая 1997 г. № 485 в редакции Указа от 3 ноября 1999 г. № 1474 [27] она получила закрепление уже в качестве принципа приватизации предприятий и земельных участков. В п. 2 установлено, что право приобретения в собственность земельных участков (долей земельных участков), на которых расположены ранее приватизированные здания,

строения, сооружения, помещения, объекты незавершенного строительства (далее именуются - объекты недвижимости), в первую очередь имеют физические и юридические лица - собственники указанных объектов недвижимости. В дальнейшем предписано осуществлять приватизацию этих объектов, как правило, вместе с земельными участками, на которых они расположены. Особенностью приватизации земли в соответствии с данным Указом было то, что она должна выкупаться по цене, не ниже 5-кратной ставки земельного налога за единицу площади земельного участка (п. 7), а не бесплатно, как было раньше. Объектом продажи становились земельные участки (доли земельных участков), ранее выделенные землепользователям на правах постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения или срочного пользования, в т.ч. аренды. В случае отсутствия документов, подтверждающих указанные права, земельный участок предоставляется в фактических границах, существовавших (существующих): под приватизированным предприятием - на дату утверждения плана приватизации; под зданиями, строениями, сооружениями, помещениями, объектами незавершенного строительства - на дату вступления в силу права собственности на объект недвижимости (п. 3). Завершающим указом в этой серии актов Президента РФ, имеющим своей целью обеспечение оборота земельных участков на рынке недвижимости, был Указ «О продаже гражданам и юридическим лицам предназначенных под застройку земельных участков, расположенных на территориях городских и сельских поселений, или права их аренды» от 26 ноября 1997 г. № 1263 [28]. Из самого названия становится понятным содержание Указа. Он предусматривает проведение торгов (аукционов, конкурсов) по продаже гражданам и юридическим лицам предназначенных под застройку земельных участков, расположенных в черте поселений, или права их аренды (п. 1). Правительству РФ поручено разработать и утвердить Порядок организации и проведения торгов или передачи земельных участков для этих целей в аренду (п. 3). Правительством РФ такой Порядок утвержден Постановлением от 5 января 1998 г. № 2, в редакции Постановлений от 13 августа 1998 г. № 948 и 21 августа 2000 г. № 615 [29].

Анализ истории развития в отечественном праве понятия «земли промышленности» может дать основания для ряда выводов, имеющих не только правовое, но также социально-экономическое и политическое значение.

Впервые в отечественном праве речь о землях, предоставляемых для промышленных нужд, возникает в период позднего феодализма (XVI–

XVII вв.). Это объясняется тем, что именно для данного этапа характерно экстенсивное развитие мануфактурного (ремесленного) производства, когда увеличение выпуска определенных товаров зависит не от качества машин и оборудования, а от их количества, и, соответственно, от размера территории, которую они занимают, т.е. когда производство расширяется экстенсивно.

Кроме этого, на раннем этапе зарождения промышленной деятельности в России предоставление земель для нужд промышленного производства было вызвано необходимостью освоения новых государственных территорий (как следствие, на землепользователя возлагались публичные по сути функции: оборона территории от внешних врагов, поддержание внутреннего общественного порядка, строительство городов, церквей, организация транспортного сообщения), а также потребностью государства в сырье, пополнение государственной казны податями и натуральными поставками по устанавливаемым самим государством ценам. В этом нашла свое проявление объективная историческая потребность в развитии производительных сил. Анализ дореволюционного российского законодательства, а также законодательства советского периода показывает, что земельные отношения длительное время регулировались, исходя из традиционного противопоставления земель, используемых в сельском хозяйстве, и прочих (несельскохозяйственных) территорий. При этом основное внимание уделялось регулированию сельхозземель. Достаточно вспомнить, что вызвавшие в нашей стране наибольший общественный резонанс Крестьянская 1861 г. и Столыпинская реформы начала 20-го века касались исключительно сельскохозяйственных земель. При этом дореволюционное отечественное законодательство не рассматривало земельные участки, предоставляемые для промышленного производства, в качестве особых объектов гражданского права, нуждающихся в специальном правовом регулировании. Земельные участки, предоставляемые для промышленного производства, находились исключительно в государственной собственности, что, в результате, исключало их гражданско-правовой оборот. советский период позволяет сделать вывод о том, что земли промышленности хоть и были законодательно оформлены, но сделано это было для упорядочения управления общегосударственным земельным фондом. Поскольку вся земля находилась в государственной собственности, то земельные участки из земель промышленности были фактически изъяты из гражданского оборота.

Эти размышления дают основания для главного вывода: постепенное и всё более чёткое

выделение в российском земельном законодательстве понятия земель промышленности свидетельствует о поступательном расширении промышленного пространства и перераспределении земельного фонда в пользу несельскохозяйственных видов использования. Тем самым закреплялся переход от преимущественно аграрной структуры землепользования к модели, ориентированной на нужды промышленного и иного производственного освоения территории.

Список литературы:

- [1] Удинцев В. Русское горноземельное право. Киев., 1909. С.77-78,82, 84.
[2] Полное собрание законов Российской Империи. Т.17. № 12659.
[3] Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. М. Юридическая литература, 2001. С.404-405.
[4] Полное собрание законов Российской Империи. Т.23. № 17225.
[5] Полное собрание законов Российской Империи. Т.24. № 18211.
[6] Свод законов Российской Империи. Спб. - 1857. Т. 12. Ч.2.
[7] СУ РСФСР. 1922. № 26. ст.304.
[8] СУ РСФСР. 1919. № 9. ст.87.
[9] СУ РСФСР. 1919. № 4. ст.43.
[10] СУ РСФСР. 1921. № 70. СТ.560.
[11] СУ РСФСР. 1923. № 54. ст.532.
[12] СУ РСФСР. 1925. № 27. ст. 188.
[13] СЗ СССР.1927. № 39. ст.392.
[14] СЗ СССР. 1928. № 69. ст.642.
[15] СП СССР. 1965. № 19/20. ст.155.
[16] Ведомости Верховного совета СССР. - 1968. № 51. ст.485.
[17] Ведомости Верховного совета РСФСР. 1970. № 28, ст.581.
[18] ВНСД СССР и ВС СССР. 1989. № 15. Ст.105.
[19] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета СССР. -1990. № 10. ст. 129.
[20] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РСФСР. - 1991. № 22. СТ.768.
[21] Закон Российской Федерации от 11.10.1991 г. № 1738-1 «О плате за землю» // Российская газета. 30.10.1991.
[22] ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 14. Ст.761.
[23] Пандаков К.Г., Черноморец А.Е. Аграрно-земельная реформа: законодательство, теория, практика. Саратов. - 2004. С. 192.
[24] СЗ РФ. 1994. № 13. Ст.1478.
[25] Хачатуров В.А. К вопросу о правовом обеспечении приватизации земель предприятия // Эколого-правовые и аграрно-правовые проблемы современного периода. Екатеринбург. -

2000. С.53.

[26] Пандаков К.Г., Черноморец А.Е. Аграрно-земельная реформа: законодательство, теория, практика. Саратов, 2004. С. 197.

[27] СЗ РФ, 1997, № 20, СТ.2240,1999, № 45, ст.5418.

[28] СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5546.

[29] СЗ РФ. 1998. № 2. Ст.263, № 33. Ст.4041; 2000. № 35. Ст.3584.

References:

- [1] Udintsev V. Russian mining law. Kyiv., 1909. S.77-78,82, 84.
[2] Complete collection of laws of the Russian Empire. T.17. № 12659.
[3] Legislation by Catherine P. In two volumes. VOL. 2. M. Legal literature, 2001. P.404-405.
[4] Complete collection of laws of the Russian Empire. T.23. № 17225.
[5] Complete collection of laws of the Russian Empire. T.24. № 18211.
[6] Code of Laws of the Russian Empire. Spb. - 1857. VOL. 12. Ch.2.
[7] SU RSFSR. 1922. № 26. Article 304.
[8] SU RSFSR. 1919. № 9. Article 87.
[9] SU RSFSR. 1919. № 4. Article 43.
[10] SU RSFSR. 1921. № 70. ST.560.
[11] SU RSFSR. 1923. № 54. Article 532.
[12] SU RSFSR. 1925. № 27. Art. 188.
[13] SZ SSR.1927. No. 39, Article 392.
[14] USSR NW. 1928. № 69. Article 642.
[15] USSR JV. 1965. № 19/20. Article 155.
[16] Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. - 1968. № 51. Article 485.
[17] Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1970. No. 28, Article 581.
[18] VNSD of the USSR and the USSR Armed Forces. 1989. № 15. Article 105.
[19] Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR. -1990. № 10. Art. 129.
[20] Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the RSFSR. - 1991. № 22. ST.768.
[21] Law of the Russian Federation of 11.10.1991 No. 1738-1 "On Land Payment" // Rossiyskaya Gazeta. 30.10.1991.
[22] VSND RF and RF Armed Forces. 1992. № 14. Article 761.
[23] Pandakov K.G., Chernomorets A.E. Agrarian and land reform: legislation, theory, practice. Saratov. - 2004. S. 192.
[24] NW OF THE RUSSIAN FEDERATION. 1994. № 13. Article 1478.
[25] Khachaturov V.A. On the issue of legal support of land privatization by enterprises //

Ecological-legal and agrarian-legal problems of the modern period. Yekaterinburg. - 2000. S.53.

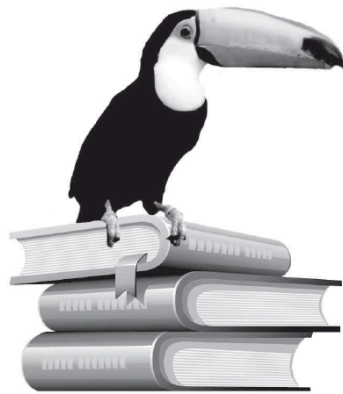
[26] Pandakov K.G., Chernomorets A.E. Agrarian and land reform: legislation, theory, practice. Saratov, 2004. S. 197.

[27] SZ RF, 1997, No. 20, ST.2240, 1999, No. 45,

Article 5418.

[28] NW OF THE RUSSIAN FEDERATION. 1997. № 48. Art. 5546.

[29] NW OF THE RUSSIAN FEDERATION. 1998. № 2. Article 263, No. 33. Article 4041; 2000. № 35. Article 3584.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 25.08.2026.
Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 25.
Тираж 300 экз. Заказ № 69.
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Академик»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.